W 275/1

№ 275
1

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ

У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ МЕДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Е. А. Покровскаго.

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва, Покровка, д. Егорова.
1884.

111691

Фотолитография Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ ЛѢТОМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Попытки собиранія данныхъ для предлежащаго труда.—Помощь Комитета Антропологической выставки.—Моя программа.—Искаженія свѣдѣній о Россіи иностранцами.—Необходимость возстановленія истины путемъ собиранія точныхъ свѣдѣній отъ туземцевъ.—Особенная важность собиранія свѣдѣній объ инородцахъ.—Характеръ моихъ изслѣдованій.—Параллель обычаевъ физическаго воспитанія дѣтей въ Россіи и другихъ странахъ.—Недостатки моего труда.—Благодарность лицамъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ осуществленію моей работы.

Изучая вопросы дѣтской гигіены, по своей профессіи дѣтскаго врача, и въ то же время невольно наталкиваясь на различныя воззрѣнія въ этомъ отношеніи разныхъ народовъ, въ зависимости отъ образа ихъ жизни, культуры, религіи, нравовъ, физическихъ и климатическихъ условій ихъ родины, я давно уже сталъ собирать съ особымъ интересомъ данныя, касающіяся означеннаго предмета, преимущественно въ предѣлахъ Россіи. Съ этою цѣлію я пересмотрѣлъ сначала не мало подходящихъ сюда сочиненій, находящихся въ публичныхъ библіотекахъ Москвы, особенно Румянцевскаго Музея, Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ,[1]) Университетской, Общества Рускихъ Врачей и т. д., обладающихъ большимъ количествомъ книгъ и частію весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій изъ области Археологіи, Исторіи, Этнографіи, Гигіены, Медицины и т. д. Но, къ сожалѣнію, при всей тщательности своихъ изысканій, именно относительно воспитанія дѣтей въ Россіи, я могъ собрать изъ печатныхъ источниковъ лишь только весьма скудный матеріалъ, нуждавшійся въ громадномъ пополненіи.

Въ 1878-мъ году Комитетъ Московской Антропологической выставки, устраивавшейся тогда, оказалъ мнѣ величайшую и весьма лестную для меня честь, предложивши принять участіе въ медицинскомъ отдѣлѣ своей выставки. Теряясь въ возможности служить съ пользою дѣлу, для котораго меня приглашали, я тѣмъ не менѣе предложилъ на обсужденіе Комитета программу собиранія свѣдѣній и предметовъ по первоначальному физическому воспитанію дѣтей у разныхъ русскихъ народовъ—иначе говоря, собиранія данныхъ такого рода, которыя, относясь прямо къ моей спеціальности, въ то же время могли быть не безинтересными и для антропологовъ. Заявленіе свое я между прочимъ мотивировалъ Комитету слѣдующими соображеніями:

«Одна изъ главнѣйшихъ задачъ Антропологіи состоитъ въ сравнительномъ изученіи анатомическихъ и физіологическихъ особенностей человѣка въ отношеніяхъ—племенномъ, расовомъ и археолого-историческомъ. Особености эти, какъ извѣстно, вырабатывались и въ настящее время вырабатываются тѣми исключительными условіями, при которыхъ жилъ и живетъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ условій между прочимъ играетъ не малую роль колыбельная жизнь ребенка въ широкомъ значеніи этого слова. Различные способы ухода за дитятей, начиная съ утробной жизни, первоначальная обстановка его при рожденіи, омовеніе, пеленаніе, послѣдующая за тѣмъ фабрикація различныхъ членовъ во вкусѣ племени, укладываніе въ постели, одѣваніе, питаніе, пріученіе къ сидѣнію, ходьбѣ и пр. по заведеннымъ изстари обычаямъ, безспорно имѣютъ не малое вліяніе на физическія особенности народа и кладутъ на немъ свою рѣзкую печать, подобно тому, какъ это оказываютъ съ своей стороны климатъ, образъ жизни, племенной подборъ» и т. п.

Первое систематическое, наиболѣе подходящее къ только что изложенной цѣли и единственное до сихъ поръ въ Европѣ изслѣдованіе, притомъ отличающееся наибольшею полнотою и законченностію, конечно принадлежитъ Плоссу[1]). Въ сочиненіяхъ его, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ патріотическаго направленія нѣмецкаго автора, наиболѣе обработанная часть труда посвящена описанію

[1]) Считаю долгомъ принести здѣсь свою глубокую благодарность г. директору этого Архива, Барону Ѳ. А. Бюлеръ, за его въ высокой степени любезное и обязательное содѣйствіе относительно пользованія книгами завѣдуемой имъ библіотеки.

[1]) Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, Anthropologische Studien. D-r Hermann Heinrich Ploss. In zwei Bänden. 1876. Такое же сочиненіе того же автора, значительно умноженное, издано вторымъ изданіемъ 1882 г. Наконецъ того же автора нѣсколько главъ изъ послѣдняго изданія выпущеннаго отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ Das klein Kind vom Tragbett bis zum ersten Schritt.

обычаевъ Германскаго народа. Матеріалъ, собранный имъ по отношенію къ другимъ народамъ, вообще значителенъ; но онъ уже не такъ цѣленъ, а потому отечественные изслѣдователи другихъ странъ обязаны уже сами позаботиться о параллельномъ собираніи матеріала касающагося изложеннаго вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, на ихъ же обязанности лежитъ выработать и наиболѣе точныя сужденія касательно вліянія колыбельной жизни, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя особенности своего народа, а также опредѣленнѣе и обстоятельнѣе разсмотрѣть самую генетическую связь обычаевъ, подмѣченныхъ въ этомъ отношеніи, съ аналогичными обычаями другихъ народовъ, притомъ иногда жившихъ въ разныя времена.

Относительно Россіи я впервые взялъ на себя трудъ собиранія данныхъ съ означенною цѣлію; въ видахъ же наибольшаго успѣха своей работы, я считалъ между прочимъ полезнымъ распространить въ Россіи отъ имени Комитета упомянутой выставки предложенную ему мною программу.

Къ величайшему моему удовольствію, Комитетъ не только одобрительно отнесся къ этой программѣ, но для успѣшнаго собиранія данныхъ по ней указалъ и предложилъ мнѣ въ помощь всѣ свои добрыя и громадныя связи съ различными уголками Россіи, всѣ свои вліянія, какія и гдѣ были нужны и наконецъ для лучшаго осуществленія моей цѣли представилъ въ мое распоряженіе достаточную денежную сумму. Заручившись такимъ надежнымъ и реальнымъ содѣйствіемъ Комитета, я затѣмъ напечаталъ въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ свою программу для собиранія желаемыхъ свѣдѣній, разослалъ экземпляры эти въ губернскіе статистическіе комитеты, редакціи губернскихъ и эпархіальныхъ вѣдомостей, прося ихъ въ свою очередь распространить оттиски моихъ программъ между наиболѣе сочувствующими и могущими быть полезными дѣлу уѣздными и земскими врачами, сельскими священниками, народными учителями и т. п. Я обратилъ особенное вниманіе на означенныхъ лицъ, какъ стоящихъ ближе всего къ источникамъ того матеріала, который былъ мнѣ нуженъ и кромѣ того какъ на людей наиболѣе добросовѣстныхъ въ доставленіи свѣдѣній, какъ показалъ опытъ. Благодаря обязательнымъ отвѣтамъ многихъ таковыхъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ и мѣстечекъ, сколько нибудь замѣчательныхъ по своей оригинальности, мнѣ удалось, наконецъ, собрать солидное количество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, а именно болѣе 800 [1]), кромѣ того болѣе 200 весьма оригинальныхъ предметовъ, употребляемыхъ при воспитаніи дѣтей [1]). Всѣмъ этимъ матеріаломъ я теперь и пользуюсь для своей работы.

Матеріалъ свѣжій, изъ первыхъ рукъ, наиболѣе полный и достовѣрный тѣмъ болѣе необходимъ былъ для моей цѣли, что наши отечественныя сочиненія, касающіяся поставленнаго вопроса, нетолько не богаты свѣдѣніями, но еще не рѣдко не особенно обстоятельны въ изложеніи ихъ; поэтому въ нихъ по временамъ попадается не мало данныхъ весьма сомнительнаго достоинства, не согласныхъ ни съ понятіями, ни съ характеромъ нашего народа—и попавшихъ въ печать, очевидно, по какой-то случайной необдуманности. Подобнаго рода свѣдѣнія, занесенныя потомъ на страницы заграничныхъ изданій и затѣмъ прошедши еще богатую область фантазіи иностранцевъ, давали и нерѣдко до сихъ поръ даютъ о Россіи самыя невѣроятныя, почти чудовищныя представленія, которыя тѣмъ не менѣе ничѣмъ нельзя опровергнуть, такъ какъ подъ рукой нѣтъ обстоятельныхъ и авторитетныхъ этнографическихъ сборниковъ. Чтобы показать, какъ иногда безцеремонно европейцы трактуютъ о Россіи, позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ. Извѣстный авантюристъ и путешественникъ прошлаго вѣка, исколесившій всю Европу, видѣвшій и испытавшій на своемъ вѣку весьма многое и многое записавшій въ своихъ оригинальныхъ мемуарахъ, Венеціанецъ Казанова [2]), между прочимъ путешествовалъ по Россіи въ 1765—66-мъ годахъ, гдѣ видѣлъ Богоявленское Водосвятіе въ Петербургѣ и описалъ его такимъ образомъ: «Присутствовалъ я зимою въ день Богоявленія, при особенномъ обрядѣ: я хочу сказать при водосвятіи на рѣкѣ Невѣ, покрытой въ это время толстымъ слоемъ льда. Церемонія эта привлекаетъ бездну народа, ибо послѣ водосвятія крестятъ въ рѣкѣ новорожденныхъ и не посредствомъ обливанія, а черезъ погруженіе нагихъ младенцевъ въ прорубь на льду; случилось въ тотъ день, что попъ, совершавшій крещеніе, старикъ съ бѣлою бородою и трясущимися руками, уронилъ одного изъ этихъ бѣдныхъ малютокъ въ воду и ребенокъ утонулъ. Встревоженные богомольцы приступили съ вопросомъ, что значитъ такое предзнаменованіе? «А это значитъ—отвѣчалъ съ важностію попъ,—это значитъ... вотъ что... подавайте мнѣ другаго!»—Болѣе всего удивила меня радость родителей бѣдной жертвы. «Потерять жизнь при самомъ крещеніи, — говорили они въ восторгѣ, —

[1]) Всѣ эти *подлинныя* свѣдѣнія сданы мною въ библіотеку Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

[1]) Всѣ эти предметы находятся въ настоящее время въ Моск. Политех. Музеѣ, на Лубянкѣ, составляя особый отдѣлъ подъ названіемъ „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ“.

[2]) Записки Венеціанца Казанова о пребываніи его въ Россіи 1765—1766 г. Сообщ. Д. Д. Рябининъ.—Русская старина 1874 г. Мартъ, стр. 543.

значитъ прямо войти въ рай!» Нелѣпость этого сказанія съ начала до конца видна сама собою.

По отношенію къ физическому воспитанію дѣтей, между нѣкоторыми курьезами, разсказанными въ книгахъ Плосса, относительно нѣкоторыхъобычаевъ Россіи,—въ книгахъ вообще, весьма почтенныхъ, находимъ, напр., такое мѣсто: «первобытная колыбель русскихъ мужиковъ Саратовской губерніи,которую описываетъ мнѣ одинъ мой пріятель, состоитъ изъ деревянной (висячей) рамки, на которую натягиваютъ грубый холстъ, на который кладутъ ребенка... Когда ребенокъ мочится (разумѣется въ этой колыбели), то жидкость, протекая черезъ холстъ, стекаетъ прямо на полъ *въ сдѣланное посреди избы углубленіе, отъ чего конечно образуется лужа, въ которой плещутся утки*» [1]). Неужели референтъ въ самомъ дѣлѣ могъ серьезно подумать, что русскій ребенокъ, вопреки всѣмъ законамъ физіологіи, до того изобилуетъ мочей, что въ состояніи образовать изъ нея чуть ли не цѣлое озеро?!...

Конечно въ Европѣ есть не мало добросовѣстныхъ изслѣдователей чужихъ странъ, каковы напр. братья Левингстоны, Беккеръ, Бартъ, Фогель и имъ подобные, но тѣмъ не менѣе иностранная публика нерѣдко принимаетъ за чистую монету и сказанія другихъ авторовъ, претендующихъ также на точность своихъ изслѣдованій.

Нѣтъ словъ, что между обычаями разнообразныхъ обитателей Россіи есть много крайне оригинальнаго, поразительнаго для Европейца, точно также какъ не менѣе удивительнаго и для цивилизованной части русскаго населенія; нѣтъ словъ, что многіе изъ этихъ своеобразныхъ обычаевъ не дѣлаютъ чести культурному развитію тѣхъ племенъ Россіи, которыя придерживаются таковыхъ обычаевъ; но тѣмъ не менѣе въ видахъ истины и точности описаній слѣдуетъ не фантазировать надъ ними, а напротивъ представлять такъ, какъ они есть и что, конечно, можетъ удасться только при безпристрастномъ собираніи свѣдѣній туземцами. Задаваясь предлежащимъ трудомъ, я между прочимъ имѣлъ въ виду выполнить только что указанный пробѣлъ по отношенію къ первоначальному физическому воспитанію дѣтей въ Россіи, которая, кстати сказать, раскинувшись по разнымъ частямъ свѣта, разнымъ широтамъ и долготамъ и заключая въ себѣ массы разнообразныхъ племенъ, для всякаго гигіеническаго и антропологическаго изслѣдованія представляетъ богатаго и оригинальнаго матеріала едва ли не болѣе, чѣмъ всякое другое государство на свѣтѣ.

Что касается инородческихъ обитателей Россіи, то свѣдѣнія, собираемыя относительно обычаевъ ихъ, кромѣ оригинальности послѣднихъ, представляютъ еще тотъ интересъ, что, можетъ быть, уже не въ далекомъ будущемъ онѣ будутъ составлять лишь одно историческое значеніе; потому что современные русскіе дѣятели, вступающіе въ сношеніе съ этими инородцами, на ряду съ нѣкоторыми благами цивилизаціи вносятъ къ нимъ не малую долю и грѣховъ послѣдней, дѣйствующихъ на нихъ весьма гибельно; съ другой-же стороны благодаря тому обстоятельству, что упомянутые насадители цивилизаціи всюду захватываютъ въ свои руки все большее и большее количество тѣхъ земель и богатствъ природы, которыми до сихъ поръ инородцы пользовались, жизнь ихъ при такихъ условіяхъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе затруднительною, и вотъ въ виду всего этого-то, русскіе этнографы говорятъ, что среди многихъ русскихъ, полудикихъ инородцевъ въ настоящее время замѣчается постепенная убыль въ численности и при описаніи ихъ бытописатели нерѣдко сами чувствуютъ, что пишутъ какъ-бы некрологъ ихъ.

Понятіе о колыбельной жизни обыкновенно соединяетъ съ собою представленіе о самомъ раннемъ возрастѣ дитяти, нуждающемся въ помощи и уходѣ за нимъ. Эта жизнь начинается съ момента появленія ребенка на свѣтъ и оказывается по мѣрѣ обнаруженія достаточно окрѣпшихъ физическихъ силъ его. Изученіе дѣтской жизни въ этомъ возрастѣ съ гигіенически-антропологической точки зрѣнія главнымъ образомъ я и имѣлъ въ виду хотя мѣстами, смотря по постановкѣ вопросовъ, касался обычаевъ воспитанія и въ другихъ возрастахъ. Впрочемъ и при установленіи только что изложенной точки зрѣнія все таки необходимо опредѣлить еще болѣе точныя границы для изученія разсматриваемаго предмета. Такъ Плоссъ въ своихъ антропологическихъ этюдахъ, между прочимъ, тщательно собиралъ и все то, что касалось разныхъ предразсудковъ, символическихъ знаковъ, заклинаній, церемоній и тому подобныхъ обычаевъ при воспитаніи дѣтей, имѣющихъ лишь этнографическій характеръ, указывающій на ту или другую степень развитія даннаго народа, но часто совсѣмъ не имѣющій вліянія на физическое развитіе ребенка.

Въ своей работѣ я задался, наоборотъ, собраніемъ такихъ фактовъ, которые имѣютъ цѣлію главнымъ образомъ показать вліяніе извѣстныхъ пріемовъ воспитанія на физическое развитіе дитяти въ раннемъ возрастѣ, когда всякое насиліе оставляетъ особенно рѣзкій слѣдъ. Въ этомъ отношеніи характеръ моей работы имѣетъ очевидную разницу отъ этюдовъ Плосса, сохраняя за собою преимущественно ту точку зрѣнія, которая

[1]) Ploss. l. c. B. 11. S. 59 Тотъ же курьезъ Ploss повторяетъ въ другой своей книгѣ: Das kleine Kind S. 76, и во второмъ изданіи Das Kind in Brauch etc., Dritter Halbband. S. 97.

наиболѣе свойственна врачамъ-гигіенистамъ и антропологамъ.

Для того же, чтобы излагаемые мною факты были достаточно понятны каждому читателю съ той именно точки зрѣнія, съ которой мнѣ хотѣлось освѣтить ихъ, я, обыкновенно, изложенію извѣстной группы фактовъ или извѣстной главы предпосылалъ или сопровождалъ это изложеніе параллельными краткими указаніями на ту норму условій, при которыхъ, преимущественно по современнымъ понятіямъ науки, въ самомъ дѣлѣ долженъ бы былъ существовать ребенокъ, пользующійся правильнымъ уходомъ. Вводя въ свою книгу эти краткія и уже выработанныя научныя положенія изъ области гигіены, анатоміи и физіологіи дѣтскаго возраста, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ въ виду съ одной стороны съ большею рельефностію оттѣнить и объяснить разнообразіе въ обычаяхъ ухода за дѣтьми у разныхъ народовъ примитивной культуры, со всею грубостію и безразсудствомъ этого ухода, и съ другой стороны съ помощію всего этого богатаго и объясненнаго матеріала съ большимъ правомъ осуждать массу недосмыслія и тому подобныхъ традицій, которыя встрѣчаются еще и теперь у многихъ культурныхъ народовъ, напоминая собою во многомъ обычаи некультурныхъ дикарей. При такомъ способѣ изложенія, полагаемъ, что книга наша, имѣя въ виду главнымъ образомъ научное изслѣдованіе вопроса о физическомъ воспитаніи дѣтей съ медико-антропологической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе можетъ служить не безполезнымъ руководствомъ и для тѣхъ матерей, которыя не совѣмъ равнодушно относятся къ вопросамъ воспитанія дѣтей своихъ вообще, и особенно согласно выработаннымъ на этотъ предметъ воззрѣніямъ въ наукѣ.

При собираніи данныхъ для своего изслѣдованія, я главнымъ образомъ заботился о пріобрѣтеніи возможно большаго количества фактовъ изъ жизни разныхъ племенъ Россіи и только отчасти и притомъ въ параллель имъ присоединялъ къ ряду своихъ изслѣдованій факты изъ жизни племенъ другихъ государствъ и странъ свѣта, чтобы такимъ образомъ съ одной стороны лучше оттѣнить при помощи ихъ національные обычаи, а съ другой, чтобы кстати познакомить русскую публику съ обычаями физическаго воспитанія дѣтей, практикуемыми у другихъ народовъ. Такимъ образомъ характеръ моего изслѣдованія въ сущности остается почти исключительно національнымъ.

Кромѣ того, чтобы изложеніе, особенно при описаніи нѣкоторыхъ обычаевъ и снарядовъ, практикующихся при уходѣ за дѣтьми, представлялось возможно яснѣе, я позаботился снабдить свою книгу не малымъ количествомъ рисунковъ и тремя раскрашенными картинами, касающимися наиболѣе характерныхъ сторонъ воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ Россіи.

Затѣмъ, по обычаю всѣхъ начинающихъ въ какой бы то ни было области и по свойству самаго труда начинающихъ, обыкновенно не отличающагося ни безукоризненною полнотою и точностію, ни надлежащею обработкою фактовъ, я считаю долгомъ сказать, что не смотря на массу и разнообразіе матеріала, служившаго моей цѣли, я все-таки самъ первый не могу не признать большихъ пробѣловъ въ своей книгѣ. Особенно я долженъ признаться, что трудъ мой скуденъ выводами. Во многихъ мѣстахъ, правда, они сквозятъ сами собою, очевидны для читателя и сами собою просятся на фактическое признаніе; но тѣмъ не менѣе, чтобы получить послѣднее право, они должны быть провѣрены, можетъ быть, съ нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напр. въ археологическомъ, историческомъ, анатомическомъ, физіологическомъ и тому подобныхъ отношеніяхъ, на что конечно нужно еще не мало времени, настойчивыхъ и содружественныхъ силъ, а пока собранное мною должно по необходимости быть причисленнымъ къ категоріи матеріаловъ, только до нѣкоторой степени подвергнутыхъ посильной, научной обработкѣ.

Въ заключеніе считаю себя обязаннымъ выразить свою искреннюю и глубокую признательность нѣкоторымъ лицамъ, наиболѣе оказавшимъ содѣйствія въ осуществленіи моей цѣли, доведенной теперь до конца. Прежде всего считаю пріятнымъ для себя долгомъ глубоко благодарить г. предсѣдателя Антропологической выставки, проф. А. П. Богданова, за его въ высшей степени доброе и сочувственное отношеніе къ моей программѣ, за направленіе ея на прочный путь своими опытными, полезными совѣтами, за содѣйствіе къ практическому осуществленію ея своимъ авторитетнымъ вліяніемъ и наконецъ за иниціативу изданія моего труда на средства Общества любителей Естествознанія.

Трудъ мой законченъ былъ еще два года тому назадъ. Нѣкоторые рефераты изъ него, дѣланные мною по временамъ въ различныхъ Обществахъ, равно какъ описаніе нѣкоторыхъ предметовъ физическаго воспитанія, представленное мною ко времени антропологической выставки, обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ корреспондентовъ и авторовъ, удостоились лестнаго отзыва ихъ и частію даже вошли въ сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ оригинальные антропологическо-этнографическіе факты. Безъ сомнѣнія, мнѣ не мало пришлось пожалѣть о томъ, что не мнѣ первому суждено было сообщить, по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ, печатно, но, къ сожалѣнію, другаго исхода не было: я не рѣшался безъ участія въ дѣлѣ Общества, отъ

имени котораго собиралъ данныя для своего труда, приступить къ изданію его лишъ отъ своего имени, а между тѣмъ Общество въ теченіе послѣдняго времени само находилось въ затруднительномъ финансовомъ положеніи. Весной 1883 года заслуженный профессоръ Московскаго Университета, А. П. Разцвѣтовъ, сочувствуя полезной дѣятельности Общества любителей Естествознанія, Этнографіи и Антропологіи, особенно по части изданія имъ спеціальныхъ сочиненій, внесъ на этотъ предметъ въ кассу Общества немалую сумму, благодаря которой и я получилъ возможность видѣть свой трудъ печатаннымъ и изданнымъ такъ богато, какъ самъ я, можетъ быть, никогда бы не рѣшился издать его на собственныя средства. За такое высоко просвѣщенное содѣйствіе глубокоуважаемаго профессора къ напечатанію моего труда, считаю своею обязанностію выразить ему свою искреннюю и глубокую благодарность.

Затѣмъ, глубоко благодарю главнаго Редактора Кавказскаго Статистическаго Комитета Н. К. Зейдлицъ, доставившаго мнѣ не мало вещей, касающихся физическаго воспитанія дѣтей разныхъ инородцевъ, живущихъ на Кавказѣ и, кромѣ того, еще около 60 весьма обстоятельныхъ и интересныхъ свѣдѣній по тому же предмету изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, отличающагося, какъ извѣстно, большимъ разнообразіемъ обычаевъ населяющихъ его племенъ; далѣе глубоко благодарю гг. Секретарей Статистическихъ Комитетовъ: Н. А. Спасскаго, доставившаго мнѣ изъ Вятской губерніи 285 свѣдѣній, Е. И. Гасабова, доставившаго мнѣ 138 свѣдѣній и болѣе 50 предметовъ по физическому воспитанію дѣтей изъ Пермской губерніи; далѣе глубоко благодарю князя Кострова изъ Томска; А. И. Петрова изъ Красноярска; К. М. Голодникова изъ Тобольска; Н. Н. Айгустова изъ Якутска; Г. Гацисскаго изъ Нижняго Новгорода; К. С. Щукина изъ Житомира, П. А. Гурвича изъ Уфы, доктора Эліашевича изъ Иркутска, Профессора Д. Я. Самоквасова изъ Варшавы, Профессора Штида изъ Дерпта, и многихъ другихъ, доставившихъ мнѣ болѣе или менѣе значительное количество свѣдѣній и вещей, послужившихъ основою для моего настоящаго труда.

ГЛАВА I.

ЗАБОТЫ ОБЪ ОХРАНѢ И РАЗВИТІИ ПЛОДА.

Передача особенностей вида потомству.—Интересъ этого вопроса.—Наблюденія изъ царства животныхъ.—Пангенезисъ Дарвина.—Приложеніе его къ практикѣ.—Положительныя знанія науки касательно законовъ наслѣдственности.—Отношенія мужчины и женщины въ дикомъ состояніи.—Рабство женщины въ бракѣ.—Кровосмѣсительные, ранніе и поздніе браки.—Жена, какъ собственность мужа.—Сожиганіе вдовъ.—Многоженство, Наложничество, Гинейкократія, Поліандрія.—Слѣдствія изложеннаго.—Воззрѣнія на бракъ въ гражданскомъ быту древнихъ народовъ.—Вліяніе христіанства.—Аскетизмъ первыхъ временъ христіанства.—Реформація.—Соціальный бытъ современныхъ народовъ.—Японскій поясъ для беременныхъ.—Отношенія къ женщинѣ древнихъ Славянъ.—Домострой.—Терема.—Русское законодательство относительно браковъ.—Отношеніе къ беременной въ старину и теперь въ Россіи.—Отношеніе къ беременной у инородцевъ Россіи.—Заключеніе главы.

Рожденіе человѣка и животныхъ до сихъ поръ составляетъ одну изъ темнѣйшихъ сторонъ физіологіи, потому что, строго говоря, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ точно опредѣленныхъ данныхъ о закопахъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается оплодотвореніе и происходитъ передача нравственныхъ и физическихъ качествъ потомству, равно какъ и развитіе послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти вопросы представляются одними изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ въ физіологіи и антропологіи, потому что знаніе ихъ не только могло бы расширить наши научныя свѣдѣнія объ успѣхахъ дѣторожденія въ животномъ царствѣ вообще, но кромѣ того близкое знакомство съ ними въ высокой степени важно было бы въ смыслѣ приложенія ихъ къ успѣшному населенію человѣческаго общества. Интересъ этихъ вопросовъ, конечно, не могъ остаться незамѣченнымъ людьми науки, которыми поэтому собрано было для разъясненія ихъ немалое количество данныхъ. Первымъ и самымъ огромнымъ матеріаломъ для разъясненія этихъ вопросовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, давно уже служили наблюденія сельскихъ хозяевъ надъ результатами разведенія домашнихъ животныхъ. Благодаря этому раннему знакомству сельскихъ хозяевъ съ означеннымъ вопросомъ, въ настоящее время уже всякій скотоводъ знаетъ, что если, напр., выбирать между домашними животными производителей большаго роста, то можно вывести породу, отличающуюся большими размѣрами. Другимъ скотоводамъ, болѣе спеціально занимающимся стадомъ, особенно въ Англіи, кромѣ того извѣстно, что при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ наслѣдственнымъ образомъ могутъ передаваться тѣ или другіе размѣры головы, шеи и остальныхъ частей тѣла. Такимъ образомъ скотоводы въ этомъ случаѣ отчасти пользуются своими животными, какъ бы пластическимъ матеріаломъ, изъ котораго по желанію могутъ создавать себѣ предначертанную форму.

Переходя отъ этихъ наблюденій въ міръ человѣческій, конечно, нельзя отвергать того, чтобы законы наслѣдственности были здѣсь менѣе приложимы, тѣмъ болѣе, что, не говоря уже о множествѣ историческихъ фактовъ, ежедневный опытъ убѣждаетъ каждаго въ томъ, что многія отличительныя черты родителей весьма нерѣдко передаются ихъ дѣтямъ. Путь для этой передачи Дарвинъ видитъ въ своей гипотезѣ *пангенезиса*, которая гласитъ, что каждая клѣточка тѣла производитъ изъ себя зародыши, или неразвившіеся атомы, которые передаются вмѣстѣ съ производительною половою жидкостію потомству обоихъ половъ и которые затѣмъ размножаются дѣленіемъ. Принимая эту гипотезу, мы въ самомъ дѣлѣ можемъ многое уяснить себѣ въ ряду условій наслѣдственности. Но рождается вопросъ: на сколько, въ самомъ дѣлѣ, вѣрна эта гипотеза? Нѣтъ сомнѣнія, что она отличается большою смѣлостію взгляда; тѣмъ не менѣе пока еще дѣло будущаго произнести надъ ней свой безпристрастный судъ. До тѣхъ же поръ и особенно въ дѣлѣ приложенія нашихъ знаній на практикѣ, мы все-таки по необходимости должны будемъ довольствоваться пока лишь существующими фактами и наблюденіями, относительно достоинства которыхъ, къ сожалѣнію, слѣдуетъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ они представляютъ характеръ лишь простыхъ сравнительныхъ наблюденій и при томъ не рѣдко противорѣча-

щихъ между собою, а потому и самый фактъ наслѣдственности во многихъ частностяхъ представляется намъ весьма темнымъ.

Дарвинъ показалъ на массѣ примѣровъ, какъ упорно наслѣдуются различныя свойства родителей ихъ потомствомъ; но въ то же время, по его словамъ, извѣстное число индивидуумовъ, происшедшихъ отъ тѣхъ же родителей и при тѣхъ же условіяхъ, лишено этой силы передачи и притомъ безъ всякой видимой причины. [1]) «Такимъ образомъ,—говоритъ Дарвинъ,—мы дошли до того, что смотримъ на наслѣдственность, какъ на правило, а на ненаслѣдственность, какъ на аномалію. Однако сила эта въ нашемъ незнаніи кажется намъ какою-то капризною.» [2])—«Конечно, можетъ-ли быть что нибудь удивительнѣе того обстоятельства, говоритъ Дарвинъ,—что мужскіе и женскіе половые элементы, что почки и даже взрослыя животныя удерживаютъ въ продолженіе многихъ поколѣній, въ случаѣ скрещенныхъ породъ, и въ продолженіе тысячъ поколѣній въ чистыхъ породахъ признаки, какъ бы написанные невидимыми чернилами, но готовые проявиться подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій. Но въ чемъ именно состоятъ эти условія, этого мы, въ большей части случаевъ, не знаемъ вовсе» [3]). Отсюда само собой понятно, что всѣ факты, сюда относящіеся, при всей ихъ цѣнности, пока еще однако не могутъ имѣть желаемаго вѣса въ строгой наукѣ, которая, кромѣ того, для надлежащаго разъясненія поставленнаго вопроса считаетъ существенно необходимымъ возможно обстоятельное изслѣдованіе зависимости свойствъ тѣла отъ развитія самаго зародыша и условій этого развитія. Такая постановка вопроса, несмотря на весь интересъ его, поневолѣ до сихъ поръ оставляетъ его открытымъ въ существенныхъ чертахъ и заставляетъ насъ пока довольствоваться лишь относительно скудными положеніями, извлекаемыми изъ приведенныхъ фактовъ, хотя, правда, иногда и съ большею долею вѣроятія. Такъ, изъ этихъ наблюденій мы прежде всего знаемъ, что для зачатія и развитія плода мужчина и женщина одинаково необходимы, какъ зерно и почва необходимы другъ для друга при развитіи какого бы то ни было плода. Но какъ въ природѣ каждое зерно даетъ тѣмъ лучшій ростъ и плодъ, чѣмъ лучше оно само по себѣ, чѣмъ лучше почва, на которую оно падаетъ и чѣмъ благопріятнѣе условія для его произрастанія; такъ и человѣческій зародышъ развивается тѣмъ лучше, чѣмъ благопріятнѣе условія для этого развитія съ самаго момента оплодотворенія. Далѣе, изъ тѣхъ же наблюденій мы знаемъ, что на результаты зачатія и судьбы будущаго плода оказываютъ большое вліяніе физическія свойства народности и поколѣнія, къ которому принадлежатъ родители, особая ихъ индивидуальность и болѣзненность, равно какъ и многія другія обстоятельства, дѣйствовавшія не задолго до зачатія и даже во время его. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, зачатый и выношенный плодъ какъ бы роковымъ образомъ является на свѣтъ Божій въ одно время бѣлокурымъ европейцемъ, въ другое чернымъ негромъ, мужчиною или женщиною, геніемъ или идіотомъ, похожимъ на отца, мать или кого-либо изъ своихъ предковъ, здоровымъ, хилымъ, сразу унаслѣдовавшимъ отъ предшествовавшихъ поколѣній извѣстнаго рода расположенія, болѣзни и т. д. Вотъ тѣ скромныя свѣдѣнія, которыми въ общихъ чертахъ пока владѣетъ наука по части своего изученія законовъ наслѣдственности.

Пока человѣкъ находился на низкой степени своего развитія, то конечно онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вліяніи на плодъ даже только что упомянутыхъ условій, ни мало не интересовался ими, а отношенія его къ другому полу носили на себѣ характеръ лишь половыхъ влеченій, т. е. какъ самца къ самкѣ. Такъ живутъ и до сихъ поръ еще нѣкоторые *Папуасы* въ сѣверной Австраліи. Здѣсь, говорятъ, можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужскихъ обществъ. Весною половой инстинктъ пробуждается и самцы начинаютъ гоняться за самками; дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ скоротечныхъ связей, матери выкармливаютъ грудью и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ ихъ изъ своего общества. Легенды сохранили преданія о подобномъ отношеніи половъ у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, напр. у *Троглодитовъ*, *Китайцевъ*, *Перуанцевъ* [1]) и т. д. Извѣстный русскій путешественникъ, Миклуха-Маклай, во время путешествія своего по Малайскому полуострову въ 1874 г. у верховьевъ рѣки Паханъ, страны, до сихъ поръ еще непосѣщавшейся ни однимъ европейцемъ, встрѣтилъ чистокровное меланезійское племя примитивныхъ дикарей, называемыхъ здѣсь *Орангсакай*, у которыхъ до сихъ поръ существуютъ остатки, такъ называемаго, общиннаго брака, въ силу котораго женщины переходятъ постепенно, въ извѣстномъ порядкѣ и чрезъ нѣкоторые промежутки времени отъ одного мужчины къ другому, не становясь исключительною принадлежностію кого нибудь одного, причемъ дѣти остаются при матери, и отца не знаютъ [2]).

---

[1]) Дарвинъ: Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія, Русс. перев. 1868 г. Т. II стр. 28.

[2]) Ibid. стр. 25.

[3]) Дарвинъ. Ibid. стр. 87.

[1]) Шашковъ. Историческія судьбы женщины 1872 г. стр. 3.

[2]) Чтеніе въ С. Петербургскомъ Географическомъ Обществѣ 6-го Окт. 1882 г.

Бывали, однако случаи,—какъ они и до сихъ поръ безпрестанно повторяются у многихъ дикихъ народовъ, когда мужчина, какъ болѣе сильный, увлекаетъ силой въ свое жилище женщину. Случаи эти особенно часто представляются во время борьбы и войны племенъ. И въ такомъ случаѣ женщина, очевидно, прямо поступаетъ въ неволю и становится рабынею мужа.

Затѣмъ дикарь, выйдя изъ совершенно животнаго состоянія, начинаетъ чувствовать нужду въ работницѣ и помощницѣ для успѣшнаго веденія своего, хотя и не обширнаго хозяйства и такимъ образомъ мало по малу возникаетъ бракъ дикаря, совершенно своеобразный, бракъ деспота съ рабою, чтобы чрезъ то, можетъ быть еще прочнѣе, закрѣпить за собой свою женскую половину.

Но какихъ же можно ожидать послѣдствій отъ такого брака? Мы знаемъ изъ исторіи и описанія нравовъ современныхъ дикарей, что тамъ, гдѣ женщина находится въ такомъ положеніи въ семьѣ дикаря, тамъ она поневолѣ непосильно работаетъ, а вслѣдствіе того рано и быстро истощаетъ свои силы, конечнымъ результатомъ чего является сначала позднее физическое развитіе ея, за тѣмъ уменьшенная плодовитость и преждевременная старость. Боррау, описывая жестокое обращеніе лѣнивыхъ Буровъ съ Готтентотами, говоритъ, что «у нихъ (Готтентотовъ), рѣдко бываетъ болѣе двухъ или трехъ дѣтей и многія женщины безплодны». Чтобы однако осязательнѣе показать, что вслѣдствіе усиленной физической работы женщина дѣйствительно становится менѣе плодовитою, приведемъ нѣсколько болѣе контролированныхъ примѣровъ изъ жизни европейскихъ народовъ. Де-Буамонъ во Франціи и д-ръ Чукицъ въ Австріи показали обширными статистическими сравненіями, что женщины рабочаго класса годомъ позже достигаютъ половой зрѣлости, чѣмъ женщины средняго класса, и хотя несомнѣнно, что это запаздываніе отчасти зависитъ отъ худшаго питанія, ясно однако, что отчасти оно зависитъ и отъ большей мышечной траты.[1]) Фактъ поздняго появленія менструацій у крестьянскихъ дѣвушекъ сравнительно съ городскими и особенно достаточныхъ классовъ, на основаніи довольно многочисленныхъ данныхъ, замѣченъ также русскими врачами, напр. В. Н. Бензенгромъ [2]) для района Московской губерніи, В. И. Смидовичемъ [3]) для Тульской губерніи, и т. д. Объясненіе этого факта вѣроятнѣе всего слѣдуетъ поставить въ связь также съ относительно меньшей мышечной работой городской дѣвушки и сравнительно большею—деревенской.

При враждѣ племенъ и семействъ, такъ обыкновенныхъ у дикарей, не всегда однако было легко достать женщину изъ чужой семьи, а потому нерѣдко возникали такъ часто еще и теперь встрѣчающіеся у дикарей кровосмѣсительные браки между ближайшими родственниками, живущими въ одномъ шалашѣ, равно какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ малое число людей уединялось либо мѣстомъ, либо обычаями. Общества, уединенныя мѣстомъ, находятся, напр., въ горахъ, на одинокихъ островахъ и т. д. Въ другихъ случаяхъ такіе острова, такъ сказать, нравственные, составляютъ племенная гордость, религіозное предубѣжденіе и т. д. Всѣ эти обстоятельства и условія составляли и до сихъ поръ составляютъ поводы для нравственныхъ браковъ и сожитій.

Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что древніе *Ассирійцы* и *Персы* женились на родныхъ матеряхъ, а *Египтяне* на сестрахъ. Еврейскія хроники разсказываютъ не только о первобытныхъ бракахъ между братьями и сестрами, но даже о связи отцовъ съ дочерьми. Въ сагахъ *Перуанцевъ*, *Грековъ* и многихъ другихъ народовъ первобытный бракъ часто является также въ формѣ упомянутаго кровосмѣшенія. Наши *Цыгане* нерѣдко и до сихъ поръ живутъ между собою безъ различія и дѣти принадлежатъ не лицамъ, а шайкѣ, всегда составленной изъ немногихъ лицъ. Тоже самое дѣлается въ Мингреліи, въ Цейлонѣ, а гдѣ существуетъ многоженство, тамъ никто не мѣшаетъ мужчинѣ имѣть въ своемъ гаремѣ, напр. 3 сестеръ [1]). Въ Персіи кровосмѣсительные браки заурядное явленіе [2]). У островитянъ Южнаго океана до сихъ поръ случается, что ребенокъ имѣетъ въ одномъ и томъ же лицѣ мать и бабушку, или мать и тетку [3]). *Нильгирскіе Тодасы* сроднились между собою во всѣхъ степеняхъ и притомъ по нѣсколько разъ [4]). У *Арабовъ* тамбы Абдаллы отецъ нерѣдко женится на дочери, сынъ на матери, братъ на сестрѣ [5]). Тоже разсказываютъ о *Чиппеуайцахъ*, *Кадьякахъ* и *Каренахъ*. По свидѣтельству Бастіана, для сохраненія чистоты царской крови короли мыса Гонзальва и Габуна женятся на своихъ собственныхъ взрос-

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ: Основанія Біологіи, перев. съ Англ. 1870 г. Т. II, стр. 375–378.

[2]) Объ антропологіи женскаго населенія Москвы (Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Т. XXXV. Ч. I. В. 2).

[3]) Таблицы, показывающія возрастъ перваго появленія и превращенія менструацій у городскихъ и деревенскихъ жительницъ Тульской губ. и между прочимъ бывшія на Москов. Антропол. выставкѣ.

[1]) Современная Медицина. 1876 г. № 2.

[2]) Polak, Persien etc. 1865 г. Т. I. S. 200.

[3]) Шашковъ. ibid. стр. 4—5.

[4]) Топинаръ. Антропологія. переводъ Мечникова 1879 г. стр. 276.

[5]) Фонъ Декенъ: Путешествіе по восточной Африкѣ. Рус. пер. 1870 г. стр. 181.

лыхъ дочеряхъ, а королевы выходятъ замужъ за своихъ старшихъ сыновей и т. д. [1]).

Вопросъ о бракахъ между родственниками одинъ изъ давнихъ. Имъ занимались еще древніе основатели религій и одни изъ нихъ не только допускали, но и предписывали (Моисей), другіе запрещали. Этотъ же вопросъ между прочимъ не мало занимаетъ и современныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что таковые браки довольно развиты въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, напр. Англіи, Германіи и др. Нѣкогда говорили, что при этихъ бракахъ чаще встрѣчаются: слѣпота, пигментное воспаленіе сѣтчатки, альбинизмъ, падучая, слабоуміе, помѣшательство, безплодіе, золотуха, выкидыши, заячья губа глухо-нѣмота. Однако и болѣе тщательная повѣрка фактовъ, сюда относящихся и изслѣдованныхъ съ большой критикой, не подтвердила этихъ наблюденій. Въ новѣйшее время о бракахъ между ближайшими родственниками и между прочимъ въ опроверженіе только что изложенныхъ наблюденій касательно вредныхъ послѣдствій отъ нихъ, писали во Франціи Вуазенъ[2]), въ Англіи Henry Huth[3]), Джоржъ Дарвинъ (сынъ) [4]) и др. Кромѣ того этотъ вопросъ въ послѣднее время былъ не разъ предметомъ обсужденія въ Парижской академіи наукъ, при чемъ послѣдняя всегда высказывалась не противъ близкихъ браковъ.

Топинаръ, по поводу того же вопроса, говоритъ слѣдующее: «согласно сдѣланному нами относительно скрещиваній выводу, шансы оплодотворенія между двумя субъектами тѣмъ больше, чѣмъ ближе расы, къ которымъ они принадлежатъ. Доводя это положеніе до крайнихъ предѣловъ, получился бы выводъ, что въ нѣдрахъ одного племени или одного семейства ближайшіе члены должны быть всего плодовитѣе между собою. Но, повидимому, въ этомъ случаѣ необходимо отличать количество отъ качества потомства. Скотоводы, подбирающіе животныхъ въ виду извѣстной цѣли и для этого скрещивающіе ближайшихъ родичей, въ короткій срокъ получаютъ отличные результаты, но они знаютъ что въ то же время плодовитость уменьшается и совершенно прекратилась бы, еслибы отъ времени до времени не прибѣгали къ постороннимъ скрещиваніямъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ освѣжить расу».—«Браки между двоюродными братьями и сестрами, повидимому, приводятъ къ хорошему результату, если оба субъекта здоровы; въ противномъ же случаѣ, вслѣдствіе соединенія болѣзненныхъ наклонностей, послѣдствія ихъ соотвѣтствующимъ образомъ отражаются на дѣтяхъ. Что касается браковъ между родственниками въ прямой восходящей линіи и находящимися въ одинаковой степени родства, то вопросъ еще не можетъ считаться рѣшеннымъ; замѣтимъ только, что законодатели цивилизованныхъ странъ запретили такіе браки лишь ради цѣли нравственности и общественной пользы» [1]).

У многихъ народовъ дѣвушки мало по малу дѣлаются цѣннымъ товаромъ, переходящимъ изъ отцовскаго дома въ домъ жениха въ видѣ покупки, пріобрѣтенной за извѣстное вознагражденіе. Эта затрата средствъ со стороны жениха и корыстолюбіе родителей въ свою очередь весьма неблагопріятно дѣйствуютъ въ отношеніи свободы женщины въ новой семьѣ. Таковы обычаи между прочимъ были у Евреевъ во время патріарховъ, въ древнемъ Римѣ, у Германцевъ и пр. У Франковъ въ болѣе позднее время вырученное за продажу невѣсты предоставлялось ей самой въ видѣ приданаго. Обычай этотъ теперь существуетъ: у Негровъ, Кафровъ, Калмыковъ, Киргизовъ и многихъ другихъ русскихъ инородцевъ Сибири и Кавказа, напр. у Самоѣдовъ, Лопарей [2]), Черемисъ, Башкиръ, Мещеряковъ Пермской губерніи, [3]) у Румынъ въ Трансильваніи, гдѣ до сихъ поръ ежегодно бываютъ ярмарки невѣстъ и т. д. [4]).

Гдѣ цѣны на дѣвушекъ высоки, тамъ большею частію пріобрѣтаютъ ихъ подешевле въ малолѣтствѣ. Такъ напр. въ Персіи цѣны за взрослую дѣвушку невѣсту доходятъ иногда до 500 дукатовъ, особенно если она красива собой и хорошо воспитана. Поэтому ради дешевизны иногда здѣсь предназначаютъ одну другому для брака еще въ колыбели. [5]) Polak разсказываетъ, что ему извѣстенъ былъ случай въ Персіи, гдѣ разница между отцемъ и сыномъ была не болѣе 14 лѣтъ, [6]) слѣдовательно этотъ отецъ уже 13 лѣтъ былъ мужемъ жены, конечно купленной для него и еще моложе его. По отношенію къ женщинамъ Polak разсказываетъ, что въ Ширацѣ онъ видѣлъ матерей, которымъ было не болѣе 12 лѣтъ. [7]) Всѣмъ извѣстно, что Магометъ взялъ себѣ въ жены, вѣроят-

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи Русск. пер. 1877 г. Т. II, Ч. 3, стр. 673.

[2]) Comptes rendues, 1865. T. LX, № 3 (Архивъ Судебной медицины, 1865. Ч. I. К. 2, Смѣсь, стр. 22—24).

[3]) The Mariage, of. Near kin, consided with vespeitto the Laws of Nations, the Results of Experience and the teachimg of Biology, 427 стр. (Судебная Медицина 1876 г. № 1 и 2).

[4]) Das Ausland, 1876, № 6.

[1]) Топинаръ, ibid стр. 375—376. Весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о близкихъ бракахъ, между прочимъ, можно найти также въ „Медицинской зоологіи“ Проф. А. П. Богданова, 1883 г. Т. 1, стр. 687—691.

[2]) Чонъ-Потманъ. Описаніе Архангельской губерніи 1802 г., стр. 136 и 188.

[3]) Гасабовъ. Статистическо-Этнографическій очеркъ Пермской губерніи.

[4]) Шашковъ l. c. стр. 31.

[5]) Polak. l, c. S. 200.

[6]) Polak. l, c. S. 207.

[7]) Polak. l, c. S. 202.

но, руководясь обычаями Арабовъ, изъ среды которыхъ онъ вышелъ, пятилѣтнюю дочь Абу-Бекеръ. Въ Остъ-Индіи браки издавна дозволялись между восьмилѣтней дѣвушкой и шестнадцатилѣтнимъ юношей, затѣмъ крайнимъ предѣломъ замужества женщины считается здѣсь двѣнадцатилѣтній возрастъ, а въ 25—30 лѣтъ она дѣлается уже старою (Шашковъ). Впрочемъ нѣкоторые авторы утверждаютъ, какъ увидимъ ниже, что въ браминскій періодъ дѣвушки должны были выходить замужъ не ранѣе 12 лѣтъ, а мужчины жениться не ранѣе 25 лѣтъ. Полинезійки, по свидѣтельству Миклухи—Маклая, выходятъ замужъ почти въ дѣтскомъ возрастѣ. На лекціяхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1882 г. онъ представилъ своимъ слушателямъ изображеніе дѣвочки 10—11 лѣтъ, а по физическому развитію—совершенно ребенка, бывшей уже около года замужемъ за торговцемъ, очень старымъ человѣкомъ.—У Самоѣдовъ и Остяковъ дѣвочки выдаются замужъ 10-ти лѣтъ, матерями онѣ дѣлаются иногда 12-ти лѣтъ, а перестаютъ рожать въ 30 лѣтъ, совершенно какъ въ жаркомъ поясѣ. Между Тунгузами приходится иногда встрѣчать тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ уже женатыхъ по 3 года, т. е. съ 10-ти лѣтъ. [1]) Орочены и Манягры иногда женятся на малолѣтнихъ дѣвочкахъ. Пока такая жена неспособна къ отправленію супружескихъ обязанностей, она живетъ въ юртѣ своего мужа въ качествѣ служанки. [2]) Подобные же примѣры ранняго замужества встрѣчаются у Киргизовъ (Н. А. Маевъ), Калмыковъ и другихъ Сибирскихъ инородцевъ. На Кавказѣ у нѣкоторыхъ народцевъ, особенно магометанскаго вѣроисповѣданія, браки иногда совершаются такъ рано, что, по свидѣтельству Н. К. Зейдлицъ, при народной переписи въ Тифлисѣ, оказалось нѣсколько женщинъ 12-ти лѣтъ уже вдовами. Особенно рано еще въ недавнее время женились въ Осетіи. Мальчикъ, 8 лѣтъ, нерѣдко уже вступалъ въ бракъ. Въ настоящее время Русское правительство запрещаетъ тамъ ранніе бракъ, ограничивъ возрастъ для вступленія въ браки 14-ю годами для мальчика. Но въ сущности это ограниченіе еще до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями. Еще въ 1862 году родственники одного жениха, которому было 10 лѣтъ, убили священника за то, что онъ не хотѣлъ повѣнчать этого жениха съ восьмилѣтней дѣвушкой [3]).

Рождается вопросъ: какой возрастъ, согласно даннымъ науки, слѣдуетъ считать нормальнымъ для вступленія въ бракъ? Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ наука не даетъ, но тѣмъ не менѣе она считаетъ возможнымъ приблизительно отвѣчать такъ: «въ человѣкѣ, какъ другихъ существахъ, расходующихъ много,—говоритъ г. Спенсеръ, [1])—генезисъ начинается только, когда ростъ и развитіе ослабѣваютъ и приближаются къ концу. Въ высшихъ организмахъ, вообще, воспроизводительная дѣятельность, продолжающаяся въ цвѣтущую пору жизни, прекращается, когда упадаетъ бодрость, заканчиваясь періодомъ безплодія; равнымъ образомъ у насъ самихъ наступаетъ безплодіе, когда наступленіе средняго возраста приводитъ къ концу избытокъ жизненности. Вмѣстѣ съ тѣмъ у человѣка, какъ у существа низшихъ порядковъ, есть также періодъ, когда плодовитость достигаетъ высшаго предѣла. Въ § 341 были приведены факты, показывающіе, что въ началѣ воспроизводительнаго періода животныя приносятъ меньше потомства, чѣмъ впослѣдствіи, и что затѣмъ количество производимыхъ особей опять убываетъ къ концу этого періода. Равнымъ образомъ, какъ видно изъ таблицъ послѣдняго сочиненія Денкана, плодовитость женщины возрастаетъ приблизительно до 25-ти лѣтняго возраста, затѣмъ стоитъ на высокой степени, лишь слегка убывая вплоть до 30-ти слишкомъ лѣтъ, послѣ чего постепенно падаетъ. Тоже замѣчается въ размѣрахъ и вѣсѣ потомства. Дѣти, рожденныя женщинами отъ 25-ти до 29-ти лѣтняго возраста, длиннѣе и тяжеле дѣтей, рожденныхъ отъ болѣе молодыхъ, или болѣе старыхъ женщинъ, а этотъ фактъ имѣетъ то же значеніе, что и большій въ итогѣ вѣсъ всего потомства, производимаго въ одномъ пометѣ многородящими животными, во время наиболѣе плодовитаго ихъ роста. Мало того, есть еще тотъ фактъ, что слишкомъ раннее рожденіе дѣтей производитъ въ женщинѣ тѣ же вредныя послѣдствія, какъ въ низшихъ существахъ – задержку роста, ослабленіе сложенія». Обсуждая вопросъ о раннихъ и позднихъ бракахъ, другіе авторы прибавляютъ кромѣ того, что въ этихъ крайнихъ возрастахъ женщина большею частію не можетъ ни хорошо выносить своего плода, ни благополучно родить; а затѣмъ она не можетъ быть ни хорошею кормилицею, ни достаточно ревностною въ уходѣ за дитятей. Въ свою очередь, когда мужчина слишкомъ рано, или слишкомъ поздно обзаводится супругой, онъ также не можетъ быть ни хорошимъ производителемъ, ни достаточно заботливымъ и успѣшнымъ кормильцемъ своего потомства. Отсюда ранніе и поздніе браки справедливо считаются однимъ изъ источниковъ гибели женщинъ и дѣтей, равно какъ однимъ изъ источниковъ вымиранія нѣкоторыхъ племенъ.

[1]) Кривошапкинъ. Енисейскій Округъ и пр. 1865 г. ч. 2. стр. 34.

[2]) Маакъ: Путешествіе на Амуръ. 1859 г. стр. 84. Мичи: Путешествіе по Амуру и пр. 1868 г. стр. 220.

[3]) Народы Россіи. Художественный альбомъ 1877 г. стр. 429.

[1]) Гербертъ Спенсеръ: Основанія Біологіи. Т. II, стр. 373—374.

Во всякомъ случаѣ, дикарь въ первобытномъ бракѣ своемъ не могъ руководиться никакими законами природы, не могъ знать ихъ, а потому всегда понималъ, какъ и теперь понимаетъ, въ отношеніи своей жены только одну грубую, деспотическую силу; на себя всегда смотритъ какъ на господина, повелителя, законнаго обладателя своей жены, а на жену, какъ на свою собственность, вещь, предметъ наслажденія. Въ свою очередь жена, въ сожительствѣ съ такимъ мужемъ, сразу теряетъ свое человѣческое достоинство, личность, значеніе, мирится съ тою мыслію, что она въ самомъ дѣлѣ есть ни болѣе, ни менѣе какъ раба, плѣнная своего мужа, въ силу чего мужъ можетъ продать ее кому хочетъ, ссудить другу на время, по пріятельски, путешественнику, въ видахъ гостепріимства, заложить ее при нуждѣ, обращаться съ ней, какъ съ вьючнымъ животнымъ, убить ее по произволу, а на островахъ Фиджи зарѣзать, какъ скотину, и съѣсть. Въ силу того же воззрѣнія на жену, дикарь, обыкновенно, не избавляетъ ее ни отъ какой работы, даже самой тяжелой, и во время беременности.—Нѣкоторой пощадой въ этомъ состояніи, по крайней мѣрѣ отъ тяжелыхъ работъ, пользуются жены только весьма немногихъ дикарей, напр., бразильскихъ индійцевъ, Колошей, обитателей каролинскаго архипелага и др. Впрочемъ, у весьма маленькой части дикарей встрѣчаются факты даже такого рода: у *Никобаресовъ*, совершенно дикаго племени, во время беременности жены, мужъ и жена оба освобождаются отъ всякихъ работъ и проводятъ время въ самомъ праздничномъ настроеніи. У *Сомали* (негровъ на верхнемъ Нилѣ) беременная пользуется полнымъ вниманіемъ и снисхожденіемъ и получаетъ различныя обѣщанія отъ мужа на тотъ случай, если она родитъ ему сына. У *Ноефорецевъ*, папуасскаго племени, беременная избавляется отъ тяжелыхъ трудовъ, и во время первой беременности остается возможно болѣе дома [1]).

Коренной, грубый дикарь, не хотѣлъ терять своихъ деспотическихъ правъ на жену даже и послѣ своей смерти, а потому у нѣкоторыхъ племенъ жена обязана была по смерти его слѣдовать за нимъ въ будущую жизнь, несмотря ни на какое свое положеніе, слѣд. даже и беременность, чтобы и тамъ служить своему мужу, какъ и въ сей жизни. Въ силу этого обычая, у Индійцевъ съ древнѣйшихъ временъ и до сихъ поръ существуетъ обычай сожиганія вдовъ. Этотъ же обычай мы видимъ въ настоящее время на островахъ Новозеландіи, [2]) у нѣкоторыхъ африканскихъ и американскихъ народовъ; этотъ же обычай встрѣчался у древнихъ Каманховъ, [1]) Нормановъ и Славянъ [2]).

Благодаря тѣмъ же унизительнымъ воззрѣніямъ на женщину, какъ на безгласную рабу, обязанную служить лишь различнымъ цѣлямъ мужчины, въ средѣ громаднаго количества людей возникаетъ многоженство. Въ настоящее время оно господствуетъ въ наибольшей части азіатскаго и африканскаго континентовъ, между магометанами всѣхъ частей свѣта, на Зондскихъ островахъ, въ Полинезіи, Австраліи, Сѣверной, Южной Америкѣ и т. д. Что касается количества женъ у многоженцевъ, то въ Бенинѣ и Мозамбикѣ, говоритъ Бурдахъ, [3]) есть люди, имѣющіе до ста женъ; у негровъ низшіе классы имѣютъ ихъ отъ двухъ до десяти, высшіе отъ трехъ сотъ до тысячи. Обыкновенно говорятъ, что полигамія встрѣчается преимущественно въ странахъ жаркихъ, гдѣ половыя страсти дѣйствуютъ болѣе энергично и гдѣ, будто, родится дѣвочекъ болѣе, чѣмъ мальчиковъ, въ зависимости отъ того обстоятельства, что въ жаркихъ странахъ люди вообще слабосильны, а слабосильные мужчины производятъ преимущественно дѣвочекъ. Но на это предположеніе справедливо замѣчаютъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ надлежащей статистики населенія этихъ странъ, а безъ этого критерія трудно согласиться безапелляціонно съ вышеприведенными предположеніями. Съ другой стороны извѣстно, что многоженство встрѣчается и въ полярныхъ странахъ, равно какъ прежде оно встрѣчалось и въ умѣренномъ поясѣ Европы, напримѣръ, у древнихъ Кельтовъ, Галловъ, Германцевъ, Славянъ и т. д. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, ни одинъ климатъ, ни недоказанный избытокъ женщинъ въ жаркихъ странахъ—[4]) не располагаютъ тотъ или другой народъ придерживаться многоженства; но, вѣроятно, болѣе него оказываютъ вліяніе на этотъ обычай невѣжество и физическая сила мужчины, сравнительно съ силою женщины.

Въ сожительствѣ со многими женщинами иной мужчина безъ сомнѣнія можетъ прижить большее количество дѣтей, чѣмъ съ одной. Такъ, напр., въ Гвинеѣ, говорятъ, есть отцы, имѣющіе отъ 70 до 100 дѣтей. [5]) Однако что касается общихъ практическихъ результатовъ многоженства, то, намъ кажется, не нужно искать болѣе опредѣленнаго и въ то же время короткаго отвѣта на этотъ вопросъ, какъ въ слѣдующихъ словахъ Давида и

---

[1]) Ploss. Das Kind. Zweite Auflage. 1882 г. S. 19.

[2]) Леббокъ: Доисторическія времена и вр. съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей. Перев. съ Англ. подъ редакціей Д. Н. Анучина. 1876 г. стр. 366.

[1]) Мильчевскій: Основаніе науки Антропологіи. 1868 г. стр. 314.

[2]) Шашковъ. I. c. стр. 48.

[3]) Traité de physiologie. T. II стр. 56.

[4]) Dict. des sciences med. T. XIV стр. 582.

[5]) Ж. Буденъ; Руководство къ изученію медицинской Географіи и Статистики. Рус. пер. 1864 г. Т. II стр. 59.

Чарльза Левингстоновъ, [1]) приведенныхъ въ ихъ путешествіи по Замбези: «обычай многоженства, хотя онъ предназначенъ увеличивать племя, ведетъ къ уменьшенію его. Зажиточные старые мужчины (въ Замбези), имѣющіе много скота, берутъ за себя всѣхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Одинъ отвратительный, но богатый старикъ, который былъ такъ слѣпъ, что слуга долженъ былъ вести его по дорогѣ, имѣлъ двухъ молодыхъ женъ, самыхъ красивыхъ изъ горожанокъ; одна изъ нихъ, дочь Мокеле, которая, по крайней мѣрѣ, полувѣкомъ моложе его, на вопросъ «любитъ ли она его?»—отвѣчала: «нѣтъ я его ненавижу, онъ такой скверный!»—Молодые люди племени, у которыхъ случайно нѣтъ скота, должны оставаться безъ женъ, или довольствоваться одною, имѣющею мало личныхъ прелестей. Такое положеніе дѣлъ ведетъ, вѣроятно, къ большой безнравственности и дѣтей родится мало. Если бы сдѣлать болѣе глубокія изслѣдованія и добиться этого рода свѣдѣній, то можно было бы сказать еще гораздо болѣе».

Одновременно съ многоженствомъ вездѣ встрѣчается наложничество,—новый источникъ деморализаціи женщины и семьи, поводъ къ ревности, нескончаемымъ ссорамъ, ожесточенному преслѣдованію одной женщины и ея семьи другой женщиной и семьей и т. д. Въ этомъ отношеніи описаніе гаремовъ представляетъ много поучительнаго и отвратительнаго для людей не испытавшихъ этихъ порядковъ общежитія.

Мы представляли не мало примѣровъ, рисующихъ безспорно весьма мрачную картину положенія женщинъ, среди нѣкоторыхъ племенъ человѣческихъ. Но за то, въ противуположность имъ, не мало встрѣчается фактовъ и такого рода, гдѣ существуетъ полное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами (Гинейкократія). По словамъ Ливингстона, въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки женщины занимаются торговлей, свободно разъѣзжаютъ по странѣ, или пашутъ землю, засѣваютъ поля и строятъ хижины; такая дѣятельная жизнь, развивая силу ихъ ума и мускуловъ, даетъ имъ не только свободу, но даже владычество надъ мужчинами, которые тупѣютъ и изнѣживаются, сидя постоянно дома и занимаясь шитьемъ, тканьемъ, доеніемъ коровъ и сплетнями. Въ Анголѣ, Анголѣ и Конго на женщинъ переходитъ по наслѣдству королевская власть, а въ Лоанго король выбираетъ себѣ матрону, называетъ ее своею матерью и по всѣмъ важнымъ дѣламъ обращается къ ней за совѣтами. Въ Западной Африкѣ женщины царствующаго дома могутъ имѣть сколько угодно любовниковъ, но имъ запрещено унижать себя бракомъ. [2]) Сестры короля ашантіевъ выбираютъ сами своихъ мужей и обычай требуетъ, чтобы послѣдніе сопровождали ихъ въ могилу. Не малой привиллегіей женщины пользуются также въ Южной Гамбіи, въ Кабу, у Болонда, въ Дагамеѣ, въ Акрѣ, у Кафровъ, Малайцевъ, Чукчей, на островахъ Южнаго океана, на Явѣ, Целебесѣ и т. д. Не мало подобныхъ же примѣровъ можно набрать изъ дикой и полудикой жизни прежнихъ народовъ Европы, напримѣръ у древнихъ Галловъ, Германцевъ, Чеховъ, Беотійцевъ и т. д. Говоря, напримѣръ, объ одномъ древне-германскомъ народѣ—Ситонахъ, Тацитъ прибавляетъ, что отъ другихъ онъ отличается тѣмъ, что «признавая надъ собою власть женщины, тѣмъ поставилъ себя низко не только между народами свободными, но даже и рабствующими». [3]) Подобныя предположенія о поліандріи не мало подтверждаются также сагами объ амазонкахъ первобытныхъ временъ разныхъ странъ [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ того, вслѣдствіе ли религіозныхъ и политическихъ цѣлей, или, какъ нѣкоторые говорятъ, вслѣдствіе трудности достать жену и дороговизны содержать ее существуетъ даже прямо поліандрія, т. е. многомужіе, причемъ одна женщина дѣлается коммунистическимъ достояніемъ нѣсколькихъ мужчинъ. Въ Синихъ горахъ, напр., къ сѣверу отъ Восточной Индіи, живутъ Тодевисы,—народъ, ведущій пастушескій образъ жизни, у котораго братья, сколькобы ихъ не было, всегда берутъ себѣ только одну жену [4]). Судя по существующимъ источникамъ, можно думать, что въ настоящее время поліандрія распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а согласно свидѣтельствамъ древности надо полагать, что она была тогда еще распространеннѣе. Въ настоящее время она существуетъ въ Тибетѣ, Исландіи, на Малабарскомъ берегу, Цейлонѣ, Новой Зеландіи, островахъ Алеутскихъ, на Отаитѣ и другихъ островахъ Южнаго Океана, въ Гималайскихъ и подгималайскихъ земляхъ, сосѣднихъ съ Тибетомъ, въ долинѣ Кашемира, у спитоп въ Ладанѣ, въ Синморѣ, Казіи, въ горахъ Сиваликъ, въ Пильгерскихъ горахъ у Тудасовъ, у мисарскихъ Курговъ и Нейровъ, у Коряковъ, на островахъ Канарскихъ и въ очень еще недавнее время на Ладранскихъ [5]). Изъ формъ брака у другихъ на-

[1]) Путешествіе по Замбези и ея притокамъ и пр. Давида Левингстона и Чарльза Левингстона. Перев. съ англійскаго, 1867 г. Т. I. стр.

[1]) Леббокъ стр. 451.

[2]) Сочиненія П. Корнелія Тацита. Рус. перев. А. Клеванова. 1870 г. ч. I. стр. 250.

[3]) Шашковъ l. c. стр. 21—26.

[4]) Dict. des. sciences med. T. XIV стр. 506: Vivey. Hist. nat. du genre humain T. I. стр. 218.

[5]) Шашковъ l. c. стр. 11—12. Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. l. c. T. II. 7. 3 стр. 709—719.

родовъ, напр. у Эскимосовъ,—говоритъ Леббокъ[1]), повидимому, встрѣчается не только полигамія, но и полиандрія. Сильный или ловкій мужчина часто имѣетъ болѣе одной жены; точно также красивая и ловкая женщина часто имѣетъ болѣе одного мужа.—Многомужество и многоженство одновременно существуютъ также у Огнеземельцевъ, Карибовъ, Уараноъ, Готтентотовъ и другихъ [2]).

Заканчивая обозрѣніе первобытнаго положенія женщины, дадимъ себѣ еще вопросъ: при описанномъ отношеніи супруговъ могла ли и можетъ ли быть рѣчь о какой либо, сколько нибудь цѣлесообразной охранѣ зачавшагося плода? Наоборотъ, очевидно, что при такомъ положеніи, какъ зачатіе, такъ и самое развитіе плода могло и можетъ происходить, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, лишь при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, причемъ та или другая сторона слабаго производителя постоянно подвергается униженію, грубому обращенію со стороны деспотизирующаго элемента, и въ концѣ концовъ порабощенная сторона мирится съ положеніемъ безустаннаго работника или прямо вьючнаго животнаго дома и внѣ его, ни мало не обращая вниманія на свои производительныя силы, въ какомъ бы положеніи они не находились [3]). — Такое дурное, хроническое обращеніе съ порабощенной стороной, очевидно, не можетъ не произвести ухудшенія и во всей физической ея природѣ, а отъ того то, между прочимъ, въ концѣ концовъ не безъ права замѣчаютъ, что и общества, характеризующіяся въ наибольшей степени безпорядочностію половаго сожительства, особенно въ смыслѣ приведенныхъ выше фактовъ, какъ бы невольно стремятся къ исчезновенію своего вида, уступая въ то же время свое мѣсто другимъ обществамъ, характеризующимся въ меньшей степени безпорядочностію половаго сожительства.

Когда человѣкъ изъ дикаго и полудикаго состоянія сталъ переходить къ гражданскому быту, то, изучая условія лучшаго общежитія, онъ, между прочимъ, еще въ глубокой древности сталъ подмѣчать и нѣкоторыя изъ условій, наиболѣе содѣйствующихъ благопріятному зачатію и развитію плода его. Условія эти онъ впослѣдствіи перенесъ въ обыкновенія и законоположенія и сдѣлалъ ихъ обязательными для вступающихъ въ бракъ. Такъ законы Ману (900 лѣтъ до Р. Х.) запрещали бракъ между лицами, въ семействѣ которыхъ были случаи чахотки, падучей и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.—По понятіямъ древнихъ Персовъ, каждая личность принадлежала государству и такъ какъ съ размноженіемъ членовъ его возрастаетъ самое благосостояніе государства, то Зендъ-Авеста покровительствуетъ даже охранѣ зародыша. Вслѣдствіе этого всякій противуестественный грѣхъ какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака, равно какъ и всякое другое распутство въ древней Персіи подлежало строгой карѣ. Всѣ, достигшіе физической зрѣлости, должны были вступать въ бракъ, а для большей успѣшности въ приплодѣ дозволялось имѣть нѣсколько законныхъ женъ и еще болѣе наложницъ; но внѣ брака всякое сонтіе строго запрещалось. Обременѣвшій дѣвушку долженъ былъ впослѣдствіи охранять ее до тѣхъ поръ, пока не родится ребенокъ, а потомъ доставлять надлежащее пропитаніе для матери и дитяти. Святымъ и праведнымъ дѣломъ считалось совершать супружеское сонтіе съ близкими родственницами, даже съ матерью и сестрами [1]).

Въ Китаѣ семья издавна составляетъ завѣтную святыню всякой жизни. Поэтому бракъ пользуется здѣсь издавна высокимъ значеніемъ. Онъ есть нравственный долгъ, отъ котораго не въ правѣ уклониться добродѣтельный человѣкъ; ибо холостякъ есть убійца своего рода. Въ силу тѣхъ же принципіальныхъ понятій о семьѣ, жена находится въ безусловномъ повиновеніи мужа и даже можетъ быть продана имъ, къ какому бы сословію не принадлежала. Кромѣ того въ Китаѣ господствуетъ отчасти многоженство, при чемъ наложницы не пользуются одинаковымъ правомъ съ законными женами. Несмотря на такое низкое положеніе женщины въ Китаѣ, мужъ не властенъ изгнать свою жену по произволу, а развѣ вслѣдствіе безплодія, распутства и нѣкоторыхъ другихъ пороковъ ея.—Заботы о дитяти начинаются здѣсь еще до рожденія его на свѣтъ, а именно: Китайцы пекутся о діэтѣ беременныхъ и запрещаютъ имъ при этомъ любовную связь. [2])

Въ священныхъ писаніяхъ Индійскихъ браминовъ жена уподобляется пашнѣ, мужъ сѣмени, прозябающее растеніе тоже сѣмени. Отсюда понятіе о главенствѣ мужа надъ женой и въ свою очередь объ уваженіи къ женамъ, особенно когда онѣ станутъ матерями и добросовѣстно исполняютъ религіозныя обязанности. Распложеніе считается у браминовъ за высшій долгъ и всякій уклоняющійся отъ него или грѣшащій противъ него, достоинъ порицанія и даже повиненъ въ умерщвленіи плода.

Въ силу тѣхъ же воззрѣній многоженство считается въ Индіи дозволеннымъ, а женщина выходитъ замужъ вообще очень рано [3]). По ученію

---

[1]) Леббокъ, l. c. стр. 410.

[2]) Гербертъ Спенсеръ. l. c. Т. II. 7. 3, стр. 685.

[3]) Гербертъ Спенсеръ, Основанія Соціологіи. Русск. пер. Т. II. ч. 3, стр. 708.

[1]) К. Шмидтъ: Исторія педагогики, перев. Циммермана. 1877 г. Т. I. стр. 117—118.

[2]) Шмидтъ, l. c. стр. 79—81.

[3]) Шмидтъ, l. c. стр. 100—103.

Ayurvédas [1]), въ браминскій періодъ въ Индіи мужчинѣ предписывалось жениться 25 лѣтъ, а женщинѣ выходить замужъ 12 лѣтъ. Поступая такимъ образомъ, мужчина достигалъ отеческой справедливости, богатства, любви и могъ расчитывать на потомство. Если же мужчина моложе 16 лѣтъ бралъ жену 25 лѣтъ, то отъ этого страдалъ зародышъ, а именно: онъ или не могъ жить, или не могъ обладать крѣпкимъ здоровьемъ. Поэтому женщина, перешедшая свой терминъ, или угнетенная продолжительными болѣзнями, не должна была стремиться къ браку. Подобное же ставилось на видъ и относительно мужчины. Когда женщина забеременила, то, по ученію Ayurvedas, она съ перваго же дня до послѣдняго должна быть всегда веселой, чисто одѣтой, наслаждаться спокойствіемъ и счастіемъ, какъ боги, брамины и гуры. Въ этомъ положеніи ей не слѣдуетъ прикасаться къ веществамъ безобразнымъ, слѣдуетъ избѣгать дурнопахучихъ и скверныхъ по виду веществъ, а также страшныхъ разсказовъ; не слѣдуетъ ѣсть сухой, подожженой, гнилой и смоченной пищи; слѣдуетъ избѣгать выхода, пустаго дома, жертвеннаго алтаря, кладбища, близости деревьевъ, гнѣва, страха, санкары [2]), тяжести, сильнаго крика и прочаго, что убиваетъ зародышъ. Въ постели беременная должна избирать положеніе сидячее, ложе должно быть мягкое, не слишкомъ высокое, снабженное рѣшеткой и перилами.

Въ Египтѣ многочисленное населеніе считалось также полезнымъ для государства, поэтому въ средѣ народа господствовало многоженство; не смотря на то женскій полъ пользовался здѣсь не малымъ почетомъ, занимался рыночными и торговыми дѣлами, а мужья работали дома и у ткацкаго станка. Въ матери видѣли здѣсь лицо, надѣлявшее ребенка пищей и уходомъ, а потому и беременныхъ преступницъ предписывалось казнить только послѣ родовъ [3]).

У Израильскаго народа многочисленное потомство служило доказательствомъ особаго благоволенія Божія; отъ того каждый Израильтянинъ старался какъ можно больше имѣть дѣтей, а законъ предписывалъ цѣломудріе дѣвицамъ и женамъ и дозволялъ многоженство и даже наложничество мужьямъ съ рабынями. Отъ того конечно и по зачатіи оказывались плоду самыя нѣжныя попеченія, а по рожденіи заботливое воспитаніе дитяти.

Одинъ изъ Семитическихъ народовъ, родственныхъ Израилю, именно Карѳагеняне, происшедшіе въ свою очередь отъ предпріимчивыхъ Финикіянъ, мало обращали вниманія на нравственныя основы своей жизни, но болѣе всего заботились о техническомъ и общественномъ воспитаніи дѣтей, а потому они долго учились ремесламъ и искусствамъ и мужчины лишь на 30-мъ году могли жениться, а дѣвицамъ до 25-ти лѣтняго возраста также не дозволялось вступать въ бракъ [1]).

Въ древней Греціи [2]) въ Гомеровское время существовалъ еще старый варварскій обычай, по которому мужчина покупалъ дѣвушку у ея отца себѣ въ жены. Отецъ давалъ кромѣ того за дочерью комплектъ одежды и цѣнностей, т. е. брачный даръ. Въ случаѣ развода супруговъ этотъ комплектъ одежды возвращался къ отцу; но послѣдній тоже обязанъ былъ возвратить бывшему зятю обычную покупную сумму, полученную имъ отъ послѣдняго за дочь. Въ позднѣйшее время обычай платить за невѣсту былъ оставленъ и супругъ получалъ вмѣстѣ съ женою приданое. Въ случаѣ разлуки супруговъ, приданое жены возвращалось отцу и въ Аѳинахъ даже съ прибавкою 18%, что, повидимому, нерѣдко затрудняло мужей и служило значительнымъ препятствіемъ къ частымъ разводамъ. Кромѣ того въ Греціи считалось предосудительнымъ для жениховъ искать богатыхъ и иностранныхъ невѣстъ, такъ какъ браки съ богатыми считались неравными, между тѣмъ всѣ граждане въ Греціи должны были быть равными отъ колыбели, браки же съ иностранками прямо считались незаконными. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи, особенно въ Спартѣ, существовалъ еще такой обычай: жениху предоставлялось право похищать избранную имъ съ взаимнаго согласія невѣсту силою и затѣмъ нѣкоторое время послѣ брака посѣщать ее тайно. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ молодыя жены содержались у какой либо родственницы супруговъ и встрѣча ихъ потомъ производилась безъ свидѣтелей. Цѣль такихъ сношеній, повидимому, была та, чтобы съ одной стороны затруднить частоту ихъ; съ другой посредствомъ воздержности дать большую крѣпость браку и наконецъ дать возможность мужу свободнѣе развиться въ сильнаго тѣломъ и духомъ гражданина. Иногда у супруговъ было уже по нѣскольку дѣтей, а мужъ, продолжавшій посѣщать общественныя и воспитательныя заведенія, еще не могъ считаться зрѣлымъ гражданиномъ до 30 лѣтъ и лишь съ этого воз-

---

[1]) Susrutas. Ayurvédas. Id est medicinae systema a venerbili D' Hanvantare demonstratum et Survuta discipolo compositum Nune primum ex sanscrita in latinam sermonem vertit ect. Dr. Franciscus Hessler. MDCCCXLVII. T. II. Cap. X. p. 39—48.

[2]) Sankara, по объясненію Hessler'a, juxta timorem positus, videtur Sivae nomen attributivum esse, excidii et mortis Symbolum, quod a puerperis sit amovendum. (Commentarii et annotationes in Susrutae Ayurvedam. A. Fr. Hessler. MDCCCLV p. 53).

[3]) К. Шмидтъ, l. c. стр. 130—131.

[1]) К. Шмидтъ, l. c. стр. 471.

[2]) К. Шмидтъ, l. c. стр. 186, 187; 225—227; 291, 292; 320—321.—Я. Фальке. Эллада и Римъ. Рус. пер. стр. 29—57. Мигаффеи. Древнегреческая жизнь. Рус. пер. 1879 г. стр. 70—75.

раста могъ свободно ввести свою жену въ домъ отца, старшаго брата или свой собственный и тамъ привѣтствовать ее почетнымъ именемъ хозяйки.

На бракъ Греки смотрѣли какъ на политическое учрежденье, имѣвшее цѣлію доставить Государству здоровыхъ и крѣпкихъ гражданъ, иначе говоря, на вступающаго въ бракъ мужчину здѣсь смотрѣли прежде всего, какъ на политическаго самца, а на вступающую въ бракъ женщину, какъ на политическую самку. Въ силу этихъ античныхъ воззрѣній, молодой человѣкъ могъ жениться лишь на вполнѣ развившейся дѣвушкѣ, находившейся въ цвѣтѣ лѣтъ и отличавшейся здоровымъ сложеніемъ. На царя Архимеда, напр., наложена была денежная пеня за то, что онъ женился на слишкомъ малорослой женщинѣ, съ которой въ состояніи де былъ народить развѣ царьковъ, а не царей. Ликургъ,—говоритъ Плутархъ,—старался о томъ, чтобы плодъ, зачатый въ здоровомъ тѣлѣ матери, развился и созрѣлъ, какъ слѣдуетъ, а мать имѣла бы достаточно силъ, необходимыхъ для легкаго и безопаснаго перенесенія родильныхъ мукъ. Въ Спартѣ кто вступалъ въ непригодный бракъ, женился слишкомъ поздно, или совсѣмъ не женился, подлежалъ публичному обвиненію и наказанію. Единобрачіе въ Спартѣ предписывалось закономъ. Прелюбодѣйство подлежало тяжкой карѣ. Но если супругъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ брачному ложу, то ему разрѣшалось предоставить свое мѣсто другому. Не считалось также непристойнымъ для мужей, съ взаимнаго согласія, помѣняться женами. Младшимъ братьямъ, неимѣвшимъ еще средствъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, дозволялось пользоваться женою старшаго брата. Безплодіе жены расторгало бракъ, или мужу предоставлялось брать еще вторую и даже третью жену для приплода.

Что касается положенія греческой женщины въ домашней жизни, то мы только въ Спартѣ находимъ ее дѣйствительною госпожею дома, гдѣ она являлась, когда хотѣла, въ общественныя собранія и предлагала свое мнѣніе объ общественныхъ дѣлахъ, которое уважалось. Напротивъ, въ Аѳинахъ положеніе женщины было мало свободнымъ. Кругъ ея ежедневныхъ обязанностей болѣе всего вращался около того, чтобы умѣть приготовить кушанье, отпустить шерсть для пряжи рабынямъ и затѣмъ умѣть прясть, ткать и приготовлять одежды. Покои женскія находились въ сосѣдствѣ съ помѣщеніями рабынь и дѣтей, общество которыхъ составляло весь міръ античной женщины. Обычай запрещалъ аѳинянкѣ показываться гостямъ мужчинамъ, а позволялось только принимать своихъ подругъ, женщинъ, да развѣ ужъ очень близкихъ къ дому мужчинъ. Изъ дому аѳинянка выходила рѣдко, исключая случаевъ погребенія какого либо родственника дома, или случаевъ, имѣвшихъ отношеніе къ нѣкоторымъ религіознымъ процессіямъ и жертвоприношеніямъ. Во всякомъ случаѣ аѳинянки выходили со двора не иначе, какъ въ сопровожденіи раба, который ночью шелъ передъ нею съ факеломъ. Другія греческія государства представляли нѣчто среднее между приведенными крайностями по отношенію къ положенію женщины.

Въ цвѣтущій періодъ культурнаго развитія Греціи выдающіеся мыслители принимали живѣйшее участіе въ вопросахъ о бракахъ, рожденіи и воспитаніи дѣтей и вотъ, какъ напр. Платонъ высказывался по этому предмету. На человѣка,—говорилъ онъ,—можно вліять еще при первомъ зачатіи его, поэтому бракъ долженъ быть основанъ на любви, связующимъ началомъ которой является красота. Въ государствѣ соки должны смѣшиваться подобно жидкостямъ въ кубкѣ. Лучшіе годы для болѣе успѣшныхъ браковъ по отношенію къ мужчинѣ 30—55 лѣтъ, по отношенію къ женщинѣ 20—40 лѣтъ. До брака возбраняется всякое плотское соитіе. Сочетавшіеся же бракомъ должны въ полномъ разумѣ, не напиваясь до пьяна, вступить въ состояніе, которое вводитъ ихъ въ совершенно новыя условія жизни. Зачатіе должно совершаться твердо, ровно, покойно, иначе дѣти выйдутъ слабыми или уродливыми. Во время беременности дитя во чревѣ матери нуждается въ движеніи, слѣдовательно беременная женщина должна много ходить; ей слѣдуетъ также сохранять пріятное, благодушное настроеніе, дабы отъ добрыхъ и дѣльныхъ родились еще болѣе добрые и дѣльные люди.

Аристотель въ своихъ воззрѣніяхъ на человѣка придерживался точки зрѣнія естествознанія, и по отношенію къ зарожденію высказывалъ такія соображенія: такъ какъ относительно дѣторожденія крайнимъ предѣломъ, въ среднемъ выводѣ, значится для мужа 70 лѣтній возрастъ, а для жены 50-ти лѣтній возрастъ, то бракъ слѣдуетъ допускать только между такими, которые почти равно удалены отъ этихъ предѣловъ. Сверхъ того, обѣ стороны, вообще, не должны вступать въ бракъ слишкомъ рано, ибо во всѣхъ породахъ животныхъ роды слишкомъ молодыхъ особей бываютъ несовершенны. При томъ такъ какъ для хорошаго исполненія гражданскихъ и государственныхъ дѣлъ, такъ точно и для дѣторожденія оказывается полезнымъ сложеніе не атлетовъ, а также и слишкомъ отвыкшихъ отъ труда тѣломъ, но лишь занимающіе средину между тѣмъ и другимъ.

Римлянинъ[1]), по натурѣ своей, былъ глубокій реалистъ, человѣкъ практики и твердаго разсудка.

---

[1]) Моммсенъ, Римская Исторія Рус. перев. 1861 г. ч. 2, стр. 406—407. Уэлькенсъ. Древне-римская жизнь. Рус. перев. 1880 г., стр. 13. 107—109. Я. Фальке. Эллада и Римъ. Рус. пер., стр. 263—277. К. Шмидтъ l. c. стр. 355—364 и др.

Согласно съ этими основными качествами своей натуры онъ устраивалъ и свою жизнь. Семья была основою его воспитанія и въ этой семьѣ жена пользовалась такимъ уваженіемъ, какое до сихъ поръ не проявлялось въ развитіи человѣчества. Римская дѣвушка выходила замужъ по достиженіи 12 лѣтъ. Если до 17 лѣтъ она не вступала въ бракъ, то считалась засидѣвшеюся невѣстой. По совершеніи брака у Римлянъ былъ обычай вносить новобрачную на рукахъ черезъ порогъ своихъ мужей. Моногамія есть величайшій культурный законъ, переданный римлянами христіанству. Въ домѣ мужъ былъ господинъ, но и жена была въ своемъ родѣ также госпожею и вмѣстѣ съ мужемъ раздѣляла достоинство родительскаго полновластія. Правда, они не уклонялись отъ домашнихъ работъ, наоборотъ, пряли и ткали вмѣстѣ съ своими дочерьми и дѣвушками прислужницами, но за то и мужъ съ большимъ уваженіемъ относился къ ея трудамъ. Императоръ Октавіанъ Августъ гордился одеждою, приготовленною для него женою, Ливіей. Римской женщинѣ безъ стѣсненія дозволялось выходить изъ дома, чтобы дѣлать визиты сосѣдямъ, или принимать ихъ въ гости. Она сопровождала своего мужа на общественныя увеселенія, игры и театры. Если римская женщина шла по улицѣ, то всякій встрѣчный мужчина обязанъ былъ дать ей дорогу. За оскорбленіе женщины каждый строго наказывался. Самые судьи не могли вызывать женщинъ къ суду. Воспитанныя въ такомъ уваженіи женщины, въ свою очередь также высоко цѣнили свое достоинство. Для примѣра вспомнимъ Люкрецію, жену Тарквинія Каллатина оскорбленную въ полѣ Секстомъ, сыномъ Тарквинія Гордаго, седьмаго царя Римскаго, и лишившую себя жизни послѣ такого оскорбленія. Печальная судьба этой злополучной женщины стоила всему семейству Тарквинія Гордаго изгнанія изъ Рима. Въ возбужденіи Рима противъ гнуснаго поступка Секста большое участіе принималъ Брутъ, представившій на площади кинжалъ, обагренный кровію и покончившій жизнь Люкреціи. За то и римскія женщины, чтя вообще Брута за его громадныя заслуги отечеству, послѣ его смерти вспомнили между прочимъ и это заступничество за нихъ въ лицѣ Люкреціи и потому носили по немъ трауръ цѣлый годъ. Случай съ Люкреціей напоминаетъ другой, аналогичный случай съ Виргиніей, умной и прекрасной дѣвушкой, которую, пользуясь отсутствіемъ отца, децемвиръ Аппій Клавдій хотѣлъ было сдѣлать своею рабою. Увѣдомленный объ этомъ, отецъ прибылъ въ Римъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда Аппій рѣшился силою овладѣть Виргиніею. Оскорбленный отецъ, видя, что никто не заступается за его дочь, и тѣмъ не менѣе, не желая уступить ее на позоръ Аппію, рѣшился тутъ-же убить ее ножемъ, выхваченнымъ изъ рукъ мясника. При видѣ невинной крови, пролитой по несправедливости децемвира, народъ пришелъ въ бѣшенство, уничтожилъ децемвиратъ, а Аппія посадилъ въ тюрьму, гдѣ на слѣдующее утро онъ оказался мертвымъ. При такомъ уважительномъ отношеніи къ женщинамъ въ Римѣ не мудрено, что среди нихъ, также какъ среди мужчинъ, по временамъ являлись представительницы высокихъ гражданскихъ добродѣтелей. Для примѣра укажемъ на Келлію, отважную дѣвицу, находившуюся заложницей въ станѣ Порсены и оттуда смѣло доставившую извѣстія своему родному городу, за что римляне воздвигли въ честь ея статую, на которой Келлія представлена скачущею на конѣ. Благодаря тѣмъ-же почтительнымъ отношеніямъ къ женщинамъ, которыя достигались въ Римѣ воспитаніемъ съ дѣтства, надмѣнный и раздраженный изгнанникъ отечества, Коріоланъ, напавшій съ Вольсками на Римъ и почти уже въ виду вполнѣ обезпеченной побѣды надъ нимъ, не могъ устоять противъ просьбъ матери и жены своей — не идти далѣе къ Риму и такимъ образомъ не губить своего отечества. Исполненіе этой просьбы стоило Коріолану потери жизни отъ разгнѣванныхъ Вольсковъ; но за то, въ память такого событія, римляне воздвигли храмъ счастію женщинъ, а римлянки, послѣ смерти Коріолана, одѣлись въ трауръ и тѣмъ публично выразили свое сочувствіе и сожалѣніе ему, какъ почтительному сыну и доброму супругу. Статуя, воздвигнутая на форумѣ Корнеліи, матери знаменитыхъ Гракховъ, свидѣтельствуетъ также о томъ, что римляне высоко чтили благородные поступки своихъ женщинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще личность женщины.

Но вотъ къ соціальнымъ условіямъ и философскимъ ученіямъ древнихъ присоединяется еще новый дѣятель — христіанство и въ антропологическихъ воззрѣніяхъ людей происходитъ крутой переворотъ. Подъ обаяніемъ рѣчи Божественнаго Учителя, проповѣдующаго любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ, рѣшительно улучшается и положеніе женщины по отношенію къ мужчинѣ, а также положеніе дитяти въ семьѣ. Писателями Новаго Завѣта, бракъ понимается какъ слѣпокъ того отношенія, въ какомъ Христосъ стоитъ къ Своей церкви. Законъ единобрачія освященъ. Мужъ долженъ быть не властителемъ, а блюстителемъ и попечителемъ своей жены, а жена должна быть не рабою, но подругою и спутницею жизни. Отношеніе родителей къ дѣтямъ есть и должно быть слѣпкомъ отношенія Бога къ людямъ. Дѣти суть дары Божьи, за которые родители обязаны нѣкогда отдать отчетъ. Съ этихъ же поръ, на зародышъ стали смотрѣть, какъ на образъ будущаго человѣка, носящаго въ свою очередь образъ Божій, и слѣдовательно уже въ самомъ зародышѣ, могли видѣть искру Божества, очевидно требовавшую всякой заботливостисо стороны окружающихъ для ухода за собой.

Правда, подъ вліяніемъ аскетизма, развившагося въ первыя времена христіанства и господствовавшаго со всей силой въ періодъ среднихъ вѣковъ, понятія объ охранѣ плода, были не рѣдко весьма своеобразны, такъ какъ объ гигіенѣ тѣла въ эти времена не только мало кому что либо извѣстно было, но даже и сколько-нибудь заботиться объ этомъ считалось грѣховнымъ, потому что тѣло считалось темницей духа, которое поэтому всячески слѣдовало изнурять трудами, постомъ и молитвой, чтобы не дать плоти сдѣлаться игралищемъ діавола и т. д. Съ другой стороны, какъ католицизмъ, такъ и византизмъ, стали считать женщину подчиненнымъ существомъ, такъ какъ настоящій человѣкъ, т. е. высшее духовное лице, или монахъ не имѣлъ съ нею никакого близкаго общенія и не признавалъ ее равноправною съ собою.—Однако, съ начала реформаціи, когда тѣлу, какъ спутнику души, не было отказано въ нѣкоторыхъ заботахъ о немъ и особенно подъ вліяніемъ гуманистическихъ ученій мыслителей дальнѣйшихъ вѣковъ, вновь много сдѣлано и ради болѣе самостоятельнаго положенія женщины среди современнаго человѣчества. А при такихъ только условіяхъ, конечно, и плодъ ея,—плодъ человѣческій — могъ пользоваться надлежащимъ вниманіемъ по отношенію къ уходу со стороны родителей и окружающей среды.

Ко всему этому, въ новѣйшее время присоединились еще два обстоятельства, благопріятствующія въ отношеніи развитія плода, а именно: съ одной стороны, развилась современная гигіена, построенная на достаточно прочныхъ, научныхъ началахъ, которыми дана возможность пользоваться всѣмъ желающимъ. — Эта гигіена, между прочимъ, даетъ наставленія и вступающей въ бракъ четѣ въ томъ смыслѣ, что только отъ здоровыхъ родителей могутъ родиться здоровыя дѣти, а потому, прежде чѣмъ сдѣлаться отцемъ или матерью, людямъ необходимо позаботиться объ улучшеніи состоянія своего здоровья и исправленіи разныхъ своихъ недостатковъ, такъ какъ грѣхи родителей весьма часто передаются цѣликомъ ихъ дѣтямъ. Та же гигіена беременнымъ женщинамъ даетъ подробныя наставленія: какъ разумнѣе заботиться о себѣ въ этомъ положеніи, какой образъ жизни вести, соотвѣтственно этому положенію и т. д. Съ другой стороны, современная физіологія брака, при всемъ несовершенствѣ своемъ, все-таки уже успѣла собрать не мало наблюденій такого рода, пользуясь которыми, съ нѣкоторою долею вѣроятія, можно предупреждать неблагопріятное зачатіе, частію же давать нѣкоторыя указанія для болѣе успѣшнаго новаго приплода.

Благодаря всѣмъ этимъ цивилизующимъ понятіямъ и ученіямъ новѣйшаго времени, культурные народы нашего вѣка, вообще говоря, дѣйствительно проникнуты болѣе разумными заботами о будущемъ плодѣ своемъ, чѣмъ предшественники ихъ, жившіе за нѣсколько столѣтій назадъ. Но внѣшняя форма жизни теперешнихъ культурныхъ народовъ сложилась такъ разнообразно и въ то же время она такъ сильно вліяетъ на условія ихъ существованія, что при обсужденіи какихъ-бы-то ни-было соціальныхъ вопросовъ настоящаго времени, нельзя терять изъ виду и этихъ особыхъ условій, тяготѣющихъ надъ каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, при совершенно одичаковыхъ воззрѣніяхъ того или другаго изъ культурныхъ народовъ на женщину, обратите однако вниманіе на положеніе ея среди фабричнаго и сельскаго населенія, въ городѣ и въ деревнѣ, подъ вліяніемъ скудости и достатка, и вы убѣдитесь, что, помимо господствующихъ воззрѣній среды, имѣетъ громадное вліяніе на судьбу женщины и прямо доступное ей благосостояніе. Прослѣдите жизнь женщины на фабрикѣ: пища плохая, работа долгая и изнурительная, совершаемая при дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Прослѣдите жизнь рабочей женщины, находящейся въ услуженіи въ частномъ домѣ, магазинѣ, конторѣ, живущей гдѣ-либо въ мастерской и т. д. Условія, окружающія ее здѣсь, немного лучше фабричныхъ. — Такая жизнь быстро подкашиваетъ здоровье, вслѣдствіе чего и поколѣніе, происходящее отъ матери, живущей при такихъ условіяхъ, при всемъ уваженіи къ ней со стороны и при всей страстной любви ея къ своему потомству, неизбѣжно отличается врожденною слабостію. Статистическія изслѣдованія показываютъ, что городскія и фабричныя населенія, вообще, отличаются большимъ количествомъ рожденій, сравнительно съ деревенскимъ населеніемъ; но за то оно отличается и огромнымъ количествомъ дѣтской смертности, зависящей нерѣдко прямо отъ врожденной слабости. Въ этомъ отношеніи еще со временъ Виллерме, мы имѣемъ не мало внушительныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что, напр., еще въ сороковыхъ годахъ, во Франціи, у ткачихъ и прядильщицъ 50% дѣтей умирали, не достигнувъ даже трети года отъ рожденія [1]). Подобныя же свѣдѣнія, касательно громадной смертности дѣтей на фабрикахъ, встрѣчаемъ у многихъ другихъ современныхъ авторовъ. Въ концѣ концовъ, статистики признаютъ, что фабрики и города громадно содѣйствуютъ ослабленію дѣтскаго населенія и такимъ образомъ неизбѣжно ведутъ населеніе къ вырожденію. Отсюда совершенно справедливо говорятъ, что если общество хочетъ имѣть здоровыхъ дѣтей и впослѣдствіи здоровыхъ гражданъ, то оно необходимо должно

[1]) Tableau de l'etat physique et morale des ouvriers employ és dans les manufactures. 1840.

позаботиться о возможно лучшемъ обезпеченіи положенія и продовольствія женщины вообще, вездѣ, на всѣхъ путяхъ ея жизни. Аргументальнѣе всего по этому поводу выражается Спенсеръ: «содѣйствовать размноженію плохихъ людей, —говоритъ онъ,— тоже самое, что безжалостно подготовлять для своего потомства множество враговъ» [1]).

Въ странахъ земледѣльческихъ, женщина болѣе хозяйка, болѣе самостоятельна, чѣмъ работница въ городѣ или на фабрикѣ; она даже въ страдную пору, несмотря на малый отдыхъ и скудное питаніе, живетъ все-таки несравненно лучше, потому что живетъ, по крайней мѣрѣ, на чистомъ воздухѣ. Отъ того-то и развитію поколѣнія ея, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, представляется болѣе благопріятствующихъ моментовъ. Городъ къ деревнѣ почти такъ же относится, какъ фабрика къ земледѣлію, почему и для жизни женщины въ городѣ, если только она не принадлежитъ къ достаточному классу, столь же мало благопріятствующихъ условій, какъ и на фабрикѣ; наоборотъ, въ деревнѣ столько же благопріятствующихъ условій для этого, какъ и вообще въ сельскомъ быту.

Пользуясь достаткомъ, мать можетъ со всею, свойственною ей сердечностію позаботиться объ охраненіи своего плода отъ вредныхъ вліяній. Но бѣдность и нищета заставляютъ ее не рѣдко подавлять самые лучшіе свои материнскіе инстинкты и сознательно рѣшаться даже на изведеніе плода или на одно изъ отвратительнѣйшихъ преступленій — дѣтоубійство, какъ это яснѣе увидимъ ниже. Въ этой формѣ преступленія, съ бѣдной рабочей женщиной можетъ съ успѣхомъ конкурировать развѣ только великосвѣтская мать, все вниманіе которой съ дѣтства, благодаря милой системѣ воспитанія, главнымъ образомъ, сосредоточено на самопоклоненіи и самоуслажденіи, а за тѣмъ питаніи и лицѣ. Благодаря этому направленію, великосвѣтская женщина нашего времени фигурируетъ преимущественно въ двухъ типахъ, а именно: или она погрязла въ лѣни и бездѣятельности и потому потеряла всякую способность наслаждаться даже правильными, необходимыми для здоровья движеніями, или же она не знаетъ отдыха отъ сильныхъ, потрясающихъ нервы впечатлѣній, отъ утомительныхъ скачекъ, танцевъ и въ добавокъ еще безъ милосердія и безъ нужды стягиваетъ свой станъ, что называется въ рюмочку, даже не въ первые мѣсяцы беременности и тѣмъ не только мѣшаетъ развитію своего плода, но даже нерѣдко прямо содѣйствуетъ выкидыванію и преждевременной смерти его. Въ этомъ послѣднемъ самоуродованіи и уродованіи своего плода, великосвѣтская женщина превзошла даже китаянокъ, которыя въ видахъ моды, по крайней мѣрѣ, уродуютъ себѣ ноги, для нихъ однѣхъ только нужныя, и совершенно въ покоѣ оставляютъ органы живота, составляющіе область, въ которой развивается нѣжный зародышъ человѣческаго существа. Какъ жаль, что ни за какую цѣну нельзя передавать беременность наемницѣ, какъ передается кормленіе грудью, а то наши великосвѣтскія барыни описанной категоріи, конечно, не преминули бы отдавать свои зародыши для вынашивания постороннимъ женщинамъ и что, впрочемъ, для этихъ зародышей безспорно было бы лучше! Странный обычай стягивать свою талію до крайности находитъ себѣ нѣкоторую аналогію лишь въ Японіи, гдѣ, по описанію Зибольда [1]), при первыхъ признакахъ беременности обвязываютъ талію матери краснымъ поясомъ (по Японски черъ-оби), при торжественной церемоніи. Этотъ поясъ, шириною въ три дюйма, по понятію Японцевъ, долженъ поддерживать и укрѣплять беременную женщину, которая стягивается имъ крѣпко на-крѣпко, и его нельзя перемѣщать съ той минуты, какъ его затянутъ до самыхъ родинъ. Только для этого счастливаго событія, снимаютъ съ матери несносный бандажъ [2]).

Жизнь, міровоззрѣнія и положеніе женщинъ въ семьяхъ такъ называемыхъ среднихъ классовъ всѣхъ странъ земнаго шара безспорно значительно лучше и нормальнѣе остальныхъ классовъ. Уже одно то обстоятельство, что здѣсь какъ женщины, такъ и мужчины громадную цѣну даютъ умственному капиталу, въ противуположность часто весьма непрочнымъ унаслѣдованымъ матеріальнымъ богатствамъ, заставляетъ эти классы съ большею настойчивостію стремиться къ образованію, которое въ самомъ дѣлѣ вѣрнѣе всего гарантируетъ ихъ отъ нужды и бѣдности, затѣмъ заставляетъ стремиться къ обогащенію своего потомства таковымъ же капиталомъ, относительно не такъ трудно пріобрѣтаемымъ, какъ капиталъ вещественный, и вотъ въ концѣ концевъ такія семьи, не преступивъ границъ благоразумія, даютъ жизни всего чаще и всего болѣе образцевъ нормальной, идеальной жизни человѣка и выращиваютъ въ нѣдрахъ своихъ всего болѣе образцевыхъ, дѣятельныхъ, дѣльныхъ и высокихъ гражданъ. Но въ семьѣ не безъ урода, поэтому-то и въ этой средѣ, особенно на рубежѣ къ мѣщанству, торгашеству, и такъ называемымъ буржуазнымъ направленіямъ, приходится встрѣчать также не мало примѣровъ отвратительной семейной жизни. Такъ, напр., по изслѣдованіямъ соціологовъ, въ одной Франціи въ настоящее время ежегодно рас-

---

(1 Спенсеръ. Изученіе соціологіи, стр. 518.

1) *Зибольдъ*: Путешествіе по Японіи, перев. Строева. 1854 года. Т. II, стр. 5.

2) О томъ же обычаѣ свидѣтельствуетъ Е. Коршъ въ своемъ путешествіи по Японіи (Современникъ. Т. XXXV).

торгается на 100 браковъ по 1%, а въ остальныхъ государствахъ Европы 0,35 и 0.70%. Ежегодно во Франціи совершается болѣе 1000 самоубійствъ вслѣдствіе семейныхъ непріятностей, ревности и разврата и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ около 3000 ежегодно возбуждаемыхъ процессовъ о разводѣ. Гдѣ же разгадка такого отвратительнаго семейнаго положенія современнаго буржуа? А вотъ гдѣ: «бракъ,—нерѣдко рѣшаетъ буржуа,—есть союзъ капиталовъ, средство поднять и разширить предпріятіе, ни больше, ни меньше». И вотъ вслѣдствіе того онъ иногда не беретъ на себя труда даже лично подыскать себѣ невѣсту, а все это дѣлаютъ привиллегированныя *свахи*, *сводни*, нѣкоторыя газеты и такъ назыв. *брачныя агенства*, особенно развитыя во Франціи. Въ одномъ Парижѣ, напр., считается въ настоящее время такихъ агентствъ не менѣе 60. Представители ихъ имѣютъ доступъ во многіе салоны богатыхъ буржуа, или сами содержатъ таковые, гдѣ они принимаютъ солидныхъ жениховъ и богатыхъ невѣстъ и въ которыхъ иногда стотысячные браки рѣшаются въ двѣ минуты, т. е. въ такой срокъ, какого, по острому замѣчанію французовъ, едва достаточно для того, тобы сварить яйцо... Мужчина и женщина, сходящіеся при такихъ условіяхъ, очевидно, представляютъ собою только двѣ слагаемыя единицы; бракъ есть *итогъ*, а дѣти, родящіяся отъ умноженія этихъ двухъ факторовъ, составляютъ лишь неизбѣжный *продуктъ*. Слова: любовь, честь, прелесть, молодость здѣсь не имѣютъ мѣста, какъ въ трактатѣ о теоріи вѣроятностей. Какого же блага ждать семьѣ буржуа отъ такой коммерческой сдѣлки двухъ особей? А вотъ какаго: нигдѣ болѣе и такъ часто, какъ въ этихъ коммерческихъ семьяхъ, докторъ не слышитъ просьбы дать совѣтъ,—какъ-бы оградить себя отъ многочисленнаго потомства,—«намъ не нужно болѣе двухъ дѣтей, докторъ, а отъ остальныхъ вы какъ нибудь избавьте насъ, или же нарождающихся сверхъ двухъ мы прямо будемъ отправлять въ Воспитательный Домъ»?!. Нигдѣ болѣе самъ докторъ не наслышится насчетъ препятствій, полагаемыхъ самими родителями, къ оплодотворенію: тутъ идутъ въ ходъ и губки, и спрынцеванія, и какія-то особыя колпачки, придуманныя изобрѣтательными техниками, накладываемые на рыльце uteri, и тому подобныя омерзительныя мѣропріятія?!. И послѣ всего этого чета, такъ безумно дѣйствующая, вопреки законовъ природы, расчитываетъ сохранить здоровье!.. Это невозможно!.. Наоборотъ, отсюда проистекаетъ такая громадная масса всевозможныхъ современныхъ мужскихъ, женскихъ, нервныхъ, психическихъ и другихъ болѣзней, отсюда же въ семьяхъ современной буржуазіи встрѣчается такая масса всевозможныхъ прекаженій, скорыхъ разводовъ, самоубійствъ, убійствъ и т. п...

Древніе Славяне, по словамъ лѣтописцевъ, видѣли въ женщинѣ нѣчто священное, сверхестественное. По ихъ воззрѣнію, она обладаетъ вѣщею силою, знаніемъ тайнъ природы, всесильными чарами волшебства. Любовь къ женщинѣ—это есть дѣйствіе волшебныхъ чаръ ея. Въ русскихъ пѣсняхъ еще и теперь нерѣдко намекается на эту волшебную силу, напримѣръ «безъ прилуки молодецъ къ дѣвушкѣ не ходитъ» и т. д. «Женскія пѣсни славянскихъ племенъ,—замѣчаетъ Буслаевъ, [1])—безспорно говорятъ въ пользу той мысли, что народные обычаи, вѣрованія и вообще эпическая старина на половину обязана своимъ происхожденіемъ душевнымъ способностямъ женщины, которыхъ быстроту и воспріимчивость объясняла себѣ суевѣрная старина *вѣщею* силою».—Кромѣ того славянскія женщины ходили на войну наравнѣ съ своими мужьями, наравнѣ съ ними храбро дрались, наравнѣ съ ними занимались охотой въ лѣсахъ и вообще образомъ жизни своей не отличались отъ мужчинъ. Все это вмѣстѣ высоко ставило женщину въ древнеславянскомъ мірѣ. Но при этомъ слѣдуетъ сказать, что славяне дѣлились на множество отраслей и нерѣдко смѣшивались со многими полудикими, азіатскими выходцами алтайской расы: мерей, чудью, муромой, половцами, берендеями, монголами и т. д. Это въ свою очередь заставляло ихъ значительно разнообразить и свои коренные нравы. Такъ, говоря о нравахъ славянскихъ, особенно славянъ Россійскихъ, Несторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Поляне, были кротки и тихи обычаемъ, стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностію между ними; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Но на ряду съ этими Полянами жили другіе Славяне, напримѣръ Древляне, Родимичи, Вятичи, Сѣверяне, отличавшіеся дикостію нравовъ, не вѣдавшіе цѣломудрія, а иногда и брачныхъ союзовъ. [2]) Объ этихъ-то Родимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ Несторъ говоритъ, что они сходились изъ разныхъ селъ на игрища и тутъ умыкали въ жены себѣ дѣвушекъ, предварительно согласившись съ ними, «схожахуся на игрища, на плясанье и на всѣ бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». О Древлянахъ Несторъ также говоритъ, что они «умыковаху уводы дѣвиця».—По смыслу Нестеровой лѣтописи у Полянъ мужъ жилъ въ брачномъ союзѣ только съ одною женою, тогда какъ другіе «имѣху по двѣ и по три жены». [3]) У Мстислава перваго, какъ извѣстно было

[1]) Буслаевъ: Историческіе очерки русской словесности и искусства 1862 г.

[2]) Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго 1842 г. К. 1. гл. 3, стр. 38.

[3]) Неволинъ: Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ 1858 г., стр. 128.

семь женъ, у Вратислава Поморскаго 5 женъ и 24 наложницы, у Владиміра 6 женъ и 800 наложницъ.

Что касается степени родства при совершеніи браковъ, то, согласно смыслу лѣтописи Нестора, кажется, у нѣкоторыхъ Славянъ эти степени не были соблюдаемы, покрайней мѣрѣ въ такой строгости, какъ у Поляпъ.—[1])— Наоборотъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ находимъ намеки даже прямо на кровосмѣсительные браки. Когда Илья Муромецъ спрашивалъ у Соловья Разбойника: отчего у него «дѣти въ единъ ликъ»? то Соловей отвѣчалъ:

> Я сына то выращу,—за него дочь отдамъ,
> Дочь выращу—отдамъ за сына,
> Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился.

Намеки на такіе же браки отчасти встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. [2]) Наконецъ иногда у Славянъ практиковался и такой дикій обычай, какъ смерть и сожиганіе жены вмѣстѣ съ трупомъ мужа, исходя изъ того убѣжденія, что жена и мужъ столько-же взаимно необходимы другъ для друга въ загробной жизни, какъ и въ настоящей.

> Беретъ Василиса булатный ножъ,
> Испорола себѣ Василиса груди бѣлыя,
> Покрыла себѣ Василиса очи ясныя
> И умерла рядомъ съ своимъ любимымъ Даніломъ.

О томъ же есть свидѣтельство у Ибнъ Фоцлана, Массуди, Димешки, Френа и другихъ. [3])

Изучая положеніе женщины среди Славянства вообще и россійскаго въ особенности, въ первоначальной русской исторіи мы встрѣчаемъ типическій образъ женщины въ лицѣ Ольги, бывшей великимъ мужемъ своего вѣка. Она правитъ Государствомъ, какъ князь, предводительствуетъ войскомъ, мститъ Древлянамъ за смерть своего мужа, покоряетъ ихъ Кіеву, путешествуетъ въ Грецію, распространяетъ христіанство, ѣздитъ на охоты, ходитъ по странѣ, опредѣляетъ порядки и т. д. Подобныхъ княгинь находимъ и въ другихъ городахъ. Затѣмъ видимъ русскихъ женщинъ на вѣчахъ, судебныхъ поединкахъ и т. д.

Идея подчиненности женщины, какъ низшей натуры, стала развиваться на Руси прежде всего подъ вліяніемъ упомянутыхъ выше азіатскихъ выходцевъ и затѣмъ подъ вліяніемъ Византизма. Отъ того-то въ средневѣковый періодъ мы находимъ роль русской женщины крайне незавидною въ домашнемъ быту ея: въ этомъ согласны и отечественныя свидѣтельства упоминаемой эпохи и замѣчанія иноземныхъ путешественниковъ и даже народная наша поэзія, всегда впадающая въ унылый тонъ, когда изображаетъ судьбу женщины въ домашнемъ быту ея или чужихъ людяхъ, т. е. внѣ родной семьи. Понятенъ поэтому и тотъ враждебный взглядъ на женщину, какой существовалъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ нашей литературы, напр., Домостроя и т. д. Въ Домостроѣ попа Селиверста по отношенію къ женѣ рабѣ, напр., рекомендуется прямо палочная система и плетка, а мужъ уполномачивается до роли такого самодура, которому приличнѣе блистать своими правами «въ какой либо арестанской ротѣ» чѣмъ въ семьѣ. «Иванъ Грозный и Титъ Титычъ Брусковъ,—говоритъ не безъ права Шашковъ,—являются каждый въ своей сферѣ порожденіями и представителями однихъ и тѣхъ же принциповъ».

Подъ вліяніемъ Византизма исчезъ обычай сожиганія вдовъ, но водворился другой нравственно обязательный обычай — постриженія вдовъ; изъ каждой семьи образовались своего рода монастыри, въ которыхъ по домострою, отецъ семейства назывался игуменомъ. Родители стали мужчину женить, а дѣвушку выдавать замужъ, тѣмъ болѣе, что и сама церковь требовала, какъ она требуетъ и теперь, согласія родителей при вступленіи въ бракъ дѣтей. При вступленіи въ бракъ рабовъ, церковь также требовала согласія господина. А такъ какъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій въ Россіи господствовало крѣпостное право, то можно себѣ представить сколько женщина страдала за это время отъ мужчины — отца, мужа, барина и т. д. — Кромѣ того у бояръ вельможъ и царей завелись въ свое время терема, мрачные, тѣсные, душные, въ которыхъ запирались и воспитывались женщины и дѣти и потянулась монотонно уныло жизнь русской женщины при самой дурной нравственной и гигіенической обстановкѣ, пока наконецъ могучій реформаторъ Россіи, Петръ Первый, своей мощной рукой не освободилъ ихъ отъ этого невольнаго затворничества и не далъ имъ возможности искать радостей въ жизни, покрайней мѣрѣ согласно съ своими естественными, а кто могъ и хотѣлъ, и разумными желаніями.

Нашихъ предковъ женили и выдавали замужъ очень рано, опираясь въ этомъ случаѣ на византійскіе законы, которые будучи составлены для людей юга, гдѣ половая зрѣлость достигается гораздо скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ, опредѣлили minimum возраста для жениха 14, а для невѣсты 12 лѣтъ. [1])

Стоглавъ требуетъ отъ перваго 15, а отъ второй 12 лѣтъ [2]). — Въ позднѣйшемъ Сѵнодскомъ указѣ, 1744 г., возрастъ для вступленія въ бракъ мужчинъ былъ опредѣленъ въ 15 лѣтъ, а женщинъ въ 13. Въ 1830-мъ году для предохраненія отъ вред-

---

[1]) К. А. Неволинъ, ibid. стр. 133.

[2]) С. С. Шашковъ: очерки исторіи русской женщины, стр. 30.

[3]) С. С. Шашковъ: очеркъ исторіи русской женщины, стр. 15.

[4]) Неволинъ ibid; стр. 136. Д. Иловайскій: Розысканія о началѣ Руси. 1882 г. стр. 21.

[1]) Неволинъ, ibid стр. 162.

[2]) Стоглавъ 1863 г. гл. 18.

ныхъ послѣдствій, какія происходятъ отъ сочетанія браковъ между несовершеннолѣтними Высочайшимъ Указомъ опредѣлены были лѣта для вступающихъ въ бракъ: жениху 18, невѣстѣ 16 лѣтъ. Что касается вступленія въ бракъ людей престарѣлыхъ, то въ древнія времена каноны запрещалъ обязываться брачнымъ союзомъ уже 60-ти лѣтнимъ; въ существующемъ теперь сводѣ законовъ изложено запрещеніе вступать въ бракъ лицамъ, имѣющимъ болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду [1]).

Въ низшихъ классахъ русскаго народа бракъ до сихъ поръ носитъ характеръ по преимуществу формально-экономическій. Хотя большинство русскихъ народныхъ пѣсень переполнено выраженіями любви и скорбей сужепаго къ ряженой, милаго къ милой и обратно, но на практикѣ дѣлается далеко не по пѣснямъ, и женихъ съ невѣстою рѣдко соединяются по собственному желанію и влеченію. Наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ, парню выбираютъ невѣсту родители, а нерѣдко присужаютъ вообще домашніе и присужаютъ такую, которая была бы хорошей работницей въ семьѣ, была бы вынослива и здорова, да и приданое пришесла. Такимъ образомъ невѣста въ свою очередь поступаетъ въ новый домъ болѣе или менѣе цѣнпымъ, доходнымъ и дѣловымъ товаромъ, причемъ только отчасти иногда принимаются въ расчетъ инстинкты любви, тѣмъ болѣе, что и по философіи народной, выражающейся въ разныхъ поговоркахъ и легендахъ, природа всѣхъ женщинъ совершенно одинакова. Въ силу тѣхъ же экономическихъ соображеній крестьянства, браки въ немъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ большинствѣ случаевъ, совершаются между молодыми людьми вскорѣ послѣ наступленія періода физической зрѣлости, а именно мужчины и преимущественно холостые вступаютъ въ бракъ отъ 18 до 22 лѣтъ, а дѣвушки отъ 16 до 21 года. Браки въ слѣдующихъ возрастахъ совершаются большею частію между вдовыми, при чемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ соблюдается также то правило, чтобы женщина была моложе мужчины; браки же неровные вообще составляютъ крайнюю рѣдкость. «Выборъ невѣсты, - говоритъ священникъ Колеровъ, Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи,— задача многосложная и трудная. Разумѣется, жениху всего нужнѣе красота, развязность и хорошій нарядъ невѣсты; но на жениха не очень то смотрятъ въ этомъ случаѣ: дѣло это главнымъ образомъ рѣшаютъ отцы съ матерями и старшіе родственники. Конечно, и они берутъ въ расчетъ красоту и нарядъ, но для нихъ важнѣе здоровье невѣсты, ея способность и охота къ труду, состояніе ея родителей и родственниковъ, а также и образъ ихъ жизни. О здоровьи судятъ по росту и дородству; чтобы убѣдиться въ ловкости, заставляютъ невѣсту ходить, повертываться и поднимать вверхъ руки; чтобы не взять урода и неряху, оглядываютъ дѣвушку съ головы до ногъ, приглядываются къ чистотѣ и свѣжести ея лица, осматриваютъ руки, ноги и даже пальцы на ногахъ. О способности къ работѣ заключаютъ потому, какъ она работала въ дѣвицахъ, какъ работаютъ ея ближайшіе родные. «Что касается до состоянія родителей и родственниковъ невѣсты, то оно нужно единственно только для того, чтобы было у кого на праздникахъ погостить. Впрочемъ, какъ ни разнообразны эти требованія, все таки въ большинствѣ случаевъ браки составляются къ общему удовольствію. Послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости это особенно замѣтно. Молодая женщина, вступая въ семью мужа, почти всегда пользуется покровительствомъ и защитою мужа противъ свекрови и сноxъ, которыя въ большинствѣ случаевъ бываютъ или кажутся недовольными невѣсткой. Конечно, ей приходится для того, чтобы заслужить расположеніе семьи, услужить старшимъ и, какъ говорится, со всѣхъ ногъ бросаться туда, куда ей предлагаютъ идти. Всѣ лица женскаго пола обыкновенно работаютъ въ домѣ одинаково, за исключеніемъ старшей, которая всегда находится у стряпни. Впрочемъ относительно молодой, только что приведенной женщины, слѣдуетъ сказать, что первые годы замужства ее не обремѣняютъ работами, особенно тяжелыми, въ родѣ пашни, но напротивъ всегда оберегаютъ ее, исключая крайностей, когда, напр. въ домѣ совсѣмъ нѣтъ работниковъ и работницъ». Результаты такихъ браковъ не безслѣдны: молодость и здоровье супруговъ даютъ сначала хорошее потомство, затѣмъ когда силы затянувшейся семейной работой жены ослабѣютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ, или даже совсѣмъ исчезаетъ и другой элементъ, никогда впрочемъ въ большинствѣ случаевъ и не связывавшій особенно крѣпко супруговъ, именно взаимное душевное расположеніе; то обыкновенно вслѣдъ за развивающеюся такимъ образомъ холодностью и равнодушіемъ супруговъ скоро появляется въ мужѣ чувство самодержавія, нелѣпаго деспотизма, безсмысленнаго самодурства и какъ горька тогда становится жизнь русской женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея потомства. Правда, иногда перевѣсъ въ семьѣ беретъ и жена, особенно жена сварливая, неугомонная, и тогда, напротивъ, въ высшей степени несносною становится жизнь мужа, особенно если такой женѣ попадется мужъ тихій или, какъ говорится по русски, безотвѣтный; тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что деспотизирующее вліяніе со всѣми дурными его послѣдствіями въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится испытывать женѣ отъ мужа, а не наоборотъ.

[1]) Неволинъ, ibid., стр. 113—166.

Что касается уваженія къ беременной женщинѣ, то у насъ на Руси оно существовало съ незапамятныхъ временъ. Древніе Славяне, по сказаніямъ старины, считали въ числѣ своихъ боговъ Родъ и Рожаницъ [1]), изъ чего можно заключить, что языческіе Славяне когда-то поклонялись акту родовъ, возводя его въ таинство природы, а потому безъ сомнѣнія они всегда съ уваженіемъ относились и къ будущей виновницѣ этого акта—беременной. Обычай такого уваженія, несомнѣнно, сохранялся и во все остальное время историческаго существованія русскаго народа. Правда, древнія лѣтописи не даютъ намъ подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но наши цари жили въ старину, строго придерживаясь коренныхъ обычаевъ своего народа, а потому по сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ объ ихъ домашнемъ бытѣ отчасти можно заключить и о тѣхъ обычаяхъ, которыхъ придерживались всѣ остальные слои древнерусскаго населенія. Въ изслѣдованіяхъ И. Е. Забѣлина [2]) относительно послѣднихъ дней беременности царицы находятся свѣдѣнія такого рода: «Когда приспѣетъ время (родить), государыня царица весьма часто выходила на богомолье, служила молебенъ, раздавала милостыню. Есть такія извѣстія, что когда наступало время родить, царица служила въ своихъ хоромахъ молебенъ съ водосвятіемъ и *садилась на мѣсто*. Мы не знаемъ, что это значитъ, но вотъ оффиціальная записка, «въ 1634 году Марта 30-го (слѣдовательно за 18 дней до рожденія царевны Пелагеи Михайловны 17 Апрѣля), у царицы Евдокіи Лукьяновны въ хоромахъ пѣли молебенъ и воду святили, какъ она государыня сѣла на мѣсто». Въ 1673 году Августа 14-го, за 8 дней до рожденія царицы Наталіи Алексѣевны, 22-го Августа такимъ же образомъ «сѣла на мѣсто» царица Наталія Кириловна»,—и т. п. Приведенная цитата при всей отрывочности своей, показываетъ однако, что беременная на Руси дѣйствительно издавна берегла себя, согласно собственнымъ понятіямъ и понятіямъ своей среды, а вмѣстѣ съ тѣмъ берегла и носимый плодъ свой.

Что касается заботъ, оказываемыхъ беременнымъ женщинамъ окружающей средой въ современномъ крестьянскомъ быту въ Россіи, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что заботы эти здѣсь вообще не препебрежены. «Если женщина забеременила, говоритъ священникъ Колеровъ, Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи,—то не только не заставляютъ ее, но даже и положительно запрещаютъ ей дѣлать что нибудь тяжелое».—Въ большинствѣ случаевъ и сами беременныя, соотвѣтственно своимъ понятіямъ и по мѣрѣ возможности стараются беречь себя; но при этомъ нельзя, конечно, не сказать и того, что благодаря своей простой жизни и хорошему здоровью, онѣ часто слишкомъ злоупотребляютъ своими силами, не оставляя иногда привычныхъ работъ своихъ до послѣдняго момента беременности. «Ребенокъ уже на выходѣ,—говоритъ М. М. Поспѣловъ въ своемъ рукописномъ очеркѣ по Ветлужскому краю, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи,—а мать продолжаетъ жать, молотить, воду носить и вообще исправлять всѣ тяжелыя домашнія работы. Но вотъ оплошала. Пошла коровамъ кормъ задавать и разрѣшилась въ хлѣвѣ на навозѣ.»—Вникая въ ближайшія причины этихъ аномалій, слѣдуетъ однако въ утѣшеніе себѣ сказать, что въ такихъ случаяхъ все-жъ таки по большей части бываетъ виновата не среда людская, вообще расположенная на Руси относиться къ беременной сочувственно и гуманно, по виной этому или—чаще всего обстоятельства, напримѣръ таковыя, что мужъ ушелъ на сторону въ заработки, а жена, оставшись дома, приняла на себя трудъ почти одной работать на свой домъ, или, напримѣръ, когда при малонаселенности края обрабатывается земли большее пространство, чѣмъ можно найти для этого свободныхъ рабочихъ рукъ, причемъ идетъ на работу, что называется, старъ и младъ и гдѣ между прочимъ иногда чрезвычайно утомляются также и беременныя, или же въ подобныхъ случаяхъ иногда прямо бываютъ виноваты сами беременныя, благодаря невѣжественности своихъ понятій, собственной небрежности и самонадѣянности, какъ показываютъ многочисленные примѣры. Не даромъ же поэтому существуетъ даже народное повѣрье, что уроды, слѣпые, хромые и глухонѣмые большею частію рождаются отъ какой либо неосторожности беременной женщины: убоевъ, паденія, неумѣренныхъ движеній, болѣзни и т. п.

Касательно обычаевъ русскихъ инородцевъ въ упомянутыхъ выше отношеніяхъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія.

По изслѣдованіямъ д-ра Кербера [1]), у *Эстонцевъ* Дерптскаго округа женщина выходитъ замужъ всегда 5 годами раньше мужчины, (что объясняется тѣмъ, что она ранѣе достигаетъ зрѣлости). Наибольшее число браковъ (66%) бываетъ между холостымъ мужчиной и дѣвушкой и обыкновенно въ возрастѣ 20—24 лѣтъ. При бракѣ вдовца съ дѣвушкой разница въ лѣтахъ достигаетъ до 10

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ: исторія русской женщины съ древнѣйшихъ временъ. Ч. 2. 1879 г. стр. 293—297.

[2]) Ив. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени. От. Запис. № 1. 1854 г. стр. 1 и 2.

[1]) Біостатика церковныхъ приходовъ въ Дерптскомъ округѣ и пр. (Архивъ судебной медицины и пр. 1865 г. ч. 1. кн. 2 стр. 14—15.)

лѣтъ; при бракахъ же вдовы съ холостымъ, наоборотъ, жена бываетъ старше 6-ю годами. Переходя къ причинамъ, вліяющимъ на число и полъ родящихся отъ брака дѣтей, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ. Наибольшее число дѣтей (69%) родится отъ браковъ между мужчиной 15—39 лѣтъ и съ болѣе молодой женщиной. Браки же, гдѣ тотъ и другая стары или значительно разнятся лѣтами, менѣе плодородны. Отъ браковъ первой категоріи родится относительно менѣе мальчиковъ (112:100). Въ прочихъ преобладаютъ дѣвочки (96:100); ближе всего подходитъ къ первой категоріи тотъ случай, гдѣ женщина старѣе мужчины (мальч. къ дѣвоч., какъ 99:100). Относительно большій процентъ мальчиковъ отъ браковъ первой категоріи все увеличивается, чѣмъ моложе мужъ и жена (maximum въ 20—24 г.)

У *Армянъ* Нахичеванскаго уѣзда, Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Зелинскаго,[1]) родители всѣми силами стараются женить своихъ дѣтей не позже достиженія ими совершеннолѣтія. Мать взрослаго сына въ особенности сильно хлопочетъ пріобрѣсти себѣ помощницу въ лицѣ своей невѣстки. Бываетъ не мало случаевъ, когда матери обручаютъ своихъ дѣтей еще въ колыбели, нерѣдко также онѣ связываютъ ихъ узами будущаго сожительства еще до рожденія. У армянъ юноша обыкновенно не выбираетъ для себя невѣсты, а объ этомъ заботятся его родители или близкіе родственники. Онъ старается только, чтобы гдѣ нибудь, по крайней мѣрѣ, увидать физіономію своей будущей жены, хотя бы издали, что легко достигаетъ, такъ какъ дѣвушки не скрываются, хотя и не говорятъ съ мужчинами. Родители дѣвушки обыкновенно не сразу соглашаются выдать свою дочь за того, за кого ее сватаютъ, такъ какъ такая поспѣшность считается предосудительною. Во имя приличія, они заставляютъ просить много разъ и вести долгіе переговоры о своей дочери. Самую свадьбу, по понятіямъ туземцевъ, составляетъ не церковный обрядъ, а торжество, которое устраиваютъ до и послѣ вѣнчанія. Иногда церковный обрядъ совершается за мѣсяцъ до свадьбы, но невѣста продолжаетъ жить въ домѣ родителей и до свадебнаго торжества остается неприкосновенною. Свадьбу обыкновенно начинаютъ въ пятницу, съ утра которой и вплоть до вечера Воскресенья происходятъ различныя церемоніи, шествія и національныя танцы. Вечеромъ въ Воскресенье, послѣ того, какъ невѣста простится съ своими родителями и со всѣми своими домашними, ее приводятъ къ жениху сзади и она берется за платье своего суженаго, что означаетъ «отнынѣ должна слѣдовать за нимъ.»— Послѣ того начинается торжественное шествіе подъ звуки національной музыки или въ домъ жениха, если церковный обрядъ совершенъ былъ прежде, или въ церковь, если церковный обрядъ еще не былъ совершенъ. За тѣмъ слѣдуютъ торжества въ домѣ жениха. На шестой день приглашаютъ всѣхъ сосѣдокъ и родственницъ на утреннюю закуску, послѣ чего показываютъ имъ ту простыню, на которой спали новобрачные, въ доказательство того, что невѣста до прихода въ домъ мужа сохранила свою дѣвственность. Молодая супруга въ домѣ своего мужа, при жизни свекрови, не имѣетъ права быть самостоятельною хозяйкою, а влачитъ самую ужасную жизнь: она въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (иногда до 7 лѣтъ) должна ходить съ закрытымъ лицемъ, не должна говорить съ другими людьми, кромѣ мужа, отца, матери, сестеръ и братьевъ, а также робко, безмолвно обязана переносить всѣ капризы домашнихъ.

Положеніе женщины въ быту полудикихъ инородцевъ и номадовъ Россіи такое же зависимое и рабское, какъ и у невѣжественныхъ народовъ другихъ странъ. Вотъ какъ, напр., описываетъ положеніе женщины въ семьѣ *Аварцевъ* въ Дагестанѣ г. Трипольскій: «Трудъ въ домашнемъ и хозяйственномъ быту дѣлится у нихъ весьма не поровну между мужчинами и женщинами. Первые лѣтомъ и весной занимаются еще вспахиваніемъ земель и посѣвами на нихъ, косятъ травы на мѣстахъ болѣе ровныхъ и доступныхъ, пасутъ и частью ухаживаютъ за скотомъ дома, исключительно можно сказать за лошадьми и быками. Послѣднихъ запрягаютъ обыкновенно въ арбы и одноколки, которыя впрочемъ только имѣются у жителей аварской плоскости. За тоже едва ли не все остальное въ хозяйствѣ взваливается на женщинъ. Онѣ затапливаютъ очагъ, пекутъ чуреки и варятъ пищу, смазываютъ и бѣлятъ сакли внутри и на балконахъ, насыпаютъ землю на крышу, укатываютъ ее и смазываютъ глиной, ткутъ сукна для черкесовъ, моютъ бѣлье, одежду и обувь, приготовляютъ постели и дѣлаютъ шерстяные полосы и войлоки, носятъ воду и дрова, гдѣ есть лѣса, а гдѣ послѣднихъ нѣтъ, дѣлаютъ кизяки, собирая скотскій пометъ на стойлахъ, пастбищахъ и по дорогамъ. Ухаживаютъ, особенно зимою, и за домашнимъ скотомъ и птицей, сбиваютъ масло, приготовляютъ сыръ и вялятъ баранину. Наконецъ онѣ же полятъ, жнутъ и собираютъ хлѣба, таская на плечахъ, рядомъ съ пшаками громадныя вязанки сноповъ, сѣна и травы, которыя жнутъ серпами, а часто и прямо рвутъ руками на мѣстахъ гористыхъ и мало приступныхъ. Короче сказать, женщина у Дагестанскихъ горцевъ съ ранней молодости и до глубокой

[1]) Этнографическіе очерки изъ быта армянъ Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи, С. П. Зелинскаго (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. 1882. Вып. 2 стр. 5—13.

старости дѣлитъ трудъ въ хозяйствѣ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, и въ награду за то содержится ими и цѣнится чуть ли не хуже послѣдняго! Она лишена почти всѣхъ правъ гражданственности и въ брачныхъ союзахъ существо безвольное. Мужъ во всякое время имѣетъ право дать женѣ разводъ, точно также, какъ не спрашиваютъ ея согласія, когда женятся на ней. Чаще всего женятся по-разсчету, чтобы имѣть хорошую работницу, и чѣмъ здоровѣе и сильнѣе женщина, тѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ вѣсу въ домѣ. Мнѣ не разъ приходилось слышать восторженныя похвалы женамъ за то лишь, что онѣ поднимаютъ тяжесть вдвое большую, чѣмъ пшакъ. Понятно послѣ этого положеніе прекраснаго пола у Дагестанскихъ горцевъ. [1]) Въ подобномъ же родѣ бытописатели описываютъ положеніе женщины у *Хевсурсовъ*, *Пшавовъ*, *Тушинъ* на Кавказѣ, [2]) а также у большинства другихъ русскихъ полудикихъ инородцевъ

По свидѣтельству д—ра Рейнольскаго [3]) у *Киргизовъ*, все домашнее хозяйство, пряжи, витье веревокъ, доеніе кобылъ, коровъ и овецъ, уходъ за дѣтьми, складываніе и раскладываніе кибитокъ при перекочевкахъ лежатъ на обязанности женщинъ. Киргизъ же въ продолженіе всего лѣта, обезпеченный трудомъ своихъ женъ, лежитъ въ кибиткѣ, или разъѣзжаетъ по сосѣдямъ для того же покойнаго положенія, питья кумыса и собиранія новостей. *Остяки*, по словамъ д—ра Бѣлявскаго, о собакахъ заботятся болѣе, чѣмъ о своихъ женахъ. Остячки, говоритъ д-ръ Соколовъ, [4]) невольнически исправляютъ всѣ женскія нужды и даже безразсудныя требованія своихъ мужей, переносятъ съ одного мѣста на другое свои палатки, складываютъ и разбираютъ ихъ, шьютъ платья, искуссно вяжутъ ковры изъ травы, ловятъ рыбу и птицу, готовятъ кушанье, носятъ воду, рубятъ дрова, вялютъ рыбу, вяжутъ изъ нитокъ (дѣлаемыхъ изъ крапивы и тальниковой коры) невода и даже запрягаютъ оленей. Женщины у Самоѣдовъ, говоритъ д-ръ Соколовъ, [5]) считаются погаными: онѣ не должны переступать ни черезъ одежду мужей, ни черезъ постели. Если на дорогѣ лежитъ веревка, или другая какая либо вещь, особенно же промышленныя орудія, то женщина, идущая мимо нихъ, должна переложить ихъ на другое мѣсто и потомъ уже продолжать путь. Впрочемъ Самоѣдки пользуются большимъ почетомъ у своихъ мужей, чѣмъ Остячки: мужья стараются угождать имъ богатыми подарками и лучшими оленями, во время перекочевокъ. Оба пола у Пермяковъ Пермской губер., по словамъ г. Гасабова, [1]) весьма склонны къ разврату: дѣвственность невѣсты считается ни во что и Пермякъ охотно женится на дѣвушкѣ беременной, или даже на дѣвушкѣ, имѣющей дѣтей, которыя у нихъ называются «мірономъ», т. е. родившійся отъ міра. Супружеская вѣрность также рѣдка, что зависитъ отъ несоотвѣтственности лѣтъ брачущихся.—Черемисскія дѣвушки и женщины Пермской губерніи, по свидѣтельству г. Гасабова, большею частію честныя; между молодежью не бываетъ любовныхъ сношеній, вѣроятно, оттого, что Черемисы женятъ мальчиковъ и выдаютъ дѣвушекъ въ замужество почти всегда ранѣе, чѣмъ имъ минетъ 16 лѣтъ.

Въ беременномъ состояніи положеніе женщины у многихъ инородцевъ Россіи значительно измѣняется къ лучшему, хотя, вообще, и въ этомъ случаѣ онѣ далеко не пользуются всѣмъ вниманіемъ, какого бы заслуживали по своему исключительному положенію. У *Киргизовъ*,—по свидѣтельству Н. А. Маева, [2])—беременная женщина не избавляется ни отъ какой работы даже до послѣдняго дня своей беременности. Крѣпкое тѣлосложеніе и отсутствіе изнѣженности, въ большинствѣ случаевъ, помогаютъ киргизскимъ женщинамъ переносить всѣ труды; но иногда случается, конечно, что женщина сильно страдаетъ, до невозможности исполнить домашнія работы и подвергается болѣзненнымъ припадкамъ. Это явленіе въ глазахъ Киргизовъ кажется до такой степени ненормальнымъ, что они ищутъ для него особаго объясненія въ порчѣ злымъ духомъ (бабой-ягой) и т. п.—*Буряты*,—по свидѣтельсву г. Эліашевича,—очень дорожатъ дѣтьми, а потому сплошь и рядомъ безплодіе жены ведетъ къ разрыву брачныхъ узъ. За то своеобразныя заботы о плодѣ иногда начинаются у нихъ уже съ того времени, какъ только женщина забеременила. Будь она Ламантка, или обращенная въ православіе, лишь только почувствовала себя беременною, то, по общему совѣту съ супругомъ, приглашаетъ шамана (заговорщика—колдуна), главное дѣло котораго въ этомъ случаѣ зашаманить «Бахалды» (домоваго) и «Шитхира» (черта), чтобы они, когда родится ребенокъ, не вздумали посѣтить его и конечно или вовсе извести, или причинить вредъ его здоровью.

Плодовитость женщинъ считается въ Грузіи особымъ благословеніемъ Божіемъ, тогда какъ безплодная женщина считается весьма грѣховною передъ Богомъ; а потому, по народному обычаю, молодая женщина, по выходѣ замужъ, не имѣетъ права говорить съ отцемъ, матерью и братьями своего му-

---

[1]) Рейнольскій.—Медико топографическій очеркъ Внутренней Киргизской орды и пр. (сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и пр. 1875 г. Т. 1.)

[2]) Архивъ Судебной Медиц. 1867 г. кн. 2. стр. 7.

[3]) Медиц. Вѣстн. 1866 г. № 13.

[4]) Народы Россіи. Художественный Альбомъ 1877 г. стр. 412.

[5]) Ibid. стр. 11.

[1]) Статистически-Этнографическій очеркъ Пермской губерніи.

[2]) Киргизы. Этнографическій очеркъ Н. А. Маева, помѣщенный въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1871 года.

жа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина выноситъ не одну укоризну отъ свекрови, мужа и его семейства, а въ кругу простаго народа подвергается многимъ важныхъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ и во все это время мужъ отвѣчаетъ вмѣсто своей жены, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ Грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. [1]—Понятно послѣ того съ какимъ уваженіемъ и вниманіемъ должны относиться къ беременной въ Грузіи и всѣ окружающіе ея среды.—У *Армянъ* безплодіе женщинъ составляетъ также величайшее несчастіе. Въ такомъ случаѣ, по свидѣтельству бытописателей Кавказа, обыкновенно прибѣгаютъ къ массѣ средствъ, считающихся специфическими, каковыхъ по числености, можетъ быть, нѣтъ болѣе ни у одного народа. *Татары* и *Евреи*, какъ извѣстно, въ случаѣ безплодія, берутъ другихъ женъ. Въ концѣ концевъ всѣ эти народы, по любви своей къ потомству, очевидно не могутъ, по крайней мѣрѣ совсѣмъ презрительно относиться къ своимъ женамъ во время ихъ беременности. Женщина *Карагазска*,—по свидѣтельству И. Попова,— служа помощницей мужу и въ тоже время являясь довольно полновластной хозяйкой въ юртѣ, тѣмъ не менѣе, во время беременности не обращаетъ не себя ни малѣйшаго вниманія ни со стороны другихъ, ни своей собственной, поэтому она не старается ни разсчитать времени своего разрѣшенія, ни принимать никакихъ мѣръ къ предохраненію здоровья, какъ своего собственнаго, такъ и ребенка. Часто въ сумрачный зимній день, въ трескучій морозъ ѣдетъ Карагазска, безпечно покачиваясь на мягкой спинѣ спокойнаго оленя. Ѣдетъ себѣ по жолобообразной долинѣ, укромно спрятавшейся среди двухъ небольшихъ отроговъ Саяна и напѣваетъ пѣсню;—птица пролетаетъ,—она поетъ протяжно и съ грустными переливами: «кууее... коошъ... кууее... коошъ»; [1]) встрѣтится рѣчка на дорогѣ, она протяжно поетъ: «чэээшшъ [2])». Но женщина беременна и почувствовавши, что пришло время разрѣшиться, она сходитъ спокойно съ оленя и безъ долгихъ, тяжелыхъ мукъ, разрѣшается на снѣгу, исполняя сама обязанности акушерки. Столь же мало беременныя женщины обращаютъ вниманія какъ сами на себя, такъ и со стороны окружающихъ у *Самоѣдовъ* Архангельской губерніи и *Вогуловъ* Пермской губерніи, въ чемъ можно было убѣдиться изъ личныхъ распросовъ относительно этого предмета у представителей означенныхъ племенъ, бывшихъ на антропологической выставкѣ въ Москвѣ лѣтомъ 1879 года.

Сводя все сказанное объ охранѣ плода, мы видимъ, что въ дикомъ и полудикомъ состояніи человѣкъ не имѣетъ объ этомъ предметѣ ни малѣйшаго понятія и ни мало имъ не интересуется. Вступая въ гражданскую жизнь, человѣкъ начинаетъ понимать важность этого вопроса и ощупью, эмпирически наталкивается на нѣкоторыя, отчасти вѣрныя наблюденія, которыя возводитъ въ законъ и спѣшитъ послѣдній сдѣлать обязательнымъ для своихъ согражданъ. Наше время обильнѣе, чѣмъ какое либо, разнообразными наблюденіями въ этомъ направленіи; но въ сущности и наше время сдѣлало еще слишкомъ мало для того, чтобы результатами наблюденій его можно было смѣло, съ большой пользой и успѣхомъ пользоваться, какъ истиннымъ достояніемъ современной науки.

---

[1]) Народы Россіи. Художественный Альбомъ, 1877 г. стр. 395.

[1]) Птица.

[2]) Рѣчка.

ГЛАВА II.

ПЛОДОИЗГНАНІЕ И ДѢТОУБІЙСТВО.

Связь съ предыдущей главой.—Мотивы, поощряющіе плодоизгнаніе.—Произволъ дикаря въ первобытной семьѣ.—Суевѣрный страхъ къ уродамъ.—Нужда и тяжелое нравственное положеніе родителей, какъ причины дѣтоубійства.—Религія, законы и обычаи, дозволяющія дѣтоубійства.—Принципъ дѣтоубійства въ Греціи, Римѣ и у древнихъ европейскихъ народовъ.—Христіанское милосердіе къ дѣтямъ.—Запрещеніе дѣтоубійства Магометомъ.—Факты дѣтоубійства въ наше время.

Плодоизгнаніе и дѣтоубійство—эти два способа самоизведенія человѣчества—давно уже практикуются на разные лады у разныхъ народовъ, находясь нерѣдко въ ближайшей связи съ способами ухода за плодомъ, а также частію составляя одинъ изъ оттѣнковъ или послѣдствій такого ухода. Поэтому и мы полагаемъ нелишнимъ въ ряду своихъ изслѣдованій поставить отдѣльную, небольшую главу, посвященную разсмотрѣнію означеннаго предмета.

Древніе Греки и Римляне, вообще отличавшіеся высотой развитія своихъ идей, гражданственности и гуманныхъ воззрѣній во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе крайне изумляютъ насъ своимъ, весьма грубымъ взглядомъ на человѣческій плодъ. Плутархъ, напр., предлагаетъ вопросъ: нужно-ли считать дѣтей въ утробѣ матери за животныхъ, или нѣтъ? Платонъ заявляетъ, что во время утробной жизни ихъ нужно считать за животныхъ. Стоики шли далѣе и просто считали ихъ частицами нижней части нашего тѣла, а также несостоятельными животными. Эмпедоклъ отрицалъ въ нихъ животный характеръ. Діогенъ не признавалъ существованія души въ новорожденныхъ, а Герофилъ называлъ ихъ несовершенными животными [1]).—Въ силу таковыхъ воззрѣній въ древней Греціи безъ всякой церемоніи процвѣтало истребленіе плода. По ученію Аристотеля, у каждой четы наличное число дѣтей должно быть согласовано съ ихъ средствами; если-бы, однако, случилось, что жена, имѣющая уже законченное число дѣтей, забеременѣла, то должно вытравить плодъ прежде, чѣмъ у него явится ощущеніе и жизненность, ибо лишь съ проявленіемъ жизни и ощущенія плода рѣшаютъ, какъ по закону и по совѣсти поступить съ нимъ [2]).—Гиппократъ разсказываетъ, что онъ самъ у прекрасной рабыни изгонялъ плодъ по требованію госпожи. Отъ Аэція мы знаемъ, что знаменитая своею красотою и умомъ греческая гетера Аспазія прибѣгала къ нѣкоторымъ рецептамъ и средствамъ для произведенія выкидышей. Тоже дѣлали и другія куртизанки древней Греціи зачастую и это не считалось ими за преступленіе, даже и для участвовавшихъ въ томъ врачей [1]).

Плодоизгнаніе въ Римѣ также было весьма распространено; оно находило себѣ даже такихъ защитниковъ, какъ Плиній старшій, говорившій, что есть такія женщины, которыя непремѣнно погибли-бы, если-бы не прибѣгали къ помощи упомянутаго средства. Плавтъ замѣчаетъ, что женщины иногда скрываютъ свою беременность, потому что боятся, что ихъ принудятъ къ выкидышу, или дѣтоубійству. Ювеналъ говоритъ, что искусство истребленія плода дошло до того, что рѣдкая римская женщина изъ высшаго круга бываетъ долго беременна [2]).

Не лучшія отношенія къ плоду встрѣчаются въ древнихъ государствахъ и восточной цивилизаціи. Въ Китаѣ, напр., вытравленіе плода до сихъ поръ принадлежитъ къ заурядными явленіямъ и неподлежитъ карѣ. Въ Индіи до сихъ поръ на рынкахъ открыто продаются средства для плодоизгнанія [3]).—Въ древней Персіи всегда заботливо хлопотали о приращеніи населенія и потому здѣсь не было ни надобности, ни обычая для истребленія плода; но въ современной Персіи,—по словамъ Поллака, внѣбрачная жизнь всегда кончается выкидышемъ, при помощи особенныхъ крючковъ, операцію которыми обыкновенно производятъ повивальныя бабки съ немалымъ искусствомъ [4]).—Въ древнемъ Египтѣ также усердно хлопотали о приращеніи населенія и потому не было ни поводовъ, ни надобности для плодоизгнанія; но въ современномъ Египтѣ плодоизгнаніе весьма распространено и имъ занимаются особенно арабскіе медики [5]).—Въ современной Турціи, заимствовавшей главнымъ образомъ восточную цивилизацію,—по словамъ Риглера, истребленіе

---

1 J. Huegol. Die Findelhaeuser und das Findelwesen. Wien 1863. S. 6—7.

2) К. Шмидтъ. l. c. стр. 321.

1) Каспферъ. Судебная медицина. Ч. III. Отд. 3. (Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ. 1875 г. Т. II..

2) А. Михайловъ. Наши дѣти. С.-П. 1881. стр. 36—37.

3) Шашковъ. Дѣтоубійство, ст. 349—350.

4) Pollak. Persien. T. I. S. 219.

5) К. Шмидтъ. l. c. стр. 478.

плода принято даже среди замужнихъ женщинъ; у незамужнихъ же оно является почти правиломъ. Этимъ дѣломъ занимаются главнымъ образомъ еврейки [1]).

Высоко гуманная христіанская религія приняла подъ свое покровительство не только человѣка, но и его зародышъ, а потому объявила съ своей стороны строгое осужденіе всѣмъ плодоизгнателямъ. Согласно съ этими воззрѣніями религіи, гражданскіе и церковные законы всѣхъ христіанскихъ государствъ всѣми мѣрами защищаютъ человѣческій зародышъ отъ истребленія; но тѣмъ не менѣе преступленія этого рода все-таки не перестаютъ повторяться до сихъ поръ. Въ Парижѣ, напр., по увѣренію Тардьё, открыто указываютъ на дома, въ которыхъ желающія могутъ получить преступное пособіе для прекращенія беременности, и слава такихъ притоновъ преступленія перешла далеко за предѣлы столицы Европы [2]). Американскія газеты почти открыто публикуютъ о плодогонныхъ средствахъ, печатая объявленія о разныхъ кровоочистительныхъ пилюляхъ, съ многозначащимъ предостереженіемъ не увеличивать дозы пріемовъ ихъ для беременныхъ, такъ какъ это можетъ вызвать преждевременные роды [3]). Тайлоръ и Деверъ уже давно засвидѣтельствовали, что въ Англіи сильно распространено профессіонное истребленіе плода, а другіе авторы подобное же свидѣтельствуютъ относительно Германіи [4]) и другихъ культурныхъ христіанскихъ странъ Европы.

Если такого рода возмутительные факты представляютъ намъ народы болѣе или менѣе развитой цивилизаціи, то спрашивается: какихъ же воззрѣній и отношеній къ человѣческому зародышу ждать отъ грубой массы дикарей, которыхъ кромѣ того обыкновенно гнететъ безвыходная бѣдность.

О старинныхъ Индѣйцахъ Америки, напр., авторы говорятъ, что бѣдность и постоянныя лишенія нерѣдко заставляли ихъ женъ избавляться отъ дѣтей еще до ихъ рожденія, посредствомъ плодоизгнанія [5]).—На Сандвичевыхъ островахъ каждое семейство имѣетъ обыкновеніе воспитывать только небольшое количество дѣтей; остальныя же умерщвляются [6]). Недавно законъ объявилъ здѣсь дѣтоубійство уголовнымъ преступленіемъ; но за то усилилось плодоизгнаніе, какъ это всегда бываетъ въ варварскихъ странахъ, гдѣ законъ начинаетъ преслѣдовать дѣтоубійство. На островѣ Формозѣ женщинамъ, подъ видомъ стыда и грѣха, не дозволяется родить до 30 лѣтняго возраста, хотя не запрещается вступать въ бракъ въ самые юные годы; въ случаѣ беременности до 30 лѣтняго возраста жены обязательно производятъ вытравленіе плода [1]).—Въ Камчаткѣ, по свидѣтельству Крашенинникова, женщины часто стараются сдѣлаться безплодными или вытравить плодъ также посредствомъ травы и кореньевъ [2]).—Эскимосы, кочующіе по берегамъ Гудзонова залива, часто заставляютъ своихъ женъ производить плодоизгнаніе посредствомъ принятія годныхъ для этого травъ [3]). Подобныхъ примѣровъ можно было-бы не мало привести изъ обычаевъ и другихъ дикихъ и полудикихъ народовъ. Тутъ скорѣе можно жаловаться на избытокъ фактовъ, чѣмъ на ихъ недостатокъ, однако излишнее перечисленіе этихъ фактовъ только слишкомъ удлинило-бы изглагаемую главу, безъ существеннаго объясненія дѣла.

Повсемѣстность распространенія дѣтоубійства, какъ въ этомъ скоро убѣдимся изъ приведенныхъ ниже фактовъ, прежде всего слѣдуетъ объяснить слишкомъ безконтрольнымъ деспотизмомъ въ первобытной семьѣ одного человѣка, именно отца; жена и дѣти составляютъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, его собственность, рабовъ, жизнь и смерть которыхъ зависятъ отъ его произвола. Кап. Байронъ разсказываетъ слѣдующій, видѣнный имъ случай: одинъ Кацикъ, племени Чоносъ, христіанинъ на словахъ, возвращался вмѣстѣ съ своею женою съ ловли морскихъ ежей. Ловля была малоуспѣшна и онъ находился въ весьма дурномъ расположеніи духа. Маленькій мальчикъ ихъ, лѣтъ трехъ, котораго они, повидимому, очень любили, ждалъ возвращенія своихъ родителей на берегу моря и побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу на прибой. Отецъ подалъ мальчику корзину съ морскими ежами, но она оказалась настолько тяжела, что ребенокъ уронилъ ее. Тогда отецъ выскочилъ изъ лодки, схватилъ ребенка и изо-всей силы ударилъ его о камни. Бѣдное дитя упало безъ чувствъ, все въ крови: мать подняла его, но онъ былъ уже мертвымъ [4]). Ангасъ говоритъ, что въ Мурреѣ отецъ иногда убиваетъ своего маленькаго сына, чтобы наживить его мясомъ свои удочки [5]).

Далѣе нерѣдкими мотивами для дѣтоубійства въ первобытной семьѣ служили и служатъ до сихъ поръ суевѣрный страхъ къ уродамъ, двойнямъ, и дру-

---

1) А. Михайловъ. l. c. стр. 39.

2) A. Tardieu. L'avortement. Paris. 1878. pp. 17—18.

3) Касперъ. Практическое руководство къ судебной медицинѣ. Ч. III. Отд. 3 (Сборникъ сочиненій по судебн. медиц. 1875. Т. II).

4) H. von Fabrice. Die Lehre von der Kindsabstreibung. Erlangen. 1868. S. 7.

5) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 445—446.

6) Waitz-Gerland. I. S. 179.

1) Касперъ. Практическое руководство къ судебной медицинѣ. Ч. III. Отд. 3. (Сборн. сочин. по суд. мед. 1875. Т. II).

2) Крашенинниковъ. Описаніе Камчатки.

3) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 345.

4) Леббокъ. Доисторическія времена, перев. съ Англ. 1876. г., стр. 455.

5) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Русс. перев. 1878 г. Т. I. стр. 76.

гимъ выходящимъ изъ ряда рожденіямъ. Мотивы эти вѣроятнѣе всего объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что всякое рожденіе, выходящее изъ ряда, обыкновенно невольно обращаетъ на себя изумленное вниманіе простаго человѣка, которому тѣмъ не менѣе весьма желательно было бы дать видѣнному имъ явленію посильныя толкованія. Теряясь въ удовлетворительности этихъ толкованій, онъ иногда останавливается на весьма странномъ способѣ сужденія. Такъ, при мимолетномъ взглядѣ на какого нибудь урода и вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчая нѣкоторое сходство его въ цѣломъ или частяхъ съ какимъ либо животнымъ, онъ признаетъ въ этомъ уродѣ именно то самое животное. Такъ, голова съ недоразвитымъ черепомъ (anencephalus) и выдающимися глазными яблоками нерѣдко напоминаетъ ему голову лягушки, кошки, обезьяны; растянутая перепонка между недоразвитыми руками напоминаетъ летучую мышь; увеличенное количество позвонковъ въ ряду крестцевыхъ и копчиковыхъ костей, содѣйствующее такимъ образомъ удлиненію копчика иногда на нѣсколько дюймовъ, напоминаетъ ему хвостъ животнаго и т. д. И вотъ пошли разсказы о рожденіи женщинами лягушекъ, кошекъ, обезьянъ, летучихъ мышей и другихъ животныхъ; вотъ стали заподозрѣвать женщинъ въ сношеніяхъ съ животными, даже съ дьяволомъ, и отсюда же наконецъ явилось желаніе поскорѣе избавиться какъ отъ этихъ уродовъ, такъ и отъ самихъ женщинъ, родившихъ ихъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одной Египетской сакрофагѣ, гдѣ хранились остатки священныхъ животныхъ, найдена мумія человѣческаго урода, кото-

Рис. 1. Мумія человѣческаго урода, найденнаго въ Египетскомъ сакрофагѣ.

Рис. 2. Циклопъ въ профиль.

Рис. 3. Циклопъ съ бока.

Рис. 4. Удлиненіе копчиковой кости въ видѣ хвоста.

рая г. Passaloequa привезена была въ Европу, а Жоффруа Сентъ-Илеромъ представлена Парижской Академіи Наукъ и описана подъ именемъ полуголоваго урода—Anencephalus [1]). По нѣкоторымъ данныхъ можно было заключить, что этотъ уродъ въ свое время признанъ былъ за обезьяну, которая, благодаря вѣрѣ въ переселеніе душъ, считалась за самое священное животное. Изъ этого видно, что древніе Египтяне допускали также возможность сожитія человѣка съ животными и что нѣкоторые уроды пользовались правами наравнѣ съ обоготворяемыми животными. Рисунокъ этого урода между прочимъ изображенъ въ Атласѣ уродствъ F. Ahlfeld'а [2]), который мы также заносимъ въ свою книгу подъ № 1, имѣя въ виду съ помощью его наглядно показать, какъ легко иногда въ самомъ дѣлѣ невѣжественнымъ людямъ впасть въ заблужденіе относительно признанія въ уродахъ человѣческихъ особей. На ряду съ этимъ уродомъ мы приводимъ изъ того же Атласа еще нѣсколько изображеній уродствъ, напоминающихъ собою тѣ или другія формы животныхъ, напр. случай Циклопіи, соединенной съ гемицефаліей (полуголовіемъ), описанный Cruveilhier № 2 (въ профиль) и № 3 (съ бока) [1]). Рисунокъ № 4 изображаетъ собою удлиненіе копчиковой кости одного урода, въ видѣ хвоста, длиною въ половину пальца [2]). Но помимо подобныхъ формъ, рѣзко бросающихся въ глаза своимъ сходствомъ съ формами животныхъ, сколько еще встрѣчается другихъ уродствъ, которыя иногда прямо отталкиваютъ отъ себя всякаго, даже не предубѣжденнаго, человѣка своимъ непомѣрнымъ безобразіемъ. Спрашивается: какое же впечатлѣніе могутъ произвести такого рода уроды на людей полудикихъ, суевѣрныхъ и вообще стоящихъ близко къ первобытному состоянію? Разумѣется, нерѣдко они въ состояніи внушить имъ къ себѣ только одинъ страхъ и за

[1]) Geoffroy Saint-Hillaire, Extrait des Annales des Sciences nat. avril 1826.

[2]) Die Missbildungen des Menschen von F. Ahlfeld. 1882. Mit Atlas, Liefer. II, Tafel XLIX, Fig. 3.

[1]) Ibid. Tafel XLVII Fig. 13 и 14.

[2]) Ibid. Tafel XXI Fig. 12.

тѣмъ желаніе по возможности скорѣе отдѣлаться отъ нихъ.

Когда человѣческія общества стали выходить изъ первобытнаго состоянія и мало по малу отрѣшаться отъ разныхъ предразсудковъ, воззрѣнія на уродовъ тѣмъ не менѣе долгое время оставались еще безъ измѣненія и въ силу этихъ воззрѣній въ древне-историческія времена почти вездѣ существовалъ обычай умерщвлять уродовъ. Въ Спартѣ напр., если у ребенка замѣчалась какая либо уродливость, то онъ безусловно приговаривался къ смерти. Въ Аѳинахъ рожденіе урода считалось предзнаменованіемъ различныхъ народныхъ бѣдствій и поэтому всѣ уроды безпощадно истреблялись. По римскимъ законамъ допускалось убійство уродливыхъ дѣтей; но въ Римѣ вскорѣ появилось подраздѣленіе уродовъ на monstra и potenta, ostenta; первые составляли группу уродовъ, неимѣющихъ человѣческаго образа, ко вторымъ относились мелкія уродливости. Дозволялось убивать только первыхъ. У древнихъ Германцевъ существовалъ обычай бросать уродовъ на произволъ судьбы. Тоже дѣлалось у Галловъ. У Пруссовъ ихъ убивали мечемъ. Въ средніе вѣка считали убійство уродовъ вполнѣ дозволеннымъ. Предразсудки о происхожденіи уродовъ вслѣдствіе связи женщины съ діаволомъ (incubus, succubus), съ разными животными существовали въ полной силѣ. Обычай умерщвлять уродовъ отчасти перешелъ и въ Новую Исторію. Въ XVII и XVIII вѣкахъ описано не мало случаевъ публичнаго сожженія уродовъ; такъ въ Копенгагенѣ въ 1683 г. сожгли ребенка съ кошачьей головой, а затѣмъ и его мать [1]).

Обращаясь къ современнымъ нецивилизованнымъ народамъ, мы видимъ здѣсь почти повсемѣстное существованіе обычая умерщвленія уродовъ. Еще по словамъ Діодора, въ Тарботанѣ (вѣроятно, островѣ Цейлонѣ) всѣ безобразныя дѣти предавались смерти. Въ настоящее время на Цейлонѣ и Мадагаскарѣ, по словамъ путешественниковъ, убиваются всѣ дѣти, рожденіе которыхъ астрологи объявляютъ несчастнымъ. Въ Новой Голландіи матери обыкновенно убиваютъ больныхъ и уродливыхъ дѣтей [2]). Въ Японіи *Айносы*, а также въ Индостанѣ, умерщвляютъ всѣхъ уродливыхъ дѣтей [3]). По словамъ Врангеля [4]), *Чукчи* убиваютъ всѣхъ уродливыхъ дѣтей. У *Минаповъ* въ Америкѣ безобразныя дѣти и уроды хоронятся заживо, при чемъ соблюдается обычай, встрѣчающійся и у цыганъ, а именно: обитатели той хижины, гдѣ хоронится новорожденный, до тѣхъ поръ вертятся съ плачемъ кругомъ ямы, въ которую онъ положенъ, пока онъ не будетъ совершенно засыпанъ комками земли, которые каждый изъ нихъ бросаетъ во время круговращенія [1]). Обычай такого погребенія, по мнѣнію авторовъ, указываетъ однако, на то, что обычай дѣтоубійства у этого народа приближается къ упадку, совершается какъ бы нехотя и не самими людьми, а землей, случайно попавшей въ яму. У африканскихъ народовъ, по свидѣтельству извѣстнаго путешественника Барта [2]),— точно также почти всюду подвергаются избіенію уродливыя дѣти, въ томъ числѣ у *Кафровъ Зулусовъ* [3]), *Ваника* [4]) и пр. У многихъ народовъ восточной Африки, по свидѣтельству путешественниковъ, кромѣ того убивается всякое дитя, у котораго рѣзцы въ верхней челюсти прорѣзываются раньше, чѣмъ въ нижней [5]), что, вѣроятно, относится ими также къ разряду такихъ аномалій, которыя требуютъ немедленнаго же уничтоженія. Въ Калабарѣ и Або также убиваются или приносятся въ жертву всѣ дѣти, у которыхъ первыми начинаютъ прорѣзаться верхніе зубы [6]). Къ разряду ненормально родившихся *Малагаши* на Мадагаскарѣ причисляютъ также всѣхъ дѣтей, появившихся на свѣтъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ, на послѣдней недѣлѣ каждаго мѣсяца, а также родившихся въ среды и пятницы въ теченіе всего года; всѣ эти дѣти обыкновенно бросаются на произволъ судьбы [7]).

На ряду съ уродами не меньшую жертву предразсудкамъ доставляютъ двойни. Предубѣжденіе это, повидимому, является главнымъ образомъ слѣдствіемъ той идеи, что одинъ мужчина можетъ произвести одновременно только одного ребенка и такимъ образомъ двойни нерѣдко заставляютъ предполагать супружескую невѣрность преступнаго характера. Въ силу подобныхъ воззрѣній *Ибосы* въ восточной Африкѣ считаютъ грѣхомъ, если женщина родитъ близнецевъ; такія дѣти бросаются дикимъ звѣрямъ, а женщина выгоняется изъ общины. Когда въ Арибо,—въ Гвинеѣ—родятся двойни, то, по словамъ Смита и Босмана, убиваются не только дѣти, но и матери. Въ Дагамеѣ и въ Нгуру двойней также убиваютъ, бросая ихъ въ воду [8]). На островахъ дельты Нигера, у весьма грубаго народа, *Бонна*, существуетъ варварскій обычай хоронить близнецовъ живыми тотчасъ послѣ

---

[1]) Г. Брунсъ. О двойныхъ уродствахъ. Диссертація. 1880 г. стр. 63.

[2]) Шашковъ. Дѣтоубійство. стр. 343—344.

[3]) Брунсъ. l. c.

[4]) Bastian. Mensch etc. III. S. 284.

[1]) Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. S. 356.

[2]) Bastian. Der Mensch etc. III. S. 284. Ploss. II. S. 192.

[3]) Ploss. II. S. 188.

[4]) Фонъ-Деккенъ: Путешествіе по Восточной Африкѣ. Рус. перев. 1870 г. стр. 241.

[5]) Bastian. Der Mensch etc. III. S. 284. Ploss. II. S. 18.

[6]) Гельвальдъ, Земля и ея народы. Живописная Африка. стр. 33.

[7]) Ploss. II. S. 186.

[8]) Леббокъ. l. c. стр. 451.

рожденія. Такой же обычай существуетъ въ Калабарѣ и Або [1],—у *Кафровъ*, *Зулусовъ* [2]), а, по словамъ Барта, вообще у всѣхъ африканскихъ народовъ [3]). У нѣкоторыхъ народовъ, напр. Кхазіевъ въ Индостанѣ, рожденіе близнецевъ считается унизительнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ человѣкъ уподобляется животнымъ, а потому одного изъ двойней обыкновенно убиваютъ [4]). Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ умерщвленіе двойней или одного изъ нихъ, кажется, главнѣйшимъ образомъ стоитъ въ связи съ недостаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ родителей. Такъ, въ силу этой причины изъ новорожденныхъ близнецовъ одинъ убивается въ Австраліи и у Сѣвероамериканскихъ Индѣйцевъ [5]),—у *Камчадаловъ* [6]), — *Курильцевъ* [7]), —*Айносовъ* въ Японіи,—въ области Игуру [8]), Обычай этотъ встрѣчался также въ древней Мексикѣ [9]) и т. д. При бѣдности родителей дѣти женскаго пола кажутся особенно ослабляющимъ началомъ: онѣ ѣдятъ, но не охотятся; онѣ изнуряютъ своихъ матерей, пока живы, а потомъ, выросши, только служатъ искушеніемъ для окружающихъ племенъ. Вслѣдствіе этого убійство дѣвочекъ между дикарями особенно распространено. Обычай этотъ, напр., соблюдается въ Новой Голландіи [10]), у *Тодасовъ* Южной Индіи, въ области Ориноко въ Америкѣ, въ Китаѣ [11]) и т. д.

Укажемъ здѣсь еще нѣсколько странныхъ поводовъ для дѣтоубійства. Эрекинъ говоритъ о *Фиджійцахъ*, что для умилостивленія своего могущественнаго вождя они приносятъ ему въ даръ своихъ дѣтей и при томъ не для обращенія ихъ въ рабство, а для ѣды [12]). У *Нійеллемовъ* и многихъ другихъ племенъ Средняго Судана существуетъ обычай хоронить вмѣстѣ съ покойниками живаго мальчика и дѣвочку, будто для того, чтобы отгонять мухъ отъ покойника [13]).

Теперь перейдемъ къ массѣ случаевъ, въ которыхъ главнѣйшими побужденіями къ дѣтоубійству служатъ именно тяжелая нужда и невыносимо унизительное положеніе родителей. Такъ, въ Новой Голландіи ребенокъ, родившійся слишкомъ скоро послѣ своего предшественника, никогда не могъ разсчитывать на жизнь, а если мать его умираетъ вскорѣ послѣ родовъ, то ребенокъ живымъ погребается вмѣстѣ съ нею, такъ какъ его нѣкому кормить грудью [1]). Въ Новой Зеландіи, вслѣдствіе тяжелой матеріяльной нужды, дѣтоубійство также чрезвычайно распространено. Въ этихъ видахъ матери, всовывая свои пальцы въ слабые швы черепа новорожденныхъ, разворачиваютъ имъ голову [2]). На островѣ Таити, до введенія христіанства истреблялось около $^2/_3$ дѣтей, особенно дѣвочекъ [3]). На островѣ Фиджи считается оскорбленіемъ общественной нравственности, если другой ребенокъ родится у матери раньше положенныхъ обычаемъ трехъ или четырехъ лѣтъ, а потому здѣсь обыкновенно около $^2/_3$ всего количества народившихся дѣтей хоронится заживо [4]). На нѣкоторыхъ изъ Каролинскихъ острововъ, на Маріанскомъ Архипелагѣ, островѣ Фатѣ, новой Гвинеѣ, Гавайѣ, на островѣ Тикопія въ Полинезіи обыкновенно не воспитываютъ болѣе 2—3 дѣтей, истребляя всѣхъ остальныхъ [5]). *Маори*, подобно другимъ Полинезійцамъ, весьма преданы дѣтоубійству [6]). На Датскихъ островахъ нормальнымъ числомъ дѣтей считалось 3, четвертаго и слѣдующихъ по порядку дѣтей мать обязана была хоронить заживо [7]).

По свидѣтельству путешественниковъ въ Австраліи любовь матерей къ дѣтямъ очень сильна. Вопли и стоны матери, потерявшей дитя, слышны иногда по цѣлымъ ночамъ и наводятъ тоску на душу. Бываютъ примѣры, что мать носитъ мертвое дитя у себя за спиною; тамъ оно у нея сгніетъ, высохнетъ и кости его распадутся;, но она, какъ бы въ утѣшеніе, складываетъ изъ нихъ скелетъ покойника и плачетъ и воетъ надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь также существуетъ жестокій обычай дѣтоубійства и происходитъ главнымъ образомъ отъ необходимости перекочевываній, причемъ матери нѣтъ возможности носить многихъ дѣтей. Убиваютъ только новорожденныхъ, слабыхъ и больныхъ, одного изъ близнецовъ и большею частію дѣвочекъ, пока не родится мальчикъ. Съ этимъ варварскимъ обычаемъ связанъ и другой еще отвратительнѣе: у нѣкоторыхъ племенъ внутри Австраліи родители и родственники съѣдаютъ убитаго новорожденнаго. Впрочемъ, въ настоящее время,

---

[1]) Гельвалдъ. Земля и ея народы. Живописная Африка. 1877 г. стр. 83.

[2]) Klemm. II. S. 277. Ploss II. S. 186.

[3]) Bastian. Der Mensch etc. III. S. 284. Ploss II. S. 182.

[4]) Леббокъ. Начало цивилизаціи. СП. 1876 г. стр. 26—27.

[5]) P. Topinard, sur les australiens. Revue d'anthropologie par Broca. 1872 p. 299.

[6]) Bastian. Der Mensch etc. S. 285.

[7]) Кривошапкинъ. l. c. стр. 266.

[8]) Леббокъ. Начало цивилизаціи. СП. 1876 г. стр. 26—28.

[9]) Ploss. II. S. 196.

[10]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи. Стр. 26—27.

[11]) Телопъ. Происхожденіе семьи. СП. 1876 г. стр. 54—55.

[12]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Рус. перев. 1877 г. Т. II. Ч. 3 стр. 812.

[13]) Гельвальдъ. Земля и ея народы. Ч. II. Живописная Африка 1877 г. стр. 99.

[1]) Шашковъ. Дѣтоубійство. стр. 344.

[2]) Ploss. II. S. 186.

[3]) Waitz—Gerland. VI. S. 139.

[4]) Леббокъ. Начало цивилизаціи. СПб. 1876. стр. 59.

[5]) Ploss. II. S. 185. Waitz—Gerland V. 2. Abth. S. 111—VI. S. 639.

[6]) Леббокъ. I. c. стр. 373.

[7]) Klemm. Allgemeine culturwissenschaft. Bastian Mensch etc. III. S. 282.

благодаря дѣятельнымъ мѣрамъ Англійскаго правительства дѣтоубійство замѣтно уменьшается [1]). При Спенсеровомъ заливѣ, въ Викторіи, при Марстонъ Беѣ и въ Австраліи—felix убиваютъ чрезвычайное множество дѣтей; *третья дѣвочка—всегда, очень часто вторая*..... На мысѣ Іоркъ, среди *Муралуговъ* рѣдко воспитываютъ болѣе трехъ дѣтей, а на югѣ почти никогда болѣе четырехъ [2]).

На Сандвичевыхъ островахъ каждое семейство имѣло обыкновеніе воспитывать также только 2—3 дѣтей, остальныхъ же здѣсь или душили, или закапывали живыми и т. п.; говорятъ, въ прежнее время здѣсь умерщвляли около $^1/_3$ дѣтей [3]).

На Парагоѣ, одномъ изъ Филиппинскихъ острововъ, дѣти слабаго тѣлосложенія, которыя не могли бы впослѣдствіи сами добывать себѣ пропитаніе, закапываются живыми въ землю [4]).

Появившихся на свѣтъ дѣтей и при невозможности кормить ихъ, *Камчадалы* нерѣдко закалываютъ ихъ, бросаютъ на съѣденіе хищнымъ животнымъ или по просту собакамъ [5]).

Въ Гренландіи, если умершая мать оставляетъ младенца и если у отца некому воспитывать его, то онъ завертываетъ его живаго вмѣстѣ съ трупомъ матери въ звѣриныя шкуры, и отнесши ихъ на высокій холмъ, заваливаетъ ихъ тяжелыми каменьями [6]). У нихъ же младенецъ, имѣвшій несчастіе потерять мать, обыкновенно хоронится вмѣстѣ съ нею [7]).

По словамъ Бессельса, число дѣтей въ каждой семьѣ *Эскимоса* не превышаетъ среднимъ числомъ двухъ; остальныя большею частію убиваются. Однажды онъ былъ очевидцемъ случая, когда мать собственными руками убила младшаго изъ трехъ дѣтей, пятилѣтняго младенца, чтобы избавиться отъ необходимости прокармливать его впослѣдствіи [8]). Дѣтоубійство встрѣчается и у многихъ другихъ азіатскихъ народовъ [9]). У *Якутовъ* еще за 80—90 лѣтъ тому назадъ было въ обычаѣ новорожденныхъ дѣтей женскаго пола вѣшать въ корзинахъ на деревьяхъ и оставлять ихъ тамъ; но теперь Якуты съ презрѣніемъ отзываются объ этомъ старомъ обычаѣ, тѣмъ болѣе, что между ними стало уже много христіанъ [10]). Но особенно въ ряду азіатскихъ государствъ дѣтоубійство сильно развито въ Китаѣ и Индостанѣ, о чемъ однако подробнѣе скажемъ ниже.

Хотя по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, нѣкоторыя племена сѣверо-американскихъ Индійцевъ имѣютъ благородное отвращеніе отъ дѣтоубійства; хотя Индійцы Кри вѣрятъ въ загробное наказаніе за это преступленіе, думая, что дѣтоубійца никогда не будетъ въ состояніи взобраться на *гору*, какъ они называютъ свой рай, а будетъ вѣчно блуждать около мѣста совершенія преступленія съ множествомъ древесныхъ вѣтвей, опутавшихъ его ноги,—тѣмъ не менѣе дѣтоубійство распространено и между сѣвернымъ Индійцами, а по увѣренію Леббока, оно распространено на сѣверѣ даже болѣе, чѣмъ на югѣ [1]). Вмѣстѣ съ умершею матерью погребался и оставленный ею младенецъ. У нѣкоторыхъ Индійскихъ племенъ эти обычаи сохранились до позднѣйшихъ временъ. Такъ *Чоктавы* иногда погребаютъ своихъ дѣтей живыми, удавливаютъ, или удушаютъ ихъ [2]). У *Книстеносовъ* очень обыкновенны искуственныя выкидыванія и убійства дѣтей, именно дѣвочекъ, съ цѣлію «избавить ихъ отъ бѣдствій, которыя имъ придется испытать въ сей жизни» [3]). Среди Индійцевъ Калифорніи дѣтоубійство было также обычнымъ явленіемъ, причемъ побудительною причиною служило то, что матери не имѣли достаточныхъ средствъ для пропитанія своихъ дѣтей [4]). Дѣтоубійство было общимъ явленіемъ у сѣверо-американскихъ народовъ, а по словамъ Гентера, они вообще имѣютъ обыкновеніе воспитывать въ каждой семьѣ не болѣе 3—4 дѣтей [5]). У *Абипоновъ* воспитывается не болѣе двухъ дѣтей [6]). — Дѣтоубійство очень распространено и между племенами Южной Америки.—Оно господствуетъ на Ориноко, у *Аракановъ* въ Гвіанѣ [7]), у *Гуаносовъ, Мбайясовъ* [8]), *Гуйакурусовъ* и *Ленгуасовъ*, которые обыкновенно воспитываютъ только одно дитя и потому близки къ совершенному вымиранію; упоминаютъ также о дѣтоубійствѣ у *Ботокудовъ* и *Пайагуасовъ* [9]). Въ Парагваѣ дѣтоубійство у нѣкоторыхъ племенъ составляло скорѣе правило, чѣмъ исключеніе; а такъ какъ у женщинъ введено было въ обычай оставлять лишь одного ребенка, и именно того, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ быть послѣдній, то часто случалось,

---

1) Природа и люди. Курсъ географіи Павловскаго 1860 г. стр. 74.

2) Ploss. II. S. 183. Waitz—Gerland VI. S. 778—779.

3) Waitz—Gerland I. S. 179.

4) Шишковъ. Дѣтоубійство стр. 345.

5) Steller. Beschreibung über Kamtschatka. 1774. S. 349.

6) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 345.

7) Леббокъ. l. c. стр. 409.

8) Lubbock, Entwickelung der Civilisation. S. 26. Ploss. II. S. 181.

9) Lubbock. S. 26.

10) А. П. Богдановъ: пятое продолженіе каталога краніологическаго собранія, напечатанное въ Извѣст. Имп. Общ. Любит. Естеств. и пр. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. стр. 401—404.

1) Леббокъ. l. c. стр. 417.

2) Шашковъ: Дѣтоубійство стр., 445—446.

3) Klemm Allgemeine Culturgeschichte II. S. 84. Waitz—Gerland. Anthropologie 1877. T. 1. S. 170.

4) Plop. B. II. S. 181.

5) Waitz III. T. 106.

6) Waitz III. S. 476.

7) Шашковъ. Дѣтоубійство стр. 346.

8) Klemm. II. S. 83.

9) Waitz I. S. 170.

что онѣ оставались совершенно безъ дѣтей [1]).—Въ Патагоніи бытіе новорожденнаго подвергается оцѣнкѣ отца и матери, которые рѣшаютъ жить ли ему или умереть. Въ томъ случаѣ, когда они заблагоразсудятъ отъ него отдѣлаться, они удушаютъ его и относятъ не въ дальнее разстояніе, гдѣ онъ становится добычею дикихъ собакъ и хищныхъ птицъ. Если-же невинный младенецъ, по ихъ мнѣнію, оказывается достойнымъ жить, то съ этой минуты онъ становится предметомъ обожанія своихъ родителей, которые въ случаѣ нужды готовы претерпѣть всевозможныя лишенія для удовлетворенія малѣйшей его прихоти [2]).

Въ Африкѣ находимъ весьма распространеннымъ обычай дѣтоубійства какъ въ прежнія, такъ и въ новѣйшія времена. На островахъ Дельты Нигера живетъ дикій, грубый народъ. Самый извѣстный городъ у нихъ Вонна, въ которомъ существуетъ варварскій обычай убивать всѣхъ дѣтей, появляющихся на свѣтъ послѣ четвертаго [3]). *Готтентоты,* по разсказамъ Кольбе, отчасти хоронятъ своихъ дѣтей заживо, положивъ въ яму, вырытую тигромъ или другимъ животнымъ, и засыпавъ землею и каменьями, отчасти привязываютъ къ дереву, гдѣ оно умираетъ съ голоду или съѣдается хищнымъ животнымъ, отчасти же просто бросаютъ на произволъ судьбы въ какомъ нибудь лѣсу [4]). У Леббока [5]) также находимъ свидѣтельство того, что дѣтоубійство очень распространено между Готтентотами и не считается у нихъ за преступленіе. Въ особенности часто убиваются у нихъ дѣвочки. *Гуанхи,* туземные жители Канарскихъ острововъ оставляли въ прежнее время въ живыхъ только перваго ребенка для того, чтобы предотвратить перенаселеніе острововъ [6]). — Въ послѣднемъ путешествіи своемъ по Африкѣ Левингстонъ разсказываетъ слѣдующій характерный случай, показывающій отношеніе къ сиротамъ постороннихъ лицъ: въ одной деревнѣ путешественники видѣли ребенка, у котораго умерла мать. Ни одна изъ туземокъ не стала кормить чужое дитя. Ребенокъ горько плакалъ, называя мать по имени, а окружающія его женщины утѣшали его тѣмъ, что она придетъ. Левингстонъ далъ ему ломоть хлѣба, но бѣдняжка слишкомъ уже отощалъ и въ тотъ же день умеръ [7]).

Съ переходомъ дикаго народа къ общественной жизни дѣтоубійство не только не прекращается, но иногда даже санкціонируется религіей и закономъ. Такъ, напр., Конды возвели этотъ обычай въ религіозную доктрину [1]). Древніе Персы приносили въ жертву богамъ безчисленное множество дѣтей, предавая ихъ огню. Финикіяне и Карѳагеняне дѣлали тоже, особенно послѣ пораженій; такъ послѣ пораженія ихъ Агафокломъ они принесли въ жертву до 200 мальчиковъ. Финикіяне, Карѳагеняне, Аммонитяне и частію язычествующіе Іудеи клали дѣтей своихъ въ мѣдныя, раскаленныя руки бога огня Молоха. Вавилоняне также не рѣдко приносили дѣтей своихъ въ жертву богамъ. Приношеніе въ жертву Богу дѣтей своихъ видимъ также у Израильскаго народа. Такъ Авраамъ намѣревается принести въ жертву Богу сына своего Исаака, Азахъ приноситъ дѣтей въ жертву Ваалу и т. п. Въ древней Мексикѣ, когда начиналъ зрѣть хлѣбъ, Мексиканцы рѣзали въ честь бога водъ трехлѣтнихъ мальчика и дѣвочку. Когда хлѣба поднимались на корнѣ выше двухъ футовъ, то приносились въ жертву четыре шести и семилѣтнихъ ребенка. Кромѣ того топили еще дѣтей въ озерахъ, жертвуя ихъ озернымъ божествамъ [2]).—Въ древней Греціи дѣтоубійство также находило себѣ одобреніе въ религіи. — Спартанцы убивали своихъ дѣтей въ честь Діаны. Менелай, благополучно выручившій Елену въ Египтѣ, приноситъ тамъ въ жертву, по обычаю страны, двухъ туземныхъ дѣтей. Законы древнихъ государствъ также не воспрещали дѣтоубійства. Въ Китаѣ, напр. семья съ давнихъ поръ составляетъ средоточіе всякой нравственности. Въ силу этихъ принциповъ съ одной стороны родители обязаны оказывать дѣтямъ своимъ самыя нѣжныя попеченія, что на самомъ дѣлѣ и выполняется; съ другой же стороны родители пользуются безусловнымъ правомъ своей власти надъ дѣтьми и потому вольны въ жизни и смерти ихъ; а потому какъ вытравливаніе плода, такъ равно умерщвленіе новорожденныхъ, подкидываніе и даже бросаніе ихъ на произволъ судьбы на большой дорогѣ, а также открытая продажа дѣтей на рынкахъ издавна составляютъ въ Китаѣ заурядныя явленія и не подлежатъ карѣ. По словамъ аббата Бержье въ Китаѣ ежегодно около 30,000 дѣтей предается смерти; Баррау считаетъ ихъ отъ 10,000 до 20,000 въ годъ. Ихъ топятъ, душатъ, закапываютъ живыми въ землю, рѣжутъ. Съ какимъ хладнокровіемъ совершается убійство дѣтей, особенно дѣвочекъ, въ книгѣ Гюка «L'Empire Chinois» разсказывается, что отцы, перерѣзывающіе горло своимъ дочерямъ иногда преспокойно наблюдаютъ за стремительностію и направленіемъ кровавой струи, такъ какъ по этимъ признакамъ, вѣроятно, можно узнать скоро

---

1) Леббокъ. l. c. 425.

2) Три года въ плѣну у Патагонцевъ. Разсказъ Гиннара Всемірный Путешественникъ 1867 г. Выпускъ 5, стр. 19.

3) Waitz II. S. 124.

4) Klemm l. c.

5) Леббокъ. l. c. стр. 347.

6) Ploss. II. S. 188.

7) Послѣднее путешествіе Левингстона по Африкѣ, переводъ съ Англійскаго М. Цебриковой. 1876 г. стр. 29.

1) Ж. Телонъ. Происхожденіе семьи С.-П. 1876. стр. 54—55.

2) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 353.

ли у нихъ родится сынъ [1]). Безчеловѣчіе этихъ обычаевъ сознается однако и въ Китаѣ, а потому ихъ придерживаются въ сущности лишь только бѣдные родители, вынужденные къ тому крайней нуждою [2]).

По ученію священныхъ писаній древнихъ браминовъ отношеніе между родителями и дѣтьми въ Индіи есть слѣпокъ отношенія Брамы къ міру, а потому оно высоко чтится. Дитя обязано родителямъ безпрекословнымъ повиновеніемъ, ибо страданія и скорби, переносимыя матерью и отцомъ при рожденіи и воспитаніи дѣтей, невознаградимы и во сто лѣтъ. Родители также должны любить дѣтей; при всемъ томъ матери вольны дѣтей своихъ, особенно дочерей, бросать съ ликованіемъ въ священныя волны Инда или же, повѣсивъ на деревѣ, предавать ихъ на съѣденіе птицамъ. Но къ такимъ безчеловѣчнымъ поступкамъ вынуждаютъ здѣсь родителей опять таки главнымъ образомъ затрудненія въ дальнѣйшемъ пропитаніи своего потомства. До какихъ размѣровъ доходитъ дѣтоубійство въ современной Индіи, можно составить себѣ понятіе объ этомъ изъ слѣдующихъ фактовъ: въ трехъ общинахъ гондовъ и шеріевъ только на одномъ небольшомъ клочкѣ великой индійской земли ежегодно убивается до 1,300 дѣтей. На полуостровѣ Гуджератѣ число ежегодно истребляемыхъ дѣтей полагается до 5,000, а въ Кучѣ-Галларѣ и Матсинѣ-Канта до 30,000 ежегодно. Истребляются вездѣ преимущественно дѣвочки. Способы дѣтоубійства въ Индіи различныя: дѣтей топятъ въ вазѣ, наполненной молокомъ, задушаютъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія, закутавъ имъ ротъ плацентой, отравляютъ опіемъ и т. д.

У древнихъ Персовъ до завоеванія Персіи Калифами, дѣтоубійство также не возбранялось [3]).

Въ Египтѣ вообще очень заботились о приращеніи населенія и потому тамъ не только не было въ обычаѣ изведеніе плода, или убіеніе новорожденныхъ, но, наоборотъ, всѣ бѣдныя дѣти воспитывались на общественный счетъ. Убившій дитя въ Египтѣ обязанъ былъ въ наказаніе продержать на своихъ рукахъ трупъ его три дня и три ночи подъ надзоромъ стражи. Однако повелѣніе одного изъ Фараоновъ, обращенное къ бабкамъ на счетъ убіенія новорожденныхъ мальчиковъ еврейскихъ, повидимому, свидѣтельствуетъ, что дѣтоубійство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, существовало и здѣсь [4]).

Что у первобытныхъ Семитовъ отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми и что, рядомъ съ этимъ, положеніе дѣвочекъ было у нихъ ниже положенія мальчиковъ, это фактъ общеизвѣстный. Тѣмъ не менѣе для лучшаго разъясненія вопроса о дѣтоубійствѣ у нихъ въ частности, приведемъ здѣсь нѣсколько указаній. У Израильскаго народа напр. многочисленность потомства вообще поощрялась и законами божескими и человѣческими; но тѣмъ не менѣе такія библейскія сказанія, какъ напримѣръ, оставленіе Моисея на произволъ судьбы въ тростникѣ у водяного берега, побіеніе мятежнаго сына камнями [1]) и т. п., по видимому, служатъ подтвержденіемъ того, что по крайней мѣрѣ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ обычай истребленія дѣтей существовалъ и у Евреевъ. У Вавилонянъ сама религія освящала разгулъ; цари и вельможи содержали гаремы со множествомъ рабынь; дочери продавались отцами, женщина была принижена до крайней степени, а потому и дѣти вообще мало цѣнились. Такое же отношеніе къ дѣтямъ мы встрѣчаемъ у Финикіянъ и Карѳагенянъ.[2])

Въ древней Греціи дѣтоубійство возведено было въ принципъ, освящалось законами и религіей и поддерживалось воззрѣніями философовъ. Поэтому плодоизгнаніе и дѣтоубійство господствовали всюду въ Элладѣ, кромѣ Ѳивъ. Спартанцамъ, по складу ихъ жизни, нужны были только сильныя и здоровыя дѣти; слабыя же и хилыя составляли для нихъ лишь бремя и потому всѣ они безъ пощады убивались. Когда рождался Спартанскій мальчикъ, зачастую надъ щитомъ съ приставленнымъ къ нему копьемъ и привѣтствуемый словами: «либо съ нимъ, либо на немъ», то вслѣдъ за тѣмъ обыкновенно его купали въ крѣпкомъ винѣ, которое, по Геродоту, выносили только дѣти, рожденныя съ хорошимъ тѣлосложеніемъ. Затѣмъ совѣтъ родовыхъ старшинъ въ общественной совѣщательной палатѣ рѣшалъ судьбу младенца. Здоровому и сильному мальчику тотчасъ же давалось гражданское право, а хвораго и слабаго бросали въ пропасть Тайгета, которая носила техническое названіе—«мѣсто для бросанія дѣтей» [3]). Въ Аѳинахъ точно также допускалось убивать новорожденнаго, котораго, при появленіи на свѣтъ, клали къ ногамъ отца и онъ воленъ поднять его или нѣтъ: если онъ не подымалъ его, то ребенока выкидывали; а поднявши, онъ тѣмъ самымъ обязывался пещись о его воспитаніи. Такимъ образомъ при рожденіи греческихъ дѣтей происходила совершенно такая-же сортировка, какъ у современныхъ сельскихъ хозяевъ происходитъ

---

[1]) Шашковъ. Дѣтоубійство. 1872 г. стр. 348.
[2]) Шмидтъ. l. c. стр. 79—81. Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 343—348.
[3]) Ploss. B. II. S. 175.
[4]) Исходъ. Гл. I, стр. 15—22.

[1]) Второзаконіе. XXI. 18.
[2]) Шмидтъ, l. c. стр. 469.
[3]) Schocmann. Griechische Alterthumer. Berlin. 1861. I. S. 264.

сортировка телятъ, а именно: которому изъ нихъ идти на племя и которому подъ ножъ. Кромѣ того, на основаніи словъ Гезіода можно заключить, что въ древней Греціи существовала даже иногда какъ-бы норма, ограничивающая число дѣтей: «пускай будетъ, — говоритъ онъ, — только одинъ сынъ, чтобы домъ отцевскій содержать, ибо такимъ образомъ возрастетъ богатство въ домѣ. Но на старости, ты, умирая, оставь еще одного сына» [1]).

Въ Римѣ дано было весьма широкое право родительской власти (patria potestas), вмѣщавшей въ себѣ право жизни и смерти надъ ребенкомъ. Въ силу этой власти если въ Римѣ и запрещалось вытравлять плодъ подъ страхомъ наказанія, то лишь на томъ основаніи, чтобы предупредить этимъ нарушеніе власти мужа, отца семейства (paterfamilias), которому это предоставлялось государственными законами. По рожденіи младенца, послѣдній предъявлялся во храмъ Юноны Луцины. Здѣсь отецъ приподнималъ ребенка съ полу и такимъ образомъ признавалъ его своимъ и обязывался воспитывать. Если же отецъ этого не дѣлалъ, то допускалось убійство, подкладываніе и бросаніе ребенка на произволъ судьбы, каковой участи подвергались чаще всего дѣти обезображенныя, уроды и младшія дочери. Подкидываніе собственно распространено было въ самомъ городѣ Римѣ и тамъ было даже для этого отдѣльное мѣсто, такъ называемая млечная колонна предъ храмомъ милосердія (это первый воспитательный домъ въ исторіи), куда приносили дѣтей и гдѣ сострадательными семействами раздавалось молоко для ихъ прокормленія, пока кто нибудь не рѣшался принять къ себѣ и вскормить подкидыша, и откуда въ то-же время спекулянты часто подбирали брошенныхъ дѣтей и воспитывали ихъ для того, чтобы продать въ рабство или сдѣлать изъ нихъ преступниковъ. Иногда сердобольная мать слѣдила за ребенкомъ, котораго подкидывалъ отецъ, и старалась попасть въ кормилицы къ поднявшему ребенка, причемъ употребляла все стараніе о воспитаніи его [2]). Объ убійствѣ болѣзненныхъ дѣтей и уродовъ Сенека говоритъ слѣдующее: «мы убиваемъ уродовъ и топимъ тѣхъ дѣтей, которыя рождаются на свѣтъ хилыми и обезображенными. Мы поступаемъ такъ не изъ гнѣва и досады, а руководствуясь правами разума: отдѣлять негодное отъ здороваго» [3]). — Кромѣ того въ Римѣ изъ числа народившихся дѣтей старались оставлять въ живыхъ лишь столько, сколько по приблизительному вычисленію могло быть вскормлено и воспитано на тѣ средства, которыми владѣла римская республика [1]).

По разсказамъ Страбона, всѣ двухмѣсячныя дѣти въ Карѳагенѣ, по примѣру Спартанцевъ, предъявлялись особому трибуналу, которому подлежало рѣшеніе вопроса о судьбѣ дѣтей: подвергать-ли ихъ избіенію или оставлять въ живыхъ. [2])

По даннымъ, собраннымъ Гриммомъ, очевидно, что дѣтоубійство было распространеннымъ обычаемъ среди различныхъ германскихъ племенъ. Въ древнихъ германскихъ сагахъ указывается между прочимъ на уродство и болѣзненность, какъ на побудительныя причины къ бросанію дѣтей на произволъ судьбы. Ребенокъ, по народнымъ сказаніямъ, или оставлялся въ лѣсу подъ деревомъ, или уложенный въ коробъ пускался по теченію воды [3]). По изслѣдованіямъ другихъ авторовъ, древніе Германцы, подобно древнимъ Римлянамъ, тотчасъ послѣ рожденія клали ребенка на землю, и если отецъ поднималъ его, то этимъ онъ признавалъ его; въ противномъ случаѣ ребенокъ оставался безъ помощи [4]). —Скандинавы и въ особенности Норманы топили своихъ дѣтей [5]). Кельты клали ихъ на щитъ и пускали по водѣ [6]).—У Пруссовъ слѣпыхъ, косоглазыхъ и уродливыхъ дѣтей убивали мечемъ [7]).—О существованіи этого обычая въ Польшѣ мы узнаемъ изъ разсказа Рудольфа изъ Новимагіо [8]).

Съ тѣхъ поръ какъ Божественный Учитель заповѣдалъ ученикамъ своимъ: «Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лицо Отца моего небеснаго»!—открытое истребленіе дѣтей навсегда исчезло изъ міра христіанскаго. Въ первыя времена христіанства сироты и найденыши находили себѣ пріютъ для охраны своей жизни въ соборахъ подъ наблюденіемъ епископовъ, діаконовъ и церковныхъ старостъ. Въ четвертомъ столѣтіи для нихъ уже открытъ былъ первый сиротскій домъ въ Константинополѣ, а въ восьмомъ вѣкѣ первый воспитательный домъ въ Миланѣ.

Въ средніе вѣка во многихъ католическихъ храмахъ, въ пространствѣ между двойными дверями находилась каменная раковина, въ которой несчастныя матери ночью и тайкомъ могли оставлять дѣтей своихъ, повѣряя ихъ попеченіямъ общей матери—церкви. Этихъ дѣтей обыкновенно отдавали на воспитаніе кормилицамъ, которыя не упускали случая являться съ ними на церковныя богослуженія, при чемъ клали ихъ всѣхъ вмѣстѣ при входѣ въ церковь, и прихожане подавали имъ милостыню.

---

[1]) Гезіодъ. Дни и труды. Стихи 376—378. Воеводскій. Каннибанизмъ въ греческихъ миѳахъ. С. П. 1876. стр. 135.

[2]) К. Шмидтъ, l. c. стр. 364—366. Secky Sittengeschichte. 11. S. 21–23. Уэлкенсъ. Древне-римская жизнь. Рус. пер. 1880. стр. 109—110.

[3]) Seneka. De ira. 1. 15.

[1] и [2]) Ploss. l. c. B. II. S. 175—177.

[2]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthumer. Göttingen 1828. S. 455.

[4]) Weinhold. Frauen. 78.

[5] и [6]) Ploss. II. S. 178.

[7] и [8]) Bastian. Mensch etc. III. S. 285.

Когда эти дѣти подростали, они являлись на похороны достаточныхъ людей для сбора милостыни, христарадничали на улицахъ, а потомъ нерѣдко переходили къ воровству и кончали свою жизнь на висѣлицѣ, въ виду своей святой колыбели [1]). Не смотря однако на различныя, нерѣдко въ самомъ дѣлѣ любвеобильныя мѣры къ дѣтямъ, со стороны филантроповъ средневѣковыхъ временъ, преступныя убійства дѣтей все-таки продолжались. Вслѣдствіе этого нѣкоторые христіанскіе государи, пылая гнѣвомъ къ такого рода преступленіямъ, стали относиться къ нимъ чрезвычайно сурово. Указъ 22 декабря 1480 года угрожаетъ дѣтоубійцѣ сожженіемъ на кострѣ, а уголовные законы Карла V (въ половинѣ XVI-го вѣка) сажаніемъ на колъ и погребеніемъ заживо. И однакожъ дѣтоубійства все таки повторялись нерѣдко [2]).

Въ настоящее время воспитательныхъ домовъ существуетъ уже по нѣскольку въ каждомъ, сколько нибудь извѣстномъ государствѣ и въ каждый изъ нихъ ежегодно принимаются тысячи и десятки тысячъ бѣдныхъ и безродныхъ дѣтей. Евангеліе Христа теперь исповѣдаетъ уже около 335,000000 на всемъ земномъ шарѣ. Казалось бы какой сильной охраны для своей жизни дождались дѣти христіанскія!...

Магометъ (571—632 г.) проповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ: «не убивайте вашихъ дѣтей изъ опасеній бѣдности: мы дадимъ имъ пропитаніе, какъ вамъ. Убійства, совершаемыя вами, жестокій грѣхъ!» [3]) И прежде существовавшее дѣтоубійство въ Аравіи и другихъ странахъ послѣ этой проповѣди значительно уменьшилось. Въ настоящее время послѣдователей ислама считается до 150,000000. Казалось бы, что жизнь дѣтей достаточно обезпечивается и этимъ количествомъ магометанъ!..

Евреи до сихъ поръ твердо помнятъ заповѣдь Іеговы: «раститесь и множитесь» и т. д. А Евреевъ въ настоящее время считается на земномъ шарѣ 6,000000. И такъ около 500,000000 изъ 1.340,000000 всѣхъ живущихъ на земномъ шарѣ, въ силу своей религіи, казалось, должны были бы защищать и охранять жизнь зародыша и уже родившагося дитяти.

Что касается плодоистребленія среди государствъ и народовъ христіанской религіи и восточной культуры, то мы съ этимъ вопросомъ уже достаточно познакомились въ началѣ главы. Что же касается дѣтоубійства среди народовъ только поименованныхъ религій и культуры, то въ этомъ отношеніи мы можемъ представить слѣдующія данныя.

Кто не знаетъ, что войны самыя ожесточенныя не разъ возбуждались въ нашъ гуманный, просвѣщенный XIX вѣкъ и кто не знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что во время этихъ войнъ, также какъ во времена Тамерлана и крестовыхъ походовъ, дѣтская кровь ручьями лилась также спокойно изъ рукъ христіанъ, какъ хладнокровно изъ рукъ магометанъ и безсердечно изъ рукъ почитателей пятокнижія!..

Пролетаріатъ и вообще страшное обѣдненіе массъ въ Европѣ каждый годъ даетъ почти невѣроятное число смерти отъ голода, а въ томъ числѣ и голодной смерти дѣтей. Въ одномъ Лондонѣ въ періодъ 1851—1861 г. отъ голодной смерти умирало дѣтей 250—450 ежегодно; въ Англіи кромѣ Лондона въ 1862 г. умерло отъ голода 1126 дѣтей [1]).

Для безродныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей существуютъ воспитательные дома. Но какъ много бываетъ случаевъ, что мать, боясь быть скомпроментированною однимъ подозрѣніемъ на беременность, ищетъ и находитъ средства извести свой плодъ еще внутри утробной жизни или спѣшитъ покончить его существованіе, если не успѣетъ во время надлежащимъ образомъ скрыть слѣдъ своего тайнаго, незаконнаго увлеченія!.. Какъ много гибнетъ дѣтей и среди христіанъ, и среди мусульманъ и среди Іудеевъ, имѣвшихъ несчастіе родиться съ какимъ либо уродствомъ, благодаря лишь суевѣрному страху народа передъ уродами.

Въ Англіи, — говоритъ Контина, дѣтоубійство совершается не однѣми только матерями—дѣвушками, старающимися спасти тѣмъ свою честь, но и замужними женщинами, которыхъ гнусный разсчетъ или бѣдность заставляютъ истреблять плодъ своего чрева [2]). Въ ужасной наготѣ обнаружила случаи дѣтоубійства исторія англійскихъ погребальныхъ клубовъ, въкоторыхъ застраховывается жизнь взрослыхъ и дѣтей и въ которыхъ послѣдними родители нерѣдко пользовались какъ жертвою своей безсовѣстной алчности. — По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Кейемъ, смертность дѣтей, застрахованныхъ въ погребальныхъ клубахъ, на 8% больше смертности дѣтей незастрахованныхъ [3]).

Статистическія данныя показываютъ, что въ Англіи, въ періодъ 1810—1833 г. обвиненій въ дѣтоубійствѣ приходилось 1 на 850,000 жителей, а въ 1861 г. 1 на 93,746 жителей [4]).

Во Франціи съ 1850—54 г. ежегодно разсматривалось случаевъ злонамѣреннаго выведенія утроб-

---

[1]) M. Du-Camp. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie. Paris. 1873.—XIV pp. 255—258.

[2]) Касперъ. Практическое руководство къ судебной медицинѣ. ч. III Отд. 4. (Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ 1877 г. Т. I).

[3]) Коранъ. Перев. Николаева, 1865 г. Гл. XVII, 33.

[1]) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 377.

[2]) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 380.

[3]) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 385—386.

[4]) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 408.

наго плода отъ 28 до 42 [1]) Тамъ же обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1831 г.—86, въ 1838 г.—156, а въ 1849 г.—203. Отъ 1850 г. до 1854 г. включительно было 1049 обвиненій въ дѣтоубійствѣ, слѣдовательно число дѣтоубійствъ дошло среднимъ числомъ до 210 въ годъ [2]). По отношенію къ числу жителей, дѣтоубійствъ во Франціи было:

1841	г.	1 на 190,167	жителей
1851	»	1 » 180,713	»
1857	»	1 » 173,660	»

Въ Пруссіи процентное отношеніе дѣтоубійствъ къ жителямъ было такое:

1834	г.	1 на 93,178	жителей.
1837	»	1 » 238,951	»
1840	»	1 » 414,680	»

Въ Вюртембергѣ въ 1832—34 г. приходилось одно дѣтоубійство на 78,551 жителей.

Въ Австрійской имперіи въ 1856 г. приходилось 1 дѣтоубійство на 170,896 жителей [3]).

Изъ русской статистики относительно дѣтоубійства мы имѣемъ слѣдующія свѣденія. По свидѣтельству д-ра Жуковскаго, [4]) въ одной Полтавской губерніи, въ продолженіе 10 лѣтъ (1855—1864 г.) изслѣдовано было судебно-медицинскимъ порядкомъ 343 случая дотоубійства, или около 34 въ годъ, изъ числа приблизительно 2830 ежегодно рождающихся. Дѣтоубійство въ такомъ размѣрѣ по свидѣтельству г. Жуковскаго, составляетъ $^1/_4$ всѣхъ случаевъ насильственной смерти и почти равняется всѣмъ вмѣстѣ взятымъ видамъ смертоубійства. Такимъ образомъ оказывается, что одна женская стыдливость уравновѣшиваетъ всѣ остальныя страсти испорченной человѣческой натуры. Относительно остальныхъ губерній Россіи извѣстно, что въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ уже дѣйствуютъ судебныя учрежденія на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г., возбуждено было обвиненій : [5])

	въ истребленіи плода.	въ покушеніи на дѣтоубійство.
за 1873 г.	17	36 [1])
» 1874 »	4	73 [2])
» 1875 »	—	87
» 1876 »	10	81
» 1877 »	8	84

По отчетамъ Медицинскаго Департамента, всѣхъ случаевъ дѣтоубійства въ Россіи было:

въ 1876 г.	396
» 1877 »	356
» 1878 »	431
» 1879 »	432

Мы привели здѣсь нѣсколько цифръ, показывающихъ несомнѣнно, что дѣтоубійство не только не перевелось въ христіанскомъ мірѣ, а наоборотъ, продолжаетъ весьма убѣдительно и открыто заявлять себя. Но цифры случаевъ преступнаго выкидыша и дѣтоубійства на самомъ дѣлѣ никогда не могутъ быть выведены съ помощію статистики; потому что числа, приводимыя авторами въ этомъ отношеніи, большею частію будутъ касаться случаевъ, заявленныхъ на судъ, тогда какъ упоминаемые виды истребленія человѣчества, по характеру своему, относятся къ преступленіямъ, совершаемымъ въ тайнѣ и обнаруживаемымъ менѣе всѣхъ другихъ.

Между поклонниками Ислама, напр., въ Турціи, дѣтоубійство совсѣмъ не рѣдкое явленіе [3]).

Между подкидышами въ Москвѣ намъ пришлось однажды лично видѣть крошечнаго сына Израиля уже обрѣзаннаго, стало быть духъ времени дѣйствуетъ и на безспорно чадолюбивыхъ сыновъ Іеговы!..

При такой всеобщей, изложенной выше, распространенности плодоистребленія и дѣтоубійства, нельзя не придти къ тому заключенію, что оба эти вида преступленій составляютъ слѣдствіе массы самыхъ тяжелыхъ, житейскихъ условій, въ которыя нерѣдко бываетъ поставленъ человѣкъ, вслѣдствіе чего преступленія эти и встрѣчаются вездѣ, среди всякаго рода культуры, религій и состояній.

Факты, какъ извѣстно, имѣютъ свой языкъ и нерѣдко они говорятъ сами за себя краснорѣчивѣе словъ!..

---

[1]) Бріанъ. Полное руководство къ судебной медицинѣ. 1860. т. I, стр. 94.

[2]) Бріанъ. ibid. стр. 178.

[3]) Шашковъ. Дѣтоубійство, стр. 408—410.

[4]) А. Жуковскій, дѣтоубійство въ Полтавской губерніи. (Архивъ Судебной медицины. 1870 г., книг. 3).

[5]) Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г. Изданіе Минист. Юстиціи. Годы 1874—1879 г.

[1]) Свѣдѣнія эти относятся къ 30 губерніямъ: С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Московской, Владимірской, Калужской, Рязанской, Тверской, Смоленской, Костромской, Нижегородской, Тульской, Ярославской, Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской, Полтавской, Земли войска Донскаго, Одесскому Градоначальству, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской, Разанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской и Тамбовской.

[2]) Свѣдѣнія эти относятся кромѣ 30 губерній, только что поименованныхъ, еще къ 4 вновь прибавленнымъ, а именно: Вологодской, Черниговской, Вятской, Пермской.

[3]) Hammer. Staatsverfassung und Staatverwaltung des osmanischen Reichs. Th. 2, S. 77. Wien 1815.

ГЛАВА III.

РОЖДЕНІЕ И ПЕРВАЯ ОБСТАНОВКА НОВОРОЖДЕННАГО.

Современная гигіена по отношенію къ родамъ.—Способы рожденія у нѣкоторыхъ дикихъ и полудикихъ народовъ.—Возрѣнія на роженицу у нѣкоторыхъ современныхъ и древнихъ народовъ. — Вѣроятное объясненіе народныхъ понятій о нечистотѣ роженицы и новорожденнаго. Участіе при родахъ повивальныхъ бабокъ.—Положеніе новорожденнаго.—Способы рожденія у русскихъ женщинъ.—Пріемы для ускоренія родовъ.—Роль бани при родахъ и послѣ нихъ.—Обычай рожденія и отношеній къ новорожденному у разныхъ русскихъ инородцевъ.—Зависимость рожденія отъ окружающихъ условій.

Современная гигіена рекомендуетъ выбирать для родовъ большую комнату, умѣренно освѣщенную, достаточно провѣтриваемую и натрѣтую до 15° R. Это считается необходимымъ какъ для роженицы, которой приходится оставаться въ одной и той же комнатѣ довольно продолжительный срокъ, такъ и для дитяти, обыкновенно остающагося довольно долго возлѣ матери въ первое время послѣ рожденія. Къ родамъ должна быть заблаговременно приготовлена опытная акушерка, особенно на случай возможныхъ затрудненій въ этомъ процессѣ; кромѣ того должны быть заготовлены необходимыя приспособленія, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ нѣсколькихъ слѣдующихъ главахъ, и наконецъ по совершеніи родоваго акта роженица и ребенокъ должны быть уложены въ свои постели и содержаться соотвѣтственнымъ образомъ.

Посмотримъ теперь, какъ совершается на самомъ дѣлѣ появленіе на свѣтъ ребенка у разныхъ народовъ.

Д-рь Фаулькнеръ [1]), жившій много лѣтъ между племенами Сіу, разсказываетъ, что онъ зналъ тамъ одну женщину, которая зимой вышла нарубить дровъ и между тѣмъ разрѣшилась отъ бремени, послѣ чего она завернула дитя, положила его на дрова и то и другое безъ труда принесла домой, прошедши нѣсколько миль. Д-рь Шокетъ разсказываетъ, что нѣсколько плосконоловыхъ Индійцевъ съ женами и дѣтьми отправились на охоту въ очень холодный зимній день; одна женщина отстала нѣсколько отъ другихъ, разослала по снѣгу старую буйволовую шкуру и родила ребенка, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же вышелъ послѣдъ. За тѣмъ приведши все въ порядокъ, она завернула ребенка въ платокъ, сѣла на лошадь и догнала труппу прежде, чѣмъ та замѣтила ея отсутствіе. Такому скорому и благополучному разрѣшенію отъ бремени, безъ малѣйшаго приготовленія, какъ бы экспромтомъ и на ходу, безъ сомнѣнія много способствуютъ какъ здоровье, такъ и самое строеніе первобытныхъ женщинъ, у которыхъ, благодаря постоянной дѣятельности на чистомъ воздухѣ, по неволѣ развиты болѣе и мускулы и кости, вслѣдствіе чего онѣ вообще для рожденія чувствуютъ въ себѣ больше силъ, чѣмъ наши городскія, изнѣженныя дамы; вслѣдствіе тѣхъ же причинъ мускулы живота ихъ и кости таза благопріятнѣе развиты для номадствующей роженицы, чѣмъ у нашихъ благовоспитанныхъ барынь; кромѣ того дикари обыкновенно женятся только на женщинахъ своего племени по чему, согласно замѣчанію нѣкоторыхъ, и развитіе головки и всего тѣла ребенка наиболѣе подготовлены къ племенному тазу матери. На послѣднее обстоятельство обращаютъ серьезное вниманіе также цитированные авторы, собравшіе въ своей книгѣ не мало данныхъ такого рода, что какъ только среди дикарей начинаютъ появляться смѣшанные браки, то у женъ ихъ уже являются и затрудненія при родахъ, обусловливаемыя не рѣдко несоотвѣтственно большой головкой ребенка относительно входнаго канала таза матери. Согласно данныхъ тѣхъ

[1]) Die Geburt bei den Urvölkern. Eine Darstellung des Entwiecklung der heutigen Geburtskunde aus den natürlicher und umbewussten Gebräuchen aller Rassen. Von D-r G. J. Engelmann in St. Louis, Mo. Aus dem englischen übertragen und mit eigenen Zusätzen versehnen von Dr. C. Hennig, Professor an den Universität und Director der Kinderheilanstalt in Leipzig. 1884. S. 15.

же авторовъ, при родахъ первобытныхъ народовъ наичаще встрѣчаются головныя и ягодочныя положенія, къ каковымъ наиболѣе располагаютъ также постоянныя движенія беременныхъ и наоборотъ, по видимому, у нихъ крайне рѣдко встрѣчаются какія-либо неправильныя положенія, особенно поперечныя, которыя за то обыкновенно кончаются смертію и матери и плода.

Самое рожденіе на Сандвичевыхъ островахъ составляетъ общественный актъ, открытый для всѣхъ живущихъ вмѣстѣ, равно какъ и приходящихъ. Такая же наивность при рожденіи, какъ и при половыхъ отправленіяхъ, встрѣчается у индійскихъ магометанъ. Дикія племена Южной Индіи и обитатели Андамантовъ допускаютъ также толпы женщинъ родныхъ и знакомыхъ сбираться вокругъ роженицы. Подобное же встрѣчается у Шагутовъ, Брюле-Сіу, Умпка и др. Въ этихъ собраніяхъ иногда господствуетъ ужаснѣйшій шумъ, крикъ, нестерпимая духота, мерзѣйшій воздухъ отъ накуреннаго табаку и среди этого невообразимаго хаоса лежитъ иногда совсѣмъ безъ чувствъ распростертая на землѣ несчастная страдалица! [1])

Наоборотъ у весьма многихъ народовъ всѣхъ частей свѣта женщина во время родовъ и въ періодъ послѣродовой считается нечистою; поэтому на этотъ срокъ ей отдѣляется или особый уголъ въ общемъ жильѣ, или она сама удаляется изъ общаго жилища куда нибудь въ лѣсъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, нѣкоторыя Индіанки, при томъ въ одиночествѣ или въ сопровожденіи которой либо изъ родственницъ, или же наконецъ для нея устраивается нарочно отдѣльное помѣщеніе, при томъ чаще всего на берегу моря, озера, рѣки, для того чтобы вскорѣ послѣ родовъ имѣть возможность обмыться вмѣстѣ съ ребенкомъ, какъ это дѣлается напр. среди американскихъ Индійцевъ у Сіу, Команховъ, Тонкововъ, Лохнозовъ, Апаховъ, Шейсковъ и многихъ другихъ. На приложенномъ рисункѣ (фиг. 5) изображена загородка, устроиваемая у Команховъ нарочно для роженицъ. Она дѣлается изъ плетня на кольяхъ, въ нѣкоторомъ удаленіи отъ общаго лагеря и спиной къ нему, 6—7 футовъ вышины и 8 въ поперечникѣ, формы круглой съ собымъ входомъ. По направленію къ этому входу ставятся три столба изъ молодыхъ деревьевъ, не лишенныхъ коры, о значеніи которыхъ скажемъ ниже. Столбы эти становятся въ разстояніи одинъ отъ другаго на 10 шаговъ и вышиной каждый въ 4 фута. Внутри загородки дѣлаются двѣ прямоугольныя ямки въ землѣ, въ 10—18 дюймовъ ширины, и на краю каждой изъ нихъ вбивается по колу. Въ одну изъ этихъ ямокъ кладется горячій камень, въ другую мягкая земля для воспринятія испражненій и мочи [1]). Въ Калифорніи родильница также считается нечистою довольно долгій срокъ. Бертонъ [2]) видѣлъ тамъ красивую молодую женщину, сидѣвшую съ новорожденнымъ ребенкомъ въ кустахъ, въ уединенномъ мѣстѣ, «такъ какъ, подобно евреямъ, дочери краснокожихъ должны, когда на нихъ лежитъ гнѣвъ Великаго Отца, оставаться отдѣленными отъ другихъ и не касаться кухонной посуды, пока признаки божьяго гнѣва не оставятъ ихъ».—У Тлинкетовъ въ Аляскѣ родильница не только остается отдѣленною отъ всѣхъ по причинѣ нечистоты своей, но даже въ теченіе долгаго времени предоставляется прямо самой себѣ. Въ Остъ-Индскомъ Архипелагѣ, островахъ Тихаго Океана, на Полинезійскихъ островахъ женщина послѣ родовъ также считается нѣкоторое время нечистою. На Таити мать и ребенокъ остаются долгое время въ особомъ помѣщеніи, куда можетъ входить только отецъ. Пока мать и ребенокъ бываютъ «табу», т. е. нечистыми, первая можетъ кормить своего ребенка, но сама ѣсть не можетъ: ее должны кормить другіе. Вся Африка подчинена вліянію понятія о крайней нечистотѣ роженицы и ея ребенка. Понятія эти встрѣчаемъ въ Египтѣ, Аравіи, у Кафровъ, негритянскихъ народовъ и т. д. У Бечуановъ родильница отдѣляется отъ всѣхъ и остается исключительно на попеченіи женщинъ. Даже туземные врачи не допускаются къ ней, а должны давать совѣты и лѣкарства чрезъ чье нибудь посредство [3]). Въ Австраліи [4]), по принятому обычаю женщина послѣдніе дни своей беременности должна проводить вдали отъ дома, подъ вѣтвями дерева или въ бѣдномъ шалашѣ, не защищающемъ ее ни отъ солнца, ни отъ вѣтра, ни отъ дождя; подъ этимъ-то убогимъ кровомъ новорожденное дитя остается въ теченіе пяти дней. По прошествіи этого времени, мать, въ присутствіи всѣхъ друзей и родственниковъ, кладетъ ребенка на циновку и тутъ же новорожденному даютъ имя.

Почти всѣ народы древности, Евреи, Греки, Римляне, Бактры, Мидяне, Персы и другіе первое время послѣ родовъ считали женщину нечистою, поэтому держали ее вдали отъ человѣческаго общества, нерѣдко въ весьма дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, отъ чего, конечно, не мало страдалъ и ребенокъ. Такъ, напр., по законамъ Зоораста, родильницу обыкновенно переносили въ возвышенную горницу дома, гдѣ никто не долженъ былъ прикасаться къ ней въ теченіе шести недѣль. Только нѣкоторыя кушанья могли быть даваемы ей, но не иначе какъ въ разстояніи трехъ шаговъ и при томъ въ металлическихъ сосудахъ, потому что не-

[1]) Engelmann u. Hennig. l. c. S. 19.

[1]) Engelmann, l. c. S. 20—21.
[2]) Ausland, 1862, № 15, S. 346.
[3]) Ploss, l. c. 52—57.
[4]) Л. Мей. Австралія.

чистота къ послѣднимъ пристаетъ труднѣе и легче устраняется отъ нихъ. Подобные же обычаи Персовъ также строго соблюдаются и въ настоящее время [1]). Въ древней Индіи,—по ученію Ayurvedas [2]), на девятомъ мѣсяцѣ беременная помѣщалась въ особый родильный домъ, въ началѣ благопріятнаго луннаго дня. Этотъ такъ называемый неприкосновенный домъ снабжался постелью изъ верблюжьяго волоса и имѣлъ хорошо знакомыхъ съ дѣломъ повивальныхъ бабокъ, равно какъ и другую прислугу; въ немъ устраивались отдушины, а двери обращались на востокъ или югъ; длина его 8 локтей, ширина 4 локтя. При наступленіи родовъ врачъ приказывалъ роженицѣ, получившей благословеніе, окруженной мальчиками и держащей въ рукѣ плодъ мускатнаго орѣха, хорошо смазаннаго и поливаемаго теплой водой,—пить воду, перебродившую съ сорочинскимъ пшеномъ, до насыщенія по горло. Затѣмъ уложивши роженицу на мягкую и упругую постель, снабженную подушками, съ изогнутыми нижними конечностями и въ согбенномъ положеніи, окружали ее четыре женщины, небоязливыя, пожилыя, опытныя въ этомъ дѣлѣ и съ обрѣзанными ногтями. Во время самыхъ родовъ эти женщины по очереди и въ извѣстные моменты то подбадривали роженицу, то заставляли ее нѣсколько напрягаться, или даже усиливать эти напряженія и такимъ образомъ поступали до выхода плода наружу. При неблаговременныхъ напряженіяхъ роженица рисковала произвести на свѣтъ ребенка глухаго, нѣмаго, съ вывернутыми подмышками, склоннаго къ катарру, одышкѣ, сухоткѣ, горбатаго или урода. По выходѣ плода врачъ окуривалъ дѣторождныя части роженицы или сброшенной кожей синебагровой змѣи или Vanguería spinosa, а затѣмъ назначалъ ей строгую діэту и лѣкарства для исправленія крови и только на шестыя сутки разрѣшалъ ей супъ изъ куропатокъ съ различными крупами и злаками. Такъ содержалась роженица около полумѣсяца и затѣмъ объявлялась выходящей изъ родильнаго пріюта. Въ настоящее время въ Индостанѣ [3]) женщина родитъ стоя, затѣмъ послѣ родовъ помѣщается въ особой хижинѣ, обыкновенно тѣсномъ, душномъ помѣщеніи съ одною маленькою дверью, безъ оконъ и безъ дымовой трубы. Эта хижина устраивается въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома изъ циновокъ и бамбуковыхъ вѣтвей и покрывается соломой. Какъ только считающаяся въ этомъ положеніи «нечистою» женщина переступитъ порогъ хижины, двери затворяются за нею и нечистая остается одна въ 25° температуры, терзаемая дымомъ, лѣкарствами, голодомъ и жаждой. Такое пребываніе въ одиночествѣ продолжается цѣлый мѣсяцъ; исключеніе дѣлается лишь для жены брамина, остающейся тамъ 21 день.

На ряду съ приведенными воззрѣніями прибавимъ, что взглядъ на женщину, дѣлающуюся нечистою со времени родовъ, распространенъ также и въ Европѣ, насчетъ чего можно найти подробныя справки, напр., у Плосса, Энгельмана и Геннига.

По мнѣнію Плосса, съ которымъ нельзя не согласиться, въ основаніи воззрѣній относительно нечистоты роженицы и новорожденнаго и обычаевъ удаленія ихъ изъ среды другихъ, можетъ-быть, лежитъ съ одной стороны представленіе о крайней болѣзненности процесса родовъ, а съ другой въ томъ давнемъ наблюденіи, что послѣродовой періодъ, иногда сопровождаемый гнилостными отдѣленіями, способенъ производить, при близкомъ и неосторожномъ обращеніи съ ними, различныя заразныя болѣзни съ печальными исходами. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ приведенные обычаи и воззрѣнія въ начальномъ происхожденіи своемъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ до нѣкоторой степени гигіеническія мѣры, направленныя къ огражденію родильницы, ребенка и окружающихъ, и только впослѣдствіи затемненныя ложными толкованіями, перешли наконецъ въ область чистыхъ предразсудковъ.

У многихъ племенъ, особенно наиболѣе дикихъ, нерѣдко роды обходятся совсѣмъ безъ всякой сторонней помощи, какъ это мы видѣли, напримѣръ, при описаніи родовъ у нѣкоторыхъ племенъ Сіу плосконоловыхъ Индійцевъ, или какъ подобный же обычай находимъ на Филиппинскихъ островахъ. Когда женщина здѣсь почувствуетъ боли, предшествующія родамъ,—говоритъ Жироньеръ [1]), то она идетъ къ берегу рѣки, привязываетъ горизонтально къ двумъ деревьямъ крѣпкую перекладину, опирается тѣломъ на эту подпору, склоняясь головою и корпусомъ къ землѣ, и остается въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится. Тогда она беретъ новорожденнаго, купается вмѣстѣ съ нимъ въ рѣкѣ и возвращается въ таборъ.

По мѣрѣ развитія племенъ мы встрѣчаемъ при родахъ ихъ женщинъ уже вмѣшательство сторонней помощи, которая иногда ограничивается лишь невинными потираніями живота, чаще всего проявляется въ формѣ какихъ-либо насилій, напримѣръ: давленія на животъ руками съ цѣлію выдавливанія плода; стягиванія живота платкомъ (Калифорнія и Южная Индія); давленія на нижнюю часть живота ногами (Сіамцы); встряхиваніе женщины, на подобіе подушки, съ прижатыми къ животу ногами (Мексика); дѣйствія на роженицу испугомъ (Команхи), настоями различныхъ травъ, иногда сильно

[1]) Ploss. B. I, l. c. S. 44—52.
[2]) Susvutas. Ayurvedas l. c. Cap. X.
[3]) Ploss, B. 1. S. 52.

[1]) Жироньеръ. Двадцать лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ. Ст. VI, стр. 105. Журналъ Современникъ 1866 г. Т. LI.

дѣйствующихъ, и т. д. Въ книгѣ Энгельмана и Геннига можно найти не мало поучительныхъ данныхъ относительно этого предмета. Изъ ряда этихъ данныхъ мы позволимъ себѣ привести здѣсь съ нѣкоторою подробностію лишь описаніе родовъ у Команховъ, объ устройствѣ загородки для роженицъ которыхъ уже была рѣчь впереди (Рис. 5). «Я нашелъ свою паціентку,—говоритъ очевидецъ W H. Foxwood [1]),—ходящую съ своею бабкою, родственницею, взадъ и впередъ, вдоль столбовъ, возлѣ загородки, по временамъ прислонявшуюся къ нимъ и становившуюся на колѣни у ближайшаго столба, хватаясь за него обѣими руками во время болей. Такъ она проводила большую часть времени при схваткахъ. Только случайно она стала разъ на колѣни внутри загородки, на горячій камень или мягкую землю. Во время каждой схватки она бросалась на колѣни у одного изъ столбовъ, прикасаясь переднею частію ногъ и бедръ къ землѣ и раздвигая нѣсколько колѣна съ нагбеннымъ туловищемъ, съ отклоненнымъ въ сторону лицомъ, а во время сильнѣйшихъ болей съ лицемъ поднятымъ кверху. Руки хватались за столбъ одна надъ другою почти на одинаковой высотѣ, а голова склонялась къ нему. Бабка становилась сзади, нѣсколько сбоку или прямо между ногъ, и наклонившись чрезъ нее, охватывала руками ея животъ и сжимала его до тѣхъ поръ, пока руки ея не сходились спереди внизу живота; въ этомъ положеніи выдѣлывала она ладонями и пальцами разные пріемы, терла и мяла до тѣхъ поръ, пока продолжалась схватка, наносила очень осторожно, но тѣмъ не менѣе внезапный толчекъ, встряхивала роженицу на подобіе того, какъ встряхиваютъ подушку въ наволоку. Никогда не клала она роженицу; въ то мгновеніе, когда вышелъ послѣдъ, роженица вскочила, надѣла на себя твердый кожаный поясъ и исчезла, смѣшавшись съ толпой, повидимому, ни мало не заботясь о своемъ ребенкѣ».

Положеніе новорожденнаго тѣсно связано съ положеніемъ роженицы. Тѣ напасти и неудобства, ко-

Рис. 5. Приготовленіе къ родамъ у Команховъ.

торыя испытываетъ во время родовъ и вскорѣ послѣ того мать, обыкновенно въ большей или меньшей степени достаются и на долю новорожденнаго. Объ этихъ многочисленныхъ неудобствахъ мы отчасти можемъ судить уже на основаніи только что изложеннаго матеріала, но еще болѣе и подробнѣе не разъ намъ придется говорить о томъ-же предметѣ въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ главахъ. Здѣсь-же мы пока отмѣтимъ только весьма оригинальныя отношенія къ новорожденному, практиковавшіяся въ древней Индіи. Согласно ученію Ayurvedas [2]) —здѣсь врачъ прежде всего старался очистить его животъ и кость Sind'humsi чистымъ масломъ, накладывалъ на голову его вату, извѣстнымъ образомъ перевязывалъ пуповину, съ помощію холодной воды вызывалъ свободное дыханіе, заставлялъ ребенка сосать съ пальца извѣстнымъ образомъ составленный порошокъ съ медомъ. Затѣмъ вообще во все ближайшее время къ родамъ врачъ обязанъ былъ оберегать ребенка отъ воздуха, солнечнаго жара, молніи, сіянія лучей, отъ деревьевъ, ползучихъ растеній, пустыхъ жилищъ, глубокихъ мѣстъ, тѣни домовъ и пр. по причинѣ фатальныхъ и бѣсовскихъ заболѣваній, которымъ дѣти особенно подвержены; запрещалось также класть ребенка въ нечистомъ, неудобномъ мѣстѣ, въ нечистомъ воздухѣ, на жару, вѣтру, дождѣ, пыли, дыму, водѣ, оставлять безъ покрововъ и наблюденій няньки.

[1]) Engelmann und Hennig. l. c. S. 93.
[2]) Susrutas Ayurvedas. l. c. Cap. X.

Русскій ребенокъ въ большинствѣ случаевъ родится въ банѣ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ русскіе бытописатели, [1]) а также многія рукописныя свѣдѣнія, полученныя нами изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Даже молитва, читаемая священниками для родильницы, по свидѣтельству свящ. Колерова, называется въ простонародьи «банной молитвой».—Обычай рожденія въ банѣ, повидимому, ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Въ сочиненіи Кошихина, современника царя Алексѣя Михайловича, о рожденіи царскихъ дѣтей говорится слѣдующее: «какъ приспѣетъ время родитися царевичу и тогда царица бываетъ въ мыльнѣ, а съ нею бабка и иныя многія жены, а какъ родится и въ то время царю учинится вѣдомо и посылаютъ по духовника, чтобы далъ родильницѣ и младенцу, и бабкѣ, и инымъ при томъ будучимъ женамъ молитву и потомъ въ мыльню входитъ царь смотрити новорожденнаго, а не давъ молитвы, въ мыльню не входятъ и не выходятъ никто».—Допетровскій періодъ отличался поразительнымъ однообразіемъ коренныхъ нравовъ всѣхъ слоевъ тогдашняго общества и неизмѣнно тянулся многія сотни лѣтъ, а потому на основаніи приведенной выдержки, въ самомъ дѣлѣ можно думать, что описанный обычай рожденія дѣтей на Руси существовалъ и распространенъ былъ задолго до царствованія Алексѣя Михайловича, хотя, правда, прямыхъ указаній на это въ древнихъ рукописяхъ не находится.

Не рѣдко впрочемъ русская женщина родитъ въ домѣ и именно при такихъ условіяхъ: «за два, за три часа до появленія на свѣтъ новаго существа,—говоритъ священникъ Кордатовъ, описывая обычаи рожденія дѣтей въ Нижегородскомъ уѣздѣ,—почти всегда приглашается бабка повитуха. Онѣ бываютъ изъ пожилыхъ мѣстныхъ вдовушекъ, пріобрѣвшихъ опытность чрезъ частое упражненіе въ этомъ дѣлѣ, — для которыхъ наградою за труды служитъ рученька льну, коровай хлѣба, кусокъ мыла или аршинъ холста и ихъ всегда предпочитаютъ уѣзднымъ акушеркамъ, такъ что во весь 12-тилѣтній періодъ моего пребыванія въ этой мѣстности былъ только одинъ случай пріѣзда уѣздной акушерки, для оказанія помощи родильницѣ при трудномъ разрѣшеніи отъ бремени». Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—говоритъ врачъ Кассакъ, — гдѣ нѣтъ бань, тамъ для рожениць нарочно топятъ печь и всѣ приготовленія для родовъ дѣлаются въ избѣ; гдѣ же по многочисленности семейства это затруднительно, тамъ все приготовляется въ задней каморкѣ, чуланѣ, кутникѣ, сараѣ. Въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губ., по свидѣтельству священника Колерова, въ случаѣ какого-либо неудобства родить дома, родильница уходитъ для этого къ одинокой сосѣдкѣ, или же чаще всего прямо къ бабкѣ.

Но бываютъ случаи, что женщина намѣренно родитъ тайно и тогда она старается обходиться совсѣмъ безъ всякой посторонней помощи. Такъ напр. въ Тверской губерніи, по словамъ священника Лебедева: [1]) «женщина для этого иногда уходитъ въ теплый хлѣвъ, гдѣ овцы, и родитъ одна (скрываясь, чтобы не сглазили). Но разрѣшеніи отъ бремени она приходитъ съ младенцемъ въ домъ и ложится на печь. Тогда только посылаютъ за бабкой, которая, пришедши, повиваетъ младенца». — Подобный же обычай существуетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Нѣкоторыя женщины,—говоритъ въ своемъ рукописномъ очеркѣ М. М. Поспѣловъ,—нарочно уходятъ родить въ коровьи хлѣва и вообще въ укромныя мѣстечки, чтобы никто изъ домашнихъ, а тѣмъ болѣе изъ чужихъ людей, не подмѣтилъ момента рожденія. Рожденный на навозѣ ребенокъ тотчасъ же протестуетъ своимъ крикомъ противъ такого импровизированнаго ложа и если этотъ крикъ не будетъ услышанъ домашними, то мать сама беретъ его и относитъ въ домъ. Но конечно не всѣ матери, прибавляетъ М. М. Поспѣловъ, родятъ въ хлѣвахъ и вообще въ потайныхъ мѣстахъ, родятъ и въ полѣ, и на сѣнокосѣ; родятъ въ дорогѣ и въ лѣсу; родятъ въ жилыхъ домахъ и натопленныхъ баняхъ. Въ Новогородской губерніи, по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго [2]), и въ Кириловскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача П., есть также обычай иногда уходить для родовъ даже зимою въ холодные хлѣва, сараи и т. п., хотя въ большинствѣ случаевъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ женщины родятъ въ жилыхъ домахъ, или баняхъ. «Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, чтобы избѣгнуть «дурнаго глаза» передъ родами,—говоритъ докторъ Грязновъ, [3]) — роженица, несмотря на время года, старается родить безъ постороннихъ, для чего она тайно уходитъ въ хлѣвъ или чуланъ и родитъ тамъ и сама приноситъ ребенка; потомъ уже она помѣщается въ банѣ или въ печи и доводится до поту, чтобы лихорадки не

---

[1]) *Боборыкинъ*: село Васильевское Нижегородской губерніи и уѣзда, помѣщ. въ этнограф. Сборн. Русск. Геогр. Общ. В. 1. стр. 23. *А. Радаковъ*: Сборникъ медико-топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Вятской губерніи 1878 г. стр. 224, и др.

[2]) *Кошихинъ*: о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. 1859 г. стр. 12. § 26.

[1]) Свящ. *Лебедевъ*: бытъ крестьянъ Тверской губер. помѣщ. въ Этногр. Сборн. издав. Русс. Геогр. Общ. В. 1. стр. 183.

[2]) Протоіер. *Ѳ. В. Гиляровскій*: изслѣдованія о рожденіи и смертности дѣтей въ Новогородской губерніи (Записки Имп. Геогр. Общ. отд. Статист. т. I. стр. 57, 1866 г.)

[3]) Грязновъ: Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда. Диссертація. С. П. 1880 г., стр. 189.

было и чтобы больше выходило «грязи», т. е. очищеній».—Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи,—по свидѣтельству священника Татарина,—родильница ходитъ до послѣдняго часа, не давая домашнимъ замѣтить своихъ болѣзней, и для сего иногда скрывается въ скотскій дворъ, гдѣ и разрѣшается отъ бремени. Когда родитъ, мужъ идетъ за бабкой (до родинъ бабки рѣдко приходятъ) и затапливаетъ баню, куда потомъ ведутъ родильницу съ младенцемъ [1]). Въ Пермской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Пѣтухова, [2]) женщина скрываетъ время родовъ даже отъ родныхъ изъ повѣрья, что за всякаго узнавшаго человѣка доведется мучиться въ родахъ, а если узнаетъ объ нихъ злой человѣкъ, то онъ можетъ запереть ихъ у роженицы. Отъ того наступленіе родовъ и скрывается тщательно до послѣдняго времени и при томъ стараются совершить его возможно тайно. Въ подобномъ же родѣ приготовленіе къ родамъ въ Усольѣ Пермской губерніи описываетъ врачъ Бѣлоголовъ, практиковавшій въ этомъ краѣ 48 лѣтъ. Съ началомъ первыхъ болей (потуговъ),—говоритъ онъ,—роженица тотчасъ оставляетъ свои занятія по хозяйству, тайно посылаетъ за бабушкой — повитухой, тайно же скрывается въ свободную, иногда совершенно холодную комнату, баню, или даже въ скотскій хлѣвъ, въ такое мѣсто, чтобы никто не могъ ни видѣть ее, ни слышать ея болѣзненныхъ стоновъ и не могъ бы сглазить или изурочить, вслѣдствіе чего не пришлось бы ей мучиться лишній день или болѣе, за каждаго человѣка, узнавшаго о ея родахъ. Сюда, т. е. въ баню или хлѣвъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго ожиданія, приходитъ къ ней бабушка. Не смотря на боли и изнеможеніе, роженица кланяется ей въ ноги, усердно проситъ не покинуть, не оставить безъ помощи. Бабушка, въ своихъ видахъ, ломается и отнѣкивается, хотя въ сущности весьма рада приглашенію, потому что вмѣстѣ съ нимъ обыкновенно связываются нѣкоторыя матеріальныя для нея выгоды. Однако есть конецъ и грубому лицемѣрію бабушки, которая наконецъ изъявляетъ готовность послужить. Послуги эти состоятъ въ слѣдующемъ: она торопливо расплетаетъ у роженицы косы, снимаетъ у нея всю верхнюю одежду (не смотря ни на какое мѣсто и время года?), развязываетъ на поясахъ всѣ узелки, убираетъ повязки. Узелки развязываются и расплетаются косы за тѣмъ, чтобы *развязызались роды* (послѣдовали безъ всякаго задержанія [3]).

Гдѣ бы однако русскій ребенокъ ни родился, въ концѣ концовъ онъ большею частію не минуетъ бани, куда несутъ или везутъ его тотчасъ же, какъ только послѣдняя будетъ изготовлена спеціально для роженицы. Баню эту обыкновенно готовитъ повитуха, позванная заблаговременно, или уже къ разрѣшившейся отъ бремени роженицѣ. Иногда же,—по свидѣтельству священника Блинова, Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, бѣдная и малосемейная женщина за нѣсколько часовъ до процесса родовъ сама нарубитъ дровъ, снесетъ ихъ въ баню и затопитъ печку-каменку безъ трубы. У состоятельныхъ крестьянъ кромѣ повитухи приглашается кто либо изъ женщинъ родственницъ; у бѣдныхъ же и малосемейныхъ помогаетъ одна лишь повитуха. Въ банѣ повитуха окончательно «правитъ» и «убираетъ» роженицу и новорожденнаго. Обычай этотъ свято сохраняется не только въ центральныхъ губерніяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія доставленныя намъ рукописныя свѣдѣнія, но даже на далекихъ окраинахъ Россіи. Такъ по свидѣтельству священника Бабина въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, тотчасъ по рожденіи младенецъ завертывается въ нагрѣтыя за время пеленки и до тѣхъ поръ пока не вытопится курная баня кладется въ избѣ на печь или полати. По свидѣтельству врачей Эліашевича и Поликовскаго, въ части русскаго населенія, живущаго въ разныхъ округахъ Иркутской губерніи, существуетъ обычай, что спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія, родильницу вмѣстѣ съ новорожденнымъ ведутъ въ баню для омовенія и это производятъ еще въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ дней. Тоже встрѣчаемъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи [1]).

Самый процессъ родовъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи совершается такимъ образомъ:

Въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, по свидѣтельству Колерова, — при наступленіи мукъ родильницу заставляютъ ходить; но при такъ называемыхъ перехватахъ (схваткахъ) она садится на чье либо колѣно, иногда на колѣно мужа, если только онъ не скроется куда нибудь, что часто бываетъ. Когда родильница долго мучается, то бабка часто запускаетъ руку въ родильный рукавъ и обыкновенно, нисколько не стѣсняясь, вслухъ родильницы, объявляетъ о результатахъ своего дознанія. Случается, что во время сильныхъ мукъ бабка беретъ родильницу въ печь и тамъ ее паритъ для ускоренія родовъ. Лишь показывается въ проходѣ водяной пузырь, бабка его прищипываетъ и спускаетъ воду. При началѣ потугъ родильницѣ по большей части даютъ выпить стаканчикъ

[1]) П. С. Ефименко: Матеріалы по Этнографіи русскаго населеніяАрхан. губ. (Извѣстія Имп. Об. Люб. Естеств. Т. XXX, стр. 135).

[2]) Медиц. Вѣстн. 1863 г. № 23.

[3]) Бѣлоголовъ. Важный общественный недугъ въ нашемъ краѣ. Усолье, Пермской губерніи. 1881 г. стр. 3—4 (Извлеченіе изъ Перм. губ. Вѣд. 1818 г.).

[1]) Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи составъ. П. С. Ефименкомъ. (Труды этногр. Отд. Имп. Общ. Любителей Естествознанія. Кн. V. Вып. 1. 1877, стр. 134).

(рюмки въ двѣ) водки и что нибудь закусить. За тѣмъ родильница ложится на полу на приготовленной постелѣ и рождаетъ лежа. При выходѣ головы младенца его уже тянутъ, заставляя при этомъ родильницу, какъ можно изо всѣхъ силъ, натужиться. При обморокахъ родильницу вспрыскиваютъ съ камушка или со скобки. Тотчасъ послѣ родовъ даютъ ей водки и приготовляютъ для нея печь, въ которую влезаетъ съ нею и бабка. Но прежде печи, пока родильница, выпивши водки, немного отдохнетъ, бабка занимается младенцемъ.—Въ случаѣ затруднительныхъ родовъ иногда родильницъ встряхиваютъ. Это дѣлается такъ: послѣ пара въ печкѣ родильница вылезаетъ оттуда головой впередъ и руками опирается въ полъ; въ это время двое подхватываютъ ее руками подъ нижнюю часть живота, такъ чтобы она перегнулась и въ этомъ положеніи ее нѣсколько разъ встряхиваютъ.

Роды совершаются въ лежачемъ положеніи также въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, при чемъ, по свидѣтельству врача И. Ляйманъ, въ ожиданіи выхожденія послѣда, завертываютъ новорожденнаго въ грязную толстую тряпку и кладутъ его между бедрами роженицы на соломенную подстилку. Въ лежачемъ-же положеніи роды совершаются въ Казанской губ., при чемъ, по свидѣтельству врача А. Т. Соловьева, по появленіи на свѣтъ ребенка, повитуха принимаетъ его въ (толстые и грубые) штаны и рубаху отца, чтобы онъ любилъ дитя, а дитя почитало родителя.

Не рѣдко впрочемъ русскія крестьянки родятъ стоя, находясь какъ бы на ходу, иногда же на колѣнахъ. Такъ въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Жеховскаго,—во время процесса родовъ роженицу заставляютъ ходить, подвѣшиваютъ подъ руки и стараются, чтобы она родила стоя. Предполагая положеніе ребенка неправильнымъ, давятъ у роженицы животъ, вслѣдствіе чего бываетъ много несчастныхъ случаевъ, какъ-то: кровотеченія, задержанія дѣтскаго мѣста, послѣродовыхъ воспаленій и т. п. Въ Кириловскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи,—по свидѣтельству врача П.,—женщины также родятъ въ стоячемъ положеніи и притомъ большею частію однѣ, въ какомъ либо потаенномъ мѣстѣ. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству священника Бурдина,—женщина также рождаетъ стоя, причемъ повитуха поддерживаетъ рождающагося, не допуская его упасть на полъ, гдѣ рѣдко бываетъ приготовлена какая нибудь подстилка для мякоти ногамъ роженицы.

Обрядность родовъ въ Усольѣ Пермской губерніи весьма обстоятельно описываетъ врачъ Бѣлоголовъ. Развязавъ косу и узелки на роженицѣ, какъ сказано выше, и оставивъ ее только въ одной рубашкѣ,—продолжаетъ референтъ,—бабушка водитъ потомъ роженицу (разумѣется, если она въ силахъ) взадъ и впередъ, съ приговоромъ: *отдай наше, отдай наше!* Прогуливается она такъ со страдалицею до тѣхъ поръ, пока она не обезсиливаетъ вовсе и только тогда уже дозволяетъ ей присѣсть, или прилечь. Послѣ этого моціона, бабушка заставляетъ роженицу ухватиться за полотенце или опояску, привязанныя къ потолку, или другому какому нибудь возвышенному предмету, и дѣлать постоянное напряженіе, или, какъ называется, пожиленье [1]). Послѣ этого бабушки заставляютъ роженицу родить: или стоя на ногахъ, или стоя на колѣнахъ; въ томъ и другомъ случаѣ, то согнувшись впередъ, то перегнувшись черезъ спину назадъ; нерѣдко сажаютъ роженицу крестцемъ къ себѣ на колѣно, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, ухватившись за упомянутое выше полотенце, привязанное къ потолку, должна по возможности сильнѣе жиличься; иногда заставляютъ повѣситься въ петлю, пропускаемую чрезъ грудь подъ мышки, привязанную къ какому нибудь возвышенному предмету; наконецъ бываетъ такъ, что укладываютъ роженицу въ растяжку — на переломъ, на нѣсколько подложенныхъ подъ поясницу подушекъ, отчего брюхо поднимается кверху, а голова, грудь, задница и нижнія конечности опускаются гораздо ниже брюха. Но всѣ эти положенія, кромѣ очевидныхъ неудобствъ для родовъ, сопряжены для роженицы съ громаднымъ безпокойствомъ, усталостію, потерею силъ, нерѣдко бываютъ причиною простуды роженицъ, опущенія матки, разрыва промежности, кровотеченія, обмороковъ и т. п. [2]). Нерѣдко съ цѣлію ускоренія родовъ повитуха вкладываетъ роженицѣ въ ротъ волосы, поитъ ее распущеннымъ въ водѣ мыломъ, деревяннымъ масломъ, сабуромъ, шафраномъ, порохомъ и т. п. Эти инквизиторскія штуки дѣлаются въ томъ предположеніи, что по мылу и по маслу скорѣе выкатывается ребенокъ, а порохомъ скорѣе выброситъ его, какъ изъ пушки. Затѣмъ бабушка кладетъ роженицу на полъ, и намыливая ей животъ мыломъ, правитъ его, то сверху, то снизу, то съ боковъ, до нестерпимой боли. Если этотъ способъ пытать признается бабушкой почему-либо непдущимъ къ дѣлу, то она привязываетъ къ ногамъ лежащей на полу роженицы полотенца, поднимаетъ ихъ кверху и трясетъ ее во всю мочь. Если, не смотря на всѣ эти варварскія истязанія, роды не открываются, то бабушка заключаетъ, что роженица сглажена, опризорена злыми людьми: тутъ она беретъ нѣсколько горячихъ углей, кладетъ ихъ въ наполненный водою буракъ, бормочетъ надъ нимъ извѣстный заговоръ и этой водой окачиваетъ роженицу съ головы; потомъ на-

---

[1]) Бѣлоголовъ, l. c. стр. 5.

[2]) Бѣлоголовъ, l. c. стр 20.

полняетъ буракъ новой водой, кладетъ туда нѣсколько яицъ и поитъ этой водой роженицу затѣмъ, чтобы какъ съ яицъ вода скоро скатывается, такъ скоро и ребенокъ выкатился бы изъ утробы матери [1]). Иногда же, по свидѣтельству д-ра Пѣтухова [2]),—въ случаѣ затрудненныхъ родовъ мужъ беретъ жену за руки къ себѣ на плечи, бѣгаетъ съ нею по избѣ и трясетъ ее изо всей мочи. Если мужъ малосиленъ, то роженицу кладутъ на полъ, связываютъ ноги у лодышекъ тряпицей и проводятъ межъ ногъ опояску, которою притягиваютъ роженицу головою внизъ, а ногами вверхъ къ грядкамъ, или палатному брусу на короткое время. Подвѣшиваемыя женщины разсказывали потомъ самп г. Пѣтухову, что во время висѣнья у нихъ меркло въ глазахъ и онѣ впадали въ безпамятство, предчувствуя конецъ жизни.

Въ Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству учителя Дудина, — родильница старается заблаговременно заручиться обѣщаніемъ помощи ей въ нужную минуту со стороны какой либо извѣстной въ околодкѣ повитухи. Передъ родами является въ домъ дряхлая старушенка, молится святымъ иконамъ, отдаетъ привѣтъ хозяевамъ и приступаетъ къ дѣлу. Осмотрѣвъ предварительно роженицу, она затѣмъ начинаетъ водить ее по комнатамъ, въ сѣнцы, въ кладовую, водитъ ее по амбарамъ, по сараямъ, по гумнамъ, по всему двору, приговаривая: «ты сама, милая, облюбуешь себѣ мѣсто, гдѣ слѣдуетъ тебѣ родить.»—У роженицы нѣтъ силъ уже передвигать ногъ, но бабка, при помощи постороннихъ лицъ, все-таки таскаетъ страдающую женщину. При тяжкихъ родахъ, бабка велитъ мужу лечь ницъ на земь, и роженицѣ велитъ переступить

Рис. 6. Приготовленіе къ родамъ въ Россіи.

черезъ него. Это дѣлается съ тою цѣлію, что если де мужъ когда либо оскорблялъ свою жену во брани, проклиналъ ее, то теперь онъ лежаніемъ своимъ на землѣ выказываетъ полную свою покорность передъ женой и этимъ будто бы ускоряетъ выходъ ребенка. Обычай перешагиванія черезъ мужнины ноги, а также черезъ дверные пороги при трудныхъ родахъ существуетъ также, по свидѣтельству Е. В. Барсова [1]), – въ Рязанской губерніи, а въ Вятской губерніи въ подобныхъ случаяхъ,—по свидѣтельству священника Осокина,--приносятъ дугу въ баню и переводятъ черезъ нее родильницу три раза.

Въ Тульской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Смидовича, [2])—если роды идутъ медленно, то обыкновенно стараются возбудить чѣмъ нибудь маточ-

[1]) Бѣлоголовъ. 1. с. стр. 5—7.
[2]) Медиц. Вѣсти. 1863 г. № 23.

[1]) *Е. В. Барсовъ*: обряды наблюдаемые при рожденіи и крещеніи дѣтей на рѣкѣ Орели, напечат. въ Трудахъ Этногр. Отд. Имп. Общ. Любит. Естествознанія, Кн. V. 1877 г., стр. 76.
[2]) В. Смидовичъ: Матеріалы для описанія г. Тулы. (Санитарный и экономическій очеркъ). 1880 г. стр. 101—102.

ныя сокращенія,—для этого сначала даютъ пить деревянное масло, ромашку, настой корицы въ водкѣ и т. п. Если это не помогаетъ, то водятъ родильницу по комнатѣ до изнеможенія, поддерживая съ обѣихъ сторонъ, или заставляютъ ее присѣсть и сильный мужчина долженъ упереться ей въ поясницу, какъ можно сильнѣе; этимъ, какъ увѣряютъ повитухи, выпирается ребенокъ. Въ случаѣ выпаденія ручки, мужъ становится на кровать, беретъ жену за ноги и, поднимая ихъ кверху, дѣлаетъ отъ времени до времени сильныя встряхиванія; иногда же просто привязываютъ къ ногамъ веревки и, перекинувъ за что нибудь около потолка, тянутъ роженицу вверхъ, оставляя ее нѣкоторое время въ такомъ положеніи. При отдѣленіи послѣда, выждавши нѣкоторое время, даютъ внутрь деревянное масло, растираютъ животъ и если это не помогаетъ, то привязавъ пуповину къ кирпичу, чтобы она не ушла, водятъ женщину черезъ силу по комнатѣ, а одна изъ помощницъ, идя сзади, поддерживаетъ кирпичъ; стараются также возбудить рвоту, давая глотать собственную косу; въ крайнихъ случаяхъ даютъ щепоть нюхательнаго табаку въ рюмкѣ воды.

Въ Вятской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Радакова, [1])—если роды происходятъ въ банѣ, то они совершаются такъ: «роженица лежитъ на полкѣ, гдѣ всегда существуетъ сильная жара. Повитуха остается безучастной, если родовыя боли продолжаются не болѣе одного или двухъ часовъ, въ противномъ случаѣ, она прибѣгаетъ къ средствамъ, могущимъ, по ея мнѣнію, ускорить процессъ родовъ, а именно: даетъ роженицѣ пить калганъ, настоенный въ водкѣ; [2]) затѣмъ повитуха старается «поправить» ребенка, т. е. дать ему болѣе подходящее положеніе, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякіе замедленные роды происходятъ отъ неправильнаго положенія ребенка. Повитухи никогда не полагаются на силы природы, а всѣми силами стараются, какъ можно болѣе ускорить даже самые нормальные роды; для этого онѣ мнутъ руками животъ роженицы, встряхиваютъ ее, подвѣшиваютъ подъ мышки къ потолку и даже ставятъ на полъ кверху ногами [3]). Не мудрено послѣ этого, что роженица, находясь въ жаркой атмосферѣ бани и испытавъ на себѣ всѣ описанныя манипуляціи, крайне разслабѣваетъ и слѣдствіемъ того бываютъ частыя мертворожденія и т. п.

[1]) Радаковъ, ibid, стр. 224.

[2]) Въ Новогородской губерніи, по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго (стр. 57), даютъ съ этой цѣлію рожки (secale cornutum), создатскій порошокъ (pulvis militaris). Въ Рязанской губер., по свидѣтельству Е. В. Барсова (обряды наблюдаемые при рожденіи и крещеніи дѣтей на рѣкѣ Орели и пр.), при трудныхъ родахъ поятъ роженицу дрожжами.

[3]) Обычаи эти, по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго (стр. 57), М. М. Поспѣлова и другихъ,—существуютъ почти повсемѣстно въ Россіи.

Самый актъ рожденія, крестьянки Вятской губерніи совершаютъ всегда стоя на колѣнахъ, причемъ для большей легкости родовъ, роженицу прижимаютъ крестцомъ къ чему нибудь твердому такъ, чтобы тѣло ея перегибалось какъ можно болѣе назадъ и какъ бы ни кричала женщина, ей никакъ не позволятъ перемѣнить это крайне неудобное и вредное положеніе до тѣхъ поръ, пока она не родитъ [1]). Только что это случится, ее опять кладутъ на полокъ и начинаютъ парить все тѣло ея и особенно животъ вѣниками, что продолжается довольно долго. Трудно сказать, можно ли выказывать большее пренебреженіе ко всѣмъ здравымъ медицинскимъ правиламъ, чѣмъ то дѣлаютъ повитухи во время родовъ. Это безсмысленное желаніе, какъ можно болѣе ускорить естественный процессъ родовъ, имѣетъ одно только послѣдствіе—изуродованіе женщины и ея потомства. Дѣйствительно земскимъ акушеркамъ приходится присутствовать при такихъ крестьянскихъ родахъ, гдѣ вслѣдствіе различныхъ механическихъ насилій, произведенныхъ повитухами надъ роженицами, происходятъ разрывы матки, промежности, вывихи членовъ новорожденныхъ и даже ихъ смерть.

Въ Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи, — по свидѣтельству г. Петрова, — когда приходитъ время родовъ и женщина начинаетъ чувствовать сильныя боли, то сначала родильницу водятъ по избѣ, чтобы менѣе мучилась, потомъ протягиваютъ поперегъ комнаты веревку, концы которой привязываютъ къ потолку, и родильница, стоя на колѣнахъ, облокачивается грудью о веревку, проходящую подъ мышками рукъ, и такимъ образомъ виситъ и качается, пока не родитъ младенца. Во время рожденія младенецъ поддерживается бабушкою, а родильница у веревки мужемъ и другими присутствующими, чтобы не упала.

Если дитя рождается слабымъ, плохо кричитъ и плохо дышетъ, то русская повитуха обыкновенно

[1]) Положеніе для родовъ на колѣнахъ предлагали иногда и люди науки. Такъ напр. въ началѣ семидесятыхъ годовъ Людвигъ предлагалъ для этого положеніе на одномъ колѣнѣ. Противъ этого положенія возражалъ Френкель, находя, что оно предрасполагаетъ къ разрывамъ промежности и другимъ поврежденіямъ во время родоваго періода, а кромѣ того оно гораздо болѣзненнѣе положенія на спинѣ, роды при немъ тянутся дольше, усиливается фиксія головки и т. д. Fr. Alt снова говорилъ за это положеніе. (Москов. Медиц. Газета 1872 г. № 31). Предложеніе Людвига и Alt'a, однако, сколько намъ извѣстно, вообще не пользуется сочувствіемъ ученыхъ акушеровъ до сихъ поръ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ цитированной выше книгѣ Энгельмана и Геппига (Роды у первобытныхъ народовъ) приведена масса весьма любопытныхъ примѣровъ и способовъ рожденія у разныхъ народовъ во всевозможныхъ, иногда едва вѣроятныхъ позахъ. Интересующіеся этимъ предметомъ могутъ найти въ упомянутой книгѣ также и посильную оцѣнку нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ тамъ способовъ рожденія.

старается возбудить въ немъ большія силы и для этого ударяетъ его по ягодицамъ, растираетъ тѣло, дуетъ ртомъ въ уши, темя, ротъ, носъ, не заботясь объ очищеніи послѣднихъ отъ первородной слизи. Если при рожденіи случится мнимая смерть ребенка, то,—по свидѣтельству священника Колерова Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи,—въ этомъ случаѣ обыкновенно поступаютъ такъ: бабка беретъ ребенка на руки и начинаетъ его качать въ горизонтальномъ положеніи, по направленію справа на лѣво, или наоборотъ. При качаніи ребенокъ кладется ничкомъ и при томъ головой на одну руку, а тазомъ на другую, такъ что положеніе его на рукахъ приходится вдоль плоскости качанія. Качаніе продолжается иногда болѣе часа. При качаніи обыкновенно окуриваютъ ребенка, сжигая или сиюю холщевую тряпку, или сучья изъ подержанаго помела, при чемъ стараются, чтобы дымъ отъ сгаранія проникалъ ребенку въ носъ и ротъ.—Въ другихъ мѣстностяхъ для оживленія ребенка повитуха качаетъ послѣдняго на рѣшетѣ, умываетъ и опрыскиваетъ голову и грудь его холодной водою. Но если это не помогаетъ, то, напримѣръ въ Пермской губерніи,—по свидѣтельству священника Бурдина,—льютъ той же воды на ребенка по нѣскольку ковшей, окуриваютъ его сожигаіемъ крашенины и затѣмъ поступаютъ какъ съ здоровымъ, т. е. подвергая его паренью вѣникомъ и т. п. Если ребенокъ отъ пребыванія въ угарной банѣ или въ курной избѣ при топкѣ ея «очумѣетъ», т. е. угоритъ, то,—по словамъ А. Радакова [1]),—въ Вятской губерніи лучшее средство противъ этого—квасъ, который даютъ въ ротъ грудному ребенку съ ложечки, что очень хорошо, по понятіямъ крестьянъ, помогаетъ, но чуть ли не хуже напримѣръ того, какъ при обмираніи дѣтей энергическое окуриваніе ихъ женой крашениной.

Баней новорожденный пользуется различно. Иногда, какъ мы видѣли, онъ родится дома, или въ другомъ какомъ либо потаенномъ мѣстѣ и приносится въ баню только первые 2—3 дня для омовенія. Со дня рожденія топятъ баню три дня сряду—говорятъ многіе авторы рукописныхъ свѣдѣній,—и въ три бани бабка носитъ новорожденнаго младенца. Иногда ребенокъ въ банѣ родится, повьется, получитъ первое омовеніе и затѣмъ приносится въ домъ, откуда на другой, третій и нѣсколько слѣдующихъ дней носится опять въ баню для новыхъ омовеній. Иногда же, родившись въ банѣ, онъ тамъ и живетъ съ матерью по нѣскольку дней, по недѣлѣ и даже по нѣскольку недѣль [2]). Въ это время въ присутствіи роженицы и ребенка, баня топится при отворенной двери и такимъ образомъ мать и ребенокъ подвергаются иногда, особенно въ зимнее время, весьма рѣзкимъ колебаніямъ температуры; а именно при топкѣ—холоду, послѣ скученія—невыносимой жарѣ, на которую роженица и дитя обречены до новаго нагрѣванія бани на слѣдующій день. При топкѣ банной печи зимой,—говоритъ священникъ Блиновъ, Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи,—роженицу закутываютъ въ шубу, надѣваютъ на ноги валенки и вмѣстѣ съ ребенкомъ переносятъ съ лавки на холодный полъ. При растопкѣ дровъ дымъ наполняетъ всю баню, для тяги его отворяется дверь въ передбанникъ—тѣсные, холодные сѣнцы, откуда холодъ стремительно врывается и идетъ близко къ полу. По мѣрѣ того какъ дрова разгораются и дыму становится меньше, дверь притворяется, но не плотно. Болѣе подробно жизнь роженицы и новорожденнаго въ банѣ изображена въ очеркѣ священника Кордатова, касающемся Нижегородскаго уѣзда: «въ истопленную бабой-повитухой баню переправляютъ родильницу съ плодомъ, гдѣ обыкновенно на широкой, въ переднемъ углу, лавкѣ и на полу приготовляютъ постель изъ одной чистой соломы. Если родильница слаба, а баня далеко, то отправляютъ на лошади или на салазкахъ, а если въ силахъ, то идетъ сама, а младенца несетъ бабка-повитуха. По мѣрѣ скопленія жары въ банѣ родильница мѣняетъ мѣсто; съ лавки спускается пониже на полъ, а съ полу обратно. Здѣсь производится окончательно обмываніе матери и младенца бабкой. Обмывши ихъ и обмывшись сама, бабка обыкновенно отправляется на рѣчку или ключъ съ бѣльемъ родильницы, оставляя часто одну послѣднюю до своего прихода. Въ это и слѣдующее затѣмъ время пребыванія родильницы въ банѣ, сочувствующія сосѣдки носятъ ей зубки (приносы). Этотъ обычай вѣроятно вытекаетъ изъ того, что не рѣдко лежитъ въ банѣ родильница безсемейная, одинокая, такъ что въ это время въ домѣ ея бываетъ некому ни печь протопить, ни пищи приготовить; поэтому каждая сосѣдка, судя по себѣ, и тащитъ, что только свелось у нея,—блины, яичницу, пирогъ, молоко, кашу и пр. Вотъ явилась бабка съ вымытымъ бѣльемъ и, подославъ что попало на лавку къ роженицѣ, разставляетъ рядами принесенные зубки,—начинается обѣдъ, на который являются и прочіе дѣти роженицы, считая это пирушкой для себя, небывальщиной въ обыденной ихъ жизни. Послѣ этого приглашается священникъ въ баню для прочтенія молитвы родильницѣ и нарѣченія имени новорожденному. Помывшись въ банѣ два или три раза въ сутки, иногда вечеромъ въ тотъ же день, а иногда уже на другой день перебирается родильница изъ бани домой на печь, если зимой, и на кутникъ—лѣтомъ».—Послѣ всѣхъ этихъ передрягъ, очевидно русскому ново-

---

[1]) Радаковъ, ibid., стр. 227.

[2]) Гиляровскій, ibid., стр. 57.

рожденному вовсе не легко начать полнымъ здоровьемъ свою юную жизнь.

Изъ преданій старины мы знаемъ [1]), что древніе Славяне поклонялись акту рожденія, возводя его какъ бы въ таинство природы. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія на рожденіе не мудрено, что потому и сама виновница стала беречь себя отъ лишняго любопытства, отъ посторонняго глаза и свидѣтельства. Можетъ быть, благодаря тѣмъ же воззрѣніямъ, выработалась и та извѣстная скромность женщинъ нѣкоторыхъ древнихъ Славянскихъ племенъ, о которой упоминаютъ нѣкоторыя старинныя лѣтописи, особенно говоря о нравахъ Славянъ россійскихъ [1]). Н. И. Костомаровъ [2]) описываетъ весьма мрачными красками нравственную сторону великорусской женщины въ XVI—XVII столѣтіяхъ; но это описаніе безъ сомнѣнія главнымъ образомъ касается положенія женщинъ тѣхъ слоевъ, которые болѣе всего пострадали отъ татарскаго ига, еще недавно передъ тѣмъ тяготѣвшаго надъ Русью со всей силой. Что же касается женщины простаго класса, то при всегдашнемъ свободномъ, хотя и тяжеломъ трудѣ своемъ, въ которомъ она никогда не отставала отъ своего мужа, она никогда, вообще говоря, не утрачивала и присущей ей издавна

Рис. 7. Жизнь роженицы съ новорожденнымъ въ банѣ.

скромности, въ которой безъ сомнѣнья нельзя отказать ей до сихъ поръ. На этой-то почвѣ безспорно могъ возникнуть и тотъ обычай, съ которымъ мы зачастую встрѣчаемся теперь, а именно—обычай женщины удаляться въ потаенныя мѣста во время своихъ родовъ и въ первые сроки послѣ нихъ съ своимъ новорожденнымъ. Впослѣдствіи, когда утратилось, такъ сказать, теологическое значеніе родовъ, оставшійся изстари обычай—бѣжать съ глазъ долой отъ посторонникъ во время родовъ и послѣдующаго періода, сталъ, повидимому, прикрываться уже предразсудкомъ, который отчасти встрѣчается и теперь, а именно, что потаеннаго мѣста для родовъ ищутъ во избѣжаніе глаза, т. е. чтобы ни роженицы, ни ребенка ея никто не сглазилъ [3]). Но приведенная выше выдержка изъ Кошихина даетъ еще новый намекъ, а именно, что съ нѣкоего, недостаточно хорошо извѣстнаго намъ, времени женщина на Руси иногда въ моментъ родовъ считалась до нѣкоторой степени нечистою, а вмѣстѣ съ нею признавались нечистыми и всѣ приближенные къ ней, пока въ извѣстный срокъ, или данной молитвой духовника, всѣ они опять снова очищались. Подтвержденія этихъ воззрѣній отчасти встрѣчаются и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,

[1]) Забѣлинъ: Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. 2, 1879 г. стр. 293—297.

[1]) Н. М. Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. Изд. пятое. 1842 г. кн. 1, гл. 3, стр. 38.

[2]) Н. И. Костомаровъ: Очеркъ жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII стол. 1861 г.

[3]) Священникъ Лебедевъ, ibid., М. М. Поспѣловъ и другіе.

напримѣръ,—по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго [1]),—въ Новгородской губерніи, гдѣ прикосновеніе съ родильницей постороннаго человѣка считается смертельнымъ грѣхомъ. Однако, сколько намъ извѣстно изъ полученныхъ свѣдѣній относительно этого предмета изъ многихъ другихъ мѣстъ Россіи, надо думать, что воззрѣнія эти во всякомъ случаѣ весьма слабо развиты въ нашемъ народѣ, на что между прочимъ съ поразительною доказательностію можетъ указывать всюду распространенный обычай, что какъ только роженица получаетъ возможность видѣться съ людьми и посѣщать ихъ, приняться за домашнія дѣла или помогать другимъ и т. п., она тотчасъ же приступаетъ къ этому безъ страха погубить кого либо своимъ прикосновеніемъ, или даже кѣмъ либо быть осужденною за это. Безусловно нечистою роженица считается у насъ въ настоящее время до шести недѣль лишь по воззрѣніямъ церковнымъ. Отсюда же можно не безъ права заключить, что если когда на Руси дѣйствительно признавалась, какъ и теперь мѣстами признается, роженица нечистою, то взглядъ этотъ во всякомъ случаѣ едва ли глубоко коренился, какъ онъ и теперь слабо коренится, на почвѣ чисто народныхъ понятій и наоборотъ не безъ нѣкотораго основанія можно думать, что онъ встрѣчался, какъ встрѣчается отчасти и теперь, благодаря лишь искусственному привитію извнѣ. Если допустить это послѣднее предположеніе, то прежде всего конечно слѣдуетъ признать, что развитію его много содѣйствовали православные Греки, распространявшіе въ ней христіанство и понимавшіе не рѣдко чистоту нравовъ и тѣла съ своей точки зрѣнія, чисто греческой, въ силу которой напр. роженица изъ весьма глубокой древности, а именно еще во времена Гиппократа, [2]) считалась нечистою у Грековъ приблизительно около 40 дней. Если допустить, что взглядъ на женщину внесенъ былъ въ христіанство отчасти изъ вѣтхозавѣтной еврейской религіи, то найдемъ почву и для такого объясненія: Моисей предписывалъ считать женщину нечистою въ теченіе 40 дней послѣ рожденія мальчика и въ двое большій срокъ послѣ рожденія дѣвочки [3]). Но въ виду распространеннаго всюду взгляда на женщину, дѣлающуюся нечистою со времени родовъ, легко можетъ родиться предположеніе, что, можетъ быть, подобнаго же взгляда когда нибудь придерживались и наши родичи. Однако ни указанныя выше вѣрованія древнихъ Славянъ, ни теперешній народный взглядъ на роженицу въ Россіи не даютъ основанія къ такому предположенію. Наоборотъ въ виду сказаннаго вѣрнѣе всего думать, что отчасти кое-гдѣ бродящія въ настоящее время въ народѣ понятія о грѣховности и оскверняющемъ свойствѣ роженицы существуютъ лишь благодаря искусственному привитію ихъ извнѣ, какъ гадательно показано выше, а самый обычай удаленія на время родовъ и первый срокъ послѣ нихъ ведется изъ глубокой древности славянскаго міра и основанъ на указанныхъ выше воззрѣніяхъ.

Въ *Финляндіи*, именно въ Выборгской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Пальмберга, роды совершаются въ баняхъ при температурѣ 40—50° Ц.

Зыряне Вологодской губерніи, по словамъ К. А. Попова [1]), еще до разрѣшенія отъ бремени берегутся глаза, почему скрываютъ беременность и родить отправляются въ клѣти или бани.

У *Чуди* въ Олонецкой губерніи,—по свидѣтельству Е. В. Барсова,—женщина для рожденія уходитъ въ лѣсъ.

Черемиски Нижегородской губерніи,— по словамъ М. М. Поспѣлова,—родятъ въ домахъ и первые дни послѣ родовъ всегда проводятъ дома.

У *Котяковъ*,—по свидѣтельству протоіерея Фармаковскаго, Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи, беременныя женщины разрѣшаются въ банѣ, предварительно приготовленной и натопленной съ помощію повитухи.

При родахъ у *Мордвы* и *Чувашъ* Казанской губерніи,—говоритъ Лепехинъ [2]) поступаютъ отмѣннымъ образомъ: «когда женщина на сносяхъ и видитъ, что ей приходитъ время родить, тогда всякій день готовятъ баню: ибо въ банѣ родить почитаютъ легче, нежели въ избѣ. Бабушка всегда неотходно бываетъ при роженицѣ, почему не дозволяется до самаго разрѣшенія отъ бремени никому входить въ баню. Когда женщина родитъ, то ее обмываютъ и обмывъ выходитъ бабушка и сказываетъ отцу, сродникамъ и сосѣдямъ о рожденіи младенца: однако еще не допускаютъ никого до роженицы, пока она не сдѣлаетъ крутой каши и не напечетъ блиновъ и, снарядивъ оными въ банѣ столъ, впущаетъ всѣхъ знакомыхъ». Такъ какъ обычаи невѣжественныхъ племенъ прочно держатся цѣлыми вѣками и такъ какъ о современныхъ Чувашахъ и Мордвѣ нельзя сказать, чтобы они стали много цивилизованнѣе своихъ предковъ прошлаго столѣтія, то указаніе Лепехина, вѣроятно, имѣетъ большое значеніе и для обычаевъ современныхъ Мордвы и Чувашъ.

У *Цыганъ* Тобольской губерніи,—по свидѣтельству Голодникова,—роды происходятъ при одной или

---

[1]) Гиляровскій, ibid., стр. 57.

[2]) De Natura pueri, id. Kuhn. 111, 392

[3]) В. 3, 12.

[1]) Зыряне и Зырянскій край. К. А. Попова (Труды этногр. отд. Изв. Общ. Любителей Естествознанія, кн. 3, вып. 2, 1874 г. стр. 63).

[2]) Дневныя записки Лепехина 1771 г. Ч. 1. стр. 169.

двухъ повитухахъ въ уединенномъ мѣстѣ и безъ бытности мужчинъ; послѣ родовъ родильница въ теченіе шести дней считается нечистою и въ первые два или три дня старается по возможности избѣгать встрѣчи съ посторонними, опасаясь дурнаго глаза.

Весьма много оригинальнаго представляютъ обычаи рожденія дѣтей на *Кавказѣ*.

У *Армянъ*,—по свидѣтельству г. Зелинскаго [1]),—какъ и у многихъ другихъ восточныхъ народовъ, безплодіе женщинъ составляетъ наказаніе Божіе. Въ случаѣ безплодія онѣ прибѣгаютъ къ разнымъ снадобьямъ, молитвамъ, пилигримству въ святыя мѣста. Рождаетъ женщина на ямкѣ, вырытой въ комнатѣ, сидя на корточкахъ и нагнувши спину. Когда роды бываютъ трудные, то стараются употреблять даже насильственныя мѣры: берутъ роженицу за руку и водятъ по комнатѣ скорыми шагами, заставляютъ ее ложиться на яму лицемъ внизъ, кладутъ ей въ ротъ волосы, отъ чего является рвота, которая обыкновенно ускоряетъ роды женщины. Стараются также пугать ее: неожиданно подбрасываютъ подъ ноги ея яйцо, посуду, стрѣляютъ изъ пистолета, и также пугаютъ разными непріятными сообщеніями, въ родѣ: «войско прибыло, всѣ ушли, всѣхъ увели, непріятель грабитъ» и проч.

У *Грузинъ* и *Армянъ* Горійскаго уѣзда Тифлисской губерніи (прежней Карталиніи),—по свидѣтельству врача Скокова,—женщина разрѣшается въ своей семьѣ при уходѣ родныхъ и содѣйствіи знахарки (туземной бабки), но у *Осетинъ*, въ особенности въ верхней Осетіи, роженица должна разрѣшиться отдѣльно гдѣ нибудь, хоть въ буйволятникѣ, и только по очищеніи черезъ нѣсколько дней можетъ войти въ свою семью. По свидѣтельству г-жи Ачрековой [2]),—женщина въ Осетіи передъ родами ложится на солому, покрытую войлокомъ. При рожденіи присутствуетъ много и постороннихъ женщинъ, отъ чего въ комнатѣ бываетъ такая духота и жара, что нерѣдко отъ дурнаго воздуха родильница впадаетъ въ обморокъ.

Въ *Сингахскомъ* уѣздѣ Тифлисской губерніи, по свидѣтельству врача Сулханова,—роды происходятъ у всѣхъ состояній въ стоячемъ положеніи на колѣнахъ, подъ которыми подкладываются мутаки (подушки валикообразной формы и набитыя шерстью), причемъ роженица корпусомъ нѣсколько наклоненнымъ впередъ опирается на женщину, сидящую на нѣкоторомъ возвышеніи предъ роженицею. На обязанности этой женщины лежитъ—поддерживать роженицу своими плечами, а руками поддерживать животъ ея и по временамъ производить треніе покрововъ. Подъ роженицею подставляютъ у бѣдныхъ корыто, тазъ и другіе предметы для воспріятія отдѣленій, чтобы не запачкать вещей, находящихся подъ роженицей.

Въ *Гуріи* рожденіе ребенка сопровождается слѣдующими обычаями: родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, накидываютъ сѣна и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка такъ, чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Въ моментъ рожденія сына—стрѣляютъ, при рожденіи дочери—нѣтъ. По окончаніи родовъ роженицу переводятъ въ другую убранную комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее не чистый духъ, и завѣшиваютъ парчевымъ одѣяломъ. До благополучнаго разрѣшенія отъ бремени родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго разсвѣта. Узнавъ о рожденіи дитяти, всѣ знакомые спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ шкуры разныхъ животныхъ и различные костюмы [1]).

Въ *Даргинскомъ* округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Южнаго Дагестана*,—по свидѣтельству М. Бахтамова,—какъ только женщина начинаетъ чувствовать боли, то созываются близкіе знакомые и родныя женщины, которыя окружаютъ беременную, кладутъ ее въ полулежачемъ, въ полусидячемъ положеніи, обращенную лицомъ внизъ къ пирамидально устроеннымъ подушкамъ и при послѣднемъ актѣ родовъ двѣ женщины поднимаютъ ее на ноги. Если во время родовъ предвидится опасность, то съ этою цѣлію дѣлаютъ въ землѣ небольшое углубленіе, въ которое кладутъ горячую золу, роженицу ставятъ такъ, чтобы яма эта приходилась между ногъ, и обдаютъ золу горячей водой, такъ какъ, по понятіямъ ихъ, горячій паръ золы облегчаетъ и ускоряетъ роды.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ и по свидѣтельству того же референта, у *Лезгинъ* во время родовъ не позволяютъ мужчинамъ входить въ комнату, гдѣ находится роженица. Если ребенокъ не показывается долго, то роженицу кладутъ на коверъ и раскачиваютъ, полагая въ такомъ случаѣ, что ребенокъ приросъ къ утробѣ матери. Если же она обезсилена и нѣтъ потугъ, то заставляютъ ее вдувать въ бутылку. Иногда надъ головою роженицы производятъ залпъ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. Когда всѣ эти средства оказываются безполезными, то даютъ знать деревенскому мул-

[1]) Этнографическіе очерки Армянъ Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи. С. П. Зелинскаго (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. Вып. 2. 1882).

[2]) Терскія Вѣдомости № 21.

[1]) Народы Россіи. Живописный Альбомъ. 1877. стр. 407.

лѣ, который, взойдя на крышу кровли, произноситъ оттуда во всеуслышаніе обычную молитву.

У *Аварцевъ* въ Дагестанѣ роженицу окуриваютъ пометомъ черной кошки, чернаго жеребца или осла, волосами человѣка съ тихимъ кроткимъ характеромъ. Угощаютъ ее еще водою изъ стараго сапога или чевяка. При самомъ актѣ родовъ ставятъ женщину на колѣни съ раздвинутыми въ стороны бедрами. Сзади обхватываетъ ее за плечи и прижимаетъ къ себѣ дюжая татарка, а другая давитъ животъ ладонями сверху внизъ и спереди назадъ. Мужчинамъ строго воспрещается быть въ саклѣ, гдѣ происходятъ роды, за то бабы толпами стекаются съ цѣлаго аула; онѣ морщатся, кряхтятъ и стонутъ за одно съ роженицей и мѣшаютъ во всемъ, въ чемъ только можно помѣшать, своею суетней [1]).

Въ *Дербентѣ*, по свидѣтельству Бахтамова,—когда ребенокъ не показывается долго, роженицу водятъ по комнатѣ и безпрестанно наносятъ ей удары кулакомъ въ спинной хребетъ.

У *горцевъ Шапсугскаго* и *Бжедуховскаго племени* Екатеринодарскаго уѣзда Кубанской области,—по свидѣтельству г. Косовича,—роженица пользуется въ семьѣ своей особымъ уваженіемъ и разрѣшается при уходѣ своихъ родственниковъ, или близкихъ своихъ знакомыхъ и повитухъ.

Въ своихъ очеркахъ по Эчміадзинскому уѣзду Эриванской губерніи, г-жа Останевичъ [2]) говоритъ: «мнѣ никогда не приходилось слышать о такомъ процентѣ смертности отъ родовъ, какъ у туземцевъ, и мнѣ кажется, что главная причина частыхъ несчастій—это именно здѣшнія повитухи или знахарки, какъ ихъ называютъ. Роженицѣ во время акта родовъ не позволяютъ ложиться; если роды правильные, то присутствуютъ только близкіе знакомые; если же предвидится опасность, то собирается цѣлая толпа женщинъ; о предстоящей опасности говорятъ, не стѣсняясь, такъ что прежде всего запугиваютъ роженицу. Лежать не позволяютъ, а до послѣдней минуты водятъ ее по комнатѣ подъ руки. Во время акта родовъ на полу посыпаютъ теплую золу, а на верхъ кладутъ мягкое сѣно. При послѣднемъ актѣ родовъ, женщину ставятъ на колѣни и ребенокъ падаетъ прямо на сѣно, иногда только прикрытое какой нибудь тряпкой, и остается не тронутымъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ послѣдъ. Если роженица обезсилена и нѣтъ потугъ, то ей закрываютъ носъ и ротъ; если это не помогаетъ, то суютъ въ горло какую нибудь палку или же конецъ ложки, чѣмъ производятъ тошноту; или носъ набиваютъ нюхательнымъ табакомъ, и если роженица, чихая, производитъ ребенка на свѣтъ, то и знахарка пріобрѣтаетъ славу. Если ребенокъ не показывается долго, то знахарка, осмотрѣвъ роженицу, объявляетъ, что ребенокъ приросъ. Тогда сильныя бабы берутъ роженицу за ноги и начинаютъ трясти; если это не помогло, значитъ, по мнѣнію знахарки, онъ приросъ сверху; тогда она беретъ роженицу къ себѣ на плечи и начинаетъ немилосердно встряхивать. Когда и это не помогаетъ, тогда повитуха, намазавъ руки масломъ, начинаетъ, по ея выраженію, отрывать ребенка. Понятно, что подобные роды кончаются обыкновенно смертью матери и плода. «Часто при опасныхъ родахъ, говоритъ таже г-жа Останевичъ въ частномъ письмѣ, употребляютъ акушерами пастуховъ, ухаживающихъ за овцами. При неправильномъ положеніи ребенка у туземцевъ нѣтъ искуснѣе акушера, какъ пастухъ. Онъ дѣлаетъ поворотъ ребенка такъ искусно и осторожно, какъ ни одна изъ самыхъ опытныхъ туземныхъ повитухъ».

У *Татаръ* на Кавказѣ, по словамъ г-жи Останевичъ, въ подобныхъ случаяхъ надъ головой роженицы производятъ залпъ выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ.

У *Куртинъ* Шеруро-Далогезскаго уѣзда Эриванской губерніи, по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [1]) — роды совершаются очень просто. При слѣдованіи въ поле или какое либо селеніе Куртинка, пріостанавливаясь нѣсколько на дорогѣ, разрѣшается тутъ же отъ бремени, беретъ своего младенца и отправляется дальше.

У *Мусульманъ Карабага Шушинскаго* и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ Мирзоева [2]),—женщина мусульманка рожаетъ на корточкахъ; если роды продолжительны и роженица обезсиливаетъ, то ее поддерживаютъ въ этомъ неловкомъ положеніи двѣ другія.—Какъ только ребенокъ родится, его обсыпаютъ съ ногъ до головы солью и, завернувъ въ старую женскую юбку, или, сказать вѣрнѣе, шаравары, кладутъ недалеко отъ роженицы на нѣсколько часовъ въ ожиданіи омоевенія.

Въ *Нухинскомъ* уѣздѣ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Г. Стоянова [3]),—у большинства мѣстнаго населенія (армянъ [4]) и татаръ) женщина разрѣшается въ своей семьѣ, по уходѣ родныхъ и при содѣйствіи знахарки, но у жителей села Закатальскаго Округа *Кахъ*, населеннаго ингилойцами (грузины, обращенные въ магометанство) а также селеній: Султанъ-Нуха и Ниджъ (населеніе армянское) роженица оставляется родственниками

[1]) Медиц. Вѣстн. 1866 г. № 47.
[2]) Кавказъ. 1878 г. № 294.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 55.
[2]) Кавказъ. 1879 г. № 42.
[3]) Кавказъ. 1879 г. № 40.
[4]) Согласно замѣчанію № 42, Кавказъ 1879 г. у Удиновъ, а не Армянъ.

и знакомыми на произволъ счастливаго или горькаго случаевъ. У ингилойцевъ, напримѣръ, женщина изгоняется изъ жилаго помѣщенія семьи, какъ «поганая»—въ хлѣвъ, конюшню, амбаръ и другія необитаемыя людьми помѣщенія. Здѣсь бѣдная роженица вынуждена сама безъ всякой посторонней помощи произвести на свѣтъ своего ребенка, отрѣзать ему пуповину, обмыть его и пр. и лишь по истеченіи 5—7 дней, если все обойдется благополучно, можетъ войти въ свою семью и—что ставится въ непремѣнную обязанность—приняться за домашнюю работу. Тоже самое соблюдается у армянъ, жителей селеній Ниджъ и Султанъ-Пуха, съ тою только разницею, что послѣдніе не выгоняютъ беременную изъ своей семьи, а вообще обставляютъ ее сравнительно съ ингилойцами лучшими условіями; но главное даютъ ей теплый уголъ и все необходимое, чего не дѣлается у ингилойцевъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ туземныхъ повитухъ надъ тѣломъ новорожденныхъ употребляются грязныя тряпки у бѣдныхъ и не всегда чистыя у состоятельныхъ лицъ. Это обстоятельство служитъ чаще всего причиною накожныхъ болѣзней: сыпей, ранъ отъ обоюднаго дѣйствія пота и тряпокъ, паршей и пр.

У *Айсоровъ* Эриванскаго уѣзда,—по свидѣтельству Г. Ейвазова,—родильница пользуется при родахъ особеннымъ уваженіемъ; она становится самымъ любезнымъ существомъ, ее не выгоняютъ на дворъ, въ хлѣвъ или амбаръ или другія необитаемыя людьми помѣщенія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые народы, которые смотрятъ на женщину при родахъ, какъ на поганую; напротивъ она оставляется въ домѣ; нагрѣваютъ домъ какъ слѣдуетъ, если роды случаются зимою, окружаютъ ее всѣ родственницы и знакомыя, которыя стараются веселиться и отвлекаютъ ея вниманіе отъ тревожныхъ страданій. Наконецъ наступаетъ минута родовъ. Если роды очень трудно совершаются, то берутъ родильницу за спину сзади и трясутъ ее. Если это не помогаетъ, кладутъ нѣсколько подушекъ подъ спину родильницы, которая должна наклоняться на нихъ спиною, такъ чтобы голова ея была какъ можно ниже, берутъ ее за ноги и опять сильно трясутъ, послѣ чего (будто) всякая неправильность въ положеніи дитяти поправляется, роды облегчаются и ребенокъ выходитъ на свѣтъ Божій. Случается, что роженица отъ страшныхъ страданій падаетъ безъ чувствъ; тогда прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ суевѣрнымъ пріемамъ, думая, что злой духъ похитилъ у роженицы внутренности, берутъ курицу, убиваютъ ее и бросаютъ чрезъ окно, приговаривая: «это твоя часть, не тронь больше роженицы, которой помогаетъ Пресвятая Марія!» Когда укладываютъ роженицу въ постель, дѣлаютъ вокругъ нея кругъ остріемъ кинжала; затѣмъ на этомъ кругѣ дѣлаютъ, опять кинжаломъ, крестъ; на стѣнахъ и дверяхъ опять дѣлаютъ кресты, чтобы злой духъ не трогалъ роженицы, потомъ даютъ ей четыре куска луку и хлѣба;—она жуетъ ихъ и крестообразно бросаетъ одинъ подъ ноги, другой подъ голову, а два другіе по сторонамъ, опять съ цѣлію устрашить злаго духа. Послѣ рожденія ребенка, его осыпаютъ солью, такъ какъ соль, по ихъ мнѣнію, сжигаетъ организмъ ребенка; ни въ какомъ случаѣ не моютъ его въ день рожденія, а на слѣдующій, въ теплой водѣ, прибавляя туда немного соли и кусокъ желѣза въ знакъ крѣпости.

Въ вольной *Сватеніи* на Кавказѣ,—по свидѣтельству Г. Кудіотвалова,—когда приближаются роды, то женщину удаляютъ въ особое помѣщеніе, если такое есть, въ противномъ случаѣ отгораживаютъ въ углу мѣсто, гдѣ и помѣщается роженица совершенно отдѣльно отъ другихъ, и въ моментъ родовъ никто не подходитъ къ ней, считая за грѣхъ смотрѣть на нее, и никакой помощи конечно не подаютъ ей, такъ что роженица сама дѣлаетъ все, что ей нужно, безъ всякой посторонней помощи. Никакихъ бабокъ у нихъ нѣтъ.

У Хевсуровъ, Пшавовъ и Тушинъ беременная женщина, чувствуя приближеніе родовъ, обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей *Сачхи* — шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданье больной.—На другой день больной послѣ родовъ приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ ней сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у Хевсуровъ мѣсяцъ, у Пшавовъ 40 дней, а у Тушикъ шесть недѣль [1]).

Появленіе на свѣтъ *Самоѣда* [2]) сопровождается разными обрядами, перешедшими къ нимъ отъ прежнихъ временъ: для родильницы ставится особый чумъ, называемый *«сямай-мякидо»*—поганый чумъ, если онъ есть, а если нѣтъ, то она родитъ въ томъ же чумѣ, въ которомъ живетъ семейство; обыкновенно бываетъ при этомъ родъ повивальной бабки, которая, изъ существующаго повѣрія, что будтобы облегчаются мученія роженицы съ поясомъ въ рукахъ, поперемѣнно подходитъ то къ мужу, то къ женѣ и требуя отъ нихъ признанія въ супружеской вѣрности, вяжетъ на поясѣ столько узелковъ,

[1]) Народы Россіи. Художественный Альбомъ. 1877 г. стр. 413.

[2]) *Самоѣды* въ домашнемъ и общественномъ быту. В. Ислявина 1847 г. стр. 120. О тѣхъ-же обычаяхъ свидѣтельствуетъ Лепехинъ въ своихъ запискахъ. 1805 г. Ч. IV, стр. 254—255, и Пошманъ. (Описаніе Арханг. губ. 1802 г. стр. 136).

сколько кто изъ нихъ погрѣшилъ противъ нее, а потому трудные роды, по ихъ мнѣнію, происходятъ вѣроятно отъ того, что одинъ изъ супруговъ скрылъ грѣхи свои. Для очищенія чума послѣ родинъ, бабка, наливъ въ котелъ воды, опускаетъ въ него березовую губку, варитъ ее на огнѣ и тою водою крапитъ вещи и людей, находящихся въ чумѣ. Въ продолженіе 8 недѣль роженица почитается столь нечистою, что не смѣетъ даже раздѣлять пищи съ мужемъ. По прошествіи этого времени ее окуриваютъ верескомъ или оленьимъ саломъ, а чумъ переносятъ въ другое мѣсто.

По свидѣтельству д-ра Соколова [1]), передъ наступленіемъ родовъ, *Остячка* также отдѣляется изъ общаго жилища въ особую юрту и, по рожденіи младенца, живетъ тамъ до пяти недѣль; потомъ для очищенія разводитъ огонь и бросаетъ въ него или бобровую струю, или другое какое-нибудь ароматическое вещество, три раза перескакиваетъ черезъ этотъ огонь, окуривается и наконецъ возвращается къ мужу.

По личному объясненію *Вогуловъ* Пермской губерніи, бывшихъ въ Москвѣ на антропологической выставкѣ 1879 г., беременная женщина, почувствовавъ себя близкою къ родамъ, сама удаляется въ особую маленькую юрту, или шалашъ, имѣющійся на этотъ предметъ, а также на время появленія регулъ у женщинъ. Рождаетъ она большею частію одна, безъ всякой помощи или рѣдко съ помощію какой-либо женщины. Къ этимъ обычаямъ отчасти располагаетъ самая жизнь Вогуловъ, живущихъ въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ и почти всегда одинокими небольшими семьями. Рѣдко встрѣчается кое-гдѣ рядомъ или по близости двѣ, три юрты, наоборотъ чаще всего бываетъ такъ, что юрта отъ юрты отстоятъ верстъ на 30—50 и болѣе. Въ юртѣ живетъ мужъ съ женой, да изрѣдка ребенокъ. Мужъ часто уходитъ изъ дома на добычу и не является иногда по нѣскольку мѣсяцевъ. При такихъ условіяхъ женщинѣ по неволѣ приходится родить безъ всякаго пособія. Тѣмъ не менѣе въ силу обычая, она не смѣетъ родить въ юртѣ, гдѣ живетъ семья, такъ какъ послѣ родовъ до 6-ти недѣль, равно какъ и во время регулъ, женщина считается нечистою. Поэтому на случай всякихъ женскихъ обстоятельствъ, она и устраиваетъ сама возлѣ семейной юрты небольшой шалашикъ, куда и удаляется, куда никто и не ходитъ къ ней до положеннаго срока, сама тамъ готовитъ себѣ кушанье, носитъ дрова, воду и пр. Если случайно поселятся двѣ, три юрты вмѣстѣ или по близости, то на случай женскихъ обстоятельствъ устраивается одна общая небольшая юрточка, въ которой иногда живутъ даже двѣ, три женщины роженицы или находящіяся въ періодѣ менструаціи.

[1]) Архивъ Судебной Медицины. 1867 г. кн. 2, стр. 9.

Киргизскія женщины Большой Орды [1]) разрѣшаются отъ родовъ въ висячемъ положеніи: ихъ подвѣшиваютъ за мышки къ верхнему отверстію кибитки (тюндукъ); особыхъ акушерокъ или бабокъ при этомъ не бываетъ и каждая старуха считается знающею. У Киргизовъ Семипалатинской области [2]), въ началѣ мукъ въ юрту родильницы собираются женщины со всего аула, ухаживаютъ за нею, водятъ, поддерживая подъ руки, укладываютъ на подушки и т. д. При наступленіи послѣднихъ болей укрѣпляютъ веревку, протянутую вдоль юрты и даютъ ее больной въ руки съ тою цѣлію, какъ иногда русскія акушерки даютъ своимъ паціенткамъ полотенца, привязанныя къ кровати. Когда дѣло подходитъ къ развязкѣ, родильница, стоя на колѣнахъ, держится за эту веревку; двѣ женщины держатъ ее подъ руки, а самая сильная, обхвативъ ее около таліи руками, упирается колѣномъ ей въ поясницу, а руками надавливаетъ ей на животъ. По прошествіи первыхъ дней больная, если въ силахъ, встаетъ съ постели и идетъ зимой въ баню, а лѣтомъ моется у себя въ юртѣ. Послѣ бани женщина считается уже чистою и можетъ снова подавать мужу пищу, что въ первые дни воспрещено.

О родахъ у Киргизовъ И. Лосевъ [3]) говоритъ слѣдующее: «вообще Киргизы отъ природы крѣпки и, подвергаясь съ колыбели всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ, въ болѣзни терпѣливы и стоически переносятъ всякія лишенія; а терпѣніе ихъ женщинъ можно назвать безпримѣрнымъ; такъ, напр., въ юрту, гдѣ женщина мучается родами, стекаются десятками Киргизы для помощи. Баксы (шаманы, заговорщики, нашептыватели, изгонятели злыхъ духовъ), садясь по срединѣ юрты, начинаютъ кричать дикимъ голосомъ и бѣснуются, выдѣлывая различныя тѣлодвиженія и издавая пронзительные крики въ присутствіи роженицы; этимъ они надѣются изгнать шайтана или злаго духа, мѣшающаго, по ихъ мнѣнію, женщинѣ разрѣшиться отъ бремени. Если эта надежда ихъ не оправдывается, то они бьютъ плетьми по юртѣ какъ снаружи, такъ и снутри, сопровождая каждый ударъ пронзительными дикими криками. При этомъ сильно достается и роженицѣ, которая прикрывается во время родовъ войлокомъ непремѣнно чернымъ; удары плетьми сыплются и на войлокъ, прикрывающій роженицу; ибо подъ нимъ-то шайтанъ и прячется. При такихъ-то условіяхъ и должна несчастная разрѣшиться отъ бремени или умереть».

Роды у *Калмыковъ* Лепехинъ [4]) описываетъ такъ: «когда Калмычка бываетъ на сносяхъ, тогда изби-

[1]) *Киргизы*. Этнографическій очеркъ Маева. Туркест. Вѣдом. 1871.

[2]) Очерки Киргизовъ Семипалатинской области П. (Русскій Вѣстникъ. 1878 г. Т. 137, стр. 54—61).

[3]) Моск. Медиц. Газ. 1874 г. № 28.

[4]) Дневныя записки Лепехина, С. П. 1771 г., стр. 227.

раютъ здороваго и мощнаго калмыка, котораго чествуютъ каждый день хорошею, по ихъ обыкновенію, пищею и какъ скоро начнутся у родильницы потуги, тогда дюжій, угощенный калмыкъ садится на полъ среди кибитки и роженицу, посадивъ на колѣни, жметъ ее охватомъ своихъ рукъ, начиная отъ груди и опуская ихъ до самаго лона. Сіе давленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго калмыцкая бабушка, сидя предъ роженицею на цыпкахъ, карауливъ, и какъ скоро покажется младенецъ, то даетъ знать около стоящимъ, которые палятъ изъ пистолетовъ, чтобы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу и тѣмъ способствовать къ рожденію. Бѣдные, которые не въ состояніи нанять дюжаго калмыка, двоякое имѣютъ средство: первое состоитъ въ томъ, что у роженицы, мучащейся потугами, утробу перетягиваютъ широкими ремнями и давятъ сверху внизъ; второе состоитъ въ томъ, что на палку, къ которой придѣлана широкая развилина, роженица ложится животомъ и давитъ оный сколько достаетъ силъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени. При всѣхъ сихъ способахъ случается, что роженицы послѣ родовъ долгое время бываютъ безъ чувствъ, нерѣдко замучиваясь до смерти». Современныя описанія калмыцкихъ родовъ въ отрывочныхъ чертахъ даютъ почти такую же картину ихъ.

У *Бурятъ—христіанъ* Иркутской губерніи, живущихъ по западному берегу оз. Байкала, на Ангарѣ и въ верховьяхъ Лены, по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—съ давняго времени, въ каждомъ улусѣ имѣются пожилыя свѣдующія женщины—повитухи, которыхъ при каждыхъ родахъ приглашаютъ для оказанія пособія роженицѣ и первоначальнаго ухода за младенцемъ. Чувствуя приближеніе родовъ, роженица не только посылаетъ за повитухой, но извѣщаетъ чрезъ своихъ родныхъ всѣхъ жителей своего улуса, которые одинъ за другимъ стремятся къ ней въ юрту. Кто вошелъ въ тотъ моментъ, когда послѣдовало родоразрѣшеніе, того именемъ по большей части и нарекаютъ новорожденнаго, кожу котораго затѣмъ очищаютъ особымъ образомъ, а именно завертывая въ овчину, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Обстановка акта родоразрѣшенія у *Бурятъ—буддистовъ*, живущихъ въ мѣстахъ пограничныхъ съ Китаемъ, — по свидѣтельству главнаго родоначальника ихъ (Тайша, Князецъ), такова: роженица обыкновенно лежитъ на полу, на грязныхъ войлокахъ и овчинахъ, зимою въ грязной удушливой избенкѣ (зимника), а лѣтомъ въ не менѣе грязной юртѣ (лѣтника). У ногъ ея лежитъ куча сухаго, стертаго въ крупный порошекъ коровьяго помета (упирь), приготовленнаго для принятія околоплодной жидкости и родовыхъ кровей. При роженицѣ находится не менѣе двухъ старухъ (повитухъ) и почти всегда мужъ ея. Часто же при родахъ можно застать цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ. Когда начинаются родовыя схватки, то роженицу каждый разъ заставляютъ сильно натуживаться и часто, подымая ее съ постели, водятъ по избѣ или юртѣ, ставятъ на четверенки, заставляютъ жевать и сосать косы, растираютъ животъ смазанными коровьимъ масломъ руками и часто изслѣдуютъ пальцемъ чрезъ влагалище. Если роды нѣсколько замедлились, напр. прошло отъ начала болей часовъ шесть, то это считается дурнымъ признакомъ. Собирается больше и больше старухъ и вышесказанные пріемы повторяются съ большей энергіей. Роды совершаются чаще всего или въ полусидячемъ положеніи или на четверенкахъ. Младенецъ при этомъ иногда падаетъ на вышесказанную кучу коровьяго помета.

У *Гиляковъ*,—по свидѣтельству д-ра Н. Л. Зеланда, [1]) существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдѣльно стоящій шалашъ, гдѣ она живетъ дней 10. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ разсчетъ, то мать и новорожденный принуждены проводить эти мытарства даже въ трескучій морозъ и въ пургу (мятель). Единственнымъ средствомъ согрѣванія служитъ горящій въ шалашѣ небольшой костеръ, да одежда матери. Бываютъ случаи, что дитя замерзаетъ. Понятно, что ребенокъ, прошедшій чрезъ такой искусъ, долженъ быть крѣпокъ.

У *Арачонъ*,—тунгузскаго племени, кочующаго въ верховьяхъ рѣкъ, составляющихъ системы Витименую и Нерчинскую,—по свидѣтельству врача Ангермана, [2]) женщинамъ ни подъ какимъ видомъ не позволяется родить въ юртѣ, но отводятъ ее шаговъ на 100 отъ юрты къ рѣкѣ, раскладываютъ небольшой костеръ и не смотря ни на какое время года, ни на погоду, оставляютъ на произволъ. Разрѣшившись, она перерѣзываетъ ножемъ пуповину и омываетъ себя и дитя лѣтомъ въ рѣкѣ, а зимой снѣгомъ.

У бродячихъ *Тунгусовъ*, кочующихъ въ сѣверной части Иркутской губерніи,—по свидѣтельству знатока жизни этихъ инородцевъ, И. П. Погадаева,—при рожденіи младенца рѣдко бываютъ бабушки (повитухи), а большею частію дѣло обходится безъ ихъ пособія и сама родильница производитъ всѣ необходимыя при этомъ операціи. Относительно родовъ у Тунгусовъ Колымскаго Округа д-ръ Августиновичъ [3]) говоритъ слѣдующее: зимой Тунгусы ѣздятъ въ нартахъ, въ которыхъ

[1]) Медиц. Вѣстн. 1882 г. № 8.

[2]) Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 8.

[3]) Ѳ. М. Августиновичъ: о племенахъ населяющихъ Колымскій Округъ. (Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естеств. и пр. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. Прил. стр. 48).

очень часто Тунгузки во время перекочевки съ одного мѣста на другое разрѣшаются отъ бремени подъ открытымъ небомъ и нерѣдко при 40° морозѣ, но разрѣшаются благополучно.

Говоря о родахъ *Якутокъ*,—свидѣтельствуетъ верхиленскій врачъ Ф. Шперкъ, [1]) нелишнимъ считаю упомянуть о принятомъ здѣсь обыкновеніи рожать, стоя на колѣняхъ или даже на ногахъ, налегая животомъ на какой нибудь предметъ; хотя самому не приходилось видѣть подобныхъ родовъ; но я слыхалъ объ этомъ отъ многихъ роженицъ. Вѣроятно, большое наклоненіе таза причиной подобнаго обыкновенія рожать стоя или на колѣняхъ.

Карагаски,—по свидѣтельству И. Попова, мало обращаютъ вниманія на свое положеніе въ періодѣ беременности, никогда не разсчитываютъ времени приближенія своихъ родовъ и потому нерѣдко родятъ на пути въ зимнее время и даже въ одиночку, исполняя при этомъ сами всѣ обязанности акушерки.

Камчадалки [2]) рождаютъ стоя на колѣнахъ при всѣхъ людяхъ, сколько бы въ острожкѣ не случилось, не выключая никакого ни пола, ни возраста.

У *Коняковъ* [3]) родильница почитается нечистою и должна удалиться при приближеніи родовъ въ нарочно для нея изъ прутьевъ сдѣланный, весьма тѣсный шалашъ, покрытый зеленью. Въ семъ заточеніи остается она съ ребенкомъ 20 дней, въ продолженіе коего времени подаютъ ей пищу и питье не прямо изъ рукъ въ руки, но на палочкахъ. Послѣ сего срока обмывается родильница съ ребенкомъ сперва на открытомъ воздухѣ, а потомъ въ банѣ, нагрѣваемой посредствомъ каленыхъ камней.

Родильницы у *Коряковъ* [4]) дней по десяти не выходятъ изъ юрты и не кажутся. При кочеваньи возятъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ.

Родины и воспитаніе дѣтей у *Курильцевъ* [5]) мало чѣмъ разнятся отъ Камчадаловъ, но роды ихъ женщинъ гораздо тяжелѣе Камчатскихъ; по объясненію самихъ Курильцевъ, онѣ мѣсяца по три поправляются.

Колошанки [6]) рождаютъ съ помощію повивальныхъ бабокъ. Послѣ родовъ женщина бываетъ 10 дней внѣ общей бараборы въ особенномъ шалашѣ (а въ періодическомъ состояніи 3 дня и тоже внѣ бараборы), потому что родовое очищеніе и особенно первое періодическое считается самою большою нечистотою.

Послѣ всего сказаннаго относительно тѣхъ условій, при которыхъ являются на свѣтъ Божій дѣти, удивляться-ли, что между ними, особенно въ первое время существованія, всюду замѣчается громадная смертность. Но Ваппеусу, въ 13 европейскихъ государствахъ, въ промежутокъ времени отъ 1845—55 г. на общее число родившихся (до 24½ милліоновъ) было 3,79% мертворожденныхъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ въ отдѣльности процентъ мертворожденныхъ выходилъ даже выше, напр. въ Штетинѣ до 5%, фабричномъ городѣ Апольдѣ до 5,7%, въ Хемницѣ до 6,4% и т. д. [1]) Во Франціи на 100 родовъ приходилось мертворожденныхъ въ 1858 г. 4,29; 1859 г. 4,37; въ 1860 г. 4,42, и въ этомъ отношеніи Парижу принадлежитъ пальма первенства съ цифрою 6,61 на 100 родовъ. Редакція Stat de la France замѣчаетъ по этому поводу, что самое большое число мертворожденныхъ приходится на центръ промышленности и вообще совпадаетъ съ большею пропорціею незаконорожденныхъ дѣтей [2]). По статистическимъ даннымъ нѣкоторыхъ европейскихъ городовъ за 1881 г. на 100 живорожденныхъ было мертворожденныхъ въ Вѣнѣ 4,8, Мюнхенѣ 3,1, Гамбургѣ 3,4, Франкфуртѣ на Майнѣ 3,6, Берлинѣ 4,1, Дрезденѣ 4,5, Бреславѣ и Венедигѣ по 5,0, Тріестѣ 6,9, Брюсселѣ 7,0, Нью-оркѣ 10, 4. [3]) Въ одной изъ образованнѣйшихъ странъ Европы, въ которой санитарные законы доведены до такого совершенства, какъ еще нигдѣ болѣе именно въ Англіи, и до сихъ поръ на 100 родовъ случается до 15,17 и даже слишкомъ 20 выкидышей, что видно, напр., изъ статистическихъ данныхъ объ этой странѣ за 1873 г. гдѣ значится, что въ разныхъ городахъ Англіи на 1000 рожденій было случаевъ мертворожденій отъ 157 до 213. [4]) Въ Россіи, по отчетамъ Медицинскаго Департамента мертворожденій было: въ 1876 г. 959, въ 1877 г. 1050, въ 1878 г. 1072, въ 1879 г. 1027. Но эти цифры безъ сомнѣнія далеко не выражаютъ собой дѣйствительности, если взять въ расчетъ то обстоятельство, что въ одномъ С.-Петербургѣ въ 1879 г. было 1,276, а въ Москвѣ въ томъ же году, 962 мертворожденій [5]). Кромѣ того извѣстно, что во всѣхъ государствахъ Европы изъ 100 новорожденныхъ въ

---

[1]) Протоколы засѣданій Общ. врачей Восточной Сибири въ г. Иркутскѣ. 1864 г. Замѣтки объ Якутскѣ Ф. Шперка.

[2]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки Академика Крашенинникова. 1819 г. Т. II. стр. 172.

[3]) ibid. стр. 311.

[4]) ibid. стр. 224.

[5]) ibid. стр. 265.

[6]) И. Вениаминовъ. Записки объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла, 1840 г. Ч. III. стр. 90.

[1]) Pfeiffer, Die Kindersterblichkeit (Handbuch der Kinderkrankheiten von Serhardt. 1877. B. 1. S. 551).

[2]) Statistik. de de la avance, Deuxieme Serie. Tome XI. Mouvement de la population pendant les années 1858, 1859 et 1860. Strasb 1864. 4.

[3]) Mittheilungen des städtishen statistischen Bureaus. Wien. 1882.

[4]) Bericht uber die Leistungen aus dem Febiete der Pediatrik S. 2. (Oesterre ihisches jahvbuch für Pediatrik. 1876. B. 1.

[5]) См. отчеты медицинскаго департамента за означенные годы.

теченіе перваго же мѣсяца жизни умираетъ отъ 5 до 14 человѣкъ.[1]) Мы уже не говоримъ здѣсь о числѣ мертворожденій и гибели дѣтей въ первое время жизни у дикарей, гдѣ, какъ мы видѣли выше, эту потерю слѣдуетъ признать громаднѣйшею. Такую поразительную убыль дѣтей нѣкоторые склонны приписывать какому-то неумолимому, роковому закону природы, дѣйствующему въ согласіи съ теоріей о борьбѣ за существованіе; но приведенные выше факты говорятъ сами за себя, они наоборотъ ясно показываютъ, что невѣжество и бѣдность со всѣми атрибутами ихъ: предразсудками, вѣковыми традиціями, болѣзнями и слабостію родителей, особенно матерей, замученныхъ непосильными работами и т. д. невольно, творятъ самые грубые и насильственные эксперименты надъ слабымъ тѣломъ человѣка. Новорожденное дитя является на свѣтъ Божій гораздо безпомощнѣе, чѣмъ какое либо новорожденное животное. Поэтому-то, можетъ быть, и природа вложила въ сердце матери человѣка столько любви къ дѣтямъ, сколько не дало ея ни одной матери животныхъ, и конечно въ силу той же любви мать обыкновенно жертвуетъ относительно такъ много времени и заботливости при уходѣ за своимъ ребенкомъ, какъ ни одна мать изъ остальнаго животнаго царства. Но эта любовь матери безъ сомнѣнія должна быть осмыслена и благопріятно обставлена для надлежащаго проявленія своего. Въ этомъ отношеніи для насъ имѣютъ особенную важность факты, приводимые статистиками относительно вліянія благосостоянія и образованія на жизнь дѣтей. Такъ напр., по Касперу, [2]) на 1000 умершихъ дѣтей было:

въ возрастѣ	Княжескихъ и графскихъ фамилій.	Бѣдныхъ жителей Берлина.
0— 5	57	345
5—16	5	57

Такимъ образомъ очевидно, что высшіе и достаточные классы имѣютъ полнѣйшую возможность сохранить и воспитать для себя гораздо большее количество дѣтей, чѣмъ люди бѣдные, благодаря большимъ средствамъ своимъ матеріальнымъ и умственнымъ. Но гдѣ же взять разума и средствъ для благополучнаго рожденія и правильнаго ухода за своими дѣтьми большому числу тѣхъ матерей, о которыхъ шла рѣчь выше въ нашемъ изслѣдованіи? А при отсутствіи этихъ условій можно-ли требовать, чтобы новорожденное, безпомощное дитя ихъ пользовалось надлежащимъ уходомъ и попеченіемъ ихъ. Наоборотъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не видимъ-ли мы, что сама мать служитъ невольною жертвою традицій и обычаевъ своей страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается такою же жертвою и безпомощное дитя ея?—Вотъ въ силу этихъ-то соціальныхъ недостатковъ нашего времени и выходитъ такъ, что новорожденные до сихъ поръ дѣйствительно какъ бы подвергаются выборкѣ и сортировкѣ, между тѣмъ какъ при другихъ лучшихъ условіяхъ быта, при желаніи и умѣньи человѣка пользоваться благами этого быта сколько дѣтскихъ жизней могло-бы сохраниться на общую пользу? Слѣдовательно не отъ одного только неумолимаго рока изводится до сихъ поръ такая масса дѣтей, но въ громадномъ количествѣ случаевъ это зависитъ отъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ продолжаютъ дѣйствовать губительно на человѣка съ раннихъ поръ его жизни и которыя при иныхъ условіяхъ совершенно могли бы быть имъ же устранены.

[1]) Die Sterblichkeit der Kinder während des ersten Lebensjahres in Baiern. Von D-r. Karl Mayer. (Iurnal Kinderkrankheiten. Bd. LVIII. 1871.

[2]) Casper: Beiträge zur med. Statistik. II. S. 181.

ГЛАВА IV.

УХОДЪ ЗА ПУПКОМЪ.

Значеніе пуповины въ утробной жизни ребенка.—Отпаденіе ея.—Научныя основанія для перевязки и дальнѣйшаго ухода за пупкомъ. — Распространенность обычая перевязывать пуповину изъ глубокой древности до нашихъ дней. — Исключенія изъ этого правила.—Недостатокъ защиты пупка новорожденныхъ у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ.—Обычаи ухода за пупкомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ утробной жизни ребенка пуповина играетъ весьма важную роль. Чрезъ одинъ изъ ея сосудовъ, именно «пупочную вену», кровь течетъ отъ матери къ ребенку и, доставивъ организму послѣдняго питательный матеріалъ, необходимый для его развитія, снова потомъ возвращается значительно измѣненною, чрезъ ту же пуповину, но уже другими путями, а именно чрезъ «пупочныя артеріи» въ кровеносную систему матери. По рожденіи на свѣтъ ребенка пуповина совершенно теряетъ для него свое прежнее значеніе, а именно: тотчасъ послѣ того какъ совершится разобщеніе его съ матерью, онъ, за неполученіемъ болѣе крови отъ послѣдней, вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ получать отъ нея и кислородъ, доставлявшійся до сихъ поръ съ ея кровью пупочной вены и играющій вообще такую важную роль въ живой дѣятельности организма. Наоборотъ, благодаря все продолжающейся дѣятельности организма, въ первые моменты по рожденіи, въ крови ребенка накопляется значительное количество угольной кислоты, которая дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на нервные центры, управляющіе дыхательными движеніями, и благодаря этому раздраженію происходитъ первый вздохъ и расширеніе легкихъ, въ которыя съ силою стремится наружный воздухъ, обильный кислородомъ и который такимъ образомъ съ этого момента находитъ для себя уже обычный путь для поступленія своего въ кровь новорожденнаго. Вскорѣ послѣ того пища ребенка начинаетъ поступать чрезъ его ротъ и такимъ образомъ роль пуповины, какъ проводника всяческихъ питательныхъ матеріаловъ въ организмъ ребенка совершенно утрачивается и затѣмъ пуповина отпадаетъ. Совершается это послѣднее обстоятельство такимъ образомъ: когда кровь перестаетъ циркулировать въ пупочныхъ сосудахъ, тогда они начинаютъ тотчасъ же сокращаться и въ силу своей способности къ сокращенію—сокращаться иногда даже до уничтоженія своего просвѣта. Этотъ физіологическій актъ сокращенія сосудовъ пуповины обыкновенно наступаетъ еще до искусственной перевязки, предпринимаемой, какъ извѣстно, послѣ родовъ, и сокращеніе это доказывается между прочимъ тѣмъ, что пульсація пуповины прекращается еще до наложенія на ней лигатуры. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такой перемѣны условій кровообращенія новорожденнаго является также то обстоятельство, что послѣ перерѣзки пуповины кровь изъ нея иногда перестаетъ течь сама собою.

Когда такимъ образомъ кровообращеніе въ пуповинѣ прекратилось, а съ появленіемъ ребенка на свѣтъ кромѣ того измѣнились и условія питанія самой пуповины, такъ какъ въ утробной жизни она погружена была въ амніоническую жидкость, изъ которой она питалась частію эндосмотически, частью-же насчетъ протекавшей по пуповинѣ крови, то понятно, что теперь она, какъ лишенная возможности дальнѣйшаго питанія, перестаетъ существовать и постепенно умираетъ. Умираніе это начинается съ того, что, какъ при отдѣленіи отъ живаго организма всякой омертвѣлой ткани, въ ней происходитъ жировое перерожденіе, распадъ, размягченіе; затѣмъ омертвѣвающій кусокъ пуповины, какъ и всякое постороннее тѣло, производитъ раздраженіе въ окружающихъ тканяхъ, слѣдствіемъ чего въ данномъ случаѣ является воспаленіе, выражающееся замѣтною припухлостію по краю пупочнаго кольца; на этомъ же мѣстѣ въ дальнѣйшемъ теченіи является бороздка, въ которой можно видѣть гной—это такъ называемая демаркаціонная линія, являющаяся на границѣ омертвѣлыхъ частей; затѣмъ мертвая часть отдѣляется и отпадаетъ [1]).

Въ вопросѣ о перевязкѣ пуповины примѣръ особенно животныхъ, обходящихся безъ лигатуры, ножницъ и акушерокъ, вызвалъ между нѣкоторы-

[1]) Болѣе подробныя объясненія причинъ и способовъ спаденія и отпаденія пуповины изложены въ диссертаціи З. Бабанасьянца: „Къ вопросу объ отпаденіи пуповины у новорожденныхъ“. С.-П. 1881 г.

ми врачами замѣшательство [1]), при чемъ привелъ ихъ къ мысли о безполезности и даже вредности перевязки (King). Тѣмъ не менѣе изъ перерѣзанной, но не перевязанной пуповины нерѣдко происходятъ кровотеченія;—при циркулярномъ разрѣзѣ это случается по большей части, а при неправильномъ кровотеченія часто не бываетъ. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ Якоби [2]), и здѣсь нельзя указать какого либо совершенно опредѣленнаго шаблона; однако все-таки лучше руководствоваться правилами предусмотрительности и осторожности, чѣмъ разсчитывать на несчастливый случай и потому во всякомъ случаѣ лучше принять за правило—перевязывать пуповину».

При самой перевязкѣ, какъ и при уходѣ за всякой раной, людьми науки рекомендуется, во первыхъ, соблюденіе полнѣйшей чистоты и дезинфекціи употребляемыхъ при этомъ ножницъ, перевязочнаго матеріала, равно какъ и рукъ; во вторыхъ, рекомендуется перевязку производить лучше всего посредствомъ шнурка, средней толщины, чтобы имъ не перерѣзать пуповины, и не сдавить вполнѣ кровеносныхъ сосудовъ, заложенныхъ въ пуповинѣ; вътретьихъ, перевязку дѣлать на разстояніи 3—6 центиметровъ отъ тѣла дитяти; въ четвертыхъ отрѣзокъ пуповины, оставшійся въ соединеніи съ тѣломъ ребенка, не туго завертывать въ кусокъ холста (тонкаго, стараго) и приложивъ къ животу, лучше всего къ лѣвой половинѣ его, покрыть все широкой полосой холста, намоченной въ слабо насыщенномъ карболовомъ маслѣ, и укрѣпить $1^1/_2$ или двумя турами бинта, шириною въ ладонь, нетуго наложеннаго; наконецъ, въ пятыхъ, достаточно часто перемѣнять всѣ повязки, соблюдая при этомъ каждый разъ строжайшую опрятность и дезинфекцію.

Посмотримъ теперь, какъ относились прежде и относятся теперь къ уходу за пупкомъ различные народы.

Обычай перевязывать пуповину у новорожденныхъ извѣстенъ былъ еще *древнимъ Индійцамъ*, у которыхъ она перевязывалась ниткой на разстояніи восьми поперечныхъ пальцевъ отъ животика, отрѣзывалась здѣсь, а нитка привязывалась къ шеѣ ребенка [3]).

Въ настоящее время почти всѣ народы свѣта имѣютъ обыкновеніе перевязывать пуповину новорожденнымъ. Исключеніе изъ этого, по сообщенію Martin'a [1]),—дѣлаютъ только обитатели Явы. По другимъ свѣдѣніямъ, дикія племена южной Америки и Австраліи имѣютъ обыкновеніе отрѣзывать или откусывать пуповину, но не перевязывать ее. Кромѣ того нѣкоторые народы для отдѣленія пуповины имѣютъ обыкновеніе употреблять острый камень, раковину, деревянный ножъ [2]).

Нѣкоторыя племена Африки, Америки, Новозеландіи и др. имѣютъ обыкновеніе недостаточно защищать пупочную область своихъ новорожденныхъ въ первое время по отнятіи пуповины, слѣдствіемъ чего является множество поводовъ для грубаго соприкосновенія съ ней, дерганія, передвиганія ея остатка и пр., что въ свою очередь располагаетъ къ воспаленію ея сосудовъ, къ выхожденію, особенно чрезъ пупочное кольцо грыжи при крикѣ, кашлѣ, скопленіи вѣтровъ въ кишкахъ и т. п. [3]). По свидѣтельству проф. Sormanni [4]), въ Италіи торопятся очень рано отнимать у новорожденныхъ пуповину и это составляетъ между прочимъ одну изъ причинъ усиленной смертности дѣтей въ первое время ихъ жизни.

Въ коренномъ русскомъ населеніи, напр. въ *Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи*—по свидѣтельству Священника Колерова,—пуповина обыкновенно отрѣзывается тотчасъ по рожденіи ребенка ножницами, при чемъ оставляется часть ея, длиною не болѣе вершка. По срединѣ оставшейся части, значитъ, приблизительно на разстояніи $^1/_2$ вершка отъ мѣста прикрѣпленія ея къ тѣлу ребенка, пупокъ крѣпко перетягивается ниткой (суровою, нарочно для того приготовленною). Свободный отрѣзанный конецъ орошается молокомъ матери раза по 3—4 въ день, т. е. при каждомъ новомъ пеленаніи, пока свободный конецъ пупка не отвалится на мѣстѣ, перетянутомъ ниткою. Въ случаѣ, если послѣ перевязки пупка ниткою покажется на отрѣзанномъ концѣ кровь, то прикладывается на томъ-же мѣстѣ новая такая же перевязка крѣпче, а старая снимается.

Въ *Пермской* губерніи,— по свидѣтельтству д-ра Пѣтухова [5]),—среди крестьянскаго населенія повитухи не имѣютъ обыкновенія перевязывать пуповину при родахъ, а отрѣзываютъ ее просто безъ перевязки, отступя отъ пупка на $^1/_4$ вершка, иногда же и на 2 вершка, вслѣдствіе чего бывали при-

---

[1]) Prof. K. Kleinwächter: Einge Worte über das öftl-Nichteintreten einer Blutung bei ununterbundener Nabee schnur. (Jahrbuch f. Kinderheilkunde B. X. A. - 416).

[2]) Jacobi, die Pflege und Ernährung des Kinde. S. 324. (Handbuch der Kinderrkrankheiten, herausg. von C. Gerhar. B. 1).

[3]) Susrutas Ayurvedas. l. c. T. II p. 41.

[1]) Discuss. über Paosch's Vertrag. Beitr. L. Geb. u. Gun ges. geb. Berlin I. 136.

[2]) Uffelmann. Hygiene des Kindes 1881. S. 276. У древнеримскаго врача Сорана (Lehrbuch der Geschichte der Medicin von Haeser. S. 311), встрѣчаемъ совѣтъ отдѣлять пуповину острымъ инструментомъ, а не пожемъ, кускомъ тростника или раковиной, слѣдовательно таковой обычай уже существовалъ у кого либо изъ его современниковъ.

[3]) См. у Ploss'a l. c.

[4]) Archiv f. Kinderheilkunde 1882 г. В. III. Hft. 7 и S. 333.

[5]) Медиц. Вѣстн. 1863 г. № 23.

мѣры, что дитя умирало отъ пупочнаго кровотеченія. О подобномъ же обычаѣ въ *Усольѣ Пермской губерніи* врачъ Бѣлоголовъ говоритъ слѣдующее: по рожденіи дитяти повитуха прежде всего немедленно отрѣзываетъ пуповину, но не перевязываетъ, а только дунувъ и плюнувъ на нее, заговариваетъ кровь. Послѣ того вторично плюнувъ на пуповину, потираетъ ее между пальцами и опять трижды плюетъ [1]).—Нѣкоторыя бабки *Пермской* губерніи,—по свидѣтельству Священника Бурдина,—завязываютъ пуповину въ первый и въ третій день послѣ рожденія, утверждая, что тѣмъ временемъ, чрезъ большое отдѣленіе изъ пуповины матеріи уничтожается природная грыжа.

Въ *Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи*, по свидѣтельству врача Ляйманъ,—пуповину перевязываютъ и отрѣзываютъ съ соблюденіемъ нѣкоторой обрядности и торжественности и именно, приговаривая пожеланія счастья новорожденному, а у Евреевъ кромѣ того при отрѣзываніи пуповины подкладываютъ книжку, чтобы дитя училось и соблюдало законъ.

При рожденіи у крещеныхъ *Черемисъ* [2])—призывается по нѣскольку бабъ-повитухъ; одна изъ нихъ, если родится сынъ, беретъ топоръ, положитъ пупокъ на полѣно и рубитъ его, приговоривая: «будь трудолюбивъ» и пр.; если родится дочь, то пупокъ отрѣзываютъ на прялкѣ со словами: «будь прилежна къ пряжѣ».

Отрѣзываніе пуповины на книжкахъ или топорѣ у мальчиковъ и на прялкѣ у дѣвочекъ производится также, по свидѣтельству бытописателей, у *Латышей*.

Въ *Западномъ краю Россіи* (Польшѣ), по свидѣтельству А. Неводничавскаго [3]),—многія еврейскія повитухи не отнимаютъ ребенка вдругъ отъ матери послѣ появленія его на свѣтъ; но, оставивъ его при ней, шатаютъ и потрясаютъ неперерѣзанную пуповину, произнося какія-то слова, вызывающія послѣдъ. Эта операція, которую мнѣ не разъ случалось видѣть,—прибавляетъ референтъ,—безъ разумнаго вмѣшательства, вѣроятно, длится долго.

Въ *Лапландіи* (у Лопарей), — по свидѣтельству Улеаборгскаго Губернатора О. Нюбергъ,—не всегда употребляется пупочная перевязка.

Армянская женщина на Кавказѣ [4]), какъ уже извѣстно, иногда родитъ стоя, при чемъ ребенокъ падаетъ на сѣно и остается нетронутымъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ послѣдъ, послѣ чего тутъ-же отрѣзывается пуповина и завязывается.

Въ *Осетіи*, по свидѣтельству Г-жъ Касабіевой и Ачрековой [1]),—перевязываютъ пупокъ новорожденнаго волосами матери. Во все время пока не отпадетъ пупокъ, его смачиваютъ масломъ.

У *Кавказскихъ Татаръ*, по свидѣтельству Г-жи Останевичъ, на первый день рожденія пуповины не отрѣзаютъ, но отступивъ отъ живота на вершокъ перевязываютъ ее крѣпко ниткой, отдѣляютъ отъ послѣда руками, полагая, что свѣжую пуповину отрѣзывать очень вредно, затѣмъ заворачиваютъ ее и кладутъ ребенку на животъ, обсыпая крѣпко солью. Отрѣзываютъ пуповину уже на другой день при купаньи.

Въ *Даргинскомъ* округѣ,—по свидѣтельству г. Бахтамова, по отнятіи пуповины, бинта на животъ ребенка не употребляютъ, а пупокъ обвязываютъ кушакомъ, смачиваютъ масломъ и оставляютъ его такъ до отпаденія.

У многихъ *туземцевъ Кавказа* [2]) пупокъ ничѣмъ не обкладывается до тѣхъ поръ, пока не отпадетъ.

Киргизы Каркалинскаго уѣзда Семипалатинской Области, по свидѣтельству г. Филиппова, перевязываютъ пупъ тонкой прядью конской жилы (шпрамыса).

Калмыки [3]) отнимаютъ пуповину простымъ калмыцкимъ ножемъ.

Остяки и *Самоѣды* [4]) еще до рожденія младенца приготовляютъ засушенную оленью жилу для перевязки пупка и хорошій ножикъ, который потомъ остается въ падарокъ повивальной бабкѣ.

Камчадалы [5]) перевязываютъ пупокъ крапивной ниткой и отрѣзываютъ ножемъ каменнымъ.—Къ отрѣзанному пупку прикладываютъ жеванный киперей, смѣшанный со слюною.

У *Бурятъ*, по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—пуповина перевязывается только по выходѣ послѣда. Подъ то мѣсто, гдѣ перевязывается пуповина, подкладывается серебряная монета.

У *Арачонъ*, по свидѣтельству врача Ангерманъ [6]),—мать разрѣшившись, сама перерѣзываетъ ножемъ перевязанную жилой въ двухъ мѣстахъ пуповину.

---

[1]) Бѣлоголовъ l. c. стр. 8.

[2]) Бытъ Черемисъ Уржумскаго уѣзда Шестакова (Вятскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 4.

[3]) А. Неводничавскій: очерки изъ жизни Евреевъ. (Протоколъ очереднаго засѣданія общества Минскихъ врачей. 1869 г. № 31).

[4]) Кавказъ 1878 г. № 294.

[1]) Терскія Вѣдомости 1879 г. № 21.

[2]) Кавказъ 1878 г. № 294.

[3]) Очерки быта Калмыковъ. Небольсина.

[4]) Бѣлявскій. Поѣздка къ Ледовитому морю. 1833 г. стр. 422.

[5]) Кривошапкинъ. Описаніе Камчатки. (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. 1818 г. Т. 1 стр. 321).

[6]) Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 8.

ГЛАВА V.

ПОМѢЩЕНІЕ ДИТЯТИ ВЪ СЕМЬѢ РОДИТЕЛЕЙ.

Требованія современной гигіены.—Помѣщенія дѣтей у большинства современныхъ культурныхъ людей различныхъ состояній и положеній.—Жилища и помѣщенія дѣтей у разныхъ дикихъ и полудикихъ народовъ.—Заключеніе главы.

Согласно требованіямъ современной гигіены, для дѣтей, а если можно, то и для каждаго дитяти отдѣльно должна быть устроена особая комната, съ достаточнымъ количествомъ свѣта и воздуха, хорошо провѣтриваемая, но защищенная отъ сквознаго вѣтра. Въ ней должно быть только опредѣленное и во всякомъ случаѣ небольшое количество прислуги и мебели. Въ дѣтской должна быть соблюдаема самая строгая чистота, поэтому не слѣдуетъ оставлять въ ней ни грязнаго бѣлья, ни ночныхъ горшковъ, не слѣдуетъ ни стирать, ни сушить, ни гладить бѣлья и т. п. Нѣкоторые гигіенисты идутъ еще дальше, совѣтуя для дѣтской назначать двѣ просторныя комнаты, изъ которыхъ одна составляла-бы спальню дѣтей, а другая мѣсто для ихъ игръ, особенно когда холодъ и дурная погода не позволяютъ выпускать ихъ въ садъ. Наконецъ иные совѣтуютъ даже устроивать для дѣтской особый домъ, одноэтажный, на небольшой песчаной возвышенности и окруженный садомъ. На ряду съ этими, прямыми требованіями, относительно устройства дѣтской, *гигіенисты* говорятъ, что дѣтскій организмъ необыкновенно легко и сильно реагируетъ на недостатокъ свѣта, сырость жилища, нечистоту воздуха въ немъ и т. п. Поэтому-то всѣ статистики единогласно утверждаютъ, что при только что поименованныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, встрѣчающихся чаще всего у бѣдныхъ людей, живущихъ въ нижнихъ, подвальныхъ этажахъ, въ тѣсныхъ, душныхъ и сырыхъ квартирахъ, на фабрикахъ, въ казармахъ, мезонинахъ, чердакахъ и т. д., обыкновенно замѣчается среди дѣтей болѣе заболѣваемости, особенно золотухой, англійской болѣзнію, скорбутомъ, туберкулезомъ, малокровіемъ, въ такихъ помѣщеніяхъ обыкновенно встрѣчается болѣе тяжелыхъ и злокачественныхъ формъ болѣзней и наконецъ несравненно болѣе смертности. Къ сожалѣнію научными указаніями *гигіены* до сихъ поръ можетъ пользоваться только ничтожная часть человѣчества какъ по средствамъ своей жизни, такъ и по образованію. Громаднѣйшая же часть людей, наоборотъ, или не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ *гигіены*, или же рѣшительно не имѣетъ средствъ выполнить ихъ. Поэтому-то во многихъ помѣщеніяхъ очень богатыхъ и по видимому довольно образованныхъ людей мы находимъ напримѣръ, такой распорядокъ: при огромной и роскошной квартирѣ, имѣющей обширную залу, гостинную, столовую, спальню, кабинетъ для занятій, будуаръ, словомъ все, что необходимо для привычекъ цивилизованнаго, достаточнаго человѣка и прихотей свѣтской женщины,—о дѣтской, въ этомъ комфортабельномъ помѣщеніи, нѣтъ и помина; ребенокъ здѣсь какъ бы намѣренно забытъ, и ему отведенъ темный уголъ въ спальнѣ матери, гдѣ нибудь за шкафами и комодами. Бываетъ и еще хуже: мать считается иногда нервною женщиною и не выноситъ криковъ ребенка; отецъ—занятой человѣкъ и тоже страдаетъ отъ безпокойствъ дитяти; тогда ребенокъ дѣлается совсѣмъ не желаннымъ гостемъ въ спальнѣ родителей и ему отводится гдѣ нибудь подальше отъ ихъ попечительныхъ взоровъ и просторныхъ салоновъ, будто въ видахъ большаго спокойствія, подъ наблюденіемъ невѣжественныхъ нянекъ, тѣсная, маленькая, низенькая комната, мрачная, душная, заваленная всякимъ хламомъ, недостаточно освѣщенная и почти никогда не провѣтриваемая. Маленькому человѣку,—толкуютъ самобытные воспитатели,—нужно и маленькое помѣщеніе, въ которомъ самое главное тепло, а объ остальномъ не слѣдуетъ много и заботиться. Такимъ образомъ даже въ семействахъ богатыхъ и культурныхъ людей рѣдко дитя признается личностію, имѣющею обще-человѣческія права и тѣмъ болѣе особенности, сообразно съ которыми нужно похлопотать объ уходѣ за нимъ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію помѣщеній дѣтей у людей бѣдныхъ и малокультурныхъ. Передъ нами помѣщенія дѣтей европейскихъ ремесленниковъ и фабричныхъ. Посмотрите, гдѣ протекаетъ ихъ жизнь: въ смрадныхъ, сырыхъ, мрачныхъ подвалахъ, переполненныхъ людьми, портящими своимъ дыхани-

емъ и испареніями и безъ того небольшое количество воздуха. Другаго помѣщенія рабочимъ не даютъ, а они сами не въ состояніи его добыть и по неволѣ приходится воспитывать дѣтей въ этихъ невольныхъ тюрьмахъ и разсадникахъ не здоровья, а напротивъ всевозможныхъ болѣзней. Что можетъ *гигіена* предложить людямъ въ такомъ положеніи? Она можетъ только съ грустью и болью сердца засвидѣтельствовать фактъ самаго житія ихъ при такихъ условіяхъ ужасно убогаго соціальнаго существованія.

Въ деревняхъ ребенокъ живетъ опять въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, въ которыхъ живутъ его родители. Обыкновенно они почти вездѣ также мало удовлетворяютъ требованіямъ *гигіены*, какъ и помѣщенія ремесленниковъ и фабричныхъ.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ содержанія дѣтей въ быту нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ.

«Въ бытѣ Задунайскихъ *Славянъ*,—говоритъ Макушевъ [1]), не произошло почти никакой перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ они поселились на Балканскомъ полуостровѣ, болѣе двѣнадцати вѣковъ тому назадъ. И теперь, какъ во времена Прокопія и Маврикія (VI в.), они любятъ селиться въ лѣсахъ, на горахъ, у рѣкъ и озеръ, въ мѣстахъ укрѣпленныхъ самою природою. Къ нимъ и нынѣ вполнѣ примѣнимы слова Византійскаго историка VI вѣка (Procopii Bell. Goth. lib. III, cap. XIV, p. 335 ed. Bonn) «живутъ въ дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ одна отъ другой разстояніи».— И теперь, какъ во время западнаго лѣтописца Гельмольда (XII в.), они не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды (Chron. Sav. lib. 11, cap. 13). Въ точно такихъ же, если еще не худшихъ, избушкахъ живутъ въ Босніи многочисленные сельскіе пролетаріи, извѣстные подъ именемъ *Колыбарей*. Ихъ *колыбы*—жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою,—разбросаны въ лѣсу или близь дороги на пустопорожней землѣ. Въ зимнюю непогоду такія *колыбы* представляютъ ужасную картину страданія отъ голода и холода: «вы можете видѣть тогда въ *колыбахъ* семьи,—говоритъ почтенный нашъ путешественникъ А. Ѳ. Гильфердингъ (стр. 448),—гдѣ дѣти буквально голы и дѣвушки едва покрываютъ себя рубахою въ лохмотьяхъ; гдѣ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ, гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые буквально умираютъ съ голоду». Въ странахъ, богатыхъ лѣсомъ, деревянныя, а въ безлѣсныхъ каменныя избы *болгаръ* и *Сербовъ* кроются чаще всего соломой, рѣдко черепицею. Печей нѣтъ, а огонь разводится на землѣ внутри избы, состоящей обыкновенно изъ одной горницы, куда собирается вокругъ очага вся семья, а на ночь и въ непогоду нерѣдко загоняется и скотъ. Стеколъ не употребляютъ, а мѣсто ихъ замѣняетъ масляная бумага, тряпка или доска въ непогоду».—Въ такихъ-то жалкихъ *колыбахъ* начинаетъ свою жизнь юное поколѣніе нашихъ братьевъ *Славянъ*. Фриллей и Влохити [1]) описываютъ обыденную обстановку *Черногорца* такимъ образомъ: «жилище здѣсь походитъ болѣе на хижину, чѣмъ на домъ; стѣны большею частію изъ сухаго камня, крыша соломенная. Иногда четыре толстые столба, вбитые по угламъ и соединенные перекладинами, образуютъ весь остовъ зданія; плетень обмазанный глиной и навозомъ служитъ стѣнами; весь домъ имѣетъ только одно отверстіе—дверь; полъ земляной. Внутренность жилища вполнѣ согласуется съ его жалкимъ наружнымъ видомъ; весь домъ часто состоитъ только изъ одной комнаты, которая служитъ въ одно и то же время кухнею, спальнею, чердакомъ и конюшнею. Средина комнаты занята вѣчно пылающимъ или дымящимся огнемъ, надъ которымъ виситъ мѣдный или чугунный котелъ, предназначенный для всѣхъ возможныхъ кулинарныхъ упражненій; вокругъ очага расположена круглая скамья, сдѣланная изъ обтесанныхъ камней или просто изъ утрамбованной земли. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ грубо сдѣланная на подобіе сундука кровать (одръ или постелія), гдѣ обыкновенно спятъ двое или трое на соломенномъ тюфякѣ или просто на соломѣ. Круглый столъ въ нѣсколько дециметровъ высотою и наконецъ большая миска, изъ которой каждый можетъ ѣсть сколько угодно, доставая пищу пальцами; нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ одѣялъ, которыя на ночь разстилаются вокругъ очага; нѣсколько вязанокъ хвороста въ углу и т. п. Вотъ вещи, находящіяся внутри этого спартанскаго жилища».

На ряду съ описаніемъ жилищъ различныхъ племенъ Славянскихъ представимъ краткій очеркъ русскихъ крестьянскихъ избъ. «Крестьянскія избы, — говоритъ г. Машкинъ [2]), — бываютъ безъ дымовыхъ трубъ и съ дымовыми трубами. Въ первыхъ случаяхъ онѣ называются черными, въ послѣднемъ бѣлыми. Трудно найти что нибудь грязнѣе, вонючѣе, нечистоплотнѣе жилья крестьянина въ зимнее время въ курной избѣ. Если вы вступите въ нее—и ваша голова готова удариться о полати: это доски, которыя помѣщены, на аршинъ ниже потолка и поддерживаются пере-

[1]) В. Макушевъ: Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. 1867 г. стр. 17.

[1]) Фриллей и Влохити: Современная Черногорія. 1876 г. (Библіотека путешествій) стр. 53.

[2]) Машкинъ: бытъ крестьянъ Курской губерніи Обоянскаго уѣзда (Этнографическій сборникъ 1862 г. т. V).

кладиною, раздѣляющею избу на двѣ неравныя части: переднюю и заднюю. На этихъ полатяхъ крестьяне спятъ и грѣются. Между полатями и поломъ устроенъ еще для спанья большой примостъ или нары. Трубъ въ печкѣ нѣтъ и когда печь топится, то вся изба наполняется дымомъ, который всѣмъ рѣжетъ глаза, колетъ носъ, возбуждаетъ кашель; въ это время семья ходитъ нагнувшись, а дѣти лежатъ на печкѣ, свѣсивъ головы внизъ. Этотъ дымъ, выходя въ растворенныя двери и дымовое окно, оставляетъ на стѣнахъ вѣчную копоть. Полъ иногда бываетъ не, мощеный и такъ грязенъ какъ въ хлѣвѣ. И въ этой низкой, тѣсной, душной избѣ, освѣщенной двумя или тремя большею частію волоковыми окнами, помѣщается семья крестьянина и непремѣнно кто-нибудь изъ скота въ предохраненіе отъ холода и вся нечистота отъ этихъ животныхъ».

Бѣлыя избы русскихъ крестьянъ гораздо выше и свѣтлѣе, въ нихъ существуютъ дымовый трубы, окошки прорѣзаны въ 4—6 стеколъ; опрятности здѣсь больше. Такими избами обилуютъ лѣсныя губерніи и большая часть средней полосы Россіи; въ остальныхъ мѣстностяхъ такими избами обзаводятся большею частію лишь достаточные крестьяне, у которыхъ кромѣ того создаются иногда и другія удобства жилья, наиболѣе соотвѣтствующія требованіямъ гигіены. Однако чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе о гигіеническомъ устройствѣ бѣлой крестьянской избы въ большинствѣ случаевъ, приведемъ здѣсь изслѣдованіе ея въ этомъ отношеніи, произведенное докторомъ П. А. Песковымъ: «по внутреннему измѣренію 92-хъ избъ различной величины (Дурыкинской волости Московскаго уѣзда),—говоритъ онъ,—въ 12 различныхъ по экономическому и санитарному состоянію деревень, кубическое содержаніе воздуха въ крестьянскихъ домахъ волости, на каждаго жителя приходится среднимъ числомъ около 251 кубическихъ фута. Принимая во вниманіе, что на каждаго человѣка для дыханіи необходимо по крайней мѣрѣ 30 кубическихъ метровъ, или около 1200 кубическихъ футовъ свѣжаго воздуха въ часъ и что объемъ его въ измѣренныхъ избахъ малъ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ естественной вентиляціи, то обитатели ихъ живутъ, слѣдовательно, тѣсно и находятся въ этомъ отношеніи въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ» [1]). Жилища крестьянъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи учитель А. Фадѣевъ описываетъ такимъ образомъ: «въ лѣтнее время здѣсь крестьяне живутъ въ достаточно большихъ избахъ; но на зиму, чтобы тратить меньше дровъ и чтобы большія избы не прѣли, крестьяне, даже и зажиточные, переселяются въ маленькія избенки. Здѣсь нерѣдко семья въ 5 человѣкъ помѣщается въ домикѣ вмѣстимостію 4—5 кубич. саженъ, при томъ вмѣстѣ съ курами и теленкомъ, если онъ есть. Здѣсь же складывается сбруя и другія хозяйственныя принадлежности. Въ такихъ избахъ за чистотой уже не слѣдятъ: вездѣ соръ и пыль, а воздухъ, совсѣмъ невозможный для дыханія, такъ что у непривычнаго человѣка голова разболится послѣ недолгаго пребыванія въ немъ. Зимовокъ нѣтъ только у бѣдноты, за то избы ихъ такъ плохи и ветхи, что вѣтеръ гуляетъ по всей избѣ, дуетъ отъ стѣнъ, въ окны, съ голбца; на полу сидѣть нельзя, мерзнутъ руки, поэтому всѣ забираются на печь. Чтобы получить побольше тепла въ такомъ помѣщеніи, печь закрываютъ рано и жарко, прежде чѣмъ достаточно прогорятъ въ ней уголья, вслѣдствіе чего въ избѣ дѣлается угарно и всѣ сидятъ или бродятъ угорѣлые; при этомъ окна оттаиваютъ, отъ нихъ идетъ паръ и въ избѣ дѣлается невозможно душно. Но вотъ благодаря усиленной естественной вентиляціи чрезъ стѣны тепло и угаръ скоро исчезаютъ изъ избы и опять наступаетъ стужа. Какой нуженъ запасъ здоровья, чтобы ежедневно испытывать такія быстрыя перемѣны температуры и другія колебанія въ организмѣ». «На Уралѣ нѣтъ домовъ съ форточками,—говоритъ Португаловъ [1]),— и вы можете взойти въ любую избу, въ любой мѣщанскій или купеческій домъ и васъ поражаетъ густота и тяжесть атмосферы и какой-то прокислый, особенно непріятный, промозглый запахъ. Вы спрашиваете, еле дыша: «что это такое»? и вамъ отвѣчаютъ: это значитъ «жилымъ пахнетъ»! Жилымъ? Между тѣмъ какъ вамъ кажется—чуть не мертвечиной. И дѣйствительно этотъ мертвящій воздухъ мертвитъ несчастное населеніе»—И какъ не быть до крайности испорченному воздуху въ крестьянскихъ избахъ, особенно зимой, когда человѣкъ живетъ здѣсь по 8 мѣсяцевъ, чуть не герметически запертый вмѣстѣ съ пригрѣваемыми отъ холода животными, для которыхъ здѣсь же готовятъ и пищу, на ряду съ своей; здѣсь же мочатъ лыко для лаптей, проращиваютъ солодъ на печи, бьютъ шерсть, валяютъ сапоги, моютъ и сушатъ все бѣлье и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Холмогорскаго уѣзда Архангельской губерніи,—по свидѣтельству врача Коновалова,—есть даже повѣрье, что грязныя пеленки новорожденнаго не слѣдуетъ выносить на вѣтеръ до шести недѣль, такъ какъ это вредно дѣйствуетъ на ребенка; поэтому таковыя пеленки обыкновенно сберегаются, моются и сушатся въ домахъ.—Такова гигіеническая об-

[1]) П. А. Песковъ: Описаніе Дурыкинской волости Московскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи (Сборникъ статистическихъ свѣденій по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарной статистики) 1879 г. Т. 1, В. 111, стр. 146.

[1]) В. Португаловъ. Вопросы общественной гигіены (по обѣ стороны Урала) 1873 г. стр. 612.

становка ребенка, начинающаго свою жизнь въ русской избѣ.

Подвинемся теперь поближе къ центрамъ просвѣщенія и остановимся сначала въ Англіи, гдѣ давно уже обращено вниманіе на деревенскаго жителя и гдѣ уже такъ много толковано объ этомъ предметѣ въ «Medical officer of Health». Предъ вами жилище фермера, расположенное у дороги, къ которому сантиментальные проѣзжіе относятся съ такимъ же подобострастіемъ, какъ къ какому-либо рѣдкостному куску китайскаго фарфора; но посмотрите, что дѣлается внутри этого жилища. Вмѣсто пола здѣсь неровный, сырой грунтъ, свѣта мало, воздуха недостаточно. Узкая лѣстница (стремянка) ведетъ въ верхнюю, спальную комнату, всю щелявую, дыры которой заткнуты бумагой, пропитанной дегтемъ; потолка здѣсь нѣтъ, а только стропилы и крыша отдѣляютъ ее отъ наружнаго воздуха. Въ свое время лорды Napier и Ettrick насчитывали до 70,000 деревенскихъ жилищъ, составляющихъ почти треть таковыхъ жилищъ всей Великобританіи, которыя должны бы подлежать уничтоженію вслѣдствіе негигіеничности устройства ихъ [1]).

Если таковы жилища у самихъ англичанъ, то что же сказать о жилищахъ Шотландіи и Ирландіи, имѣющихъ счастіе состоять подъ покровительствомъ англичанъ. По описанію путешественниковъ въ Шотландіи вообще весьма мало селеній, которыя большею частію разбросаны по полуобнаженнымъ горамъ, состоя чаще всего изъ одной, уединенной хижины, совершенно уединенно и только изрѣдко группируясь маленькими кучками. Четыре стѣны хижинки дѣлаются изъ грубыхъ полевыхъ камней безъ цемента; щели и трещины затыкаются мохомъ и верескомъ; худо сколоченныя двери изъ гнилыхъ досокъ оставляются безъ замка и засова. Окна такія маленькія, что ихъ издалека трудно замѣтить,—не мало однако хижинъ совсѣмъ безъ оконъ, и тогда свѣтъ проходитъ чрезъ двери и щели. Полъ изъ утоптанной земли очень не ровенъ. Во многихъ хижинахъ вмѣсто деревянной двери виситъ ивовая плетеная изъ вѣтвей занавѣска. Порога нѣтъ и вслѣдствіе этого нерѣдко лужи грязи и воды вбѣгаютъ въ хату и остаются въ ней нѣсколько дней. Все жилище представляетъ одну комнату, разгороженную обыкновенно пополамъ. Тамъ гдѣ есть дымовыя трубы и печи, эти хижины имѣютъ еще видъ жалкаго человѣческаго жилья, но тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, а такихъ большинство, онѣ похожи на хлѣвы. На землѣ между двумя камнями тлѣетъ, распространяя страшный дымъ, торфъ надъ которымъ на желѣзномъ крюкѣ виситъ котелъ. Дымъ переполняетъ жилище и покрываетъ чернымъ блестящимъ налетомъ стѣны, скудную утварь и верескъ кровли. Для выхода его сдѣлана въ кровлѣ дыра, надъ которою иногда, чтобы усилить тягу, ставятъ старый, бездонный сельдяной боченокъ. Люди и животныя мирно уживаются подъ одной кровлей, раздѣленные между собою легкою перегородкою изъ дранныхъ досокъ [1]).

Перейдемъ въ Ирландію. Жилище Ирландца такого же цвѣта, какъ земля, на которой она стоитъ. Оно имѣетъ видъ кучи, сложенной изъ кусковъ торфа и кое какъ набросанныхъ другъ на друга камней, до которыхъ никогда не касались ни молотокъ, ни рѣзецъ; щели между камнями наполнены смоченой землей. Высота отъ земли до крыши рѣдко достигаетъ выше пяти футовъ; крыша состоитъ изъ соломы, дрока или вереска. Въ такомъ жилищѣ обыкновенно два входа: двери встрѣчаются очень рѣдко и ихъ обыкновенно замѣняетъ толстый плетень изъ соломы или дрока. Если въ какой хижинѣ и встрѣчаются окна, то въ нихъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ вставлено стекло; обыкновенно они обтянуты или высушенной бараньей шкурой, или заткнуты соломой и грязнымъ тряпьемъ, или совершенно открыты. Войдя въ жилище, вы непремѣнно остановитесь въ ужасѣ отъ безпорядка и нищеты и того полумрака, который господствуетъ въ такомъ жилищѣ. На одномъ концѣ хижины находится очагъ: на крюкѣ виситъ желѣзный котелъ, а подъ нимъ торфъ. Не далеко отъ очага находится нѣчто въ родѣ кровати, на которой валяется нѣсколько изорванныхъ мѣшковъ, набитыхъ соломою, и нѣсколько тряпокъ, служащихъ одѣялами. Большая часть ирландскаго люда живетъ въ одной хатѣ съ животными, ѣстъ съ ними одну пищу, дѣлитъ съ ними горе и радость. Въ грязныхъ жалкихъ хижинахъ этихъ живутъ люди, образъ жизни которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ бѣдности жилищъ).

Оставимъ Англію, перейдемъ во *Францію*. Въ *Вогезахъ* строятъ жилища на низменныхъ мѣстахъ, прислоняя ихъ одной стороной къ горѣ. Жилища эти строятся изъ камня неотесаннаго и изрѣдка только кое-какъ смазаннаго известью. Иногда даже эти жилища совсѣмъ врываютъ въ землю. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ только чрезъ одно окно и дверь; рѣдко здѣсь дѣлаются два окна. Эти жилища совсѣхъ сторонъ окружаются всевозможными деревьями, якобы для защиты ихъ отъ вѣтра. Въ большинствѣ случаевъ въ этихъ жилищахъ не бываетъ никакаго пола. Изрѣдка ихъ вымащиваютъ камнемъ или дѣлаютъ деревянный полъ, который въ большинствѣ случаевъ бываетъ ниже грунта. Потолокъ низкій. Въ углахъ нагромождена всевозможная провизія: бродящіе сыры, зерна для посѣ-

---

[1]) Bond: Home of the agricultural Labourer.

[1]) Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ 1877 г. Т. II стр. 242.

[2]) Водовозова. idid Т II. стр. 257.

ва и всякій другой, домашній скарбъ. Стѣны этихъ жилищъ пропитаны дымомъ и животными отдѣленіями. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ желѣзная печь, въ которой готовятъ пищу. Въ иныхъ жилищахъ перегородкою, недоходящею до потолка, семья отдѣляется отъ коровы, козы, свиньи и т. п. Въ иныхъ же жилищахъ скотъ находится въ нижнемъ этажѣ и такимъ образомъ вся семья, живущая наверху, дышетъ всѣми испаженіями и навозомъ, находящимися внизу. Не лучше этихъ жилищъ, по описанію, жилища крестьянъ въ *Верхней Марнѣ*, *Пикардіи*, *Дирданѣ*, *Нижней Пятуѣ Берри*, *Першѣ*, *Лемусенѣ*, *Тарнѣ и Авейронѣ*, *Нижней Бретани*, *Юрѣ и Альпахъ*. Общій характеръ всѣхъ ихъ тотъ, что вездѣ въ нихъ встрѣчается поразительная тѣснота, грязь, неряшество, душный, спертый, сырой воздухъ, недостатокъ свѣта и совмѣстное жительство съ животными [1]).

Нелучшія гигеническія условія представляютъ крестьянскія жилища въ *Германіи*. Во всей *Пруссіи*, напр., жилища крестьянъ состоятъ изъ одного нижняго этажа, у бѣдныхъ въ одну комнату, у достаточныхъ въ нѣсколько комнатъ. Стѣны жилищъ большею частію кирпичныя, крыша черепичная, полъ рѣдко бываетъ настланъ, или вымощенъ, а большею частію бываетъ убитый изъ земли. Окна малы и ихъ недостаточно бываетъ числомъ. Внутри господствуютъ невообразимыя грязь и неряшество; особенно дѣти представляются грязными до возмутительности. Возлѣ жилищъ гигантскія кучи навоза и лужи грязи съ примѣсью всевозможныхъ экскрементовъ,—все это вмѣстѣ портитъ воздухъ до отвратительности. Всегда рядомъ съ жилищемъ человѣка помѣщается скотъ и въ особенности свиньи. Еще хуже и тѣснѣе жилища крестьянъ около *Гамбурга* и *Ладенбурга*, нѣсколько лучше въ *Силезіи*, *Вестфаліи* и *Нѣмецкомъ Тиролѣ* [2]).

Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, напр., Голландіи, Бельгіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и другихъ, правда, гигіеническая обстановка простолюдина, благодаря главнымъ образомъ нѣкоторой зажиточности его, много лучше только что приведенныхъ образцовъ; но присматриваясь къ этой обстановкѣ ближе, мы невольно найдемъ вездѣ одно и то же, а именно: простой народъ вездѣ самъ по себѣ на столько невѣжественъ, что не имѣетъ ни возможности, ни умѣнья подумать о сколько нибудь разумномъ помѣщеніи своей семьи, а поэтому и здѣсь, какъ и вездѣ, большею частію приходится только удивляться, какъ юный человѣческій организмъ выноситъ тѣ безчисленныя неблагопріятныя условія, въ которыя судьба ставитъ его съ самаго рожденія.

Пойдемъ изъ Европы въ Азію. На пути загляднемъ сначала въ Турцію. Турки высшихъ классовъ,—говоритъ Водовозова, [1]) воспитываются въ душной и нездоровой атмосферѣ гаремовъ подъ надзоромъ совершенно невѣжественной матери, вдали отъ всякаго общества, среди рабынь, въ лѣни и нѣгѣ, гдѣ въ свою очередь рано притупляютъ умъ и развращаютъ сердце.

У *Арабовъ* въ Занзибарѣ мальчики до седьмаго года остаются въ гаремѣ подъ покровительствомъ женщинъ, которыя наряжаютъ ихъ всевозможнымъ манеромъ, такъ что въ этомъ нельзя не замѣтить желанія матери понравиться чрезъ своихъ дѣтей [2]).

Нѣкоторыя Кавказскія племена, напримѣръ *Кабардинцы*, — по свидѣтельству Шмыкина,—*Карачаи*,—по свидѣтельству Алейникова,—*Ногайцы*,— по свидѣтельству Георгіева и другихъ, живутъ въ сакляхъ, похожихъ на плетеные сараи, обмазанные глиной, въ которыхъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей, ни потолка, ни печей, гдѣ входъ и выходъ происходитъ чрезъ единственное отверстіе, ничѣмъ не закрываемое, и гдѣ единственное спасеніе отъ холода, во время зимы доходящаго до 12—15° мороза,—огонь раскладываемый въ очагѣ и поддерживаемый во всякое время дня и ночи. Врачъ Трипольскій [3]) описываетъ жилища *Аварцевъ* въ Дагестанѣ такимъ образомъ: «улицы въ аулахъ вездѣ узкія, извилистыя, мѣстами закрытыя верхними этажами въ родѣ тонелей и загроможенныя кучами камней и навоза, на которыхъ часто валяются и гніютъ павшія животныя. Ихъ заборы, образуемые большею частію наружными стѣнами сакель, всегда грязны и воняютъ, потому что облѣплены во многихъ мѣстахъ сырыми кизяками, для просушки послѣднихъ, и по нимъ же текутъ и засыхаютъ ручьи помоевъ и всякихъ нечистыхъ жидкостей, выливаемыхъ изъ верхнихъ жилищъ чрезъ нарочно продѣланныя для того отверстія —Сакли располагаются между собою весьма тѣсно; чаще онѣ громоздятся одна надъ другою въ видѣ террасъ (по горамъ) и вся грязь и нечисть, какая заводится на верху, попадаетъ внизъ гдѣ обыкновенно устроены темные, весьма смрадные сараи для скота, развивающіе непріятныя и нездоровыя испаренія, которыя въ свою очередь подымаются вверхъ, заражая воздухъ. Сакля складывается изъ мѣстнаго камня, т. е. изъ глинистаго или известковаго песчаника; цементъ при кладкѣ ихъ изъ той же глины и ею же обмазываютъ и бѣлятъ полы и стѣны внутри сакель и на балко

---

[1]) Hygiene et maladies des Paysans. Par. Alexandre Layet Paris. 1882 p. 40—48.

[2]) Layet l. c. p. 64—67.

[1]) Водовозова. Т. I. стр. 58.

[2]) Фонъ Декенъ: Путешествіе по Восточной Африкѣ. Рус. перев. 1870 г. стр. 108.

[3]) Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 11.

нахъ; слѣдовательно изъ такаго матеріала, который легко всасываетъ, напитывается и удерживаетъ въ себѣ влажность, сообщаемую дождемъ и снѣгомъ, тѣмъ болѣе что наружная сторона стѣнъ никогда не штукатурится и дождь прямо падаетъ на камни, изъ которыхъ онѣ сложены. Внутри саклей всегда полусвѣтъ, а во многихъ и того менѣе; потому что вмѣсто оконъ продѣланы только вверху стѣнъ небольшія вертикально-продольныя щели. Чаще однакожъ въ каждой саклѣ по одной двери и одному же, много по два окна весьма малыхъ размѣровъ и при томъ съ одной только стороны. Окна всегда безъ стеколъ, а въ случаѣ нужды прикрываются кое какими ставнями. Внутренность сакель загромождена разною домашнею рухлядью, висящими на жердяхъ и столбахъ бараньими шкурами, вяленою бараниною и бараньими же курдюками; а на полу по угламъ и подъ стѣнами—кучи зеренъ кукурузы, гороху, чечевицы, луку, чеснокъ, бурдюки (кожанные мѣшки) съ чершою нефтью, употребляемою нѣкоторыми для внутренняго освѣщенія и т. п. Печей въ домахъ собственно для отопленія нѣтъ, но для этого большею частію существуютъ посреди сакли небольшія ямы, въ которыхъ въ случаѣ надобности раскладывается огонь. Слѣдовательно холодъ, сырость, недостатокъ свѣта и чистоты воздуха—всегдашнія стихіи туземныхъ жилищъ, не заключающихъ въ себѣ самыхъ необходимыхъ условій для сохраненія и поддержанія человѣческаго здоровья».

Кто не знаетъ универсальнаго жилища *Монголовъ*—юрты (гыръ). Это шатеръ, состоящій изъ рѣшетчатаго деревяннаго остова, покрытаго войлокомъ. Это сооруженіе круглое, имѣетъ куполообразную крышу съ отверстіемъ для дыма и свѣта, закрываемымъ на ночь. Боковыя стѣны юрты имѣютъ вышину немного болѣе 5 футовъ. Входъ закрывается кускомъ висящаго войлока, имѣетъ около трехъ футовъ вышины и нѣсколько менѣе ширины, такъ что при входѣ въ юрту надо наклониться.

Фиг. 8. Киргизская кибитка.

Весь гыръ имѣетъ около 8 шаговъ въ поперечникѣ. Постелей у монголовъ нѣтъ; но они спятъ на одеждѣ и покрываются нѣсколькими одѣялами. Посредиѣ юрты горитъ костеръ (аргала), который на ночь гасятъ. Если ночи холодныя, то въ юрту, которая и безъ того тѣсна, помѣщаютъ еще ягнятъ [1]).

Совершенно по тому же образцу строятъ свои кибитки *Киргизы* и *Калмыки*. Описывая Калмыцкую кибитку, Нефедьевъ [2]) говоритъ, что лѣтомъ въ ней жарко и душно, а зимой морозъ иногда доходитъ до 25 и болѣе градусовъ. Когда ему приходилось писать въ такой кибиткѣ при сильномъ морозѣ, то онъ обыкновенно «ставилъ чернилицу близь пылающаго аргауна въ чашку съ горячею водою и разогрѣвъ чернила писалъ лежа возлѣ огня на коврѣ. Впрочемъ и тутъ омоченнымъ разъ въ чернилицѣ перомъ и согрѣвъ его и руки на огнѣ едва можно было успѣть написать одну букву: ибо чернила на перѣ мгновенно замерзали. Такимъ образомъ все писанное составляло въ прямомъ смыслѣ мерзлую прозу».

О *Бурятскихъ* жилищахъ Мичи [1]) даетъ такое понятіе: «вотъ стоитъ нѣсколько низкихъ, но довольно уютныхъ хижинъ, сплоченныхъ изъ бревенъ

[1]) Пржевальскій: Монголія и пр. 1875 г. Т. 1 стр: 34. Мичи Путешествіе по Амуру и пр. 1868 г. стр. 39.

[2]) Нефедьевъ: Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ. 1834 г. стр. 121.

[1]) Мичи: Путешествіе по Амуру и пр. 1868 S. стр 144 и 151.

и имѣющихъ шестиугольную форму. Мы вступаемъ въ домъ чрезъ низкія двери и находимся въ атмосферѣ густаго дыма, такъ что въ первое мгновеніе не въ состояніи различить окружающихъ насъ предметовъ. Но дымъ уходитъ въ четыреугольное отверстіе въ крышѣ и мы въ скоромъ времени можемъ обозрѣть настоящее бурятское семейство со всѣми его пожитками»... Посреди хижины виситъ надъ огнемъ желѣзный котелъ, по сторонамъ на лавкахъ лежатъ голые бурята, прикрытые оборванными овчинами, около матери увиваются голыя дѣти.

Орочены и *Манегры* живутъ въ конусообразныхъ легкой постройки юртахъ, деревянные шесты которыхъ покрываются сперва берестой, а потомъ сверхъ ея устилаются еще шкурами сѣверныхъ оленей [1]).

Лѣтнія юрты *Гольдовъ* обыкновенно устроиваются изъ березовой коры и ставятся неподалеку отъ берега. На зиму жилища переносятся на другое, болѣе удобное мѣсто для рыбной ловли, чаще всего на возвышенностяхъ за лѣтними юртами, подъ уступами и террасами, защищенными горами; строятся онѣ изъ глины, перемѣшанной съ сухою травою [2]).

Рис. 9. Лѣтняя Остятская юрта.

Въ подобномъ же родѣ устроиваются хижины *Дауровъ* и *Манджуровъ*.—[1])

Универсальное жилище Тангута (единоплеменники Тибетцевъ, — говоритъ Пржевальскій [2]),— составляетъ черная палатка сдѣланная изъ грубой и рѣдкой, какъ сито шерстяной ткани, приготовляемой изъ шерсти яковъ. Палатка прикрѣпляется палками по угламъ, а бока ея притягиваются на петляхъ къ землѣ; въ срединѣ почти плоской верхушки находится продольный разрѣзъ, шириною около фута, для выхода дыма; этотъ прорѣзъ закрывается во время дождя и на ночь. Внутри палатки, по срединѣ ея, сдѣланъ изъ глины очагъ, на сторонѣ противуположной входу стоятъ бух-

[1]) Мичи: ibid. стр. 221.
[2]) Пржевальскій l. c. стр. 261—262.

[1]) Мичи: ibid. стр. 219.
[2]) Мичи: ibid. стр. 220.

раны и сложенъ разный домашній скарбъ, а по бокамъ устроены логовища самихъ обитателей. Эти логовища часто состоятъ лишь изъ охапки хвороста, брошеннаго прямо на землю, размокшую въ грязь отъ дождя и сырости. Безъ преувеличенія можно сказать, что нора сурка, живущаго рядомъ съ Тангутомъ въ десятеро комфортабельнѣе обиталища этого человѣка. Тамъ по крайней мѣрѣ звѣрь имѣетъ мягкое логово, Тангутъ же въ своей грязной палаткѣ довольствуется для ночлега охабкою хвороста или гнилыми войлоками, набросанными на сырую, часто мокрую землю.

Жилища *Остяковъ* довольно рельефно изобразилъ еще Палласъ, поэтому мы приведемъ здѣсь цѣликомъ его краткое описаніе этихъ жилищъ. «Лѣтняя юрта (чумъ),—говоритъ онъ [1]),—немного для себя требуетъ. Какъ Остяки и Тунгузы вокругъ себя вездѣ довольно лѣсовъ имѣютъ, то нѣтъ никакой трудности достать шестовъ, кои они заставляютъ въ образѣ пирамиды; изъ большихъ берестяныхъ лоскутковъ вмѣстѣ сшитыхъ дѣлаютъ они крышку, коею поставленные помянутымъ образомъ шесты покрываютъ.—Для зимовьевъ выбираютъ Остяки обыкновенно высокіе берега рѣкъ и складываютъ

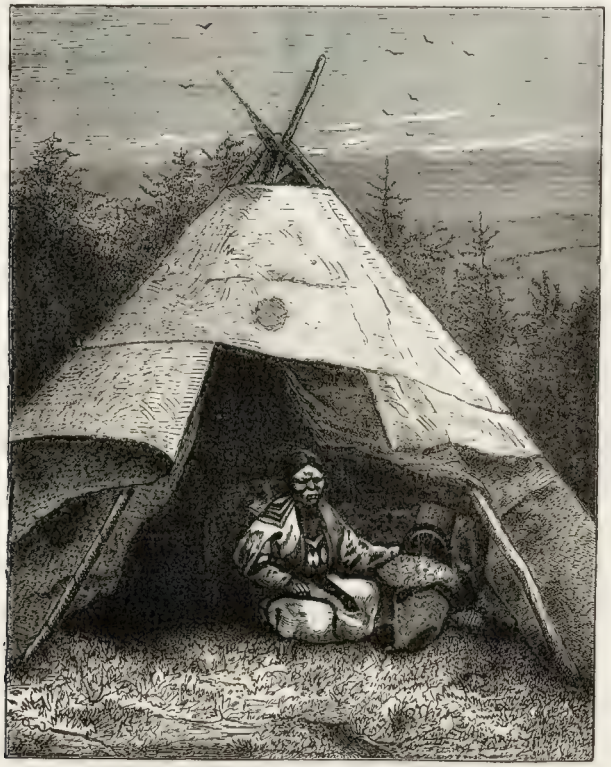


Рис. 10. Лѣтняя Тунгузская юрта.

изъ молодыхъ не толстыхъ деревъ настоящія четыреугольныя избы, русскимъ подобныя, но ниже и почти половина въ землѣ и безъ кровли, вмѣсто которой на верхъ накладываютъ земли, а посередь оставляютъ посредственной величины четверехъ угольную дыру, въ которую зимою для тепла и для свѣту вкладываютъ и замораживаютъ льдину. Въ такихъ юртахъ или зимовьяхъ живутъ многія семьи вмѣстѣ и потому внутренность оныхъ раздѣлена по стѣнѣ на столько конурокъ, сколько семей находится; какова бы узка ни была сія конура за множествомъ народу, однако въ ней должны умѣститься мать съ дѣтьми и со всѣмъ домовымъ припасомъ и при своемъ собственномъ огнѣ работать. Изъ сего можно заключить, какъ что лежитъ въ сихъ казармахъ и каковъ долженъ быть порядокъ? Обык-

[1]) Палласъ: Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. 1788 г. перев. Зуева, стр. 55—57.

новенно три, четыре и шесть семей живутъ въ одномъ домѣ, но ниже Березова есть юрты, гдѣ до тридцати такихъ хозяевъ живутъ вмѣстѣ. Матери сами сидятъ въ такой норѣ, а передъ норою висить люлька съ ребенкомъ.—Подростковъ сыпятъ на полу, подложа немного сѣна и оленью кожу; сверхъ того въ зимовьяхъ подъ нарами дѣлаютъ конуры для лучшихъ промышленныхъ собакъ, какъ и для щенныхъ.—Посредь юрты держатъ общій огонь, на которомъ каждый, когда захочетъ (ибо у нихъ обѣдовъ и ужиновъ не знаютъ) варитъ себѣ ѣсть. На томъ же огнѣ сушатъ рыбу, которую зимой поймаютъ. При всѣхъ сихъ нечистотахъ, отъ людей и собакъ причиняемыхъ, малые ребята также изъ юртъ для натуральныхъ нуждъ никогда не выходятъ и по совершеніи никто не вычищаетъ. Какому же должно быть духу, чаду, сырости?—Всякъ самъ въ себѣ разсудить можетъ.»—Современные этнографы въ своихъ отрывочныхъ очеркахъ жизни Остяковъ не далеко отступаютъ отъ этого обстоятельнаго, хотя и нѣсколько устарѣлаго, описанія Палласа.[1]) Благодаря такой житейской обстановкѣ Остяковъ, вся численность ихъ, по свѣдѣніямъ этнографовъ, и въ настоящее время не превосходитъ 25000 [2]).

Весьма сходное съ описаніемъ Остятскихъ юртъ капитанъ Кукъ дѣлаетъ описаніе Камчадальскихъ юртъ [3]).

Жилища *Якутовъ* бываютъ двухъ родовъ. Во время кочеванья лѣтомъ они живутъ въ лѣтнихъ палаткахъ изъ березовой коры, а зимою въ юртахъ, построенныхъ изъ тонкихъ жердей и снаружи покрытыхъ толстымъ слоемъ земли и дерна; юрты эти часто имѣютъ форму шестисторонніхъ пирамидъ. Два маленькія отверстія, закрытыя зимою кусками льда, а потомъ рыбьею шкурою или промасленною бумагою, освѣщаютъ тусклымъ свѣтомъ это жилье. У стѣнъ помѣщены сидѣнья изъ глины или изъ плетенокъ, служащія и мѣстомъ для спанья. Если юрту занимаютъ нѣсколько семействъ, то по числу ихъ она подраздѣляется легкими перегородками на отдѣлы. Посрединѣ, хотя нѣсколько ближе ко входу, помѣщается печь; по стѣнамъ висятъ оружіе, домашнія принадлежности и платье. На всемъ виденъ отпечатокъ нечистоты и безпорядка, весьма естественный при тѣхъ условіяхъ, при коихъ живутъ Якуты. Для коровъ они устраиваютъ подобныя же помѣщенія, но при большихъ морозахъ берутъ животныхъ и въ жилую юрту, размѣщая ихъ въ теплыхъ частяхъ ея.

Тунгусы живутъ въ урусахъ, имѣющихъ конусообразную форму, устроенныхъ изъ длинныхъ кольевъ,—обтянутыхъ снаружи оленьими шкурами. Несмотря на пылающій безпрестанно огонь, въ урусѣ бываетъ постоянный холодъ зимою, вслѣдствіе чего ночью всѣ спятъ не раздѣваясь, прикрываясь оленьими шкурами. [1])

Самоѣдскій чумъ, какъ извѣстно, дѣлается изъ лыка или коры, снятой длинными полосами, которыя по жердямъ, сведеннымъ вмѣстѣ на верху и раздвинутымъ внизу, спускаются до земли. Вверху этого чума находится отверстіе для дыма, съ бока другое входное отверстіе. «Войдите въ любой чумъ,—говоритъ Иславинъ, [2])—и всюду найдете вы одну и ту же сцену: посреди тлѣетъ огонекъ, по чуму стелется дымъ; мужчины съ сложенными на крестъ ногами, усѣвшись въ кружокъ, вперили въ огонь безмысленный взглядъ; тутъ же грѣются собаки и грязные и при самой сильной стужѣ голые ребятишки, а инка (жена Самоѣда) молча чинитъ малицу (родъ рубахи), сдѣланную изъ оленьей шкуры, шерстью къ тѣлу.» «Обыкновенно у Самоѣдовъ дѣтей бываетъ мало,—говоритъ Иславинъ,—[3]) потому что между ними велика смертность». При описанномъ образѣ жизни конечно, это и не мудрено.

Жилища *Чукчей* капитанъ Биллингъ [4]) описываетъ такимъ образомъ: «землянки служатъ сидячимъ Чукчамъ жилищемъ въ зимнее время. Онѣ походятъ на Алеутскія юрты, углублены до половины въ землю, сводъ надъ ними сдѣланъ изъ китовыхъ реберъ и жердей, покрытъ травою, дерномъ и засыпанъ землею. Входъ въ землянку сверху сквозь малое отверстіе, внутри ея довольно просторно, видъ имѣетъ продолговатаго четыреугольника, по сторонамъ сдѣланы небольшія возвышенія, на коихъ подъ пологами живутъ семьями Чукчи. Посрединѣ юрты ставятъ огонь изъ четырехъ большихъ камней и на ономъ разводятъ огонь для варенья только пищи. За неимѣніемъ дровъ жгутъ китовыя кости, поливая ихъ время отъ времени рыбьимъ жиромъ. Лѣтомъ жилище сидячихъ Чукчей есть ничто иное, какъ шалаши, поставленные сверхъ земли, сдѣланные изъ китовыхъ реберъ и жердей и покрытые кожами морскихъ звѣрей.»

Познакомимся теперь съ жилищами некультурныхъ народовъ остальныхъ частей свѣта. Пу-

---

[1]) См напр. Соколова: о болѣзняхъ, господствующихъ въ Березовскомъ краѣ между инородцами (Архивъ Судебн. Медиц. 1867 г. Кн. 2. стр. 6—7).

[2]) Проф. А. П. Богдановъ: пятое прибавленіе каталога краніологическаго собранія (Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естеств. и пр. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, стр. 408.

[3]) Леббокъ: Доисторическія времена и т. д. 1876 г. стр. 383.

[1]) Ѳ. И. Августиновичъ: О племенахъ населяющихъ Калымскій Округъ (Извѣстія Имп. Общ. Л. Е. А. и Э. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. Прилож. стр. 46.)

[2]) В. Ислявинъ: Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. 1847 г. стр. 27.

[3]) В. Ислявинъ; ibid. стр. 123.

[4]) Путешествіе Капитана Биллинга чрезъ Чукотскую землю отъ Беринагова пролива до Нижнеколымскаго Острова и пр. СПБ. 1811, стр. 5.

тешественники, описывая жилище *Феллаха* (простого народа въ Египтѣ), говорятъ что трудно представить себѣ что нибудь хуже этого жилища. Изъ Нильской грязи сложены четыре стѣны съ низкимъ отверстіемъ вмѣсто дверей; на стѣны положены вдоль и поперегъ жерди, а на нихъ—солома. Такой домъ строится въ нѣсколько дней. Сосѣди и друзья помогаютъ хозяину, а онъ долженъ ихъ за то поить и кормить, пока они лѣпятъ ему домъ. Подлѣ жилья складываютъ три стены съ крышею. Это сарай для скота. Внутренность хижины похожа на наружность. Полъ всегда земляной, покрытъ сложенными соломенными плетешками, въ одномъ его углу стоитъ глиняный сосудъ для воды, въ другомъ небольшой ящикъ для платья, сколоченный изъ досокъ или изъ пальмовыхъ прутьевъ. Передъ хижиной сложенъ изъ камней очагъ, замѣняющій печь. Вся семья Феллаха спитъ на полу. Испаренія отъ сырыхъ стѣнъ и пола чрезвычайно портятъ воздухъ и вносятъ въ нѣжный организмъ дѣтей зародышъ всѣхъ болѣзней. [1])

Описанія жилищъ многихъ дикихъ и полудикихъ народовъ талантливо изложены у разныхъ путешественниковъ; но чтобы не пестрить своей книги излишними цитатами, мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такихъ описаній изъ книги Леббока. [2])—

Хижины *Готтентотовъ* представляютъ собою овальную форму, отъ 10 до 14 футовъ въ поперечникѣ, а въ вышину рѣдко болѣе 4 или 5 футовъ. Дѣлаются онѣ изъ жердей и рогожъ. Жерди укрѣпляются въ землю обоими концами, а въ случаѣ недостаточной длины двѣ изъ нихъ связываются веревками. Одинъ конецъ хижины остается открытымъ и служитъ для выхода.

Хижины *Австралійцевъ*, видѣнныя капитаномъ Кукомъ близъ Ботанической бухты, были лишь на столько велики, что человѣкъ могъ въ нихъ сидѣть прямо, но печего было и думать, чтобы вытянуться въ нихъ во всю длину человѣческаго роста; по своей формѣ онѣ представляли сходство съ печью и были сдѣланы изъ прутьевъ, воткнутыхъ обоими концами въ землю, а сверху прикрытыхъ пальмовыми листьями и большими кусками коры. Далѣе къ сѣверу, гдѣ климатъ становится жарче, жилища сдѣланы еще менѣе солидно, такъ что едва-ли заслуживаютъ даже это названіе, будучи совершенно открыты съ одной стороны и служа лишь защитой отъ вѣтра.— Наконецъ обитатели мыса Левекъ на сѣверо-западномъ берегу Австраліи, по наблюденіямъ Дампье, вовсе не имѣли жилищъ.—

Жилища дикарей острова Фиджи продолговатой формы и имѣютъ въ длину отъ 20 до 30 футовъ, а въ вышину до 15. Строятся они обыкновенно изъ кокосоваго дерева и папоротниковъ и иногда бываютъ сложены весьма тщательно. Большей частью онѣ снабжены, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, входными галлереями отъ 3 до 4 футовъ вышиною и фута въ 4 ширины. Стѣны жилищъ дѣлаются изъ отдѣльныхъ столбовъ, переплетенныхъ прутьями, а крыша, обыкновенно крутая, изъ стеблей сахарнаго тростника, положенныхъ на стропила изъ пальмоваго дерева и перемежающихся съ листьями папоротника. Рогожа или циновка служитъ вмѣсто двери, а нѣсколько плоскихъ камней лежащихъ по срединѣ хижины, замѣняютъ очагъ.

Жилища *Маори* въ Новозеландіи имѣютъ отъ 18 до 20 футовъ въ длину, 8—10 въ ширину и 5—6 въ вышину. Стѣны дѣлаются изъ жердей, плотно прикрѣпленныхъ травою и сѣномъ. На одной сторонѣ находится дверь, на столько большая, что человѣкъ можетъ свободно пролѣзть въ нее на четверенкахъ. Другое отверстіе служитъ вмѣсто окна и для выхода дыма.

Таитяне жилищами пользуются главнымъ образомъ для спанья. Дѣлаются онѣ изъ дерева и имѣютъ обыкновенно около 24 футовъ въ длину, 11 въ ширину, 9 въ вышину. Стѣнъ въ нихъ нѣтъ, а существуетъ только одна крыша, приподнятая на столбахъ фута на 3 или 4 надъ землею. Мѣсто соломы въ этой крышѣ занимаютъ пальмовые листья, а полъ обыкновенно покрывается мягкимъ сѣномъ.

Жилища *Эскимосовъ* двоякаго рода. Лѣто они проводятъ въ палаткахъ или вигвамахъ, въ которыхъ за неимѣніемъ лѣса, какъ видѣлъ капитанъ Парри, остовъ былъ сдѣланъ изъ оленьихъ кожъ и костей, связанныхъ вмѣстѣ. Нижніе края кожъ (замѣнявшихъ парусину) удерживались помощію большихъ камней, которые часто были расположены большими кругами въ 8 — 9 футовъ въ діаметрѣ и отъ 4—5 футовъ въ вышину. Зимнія жилища строились въ болѣе южныхъ областяхъ изъ земли и выкидываемаго лѣса, который мѣстами встрѣчался въ изобиліи; но на сѣверѣ лѣсъ становится чрезвычайно рѣдкимъ. За неимѣніемъ лѣса жилища ихъ строятся (сѣверные берега Баффинова залива) изъ льда и снѣга. Способъ, которымъ Эскимосы устроиваютъ свои снѣжныя жилища—*иглусы* (igloos), подробно описанъ капитаномъ Парри. Они выбираютъ плотную глыбу снѣга и вырѣзаютъ изъ нея продолговатые брусики или плиты въ 6—7 дюймовъ толщины и около 2-хъ футовъ длиною. Изъ этихъ плитъ они складываютъ круглый куполъ, вышина котораго доходитъ иногда до 9—10 футовъ, при ширинѣ въ 8—15 футовъ въ основаніи. На южной сторонѣ купола прорѣзывается не-

[1]) Павловскій: Природа и Люди. 1866 г. Изд. второе, стр. 105.

[2]) Леббокъ: Доисторическія времена и пр. съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей. Перев. съ Англ. подъ редакціей Д. Н. Анучина. 1876 г.

большая дверь, не болѣе трехъ футовъ въ вышину, ведущая въ небольшой корридоръ, около 10 футовъ длиною и посрединѣ котораго находится порогъ, вслѣдствіе чего половина, ближайшая къ жилью, лежитъ глубже, нежели наружная. Для прохода свѣта, на одной сторонѣ свода прорѣзывается круглая дыра, въ которую вставляется круглая пластинка льда, около 3—4 дюймовъ толщиною и около 2 футовъ въ діаметрѣ. Если въ одной хижинѣ расчитываютъ жить нѣсколько семействъ, то придѣлываются еще боковыя помѣщенія, которыя и открываются всѣ въ центральную хижину. Въ заключеніе вся постройка заваливается снаружи снѣгомъ и тогда вся капитальная работа считается оконченною. Затѣмъ остается только устроить внутри жилища, вдоль стѣнъ, скамейки изъ снѣга, служащія для спанья и сидѣнья. На нихъ насыпается сперва гравій, потомъ кладутся жерди, китовый усъ, древесныя вѣтви и т. д. и наконецъ нѣсколько рядовъ оленьихъ шкуръ, образующихъ мягкое и роскошное ложе. Постояннаго общаго очага у Эскимосовъ нѣтъ, но каждое семейство имѣетъ свою лампу или плоскій сосудъ, сдѣланный обыкновенно изъ lapis Maris и въ которомъ жгутъ свѣтильню, сплетенную изъ сухаго мха и пропитанную тюленьимъ жиромъ. Обыкновенная температура этихъ жилищъ не въ состояніи расплавить снѣгъ и ледъ, такъ какъ она обыкновенно поддерживается ниже точки замерзанія. Отъ недостатка вентиляціи и скопленія множества нечистотъ, внутренность хижины издаетъ невыносимый запахъ, чему не мало способствуютъ хранящіеся почти въ каждой хижинѣ запасы сыраго и полугнившаго моржеваго мяса. При всемъ этомъ весной крыша Эскимоскихъ жилищъ начинаетъ таять и это причиняетъ вновь чрезвычайно много вреда ихъ здоровью, пока они не переберутся въ свои лѣтнія палатки.

Хижины или вигвамы *съверо-американскихъ Индѣйцевъ* бываютъ двухъ родовъ—лѣтнія и зимнія. Зимній вигвамъ *Докотовъ* такимъ образомъ описывается Скулькрефтомъ: «для постройки такого вигвама нужно только срубить нѣсколько молодыхъ деревьевъ, футовъ въ 15 длиною, воткнуть ихъ толстыми концами въ землю въ видѣ круга, а тонкими соединить вверху въ формѣ конуса. Затѣмъ берутся нѣсколько буйволовыхъ шкуръ, сшиваются вмѣстѣ въ видѣ шапки и надѣваются на остовъ, укрѣпляясь помощью нѣсколькихъ колышковъ. Огонь разводится прямо на землѣ, посрединѣ вигвама, а дымъ проходитъ чрезъ отверстіе, сдѣланное вверху. Другаго рода жилища дѣлаются изъ коры и, обыкновенно, изъ коры вяза». — Хижины *Маноанов*, *Минетаріевъ* и другихъ круглой формы и имѣютъ въ поперечникѣ 40 — 60 футовъ. Земля въ нихъ снимается фута на 2 глубины, а остовъ дѣлается изъ толстыхъ кольевъ, плотно прикрѣпленныхъ ивовыми вѣтвями, только посрединѣ оставляющими отверстіе для прохожденія дыма и свѣта. На этотъ деревянный остовъ кладутъ толстый слой земли, а на него еще слой твердой глины, которая дѣлаетъ жилище непроницаемымъ для воды, а съ теченіемъ времени становится на столько твердою, что крыша такихъ жилищъ можетъ служить въ хорошую погоду любимымъ мѣстомъ отдыха туземцевъ. Описывая Индійцевъ пролива Нутка, Кукъ говоритъ, что «нечистота и вонь ихъ жилищъ по крайней мѣрѣ соотвѣтствовали ихъ безпорядку, потому что они имѣли обыкновеніе потрошить и коптить рыбу въ самыхъ жилищахъ, да тутъ же бросали еще кости, остатки отъ обѣда и прочіе отбросы, которые, полагать надо, только тогда удалялись, когда уже начинали значительно затруднять движеніе по хижинѣ. Однимъ словомъ, ихъ хижины болѣе походили на свиной хлѣвъ, чѣмъ на человѣческое жилище, и всѣ предметы на нихъ и около были насквозь пропитаны запахомъ рыбы, ворвани и дыма.» — Индійцы Колумбіи выкапываютъ въ землѣ круглыя ямы, отъ 10 до 12 футовъ глубины и отъ 40 до 50 футовъ въ окружности, и устраиваютъ надъ ними крышу изъ сплавнаго лѣса и глины. Съ одной стороны оставляется отверстіе, долженствующее служить дверью, и въ него вставляется бревно съ зарубками, замѣняющее лѣстницу. Зимуютъ въ такихъ землянкахъ обыкновенно по 12—15 человѣкъ, которые имѣютъ мало надобности въ огнѣ, такъ какъ они ѣдятъ свою семгу большею частью въ сыромъ видѣ, а помѣщеніе нагрѣвается уже достаточно само собою, вслѣдствіе скопленія народа и отсутствія вентиляціи. Лѣтомъ они живутъ въ шалашахъ изъ кольевъ, обтянутыхъ циновками.

Хижины Индійцевъ Парагвая, если имъ только можно дать это названіе, по описанію путешественниковъ были очень просты. Они срѣзывали двѣ или четыре длинныхъ вѣтви, втыкали ихъ обоими концами въ землю и навѣшивали на нихъ коровью шкуру.

Хижины или «тольдосъ» Патагонцевъ прямоугольной формы и имѣютъ въ длину отъ 8 до 12 футовъ, при 10 футахъ глубины и 7 вышины. Остовъ постройки состоитъ изъ воткнутыхъ въ землю кольевъ, вилообразныя верхушки которыхъ поддерживаютъ поперечные колья, на которыхъ укрѣплены стропила, а на нихъ кровля, составленная изъ сшитыхъ между собою кожъ и довольно хорошо защищающая отъ вѣтра и непогоды. Эти колья и стропила, добываемыя не особенно легко, переносятся ими съ мѣста на мѣсто во всѣхъ перекочевкахъ. Достигнувъ назначеннаго пункта и выбравъ мѣсто, защищенное отъ вѣтра, они выкапываютъ съ помощію заостренныхъ кольевъ ямки и вста-

вляютъ въ нихъ колья остова, а такъ какъ вся остальная часть жилища всегда готова, то для возведенія постройки нужно весьма непродолжительное время.

Полагаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, въ какомъ жалкомъ помѣщеніи въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится ребенку начинать и продолжать свое физическое развитіе; какъ мало это помѣщеніе отличается иногда отъ убѣжища нѣкоторыхъ животныхъ, напр. Чимпанзе, жилище котораго, по описанію путешественниковъ, весьма похоже на жилище нѣкоторыхъ дикарей, и какъ вообще въ этомъ отношеніи всюду еще мало сдѣлано для надлежащихъ и дѣйствительныхъ успѣховъ въ физическомъ развитіи того же ребенка.

ГЛАВА VI.

УХОДЪ ЗА КОЖЕЙ ДѢТЕЙ У НѢКОТОРЫХЪ НАРОДОВЪ.

Физіологическое значеніе кожи.—Особенности ея племенныя и въ зависимости отъ образа жизни: цвѣтъ, запахъ и пр.—Примѣры выносливости кожи нѣкоторыхъ номадовъ.—Параллельные примѣры изъ царства животныхъ. Недостатокъ антропологическихъ наблюденій относительно особенностей кожи.—Разнообразіе способовъ въ уходѣ за кожей дѣтей.—Пренебреженіе внѣшнею чистотою тѣла.—Вытираніе и обертываніе тѣла дѣтей разными веществами.—Обсыпаніе изсушающими порошками. Способы Готтентотскій и Бурятскій. Натираніе тѣла жирными веществами.—Посыпаніе и натираніе новорожденнаго солью.—Карбованіе.

Кожа составляетъ весьма важную часть нашего тѣла. По своему физіологическому значенію она есть, вопервыхъ, одинъ изъ главнѣйшихъ естественныхъ органовъ нашей защиты отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній; во вторыхъ, она есть обширный дыхательный аппаратъ, значительно помогающій легкимъ въ ихъ главной функціи; въ третьихъ, она есть органъ выдѣленія многихъ желѣзъ, залегающихъ въ ея толщѣ, потовыхъ, сальныхъ и т. п.; въ четвертыхъ, она есть обширный органъ чувства осязанія, органъ проведенія громаднаго количества внѣшнихъ впечатлѣній на системы и органы внутренніе и тѣмъ обусловливающій и значительно измѣняющій ихъ функціи. Отсюда видна вся важность ухода за кожей и то зло, которое, наоборотъ, можетъ произойти отъ небрежнаго и неправильнаго отношенія къ этому уходу. Отсюда же видна вся важность и тѣхъ вліяній, которымъ подвергается кожа у разныхъ народовъ при различныхъ условіяхъ ихъ жизни, климата, пищи, одежды и т. п. Подъ вліяніемъ такихъ условій кожные покровы человѣка въ самомъ дѣлѣ могутъ значительно отличаться своими свойствами во многихъ отношеніяхъ. Такъ цвѣтъ кожи сильно разнится у нѣкоторыхъ расъ и племенъ, напримѣръ, бѣлый цвѣтъ кожи европейцевъ, черный — африканскихъ народовъ, мѣдно-красный—американскихъ индійцевъ и т. д. У многихъ народовъ, подъ вліяніемъ условій ихъ быта и пищи, развивается въ кожѣ какой-то особенный, какъ бы имъ именно свойственный запахъ. Кому неизвѣстенъ, напр., непріятный, чесночный запахъ, присущій кожѣ евреевъ? Путешественники разсказываютъ, что Остяки крайне неопрятны въ своихъ жилищахъ и вонь сопровождаетъ каждаго изъ нихъ всюду, такъ что съ закрытыми глазами можно узнать, съ какой стороны идетъ Остякъ. [1]) Изъ записокъ другихъ путешественниковъ мы знаемъ также насчетъ противнаго, совершенно особеннаго запаха сѣверо-американскихъ Индійцевъ, [2]) Кяхтинскихъ Китайцевъ [3]), Кафровъ, Негровъ [4]) и многихъ другихъ, дикихъ и полудикихъ народовъ.

Другія свойства кожи нерѣдко имѣютъ также большую разницу въ отношеніяхъ анатомическомъ, физіологическомъ и патологическомъ. Антропологамъ, напр., извѣстенъ фактъ, что кожа негровъ гораздо грубѣе, нежели европейцевъ, что на ощупь она всегда холодна, бархатиста и т. д. Такая кожа доставляетъ негру несравненно большую защиту отъ лучей солнца, нежели европейцу и именно, непроизводя на ней пузырей даже при продолжительномъ пребываніи подъ солнцемъ при 30° R. [5]) Гардинеръ говоритъ о племени Зулу, что они «настоящія саламандры», что они преспокойно поправляютъ голыми ногами горящіе прутья и погружаютъ руки въ кипящее содержимое котловъ, въ которыхъ варится пища. [6])—Докторъ Н. Л. Зе-

[1]) Проф. А. П. Богдановъ: Пятое продолженіе каталога краніологическаго собранія. (Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естеств. Антроп. и Этногр. Антропологическая Выставка. 1879 г. Т. II. стр. 409.

[2]) M-r Jameson. Winterstudies and Sommer Rables in Canada.

[3]) Erman—Reise am die Erde. II. 145.

[4]) Антропологія Топинара. Перев. Мечникова. 1879 г. стр. 178.

[5]) Antropologie der Naturvölker von Waitz—Gerland. T. I. S. 113.

[6]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Русс. перев. 1877 г. Т. I. стр. 53.

ландъ [1]) свидѣтельствуетъ, что у Гиляковъ кожное осязаніе положительно тупѣе, чѣмъ у европейцевъ, вслѣдствіе чего физическую боль они переносятъ съ большимъ равнодушіемъ. — Кому неизвѣстенъ фактъ, что сѣверныя племена переносятъ иногда невообразимый холодъ при относительно недостаточной одеждѣ. В. Ислявинъ,[2]) напр. говоритъ, что «Самоѣдъ, взросшій въ суровомъ климатѣ, такъ сроднился съ стужей и ураганами, что лучше сноситъ самый сильный морозъ, чѣмъ комнатную теплоту, и мнѣ случалось, прибавляетъ онъ, ночуя иногда въ довольно холодныхъ избахъ, и не иначе какъ въ оленьей шубѣ, видѣть, какъ вожатые мои Самоѣды, одинъ за другимъ, выходя изъ избы, оставались на дворѣ и проводили ночь, кто скорчившись на саночкахъ, а кто просто развалившись на снѣгу. Только тѣ Самоѣды, которые находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими и съ молоду привыкли къ избамъ, не ощущаютъ той тягости, которую ощущаютъ тундреные жители, и даже, по примѣру Русскихъ, ходятъ въ баню, на что коренной Самоѣдъ никогда бы не могъ рѣшиться».—Якуты, прозванные ради ихъ способности къ перенесенію холода «желѣзными людьми», иной разъ спятъ въ своей суровой странѣ прямо подъ открытымъ небомъ, едва покрытые кое-какой одеженкой, подъ толстымъ слоемъ инея, осѣвшаго на поверхности ихъ тѣла [3]). — Въ доказательство выносливости кожи, привыкшей съ молода обходиться безъ одежды, г. Бентовскій [4]) изъ Ставрополя представляетъ нѣсколько оригинальныхъ примѣровъ касающихся Калмыковъ, кочующихъ въ означенной губерніи: «однажды,—говоритъ онъ,—въ глубокую и холодную осень мнѣ пришлось проѣздомъ остановиться въ хотонѣ кормить лошадей. Вошедши въ кибитку бѣднаго Калмыка, я увидѣлъ 4-хъ лѣтняго мальчика, совершенно голаго, грѣвшагося у огня. О бѣдности хозяина свидѣтельствовали и вѣтхая кибитка, и находящаяся въ ней рухлядь. На обратномъ пути я нарочно заѣхалъ къ этому Калмыку и подарилъ ему ситца на рубаху для мальчугана. Вскорѣ мнѣ опять случилось кормить лошадей въ этомъ хотонѣ и я опять, вошедши въ знакомую кибитку, увидѣлъ того же мальчугана по прежнему голаго. Тогда я спросилъ мать: почему онъ безъ рубашки? Та отвѣчала: я ему сшила рубашку и надѣла; онъ въ тотъ же день ее порвалъ, — говоритъ, что въ рубашкѣ ему холоднѣе. Другой случай: проѣзжая калмыцкой степью по незнакомой дорогѣ, я, изъ предосторожности, чтобы незаблудиться, взялъ проводникомъ Калмыка, молодаго парня лѣтъ 22-хъ. Это было въ первыхъ числахъ марта. Снѣгъ уже сошелъ, но по ночамъ было еще очень свѣжо. Желая доѣхать на ночлегъ до одного хутора, я пріопоздалъ; между тѣмъ небо заволокло сплошными тучами, начался громъ и молнія и полился дождь, какъ изъ ведра, и сдѣлалась ночь «тюрьмы темнѣе». Мы ѣхали больше часа подъ страшнымъ ливнемъ, потеряли дорогу и окончательно заблудились. Я рѣшился остановиться среди степи и заночевать. Кучеръ распрегъ лошадей и привязалъ къ оглоблямъ. Я остался въ тарантасѣ, закутавшись фартукомъ и зонтомъ; кучеръ, укутавшись буркою, остался на козлахъ, а калмыкъ, раздѣвшись донага, всю свою одежду спряталъ у меня подъ фартукъ, а самъ легъ подъ тарантасъ. Ливень продолжался до полуночи, а съ мелкимъ дождемъ до разсвѣта. Мнѣ слышно было, какъ калмыкъ ворочался въ водѣ, подъ тарантасомъ, дрожалъ и стучалъ зубами и я сталъ серьезно бояться за могущія случиться съ нимъ послѣдствія. Я приглашалъ его къ себѣ въ тарантасъ, но калмыкъ не соглашался. Наконецъ, когда заря начала заниматься, калмыкъ вылезъ изъ подъ тарантаса, одѣлся въ сухую одежду и послѣ добраго стакана водки совершенно согрѣлся, повеселѣлъ и увѣрялъ меня, что если бы онъ не раздѣлся, то одежда его была бы мокрая и онъ могъ бы простудиться».—Такова система калмыцкаго воспитанія и логика. — Продолжая обращать вниманіе на особенности кожи у Калмыковъ и Ногайцевъ Ставропольской губерніи, подъ вліяніемъ суроваго ухода за ней, г. Бентовскій говоритъ: «кожа номадовъ подъ вліяніемъ такого воспитанія принимаетъ свойство болѣе крѣпкое, чѣмъ наша, особенно въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя у насъ всегда закрыты одеждою. У нихъ же, и на такихъ же частяхъ, трудно вызвать ударами синебагровые подтеки. Однажды, во время нашей службы въ должности начальника станицы, старый калмыкъ жаловался намъ, что его родной сынъ, въ пьяномъ видѣ, избилъ его сильно уминою (длинный дрючекъ молодаго орѣшника, полтора дюйма въ діаметрѣ) и притомъ принесъ унину, переломленную на три части и привелъ свидѣтелей. И что-же? На обнаженной спинѣ, по указанію старика, я не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ побоевъ, хотя свидѣтели показывали, что удары уминою были нанесены именно по спинѣ. При этомъ я замѣтилъ, что загорѣлая спина калмыка блестѣла, какъ будто смазанная масломъ, и поры на ней были до того рѣдки, что ихъ можно было сосчитать». Не мало подобныхъ примѣровъ замѣчательной выносливости кожи у разныхъ номадовъ представляютъ и другіе путешественники и бытописатели. Во всѣхъ этихъ случаяхъ свойства кожи конечно находятся въ тѣсной связи съ тѣми или другими анатомическими особенностями ея, которыхъ однако,

[1]) Медиц. Вѣстн. 1882 г. № 6.

[2]) В. И. Славин. Самоѣды въ домашнемъ быту 1847 г. стр. 28.

[3]) Г. Спенсеръ. ibid. стр. 52.

[4]) Ставроп. Губ. Вѣд. 1879 г. № 9.

къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ еще не въ состояніи указать съ достаточною очевидностію, по недостатку желаемыхъ данныхъ. Между тѣмъ въ той же мысли насъ убѣждаютъ также нѣкоторыя, хотя и отрывочныя наблюденія изъ царства животныхъ. «Несомнѣнно, говоритъ Дарвинъ, [1])— что климатъ производитъ непосредственное вліяніе на толщину кожи и на шерсть: такъ Рулень утверждаетъ, что шкуры одичалаго скота въ знойныхъ льяносахъ всегда гораздо тоньше, нежели у скота, живущаго на плоской возвышенности Боготы, а что эти послѣднія уступаютъ по толщинѣ кожи и густотѣ шерсти шкурамъ скота одичалаго на возвышенностяхъ Парамосъ. Тоже различіе замѣчено въ шкурахъ скота, разводимаго на холодныхъ Фалклендскихъ островахъ и въ умѣренныхъ Пампасахъ. Лоу замѣтилъ, что скотъ, живущій въ болѣе сырыхъ частяхъ Англіи, имѣетъ болѣе длинную шерсть и толстую шкуру, нежели у другаго англійскаго скота, а шерсть и рога находятся между собою въ такой тѣсной связи, что они склонны измѣняться вмѣстѣ; такимъ образомъ климатъ можетъ, хотя бы при посредствѣ кожи, вліять на величину и форму роговъ».—По новости антропологическаго направленія въ наукѣ, послѣдняя конечно можетъ пока лишь только собирать свѣдѣнія о сравнительныхъ особенностяхъ кожи человѣка въ зависимости отъ разныхъ условій его жизни; но пока она еще далека отъ того, чтобы выяснить разныя степени этихъ особенностей у разныхъ народовъ, равно какъ и условія, вызывающія таковыя особенности. Поэтому же и въ своемъ изслѣдованіи, касаясь того же предмета, мы не имѣемъ въ виду представлять какихъ либо опредѣленныхъ выводовъ изъ своего труда, а наоборотъ позволяемъ себѣ познакомить читателей лишь съ тѣмъ матеріаломъ, который намъ удалось собрать по отношенію къ разсматриваемому предмету и который, можетъ быть, только при дальнѣйшей разработкѣ его принесетъ дѣйствительно плодотворные результаты.

Правильный уходъ за кожей выражается главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: въ соблюденіи опрятности и соотвѣтственномъ охраненіи ея отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній, иначе говоря, въ надлежащемъ очищеніи и омовеніи ея, совершаемыхъ при извѣстныхъ условіяхъ и въ надлежащемъ одѣяніи, соотвѣтствующемъ даннымъ обстоятельствамъ. Къ этимъ двумъ видамъ ухода за кожей иногда присоединяются еще нѣкоторые другіе, употребляемые, напр., для достиженія большей или меньшей крѣпости тѣла, огрубенія, нѣжности кожи и другихъ цѣлей культурнаго и косметическаго ухода за ней. Подробному разсмотрѣнію всѣхъ пріемовъ ухода за кожей дѣтей у разныхъ народовъ въ означенныхъ направленіяхъ мы посвящаемъ ниже нѣсколько главъ; но для излагаемой главы мы намѣтили лишь нѣсколько пріемовъ, наиболѣе оригинальныхъ, замѣчательныхъ по своей неприглядности и отступленію отъ разумнаго ухода за кожей, къ описанію *которыхъ теперь и перейдемъ*..

Полное пренебреженіе чистотою тѣла. Съ перваго момента появленія ребенка на свѣтъ почти всѣ народы стараются, тѣми или другими способами, очистить кожную поверхность новорожденнаго отъ разныхъ нечистотъ, которыя остались на тѣлѣ его со времени утробной жизни или случайно пристали къ нему во время акта рожденія. Однако есть народы, которые дѣлаютъ исключеніе изъ этого общераспространеннаго обычая. Такъ, въ Персидской провинціи, *Гилянъ*, на берегу Каспійскаго моря, оставляютъ новорожденнаго безъ всякой заботы о чистотѣ тѣла, а затѣмъ и впослѣдствіи никогда не моютъ его. *Феллахи* въ Египтѣ при безусловной нечистотѣ, въ которой они держатъ своихъ дѣтей, не моютъ ихъ до 3-хъ лѣтъ изъ предубѣжденія [1]). По свидѣтельству Layet'a [2]), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Европы* появленіе импетигинозныхъ струпьевъ на головѣ дѣтей считается за что-то необходимое и потому уничтоженіе ихъ, не смотря на громадныя разстройства, причиняемыя ими кожѣ, и не смотря на развитіе въ нихъ массы насѣкомыхъ, считается предосудительнымъ, такъ какъ, по понятію простонародья, струпья эти вытягиваютъ дурную кровь изъ организма. Въ предѣлахъ Россіи большею неряшливостію относительно чистоты тѣла отличаются *Евреи*, которые, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго края не моютъ своихъ новорожденныхъ по нѣскольку дней отъ рожденія, приводя въ свое оправданіе различные предразсудки. У *Дагестанскихъ горцевъ*, по свидѣтельству Львова,— лице, руки и ноги дѣтей, не говоря уже о тѣлѣ, въ продолженіи всего зимняго времени никогда не моются и покрыты толстымъ слоемъ грязи и сажи. Кожа на нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растрескалась до красна. При прикосновеніи къ тѣлу дѣтей чувствуется шероховатость, непріятно поражающая осязаніе; на видъ она представляется покрытою маленькими бугорками, какіе бываютъ на кожѣ ощипаннаго гуся. Между этими бугорками нерѣдко красуется чесоточная сыпь. Головы ихъ, несмотря на частое бритье, почти всегда покрыты сплошь паршами.

Волжскіе *Калмыки*,—по свидѣтельству Нефедьева, [3])—вообще никогда не моютъ своихъ дѣтей и

[1]) Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. Перев. Ковалевскаго. 1868 г. Т. I. стр. 96.

[1]) Ploss. B. II. S. 4.

[2]) A. Layet. l. c. p. 400.

[3]) Нефедьевъ: Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ. 1834 г. стр. 119—120, 189—191.

не стригутъ ихъ волосъ и потому легко себѣ представить жалкую наружность малютокъ, которыхъ только даръ слова отличаетъ отъ животныхъ. Неопрятность въ калмыцкомъ народѣ возбуждаетъ удивленіе. Не зная омовеній, калмыки дѣлаются всевозможными жертвами насѣкомыхъ, которыя, благодаря предразсудкамъ о переселеніи душъ, пользуются совершенною неприкосновенностію къ ихъ жизни. Калмыкъ, поймавши насѣкомое, не только не убиваетъ, но открыто кладетъ его возлѣ себя на полъ.

Въ томъ-же родѣ о неряшливости всѣхъ вообще монголовъ свидѣтельствуетъ Пржевальскій: въ обыкновенной жизни монголовъ,—говоритъ онъ,—путешественнику, прежде всего бросается въ глаза ихъ страшная нечистоплотность. Въ теченіи всей жизни номадъ ни разу не моетъ свое тѣло, очень рѣдко, и то какъ исключеніе, нѣкоторые изъ нихъ умываютъ кой-когда лице или руки. Отъ постоянной грязи одежда кочевниковъ кишитъ тучами паразитовъ, которыхъ они истребляютъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. Постоянно случается видѣть, какъ монголъ, иногда даже чиновникъ или знатный лама, въ кругу большаго общества, разворачиваетъ свою шубу или халатъ, ловитъ назойливое насѣкомое и тутъ-же казнитъ его на переднихъ зубахъ.—Нечистоплотность и грязь, въ которой живутъ номады, обусловливается отчасти ихъ отвращеніемъ, даже боязнію воды или сырости, не говоря уже про то, что номадъ, ни за что въ свѣтѣ, не перейдетъ пѣшкомъ чрезъ самую ничтожную лужу, гдѣ едва можно замочить ноги, онъ, самымъ старательнымъ образомъ избѣгаетъ ставить свою юрту близко сыраго мѣста, напр., ключа, ручья или болота. Сырость на него дѣйствуетъ такъ же пагубно, какъ и на верблюда, что конечно объясняется привычкою организма жить постоянно въ сухомъ климатѣ. Монголъ даже никогда не пьетъ сырой, холодной воды, но всегда замѣняетъ ее кирпичнымъ чаемъ, составляющимъ въ то-же время универсальную пищу номадовъ» [1]).

Какъ примѣръ поразительно своеобразнаго отношенія нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ къ опрятности своего тѣла и затѣмъ къ кожнымъ насѣкомымъ, Миддендорфъ разсказываетъ слѣдующее: «кромѣ обычной татуировки у *Асинскихъ Самоѣдовъ*, говоритъ онъ [2]), встрѣчается еще татуировка въ видѣ кровавыхъ точекъ, благодаря безчисленнымъ обитателямъ ихъ одежды, съ которыми они тщетно борются. Къ точкамъ присоединяются рубцы, образующіеся отъ расчесыванія тѣла. Это страданіе заставило ихъ обзавестись особымъ инструментомъ въ видѣ тонкаго обрѣзка изъ рога сѣвернаго оленя, конецъ котораго передъ огнемъ согнутъ подъ прямымъ угломъ и ремнями удерживается въ этомъ положеніи. Чтобы объяснить значеніе этой скребницы, я долженъ возвратиться къ неподражаемо забавному описанію Стеллера (Beschreibung des Landes Kamtschatka. 1774 г. стр. 199). Сообщивъ очень интересныя замѣтки о «пожираніи и щелканіи», онъ продолжаетъ: если же они (Ительмяны) хотятъ вполнѣ ублажить себя, то они снимаютъ куклянку, садятся голыми передъ огнемъ, берутъ веревку, сплетенную изъ сухихъ корней Alsines marinae postulacaefoliae, водятъ ее обѣими руками по спинѣ и отъ удовольствія дѣлаютъ умильнѣйшія физіономіи. Докторъ Васильевъ [1]) разсказываетъ о *Гиляхъ* слѣдующее: «у каждаго Гиляка можно встрѣтить безчисленное множество головныхъ и платяныхъ вшей; но Гиляки не стараются избавиться отъ нихъ; по ихъ обычаю, они не должны даже ихъ убивать и бросать; они просто ѣдятъ ихъ, грызутъ какъ орѣхи. Цвѣтъ вшей совершенно бѣлый; онѣ очень мелки, являются исключительно на головѣ и въ такомъ большомъ количествѣ, что не бываетъ видно и волосъ; Гиляки не могутъ брить волосъ;—вычесать же гребнемъ всѣхъ вшей невозможно, такъ какъ онѣ на другой же день являются въ безчисленномъ множествѣ». Случаи такой необыкновенной вшивости д-ръ Васильевъ наблюдалъ и на молодыхъ субъектахъ.

Монголо-буряты Тункинскаго вѣдомства Иркутской губерніи, по свидѣтельству д-ра Эліашевича, моютъ новорожденнаго, какъ увидимъ ниже, въ особомъ соляномъ растворѣ только въ теченіи первой недѣли жизни, и тѣмъ заканчивается весь уходъ за кожей младенцевъ; а потому послѣдняя у значительнаго большинства дѣтей бываетъ покрыта всевозможными сыпями. Кромѣ того съ 5—6 лѣтняго возраста мальчики этихъ Бурятъ начинаютъ отращивать и заплетать себѣ косу, собирая волосы на макушкѣ и обстригая кругомъ ея; съ этого времени коса уже весьма рѣдко расплетается, а голова никогда не моется и потому понятно, въ какой опрятности содержится послѣдняя.

Вытираніе и возобновляемыя обертыванія дѣтей. Нѣкоторые народы для очищенія тѣла новорожденнаго и соблюденія чистоты его въ дальнѣйшихъ возрастахъ употребляютъ самые разнообразные способы. Такъ напр. въ *Кабиліи* вмѣсто мытья новорожденныхъ, тщательно вытираютъ члены ихъ. Въ *Ново-Зеландіи Маори* не моютъ дѣтей своихъ

[1]) Н. Пржевальскій: Монголія и страна Тангутовъ. 1875. Т. I. стр. 35.

[2]) Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири А. Миддендорфа. Ч. II. отд. IV. 1878. стр. 684.

[1]) Поѣздка на островъ Сахалинъ д-ра Васильева (Архивъ судебной медицины 1870 г. кн. 2.)

до отпаденія пуповины, а до того времени тщательно и до суха вытираютъ ихъ шерстью opossum'a или пеленками [1]). *Евреи* Августскаго уѣзда Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Варига, большею частію совсѣмъ не моютъ новорожденныхъ, а пеленаютъ ихъ въ чистыя тряпки, которыя смѣняютъ по 3—4 раза въ сутки, увѣряя, что этого достаточно для чистоты и опрятности тѣла.—*Остяки* и *Самоѣды*, живущіе у Ледовитаго моря,—по свидѣтельству Бѣлявскаго [2]), — еще не обмытаго новорожденнаго кладутъ въ корзину, набитую либо пухомъ, либо пушистой травой, либо толченымъ гнилымъ деревомъ; изъ этой корзинки за неимѣніемъ бѣлья дѣтей не вынимаютъ, а только вытаскиваютъ изъ подъ нихъ по временамъ верхній слой подстилки, что продолжается до тѣхъ поръ, пока дитя не дойдетъ до самого дна корзинки;—тогда его вынимаютъ и снова, набивъ корзинку упомянутой подстилкой, кладутъ его опять въ оную. Инородцы эти и взрослыхъ дѣтей никогда не моютъ.

Обсыпаніе изсушающими порошками. Индійцы въ *Rio-Колоредо* сѣверной Америки вмѣсто перваго мытья посыпаютъ ребенка сухимъ пескомъ [3]). Негритянки въ *Ольдкалабрѣ* посыпаютъ новорожденнаго мелкимъ пескомъ передъ купаньемъ [4]). Въ Патагоніи вскорѣ послѣ рожденія натираютъ ребенка влажнымъ гипсомъ [5]). Въ *Даргинскомъ* округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южнаго *Дагестана*,—по свидѣтельству М. Бахтамова,—обыкновенно сначала обливаютъ новорожденнаго крѣпкою разсолью, потомъ моютъ въ теплой водѣ и натираютъ масломъ. Но если ребенокъ родится лѣтомъ, то ежедневное натираніе его масломъ чередуется смазываніемъ тѣла бѣлою глиною, разводимою въ теплой водѣ. Эта глина—родъ мѣла, называется здѣсь *цуа—анажи*, т. е. бѣлая глина, и употребляется вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы тѣло новорожденнаго не подвергалось прѣнію, а по понятію туземцевъ, для приданія кожѣ твердости и крѣпости. Глиною этою, превращенною въ порошекъ, посыпаютъ также между ногами и подъ мышками. Глиною этою въ перемежку съ масломъ обыкновенно пользуются до 40 дней или двухъ мѣсяцевъ.

У Армянъ Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Зелинскаго [6]).—нѣкоторыя части новорожденнаго сначала обсыпаютъ солью, но потомъ эти мѣста иногда покрываются язвинками, которыя затѣмъ пересыпаютъ разными изсушающими порошками, въ родѣ толченыхъ корокъ граната, толченыхъ чернильныхъ орѣшковъ и толченой глины—гиль, которая бываетъ сѣраго и краснаго цвѣта. Въ составъ послѣдней, вѣроятно, входятъ щелочныя соли, ибо она употребляется и вмѣсто мыла.

Способъ Готтентотскій. Особенно грубо обращаются съ кожей новорожденныхъ у Готтентотовъ въ Африкѣ. Еще Колбе разсказывалъ, что у нихъ дѣтей не моютъ, но обмазываютъ свѣжимъ коровьимъ пометомъ и потомъ послѣ разныхъ манипуляцій, когда тѣло ребенка осохнетъ, натираютъ его саломъ. По новымъ свѣдѣніямъ Готтентотское дитя, тотчасъ по рожденіи, очищаютъ коровьимъ пометомъ, натираютъ сокомъ фиговаго дерева или бараньимъ саломъ и посыпаютъ обильно порошкомъ Bukhu. Нѣкоторыя другія племена Африки, для очищенія кожи новорожденныхъ, употребляютъ также навозъ, соль, масло и т. п. какъ суррогаты мыла [1]).

Способъ Бурятскій. Буряты Балагинскаго округа, Иркутской губерніи,—по свидѣтельству врача Поликовскаго,—никогда ваннъ никакихъ для своихъ новорожденныхъ не дѣлаютъ, но тотчасъ послѣ рожденія, они обтираютъ ребенка тряпкой, которая часто бываетъ очень грязна, и завертываютъ его въ шкуру свѣже-убитой овцы, по большей части годовалой, причемъ влага и сырость отъ свѣжей кожи, обращенной всегда волосистой ея частію кнаружи, производитъ уже дальнѣйшее очищеніе тѣла ребенка; никакихъ ваннъ и купаній и въ послѣдующую жизнь новорожденнаго не дѣлаютъ до пяти и шести лѣтъ, пока наконецъ онъ самъ не станетъ купаться въ близь лежащемъ пруду или рѣчкѣ. Весь уходъ за чистотою кожи сводится только къ повторяемымъ, по временамъ, обтираніямъ влажными тряпками или обмываніемъ водою съ руки. Такая небрежность по отношенію къ чистотѣ кожи много способствуетъ, — говоритъ г. Поликовскій, — къ развитію у Бурятъ всевозможныхъ сыпей.

Натираніе тѣла жирными веществами. Обычай этотъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. По Sursvutas'y [2]), еще древніе Индійцы, вообще чрезвычайно заботливо относившіеся къ своимъ новорожденнымъ, кромѣ разныхъ омовеній, натирали тѣло ихъ еще масломъ изъ Pavonia odorata, обкуривали, обмахивали ихъ при этомъ, орошали и растирали члены ихъ разными медикаментами, возжигали огонь и т. п. Въ *древнемъ Римѣ*, во время Сарона, [3]) новорожденныхъ обыкновенно

---

[1]) Ploss. B. II. S. 4.

[2]) Поѣздка къ Ледовитому морю. Бѣлявскаго. 1833 г. стр. 422.

[3]) Ploss. B. II. S. 4.

[4]) Ploss. B. II, S. 4.

[5]) Ploss. Des Kind. Zweite Auflage 1882. Dritter Halbband. T. 10.

[6]) l. c.

[1]) Ploss. B. II. S. 11—12.

[2]) Ploss. B. II S. 11.

[3]) Kroner: über die Pflege und Krankheiten der Kinder aus grichischen Quellen Jahrbuch. f. Kinderheilkunde B. X. 3—4. 1876. S. 341). Haeser, Lehrbuch der Geschichte der Medicin. S. 311.

мыли въ различныхъ настояхъ, но слабымъ дѣтямъ, равно какъ для лучшаго устраненія первородной нечистоты (Vernix caseosa) Соронъ совѣтывалъ еще предъ омовеніемъ ихъ, дѣлать натираніе тѣла медомъ, масломъ, сокомъ мальвы, смѣшанныхъ съ солью, содой и т. п. Галенъ [1]) совѣтывалъ также по немногу посыпать новорожденныхъ солью и натирать ихъ масломъ. Изъ современныхъ полудикихъ народовъ вмѣсто мытья съ головы до ногъ, натираютъ своихъ новорожденныхъ жиромъ напр. *Басуты* [2]). Натираніе тѣла дѣтей жирными веществами въ коренномъ русскомъ населеніи употребляется большею частію лишь съ врачебною цѣлію, напр. при крикѣ, кашлѣ, боли живота и т. п. Въ рѣдкихъ случаяхъ однако кое-гдѣ прибѣгаютъ къ этому способу и съ цѣлію косметическою. Такъ въ *Сольвычегодскомъ* уѣздѣ Вологодской губерніи, — по свидѣтельству врача Ордина,—въ случаѣ рожденія дѣвочки весьма часто лицо ея при первомъ омовеніи намазываютъ небольшимъ количествомъ обыкновенныхъ (свинцовыхъ) бѣлилъ, каковая мазь оставляется на лицѣ на сутки до слѣдующей бани и намазывается съ тою цѣлію, чтобы лицо дѣвушки впослѣдствіи было бѣлѣе. Въ *Ирбитскомъ* уѣздѣ Пермской губерніи, —по свидѣтельству врача Черемшанскаго и другихъ, — по окончаніи первыхъ омовеній, нѣкоторыя повитухи мажутъ тѣло новорожденныхъ коровьимъ масломъ. Въ *Зайсанскомъ* приставствѣ Семипалатинской области у русскаго населенія, живущаго по сосѣдству съ Киргизами,— по свидѣтельству г. Малевскаго, — послѣ омовенія нѣкоторыя повитухи имѣютъ обыкновеніе смазывать тѣло новорожденныхъ деревяннымъ масломъ, желая черезъ это, по ихъ объясненію, умягчить кожу и сгладить нѣкоторыя шероховатости. Между нѣкоторыми русскими инородцами натираніе тѣла жирными веществами довольно распространено. Такъ въ *Финляндіи*, по свидѣтельству д-ра Пальмера,—для сохраненія нѣжности кожи обтираютъ иногда тѣло дитяти деревяннымъ или свѣжимъ, несоленымъ, коровьимъ масломъ. *Зыряне* Устсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—вскорѣ послѣ рожденія, передъ мытьемъ ребенка предварительно смазываютъ кожу его или деревяннымъ масломъ, или же яичнымъ желткомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Радомскаго и Гарковенскаго* уѣздовъ Варшавской губерніи,—по свидѣтельству г. Сахарова, кромѣ обыкновеннаго омовенія намазываютъ еще новорожденнаго жирами или какимъ либо масломъ. *Горные Татары Кавказа*, по свидѣтельству Б.,—никогда не моютъ дѣтей водой, даже только что родившихся, а по рожденіи обмываютъ ребенка теплымъ растопленнымъ масломъ, затѣмъ держатъ и поворачиваютъ со всѣхъ сторонъ къ огню и потомъ вытираютъ. Обмываютъ они иногда только при крайней необходимости, притомъ только отдѣльные члены. Магометане Хасавъ-Юртовскаго округа, *Кумыки*, *Чеченцы*, *Салотавцы и Ногайцы*,— по свидѣтельству врача Надежина,—первые три дня завертываютъ новорожденнаго только въ пеленки, послѣ того натираютъ его коровьимъ масломъ и съ этого времени продолжаютъ такое натираніе до 40 дней ежедневно, исключая лишь одинъ день въ недѣлѣ, въ который моютъ ребенка теплою водою съ мыломъ. Кромѣ общаго натиранія масломъ, на темя ребенка кладутъ масло болѣе густымъ слоемъ, отъ чего будто скорѣе развиваются черепныя кости и такимъ образомъ скорѣе закрываются родники. Послѣ 40 дней у Кумыковъ смазываніе масломъ всего тѣла прекращается, но смазываніе темени продолжается до года и до двухъ лѣтъ. У Чеченцевъ же и Салотавцевъ смазываніе тѣла масломъ продолжается и послѣ 40 дней, но только изрѣдка, по усмотрѣнію матери. *Ичкеринцы* Введенскаго округа, Терской области, чистые Чеченцы,—по свидѣтельству врача Ш.,—купаютъ новорожденныхъ ежедневно въ горячей водѣ, чередуя эти обливанія смазываніемъ саломъ всего тѣла. Затѣмъ, когда ребенокъ подрастетъ, надъ нимъ совершаютъ только религіозныя частныя омовенія лица, рукъ и т. д., но общее смазываніе масломъ или саломъ съ замѣчательною послѣдовательностію продолжается во всю жизнь разъ въ недѣлю. Въ Дагестанскомъ округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Южнаго Дагестана*,—по свидѣтельству М. Бахтамова,—обливши новорожденнаго сначала крѣпкою разсолью (вѣроятно обыкновенной соли), выкупавши его въ теплой водѣ и обтерѣвши до суха, смазываютъ потомъ все тѣло его топленымъ коровьимъ масломъ; затѣмъ омовеніе болѣе не производится, а въ замѣнъ его тѣло смазывается разъ и два въ день до срока—шестидесяти дней, а потомъ рѣже. Если ребенокъ при рожденіи имѣетъ голову неправильной формы, то для округленія ея прикладывается на лобъ масло съ солью. — *Киргизы Большой Орды* по свидѣтельству Н. А. Маева [1]), каждый разъ послѣ омовенія ребенка, натираютъ его масломъ или бараньимъ жиромъ. *Киргизы Семипалатинской Области* [2]) мажутъ ребенка ежедневно, до шести недѣль или пока онъ перестанетъ цвѣсти, мазью, составленною изъ гвоздики, колгана и имбиря, стертыхъ съ растопленнымъ русскимъ масломъ, и затѣмъ моютъ черезъ день соленой водой. *У Киргизовъ* Зайсанскаго поста, той же области, по свидѣтельству

[1]) Ploss l. c. S. 10.
[2]) Ploss. Das Kind. 1882. Dritter Halbband. S. 10.

[1]) Киргизы: Этнографическій очеркъ Маева. (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г.)
[2]) Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области (Русскій Вѣстникъ Сент. 1878 г. стр. 54—61.)

г. Малевскаго, существуетъ понятіе, что ребенка можно мыть водою (соленою) только одинъ разъ послѣ рожденія, а затѣмъ до 4-хъ и 5-ти лѣтняго возраста дѣтей не моютъ, а лишь обтираютъ масломъ или курдючнымъ саломъ два, три раза въ годъ. Основаніемъ тому служитъ повѣрье, будто бы лицо хорошаго ребенка моютъ ангелы по ночамъ. Когда же случится, что ребенокъ во время ночи, лежа съ матерью, которая обыкновенно послѣ года кладетъ его спать съ собою, обливается собственнымъ потомъ и къ утру кажется бѣлѣе; то мать серьезно увѣряетъ, что его обмыли ангелы. По свидѣтельству врача Рашевскаго,—Киргизы той же мѣстности моютъ дѣтей, хотя и не аккуратно, какъ увидимъ ниже, до 40 дней. Что же касается смазыванія кожи; то, по мнѣнію референта, его нельзя относить къ общимъ способамъ ухода за кожей, такъ какъ, по видимому, оно употребляется только съ медицинской цѣлію, при извѣстныхъ свойствахъ кожи. *Киргизы* Павлоградскаго уѣзда Семипалатинской области,—по свидѣтельству В. Л., тотчасъ послѣ рожденія моютъ ребенка въ теплой водѣ, затѣмъ черезъ три дня въ теплomъ разсолѣ изъ соли, что повторяется 5 или 6 разъ до 40 дней и, каждый разъ послѣ такого омовенія, если оно было утромъ, вечеромъ тѣло ребенка смазываютъ коровьимъ масломъ. *Киргизы* Карколинскаго уѣзда Семипалатинской области,—по свидѣтельству г. Филиппова,—имѣютъ обыкновеніе также, по омовеніи новорожденнаго соленымъ растворомъ, натирать его масломъ, смѣшаннымъ съ солью. О таковыхъ же обычаяхъ Киргизовъ Усткаменогорскаго уѣзда Семипалатинской области свидѣтельствуетъ г. Халдинъ и Семипалатинскаго уѣзда той же области врачъ Т. *Татары* Карколинскаго городскаго поселенія Семипалатинской области,—по свидѣтельству г. Филиппова,—по омовеніи новорожденнаго чистой теплой водой въ теченіи первыхъ трехъ дней, на четвертый въ банѣ натираютъ его скоромнымъ масломъ и повторяютъ это до 10 дней. Послѣ того натираютъ ребенка каждый день по очереди соленымъ растворомъ и масломъ до тѣхъ поръ, пока кожа не приметъ нормальнаго вида, т. е. приблизительно до 40—50 дней. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича, — *Буряты*, продержавши новорожденнаго (какъ это описано выше) въ овчинѣ, называемой элгебине, два, три дня, затѣмъ обмываютъ его водой, одной или съ разными примѣсями, въ числѣ которыхъ играетъ не маловажную роль смазываніе тѣла ребенка послѣ каждаго обмыванія теплой смѣтаной, сливками и свѣжимъ коровьимъ масломъ. У нѣкоторыхъ же Бурятъ, напр. Верхоленскихъ, у которыхъ обмываніе водой не допускается, по истеченіи со дня рожденія приблизительно одного мѣсяца, ребенка время отъ времени обтираютъ молочными пѣнками, катая таковыя рукою по его тѣлу, вслѣдствіе чего вся грязь съ тѣла смывается. Сверхъ того Бурятскія матери раза два въ недѣлю смазываютъ тѣло ребенка своимъ груднымъ молокомъ, что дѣлается въ томъ предположеніи, что этимъ омовеніемъ придается ребенку болѣе силы и здоровья. такъ какъ женскому молоку, по понятію Бурятъ, присуще какое-то особенное каталитическое свойство. Тѣ, которые намазываютъ тѣло дѣтей своихъ сливками или свѣжимъ коровьимъ масломъ, особенно усердно смазываютъ складки кожи въ пахахъ и другихъ частяхъ тѣла. Нѣкоторые *инородцы Мисуринскаго Округа*, Енисейской губерніи, по свидѣтельству г. Петрова, послѣ купанья дѣтей въ соленой водѣ также мажутъ тѣло ихъ смѣтаной для предохраненія кожи отъ сыпей.

Посыпаніе и натираніе тѣла новорожденнаго солью. Еще *древніе Іудеи*, кромѣ омовенія водой, имѣли обыкновеніе иногда посыпать солью своихъ новорожденныхъ, что видно по крайней мѣрѣ изъ слѣдующихъ словъ пророка Іезекіеля[1]), сказанныхъ имъ въ обличеніе дочери Іерусалимской: «и рожденіе твое, въ онъ же день родилася еси, не обязаша сосецъ твоихъ и водою не омыша тя на спасеніе, ни солію осолиша, ни пеленами повиша». Древнеримскіе врачи Соранъ[2]) и Галенъ[3]) также совѣтывали своимъ соотечественникамъ между прочимъ умѣренное посыпаніе тѣла новорожденнаго солью. По свидѣтельству Авиценны у древнихъ Арабовъ также было въ обычаѣ натираніе тѣла новорожденныхъ солью[4]). Изъ современныхъ народовъ обычай посыпанія солью новорожденныхъ существуетъ преимущественно между нѣкоторыми азіатскими народами. Такъ въ *Азіатской Турціи*, по Sperling'y, кладутъ новорожденнаго въ соль на 24 часа. Въ *Персіи* по отпаденіи пуповины, просаливаютъ дѣтей, потомъ насухо вытираютъ, согласно своему закону, а затѣмъ въ дальнѣйшее время уже совсѣмъ не моютъ и не просаливаютъ ихъ, также въ силу религіознаго обычая[5]). Между русскими инородцами обычай посыпанія солью новорожденныхъ существуетъ главнымъ образомъ на Кавказѣ, особенно между *Грузинами* и *Армянами*. Такъ, напр. по свидѣтельству г. Зелинскаго[6]),—*армяне* Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи послѣ рожденія обсыпаютъ солью или все тѣло, или же только нѣкоторыя части: вокругъ глазъ, подъ мышками, вокругъ половыхъ органовъ, на суставахъ рукъ и ногъ и пр. Если ре-

[1]) Пророкъ Іезекіель, гл. 16, ст. 4.
[2]) Korner, l. c. S. 346—48.
[3]) Ploss. B. II. S. 10.
[4]) Ploss. l. c. S. 10.
[5]) Ploss. l. c. S. 11.
[6]) l. c.

бенокъ рождается вечеромъ или ночью, то его оставляютъ въ соли до утра, если онъ рождается утромъ, то остается немытымъ до вечера. По свидѣтельству многихъ другихъ показаній съ Кавказа, Армяне и Грузины иногда не моютъ дѣтей своихъ ранѣе 12—24 часовъ и даже, въ предѣлахъ Карталиніи, ранѣе трехъ сутокъ отъ рожденія; до этого же времени натираютъ новорожденнаго солью до красна или просто обсыпаютъ его густымъ слоемъ, особенно между складками позади ушей, подъ шеей, подъ мышками, въ пахахъ, въ промежности и т. д.; а иногда, кромѣ того, присоединяя къ соли толченый эндро (корень марены); затѣмъ завертываютъ ребенка въ старыя тряпки и кладутъ въ постель къ матери до перваго купанья, причемъ по раскрытіи ребенка, смотря по количеству употребленной соли и времени пребыванія въ ней младенца находятъ на кожѣ его пузырьки, ранки и т. п. Цѣль натиранія и обсыпанія та, чтобы, по объясненію туземцевъ, какъ говоритъ Г-жа Григорьева изъ Темрюка,—не болѣла кожа, разумѣя подъ этимъ прѣлость. У Грузинъ, по объясненію г. Дубровина [1]), соль—эмблема твердости, изобилія и т. п. Натираніе солью маленькихъ дѣтей употребляется также,—по свидѣтельству врача г. Калери, въ нѣкоторыхъ греческихъ семействахъ Маріуполя Екатеринославской губерніи, гдѣ втираютъ мелкую соль подъ мышками, въ складкахъ кожи и другихъ частяхъ тѣла, въ предупрежденіе будто-бы отъ опрѣлости и потливости съ дурнымъ запахомъ. Втираніе это производится надъ ребенкомъ не одинъ разъ. Плоссъ говоритъ, что обычай натиранія солью новорожденныхъ существуетъ и въ нынѣшней Греціи [1]), поэтому, вѣроятно, этотъ обычай оттуда распространился и между Греками, живущими въ Россіи. Кромѣ того,—по свидѣтельству г. Калери,—Маріупольскіе Греки къ втиранію соли присоединяютъ еще другой, грубѣйшій обычай «карбованія», состоящаго въ насѣчкахъ, дѣлаемыхъ на разныхъ частяхъ тѣла и производимыхъ обыкновенно очень шибко привычной рукой акушерки или оспопрививателя ланцетомъ или бритвой. Г. Калери говоритъ впрочемъ, что обычай этотъ Греки примѣняютъ не ко всѣмъ дѣтямъ, а только къ полнокровнымъ или болѣзненнымъ, у которыхъ замѣчаются какіе либо нервные припадки въ родѣ перегибанія спины, безпричиннаго плача, крика, вздрагиванія во снѣ и т. п. Цѣль карбованія въ подобныхъ случаяхъ состоитъ въ предупрежденіи конвульсій, а при появленіи послѣднихъ — въ ослабленіи приступовъ ихъ. Количество насѣчекъ дѣлается на спинѣ 20—25, на рукахъ и икрахъ 2—5 Каждая насѣчка глубиною въ $^1/_2$—1 линіи и $^1/_4$—$^1/_2$ дюйма длиною. У крѣпкихъ и полнокровныхъ дѣтей онѣ производятся на всѣхъ указанныхъ мѣстахъ. По окончаніи этого процесса втираютъ въ ранки мелкую соль, завертываютъ ребенка въ сухую простыню и кладутъ въ теплую воду на $^1/_4$ или $^1/_2$ часа, гдѣ они иногда и засыпаютъ На одномъ и томъ же ребенкѣ карбованіе повторяется иногда нѣсколько разъ, особенно въ продолженіе первыхъ 9 дней отъ рожденія. Обычай карбованія, по свидѣтельству г. Калери, завезенъ въ Маріуполь изъ Крыма, гдѣ онъ вообще употребляется между Греками и до сихъ поръ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о распространеніи описываемаго обычая между Крымскими Греками, но знаемъ изъ письма Б., что обычай этотъ существуетъ между Крымскими Караимами и о немъ г. Б. говоритъ слѣдующее: «передъ первымъ пеленаніемъ, если ребенокъ, по мнѣнію повитухи, полнокровенъ (красенъ), ему дѣлаютъ на спинѣ острою бритвою 8—10 надрѣзовъ весьма незначительныхъ. Чрезъ шесть недѣль такихъ надрѣзовъ дѣлается 15—20, а затѣмъ еще черезъ мѣсяцъ до 30. Для этой операціи приглашаются преимущественно татарскія повитухи. Затѣмъ ребенка одѣваютъ и туго завертываютъ въ пеленку». Г. Б. не упоминаетъ о втираніи соли въ сдѣланные надрѣзы, но это весьма вѣроятно въ виду однообразія употребленія этого обычая у другихъ народовъ и тѣмъ болѣе, что Караимы имѣютъ обыкновеніе купать своихъ дѣтей въ солепой водѣ. По свидѣтельству народнаго учителя Таманскаго полуострова г. Кононенко, казаки этого полуострова, имѣя частыя сношенія съ Греками, живущими вблизи ихъ, и перенимая нѣкоторые обычаи ихъ, между прочимъ переняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляютъ слѣдующій обычай ихъ: «когда родится дитя, то бабка передъ купаньемъ его рѣжетъ острымъ ножемъ или бритвой изрѣдка надъ позвоночнымъ столбомъ сверху внизъ верхнюю кожицу, потомъ засыпаетъ мелкой солью и растираетъ до крови; минутъ черезъ пять послѣ этой операціи купаютъ дитя и растираютъ свѣжимъ коровьимъ масломъ, послѣ чего черезъ три дня кожица засыхаетъ». Греки, живущіе въ Цалкѣ, въ Тріалетскомъ приставствѣ, Тифлиской губерніи,—по свидѣтельству мѣстнаго греческаго священника Григорія Попандопуло, обыкновенно обсыпаютъ новорожденныхъ солью и особенно крѣпко солятъ: половыя части, подмышки, шею и суставы частей тѣла. Тотъ же референтъ прибавляетъ еще, что и въ ихъ мѣстности была старуха, которая во время первыхъ купаній «отпускала ребенку кровь бритвой», слѣдовательно занималась карбованіемъ.

Паренье новорожденнаго. Этотъ способъ очищенія тѣла новорожденныхъ существуетъ почти исключительно среди коренного русскаго населе-

[1]) Дубровинъ: тысяча восемь-сотъ второй годъ въ Грузіи. (Вѣстникъ Европы 1868. Мартъ, стр 36).

[2]) Ploss. B. II. S. 11.

нія сѣверной и средней полосы Россіи, а также среди русскаго населенія Сибири. Въ *Череповецкомъ* уѣздѣ Новогородской губерніи, по свидѣтельству врача Семенова,—паренье новорожденнаго производится въ печкѣ или въ банѣ большею частію мыльнымъ вѣникомъ. М. М. Поспѣловъ въ своемъ рукописномъ очеркѣ *по Ветлужскому краю* Нижегородской губерніи говоритъ слѣдующее: «сначала я долго не вѣрилъ, чтобы новорожденныхъ младенцевъ парили въ банѣ, но потомъ послѣ многихъ распросовъ долженъ былъ убѣдиться, что операція эта дѣйствительно надъ ними совершается. Особенно убѣдился я тогда, когда, присутствуя часто при крещеніи, замѣчалъ на тѣлѣ ихъ березовые листья, приставшіе при пареньи отъ вѣниковъ». Въ *Вятской губ.*, по свидѣтельству д-ра Радакова, новорожденный парится особымъ приготовленнымъ для этого вѣникомъ и это паренье происходитъ до тѣхъ поръ, пока, по понятіямъ повитухи, тѣло ребенка не сдѣлается совершенно чистымъ. По свидѣтельству Ширнина изъ *Уржумскаго уѣзда*, той же губерніи,—паренье дѣтей въ крестьянскомъ населеніи считается необходимымъ, потому что будто дѣти отъ этого лучше развиваются физически, дѣлаются спокойнѣе и лучше спятъ. Между тѣмъ бывали случаи, что дѣти, не выдержавъ жару, который иногда бываетъ впору только взрослому, тутъ же въ банѣ или печкѣ и умирали. По свидѣтельству Понцова изъ *Яранскаго уѣзда* той же губерніи, отъ паренья вѣникомъ на тѣлѣ новорожденныхъ нерѣдко образуются красноватые прыщи, называемые въ средѣ мѣстнаго населенія своробомъ. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи*, — по свидѣтельству священника Бурдина,—новорожденнаго парятъ въ легкомъ жару небольшимъ и мягкимъ березовымъ вѣникомъ, приговаривая: «не я тебя правлю, не я тебя парю, а бабушка Соломанида шелковымъ вѣникомъ по бумажному тѣлу!» Нѣкоторые-же поселяне того-же уѣзда,—по свидѣтельству Г. Введенскаго,—парятъ дѣтей въ такомъ жару, который по своей силѣ едва терпимъ для взрослыхъ. Въ *Верхотурскомъ уѣздѣ* той-же губерніи,—по свидѣтельству акушерки Чертенковой, при первомъ омовеніи, новорожденныхъ парятъ обыкновеннымъ горячимъ березовымъ вѣникомъ въ довольно значительной температурѣ. О томъ-же свидѣтельствуютъ: священникъ *Чердынскаго уѣзда* І. Бабинъ, — учитель *Шадринскаго уѣзда* К. Архангельскій и другіе. Въ *Олонецкомъ уѣздѣ*,—по свидѣтельству церковнослужителей Важинскаго прихода, новорожденнаго парятъ для того, чтобы онъ не опрѣлъ. —По свидѣтельству Г. Голодникова паренье новорожденныхъ существуетъ также среди русскаго населенія *Тобольской губерніи*, а по свидѣтельству д-ра Эліашевича, среди русскаго населенія *Иркутской губерніи*, гдѣ новорожденнаго обыкновенно легонько попариваютъ березовымъ вѣникомъ.

Изъ русскихъ инородцевъ парятъ новорожденныхъ въ банѣ, по свидѣтельству врача П. Д. Любимова [1])—*Мордва* Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи, а по свидѣтельству врача Туръ,—*Зыряне* Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи. Паренье это производится вѣникомъ изъ березовыхъ или лиственныхъ вѣтвей, при весьма высокой температурѣ. Благодаря такому обычаю, дѣти почти поголовно страдаютъ экземой. Съ появленіемъ сыпи паренье дѣлается обязательнымъ, отъ чего сыпь все болѣе и болѣе распространяется на кожѣ и принимаетъ язвенный характеръ. О другихъ инородцахъ точныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ.

[1]) П. Д. Любимовъ: Медико-топографическое описаніе Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи (Чтеніе въ засѣданіи общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ 16-го марта 1859 г.)

ГЛАВА VII.

ОМОВЕНІЕ ДИТЯТИ.

Обычай омовенія дѣтей у большинства народовъ.—Необходимая осторожность при этомъ.—Омовеніе дѣтей у древнихъ и современныхъ европейскихъ народовъ.—Обычай омовенія дѣтей въ коренномъ русскомъ населеніи.—Пользованіе русскими банями въ старину и настоящее время.—Русскія печи.—Различные способы омовенія по мѣстностямъ.—Главнѣйшіе выводы изъ приведенныхъ свѣдѣній.—Обычаи омовенія дѣтей у инородцевъ Россіи.—Обычаи омовенія дѣтей у нѣкоторыхъ дикихъ иноземныхъ племенъ.

Обычай омовенія дѣтей въ тѣ и другіе сроки существуетъ у громаднаго большинства народовъ и распространенъ между ними главнымъ образомъ потому, что признается почти повсемѣстно за одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе удобныхъ способовъ очищенія тѣла дитяти, которое нуждается въ этомъ съ перваго появленія своего на свѣтъ, а затѣмъ и въ дальнѣйшихъ возрастахъ, часто подвергаясь разнаго рода пачканью. Отъ этого пачканья нѣжная кожица ребенка легко раздражается, даетъ поводъ къ образованію на ней различныхъ сыпей, которыя въ свою очередь влекутъ за собою дальнѣйшія разстройства организма, а отсюда является вновь потребность въ омовеніяхъ, дѣйствующихъ кромѣ того, по общему и давнему наблюденію почти всѣхъ народовъ, весьма благотворно на общее состояніе здоровья. Въ иныхъ случахъ впрочемъ пользуются омовеніемъ, какъ средствомъ для укрѣпленія тѣла дитяти, пользуются имъ не только образованные, но даже и дикіе народы.

Но при омовеніи, какъ и всякомъ другомъ уходѣ за дитятей, необходимо соблюдать извѣстную сноровку, сообразно возрасту. Особенно большая осторожность требуется при первомъ купаніи ребенка, такъ какъ у новорожденнаго всѣ процессы, относящіеся къ образованію теплоты и расходу ея, представляютъ много особенностей. По наблюденію врачей, температура ребенка вскорѣ послѣ рожденія обыкновенно быстро понижается, а затѣмъ въ ближайшіе дни снова повышается до нормы. Паденіе температуры объясняется слабостію кровообращенія, дыханія и значительнымъ охлажденіемъ дитяти послѣ рожденія. Чѣмъ слабѣе послѣдній, тѣмъ позднѣе начинается поднятіе температуры его. Опытъ показалъ, что лучшею температурой для перваго купанья можно считать 30—29°R. Въ виду этого, скажемъ вмѣстѣ съ Проф. Уффельманомъ [1])—что для насъ становится совершенно непонятнымъ, какъ Бидертъ [2]) можетъ признавать надлежащей температурой воды для ваннъ непосредственно послѣ рожденія 26—28°R, по истеченіи 6 мѣсяцевъ 24°R, а къ концу года даже 23°R. Принципъ укрѣпленія ребенка преслѣдуетъ каждый изъ врачей, но не такимъ рискованнымъ путемъ, на которомъ легко можно принести большой вредъ и какъ въ этомъ еще болѣе можно убѣдиться въ слѣдующей главѣ при подробномъ разсмотрѣніи вопроса о купаніи и крещеніи дѣтей въ холодной водѣ.

Но ванны для новорожденныхъ не должны быть и горячія, такъ какъ отъ подобныхъ ваннъ нерѣдко слѣдовала быстрая смерть ребенка отъ общихъ судорогъ. Словомъ при купаніи дѣтей должно твердо помнить, что отношеніе поверхности тѣла къ объему его при малыхъ размѣрахъ тѣла (слѣдовательно у дѣтей) бываетъ больше, чѣмъ при большихъ, и что количество чувствительныхъ нервовъ и капиляровъ въ кожѣ дѣтей относительно очень велико, а слѣдовательно должны быть сравнительно велики и рефлексы съ кожи и быстрота охлажденія и нагрѣванія тѣла. Поэтому-то всякое пребываніе какъ въ холодной, такъ и въ горячей ваннѣ вообще не легко переносится дѣтьми.

Для перваго омовенія лучше всего брать свѣжую, мягкую, рѣчную воду; колодезная-же вода нерѣдко содержитъ много неорганическихъ веществъ, которыя, помимо производимаго ими нѣкотораго раздраженія кожи новорожденнаго, еще затрудняютъ отмываніе съ нея жирныхъ частицъ, приставшихъ къ ней еще въ утробной жизни, и такъ называемой сыровидной массы (vernix caseosa). Для луч-

[1]) J. Uffelmann, Handbuch der privaten und öffentlichen Hygiene des Kindes etc. 1881. S. 272.

[2]) Biedert, Die Kinderernährung. 1881. S. 158.

шаго снятія этой послѣдней нѣкоторые совѣтуютъ передъ первымъ омовеніемъ смазать все тѣльце ребенка чистымъ жиромъ, масломъ, яичнымъ желткомъ и т. п., которые, легко омылясь въ присутствіи свободныхъ щелочей, находящихся въ vernix caseosa, содѣйствуютъ затѣмъ наилучшему очищенію тѣла при послѣдующемъ омовеніи. Если-же отложенія сыровидной массы значительны, то позволительно обмыть тѣльце новорожденнаго слегка намыленной водой, для чего лучше всего брать наиболѣе нѣжныя мыла, напр. глицериновое, яичное, спермацетное и т. д. Всякія другія примѣси къ первой ваннѣ или совершенно излишни, или положительно вредны.

Въ теченіе перваго года всего лучше и цѣлесообразнѣе мыть ребенка ежедневно; на второмъ году черезъ день; въ болѣе старшихъ возрастахъ разъ въ недѣлю въ слегка тепловатой водѣ, 25—26°R., которую можно соединить съ прохладнымъ окачиваніемъ отъ 20° до 22°R. Съ 5—7 лѣтняго возраста, смотря по здоровью ребенка, можно начать уже рѣчныя купанья.

Кромѣ того въ видахъ укрѣпленія всего организма полезны въ каждомъ возрастѣ ежедневныя прохладныя обтиранія головы, шеи, груди, а у дѣтей постарше, т. е. примѣрно съ 7 лѣтъ, даже прохладной водой 20°R. всего тѣла.

Дѣтей блѣдныхъ, зябкихъ слѣдуетъ, впрочемъ, передъ купаньемъ и обтираньемъ сначала хорошо вытереть сухимъ, лучше всего шаршавымъ полотенцемъ, чтобы согрѣть ихъ кожу, а затѣмъ во всякомъ случаѣ подвергать ихъ процедурѣ купанья или обтиранья возможно непродолжительный срокъ.

Послѣ ванны, обтиранія и обливанія снова слѣдуетъ тщательно и до суха вытерѣть все тѣло ребенка, а затѣмъ предоставить ему тѣ или другія движенія, смотря по возрасту.

Посмотримъ теперь, какъ производилось прежде и производится теперь омовеніе тѣла дѣтей у разныхъ народовъ на самомъ дѣлѣ.

Омовеніе дѣтей у древнихъ народовъ. Древніе *Индійцы* чрезвычайно заботливо относились къ омовеніямъ новорожденнаго. Такъ по Susrutas'у холодной водой они пользовались для возбужденія глубокаго дыханія дитяти, натирали его масломъ изъ Pavonia odorata, и мыли въ настоѣ Ficus glomerata, — какой либо другой благовонной водѣ, водѣ прокипяченной съ золотомъ и серебромъ или тепломъ настоѣ нитей Crataevae valangae, сообразно времени, недостаткамъ и матеріалу [1]), т. е., вѣроятно, состоянію.

Древній персидскій законъ предписывалъ новорожденнымъ дѣтямъ омывать все тѣло, начиная съ рукъ, три раза коровьею мочею, а одинъ разъ водою [1]). Вещи древнихъ Египтянъ, согласно съ изображеніями на ихъ памятникахъ, показываютъ, что попеченіе о тѣлѣ составляло предметъ особенной заботливости ихъ. Главнѣйшими предметами, служившими для этой цѣли, были: ванны и умывальники каменные и металическіе; у Фараоновъ даже золотые [2]). При такой любви къ омовеніямъ вообще, несомнѣнно, что послѣдними въ обиліи пользовались и дѣти.

Древніе Іудеи мыли своихъ новорожденныхъ водою и посыпали ихъ солью [3]), какъ объ этомъ уже упомянуто было выше. Древне-Спартанскаго мальчика, рожденнаго зачастую надъ щитомъ съ приставленнымъ къ нему копьемъ и привѣтствуемаго словами: «либо съ симъ, либо на семъ», тотчасъ же купали въ винѣ, полагая, что такое купанье могутъ вынести одни только сильныя и здоровыя дѣти, а хворыя должны умереть отъ него [4]).

Греки, вообще заботливо относившіеся къ своему здоровью и полагая, что послѣднее укрѣпляется и поддерживается не только пищей и питіемъ, но и другими способами ухода за тѣломъ, между прочимъ не забывали пользоваться омовеніями, различно употребляемыми и во всѣ періоды остальной своей жизни.

Сначала Греки, повидимому, знали только холодныя купанья въ рѣкахъ и озерахъ, а потому обученіе плаванью было обязательно у нихъ для молодежи и этому обычаю особенно вѣрны были Лакедемоняне. Потомъ въ Греціи вошли въ общій обычай теплыя ванны, для чего стали устраивать даже особыя комнаты для ваннъ въ частныхъ домахъ, иногда весьма роскошныя; а также стали устраивать публичныя бани для обоихъ половъ въ одномъ зданіи, но въ разныхъ отдѣленіяхъ. Позднѣе стали соединять бани съ гимназіями, или мѣстами для физическаго упражненія, при чемъ эти зданія раздѣлялись на нѣсколько спеціальныхъ комнатъ, а именно: для раздѣванія, натиранія, прохаживанія, потѣнія, обливанія холодными душами и другими приспособленіями, которыми особенно пользовались сибариты. Послѣ теплой или потовой бани непремѣнно обливались прохладной водой и натирались масломъ, чтобы сдѣлать тѣло мягкимъ. Обыкновенное время для бани было время передъ обѣдомъ, а иногда и полдень; нѣженки-же мылись даже по нѣсколько разъ въ день.

Въ древнемъ Римѣ во времена Сорана по отнятіи пуповины, обыкновенно приступали къ омовенію дитяти, причемъ Соранъ предостерегалъ сво-

---

[1]) Susrutas. Ayurvedas. T. II. стр. 41.

[1]) *Вейсъ*: внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. Чаевъ. Т. I. Ч. I. стр. 208.

[2]) *Вейсъ* l. c. Т. I. Ч. I. стр. 85.

[3]) Пророкъ *Іезекіиль*. Гл. 16, ст. 4.

[4]) Исторія педагогики Карла Шмидта. Перев. Цимермана. 1877 г. Т. I, стр. 188.

ихъ современниковъ отъ вреднаго обычая варваровъ купать въ холодной водѣ, такъ какъ отъ этого легко могутъ происходить судороги, ударъ и столбнякъ, равно какъ онъ предостерегалъ ихъ отъ купанья въ винѣ, дѣтской мочѣ и сильныхъ ароматическихъ ваннахъ; наоборотъ совѣтовалъ дѣлать сначала умѣренное обсыпаніе тѣла солью или содой, смѣшанными для слабыхъ дѣтей съ медомъ, масломъ, сокомъ мальвы и затѣмъ мыть въ тепловатой водѣ [1]). Относительно способовъ омовенія съ своей стороны Соранъ даетъ слѣдующіе совѣты: многія матери,—говоритъ онъ,—купаютъ дѣтей три раза въ день и при этомъ, заливая ихъ до обморока теплой водой, радуются за наступающій за тѣмъ сонъ, между тѣмъ какъ въ сущности это есть результатъ ослабленія. Наоборотъ Соранъ совѣтуетъ дѣлать только одну ванну въ день. Комната для ванны должна быть умѣренно нагрѣта и защищена тѣнью. Предъ купаньемъ нянюшка должна сначала положить ребенка себѣ на колѣна, на холщевомъ платкѣ, натереть его теплымъ масломъ, потомъ лѣвой рукой взять его подъ мышку правой ручки, такъ чтобы грудь ребенка лежала на ея предплечіи, при чемъ ребенокъ долженъ имѣть направленіе нѣсколько вправо и за тѣмъ уже тепловатой водой поливать на него правой рукой, при чемъ надо замѣтить, что температура воды, которая кажется пріятною для взрослыхъ, на нѣжную кожу ребенка производитъ впечатлѣніе очень высокого градуса тепла. Это поливаніе нужно производить до тѣхъ поръ, пока кожа покраснѣетъ и умѣренно согрѣется. Послѣ обливанія, ребенка слѣдуетъ завернуть, обсушить, очистить отъ грязи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она больше накопляется; указательнымъ пальцемъ, смоченнымъ водой или масломъ, слѣдуетъ тщательно очистить полость рта отъ слизи; нижнюю часть живота слегка подавливать и такимъ образомъ содѣйствовать выдѣленію мочи. Носъ и уши слѣдуетъ освободить посредствомъ высасыванія отъ залившейся въ нихъ воды. Спустя нѣсколько дней послѣ теплой ванны слѣдуетъ перейти къ прохладнымъ омовеніямъ, чтобы потомъ предохранить дитя отъ зябкости. Ребенка постарше слѣдуетъ мыть уже не дома, а въ общественныхъ баняхъ [2]).

На римскій обычай производить новорожденнымъ омовеніе между прочимъ указываютъ барельефы, сохранившіеся на нѣкоторыхъ памятникахъ того времени. Ванны, употреблявшіяся съ этою цѣлію, имѣли большое сходство съ современными. При омовеніи новорожденныхъ присутствовалъ иногда цѣлый персоналъ лицъ, требовавшійся для этой церемоніи [1]), какъ показываетъ рисунокъ 10. Галенъ, осуждая съ своей стороны распространенный въ Римѣ обычай купанья дѣтей въ холодной водѣ, совѣтуетъ также, какъ и Соранъ, посыпать ихъ нѣсколько солью, натереть масломъ и затѣмъ мыть въ чистой, теплой водѣ [2]). Любовь Римлянъ къ омовеніямъ въ дальнѣйшихъ возрастахъ извѣстна всѣмъ. Нигдѣ и никогда въ свѣтѣ не бывало такихъ обширныхъ и роскошныхъ зданій, назначавшихся для ваннъ, какъ въ древнемъ Римѣ; подробное описаніе ихъ можно найти въ любой, сколько нибудь полной исторіи древняго Рима.

Древнѣйшіе обитатели *Италіи*, *Германіи*, *Англіи*, *Скифы* и другіе купали своихъ новорожденныхъ прямо въ холодной водѣ, съ цѣлію пріученія тѣла ихъ къ вліянію суровыхъ стихій съ самыхъ первыхъ дней жизни. (Геродотъ, Соранъ, Галенъ и другіе).

Омовеніе дѣтей у современныхъ Европейскихъ народовъ. Мы не знаемъ въ точности, какъ производится омовеніе дѣтей у большинства Европейскихъ народовъ, не имѣя для этого достаточныхъ, положительныхъ данныхъ. Только одинъ Плоссъ даетъ намъ болѣе полное понятіе о томъ, какъ оно производится въ Германіи. Эти свѣдѣнія поэтому прежде всего мы и приводимъ здѣсь для образца почти буквально. Древніе Германцы, говоритъ Плоссъ [3]) любили только холодное или рѣчное купанье. Отъ Римлянъ они научились, какъ и Галлы, употребленію теплыхъ ваннъ, которыя впослѣдствіи такъ привились у нихъ, что воздержаніе отъ ванны предписывалось въ видѣ церковнаго наказанія, которое налагалось въ видѣ эпитеміи и траура во время поста, такъ какъ ваннами пользовались люди всѣхъ состояній въ обыденной жизни. Дальнѣйшій моментъ, способствовавшій общенародному распространенію употребленія ваннъ, былъ — время крестовыхъ походовъ, въ теченіе которыхъ западъ ознакомился съ Востокомъ. Повсюду стали заводить общественныя и частныя ванны. При такомъ пристрастіи средневѣковыхъ Германцевъ къ банямъ, легко можно предположить, что и маленькихъ дѣтей не лишали правильнаго купанья, столь полезнаго при ихъ воспитаніи. Въ 16 вѣкѣ изъ цѣнъ для городскихъ бань мы узнаемъ, что во многихъ Вюртембергскихъ городахъ дѣти до 10-лѣтняго возраста пользовались банею безплатно и только позднѣе, когда вздорожало содержаніе бань отъ повы-

[1]) Kröner l. c. S. 316—48.
[2]) Haeser l. c. S. 313—314.

[1]) Recherches sur les costumes, les moeurs, les usages religieux, civils et militaires des anciens peuples par Maliot. Paris. MDCCCIX T. I p. 238. Также Supplement au livre de l'antiquité expliquée. T III. MDCCLVII.—Эти объ рѣдкія и въ настоящее время весьма цѣнныя книги находятся въ Библіотекѣ Архива Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.
[2]) Ploss B. II. S. 10.
[3]) Ploss B. II. S. 15—17.

шенія цѣнъ на дрова, стали взимать плату и съ дѣтей. Топоръ, положившій первобытные лѣса, разрѣдилъ и толпу, приходящую въ бани, а также отчасти лишилъ и дѣтей пользованія безплатнымъ посѣщеніемъ ихъ. Въ Германіи еще при Вальтерѣ Германѣ Руффѣ, жившемъ въ половинѣ 16-го вѣка, былъ обычай «купаться болѣе для наслажденія тѣла, чѣмъ по надобности или для сохраненія здоровья». По Руффъ рекомендуетъ преимущественно купать чаще дѣтей, «которыя день и ночь лежатъ въ своей мочѣ и въ своемъ калѣ», лѣтомъ въ водѣ, температуры тѣла, а зимой въ теплой водѣ. По Нидерландскому обычаю во время Руффа, дѣтей купали въ пивѣ. Eucharius Rösslin написалъ еще ранѣе этого (1513) первую акушерскую книгу; въ то время въ Германіи новорожденнаго натирали желудовымъ масломъ, обсыпали солью и порошкомъ изъ розъ, а потомъ уже мыли въ тепловатой водѣ; затѣмъ дитя купали ежедневно по 2—3 раза въ день и каждый разъ держали въ водѣ до тѣхъ поръ, пока кожа его не покраснѣетъ. Плохо приходится въ настоящее время, говоритъ Плоссъ,—маленькимъ дѣтямъ, «день и ночь лежащимъ въ своемъ калѣ» ибо народъ въ

Фиг. 10. Омовеніе дитяти по Римскому обычаю.

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи совершенно перестаетъ купать ихъ.—Югъ, кажется, особенно не выгодно выдается въ этомъ отношеніи. Съ той поры какъ прекращаетъ свои посѣщенія акушерка, младенца, по обычаю Вюртембергскаго края, совсѣмъ перестаютъ купать чуть-ли не на всю жизнь. Изъ Франкенвальда пишетъ Д-ръ Флюгель: купанье здѣсь не въ ходу, его даже избѣгаютъ, ссылаясь на всевозможный вредъ, тогда какъ нерѣдко вся причина, повидимому, въ одной лѣни. Таковыя же свѣдѣнія сообщаютъ врачи и другихъ мѣстъ Германіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи прибавляютъ въ простую ванну различныя вещества и травы. Такъ въ Баварскомъ Оберпфальцѣ, по словамъ д-ра Вальштейнера, ребенка купаютъ тотчасъ по появленіи его на свѣтъ; но для того чтобы съ некрещеннымъ младенцемъ не случилось ничего дурнаго, то въ первую его ванну вливаютъ отваръ изъ сушенаго звѣробоя.

Въ Швейцаріи первую ванну дѣлаютъ изъ молока съ водою, послѣ чего всего младенца натираютъ масломъ. Въ старой Бургеровской Швей-

царской рецептной книгѣ сказано: «первая дѣтская ванна должна быть сдѣлана изъ отвара зеленой ивовой коры, что предохраняетъ ребенка отъ падучей болѣзни и собачьяго аппетита».

Изложенный обзоръ особенностей, свойственныхъ народнымъ обычаямъ, говоритъ Плоссъ, — закончимъ замѣчаніемъ, что Либихъ считалъ лучшимъ мѣриломъ для сужденія о развитіи какого либо народа — количество употребляемаго имъ мыла; мы же судимъ о его развитіи или о развитіи извѣстнаго класса этого народа потому, какъ онъ ухаживаетъ за своими дѣтьми и какъ онъ заботится объ опрятности ихъ. Нашъ германскій народъ, къ несчастію, не стоитъ въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ.

Обычаи омовенія дѣтей въ коренномъ Русскомъ населеніи. Русскіе люди издавна любили мыться и париться въ баняхъ. Древнѣйшій русскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, упоминая по слухамъ и народнымъ разсказамъ о путешествіи по славянскимъ землямъ Св. Апостола Андрея, доходившаго съ проповѣдью христіанскаго ученія якобы до Новгорода, гдѣ онъ даже водрузилъ свой жезлъ при селѣ Друзинѣ, при семъ случаѣ описываетъ славянскія бани такимъ образомъ: «приде (св. Апостолъ) въ Словени и видя ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся моють, хващутся, и дивися... И рече (въ Римѣ): видѣхъ (у Славянъ) бани древени, и пережгутъ каменіе румяно, и разволокутся нази и облѣются квасомъ успѣянымъ (щелокомъ) и возмуть на ся прутье младое, бьются сами, тольма, едва слѣзуть ли живы, и облѣются водою студеною и тако оживутъ. И то творять по вся дни, не мучими ни кимъ же, но сами ся мучать; а то говорять *мовенье*, а не *мученье*» [1]). Очевидно лѣтописецъ хотѣлъ представить этотъ древній обычай страннымъ; между тѣмъ по изслѣдованіямъ Н. И. Костомарова [2]), тѣ же обычаи находимъ у русскихъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Въ означенный періодъ времени русскіе вообще ходили въ баню очень часто: она была первою потребностію въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденія. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня; сверхъ того для простонародья и для пріѣзжающихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскія мыльни, гдѣ за входъ платили деньги. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Баня для русскаго была такою необходимостію, что по поводу запрещенія топить ихъ, жители грозили правительству разбрестись врозь изъ своихъ домовъ. Баня для русскаго человѣка съ древнѣйшихъ временъ служила, во первыхъ, средствомъ для омовенія, поддержанія чистоты и опрятности его тѣла;—во вторыхъ, она съ давнихъ поръ служила ему самымъ лучшимъ лѣкарствомъ противъ всѣхъ его болѣзней. Разсуждая о народномъ лѣченіи, еще Петръ I говаривалъ: «будетъ для русскихъ и одной бани!» (Сашесъ). Въ третьихъ баня для простаго народа всегда была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какою отличались русскіе, удивляя этимъ иностранцевъ.

Тѣ-же обычаи пользованія баней сохраняются почти неизмѣнно и до сихъ поръ, всюду въ Россіи, для чего почти въ каждой, даже маленькой деревушкѣ, здѣсь существуетъ такое огромное количество бань, какого, конечно, не найдется еще болѣе нигдѣ. Правда, эти бани нерѣдко представляютъ большіе недостатки,—онѣ не рѣдко бываютъ дурно построены, сквозятъ окнами, дверью, поломъ, а въ то же время внутри онѣ бываютъ крайне душны и угарны; особенно, такъ называемыя курныя, черныя, устраеваемыя безъ трубъ. Еще болѣе недостатковъ представляютъ бани въ томъ случаѣ, когда онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ избираются мѣстами лѣченія. Пары и газы отъ разнаго рода снадобій и растираній дѣлаютъ тогда банный воздухъ положительно невыносимымъ. Наконецъ, есть еще вредная сторона нашихъ сельскихъ бань—это именно отсутствіе въ нихъ теплыхъ передбанниковъ, въ которыхъ раздѣваются до бани и одѣваются послѣ нея сильно разгоряченные. За всѣ эти недостатки своихъ бань крестьяне обыкновенно платятся самыми разнообразными болѣзнями, начиная отъ угара до всевозможныхъ формъ простудныхъ болѣзней. За то если баня устроена сколько нибудь сносно, то, при любви къ ней крестьянъ, она можетъ представлять громадныя выгоды для ихъ здоровья и именно тѣмъ, что, содѣйствуя очищенію кожи, посредствомъ производимыхъ въ ней омовеній, она кромѣ того теплымъ и влажнымъ воздухомъ своимъ содѣйствуетъ размягченію кожи, наиболѣе обильному приливу къ ней крови и такимъ образомъ вообще содѣйствуя наилучшему потѣнію ея и различнымъ ея отправленіямъ. Послѣднее еще сильнѣе выражается при пареньи, при чемъ къ дѣйствію тепла присоединяется механическое раздраженіе, ведущее за собой тѣ-же слѣдствія. Для тѣхъ-же цѣлей, какія имѣется въ виду достигнуть баней въ современной Россіи, существуютъ чуть ли не въ каждомъ домѣ такія объемистыя, чисто національныя печи, въ которыхъ взрослый человѣкъ можетъ свободно сидѣть и отводить свою душу мытьемъ и пареньемъ, а ребенокъ можетъ чуть-ли не ходить здѣсь, немного согнувшись.

[1]) Карамзинъ: исторія государства россійскаго. 1842 г., книга 1. Примѣч. къ I тому 66.

[2]) Н. И. Костомаровъ: очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Гл. XV. Образъ домашней жизни.

Свою страсть къ мытью и паренью русскіе переносятъ и на своихъ дѣтей, не разбирая ихъ возраста. Въ первое время послѣ рожденія они парятъ и моютъ дѣтей своихъ почти каждый день нѣсколько недѣль, затѣмъ моютъ ихъ при каждомъ нездоровьи, при каждомъ крикѣ и даже при одномъ подозрѣніи насчетъ «глаза». А гдѣ дѣти не кричатъ и гдѣ они мало хвораютъ? Поэтому понятно, что на долю русскаго ребенка и особенно въ первое время его жизни достается вообще не мало омовеній. Что-же касается самыхъ способовъ этихъ омовеній, то они нѣсколько различаются по мѣстностямъ, на что мы здѣсь и укажемъ.

Въ *Корчевскомъ* уѣздѣ Тверской губерніи,—по свидѣтельству священника Колерова,—къ омовенію новорожденнаго обыкновенно приступаютъ тотчасъ послѣ перевязки пуповины. Самый процессъ омовенія совершается такимъ образомъ: бабка вмѣстѣ съ ребенкомъ влезаетъ въ чуть теплую печь, кладетъ тамъ новорожденнаго на толстыя мѣста ногъ (бедра) и совершаетъ омовеніе сначала спины, потомъ груди и брюха и наконецъ головы. Вода при омовеніи употребляется чуть теплая, температуры парнаго молока. Для лучшаго очищенія кожи употребляется мыло, обыкновенно простое, а для обтиранія овечья шерсть или губка, если она есть,—чаще же первая. Вся эта процедура продолжается не болѣе четверти часа. Такое омовеніе совершается по утрамъ и вечерамъ приблизительно дней пять, однимъ словомъ до тѣхъ поръ, пока новорожденный, по народному повѣрью, не начнетъ цвѣсти. При этомъ надо замѣтить, что овечья шерсть или губка употребляется только въ первыхъ 3 или 4 омовеніяхъ, а за тѣмъ омовенія совершаются просто одной водой съ мыломъ. Въ случаѣ, если ребенокъ родится утромъ—не во время, т. е. тогда, когда печь еще горяча, то первый разъ омовеніе совершается надъ шайкой въ избѣ такимъ образомъ: въ лѣвой рукѣ бабка держитъ ребенка надъ шайкой, а правой черпаетъ воду изъ той-же шайки и омываетъ его. Вода при этомъ употребляется также чуть теплая. Никакихъ настоевъ при первыхъ омовеніяхъ дѣтей не употребляется.

Въ *Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи*, по свидѣтельству врача Зыкова, омовеніе обыкновенно производится въ первое время по рожденіи въ теплой водѣ безъ всякихъ примѣсей. Чрезъ недѣлю по рожденіи, во время такъ называемаго цвѣта, большею частію моютъ въ теплой водѣ съ прибавкою небольшаго количества обыкновенной водки. Впослѣдствіи дѣтей моютъ рѣже. Въ *Суздальскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, по свидѣтельству врача В. М., омовеніе производится тотчасъ по рожденіи въ тепловатой водѣ съ мыломъ. Нѣкоторые моютъ трое сутокъ сряду послѣ рожденія, потомъ до 40 дня моютъ одинъ разъ въ недѣлю, другіе-же продолжаютъ мыть каждый день отъ рожденія довольно долго. Въ *Меленковскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Карташева, температура воды, въ которой моютъ новорожденнаго, опредѣляется рукою, но такъ какъ руки крестьянъ вслѣдствіе работъ и перемѣнъ атмосферы весьма выносливы и мало чувствительны, то очевидно, что таковыя руки плохо опредѣляютъ количество тепла и потому не рѣдко случается, что ребенка моютъ въ такой водѣ, какую врядъ-бы перенесъ и непривычный взрослый человѣкъ. Самое омовеніе производится съ помощію мыла и мочалки и при томъ иногда съ такой силой, которая мало соразмѣряется съ силами дитяти. Все это вмѣстѣ взятое вызываетъ не рѣдко значительную экцему и эритему новорожденныхъ. Въ *томъ-же* уѣздѣ,—по свидѣтельству врача Якубовскаго,—омовеніе новорожденнаго производится вскорѣ послѣ родовъ и всего чаще въ банѣ. Но такъ какъ баня назначается преимущественно для родильницъ, то новорожденный только въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ вымытъ надлежащимъ образомъ, въ большинствѣ-же на его кожѣ и въ особенности въ складкахъ ея остается творожистая масса (vernix caseosa). Если къ такому недостаточному уходу за кожей младенца на первыхъ порахъ прибавимъ употребленіе нечистыхъ и довольно жесткихъ пеленокъ, состоящихъ изъ оборвышей поношеннаго бѣлья, то станетъ понятнымъ, почему нѣжная кожа новорожденныхъ, приблизительно къ 10-му дню, покрывается довольно густой, мелкой, темно-красной, папулезной сыпью, кое-гдѣ съ гнойными верхушками. Сыпь эту называютъ цвѣтомъ и обыкновенно ея развитіе совпадаетъ съ появленіемъ плѣсни (soor), составляющей послѣдствіе нечистаго содержанія рта. Здѣсь кстати замѣтить, что съ появленіемъ сыпи перестаютъ мыть ребенка, опасаясь быстраго ея исчезанія, которое по народному повѣрью влечетъ за собою тяжкія страданія внутреннихъ органовъ (на нутрь падетъ).

Въ *Лукоянскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи*,—по свидѣтельству св. Гуляева,—омовеніе новорожденнаго производится всегда почти вслѣдъ за рожденіемъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дитя родится. Это первоначальное омовеніе потомъ повторяется и производится, такъ сказать, уже на *бѣло* въ банѣ, въ одной теплой водѣ безъ всякихъ примѣсей и только изрѣдка иныя бабки, въ предохраненіе отъ накожныхъ сыпей, скачиваютъ новорожденнаго теплымъ хлѣбнымъ виномъ. Въ *Васильевскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству св. Свѣтовидова,—тотчасъ по рожденіи младенецъ омывается теплою водою и когда родильница съ новорожденнымъ отводится (чрезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ) въ баню,—тамъ младенецъ снова омывается теплымъ щелокомъ или водою и вытирается мокрою тряп-

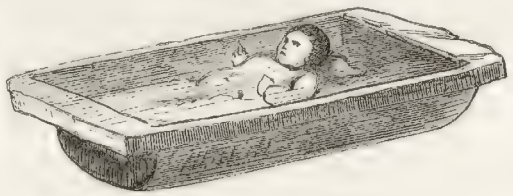
кою съ мыломъ, котораго женщины во время беременности нарочно покупаетъ копѣйки на двѣ—на три, а нѣкоторыя бабки, для лучшаго сведенія родимой нечистоты съ тѣла младенца, кромѣ того парятъ его вѣникомъ. Въ Ветлужскомъ краѣ *Макарьевскаго* уѣзда той же губерніи,—по свидѣтельству М. М. Поспѣлова,—омовеніе послѣ рожденія происходитъ такимъ образомъ: въ правую руку берутъ ковшъ или чашку съ теплой водой, а лѣвою рукой подхватываютъ младенца подъ грудочку и льютъ ему воду на голову и на спину, затѣмъ не обсушивъ запеленываютъ и кладутъ на печь. А когда баня будетъ готова, то отводятъ роженицу съ младенцемъ въ баню, гдѣ еще нѣсколько разъ его обмываютъ такимъ же образомъ и наконецъ парятъ вѣникомъ.

Въ *Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи*,—по свидѣтельству врача Ордина,—тотчасъ по рожденіи моютъ ребенка въ банѣ (и только въ исключительныхъ случаяхъ въ избѣ) теплой водой съ мыломъ. Подобныя омовенія его повторяются затѣмъ ежедневно въ теченіе обыкновенно одной—двухъ недѣль (если ребенокъ слабъ, частыя и продолжительныя омовенія, по мнѣнію народа, полезны), послѣ чего они дѣлаются черезъ день и наконецъ все рѣже и рѣже до одного раза въ 1—2 недѣли. Въ случаѣ заболѣванія ребенка, омовенія въ банѣ совершаются почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Въ *Архангельской* губерніи,— по свидѣтельству врачей, доставившихъ оттуда свѣдѣнія,—если рожденіе ребенка произошло въ банѣ, то сейчасъ-же по рожденіи тамъ моютъ его одной чистой теплой водой или же водой съ мыломъ. Самое омовеніе,—по свидѣтельству врача Г., по крайней мѣрѣ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, производится такъ, что повитуха моетъ ребенка на полкѣ, держа его на колѣнахъ, причемъ растираетъ все тѣло тряпкою или мочалкою съ мыломъ, начиная съ головы. Если же ребенокъ родится внѣ бани, то въ ожиданіи послѣдней обмываютъ все тѣло его комнатною водою изъ умывальника и затѣмъ уже моютъ теплою водою въ банѣ одинъ разъ въ недѣлю. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ въ первые мѣсяцы жизни моютъ младенца теплою водою всякій день или черезъ день. Если ребенокъ днемъ замарается испраженіями, то его обмываютъ комнатною водою изъ умывальника. Ночью-же рѣдкая мать дѣлаетъ это обмываніе; она ограничивается только тѣмъ, что подкладываетъ подъ него сухую тряпку.

Въ *Рогачевскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи*, по свидѣтельству Г. Красюка,—моютъ ребятъ сейчасъ-же послѣ рожденія, первый разъ какъ можно чище и обыкновенно губкой съ мыломъ, держатъ въ водѣ четверть часа. При дальнѣйшихъ купаньяхъ иногда прибавляютъ настой травы пестены, которую предварительно парятъ и затѣмъ настой вливаютъ въ корыто. Въ первое время, до 4-хъ недѣль купанье продолжается по возможности часто, почти ежедневно, исключая пятницъ и воскресеній, которыя здѣсь считаются торжественными.

Въ *Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи*,—по свидѣтельству В.И. Колюбакина,—омовеніе новорожденнаго производится сейчасъ-же послѣ рожденія въ заранѣе приготовленной водѣ, температуры парнаго молока которую вливаютъ въ небольшое корыто, по мѣстному, латокъ. Тѣло ребенка вытирается губкой, или суконкой, натертой мыломъ. Губку обыкновенно покупаютъ для первенцевъ, которая служитъ



Фиг. 11. Мытье дитяти въ корытѣ по русски.

и остальнымъ, а ежели приходитъ въ негодность, то ее замѣняютъ суконкой. До шести недѣль ребенка купаютъ два раза въ день, до полугода—одинъ разъ, за тѣмъ рѣже, а съ года—разъ въ недѣлю, только по субботамъ.

Въ *Казанской* губерніи, по свидѣтельству врача Соловьева, послѣ опариванія моютъ ребенка въ тепловатой водѣ, безъ всякихъ примѣсей. Температуру ея опредѣляютъ рукой: терпитъ рука, значитъ, ребенка купать и мыть можно.

Въ *Черниговской* губерніи, по свидѣтельству Г. Константинова, омовеніе новорожденныхъ производится черезъ часъ и два по рожденіи въ теплой водѣ. Далѣе купанье дѣтей производится почти ежедневно, лѣтомъ чаще, а зимою рѣже до того времени, пока дѣти кормятся грудью. Для купанья употребляютъ иногда ароматическія травы, васильки, любистокъ, гвоздику и т. п.

Въ *Донской Области*, по свидѣтельству учителя Г. Антонова,—тотчасъ по рожденіи купаютъ ребенка въ грѣтой водѣ, въ которую раньше кладутъ нѣкоторыя душистыя и другія травы. Къ первымъ относятся: чеборъ (чубуръ, чебрецъ), душица (материнка), любистокъ, а къ послѣднимъ—толегушка. Также купанье продолжается ежедневно, утромъ и вечеромъ почти шесть недѣль. До чего доходитъ эта аккуратность у крестьянъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: у меня на виду,—говоритъ Г. Антоновъ,—были двѣ крестьянки—матери изъ одного дома. Такъ какъ время родовъ совпадало съ полевыми работами, онѣ не могли дома ухаживать (конечно по своему) за дѣтьми, по этой причинѣ возили ихъ въ поле, а дабы дѣти и

тамъ не лишались купанья, матери ихъ выкопали въ полѣ по ямѣ, грѣли въ полевыхъ котлахъ воду, клали дѣтей въ вырытыя ямы и поливали ихъ водой.

Въ *Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи*, по свидѣтельству врача Садовскаго,—омовеніе производится вскорѣ послѣ родовъ въ чистой водѣ безъ всякихъ примѣсей.

Чистоплотнымъ уходомъза дѣтьми отличаются мало россіяне. Въ *Житомірскомъ уѣздѣ Волынской губерніи*,—по свидѣтельству врача Лисицина,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне въ первое время не моютъ своихъ дѣтей, а обертываютъ ихъ теплыми сухими пеленками и кладутъ въ тепломъ мѣстѣ на печкѣ или около матери. Когда дитя высохло, тѣло его омывается въ чистой, теплой водѣ въ корытѣ (ночвахъ). Въ теплой водѣ, по мнѣнію крестьянъ, нужно мыть для того, чтобы ребенокъ не былъ сердитъ. Это омовеніе производится ежедневно до 2—4 недѣль, а въ иныхъ мѣстахъ до 5 мѣсяцевъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впрочемъ моютъ ребенка тотчасъ по рожденіи, не дожидаясь, пока онъ обсохнетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, спустя нѣсколько дней по рожденіи моютъ дѣтей въ ароматическихъ травахъ; въ нѣкоторыхъ-же моютъ даже въ холодной водѣ. Въ *Новоградволынскомъ уѣздѣ* той-же губерніи,—по свидѣтельству врачей Высоцкаго и Мечниковскаго, — первое омовеніе производится спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія въ чистой, теплой водѣ, не выше 28° R. Эти купанья производятся и послѣ ежедневно до полугодичной жизни младенца, а послѣ рѣже и рѣже. Въ дальнѣйшихъ періодахъ купаютъ и золотушныхъ дѣтей въ теплой водѣ съ примѣсью различныхъ средствъ: поваренной соли, ароматическихъ травъ и т. п. Въ *Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи*,—по свидѣтельству врачей Вальковскаго и Р., — омовеніе производится тотчасъ по рожденіи дитяти въ теплой водѣ и повторяется это ежедневно или черезъ день до года и болѣе; у иныхъ-же простолюдиновъ это вовсе не дѣлается, а замѣняется обтираніемъ дитяти по рожденіи холстинкою, смоченною въ теплой водѣ. Въ *Кременецкомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача К.,—купанье ребенка производится вскорѣ послѣ рожденія, въ теплой водѣ, 28°, иногда съ прибавленіемъ молока, въ первые дни по два раза въ день, а затѣмъ по одному до 3 - 6 недѣль.—По свидѣтельству Д-ра Піотровскаго въ *Владимірѣ-Волынскомъ* уѣздѣ той-же губерніи омовеніе никогда не производится у крестьянъ (а также и у Евреевъ) сейчасъ послѣ рожденія; а спустя около сутокъ времени, повитуха приноситъ прежде заготовленныя на этотъ предметъ разныя сухія растенія, кладетъ ихъ въ ночвы, наливаетъ горячею водою и когда вода остынетъ до такой степени, что не жжетъ руки, вложенной въ купель, тогда въ этомъ настоѣ купаютъ ребенка, подмащивая положенныя растенія подъ голову, въ видѣ подушечки. Употребительнѣйшія изъ растеній для купанья новорожденныхъ: мята, рута, origanum и hypesicum hipciforatum. Послѣднему растенію приписываютъ разныя цѣлительныя свойства. Купая ребенка, головы не вымываютъ до чиста. Мыла при купаніи новорожденныхъ никогда не употребляютъ, отчего вся волосистая часть головы все болѣе и болѣе покрывается толстымъ слоемъ грязной шелухи. Въ простонародіи существуетъ повѣріе, что этой шелухи нельзя даже трогать, потому что ребенокъ будетъ болѣть головою. Гораздо болѣе предразсудковъ въ этомъ случаѣ у Евреевъ. Представляется очищеніе головы отъ шелухи времени, самой природѣ и не рѣдко можно видѣть дѣтей 5-ти лѣтъ съ подобною нечистотою на головѣ. Понятно, что вслѣдствіе неопрятнаго содержанія головы часто встрѣчаются у дѣтей и взрослыхъ на головѣ сыпныя болѣзни; лишаи, парши и др. Крестьянскія дѣти, лѣтомъ бѣгая по улицѣ во время дождя съ открытою головою, раньше избавляются отъ нечистоты на головѣ, чѣмъ Еврейскія дѣти, которыя шапки не охотно покидаютъ. Первыя, шаля, а можетъ быть инстинктивно смачиваютъ себѣ голову дождевой водой — въ лужѣ; тогда ихъ начинаютъ чесать и голова мало по малу освобождается отъ засохшей, склепившейся шелухи. Въ *Ровенскомъ* уѣздѣ той-же губерніи омовеніе производится тотчасъ по рожденіи въ чистой, теплой водѣ, къ которой иногда прибавляютъ настой сѣнной трухи, ароматическихъ травъ (тымянной), отваръ пшеничныхъ отрубей, или-же купаютъ въ нагрѣтомъ бураковомъ квасѣ. Купанье въ чистой водѣ обыкновенно продолжается до 6-ти мѣсячнаго возраста младенца, повторяясь въ первыхъ дняхъ жизни аккуратно 2 раза въ день, утромъ и вечеромъ и затѣмъ разъ въ сутки и еще рѣже. Тѣло вытирается слегка мягкою, чистою, холщевою тряпкою или морскою губкою.

Въ томъ-же уѣздѣ, — по свидѣтельству Л., — вскорѣ по рожденіи ребенка обмываютъ въ ночвахъ (корытахъ) въ теплой, чистой водѣ, температура коей измѣряется погруженіемъ въ воду локтеваго сустава женщины, принимающей ребенка. Купанье это производится ежедневно у болѣе зажиточныхъ семействъ; у прочихъ же оно производится гораздо рѣже, а потому отъ нечистоты, опрѣлости кожи бываютъ огромныя, иногда превращающіяся въ язвы, доходящія до омертвенія. Въ *Малороссіи*, -говоритъ г. Жукъ, [1]),—разбавивъ воду въ ваннѣ по своему усмотрѣнію, т. е. сдѣлавъ ее положительно горячей, закрываютъ толстой тряпкой корыто съ ребенкомъ, оставляя открытымъ только часть личика, чтобы несчастный крошка могъ дышать, и оставляютъ его такимъ образомъ на пѣ-

[1]) В. Н. Жукъ: Мать и дитя. 1881 г. стр. 132.

сколько часовъ, «щобы дѣтынка разомлила». Дитя, распаренное и крайне ослабленное такимъ дѣйствіемъ ванны, спитъ безъ просыпу. Этого-то и нужно матери. Только отъ времени до времени ей остается попробовать, не простыла-ли ванна; но вода окруженная дурными проводниками, долго не стынетъ.

Въ *Вятской* губерніи, — по свидѣтельству Д-ра Радакова,—ребенокъ моется въ какой нибудь «посудинѣ», въ ведрѣ или кадкѣ, или просто на лавкѣ, только первые дни послѣ родовъ. Въ корытахъ, въ которыхъ почти все тѣло ребенка было-бы покрыто водою, никогда не моютъ; большею частію ребенокъ лежитъ просто на лавкѣ, причемъ на него по временамъ плещутъ водой. При этой процедурѣ не предпринимается обыкновенно никакихъ предосторожностей.—Такъ во время мытья, даже зимой, холодный воздухъ свободно входитъ и выходитъ изъ дверей избы. Но подобное мытье, какъ сказано, производится только въ первые дни послѣ родовъ; послѣ этого обмываютъ дѣтямъ только части, замаранныя экскрементами, или мочей, все-же тѣло очень рѣдко обмываютъ и преимущественно только въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣтскомъ тѣлѣ появляется «свербежъ» (чесотка) — болѣзнь очень распространенная среди крестьянъ. Въ *Сарапульскомъ* уѣздѣ той-же губерніи — по свидѣтельству Красильникова, — новорожденнаго до 3—7 дней моютъ въ банѣ теплою водою безъ всякихъ примѣсей, ежедневно, за тѣмъ рѣже, а по прошествіи трехъ или четырехъ недѣль, дитя омывается только разъ въ недѣлю и все таки одной теплой водой безъ примѣсей. Въ томъ-же уѣздѣ,— по свидѣтельству Менькова,—при омовеніи дитяти теплою водою употребляютъ зажиточные крестьяне грецкую губку, другіе бѣлую вѣтошку или бѣлое полотенце, а бѣдные—мягкую овечью шерсть лѣтняго стриженія. Иногда при омовеніяхъ этихъ зажиточные крестьяне кромѣ губки употребляютъ еще хорошее душистое мыло, отъ чего по увѣренію ихъ, тѣло дитяти дѣлается цвѣтнѣе, мягче, бѣлѣе и чище. Въ *Котельническомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству Протасова,—при омовеніи иногда кладутъ въ воду нѣсколько золотниковъ соли, чтобы младенецъ не изурочился. Въ *Глазовскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству протоіерея Фармановскаго,—соль кладутъ не въ воду, но передъ тѣмъ какъ нести ребенка въ баню, посыпаютъ ему соль на голову. Это дѣлается въ предупрежденіе отъ уроковъ или отъ очесъ призора. Въ *Вятскомъ* уѣздѣ, — по свидѣтельству Богданова,—при омовеніи дѣтей ничего въ воду не примѣшиваютъ, кромѣ одной щепотки соли, которая кладется въ воду крестообразно съ произношеніемъ словъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!» или-же этою солью осыпается голова дитяти. То и другое дѣлается съ тою собственно цѣлію, чтобы дитя не могло подвергнуться урокамъ при взглядѣ на него постороннихъ лицъ.

Въ *Кунгурскомъ* уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству священника Будрина,—тотчасъ по рожденіи повитуха беретъ горшокъ теплой воды и тщательно омываетъ ею ребенка; затѣмъ закутавъ его въ чистыя, мягкія пеленки, въ зимнее время кладетъ на печь, а въ лѣтнее куда нибудь въ уголъ на лавку. Затѣмъ заготовляютъ баню, обмываютъ тамъ новорожденнаго вмѣстѣ съ матерью и парятъ посредствомъ хлестанія березовымъ небольшимъ и мягкимъ вѣникомъ, приговаривая; «не я тебя правлю, не я тебя парю, а бабушка Солманида шелковымъ вѣникомъ по бумажному тѣлу!» Омовеніе младенца и паренье въ банѣ производится каждый день въ продолженіе цѣлой первой недѣли, а въ послѣдующія недѣли рѣже, смотря по тому, какъ покойно спитъ ребенокъ. Вообще надобно замѣтить,—говоритъ референтъ,—что чѣмъ больше у насъ ребенокъ плачетъ, тѣмъ чаще подвергается хлестанію въ банѣ вѣникомъ. Въ *Шадринскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству сельскаго учителя Г. Архангельскаго,—хорошая повитуха старается первымъ дѣломъ обмыть глаза ребенка, такъ какъ если оставить ихъ безъ омовенія, они послѣ гноятся и очень по долгу болятъ. Температура воды, предназначаемой для омовенія обыкновенно измѣряется рукой бабушки-повитухи; но при этомъ нужно замѣтить, что возвышенная температура сильно уважается нашими крестьянами и потому по пословицѣ «паръ костей не ломитъ», они какъ при рожденіи, такъ и послѣ ужъ черезъ чуръ сильно угощаютъ своихъ ребятъ вѣникомъ въ сильномъ жару и обдавая ихъ водой, въ которой едва терпитъ опущенный палецъ. Въ *Камышловскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству св. Удинцева,—омовеніе новорожденнаго производится тотчасъ-же по рожденіи и состоитъ въ томъ, что ребенка ежедневно въ первые три и иногда до девяти дней носятъ въ баню, даже не по однажды въ день, гдѣ и производится омовеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и паренье. Омовеніе новорожденнаго въ комнатѣ производится въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ крайней слабости ребенка. Послѣ 9 дней омовеніе производится рѣдко, разъ или два въ недѣлю и все въ той-же банѣ. Лѣтомъ-же, во время страды, кажется и вовсе не производится омовеніе, развѣ разъ въ недѣлю. Въ *Верхотурскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, по свидѣтельству св. Флавіанова,— омовеніе производится въ ближайшее время по рожденіи и именно въ первый день, производится въ банихъ и теплой, мыльной водѣ. Въ случаѣ-же какихъ либо накожныхъ сыпей прибавляется въ воду немного соли, иногда-же соль прибавляется и какъ средство отъ

уроковъ, отъ благаго глаза. Въ *Чердынскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству св. Бабина,—омовеніе производится спустя два—три часа по рожденіи, пока не протопится баня, гдѣ онъ омывается водой съ мыломъ и парится березовымъ вѣникомъ при довольно высокой температурѣ. Иногда омовеніе производится съ прибавленіемъ щелока, т. е. воды, настоенной на печной золѣ.

Въ *Тобольской* губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова, омовеніе новорожденнаго у крестьянъ производится двоякимъ образомъ: большею частію вскорѣ послѣ рожденія повитуха моетъ его въ обыкновенной теплой водѣ, а потомъ спустя нѣсколько часовъ, несетъ его въ баню, гдѣ также моетъ. У раскольниковъ сначала моютъ дома въ корытцахъ, потомъ по окончаніи старообрядческаго крещенія, посятъ ежедневно въ баню, гдѣ парятъ вѣниками.

Въ *Балаганскомъ* Округѣ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству врача Поликовскаго, у русскаго населенія первое омовеніе обыкновенно производится тотчасъ-же послѣ рожденія теплой, чистой водою, въ корытахъ или иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, посредствомъ обливанія. Затѣмъ ребенка несутъ въ баню и обмываютъ его вторично вмѣстѣ съ матерью также лишь теплой водой. Подобныяже омовенія производятъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней, а затѣмъ купаютъ уже не чаще какъ разъ въ недѣлю до того времени, когда ребенокъ начинаетъ ползать и ходить.

Въ *Красноярскомъ* Округѣ Енисейской губерніи,—по свидѣтельству г. Петрова,—тотчасъ по рожденіи младенецъ омывается теплой водой въ избѣ, въ чистомъ корытцѣ или тазу, смотря по состоянію родителей. Для омовенія употребляется только мыло, – другихъ постороннихъ веществъ не кладутъ. Когда-же родильница поправится на столько, что въ состояніи ходить, тогда моютъ младенца вмѣстѣ съ нею въ банѣ. Затѣмъ въ теченіе 24-хъ недѣль продолжаютъ омывать его теплой водою или ежедневно, или черезъ день, два, или три, смотря по желанію и привычкѣ къ чистоплотности родильницы, домашней обстановкѣ и средствамъ къ жизни.

Сводя итоги всего изложеннаго относительно омовенія русскихъ дѣтей, мы еще разъ должны повторить и теперь уже на основаніи приведенныхъ свѣдѣній, что Русскіе вообще любятъ мыть своихъ дѣтей, особенно въ первое время ихъ жизни, до 6-ти недѣль. Затѣмъ они моютъ ихъ нѣсколько рѣже до 5—6 мѣсяцевъ, но вообще не забываютъ болѣе или менѣе часто мыть ихъ до года. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, притомъ, кажется, лишь въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Еврейскими и инородческими населеніями, русскій ребенокъ остается подолгу безъ омовенія. Мѣстомъ мытья русскаго ребенка служатъ: изба, печка, баня и всякое другое мѣсто, гдѣ онъ родится. Посуда, употребляемая для мытья, различна: корыто, ведро, кадка, ковшъ, чашка, умывальникъ; или-же мытье производится прямо на лавкѣ, на полкѣ, на колѣнахъ повитухи и т. д. Вода для мытья чаще всего употребляется чистая, температуры такой, какую терпитъ опущенная рука, локоть и т. п. Иногда къ ней прибавляются: мыло, щелокъ, водка. Рѣже прибавляются настои травъ: васильки, любистикъ, гвоздика, пестена, душица, толстушка, мята, рута, свѣжая труха, отруби. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ прибавляются еще молоко, соль, квасъ. —Для лучшаго очищенія нечистоты съ тѣла употребляются: овечья шерсть, тряпка, ветошка, полотенце, мочалка, суконка, вѣникъ, губка.

Обычаи омовенія дѣтей у инородцевъ Россіи. *Зыряне* Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ, — вскорѣ по рожденіи моютъ ребенка въ теплой водѣ, предварительно смазавъ кожу его или деревяннымъ масломъ, или же яичнымъ желткомъ. Съ 3—4 недѣли по рожденіи мать беретъ ребенка съ собой въ баню, гдѣ моетъ и паритъ его вѣникомъ.

Во всей *Финляндіи*, — по свидѣтельству г. Нюберга,—омовеніе дитяти производится тотчасъ по рожденіи въ теплой водѣ безъ всякихъ примѣсей. Только въ случаѣ появленія щетины, обтираютъ тѣло зеленымъ (нѣмецкимъ или русскимъ) мыломъ. Омовеніе производится ежедневно.

У *Эстовъ*, по свидѣтельству д-ра Крейцвальда и Іорданъ,– тотчасъ по рожденіи моютъ ребенка мыломъ въ теплой водѣ, безъ всякихъ другихъ примѣсей.

У *Литовцевъ*,—по свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, — тотчасъ по рожденіи повитуха или знахарка обмываетъ дѣтей самою холодною водою,—въ потѣ богини Лакумы, какъ говорятъ они, – богини плодородія земли. [1]) У Литовцевъ Владиславскаго уѣзда Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Петровскаго,—сейчасъ послѣ рожденія купаютъ ребенка въ чистой, теплой водѣ; затѣмъ спустя нѣсколько часовъ, до половины дня, купаютъ вторично въ теплой-же водѣ, съ прибавленіемъ мыла, послѣ чего везутъ сейчасъ ребенка въ костелъ крестить (всегда въ холодной водѣ, какъ увидимъ ниже).

Въ Сувалкскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Ибянскаго,—у *Поляковъ*, по примѣру русскихъ, моютъ ребенка сейчасъ-же по рожденіи въ теплой водѣ, причемъ не рѣдко употребляется и мыло.

Въ *Сейнскомъ* уѣздѣ Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству врача Васякъ,—тотчасъ послѣ рож-

[1]) Этнограф. Сборникъ В. Ш. С. П. 1858 г., стр. 142.

денія обертываютъ ребенка въ холщевую тряпку, кладутъ на перяную подушку и складываютъ въ тепломъ мѣстѣ. Спустя 4—6 часовъ послѣ рожденія моютъ ребенка въ теплой водѣ, производя также омовеніе ежедневно до 3-хъ мѣсячнаго возраста, а послѣ того два раза въ недѣлю до 6-ти мѣсяцевъ и одинъ разъ въ недѣлю до года.

Евреи, такъ называемаго западнаго края Россіи, живущіе въ Польшѣ и около нея, относятся къ своимъ новорожденнымъ вообще крайне неряшливо; во многихъ мѣстахъ, какъ мы уже видѣли выше, они даже вовсе не моютъ ихъ, или-же моютъ лишь весьма рѣдко. Въ тѣхъ мѣстностяхъ и семьяхъ, въ которыхъ омовеніе дѣтей не совсѣмъ пренебрежено, послѣднее сопровождается все таки нѣкоторыми весьма странными обычаями. Такъ напр. въ *Сувалкскомъ* уѣздѣ Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству врача Ибянскаго, — въ случаѣ рожденія ребенка ночью, вовсе не купаютъ его, согласно своимъ законамъ, до утра; въ случаѣ-же рожденія днемъ, купаютъ его въ теплой водѣ съ употребленіемъ мыла. О томъ-же свидѣтельствуетъ врачъ Петровскій по Владиславовскому уѣзду Сувалкской губерніи. Во всемъ западномъ краѣ Россіи, по свидѣтельству А. Неводничанскаго [1]), — новорожденнаго до 8 дня, т. е. мальчика до обрѣзанія, а дѣвочку до нареченія именемъ, не моютъ, а прямо обертываютъ кускомъ холста, часто грязнаго, и кладутъ въ подушку. Зная участіе кожи въ процессѣ дыханія у дѣтей,—прибавляетъ референтъ, понятно, какъ вредно дѣйствуетъ тутъ засохшая vernix caseosa. Вообще купанье малыхъ дѣтей у нашихъ евреевъ не въ модѣ, купаютъ ихъ немногія, болѣе состоятельныя матери. На второмъ году жизни дѣтей носятъ въ бани самаго простаго устройства, съ холодными передбанниками, гдѣ ихъ простуживаютъ и передаютъ имъ болѣзни отъ другихъ дѣтей. Вообще еврейскія дѣти почти всегда грязныя. Въ *Горноковалійскомъ* уѣздѣ Варшавской губерніи, — по свидѣтельству г. Сахарова, — Евреи не обмываютъ новорожденныхъ до 8 дней. Въ *Радомскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству г. Сахарова, — очень бѣдные Евреи совсѣмъ не моютъ новорожденныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ предъ чистымъ омовеніемъ предварительно омываютъ его человѣческой мочей. Въ *Плоцкомъ* уѣздѣ Могилевской губерніи,—по свидѣтельству И. А. П., — Евреи не моютъ новорожденныхъ до 5—7 дней. Еврейскіе-же мальчики бываютъ не мыты даже по 12 дней, такъ какъ на 8 день обрѣзываютъ ихъ. Въ *Дубенскомъ* уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Невяровскаго,—омовеніе новорожденнаго производится приблизительно около 12 часовъ дня, почему если ребенокъ рождается послѣ полудня, то его купаютъ только на слѣдующій день въ полдень. Въ *Черниговской* губерніи, по свидѣтельству Г. Константинова,—омовеніе новорожденныхъ у Евреевъ производится черезъ часъ и два по рожденіи, затѣмъ они обыкновенно дѣтей уже болѣе не купаютъ. Въ *Бахмутскомъ* уѣздѣ Екатеринославской губерніи, по свидѣтельству врача Садовскаго,—распространенъ обычай у Евреевъ не смывать на головѣ у маленькихъ дѣтей струпьевъ, образующихся между волосами отъ шелушенія кожи, такъ что не рѣдко дѣло доходитъ до того, что вся голова бываетъ покрыта однимъ сплошнымъ струпомъ.

Цыгане въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Р., — если дѣлаютъ омовеніе дѣтей по рожденіи, то не въ теплой, а въ холодной водѣ, несмотря на время года. Въ *Радомскомъ* уѣздѣ Варшавской губерніи, по свидѣтельству г. Сахарова, цыгане моютъ новорожденнаго въ отварѣ коры ольховой и дубовой, кланяясь при этомъ на востокъ 9 разъ и погружая ребенка. Это повторяется иногда три раза въ день въ продолженіи восьми дней.

Крымскіе *Татары* ежедневно купаютъ дѣтей своихъ въ соленой водѣ, для того чтобы кожа ихъ загрубѣла и сдѣлалась нечувствительною къ холоду. Этотъ обычай,—по свидѣтельству Боплана [1]) —существовалъ у Крымскихъ Татаръ еще въ половинѣ 17-го столѣтія. У татаръ *Кунгурскаго* уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя школы г. Введенскаго и г. Васильева,—омовеніе дитяти производится тотчасъ послѣ рожденія въ теплой водѣ, въ которой растворено небольшое количество соли.

Черемисы Красно уфимскаго уѣзда Пермской губерніи, — по свидѣтельству учителя школы г. Манохина, — тотчасъ по рожденіи моютъ дитя теплой водой съ простымъ мыломъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родится дитя, т. е. въ избѣ или въ банѣ.

Пермяки, живущіе въ Инвенскомъ Округѣ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи, народъ, говорящій своимъ особымъ языкомъ и имѣющій во многомъ своеобразные обычаи,—по свидѣтельству Предсѣдателя Земской Управы К., — моютъ новорожденныхъ дѣтей своихъ немедленно послѣ рожденія и большею частію въ теплой водѣ, которую передъ родами заготовляютъ преимущественно сами родильницы, если сколько нибудь въ силахъ, или-же, если теплой воды не заготовлено, то въ обыкновенной «дряблой», т. е. комнатной.

Мещеряки, магометанскаго вѣроисповѣданія, живущіе въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губер-

[1]) А. Неводничанскій: очерки изъ жизни евреевъ. (Протоколы очереднаго засѣданія общества Минскихъ врачей. 1869 г. № 31).

[1]) Описаніе Украйны Боплана, перев. съ французскаго. 1832 г. стр. 42.

ніи,—по свидѣтельству г. Калевитова,—моютъ дѣтей своихъ тотчасъ по рожденіи теплой водой и потомъ въ теченіе первыхъ пяти дней каждодневно по одному разу въ банѣ.

Первоначальное омовеніе новорожденныхъ младенцевъ въ средѣ *Вотскаго* племени Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея Фармановскаго,—совершается немедленно по рожденіи, большею частію въ банѣ, заранѣе приготовленной, теплой водой. Но бываютъ случаи, въ которыхъ почему либо не доводится согрѣть воду, тогда, ни мало не смущаясь, омываютъ ребенка и холодной водой. Холодная вода не рѣдко употребляется у Вотяковъ и въ дальнѣйшихъ возрастахъ, при омовеніи дѣтей отъ нечистоты. Этому обстоятельству, можетъ быть, слѣдуетъ приписать то явленіе, что кожа вотскихъ дѣтей дѣлается мало чувствительною къ воздушнымъ перемѣнамъ и потому-же въ деревняхъ нерѣдко доводится видѣть, какъ въ зимнее время годовыхъ или даже въ меньшемъ еще возрастѣ дѣтей ничѣмъ, кромѣ рубашки, не одѣтыхъ и не покрытыхъ переносятъ черезъ всю улицу въ сосѣдній домъ безъ всякихъ повидимому дурныхъ послѣдствій для ребенка.

Грузины, *Армяне* и нѣкоторыя другія племена Кавказа сначала, какъ мы видѣли выше, натираютъ или посыпаютъ новорожденныхъ солью и затѣмъ, спустя 12—48 часовъ, моютъ ихъ въ первый разъ. Омовеніе это почти всегда производится въ теплой и чистой водѣ безъ всякихъ примѣсей и настоевъ. Близъ Тифлиса и Карталиніи, — по свидѣтельству Г. Н.,—новорожденнаго не купаютъ въ продолженіе трехъ дней отъ рожденія, а держатъ его въ это время въ пеленкахъ, засыпанныхъ въ соли. Послѣ трехъ дней пріучаютъ къ купанью въ такой водѣ съ мыломъ и если замѣчаютъ, что ребенокъ хорошо переноситъ это, то купаютъ его въ недѣлю одинъ разъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Карабага Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ-Мирзоева [1]),—омовеніе дѣтей сопряжено съ нѣкоторыми суевѣріями мусульманокъ, вслѣдствіе чего онѣ напр. купаютъ младенца первый разъ въ первый день жизни, второй—въ 11-й и затѣмъ въ 40-й день отъ рожденія. Послѣ этого третьяго купанья можно купать хоть каждый день; но наши мусульманки, за рѣдкими исключеніями, не отличаются въ этомъ отношеніи особенною чистоплотностію и купаютъ своихъ дѣтей въ три—четыре недѣли разъ. Рѣдкое купаніе дѣтей не мѣшаетъ мусульманскимъ матерямъ ежедневно два раза утромъ и вечеромъ совершать дѣтямъ ниже поясницы омовеніе совершенно холодною водою и подобное омовеніе начинается съ перваго дня жизни ребенка. Омовеніе это обыкновенно совершается такимъ образомъ: вставъ рано утромъ, —говоритъ Сашабекъ-Мирзоевъ,—сельская мусульманка вымететъ свою хату, разведетъ огонь, пойдетъ по воду и затѣмъ, взявъ изъ люльки своего младенца, вынесетъ его на дворъ къ канавѣ, которая почти вездѣ течетъ по дворамъ. Тамъ распеленавъ ребенка, она его обмоетъ въ канавѣ, не стѣсняясь ни ненастною погодою, ни холоднымъ временемъ года. Обмывъ ребенка, она оставляетъ грязныя тряпки у канавы, сама несетъ ребенка въ хату и тамъ, уложивъ его на голой землѣ, возвращается къ канавѣ стирать тряпки—пеленки. Стирка производится холодною водою безъ мыла. Если ребенокъ принадлежитъ къ очень достаточной семьѣ, то мать, черезъ полчаса по окончаніи стирки, пеленаетъ его въ сухія пеленки; въ противномъ случаѣ у ребенка нѣтъ другой перемѣны пеленокъ и мать раскладываетъ мокрыя пеленки вокругъ огня и какъ только онѣ дѣлаются теплыми, безцеремонно пеленаетъ въ нихъ ребенка, хотя пеленки эти еще совершенно мокры. Такимъ образомъ ребенокъ находится постоянно въ мокрыхъ тряпкахъ. Этотъ процессъ распеленыванія и обмыванія повторяется и вечеромъ.

Ичкеринцы Введенскаго округа Терской области,—происхожденіемъ чистые Чеченцы,—по свидѣтельству врача Ш., — новорожденныхъ тотчасъ послѣ рожденія купаютъ въ горячей водѣ ежедневно, чередуя это обмываніе смазываніемъ саломъ всего тѣла. Смазываніе это, производимое Ичкеринцами съ замѣчательною послѣдовательностію во всю жизнь, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нечистое содержаніе кожи, которое и служитъ главною причиною страданія ея всѣми накожными болѣзнями. Затѣмъ въ силу своихъ религіозныхъ обычаевъ, обязательныхъ и для дѣтей, а именно, чтобы быть угодными Богу во всякое время своего бодрствованія, Ичкеринцы стараются всегда быть чистыми и съ этою цѣлію при совершеніи какой-либо работы или естественныхъ потребностей, они умываютъ лицо, руки и безусловно всегда половые органы во всякое время года. Но въ сущности эти частичныя омовенія ни мало не содѣйствуютъ желаемой опрятности, не говоря уже о томъ, что каждый мусульманинъ разъ въ недѣлю пачкаетъ свое тѣло масломъ или саломъ.

Между жителями *Карачая* на Кавказѣ, живущими въ саклях безъ печей, гдѣ единственное спасеніе отъ холода во время зимы — огонь раскладываемый въ очагѣ и поддерживаемый во всякое время дня и ночи, — по свидѣтельству М. Алейникова,—омовеніе новорожденнаго производится тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ Божій; для чего повивальная бабка беретъ ребенка грудью на лѣвую руку, а правой смываетъ надъ тазомъ или корытомъ изъ кубгана (родъ мѣднаго кувшина съ узкимъ горлышкомъ, ручкою и водо-

[1]) Кавказъ 1879 г. № 42.

проходною тонкою трубочкой) теплою водою всѣ оставшіяся на немъ нечистоты. Такое купанье повторяется ежедневно въ продолженіе одной или двухъ недѣль, а затѣмъ промежутокъ времени постепенно отдаляется, конечно различно, смотря по прилежанію матери и обстановкѣ ея жизни, иногда чрезъ три – пять дней и это хотя рѣдкое омовеніе продолжается до двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ оно производится чрезъ ½, 1, 12 мѣсяцевъ и наконецъ оставляютъ совершенно безъ всякаго купанья, кромѣ умыванія лица, и то въ такихъ случаяхъ, когда оно загрязнится до того, что только одни глаза блестятъ. Вслѣдствіе того у дѣтей всегда на головѣ бываютъ парши, трудно излечимыя и уничтожающія даже корни волосъ.

У *Айсаровъ* Эриванскаго уѣзда,—по свидѣтельству П. Ейвазова,—ребенка ни въ какомъ случаѣ не моютъ въ день рожденія, а непремѣнно въ слѣдующій и въ теплой водѣ, куда кладутъ немного соли и кусокъ желѣза, въ знакъ крѣпости. При омовеніи соблюдаются различныя суевѣрныя правила, а именно: во вторникъ, среду и пятницу ребенка не омываютъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ эти дни сатана больше дѣйствуетъ на человѣка. Омовеніе продолжается семь дней ежедневно, не считая трехъ упомянутыхъ дней, а потомъ въ недѣлю разъ.

Въ *Осетіи*,—по свидѣтельству г-жи Касабіевой,—считается неприличнымъ оставлять новорожденнаго не мытымъ, хотя на самое короткое время. Поэтому заранѣе приготовляютъ довольно теплую воду, температура которой конечно измѣряется осязаніемъ, почему вода не всегда бываетъ одинаковой теплоты. Вода бываетъ иногда чистая, иногда съ примѣсью соли. Купанье въ соленой водѣ совершается не только въ первый разъ по рожденіи, но и послѣ до тѣхъ поръ, пока кожа достаточно не окрѣпнетъ. Послѣ 3—4 мѣсяцевъ, — по свидѣтельству Г-жи Ачрековой,—теплую воду замѣняютъ холодной; до означеннаго срока купаютъ дѣтей ежедневно, а потомъ рѣже.

У *Ногайцевъ* на Кавказѣ, — по свидѣтельству г. Георгіева,—тотчасъ по рожденіи производится омовеніе тѣла ребенка въ водѣ лѣтней температуры съ примѣсью поваренной соли и подобнаго рода омовеніе продолжается до сорока дней. На сороковой день это омовеніе совершается уже послѣдній разъ, послѣ чего на голову младенца выливаютъ сорокъ ложекъ теплой воды въ воспоминаніе прошествія сорока дней и для очищенія головы отъ разныхъ нечистотъ. Такое омовеніе, по мнѣнію Ногайцевъ, производитъ на кожу такое вліяніе, что она (будто) очищается отъ различныхъ сыпей, крѣпнетъ отъ противудѣйствій холода и сырости и скоро заживаютъ раны, нанесенныя какимъ либо оружіемъ, безъ послѣдствій гніенія и для очищенія головы отъ разныхъ нечистотъ. Омовеніе-же тѣла младенца производится въ водѣ лѣтней температуры собственно потому, что оно совершается въ саклѣ, неимѣющей ни потолка, ни печей, похожей на плетеный сарай, гдѣ конечно не можетъ держаться теплота, и еслибы омовеніе производилось въ теплой водѣ, то младенецъ, при подобнаго рода помѣщеніи, можетъ легко простудиться и умереть.

У *Ногайцевъ* Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству І. Бентовскаго, — принято купать ребенка тотчасъ по рожденіи въ теплой водѣ, въ которую кладутъ немного соли и какой-то травы. Затѣмъ купаютъ ребенка, смотря по погодѣ и возможности, ежедневно или же черезъ день, два и болѣе.

У *Карагогайцевъ* Ставропольской губерніи, — по свидѣтельству Влескова, въ первые два дня ребенокъ считается нечистымъ и потому въ теченіе этого времени происходитъ обрядовое омовеніе, а именно его омываютъ въ теплой водѣ каждый день по одному разу. Послѣ того ребенокъ считается очистившимся и наступаетъ обыкновенное умовеніе. По истеченіи двухъ недѣль въ предупрежденіе кожи отъ сыпей и другихъ болѣзней купаютъ ребенка одинъ или два раза въ насыщенной солью водѣ и нѣсколько минутъ держатъ на гвоздичномъ пару, поджаривая для этого гвоздику и слегка опрыскивая ее водою.

Въ вольной *Сватеніи* на Кавказѣ,—по свидѣтельству Кудіошвилова,—моютъ маленькихъ дѣтей въ теплой водѣ и каждый разъ передъ тѣмъ сначала окропляютъ ихъ холодной водой, а,—по свидѣтельству графа Размордюка,—въ общей Сватеніи тотчасъ по рожденіи моютъ ребенка въ холодной, чистой, родниковой водѣ.

Кабардинцы, кавказскіе горцы, живутъ въ сакляхъ, загороженныхъ хворостомъ и кое какъ обмазанныхъ глиною. Въ этихъ жилищахъ нѣтъ ни печей, ни дверей, ни оконъ, но вмѣсто послѣднихъ существуютъ только отверстія безъ рамъ и стеколъ. Крыша покрыта соломою. Зимой въ этихъ сакляхъ морозъ доходитъ до 12—15°.—Кабардинцы,—по свидѣтельству аульнаго учителя С. Шмыткина,—тотчасъ по рожденіи обмываютъ новорожденнаго теплою водою безъ всякихъ примѣсей, употребляя при этомъ одно лишь мыло. Затѣмъ въ продолженіе мѣсяца купаютъ въ едва теплой водѣ и каждый день лѣтомъ. По окончаніи мѣсяца ребенка купаютъ разъ, много два въ недѣлю, далѣе—въ двѣ недѣли разъ и наконецъ черезъ годъ купаніе почти совсѣмъ прекращается.

Магометане Хасавъ-Юртовскаго Округа—*Кумыки, Чеченцы, Салитовцы* и *Ногайцы*, чрезвычайно сходны въ своихъ обычаяхъ,—по свидѣтельству врача Надежина,—тотчасъ послѣ рожденія моютъ ребенка въ теплой соленой водѣ, умѣреннаго разсола. Чрезъ три дня послѣ того ребенокъ моется

въ теплой водѣ съ мыломъ, сухо вытирается и весь смызывается коровьимъ масломъ, которымъ до 40 дней онъ и продолжаетъ ежедневно натираться, кромѣ одного дня въ недѣлю, въ который онъ моется теплой водой съ мыломъ. Послѣ того общее омовеніе дѣлается уже рѣдко.

Татары Каркалинскаго городскаго поселенія Семипалатинской области,—по свидѣтельству г. Филиппова,—по рожденіи младенца омываютъ его теплой водой безъ всякой примѣси до трехъ дней дома, на четвертый день несутъ его въ баню, не такъ жаркую, гдѣ натираютъ его скоромнымъ масломъ, что повторяютъ до 10 дней. Послѣ этого натираютъ его каждый день по очереди соленымъ растворомъ и масломъ и потомъ промываютъ мыльною водою. Такъ продолжается отъ 40—50 дней или пока кожа не приметъ нормальнаго своего вида.

Калмыки, кочующіе въ Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству І. Бентовскаго, обмываютъ ребенка тотчасъ послѣ рожденія въ теплой водѣ, въ которую кладутъ немного соли, толченаго ладана (Гучельнакба) и *куджи*.—Куджи—это благовонная курительная свѣча, которую набожные и достаточные Калмыки зажигаютъ передъ бурханами, какъ въ своихъ кибиткахъ, такъ и въ хурулахъ или кумирняхъ. Эти курильныя свѣчки дѣлаются изъ толченаго сандала, можжевеловыхъ ягодъ и какой-то ароматической травы, растущей будто-бы въ одномъ только Тибетѣ. За неимѣніемъ «куджи» употребляютъ или ладанъ, или можжевельникъ. Для насъ кажется немыслимымъ купать ребенка только что родившагося, хотя-бы и въ теплой водѣ, зимою, въ трескучій морозъ, особенно въ метель, когда и въ кибиткѣ все бываетъ болѣе или менѣе покрыто снѣгомъ, и потому можемъ допустить, что Калмыки въ такое время дѣлаютъ только примѣръ омовенія... Другое дѣло лѣтомъ, въ жаркій день, тогда и ребенка лучше обмываютъ и чаще купаютъ. У *Калмыковъ* Зайсанскаго приставства Семипалатинской Области, — по свидѣтельству врача Рашеволаго, омовеніе новорожденнаго обыкновенно производится вскорѣ, чрезъ полчаса и часъ послѣ рожденія, въ деревянномъ или другомъ какомъ либо сосудѣ, а иногда и просто обливаніемъ на рукахъ. Для омовенія употребляется тепловатый растворъ поваренной соли, концентрація котораго непостоянна и зависитъ отъ соображенія и фантазіи женщинъ, помогающихъ родильницѣ: кладется обыкновенно около двухъ ложекъ соли на сосудъ воды равный по емкости ведру. Предъ омовеніемъ иногда, но не постоянно, кладутъ новорожденнаго въ золу или обсыпаютъ золою, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы способствовать образованію на кожѣ новорожденнаго мыла изъ составныхъ частей золы въ соединеніи съ составными веществами первородной слизи (vernix caseosa). По разсказамъ Калмыковъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, омовеніе это будто производится ежедневно въ продолженіе 40 дней. Но на сколько я могъ убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, такое частое омовеніе производится не столько съ гигіеническою цѣлію, сколько съ цѣлію выполненія обычая или закона (зана) и потому производится какъ нибудь, иногда просто обливаніемъ и даже простымъ вспрыскиваніемъ, иногда же, вопреки обычаю, оно производится гораздо рѣже: разъ или два въ недѣлю. Послѣ омовенія ребенокъ обыкновенно до суха вытирается тряпкой, рукавомъ или подоломъ рубашки. По прошествіи 40 дневнаго періода жизни омовеніе дѣтей производится рѣдко, особенно зимою и исключительно въ видѣ обмыванія загрязнившихся частей тѣла рукой. Вообще нужно сказать, что Киргизы очень мало обращаютъ вниманіе на чистоплотность дѣтей, что впрочемъ вполнѣ согласуется съ общимъ строемъ ихъ грязной бытовой обстановки, среди которой трудно быть чистоплотными. Вслѣдствіе этой нечистоплотности и другихъ неблагопріятныхъ условій быта, между дѣтьми Киргизовъ очень часты различныя накожныя сыпи: чесотка (scabies) экцема, парша (favus), несмотря на то, что головы у дѣтей брѣютъ въ очень раннемъ возрастѣ. У Калмыковъ *Павлоградскаго* уѣзда Семипалатинской области, по свидѣтельству В. Л.,—омовеніе ребенка происходитъ тотчасъ послѣ рожденія теплой водой, а потомъ дня черезъ три въ тепломъ разсолѣ изъ соли, каковое повторяется 5 или 6 разъ въ теченіе 40 дней, т. е. въ недѣлю разъ. Послѣ каждаго такого купанья, если это было утромъ, тѣло младенца вечеромъ смазывается коровьимъ масломъ и каждый день омывается теплой водой съ мыломъ.

По понятіямъ Киргизовъ омовеніе дѣтей въ разсолѣ съ солью производится съ той цѣлію, чтобы впослѣдствіи тѣло имѣло свойство скораго заживленія отъ случайныхъ ранъ, острымъ оружіемъ произведенныхъ. *Киргизы большой орды*,— по свидѣтельству г. Маева [1]), ежедневно купаютъ новорожденнаго въ соленой водѣ и послѣ этого каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ жиромъ. Киргизы *Семипалатинской* Области [2]) моютъ новорожденнаго первый разъ первой пѣной, снятой съ сюры (баранiй бульонъ), варившійся въ котлѣ кольджилой (баранъ, убитый въ честь новорожденнаго). Когда пуповина отпадетъ и заживаетъ, ребенка моютъ теплою соленою водой, не обтирая завертываютъ въ лоскутокъ дабы и даютъ обсохнуть.

У *Сартовъ*, т. е. осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана или городскаго населенія, — по свидѣтельству г.

[1]) Маевъ, l. c.

[2]) Русскій Вѣстникъ, l. c.

Жукова, — моютъ новорожденнаго теплою водою тотчасъ-же послѣ рожденія и укладываютъ вмѣстѣ съ матерью въ ея постель.

Кочующіе ясачные инородцы Ачинскаго Округа Енисейской губерніи,—по свидѣтельству г. Петрова, —сначала омываютъ ребенка въ теплой, чистой водѣ. Чрезъ два дня омываютъ его теплой водой, чтобы тѣло было *крѣпче и ребенокъ не простужался.*

Вогулы Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова, иногда имѣютъ обыкновеніе мыть новорожденныхъ въ холодной водѣ или даже погружать ихъ во снѣгъ. Но Вогулы Пермской губерніи, бывшіе въ Москвѣ на антропологической выставкѣ 1879 года, свидѣтельствовали, что они моютъ своихъ новорожденныхъ или совсѣмъ въ теплой водѣ, или не холоднѣе «дряблой», т. е. комнатной.

Самоѣды, живущіе по берегамъ Ледовитаго океана,—по свидѣтельству Бѣлявскаго [1]), совсѣмъ не моютъ своихъ новорожденныхъ и относятся къ ихъ опрятности своеобразно, какъ упомянуто выше; но по свидѣтельству *В. Ислависа*, [2]), они обмываютъ новорожденнаго въ теплой водѣ и затѣмъ кладутъ его въ берестяную зыбку, завернувъ въ оленью шкуру. Самоѣды Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова,—моютъ новорожденнаго въ теплой водѣ, къ которой прибавляютъ иногда немного растопленнаго сала и небольшой кусочекъ бобровой струи, иногда же моютъ они ребенка въ холодной водѣ и погружаютъ его въ снѣгъ. Омовеніе обыкновенно происходитъ только разъ въ жизни. Самоѣды Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, бывшіе на антропологической выставкѣ въ Москвѣ лѣтомъ 1879 года, свидѣтельствовали о себѣ, что они моютъ своихъ новорожденныхъ только разъ въ жизни тотчасъ по рожденіи въ теплой водѣ безъ всякихъ примѣсей, а затѣмъ не моютъ дѣтей своихъ, равно какъ сами никогда болѣе не моются во всю жизнь. Замѣтимъ при этомъ, что Самоѣды весьма рѣдко и неохотно остаются въ однихъ рубахахъ безъ верхней одежды; наоборотъ они даже и лѣтомъ почти не снимая носятъ свои шубы изъ оленьихъ шкуръ, мѣховой башлыкъ или шапку и мѣховые сапоги. Понятно, что при такомъ способѣ одѣванья, кожа нерѣдко должна подвергаться сильному потѣнію, раздраженію и затѣмъ сыпямъ. Изслѣдованіе нами Самоѣдовъ въ этомъ отношеніи очень интересовало насъ и мы съ удовольствіемъ воспользовались случаемъ, давшимъ намъ возможность осмотрѣть кожу двухъ взрослыхъ мужчинъ и двухъ дѣтей изъ упомянутой партіи Самоѣдовъ. Осмотръ однако далъ слѣдующіе результаты: кожа какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей отличалась нѣжностью, мягкостію и тонкостію; у взрослыхъ Самоѣдовъ скопленій грязи на тѣлѣ нигдѣ не было, у дѣтей послѣдняя замѣчалась отчасти на рукахъ до локтей и ногахъ вокругъ колѣнъ; но во всякомъ случаѣ далеко не въ такомъ количествѣ, какъ она часто замѣчается въ лѣтнее время у дѣтей простонародья; никакихъ сыпей ни у кого изъ нихъ нигдѣ не замѣчено; насѣкомыхъ, водящихся въ волосахъ, мало находилось даже у дѣтей; насѣкомыхъ въ одеждѣ, по видимому, ни у кого не было. Не производя омовеній тѣла, упомянутые Самоѣды однако мыли лицо и руки дѣтей своихъ ежедневно по утрамъ и расчесывали имъ волосы, особенно дѣвочкѣ.

Монголы—буряты Тункинскаго вѣдомства Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича, тотчасъ по рожденіи обмываютъ ребенка въ тепломъ, слабомъ растворѣ глауберовой соли, которую получаютъ съ озеръ и солончаковъ, и затѣмъ продолжая такимъ образомъ купать его, по немногу усиливаютъ крѣпость раствора. Спустя недѣлю купать перестаютъ вовсе. Этимъ первичнымъ омовеніемъ дѣтей заканчивается весь уходъ за ихъ кожей, а потому, или быть можетъ, отъ раздраженія кожи соляннымъ растворомъ и послѣдовательнымъ загрязненіемъ ея, послѣдняя, у значительнаго большинства младенцевъ, бываетъ покрыта всевозможными сыпями.—*Буряты буддисты*, по свидѣтельству того-же референта, еще болѣе небрежны къ уходу за кожей дѣтей, вовсе никогда не моютъ ихъ, а какъ мы видѣли выше, обтираютъ грязной тряпкой новорожденныхъ, завертываютъ ихъ въ овчины и кладутъ у головы матери.

У *Якутовъ* и *Тунгусовъ*,—по свидѣтельству г. Айгустова, новорожденнаго тотчасъ-же опускаютъ въ корыто съ теплой водой для омовенія, но на дальнѣйшія періодическія купанья не обращаютъ почти никакого вниманія. Нерѣдко обмываютъ дѣтей въ слишкомъ свѣжей водѣ, послѣдствіемъ чего бываетъ преждевременная смерть. Иногда-же, какъ мы видѣли выше, Якуты натираютъ своихъ новорожденныхъ снѣгомъ.

Коняги, — по свидѣтельству Кривошапкина [1]), пріучаютъ тѣло свое съ малыхъ лѣтъ къ терпѣнію холода и сырости, для чего зимою, даже въ сильный морозъ, гоняютъ всѣхъ дѣтей въ море и держатъ ихъ тамъ довольно долго. Родильница у нихъ удаляется на 20 дней въ уединеніе какъ нечистая. Послѣ того она омывается вмѣстѣ съ ребенкомъ сперва на открытомъ воздухѣ, а потомъ въ банѣ.

Колошенки,—по свидѣтельству И. Веніаминова [2]), новорожденныхъ младенцевъ обыкновенно обмы-

[1]) *Бѣлявскій*, l. c.

[2]) *В. Ислависъ* Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту 1847 г. стр. 121.

[1]) Кривошапкинъ: Описаніе Коняги тки (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. 1819 г. Т. II. стр. 309—311).

[2]) Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, сост. И. Веніаминовымъ. 1840 г. Ч. III, стр. 90.

ваютъ прѣсною, не теплою водою. Когда-же дѣти начинаютъ ходить, ихъ купаютъ въ морѣ и очень часто, даже во время сильныхъ морозовъ.

Енисейскіе *Остяки*,—по свидѣтельству Кривошапкина [1]).—поступаютъ съ новорожденнымъ различно: одни и большею частію, какъ у русскихъ, обливаютъ теплой водой, а другіе, живущіе подальше отъ русскихъ, погружаютъ, хоть и рѣдко, подобно Тунгусамъ, младенца въ снѣгъ. Затѣмъ вносятъ ребенка въ чумъ, обмываютъ водой изъ снѣга, завертываютъ въ теплыя оленьи кожи и кладутъ около дымящихся головешекъ въ березовую зыбку. Остяки *Березовскаго* округа Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова,—тотчасъ по рожденіи обмываютъ новорожденнаго въ теплой водѣ, въ которую кладутъ немного бобровой струи, а также окуриваютъ его этой струей, кладя такую на горячіе угли, что дѣлается въ предохраненіе ребенка отъ болѣзней. Омовеніе ребенка бываетъ также и въ дальнѣйшій періодъ послѣ его рожденія; но это дѣлается уже рѣдко и притомъ лишь тогда, когда Остяки проживаютъ въ какомъ либо русскомъ селеніи или городѣ. Погруженій въ снѣгъ обыкновенно у нихъ не бываетъ, хотя исключенія въ этомъ отношеніи существуютъ, точно также какъ и омовеніе новорожденнаго вмѣсто теплой воды иногда производится въ холодной.

Омовеніе дѣтей у нѣкоторыхъ дикихъ иноземныхъ племенъ [2]). У большинства дикихъ племенъ разныхъ странъ свѣта матери сами производятъ первое очищеніе ребенка, у менѣе дикихъ имъ помогаютъ уже другіе. Кромѣ того обитатели Самоа, Филиппинскихъ остововъ [3]), дикари Бразиліи, сѣверо-американскія индіанки, Маори въ Ново-Зеландіи, Кафрскія женщины, Шангала въ Африкѣ, нѣкоторыя дикія племена въ Азіатской Турціи, обитательницы острова Bouga или Buega и пр. купаютъ своихъ дѣтей тотчасъ по рожденіи въ ближайшемъ источникѣ; другіе-же народы, напр. Колоши въ Сѣверной Америкѣ, Патагонцы въ Южной Америкѣ и др.,за неимѣніемъ вблизи текучей воды, купаютъ дѣтей своихъ въ холодноватой водѣ. Туземцы Сандвичевыхъ острововъ купаютъ новорожденныхъ въ морской водѣ.

Способы омовенія разнообразятся еще тѣмъ, что нѣкоторые даже дикіе народы моютъ дѣтей своихъ первоначально губкой, напр. обитатели Kusaie, одного изъ Каролинскихъ острововъ на Тихомъ Океанѣ. Въ Австраліи нѣкоторыя племена начинаютъ мыть въ настоящее время своихъ дѣтей уже тепловатой водой съ прибавленіемъ слизистыхъ настоевъ, получаемыхъ отъ нѣкоторыхъ растеній. По другимъ-же свѣдѣніямъ туземки Австраліи, родившія въ холодное время, не моютъ дѣтей своихъ въ продолженіе многихъ недѣль, содержатъ ихъ въ это время весьма грязно, въ тѣсныхъ переполненныхъ людьми помѣщеніяхъ и почти безъ воздуха; но по рожденіи въ лѣтнее время тотчасъ моютъ въ холодной водѣ источниковъ и затѣмъ растираютъ все тѣло ладонями, пока согрѣется. На Андаманскихъ островахъ въ Остъ-Индіи новорожденныхъ погружаютъ въ прохладную воду и потомъ влажный животъ стараются осушить руками, согрѣтыми на огнѣ.

Время перваго очищенія тѣла различно. Японцы моютъ тотчасъ по рожденіи. Индусы на другой день послѣ того, какъ тѣло новорожденнаго обсохнетъ на солнцѣ. Въ Южной Индіи моютъ тотчасъ по отрѣзаніи пуповины въ теплой водѣ, на третій день все тѣло натираютъ тепловатымъ масломъ и моютъ въ теплой водѣ, въ которую кромѣ того кладутъ чеснокъ. Китайцы моютъ и купаютъ дитя въ первый разъ на третій день послѣ того, какъ тѣло его будетъ на сухо вытерто. Въ Монголіи первое омовеніе, спустя нѣсколько дней послѣ рожденія и по отпаденіи пуповины, производитъ Лама съ молитвами и давая въ то-же время имя. У Малерезовъ, Папуасскаго племени, въ Новой Гвинеи, спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, именно по отпаденіи пуповины, приносятъ новорожденнаго на берегъ моря или рѣки и тутъ-же обмываютъ его водой.

Температура воды для перваго мытья также различна. Персы, по Polak'у моютъ новорожденныхъ въ теплой водѣ;—богатыя Турчанки по Eram'у—въ горячей водѣ. Невѣжественные народы, какъ мы видѣли выше, мыли, а нѣкоторые и до сихъ поръ еще моютъ своихъ новорожденныхъ въ холодной водѣ. Но впослѣдствіи если не инстинктивное, то простое наблюденіе многихъ изъ нихъ приводитъ къ той мысли, что холодная вода не въ состояніи смыть съ тѣла новорожденнаго первородную слизь, что для этого лучше гораздо теплая вода, отъ чего въ дальнѣйшихъ ступеняхъ гражданскаго развитія ихъ, послѣдняя уже всегда и потребляется.

Примѣси къ ваннамъ бываютъ различныя. Мы видѣли, что многіе изъ древнихъ народовъ употребляли для этого соль. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, напр. Богеміи и др., также моютъ дѣтей въ соленой водѣ. Индійцы на Аляскѣ даютъ такое-же значеніе лошадиной мочѣ, какъ и мылу, а потому и моютъ въ ней своихъ дѣтей.

Что касается времени, въ продолженіе котораго производятся *дальнѣйшія омовенія* дитяти, то оно также различно. Дикари на Архипелагѣ Самоа купаютъ дѣтей своихъ часто въ холодной водѣ;

---

[1]) Кривошапкинъ. Енисейскій Округъ. 1865 г., Ч. II, стр. 139—40.

[2]) Факты приведенные здѣсь безъ цитатъ, заимствованы у Ploss'a. B. II. S.5—14.

[3]) Жировьеръ l. c. стр. 105.

Chippeways въ Сѣверной Америкѣ, равно какъ жители Мадраса въ Остъ-Индіи купаютъ новорожденныхъ одинъ разъ и затѣмъ часто натираютъ ихъ только масломъ. Монголы, по Вамбери, въ теченіе первыхъ трехъ недѣль жизни дитяти моютъ его только три—четыре раза, а именно по прошествіи первыхъ 7 дней въ соленой водѣ, приготовленной съ чернымъ чаемъ; по прошествіи вторыхъ 7 дней въ соленой водѣ, къ концу третьей недѣли въ водѣ съ молокомъ и наконецъ съ материнскимъ молокомъ. Къ этимъ омовеніямъ Монголы прибѣгаютъ въ видахъ предохраненія отъ оспы и довольствуются ими на всю дальнѣйшую жизнь ребенка. Наоборотъ Морави въ Южной Африкѣ моютъ своихъ дѣтей каждый день до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не станетъ ходить; женщины на Перцовыхъ островахъ въ Восточной Африкѣ своихъ дѣтей моютъ, вымазываютъ масломъ и чешутъ; Негритянки въ Ольдкалабарѣ посыпаютъ своихъ дѣтей мелкимъ пескомъ, послѣ чего моютъ теплой водой съ мыломъ каждое утро, при этомъ выполаскиваютъ ротъ и т. д. Кафры не только моютъ своихъ дѣтей въ тепловатой водѣ, которой отчасти даютъ имъ пить посредствомъ раковины, но также красятъ у нихъ животъ смѣсью превращенныхъ въ порошокъ раковинъ съ водой до отпаденія пуповины. На Малдивскихъ островахъ моютъ ребенка по шести разъ въ день холодной водой и затѣмъ натираютъ масломъ. Перуанцы государства Инка моютъ дѣтей каждое утро холодной водой, причемъ мать иногда беретъ въ ротъ воду и опрыскиваетъ ею все тѣло. Въ Канадѣ у Прокайцевъ какъ только женщина родитъ, купаютъ новорожденнаго въ холодной водѣ, какова-бы погода ни была и это повторяется всякій день ровно два года. Когда женщина окрѣпнетъ послѣ родовъ, а именно къ вечеру на третій день, то она сама относитъ ребенка мыть на рѣку, откуда вскорѣ возвращается домой, неся на одной рукѣ ребенка, а въ другой ведро воды [1]). Въ Полинезіи всѣ островитяне—дѣти и взрослые большую часть времени проводятъ въ водѣ и занимаются тамъ разными работами, точно земноводныя, которымъ такъ же хорошо жить въ водѣ, какъ и на землѣ [2])

[1]) Всемірный путешественникъ. изд. Аббата-де-ла-Порта. Перев. съ французскаго. 1780 г., въ 27 томахъ. Т. 8. Канада.
[2]) Павловскій. Природа и люди. 1860 г. Океанія, стр. 20.

ГЛАВА VIII.

КУПАНЬЕ И КРЕЩЕНЬЕ НОВОРОЖДЕННЫХЪ ВЪ ХОЛОДНОЙ ВОДѢ.

Историческія и этнографическія данныя.—Закаливаніе тѣла дѣтей съ помощію холодной воды по совѣтамъ Локка, Ж. Ж. Руссо и др.—Обычаи крещенія дѣтей въ Римско-Католической и Греко-Россійской церквахъ. — Обычай сходный съ крещеніемъ въ Тибетѣ. — Научное объясненіе вреднаго вліянія холодной воды на новорожденныхъ.

Изъ историческихъ и этнографическихъ описаній извѣстно, что у многихъ народовъ издавна считалось, какъ считается и теперь, величайшею добродѣтелью пріученіе тѣла съ самаго ранняго возраста къ холоду и различнымъ непогодамъ. Эту добродѣтель всегда особенно цѣнили номады, что впрочемъ и вполнѣ понятно при бездомной жизни ихъ. Съ этою цѣлію, по разсказамъ древнихъ писателей, Скифъ до тѣхъ поръ купалъ своего новорожденнаго въ холодныхъ водахъ Танаиса, пока ребенокъ, выдержавъ вліяніе холода, не доказывалъ такимъ образомъ отцу своему, что онъ достоинъ жизни, полной борьбы съ суровыми стихіями. Подобнымъ-же образомъ купали своихъ новорожденныхъ въ холодной рѣчной водѣ и даже катали ихъ по снѣгу первобытные обитатели Италіи, Германіи, Англіи (Геродотъ, Тацитъ и др.).

Почти тоже самое встрѣчается и теперь у современныхъ намъ дикихъ и полудикихъ племенъ. По свидѣтельству Жироньера [1]) на Филиппинскихъ островахъ женщина обыкновенно родитъ на берегу рѣки, послѣ чего она купается вмѣстѣ съ новорожденнымъ въ этой рѣкѣ и возвращается съ нимъ въ таборъ. Жены полудикихъ обитателей Азіатской Турціи, по свидѣтельству Р. Егат'а, имѣютъ обыкновеніе омываться тотчасъ послѣ родовъ вмѣстѣ съ своимъ новорожденнымъ въ холодной водѣ ближайшей рѣки. Тоже самое дѣлаютъ Каффрскія женщины, Шангала, въ Африкѣ, сѣвероамериканскія Индіанки и многія другія. Маори въ Новоземландіи опускаютъ новорожденнаго въ совершенно холодную воду, повидимому, съ тою цѣлію, чтобы вызвать у него глубокое вдыханіе на подобіе того, какъ это дѣлаютъ врачи въ случаѣ мнимой смерти [2]).

Подобныя-же испытанія производятъ съ своими новорожденными нѣкоторые наши русскіе инородцы. По свидѣтельству г. Голодникова, кромѣ омовенія, иногда погружаютъ новорожденныхъ въ снѣгъ *Остяки, Самоѣды, Вогулы* Тобольской губерніи, а по свидѣтельству Кривошапкина [1]), также *Остяки* Енисейскаго округа.—*Цыгане* Тобольской губерніи, по свидѣтельству г. Голодникова,—погружаютъ дѣтей тотчасъ послѣ рожденія зимой въ снѣгъ, а лѣтомъ катаютъ по утренней и вечерней росистой травѣ, приговаривая: «учись терпѣть стужу и нужу!» Бродячіе *Тунгусы*, кочующіе въ сѣверной части Иркутской губерніи, по свидѣтельству Н. И. Погадаева,—иногда вмѣсто омовенія натираютъ все тѣло новорожденнаго снѣгомъ, въ томъ убѣжденіи, что будто бы выдержавшіе подобную операцію бываютъ потомъ переносливы къ холоду. *Карагасски* Иркутской губерніи, по свидѣтельству Н. Попова, нерѣдко рождаютъ дѣтей своихъ въ пути въ зимнее время и безъ всякой сторонней помощи, причемъ мать бросаетъ свое новорожденное дитя въ снѣгъ, катаетъ въ немъ, потомъ согрѣваетъ въ рукахъ, завертываетъ въ тряпки или оленій мѣхъ, бросаетъ ребенка въ суму, перевязанную чрезъ спину оленя, и въ такомъ положеніи привозитъ домой, гдѣ неизвѣстно, производятся-ли потомъ какія либо омовенія [2]). У *Якутовъ* [3]) трое сутокъ и болѣе по нѣсколько разъ въ день натираютъ новорожденныхъ

[1]) Жироньеръ: Двадцать лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ. (Журналъ „Современникъ“ 1866 г., Т. LI, статья VI, стр. 105).

[2]) Ploss. Das Kind etc. 1882. Dritter Halbband. S. 12—14.

[1]) Кривошапкинъ. Енисейскій Округъ. 1865 г., Ч. II, стр. 139—140.

[2]) Когда я реферировалъ излагаемую главу въ засѣданіи Московскаго Медицинскаго Общества 17-го Ноября 1883 г., то въ параллель къ импровизованнымъ родамъ Карагасски, д-ръ Соколовскій сообщилъ, что во время службы его при акушерскомъ отдѣленіи московскихъ госпитальныхъ клиникъ, равно какъ и при другихъ родильныхъ домахъ, ему не разъ приходилось быть свидѣтелемъ грустныхъ послѣдствій такъ называемыхъ уличныхъ родовъ, особенно въ зимнее время, а именно: роженица иногда разрѣшалась въ пути, не достигнувши мѣста своего стремленія лишь немного; но если эти роды совершались при суровомъ холодѣ, то рожденнаго при такихъ условіяхъ ребенка нерѣдко приходилось получать мертвымъ, между тѣмъ какъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывалось, что ребенокъ рожденъ былъ живымъ и умеръ потомъ, вѣроятно вслѣдствіе внезапно и сильно подѣйствовавшаго на него холода, особенно въ суровое время года.

[1]) Мерзлый край. Очерки сѣверовосточной Сибири. А. (Всемірный Путешественникъ. 1877 г. Ноябрь, стр. 229).

снѣгомъ или обливаютъ холодной водою съ слѣдующей поговоркою: «терпи холодъ—стерпишь холодъ, терпи стужу—стерпишь стужу!» У *Орочанъ*,— по свидѣтельству врача Ангерманъ [1]), роженицѣ ни въ какомъ случаѣ не дозволяютъ родить въ юртѣ; но для этого отводятъ ей шаговъ на 100 отъ юрты мѣсто къ рѣкѣ, раскладываютъ небольшой костеръ и несмотря ни на какую погоду оставляютъ ее здѣсь на произволъ. Разрѣшившись она омываетъ себя и дитя здѣсь лѣтомъ въ рѣкѣ, а зимой снѣгомъ.

Образцами дикарей въ дѣлѣ испытанія новорожденныхъ посредствомъ холодной воды, а иногда въ видахъ огрубленія или «закаливанія» организма съ первыхъ дней жизни нерѣдко пользовались также нѣкоторые культурные народы. Древніе *Индійцы*, по Susrutas'y [2]), пользовались холодной водой для возбужденія глубокаго дыханія дитяти. Этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ у многихъ кастъ Индусовъ, въ формѣ обливанія новорожденныхъ холодной водой, съ тою цѣлію, чтобы возбудить дремлющій духъ ребенка [3]). Въ древнемъ Римѣ, во время Сарана, вскорѣ послѣ рожденія обыкновенно приступали къ омовенію дитяти, причемъ Саранъ предостерегалъ своихъ современниковъ отъ вреднаго обычая варваровъ купать новорожденныхъ въ холодной водѣ, такъ какъ отъ этого легко могутъ происходить судороги, ударъ и столбнякъ [4]). Слѣдовательно обычай купанья новорожденныхъ въ холодной водѣ во время Сарана во всякомъ случаѣ существовалъ въ древнемъ Римѣ. Славный древне-римскій врачъ Галенъ свидѣтельствуетъ, что въ его время нѣкоторые изнѣженные римляне, желая подражать дикимъ германцамъ въ закаливаніи дѣтей, также имѣли обыкновеніе купать своихъ новорожденныхъ въ холодной водѣ, несмотря на то, что этотъ варварскій обычай стоилъ иногда жизни дѣтямъ [5]). Въ позднѣйшее время англійскій философъ XVII столѣтія, Локкъ, написавшій между прочимъ «мысли о воспитаніи дѣтей», настойчиво требовалъ пріученія дѣтей къ холоду съ самаго ранняго возраста. «Вѣдь лицо наше при рожденіи также нѣжно,—говоритъ онъ, какъ и всѣ остальныя части тѣла, но благодаря привычкѣ оно закаливается и способно переносить холодъ. Отъ одной только привычки и зависитъ разница въ чувствительности и впечатлительности рукъ и ногъ относительно холода [6])». Локкъ скоро нашелъ въ Англіи весьма ревностнаго послѣдователя въ лицѣ врача Hoyer'a, который между прочимъ энергически совѣтывалъ купать новорожденныхъ прямо въ холодной водѣ [1]). Но всего болѣе прославился своимъ сочувствіемъ къ первобытнымъ пріемамъ дикарей касательно воспитанія дѣтей талантливый французскій эмпирикъ-педагогъ Ж. Ж. Руссо, проповѣдывавшій въ своемъ извѣстномъ «Emile» между прочимъ также купанье дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ холодной водѣ съ цѣлью укрѣпленія ихъ организма. Raulin, [2]) Cullen, Venel и др. проповѣдывали также купанье новорожденныхъ въ холодной водѣ при 0° R.

И такъ въ ряду поклонниковъ безпощаднаго закаливанія дѣтей посредствомъ холодной воды, мы встрѣчаемъ не только дикарей, но отчасти и образованныхъ эмпириковъ и даже врачей.

На ряду съ только что описанными обычаями не лишне упомянуть еще объ одномъ, имѣющемъ большое сходство съ ними, а именно: о крещеніи, которому подвергается масса христіанскихъ дѣтей.

По ученію Православной Греко-Россійской и Римско-Католической церкви, крещеніе есть таинство, въ которомъ крещаемый чрезъ погруженіе извѣстнымъ образомъ въ воду или чрезъ обливаніе ею очищается отъ грѣховной нечистоты и чрезъ то присоединяется къ церкви Христовой. Понятно, что христіанскіе учители и родители стараются поэтому какъ можно ранѣе и скорѣе ввести въ церковь Христову всякаго новорожденнаго. Но такъ какъ при совершеніи святаго таинства, первая, руководящая роль принадлежитъ духовенству; то отъ воззрѣній послѣдняго, безъ сомнѣнія, много зависитъ между прочимъ и установленіе обычаевъ относительно времени, мѣста и температуры воды, въ которыхъ слѣдуетъ совершать святое таинство.

Какъ же духовенство разрѣшаетъ эти вопросы? Римско-Католическое духовенство креститъ дѣтей вскорѣ послѣ рожденія въ холодныхъ, сырыхъ, церквахъ, обливая при этомъ полураздѣтаго ребенка иногда совсѣмъ холодной водою.

Нашъ современникъ, парижскій врачъ A. Layet, упоминая въ своемъ сочиненіи [3]) о вредномъ вліяніи холода на новорожденныхъ дѣтей, видитъ вредъ этотъ, наичаще причиняемый во Франціи, въ двухъ случаяхъ, а именно: съ одной стороны въ то время, когда носятъ новорожденныхъ въ церкви для крещенія, особенно въ деревняхъ, гдѣ церкви обыкновенно бываютъ сырыя холодныя, а чтобы добраться до нихъ, нужно иног-

---

[1]) Медицинскій Вѣстникъ. 1865 г. № 8.

[2]) Susrutas. Ayurvedas. T. II. S. 41.

[3]) Iagor in der Berichten Antropol. Gesellsch. 1878. I.

[4]) Kröner: über die Pflege und Krankheiten der Kinder aus griechischer Quellen (Jahrbuch f. Kinderheilkunde B. X. Hft. 3—4. 1876. S. 346—348).

[5]) Galen. De Sanitate tuenda. Lib. 1 Cap. 10.

[6]) К. Шмидтъ. Исторія педагогики. Перев. съ нѣмецкаго. 1878. Т III. стр. 285.

[1]) Johan Peter Frank. System einer vollständigen medicinischen Polizey. 1780. B. 11. S. 219.

[2]) Raulin. Traité de la conservation des enfants. T. III.

[3]) Hygiène et maladies des paysans. Par. A. Layet. Paris. 1882. p. 387—389.

да проѣхать довольно большія пространства по дорогамъ, иногда едва проложеннымъ, что особенно дурно отзывается на дѣтяхъ въ холодныя времена года, такъ какъ результатами таковыхъ экспериментовъ надъ ребенкомъ нерѣдко бываютъ всевозможные катарры и воспаленіе легкихъ. Свидѣтельствуя о тѣхъ-же фактахъ, Девиньеръ, членъ общества покровительства дѣтей, въ рѣчи, произнесенной имъ въ медицинской академіи, говоритъ: «по отношенію къ записи въ меріяхъ законъ, къ счастью новорожденныхъ, въ большинствѣ случаевъ обходится, такъ какъ дѣло часто ограничивается однимъ словеснымъ заявленіемъ, между тѣмъ какъ крещеніе обязательно производится въ первые дни по рожденіи въ церкви и поэтому духовные представители явили бы съ своей стороны актъ милосердія, если бы поощряли крещеніе на дому».—Описанные обычаи крещенія въ церквахъ издавна велись и, сколько намъ извѣстно, ведутся и до сихъ поръ между католиками въ Италіи, Испаніи, Германіи [1]), а по свидѣтельству г. Сахарова, и въ Польшѣ.

Относительно обычаевъ крещенія дѣтей въ Россіи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Стоглавъ, писанный въ половинѣ XVI столѣтія, требуетъ крещенія дѣтей въ церкви [2]). Извѣстный путешественникъ XVII-го столѣтія Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ періодъ времени рожденія великой княжны Софіи, касательно обычаевъ совершать крещеніе въ тогдашней Руси, говоритъ: «русскіе не долго оставляютъ дѣтей некрещенными, наканунѣ Великая Княгиня родила дочь, а на другой день уже извѣстнымъ было имя послѣдней и что она была уже крещена» [3]). По изслѣдованіямъ Костомарова [4]),— въ XVI и XVII столѣтіяхъ русскіе спѣшили своихъ новорожденныхъ крестить и чаще всего крещеніе совершалось въ восьмой день по рожденіи, а иногда въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Іисуса Христа событія обрѣзанія и Срѣтенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденнаго. Корнелій де-Бруинъ, посѣтившій Москву въ началѣ прошлаго столѣтія, говоритъ о крещеніи на Руси такъ: «въ Москвѣ крестятъ охотнѣе новорожденныхъ по истеченіи 5—6 недѣль, когда они здоровы и крѣпки».—Касательно температуры воды, употреблявшейся при крещеніи, Олеарій говоритъ: «хотя воду для крещенія русскіе никогда не подогрѣваютъ посредствомъ огня, но зимою они нѣсколько согрѣваютъ ее, ставя ее на нѣкоторое время въ тепломъ мѣстѣ» [1]). Такимъ образомъ, нѣжность организма и чувствительность его къ холоду отчасти принимались въ расчетъ на Руси еще въ стародавнія времена. Изъ приведенныхъ-же свѣдѣній мы убѣждаемся, что православная церковь, вообще весьма гуманная въ своихъ принципахъ, не смотря на требованія Стоглава, не ставитъ однако безусловно необходимымъ правиломъ крещеніе дѣтей въ церкви; но наоборотъ въ извѣстныхъ случаяхъ она допускаетъ крещеніе и на дому; точно также она совсѣмъ не имѣетъ въ виду требовать температуры воды, вредной для здоровья, будетъ ли то горячая или холодная вода, но напротивъ въ извѣстныхъ случаяхъ дозволяетъ прибавлять къ холодной водѣ теплой. Тѣмъ не менѣе требованія Стоглава, какъ книги руководящей, несомнѣнно уже издавна возбуждали излишнее усердіе въ нѣкоторой части духовенства и результатомъ такого усердія съ одной стороны было требованіе священниковъ приносить дѣтей для крещенія въ церковь, съ другой—крещеніе въ холодной водѣ, несмотря ни на какое время года. Эти требованія духовенства, вѣками возводившіяся въ особенную святость и въ такомъ видѣ представлявшіяся народу, наконецъ такъ привились къ послѣднему, что, по доставленнымъ намъ свѣдѣніямъ, обычай крещенія въ церквахъ, и даже почти обязательно въ холодной водѣ, сталъ въ настоящее время распространеннымъ по всей Россіи и притомъ такъ, что теперь нерѣдко уже и сами крестьяне предпочитаютъ отвозить своихъ дѣтей для крещенія въ церковь, находя, что крещеніе на дому, да еще въ нагрѣтой водѣ, недостаточно свято. Въ иныхъ же случаяхъ, говорятъ, побуждаетъ къ этому крестьянина прямо расчетъ, такъ какъ крещеніе въ церкви дешевле стоитъ.

Всего краснорѣчивѣе объ обычаяхъ крещенія дѣтей въ современной Россіи говорятъ бытописатели внутреннихъ губерній, словамъ которыхъ поэтому мы и даемъ здѣсь мѣсто. Въ *Корчевскомъ* уѣздѣ Тверской губерніи, — по свидѣтельству священника Колерова, при крещеніи, которое всегда производится въ тепломъ мѣстѣ (лѣтомъ въ церкви, а зимой въ жиломъ покоѣ) употребляется вода теплая, какъ парное молоко, но это не есть общее правило: нерѣдко младенца крестятъ въ колодезной водѣ, только что почерпнутой и нисколько не разбавленной теплой водой. Въ послѣднемъ случаѣ младенецъ, спеленатый послѣ крещенія, долго и крѣпко (часовъ 8—10) спитъ.

[1]) I. P. Frank. l. c. S. 215—220. I. Uffelman, Handbuch der privaten und öffentlichen Hygiene des Kindes etc. 1881. S. 270 Prof. I. Sormani in Pawia Sulla Mortalità dei bambini in Italia. (Arch. f. Kinderheilkunde. B. III. Hft. 7—8. S. 333).

[2]) Стоглавъ. 1863 г. гл. 17.

[3]) Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 36, и 39 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Пер. Барсова. 1870 г. стр. 54.

[4]) Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол. Гл. XX.

[1]) Олеарій l. c. стр. 314.

Въ *Арзамасскомъ* уѣздѣ Нижегородской губерніи,— по свидѣтельству г. Ермолова, крещеніе обыкновенно бываетъ вскорѣ послѣ рожденія и именно не позднѣе сутокъ. Даже зимой многіе деревенскіе священники находятъ не только излишнимъ, но и грѣховнымъ, нагрѣвать воду для крещенія. Въ томъ же родѣ о крещеніи изъ того-же уѣзда свидѣтельствуетъ г. Бетлингъ: «крестятъ здѣсь новорожденныхъ — говоритъ онъ, чаще на другой день, въ водѣ, по времени года, хотя бы и со льдомъ».

Крещеніе дѣтей въ *южныхъ* уѣздахъ Нижегородской губерніи, по свидѣтельству г. Ермолова [1]),— производится иногда способомъ замѣчательно противугигіеническимъ: здѣсь употребляется зимой въ 20—30 градусовъ мороза, въ нетопленной церкви, вода со льдомъ, въ которую окунаютъ принесеннаго изъ за 10—15 верстъ новорожденнаго ребенка, котораго послѣ этой операціи окутываютъ въ тряпку и не обтертаго въ этой самой тряпкѣ несутъ снова за 10—15 верстъ.

Въ *Суздальскомъ* уѣздѣ Владимірской губерніи,— по свидѣтельству г. Коссакъ, первое вредное вліяніе, которому подвергаются новорожденныя дѣти,—это поспѣшное раннее крещеніе, ихъ обыкновенно носятъ или возятъ въ церковь, даже зимою, а церковь часто находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни. При крещеніи младенца трижды погружаютъ съ головой въ холодную воду. Однако подобная операція не остается безъ вреднаго вліянія на здоровье: являются различныя воспалительныя болѣзни, преимущественно дыхательныхъ органовъ, и дѣти часто погибаютъ.

Въ параллель къ сказанному о христіанскомъ крещеніи замѣтимъ здѣсь, что въ *Тибетѣ* также есть обычай, нѣсколько напоминающій наше крещеніе, а именно—обычай погруженія новорожденнаго въ воду съ религіозною цѣлію. «Когда въ Тибетѣ родится ребенокъ», — говоритъ одинъ изъ путешественниковъ [2]), — «зовутъ Ламу, который благословляетъ сосудъ воды, смѣшанной съ молокомъ, дуетъ на него съ молитвою и погружаетъ туда младенца». — Совершенно въ томъ же родѣ свидѣтельствуетъ о погруженіи новорожденнаго съ религіозною цѣлію въ Тибетѣ одинъ изъ русскихъ путешественниковъ конца прошлаго столѣтія, г. Ефремовъ [3]). Изъ приведенныхъ свѣдѣній не видно, какой температуры воду берутъ въ Тибетѣ для погруженія новорожденныхъ въ воду съ религіозною цѣлію; но судя потому, что къ этой водѣ прибавляютъ молока, во всякомъ случаѣ надо думать, что тамъ относятся съ нѣкоторою нѣжностію къ слабому организму новорожденнаго.

Припоминая здѣсь приведенные выше факты касательно омовенія дѣтей у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ и сопоставляя ихъ съ обычаями крещенія дѣтей въ холодной водѣ, мы не безъ основанія можемъ придти къ тому заключенію, что можетъ быть исходнымъ началомъ для крещенія дѣтей въ холодной водѣ сначала послужили образцы именно нѣкоторыхъ дикарей, соединявшихъ съ первоначальнымъ купаньемъ новорожденныхъ въ холодныхъ водахъ рѣкъ и источниковъ еще идею о пріученіи кожи ребенка къ холоду и разнымъ непогодамъ. Впослѣдствіи идеей закаливанія дѣтей посредствомъ холодной воды вдохновлялись нѣкоторые цивилизаторы и тѣмъ, можетъ быть, до сихъ поръ сохранили въ нѣкоторой части публики свою неудавшуюся идею; но за то весь медицинскій авторитетъ издавна осуждалъ варварскій обычай, существовавшій гдѣ либо, относительно подверганія новорожденныхъ вліянію холодной воды. Выше мы приводили мнѣніе объ этомъ предметѣ древнихъ врачей Сорана и Галена; но въ прошломъ столѣтіи, вслѣдъ за сочувствіемъ, выражавшимся къ ученію Локка и Ж. Ж. Руссо относительно укрѣпленія дѣтей съ помощію холодной воды, весьма авторитетный медицинскій писатель I. P. Frank [1]) въ своемъ извѣстномъ обширномъ трудѣ возсталъ со всею силою энергіи противъ этого сочувствія. Признавая также вредъ крещенія въ холодной водѣ, Франкъ въ подтвержденіе сво[illegible]го положенія приводитъ изъ литературы нѣсколько случаевъ, ясно доказывающихъ, что дѣти умирали именно вслѣдствіе купанья въ холодной водѣ. У писателей нынѣшняго столѣтія подобные примѣры находимъ напр. у Генке [2]), который самъ видѣлъ два случая, гдѣ отъ купанья дѣтей въ холодной водѣ, въ возрастѣ первыхъ двухъ недѣль отъ рожденія, появился Tetanus, который притомъ у одного десятидневнаго дитяти, до того времени совершенно здороваго, сдѣлался смертельнымъ, несмотря на всѣ поданныя пособія. Новѣйшіе писатели педіатры, напр. Генохъ [3]), Uffelman [4]), Sormanni [5]) и др., допускаютъ также возможность развитія тризма и тетануса вслѣдъ за купаньемъ въ холодной водѣ и т. д.

Москва, какъ извѣстно, отличается прославленною преданностію старинѣ. Относительно крещенія даже нѣкоторыхъ собственныхъ дѣтей здѣсь

---

[1]) Нижегородскій сборникъ. Т. V. стр. 12.

[2]) Живописное путешествіе по Азіи, составленное на французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Egries, пер. Е. Корша. 1839 г. Т. 3. стр. 81.

[3]) Русскаго унтеръ-офицера Ефремова десятилѣтнее странствованіе по Бухаріи, Персіи и Индіи. 1786 г. стр. 144.

[1]) I. P. Frank. l. c. B. II. S. 215—220.

[2]) A. Henke. Handbuch zur Erkentniss und Heilung der Kinderkrankheiten. 1818. B. I. S. 75.

[3]) E. Henoch. Vorlesungen über Kinderkrankheiten. 1881. 27.

[4]) I. Uffelman. l. c. S. 270.

[5]) Sormanni l. c.

мнѣ не разъ приходилось вести горячіе споры со священниками, особенно пожилыми, видѣвшими въ крещеніи негрѣтой водой наиболѣе согласія съ уставами церковными. Вслѣдствіе такихъ воззрѣній иныхъ московскихъ отцевъ, мнѣ самому не разъ приходилось здѣсь видѣть у дѣтей, вслѣдъ за крещеніемъ въ холодной водѣ, лихорадочное состояніе, бронхиты и катарры желудочно-кишечнаго канала. Но въ январѣ 1883 года мнѣ пришлось видѣть такой случай: въ старообрядческомъ семействѣ у богатыхъ, молодыхъ и совершенно здоровыхъ родителей появился на свѣтъ вполнѣ здоровый ребенокъ. Вскорѣ по рожденіи онъ переданъ былъ здоровой кормилицѣ, на груди которой первые дни провелъ покойно. Черезъ нѣсколько дней рѣшено было этого ребенка крестить по старообрядческому обычаю, который совершился такимъ образомъ: на улицѣ стоялъ морозъ около 25° R., тѣмъ не менѣе по распоряженію старообрядческаго священника, приказано было по крайней мѣрѣ сутки не топить огромную залу каменнаго дома родителей, въ которой предполагалось крестить новорожденнаго, такъ какъ, по мнѣнію священника, только при этихъ условіяхъ зала можетъ быть похожа на древнюю церковь, въ которой по настоящему и слѣдовало бы крестить ребенка. Къ назначенному сроку для крещенія въ купель налита была вода, взятая прямо изъ колодца, ни мало не согрѣтая. Затѣмъ когда ребенка внесли въ залу въ легкихъ пеленкахъ, онъ, по словамъ кормилицы, находившейся при крещеніи, вскорѣ сталъ зябнуть, дрожать и безпокоиться. Начавшійся процессъ крещенія тянулся, по обычаю старообрядческому, очень долго,—по словамъ кормилицы, болѣе часа. Когда священникъ сталъ брать ребенка изъ пеленокъ холодными руками, ребенокъ неистово закричалъ и затѣмъ не переставалъ кричать изо всей силы съ остановкой иногда дыханія во все время, пока совершалось погруженіе въ воду. Самое погруженіе это, по обычаю старообрядческому, совершалось медленно, съ наблюденіемъ полнѣйшаго благоговѣнія къ святости церемоніи. Когда послѣ крещенія въ водѣ подали ребенка въ пеленки, то, по словамъ кормилицы, онъ былъ совсѣмъ черный, какъ уголь, и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. По окончаніи церемоніи крещенія ребенокъ впалъ въ забытье, пересталъ брать грудь, а къ вечеру того же дня у него появились судороги и сильный жаръ. На другой день жаръ и судороги продолжались и кромѣ того замѣтно свело назадъ затылокъ. На третій день послѣ крещенія пригласили меня, причемъ я нашелъ слѣдующее: больной лежалъ въ сопорозномъ состояніи, съ полуоткрытыми глазами, налитыми кровью и покрытыми въ углахъ скопившейся слизью; по временамъ онъ стоналъ и вскрикивалъ, вслѣдъ затѣмъ обыкновенно наступали судороги ограниченныя или распространенныя; голова сильно загнута назадъ, большой родникъ значительно приподнятъ, trismus, рѣзко выраженная гиперестезія кожи, t^0 тѣла около 41° C., пульсъ и дыханіе неправильные, животъ вздутъ, испражненіе и моча задержаны, словомъ я нашелъ картину выраженнаго спинномозговаго менингита, отъ котораго ребенокъ и умеръ на слѣдующій день. Смерть этого ребенка, по моему мнѣнію, есть прямое слѣдствіе старообрядческаго невѣжества,—выразившагося при описанныхъ условіяхъ крещенія.

Отъ приведенныхъ примѣровъ и указаній перейдемъ теперь къ научному объясненію занимающаго насъ вопроса.

Извѣстно, что въ утробной жизни ребенокъ замкнутъ въ уютномъ, тепломъ пространствѣ, гдѣ окружаетъ его жидкость ровной температуры, одинаковой съ кровью матери. По рожденіи на свѣтъ, даже при комнатной температурѣ, онъ сразу переходитъ въ среду, температура которой на 10—20 градусовъ ниже той, въ которой онъ находился прежде. Эта рѣзко пониженная температура дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на нѣжную кожицу ребенка путемъ рефлекса по нервамъ, вызываетъ первый крикъ и дыхательныя движенія. Миновать актъ родовъ при указанныхъ условіяхъ невозможно, но затѣмъ всякій, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о гигіенѣ вообще, обыкновенно старается избѣгать рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой, такъ какъ эти колебанія крайне вредно дѣйствуютъ на состояніе здороваго организма. «Какъ слишкомъ медленное примѣненіе и возрастаніе электрическихъ токовъ не производятъ явнаго дѣйствія, говоритъ Валентинъ [1]), — точно также остаются безъ видимаго вліянія и всѣ другіе виды раздраженія, какъ скоро измѣненія, ими производимыя, дѣйствуютъ недостаточно быстро. Если на поясничное сплетеніе лягушки уложить кусочекъ льда, при внѣшней температурѣ комнаты отъ 10° до 20° C., то нерѣдко въ задней ногѣ ея замѣчается судорожное укороченіе мышцъ. Коль же скоро поясничное сплетеніе будетъ охлаждено до 0° или еще ниже, напримѣръ чрезъ прикрытіе его тоненькимъ, какъ почтовая бумага, листомъ гутаперчи и на него положимъ кусокъ ваты, пропитанной эѳиромъ, то членъ остается въ покоѣ, хотя воспріимчивость его, вслѣдствіе этой процедуры, не уничтожится окончательно. Равномѣрно удается и провѣрочный опытъ, смотря по тому, поливаемъ ли мы сѣдалищные нервы теплою водою, или же согрѣваемъ окружающую его холодную, чрезъ осторожное и постепенное подливаніе теплой воды до того же градуса. Въ ощущеніяхъ оказы-

[1]) Versuch einer physiologischen Patalogie der Nerven. Leipzig. 1864, S. 102. Тоже: Гидротерапія Винтернида. Рус. перев. 1878 г. Ч. I. стр. 40.

ваются подобныя же, хотя и нѣсколько разнящіяся, явленія, а именно: внезапное воздѣйствіе вызываетъ бурныя, а постепенное — болѣе спокойныя явленія, которыя вслѣдствіе того менѣе бросаются въ глаза и часто вовсе не замѣчаются. Одно и тоже напряженіе свѣта, которое при обыкновенныхъ обстоятельствахъ нисколько не мѣшаетъ зрѣнію, поражаетъ и ослѣпляетъ глаза, если мы вступаемъ въ освѣщенное пространство изъ потемокъ». — Въ связи съ этими физіологическими фактами безъ сомнѣнія неразрывно стоятъ и тѣ не малочисленные случаи, о которыхъ упоминаютъ гидротерапевты [1]) и физіологи, а именно, что при употребленіи холодныхъ ваннъ нерѣдко слѣдуетъ внезапная смерть какъ у взрослыхъ, такъ и дѣтей, а равно и у молодыхъ животныхъ вскорѣ послѣ ихъ рожденія [2]).

Изучая главнѣйшій эффектъ явленій и измѣненій, производимыхъ холодной водой вообще на животный организмъ, физіологи пришли къ тому убѣжденію, что она въ такомъ случаѣ, во первыхъ, производитъ возбужденіе нервной системы, во вторыхъ извлеченіе теплоты. Du-Bois оказалъ наукѣ великую услугу, показавши, что нервная система представляетъ существеннаго носителя и мѣсто образованія электрическихъ токовъ, которые отсюда разносятся по мускуламъ, сопровождаютъ все питаніе, отдѣленіе, словомъ всѣ важнѣйшія функціи. Внѣшнее возбужденіе, будетъ ли оно механическое, термическое, химическое или электрическое, распространяется по всѣмъ нервнымъ волокнамъ, вызываетъ ощущеніе въ мозгу и передается на сократительность мускулатуры. Прикосновеніе периферическихъ концевъ кожи къ холодной водѣ въ ваннѣ обусловливаетъ измѣненіе электромоторнаго состоянія нервныхъ волоконъ и это-то состояніе мы называемъ возбужденіемъ. Это возбужденіе по времени вліянія холодной воды на кожу есть первый эффектъ, сила котораго разнится, смотря по температурѣ, продолжительности вліянія холодной среды и впечатлительности организма. Ближайшимъ результатомъ раздраженія кожи, вслѣдствіе вліянія на нее холодной воды, является реакція, выражающаяся частію въ сокращеніи мышечной и сократительной ткани ея (cutis anserina), частію въ ощущеніи холода, доходящаго до дрожи, чувства боли и ломоты (E. N. Weber [3]), переходящаго наконецъ въ полную анэстезію; частію реакція выражается въ сокращеніи капилляровъ [1]), частію она состоитъ въ измѣненіи отправленій органовъ дыханія и кровообращенія, зависящихъ въ свою очередь отъ рефлекторнаго возбужденія продолговатаго мозга и верхней части спиннаго (Сѣченовъ и Дедюлинъ [2]). Одновременно съ этими измѣненіями происходитъ гиперемія внутреннихъ органовъ, особенно легкихъ и сердца, затѣмъ является затрудненіе дыханія, которое становится все рѣже и глубже, пульсъ слабъ, легко сжимается [3]); происходитъ замедленіе біенія сердца [4]) и даже полная остановка его [5]); при этомъ, по Хорвату, въ артеріяхъ большею частію происходитъ постепенное уменьшеніе давленія, иногда же оно наступаетъ внезапно, падая съ значительной высоты до 0° и причиняя такимъ образомъ смерть организму, вмѣстѣ съ этимъ наоборотъ въ венахъ происходитъ ненормальное увеличеніе давленія крови, чѣмъ объясняются значительныя переполненія кровью печени у животныхъ, умершихъ отъ холода [6]). По Catiano (l c.), при дѣйствіи холода на животный организмъ, печень, селезенка и почки положительно не бываютъ гиперэмированы, большіе же сосуды, аорта, полыя вены и шейные сосуды переполняются кровью. При временномъ дѣйствіи холода, по Catiano, моча, могущая служить нѣкоторымъ указателемъ кровянаго давленія и обмѣна веществъ, увеличивается въ количествѣ, не измѣняя своего цвѣта, между тѣмъ по наблюденію другихъ авторовъ у взрослыхъ людей послѣ купанья въ холодной водѣ замѣчается иногда появленіе бѣлка въ мочѣ [7]).

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить тотъ замѣчательный фактъ, что, по наблюденіямъ Хорвата [8]),—животныя теплокровныя, во время искусственнаго охлажденія, никогда не мочатся, не смотря на то, что мочевой пузырь часто бываетъ сильно наполненъ мочею. Этотъ фактъ г. Хорватъ ставитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что холодъ парализуетъ гладкіе мускулы гораздо ранѣе, чѣмъ поперечнополосатые. Что касается состоянія кровообращенія въ головномъ мозгу, то, по Catiano, сосуды мягкой мозговой оболочки находятся здѣсь, по крайней мѣрѣ въ первое время по охлажденіи, въ состояніи сокращенія, а не расширенія, какъ это до сихъ поръ

[1]) Гидротерапія. Винтерницъ. Русс. перев. Ч. I. стр. 179.

[2]) Броунъ Секаръ. Лекціи о физіологіи и паталогіи нервной системы. 1867 г. стр. 229. Uffelman l. c. S. 270.

[3]) Handwörterbuch der Physiologie v. d. R. Wagner. B. III. Abtheil. 2 1846. J. 578. Также: P. Grützner's:über die Einwirkung von Wärme und Kälte auf Nerven (Arch. f. Physiologie von Pflüg. 1878. B. VIII. S. 217—219).

[1]) A. Хорватъ. Zur Abkülung der Warmblüterl (Archiv f. die gesammte Physiologie von Pflüger. 1876. B. XII).

[2]) Медицинскій Вѣстникъ. 1865 г. № 30.

[3]) Catiano. Ueber Erfrierungen (Archiv für Clinische Chir., Bd. XXVIII, S. 278).

[4])Ціонъ. Курсъ физіологіи. 1873 г. стр. 133.

[5]) Броунъ Секаръ l. c.

[6]) А. Хорватъ l. c.

[7]) Проф. О. Лейкокъ: о нейродической альбуминуріи и гематуріи и главнымъ образомъ объ ихъ отношеніи къ термическимъ нервозамъ и простудѣ (The Dublin Journal of medical science, 1874 г. № 31, стр. 1 и слѣд.) Военно-медицинскій журналъ 1874 г. Октябрь. Смѣсь. 46.

[8]) А. Хорватъ l. c.

принималось, но что, можетъ быть, имѣетъ мѣсто въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, какъ можно догадываться изъ наблюденій другихъ авторовъ [1]). Относительно механическаго извлеченія теплоты изъ организма посредствомъ холодной воды намъ извѣстно изъ физіологіи то, что, по мѣрѣ охлажденія кожи, кровь, находящаяся въ ея капиллярахъ, также охлаждается; эта охлажденная кровь, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе теплой кровью, охлаждаетъ послѣднюю и такимъ образомъ понижаетъ ея температуру на нѣсколько градусовъ. Эта охлажденная кровь, по опытамъ Хорвата, даже сама послѣ содѣйствуетъ замедленію сердцебіенія, такъ какъ сердце, вырѣзанное изъ молодой собаки, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, то ускоряло, то замедляло свои движенія, смотря по тому, протекала ли чрезъ него теплая или холодная кровь. При этомъ электрическая возбудимость нервовъ, подвергшихся вліянію холода, также значительно падаетъ [2]). Catiano (l. c.) отвергаетъ то мнѣніе, будто причиной смерти служитъ охлажденіе крови: изъ его опытовъ видно, что у замерзавшихъ животныхъ t° въ прямой кишкѣ падаетъ постепенно въ теченіе первыхъ трехъ часовъ до 32° C., остается нѣкоторое время безъ измѣненія и затѣмъ въ слѣдующіе 3—6 часовъ быстро опускается до 20° или 15° C. Если допустить, что причиной смерти бываетъ охлажденіе крови; то слѣдовало бы ожидать прежде всего паралича сердца, а между тѣмъ въ опытахъ автора всегда прежде прекращалось дыханіе, и уже послѣ того останавливалось сердце. На этомъ основаніи авторъ полагаетъ, что смерть отъ замерзанія происходитъ не отъ измѣненія кровью черепнаго мозга, не отъ измѣненія кровяныхъ клѣтокъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и не отъ охлажденія крови, а главнымъ образомъ отъ малокровія мозга, другими словами: смерть отъ замерзанія есть смерть отъ задушенія, обусловленнаго параличемъ дыхательныхъ центровъ.

Перейдемъ теперь къ обсужденію физіологическаго вліянія холодныхъ ваннъ спеціально на дѣтскій организмъ. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ слѣдующіе факты:

1) Кожа новорожденныхъ вообще чрезвычайно нѣжна и слой эпидермиса ея, какъ плохаго проводника, очень тонокъ.

2) Величина кожной поверхности тѣла ребенка сравнительно съ таковою же взрослыхъ значительно болѣе, а потому конечно всякій холодъ гораздо легче и скорѣе охлаждаетъ дѣтскій организмъ, чѣмъ организмъ взрослыхъ.

3) Въ организмѣ новорожденнаго недостаточно развиты какъ процессы, вырабатывающіе тепло, начиная съ недостаточной функціи легкихъ и кончая недостаточнымъ окисленіемъ крови въ тканяхъ организма, точно также недостаточно развиты и нервные центры, содѣйствующіе развитію этихъ процессовъ. Этими то обстоятельствами между прочимъ объясняется и всѣмъ извѣстная, особенная зябкость новорожденныхъ, впервые ясно констатированная Мильнъ-Эдварсомъ [1]), а впослѣдствіи уже не разъ подтвержденная въ наукѣ различными наблюденіями [2]).

4) Общая чувствительность дѣтскаго организма весьма развита. Такъ иногда незначительное раздраженіе, ничтожное поврежденіе кожи, влекутъ за собою тетаническія конвульсіи и угрожаютъ опасностію жизни ребенка. Какъ часто грубое прививаніе оспы, или просто укалываніе при инъекціяхъ, вызываютъ опасныя Lymphangoitis, воспаленіе железъ съ переходомъ въ нагноеніе. Какъ часто приходится наблюдать дурныя послѣдствія отъ неумѣреннаго раздраженія мушекъ, раздражающихъ мазей и другихъ средствъ. Какъ часто въ холодныя времена года, особенно въ холодныхъ странахъ и воспитательныхъ домахъ, у новорожденныхъ и дѣтей нѣсколько старшаго возраста въ слѣдъ за ничтожнымъ охлажденіемъ кожи слѣдуютъ: мучительный насморкъ, ларингитъ, бронхитъ, а за охлажденіемъ болѣе значительнымъ не рѣдко слѣдуютъ даже воспаленія легкихъ и плевриты, тризмъ и смерть.

Послѣ всего изложеннаго становится яснымъ, почему современные врачи и педіатры пришли къ тому убѣжденію, что употребленіе холодной воды при купаніи и крещеніи новорожденныхъ можетъ отразиться чрезвычайно пагубно на ихъ жизни и здоровьи, а потому они могутъ относиться къ этому способу не иначе, какъ съ осужденіемъ, строго запрещая его до того возраста, пока дитя наконецъ достаточно окрѣпнетъ для борьбы съ холодомъ.

Эти мысли, основанныя на научныхъ соображеніяхъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще такъ часто и такъ грубо игнорируемыя въ массѣ, по нашему мнѣнію, въ видахъ безспорнаго и громаднаго блага для дѣтей, слѣдовало бы съ возможно большей энергіей распространять въ публикѣ и особенно между духовенствомъ, а частію пожалуй и между врачами, тѣмъ болѣе, что по временамъ и между ними приходится находить поклонниковъ купанья дѣтей въ холодной водѣ, непритворное сочувствіе которой напр. года два тому назадъ заявилъ одинъ земскій врачъ, г. Евсѣенко, въ своей замѣткѣ, напечатанной въ одномъ изъ видныхъ медицинскихъ журналовъ [3]).

[1]) Винтерницъ, l. c. Ч. I, стр. 179.

[2]) А. Хорватъ, l. c.

[1]) Milne-Edvars. De l'influence de la température sur la mortalité des enfants nouveaunés. Mém. de la societé d'histoire naturelle de Paris. 61.

[2]) Vierordt. Physiologie des Kindesalter (Handbuch der Kinderkrankheiten von d-r Gerhardt. 1877. B. 1. S. 155).

[3]) Евсѣенко: О вліяніи крещенія въ холодной водѣ на развитіе новорожденныхъ (Врачъ. 1881 г. № 7).

ГЛАВА IX.

ОДЕЖДА.

Значеніе одежды вообще и для дѣтей въ частности.—Особенности дѣтской кожи и дѣтскаго организма.—Цѣлесообразность и удобство одежды.—Одежда дѣтей у древнихъ и современныхъ европейскихъ народовъ.—Вліяніе моды и предразсудковъ на одежду.—Одежда дѣтей нѣкоторыхъ дикихъ иноземныхъ племенъ.

Одежда, по Петтенкоферу, есть одно изъ орудій, помощію котораго человѣкъ пользуется въ борьбѣ за существованіе на различныхъ пунктахъ земли противъ враждебныхъ вліяній атмосферы, противъ жара на югѣ, противъ холода на сѣверѣ и т. д. Въ этомъ смыслѣ одежда, очевидно, имѣетъ такое же назначеніе, какъ жилище, хотя въ совершенно другой формѣ, а именно — образовать въ ближайшей окружности нашего тѣла наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ послѣдняго искусственный климатъ. Согласно съ такимъ назначеніемъ, по Петтенкоферу, одежду можно назвать подвижнымъ жилищемъ, а жилище—подвижною одеждою. По Либиху, одежда до нѣкоторой степени замѣняетъ собою пищу, уменьшая въ тѣлѣ потерю тепла, а слѣдовательно и количество горючихъ веществъ, получаемыхъ изъ пищи. Изъ всего этого само собой понятно, что при устройствѣ одежды во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сообразоваться съ климатическими и бытовыми условіями человѣка и что какъ избыточное, такъ и недостаточное прикрытіе тѣла его отъ внѣшнихъ вліяній вредно дѣйствуютъ на свойство и развитіе его организма. Въ связи съ этимъ безъ сомнѣнія стоятъ также и тѣ факты, что природа даетъ намъ самыя могучія и роскошныя формы растительнаго и животнаго царствъ именно тамъ, гдѣ солнце вѣчно свѣтитъ, гдѣ существуетъ безсмѣнное лѣто, гдѣ солнце вполнѣ достаточно, но безъ излишка согрѣваетъ своимъ свѣтомъ и гдѣ все количество матеріала, потребнаго для развитія теплоты въ томъ или другомъ тѣлѣ, идетъ прямо на лучшій ростъ тканей организма и вообще физическое строеніе послѣдняго. Наоборотъ при излишнемъ охлажденіи тѣла, при недостаточномъ защищеніи его отъ холода, у организма отнимается слишкомъ много теплоты совершенно непроизводительно и тѣмъ значительно ослабляется ростъ и развитіе его. Отъ того-то и растенія, и животныя, и люди на Сѣверѣ обыкновенно отличаются замѣтною малорослостію. Лапландцы и Эскимосы очень низки, а жители Огненной Земли, которые хотя живутъ и на югѣ, но ходятъ обнаженными даже и зимою, по описанію Дарвина, такъ малы ростомъ и такъ безобразны, что едва возможно заставить себя вѣрить, что это люди. Шотландскіе пони, бараны и другой тамошній скотъ поражаютъ своею малорослостію въ сравненіи съ англійскими породами, содержимыми въ достаточно нагрѣваемыхъ скотныхъ дворахъ. Избытокъ тепла, задерживаемый въ организмѣ тѣми или другими способами, влечетъ за собою разстройства другаго рода и между прочимъ изнѣженность, нервозность и ослабленіе организма. Поэтому при устройствѣ одежды, согласно требованіямъ гигіены, слѣдуетъ придерживаться того правила, чтобы одежда эта была достаточна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для дѣйствительной защиты тѣла отъ продолжительнаго ощущенія холода и сырости, какъ бы это ощущеніе ни было слабо.

Вредное дѣйствіе излишняго тепла, холода и сырости конечно оказывается тѣмъ рѣзче, чѣмъ юнѣе организмъ, а слѣдовательно и по отношенію къ дитяти дѣйствіе это тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ моложе дитя. Чтобы яснѣе представить себѣ сказанное, укажемъ здѣсь вкоротцѣ на нѣкоторыя особенности дѣтскаго организма и кожи его въ частности. При появленіи своемъ на свѣтъ новорожденный прежде всего мѣняетъ среду, переходя изъ нѣжной, тепловатой, околоплодной влаги, тщательно защищающей кожу его отъ внѣшнихъ насилій и раздраженій, въ среду, въ которой эта кожа тотчасъ же подвергается раздражающему дѣйствію пониженной температуры воздуха и непривычныхъ, но тѣмъ не менѣе всегда относительно грубыхъ пеленокъ. Отсюда понятно само собою, что тѣло новорожденныхъ и маленькихъ дѣтей всегда должно содержать непремѣнно въ теплѣ и мягкомъ, удобномъ одѣяніи, напримѣръ, въ мягкихъ пеленкахъ, бума-

зеѣ, фланели и т. п. Затѣмъ въ первые дни и недѣли послѣ рожденія постоянно замѣчается лупленіе кожицы, причемъ послѣдняя сохнетъ, трескается, отстаетъ отъ кожи и потомъ отпадаетъ болѣе или менѣе значительными лоскутами. По мѣрѣ этого отпаденія кожицы незамѣтно образуется новая, которая бываетъ большею частію очень раздражительна и воспаляется съ удивительною скоростію. Эти измѣненія кожи въ свою очередь нуждаются также въ особенно заботливомъ охраненіи ея отъ холода и грубой одежды. Кромѣ того поверхность тѣла ребенка постоянно выдѣляетъ количество тепловыхъ единицъ несравненно болѣе, чѣмъ у взрослыхъ. «У всякаго маленькаго животнаго,—говоритъ Сѣченовъ, [1])—внѣшняя поверхность тѣла сравнительно съ массой послѣдняго больше, чѣмъ у большаго животнаго, и такъ какъ внѣшняя поверхность есть въ то же время поверхность охлажденія, а теплота развивается во всѣхъ точкахъ тѣла, значитъ, сравнительно съ массою послѣдняго всякое маленькое животное больше теряетъ и больше развиваетъ тепла, чѣмъ большое, такъ какъ температуры тѣла у обоихъ одинаковы. Соотвѣтственно этому опыты показываютъ, что всякое маленькое животное, сравнительно съ массою своего тѣла, въ нѣсколько разъ больше поглощаетъ кислорода и больше развиваетъ угольной кислоты, чѣмъ большое». У взрослыхъ съ поверхности кожи отдѣляется теплоты, по изслѣдованію гигіенистовъ, болѣе трехъ четвертей всей теплоты, вырабатываемой организмомъ. У дѣтей это отношеніе неизслѣдовано до сихъ поръ, но въ виду сказаннаго, понятно, какое сравнительно громадное количество теплоты должно выдѣляться дѣтской кожей. Отсюда новая забота о тщательной охранѣ тѣла дитяти отъ холода. Не забудемъ кромѣ того, что одежда должна быть цѣлесообразно и удобно устроена и особенно по отношенію къ дѣтямъ—никакая мода, никакой предразсудокъ не должны имѣть здѣсь мѣста; наоборотъ все должно быть приспособлено къ возможно свободному, удобному и естественному развитію ребенка, принимая во вниманіе по временамъ его возрастъ, полъ, климатъ, въ которомъ онъ живетъ, условія его быта и т. д.

Выяснивши такимъ образомъ главные принципы, которыми слѣдуетъ руководиться при устройствѣ дѣтской одежды, посмотримъ теперь, какъ люди относились прежде и относятся въ настоящее время къ одѣянію своихъ дѣтей.

Одежда дѣтей у древнихъ народовъ. Немалое различіе въ одеждѣ дѣтей замѣчалось еще въ глубокой древности. Въ древнемъ Египтѣ, напр., тѣлесное воспитаніе дѣтей было весьма суровое. Дѣти ходили босикомъ, даже почти вовсе нагишомъ [1]); они, какъ замѣчаетъ Крамеръ, воспитывались не причиняя никакихъ тратъ и до того бережливо, что воспитаніе ребенка до юношескаго возраста обходилось всего въ 20 драхмъ или $4^1/_2$ талера. Въ древней Греціи уже въ тѣсныхъ предѣлахъ семейной жизни обнаруживалась замѣтная разница между Іоническимъ и Дорическимъ обычаями. Такъ Аѳиняне могли воспитывать своихъ дѣтей по собственному усмотрѣнію; въ Спартѣ же система воспитанія опредѣлялась Ликурговскими законами и была основана главнымъ образомъ на укрѣпленіи тѣла и пріученіи его къ лишеніямъ. Разница между Спартанскимъ и Аѳинскимъ воспитаніемъ дѣтей,—говоритъ Вейсъ [2]),—начиналась уже при самомъ рожденіи ребенка. Такъ въ Спартѣ, омывши, какъ водится, новорожденнаго, оставляли его нагимъ, а въ Аѳинахъ завертывали во что нибудь теплое. Пока Аѳинскія дѣти оставались при матери (обыкновенно до 6-го года), они носили рубашку, хитонъ и ходили обутыми, тогда какъ Спартанцы водили дѣтей своихъ въ одной накидкѣ (Фиг. № 13) и босикомъ даже зимою [3]).

Фиг. 13. Спартанскій ребенокъ.

У древнихъ Римлянъ, по свидѣтельству Плавта, Галена, Сорана и др., относились къ укрыванію новорожденныхъ и одеждѣ дѣтей вообще съ большею заботливостію. Тоже можно сказать объ обычаяхъ Іудеевъ, на основаніи свидѣтельствъ Вѣтхаго Завѣта, объ обычаяхъ древнихъ Индійцевъ, на основаніи свидѣтельства Susrutas Ayurvedas и т. д.

Одежда дѣтей современныхъ Европейскихъ народовъ. Однимъ изъ лучшихъ способовъ одѣванія грудныхъ дѣтей въ настоящее время можно считать *Англійскій*. По этому способу въ теченіе первыхъ недѣль новорожденному накладываютъ пупочный бинтъ; подъ крестецъ трехъугольную косынку для воспріятія нечистотъ и концы ея связываются вмѣстѣ на животѣ, на голову надѣваютъ чепчикъ, на туловище коротенькую рубашку и поверхъ всего этого

---

[1]) *Сѣченовъ.* Физіологія растительныхъ процессовъ. 1871 г. Лек. XI. стр. 126.

[1]) Исторія педагогики Карла Шмидта, перев. Цимермана 1877 г., стр. 133.

[2]) Вейсъ. Внѣшній бытъ народовъ. Перев. Чаева. Т. 1. ч. 2. стр. 133. 1874 г.

[3]) Вейсъ l. c. Т. 1. ч. 2. стр. 297.

завертываютъ ребенка въ большой кусокъ фланели, связанный широкой тесьмой. При слѣдующемъ затѣмъ развитіи англійскій ребенокъ въ своей длинной фланелевой блузѣ полный господинъ своихъ движеній, разумѣется, въ тѣхъ умѣренныхъ границахъ, которыя отмѣрила ему природа. Къ сожалѣнію, въ одеждѣ дѣтей дальнѣйшихъ возрастовъ среди нѣкоторыхъ англійскихъ семействъ проглядываетъ излишній аскетизмъ, являющійся результатомъ неправильнаго понятія ихъ о такъ называемомъ «закаливаніи» тѣла дѣтей и состоящемъ въ томъ, что они имѣютъ обычай водить дѣтей своихъ съ черезъ чуръ обнаженными — бюстомъ, руками и ногами. Рѣшительно осуждая этотъ обычай, одинъ изъ даровитѣйшихъ англійскихъ писателей—врачей—Спенсеръ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «богатые родители, видя, что крестьянскія дѣти играютъ полуодѣтыя, и соединяя съ этимъ фактомъ общее здоровое состояніе рабочаго народа, выводятъ ложное заключеніе, что здоровье есть результатъ обнаженія, и рѣшаются держать своихъ дѣтей недостаточно прикрытыми. Они забываютъ, что деревенскія дѣти, которыя рѣзвятся на лугахъ, во многихъ отношеніяхъ благопріятно обставлены и что жизнь ихъ проходитъ почти въ безпрерывной игрѣ; что они ежедневно дышатъ свѣжимъ воздухомъ и что организмъ ихъ не разстроенъ излишнимъ умственнымъ напряженіемъ. И какъ-бы это ни казалось несообразнымъ, ихъ хорошее состояніе здоровья поддерживается не вслѣдствіе, а вопреки ихъ недостаточной одежды. Мы полагаемъ, что этотъ противуположный выводъ вѣренъ и что неизбѣжный вредъ происходитъ отъ потери животной теплоты, которой они подвергаются. Если они на столько здоровы, что выносятъ холодъ и привыкаютъ къ нему, то это происходитъ на счетъ роста». [1]) — Подражаніе описанному англійскому обычаю, конечно, еще менѣе умѣстно на Сѣверѣ Россіи; но тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, оно нерѣдко практикуется и здѣсь, особенно среди чиновныхъ и богатыхъ людей Петербурга и Москвы, заботящихся не столько о правильномъ воспитаніи дѣтей своихъ, сколько о выказѣ ихъ на манеръ иностраннаго воспитанія. Для нихъ-то главнымъ образомъ мы и привели здѣсь только что цитированное мнѣніе Спенсера, съ такою убѣдительностію осуждающаго упомянутый нелѣпый обычай своихъ соотечественниковъ.

Во Франціи среди городскаго населенія существуетъ обычай одѣванія маленькихъ дѣтей, напоминающій собою частію Англійскій, частію же принадлежащій обычаямъ самихъ Французовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что на ребенка сначала надѣваютъ распашонку, т. е. рубашечку, разрѣзанную и завязывающуюся сзади или спереди, сверхъ которой надѣваютъ фланелевую кофточку, чтобы соблюсти должную теплоту, и завязываютъ послѣднюю также спереди или сзади, но только на противуположной сторонѣ распашонки, чтобы такимъ образомъ избѣжать щелей или прорѣхъ въ одеждѣ. Сверхъ всего этого надѣваютъ лифчикъ изъ полотна безъ рукавовъ, который французы именуютъ корсетикомъ. Подъ крестецъ ребенка кладутъ косынку, огибающую промежность ребенка и завязываемую тесьмами на животѣ. На ножки надѣваются чулки, на тѣльце блуза съ длинной юбкой, на голову—чепецъ. При этомъ одѣваніи самое большое неудобство безъ сомнѣнія составляютъ три кофточки, собирающіяся во множество складокъ, при лежаніи на которыхъ ребенокъ часто испытываетъ неловкость и даже боли. Кромѣ того такое излишество платья мѣшаетъ ребенку поворачиваться по произволу, а будучи измочено — оно не скоро и неудобно перемѣняется.

Въ Германіи, по свидѣтельству Плосса,—для маленькихъ дѣтей употребляютъ: рубашки, кофточки, фуфайки, чепцы для головы и платки для шеи; за тѣмъ ребенокъ запеленатый или распеленатый укладывается въ мягкую подушку, запаковывается въ ней почти наглухо и такимъ образомъ сильно парится. Наоборотъ подростающихъ дѣтей здѣсь одѣваютъ весьма недостаточно и онѣ обыкновенно бѣгаютъ въ одной рубашкѣ. Въ томъ же родѣ объ одеждѣ дѣтей въ Германіи свидѣтельствуетъ докторъ Бреннеръ Шефферъ изъ Баварскаго Оберъ-Пфальца: «рубашка,—говоритъ онъ,—надѣваемая на ребенка въ первый день, служитъ ему изо дня въ день цѣлый годъ, хотя бы формы ребенка увеличились и хотя бы она покрывала собою лишь небольшую часть его тѣла. Кромѣ этой рубашки покровами тѣла служатъ тамъ и самъ кофточки и пеленальныя подушки. Но какъ только являются у ребенка побужденія къ собственнымъ самостоятельнымъ движеніямъ, то уже препятствій въ узкой одеждѣ онъ не встрѣчаетъ. Наоборотъ въ рубашкѣ, едва достигающей бедеръ, сидитъ онъ въ полѣ, на лугу, или на полу комнаты».

Швейцарскій народъ, — говоритъ г-жа Водовозова [1]),—извѣстенъ своимъ трудолюбіемъ; вслѣдствіи этого мать не можетъ смотрѣть за своими дѣтьми и они остаются на произволъ судьбы, часто растутъ наровнѣ съ домашними животными. Не рѣдко швейцарецъ, имѣя кое какія средства, и могъ бы нѣсколько болѣе наблюдать за своими дѣтьми, почище ихъ одѣвать, но его одолѣваетъ страсть копить деньгу, увеличивать свое хозяйство. Все это

[1]) Спенсеръ: воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. съ Англ. 1877 г., стр. 311.

[1]) Жизнь Европейскихъ народовъ. Е. И. Водовозовой. 1877 г. Т. 1. стр. 57.

заставляетъ его не обращать ни малѣйшаго вниманія на ребенка до школы и онъ безъ всякаго призора бѣгаетъ около дома, покрытый рубищемъ, или карабкается на горы и скалы, но за то, правда, съ замѣчательною ловкостію и силою.

Въ *Албаніи* [1]) до семи лѣтъ дѣтей держатъ чрезвычайно сурово: съ непокрытой головой, безъ штановъ и босикомъ, только въ самое суровое время года, поверхъ единственной рубашонки имъ позволяютъ что нибудь накинуть. Албанцы народъ дѣйствительно чрезвычайно бѣдный; но дѣтей ведутъ такимъ образомъ вовсе не отъ бѣдности, а изъ желанія закалить ихъ. «Хилыхъ намъ совсѣмъ не надо»—говоритъ Албанецъ и не бережетъ своего слабаго ребенка.

Про *Черногорца* можно сказать,—говорятъ путешественники,—что онъ мѣняетъ свое бѣлье только въ томъ случаѣ, когда разъ надѣтая рубашка сама въ видѣ лохмотьевъ спадетъ съ него [2]). То же, конечно, можно сказать и о дѣтяхъ ихъ.

В. Макушевъ [3]), описывая невеселую картину человѣческихъ страданій отъ холода и голода въ зимнюю непогоду въ колыбахъ (хижинахъ) Задунайскихъ Славянъ, между прочимъ приводитъ слѣдующія слова Гильфердинга: «вы можете видѣть тогда (зимой) въ нихъ (колыбахъ),—что дѣти буквально голы и дѣвушки едва покрываютъ себя рубахою въ лохмотьяхъ».

Мѣщанство и аристократія Европы всюду держатъ себя особнякомъ отъ народа и науки. Поэтому въ одеждѣ ихъ дѣтей встрѣчается такъ много своеобразнаго, навязаннаго модой, предразсудками, странными причудами, фанаберіей и, что особенно замѣчательно, несмотря на разность странъ и положеній, зачастую весьма сходнаго для всѣхъ ихъ. Одежда дѣтей такихъ родителей, безспорно, имѣетъ большое вліяніе на здоровье послѣднихъ, формы, развитіе и силы ихъ; но въ то же время оттѣнки одеждъ этихъ псевдокультурныхъ людей такъ разнообразны, что изложить ихъ въ краткомъ очеркѣ рѣшительно невозможно, а потому мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на главнѣйшія изъ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Мы уже видѣли выше, какъ неосмысленъ обычай богатыхъ Англичанъ выводить на улицу дѣтей своихъ полуголыми несмотря ни на какую погоду. По свидѣтельству авторовъ, обычай этотъ многимъ дѣтямъ разстроилъ здоровье, многихъ повелъ къ калѣчеству и преждевременной смерти и тѣмъ не менѣе обычай этотъ держится въ Англіи со всѣмъ упорствомъ. Французскій обычай затягивать дѣвочекъ съ раннихъ поръ безъ милосердія въ тѣсный корсетъ сколько далъ Франціи больныхъ и уродливыхъ женщинъ! Общераспространенный обычай носить по многу юбокъ съ ранняго дѣтства и стягивать ихъ въ поясѣ какъ тяжело достается многимъ женщинамъ вообще, а въ томъ числѣ и дѣвочкамъ! Профессору Бартельсу [1]) пришлось наблюдать значительное число больныхъ, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, рабочаго класса, страдавшихъ одновременно расширеніемъ желудка и подвижностію правой почки; всѣ эти больныя сильно перетягивали себѣ животъ тесемками, на которыхъ держатся юбки. При этомъ стягиваніи въ моментъ пониженія діафрагмы, особенно при усиленномъ дыханіи и напряженіи, печень надавливаетъ чрезъ правую почку на нисходящую часть дѣвнадцати-перстой кишки и слѣдовательно затрудняетъ опорожненіе желудка. Женщины, носящія юбки на корсетѣ и не производящія усиленной работы, естественно менѣе подвержены и указанному Бартельсомъ источнику желудочныхъ страданій. Сходныя съ описанными явленіями замѣчались иногда и у мужчинъ, туго перетягивающихъ себѣ животъ ремнями, поясами и т. п. Новѣйшая обувь нашихъ дамъ, стремящихся изъ своихъ ногъ сдѣлать чуть не козьи ножки, стягивая ихъ безъ милосердія съ малыхъ лѣтъ въ узкія ботинки съ безобразно высокими и крайне неудобными каблуками,—сколько женскихъ ногъ искалечила и обезобразила! И такъ далѣе безъ конца!

Одежда дѣтей нѣкоторыхъ дикихъ инозем ныхъ племенъ. [1]) Народы, стоящіе на низкихъ ступеняхъ развитія, большею частію оставляютъ дѣтей своихъ почти безъ всякой одежды. Въ жаркомъ климатѣ, особенно у народовъ, ходящихъ нагими, дѣти обыкновенно остаются голыми, напр. у нѣкоторыхъ Индійцевъ южной Америки, Африканскихъ негровъ, Австралійцевъ и другихъ. Послѣдніе, равно какъ жители Филиппинскихъ острововъ, для защиты новорожденнаго отъ холода довольствуются тѣмъ, что зарываютъ его въ теплую золу. Въ Австраліи (колонія Викторія) новорожденнаго натираютъ смѣсью изъ древеснаго угля и жира для защиты отъ насѣкомыхъ и жара. Но на востокѣ Новой Голландіи завертываютъ грудныхъ дѣтей въ мѣхъ opossum'a, укрѣпляя послѣдній по рукамъ и ногамъ ихъ шнурками, сдѣланными изъ волосъ животныхъ, полагая, что чрезъ это дѣти дѣлаются красивѣе и мужественнѣе.

Иногда, впрочемъ, на одежду неимѣютъ вліянія ни климатъ, ни обычай, а прямо бѣдность, безпечность и неряшество. Такъ, Пешера, народъ весьма

---

[1]) Водовозова. ibid. стр. 73.

[2]) Современная Черногорія. Фриллея и Влохити. 1876 г. стр. 159 (Библіотека путешествій).

[3]) В. Макушевъ: Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. 1867 г. стр. 17.

[1]) Berliner klinische Wochenschrift. 1877. стр. 429 etc.

[2]) Факты, приведенные безъ цитатъ въ этомъ отдѣлѣ главы, заимствованы у Ploss'a B. II. S. 17–25.

бѣдный, живущій возлѣ Магелланова пролива, при сильной стужѣ надѣваютъ на свои плечи лишь шкуры животныхъ и грѣютъ свое голое тѣло около собакъ, а дѣтей своихъ совсѣмъ не одѣваютъ. Наоборотъ Африканскіе Шангала, сами ходящіе голыми, дѣтей своихъ завертываютъ; а Негры Сахары, ходящіе въ своихъ бурнусахъ, не только упаковываютъ новорожденныхъ въ постели, но еще надѣваютъ на нихъ особый поясъ для поддержанія спины и при всемъ томъ никогда не моютъ ихъ. Ніамъ—Ніамы въ центральной Африкѣ укладываютъ новорожденныхъ прежде всего въ постель изъ древесныхъ листьевъ, что дѣлаютъ также Бразильскіе Индійцы. Сѣверо-Американскіе Индійцы завертываютъ новорожденнаго въ бобровую шкуру для сбереженія его отъ рѣзкаго вліянія воздуха. Индійцы племени Docatah и Sioux тотчасъ по рожденіи укладываютъ дитя въ пухъ и постель, наполненную мягкими перьями лебедей и гусей, кладутъ все это въ платокъ и увязываютъ такимъ образомъ, по ихъ выраженію, на часочикъ. Послѣ того моютъ ребенка и увертываютъ его опять въ платокъ въ новыхъ пеленкахъ. Аббатъ Domenech, бывшій миссіонеръ среди краснокожихъ, пишетъ: «тотчасъ послѣ рожденія они завертываютъ дитя въ слой лебединаго или гусинаго пуха, потомъ завязываютъ его въ продолженіе часа въ одѣяло, затѣмъ моютъ и кладутъ въ колыбель изъ тростника или бересты, украшенную выточками, рисунками, перьями. Дитя, плотно закутанное и удерживаемое дощечками и застежками на уровнѣ головы, корпуса и ногъ, походитъ на мумію въ царскомъ саркофагѣ». У Тлинкетовъ на Аляскѣ (въ сѣверо-восточной Америкѣ) дитя нѣсколько недѣль отъ рожденія кладется на доску и завертывается въ мохъ.

Въ Остъ-Индскомъ Архипелагѣ, лежащемъ подъ экваторіальнымъ поясомъ, Мангкассары и Bugnis на островѣ Целебесъ воспитываютъ дѣтей своихъ чрезвычайно по спартански, оставляютъ ихъ нагими, безъ простынь и пеленокъ, и доставляютъ имъ только одинъ грубый уходъ; а съ 5-ти лѣтъ родители даже отдаютъ ихъ кому либо изъ своихъ друзей, опасаясь, что сами ослабятъ его своею нѣжностію. Жители Молуккскихъ острововъ не знаютъ пеленаніе дѣтей, но перевязавши пупокъ, небрежно бросаютъ новорожденнаго въ платокъ. На Молдавскихъ островахъ дѣтей не пеленаютъ, но голыхъ кладутъ на постельки, которыя рабы качаютъ изъ стороны въ сторону.

Костюмъ населенія Гватималы, какъ и всѣхъ Индійцевъ центральной Америки [1]), состоитъ только изъ весьма короткой юбки, едва покрывающей бедра, а дѣти бѣгаютъ прямо лишь въ томъ, въ чемъ мать родила.

Въ Патагоніи [2]) у дѣтей есть маленькіе плащи; но они обыкновенно бѣгаютъ голыми.

Въ Сенегамбіи [3]) водятъ дѣтей голыми и въ страшной грязи.

Въ Японіи [4]) народный обычай требуетъ, чтобы мать не воспитывала ребенка въ нѣгѣ: его нужно закалить противъ атмосфернаго вліянія, вынося каждый день на воздухъ и даже на полуденное солнце совершенно голаго съ бритой головой.

Въ Индіи [5]) (Мадрасѣ и Калькутѣ) дѣти обоего пола безъ всякаго присмотра валяются, ползаютъ по землѣ, или бѣгаютъ голые до 9 — 10 лѣтняго возраста.

---

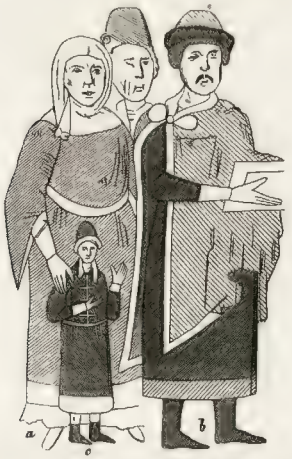
[1]) Гельвальдъ. Живописная Америка. 1877 г. стр. 354.
[2]) Ibidem. стр. 456.
[3]) Ibidem. стр. 63.
[4]) Эме Гюмберъ. Живописная Японія. 1870 г. стр. 39.
[5]) Англійская Индія въ 1843 году Графа Эдуарда Варрена Изданіе Голубкова. 1845 г.

ГЛАВА X.

ОДЕЖДА РУССКИХЪ ДѢТЕЙ.

Древнерусская одежда.—Одежда русскихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Одежда крестьянскихъ дѣтей въ современной Россіи.—Различіе ея по мѣстностямъ.—Выводы изъ приведенныхъ свѣдѣній.—Одежда дѣтей русскихъ инородцевъ.—Общее заключеніе объ одеждѣ дѣтей на основаніи приведенныхъ свѣдѣній.

Дѣтская одежда въ старину. Отъ временъ Владиміра Святаго остался пергаментъ,[1]) относящійся къ 1073 году, на которомъ сохранилось изображеніе одеждъ того времени. Изображеніе это (Фиг. 14), правда, представляетъ въ довольно грубой обдѣлкѣ нѣсколько мужчинъ, одну женщину и одного ребенка; но все-таки и на нихъ можно довольно ясно



Фиг. 14. Древне-русская одежда.

распознать цвѣта и форму одеждъ. Въ княженіе Владиміра и именно вслѣдствіе брака его съ Греческою царевною Анной, наравнѣ съ другими византійскими внѣшностями, принята была вполнѣ и Византійская одежда сначала при дворѣ самого Владиміра, а вскорѣ потомъ и между знатью вообще. Поэтому то и на упомянутыхъ изображеніяхъ пергамента мы видимъ нарядъ, употреблявшійся въ то время у византійской знати, исключая древне-русскихъ шапокъ на мужчинахъ и одѣянія мальчика, на которомъ преобладаетъ еще древне-русская одежда, вслѣдствіе чего изображеніе одежды мальчика особенно цѣнно для насъ въ данномъ случаѣ. Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній касательно формъ дѣтской одежды до 17-го столѣтія. Изъ этого-же періода до насъ дошло нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о дѣтской одеждѣ по кроильнымъ книгамъ, сохранившимся въ Архивѣ Московской Окружной Палаты. Свѣдѣнія эти, правда, касаются одеждъ царевичей, обыкновенно отличавшихся изысканностію и богатствомъ, но если отнять отъ этихъ одеждъ все, что касается роскоши, и присмотрѣться лишь къ ихъ покрою, то можемъ получить именно тѣ формы одеждъ, которыя шились дѣтямъ, согласно вкусамъ и обычаямъ всѣхъ слоевъ тогдашняго общества. Описывая по упомянутымъ книгамъ туалетъ царевича Петра, И. Е. Забѣлинъ [1]) говоритъ: «Обыкновенное легкое дѣтское платье и постельные предметы шились большею частію изъ тафты желтой, бѣлой, иногда червчатой и другихъ цвѣтовъ. На зимнее время они подбивались мѣхомъ изъ черевьевъ бѣлыхъ и лисьихъ. Такъ въ Сентябрѣ 1672 г., когда Петру было только три мѣсяца, скроены ему чулки изъ желтой тафты на бѣлыхъ черевахъ. Въ ту-же осень и зиму ему сшиты одѣяла, одно изъ бѣлой тафты на бѣлыхъ черевахъ, другое изъ желтой тафты на лисьихъ черевахъ. Съ того же времени ему стали шить и обыкновенное платье. Пятимѣсячный онъ уже носилъ золотые кафтаны, но на первый разъ (декабря 2) ему сшили *зипунъ* (коротенькій кафтанецъ) изъ бѣлаго атласа на

[1]) Вейсъ. Т. III, ч. 2, стр. 38. Прохоровъ. Матеріалы по Исторіи русскихъ одеждъ. 1881 г.

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей и Исторіи. Ив. Забѣлина. Ч. 1, 1872 г., стр. 6—9.

собольихъ пупкахъ, съ пятью золотыми пуговицами. Черезъ недѣлю сшитъ кафтанъ, также на собольихъ пупкахъ, изъ объяри—«по червчатой землѣ, по ней струя и травы золоты съ серебромъ въ длину аршинъ, въ плечахъ поларшина, рукава длиною $8^1/_2$ вершковъ, въ корени 4 вершка, въ запястьи $2^1/_2$ вершка, въ подолѣ ширина $2^1/_4$ аршина, — вездѣ пущено съ большимъ запасомъ. Въ Ноябрѣ 1673 г. царевичу сшитъ *наплудникъ* изъ червчатаго атласа съ тремя серебряными вызолоченными и украшенными финифтью пуговицами; сшита *чуга* (родъ кафтана) изъ алаго атласа на собольемъ мѣху съ 12 золочеными пуговицами и съ серебряными кружевами; скроены теплыя *рукавицы* изъ камки, двоеличной шелкъ алъ, да желтъ, на собольемъ мѣху и обито судно червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того царевичи того-же вѣка [1]) носили шапки, аракчины, тафьи и треухи на головѣ. На сорочку надѣвали зипунъ, поверхъ котораго носили ферезы, кафтанъ—становой, кафтанецъ, сарафанецъ, кибенякъ, набатъ и чугу. При этомъ второмъ платьѣ употреблялся кушакъ и тесьма. Верхнее платье составляли платки, опашень, однорядки, ферези ѣздовыя или ферезея и шуба. Изъ нижняго платья извѣстны штаники, которые кроились иногда вмѣстѣ съ чулками и зимою подбивались мѣхомъ. Въ 1635-мъ году Февраля 7-го царевичу Ивану Михайловичу скроены были штаны съ чулками «тафта желтая, въ длину отъ опушки 9 вершковъ, ширина къ поясу полсема вершка... на опушку къ *зепи* (карману) тафты вышло червчатой 4 вершка... исподъ черева бѣльи. Чулки весьма рѣдко бывали визаные; они обыкновенно шились изъ тафты и другихъ легкихъ матерій и на зиму подбивались тоже мѣхомъ. Къ обуви принадлежали ичедыки, родъ чулковъ изъ сафьяна, башмаки и чеботы или коротенькіе сапоги. Ичедыки носились съ башмаками. Вообще, по свидѣтельству И. Е. Забѣлина, дѣтская одежда царевичей почти ничѣмъ не отличалась отъ одежды взрослыхъ: тотъ-же покрой и тѣ-же самыя названія.

Въ свою очередь Н. И. Костомаровъ [2]) свидѣтельствуетъ, что въ XVI—XVII столѣтіяхъ одежда великорусскаго народа была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ-же названія и отличалась только степенью убранства.— Въ общемъ эта одежда не представляла ни изящества формъ, ни вкуса; о таліи, напр., не было и помина, а каждая одежда представляла собою большею частію мѣшокъ, приходившійся на плеча многихъ другихъ. Всякую одежду старались кроить и шить дома, а потому и покрой ея вполнѣ соотвѣтствовалъ пословицѣ «неладно скроено, да крѣпко сшито».—Въ частности объ одеждѣ того времени Костомаровъ говоритъ такъ:—обувь простаго народа — была лапти изъ древесной коры— обувь древняя, употреблявшаяся еще во времена язычества. Кромѣ того носили башмаки, сплетенныя изъ прутьевъ, лозы,—это вѣроятно, такъ называемыя пленицы; нѣкоторые-же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чеботы, башмаки и ичетыги. Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла и для того подкладывались холстиною. Чеботы были полусапожки съ остроконечными, загнутыми кверху носками. Ичетыги и ичеготы,—иначе ноговицы (обувь заимствованная у татаръ), можно сказать, были сафьянные чулки. Рубахи у простонародья были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія, и едва достигали до ляшекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясывались низко и слабо узкимъ поясомъ, называемымъ опояскою. Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго или крашенаго, изъ сермяги— грубой шерстяной ткани, у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой нибудь другой легкой шелковой матеріи. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ.

На рубаху и штаны надѣвались три одежды одна на другую. Исподняя,—(зипунъ), была домашняя, узкая и короткая, въ которой сидѣли дома; если-же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая — кафтанъ, достигавшій до икръ, или пятокъ; третья была накидная для выхода,—опашень, охабень, шуба и пр. Верхнія одежды были вообще широкія, длинныя и для зимы подбивались мѣхами.

Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ и длинные рукава одеждъ замѣняли ихъ необходимость. Только цари и знатныя особы надѣвали *перчатныя рукавицы* и то преимущественно зимою отъ холода, а потому онѣ у нихъ были мѣховыя или оторочивались бобромъ. За то и простыя и средней руки лица зимою надѣвали рукавицы; у небогатыхъ онѣ были кожанныя, у болѣе зажиточныхъ суконныя, подложенныя мѣхомъ. По величинѣ однѣ назывались рукавицы, а другія—поменьше—рукавки.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку; ихъ носили въ комнатѣ. Другой видъ

[1]) Домашній бытъ русскихъ Царей прежняго времени. И. Е. Забѣлинъ. (Отечественныя Записки 1854 г. № 6).

[2]) Н. И. Костомаровъ: очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ, гл. IX.

шапки, остроконечный, назывался колпакомъ. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго. Зимой такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напереди и сзади до половины. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитыя овчиной или какимъ либо не дорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ—четвероугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки, высокія, расширенныя кверху,—исключительная принадлежность князей и бояръ.

Женскія одежды были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ.

Верхняя женская одежда была опашень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу. Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опашня неизвѣстно.

Женская шуба, повидимому, означала не всегда одно только мѣховое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба. Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соотвѣтствовалъ зипуну въ мужскомъ, то опашень и тѣлогрѣя соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду.

На голову замужнія женщины [1]) надѣвали волосники или подубрусники; то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотой, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ съуживать и расширять. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины, считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину, было для нея большимъ безчестіемъ. Въ Новгородской землѣ вошло было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило въ щегольство и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника надѣвался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородкомъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику или кокошникъ, украшавшіеся золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, различными подвѣсками, шнурами изъ жемчуга и т. п. и кромѣ того отличавшіеся не малою тяжестію вѣса.

Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У иныхъ вѣнцы состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Очень часто эти вѣнцы состояли лишь изъ широкой повязки, которая съуживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами.

Одежда крестьянскихъ дѣтей въ современной Россіи. Въ *Корчевскомъ* уѣздѣ *Тверской* губерніи,—по свидѣтельству священника Колерова, до крещенія, какъ бы далеко оно ни было отложено, (а оно откладывается иногда на 2 недѣли), младенецъ не имѣетъ никакой одежды, а только обертывается въ пеленку. Послѣ крещенія, по обряду церковному, священникъ надѣваетъ на него рубашку и съ этого момента младенецъ уже всегда одѣтъ въ рубашку. Другихъ принадлежностей одежды онъ не знаетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи самъ, на своихъ ногахъ, хорошо бѣгать съ ребятишками, т. е. лѣтъ до 4 или 5. Съ этого-же возраста кромѣ рубашки мальчику надѣваютъ порты, но неполные, а что-то въ родѣ двухъ мѣшечковъ для ногъ, такъ что эти мѣшечки, соединенные вверху на поясѣ (гашникѣ), нисколько не затрудняютъ мальчика при отправленіи извѣстныхъ надобностей и сами при этомъ довольно опрятно сохраняются. Дѣвочки съ этого-же возраста сверхъ рубашки надѣваютъ уже платьице или сарафанчикъ, закрывающіе даже ноги почти до пятокъ. Съ этого-же возраста дѣти обоего пола осенью и зимой получаютъ обувь, а именно—осенью кожаные сапоги или башмачки, иногда калишки, т. е. особымъ образомъ сшитые башмаки и укрѣпляемые на ногѣ посредствомъ длинныхъ тонкихъ веревочекъ, наконецъ лапти, плетенные изъ лыка; а зимой мальчикамъ даются валеные сапоги, дѣвочкамъ же такіе-же сапоги или чуни, т. е. валеные башмаки. Лѣтомъ всѣ дѣти ходятъ босыми, исключая особыхъ случаевъ, а именно когда они идутъ въ церковь, или ѣдутъ въ гости. Съ означеннаго-же выше возраста обыкновенно мальчики

[1]) Головной уборъ женщинъ XVI—XVII ст., согласно изслѣдованіямъ И. И. Костомарова, представляетъ не мало оригинальнаго и интереснаго какъ въ этнографическомъ, такъ и въ антропологическомъ отношеніяхъ. Такъ какъ женщинъ этого періода нерѣдко выдавали въ Россіи замужъ 11—12 лѣтъ, то мы считали нелишнимъ сдѣлать здѣсь довольно пространную выписку объ этомъ предметѣ изъ изслѣдованія Н. И. Костомарова, съ одной стороны потому, что этотъ уборъ, очевидно, относился, между прочимъ къ дѣтямъ, съ другой-же стороны потому, что онъ несомнѣнно могъ имѣть вліяніе прямо на недостаточное развитіе головныхъ костей, благодаря сильному давленію на нихъ и стягиванію.

прикрываютъ свою голову картузами или шапками, а дѣвочки платками. На грудныхъ дѣтей надѣваютъ иногда колпачки, въ родѣ чепцевъ, но больше для щегольства, когда везутъ ихъ въ церковь или въ гости.

Въ *Покровскомъ* уѣздѣ *Владимірской* губерніи,—по свидѣтельству врача Зыкова,—одежда новорожденнаго обыкновенно состоитъ изъ головнаго платка, пеленокъ и свивальника. Послѣ крещенія надѣваютъ на дѣтей полотняную или ситцевую рубашку, которая съ того времени бываетъ на нихъ постоянно.

Въ *Суздальскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, по свидѣтельству врача Коссака,—до годоваго возраста кромѣ рубашки дѣтямъ не надѣваютъ никакой одежды. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, ему дѣлаютъ обувь, коженные сапоги, башмаки или лапти; 3-хъ лѣтъ, онъ получаетъ уже шубу и шапку, чтобы могъ бѣгать по улицѣ.

По свидѣтельству М. М. Поспѣлова, въ Ветлужскомъ краѣ *Макарьевскаго* уѣзда *Нижегородской* губ., рубашку на новорожденнаго надѣваютъ уже послѣ крещенія, совершаемаго на 3 или 4 день по рожденіи, а до тѣхъ поръ только обвертываютъ его какою-либо вѣтошью, т. е. старой женской или мужской рубашкой; въ рубашкѣ ребенокъ ходитъ до трехлѣтняго возраста, причемъ голову иногда прикрываютъ платкомъ.

Въ *Сергачскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству священника Владимірскаго, — первоначальную одежду новорожденнаго составляютъ тряпки (мѣстное названіе гунишки) изъ посконнаго, некрашеннаго или синяго холста съ рубцами и заплатами: это и подстилка и пеленки. Потомъ одеждою служитъ жесткая и скорблая рубашенка изъ вышеписанныхъ матеріаловъ.

Въ *Арзамасскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству священника Крылова,—завертываютъ младенца во что ни попало и относительно одежды тоже не мудрятъ много. Если у матери есть хоть два двугривенныхъ, то она поспѣшитъ сшить дѣтищу не только красную рубашку, но и порты, на голову колпачекъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ, на заказъ, руками поповны. По большей же части водятъ и 4-хъ лѣтняго Никитку въ братниныхъ сапогахъ, въ отцовской шапкѣ и дѣдушкиныхъ рукавицахъ. Дѣвочка бѣгаетъ лѣтъ до 5 въ одной рубашенкѣ пестрядевой, а если есть на что, такъ и 3-хъ лѣтняя въ ситцевомъ сарафанѣ. Въ томъ-же уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству Г. Ермолова, одежду новорожденнаго составляютъ рубашенка и огибень, какъ называютъ простынку, которой огибаютъ, увертываютъ ноги—вотъ и все въ первый мѣсяцъ. При выходѣ на воздухъ, особенно зимой, ребенка кутаютъ въ одежды взрослыхъ. Начиная съ $^1/_2$ года дѣлаютъ родъ фуфаекъ или нагрудниковъ въ видѣ жилетокъ, на ножкахъ чулки; а когда ребенокъ начинаетъ ходить—башмаки или лапотки. Года 2—3 мальчики большею частію безъ панталонъ. Эта часть костюма выдается мальчикамъ сравнительно позднѣе всего и мальчишки въ картузахъ и даже кафтанчикахъ часто все еще лишены панталонъ.

Рис. 15. Лапоть, сплетенный изъ лыка.

Въ *Лукояновскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству священника Гуляева, — ранѣе другихъ частей ребячьяго организма прикрывается голова. Покровомъ ея въ этомъ случаѣ служитъ какая-нибудь шапочка (шлычекъ), сшитая крестною матерью въ подарокъ ребенку, или просто повязка изъ платка.

Рис. 16. Калишка изъ кожи (Твер. губ.).

Недостатокъ одежды на младенцахъ, мнѣ кажется, говоритъ референтъ, бываетъ причиною того, что крестьянскія дѣти часто имѣютъ на тѣлѣ сыпи въ родѣ трещинъ на ногахъ до крови и т. п.

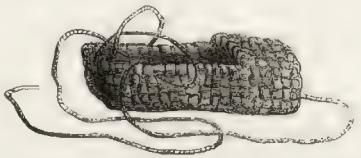


Рис. 17. Чуня сплетенная изъ веревочекъ (Твер. губ.).

Въ *Новогородскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, — по свидѣтельству врача Клаусъ, новорожденный туго пеленается одной холщевой пеленкой. Въ достаточныхъ семьяхъ сверхъ пеленокъ завертываютъ новорожденнаго въ ватное одѣяло, въ бѣдныхъ въ какіе

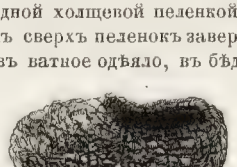


Рис. 18. Упаки, сплетенныя изъ свинаго пуха (Олонец. губ.).

нибудь лохмотья. Съ 3-го, 4-го мѣсяца послѣ рожденія ребенокъ одѣвается въ длинную до пятокъ ситцевую рубашку. Мать, выходя съ ребенкомъ на холодъ и морозъ, завертываетъ его въ одной ру-

башечкѣ въ собственный полушубокъ, надѣвая на голову теплую, зимнюю шапочку у мальчиковъ, или перевязывая голову нѣсколькими платками, завязанными концами къ затылку, а ноги остаются голыми и часто обнаруживаются, если вѣтеръ раздуетъ полы полушубка, въ который одѣта мать. Когда ребенокъ начинаетъ ползать и дѣлаетъ первыя попытки къ ходьбѣ по лавкамъ, онъ одѣтъ въ менѣе длинную, такую-же ситцевую рубашку, въ которой остается во всѣ времена года до 3-хъ и даже до 4-хъ лѣтняго возраста, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ единственную его одежду.

Въ *Сольвычегодскомъ* уѣздѣ *Вологодской* губерніи,— по свидѣтельству врача Ордина,—одежда дѣтей до 3-хъ лѣтняго и даже болѣе поздняго возраста состоитъ изъ одной лишь длинной (ниже колѣнъ) толстой холщевой рубашки, въ которую ребенка начинаютъ одѣвать по окончаніи періода пеленанія его. Рѣдкая замѣна загрязнившихся у дѣтей рубашекъ чистыми, при неопрятномъ содержаніи крестьянскихъ избъ, особенно въ зимнее время, и нечистоплотность вообще, ведутъ къ развитію между дѣтьми (и взрослыми) различнаго рода накожныхъ болѣзней—особенно чесотки и лишайныхъ сыпей.

Въ *Кадниковскомъ* уѣздѣ *Вологодской* губерніи,—по свидѣтельству врачей Смоленскаго и Алексѣева,— въ раннемъ возрастѣ, по большей части до 8 лѣтняго возраста дѣтямъ вообще не дѣлаютъ никакихъ одеждъ и въ это время они ходятъ только въ однихъ рубашкахъ (безъ портовъ), часто сшитыхъ не по возрасту, судя по рукавамъ, которые болтаются на половину, а равно не имѣютъ и обуви; въ болѣе же холодное время нерѣдко видишь ихъ въ безрукавныхъ коротушкахъ или жилеткахъ, принадлежащихъ взрослымъ. Съ 8-лѣтняго возраста только уже начинаютъ имъ дѣлать кафтаны, по большей части холщевые или триковые на кудели вмѣсто ваты и рѣдко овчинные, которые въ большихъ семействахъ обыкновенно переходятъ съ плечъ старшаго къ младшему безъ разбора пола. Такого рода свойство одежды предрасполагаетъ дѣтей къ частымъ катаррамъ органовъ груди и живота, а нерѣдко и къ ревматизму, который при золотушномъ діатезѣ часто обусловливаетъ грибовидное воспаленіе большихъ суставовъ и язвы.

На всероссійской художественно-промышленной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ 1882 г., въ отдѣленіи кустарнаго производства Вологодской губерніи, намъ удалось пріобрѣсть для своихъ коллекцій дѣтскую обувь, подъ названіемъ «упаки», по формѣ весьма напоминающія собою чуни, только сплетенныя не изъ веревокъ, а изъ такъ-называемаго свинаго пуха, или вѣрнѣе изъ свинаго подшерстка, т.-е. мелкой шерсти, выростающей между щетинами. Этотъ свиной пухъ до того жестокъ и колючъ, что съ трудомъ вѣрится, чтобы изъ него можно было дѣлать дѣтскую обувь. Однако говорятъ, что пухъ этотъ очень проченъ, а потому и обувь изъ него приготовляется преимущественно для дѣтей (Фиг. 18).

Въ *Олонецкомъ* уѣздѣ,— по свидѣтельству священника Срѣтенскаго,—по омовеніи только что родившагося ребенка, бабка надѣваетъ на него, въ видѣ рубашки, тряпку, сдѣлавъ въ ней прорѣзъ для головы. Эта рубашка безъ рукавовъ держится на дитяти до крещенія, а послѣ того дитя одѣвается въ настоящую дѣтскую рубашку. Кромѣ рубашки дѣтей не одѣваютъ ни во что другое, пока дитя не начнетъ стоять или ходить.

Въ *Пинежскомъ* уѣздѣ Архангельской губерніи,— по свидѣтельству врача Стефани, — до 7-лѣтняго возраста дѣтямъ не дѣлаютъ почти никакой одежды и они ходятъ въ одной рубашкѣ, босые. Съ 7-лѣтняго возраста дѣлаютъ дѣвочкамъ сарафанъ изъ ситца, а мальчикамъ кафтаны, зимой полушубки изъ овчинъ. Цвѣтъ кожи у дѣтей по большей части темноватый, что зависитъ отъ отсутствія одежды до 7-ми лѣтняго возраста. Въ *Кемскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Скворцова,— заготовленія одежды для ребенка заранѣе нѣтъ въ обыкновеніи. Наоборотъ здѣсь существуетъ даже повѣрье, что если заготовить одежду для ребенка заранѣе, то онъ умретъ. А потому при рожденіи завертываютъ ребенка во что попало, но тотчасъ же послѣ рожденія начинаютъ шить ему рубашечки. Другой одежды здѣсь большею частію не имѣютъ до 4 лѣтъ, такъ что лѣтомъ мальчики бѣгаютъ въ однѣхъ рубашкахъ, а дѣвочки въ сарафанахъ и босикомъ. Зимой ребятъ на улицѣ почти не видать; исключенія чрезвычайно рѣдки; но конечно эти рѣдкія ребята одѣты соотвѣтственно зимнему времени, потеплѣе. Грудныхъ ребятъ завертываютъ въ ватныя, а иногда и въ мѣховыя одѣяла; на улицу ихъ рѣдко показываютъ даже и лѣтомъ, а зимой тѣмъ болѣе.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ той-же губерніи, — по свидѣтельству врача Г., новорожденнаго младенца еще не мытаго завертываютъ въ грязное холщевое бѣлье, мальчика по большей части въ отцовскую, а дѣвочку въ материнскую рубашку и за симъ еще обертываютъ юбкою родильницы и шубою и такъ несутъ въ баню. Только послѣ крещенія надѣваютъ на ребенка холщевую бѣлую рубашку, которую мѣняютъ послѣ бани одинъ разъ въ недѣлю и въ двѣ недѣли разъ. До 6—7 и даже 8 лѣтъ такая рубашка служитъ единственною одеждою ребенка. У болѣе зажиточныхъ на 3-мъ и 4-мъ году надѣваютъ ребенку ситцевую рубашку и такъ дѣти зимою босикомъ, въ самые сильные морозы, чрезъ сѣни, отдѣляющія избу отъ хлѣва, бѣгаютъ по необходимости, въ этотъ послѣдній до вѣтру или даже изъ одного дома въ другой. На 6-мъ, 7-мъ и даже на 8-мъ году дѣвочкамъ надѣваютъ полу-

шерстяной сарафанъ, а мальчикамъ холщевые штаны и съ этого времени по мѣрѣ того, какъ дѣти оказываютъ помощь въ домашнихъ работахъ, родители даютъ имъ свою старую одежду; съ 13 лѣтъ дѣти уже дѣлаются помощниками при исполненіи деревенскихъ работъ и тогда имъ какъ взрослымъ дѣлаютъ одежду и обувь.

Въ *Вятской* губерніи,— по свидѣтельству многихъ лицъ,—первую одежду дѣтей составляетъ рубашка, которую дѣлаютъ на другой или третій день по рожденіи, оставляя до того времени ребенка лишь въ однѣхъ пеленкахъ. До 3-хъ лѣтняго возраста зимой и лѣтомъ кромѣ этой рубашки, въ видахъ одѣянія, ничего болѣе для ребенка не полагается. Самая рубашка въ этомъ возрастѣ состоитъ изъ какой-либо холстинной, иногда очень грубой ткани, или бумажной матеріи, причемъ рубашка бываетъ иногда грязна до нельзя и кругомъ въ дырахъ, такъ что съ плечъ сваливается. Съ 3-хъ лѣтняго возраста, когда дѣти начинаютъ выходить на улицу, въ холодное время, сверхъ сорочки надѣваютъ что-нибудь теплое, сшитое или на ватѣ, или на льняныхъ загребьяхъ, или на мѣху. Съ этого же времени начинаютъ дѣлать имъ подштанники; но обувь еще мало употребляется. Поэтому не рѣдко приходится видѣть, что малютки, выбѣгая въ большой холодъ наружу, намораживаютъ себѣ ноги, ревутъ на улицѣ и продолжаютъ ревѣть еще по приходѣ въ избу, пока ноги не согрѣются. Съ первыхъ чиселъ апрѣля и вплоть до выпаденія снѣга глубокой осенью всѣ дѣти, которыя мало-мальски въ состояніи выходить наружу, обыкновенно бродятъ безъ всякаго призора по улицѣ въ однѣхъ короткихъ и дырявыхъ рубашенкахъ, часто съ незастегнутыми воротами, безъ шапокъ и безъ обуви. Отъ этого кожа ребенка, особенно на ногахъ, рукахъ и груди, не только теряетъ нѣжный, бѣловатый цвѣтъ, но дѣлается толстою и грубою, а ноги и руки истрескиваются въ кровь. О спеціально дѣтской, болѣе или менѣе, удобной одеждѣ и особенно обуви, крестьяне начинаютъ заботиться только тогда, когда дѣти ихъ уже сами могутъ служить имъ помощниками до нѣкоторой степени въ хозяйствѣ, а именно съ 5—6-ти лѣтняго возраста. Исключеніе изъ этого дѣлаютъ только дѣти болѣе достаточныхъ родителей. Такое невниманіе къ одеждѣ происходитъ главнымъ образомъ потому, что крестьяне убѣждены, что чѣмъ теплѣе одѣвать дѣтей, тѣмъ хуже вліяетъ на нихъ простуда, и наоборотъ, чѣмъ проще одѣваются дѣти, тѣмъ они становятся крѣпче, выносливѣе, менѣе чувствительными къ простудѣ, что дѣйствительно и замѣчается, за исключеніемъ случаевъ крайне грубаго вліянія холода.

Въ *Пермской* губерніи,— по большинству доставленныхъ свѣдѣній,—вскорѣ по рожденіи завертываютъ ребенка въ холщевыя или ситцевыя пеленки, или въ отцовскую рубаху, чтобы родитель и дитя взаимно любили другъ друга, а послѣ крещенія примѣрно отъ 1-го до 8-ми дней, надѣваютъ рубашку и поясъ, каковыя почти исключительно дѣти носятъ до двухъ лѣтъ и болѣе. Затѣмъ, напримѣръ въ Оханскомъ уѣздѣ, дѣлаютъ халаты изъ осиненнаго холста, понитки изъ домашняго сукна и полушубки изъ овчинъ. Кромѣ того малюткамъ прибавляются порты, а дѣвочкамъ сарафаны (становинки). Когда ребенокъ начинаетъ ходить, а именно около года, ему дѣлаютъ шерстяные чулки, затѣмъ лыковые лапти и сапоги, смотря по состоянію родителей. Въ *Соликамскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Осиповича,—имѣютъ обыкновеніе нерѣдко надѣвать на дѣтей рубашки, окрашенныя сипей кубовой краской, которыя, по его мнѣнію, зловредно дѣйствуютъ на наружные покровы тѣмъ, что, маскируя своимъ цвѣтомъ нечистоту кожи, позволяютъ послѣдней скопляться во множествѣ разнымъ другимъ кожнымъ нечистотамъ, могущимъ производить раздраженіе и дать благопріятную почву для развитія на ней сыпей и паразитовъ. Въ *Кунгурскомъ* уѣздѣ,— по свидѣтельству священника Иванова, — одежда для дѣтей въ первый разъ шьется легкая, или изъ самодѣльной сукманины, или изъ бумажныхъ поношенныхъ матерій. Хотя до 7-ми лѣтняго возраста такая одежда вреднаго вліянія на развитіе организма дѣтей не производитъ, такъ какъ она готовится не въ тѣсномъ, а довольно просторномъ видѣ, за то часто дѣти подвергаются простудѣ. Послѣ 8-ми лѣтняго возраста дѣтямъ для зимы готовятъ полушубки чаще изъ обносковъ русскихъ овчинъ и мальчикамъ мѣховыя шапки. Полушубки, надѣваемые безъ легкой нижней одежды и употребляемые дѣтьми безъ разбора на улицѣ и въ теплыхъ избахъ, и кромѣ того подвергающіяся часто сильному промачиванію, замѣтно вредно вліяютъ иногда на безразборчивыхъ дѣтей, производя чесотку, прыщи и сыпь на тѣлѣ. Но это случается лишь у бѣдныхъ и неряшливыхъ крестьянъ, у болѣе же достаточныхъ такихъ болѣзней отъ неопрятности не замѣчается. Въ *Ирбитскомъ* уѣздѣ, той-же губерніи, по свидѣтельству священника Удинцева,—есть обычай водить дѣтей въ ветхихъ одеждахъ, вышедшихъ изъ употребленія родителей. Нерѣдко можно видѣть ребенка 5-ти, 6-ти лѣтъ, обутаго въ сапоги отца, въ его шубу, шапку и т. п. Но такая одежда, вопервыхъ, препятствуетъ развитію свободныхъ движеній, во-вторыхъ, не защищаетъ отъ рѣзкихъ и внезапныхъ перемѣнъ воздуха, въ третьихъ, недостатокъ удобной одежды принуждаетъ иныхъ дѣтей по неволѣ оставаться подолгу дома, гдѣ-нибудь въ углу, на печи, полатяхъ и т. д., незамѣтно образуетъ изъ

нихъ лежней. Въ семействахъ зажиточныхъ, наоборотъ, иногда одѣваютъ дѣтей неразумно щеголевато, въ тѣсную и легкую обувь и одежду и, благодаря этому, нерѣдко ребенокъ за часъ наряда платится недѣлями или мѣсяцами тяжкихъ болѣзней или скоро умираетъ. Въ *Шадринскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, — по словамъ священника Богомолова — у простолюдинъ замѣчается вообще крайнее невниманіе къ чистотѣ ихъ одежды, поэтому-то и рубашка, надѣтая на ребенка, иногда сильно на немъ просаливается и чернится, а иногда даже продырявится отъ долгаго неснимапія, напримѣръ въ продолженіе недѣль пяти и болѣе, отъ чего между прочимъ является также сыпь на тѣлѣ и другія разстройства организма. Въ *Чердынскомъ* уѣздѣ той-же губерніи, — по свидѣтельству учителя Кабанова,—новорожденнаго завертываютъ въ кусокъ холста, ситца или другой какой-либо матеріи, прикрывая сверху теплой одеждой, принадлежащей кому-либо изъ членовъ семейства. Со времени крещенія надѣваютъ рубашку, въ каковой ребенокъ остается иногда безъ всякой другой одежды первые годы. Послѣ 2-хъ, 3-хъ лѣтъ, — по свидѣтельству священника Бабина,—на дѣтей поверхъ рубашки въ болѣе холодное время надѣвается холстяной синеный шабурчикъ (родъ халатика). Въ этомъ же возрастѣ пріучаютъ ребятъ къ ношенію на рубашкѣ узорнаго пояса (шерстянаго или льнянаго); но вообще пояски мало держатся на нихъ. Кромѣ того, заботливыя о здоровьи дѣтей матери, коль скоро первыя начнутъ ползать или ходить, надѣваютъ на него въ зимнюю пору шерстяные чулки и даже обуваютъ въ маленькіе лапотки или котики, вязанные въ одну иглу изъ толстыхъ шерстяныхъ нитокъ или сшитые изъ брюшины (верхній покровъ живота животныхъ), на подкладкѣ, привязывая къ ногамъ эти лапти или котики шерстяными, домашняго издѣлія поводочками. Съ 5-ти, 6-ти и 7-ми лѣтняго возраста даютъ дѣтямъ холщевые штаники, валеныя изъ шерсти шляпы или сшитыя изъ легкихъ овчинъ шапки, причемъ въ зимнее время, поверхъ холщеваго шабурчика, надѣвается зипунчикъ изъ домашняго крестьянскаго сукна, или же легонькій полушубокъ, приготовляемый обыкновенно изъ старыхъ повышенныхъ овчинъ. Одежда эта вреднаго вліянія на дѣтей не оказываетъ: если же и страдаетъ что у крестьянскихъ дѣтей, такъ это кожа, зачастую покрытая чесоточными и золотушными сыпями и струпьями. Но эти страданія зависятъ не отъ коренныхъ свойствъ одежды, а главнымъ образомъ отъ рѣдкаго мытья дѣтскаго бѣлья и неопрятности, которая царитъ въ крестьянскихъ курныхъ избахъ.

Въ *Полоцкомъ* уѣздѣ Витебской губерніи,—по свидѣтельству И. А. П., — первоначально завертываютъ ребенка въ кусокъ холщевой, или ситцевой или шерстяной матеріи, съ разрѣзомъ противъ прохода, а чрезъ нѣсколько дней одѣваютъ въ рубашку или кофточку.

Въ *Донскомъ* Округѣ,—по словамъ учителя Антипова,—крестьянки-матери, при частомъ купаніи дѣтей, не даютъ себѣ труда пораньше позаботиться о какой либо одеждѣ для ребенка и потому въ первое время по рожденіи онѣ обыкновенно не шьютъ ему никакой одежды, пробавляясь въ это время всевозможными пеленками и лохмотьями, и только съ 4 — 5 недѣль онѣ начинаютъ шить имъ сорочки.

Въ *Волынской* губерніи, по словамъ доктора Могилянскаго,—у массы простонародья ребенокъ приблизительно до шестинедѣльнаго возраста не имѣетъ никакой шитой одежды и ее замѣняютъ холщевыя пеленки. Послѣ ему даютъ рубашку; но болѣе теплой одежды ребенокъ не получаетъ до двухмѣсячнаго возраста и долѣе. Въ холодное время года матери, нося дѣтей на рукахъ, покрываютъ ихъ полою своего верхняго платья (свиты или кожуха), что и замѣняетъ для дѣтей болѣе теплую одежду. Вообще въ простонародьи, не только у бѣдныхъ, но и у зажиточныхъ людей мало обращаютъ вниманія на теплое, соотвѣтственное времени года, содержаніе дѣтей. Случалось въ холодное время года видѣть деревенскихъ дѣтей, одержимыхъ острыми сыпями (корь, скарлатина) и остающихся цѣлыми днями на открытомъ воздухѣ въ одной рубашкѣ; несмотря на то болѣзнь иногда протекала нормально и оканчивалась выздоровленіемъ. Во *Владимірѣ-Волынскомъ* уѣздѣ, - по словамъ доктора Піотровскаго, одежда вся состоитъ изъ рубашки, сшитой изъ холста домашней работы, и цвѣтной ситцевой шапочки въ видѣ чепчика, съ такою-же или холщевою подкладкою. Шапочка обхватываетъ не только голову, но и лобъ, и уши ребенка и завязывается подъ бородою. Такая шапочка носится лѣтомъ и зимою, снимается только тогда, когда дитя купаютъ, и оставляется уже тогда, когда на голову нельзя надѣть. Рубашку дитяти перемѣняютъ, когда она совершенно дѣтскими нечистотами загрязнится, т. е. не раньше недѣли. Въ *Ровенскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по словамъ доктора Лайманъ,—на ребенка въ первыхъ недѣляхъ по рожденіи надѣваются тонкія, холщевыя рубашки, а въ 3-мѣсячномъ возрастѣ фланелевыя кофточки и ситцевыя или шерстяныя шапочки. Въ $^1/_2$ и 1 годичномъ возрастѣ такія-же кофточки и холщевые или шерстяные чулки. Когда-же дитя начинаетъ ходить, то ко всему этому прибавляютъ башмаки изъ тонкой мягкой кожи. Пока дитя не ползаетъ, одежду его можно считать достаточною, но въ дальнѣйшемъ возрастѣ она уже плохо защищаетъ его отъ холода; поэтому у крестьянъ дѣти всю зиму проводятъ на печи, а у

Евреевъ любимымъ мѣстомъ дѣтей служитъ скамья подъ печкой. Разогрѣтое на печи или около нея дитя выходитъ за своею нуждою въ одной рубахѣ, босикомъ въ сѣни или на дворъ во время стужи. Такая рѣзкая перемѣна температуры, при недостаточномъ защищеніи организма одеждою, даетъ причинный моментъ многихъ заболѣваній, отзывающихся дурно впослѣдствіи или чаще причиняющихъ смерть. Острые и хроническіе бронхиты, крупъ, плевритъ и разные поносы встрѣчаются сплошь и рядомъ.

Въ *Полтавской* губерніи, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, тотчасъ по рожденіи обыкновенно завертываютъ ребенка въ пеленки изъ тонкаго, ношеннаго бѣлья, старовины,—потомъ обмывши, надѣваютъ на него заранѣе приготовленную рубашку холщевую или коленкоровую, а на голову платочекъ или шапочку въ формѣ чепчика съ завязками или безъ нихъ. Около 6 недѣль, когда ребенокъ начинаетъ держать голову, шьютъ ему кромѣ того нагрудники и разнаго рода фуфайки. Когда дѣти начинаютъ ходить, то для холоднаго времени надѣваютъ на ступни его такъ называемыя ботынки, дѣлаемыя изъ мягкой шерсти. Что касается остальной одежды, то до 3 — 5 лѣтъ, не смотря ни на какое время года, обыкновенно ее спеціально для дѣтей не дѣлаютъ. Слѣдствіемъ этого является съ одной стороны видимое огрубѣніе кожи дѣтей, особенно ногъ; съ другой, благодаря недостаточности одежды, расположеніе къ различнымъ заболѣваніямъ кожи и дыхательныхъ путей.

Что касается дѣтей *Западнорусскаго* селянина, — говоритъ г. Крачковскій, [1])—тутъ уже, надобно замѣтить, особенно проявляется промыселъ Божій. Лѣтомъ и зимою они ходятъ въ одномъ и томъ-же, чуть не въ Адамовомъ одѣяніи. Зима и лѣто, осень и весна—для нихъ какъ-бы не составляютъ временъ года. Мы сами видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ зимою копаются въ снѣгу точно такъ-же, какъ лѣтомъ въ пескѣ. Еле только весною начинаетъ таять снѣгъ, какъ они съ артистическимъ наслажденіемъ плещутся уже въ лужахъ, образовавшихся отъ таянія снѣга. И ничто, кажется, не вредитъ имъ: все, напротивъ, какъ будто полезно имъ, укрѣпляетъ ихъ. Самъ Богъ, конечно, охраняетъ ихъ.

Среди русскаго населенія *Тобольской* губерніи,— по свидѣтельству Голодникова, — первоначальная одежда дѣтей состоитъ изъ обыкновенныхъ холщевыхъ полотнищъ, а потомъ изъ такой-же рубахи. Обычай у крестьянъ ходить по гостямъ и носить съ собой новорожденныхъ, иногда даже не достигшихъ недѣльнаго возраста, имѣетъ весьма вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе новорожденнаго. Носятъ они ихъ въ рубашенкахъ, покрытыхъ чѣмъ попало, а чаще всего материнской верхней одеждой, несмотря ни на какое время года. Чрезъ этотъ невѣжественный обычай матери, чтобы съ одной стороны не лишить себя удовольствія погулять, а съ другой чтобы не оставлять дѣтей безъ пищи и надзора дома, подвергаютъ ихъ весьма многимъ болѣзнямъ. Черезъ чуръ свободная и не въ мѣру великая одежда, употребляемая въ дѣтствѣ, порождаетъ собой неуклюжесть въ движеніяхъ, замѣтную даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Кромѣ того непомѣрно свободная обувь на ногахъ дѣтей, большинство которыхъ отъ 5-лѣтняго возраста начинаетъ носить уже обувь своихъ отцевъ и матерей, влечетъ за собою непропорціональное развитіе ступней ноги, отъ чего онѣ кажутся у нихъ какъ-бы уродливыми, вслѣдствіе ненатуральной величины своей.

Первоначальная одежда дѣтей въ русскомъ населеніи *Томской* губерніи,—по свидѣтельству графа Кострова, — состоитъ изъ рубашечки болѣе или менѣе толстаго холста, которая, перемѣняясь рѣдко, пропитывается накожнымъ испареніемъ и такимъ образомъ производитъ вновь загрязненіе кожи.

Въ *Бійскомъ* округѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству того-же г. Кострова, — первоначальная одежда дѣтей у коренныхъ Сибиряковъ состоитъ изъ распашенки, въ которой ребенокъ завертывается въ одѣяло или что либо теплое. У переселенцевъ зачастую несутъ ребенка изъ бани нагишомъ, обернутаго какой-либо тряпкой. При этомъ референтъ разсказываетъ слѣдующій весьма интересный фактъ: «хозяйка моей квартиры,—говоритъ онъ,—ночью родила, а утромъ я ее встрѣтилъ съ новорожденнымъ на улицѣ. Она въ одной рубахѣ, юбкѣ и босикомъ, ребенокъ на тряпкѣ; но лицо, голова, животъ и ноженки открыты и красны, какъ кумачъ, — доказательство, что онъ былъ въ банѣ. Это было въ Январѣ, морозъ сильный, баня отъ избы 200 сажень. Родильница по настоящее время здорова, а ребенокъ растетъ и уже чуть-ли не невѣста».

Въ *Иркутской* губерніи,—по свидѣтельству доктора Эліашевича,—люди бѣдные новорожденнаго по омовеніи одѣваютъ въ рубашку, сшитую изъ выносковъ ситца, миткаля и добы, иногда-же изъ холста — словомъ какой-либо мягкой вѣтоши, а бѣднѣйшіе просто вмѣсто рубахи завертываютъ его въ лоскутъ старой добы или въ старый бумажный платокъ, не рѣдко грязные. Перемѣна такого бѣлья производится каждые 3—4 и даже 7 дней. Изъ новаго-же матеріала дѣлаютъ рубахи не ранѣе года. Кромѣ рубахи дѣти бѣдныхъ родителей до 4 и 6 лѣтъ никакой другой одежды какъ лѣтомъ, такъ и зимой не имѣютъ. Зимою, вынося ребенка на улицу, мать закутываетъ его въ одежду взрослыхъ.

[1]) Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей россійскихъ при Москов. Универ. Кн. IV. 1876 г., стр. 191.

У болѣе-же зажиточныхъ крестьянъ одежда новорожденныхъ, въ первое время, ограничивается рубашкой, сшитой изъ тонкой и мягкой—иногда новой, а по большей части поношенной матеріи; а на голову имъ надѣваютъ изъ той-жѣ матеріи чепчикъ. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ богатые надѣваютъ дѣтямъ, сверхъ рубашки, легкія бумажныя или шерстяныя кофточки — лѣтомъ, а зимою суконныя или стеганныя на шерсти, либо ватѣ, душегрѣйки; на ножки чулочки бумажные, нитяные, либо шерстяные—смотря по времени года. Съ $1^1/_2$—2 лѣтняго возраста, словомъ, когда ребенокъ начинаетъ болѣе или менѣе твердо ходить, зажиточные родители одѣвають его зимою въ теплые суконные или мѣховые кафтанчики и теплую обувь. Однакоже зачастую и у богатыхъ заботливость о сбереженіи ребенка отъ холода ограничивается только временемъ, пока онъ не станетъ ходить. Не рѣдкость напримѣръ 2—3 лѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей, всѣхъ состояній, видѣть подъ открытымъ небомъ въ ненастную погоду, либо въ холодное время года, въ однѣхъ рубашкахъ и босыми. Н. И. Кашинъ, описывая бытъ жителей при-уровской мѣстности въ *Забайкальи*, относительно неряшества ихъ въ одеждѣ вообще, а слѣдовательно и дѣтской въ частности, говоритъ слѣдующее: «бѣлье мѣняется весьма рѣдко и носится иногда, можно сказать, до нельзя. Нужно еще замѣтить, что по недостатку мыла, стирка бѣлья производится лѣтомъ молодою березовою или лиственичною губкою (boletus betulae et pini laricis); зимою—квашеными свиными или бараньими кишками, отъ чего бѣлье и послѣ мытья издаетъ несносно отвратительный запахъ. Самое квашеніе кишекъ производится слѣдующимъ образомъ: сваривъ кишки, рѣжутъ ихъ на мелкіе куски, кладутъ въ кади и ставятъ въ печь, гдѣ онѣ остаются до тѣхъ поръ, пока начнется разложеніе, и продуктъ этого разложенія служитъ вмѣсто мыла; а потому зимою въ каждомъ почти домѣ бываетъ сильное зловоніе отъ такого sui generis мыльнаго завода. Мыть кишками называется здѣсь мыть ошурками». [1])

Русскіе въ *Майконѣ* на Кавказѣ,—по свидѣтельству г. Родіонова,—надѣваютъ обыкновеннымъ образомъ сшитую рубашку изъ матеріи—какая случится, съ самаго крещенія, которое совершается на второй или третій день послѣ рожденія; другіе надѣваютъ рубашечку уже послѣ шести недѣль, когда тѣло ребенка нѣсколько окрѣпнетъ; до того-же времени завертываютъ дитя въ пеленку и одѣяльце.

И такъ куда-бы судьба не бросила русскаго человѣка, онъ всегда и вездѣ твердо помнитъ обычаи своей страны и строго исполняетъ ихъ. Въ силу этихъ обычаевъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, русскія матери въ первое время по рожденіи оставляютъ дѣтей своихъ безъ всякой спеціальной одежды, а завертываютъ ихъ лишь въ однѣ пеленки. Черезъ нѣсколько дней и большею частію послѣ крещенія онѣ надѣваютъ ребенку рубашку изъ того матеріала, какой позволяетъ состояніе и которая составляетъ съ того времени почти единственную одежду, если не считать въ томъ числѣ опять таки пеленокъ, да иногда надѣваемыхъ фуфаекъ и нагрудниковъ, — до году и даже до двухъ лѣтъ, т. е. того возраста, когда ребенокъ самъ начинаетъ выходить наружу для гулянья. Съ этого времени ребенокъ получаетъ иногда верхнюю одежду и шапку, а нѣсколько позднѣе порты и обувь. Впрочемъ въ этомъ возрастѣ относительно одежды и обуви ребенокъ большею частію зависитъ отъ состоянія родителей гораздо болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ возрастѣ. У бѣдныхъ и малочисленныхъ семействъ нерѣдко встрѣчается одинъ кожухъ (шуба) на всѣ плечи большія и малыя. Поэтому понятно, что для малаго ребенка не станутъ шить въ такихъ семьяхъ особой одежды и именно въ этомъ-то возрастѣ чаще всего приходится видѣть дѣтей въ деревняхъ въ какихъ-либо обвѣтшалыхъ и вышедшихъ изъ употребленія одеждахъ старшихъ, напр. отца, матери и другихъ. Въ этомъ-то именно возрастѣ нерѣдко приходится видѣть, какъ ребенокъ, соскучившійся своимъ одиночествомъ дома, зимой, въ трескучій морозъ, вьюгу и непогоду, по глубокимъ сугробамъ, въ одной рубашенкѣ и босой, перебирается изъ одной избы въ другую, чтобы поиграть со своими сверстниками; или же приходится видѣть, какъ тѣ же крестьянскія дѣти, чтобы укрыться отъ холода, цѣлые зимніе дни проводятъ на печи. Многія изъ нихъ совсѣмъ не выдерживаютъ такого небрежнаго отношенія къ себѣ и потому множество ихъ въ этомъ возрастѣ погибаетъ отъ такой небрежности. Полный, собственный туалетъ маленькимъ дѣтямъ обыкновенно дѣлаютъ только въ достаточныхъ семействахъ; въ другихъ-же семьяхъ чаще всего дѣлаютъ собственный костюмъ лишь тогда, когда дѣти уже начинаютъ помогать дому своими посильными работами и заслуживаютъ названіе помощниковъ, что совершается приблизительно въ періодъ отъ 8 до 12 лѣтъ.

Что касается формы одежды, то мы уже видѣли, что послѣднюю въ большинствѣ случаевъ шьютъ дѣтямъ только что упомянутаго возраста почти такую-же, какъ и взрослымъ, съ тою лишь разницею, что, во первыхъ, почти вовсе не дѣлаютъ имъ нарочно особой, праздничной и болѣе щеголеватой одежды, а, во вторыхъ, обыкновенно стараются ограничивать ихъ наиболѣе необходимою одеждою и потому изгоняютъ изъ туалета ихъ тѣ

[1]) Н. И. Кашинъ: о распространеніи зоба и кретинизма въ предѣлахъ Россійской имперіи. 1862 г., стр. 30.

формы одеждъ, которыя менѣе существенны и приспособлены для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ цѣлей. Обыкновенная крестьянская одежда въ Великоруссіи зимой состоитъ изъ армяка, формой своей напоминающаго восточный халатъ, сшитаго изъ толстаго, дома приготовленнаго сукна, обыкновенно сѣраго, иногда-же чернаго, желтаго, коричневаго цвѣта и т. д.; изъ нагольнаго овчиннаго тулупа, напоминающаго формой своей также широкій халатъ; изъ короткой, до колѣнъ, овчинной шубы, застегиваемой на груди посредствомъ крючьковъ, или кожанныхъ пуговицъ. Изъ этихъ трехъ формъ одежды дѣтямъ полагается, собственно говоря, только одна послѣдняя. На голову крестьяне зимой надѣваютъ бараньи шапки; шея у нихъ большею частію бываетъ открытою, или-же иногда въ сильные морозы завязывается какимъ либо платкомъ; на руки надѣваются рукавицы, изъ толстой кожи или варежки, вязанныя изъ грубой шерсти; на ноги надѣваются штаны изъ грубаго сукна; вмѣсто чулковъ и носковъ большею частію употребляются онучи, состоящія изъ большихъ кусковъ, величиной до квадратнаго аршина, грубаго сукна, дерюжины, холста и т. п.; собственно для обуви служатъ валенки, т. е. сапоги, сваленные изъ шерсти, или чуни, плетеныя изъ толстыхъ шнуровъ, почти веревочекъ, толщиной въ гусиное перо. Чуни эти особыми оборками, иначе говоря, нетолстыми веревками, обматываемыми вокругъ ногъ, укрѣпляются на послѣднихъ поверхъ онучь. Такимъ-же образомъ одѣваются и обуваются подростки. Весной и осенью какъ взрослые, такъ и подростки надѣваютъ такъ называемыя понитки, или кафтаны, длиною до колѣнъ, застегиваемыя на груди посредствомъ крючьковъ или кожанныхъ пуговицъ и сшитые изъ толстой, посконной пряжи одной, или пополамъ съ льняной и даже шерстяной. На головы въ эти времена года обыкновенно мужчины надѣваютъ шляпы, разной формы по губерніямъ; на ноги обуваютъ лапти, плетеные изъ лыкъ, или калишки, сшитые наподобіе башмаковъ изъ толстой кожи и прикрѣпляемые къ ногамъ также посредствомъ оборъ; сапоги же обыкновенно съ длинными голенищами до колѣнъ большею частію носятъ только или зажиточные крестьяне, или франты, живущіе на заработкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Лѣтомъ почти всѣ великорусскіе крестьяне отъ мала до велика ходятъ въ однихъ рубахахъ, длиной до половины бедра, подпоясываемыхъ ниже пупа, обыкновенно узкимъ поясомъ, сплетеннымъ изъ шелка, шерсти, нитокъ, поскони и т. д., и опускаемыхъ поверхъ портовъ, которые въ свою очередь, какъ въ глубокую старину, до сихъ поръ ѣ̀ьются на шнуркѣ (гашникѣ), посредствомъ котораго ихъ можно дѣлать то уже, то шире. Головы у крестьянъ въ лѣтнее время большею частію бываютъ не покрыты, или-же покрываются какой-либо легкой фуражкой съ козырькомъ (картузомъ). Крестьянки большею частію особой теплой одежды не имѣютъ. Если-же наиболѣе зажиточныя изъ нихъ заводятъ собственную одежду, то послѣдняя почти исключительно ограничивается одной шубой изъ какого либо мѣха (овчины, зайца и т. п.), крытой сукномъ и нѣсколько подлиннѣе мужской. Обыкновенное-же носильное платье крестьянокъ состоитъ изъ длинной рубахи, ниже колѣнъ, съ длинными, широкими рукавами, съуженными въ кисти, и изъ такой-же почти длины юбки на проймахъ, называемой въ различныхъ мѣстностяхъ различно, а именно: сарафанъ, шубка (Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда), шушпачь, сермяга, армякъ и пр. Шьется эта одежда въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ большихъ городовъ и путей сообщенія, изъ крашенины и набойки, т. е. выкрашенными въ одинъ темный цвѣтъ или различными колерами и рисунками, а также изъ ситца и шерстяныхъ матерій, а у богатыхъ женщинъ для парадовъ даже изъ штофа, парчи и другихъ шелковыхъ матерій. Панталонъ русскія крестьянскія женщины не носятъ ни въ какія времена года и ни при какомъ состояніи своего здоровья. Головной женскій уборъ еще въ относительно недавнее время отличался въ Великоруссіи большимъ разнообразіемъ. Дѣвушки съ малыхъ лѣтъ носили повязки, изъ толстой парчи, формой своей напоминающія небольшія сахарныя головы, или же носили ленты, обложенныя позументами. Этими повязками онѣ обыкновенно сильно стягивали себѣ головы. Женщины-же носили различныхъ формъ кокошники, иногда значительной величины и тяжести. Но въ настоящее время эти вычурные и крайне неудобные головные уборы быстро исчезаютъ и замѣняются легкой повязкой изъ платка.

Что касается покроя русскихъ крестьянскихъ одеждъ, то, вообще говоря, слѣдуетъ признать, что по крайней мѣрѣ мужскіе костюмы, сообразно климатическимъ условіямъ и образу жизни русскихъ, довольно удобны и практичны, а по сравненію съ костюмами ремесленниковъ нѣкоторыхъ европейскихъ странъ, напр. Германіи и др., пожалуй даже русскій національный костюмъ и превосходитъ послѣднія своимъ удобствомъ и практичностію. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать насчетъ женской одежды, которая, во многомъ недостаточна, напр. относительно сбереженія ногъ отъ холода въ зимнее время, а въ иныхъ случаяхъ страдаетъ большими неудобствами, также оставшіеся отъ старины способы убирать головы. Всѣ эти неудобства крайне невыгодно отражаются на здоровьи женщинъ съ измала. Затѣмъ въ описанныхъ нами способахъ одѣванія дѣтей нельзя не признать еще одного крупнаго и кореннаго зла, это именно слишкомъ

большой небрежности вообще въ одѣяніи дѣтей, хотя правда, часто вполнѣ оправдываемой—нуждой и бѣдностію. Въ этой-же небрежности въ свою очередь нельзя не признать вліянія ея на свойства кожи и всего организма русскихъ людей, такъ какъ обутые и одѣтые люди, какъ уже намъ извѣстно изъ предыдущаго, обыкновенно отличаются большею нѣжностію кожи, большею силою, здоровьемъ организма, и даже большимъ ростомъ. Наконецъ, нельзя не сказать и того, что одежда, не соотвѣтствующая возрасту, по тяжести и покрою, какъ это почти всегда замѣчается на великорусскихъ крестьянскихъ дѣтяхъ, мѣшаетъ свободѣ движеній, необходимой для правильнаго развитія и что впослѣдствіи дѣйствительно часто само собой бросается въ глаза, при видѣ угловатыхъ движеній нашихъ крестьянъ.

Одежда *малороссовъ*, какъ мужская, такъ и женская, много отличается отъ великороссійской. Малороссъ не любитъ стѣсненія въ одеждѣ, что вполнѣ понятно при томъ климатѣ, въ которомъ онъ живетъ. Начиная съ дѣтства онъ носитъ широкую, бѣлую рубаху изъ грубаго холста, съ прорѣхой на груди и узенькимъ воротомъ. Рубашку заправляетъ въ широкіе шаровары, которые стягиваются *очкуромъ*, надѣваемымъ изнутри, и всегда запущены въ голенища. Верхнихъ одеждъ нѣсколько: самая легкая называется *юбка*, родъ пальто изъ сѣраго или бѣлаго сукна, застегиваемаго кожанными пуговицами; *кожухъ*—коротенькій полушубокъ; *свита*—родъ армяка, надѣваемаго на юбку или кожухъ. Во всѣ времена года малороссъ носитъ шапку изъ мерлушекъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣтомъ носятъ и шляпы съ широкими полями, войлочныя, или соломенныя называемыми *брилы*. Обувь состоитъ изъ чоботовъ (сапоговъ). Великорусскихъ лаптей здѣсь не носятъ.—Малороссійскій женскій нарядъ прежде всего состоитъ изъ длинной рубашки, красиво вышитой на рукавахъ и въ подолѣ. Вмѣсто великорусскаго сарафана здѣсь женщины съ измала носятъ *плахту* и *запаску*. Одежды эти состоятъ изъ двухъ кусковъ матеріи, которыя просто обертываютъ вокругъ таліи; сверху надѣваютъ поясъ. Лѣтомъ дѣвушки и молодыя женщины носятъ *чирсетъ*, коротенькое пальто безъ рукавовъ; зимою свитку—покороче мужской. На головахъ дѣвушки носятъ только ленты и цвѣты. Женская обувь состоитъ изъ черевиковъ и сапоговъ. Впрочемъ малороссіянки вообще любятъ ходить и на босую ногу. Разница дѣтской одежды въ Малороссіи состоитъ лишь въ томъ, что они всегда кажутся какъ-бы одѣтыми въ чужое платье, потому что дѣтскую одежду обыкновенно припускаютъ на ростъ, въ длину и ширину.

Любимый цвѣтъ одежды у *Бѣлоруссовъ* — бѣлый: бѣлый кожухъ, бѣлая рубаха и штаны, бѣлый полотняный поясъ, бѣлая юбка у женщинъ, бѣлый головной платокъ, бѣлыя онучи къ его всегдашней обуви—лаптямъ—все это обыкновенныя и любимыя принадлежности лѣтней и зимней, праздничной и будничной одежды бѣлоруссовъ во всѣхъ возрастахъ (фиг. 19), исключая развѣ самого ранняго. Что-же касается покроя одежды, то въ этомъ отношеніи бѣлоруссы сродны и съ великоруссами и съ малороссами.

Фиг. 19. Одежда Бѣлорусской дѣвочки.

Одежда дѣтей русскихъ инородцевъ. У *Зырянъ* Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ, — одежда дѣтей до 7-ми лѣтняго возраста состоитъ изъ одной полотняной рубашки, спускающейся почти до самыхъ пятокъ. Въ этой рубашкѣ дѣти бѣгаютъ по полямъ лѣтомъ и зимой по двору, босыми, по видимому безъ всякаго вреда для здоровья.

Бѣдные *Финны* Выборгской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Пальмберъ, — употребляютъ для дѣтей въ раннемъ возрастѣ всего ближе къ тѣлу кусокъ холста, въ который окутываютъ младенца, сверхъ сего кладутъ кусокъ шерстяной матеріи, платокъ или тому подобное и наконецъ овчину, придерживаемую пеленкою. Болѣе зажиточные употребляютъ тотчасъ по рожденіи младенца всего ближе къ тѣлу полотняную рубашку, сверхъ нея полотняную пеленку и шерстяную кофточку, что все закутывается пеленкою. У бѣдныхъ дѣти отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ бываютъ дома и зимою и лѣтомъ одѣты въ одной рубашенкѣ, которая доходитъ до ногъ; гдѣ средства позволяютъ, употребляется сверхъ сей рубашки, еще другая шерстяная, а на

ногахъ чулки и кожаные башмаки или сапожки.— Въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи,—по свидѣтельству Улеаборгскаго губернатора О. Нюбергъ,—новорожденныхъ для предохраненія отъ стужи, всаживаютъ въ мѣховыя мѣшки, въ которыхъ предварительно подосланъ мохъ.

Эсты,—по свидѣтельству P. Jerdan'a,—только по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ рожденія въ первый разъ надѣваютъ на ребенка одежду. По свидѣтельству д-ра Крейцвальда одежда дѣтей Эстовъ первобытная, нерѣдко очень близко подходящая къ фиговому листу. Въ первые мѣсяцы они держатъ дѣтей своихъ завернутыми или покрытыми въ колыбеляхъ; впослѣдствіи надѣваютъ на нихъ грубыя, холстяныя рубашки и сажаютъ на полъ, чтобы они заблаговременно пріучались къ борьбѣ за существованіе. Предшествовавшія поколѣнія не имѣли никакого понятія объ особомъ одѣяніи дѣтей, въ чемъ и потомки ихъ въ наше время также мало понимаютъ. Отцевскій шерстяной камзолъ служитъ сыну въ сильные зимніе холода, при его дальнихъ экскурсіяхъ вмѣсто широкаго и длиннаго кафтана. Часто приходится видѣть около воротъ жилищъ босоногихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ однѣхъ рубашенкахъ, тѣсно сидящихъ на корточкахъ другъ возлѣ друга на снѣгу, тщательно подобравъ рученки въ рукава своихъ рубашекъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ принудительнаго обязательства посѣщать школу, мальчики до 10-ти лѣтняго возраста бѣгаютъ безъ штановъ.

У *Литовцевъ* [1]) въ теченіи перваго года жизни малютку пеленаютъ кусками холста, не вкладывая въ рубашку и приговаривая: «довольно еще будетъ времени свой вѣкъ износить.» Литовцы Владиславовскаго уѣзда Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству врача П., — первые два мѣсяца по рожденіи оставляютъ ребенка безъ рубашки. Въ началѣ 3-го мѣсяца ему надѣваютъ рубашку изъ холста, сшитую по образцу взрослыхъ. Въ такой рубашкѣ ребенокъ остается цѣлый годъ, безъ всякой другой одежды, съ открытой головой, босикомъ на улицѣ при всякой погодѣ.

Поляки Сувалкскаго уѣзда, той-же губерніи, по свидѣтельству врача Ибянскаго,—въ первое время по рожденіи оставляютъ ребенка безъ рубашки, обертывая его въ пеленки и опоясывая поясомъ около 6-ти мѣсяцевъ надѣваютъ ему на голову чепчикъ, а потомъ оставляютъ его въ одной рубашкѣ, босикомъ, съ открытой головой несмотря на измѣненіе температуры.

Евреи, по свидѣтельству разныхъ лицъ западнаго края, до обрѣзанія, т. е. 8-го дня, оставляютъ дѣтей своихъ безъ рубашекъ, затѣмъ надѣваютъ послѣднія, а поверхъ ихъ еще фуфайки. Вообще Евреи одѣваютъ дѣтей своихъ очень тепло, боясь простуды и производя отъ нея источники всѣхъ болѣзней. Что же касается чистоты тѣла и прилегающей къ нему одежды, то, по словамъ А. Неводничанскаго, [1]) отсутствіе потребности въ этомъ составляетъ какъ-бы общій недостатокъ евреевъ и стоитъ въ племенной традиціи. Подъ шелкомъ и бархатомъ у каширнаго народа рѣдко бѣлье и тѣло не грязныя. Евреи, живущіе въ *Майконѣ* на Кавказѣ,— по свидѣтельству г. Родіонова,—имѣютъ обыкновеніе надѣвать рубашку на третій день по рожденіи на дѣвочекъ и спустя недѣлю (послѣ обрѣзанія) на мальчиковъ.

Черемисы Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи,—по свидѣтельству М. М. Поспѣлова,— вообще носятъ длинныя рубахи, много выпуская или поддерживая ихъ черезъ поясъ. Такъ точно носятъ ихъ и дѣти, даже самаго малаго возраста, притомъ мальчики съ меньшими украшеніями,— дѣвочки съ большими. *Черемисы* Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя инородческой школы г. Манохина, вскорѣ послѣ рожденія одежды не дѣлаютъ, но по омовеніи обертываютъ новорожденнаго мягкими пеленами, рубашку же надѣваютъ тогда, когда выпарятъ его въ банѣ; самую рубашку приготовляютъ изъ мягкаго полотна, ситца или выбойки.

Лопари никакой одежды новорожденному не шьютъ и обыкновенно нагаго кладутъ въ колыбель, завертывая его въ какія либо тряпочки или лоскуты стараго мѣха. Когда ребенокъ подрастаетъ, то ему шьютъ такую же одежду, какъ и взрослымъ, у которыхъ послѣдняя въ свою очередь представляетъ собою смѣсь одежды русской и самоѣдской. Такъ лѣтомъ прямо на тѣлѣ Лопарь носитъ холщевую рубашку, похожую на русскую; женщины лѣтомъ носятъ такіе же сарафаны пестрядные, набойчатые и даже ситцевые, какъ и русскія крестьянки. Но зимой Лопарь прямо на тѣлѣ носитъ особую рубашку, напоминающую собою малицу Самоѣдовъ, сшитую изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ. Кромѣ того поверхъ всякой одежды надѣваетъ *печокъ*, напоминающій собою такую же одежду Самоѣда, имѣющій видъ мѣшка изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ, сшитый оленьими жилами безъ разрѣза, а только съ отверстіемъ для головы. На головѣ у Лопаря зимой теплая шапка, сшитая изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна и опушенная россомашьимъ или лисьимъ мѣхомъ. Глаза свои отъ яркаго блеска бѣлаго снѣга, по примѣру многихъ другихъ сѣверныхъ жителей, Лопарь зимой защи-

[1]) Малороссія преимущественно Полтавской губерніи. Этнографическій Сборникъ. В. Ш. С. П. 1858 г., стр. 142.

[1]) А. Неводничанскій. Очеркъ изъ жизни евреевъ (Проток. засѣд. Общ. Минск. врач. 1869 г. № 31).

щаетъ огромными, примитивной работы, очками. На ногахъ длинные сапоги изъ шкуры оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ—*яры*. Иногда вмѣсто яровъ надѣваютъ *кеныи* — башмаки съ острыми носками. На рукахъ шерстяныя варешки, и сверхъ ихъ длинныя рукавицы изъ невыдѣланной оленьей шкуры (Фиг. 20).

У *Вотяковъ* Глазговскаго уѣзда Вятской губерніи—по свидѣтельству протоіерея Фармаковскаго,

Фиг. 20. Лопарскій мальчикъ.

пестрядное, грязное до отвратительности тряпье служитъ первоначальнымъ регуляторомъ естественнаго тепла новорожденнаго ребенка; послѣ омовенія надѣваютъ на него рубашку холщевую или ситцевую, или какая доведется. Единственно въ одной рубашенкѣ, время отъ времени перемѣняемой, ребенокъ содержится до годоваго возраста или до начала ходьбы. Во время сна кромѣ того прикрываютъ его кое какими тряпками. Когда ребенокъ начинаетъ ходить самостоятельно, на ноги его навертываютъ онучи и надѣваютъ лапотцы;—на тѣло кромѣ рубахи надѣваютъ зипунъ изъ самотканнаго сукна, а иногда холщевый изъ какой нибудь пестрядины и въ этомъ зипунишкѣ, большею частію подпоясанный, ребенокъ бѣгаетъ зимой и лѣтомъ и во всякое время года. Шуба на ребенкѣ въ первоначальномъ возрастѣ—рѣдкое явленіе. Но далеко не рѣдкое явленіе, когда ребенокъ босой и полунагой въ зимнее, холодное время перебѣгаетъ изъ избы въ избу, иногда черезъ очень значительное пространство. Изъ бани дѣти большею частію препровождаются босыми, буквально въ однихъ рубахахъ, даже безъ штановъ. Слабыя натуры, конечно, не переносятъ экскурсій подобнаго рода и гибнутъ; но натуры крѣпкія, выдержавшія холодъ, а иногда и голодъ и всякія невзгоды, еще болѣе крѣпнутъ, и такъ сказать закаливаются. Ребенокъ съ младенчества, пріученный ко всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ, не знаетъ впослѣдствіи простуды ни въ какой формѣ. По достиженіи 7—10 лѣтняго возраста онъ вмѣстѣ со взрослыми работаетъ въ лѣсу въ глубокую осень, иногда обмокшій и весь сырой сидитъ на возу съ дровами при сильномъ ненастномъ вѣтрѣ; зимой въ той же утлой одеженкѣ его берутъ въ проводники подъ извозъ. Вообще съ самыхъ юныхъ лѣтъ подъ вліяніемъ всевозможныхъ воздушныхъ перемѣнъ, дѣти вотяковъ вступаютъ въ свою трудовую жизнь, и полуголодные, полухолодные доживаютъ до глубокой старости.

При описаніи одежды разныхъ племенъ Кавказа, авторы нерѣдко обращаютъ вниманіе на тотъ оригинальный фактъ, что здѣсь, какъ и во многихъ, другихъ мѣстахъ Востока, въ силу давнихъ обычаевъ спасать голову отъ жгучихъ лучей солнца, и вопреки обычаямъ, принятымъ въ Европѣ,—держать голову въ прохладѣ, ноги въ теплѣ, а животъ умѣренно прикрытымъ,—съ раннихъ поръ пріучаются держать всего теплѣе свою голову, въ наименьшемъ теплѣ ноги, а спину держать во всякомъ случаѣ согрѣтою болѣе, чѣмъ животъ. Образцы такого способа одѣванія дѣтей видны изъ прилагаемыхъ двухъ рисунковъ (фиг. 21 и 22). Привычки къ такому одѣянію бываютъ наконецъ такъ сильны, что впослѣдствіи коренному жителю Кавказа слѣдуетъ только сколько нибудь неосторожно обнажить свою голову при умѣренномъ холодѣ, чтобы получить головную боль, насморкъ, катарръ глазъ и т. д., между тѣмъ какъ тотъ же субъектъ можетъ совершенно безнаказанно бродить по холоднымъ камнямъ гористаго Кавказа съ голыми ногами, въ короткихъ и широкихъ шароварахъ. Что касается частныхъ случаевъ одѣванія дѣтей на Кавказѣ, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Армяне и *Грузины* Горійскаго уѣзда Тифлиской губерніи,—по свидѣтельству врача Сидкова,—вскорѣ послѣ рожденія въ большинствѣ случаевъ обходятся простымъ обертываніемъ малютки въ теплыя тряпки, а потомъ все время ребенокъ носитъ только одну длинную рубашку. У болѣе или менѣе состоятельныхъ людей ребенку уже рано дѣлается изъ коленкора короткая рубашка, приготовляются пеленки, на голову надѣвается ситцевая, стеганная на ватѣ шапочка, покрывающая голову, лобъ и уши. Затѣмъ какъ только ребенокъ начинаетъ ползать, на него надѣваютъ стеганный на ватѣ архалукъ, который не снимается даже и лѣтомъ. У Армянъ Шерура Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи, по свидѣтельству г. Оганисьанцъ [1]), до крещенія младенецъ не имѣетъ никакой одежды, а завертывается въ тряпочки. Послѣ же крещенія на него надѣвается просторная ситцевая или холщевая рубашка,-а спустя нѣсколько времени, сверхъ

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 54.

ея надѣвается стеганный на ватѣ *архалукъ*. Нижнія конечности дѣтей у армянъ остаются въ обнаженномъ состояніи въ первые полтора или два года. У Армянъ Легчумскаго уѣзда Кутаисской губерніи [1]) ребенка до отпаденія пупка ни во что не одѣваютъ, а просто завертываютъ въ тряпки и прикрываютъ стеганнымъ ваточнымъ одѣяльцемъ; по отпаденіи пупка надѣваютъ лишь одну рубашку. Спустя два—три мѣсяца надѣваютъ на головку ребенка круглую шапочку, стеганную на ватѣ или просто изъ бумажной ткани, смотря по времени года, и такую же кофточку. Лицо ребенка покрываютъ всегда платкомъ, предохраняя глаза отъ сильнаго свѣта; раньше полугода не выносятъ на солнечный свѣтъ безъ крайней необходимости. У Армавирскихъ Армянъ *Кубанской области*,—по свидѣтельству Г. Ш—ль [1]),—новорожденный завертывается въ первую попавшуюся грязную тряпку, юбку, мужскую и женскую рубаху, наволоку, платье и пр. Рубашка надѣвается только послѣ крещенія. Частой перемѣны бѣлья не дѣлается, ибо шьется много двѣ-три рубашки. Едва имѣющая признаки одежды старшихъ дѣтей до-

Рис. 21. Одежда Лезгинскихъ мальчиковъ на Кавказѣ.

нашивается младшими, а потому нерѣдко встрѣчаются дѣти въ длинныхъ не по росту тряпьяхъ и съ нѣкоторыми признаками архалуковъ и шубъ.

У *Татаръ Шеруро-Дарагезскаго уѣзда* Эриванской губерніи, по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [2]), въ день рожденія послѣ перваго купанья, на младенца надѣваются ситцевая или холщевая рубашка и сверхъ такъ называемый *оннюкъ*, похожій на жилетъ. Архалукъ надѣвается черезъ 2—3 мѣсяца. У Татаръ *Нухинскаго* уѣзда, по свидѣтельству г. Стоянова [3]), дитяти надѣваютъ сшитую изъ коленкора и слегка подбитую ватою ермолку, въ которой ребенокъ и спитъ и бодрствуетъ. Имѣя-же въ виду, что сверхъ ермолки голова ребенка окутывается тряпкою, а самая ермолка носится всѣми бритоголовыми туземцами (мусульманами) постоянно, съ дѣтства и до глубокой старости, рѣдко перемѣняясь на свѣжую,—мы легко можемъ объяснить себѣ причину появленія на внѣшнихъ покровахъ головной кожи паразитовъ и струпьевъ—болѣзней, зависящихъ гл. об. отъ неряшества.

Татары живутъ во многихъ мѣстахъ Россійской Имперіи и, сколько намъ извѣстно, вездѣ они

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 59.
[2]) Кавказъ. 1879 г. № 54.
[3]) Кавказъ. 1879 г. № 40.

[1]) Кавказъ 1879 г. № 62.

вскорѣ послѣ рожденія надѣваютъ дѣтямъ своимъ ермолки, такъ называемыя «тюбетейки», рѣдко смѣняемыя, а потому грязныя и располагающія къ развитію у нихъ такъ часто встрѣчающейся парши; на тѣло дѣтей они обыкновенно надѣваютъ рубашку, а на ноги шерстяные чулки. Этого-же обычая между прочимъ придерживаются, по свидѣтельству г. Васильева, Татары, живущіе въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по свидѣтельству другихъ—Татары Самарской губерніи и т. д.

Одежда дѣтей мусульманъ *Карабага* Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ Мирзоева [1]),—въ первые дни жизни состоитъ изъ коротенькой ситцевой или бязевой рубашки, къ которой по истеченіи нѣкотораго времени прибавляется нагрудникъ, а у лицъ достаточныхъ еще коротенькій бешметъ. Весь этотъ костюмъ прикрываетъ ребенка только до поясницы, нижняя часть тѣла его остается обнаженною. Подобное одѣваніе дѣтей продолжается до пяти—шести лѣтняго возраста для мальчиковъ и двухлѣтняго для дѣвочекъ. Такимъ образомъ нижняя часть тѣла ребенка, оставаясь нагою, находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ воздухомъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, а также постоянныхъ омовеній холодною водою (при такихъ условіяхъ, какъ описано выше), кожа ребенка на этой части тѣла становится плотнѣе и грубѣе остальной.

Въ *Даргинскомъ* округѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Южнаго Дагестана,—по свидѣтельству М. Баташова,—первою одеждою для ребенка служатъ старыя тряпки, прикрываемыя сверху одѣяльцемъ. Пеленки перемѣняются два раза въ сутки по утру и вечеромъ. Потомъ шьютъ 40 рубахъ съ тою цѣлію, чтобы новорожденный до 40 дней надѣвалъ каждый день новую рубашку, но въ сущности онѣ мѣняются каждые три дня.

У *Горцевъ* Шапсугскаго и Бжедуховскаго племенъ Екатеринодарскаго уѣзда Кубанской области, по свидѣтельству г. Косолина,—новорожденнаго въ одежду не одѣваютъ, а обворачиваютъ въ чистыя кисейныя, или изъ бѣлаго коленкора пеленки, смотря по состоянію и средствамъ семьи. Когда-же ребенокъ начнетъ свободно держать голову, сидѣть и пр., тогда надѣваютъ на него коротенькую рубаху; ермолокъ, повязокъ, обувп и другихъ принадлежностей одежды горцы не употребляютъ до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ не начнутъ ходить.

Въ бывшей *Гуріи* (Кутаисской губерніи), — по свидѣтельству врача Валескаго, — тотчасъ послѣ рожденія ребенка завертываютъ въ какую либо вѣтошь и оставляютъ въ ней до тѣхъ поръ, пока успокоютъ родильницу. Затѣмъ обмывши ребенка, завертываютъ его, въ большинствѣ случаевъ, въ новую бумажную ткань, сильно окрашенную въ кубовую краску (синька), цвѣтъ которой, по убѣжденію народа, предохраняетъ новорожденнаго отъ золотухи и болѣзней глазъ; или же завертываютъ просто во что либо чистое и теплое сверху безъ всякаго пеленанія. Заранѣе, по обычаю, ничего не приготовляютъ до рожденія младенца изъ предразсудка, что подобное приготовленіе можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на роды и младенца. Спустя нѣсколько дней послѣ того надѣваютъ рубашку, преимущественно изъ бязи или ситца, покрой которой одинаковъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ.

Въ *Чечнѣ* дѣти растутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до 4-хъ лѣтняго возраста они ходятъ почти нагіи. Съ наступленіемъ 4-хъ лѣтняго возраста ихъ одѣваютъ въ рубашки, а впослѣдствіи даютъ и шаровары, зимою-же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ накожныя болѣзни и заводитъ міріады насѣкомыхъ [1]).

У *Ичкеринцевъ* (Чеченцевъ) Введенскаго округа Терской области,—по свидѣтельству врача Ш.,—одежды для дѣтей вовсе не полагается и лишь за рѣдкими исключеніями можно встрѣтить ребенка въ рубашенкѣ.

У *Чеченцевъ* Аргунскаго округа Терской области, — по свидѣтельству врача Рудыковскаго, — новорожденный завертывается въ куски бумажной матеріи, преимущественно бязи, или въ старыя женскія платья, потомъ въ одѣяла, а зимой закрывается овчинами.

У *Осетинъ* и *Мтіулетинцевъ* Душетскаго уѣзда Тифлисской губерніи, — по свидѣтельству врача Н. Ч., во всѣхъ селеніяхъ можно видѣть дѣтей почти голыхъ, ободранныхъ, босыхъ и въ лохмотьяхъ, едва закрывающихъ тѣло. Отъ такого содержанія множество дѣтей погибаетъ зимой. На за то тѣ, которыя перенесутъ такую жизнь, отличаются крѣпкимъ здоровьемъ.

Въ *Осетіи* Терской области,—по свидѣтельству г-жи Касабіевой [2]),—послѣ купанья надѣваютъ на ребенка рубашку изъ какой нибудь мягкой матеріи, связываютъ въ пеленки, голову стягиваютъ косынкой и кладутъ у ногъ матери. Первое время одѣваютъ дѣтей тепло, даже кутаютъ, боясь простудить, и только лице остается не закрытымъ. По прошествіи нѣкотораго времени теплая одежда замѣняется болѣе легкою. Дѣтей одѣваютъ въ самую простую одежду и дѣлаютъ это съ цѣлію не пріучать ихъ къ роскоши. Чтобы дѣти рѣже простуд-

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 42.

[1]) Народы Россіи. Художественный Альбомъ. 1877 г., стр. 442.

[2]) Терскія Вѣдомости. 1879 г. № 21.

живались и были нечувствительны къ перемѣнамъ температуры, ихъ стараются закаливать, но это теперь почти вывелось. Подобное обращеніе съ дѣтьми дѣлаетъ организмъ многихъ слабымъ и нездоровымъ, а недостатокъ въ теплой одеждѣ вліяетъ на ростъ. Это особенно замѣчается въ горахъ, гдѣ рѣдко встрѣтишь человѣка высокаго роста. Нѣкоторыхъ дѣтей по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ одѣваютъ въ одежду узкую, которая не позволяетъ дѣтямъ свободно бѣгать.

Рис. 22. Одежда Лезгинскихъ дѣвочекъ на Кавказѣ.

Одежда дѣтей *Ногайскаго* племени, живущаго на Кавказѣ въ сакляхъ безъ печей,—по свидѣтельству г. Георгіева,—въ лѣтнее и зимнее время очень бѣдна; она состоитъ изъ шапки, рубахи, легкаго бешмета и тѣсныхъ чевякъ, которыя носятъ на босую ногу. Дѣтямъ-же отъ 8-ми лѣтъ и далѣе къ этой одеждѣ добавляется шубенка. Подобнаго рода одежда, по ихъ мнѣнію, оказываетъ тѣ вліянія на кожу, что она легко можетъ переносить холодъ и сырость безъ послѣдствій простуды, что по видимому и подтверждается на самомъ дѣлѣ.

У *Карагогайцевъ* Ставропольской губерніи, — по свидѣтельству Влескова,—въ теченіе первыхъ двухъ дней по рожденіи, пока религіозное омовеніе не произведено, ребенокъ считается нечистымъ и потому обворачивается въ первыя попавшіяся тряпки, какъ бы они грязны ни были; затѣмъ его одѣваютъ, смотря по средствамъ матери, въ рубаху или приготовленныя чистыя тряпки. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, ему стараются изготовить, по мѣрѣ возможности, полный костюмъ, употребляемый взрослыми. Во всякомъ случаѣ какъ бы Караногаецъ не былъ бѣденъ, дитя въ этомъ возрастѣ имѣетъ рубаху и шубу.

Кабардинцы, Кавказскіе горцы,—по свидѣтельству аульнаго учителя С. Шмыткина,—новорожденному никакого платья не дѣлаютъ до 6-ти мѣсяцевъ, потомъ шьютъ нѣсколько рубашекъ до хожденія. Зимою иногда при большомъ морозѣ въ сакляхъ (10—15°), тѣло ребенка защищено кое какимъ тряпьемъ. Къ этой стужѣ однако дѣти такъ привыкаютъ, что зимой почти на каждомъ шагу можно встрѣтить босыхъ и совсѣмъ почти нагихъ дѣтишекъ, бѣгающихъ по двору.

Магометане Хасавъ-Юртовскаго округа,—*Кумыки*, *Чеченцы*, *Салатовцы* и *Ногайцы*—чрезвычайно сходные въ своихъ обычаяхъ,—по свидѣтельству врача Надежина, – первые три дня завертываютъ новорожденнаго только однѣми пеленками изъ поношеннаго платья. Чрезъ три дня ребенокъ, натертый масломъ, одѣвается въ рубашку, обыкновенно бумажной матеріи. Эта рубашка не снимается до 40 дней. На голову ребенка плотно надѣвается, если мальчикъ, шапочка изъ бумажной или шерстяной матеріи, а если дѣвочка, то дѣлается повязка изъ маленькаго платка, или просто изъ поношенной бумажной матеріи. Послѣ 40 дней на ребенка надѣвается новая рубашка, преимущественно сшитая для красоты изъ разныхъ ситцевъ лоскутовъ и подстеганная ватою. Эта рубашка дѣлается длиннѣе роста ребенка въ томъ расчетѣ, что ребенокъ выростая можетъ долго носить ее, даже до негодныхъ лоскутовъ. Послѣ износа этой рубашки дѣлается ситцевый бешметъ, слегка подстеганный ватою.

У *Капучиновъ*—отдѣльной народности Гунибскаго округа въ Дагестанѣ,—по свидѣтельству Л. Млокосѣвича,—обвертываютъ ребенка въ тоненькій войлокъ и кладутъ въ колыбель. Чрезъ двѣ недѣли надѣваютъ шерстяные носки, а черезъ мѣсяцъ первую рубашку, кромѣ которой до двухъ лѣтъ, обыкновенно, не дѣлаютъ никакой другой одежды.

Жители *Карачая* на Кавказѣ, живущіе въ сакляхъ безъ печей,—по свидѣтельству Алейникова,—надѣваютъ рубашки своимъ дѣтямъ чрезъ 3—4 дня послѣ рожденія. Сверхъ рубашки впослѣдствіи надѣваютъ холодный бешметъ или кофту. Въ зимнее время у болѣе состоятельныхъ имѣются для дѣтей теплыя одѣяла, а у остальныхъ рунная овечья шерсть, въ которую они и завертываютъ дѣтей своихъ.

Волжскіе *Калмыки*, — по свидѣтельству Н. Нефедьева [1]),—завертываютъ новорожденнаго лѣтомъ въ какую нибудь тряпку, а зимою въ баранью овчину. Для глазъ, дыханія и другихъ необходимыхъ отправленій оставляютъ въ приличныхъ мѣ-

[1]) *Нефедьевъ*: подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ. С.-П. 1834 г. стр. 189—191.

стахъ только небольшія отверстія. До осьмилѣтняго возраста мальчики ходятъ у нихъ совершенно нагіе, прикрываясь лишь въ зимнее время овчинами и тулупами; изъ дѣвочекъ же иныя имѣютъ лѣтомъ одно короткое исподнее платье. При такомъ способѣ одѣванія дѣтей можно подумать, что въ степяхъ калмыцкихъ существуетъ вѣчное лѣто; между тѣмъ по зимамъ въ ихъ кибиткахъ господствуетъ иногда такой мучительный холодъ, отъ котораго даже взрослые едва находятъ для себя спасеніе подъ кошмами, войлоками и гдѣ морозъ доходитъ иногда зимой до 25° и болѣе.

Калмыки, принадлежа своимъ происхожденіемъ къ монгольскому племени, имѣютъ цвѣтъ кожи,— говоритъ А. П. Богдановъ[1]),—темноватожелтый; но цвѣтъ этотъ зависитъ болѣе отъ обстоятельствъ, въ какихъ они живутъ, а именно оттого, напр., что дѣти ихъ до семилѣтняго возраста ходятъ нагіе, что взрослые монголы спятъ безъ одежды и вообще чрезвычайно подвергаются дѣйствію дыма юртъ, а чаще солнечныхъ лучей при сухой, безоблачной атмосферѣ ихъ родныхъ степей.

Калмыки, кочующіе въ *Ставропольской* губерніи,— по свидѣтельству І. Бентовскаго [2]),—послѣ омовенія надѣваютъ на ребенка рубашку (кіилинъ), которая, впрочемъ, больше похожа на кофту нашихъ дамъ. Она коротка и спереди разрѣзана, съ широкимъ воротникомъ и у шеи не завязывается. Замѣчательно, что калмыки обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ носятъ рубашки одинаковаго покроя. Совершенные же бѣдняки заворачиваютъ новорожденнаго ребенка въ кусокъ панки, коленкора или же старой тряпки, а затѣмъ въ войлочекъ лѣтомъ, а зимою въ молодую овчину или купрей. Впослѣдствіи калмыки (богатые, конечно, во всемъ и вездѣ составляютъ исключеніе) лѣтомъ не одѣваютъ своихъ дѣтей до 6-ти, а иногда до 8-ми лѣтъ. Дѣвочки въ этомъ возрастѣ начинаютъ уже носить штаны (шальбуръ), но рубашки считаются уже роскошью. Нагія или почти нагія дѣти бѣгаютъ и рѣзвятся лѣтомъ, а зимою, плохо одѣтыя прячутся какъ сурки въ родительскія шубы, кошмы и во что попало, или грѣются у пылающаго среди кибитки огня, въ ожиданіи какой нибудь скудной трапезы и всего чаще будана. Вольныя— какъ широкая степь, рѣзвыя—какъ лѣтній вѣтерокъ, кроткія—какъ домашніе звѣрки, калмыцкія дѣти, привыкнувъ съ самаго рожденія къ терпѣнію, легкой и удобоваримой пищѣ, ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и во всѣ времена года, переносятъ впослѣдствіи самыя рѣзкія атмосферическія крайности съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостію.

У *Ногайцевъ* Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству того же І. Бентовскаго,—тотчасъ послѣ перваго купанья бабка надѣваетъ на ребенка рубашечку, а голову повязываетъ платкомъ. Рубашечка имѣетъ спереди разрѣзъ до половины всей длины. Воспитаніе ногайскихъ дѣтей въ первомъ возрастѣ вообще также примитивно, какъ и калмыцкихъ, вслѣдствіе одинаковыхъ съ ними условій кочевой жизни; джембулуковцы, едисанцы, едишкульцы, караногайцы и трухмяне за весьма немногими исключеніями также круглый годъ живутъ въ кибиткахъ, передвигая, сообразно временамъ года и экономическимъ потребностямъ, свое скотоводство съ лѣтнихъ кочевокъ на зимнія и обратно. Если богатые имѣютъ сакли, такъ сказать pro forma, то преобладающее большинство бѣдныхъ лишено даже крѣпкихъ кибитокъ, въ которыхъ могли бы укрыться отъ дождя и снѣга. При такихъ бытовыхъ условіяхъ, уходъ за кожею новорожденнаго ребенка не всегда возможный и одинаковый. Изъ этого же описанія мы не безъ права можемъ заключить, что Ногаецъ въ культурной жизни своей ни мало не подвинулся по крайней мѣрѣ съ конца 17-го столѣтія. Путешественникъ того времени Олеарій [1]), представляя бытъ Ногайцевъ довольно близко къ только что изложенному, между прочимъ былъ такъ пораженъ способомъ одѣванія Ногайскихъ дѣтей сравнительно съ взрослыми, что для большей наглядности контраста въ этомъ отношеніи, онъ приложилъ даже къ своему сочиненію картинку, изображающую Ногайца отца, закутаннаго по зимнему, очевидно въ холодное время года, а съ нимъ рядомъ стоящаго, совершенно голаго ребенка, какъ означено на рисункѣ 23.

Калмыки и *Черневые Татары* Томской губерніи,— по свидѣтельству князя Кострова,—держатъ новорожденныхъ нагими, завернутыми въ овечьи шкуры или зайчины, что сильно содѣйствуетъ прѣлостямъ и сыпямъ.

Объ одеждѣ *Башкиръ* Д-ръ Лотинъ [2]) говоритъ слѣдующее: многіе бѣдные не носятъ рубахъ ни зимой, ни лѣтомъ; верхняя одежда — халатъ или армякъ—надѣвается на голое тѣло. Во многихъ жилищахъ я видѣлъ взрослыхъ дѣвушекъ безъ рубахъ, вся одежда ихъ заключалась въ однихъ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ Башкиръ и зимой и лѣтомъ держатся совершенно голыми.

---

[1]) А. П. Богдановъ: пятое продолженіе каталога краніологическаго собранія. (Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естест. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. стр. 416).

[2]) Ставропольскія Губернскія Вѣдомости. 1879 г. № 9.

[1]) Adami Olearii Beschreibung der Natur und Leben der Tartern. 1696. IV. Buch 1. 196.

[2]) В. Лотинъ: возвратная горячка въ Оренбургскомъ краѣ (Медицинскій Вѣстникъ. 1866 г. № 23—25).

Киргизы Семипалатинской области [1]) первые три дня держатъ новорожденнаго въ нарочно сшитомъ кожанномъ желобкѣ съ завязками, въ грубомъ видѣ — англійскомъ тюфячкѣ. Когда пуповина отпадетъ, ребенка моютъ теплою, соленою водою, не обтирая завертываютъ въ лоскутъ дабы и даютъ обсохнуть. Впослѣдствіи у богатыхъ Киргизовъ шьютъ дѣтямъ рубашки и одѣяльца, у бѣдныхъ завертываютъ прямо въ джабагу (взрблюжій подшерстокъ, свалявшійся въ войлокъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ; весной его снимаютъ съ верблюда въ то время, когда онъ линяетъ). Джабага нѣжна и мягка какъ пухъ.

Рис. 23. Ногай съ ребенкомъ.

Киргизы Семипалатинскаго уѣзда, той-же области,—по свидѣтельству врача Ш.,—сейчасъ послѣ рожденія завертываютъ дѣтей въ старыя тряпки; на другой или третій день предъ кладеніемъ въ первый разъ въ зыбку, надѣваютъ рубашку. Спустя 40 дней надѣваютъ халатъ или купу (халатъ, подбитый шерстью). Киргизы Каркаролинскаго уѣзда той-же области, — по свидѣтельству г. Филиппова, — въ день рожденія по обмытіи младенца, обвертываютъ его въ какую нибудь вѣтошь (старая, пошенная одежда), а сверхъ оной въ джабагу (свалявшаяся баранья или верблюжья шерсть), а чрезъ три дня, или болѣе, надѣваютъ рубашку изъ старой бумажной матеріи, безъ воротника и рубцевъ на краяхъ, а также спереди не сшитую. По истеченіи 40 дней нѣкоторые Киргизы снимаютъ эту рубашку, а нѣкоторые продолжаютъ надѣвать до сидѣнья. Иные, по снятіи этой рубашки привязываютъ ее къ шеѣ собаки, и гоняютъ ее нѣсколько времени по степи въ знакъ того, чтобы съ младенцемъ не приключилось болѣзни, такъ называемой «собачьей». [1]) Послѣ того обмываютъ ребенка теплой водой съ мыломъ и надѣваютъ обыкновенную рубашку. При своей поѣздкѣ по Зайсанскому приставству Семипалатинской области, — говоритъ врачъ Рашевскій, — я ни разу не видалъ дѣтей первыхъ мѣсяцевъ жизни безъ рубашки, а мальчиковъ кромѣ того и безъ аракчина (ермолки). Нѣсколько разъ мнѣ пришлось видѣть беременныхъ женщинъ, приготовляющихъ одежду для будущихъ новорожденныхъ. Изъ этого я заключаю, что новорожденныя дѣти одѣваются въ рубашку вскорѣ послѣ рожденія. Дѣтей же болѣе поздняго возраста, особенно у бѣдныхъ Киргизовъ, почти постоянно можно видѣть голыми, какъ въ юртахъ, такъ и внѣ юртъ въ лѣтнее время года. Рубашки обыкновенно дѣлаются изъ бумажной матеріи съ широкимъ открытымъ воротомъ. Кромѣ рубашекъ я не замѣчалъ особеннаго верхняго платья у дѣтей до самаго поздняго возраста, кромѣ состоятельныхъ Киргизовъ, у которыхъ дѣти иногда имѣютъ бешметы и овчинныя шубы. При перекочевкахъ-же дѣти завертываются большею частію въ одежду взрослыхъ. Относительно обуви можно сказать, что ее имѣютъ только дѣти богатыхъ Киргизовъ. Киргизы (Киргизъ-Кайсацкихъ степей),—по свидѣтельству А. Левшина [2]), — рубашекъ дѣтямъ не дѣлаютъ, но завертываютъ ихъ въ какое либо полотно или отъ холода въ овечьи шкуры. Малютки, выползая изъ такой одежды нагія, иногда въ горячую золу, а иногда на снѣгъ, съ первыхъ дней своей жизни пріучаются ко всѣмъ перемѣнамъ воздуха.

Татары Каркалинскаго городскаго поселенія Семипалатинской области,—по свидѣтельству г. Филиппова, — до трехъ дней по рожденіи завертываютъ младенца лишь въ чистую, мягкую вѣтошь, затѣмъ чрезъ три дня одѣваютъ его въ сорочку изъ старой, чистой, мягкой вѣтоши, схваченной въ

[1]) Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области. П., стр. 54—61. (Русскій Вѣстникъ. Т. 137. Сент. 1878 г.).

[1]) Подобный-же обычай встрѣчается и у Киргизовъ Большой Орды, которые, — по свидѣтельству Н. А. Маева (Киргизы. Этнографическій очеркъ. Туркестанскія Вѣдомости 1871 г.), по прошествіи 40 дней рубашку, которая не снималась съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки, для того, чтобы собака, съѣдая жирную рубашку, такъ какъ новорожденнаго натираютъ ежедневно масломъ или бараньимъ жиромъ, приняла на себя и всѣ будущіе грѣхи ребенка. Въ старину, рубашку обыкновенно берегли и она имѣла совершенно особое, довольно наивное, назначеніе, а именно: если кому нибудь приходилось имѣть тяжбу, то онъ пришивалъ себѣ на правый бокъ рубашку, взятую съ новорожденнаго, въ надеждѣ на выигрышъ тяжбы, во имя невинной еще души младенца.

[2]) Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей А. Левшина. 1832 г Ч. Ш., стр. 97.

нѣсколькихъ мѣстахъ безъ рубцевъ; послѣ двухъ мѣсяцевъ младенецъ одѣвается въ рубашку, приготовленную изъ новой матеріи, предварительно надѣванія смытой, и сверхъ ея надѣваютъ легкую кофточку, завязывающуюся по бокамъ вязками изъ той матеріи, такъ чтобы не давило младенца.

Кочевники Туркестана,—по свидѣтельству г. Жукова,—укутываютъ новорожденнаго старьемъ, чѣмъ попало, смотря по достатку. Одежду для ребенка шьютъ не ранѣе 6—12 мѣсяцевъ. Эта одежда дѣлается въ видѣ халата изъ какой нибудь легкой бумажной или (у богатыхъ) шелковой матеріи (кануса).

Дѣти *Туркмень* [1]) лѣтомъ и зимою бѣгаютъ въ одной бумажной или шелковой рубашкѣ, украшенной серебряными бляхами или иными драгоцѣнностями, смотря по состоянію родителей. Мальчики обыкновенно совершенно обриты, только съ боковъ, да на макушкѣ оставляются у нихъ маленькіе клочки волосъ, которые заплетаются иногда въ косы и закладываются за уши; голова ихъ обыкновенно покрыта вышитою шапочкою съ бляшкою по срединѣ. Дѣвочки одѣваются почти совершенно такъ-же, какъ мальчики, только рубашка ихъ доходитъ до самыхъ пятъ.

Единственную одежду дѣтей *Бурятскихъ* Балагинскаго округа Иркутской губерніи, — по свидѣтельству врача Поликовскаго, — до двухъ—трехъ лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ составляютъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой—овчинныя шкурки, которыя заступаютъ мѣсто и пеленокъ. Мнѣ много разъ лично случалось видѣть матерей-Буратокъ, держащихъ на рукахъ дѣтей вполнѣ нагими, прикрывающихъ ихъ только надѣтыми на нихъ-же овчинными шубами, причемъ зимой и лѣтомъ шея и грудь ребенка до половины почти тѣла не бываетъ ничѣмъ защищена. Послѣ двухъ - трехъ лѣтъ ребенку надѣваютъ рубашку и панталоны, обыкновенно изъ какой нибудь бумажной матеріи. Бѣлье это почти никогда не моется и потому дѣлается грязнымъ, доколѣ наконецъ не извѣтшаетъ совсѣмъ. Ночью только бѣлье и платье снимается, такъ какъ у Бурятъ не только дѣти, но и взрослые имѣютъ обыкновеніе спать нагими. Зимою дѣтямъ 5 – 6 лѣтъ дѣлаютъ овчинныя шубы и теплую обувь на ноги (унты) также изъ овчинныхъ шкурокъ. Во время лѣта дѣти въ большинствѣ случаевъ бѣгаютъ и на открытомъ воздухѣ совершенно голыми. *Буряты* христіане и шаманы Иркутской губерніи,— по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—съ перваго дня рожденія, ребенка завертываютъ въ элгэбши, т. е. въ мягко-выдѣланную шкуру ягненка, или нарочно сшитое на шерсти мягкое одѣяльце, а иногда то ту, то другое, смотря по погодѣ и по состоянію окружающей температуры. Вообще у Бурятъ до того времени, когда ребенокъ начнетъ ходить, т. е. приблизительно до 9-ти мѣсячнаго возраста, ему никакой одежды въ родѣ рубашки, не полагается. При перемѣнѣ-же постельки, одѣяльца (элгэбши) или во время кормленія грудью, мать завертываетъ ребенка въ собственную одежду, а зимою въ овчинную шубу. Только когда ребенокъ начнетъ ходить, нѣкоторые ему надѣваютъ сшитую по росту, русскаго покроя рубашку изъ ситца, добы или иной бумажной матеріи, но и эту, укладывая ребенка спать, по большей части снимаютъ. Съ того-же времени когда ребенокъ начинаетъ уже довольно хорошо ходить, приблизительно съ годо-

Рис. 24. Бурятскій ребенокъ.

ваго возраста, на него одѣваютъ коротенькую овчинную шубку и такіе-же штаны и унты (сапоги). Нужно замѣтить, что одежда эта составляетъ принадлежность зимняго костюма, повсемѣстно употребляемаго и богатыми и бѣдными Бурятами. Только болѣе зажиточные и обрусѣвшіе инородцы шьютъ одежду по русскому покрою, т. е. брюки, жилеты и длинные сюртуки, преимущественно изъ бумажныхъ матерій фабричнаго производства. Но и у этихъ послѣднихъ, равно какъ и вообще у Бурятъ, нельзя не указать на особенность въ одѣваніи дѣтей, а именно: одежда мальчиковъ ничѣмъ не отличается отъ одежды дѣвочекъ. Лѣтомъ и вообще въ теплое время года дѣти Бурятъ по большей части ходятъ безъ всякой одежды и много если ихъ одѣваютъ въ рубашки. — Употребленіе одежды, особенно рубашекъ, по замѣчанію самихъ Бурятъ, производитъ замѣтно хорошее вліяніе только тѣмъ, что кожа у носящихъ ее дѣтей становится бѣлѣе и нѣжнѣе, чѣмъ у тѣхъ, которые ея не носятъ; но зато тѣ дѣти, которыя разъ уже были одѣты при случайностяхъ неупотребленія ея вовсе, ско-

[1]) Наши сосѣди въ средней Азіи. Хива и Туркменія. (Изданіе редакціи журнала „Всемірный Путешественникъ“ С.-П. 1873 г., стр. 39.

рѣе подвергаются простудѣ и вообще труднѣе выносятъ вліяніе холода и зноя. *Буряты* — ламаисты, Иркутской губерніи, пограничные съ Китаемъ,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,— до 4-хъ—5-ти мѣсячнаго возраста никакой одежды дѣтямъ не дѣлаютъ, кромѣ обуви въ зимнее время изъ овечьей шкуры (унты). До годовалаго-же возраста, т. е. до времени, когда ребенокъ начинаетъ ходить, его завертываютъ въ козулью, рѣдко въ овечью шкуру — шерстью къ тѣлу, отъ чего вслѣдствіе жесткости этой шерсти кожа младенца мало по малу становится чрезвычайно грубой. Годовалыя и старше дѣти, какъ сказано, круглый годъ ходятъ нагія. Ихъ кожа, зимою подвергаясь вліянію сильнаго жара отъ солнечныхъ лучей, весьма часто имѣетъ видъ, какъ ошпаренный.

Дѣти *Моноло-бурятъ* до году также не пользуются одеждой. Какъ въ колыбели, такъ и на рукахъ матери, ребенокъ зиму и лѣто держится завернутымъ въ овчины. Въ болѣе позднемъ возрастѣ на него, въ обоихъ полахъ, одѣваютъ рубашку и панталоны изъ сернянки, добы и ситца. Это бѣлье очень рѣдко стирается, а чаще всего остается не стираннымъ, пока не сносится. Зимою сверхъ рубашки одѣвается шубенка изъ овчины и обувь изъ того-же матеріала. Лѣтомъ ребятъ не рѣдкость встрѣтить рѣзвящимися подъ открытымъ небомъ совершенно нагими.

Кочевые *инородцы Ачинскаго округа* Енисейской губерніи,--по свидѣтельству г. Петрова,—надѣваютъ новорожденному ситцевую рубашку, если она приготовлена; а у кого нѣтъ, то закутываютъ его въ тряпицы. Ясачные инородцы своихъ малолѣтнихъ дѣтей какъ зимой, такъ и лѣтомъ одѣваютъ въ однѣ рубашки и только въ сильные холода тѣмъ изъ нихъ, которыя начинаютъ ходить, шьютъ овчинныя шубки. Пріучая дѣтей къ холоду, инородцы дѣлаютъ ихъ крѣпче, такъ что на организмъ ихъ не дѣйствуютъ перемѣны климата и погоды. Головы у дѣтей никогда не покрываются платками, шапками и фуражками, а всегда открыты; вѣроятно по этой причинѣ у инородцевъ замѣчается значительная густота волосъ.

У *Тунгусовъ*, — говоритъ Миддендорфъ, [1]) — мнѣ привелось видѣть, какъ при самой сильной стужѣ въ шалашѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ, причемъ спина бѣднаго существа подвергалась весьма сильной разницѣ въ температурахъ. Либермейстеръ (Deutsche Klinik 1869, p. 40) доказалъ, что посредствомъ душей или другихъ холодныхъ прикладываній, повышеніе тепла можетъ быть доведено до возбужденія въ четверо и даже въ шестеро большаго количества тепла, сравнительно съ нормальнымъ, и вотъ почему, можетъ быть, несмотря на этотъ холодъ ребенокъ все таки не хотѣлъ возвращаться въ люльку, изъ которой онъ протягивалъ голыя ручонки свои. Иногда мнѣ случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей босыхъ, безъ штановъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ. Маакъ [1]) свидѣтельствуетъ также, что дѣти Тунгусовъ ходятъ совершенно голыя или одѣтыя въ легкое платье изъ рыбьей кожи. Бродячіе *Тунгусы*, населяющіе сѣверъ Иркутской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Эліашевича, — по омовеніи одѣваютъ новорожденнаго въ рубашку, какая случится, преимущественно-же сшитую изъ стараго ношеннаго платья взрослыхъ, но это дѣлаютъ только болѣе или менѣе зажиточные Тунгусы, бѣдные-же по большей части не имѣютъ возможности выполнить и того. По истеченіи года младенцу шьется точно такая одежда, какую обыкновенно носятъ взрослые, а именно: на голени натягиваются такъ называемые хорьки (купури или арамузы), заходящіе выше колѣней и сшитые изъ выдѣланной оленьей шкуры—лѣтомъ безъ шерсти и ровдужные, а зимою съ шерстью наружу; затѣмъ одѣваютъ короткіе до колѣнъ штаны, сшитые изъ того-же матеріала и внизу плотно прикрѣпленные ремнями къ хорькамъ; на обѣ стопы одѣваютъ унты, родъ сапоговъ изъ оленьей-же шкуры всегда съ шерстью, а на туловище—шубку изъ заячьяго или иного мѣха, сшитую въ родѣ пиджака. Люди зажиточные эти шубки встошатъ и покрываютъ даже какою либо матеріей и подъ такой шубкой носятъ ситцевыя или добовыя рубашки, бѣдные-же рубашекъ не носятъ. Вообще форма одежды,—замѣчаетъ Погадаевъ,—приспособляется къ тому, чтобы не стѣснять ребенка въ его движеніяхъ и чтобы впослѣдствіи при своей незатѣйливой обстановкѣ онъ могъ свободно располагать всѣми своими членами.

Тунгусы Калымскаго Округа,— говоритъ Ѳ. М. Августиновичъ, [2]) —дѣтей своихъ воспитываютъ очень небрежно и съ самаго нѣжнаго возраста пріучаютъ къ холоду, оставляя почти нагихъ зимою около своихъ урусъ (жилищъ) безъ всякаго за ними присмотра, гдѣ они играютъ по два и по три часа, сряду на морозѣ съ дѣтьми сосѣдей своего стойбища (деревни). Тунгусы живутъ въ урусахъ, имѣющихъ конусообразную форму, устроенныхъ изъ

[1]) Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Ч. II. Отд. IV. С.-П. 1878 г., стр. 717—718.

[1]) *Маакъ*: Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества. 1859 г., стр. 143.

[2]) Ѳ. М. Августиновичъ: О племенахъ, населяющихъ Калымскій Округъ. (Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естеств. и пр. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. Прилож. стр. 48.

длинныхъ кольевъ, обтянутыхъ снаружи оленьими шкурами. Несмотря на пылающій безпрестанно огонь, въ урусѣ бываетъ постоянный холодъ зимою, вслѣдствіе чего ночью всѣ спятъ не раздѣваясь, прикрывшись оленьими шкурами.

Тунгусы и *Ламуты* Якутской губерніи,—по свидѣтельству Н. Айгустова, — на другой день послѣ рожденія младенца надѣваютъ на него одежду, приготовленную изъ шкуры оленя, только что родившагося, такъ называемой по мѣстному—выпорошки. Затѣмъ, когда младенецъ начинаетъ уже ходить, надѣваютъ на него въ зимнее время панталоны изъ выдѣланной оленьей кожи или изъ кожи горнаго барана (радвуга), на ноги же надѣваютъ обувь (торбоса), въ лѣтнее время сдѣланныя изъ радвуги, а въ зимнее изъ оленьихъ лапъ. Тунгусскіе подростки одѣваются, разумѣется, уже такъ-же какъ и взрослые. Отличительный характеръ этой одежды, по свидѣтельству бытописателей, таковъ, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подвижности и легкомыслію Тунгуса, не даромъ называемаго сѣвернымъ французомъ. Тунгусъ никогда не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, но изъ тѣхъ же шкуръ онъ шьетъ себѣ особый, легкій и узкій костюмъ, весь расшитый полосками сукна и конскими волосами и украшенный бусами [1]).

Якуты, — по свидѣтельству А. [2]),— не имѣютъ обыкновенія тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей: кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки, сверху прикрываютъ ихъ какими нибудь лохмотьями. Дѣти ихъ до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда уже и родители одѣваютъ ихъ въ платья изъ кожи коровьей или какой нибудь звѣриной, а по праздникамъ въ синія рубахи. *Якуты*, живущіе въ Якутской губерніи, — по свидѣтельству Н. Айгустова, — до года не дѣлаютъ своимъ дѣтямъ никакой одежды; тѣмъ не менѣе, по ихъ понятіямъ, какъ и по понятіямъ Тунгусовъ, слѣдуетъ ребенка оберегать какъ можно тщательнѣе отъ свѣжаго воздуха. Для этого стараются помѣщать его ближе къ камелень (подобіе камина), окутываютъ голое тѣло мѣховыми одѣялами, нерѣдко покрываютъ ими даже и голову. Вслѣдствіе такихъ пріемовъ въ связи съ нечистотою самыхъ покрывалъ, испарина не имѣетъ свободнаго выхода, ребенокъ прѣетъ и вокругъ него развивается вредное зловоніе. По достиженіи годичнаго возраста, болѣе состоятельные Якуты одѣваютъ дѣтей въ рубашку изъ ситца или добы; затѣмъ надѣваютъ кожаные штаны изъ выдѣланной телячьей кожи, а на ноги надѣваютъ обувь (торбасы), сдѣланную изъ конской или коровьей кожи; у бѣдныхъ же Якутовъ натѣльнаго бѣлья на дѣтей не надѣваютъ, а надѣваютъ пальтишко изъ конской или коровьей кожи; остальная одежда такая же, какъ и у первыхъ. Подростающія дѣти одѣваются уже какъ взрослые и объ этой одеждѣ д-ръ Августиновичъ [1]) говоритъ слѣдующее: Калымскіе Якуты въ высшей степени нечистоплотны, они рѣдко когда моются, спятъ очень часто нераздѣваясь, а рубахи свои (не всѣ, впрочемъ, ихъ имѣютъ) изнашиваютъ въ лохмотья.— Національный костюмъ Якутовъ весь состоитъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью наружу, а именно: 1) изъ верхняго платья (куклянка); 2) изъ нижняго, составленнаго изъ двухъ частей: селья (обхватывающаго сѣдалище) и сутуро (въ видѣ голенищъ, покрывающихъ верхнюю половину бедеръ); 3) изъ торбазовъ (родъ длинныхъ сапогъ, доходящихъ до половины бедеръ) и 4) изъ шапочки съ наушниками. Кромѣ того лѣтомъ носятъ камлею (родъ куклянки съ капюшономъ), сшитую изъ прокопченной радвуги (родъ мѣстной замши). — Бѣдные Якуты, говоритъ верхоленскій врачъ Шперкъ, [2]) надѣваютъ мѣховую одежду прямо на голое тѣло и носятъ ее до тѣхъ поръ, пока она истлѣетъ, не моя въ то-же время никогда тѣла. При подобномъ несоблюденіи чистоты и опрятности нѣтъ ничего необыкновеннаго, что между Якутами встрѣчаются такъ часто различнаго рода накожныя страданія, къ распространенію которыхъ много способствуетъ то, что во многихъ семействахъ, по бѣдности и недостатку одежды, послѣднюю нерѣдко поперемѣнно надѣваютъ каждый по надобности и спятъ вмѣстѣ взрослые и дѣти, здоровые и больные даже сифилисомъ.

Дѣтямъ *Остяковъ* и *Самоѣдовъ*, живущихъ къ Ледовитому морю,—по свидѣтельству Бѣлявскаго, [3]) вмѣсто первой одежды служатъ пухъ и мохъ, въ которые завертываются дѣти въ то же время въ видахъ соблюденія опрятности.

Дѣти *Самоѣдовъ* Архангельской губерніи, — по свидѣтельству Мезенскаго врача П., — послѣ рожденія окутываются оленьими шкурами. То же подтверждаетъ В. Ислявинъ. [4]). (Рис. 25). Одежды дѣлаются съ трехлѣтняго возраста изъ той же оленины и того-же покроя, что и у взрослыхъ.

Инородцы сѣвернаго края Тобольской губерніи: *Остяки*, *Самоѣды*, *Вогулы*, — по свидѣтельству Голодникова,—въ раннемъ возрастѣ никакой одежды дѣтямъ своимъ не дѣлаютъ, но когда ребенокъ

[1]) Народы Россіи, l. c., стр. 518.

[2]) Мерзлый край, Очерки сѣверо-восточной Сибири А. Всемірный Путешественникъ. Ноябрь, 1871 г., стр.229.—Парсды Россіи, l. c. стр. 512.

[1]) Ѳ. М. Августиновичъ, ibid., стр. 46—47.

[2]) Протоколы засѣданій общ. врачей Вост. Сиб. 1864 г.

[3]) Поѣздка къ Ледовитому морю Бѣлявскаго. 1833 г., стр. 422.

[4]) В. Ислявинъ: Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. 1847 г., стр. 121.

Таб. II

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ ЗИМОЙ ВЪ ИЗБѢ.

начнетъ ползать и ходить, то шьютъ ему малицу изъ тонкихъ оленьихъ шкуръ (неплюевъ), которая и надѣвается прямо на голое тѣло, потому что инородцы эти никогда бѣлья не носятъ.

Остяки Березовскаго края Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова, — вскорѣ послѣ рожденія и омытія ребенка надѣваютъ на него верхнюю одежду — рубашку изъ холста или ситца и въ то же время завертываютъ его въ заячью шкуру (изъ лоскутовъ) и потомъ, спустя нѣсколько дней по рожденіи, начинаютъ надѣвать на ноги коротенькія пимы (родъ чулковъ), сшитыя изъ оленьихъ шкуръ внизъ шерстью, и таковыя привязываютъ за голяшки ремешками или веревочками; затѣмъ когда ребенокъ будетъ побольше, шьютъ ему чижи (родъ длинныхъ чулковъ) изъ оленьихъ шкуръ, которые также надѣваются ему на ноги, и кромѣ того шьютъ и надѣваютъ на него верхнюю теплую одежду: на мальчика оленью малицу и парку, а на дѣвочку ягушку, тоже изъ оленьихъ шкуръ [1]).

Самоѣды того-же края,—по свидѣтельству г. Голодникова, — спустя два или три дня по рожденіи ребенка, шьютъ ему одежду состоящую изъ тонкихъ оленьихъ шкурь, для дѣвушки—ягушку, въ

Фиг. 25. Самоѣдка съ ребенкомъ.

родѣ халата, а для мальчика малицу, ту и другую съ глухими рукавами для того, чтобы ребенокъ не могъ высовывать наружу руки и ему было тепло; въ этой одеждѣ онъ и пеленается; на ноги ребенку надѣваютъ чижи пѣшачьихъ шкуръ и кромѣ того пимы, когда начнетъ пріучаться ходить.

Самоѣды и *Остяки* Томской губерніи, — по свидѣтельству князя Кострова,—вмѣсто рубашки для дѣтей въ холодное время употребляютъ зайчинки, а въ теплое лоскуты старой одежды взрослыхъ и ничего. Кутанье въ зайчину располагаетъ къ прѣлостямъ и сыпямъ.

Въ чумѣ *Тавгинскихъ* и *Аважскихъ Самоѣдовъ*, — говоритъ Миддендорфъ [1]),—маленькія дѣти лежали передъ огнемъ на небольшихъ шкурахъ; водяной мохъ принималъ въ себѣ нечистоты. Мѣшки изъ шкуры лалима висѣли на готовѣ для укладки въ нихъ дѣтей во время похода. Дѣти, которыя были постарше, носили штанишки, около паха обшитые кольцами.—При всемъ томъ они удовлетворяли естественныя потребности свои въ чумѣ на глазахъ передъ всѣми.

[1]) Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Ч. II. Отд. IV. С.-П. 1878 года, стр. 668.

[1]) Малица взрослыхъ, по описанію д-ра Соколова (Арх. Суд. Мед. 1867 г. К. 2 стр. 8)—шьется изъ оленьей шкуры, шерстью къ тѣлу, прямаго покроя, въ видѣ мѣшка, длиною по колѣна, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами, и съ отверстіемъ для головы. Малица надѣвается прямо черезъ голову, подпоясывается довольно низко широкимъ кожанымъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными луговицами, какъ чешуею. Парка во всемъ похожа на малицу, съ тою только разницею, что шьется шерстью наружу.

Остяки Енисейской губерніи, — по свидѣтельству Кривошапкина [1]), — по омовеніи ребенка на свой ладъ, завертываютъ его въ теплыя оленьи кожи и кладутъ около дымящихся головёшекъ въ берестяную зыбку. До 12 лѣтъ они водятъ дѣтей своихъ почти безъ всякой одежды.

Новорожденныхъ въ *Камчаткѣ* [2]), за неимѣніемъ рубахъ и пеленокъ, обвиваютъ болотною травою, похожею на осоку (lyperoides). Эту-же траву подкладываютъ сзади хоньбовъ ихъ, на подъемный клапанъ, когда дѣти маются и мочатся. За неимѣніемъ чулковъ увиваютъ ею ноги такъ искусно, что на послѣднихъ она плотно держится, какъ чулокъ. Въ дальнѣйшемъ возрастѣ дѣти въ Камчаткѣ носятъ платье подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается и состоитъ изъ торбасовъ, чулокъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, позади съ прорѣзью и съ клапаномъ.

Одежда *Чукчей* взрослыхъ и дѣтей вообще широкая; главныя части ея составляютъ: неуклюжая кухлянка и длинные мѣховые шаровары, приспособленные къ сидячей жизни [3]). (Фиг. 26).

Фиг. 26. Одежда мальчика Чукчей.

Главную и необходимую одежду *Алеутовъ* составляетъ *парка* [4]), родъ длинной рубашки, опускающейся ниже колѣнъ съ стоячимъ воротникомъ и съ не широкими рукавами. Парка дѣлается большею частью изъ птичьихъ шкуръ. Для маленькихъ дѣтей парка дѣлается почти всегда изъ орлиныхъ шкуръ съ однимъ только пухомъ, а для подростковъ обыкновенная парка.

У *Орочанъ* [1]), Амурскихъ номадовъ и нашихъ старинныхъ ясачныхъ, живущихъ въ юртахъ, дѣти долго воспитываются въ полной наготѣ.

На лѣвой сторонѣ Амура, близъ Китайской границы живутъ дикари *Манягры* [2]). Дѣти ихъ до 10-ти лѣтняго возроста не носятъ никакой одежды, отъ чего кожа этихъ двуногихъ звѣрковъ имѣетъ цвѣтъ печенаго яблока. Я удивился необыкновенной способности *Манягрскихъ* дѣтей, — говоритъ Маакъ, [3]) — переносить холодъ и всѣ перемѣны погоды. Тѣло ихъ, можно сказать, было закалено: такъ, мнѣ часто случалось видѣть въ сильные морозы, что они бѣгали подъ открытымъ небомъ въ одной шубенкѣ, изъ подъ которой виднѣлось голое тѣло: ноги ихъ были обнажены. Одѣтыя такимъ образомъ, они цѣлые часы ходили по снѣгу, стрѣляли въ цѣль изъ лука и занимались домашнимъ хозяйствомъ.

Дѣтское платье у *Карагассовъ*, (бродящихъ по притокамъ Енисея), — говоритъ Лессепсъ [4]), — обратило на себя вниманіе по своей странности и сказывали мнѣ, что оно совершенно сходствовало съ *Карякскимъ*. Оно цѣльное дѣлается изъ оленьей кожи такъ, что покрываетъ и обхватываетъ всѣ части, представляя дѣтей какъ бы защитыми со всѣхъ сторонъ; одно отверстіе книзу напереди и назади служитъ для очищенія ихъ. Сіе отверстіе закрывается лоскутомъ кожи, который такъ привязанъ, что можетъ подыматься въ случаѣ надобности; онъ поддерживаетъ пучекъ моху (также употребляютъ траву, Томчиху), который кладутъ вмѣсто пеленокъ дѣтямъ и перемѣняютъ если замарается. Кромѣ обыкновенныхъ рукавовъ есть еще два у платья ихъ, въ которые они прячутъ руки во время холода; они по концамъ защиты и внутри оныхъ кладется мохъ. Одѣваютъ ихъ сверхъ того въ капюшонъ изъ такой-же кожи, какъ и платье, но въ юртахъ почти никогда не покрываютъ ихъ головы. Подпоясываютъ широкимъ оленьимъ ремнемъ. Матери носятъ ихъ на спинѣ своей, помощью ремня, который обвивается вокругъ лба женщины и задницы младенца. Въ такомъ-же родѣ описываетъ одежду Карагассовъ другой путешественникъ: «одежда *Карагасскихъ* дѣтей, — говоритъ онъ [5]), — обратила на себя мое вниманіе своей странностію.

---

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки Академика Крашенинникова. 1818 г., Т. I., стр. 331.

[2]) Ibidem. Т. II., стр. 172.

[3]) Народы Россіи, I. с., стр. 532.

[4]) И. Вепьяминовъ. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. 1840 г. Ч. II., стр. 216.

[1]) Три года въ Сибири: Ив. Мевеса. Отечественныя Записки 1863 г., №№ 5, 6, 7, стр. 271.

[2]) Ibidem стр. 273.

[3]) Маакъ: путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго отдѣла Импер. Русскаго Географ. Общества 1859 г., стр. 143.

[4]) Лессепсово путешествіе по Камчаткѣ, переводъ съ французскаго. Ч. II, 1801 г.

[5]) Живописное путешествіе по Азіи составлен. на французс. языкѣ подъ руководствомъ Eyries, перев. Е. Корша. 1839 г. Т. II., стр. 12.

Она состоитъ изъ цѣлаго оленьяго мѣха, въ который ребенокъ спрятанъ съ ногъ до головы, какъ въ мѣшокъ. Для очищенія сдѣлано отверстіе снизу и покрыто кожаннымъ лоскутомъ, который поднимается по произволенію и поддерживаетъ клокъ моху, воткнутый ребенку промежъ ногъ и перемѣняемый по мѣрѣ надобности. Кромѣ обыкновенныхъ рукавовъ, къ платью прикрѣплены еще два другіе, въ которые просовываютъ дитяти руки, когда холодно. Рукава эти глухіе по концамъ и внутри выложены мохомъ. На голову дѣтямъ надѣваютъ кули или капоры изъ оленьяго мѣха, но въ юртахъ они всегда почти безъ шапочекъ и онѣ висятъ у нихъ на плечѣ. Матери носятъ дѣтей за спиною на ремнѣ, который перехватываетъ лобъ женщины и держитъ подъ задъ ребенка.

Фиг. 27. Карагасска съ ребенкомъ.

Заканчивая главу объ одеждѣ, мы видимъ, что послѣдняя лишь изрѣдка устраивается приспособительно къ особенностямъ дѣтскаго возраста и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ климатическими и другими условіями быта; наоборотъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ на характеръ устройства одежды вліяетъ обычай, заведенный изстари и при томъ нерѣдко сопутствуемый какими либо страшными предразсудками; далѣе на характеръ ея кладутъ свою рѣзкую печать бѣдность, неряшество, невѣжество, мода, щегольство и тому подобныя условія и неосмысленные взгляды на жизнь. Мы видѣли также, что недостаточность и неразумность одѣванія дѣтей влекутъ за собой множество болѣзней и большую смертность, особенно въ тотъ періодъ дѣтства, когда съ большею настойчивостью начинаютъ пріучать дѣтей къ холоду и разнымъ перемѣнамъ температуры, иногда весьма рѣзкимъ, но несмотря на это все-жъ таки надо удивляться, какъ еще и въ остальныхъ случаяхъ дѣти могли сохраниться цѣлыми въ отношеніи физическомъ при ношеніи употребляемой ими одежды? Жаръ и холодъ, вѣтеръ, дождь и непогода, безпрестанно смѣняемыя и дѣйствующія на слабое тѣло ихъ, безъ достаточной защиты, казалось бы, должны были безусловно губительно дѣйствовать на нихъ; между тѣмъ какъ, среди выдержавшихъ упомянутыя невзгоды, мы встрѣчаемъ не рѣдко еще хорошее,

закаленное и даже какъ бы неуязвимое здоровье. Сохраненію такой крѣпости тѣлесныхъ силъ, конечно, много содѣйствуетъ унаслѣдованная вѣками особенность организаціи племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное пребываніе и движеніе ихъ на воздухѣ, безпечная жизнь номадовъ и наконецъ усвоенная ими привычка къ тому образу жизни, который они ведутъ.

ГЛАВА XI.

ПЕЛЕНАНІЕ.

Цѣль пеленанія.—Древность этого обычая.— Пеленаніе у современныхъ народовъ — Особенности пеленанія въ коренномъ русскомъ населеніи и у русскихъ инородцевъ.

Пеленаніе, вообще говоря, принадлежитъ къ категоріи одѣванія. Употребляясь съ тою же цѣлью, оно естественно можетъ содѣйствовать, какъ и одежда, защищенію ребенка отъ холода. Однако же чаще всего вмѣстѣ съ пеленаніемъ соединяется представленіе о большемъ или меньшемъ стѣсненіи движеній ребенка посредствомъ бинтовъ, повязокъ и т. п. Цѣль пеленаній различна. Иногда посредствомъ ихъ имѣется въ виду прямо лишить ребенка движенія, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ избавить себя отъ лишнихъ хлопотъ, которыя бы понадобились, еслибы члены его оставались свободными. Иногда побуждающей причиной пеленанія служитъ чувство страха, чтобы какъ нибудь не повредить слабыхъ членовъ ребенка при неосторожномъ обращеніи съ нимъ. Наконецъ, иные посредствомъ пеленанія имѣютъ въ виду достигнуть фабрикаціи тѣхъ или другихъ членовъ во вкусѣ племени.

Пеленаніе ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Оно извѣстно было Египтянамъ и Скиѳамъ, при чемъ послѣдніе не такъ усердно завертывали своихъ новорожденныхъ въ пеленки и что въ свою очередь, по мнѣнію Гиппократа, должно было имѣть вліяніе на ростъ. [1]) Древніе Греки послѣ ванны завертывали своихъ новорожденныхъ въ простынки и платки [2]). (Фиг. 28).

Антигенесъ упоминаетъ о Ѳессалійскомъ обычаѣ крѣпко привязывать дѣтей своихъ къ колыбелямъ, имѣющимъ видъ доски, которой придано подобіе ванны, и наполненнымъ сѣномъ. Ѳракійцы и Македоняне привязывали дѣтей своихъ къ жесткой доскѣ, имѣя въ виду кромѣ того придать плоскую форму затылку [3]). Греки имѣли обычай привязывать къ колѣнамъ дѣтей своихъ инструментъ, называвшійся superastrum[4]) для предупрежденія кривизны ногъ. Однако большинство Грековъ избѣгало этого, а Лакедемоняне имѣли извѣстныхъ, опытныхъ нянекъ, имѣвшихъ славу за предѣлами своего отечества, которыя выхаживали дѣтей совершенно прямыми безъ всякихъ машинъ. Въ Спартѣ не пеленали дѣтей вовсе, дабы не стѣснять ихъ членовъ

Фиг. 28. Пеленаніе по древне-греческому обычаю.

и не задерживать естественнаго ихъ роста; кромѣ того Спартанцы смотрѣли на укутываніе дѣтей вообще какъ на разслабленіе. [1]) Платонъ [2]) совѣтовалъ пеленать дѣтей въ продолженіе двухъ лѣтъ.

[1]) Hyppocr. Lib. de aere, aquis et locis.

[2]) Guhl u. Koner. Das Leben der Griechen etc. 4 Aufl. 1876. S. 233.

[3]) Lehrbuch der Geschichte der Medicin von H. Häser. 1875. S. 311.

[4]) Neu-eroffnete Schutz-Kammer griechischer Antiquitaten Melissanti. 1717. S. 339, § 4.

[1]) Исторія педагогики Карла Шмидта, перев. Циммермана. 1877 г. Т. 1., стр. 188.

[2]) К. Шмидтъ, l. c., стр. 293.

По описанію Плавта, [1]) пеленальный аппаратъ древнихъ Римлянъ состоялъ въ слѣдующемъ: пеленки и свивальники, смотря по состоянію, были бѣлые или красные. Они употреблялись или для пеленанья тѣла, или для припеленыванія ими, какъ шнурками «incunabulis», къ колыбели. Пеленки, прикасавшіяся прямо къ тѣлу, чаще всего дѣлались изъ шерсти. Этотъ способъ пеленанія продолжался у Римлянъ почти до года, причемъ, по крайней мѣрѣ въ древне-римскихъ акушерскихъ книгахъ, предписывалось производить его не туго. (Фиг. 29).

Фиг. 29. Пеленаніе по древне-римскому обычаю.

Во избѣжаніе вреднаго вліянія на ребенка колебаній тепла и холода, Галенъ совѣтовалъ употреблять пеленки для дѣтей всегда теплыми. Соранъ, родомъ Грекъ, практиковавшій въ Римѣ около 110 г. по Р. Х., совѣтовалъ производить пеленаніе слѣдующимъ образомъ: положить ребенка прямо вытянутаго на мягкую шерсть или пеленки, имѣющія форму платка, переложить отдѣльныя части его и затѣмъ обвить дитя шерстянымъ же, а не льняннымъ, чистымъ и мягкимъ бинтомъ, шириною пальца въ 3—4, не оставляя при этомъ нигдѣ свободнаго пространства. [2])

Древніе Іудеи завертывали дѣтей своихъ въ пеленки [3]).

Древнеиндійскіе врачи, по Susrutas Ayurvedas, совѣтовали, завернувши дитя въ полотно, класть его въ постель, прикрытую также полотняннымъ платкомъ, и требовали при этомъ, чтобы голова была кругомъ укрыта древеснымъ листомъ.

Изъ позднѣйшихъ народовъ пеленаніе удержалось почти повсемѣстно въ Европѣ и затѣмъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи.

Обычай пеленать дѣтей встрѣчными крестами справа и слѣва извѣстенъ былъ во Франціи еще въ 14 столѣтіи [1]). Въ новѣйшее время, въ провинціяхъ Франціи существуютъ различные способы пеленанія, изъ коихъ самые употребительные слѣдующіе два: по первому берется кусокъ матеріи, въ который завертывается ребенокъ съ головы до ногъ и который потомъ зашнуровывается сверху до низу. Этотъ способъ практикуется преимущественно въ департаментахъ Дуба, Юры, Верхней Соны, Соны и Луары. При второмъ способѣ поверхъ бѣлья ребенка накладывается широкій бинтъ, стягивающій попеременно накладываемыми круговыми турами или все тѣло съ конечностями, или только однѣ ноги. Этотъ способъ практикуется преимущественно въ департаментахъ Изеры, Воклюза, Внутренней Сены, Андры и Луары, Puy-de-Dome, устьевъ Роны, верхнихъ Альпъ и Гары. Кромѣ того въ департаментахъ Верхней Луары, Верхнихъ Альпъ, Гары и нѣкоторыхъ другихъ нагорныхъ областей существуетъ способъ привязыванія дѣтей на глухо къ плетенымъ колыбелямъ, въ которыхъ матери оставляютъ дѣтей своихъ по нѣсколько мѣсяцевъ, не вынимая изъ нихъ даже для кормленія грудью [2]). Въ городахъ Франціи, наиболѣе употребительны портфель и конвертъ. Первый есть ни что иное, какъ двѣ наволочки, болѣе длинныя чѣмъ широкія, сшитыя вмѣстѣ по одному краю, такъ что отверстіями своими они глядятъ другъ на дружку. Устраивается портфель изъ пике, тика и другой матеріи. По одну сторону его, т. е. въ одну наволочку, помѣщаютъ подушку для поддержанія головки, а въ другую кладутъ ребенка такъ, чтобы нижняя часть его вся помѣщалась тамъ, а спинка и головка покоились на подушкѣ. Обѣ наволочки связываются завязками, чтобы уменьшить просвѣтъ ихъ и предохранить ребенка отъ выползанія. Конвертъ состоитъ изъ тюфячка, внизу котораго пришита полотняная, четырехъугольная покрышка. Тюфячекъ стеганый на ватѣ, съ боковъ къ нему пришиты тесемки, нижнее же полотнище—безъ ваты. Ребенка голенькаго, или въ распашенкѣ и съ косыночкой между ногъ, кладутъ на средину тюфячка, затѣмъ заворачиваютъ на него нижнее полотнище, такъ чтобы личико оставалось открытымъ, и въ концѣ концевъ загибаютъ оба бока тюфячка и завязываютъ тесемочками, чтобы дитя было какъ въ гнѣздышкѣ, или трубочкѣ. Эти портфели и конверты въ послѣднее время, между прочимъ, получили большое распространеніе въ Европѣ, а потому и самый способъ пеленанія въ нихъ сталъ называться даже Европейскимъ. (Фиг. 30). Но Англичане, вообще неодобряющіе никакаго пеленанія, забавляются надъ этими конвертами, увѣряя, въ насмѣшку, что Фран-

[1]) Plautus, Trucul. v. 13 u. Amphitr. V. 1. 52.
[2]) Kröner, l. c. S. 349—350; Häser, l. c. S. 311.
[3]) Іезекіиль. 16. 4.

[1]) Вейсъ: Внѣшній видъ древнихъ народовъ. Т. III. ч. 1. стр. 56.
[2]) A. Layet, l. c., p. 395—397

цузы нарочно сажаютъ своихъ дѣтей въ узкіе мѣшки, чтобы ихъ удобнѣе было повѣсить на гвоздь на стѣнѣ и такимъ образомъ избавить себя отъ лишнихъ хлопотъ, которыя бы дѣти доставили имъ, еслибы ихъ члены оставались свободными (Фиг. 31).

Фиг. 30. Пеленаніе въ Европѣ.

Фиг. 31. Пеленаніе въ Италіи (Der Bazar. 1862. № 12).

Въ Германіи, — по свидѣтельству Rösslin'a, акушера 16 го столѣтія, пеленали новорожденнаго туго; на голову накладывали чепецъ, а тѣло такъ плотно увивали пеленками и бинтами, что терялась всякая возможность движенія для рукъ и ногъ. Что касается теперешней Германіи,—говоритъ Плоссъ, то едва-ли есть еще страна, въ которой бы запеленывали дѣтей такъ несообразно: бинтъ для пупка, пеленки, свивальникъ, одѣяло, рубашка, шейный платокъ, кофточка, фуфайка, шапка и постель охватываютъ ребенка чрезвычайно тѣсно и сильно парятъ его. Постель, большею частью, имѣетъ форму узкой подушки, въ которую дитя такъ зашнуровывается, что едва можетъ шевелиться. Крѣпкимъ пеленаніемъ большею частью стараются предохранить дитя отъ кривизны при ростѣ; по свидѣтельству Гольдшмидта, въ сѣверовосточной Германіи, слѣдствіемъ тугаго пеленанія и излишне теплаго содержанія дѣтей нерѣдко бываютъ страданія кожи.

Въ Венгріи вяжутъ дѣтей безъ милосердія, отъ чего, по мнѣнію Johann v. Csaplovics, дѣти бываютъ очень капризны.

Въ современномъ Римѣ завертываютъ всего ребенка съ головой, кромѣ лица, въ простыню, поверхъ которой туго пеленаютъ его 6-ью, 7-ью турами широкаго полотнянаго бинта.

Пеленаніе въ Европѣ вообще такъ многимъ пришлось по вкусу, что надъ усовершенствованіемъ этого способа хлопотали даже нѣкоторые научно образованные врачи. На Брюссельскомъ конгрессѣ М. Кивочи излагалъ методъ пеленанія, описанный Итальянскимъ докторомъ M. Duce Sante, за который онъ получилъ премію на бельгійской выставкѣ. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ сѣтку изъ шелка или бичевку толщиною въ два миллиметра; каждая петля величиною въ три сантиметра по сторонѣ; длина сѣтки 60 сантиметровъ, ширина 45 сантиметровъ. Къ одному изъ угловъ этой сѣтки прикрѣпляютъ тесемку, кладутъ ее вдоль и такимъ образомъ, чтобы тесемка пришлась на одномъ изъ верхнихъ угловъ. Поверхъ сѣтки кладутъ пеленки, смотря по времени года, въ которыя завертываютъ ребенка, предварительно одѣтаго въ распашенку. Сѣтку эту сначала перекрещиваютъ съ одной стороны на другую и тесемкой зашнуровываютъ одну петлю за другой, смотря потому, какъ онѣ придутся. Когда дойдутъ до ногъ, тогда сѣтку загибаютъ вверхъ, раскидываютъ поперекъ и въ этомъ видѣ заканчиваютъ шнуровку [1]). Поклонники этого способа пеленанія находятъ въ немъ тѣ выгоды, что при немъ происходитъ меньше сжатія членовъ и лучше можно видѣть мокрыя пеленки. Но эти выгоды, очевидно, весьма незначительныя, а между тѣмъ остаются неустраненными самыя главныя неудобства, сопровождающія какое-бы то ни было пеленаніе, а именно лишеніе членовъ движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ развитія ихъ, препятствіе для правильнаго кровообращенія, расположеніе къ массѣ сыпей, перепрѣлостей и т. д.

По свидѣтельству Eram'a, жившаго долгое время въ Константинополѣ, почти на всемъ Востокѣ господствуетъ обычай подвергать ребенка до 4-хъ—5-ти мѣсячнаго возраста сильному сдавливанію посред-

[1]) A. Layet, l. c., p. 397—399.

ствомъ повязки, называемой Fasskia, накладываемой отъ ногъ до шеи, причемъ руки прижимаются къ сторонамъ груди. Повязка эта въ общемъ имѣетъ сходство съ существующими въ настоящее время въ Европѣ способами пеленанія, но съ тою разницею, что въ Европѣ пеленаніе начинается съ плечъ и спускается внизъ, а пеленаніе въ Турціи производится съ ногъ къ верху.

Подобный турецкому способъ пеленанія распространенъ въ Персіи. *Китайцы* завертываютъ и пеленаютъ дѣтей своихъ такимъ же образомъ, какъ и Европейцы. Въ *Японіи*, по свидѣтельству однихъ, пеленаніе не употребляется, по свидѣтельству другихъ и въ томъ числѣ Японскаго врача Mimazanza, дитя тамъ пеленается, только не такъ крѣпко, какъ у насъ. [1])

Ниже мы увидимъ, что обычай пеленанія дѣтей весьма распространенъ между Индійцами восточнаго берега Южной Америки, гдѣ онъ связанъ еще съ другимъ обычаемъ—деформаціей черепа у дѣтей. По свидѣтельству Саттина, [2]) обычай пеленанія распространенъ также между Индійцами Сѣверной Америки, гдѣ ребенокъ, положенный прямо на доскѣ, привязывается къ ней круговыми турами, накладываемыми черезъ него и доску, какъ показываетъ фигура 32.

Фиг. 32. Пеленаніе у Индійцевъ Сѣв. Америки.

Пеленаніе въ *Россіи* производится такимъ образомъ: вслѣдъ за первымъ омовеніемъ повитуха беретъ подушку, растилаетъ на ней свивальникъ, сверхъ него пеленку, кладетъ на нихъ ребенка лицомъ вверхъ и начинаетъ пеленаніе. Если подушка не попалась подъ руку, то повитуха садится на полъ, или на лавку, растилаетъ на своихъ ногахъ свивальникъ и пеленку, и такимъ образомъ производитъ пеленаніе. Для свивальниковъ употребляются бинты различнаго рода: мягкіе и жесткіе, узкіе въ $^1/_2$—1 пальцъ ширины и широкіе пальца въ три поперечныхъ; короткіе около $1^1/_2$ аршина и длинные до 3-хъ аршинъ и болѣе. Они дѣлаются или изъ разрѣзнаго ситца, или сшитые изъ лоскутковъ его, иногда стеганные на ватѣ, шерсти, хлопкахъ и т. п.; иногда они дѣлаются изъ разрѣзнаго холста, или шьются изъ него въ родѣ широкой ленты, напр. въ Пинегѣ Арханг. губ., въ Никополѣ Екатериносл. губ., во всей Черниговской губ. и пр., иногда дѣлаются вязанные, а также изъ деревенскаго сукна, напр. въ Холмогорахъ Арханг. губ.; иногда свивальниками служатъ покромки сукна, веревки, пояса, кушаки и т. д. Количество пеленокъ употребляется различное, смотря по возрасту дитяти и состоянію родителей. Для новорожденнаго достаточныхъ родителей, чаще всего берется 3 пеленки изъ мягкаго ношенаго бѣлья: одна для головки—такъ называемый изголовникъ, другая для таза — подгузникъ и третья — собственно пеленка или простынка, для обертыванія всего туловища съ конечностями. Величина простынки, назначаемой для туловища съ конечностями, приблизительно квадратный аршинъ; величина изголовника и подгузка —каждая въ отдѣльности — половина квадратнаго аршина. Изголовникъ, сложенный пополамъ трехъугольникомъ, туго накладывается на голову, по образцу повязыванія платка по русски, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь концы изголовника перекрещиваются на груди, подводятся подъ мышки для предохраненія послѣднихъ отъ прѣлостей и сводятся на спинкѣ. Изголовникъ обыкновенно употребляется до того времени, пока ребенокъ начинаетъ хорошо держать головку, т. е. приблизительно до 6-ти недѣль. Послѣ того изголовникъ замѣняютъ чепцомъ, или особой шапочкой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда изголовникъ не употребляется, ребенокъ кладется, прямо во весь ростъ, на простынку, которая туго обертывается вокругъ головы, какъ изголовникомъ, и затѣмъ производится пеленаніе обычнымъ порядкомъ. Въ виду экономіи пеленокъ и именно для того, чтобъ не мѣнять часто, особенно большую пеленку или простынку, подъ тазъ ребенка, для собиранія его экскрементовъ, подкладываютъ такъ называемый подгузникъ, который обыкновенно складываютъ трехъугольникомъ, обводятъ боковые концы его вокругъ вертлуговъ и укладываютъ ихъ въ паховыя складки, а третій конецъ завертываютъ изъ подъ ягодицъ, чрезъ промежность, къ пупку. Матеріаломъ для простынки, кромѣ поношеннаго бѣлья, иногда служитъ что попало: кусокъ материнскаго сарафана, отцевская рубаха, жесткая рѣдина, портянныя тряпицы и т. п. Когда положены, описаннымъ образомъ, изголовникъ и подгузокъ, или дѣло обходится одной простынкой, увиваніе ребенка начинается съ того, что пеленающая, расположивши правую руку малютки въ прямомъ направленіи по правому боку туловища, заводитъ правый край простынки подъ лѣвую руку ребенка и затѣмъ подъ спинку, потомъ, уложивши въ прямомъ направленіи къ туловищу лѣвую ручку, лѣвый край простынки заводитъ съ правой стороны подъ спинку и сверхъ этой простынки дѣ-

[1]) Ploss: B. II. S. 22.—28.

[2]) Книжка George Sattin'a на Англійскомъ языкѣ носитъ названіе „Shut gouv menth", въ нѣмецкомъ переводѣ „Geschlossener Mund erhält Gesund."

лаетъ нѣсколько оборотовъ свивальника, обыкновенно накладываемаго на уровнѣ половины лопатокъ, и такимъ образомъ доходитъ до таза. Тутъ выпрямивши ножки ребенка, переложивши ихъ простынкой и сложивши плотно, она заканчиваетъ пеленаніе на уровнѣ голеностопнаго сочлененія. Есть однако нѣкоторая разница въ употребленіи узкихъ и широкихъ свивальниковъ [1]). Широкіе большею частью бываютъ въ то же время и длинные, употребляются преимущественно людьми достаточными и накладываются какъ одноглавые бинты послѣдовательными, циркулярными ходами, ложащимися одинъ возлѣ другаго сверху внизъ и оканчивающимися пришитыми къ концу тесемками, которыми этотъ бинтъ и укрѣпляется. Узкіе свивальники бываютъ въ то же время почти всегда и короткими; они составляютъ большею частью удѣлъ бѣдняковъ и накладываются какъ двуглавый бинтъ встрѣчными крестами, оставляя въ промежуткахъ довольно широкія клѣтки, 3—4 по всей длинѣ ребенка, причемъ за недостаткомъ надлежащей длины свивальника обыкновенно пеленаютъ имъ туго, такъ что, по народному выраженію, едва «перстъ» (палецъ) подходитъ подъ него. Иногда при этомъ поневолѣ приходится оставлять ручки ребенка сложенными крестообразно на груди, всего-же ребенка въ согнутомъ положеніи и съ поднятыми вверхъ ногами. Въ семьяхъ аккуратныхъ пеленаніе обыкновенно предпринимается каждый разъ, какъ только является потребность въ перемѣнѣ пеленокъ при загрязненіи ихъ дитятей; но къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ мѣняютъ ихъ рѣдко и такимъ образомъ поневолѣ заставляютъ ребенка лежать долго въ мокрыхъ пеленкахъ, отъ чего въ свою очередь развиваются опрѣлости и сыпи и, что еще хуже — ребенокъ пріучается лежать спо-

Фиг. 33. Пеленаніе по русски.

койно въ мокротѣ и не просится за нуждою, отъ чего впослѣдствіи развивается привычка мочиться во время сна. Срокъ пеленанія обыкновенно продолжается отъ $^1/_2$ до 1 года, а иногда даже гораздо дольше. Въ послѣднемъ случаѣ пеленаніе прекращается лишь тогда, когда ребенокъ, по народному выраженію, не только не свихнется, но уже самъ стряхнетъ съ себя пеленки.

Есть однако мѣстности среди русскаго населенія, гдѣ пеленаніе производится либо очень короткій срокъ, либо-же и совсѣмъ не производится. Городовой врачъ Меленковскаго уѣзда Владимірской губерніи, г. Якубовскій свидѣтельствуетъ, что пеленаніе принято въ этомъ уѣздѣ повсемѣстно; но тѣмъ не менѣе большинство завертываетъ новорожденнаго въ пеленки, концы которыхъ такъ или иначе обмотанные удерживаютъ члены въ выпрямленномъ положеніи. Уѣздный врачъ того-же уѣзда г. Карташовъ свидѣтельствуетъ, что тамъ пеленаютъ до $^1/_2$ года, а въ иныхъ деревняхъ не пеленаютъ. Въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, по свидѣтельству врача Стефани, — пеленаніе собственно не существуетъ, а младенца просто завертываютъ въ холщевыя тряпки, не связывая ничѣмъ. Священникъ Нижегородскаго уѣзда Кордатовъ говоритъ также, что, какъ рѣдкость, есть у нихъ такіе, которые вовсе не пеленаютъ.

Въ русскомъ народѣ пеленаніе считается необходимымъ, во первыхъ потому, что оно спасаетъ дѣтей отъ многихъ уродствъ, напримѣръ если ребенокъ родился съ неправильной головой, то послѣ правленія повитухой эту голову будто можно исправить еще тугимъ пеленаніемъ; если кривы ножки, то ихъ можно будто справить также тугимъ пеленаніемъ; во вторыхъ спеленатаго ребенка, по мнѣнію крестьянъ, удобнѣе и безопаснѣе носить, тогда какъ распеленатаго легко свихнуть; въ третьихъ

[1]) Въ Пермской губерніи они называются „повивальникъ“, „пеленальникъ“, въ Черниговской „повивачъ“, въ Олонецкой „обвивальникъ“.

говорятъ, что спеленатый ребенокъ не вздрагиваетъ, не пугается во снѣ, не будитъ себя безсознательнымъ царапаніемъ щекъ и вообще не причиняетъ себѣ боли острыми ногтями, когда руки спеленаты; наконецъ спеленатый ребенокъ совсѣмъ не можетъ шевельнуться, слѣдовательно не можетъ ни перевернуться навзничь и такимъ образомъ задушить себя, ни упасть на полъ въ томъ случаѣ, если онъ положенъ гдѣ либо къ краю и т. п. Если пеленаніе производится не туго, особенно широкимъ бинтомъ, то, по отзыву давшихъ свѣдѣнія, оно не безпокоитъ дѣтей. Но если пеленаютъ туго, обороты бинтовъ распредѣлены неправильно, какъ это чаще всего бываетъ при узкихъ и короткихъ свивальникахъ и особенно когда пеленаютъ неопытныя няньки — дѣти лѣтъ 8-ми, 10-ти, тогда тѣлу ребенка сплошь и рядомъ дается неправильное положеніе, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, съ согнутой спиной, вздернутыми къ верху ногами, или при лежаніи на боку на неровномѣрно подославной постелькѣ — съ направленіемъ позвоночника въ ту или другую сторону. Все это, повторяясь часто въ томъ же направленіи долгій срокъ и у слабенькихъ дѣтей, дѣлаетъ наконецъ искривленія ихъ привычными, постоянными и наконецъ даже трудно исправимыми. На самомъ тѣлѣ отъ тугого пеленанія образуются обыкновенно глубокія полосы, переходящія нерѣдко въ ссадины и даже изъязвленія. Дѣти при этомъ бываютъ непомѣрно крикливы, безсонны, болѣзненны.

«Я видѣлъ дѣтей, — говоритъ протоіерей Гиляровскій, [1]) которыя пеленались до двухъ лѣтъ и умирали чахоткой. — Я часто прекращалъ изступленіе дѣтей только тѣмъ, что распеленывалъ ихъ. Вотъ четырехлѣтняя нянька скомкала и связала младенца, какъ могла и знала! Но посмотрите: головка у него припелената криво, одно плечо выдвинуто выше другого, одна рука связана подъ спинку, другая на грудь. Повторяемыя такъ часто пеленанья производятъ изгибанія и неправильность въ строеніи костей. Но у ребенка развейся только одна кость неправильно и цѣлый членъ не будетъ имѣть правильности и крѣпости!—Внѣшнимъ образомъ это проявляется въ видѣ кривой шеи, кривобокости, косолапости и т. п. Какъ бы желательно было привести въ извѣстность статистику въ методахъ развитія человѣческаго состава!»

Достаточно только приведенныхъ указаній и наблюденій очевидцевъ, чтобы понять значительный вредъ неосмысленнаго и тѣмъ болѣе тугого пеленанія; но если, въ подкрѣпленіе своего положенія, мы сошлемся здѣсь еще на нѣкоторыя физіологическія объясненія неблагопріятнаго вліянія этой процедуры на организмъ, то вредъ пеленанія обозначится еще яснѣе. Такъ, туго положенный свивальникъ прежде всего мѣшаетъ правильному размѣщенію крови въ организмѣ и тѣмъ самымъ не только мѣшаетъ правильному развитію его, но даже содѣйствуетъ развитію множества болѣзней, соединенныхъ съ неправильнымъ распредѣленіемъ крови, напримѣръ, прилива крови къ головѣ, дѣтскихъ припадковъ и т. д. Тугое пеленаніе затрудняетъ расширеніе грудной клѣтки, чрезъ что, прямо мѣшая ея развитію и нарушая процессъ дыханія, въ то же время влечетъ за собою рядъ болѣзней, зависящихъ отъ застоя крови въ легкихъ и кромѣ того опять-таки вредно вліяетъ на развитіе всего организма. Тугое пеленаніе, сдавливая стѣнки живота, содѣйствуетъ застою крови въ печени, кишкахъ и другихъ органахъ живота, чрезъ что нарушается правильность пищеваренія, а слѣдовательно и дальнѣйшаго питанія организма. Тугое пеленаніе задерживаетъ развитіе таза, что особенно важно для дѣвочекъ; задерживаетъ развитіе системъ костной и мускульной, слѣдовательно ведетъ прямо къ ослабленію организма. Такимъ образомъ тугое пеленаніе безусловно вредно и должно быть всюду оставлено, если только матери сколько нибудь думаютъ объ участи своихъ дѣтей. Осуждая тугое пеленаніе, мы, однако, не можемъ похвалить и слабое уже потому только, что оно во всякомъ случаѣ ограничиваетъ движенія членовъ дитяти, которые для лучшаго развитія своего нуждаются въ упражненіи. Ограниченіе этихъ движеній очевидно влечетъ за собой, по меньшей мѣрѣ, ослабленное развитіе членовъ, которые при сколько нибудь неблагопріятно дѣйствующихъ на нихъ условіяхъ легко получаютъ искривленія и другія уродства.

Русскіе иногородцы: *Зыряне*, *Пермяки*, *Вотяки*, *Мещеряки*, *Финны*, *Литовцы*, *Поляки*, *Евреи* и нѣкоторые другіе пеленаютъ дѣтей своихъ по русски. У *Чувашей* дитя и особенно новорожденное завертывается въ тряпки, подсыпанныя мелко истолченными древесными гнилушками, потомъ завертывается въ лубки, дабы руки и ноги были прямы, и завязывается такъ, чтобы оставалось открытымъ только одно лицо.—Пеленанье это продолжается до 4—5 мѣсяцевъ. [1])

Эсты, по свидѣтельству Крейцвальда, новорожденнаго тоже пеленаютъ. Этого требуетъ обычай и предразсудокъ. Полагаютъ, что безъ этой процедуры не можетъ вырости правильно сложенный ребенокъ. Маленькое существо, одѣтое въ рубашку, завертываютъ сперва въ холстинную пеленку, потомъ въ шерстяную и обѣ придерживаются посредствомъ свивальника, которымъ обвиваютъ его кругомъ отъ плечъ до ногъ.

[1]) Изслѣдованія о рождаемости и смертности дѣтей въ Новогородской губерніи. Протоіерея Гиляровскаго. Въ запискахъ И. Р. Г. О. Т. 1. 1866 г. Предисловіе XLIII—XLV.

[1]) Народы Россіи. Живописный альбомъ. 1877 г. стр. 321.

На Кавказѣ существуетъ нѣсколько способовъ пеленанія:

Одинъ — совершенно русскій, употребляемый русскимъ населеніемъ, казаками и нѣкоторыми инородческими племенами, входящими съ первыми въ близкія отношенія, а иногда даже и не имѣющими таковыхъ, напримѣръ у горскаго племени Абазинцевъ Баталкашинскаго уѣзда, Кубанской области, по свидѣтельству учителя Ѳ. Арканникова,—въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству врача В. Г., у Кабардинцевъ, по свидѣтельству С Шмыткина.

Другой способъ, сходный съ предыдущимъ, описывается такъ: ребенка пеленаютъ, заворачивая его въ пеленки и одѣяло, а если таковаго нѣтъ, то въ войлокъ и перетягивая его повивальникомъ, сдѣланнымъ изъ бязи, шириною вершка въ три. Къ ножкамъ ребенка зимою прикладываютъ заячью или баранью кожу и шерсть, а въ теплую погоду сложенныя въ нѣсколько слоевъ тряпки. Этотъ способъ пеленанія употребляется въ западномъ Дагестанѣ, [1]) у мусульманъ Карабага-Шушинскаго и другихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи, [2]) у Армянъ, Грузинъ и Татаръ въ Кизлярѣ, по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха.

Третій способъ состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ перваго купанья младенецъ обертывается въ чистыя, старыя тряпочки, число которыхъ бываетъ отъ 5 штукъ и болѣе. Обертываніе начинается съ нижнихъ конечностей и постепенно переходитъ на туловище. Ножки при этомъ бываютъ вытянуты, а руки чуть согнуты къ животу, на которомъ и покоятся ручныя кисти. Голова покрывается платкомъ, два конца котораго сзади, чрезъ подмышки, завертываются на грудь. Этимъ устраняется соприкосновеніе кожи между собою въ подмышечной области. Подъ половыя части младенца и подъ ягодицы его подсыпается значительный слой мелко просѣянной, сухой, подогрѣтой земли, сверху покрытой тряпочкою. Земля возобновляется при каждомъ купаньи, или распеленаніи младенца, пропитанная выпущенною младенцемъ мочею и жидкими испражненіями. Этотъ способъ употребляется у Армянъ Шеруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи, по свидѣтельству г. Оганисьянцъ, [3]) у Айсоровъ Эриванской губерніи, по свидѣтельству Ейвозова [4]) и другихъ.

По третьему способу и между прочимъ у крещеныхъ Армянъ послѣ крещенія ребенокъ пеленается вмѣстѣ съ колыбелью, о чемъ будетъ сказано ниже. Здѣсь однако упомянемъ кромѣ того объ одномъ весьма странномъ обычаѣ Армавирскихъ Армянъ Кубанской области, которые, по свидѣтельству Г. Ш-ль [1]), при первомъ укладываніи ребенка въ люльку кладутъ вмѣстѣ съ нимъ минутъ на 5—10 еще кошку, для того, чтобы ребенокъ былъ такъ же кротокъ, какъ кошка.

Четвертый способъ состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ перваго обмыванія кладутъ новорожденнаго навзничь на скамейку (по туземному «хочечи», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «чачаби») длиной и шириной въ ростъ ребенка, а вышиной въ 4 вершка отъ пола съ полукруглыми вмѣсто ножекъ дощечками, и подославъ вату, шерсть или у бѣдныхъ солому и прикрывъ одѣяльцемъ, припеленываютъ ребенка къ верхней доскѣ скамейки съ помощью прикрѣпленныхъ къ ней двухъ бинтовъ, обматывая ими плечи до сгиба рукъ въ локтяхъ и ноги въ колѣнахъ. На скамейкѣ этой держатъ ребенка первые три дня, а если луна на ущербѣ—до новолунія и затѣмъ уже перекладываютъ въ люльку. Цѣль пеленанія въ хочечи или чачаби та, чтобы выпрямить тѣло новорожденнаго. Въ этомъ положеніи подносятъ его и къ матери для кормленія. Способъ этотъ употребляется, напримѣръ, въ Лехчумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи [2]), въ Рачинскомъ уѣздѣ той же губерніи, по свидѣтельству врача Елагина, въ Шарапанскомъ уѣздѣ той же губерніи, по свидѣтельству врача Б., въ Душецкомъ уѣздѣ Тифлисской губ., по свидѣтельству врача Н. Ч., у Осетинъ Кударскаго ущелья, по свидѣтельству Г. Шапидзе, въ вольной Сванетіи, по свидѣтельству К.

У Молоканъ Эчміадзинскаго уѣзда Эриванской губерніи, по свидѣтельству Г-жи О. [3]) никакихъ свивальниковъ не существуетъ и пеленаніе у нихъ не въ употребленіи; они прямо завертываютъ ребенка въ тряпки и кладутъ въ колыбель.

У *Татаръ*, *Черемисъ* и *Вотяковъ* Вятской губерніи,—по свидѣтельству большинства полученныхъ оттуда свѣдѣній,—пеленаній также не существуетъ, а завернутаго въ простыни ребенка, они прямо кладутъ въ лубяную колыбель; но по заявленію Вычужина и Кашина у Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда пеленаніе производится по русски.

Большинство инородцевъ Сибири и средней Азіи припеленываютъ своихъ дѣтей къ колыбели, о чемъ

---

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 49.

[2]) Кавказъ. 1879 г. № 42.

[3]) Кавказъ. 1879 г. № 54.

[4]) Въ періодъ пеленанія, по свидѣтельству Ейвозова, кромѣ того соблюдается слѣдующій суевѣрный обычай: еслибы къ роженицѣ вздумалъ зайти кто либо, имѣющій собственное дитя, которому еще не исполнилось 40 дней, то въ ожиданіи этого лица новорожденнаго выносятъ на дворъ, несмотря ни на какую погоду, и вносятъ его опять въ домъ уже тогда, когда ожидаемое лицо взошло къ роженицѣ, иначе тайная сила, называемая „сороковая“, задушитъ ребенка, который между тѣмъ сплошь и рядомъ платится за упомянутый предразсудокъ здоровьемъ и даже жизнью.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 62.

[2]) Кавказъ. 1879 г. № 59.

[3]) Кавказъ. 1878 г. № 294.

подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся особенностяхъ пеленанія у тѣхъ или другихъ народовъ.

У *Кочевыхъ инородцевъ Томской губерніи*,—по свидѣтельству князя Кострова,—прибинтовываютъ ребенка прямо къ люлькѣ; внѣ же люльки собственно не пеленаютъ, а кое какъ лишь связываютъ члены чѣмъ попало.

Татары Каркаралинскаго городскаго поселенія Семипалатинской Области,—по свидѣтельству Г. Филиппова,—до четвертаго дня не пеленаютъ, а съ этого дня начинаютъ пеленать по русски и производятъ это до 6-ти и болѣе мѣсяцевъ.

Во время своего путешествія по Зайсанскому приставству Семипалатинской Области, въ кочевьяхъ *Киргизовъ*,—говоритъ врачъ Рашевскій,—разъ я видѣлъ ребенка въ колыбели, ручки и ножки котораго были привязаны посредствомъ петель, надѣтыхъ на нижнія части предплечій и голеней и сдѣланныхъ изъ широкой, мягкой тесьмы такъ, чтобы онѣ не сдавливали охватываемыхъ ими членовъ. Нѣкоторыя матери (киргизки),—говоритъ Левшинъ [1]),—сыновей своихъ пеленаютъ и кладутъ имъ между колѣнами и ступнями подушки для того, чтобы ноги ихъ сдѣлались нѣсколько выгнутыми и отъ того болѣе способными къ верховой ѣздѣ.

Бурятъ Балагинскаго Округа Иркутской губерніи—по свидѣтельству врача Поликовскаго,—завертываютъ ребенка въ овчинную шкуру, которую перетягиваютъ, укрѣпляя положеніе ребенка, двумя ремнями, прикрѣпленными къ бокамъ люльки вверху, въ поперечномъ направленіи. Ребенокъ не сжимается сильно этими ремнями, но лежитъ довольно свободно.

По свидѣтельству Ив. Мевеса [1]),—при пеленаніи, они вкладываютъ дѣтямъ между ногъ скомканную кожу или тряпку, отъ чего ноги будущаго героя степей принимаютъ дугообразную форму, свойственную всѣмъ народамъ Монгольскаго поколѣнія.

Кочевые инородцы Ачинскаго Округа Енисейской губерніи,—по свидѣтельству Петрова, по омовеніи обертываютъ новорожденнаго тряпицею и перевязываютъ просто веревочкою, чтобы онъ не шевелился, и такимъ образомъ кладутъ въ корытце (въ родѣ зыбки). Первые три или четыре дня, пока не отпадетъ пуповина, младенца пеленаютъ, скорчивши ноги къ животу, чтобы пупокъ не задѣвало одеждою; а когда пупокъ отпадетъ, то пеленаютъ въ растяжку, чтобы руки и ноги выпрямились, причемъ каждый разъ, какъ покормятъ ребенка, переворачиваютъ его на другой бокъ или на спину, чтобы не случилось кривизны шеи или кривобокости.

Якуты, живущіе въ Якутской губерніи,—по свидѣтельству Айгустова,—послѣ омовенія младенца завертываютъ его въ заячью шкуру, потомъ въ конскую кожу, обвязываютъ веревкою изъ конскаго волоса и кладутъ въ постель.

Тунгусы и *Ламуты* Якутской губерніи,—по свидѣтельству Айгустова,—омывши новорожденнаго, тотчасъ же завертываютъ его въ какую либо звѣриную шкуру, преимущественно оленью или изъ горнаго барана, и послѣ того стягиваютъ младенца ремнями изъ оленьей же кожи. Затѣмъ на третій день послѣ рожденія завертываютъ младенца въ звѣриную шкуру, преимущественно въ заячью; послѣ того берутъ березовую кору, на которую насыпаютъ древесную гнилушку, и въ кору эту кладутъ младенца до 9 и 10 мѣсяцевъ.

---

[1]) А. Левшинъ: Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей. 1832 г. ч. III, стр. 97.

[1]) Ив. Мевесъ: Три года въ Сибири; напечат. въ Отечественныхъ Запискахъ 1863 г. №№ 5, 6-й и 7-й.

ГЛАВА XII.

РОВНЯНІЕ И ПРАВЛЕНІЕ ТѢЛА ДИТЯТИ.

Древность обычая.—Примѣневія его у современныхъ народовъ.— Практика его въ предѣлахъ Россіи среди кореннаго населенія и у русскихъ инородцевъ, особенно племенъ Кавказскихъ.—Вліяніе этого обычая на здоровье и формы тѣла дѣтей.

Еще древне-индійскіе врачи учили, что если дитя родится на свѣтъ съ какими либо неправильностями, то ихъ слѣдуетъ исправить. [1]) Этого-же мнѣнія держались впослѣдствіи, равно какъ держатся и теперь, еще многіе другіе народы. Древне-римскій врачъ Соранъ давалъ своимъ современникамъ почти въ такомъ же направленіи весьма подробные совѣты. Заботиться о приведеніи въ порядокъ тѣла новорожденнаго онъ совѣтовалъ съ первой же ванны и съ этою цѣлью, какъ мы уже частью видѣли выше, онъ училъ во время мытья слегка подавливать на нижнюю часть живота и такимъ образомъ содѣйствовать выдѣленію мочи. Затѣмъ носъ и уши совѣтовалъ освобождать посредствомъ высасыванія отъ залившейся въ нихъ воды. Послѣ ванны онъ совѣтовалъ брать дитя за пяточки внизъ головой и такимъ образомъ содѣйствовать вытяженію и подвижности туловища. Потомъ нянюшка должна опять взять ребенка къ себѣ на колѣни, осушить его полотняпымъ платкомъ, жирно смазать масломъ, а нѣкоторыя части тѣла растереть и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти исправить случайные недостатки формы. Съ этой цѣлью нянюшка мякотью правой руки натираетъ ребенка въ направленіи отъ лѣвой ягодицы къ правой ляшкѣ, потомъ сгибаетъ нижнія конечности такимъ образомъ, чтобы конецъ правой ноги соприкасался съ концемъ лѣвой руки. Чрезъ это сухожилія и связки членовъ размягчаются, посредствомъ различныхъ растираній и движеній, дѣлаются подвижнѣе и если-бы при такихъ манипуляціяхъ въ членахъ маленькаго существа случилось что либо болѣзненное, то оно снова должно выдѣлиться. Послѣ того нянюшка переходитъ къ растиранію всего тѣла ребенка, для чего она беретъ его одной рукой за обѣ ножки, а другой растираетъ его сверху книзу, особенно колѣнки. За тѣмъ она растираетъ рукой, согнутой въ кулакъ, спинные позвонки, чтобы предохранить ихъ отъ искривленій, ладонью руки растираетъ голову и слегка правитъ ее, употребляя для этого небольшія давленія на противуположныя точки, а именно: на лобъ и затылокъ, виски, макушку и подбородокъ. За тѣмъ голова подвергается пассивнымъ движеніямъ съ цѣлью упражненія сухожилій ея. Послѣ того дитя поворачивается для вытиранія переднихъ частей. При этомъ отъ времени до времени пускаютъ ему въ глаза капли, чтобъ сохранить ихъ отъ воспаленій, опухолей и т. д. Натираніе передней стороны тѣла начинается съ плечъ и рукъ. Послѣднія скрещиваются и вытягиваются. Потомъ растираютъ грудь, животъ, вытянутыя ноги, двигаютъ взадъ и впередъ надколѣнную чашечку и нагнетаютъ плоской рукой, чтобы сдѣлать ее болѣе подвижной и гладкой. Равнымъ образомъ приводятъ пятки къ ягодицамъ и плоской рукой растираютъ спину. Послѣ того проводятъ къ позвоночнику большимъ пальцемъ отъ ягодицъ по затылку, надавливая и образуя такимъ образомъ бороздку по спинѣ. Все это дѣлается для того, чтобы одновременно съ прекрасной формой достигнуть хорошей статуры и подвижности позвоночника. Глаза протираютъ большимъ пальцемъ, носъ вытягиваютъ прямо и кверху. Короткую пренуцію слѣдуетъ удлинить посредствомъ движенія ея и такимъ образомъ дать члену правильную форму. Scrotum слѣдуетъ защитить отъ давленія посредствомъ подкладыванія шерсти. Наконецъ дитя слѣдуетъ намазать масломъ и запеленать. Иногда полезно натирать тѣло тирогенскимъ воскомъ, который размягчаетъ кожу, согрѣваетъ, питаетъ, и даетъ ей бѣлизну. [1]) Въ Германіи, по Rösslin'y [2]), еще

[1]) Hessler's Uebersetzung des Susrutas Ayurvedas. T. II. S. 41.

[1]) Haeser, l. c. S. 313—314.

[2]) Ploss. B. I. S. 266.

въ 16-мъ столѣтіи, по своему усмотрѣнію старались исправлять всѣ члены новорожденнаго съ помощью давленія, сгибанія и выправленія; широкія ноздри они слегка сдавливали пальцами, поправляли уши, носъ и т. д. По Плоссу, подобные же обычаи существуютъ въ Германіи и до сихъ поръ. [1]) По свидѣтельству Голдшмидта, правленіе (Aufsticken) существуетъ въ Сѣверозападной Германіи и состоитъ въ томъ, что старуха, славящаяся такимъ искусствомъ, обыкновенно смазываетъ себѣ для этого обѣ руки куринымъ жиромъ (Hühner flohlm) и нѣжно треть животикъ ребенка при его крикѣ съ одной стороны на другую. [2]) Къ категоріи исправленія недостатковъ новорожденнаго можно отнести также еще и до сихъ поръ распространенный преимущественно въ Южной и Сѣверной Германіи обычай выдавливанія изъ грудей новорожденнаго жидкости, похожей на молоко и называемой тамъ «молокомъ вѣдьмъ» (Hexenmilch). Эта жидкость составляетъ естественное отдѣленіе и впослѣдствіи сама собой исчезаетъ. Но германскія бабки усердно выжимаютъ ее пальцами, полагая, что въ противномъ случаѣ придетъ колдунъ (Truth) или домовой для удаленія этой жидкости. Подобный же предразсудокъ относительно необходимости удаленія изъ грудей новорожденнаго млекоподобной жидкости, по Birrell'y, существуетъ въ Англіи, а по Dieruf'y, въ Неаполѣ[3]). Въ Персіи, по Polak'y, при мытьѣ ребенка бабка вводитъ въ его ротъ свой палецъ, посыпанный священной землей, и нажимаетъ послѣднимъ на небо, чтобы придать ему надлежащую выпуклость, а въ случаѣ разъединенія костей неба, даже соединить ихъ (!) Въ персидскомъ народѣ до такой степени распространена вѣра въ эту операцію, что болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ волчьей пасти, приписывается прямо неумѣлымъ манипуляціямъ бабки. [4]) Въ Египтѣ, по Lane, на 7-ой день послѣ рожденія кладутъ ребенка въ рѣшето и трясутъ, потому что находятъ это полезнымъ для желудка.—Маори въ Ново-Зеландіи во время перваго омовенія дитяти стараются выправлять всѣ члены его. Въ Австраліи, по Heker'y, при каждомъ удобномъ случаѣ придавливаютъ носъ, сгибаютъ и разгибаютъ пальцы рукъ, ногъ и другіе члены, причемъ бормочатъ молитву Алюа (богу), чтобы ребенокъ былъ большой, крѣпкій и ловкій [5]).

Ровняніе и правленіе тѣла дитяти въ *предѣлахъ Россіи* имѣетъ весьма широкое распространеніе и обязательно почти для каждаго новорожденнаго. Обычай этотъ такъ сильно держится здѣсь, съ одной стороны благодаря убѣжденію повитухъ, что будто всѣ косточки новорожденнаго поломаны во время прохожденія его черезъ тазъ при рожденіи, съ другой, въ силу убѣжденія родителей, что если ребенокъ родился съ какимъ либо уродствомъ или кривизной и если съ этимъ недостаткомъ онъ остался на всю жизнь, то вина въ этомъ лежитъ на повитухѣ, которая не умѣла исправить ихъ въ свое время и именно въ теченіе первыхъ дней и недѣль жизни, когда мягкія косточки ребенка легко поддаются исправленію.—Пріемы, употребляемые съ означенною цѣлью, слѣдующіе: обыкновенно новорожденнаго несутъ въ баню, или берутъ въ печь, гдѣ повитуха, размывши его теплой водой съ мыломъ, а иногда напаривши по своему усмотрѣнію, вѣникомъ, натираетъ его масломъ и затѣмъ собственными руками расправляетъ и исправляетъ ему голову, туловище, руки, ноги, причемъ изъ устъ ея сыплются разныя пестрыя слова въ родѣ слѣдующихъ: «будьте ручки—махульки, ножки—ходульки!»... «расправленъ, теперь ужъ уродцемъ не будетъ!» и т. п.

По отношенію къ головѣ повитуха зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы у родившагося младенца она не смотрѣла криво, косо, клиномъ, не расползалась въ стороны и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ повитуха старается голову новорожденнаго выправить и дать ей видъ округленности. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ повитухъ смущаютъ длинныя головы, въ родѣ яйца, происходящія большею частью при рожденіи ребенка головой внизъ, то преимущественно эти-то головы и подлежатъ искусству выправленія повитухъ. Операція эта совершается такимъ образомъ, что повитуха, сдавливая голову въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ, а именно или со стороны макушки и подбородка, и съ помощью этого маневра старается округлить ее, или же,—если голова покажется ей черезъ чуръ длинною по продольному діаметру то давитъ ее со стороны лба и затылка. Въ другихъ случаяхъ она дѣйствуетъ совершенно по вдохновенію, или, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстностей, подвязываетъ даже довольно туго голову.—«Чтобы дать правильную форму головѣ,—говоритъ врачъ Соловьевъ изъ Казани,—повитуха повязываетъ голову ребенка туго пеленкой или тряпкой».—«Единственное ровняніе, о которомъ извѣстно здѣсь, говоритъ врачъ Коссакъ изъ Суздальскаго уѣзда Владимірской губерніи,—это накладываніе бинтовъ на голову сельскими повитухами, при неправильной, по ихъ мнѣнію, формѣ головы».—Г-жа Болтина изъ Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи свидѣтельствуетъ: «когда мать долго мучается родами, тогда голова ребенка «настаивается шишкой», и тогда, чтобы сравнять голову, ее перевязываютъ бѣлою тряпкой сверху внизъ, приглаживая по этому же направленію лег-

[1]) Ploss. B I. S. 266.
[2]) Ploss. B. II. S. 169.
[3]) Ploss. B. I. S. 265.
[4]) Polak. l. c. T. I. S. 220.
[5]) Ploss. B. I. S. 265.

ко рукой».—Обычай правленія головки новорожденнаго существуетъ также въ Малороссіи и, какъ свидѣтельствуетъ г. Антоновъ, служащій учителемъ въ Донскомъ округѣ, для того «шобъ була вона круглэнка».

Въ Бѣлоруссіи, именно въ Полоцкомъ уѣздѣ Витебской губерніи, по свидѣтельству И. А. Покровскаго, для достиженія округлости головки, кромѣ обычныхъ пріемовъ, иногда повитуха накладываетъ на голову новорожденнаго повязку, нѣсколько напоминающую, какъ увидимъ впослѣдствіи, повязку, употребляемую въ подобныхъ случаяхъ въ Польшѣ, а именно она связываетъ платкомъ или лобъ съ затылкомъ, или темя съ подбородкомъ и держитъ эту повязку до крещенія, т. е. дня два или три.—Обычай правленія головки новорожденнаго существуетъ также во всѣхъ русскихъ населеніяхъ Кавказа и Сибири, какъ свидѣтельствуютъ о томъ единогласно всѣ присланныя оттуда свѣдѣнія.

Ровняніе и правленіе туловища главнымъ образомъ состоитъ въ поглаживаніи и разминаніи его масляною рукою; иногда же,—по свидѣтельству г. Котлубитскаго изъ Нижегородской губерніи, во встряхиваніи ребенка за ноги. При предполагаемой неправильности позвоночника въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Жоховскаго, повитухи накладываютъ на спину свинцовую бумагу и туго запеленываютъ ее бинтомъ. Въ другихъ мѣстахъ для этой же цѣли вмѣсто бумаги употребляются лубки.

Ровненіе и правленіе конечностей обыкновенно производится такимъ образомъ: кладутъ ребенка на спинку, берутъ и стягиваютъ сперва впередъ и накрестъ пальчики ножекъ къ локтямъ, потомъ поворачиваютъ на животикъ и стягиваютъ также на крестъ пальчики ручекъ къ пальцамъ ногъ; потомъ кладутъ на ладонь срединой тѣла, такъ чтобы голова и конечности висѣли, и встряхиваютъ нѣсколько разъ. Въ Волынской и Полтавской губерніяхъ,—по свидѣтельству К. М., стараются кромѣ того привести локти до пятокъ, а колѣна до подбородка. Если операція эта удалась, то говорятъ, что ребенокъ не свихнутъ,—благопріятное заключеніе о здоровьи дитяти. Операція эта въ Малороссіи называется *мырянье* (змирати дѣтьму). Если повитуха замѣчаетъ какую либо неправильность въ членахъ, а именно: ноги колесомъ, косолапы, гдѣ либо предполагается вывихъ и т. п., въ такомъ случаѣ она принимается не на шутку за насильственное выпрямленіе кажущейся кривизны посредствомъ выгибанія ея, укладыванія въ лубки и тугія повязки; а тотъ членъ, въ которомъ предполагается вывихъ, усердно разминаетъ и дергаетъ.

Къ категоріи правленія членовъ можно отнести еще слѣдующіе случаи:—Въ Россіи весьма распространенъ обычай вытягиванія носика новорожденнаго при каждомъ пеленаніи, при чемъ обыкновенно, хватая двумя пальцами носикъ ребенка и потягивая его нѣсколько разъ, пеленающая приговариваетъ: «не будь курносъ, а спи крѣпче!»—Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Ордина, носъ сдавливаютъ съ боковъ двумя пальцами, чтобы онъ не былъ широкъ. Подобной же операціи, говоритъ онъ,—и съ тою же цѣлью подвергаются большія срамныя губы новорожденной дѣвочки.

Къ той же категоріи правленія слѣдуетъ отнести обычай, распространенный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр. по свидѣтельству г. Иванова, въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, г. Безсонова, въ Ирбитскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, въ силу котораго въ первыя бани послѣ рожденія повитухи стараются своимъ ртомъ высосать у новорожденныхъ изъ ушей, глазъ, ноздрей и грудей, будто попавшую туда, по ихъ разумѣнію, слизь послѣ родовъ,—обычай напоминающіе древне-римскій, Германскій и, какъ увидимъ нижей Бурятскій.

У Казаковъ Таманскаго полуострова,—по свидѣтельству учителя Кононенко,—есть повѣрье, что отъ кормленія соской (безъ которой однако по видимому не выростаетъ тамъ ни одинъ ребенокъ) у дѣтей часто опадаетъ небо, что причиняетъ сильную боль во рту (?) и дитя нѣсколько дней сряду не можетъ принимать пищи. Небо въ этомъ случаѣ мать удавливаетъ вверхъ при купаньи дитяти. Относясь къ этому обычаю критически, мы съ своей стороны должны однако замѣтить, что отъ неумѣреннаго употребленія соски можно ожидать не опаданіе неба, по повѣрью казаковъ, а скорѣе такихъ же послѣдствій, какія описалъ Candler [1]) при сосаніи дѣтьми большаго пальца, губъ, языка и т. п., а именно: на верхней челюсти при этомъ тотчасъ же позади рѣзцовъ очень часто встрѣчается глубокая ямка, вмѣстилище для большаго пальца, а также конечно и другаго предмета, часто вкладываемаго въ ротъ для сосанія; средніе рѣзцы направляются при этомъ впереди и стоятъ вѣерообразно. Вся верхняя челюсть нѣсколько выпячивается въ длину, вслѣдствіи чего кости, образующія дно носовой полости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣтъ носовыхъ проходовъ съуживается и дыханіе такимъ образомъ затрудняется. Вредныя послѣдствія отъ употребленія соски, на которыя указываетъ г. Кононенко,—вѣроятно должны быть отнесены къ развитію во рту плесневки, причемъ дѣйствительно развиваются болевыя ощущенія и полость рта можетъ съуживаться. Что-же касается происхожденія обычая удавливанія неба,

[1]) Candler.—Daumen-Sutschen als eine Ursache unregelmässiger Zahnbildung. (Centr. Zeit. f. Kinderh. 1879. № 9).

описываемаго г. Кононенко, то, очевидно, что онъ напоминаетъ одинъ изъ указанныхъ выше персидскихъ, откуда онъ вѣроятно и заимствованъ.

Ровняніе и правленіе тѣла дѣтей у нѣкоторыхъ *инородцевъ Россіи* производится такимъ образомъ:

Въ *Финляндіи*,—по свидѣтельству Улеаборскаго губернатора, О. Нюберъ, голову новорожденнаго, въ случаѣ надобности, формируютъ руками. О правленіи членовъ тамъ не слышно.

Въ Радомскомъ и Горнокавалерійскомъ уѣздахъ *Варшавской* губерніи,—по свидѣтельству г. Сахарова,—операція ровнянія и правленія членовъ повивальными бабками въ крестьянскомъ быту производится такъ: сначала ровняется голова, которой бабка старается придать правильную форму руками. Если-же у головы новорожденнаго замѣчается значительное отклоненіе отъ шара, то на нее накладывается особая повязка, описаніе которой будетъ изложено въ другомъ мѣстѣ. Ровняніе другихъ членовъ,—по свидѣтельству г. Сахарова,—въ означенныхъ мѣстахъ также имѣетъ широкое примѣненіе; но по другимъ свѣдѣніямъ всякіе обычаи ровнянія и правленія тѣла дѣтей въ Польшѣ категорически отвергаются.

Обычаи ровнянія и правленія тѣла дѣтей существуютъ также у *Лопарей*, кочующихъ около города Колы, у которыхъ кромѣ того, по личному объясненію Лопарей, бывшихъ на Московской антропологичечкой выставкѣ 1879 г., практикуются еще особыя повязки для черепа новорожденныхъ, о чемъ подробно мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Самоѣды Мезенскаго уѣзда, — по свидѣтельству врача П.,—ровняютъ своихъ новорожденныхъ посредствомъ вытягиванія рукъ и ногъ, а голову оглаживаютъ руками около огня. То-же подтвердили лично Самоѣды той-же мѣстности, бывшіе въ Москвѣ лѣтомъ 1879 г. на антропологической выставкѣ.

Правленіе и ровняніе членовъ,—по свидѣтельству Голодникова, — существуетъ также у *Самоѣдовъ* и *Остяковъ* Тобольской губерніи. *Черемисы* Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, — по свидѣтельству М. М. Поспѣлова, *Мещеряки* Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству Калеватова, *Маріупольскіе Греки*,—по свидѣтельству врача Калери,—поступаютъ относительно ровнянія своихъ новорожденныхъ такъ-же, какъ и русскіе.

Черемисы Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,—по свидѣтельству Манохина, и *Верхоленскіе Буряты* Иркутской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—правятъ новорожденнымъ только головы.

Зыряне-Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи, — по свидѣтельству врача Туръ, — также правятъ только голову, причемъ иногда накладываютъ на нее даже повязку изъ простой трехугольной косынки съ концами, завязанными на лбу новорожденнаго.

У *Вотяковъ* Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея Фармаковскаго,—ровняніе производится въ единственномъ случаѣ, когда ребенокъ рождается съ неправильной головой. Но при этомъ никакихъ орудій не употребляется, а выпрямляютъ головку прямо руками, стараясь придать ей округленную форму. Правленіе членовъ дѣтей не замѣчено.

У *Киргизовъ* вообще правленіе и ровняніе членовъ дѣтей, — по свидѣтельству многихъ свѣдѣній, не производится, а у Киргизовъ Семипалатинскаго уѣзда, — по свидѣтельству врача Т., — въ теченіе первыхъ 5-ти или 6-ти дней мажутъ ребенка масломъ и вытягиваютъ, правятъ конечности и туловище; но головы не трогаютъ; по свидѣтельству же г. Филиппова, въ Каркалинскомъ уѣздѣ Семипалатинской Области у Киргизовъ, можетъ быть заимствовавшихъ многіе обычаи у казаковъ, будто правленіе туловища происходитъ совершенно такъ-же, какъ описываютъ его русскіе бытописатели, т. е. загибая руку одной стороны за спину и соединяя ее съ подошвою ноги другой стороны и наоборотъ.

Подобный-же обычай ровнянія и правленія тѣла дѣтей,—по свидѣтельству того-же г. Филиппова,—существуетъ у *Татаръ Каркаралинскаго* городскаго населенія Семипалатинской области.—*Крымскіе Татары*, — по свидѣтельству N., — также ровняютъ члены, голову, носъ и уши во время купанья.—У *Татаръ Кунгурскаго уѣзда* Пермской губ., по свидѣтельству г. Васильева, для исправленія головки новорожденнаго употребляютъ такъ называемый «Яуланъ», т. е. платокъ, обертываемый вокругъ головки, а для ногъ употребляютъ широкій поясъ.

У *Бурятъ* христіанъ и шамановъ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—если бабка, по появленіи на свѣтъ ребенка, замѣтитъ въ формѣ его головки отступленіе отъ нормы, то непремѣнно ровняетъ ее тотчасъ руками. Кромѣ того здѣсь есть обычай высасывать содержимое носа новорожденныхъ.

У *Якутовъ* Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича, — правленіе совершается неопустительно надъ каждымъ ребенкомъ послѣ всякаго омовенія. Производится оно посредствомъ разминанія и растиранія туловища и конечностей малютки руками, смазанными масломъ, саломъ или свѣжими сливками, и непремѣнно разогрѣвая его тѣло предъ камелькомъ.

Алеуты,—по свидѣтельству Веніаминова, [1])—завязавъ пупокъ и омывъ новорожденнаго, послѣ того правятъ ему брюшко или, какъ они говорятъ, со-

[1]) Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, составленныя Веніаминовымъ. 1840 г. ч. 2. стр. 69.

бираютъ всѣ его внутреннія части къ надлежащему мѣсту.

Процессъ ровнянія и правленія тѣла дѣтей имѣетъ свои особенности на *Кавказѣ*; поэтому мы скажемъ здѣсь объ этомъ процессѣ нѣсколько подробнѣе.

Въ Горійскомъ уѣздѣ *Тифлисской* губерніи, — по свидѣтельству врача Скакова, — у Грузинъ и Армянъ во время купанья и вслѣдъ затѣмъ расправляютъ голову, придавливая лобную кость, вытягиваютъ и сдавливаютъ (вѣроятно съ боковъ?) носъ, чтобы дать продолговатую форму, а верхнюю и нижнюю челюсти у губъ придавливаютъ, чтобы нижняя часть лица (челюсти) была плоская и не выдавалась впередъ.

Въ *Имеретіи*, *Мингреліи* и общей *Сванетіи* Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству графа Размордюка.—ребенку до трехлѣтнаго и болѣе возраста по утрамъ, когда онъ просыпается, и по вечерамъ, передъ тѣмъ какъ должны уложить его въ колыбель, мать нарочно выпрямляетъ пальцы рукъ, ногъ, равно какъ и носъ, придавливая ихъ своими пальцами, иногда такъ сильно, что ребенокъ плачетъ отъ боли.

Въ Шеруро-Далагезскомъ уѣздѣ *Эриванской* губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ,—[1]) процессъ ровнянія, освященный вѣковымъ обычаемъ, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ дѣлѣ первоначальнаго физическаго воспитанія дѣтей у туземныхъ народовъ. Цѣль его, по убѣжденію населенія, состоитъ въ желаніи дать ровняемыхъ частямъ тѣла красивую форму, надлежащую крѣпость и правильность развитія. У *Армянъ* періодъ ровнянія продолжается 15 дней со дня рожденія младенца. Оно производится исключительно во время купанья. Для этого повитуха нѣсколько разъ проводитъ руками, съ значительнымъ давленіемъ, по лопаточкамъ младенца, вырывая изъ нихъ волоски пальцами для того, чтобы протираемые мускулы лопаточекъ оказывали въ будущемъ энергическое сопротивленіе развитію въ нихъ мышечнаго ревматизма. Всѣ сочлененія длинныхъ костей, именно суставы верхнихъ и нижнихъ конечностей, не ускользаютъ отъ зоркаго вниманія повитухи, которая, придавливая руками, слегка вытягиваетъ каждый суставный членъ конечностей. Перейдя къ головной части, повитуха держитъ руками за оба виска и приподнимаетъ голову ребенка кверху,съ цѣлью дать шеѣ длинную и правильную форму [2]). Помѣстивъ четыре пальца рукъ на затылкѣ, она (повитуха) большими пальцами придавливаетъ обѣ ушныя раковины къ вискамъ для приведенія ихъ въ отвѣсное положеніе. Чтобы дать черепному своду округленную форму, лѣвая рука повитухи придерживаетъ нижнюю челюсть ребенка, а правая рука, при значительномъ давленіи, медленно и осторожно проводится отъ затылка впередъ къ большому родничку. Ту же цѣль преслѣдуютъ, когда послѣ купанья младенца обвязывается головка по способу, о которомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Въ Армянскомъ населеніи Казахскаго уѣзда Елизаветпольской губерніи, — по свидѣтельству того же г. Оганисьянцъ, — ровняніе также имѣетъ постоянное мѣсто. Такъ послѣ каждаго купанья, держа одною рукою за ножку, переворачиваютъ младенца отвѣсно на голову и два раза качаютъ его въ стороны въ родѣ маятника. Потомъ, ухвативъ правою рукою за затылокъ, а лѣвою за нижнюю челюсть, приподнимаютъ ребенка всѣмъ его тѣломъ и тоже два раза качаютъ въ стороны. Помѣщая носъ между большимъ и указательнымъ пальцами, повитуха, слегка придавливая, спускаетъ ихъ до крыльевъ носа. Ладонною поверхностью руки натираютъ лобъ и поправляютъ брови. Когда ребенокъ еще лежитъ въ теплой водѣ на спинѣ, то обѣ верхнія конечности вмѣстѣ вытягиваютъ по животу внизъ къ ногамъ. Затѣмъ, повернувъ ребенка на животъ, обѣ руки кладутъ крестообразно на спинѣ и тоже слегка вытягиваютъ. Такимъ образомъ всѣ члены ребенка подвергаются извѣстному давленію и вытягиванію. Въ Татарскомъ населеніи Шерура, по свидѣтельству г. Оганисьянцъ,— обычай ровнянія играетъ не менѣе важную роль. Татарская повитуха, во время перваго купанья, приподымаетъ младенца, взявъ его обѣими руками за виски. Затѣмъ переворачиваетъ его на голову, не производя однако въ обоихъ случаяхъ никакого качанья. Давленіемъ обѣими руками на затылокъ и лобъ округляетъ форму черепа. Носъ поправляетъ тѣмъ-же способомъ, какъ и у армянъ. По истеченіи 40 дней со дня рожденія, гимнастическое упражненіе совершается только надъ верхними конечностями. По распеленаніи ребенка, тотчасъ же перекрещиваютъ руки на его груди, такъ что, когда правая ручная кисть приводится къ лѣвому лопаточно-плечевому сочлененію, то лѣвая ручная кисть входитъ въ правую подмышку и наоборотъ. Затѣмъ держа за оба локтя, приподымаетъ ихъ горизонтально. Пріемы ровнянія у *Куртинъ*,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ,—тѣ же, что и у Татаръ. Одна только голова ребенка не подвергается манипуляціи.

Ровняніе въ *западномъ Дагестанѣ* [1]) состоитъ въ томъ, что при каждомъ омовеніи ребенка, мать старается завязать голову его потуже и кромѣ того

[1]) Кавказъ. 1879. № 55

[2]) Длинная шея вообще считается красивою у Армянъ и Грузинъ; поэтому они заботятся объ удлиненіи ея также съ помощью особаго пеленанія, о чемъ мы скажемъ подробнѣе въ свое время при описаніи грузинской колыбели.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 49.

старается потянуть носъ, чтобы онъ имѣлъ ровный, продолговатый видъ.

У *Армянъ*, *Грузинъ* и *Татаръ* въ Кизлярѣ Терской области,—по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха,—въ продолженіи первыхъ 6-ти недѣль послѣ каждаго омовенія, бабка округляетъ голову ребенка, сдавливаетъ ноги, протягиваетъ руки по продольной оси тѣла и затѣмъ уже пеленаетъ.

У *Черкесовъ*,—по свидѣтельству К. Шевченко,—повивальная бабка руками сдавливаетъ голову ребенка при каждомъ актѣ купанія, давая ей овальную форму.

У *Абазинцевъ*—горскаго племени, живущаго въ Кубанской области, — по свидѣтельству учителя Аркапникова,—если ребенокъ родится съ удлиненною головою, то употребляютъ на нее давящую повязку и не снимаютъ оную до тѣхъ поръ, пока голова не приметъ округленной формы.

Не подвергаются въ Россіи ровнянію новорожденныхъ, по свидѣтельству бытописателей: *Эсты*, *Летты*, *Тунгусы*, *Монголо-Буряты*, живущіе въ Иркутской губерніи.

Любопытно знать: какъ отражаются изложенные выше пріемы ровнянія и правленія на здоровьи и формахъ тѣла дѣтей? Бытописатели свидѣтельствуютъ, что большею частью они проходятъ безслѣдно и безнаказанно, ограничиваясь лишь крикомъ ребенка, указывающимъ, конечно, на боли и страданія, доставляемыя производимыми на нихъ манипуляціями; въ другихъ же случаяхъ, наоборотъ, результатомъ послѣднихъ являются: внезапная смерть, вывихи, переломы, уродства и различныя другія поврежденія.

Объяснить научно вліяніе описанныхъ манипуляцій на тѣло дитяти мы можемъ такимъ образомъ: По изслѣдованіямъ доктора Я. Гейберга, [1]) существенная разница устройства сочлененій новорожденныхъ отъ сочлененій взрослыхъ заключается въ томъ, что у взрослаго человѣка концы сочлененій состоятъ изъ костей, покрытыхъ болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ хряща, тогда какъ у новорожденныхъ не только концы сочлененій состоятъ изъ хрящевой ткани, но и сама костная ткань на большомъ протяженіи замѣняется хрящевою. Напротивъ того тамъ, гдѣ у взрослаго находятся связки, у новорожденнаго встрѣчаются только ткани, соотвѣтствующія имъ по гистологическому строенію. По формѣ концы сочлененій у новорожденныхъ значительно различаются отъ таковыхъ же у взрослыхъ, хотя вообще типъ остается тотъ же, а именно: у новорожденныхъ они шире и какъ въ отношеніи длины всего тѣла, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ костей, больше и массивнѣе. Тамъ, гдѣ у взрослаго сочленовная сумка тонка и слаба, у дитяти она сравнительно крѣпче, но за то такъ называемыя вспомогательныя связки у новорожденнаго или совсѣмъ не бываютъ, или же онѣ очень слабы. Мы указали здѣсь на неблагопріятныя въ нѣкоторомъ родѣ отношенія соединенія сочлененій у новорожденныхъ, которыя, повидимому, должны были бы легко располагать ихъ къ вывихамъ; тѣмъ не менѣе послѣдніе чрезвычайно рѣдко встрѣчаются у нихъ и главнымъ образомъ благодаря въ высокой степени развитымъ мышечнымъ аппаратамъ. Кромѣ того благопріятнаго обстоятельства, что прикрѣпленія мускуловъ у новорожденныхъ заходятъ дальше оси сочлененія, сама субстанція мускуловъ у нихъ гораздо эластичнѣе, чѣмъ у взрослыхъ; вмѣстѣ съ этимъ соотвѣтствующая эластичность противуположныхъ группъ, конечно, способствуетъ болѣе прочному сдерживанію концевъ костей между собою и замѣняетъ такимъ образомъ большею частью сильнѣе развитыя вспомогательныя связки взрослыхъ.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что взамѣнъ недостаточнаго развитія сумочныхъ и другихъ связокъ, у новорожденныхъ существуетъ большое развитіе отдѣльныхъ мускуловъ, и именно, что всѣ мускулы съ сухожиліями имѣютъ у нихъ относительно длиннѣйшія брюшка и болѣе короткія сухожилія, чѣмъ у взрослыхъ, отчего, конечно, сила мускула увеличивается.

Препятствія для какого либо неестественнаго положенія въ сочлененіяхъ взрослыхъ представляютъ: кости (хрящи), связки и мускулы, а у ребенка только одни мускулы.

Приводя описанія отдѣльныхъ сочлененій, Гейбергъ говоритъ: колѣнное сочлененіе у новорожденныхъ постоянно бываетъ немного согнутымъ и не можетъ быть вполнѣ вытянутымъ, что зависитъ частію отъ короткости мускуловъ на задней сторонѣ бедра и отъ крестообразныхъ связокъ (Ligam. cruciata), частію же отъ того, что поверхности сочлененій къ поперечнику костей стоятъ подъ угломъ. Зная эти особенности колѣннаго сочлененія, становится понятнымъ, почему дѣти кричатъ, когда стараются насильственнымъ образомъ выпрямлять ихъ ноги.

Кажущееся кривое положеніе ногъ у новорожденныхъ очень мало зависитъ отъ уклоненія продольныхъ осей бедра и берцовыхъ костей; но самое существенное анатомическое условіе этого находится въ сильно выдающихся внутреннихъ мыщелкахъ (Condyli interni) обѣихъ ногъ. Внутренній мыщелокъ бедра не такъ низко спускается у новорожденнаго и ось сочлененія съ осью костей не образуетъ такого большаго угла, какъ у взрослаго, почему склонность къ кривому положенію, зависящая отъ вы-

[1]) D-r Jacob Heiberg Ueber die Gelenkverbindungen bei Neugebornen (Norsk Mag. f. Lägenidensk. VIII I. S. I. 1878) Schmidt's Jahrbücher. B. 182. № 5. 1879.

дающихся внутреннихъ мыщелковъ, частію опять уничтожается. Берцо новорожденныхъ имѣетъ видъ, какъ будто бы оно довольно значительно выгнуто кнаружи; но это только такъ кажется, существеннымъ же образомъ зависитъ лишь отъ того, что на внутренней поверхности берца мускуловъ почти совсѣмъ не находится, а они лежатъ на наружной поверхности; обнаруженная же большая берцовая кость представляетъ весьма мало замѣтную кривизну. Изъ этихъ указаній также, какъ нельзя болѣе становится ясною вся неумѣстность выправокъ кажущейся кривизны ногъ новорожденныхъ, равно какъ и другихъ сопровождающихъ ихъ мученій при этомъ.

Подобную же неприспособленность съ анатомической стороны къ выправкамъ дѣтей находимъ и въ другихъ сочлененіяхъ новорожденныхъ.

Верхнее надпяточное сочлененіе стопы, также какъ и колѣнное у новорожденныхъ, по Гейбергу, немного шире, чѣмъ у взрослыхъ; внутренія поверхности обѣихъ лодыжекъ довольно значительно повернуты впередъ; наружная сочленовная поверхность пяточной кости опускается гораздо ниже, чѣмъ внутренняя, образующая только узкій край, который кзади совершенно исчезаетъ. Верхняя поверхность сочлененія находится у взрослаго почти въ вертикальномъ положеніи, напротивъ же у новорожденнаго вся кость, такъ сказать, окружаетъ продольную ось стопы, такъ что наружный, сильнѣе нагнутый край стопы выше. Переднее надпяточное сочлененіе у новорожденныхъ представляетъ довольно существенное различіе сравнительно съ взрослыми. Вся головка пяточной кости свободнѣе выдается впередъ и болѣе округлена, такъ что все сочлененіе слѣдуетъ принять за свободное сочлененіе (Arthrodie), или сочлененіе шарообразное, которое по всѣмъ направленіямъ допускаетъ сильнѣйшія движенія, чѣмъ у взрослыхъ. Ось сочлененія стопы у новорожденнаго лежитъ далѣе назадъ, чѣмъ у взрослыхъ. Тыльное и подошвенное сгибанія стопы болѣе ограничены, но препятствіе зависитъ не отъ сумочной или вспомогательныхъ связокъ, а отъ мышцъ. Каждое подошвенное сгибаніе стопы сопровождается супинаціей или поворотомъ кверху, что существенно зависитъ отъ трехголоваго мускула икры, котораго точка прикрѣпленія оказывается внутри (поворотной) оси стопы. Поворачиваніе ея кверху и книзу (supinatio et pronatio) у дитяти легче выполняется, чѣмъ у взрослаго. По примѣру колѣннаго сочлененія, это сочлененіе у новорожденнаго также немного согнуто, почему среднее положеніе стопы составляетъ супинацію или поворачиваніе ея кверху, что зависитъ отъ короткости мускуловъ икры: triceps, tibialis anticus et posticus.

Пальцы у новорожденныхъ гораздо болѣе подвижны, чѣмъ у взрослыхъ, потому что плюсневыя кости больше отстоятъ другъ отъ друга и межкостныя мышцы болѣе развиты.

Сочленовные концы тазобедреннаго сустава сравнительно больше, чѣмъ у взрослыхъ; полости сочлененій также больше, но не такъ глубоки; сочленовныя головки велики, но имѣютъ сравнительно нѣкоторую шейку, почему болѣе походятъ на плечевыя головки, чѣмъ таковыя же головки взрослыхъ. Головка и шейка бедра новорожденныхъ поворачивается болѣе кпереди около придаточной оси бедра, такъ что большой вертелъ подается болѣе назадъ. Вслѣдствіе незначительнаго развитія таза, очевидно, сочлененія обѣихъ сторонъ находятся ближе другъ къ другу. Всѣ движенія въ этихъ сочлененіяхъ удобоисполнимы и всѣ они очень ограничены вслѣдствіе короткости мышцъ; для вытяженія представляетъ препятствіе только одна дельтовидная связка (Lig. deltoideum).

Существенное препятствіе для нѣкоторыхъ движеній въ плечевомъ сочлененіи представляютъ мускулы, по отнятіи которыхъ однако это сочлененіе можетъ исполнять всѣ движенія точно такъ же, какъ и у взрослаго.

Движенія локтеваго сочлененія также болѣе ограничены, чѣмъ у взрослаго; даже при отпрепарированномъ сочлененіи движеніе его не такъ обширно, хотя и значительнѣе, чѣмъ при полномъ составѣ его. Препятствіе условливается только короткостью и недостаточностью мышцъ, но вовсе не посредствомъ Olecranon и proc. coronoideus, какъ признаютъ нѣкоторые.

Ручная кисть, дающая менѣе уклоненій, чѣмъ стопа, представляетъ въ среднемъ положеніи слабое тыльное сгибаніе съ закрюченнымъ большимъ пальцемъ и сильно согнутыми остальными пальцами. Это положеніе зависитъ отъ короткости сгибающихъ и разгибающихъ мускуловъ.

Вотъ объясненіе того совершенно справедливаго замѣчанія бытописателей, что послѣ описанныхъ ими различныхъ выправокъ членовъ новорожденныхъ, несмотря на варварское примѣненіе ихъ, все-жъ таки въ большинствѣ случаевъ эти манипуляціи проходятъ безслѣдно и безнаказанно, ограничиваясь лишь опять таки понятнымъ послѣ сказаннаго крикомъ ребенка, указывающимъ на боли и страданія доставляемыя этими манипуляціями, происходящими, очевидно, главнымъ образомъ изъ сферы насильственно растягиваемыхъ мускуловъ.

Что касается вредныхъ послѣдствій, производимыхъ означенными манипуляціями, то съ своей стороны мы находимъ возможнымъ происхожденію ихъ дать объясненія такого рода: внезапная смерть, напримѣръ, при грубомъ правленіи головки возможна уже потому, что твердая мозговая оболочка у новорожденныхъ плотно приращена къ черепному своду, отъ котораго только съ возрастомъ посте-

пенно отдѣляется; а такое сращеніе твердой оболочки съ черепомъ при насиліи на послѣдній легко можетъ дать поводъ къ смертельнымъ кровоизліяніямъ какъ въ эту оболочку, такъ и на поверхности полушарій мозга.—Поводъ къ вывихамъ можетъ быть данъ тѣмъ обстоятельствомъ, если повитуха при ровняніи тѣла слишкомъ усердно и неправильно вытягиваетъ конечности.

Что касается случающихся переломовъ костей отъ грубыхъ насилій во время правленія дѣтей, то въ виду всѣмъ извѣстнаго факта, что кости дѣтей далеко не обладаютъ тою крѣпостью, какая въ нихъ бываетъ замѣтна впослѣдствіи, кажется, въ этомъ не можетъ быть даже никакого сомнѣнія. Уродства и поврежденія за грубыми насиліями часто слѣдуютъ и у взрослыхъ; но у дѣтей при относительной слабости ихъ организма, эти послѣдствія насилій безъ сомнѣнія могутъ встрѣчаться несравненно чаще.

Разсматривая за тѣмъ изложенные пріемы ровнянія и правленія дѣтей съ чисто антропологической точки зрѣнія, слѣдуетъ сказать, что знакомство съ ними столько же важно и интересно для антропологовъ, сколько и для медиковъ, по вліянію этихъ манипуляцій, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ, на физическую сторону дѣтскаго организма. Старая и всѣмъ извѣстная истина говоритъ, что какъ дерево, если оно попортится въ молодости, то всегда остается кривымъ, такъ и чѣловѣкъ, испытавшій на себѣ съ дѣтства тѣ или другія невыгодныя для его развитія насилія и вліянія, часто сохраняетъ слѣды этихъ вліяній до глубокой старости. Встрѣчаясь съ тѣми или другими особенностями племени или народа, антропологъ нерѣдко можетъ найти объясненія для нихъ лишь въ уходѣ за дѣтьми въ періодъ колыбельной жизни. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, изложенные выше факты могутъ быть не лишены вниманія и антропологовъ.

ГЛАВА XIII.

ИСКУССТВЕННОЕ ИЗМѢНЕНІЕ ФОРМЫ ЧЕРЕПА.

Давность обычая.—Макрокефалы древнихъ.—Раскопки старинныхъ могилъ въ Европѣ и Америкѣ.—Деформація череповъ у современныхъ народовъ.—Пріемы для этого.—Слѣдствія.—Деформація череповъ въ предѣлахъ Россіи, особенно на Кавказѣ и частію въ Польшѣ, Бѣлоруссіи и Лапландіи.

Обычай нѣкоторыхъ народовъ придавать своеобразную форму черепамъ дѣтей помощію особыхъ сдавливающихъ повязокъ извѣстенъ былъ еще въ глубокой древности. Гиппократъ въ своемъ сочиненіи «de aere, aquis et locis» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «я оставлю въ сторонѣ народы, мало разнящіеся между собою, но хочу сказать о тѣхъ, которые отличаются природою (образованіемъ тѣла) и обычаями. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь сказать о макрокефалахъ. Нѣтъ народа, который бы имѣлъ подобное имъ очертаніе головы. Сначала, кажется мнѣ, обычай (искусственнаго измѣненія формы черепа) содѣйствовалъ удлиненію головы; теперь же сама природа приходитъ на помощь обычаю. Макрокефалы считаютъ благороднѣйшими тѣхъ, которые имѣютъ длиннѣйшія головы. Обычай ихъ слѣдующій: какъ только родится дитя и пока голова его еще нѣжна и гибка, они ее формируютъ и заставляютъ расти въ длину, окружая повязкою и употребляя соотвѣтственныя средства (τεχνήματα) съ тѣмъ, чтобы круглое сферическое очертаніе ея измѣнить и увеличить длину». «Въ началѣ,—говоритъ Гиппократъ въ другомъ мѣстѣ,—эти большія головы (макрокефалы), почитавшіеся за знать, за привиллегированныхъ лицъ, воспитывались искусственно, но съ теченіемъ времени механическія дѣйствія оказались излишними, потому что природа начала сама выработывать такія вельможныя головы путемъ унаслѣдованія». Затѣмъ о макрокефалахъ упоминаютъ Аристотель, Страбонъ, Плиній, Помпоній и другіе. Древніе писатели не опредѣляютъ съ точностью мѣстожительство макрокефаловъ своего времени, говоря только, что они жили къ Востоку отъ Целуса меотійскаго; но русскій академикъ Беръ [1]), сличая отрывочныя указанія древнихъ въ этомъ отношеніи, думаетъ, что макрокефаловъ того времени можно искать на Кавказѣ, къ сѣверу, востоку или югу отъ Колховъ, и тогда это указаніе могло бы соотвѣтствовать мѣстожительству Макроновъ древнихъ.

Римскій поэтъ второй половины пятаго столѣтія Аполлинарій Сидоній въ своемъ панегирикѣ Императору Антемію говоритъ, что обычай накладыванія давящихъ повязокъ на головы новорожденныхъ съ цѣлью деформаціи существовалъ также у Гунскаго народа: «на самыхъ лицахъ его дѣтей уже напечатанъ какой-то ужасъ. Круглою массою возвышается его сдавленная голова (consurgit in arcum massa rotunda caput [1])».

Раскопками старинныхъ могилъ, систематически произведенными въ теченіе нынѣшняго столѣтія, съ положительностью обнаружено, что въ былыя времена люди дѣйствительно цѣлыми племенами въ разныхъ мѣстностяхъ занимались фабрикаціей головъ той или другой формы и, разумѣется, приступая къ этой операціи съ ранняго возраста.

Къ числу первыхъ деформованныхъ ископаемыхъ череповъ, сдѣлавшихся извѣстными ученымъ, по Беру, слѣдуетъ отнести черепа, найденные при раскопкахъ близъ городовъ Керчи (фиг. 34), Эникале, а также на Таманскомъ полуостровѣ. Затѣмъ въ 1820 году, въ Нижней Австріи, близъ Кремса, въ помѣстьи Graffeneg, найденъ былъ на незначительной глубинѣ, въ почвѣ, одинъ черепъ такой же странной формы, какъ крымскіе черепа, и признанъ былъ *Аварскимъ* черепомъ (фиг. 35) на томъ основаніи, что найденъ былъ въ чертѣ, такъ называемыхъ по преданіямъ, аварскихъ земляныхъ укрѣпленій. Впослѣдствіи деформованные черепа найдены были и въ другихъ мѣстностяхъ Европы.

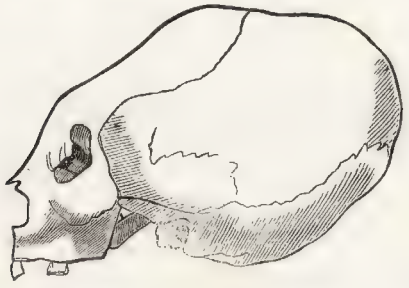
[1]) Von Baer: Die Makrokephalen in Boden der Krym und Oesterreichs u. s. w. St.-Petersburg. 1860; „Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VII Serie, Tome II, № 6.

[1]) Oeuvres de C. Sollius Apollinaris Sidonius, traduite en français avec le texte en regard et de notes par J. F. Grégoire et F. L. Collombet. T. III. 1836. p. 28.

Байерномъ на Кавказѣ открыто было въ Грузіи, близъ Мцхета, [1]) цѣлое племя, имѣвшее обыкновеніе помощію давящихъ повязокъ придавать своеобразную форму черепамъ дѣтей своихъ.—Макрокефалы Гиппократа (фиг. 36).—Нѣкоторые изъ этихъ череповъ между прочимъ описаны докторомъ С. Ф. Сцепура [2]). Въ недавнее время не малое количество искусственно деформированныхъ череповъ

Фиг. 34. Деформированный черепъ изъ раскопокъ въ Крыму, по Бэру.

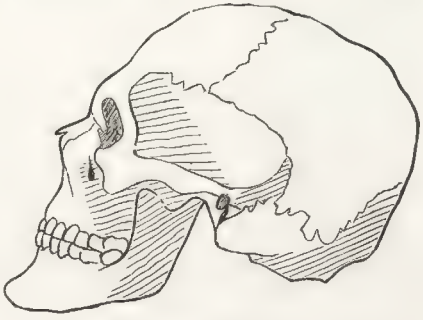
найдено въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ нѣсколько таковыхъ череповъ найдено было около Эльбруса, въ могилахъ, гдѣ оказались византійскія монеты; въ курганахъ близъ устья Дона; въ Воронежской губерніи,—при постройкѣ моста черезъ Донъ, на значительной глубинѣ, подъ дномъ



Фиг. 35. Аварскій черепъ, по Бэру.

рѣки, и въ Самарской губерніи, при работахъ по проведенію Оренбургской желѣзной дороги (вмѣстѣ съ желѣзной шашкой и золотой сергой). Нѣкоторые изъ этихъ череповъ, по формѣ своей весьма похожіе на только что упомянутые деформированные, хранятся въ коллекціи Московскихъ антропологовъ и были демонстрированы въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, проф. Антропологіи при Московскомъ Университетѣ, Д. Н. Анучинымъ.

Въ новѣйшее время,—говоритъ Топинаръ [1]),—открыли на Кавказѣ, въ Крыму, въ Венгріи, Силезіи, Швейцаріи, Бельгіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ Франціи изуродованные черепа, относящіеся къ типу, указанному древними. Сближая эти данныя съ историческими свидѣтельствами, пришли къ заключенію, что слѣдовавшіе этому обычаю арійскіе народы, извѣстные подъ именемъ Кимрійцевъ, Вольсковъ—Тектозаговъ, распространились съ Кавказа по всей Европѣ, около пятаго столѣтія до нашей эры, и наконецъ проникли во Францію, гдѣ измѣнили употреблявшійся до тѣхъ поръ (свой) способъ. «Но въ виду уродованія по другимъ принципамъ, констатированнаго на другихъ древне-европейскихъ черепахъ, особенно на гельвети-бургундскомъ черепѣ изъ Боамера на



Фиг. 36. Кавказскій черепъ, по Бэру.

Юрѣ (въ формѣ вертикальной сахарной головы), можно спросить, не знали ли эти народы другихъ способовъ уродованія головъ и въ самомъ-ли дѣлѣ всѣ найденныя въ Европѣ искусственныя измѣненія указываютъ на общее происхожденіе».

Классическая страна искусственныхъ измѣненій черепа есть Америка, что по крайней мѣрѣ можно признать на основаніи того громаднаго количества деформированныхъ череповъ, которое находится въ старинныхъ Перуанскихъ могилахъ, изслѣдованныхъ Мортономъ и другими. Судя же по Брассеръ де-Бурбургу и Госсе, можно думать, что эти фабрикаціи череповъ существовали въ Америкѣ по крайней мѣрѣ почти за два столѣтія до христіанской эры.

Судя по формѣ череповъ, находимыхъ особенно въ Перуанскихъ могилахъ, можно думать, что для достиженія желаемой деформаціи ихъ употреблялись

[1]) Древняя столица грузинскихъ царей близъ Тифлиса.

[2]) С. Ф. Сцепура: Опытъ антропологическаго изслѣдованія макрокефалическихъ череповъ и пр. 1875 г. (Приложеніе къ протоколу годичнаго засѣданія Импер. Кавказ. Медиц. Общ. за 1874—75 г.).

[1]) Антропологія Топинара, перев. съ французскаго подъ редакціей проф. Мечникова. 1879 г. стр. 170.

самые разнообразные пріемы, состоявшіе въ наложеніи на голову ребенка одной или нѣсколькихъ повязокъ, въ извѣстной послѣдовательности и въ различныхъ направленіяхъ.

Въ настоящее время болѣе всего деформаціей череповъ занимаются опять таки въ Америкѣ и именно у нѣкоторыхъ полудикихъ племенъ сѣверозападныхъ береговъ ея (Британской Колумбіи, острова Ванкувера и пр.), Бразиліи, Перу, Боливіи и т. д. Кромѣ Америки подобный-же обычай найденъ на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи, особенно въ Таити на Малайскомъ Архипелагѣ, на материкѣ Африки, Азіи и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы.

Цѣль этого обычая у древнихъ народовъ,—говоритъ Брока [1]) — намъ съ достовѣрностію неизвѣстна и мы можемъ дѣлать о немъ только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Можетъ быть, что онъ вызывался желаніемъ дать видный признакъ принадлежности къ извѣстной кастѣ, но можетъ быть и такъ, что имъ руководила не ясно сознанная идея мозговыхъ локализацій и въ черепѣ желали извѣстною формою усилить способности, необходимыя по тогдашнему мнѣнію для тѣхъ или другихъ общественныхъ должностей, причемъ искусственно вліяли то на лобную часть черепа, то на затылочную. По мнѣнію Рюдингера [2])—основой такого обычая служило и служитъ, повидимому, ложное понятіе о красотѣ и стремленіе отличить себя отъ сосѣднихъ племенъ или низшихъ сословій.—«Такимъ образомъ,—говоритъ Рюдингеръ, — едва появившійся на свѣтъ, безпомощный младенецъ получаетъ на всю свою жизнь печать предразсудка, господствующаго въ его племени. Самые невѣжественные дикари знаютъ изъ опыта, что человѣческій черепъ крайне податливъ въ раннемъ дѣтствѣ и до такой степени даже, что можетъ терпѣливо переносить значительное механическое насиліе, подобно и другимъ благороднымъ органамъ, выдерживающимъ въ юности человѣка большое давленіе безъ полной утраты своей жизнеспособности. Черепныя кости новорожденныхъ крайне упруги и не срощены еще посредствомъ хрящей; между отдѣльными частями черепа остаются узкія полоски и болѣе широкіе промежутки, извѣстные подъ названіемъ швовъ и родниковъ. Благодаря такому устройству дѣтской головки, продолжительное давленіе заставляетъ ее разнообразно измѣнять свою форму, причемъ мозгъ приноравливается къ формѣ своей костяной оболочки».

[1]) Брока: о вліяніи искусственныхъ деформацій черепа на мозговыя отправленія. Рефер. на Моск. Антроп. выставкѣ 1879 г. (Извѣстія Императ. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр. Т. XXXV. Ч. I. В. 3-й, стр. 263).

[2]). Rüdinger. Ueber die villkürlichen Verunstattungen des menschliches Körpers (Aus Virchows Holtzendorff Sammlung gemeinverständlicher Vorträge). Berlin. 1875.

Деформаціи эти производятся иногда надъ дѣтьми обоего пола, иногда-же только надъ одними мальчиками, и производятся въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Многимъ индійцамъ, напримѣръ живущимъ на восточномъ берегу южной Америки [1])—нравятся клиновидныя головы и этой формы они,между прочимъ, достигаютъ такимъ образомъ: берутъ доску (Фиг. 37), длиной въ ростъ ребенка, устилаютъ ее мхомъ, сверхъ котораго кладутъ ребенка, прикрываютъ его кожей и припеленываютъ къ доскѣ. (Фиг. 38). Подъ шеей ребенка на доскѣ устраивается изъ куска дерева возвышеніе, заставляющее голову опрокидываться назадъ. При этомъ на лобъ ребенка накладывается другая дощечка, которая притягивается къ нижней доскѣ придѣланными веревками и такимъ образомъ голова ребенка находится какъ-бы между двумя жомами. Въ этомъ аппаратѣ дѣти остаются по нѣсколько мѣсяцевъ и даже до трехъ лѣтъ, причемъ голова освобождается лишь на то время, когда ребенка надо покормить или вымыть. Понятно, что подъ вліяніемъ такого давленія дѣти испытываютъ жесточайшія мученія. По отзывамъ путешественниковъ, они имѣютъ самый жалкій видъ: личико у нихъ вздуто, синеватаго оттѣнка, глаза красны и нѣсколько выпучены, голова горяча на ощупь и, вѣроятно, болитъ, потому что бѣдняжки стонутъ и очень тревожатся. Отъ такого безжалостнаго и настойчиво продолжительнаго насилія многія дѣти дѣлаются даже жертвами преждевременной смерти, но за то у оставшихся въ живыхъ фабрикація достигаетъ блестящихъ результатовъ, придавая черепамъ ихъ форму сильно клиновидную. Правда, когда дѣти выростаютъ, то природа нерѣдко значительно сгушевываетъ навязанныя имъ уродства, такъ что дѣтскій черепъ много отличается отъ взрослаго; но рѣзкій слѣдъ механическаго вліянія, какъ историческій документъ употребленныхъ насилій, все таки остается и на черепѣ взрослаго.

Задаютъ вопросъ: могутъ-ли подобныя уродованія современемъ становиться признакомъ, передаваемымъ по наслѣдству. Обыкновенно рѣшаютъ этотъ вопросъ отрицательно; но «мы съ своей стороны,—говоритъ Топинаръ, [2])—не убѣждены въ томъ, что нѣкоторые случаи расовой короткоголовости не имѣютъ именно такого происхожденія».

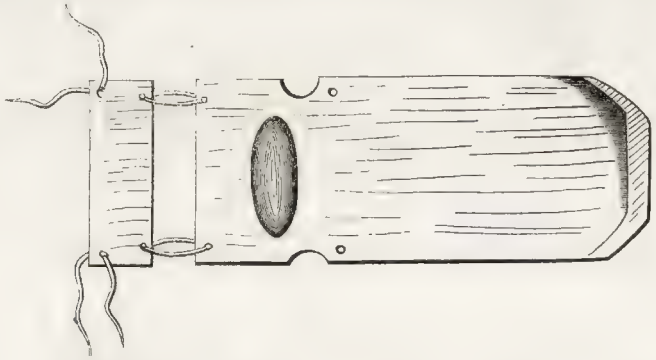
Для достиженія конусообразной формы головы Неватисы, племя, жившее на сѣверномъ берегу острова Ванкувера, придавливали головы своимъ дѣтямъ съ помощью кедровой коры и ремня изъ оленьей кожи. Ремень этотъ, толщина котораго равнялась большому пальцу, обводился вокругъ

[1]) Essai sur les deformations artificielles du crâne par Gosse de Genève. 1855.

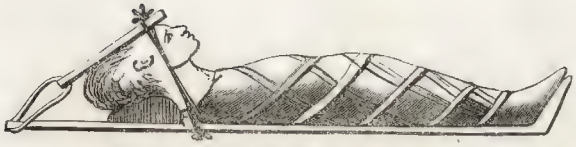
[2]) Топинаръ. Антропологія, русск. перев., стр. 171.

головы ребенка и мало по малу сообщалъ ей форму остраго конуса. У Перуанцевъ лобъ сдавливался и отгибался назадъ съ помощью двухъ бинтовъ, между которыми оставалось свободное пространство.—Чектавы привязывали младенцевъ къ доскѣ и клали имъ на лобъ мѣшокъ съ пескомъ, который постояннымъ слабымъ давленіемъ придавалъ передней части головы ихъ нѣсколько кирпичеобразную форму [1]) и т. д.

На Антильскихъ островахъ для достиженія желаемаго измѣненія въ формѣ головы мать кладетъ ребенка къ себѣ на колѣни, а на голову его кладетъ свою руку и давитъ послѣднею сильно и постоянно въ теченіе долгаго времени, не исключая



Фиг. 37. Аппаратъ изъ дощечекъ, употребляемый Индійцами, живущими на вост. берегу ю. Америки, для деформаціи дѣтскихъ череповъ, по Госсе.



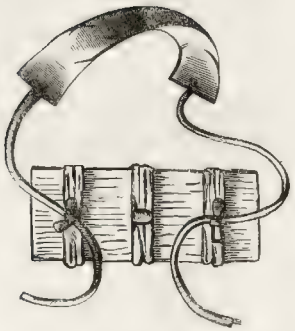
Фиг. 38. Предыдущій аппаратъ съ уложеннымъ въ немъ ребенкомъ.

Фиг. 39. Головная повязка Перуанцевъ для деформаціи череповъ въ видѣ колпачка изъ палочекъ, по Госсе.

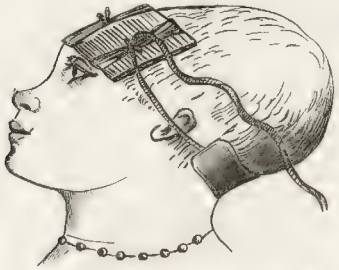
даже дневнаго и ночнаго сна (Gosse) (Фиг. 43). О подобномъ-же обычаѣ, существующемъ въ Новой Гвинеѣ, свидѣтельствовалъ въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ 1882 г. въ Петербургѣ, Миклуха-Маклай. «Деформацію черепа новорожденныхъ производятъ здѣсь,—говорилъ онъ,—не помощью какихъ либо повязокъ, а руками матери. Для этого ребенка кладутъ на колѣна матери и она, поддерживая голову, подавливаетъ руками лобъ, чтобы черепъ принялъ заостренную, яйцеобразную форму. Все свое свободное время матери посвящаютъ этой операціи. Нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ академикъ Бэръ, не довѣряли, чтобы деформированіе дѣтскихъ череповъ совершалось руками».

Подробное описаніе деформованныхъ череповъ можно найти у Мортона, Госсе, Бэра, Байерна Рюдингера и другихъ.

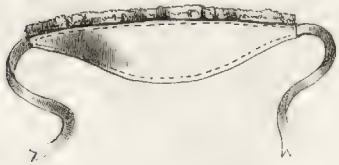
[1]) Леббокъ, l. c., стр. 414—415.



Фиг. 40. Повязка, употребляемая для деформаціи головы Карибами Сенъ-Винцена.

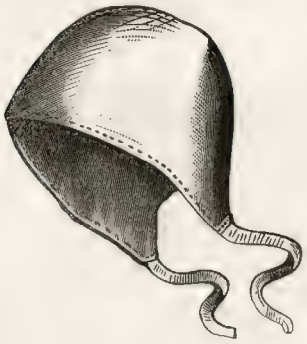


Фиг. 41. Такая повязка на ребенка.



Фиг. 42. Повязка для деформаціи лба.

Фиг. 43. Женщина съ антильскихъ острововъ съ ребенкомъ.



Фиг. 44.

Фиг. 45.

Деформирующія головныя повязки, употребляемыя во Франціи въ департаментѣ Верхней Гаронны.

Относительно Европы еще въ медицинскихъ сочиненіяхъ прошлаго столѣтія попадаются извѣстія о существовавшемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Бельгіи обычаѣ [1]) справлять голову новорожденнаго помощію повязокъ и бандажей. Въ первый разъ однако этотъ обычай обратилъ на себя серьезное вниманіе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, когда врачи Фовиль и Люнье констатировали его въ нѣкоторыхъ южныхъ департаментахъ Франціи, гдѣ для того употребляютъ особаго рода чепцы, шапочки, косынки, биты и проч. «Вскорѣ послѣ рожденія,—говоритъ

Фиг. 46. Деформирующая повязка головы Нижнесенскаго департамента (по Госсе).

Рюдигеръ, — ребенку надѣваютъ чепчикъ, завязанный вокругъ головы, а также обматываютъ голову косынкой отъ темени къ подбородку или по направленію отъ лба къ затылку. Поверхъ такихъ повязокъ надѣвается еще шапочка, снабженная дырочками и шнуровкой такимъ образомъ, что она способствуетъ съ своей стороны дѣйствію повязокъ. Такой методъ особенно распространенъ въ Нормандіи. Въ Тулузѣ и въ прилегающей къ ней мѣстности накладываютъ сначала не повязку, а круглую шапочку, которая придерживается бинтомъ. Но какимъ бы способомъ не примѣнялась эта повязка, результатомъ продолжительнаго давленія на голову бываетъ искусственное видоизмѣненіе, т. е. придача ей возвышенной или удлиненной цилиндрической формы.—*Макроцефалія* народовъ Европы, по Топинару, распадается во Франціи на *кольцевидную* разновидность Фовиля, *двулопастную*, найденную Люнье въ Севрскомъ и въ департаментѣ Нижней Сены, и на *простую лобную* или *Тулузскую* разновидность, названную такъ по мѣсту ея нахожденія [1]).

Нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что обычай умышленнаго измѣненія формы головы когда либо существовалъ также и въ Англіи; но странная форма черепа, найденнаго въ 1853 году въ саксонской гробницѣ въ Вестъ-Гаригэмѣ, въ Уильтсѣ и который находится теперь въ музеѣ хирургической коллегіи въ Лондонѣ, очевидно, произошла отъ подобной же причины. [2]) Обычай завязыванія дѣтской головы тугой повязкой, хотя можетъ быть и ненамѣренный, по свидѣтельству Флоуера, — существуетъ въ Англіи и до сихъ поръ, производя удлиненную и сжатую съ боковъ форму. «Одинъ господинъ,—говоритъ Флоуеръ,—преклонныхъ лѣтъ недавно показывалъ мнѣ кругообразное вдавленіе черепа вокругъ верхней части его головы, которое, по его предположенію, произошло вслѣдствіе обычая, существовавшаго во время его дѣтства въ Норфолькскомъ округѣ, откуда онъ уроженецъ» [3]).

Фиг. 47. Одинъ изъ видовъ деформирующихъ повязокъ, употребляемыхъ въ нижней Франціи (по Госсе).

Что касается вліянія этихъ повязокъ на развитіе мозга и связанныхъ съ нимъ функцій, то если даже, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, допустить, что изуродованіе черепа не составляетъ препятствія для полнаго развитія умственныхъ способностей, тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Фовиля, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ

[1]) Rudinger, ibid.

[1]) Топинаръ, ibid., стр. 173.

[2]) Мода на уродованіе У. Г. Флоуеръ. Переводъ съ Англійскаго. 1883 г. стр. 32.

[3]) ibid. стр. 29.

этотъ нелѣпый обычай, смертельныя воспаленія мозга у дѣтей и душевныя болѣзни у лицъ прочихъ возрастовъ, особенно у женщинъ, дольше подвергающихся вліянію таковыхъ повязокъ въ дѣтствѣ, составляютъ явленія несравненно болѣе частыя, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не принятъ обычай бинтовать голову. Топинаръ признаетъ также, что подъ вліяніемъ давящихъ повязокъ, накладываемыхъ въ раннемъ возрастѣ, умственное развитіе дитяти впослѣдствіи можетъ ослабѣвать. Впрочемъ,—говоритъ онъ, [1]) уродованіе черепа не въ такой степени вліяетъ на умственныя способности, какъ можно бы думать. Емкость черепа при этомъ вовсе не уменьшается. Мозгъ не въ состояніи приспособиться къ быстрому сжиманію, но отлично переноситъ постепенно усиливающееся и частичное сдавливаніе.

Проф. Брока въ своемъ рефератѣ, сообщенномъ на Московской Антроп. выставкѣ [2]) проводитъ ту мысль, что всѣ искусственныя деформаціи черепа имѣютъ результатомъ своимъ большій или меньшій вредъ для психической жизни. Основываясь на статистическихъ данныхъ больницъ для сумасшедшихъ, онъ доказывалъ, что идіоты и эпилептики съ деформированными черепами представляютъ гораздо большій процентъ, чѣмъ съ нормальными. Поэтому необходимо дѣйствовать энергически словомъ и обычаемъ противъ обыкновенія деформировать черепа дѣтей.

Помимо Франціи, описанное деформированіе головы не было констатировано въ послѣднее время нигдѣ въ Западной Европѣ и, можно полагать, что если оно гдѣ и было, то съ развитіемъ культуры совсѣмъ исчезло.

Деформація череповъ въ предѣлахъ Россіи.

Въ предѣлахъ Россіи деформація череповъ въ дѣтскомъ возрастѣ главнымъ образомъ практикуется въ настоящее время на Кавказѣ, затѣмъ отчасти въ Польшѣ, Бѣлоруссіи и у Лопарей. Накладываніе

Фиг. 48. Шапочка для стягиванія головы на Кавказѣ.

Фиг. 49. Бинтъ для стягиванія головы на Кавказѣ.

головныхъ повязокъ съ цѣлью измѣненія формы черепа на Кавказѣ производится такимъ образомъ.

Въ *Тифлисѣ* и *Карталиніи*, — по свидѣтельству г-жи фонъ-деръ-Нонне, — надѣваютъ ребенку круглую стеганную на ватѣ шапочку (Фиг. 48), которая имѣетъ сзади спускающійся кусокъ до спины; шапочка плотно обхватываетъ лобъ, темя и затылокъ ребенка и держится на головѣ посредствомъ узкаго, вершка въ полтора шириной, куска каленкора, идущаго вокругъ головы (Фиг. 49) и завязываемаго длинными тесемками, пришитыми къ концамъ его.

Въ кочевой жизни почти всѣ племена, живущія въ *Горійскомъ* уѣздѣ Тифлиской губерніи, какъ-то: Грузины, Армяне, Евреи и Осетины,—по свидѣтельству врача Скокова,—имѣютъ обыкновеніе стягивать голову, особенно лобную часть ея, бинтомъ очень крѣпко для того, чтобы лобъ былъ плоскій, а не выпуклый и выдающійся. Поэтому рѣдко здѣсь встрѣтите какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ съ выпуклымъ лбомъ, какъ въ другихъ странахъ. Повязки для этого употребляются шириною въ вершокъ и длиною отъ одного до двухъ аршинъ (изъ бумажнаго матеріала); бинтуютъ вокругъ головы по направленію лобно-затылочной кости и стягиваютъ настолько, что и послѣ снятія бинта остается вдавленіе.

Въ *Ахалцыхскомъ* уѣздѣ Тифлиской губерніи,—по свидѣтельству врача Гамрекелова, — въ раннемъ возрастѣ надѣваютъ на ребека шапочку, въ родѣ колпака (арахчина), сшитаго на ватѣ; по бокамъ этотъ колпакъ снабжается длинными, широкими тесьмами, которыми туго обвиваютъ голову сверхъ колпака. Вслѣдствіе этого часто замѣчается, что головка въ области затылка и лба бываетъ сплюснута и развитіе ея идетъ болѣе по вертикальной оси, почему большею частью такая головка принимаетъ форму дыни (особенно у Армянъ, Эрзерумцевъ и Евреевъ).

Въ *Сигнахскомъ* уѣздѣ Тифлиской губерніи, населенномъ преимущественно Армянами и Грузинами,

[1]) Топинаръ, ibid. стр. 171.

[2]) Брока l. c.

по свидѣтельству врача Сулханова, — на голову новорожденнаго надѣваютъ шапочку, на подобіе ермолки, которая у затылка имѣетъ придатокъ. Эта шапочка, подбитая ватою, удерживается на головѣ тесьмою, именуемою *шубисакрава*, которой обводятъ кругомъ головы нѣсколько разъ и завязываютъ.

Въ *Душетскомъ* уѣздѣ той же губерніи, населенномъ также преимущественно Армянами и Грузинами,—по свидѣтельству врача Н. Чичіани,—на голову новорожденнаго надѣваютъ шапочку, величиной соотвѣтствующую головѣ ребенка. Но величина эта измѣняется по мѣрѣ рощенія ребенка. Эта шапочка укрѣпляется повязкой, имѣющей ширину въ два пальца и обводимой нѣсколько разъ кругомъ черезъ лобъ къ затылку и завязываемой сбоку. Шапочку съ повязкой употребляютъ по крайней мѣрѣ до году, а иногда и долѣе. Цѣль употребленія шапочки состоитъ въ томъ, чтобы придать головѣ круглую шарообразную (вѣроятно референтъ хотѣлъ сказать—тыквообразную?) форму, что дѣйствительно и достигается.

Въ *Кизлярѣ* Терской области у проживающихъ тамъ Армянъ, Грузинъ и Татаръ,—по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха, — на голову ребенка надѣваютъ стеганную шапочку и поверхъ шапочки повязываютъ голову, нарочно для этого сдѣланной, повязкой, шириною въ 1 вершокъ, длиною въ 5 четвертей и съ завязками по концамъ. Вѣроятно отъ этого обстоятельства, —продолжаетъ референтъ, и зависитъ клинообразная или коническая форма головы у многихъ туземцевъ и преимущественно въ низшихъ классахъ населенія.

Осетины,—по свидѣтельству г-жи Ачрековой, [1]) въ первое время голову ребенка крѣпко связываютъ платкомъ, отчего у всѣхъ почти Осетинъ бываютъ плоскіе лбы.

Въ *Рачинскомъ* уѣздѣ Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству врача Елагина,—тотчасъ послѣ рожденія накладываютъ на голову ребенка повязку, состоящую изъ ваты и каленкора, которымъ обвязывается одинъ только черепъ.

Греки, живущіе на Цалкѣ, Тріалетскаго приставства, Тифлисской губерніи, очевидно переняли мѣстный обычай стягиванія головы новорожденнаго у своихъ сосѣдей и,—по свидѣтельству мѣстнаго греческаго священника Григорія Попандопуло, — покрываютъ голову новорожденнаго тонкой бумажной тряпкой и платкомъ, который, покрывая голову, идетъ затѣмъ съ затылка впередъ, гдѣ и привязывается. Нѣкоторыя матери такъ крѣпко перетягиваютъ этими повязками головы своихъ дѣтей, что вокругъ послѣднихъ, особенно по лбу, замѣчаются рѣзкія полосы. Вліяніе этихъ повязокъ несомнѣнно: черепа всѣхъ живущихъ здѣсь, какъ взрослыхъ, такъ и маленькихъ, отличаются малымъ развитіемъ и съ боковъ имѣютъ видъ какъ будто вдавленныхъ внутрь. Повязки эти носятъ здѣсь отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ. Цѣль ихъ въ связи съ существующимъ повѣрьемъ, что маленькія головы красивы и умны, поэтому повязкою стараются остановить развитіе черепа и уменьшить голову.

У Татаръ *Эчміадзинскаго* уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г-жи Останевичъ, [1]) голову обматываютъ ватой, надѣваютъ на нее довольно жесткій колпакъ и поверхъ повязываютъ платочкомъ, сложеннымъ въ видѣ узкаго пояса. Мнѣ кажется, говоритъ она,—что подобный колпакъ съ тугой поверхъ повязкой вліяетъ на форму головы у Татаръ. Живя на кочевьи въ татарской деревнѣ, я сама видѣла ребенка, родившагося съ круглой головой, которая черезъ нѣсколько времени сдѣлалась продолговатой и весьма не красивой формы.

У Армянъ *Шеруро-Далаезскаго* уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Оганисьянцъ, [2]) голова новорожденнаго покрывается двумя платками, изъ которыхъ одинъ, съ распущенными концами, накладывается на голову, а другимъ поверхъ перваго подвязывается довольно туго черезъ лобъ и виски и концы его завязываются на лбу.

У *Татаръ Шеруро-Далаезскаго* уѣзда той-же губерніи,—по свидѣтельству того-же референта,—положивъ на большой родничекъ новорожденнаго кусокъ хлопчатой бумаги, голову его покрываютъ бѣлымъ платкомъ, два конца котораго, обхвативъ нижнюю челюсть, завязываются между собою на макушкѣ сверхъ ситцевой шапочки, надѣтой на тотъ-же платокъ. Та-же самая головная повязка существуетъ и у *Куртинъ*, но безъ прикладыванія на большой родничекъ ваты.

Дѣтямъ мусульманъ *Карабага-Шушинскаго* и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ Мирзоева, [3]) надѣвается на голову маленькая ситцевая шапочка въ видѣ чепчика, сверхъ этой шапочки накрывается платокъ, которымъ крѣпко обвязывается голова вокругъ лба.

Въ *Даргинскомъ* округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Южнаго Дагестана*,—по свидѣтельству М. Бахтамова,—голову новорожденнаго обматываютъ узенькимъ кускомъ холста, привязываютъ кругомъ головы тесьмой, а сверху платочкомъ туго.

Въ *Западномъ Дагестанѣ* [4]) на голову новорожденнаго накладываютъ косынку, привязываемую кругомъ головы тесьмой, сшитой изъ бумажной

[1]) Терскія Вѣдомости 1879 г. № 21.

[1]) Кавказъ 1878 г. № 294.

[2]) Кавказъ 1879 г. № 54.

[3]) Кавказъ 1879 г. № 42.

[4]) Кавказъ 1879 г. № 49.

матеріи, шириною въ вершокъ или полтора, концы которой завязываются на затылкѣ.

У *Капучиновъ*—отдѣльной народности Гунибскаго Округа въ Дагестанѣ,—по свидѣтельству г. Млекосѣвича, — голову новорожденнаго обвязываютъ крѣпко сшитыми разноцвѣтными лоскутами для приданія ей правильной формы.

Кумыки, Чеченцы, Салотовцы и *Ногайцы* Хасавъ—Юртовскаго округа,—по свидѣтельству врача Надежина,—также надѣваютъ на голову новорожденныхъ тѣсныя шапочки.

Фиг. 50. Повязка, стягивающая дѣтскую головку въ Польшѣ.

Относительно накладыванія повязокъ на головы новорожденныхъ въ Польшѣ г. Сахаровъ, секретарь Варшавскаго статистическаго комитета, свидѣтельствуетъ слѣдующее: въ Горнокальварійскомъ и Радомскомъ уѣздахъ, Варшавской губерніи, по рожденіи ребенка бабка старается придать головѣ его форму шара руками. Если-же въ ней замѣчается значительное отклоненіе отъ шара, то на нее накладывается повязка, приготовляемая такимъ образомъ: берется прядь льна, смачивается бѣлкомъ яйца и обвивается вокругъ головы, по лбу, черезъ виски къ затылку. Повязка эта покрывается платкомъ, которымъ она и прикрѣпляется къ головѣ. Затѣмъ берутъ другой платокъ и имъ обвязываютъ голову продольно отъ темени къ челюстямъ. Положенная такимъ образомъ повязка оставляется на головѣ ребенка до того времени, пока высохнетъ бѣлокъ. (Фиг. 50).

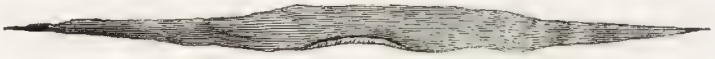
Въ *Бѣлоруссіи* накладываніе головныхъ повязокъ у дѣтей употребляется не съ настойчивою цѣлью приданія головѣ какой либо особой формы, но лишь въ видахъ правленія и именно тогда, когда голова ребенка покажется повитухѣ сложенной неправильно. Въ этомъ случаѣ,—по свидѣтельству И. А. Покровскаго,—въ Полоцкомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, повитуха, справивши голову рукою по своему усмотрѣнію, связываетъ ее затѣмъ платкомъ и притомъ связываетъ или лобъ съ затылкомъ, или темя съ подбородкомъ, и держитъ эту повязку до крещенія, т. е. дня два или три. Подобныя-же повязки, по словесному заявленію, сдѣланному мнѣ нѣкоторыми другими достовѣрными лицами, употребляются съ тою-же цѣлью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минской и Могилевской губерній.

Обозрѣвая обычаи пеленанія и правленія дѣтей среди населенія чисто русскаго, мы видѣли, что русскіе при тугомъ пеленаніи вообще большею частью туго припеленываютъ и голову дитяти, а затѣмъ при правленіи обыкновенно никакихъ бинтовъ и давящихъ повязокъ не употребляютъ, исключая лишь нѣсколькихъ случаевъ упомянутыхъ выше. Въ Бѣлоруссіи-же головныя повязки распространены уже болѣе, чѣмъ въ центральной Россіи, и характеромъ своимъ близко напоминаютъ тѣ, которыя употребляются въ Польшѣ. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что только что описанныя Бѣлорусскія повязки не составляютъ народнаго обычая, усвоеннаго изъ глубокой старины, но по всей вѣроятности онѣ заимствованы отъ ближайшихъ сосѣдей своихъ—Поляковъ и именно въ тотъ періодъ, когда вліяніе Польши было сильно на Бѣлоруссію.

Касательно употребленія давящихъ повязокъ на головы дѣтей у Лопарей мы имѣемъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ разсказовъ тѣхъ Лопарей, которые были на антропологической выставкѣ въ Москвѣ, лѣтомъ 1879 года, и принадлежали къ кочевникамъ близь города Колы, Архангельской губерніи. Они дѣлаютъ дѣтямъ головныя повязки, двоякаго рода, но только не всѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ или родахъ, по преданію, и производятъ ихъ такимъ образомъ: каждый разъ передъ мытьемъ ребенка, котораго въ первое время по рожденіи они обыкновенно моютъ довольно часто, надѣваютъ на голову его тѣсный колпачекъ, (фиг. 51) сшитый изъ какого нибудь старья; къ этому колпачку сзади пришиваютъ двѣ длинныя, расходящіяся въ стороны тесьмы изъ той-же или другой матеріи, длиной каждая тесьма около 6-ти вершковъ, шириной около $^1/_2$ вершка. Эти тесьмы изъ подъ затылка ребенка идутъ на встрѣчу одна другой и туго завязываются на лбу ребенка. Въ этой повязкѣ моютъ ребенка и на время мытья накладываютъ ее для того, чтобы вода въ это время не залилась въ голову, а послѣдняя не сдѣлалась-бы отъ того черезъ чуръ большою, тогда какъ Лопари считаютъ красивыми лишь маленькія головы. Послѣ омовенія эту повязку снимаютъ и накладываютъ на голову ребенка другую, (фиг. 52) состоящую просто изъ бинта, длиной около 5-ти четвертей и шириной въ срединѣ около $1^1/_2$ вершка, а къ концамъ постепенно съуживающагося до остраго угла. Эта повязка накладывается на лобъ широкой частью, гдѣ притомъ по краю къ волосамъ нѣсколько собирается въ складки, для того чтобы ко лбу она прилегала совершенно плотно и ровно. Затѣмъ боковые концы этой повязки оги-

бают кругомъ всю голову ребенка и опять встрѣчаются на лбу, гдѣ и завязываются. Въ этой повязкѣ ребенокъ остается почти постоянно до 6-ти мѣсяцевъ, исключая лишь того времени, когда его моютъ и когда накладываютъ ему описанную выше повязку. Цѣль употребленія этой повязки пря-

Фиг. 51. Лопарскій чепчикъ, употребляемый для стягиванія головы.



Фиг. 52. Лопарскій бинтъ для стягиванія головы.

Фиг. 53. Употребленіе Лопарскаго чепчика для стягиванія головы.

Фиг. 54. Употребленіе Лопарскаго бинта для стягиванія головы.

мо та, чтобы голова не росла большою и чтобы при этомъ не заводилась въ ней вода, такъ какъ по мнѣнію Лопарей въ большихъ головахъ всегда много воды. Лопарка, находившаяся на антропологической выставкѣ въ Москвѣ, собственными руками сшила для выставки объ описанныя повязки, причемъ точно соблюла и всѣ разсказанные ею размѣры этихъ повязокъ.

ГЛАВА XIV.

ВЛІЯНІЕ УКЛАДЫВАНІЯ ВЪ ПОСТЕЛИ НА ДЕФОРМАЦІЮ ЗАТЫЛКА.

Обычаи укладыванія дѣтей въ постели у Оракійцевъ и Македонянъ, Нѣмцевъ и Бельгійцевъ XVI столѣтія и современныхъ азіатскихъ народовъ.—Формы затылка по даннымъ, собраннымъ въ краніологическомъ отдѣленіи Московскаго Университета.—Дѣтскія каранмскія черепа.—Способы укладыванія дѣтей въ постели у современныхъ европейскихъ народовъ.—Формы затылка русскихъ череповъ, добытыхъ изъ кургановъ и могилъ VIII—XVIII в.—Формы затылка, пріобрѣтаемыя путемъ физіологическимъ, потологическимъ и подъ вліяніемъ расовыхъ наклонностей.—Выводы.

Въ предыдущей главѣ мы говорили объ обычаяхъ измѣнять форму дѣтскаго черепа помощью давящихъ повязокъ. Это были, такъ сказать, активныя, намѣренныя и предначертанныя деформаціи дѣтскаго черепа. Теперь мы имѣемъ въ виду обратить вниманіе читателей на возможность измѣненія формы дѣтскаго черепа подъ вліяніемъ пассивной привычки матерей укладывать дѣтей своихъ въ постели извѣстнымъ образомъ.

О преднамѣренномъ измѣненіи затылка въ дѣтскомъ возрастѣ, по историческимъ свидѣтельствамъ, мы имѣемъ свѣдѣнія только относительно нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ племенъ, напр. Оракійцевъ и Македонянъ, имѣвшихъ обычай припеленывать дѣтей своихъ къ жесткой доскѣ съ прямою цѣлью достигнуть плоской формы затылка [1]).

Въ 16 столѣтіи разнообразные способы укладыванія дѣтей у разныхъ народовъ дали поводъ извѣстному анатому, лейбъ-медику Карла V, Везалію, къ построенію своеобразной теоріи, въ силу которой онъ полагалъ, что плоскіе затылки Нѣмцевъ и вызванная тѣмъ самымъ короткая форма головы (Brachycephalia) произошла отъ механическаго вліянія вслѣдствіе того, что нѣмки въ первые дни жизни ребенка имѣли обыкновеніе класть дѣтей своихъ постоянно на спину; тогда какъ Бельгійскія женщины клали своихъ дѣтей всегда на бокъ, почему у нихъ образовались длинныя головы (Dolichocephalia) [2]).

При изученіи колыбелей и способовъ укладыванія въ нихъ дѣтей у разныхъ русскихъ инородцевъ мнѣ неразъ приходила въ голову мысль о возможности вліянія ихъ на измѣненіе формы дѣтской головы. Чтобы нагляднѣе представить это дѣло, я разскажу сначала вкоротцѣ о способахъ укладыванія дѣтей въ азіатскихъ колыбеляхъ, оставляя болѣе подробное описаніе этого способа до слѣдующей главы, изъ которой можно вынести это представленіе еще яснѣе.

Передъ вами *Грузинская* колыбель. Она похожа на маленькую кроватку съ низенькими бортами. Въ этой колыбелькѣ ребенокъ укладывается личикомъ вверхъ, на тюфячекъ, а сверху привязывается къ колыбелькѣ двумя свивальниками. Привязываніе это начинается съ того, что одинъ свивальникъ, такъ называемый грудной, укрѣпленный петлей на особой палочкѣ, прилаженной съ правой стороны колыбели, свободнымъ концемъ своимъ перекидывается чрезъ плечи и грудь ребенка, за тѣмъ обводится винтообразно разъ или два вокругъ колыбели и наконецъ привязывается къ верхней ея перекладинѣ. Такимъ же порядкомъ обводится черезъ ножки ребенка и колыбель второй свивальникъ и прикрѣпляется также къ перекладинѣ.

По типу Грузинской колыбели устроены многія другія, а именно: вообще *Кавказскія*, *Ногайскія*, *Сартскія*, *Туркестанскія*, цыганскаго племени *Люли*, *Персидскія* и многія другія *Азіатскія*. Въ устройствѣ нѣкоторыхъ азіатскихъ колыбелей встрѣчаются кое-какія уклоненія и особенности; однако, что касается укладыванія въ нихъ ребенка и привязыванія его къ постелямъ, то въ этомъ отношеніи есть много общаго въ обычаяхъ весьма многихъ азіатскихъ народовъ. Подобный же способъ укладыванія дѣтей въ колыбели мы встрѣчаемъ у *Киргизовъ*, *Калмыковъ*, *Якутовъ*, *Бурятъ*, разныхъ племенъ *Алтайскихъ*, *Остяковъ*, *Самоѣдовъ*, какъ

---

[1]) Haeser l. c. S. 311.

[2]) Rüdinger; über die villkürlichen Veranstaltungen des menschliches Körpers (Aus Virchow — Holtzendorff Sammlung gemeinverständlicher Vorträge). Berlin. 1875.

объяснится подробнѣе опять-таки въ слѣдующей главѣ.

Привязываютъ дѣтей описаннымъ выше способомъ къ колыбелямъ обыкновенно весьма туго и надолго. Въ Кизлярѣ, напр., по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха, развязываютъ ребенка изъ колыбели только два раза въ сутки, рано утромъ и иногда вечеромъ для перемѣны подъ нимъ запачканныхъ пеленокъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и другіе кавказскіе бытописатели, прибавляя, что мать даже во время кормленія не вынимаетъ ребенка изъ колыбели, но для этого нагибается надъ нимъ, опираясь туловищемъ на описанную выше перекладину. Что касается возраста, до котораго держатъ дѣтей въ описанныхъ колыбеляхъ различные народы, то, напр., въ *Гуріи* (Кутаисской губерніи), по свидѣтельству врача Валесскаго,—это продолжается не менѣе двухъ лѣтъ; въ *Имеретіи* и *Мингреліи*,—по свидѣтельству графа Размордюка,—около 1½ года и т. д.

Если теперь мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что ребенокъ, плотно и надолго привязанный къ которой либо изъ упомянутыхъ колыбелей, можетъ лежать въ ней не иначе, какъ на спинѣ, причемъ затылокъ его постоянно испытываетъ давленіе; то, понятно, что вслѣдствіе такого продолжительнаго, механическаго насилія затылокъ этотъ долженъ будетъ потомъ сильно приплющиваться. Это на самомъ дѣлѣ нерѣдко и замѣчается. Такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., изъ Грозненскаго Округа Терской Области врачъ Ментовъ, изъ Аргунскаго Округа той же Области врачъ Рудаковскій, изъ Баталпашинскаго уѣзда Кубанской Области учитель Арканниковъ. Докторъ Эліашевичъ изъ Иркутска, доставившій на Московскую антропологическую выставку прекрасное описаніе Бурятской колыбели, между прочимъ говоритъ: «у нѣкоторыхъ дѣтей верхоленскихъ бурятъ замѣчается небольшая кривизна черепа, такъ сказать, косоголовость, происхожденіе которой приписывается тому, что матери или няньки при пеленаніи ребенка постоянно кладутъ его нѣсколько на одинъ который либо бокъ и въ продолженіе всего періода времени пеленанія не перемѣняютъ этого положенія. Дѣлается это не въ виду какихъ либо соображеній, а просто по непредусмотрительности послѣдствій и подъ вліяніемъ того только предположенія, что для ребенка удобнѣе лежать головою на извѣстномъ боку.»

Такимъ образомъ наша мысль относительно возможности измѣненія формы затылка путемъ постояннаго давленія на него, при продолжительномъ лежаніи ребенка на спинѣ, подкрѣпляется свидѣтельскими показаніями врачей и нѣкоторыхъ интеллигентныхъ людей, имѣвшихъ случай близко наблюдать вліяніе упомянутыхъ колыбелей на измѣненіе формы затылка, при чемъ, повторимъ еще разъ, одни изъ нихъ говорятъ о послѣдующемъ затѣмъ только уплощеніи затылка, другіе-же, кромѣ того, еще о нѣкоторомъ искошеніи его въ ту или другую сторону.

Чтобы еще съ большею увѣренностью закрѣпить за собою высказываемую мысль, я счелъ долгомъ поближе познакомиться въ антропологическомъ кабинетѣ нашего Университета съ богатой коллекціей череповъ, собранныхъ преимущественно проф. А. П. Богдановымъ, принадлежащихъ разнымъ народамъ Россіи, и изъ разныхъ періодовъ ихъ существованія. Среди этихъ череповъ, особенно среднеазіатскихъ, я дѣйствительно встрѣтилъ массу такихъ, которые поражали своимъ приплюснутымъ затылкомъ, или-же, кромѣ того, нѣкоторымъ искошеніемъ его въ ту или другую сторону.

Завѣдующій краніологическимъ отдѣломъ, К. Н. Иковъ, согласно моей просьбѣ, принялъ на себя трудъ пересмотрѣть все количество этихъ череповъ, числомъ болѣе 2000, при чемъ отбросивши всѣ фрагменты, а изъ цѣльныхъ всѣ тѣ, которые чѣмъ-бы то ни было давали поводъ подозрѣвать посмертную деформацію, имѣвшую мѣсто напр. въ землѣ подъ вліяніемъ тяжести, и послѣ всего этого подробно осмотрѣвши около 1700 череповъ, съ обязательною любезностью доставилъ мнѣ любопытныя данныя, касающіяся отношеній измѣненныхъ формъ затылка къ неизмѣненнымъ.

Чтобы отношенія эти представить съ возможною точностью и правдивостью, К. Н. Иковъ кромѣ того установилъ въ своей работѣ опредѣленныя названія для той или другой формы, или степени измѣненія затылка. Такъ онъ называетъ *общей* ассиметріей затылка тотъ случай, когда *весь* затылокъ принимаетъ въ ней участіе, и *частной*, когда только верхняя часть squam-ы os occipitis, — выше protuberantia occipitalis externa—ассиметрична.

Правой ассиметріей онъ называетъ ту, когда правая сторона затылка оттянута назадъ, и *лѣвой* обратный случай. Среди случаевъ общей ассиметріи онъ различаетъ еще такіе, когда степень ея весьма велика и весь черепъ *перекошенъ*—ассиметрія *рѣзкая*. Кромѣ ассиметріи наблюдается еще *уплощенность* затылка, причемъ и здѣсь можно различать *рѣзкое* уплощеніе, когда линія всего затылка отъ его поворота за bregm'ой (т. е. отъ макушки) идетъ болѣе или менѣе рѣзко внизъ;—затѣмъ болѣе *слабое*, часто ограничивающееся одною верхнюю частью squamae (выше protub. externa) и областію lambdae, а иногда даже мѣстное, распространяющееся только на одну сторону затылка,—обыкновенно лѣвую при правой ассиметріи и правую при лѣвой. Наконецъ, встрѣчаются еще болѣе мѣстныя или же и общія, по крайне слабыя и округлыя уплощенія, относитель-

но которыхъ остается не рѣшеннымъ—естественны-ли они, или нѣтъ, —это случаи, такъ называемаго, *сомнительнаго* уплощенія.

Распредѣливъ затѣмъ обозрѣваемое количество череповъ по группамъ, г. Иковъ находитъ въ ряду ихъ слѣдующія отношенія различныхъ ассиметрій или уплощеній:

Въ группѣ Туркестанскихъ череповъ съ количествомъ 200 штукъ найдено съ измѣненіями затылка 123, или иначе говоря 61,5% общаго числа. Несомнѣннаго измѣненія собственно затылка 107 или 53,5% общаго числа.

Ассимметріи вообще.	правой . 48—47 %	102—51 %	
	лѣвой . 54—53 »		
Уплощенности вообще	103 —	103—51,5 »	
сомнит	71 —	71—35,5 »	
Чистой ассимметріи.	правой . 9—45 »	20—10 »	
	лѣвой . 11—55 »		
Съ уплощеніемъ. .	правой . 39—47 »	83—41,5 »	
	лѣвой . 44—53 »		
Одна уплощенность	20 —	20—10 »	
сомнит	4 —	4— 2 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . 11—42,3 »	26—13 »	
	лѣвой . 15—57,6 »		
Общей »	правой . 33—48,5 »	68—34 »	
	лѣвой . 35—51,5 »		
Частной »	правой . 4—44,4 »	9— 4,5 »	
	лѣвой . 5—55,6 »		
Рѣзкой уплощенности	27—26,2 »	27—13,5 »	
Слабой »	76—73,3 »	76—38 »	
Сомнит. »	44 —	44—22 »	

Въ группѣ Монгольскихъ и Монголоидныхъ череповъ (Башкиръ, Калмыковъ, Пермяковъ, Теленгитовъ, Китайцевъ, Дунганъ и другихъ инородцевъ Сибири) осмотрѣно 260 штукъ, изъ коихъ съ измѣненіями затылка найдено 95 или 36,5%. Несомнѣнныхъ измѣненій затылка 85, т. е. 32,3%.

Ассимметріи вообще.	правой . 38—49,3%	77—29,6%	
	лѣвой . 39—50,7 »		
Уплощенности вообще	61 —	61—23,5 »	
сомнит	41 —	41—15,7 »	
Чистой ассимметріи.	правой . 17—50 »	34—13 »	
	лѣвой . 17—50 »		
Съ уплощеніемъ . .	правой . 21—48,9 »	43—16,5 »	
	лѣвой . 22—51,1 »		
Одна уплощенность	— —	18— 6,7 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . 8—67 »	12— 4,6 »	
	лѣвой . 4—33 »		
Общей »	правой . 26—46,4 »	56—21,5 »	
	лѣвой . 30—53,6 »		
Частной »	правой . 4 —	9— 3,4 »	
	лѣвой . 5 —		
Рѣзкой уплощенности	11 —	— 4,2 %	
Слабой »	50 —	— 19,2 »	
Сомнит. »	30 —	— 11,5 »	

Въ группѣ череповъ племенъ Кавказа (Абхазцевъ, Шапсуговъ, Натухайцевъ) осмотрѣно 164 шт., изъ коихъ съ измѣненіемъ затылка найдено 75, слѣдовательно 45,7%. Несомнѣннаго измѣненія затылка 70 или 42,7%.

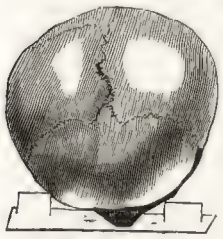
Ассимметріи вообще.	правой . 35—54,7%	64—39 %	
	лѣвой . 31—45,3 »		
Уплощенности вообще	47 —	47—28,8 »	
Чистой ассимметріи.	правой . 16—57,1 »	28—17 »	
	лѣвой . 12—42,9 »		
Съ уплощеніемъ. .	правой . 19—50 »	38—23,1 »	
	лѣвой . 19—50 »		
Одна уплощенность	9 —	39— 5,5 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . 4—28,5 »	14— 8,5 »	
	лѣвой . 10—71,5 »		
Общей »	правой . 24—58,5 »	41—25 »	
	лѣвой . 17—41,5 »		
Частной »	правой . 7—63,6 »	11— 6,7 »	
	лѣвой . 4—36,7 »		
Рѣзкой уплощенности	3—36,2 »	3— 1,8 »	
Слабой (съ сомнѣніемъ) . . .	44—63,8 »	44—26,8 »	

Въ группѣ череповъ кургановъ и могилъ Кавказскихъ осмотрѣно 75 штукъ, изъ коихъ съ измѣненіемъ формы затылка найдено 29, т. е. 36,2%. Несомнѣннаго измѣненія затылка найдено 28, т. е. 35%.

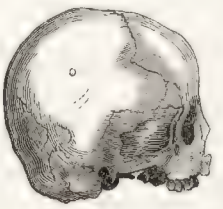
Ассимметріи вообще.	правой . 10—38,4%	26—32,5%	
	лѣвой . 16—61,6 »		
Уплощенности вообще	15 —	15—18,8 »	
Чистой ассимметріи.	правой . 5—35,7 »	14—17,5 »	
	лѣвой . 9—64,3 »		
Съ уплощеніемъ . .	правой . 5—41,5 »	12—15 »	
	лѣвой . 7—58,4 »		
Одна уплощенность	3 —	3— 3,8 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . 0 —	1— 1,2 »	
	лѣвой . 1 —		
Общей »	правой . 9—43 »	21—26,5 »	
	лѣвой . 12—57 »		
Частной »	правой . 1—25 »	4— 5 »	
	лѣвой . 3—75 »		
Рѣзкой уплощенности	4—26,6 »	4— 5 »	
Слабой (съ сомнѣніемъ) . . .	11—73,4 »	11—13,8 »	

Въ 1882 году я лично имѣлъ случай видѣть нѣсколько дѣтскихъ череповъ, добытыхъ г. Мережковскимъ въ 1880 г. изъ караимскихъ могилъ въ Крыму и любезно доставленныхъ мнѣ на разсмотрѣніе К. Н. Иковымъ. Черепа эти, судя по общему развитію и особенно по начавшейся въ верхнихъ челюстяхъ ихъ смѣнѣ первыхъ зубовъ, слѣду-

етъ отнести приблизительно къ возрасту около 6—7 лѣтъ. Нѣкоторые изъ этихъ череповъ въ затылочной своей части представляютъ также только что описанныя выше измѣненія, а именно: или просто приплюснутость, или отчасти также искошеніе затылка въ ту или другую сторону. —Мнѣ извѣстно непосредственно отъ московскихъ караимовъ, что среди племени ихъ, живущаго въ Крыму, равно какъ среди соплеменниковъ ихъ, прибывшихъ изъ Крыма въ Москву, какъ мнѣ и самому лично приходилось не разъ въ этомъ убѣдиться, дѣйствительно практикуются способы привязыванія дѣтей къ колыбелькамъ, устроеннымъ на манеръ описанныхъ выше Грузинскихъ, и потому я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что представляющіяся измѣненія въ затылочной части дѣтскихъ череповъ, собранныхъ г. Мережковскимъ, дѣйствительно произошли, благодаря вліянію, произведенному на нихъ описаннымъ выше укладываніемъ дѣтей. Для большей убѣдительности въ сказанномъ съ одного изъ караимскихъ череповъ, собранныхъ г. Мережковскимъ, сняты двѣ фотографическія карточки—одна сверху, другая съ боку, копіи съ которыхъ прилагаются здѣсь (фиг. 55 и 56).



Фиг. 55.



Фиг. 56.

По обозрѣніи способовъ укладыванія дѣтей въ постели по азіатскому обычаю, переходя къ обозрѣнію соотвѣтствующихъ способовъ укладыванія дѣтей у европейцевъ, мы, къ удивленію своему, видимъ, что отчасти схожій съ азіатскимъ въ этомъ отношеніи обычай существуетъ также и во многихъ государствахъ Европы, особенно Германіи, Франціи, Италіи, Швеціи, Россіи и т. д. Вотъ, напр., какъ описываетъ Плоссъ [1]) способы укладыванія дѣтей въ колыбели въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Въ Вюртембергѣ,—говоритъ онъ, —во многихъ домахъ еще и теперь употребляется такъ называемая *маленькая* колыбель, вышиною въ $1^1/_2$ фута; въ ней лежитъ маленькій мѣшокъ съ мякиной, на который кладутъ ребенка. Покрывало заходитъ за края боковыхъ досокъ и ребенокъ при качаніи легко-бы могъ выпасть изъ колыбели, если бы его руки не связывались бинтами и не прикрѣплялись-бы къ нижнимъ столбикамъ. Такимъ образомъ дитя лишается возможности поворачиваться, оно должно постоянно лежать на спинѣ, но оно можетъ еще двигать ножками и скользить ими по направленію къ подножію. Но чтобы воспрепятствовать и этимъ движеніямъ, а также приподниманію ребенка, и чтобы заставить его спокойно лежать подъ теплымъ одѣяломъ, послѣднее зигзагообразно прикрѣпляется посредствомъ длиннаго бинта къ деревяннымъ гвоздикамъ, вбитымъ нарочно для этой цѣли въ боковыя стѣнки колыбели. Въ этихъ тискахъ, употребляемыхъ часто и въ большихъ колыбеляхъ, ребенокъ лежитъ полсутки и долѣе, пока домашніе улучатъ время помыть его; ребенка, къ тому же, моютъ слѣдующимъ образомъ: ножной конецъ одѣяла раскрывается и заворачивается на голову ребенка и въ этомъ ужасномъ положеніи онъ остается все время, пока его моютъ, или просто постилаютъ сухую тряпку сверхъ промоченнаго мѣшка съ мякиной. Даже во время кормленія его не разшнуровываютъ; грудному-же младенцу мать даетъ грудь, стоя на колѣнахъ передъ колыбелью. Подобные-же обычаи продолжительнаго держанія дѣтей въ колыбеляхъ и повидимому, на спинѣ встрѣчаются также въ Лехрайнѣ, Оберъ-Пфальцѣ и т. д.

Относительно Франціи въ этомъ отношеніи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — говоритъ Layet, [1]) — не довольствуются полнымъ пеленаніемъ ребенка, но посредствомъ веревокъ привязываютъ его къ маленькой переносной люлькѣ, дѣлаемой изъ тростника или дерева, въ которой его и оставляютъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и изъ которой не вынимаютъ даже тогда, когда кормятъ грудью. Этотъ обычай существуетъ, напр., въ гористыхъ мѣстностяхъ верхней Луары, верхнихъ Альпъ и Гары».

Кромѣ того во Франціи, Италіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы между прочимъ весьма распространенъ обычай запаковыванія дѣтей въ особый мѣшокъ, довольно извѣстный и у насъ въ Россіи, на продолжительный срокъ, на спинѣ, при чемъ, очевидно, также даются всѣ условія для развитія такихъ-же измѣненій въ формѣ дѣтскаго затылка, какъ и въ черепахъ азіатскихъ дѣтей.

Наши русскія матери и няньки хотя не съ такимъ усердіемъ и не на такой продолжительный срокъ укладываютъ маленькихъ дѣтей въ колыбели на спинѣ, какъ это дѣлаютъ азіатскія матери и няньки; однако справедливость требуетъ сказать, что и русскимъ дѣтямъ, какъ это подробно выяснится въ свое время при моемъ описаніи русскихъ колыбелей, — приходится иногда весьма по долгу

[1]) D-r H. Ploss. D. s kleine Kind vom Tragbett bis zum ersten Schritt. 1881. S. 101.

[1]) A. Layet l. c. p. 397.

совсѣмъ не способна принимать какую-либо опредѣленную форму. За тѣмъ въ концѣ 3-го и началѣ 4-го мѣсяца утробной жизни зародыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упомянутой перепонки начинаютъ оставаться неизмѣнно въ одинаковомъ положеніи на спинѣ, вслѣдствіе чего намъ, русскимъ дѣтскимъ врачамъ, совсѣмъ не рѣдко приходится наблюдать пріобрѣтаемые за тѣмъ плоскіе, а иногда даже и нѣсколько искошенные въ сторону затылки у русскихъ дѣтей.

Для параллели сужденія о формѣ и измѣненіяхъ затылковъ теперяшняго русскаго населенія сравнительно съ существовавшимъ прежде, приведемъ здѣсь интересныя данныя изъ доставленной намъ работы К. Н. Икова, которымъ для нашей цѣли изслѣдовано было курганныхъ череповъ Великорусскихъ VIII — XIII в. 485 штукъ, курганныхъ череповъ Малороссіи отъ VI в. до Р. Х. до V в. по Р. Х. 239 штукъ и кладбищенскихъ череповъ Московской губерніи XV—XVIII в., какъ довольно близкихъ представителей современныхъ Великоруссовъ, 275 штукъ.

Въ группѣ череповъ сѣверной полосы Россіи VIII—XIII в., добытыхъ изъ кургановъ губерній Новгородской, Московской, Ярославской и Тверской, изъ количества 485 шт. съ различными измѣненіями формы затылка найдено 88 или 18% общаго числа несомнѣннаго измѣненія затылка 16 «изъ общаго числа.

Ассимметріи вообще.	правой . 36—45, 5 %	79—16⅓ %	
	лѣвой . 43—54,5 »		
Уплощености	41 —	8,4%	
Чистой ассимметріи.	правой . 21—45,6 »	46 — 9,4 »	
	лѣвой . 25—54,4 »		
Вмѣстѣ съ уплощен.	лѣвой . 15—45,4 »	33 — 6,8 »	
	правой . 18—54,6 »		
Одной уплощенности	8 —	8 — 1,8 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . 2—67 »	3 — 0,6 »	
	лѣвой . 1—33 »		
Общей.	правой . 29—46,7 »	12 — 12,7 »	
	лѣвой . 33—53,3 »		
Частной	правой . 5—35,7 »	14	
	лѣвой . 9—64,3 »		
Рѣзкой уплощенности . . .	5—11,6 »	5 — 1 »	
Слабой	38—88,4 »	38 — 7,8 »	

Въ группѣ череповъ Южной полосы Россіи, добытыхъ изъ кургановъ и могилъ губерній Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Курской изъ числа 239 найдено измѣненныхъ формъ затылка 44 или 18%; несомнѣннаго измѣненія затылка 40 или 16,7%.

Ассимметріи вообще.	правой . 20—45,4%	44—18,4%	
	лѣвой . 24—54,6 »		
Уплощенности	21 —	21— 8,7 »	
Чистой ассимметріи.	правой . 9—39,1 %	23— 9,6 %	
	лѣвой . 14—60,9 »		
Съ уплощенностью.	правой . 11—52,4 »	21— 8,3 »	
	лѣвой . 10—77,6 »		
Рѣзкой ассимметріи.	правой . — —	1— 0,4 »	
	лѣвой . 1 —		
Общей »	правой . 17—56,3 »	30—12,6 »	
	лѣвой . 13—43,7 »		
Частной »	правой . 3—23 »	13— 5,5 »	
	лѣвой . 10—77 »		
Рѣзкой уплощенности . . .	1— 5 »	0,4 »	
Слабой » . . .	20—95 »	8,3 »	

Въ группѣ череповъ Старо-Московскихъ XV—XVIII ст. изъ 275 съ измѣненіями затылка найдено 101 шт., т. е. 36,7%; несомнѣннаго измѣненія затылка, 87 т. е. 316%.

Ассимметріи вообще.	правой . 32—42,6%	75—27,4%	
	лѣвой . 43—57,4 »		
Уплощенности вообще . . .	—	67 24,3 »	
» сомнит	—	53 19,2 »	
Чистой ассимметріи.	правой . — 13 »	34—12,3 »	
	лѣвой . — 21 »		
Съ уплощенностью.	правой . — 19 »	41—14,9 »	
	лѣвой . — 22 »		
Одна уплощенность.	— —	12— 4,3 »	
Рѣзкой ассимметріи.	правой . — 3 »	3— 1,1 »	
	лѣвой . — 0 »		
Общей »	правой . — 26 »	62—22,5 »	
	лѣвой . — 36 »		
Частной »	правой . — 3 »	10— 3,6 »	
	лѣвой . — 7 »		
Рѣзкая уплощенность. . . .		4— 1,5 »	
Слабая » . . .		63—22,8 »	

При обсужденіи условій вліянія колыбели на уплощеніе и искошеніе затылка, не будемъ однако терять изъ вида и другихъ причинъ, могущихъ вызвать подобныя-же измѣненія. При этомъ естественно возникаютъ слѣдующіе вопросы: не могутъ-ли произойти подобныя-же измѣненія путемъ физіологическимъ, патологическимъ, въ связи съ расовыми особенностями? и т. д.

Разъясненіе приведенныхъ вопросовъ, очевидно, прежде всего требуетъ отъ насъ нѣкоторыхъ справокъ изъ разныхъ періодовъ развитія человѣческаго зародыша и дитяти, начиная съ эмбріональной и утробной жизни ребенка и кончая расовыми особенностями человѣка изъ области антропологіи.

Что касается эмбріологіи, то мы должны замѣтить, что при первоначальномъ развитіи зародыша та часть, изъ которой впослѣдствіи образуется черепъ, довольно долго остается перепончатою, слѣдовательно въ такомъ состояніи, въ какомъ она

образоваться пункты окаменѣнія, а именно въ центрахъ костей: лобныхъ, затылочной, теменныхъ, височныхъ и т. д. Эти точки и впослѣдствіи остаются болѣе замѣтными въ видѣ возвышеній или бугровъ (tubera). Чѣмъ далѣе проходитъ время, тѣмъ шире разростаются эти первоначальные островки окостѣненія, представляя, напр., во второй половинѣ беременности уже достаточно замѣтныя для глаза тонкія, костяныя чешуйки, раздѣленныя между собою остатками перепончатаго вещества, представляющагося къ концу утробной жизни ребенка въ формѣ родничковъ, т. е. несросшихся еще костяныхъ швовъ.

Въ тотъ періодъ, когда перепончатая сумка для мозга зародыша начинаетъ преобразовываться въ костный футляръ, послѣдній мало по малу начинаетъ принимать уже опредѣленную форму, сохраняющую иногда свой типъ на всю жизнь. Развитіе формы черепа въ этотъ періодъ зависитъ главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ условій: 1) отъ *силы, степени и особенности развитія костнаго образованія* изъ перепончатаго мѣшка, что иногда стоитъ въ непосредственной связи съ здоровьемъ матери и зародыша, или просто зависитъ отъ какихъ-то, до сихъ поръ еще не совсѣмъ понятныхъ, индивидуальныхъ особенностей послѣдняго; 2) отъ *содержимаго черепа*, а именно: мозга, его оболочекъ, сосудовъ, крови, жидкостей; 3) отъ *вліянія мягкихъ частей, окружающихъ черепъ*, а именно: мышцъ, нервовъ и т. д.; 4) отъ какихъ либо *патологическихъ* измѣненій, развившихся непосредственно въ самомъ черепѣ; 5) отъ вліянія *среды*, окружающей черепъ, разумѣя въ томъ числѣ вліяніе формы таза, какихъ либо неправильностей его, искривленій, новообразованій и особенно при извѣстномъ положеніи ребенка.

Останавливаясь нѣсколько внимательнѣе на разсмотрѣніи перваго ряда только что упомянутыхъ вліяній, мы должны прежде всего припомнить здѣсь то обстоятельство, что черепъ, получивъ костную основу въ главныхъ частяхъ своихъ, начинаетъ за тѣмъ развиваться въ длину и ширину на счетъ швовъ, мало по малу переходящихъ въ костную ткань. Если этотъ источникъ тканей на границахъ швовъ изсякаетъ не скоро, то обыкновенно и процессъ окостѣненія ихъ совершается постепенно и черепъ ростетъ безпрепятственно во всѣхъ размѣрахъ. Если-же наоборотъ источникъ этихъ тканей уничтожается быстро, иначе говоря, наступаетъ раннее окостѣненіе тѣхъ или другихъ швовъ, то скоро прекращается и развитіе черепа въ томъ или другомъ направленіи, смотря по наступленію наиболѣе ранняго окостѣненія въ тѣхъ или другихъ швахъ (synostosis praematura). Для примѣра укажемъ здѣсь на нѣкоторые случаи преждевременнаго и запоздалаго окостѣненія швовъ, равно какъ ранняго и поздняго закрытія родниковъ. Такъ, положимъ, что стрѣлообразный шовъ подвергся преждевременному окостѣненію (synostosis sagittalis); тогда сводъ черепа не будетъ расти въ ширину въ теменныхъ костяхъ и отъ того произойдетъ поперечное съуженіе черепа. Напротивъ кости сравнительно будутъ болѣе расти въ длину, потому что это дозволяютъ другіе швы: ламбдовидный и вѣнечный. Такимъ образомъ выходитъ узкій и длинный черепъ, долихоцефалическій, со лбомъ слишкомъ выпуклымъ. Возьмемъ нѣсколько другихъ случаевъ. Иногда происходитъ преждевременное окостѣненіе вѣнечнаго шва; при этомъ лобъ является длиннымъ, низкимъ и узкимъ—Leptocephalus.

При преждевременномъ окостѣненіи ламбдовиднаго шва, черепъ разростается въ ширину, а по продольной оси своей значительно укорачивается, вслѣдствіе чего получается форма такъ называемая брахицефалическая, или короткоголовая (Brachycephalia). Если при этомъ долго не окостѣневаетъ лобный родничекъ, то образуется острая верхушка—Oxycephalus.

Эти двѣ послѣднія формы въ высшей степени важны для насъ при сравненіи ихъ съ тѣми формами, которыя получаются отъ вліянія указаннаго выше механическаго давленія на затылокъ со стороны постели. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. подъ вліяніемъ насилія со стороны постели, можетъ и не происходить преждевременнаго окостѣненія ламбдовидныхъ швовъ; но такъ какъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь представляется значительное препятствіе для развитія затылка со стороны постели, то въ концѣ концовъ результатомъ такого механическаго насилія являются, какъ мы уже видѣли выше,—плоскій затылокъ, брахицефалическая голова, а если при этомъ еще долго не окостѣнѣетъ лобный родничекъ, то можетъ образоваться также острая голова—Oxycephalus, на что въ нѣкоторыхъ видѣнныхъ нами среднеазіатскихъ черепахъ дѣйствительно и даются нѣкоторые намеки.

Рождается вопросъ: какъ-же отличить происхожденіе уплощенія затылка вслѣдствіе преждевременнаго окостѣненія ламбдовидныхъ швовъ и вслѣдствіе механическаго вліянія на него колыбели? Отвѣтъ далеко не трудный: при окостѣненіи швовъ (synostosis) зубчатая линія, обыкновенно характеризующая особенности черепныхъ швовъ, выглаживается и исчезаетъ совершенно такъ же, какъ и на старыхъ черепахъ. Констатированіе этого выглаживанія такимъ образомъ и будетъ явленіемъ характернымъ для преждевременнаго сращенія швовъ; уплощеніе-же затылка безъ этого выглаживанія и наоборотъ при полномъ присутствіи зазубринъ и по всему протяженію швовъ, какъ показано на демонстрируемыхъ нами рисункахъ, будетъ указывать на происхожденіе его путемъ механическаго насилія.

До сихъ поръ мы говорили о нѣкоторыхъ уклоненіяхъ въ формѣ головы симметрическихъ, т. е. одинаково выраженныхъ съ обѣихъ сторонъ. Но бываютъ несимметрическіе черепа, происходящіе между прочимъ отъ преждевременнаго окостѣненія какого либо шва съ одной только стороны,—*a synostosi unilaterali*. Такимъ образомъ, напр., если преждевременное окостѣненіе ламбдовиднаго шва является только съ одной стороны, то рощеніе черепа прекращается съ этой стороны и увеличивается относительно съ другой половины головы, особенно въ затылочной части, иначе говоря, здѣсь получается такъ называемая сколіотическая форма, т. е. искривленная, каковая между прочимъ получается также и вслѣдствіе укладыванія дѣтей въ постелѣ на одну какую либо сторону, на продолжительный срокъ. Однако искривленіе затылка, происшедшее отъ преждевременнаго окостѣненія ламбдовиднаго шва, можно и здѣсь констатировать только въ томъ случаѣ, если, какъ мы упомянули выше, зубчатая линія шва здѣсь совсѣмъ изгладилась и исчезла; если-же наоборотъ эта линія вполнѣ сохранилась, то при объясненіи происхожденія этого искривленія всего вѣрнѣе слѣдуетъ искать причину его въ механическомъ вліяніи.

Второй рядъ причинъ, обусловливающій измѣненія въ формѣ черепа въ зависимости отъ его содержимаго, касается большей или меньшей энергіи развитія тѣхъ или другихъ тканей, выполняющихъ содержимое черепа, при томъ въ связи съ общимъ ростомъ, или безъ этой связи, или наконецъ развившихся патологически. Къ этому ряду уклоненій въ развитіи формы черепа можно отнести прежде всего microcephaliam и macrocephaliam, которыя въ свою очередь могутъ развиться также симметрично или несимметрично, смотря потому, будетъ-ли растительная энергія содержимыхъ тканей выражена равномѣрно или неравномѣрно въ обѣихъ половинахъ, или она будетъ выражена только въ нѣкоторыхъ частяхъ черепа. Сюда же можно отнести разнообразныя формы головныхъ водянокъ, обусловленныхъ накопленіемъ жидкости въ полости черепа, при томъ опять таки иногда болѣе съ той, иногда съ другой стороны. Въ этомъ ряду причинъ для насъ особенно важно обратить вниманіе на измѣненія въ области затылка у гидроцефалическихъ череповъ, а именно: такъ какъ дѣти, страдающія головной водянкой, обыкновенно по долгу лежатъ на затылкѣ и при томъ прямо лицемъ кверху, или нѣсколько на бокъ, смотря по желанію и соображенію матери, то именно у такихъ-то дѣтей обыкновенно замѣчаются слѣдующія измѣненія въ области затылка: затылочная кость въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ недостаточно развитою и тонкою, такъ какъ давленіе содержимаго черепа замедляетъ ея развитіе и ростъ во всѣхъ направленіяхъ; далѣе, она представляется недостаточно окостенѣвшею, мягкою на ощупь сплошь или мѣстами, что происходитъ прямо отъ того, что значительное давленіе со стороны содержимаго въ гидроцефалическомъ черепѣ можетъ произвести мало по малу исчезаніе и продырявливаніе этой кости на большемъ или меньшемъ пространствѣ (craniotabes); наконецъ для насъ особенно важно въ данномъ случаѣ то, что такого рода черепа отличаются по замѣчанію врачей черезъ чуръ плоскимъ или значительно искошеннымъ (несимметрическимъ) затылкомъ, что обусловливается прямо продолжительнымъ лежаніемъ больнаго на спинѣ, или съ нѣкоторымъ наклономъ этого положенія въ ту или другую сторону, а между тѣмъ кости затылка слабы, мягки и даютъ средства для развитія такого ненормальнаго состоянія затылка, называемаго обыкновенно scoliosis habituelis.

Разсматривая третій рядъ причинъ, могущихъ произвести измѣненія въ формѣ черепа въ утробной жизни, мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что, напр., при параличѣ или ослабленномъ состояніи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, мускуловъ, прикрѣпляющихся къ затылочной кости, можетъ атрофироваться или отстать въ развитіи и эта самая кость, при томъ, смотря по распространенію пораженія, только съ одной стороны или съ обѣихъ. Но такъ какъ это патологическое состояніе встрѣчается вообще крайне рѣдко, то при сравнительной оцѣнкѣ аномалій, получаемыхъ въ послѣднемъ случаѣ, съ разсматриваемымъ нами измѣненіемъ затылка, мы, не придавая имъ большаго значенія для нашей цѣли, тѣмъ не менѣе считали не лишнимъ упомянуть о нихъ здѣсь.

Въ ряду причинъ четвертаго ряда, могущихъ обусловить измѣненную форму черепа въ утробной жизни, слѣдуетъ поставить различныя новообразованія, развивающіяся на черепѣ и въ самомъ существѣ его, напр. фиброиды, отеифиты, различнаго рода перерожденія костей черепа и т. д. Но всѣ эти измѣненія уже по характеру своему рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которыя мы поставили предметомъ своего спеціальнаго разсмотрѣнія, поэтому хотя, собственно говоря, они и мало идутъ въ параллель къ нашимъ случаямъ, тѣмъ не менѣе мы считали нелишнимъ упомянуть здѣсь и о нихъ для болѣе подробнаго и обстоятельнаго сравненія своихъ случаевъ со всѣми, сколько нибудь аналогичными имъ.

Приступая къ разсмотрѣнію вліянія среды въ утробной жизни ребенка на измѣненія формы черепа, мы прежде всего должны сказать, что вопросъ этотъ, не смотря на громадный интересъ его съ антропологической точки зрѣнія, до сихъ поръ еще недостаточно разработанъ. За послѣднее время, напр. въ нѣмецкой литературѣ, при всѣхъ на-

шихъ усиленныхъ изысканіяхъ удалось однако найти только лишь двѣ небольшія статьи, спеціально посвященныя разсматриваемому нами вопросу, изъ которыхъ одна принадлежатъ Проф. Гудену, [1]) а другая Проф. Риттеру. [2])—Проф. Гудденъ описываетъ чрезвычайно замѣчательный по рѣдкости своей формы черепъ 2—3 мѣсячнаго дитяти, находящійся въ патолого-анатомическомъ собраніи Цюрихской Высшей Школы, который, при совершенно нормальномъ образованіи костей своихъ, представляетъ замѣтную задержку въ развитіи лѣвой половины черепа спереди и правой сзади, вслѣдствіе чего весь черепъ представляется значительно искошеннымъ, а лѣвый лобный бугорокъ кромѣ того даже уплощеннымъ. Такая аномалія формы черепа, очевидно, произошла: a) отъ внѣшняго, довольно продолжительнаго давленія на черепъ еще въ утробной жизни; b) она произошла вслѣдствіе давленія на черепъ съ двухъ противуположныхъ сторонъ: слѣва и спереди, справа и сзади. Части, которыхъ касалось это давленіе, значительно задержаны были въ развитіи; наоборотъ тѣ части, которыя лежали въ направленіи безпрепятственнаго роста, значительно развились, иначе говоря, въ нихъ произошла несомнѣнная компенсація. Измѣренія описываемаго черепа въ упомянутыхъ направленіяхъ дало Гуддену слѣдующіе результаты: отъ лѣваго лобнаго бугра до начала нижней трети праваго ламбдовиднаго шва 11,3 ctm; отъ праваго лобнаго бугра до начала нижней трети лѣваго ламбдовиднаго шва 12,5 ctm. Въ параллель къ этому случаю Гудденъ цитируетъ еще нѣсколько аналогичныхъ, приведенныхъ изъ хирургіи Брунса, а именно: случай Франка, случай d'Outrepont'a, случай Dünzer'a, знавшихъ въ свое время женщинъ, страдавшихъ тѣми или другими неправильностями таза и родившихъ потомъ дѣтей съ сколіотическими черепами.—Профессоръ Ritter въ своей статьѣ описалъ случай вдавленія лѣвой темянной кости, соотвѣтственно лѣвому темянному бугорку, на протяженіи 4 ctm. у одного новорожденнаго, происшедшаго на свѣтъ отъ матери, имѣвшей тазъ, такъ называемый плоскорахитическій, а позвоночникъ въ поясничной части слегка изогнутый сколіотически и сильно лордотически. Въ своемъ эпикризисѣ къ этому случаю Ritter прибавляетъ, что въ ряду 30,000 изслѣдованныхъ имъ новорожденныхъ ему только 3 раза приходилось наблюдать подобныя вдавленія и каждый разъ именно соотвѣтственно лѣвому темянному бугорку. Происхожденіе этихъ вдавленій Ritter относитъ къ послѣднему времени утробной жизни, а не къ фетальному періоду и, согласно съ мнѣніемъ Kehrer'a, высказываетъ ту мысль, что аномаліи подобнаго рода происходятъ вслѣдствіе давленія со стороны Promontorium'a въ сильно рахитическихъ или вообще узкихъ тазахъ. Къ ряду случаевъ, указывающихъ на возможность значительнаго давленія на черепъ и измѣненія формы его въ утробной жизни, можно отнести также два случая, отмѣченные въ анатомопатологическомъ отчетѣ, составленномъ проф. И. Ѳ. Клейномъ, по грудным лазаретамъ Московскаго Воспитательнаго Дома за 1876 г. Въ обоихъ этихъ случаяхъ наблюдалась замѣтная Depressio congenita ossis bregmatis sinistra, при чемъ выпуклая поверхность лѣваго полушарія большаго мозга представляла углубленіе, соотвѣтственно вдавленію на черепѣ. Въ анатомопатологическомъ отчетѣ по тому-же Дому за 1878 г. проф. Клейномъ отмѣченъ еще случай depressionis ossis frontis lateris sinistri неправильно трехъугольнаго очертанія, соотвѣтственно лобному бугорку. Въ анатомопатологическомъ отчетѣ по тому-же Дому за 1879 г., составленномъ д-ромъ Розенбергомъ, отмѣченъ случай перекошеннаго черепа (scoliosis cranii), въ которомъ впрочемъ существовала synostosis правой половины вѣнечнаго шва и лѣвой половины ламбдовиднаго шва при одновременномъ захожденіи лѣвой темянной кости на затылочную.—Какъ ни мало приведено нами случаевъ, указывающихъ на возможность значительнаго измѣненія формы черепа въ утробной жизни ребенка подъ вліяніемъ внѣшнихъ насилій окружающей среды, тѣмъ не менѣе и изъ этого малого количества мы все-таки имѣемъ право вывести то заключеніе, что во первыхъ, такого рода насильственныя вліянія дѣйствительно существуютъ; во вторыхъ, что такого рода насилія, къ счастію, являются во всякомъ случаѣ крайне рѣдко; наконецъ, въ третьихъ, что, судя по приведеннымъ случаямъ, менѣе всего они касаются именно области затылка, а наоборотъ главнѣйшимъ образомъ обнаруживаютъ свое вредное вліяніе въ области костей лобной и темянной.—Легкія формы сколіоза черепа встрѣчаются, повидимому, нерѣдко. Такъ въ анатомопатологическихъ отчетахъ проф. И. Ѳ. Клейна по Моск. Воспитат. Дому этотъ сколіозъ отмѣченъ былъ

въ 1872 г.	изъ	2745	вскрытыхъ	дѣтей	34 раза;
» 1873 г.	»	2973	»	»	24 »
» 1874 г.	»	2659	»	»	5 »
» 1876 г.	»	3389	»	»	54 »

Къ сожалѣнію, въ приведенныхъ отчетахъ не отмѣчено, въ какихъ именно частяхъ черепа главнымъ образомъ наблюдался этотъ сколіозъ.—Впрочемъ, что касается легкаго сколіоза, то, по нашему личному наблюденію, эта форма легко исчезаетъ съ возрастомъ ребенка сама собою, точно также,

[1]) Anomalien des menschlichen Schädels von Gudden. (Archiv f. Psyhiatrie u. Nervenkrankheiten, herausgegeben von B. Gudden, E. Leyden, L. Meyer, C. Westphal. 1870. B. II. S. 367—373).

[2]) Prof. Ritter. Impressio ossis bregmatis. Prager med. Wochenschrift. 1876. № 32—37.

какъ весьма часто исчезаютъ почти безслѣдно, по описанію очевидцевъ, легкія деформаціи череповъ, производимыя у разныхъ народовъ въ дѣтствѣ различными давящими повязками.

Теперь слѣдуетъ указать еще на моментъ, могущій обусловить возможность измѣненія формы дѣтскаго черепа,—это именно механизмъ родовъ. Замѣтимъ здѣсь прежде всего, что по наблюденіямъ акушеровъ, изъ 100 родовъ обыкновенно около 92% приходится на положенія головныя, около 4% на тазовыя, около 1% на поперечныя и около 3% на неопредѣленныя. Изъ головныхъ положеній чаще всего встрѣчаются затылочныя, а именно около 99%, [1]) съ малымъ родничкомъ впередъ. Когда наступаютъ роды, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ положеніе младенца соотвѣтствуетъ яйцеобразной формѣ матки, а именно: позвоночникъ образуетъ дугу, которая выпуклостью своею соотвѣтствуетъ выгнутой поверхности матки, а голова, по тяжести своей, обращена внизъ и дѣйствуетъ какъ клинъ, раздвигая предлежащія части. При дальнѣйшихъ сокращеніяхъ матки голова ребенка испытываетъ такое значительное насиліе, что даже при нормальныхъ родахъ еще неплотно соединенныя швами кости черепа новорожденнаго заходятъ одна за другую, а самый черепъ значительно вытягивается въ длину; при родахъ же сколько нибудь трудныхъ и особенно когда замѣчается несоотвѣтствіе величины между тазомъ и головой ребенка, упомянутыя измѣненія формы головы новорожденныхъ наблюдаются еще рѣзче и даже кромѣ того съ значительными поврежденіями другаго рода, напр. переломами и т. д. Если кромѣ того при родахъ употребляется наложеніе щипцовъ, то на черепахъ новорожденныхъ нерѣдко встрѣчаются вдавленія, соотвѣтствующія наложенію ложекъ щипцовъ. Болѣе подробно и обстоятельно описанные случаи несомнѣннаго вліянія механизма родовъ на измѣненіе формы черепа новорожденнаго между прочимъ собраны въ сочиненіи Michaelis'a. [2]) Въ 1870 г. Hecker представилъ прекрасное изслѣдованіе объ измѣненіи формы черепа при лицевыхъ положеніяхъ, причемъ высказалъ ту мысль, что рождаемыя въ такомъ положеніи дѣти весьма часто получаютъ долихоцефалическую форму черепа. При ягодочныхъ положеніяхъ, по Hecker'у и Winckel'ю, получаются вообще круглыя головы. [1]) Вотъ сколько поводовъ къ измѣненію формы дѣтскаго черепа подъ вліяніемъ механизма родовъ. Но здѣсь же прибавимъ, что всѣ эти измѣненія въ громадномъ большинствѣ случаевъ бываютъ только временныя, исчезающія впослѣдствіи безъ слѣда и ни мало немѣшающія затѣмъ естественному развитію правильной расовой формы черепа.

Можетъ быть, наконецъ, существуютъ расовыя особенности черепа, при которыхъ также существуютъ уплощенія затылка, схожія съ тѣми, на которыя мы указывали выше, ставя ихъ въ связь съ механическимъ вліяніемъ постели? На этотъ вопросъ, полагаемъ, возможнымъ отвѣчать такъ: съ одной стороны строго научнаго разъясненія разсматриваемаго нами вопроса съ точки зрѣнія расовой мы до сихъ поръ не имѣемъ; съ другой стороны весьма замѣчательно, что описанныя нами выше деформаціи затылка чаще всего встрѣчаются какъ разъ среди тѣхъ племенъ и народовъ, которые съ незапамятныхъ временъ употребляютъ для своихъ дѣтей такія колыбели, въ которыхъ, при извѣстныхъ способахъ укладыванія дѣтей, въ самомъ дѣлѣ могутъ развиться такіе плоскіе и искошенные затылки, какіе мы описали выше.

Во всякомъ случаѣ на основаніи всего вышеизложеннаго матеріала мы можемъ теперь придти съ достаточною увѣренностью къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) возможность механическаго вліянія колыбели на уплощеніе и искошеніе затылка въ указанныхъ нами случаяхъ можно считать доказанною; 2) наиболѣе благопріятствующія условія для развитія такого рода измѣненій затылка встрѣчаются въ Азіи, благодаря особенностямъ устройства азіатскихъ колыбелей, хотя не мало поводовъ для пріобрѣтенія такого-же рода аномалій затылка даютъ и способы укладыванія дѣтей въ постели во многихъ мѣстностяхъ Европы; 3) возможность механическаго вліянія постели на уплощеніе и искошеніе затылка давно замѣчена врачами при гидроцефаліяхъ и эти наблюденія въ свою очередь какъ нельзя болѣе подтверждаютъ также развиваемую нами мысль; 4) кромѣ колыбели на уплощеніе и искошеніе затылка могутъ вліять отчасти нѣкоторыя обстоятельства физіологическія и патологическія, указанныя выше; но на основаніи приведенныхъ соображеній, повидимому, всегда есть возможность распознать: въ какомъ именно случаѣ упомянутыя измѣненія формы затылка произошли отъ механическаго вліянія на него постели и въ какомъ отъ другихъ причинъ.

По разсмотрѣніи механическаго вліянія колыбели на измѣненіе формы затылка, можетъ быть, желательно было бы знать: не влечетъ-ли за собою это измѣненіе какихъ либо особыхъ проявленій въ сферѣ психической жизни человѣка? Къ сожалѣнію, функціи частей мозга, занимающихъ заднюю черепную впадину, до сихъ поръ еще весьма мало разработаны, а потому и никакого болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать нельзя.

---

[1]) Медицинскій отчетъ Родовспомогательнаго Заведенія Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома за 1876 и 1877 гг., составленный Д—ромъ Гугенбергеромъ, стр. 86.

[2]) Das enge Becken. Leipzig. 1851.

[3]) Gudden l. c.

ГЛАВА XV.

КОЛЫБЕЛИ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. *)

Понятіе о колыбеляхъ. — Народы, не употребляющіе ихъ.—Прототипы колыбелей.—Преобладаніе той или другой формы у разныхъ народовъ. — Своеобразныя формы колыбелей американскихъ индійцевъ. — Колыбели древнихъ Грековъ, Римлянъ, древнихъ и современныхъ Германцевъ.—Вредъ укачиванія.—Ухищренія нашего времени въ этомъ направленіи. — Дѣтскія кроватки во Франціи и Англіи.

Подъ именемъ колыбели обыкновенно разумѣютъ снарядъ, назначаемый для помѣщенія въ немъ ребенка, какъ въ постелѣ, которая кромѣ того могла-бы служить ему средствомъ охраны отъ животныхъ и насѣкомыхъ, а также для успокоенія и усыпленія.

Нѣкоторые народы совсѣмъ не употребляютъ колыбелей, напримѣръ, Исландцы, Цыгане, Коряки. Относительно *Цыганъ* Тобольской губерніи г. Голодниковъ говоритъ слѣдующее: «они колыбелей для своихъ дѣтей не дѣлаютъ, но, завернувши ихъ въ какія нибудь тряпки, оставляютъ спать на одеждахъ или перинахъ своихъ родителей. То же говорятъ о цыганахъ референты другихъ губерній Россіи. *Коряки*,—по свидѣтельству *Кривошапкина*, [1]) колыбелей и пеленанія не знаютъ, но кладутъ дѣтей своихъ прямо на землю».—Въ прежнее время на востокѣ бѣдные люди клали дѣтей своихъ въ ясли животныхъ, въ сообществѣ съ которыми они жили въ своихъ жилищахъ. Такъ І. Х. лежалъ въ ясляхъ въ первое время послѣ своего рожденія.

Настоящею первобытною колыбелью надо считать, вѣроятно, руки и спину матери, лежа на которыхъ дитя убаюкивается качательными движеніями ея тѣла. Часто случается видѣть и теперь, какъ Гренландки, Камчадалки и Тунгуски закачиваютъ своихъ дѣтей, лежащихъ у нихъ на спинѣ, покачиваясь взадъ и впередъ верхней частью своего туловища и мурлыча при этомъ пѣсенку. Очевидно, что такое укачиваніе ребенка на спинѣ и на рукахъ матери или няньки есть самое естественное.

Если спросятъ: какой собственно снарядъ надо считать первобытной колыбелью? То вмѣстѣ съ Плоссомъ можно отвѣтить, что такихъ снарядовъ, вѣроятно, было два. Одинъ изъ нихъ, состоящій изъ корзины или деревяннаго ящика съ закругленнымъ дномъ, ставился на землю и приводился въ движеніе при боковомъ качаніи, другой дѣлался въ видѣ гамака, висящаго на веревкахъ, на подобіе качелей, и легко раскачивался изъ стороны въ сторону. Отъ этихъ двухъ первоначальныхъ формъ колыбелей, вѣроятно, произошли всѣ позднѣйшія видоизмѣненія. — Нѣкоторые народы пользуются первой изъ описанныхъ формъ, другіе - второй; но есть и такіе, у которыхъ въ ходу и та и другая. Первая изъ вышеописанныхъ формъ не очень употребительна между грубѣйшими дикарями, а потому надо полагать, что висячая колыбель есть самая первобытная,—выработавшаяся изъ формы гамака, мѣшка и сумки, въ которыхъ жены дикарей и до сихъ поръ носятъ своихъ дѣтей, идя на работу или отправляясь въ путь. Правда, иногда и дикари укладываютъ дѣтей своихъ въ плетеныя корзины какъ напримѣръ женщины на Гуанахѣ, одномъ изъ острововъ Тихаго океана [1])—(см. фиг. 57), или обитательницы берега Сѣверозападной Америки, въ Уналашкѣ, или же наконецъ какъ укладываютъ ихъ иногда напримѣръ въ Калифорніи, въ черепаховую скорлупу, которую также можно признать за колыбель; но все это одни исключенія.

Напротивъ всѣ кочующія и первобытныя племена употребляютъ для храненія и ношенія дѣтей своихъ: одни сумки или мѣшки, другія—доски и ящики, снабженные веревками, посредствомъ которыхъ надѣваютъ ихъ себѣ на плечи, а въ случаѣ надобности привѣшиваютъ ихъ на сучья деревъ и т. п. Карибы и хуроэскіе индійцы, напр., живущіе на сѣверо-западѣ Южной Америки, кладутъ совер-

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки Академика Кривошапкина. 1819 г. Т. II, стр. 224.

[1]) Binzi, Oceanien, deutsch II T. 87. Также см. А. Ф. Швейгеръ Лерхенфельдъ: Женщина, ея жизнь и пр. Перев. съ нѣмецкаго 1882 г., стр. 417.

*) Многія данныя для этой главы заимствованы у Плосса. Выдержки изъ другихъ авторовъ означены особыми цитатами

шенно голыхъ дѣтей въ висящую койку, прикрѣпленную къ вѣтвямъ деревьевъ. Индійцы племени *Ассинибойны* на перекочевкахъ во время странствованій вѣшаютъ также на дерево кожанную сумку съ покоющимся въ ней ребенкомъ. То же дѣлаютъ индійцы племени Крикъ, живущіе въ Сѣверной Америкѣ.

По словамъ Лери, у бразильскихъ индійцевъ, отецъ кладетъ голаго новорожденнаго въ висячую

Фиг. 57. Колыбель въ Гуаханѣ, одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

постель, сдѣланную изъ хлопка. Женщины племени *Шангала* въ Африкѣ, для предохраненія ребенка отъ большихъ муравьевъ и змѣй, подвѣшиваютъ его на дерево тотчасъ по рожденіи; по прошествіи же нѣсколькихъ дней, когда ребенокъ сколько нибудь окрѣпнетъ, мать завертываетъ его и носитъ на спинѣ. *Малайскія* женщины вообще рѣдко пользуются колыбелью для усыпленія ребенка; однако для этой цѣли имъ служитъ иногда маленькій гамакъ съ прикрѣпленными къ нему въ двухъ противуположныхъ концахъ веревками. «Туянъ» (Фиг. 58) *Дайяковъ* на Борнео представляетъ собою мѣшкообразную висячую постель, въ которой качаютъ дѣтей.

Обитательницы восточнаго и западнаго береговъ Новой Гвинеи, а также на островѣ Юлей, носятъ своихъ дѣтей во время странствованія въ сѣткообразной корзинѣ, которую во время отдыха подвѣшиваютъ гдѣ нибудь и качаніемъ усыпляютъ въ нихъ дѣтей.

Употребленія первобытной формы колыбели придерживаются особенно народы, упорно сохраняющіе свои обычаи.

Замѣчательно,—говоритъ Плоссъ,—что три финскія племени, живущія на Европейской территоріи, въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, именно: *Финны*, *Эстонцы* и *Венгерцы*, всѣ вполнѣ сохранили одинаковые пріемы относительно ухода за дѣтьми

Фиг. 58. Туянъ Дайяковъ.

и особенно употребленія висячей колыбели для дѣтей во время полевыхъ работъ. Объ употребленіи такой колыбели у древнихъ Финновъ упоминаетъ еще Тацитъ, говоритъ Procopius, а въ новѣйшее время въ подобномъ-же родѣ описываетъ полевыя колыбели Эстонцевъ Дерптскій проф. Гольстъ [1]). Съ своей стороны мы однако должны сказать, что колыбели, описанныя Гольстомъ, въ настоящее время не составляютъ общепринятыхъ между Эстонцами, а наоборотъ онѣ составляютъ лишь исключенія, какъ въ этомъ намъ пришлось убѣдиться при собираніи свѣдѣній о колыбеляхъ среди Эстовъ и Финновъ и что яснѣе видно будетъ изъ описаній, приложенныхъ нами ниже.

Полевыя колыбели Венгровъ, со словъ различныхъ авторовъ, Плоссъ описываетъ такъ: когда отецъ ходитъ за плугомъ, а мать полетъ, послѣдняя, уложивъ своего младенца въ большую простыню, вѣшаетъ его на дерево и тутъ проводитъ

[1]) Holst, Beiträge zur Gyneicologie und Geburtskunde. Tüb. 1867. 2. Bd. S. 93.

онъ весь день. Онъ лежитъ въ простынѣ, какъ въ колыбели; когда онъ закричитъ—толкаютъ простыню, которая качается изъ стороны въ сторону, и ребенокъ засыпаетъ. Часто висятъ такимъ образомъ дѣти по цѣлымъ часамъ, подъ знойными лучами солнца; ихъ кусаютъ мухи и комары, отъ чего они ужасно кричатъ; но на ихъ крикъ большею частью никто не обращаетъ никакого вниманія. Идя съ поля домой, мать наполняетъ простыню травой и овощами, изъ которыхъ не рѣдко торчатъ голова и ножки дитяти. Чтобы медленная походка ребятъ не задерживала ее, мать укладываетъ иногда ихъ по нѣскольку штукъ въ простыню, въ которой у нихъ затѣвается драка, а она, усмиряя ихъ, кричитъ и бранится.

Употребленіе гамака вмѣсто колыбели широко распространено во всей Азіи, особенно въ Индостанѣ (фиг. 59), Персіи, по Закавказью, Малой Азіи и т. д. Въ окрестностяхъ *Багдада* колыбель помѣщается не высоко надъ землею, на подвижной полкѣ, между двумя двуколѣнными подставками. Но въ теплый лѣтній день и во время странствованія женщина отдаетъ предпочтеніе висячей койкѣ изъ двухъ параллельныхъ веревокъ, между которыми слегка натянутъ платокъ; чтобы веревки не спадались и чтобы ребенокъ не выпалъ изъ платка, къ концу послѣдняго придѣлываются двѣ палочки. Докторъ Полакъ говоритъ, что въ Персіи укладываютъ дѣтей какъ въ колыбели (кевare), такъ и въ гамаки.

Первобытная висячая колыбель, въ родѣ гамака, употребляется также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и до сихъ поръ. Д-ръ Флюгель говоритъ, что въ лѣсномъ округѣ Франкенвальда они болѣе употребительны, чѣмъ колыбели. Въ нижней Баваріи, по Эггеру, къ балкѣ потолка подвѣшивается качель при помощи четырехъ веревокъ, въ которой укачиваютъ грудного ребенка. У жителей Ризенгебирге съ потолка спускается нѣчто въ родѣ качели, выстланной платками и подушками,—мѣсто, принадлежащее младенцу, члену семейства. Въ Voigland'ѣ мать высоко къ потолку подвѣшиваетъ своего малютку въ незатѣйливомъ приборѣ (фиг. 60) и подъ звуки пѣсень своей веселой страны убаюкиваетъ его иногда вмѣстѣ съ своими старшими дѣтьми. [1])—Въ Луазитцѣ, въ мѣстности Баутцена, у вендскаго населенія, также въ большомъ употребленіи родъ висячей колыбели: въ землю втыкаютъ четыре палки, каждая пара которыхъ перекрещивается между собою; натягиваютъ между ними платокъ и въ него, какъ въ колыбель, кладутъ ребенка. Въ трансильванской Саксоніи полевая колыбель для маленькихъ дѣтей также устраивается на поперечной палкѣ, укрѣпленной на двухъ парахъ перекрещивающихся подставокъ. Подобныя же колыбели встрѣчаются у Румынъ и Цыганъ. У вендскаго населенія Шпреевальда, немногочисленнаго славянскаго народа, сохранившаго понынѣ съ замѣчательною живучестью свой языкъ и старые обычаи, полевая колыбель—bombawa (отъ слова bombas, качать взадъ и впередъ) издавна устроивается такъ: на подставкахъ, соединенныхъ между собою горизонтальнымъ шестомъ, развѣшивается платокъ—krokawa, въ которомъ укладывается ребенокъ, какъ въ корытѣ. Въ окрестностяхъ Мускау колыбель состоитъ изъ станка, составленнаго изъ трехъ заостренныхъ палокъ, къ которымъ привѣшенъ платокъ—plachta и въ немъ лежитъ ребенокъ.

Фиг. 59. Азіатско-Индійская колыбель.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи также нерѣдко употребляется колыбель на подобіе гамака. Прилагаемый рисунокъ (фиг. 61) изображаетъ подобную колыбель, состоящую прямо изъ бараньей шкуры, обращенной шерстью внутрь, въ которой

[1]) Gartenlaube. 1861 г. № 17. S. 269.

дитя лежитъ плотно запакованнымъ. Колыбель эта повѣшена на прочной перекладинѣ, на кожанныхъ ремняхъ, и качается изъ стороны въ сторону. [1])— Въ другихъ мѣстностяхъ Швеціи колыбели имѣютъ форму корзинъ (фиг. 62), привѣшиваемыхъ къ потолку [2]), а въ иныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Далекарліи, употребляютъ колыбели на полозьяхъ, устроенныхъ такъ, что качанье возможно только отъ головы къ погамъ и наоборотъ, но не съ бока на бокъ [3]).

Цыновка или платокъ, висящіе на веревкахъ или тесьмахъ, замѣняются иногда болѣе прочнымъ родомъ колыбели, напр. плетушкой, доской, неглубокимъ ящикомъ и т. п., которые также для укачиванія ребенка подвѣшиваютъ на вѣтви деревьевъ или къ потолку хижины. Путешественники видали образцы такихъ приспособленій на отдѣльныхъ островахъ Южнаго Океана, на островѣ Тиморѣ, одномъ изъ Молукскихъ острововъ, у Сіамцевъ, Индійцевъ на Юкуанкверѣ, въ Испанской Америкѣ и т. д. Въ Алжирѣ (фиг. 63) колыбель составляетъ легкій станокъ, на подобіе нашихъ качающихся дѣтскихъ креселъ, сдѣланный изъ тростниковыхъ палочекъ, положенныхъ вокругъ другъ на друга, который привѣшиваютъ на двухъ веревкахъ, прикрѣпленныхъ одна — къ изголовью, другая—у ногъ [4]).

Многіе Индійцы Америки отличаются отъ другихъ дикарей своеобразной формой своей колыбели. Такую колыбель, напр., описываетъ въ своей оригинальной книжкѣ George Sattin [5]) (фиг. 30), много жившій среди Индійцевъ Сѣверной Америки. Колыбель эта представляетъ собою просто доску, къ изголовью которой прикрѣпленъ обручъ, служащій частью для того, чтобы на него вѣшать игрушки, частью-же для завѣшиванія головы ребенка отъ знойныхъ лучей солнца и дождя. Въ этой колыбели ребенокъ лежитъ на спинѣ запеленатый круговыми турами черезъ доску и съ нѣсколько поднятой головой, причемъ подбородокъ его плотно прижимается къ верхней челюсти и отъ чего, по мнѣнію Sattin'a, дитя съ ранняго возраста пріучается держать свой ротъ закрытымъ и такимъ образомъ предохраняетъ себя отъ множества болѣзней, сопряженныхъ съ непріятною привычкою держать ротъ открытымъ по примѣру дѣтей другихъ націй, особенно когда ребенокъ спитъ безъ подушки или даже съ загнутой назадъ головой, по примѣру дѣтей Армянъ, Грузинъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ Кавказскихъ, какъ увидимъ ниже. Иногда индійская колыбель дѣлается изъ плоско выдолбленнаго деревяннаго обрубка, тоже съ навѣсомъ для головки и лица новорожденнаго; къ ней придѣлывается кожанный ремень или другая повязка для удобнаго ношенія на спинѣ или подвѣшиванія въ шалашѣ. Колыбель индійцевъ племени *Маяевъ* и *Навайовъ*, живущихъ въ территоріи Новой Мексики, также приспособлена для ношенія, подвѣшиванія и для установки ея. У другихъ племенъ колыбель составляется изъ двухъ досокъ, въ формѣ маленькаго ящика, напр. у Ирокезцевъ въ Канадѣ. Въ индійскихъ колыбеляхъ, называемыхъ такинаганъ, ребенка крѣпко привязываютъ и оставляютъ его лежать на землѣ, то носятъ его посредствомъ повязокъ на спинѣ, то подвѣшиваютъ на дерево и качаютъ его. Нерѣдко колыбель съ ребенкомъ прислоняютъ стоймя къ дереву, къ стѣнѣ и т. п. Весьма замѣчательно, что эта колыбель служитъ въ то же время и аппаратомъ для сжиманія головки въ Сѣверной, Средней и Южной Америкѣ.

Въ Гвіанѣ пока ребенокъ малъ, его кладутъ въ небольшую висячую колыбель; когда-же онъ становится покрѣпче, ему приготовляютъ изъ тростника нѣчто въ родѣ коробки, открытой сверху. У Патагонцевъ въ Южной Америкѣ колыбели плетутъ изъ деревянныхъ полосокъ, перевитыхъ решетками; онѣ устраиваются съ крышками для защиты ребенка отъ солнца и дождя и устраиваются такъ, чтобы въ случаѣ путешествія матери верхомъ, ихъ можно было-бы удобно ставить позади себя на сѣдло.

Относительно индійцевъ племени *Арауканцевъ* (Манухи) въ Чили, Р. Смитъ сообщаетъ слѣдующее: «одежда дѣтей чрезвычайно проста; пока дѣти еще малы и не могутъ ходить, они крѣпко запеленываются и подвѣшиваются на деревянные гвозди, нарочно вбитые для этой цѣли въ стѣны хижины, или дѣтей кладутъ въ корзины, прикрѣпляемыя къ потолку и качающіяся посредствомъ веревки. Дѣти представляются образцами хорошаго воспитанія, если они никогда не кричатъ и съ покорностью позволяютъ себя подвѣшивать на гвоздь и только по движенію глазъ можно узнать, что это живыя существа».

Другаго рода колыбель, такъ называемая колыбель на полозьяхъ, встрѣчается, повидимому, чаще всего у народовъ, прогрессирующихъ впередъ. Эта колыбель большею частью имѣетъ видъ кроватки, стоящей на двухъ полозьяхъ, посредствомъ которыхъ приводится въ боковое движеніе. Такой типъ колыбели встрѣчается какъ на Востокѣ, такъ и въ Европѣ. На Востокѣ эта колыбель встрѣчается особенно въ Турціи и Персіи.

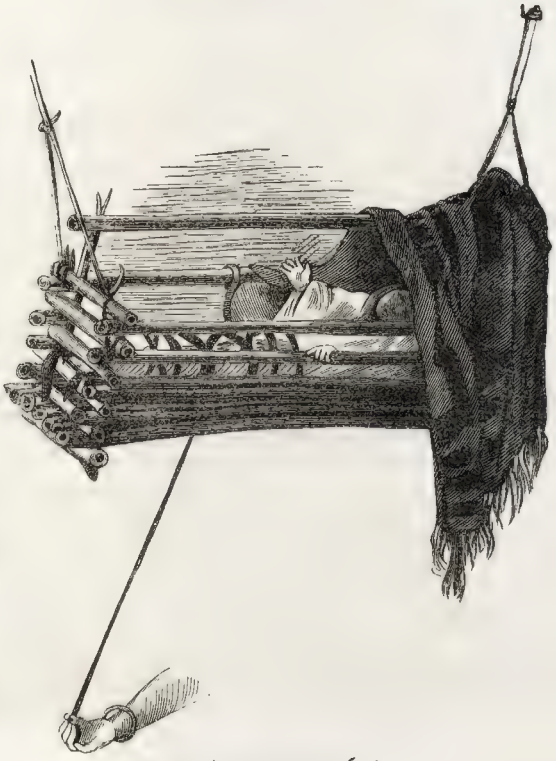
---

[1]) Omnibus. 1873. № 27. S. 319. Illustrirte Welt. 1874. S. 53.
[2]) Illustrirte Welt. 1878. S. 269.
[3]) Illustrirte Welt. 1878 № 10. S. 240.
[4]) Univers illustré. 1874. p. 253.
[5]) На Англійскомъ языкѣ книжка эта носитъ названіе: „Shut your mouth".—Въ 1870 г. она переведена на Нѣмецкій языкъ G. F. Hachs'омъ подъ заглавіемъ. „Geschlossener Mund erhält Gesund".

Фиг. 60. Колыбель въ видѣ гамака въ Фойгландѣ

Фиг. 62. Шведская колыбель въ видѣ корзины.

Фиг. 61. Шведская колыбель на подобіе гамака.



Фиг. 63. Алжирская колыбель.

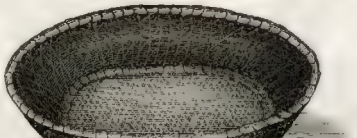
На Московскую антропологическую, выставку 1879 года доставлены были братьями В. И. и Л. И. Рагозиными изъ мѣстностей Гиляна и Решта три колыбели, деревянныя, на полозьяхъ, качающіяся изъ стороны въ сторону и устройствомъ своимъ весьма похожія на Кавказскія, какъ подробнѣе увидимъ ниже, отъ которыхъ по внѣшнему виду отличаются лишь тѣмъ, что вмѣсто простой краской краски, которой красятъ большею частью Кавказскія колыбели, одна изъ персидскихъ покрыта была живописными изображенія льва, солнца, луны и нѣкоторыхъ другихъ, вѣроятно символическихъ, знаковъ, рѣзные борты второй украшены были цвѣтными, синими толстыми стеклами, а третья была бѣлая, совсѣмъ не крашеная.

Гетче полагаетъ, что такого рода колыбель ввезена въ Персію съ Кавказа русскими армянами и что коренная Персидская колыбель есть гамакъ. Но на основаніи собранныхъ нами данныхъ, приведенныхъ подробно ниже, мы не безъ права можемъ утверждать, что описанная колыбель имѣетъ вообще весьма широкое распространеніе на всемъ Востокѣ, съ тѣми или другими варіаціями, а потому нѣтъ причинъ считать ее присущею главнымъ образомъ Кавказу. Что-же касается гамака, то онъ также нерѣдко встрѣчается и на Кавказѣ и это, по нашему мнѣнію, показываетъ только большую общность обычаевъ нѣкоторыхъ народовъ Востока и наоборотъ, на основаніи сказаннаго, трудно съ увѣренностью утверждать, что однимъ изъ нихъ заимствовано у другаго.

Относительно происхожденія колыбелей на полозьяхъ Плоссъ даетъ разъясненіе такого рода: У археологическихъ писателей находятся указанія, что греческія колыбели изображали то щитъ, то ванну, то маленькую лодочку. Дѣлались онѣ закрытыми и открытыми. Иногда дѣтей переносили въ подвижныхъ кроваткахъ съ мѣста на мѣсто; но были также въ употребленіи и колыбели, висящія на крючкахъ. У Guhl'а и Koner'а находятся кромѣ того указанія, что древніе греки употребляли колыбель, имѣющую форму башмака и состоящую изъ какой-то сѣти. Желая убѣдиться въ достовѣрности этихъ указаній, Плоссъ обратился за разъясненіемъ ихъ къ Overbeck'у въ Лейпцигѣ, одному изъ извѣстнѣйшихъ археологовъ, который по этому поводу сообщилъ ему слѣдующее: «относительно настоящей колыбели въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее, т. е. кроватки, устроенной для укачиванія дитяти на землѣ, въ первый разъ упоминается въ передаваемомъ Плутархомъ цитатѣ отъ Прокла къ Гезіоду (19 и 7.748), гдѣ колыбель называется Εὐκίνητον κλινίδιον, причемъ однако остается сомнѣніе, не есть-ли послѣдняя часть фразы, въ которой стоятъ эти слова, скорѣе добавленіе Плутарха, чѣмъ выписка изъ Прокла. Въ болѣе древнія времена упоминалось о σκάφη (корыто) какъ о дѣтской постели, а также λίκνον (Getreideschwinge). Но можно-ли было вѣшать и качать эти колыбели? — по недостатку указаній остается вопросомъ неразрѣшеннымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы колыбель въ формѣ башмака съ ручками, изображеніе которой съ сидящимъ дитятей Гермесомъ мы видимъ на чашѣ въ Грегоріанскомъ музеѣ въ Ватиканѣ (фиг. 64), была бы общеупотребительною колыбелью; на этотъ счетъ мы не можемъ согласиться съ Пановкой, который первый указалъ на нее въ археологическомъ журналѣ 1844 года, стр. 324, и съ другими, какъ-то: Guhl'емъ и Koner'омъ стр. 214.»

Фиг. 64. Древне-греческая колыбель.

Колыбельный аппаратъ древнихъ римлянъ описываютъ Плавтъ и Бартолинъ. Послѣдній говоритъ, что римская колыбель имѣла различныя формы, то въ видѣ круглаго щита, то рѣшета, то вѣялки, то маленькой лодки. [1]) Кромѣ того онъ описываетъ первобытную римскую колыбель на полозьяхъ, которую нашелъ Lambeccius на картинкѣ, приложенной къ очень древней рукописи; а такъ какъ рукопись эта принадлежала весьма древнему римскому кодексу, то онъ принимаетъ изображенную на картинкѣ колыбель за первобытную древнеримскую По Guhl'ю и Koner'у у римлянъ употреблялись и висячія колыбели, качавшіяся на подобіе маятника, а также и стоявшія на землѣ, которыя можно было



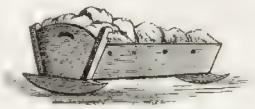
Фиг. 65 Древнеримская колыбель.

качать. Въ книгѣ Вейса [2]) кромѣ того представленъ рисунокъ римской колыбели въ видѣ круглой, плетеной корзины. (Фиг. 65).

[1]) Supplement au livre de l'antiquité expliquée MDCCLVI. T. III. p. 67.

[2]) Вейсъ: внѣшній бытъ народовъ. 1874 г. Т. I. Ч.2, стр. 421.

Колыбель на полозьяхъ получила право гражданства въ Европѣ и въ Германіи уже съ давнихъ временъ. Въ Гейдельбергѣ, въ сводѣ саксонскихъ законовъ, существующихъ съ 1220 г., находится рисунокъ, въ которомъ изображена лежащая на постелѣ совершенно голая мать, а возлѣ нея запеленатый ребенокъ покоится въ колыбели на полозьяхъ. Въ старыхъ библіяхъ, напр. 1484 г., также въ старыхъ книгахъ повивальнаго искусства, напр. Якова Руффа 1554 г. и Рослина 1561 года, встрѣчаются формы колыбелей (Фиг. 66), совершенно похожія на употребляемыя нынѣ крестьянами въ Германіи. — Теперь, можетъ быть, колыбель такой формы сдѣлалась повсемѣстно наиболѣе излюбленной; но тѣмъ не менѣе она не могла вытѣснить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи «качки» и гамака (Нижняя Баварія, Франкенвальдъ, Баутценъ, Фортландъ, Адорфъ, Ельсницъ, Кирхенламницъ и др).



Фиг. 66. Древнегерманская колыбель половины XV в.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, наприм. въ Кверфуртѣ, большею частью приготовляются дѣтямъ постели прямо въ корзинахъ для бѣлья.

Во Франціи существуетъ масса разнообразныхъ кроватокъ, которыя можно качать и которыя дѣйствительно усердно качаютъ движеніями рукъ.

Наоборотъ Англичане обыкновенно осуждаютъ укачиваніе; поэтому на ихъ родинѣ нѣтъ качающихся колыбелей, а есть только кроватки для дѣтей, которыя качать нельзя. Качанье, по мнѣнію англичанъ, вѣрное средство пріучать дѣтей съизмала не смыкать глазъ безъ разныхъ искусственныхъ средствъ. «Укачиваніемъ, говорятъ они,—мы учили дѣтей требовать отъ другихъ того, что они должны ожидать отъ самихъ себя и отъ природы. Наконецъ спѣша угомонить дѣтей, мы не думаемъ о вліяніи, которое произведетъ на ихъ характеръ эта неумѣстная и вредная услужливость. Какъ ни бѣдны и неясны ощущенія новорожденнаго, въ немъ все-таки достанетъ хитрости на то, чтобы воспользоваться выгодами своей слабости и снисходительности окружающихъ его людей. Сколько есть людей, которымъ только и нужно, чтобы ихъ укачивали всю жизнь. Полубодрствующіе, полусонные они отдаются теченію жизни, они убаюкиваютъ себя снами и мечтами вмѣсто того, чтобы опоясывать свои чресла для дѣла и борьбы». [1]).

[1]) Эмиль XIX столѣтія. Альфона Эскироса. Русск. перев. 1874 г., стр. 22.

Не такъ относятся къ качанію въ Германіи. Матери и няньки здѣсь, по словамъ Плосса, полагаютъ, что успокоить ребенка нѣтъ возможности безъ сильнаго и продолжительнаго качанія, и въ этихъ соображеніяхъ онѣ доходятъ иногда до смѣшныхъ крайностей. Такъ горные жители *верхней Баваріи* привязываютъ веревку, висящую у колыбели, къ хвосту коровы, находящейся тутъ-же въ хижинѣ, которая, отмахиваясь отъ мухъ, невольно приводитъ такимъ образомъ эту колыбель въ продолжительное качаніе. Иногда же они съ помощью жерди соединяютъ колыбель съ находящимся за окномъ колесомъ, которое приводится въ движеніе посредствомъ находящагося вблизи водопада. Этотъ, быть можетъ, весьма старый обычай альпійцевъ напоминаетъ приспособленіе, придуманное также для укачиванія ребенка однимъ весьма знаменитымъ человѣкомъ. Геніальный изобрѣтатель локомотива, Георгъ Стефенсонъ, жившій сначала въ Килингсвортѣ, какъ неизвѣстный слесарь, пріобрѣлъ себѣ всеобщую благодарность женщинъ всего сосѣдства за то, что онъ соединилъ колыбель ребенка съ такъ называемымъ смокеякъ (вертелъ, приводимый въ движеніе тягой трубы), благодаря чему она двигалась безъ посторонней помощи. Если бы идти далѣе по данному направленію въ нашъ вѣкъ изобрѣтеній, то мысль человѣческая, конечно, значительно пополнила бы недостатки только что перечисленныхъ приспособленій для качанія. Можетъ быть, для этой же цѣли нашли бы возможнымъ устроивать и такого рода когда-то проэктированную колыбель, подъ названіемъ «сберегателя силъ кормилицы»; у такой колыбели сбоку придѣлано качающееся кресло, на которомъ кормилица, покачиваясь, могла бы въ то же время приводить легко въ качательное движеніе и соединенную съ нимъ колыбель; [1]) или было-бы возможно осуществить тотъ проэктъ, который предложенъ былъ, конечно ради каррикатуры, въ одномъ изъ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ журналовъ, [2]) гдѣ современная дѣловая мать Германіи изображена сидящею на качающемся креслѣ и качаніемъ доставляющая себѣ удовольствіе. Въ то же время посредствомъ особаго механизма, придѣланнаго къ колыбели, она качаетъ ребенка и кромѣ того посредствомъ особыхъ приводовъ бьетъ масло. Въ рукахъ у нея чулокъ, который она вяжетъ, а предъ лицемъ окно, въ которое она смотритъ, что дѣлается на улицѣ. Такимъ образомъ въ одно время она дѣлаетъ 5—6 дѣлъ, притомъ соединяя полезное съ пріятнымъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти геніальныя изобрѣтенія останавливаются при первомъ же своемъ зарожденіи предъ неумолимымъ «Veto» вра-

[1]) Das Neue Blatt. 1874. № 10.

[2]) Названіе котораго, къ сожалѣнію, мною затеряно и забыто.

чей, доказывающихъ, что качаніе вообще, а безмѣрное и непрерывное тѣмъ болѣе вредно дѣтямъ.

Обычай укачиванія дѣтей, вѣроятно, теряется еще въ глубокой древности. По крайней мѣрѣ въ героическія времена Греціи уже укачивали дѣтей на щитахъ или помощью корзины, привѣшанной на веревкѣ [1]). Во времена Галена, умершаго спустя 200 л. послѣ Р. Х. въ Римѣ, качаніе также было въ ходу и этотъ врачъ уже предостерегалъ своихъ современниковъ отъ слишкомъ сильнаго качанія, полагая, что для дѣтей всего лучше то, когда они сами двигаются, ползаютъ и пр. Врачи нашего времени еще рѣшительнѣе высказываются противъ качанія. Докторъ Фюрстъ [2]) говоритъ: «опредѣленное равномѣрное качаніе въ ту и другую сторону вызываетъ измѣненія въ распредѣленіи крови, особенно въ черепной полости, подобно вліянію качанія на качеляхъ, на кораблѣ; слѣдствіемъ этого является головокруженіе, при болѣе долгомъ дѣйствіи наступающее состояніе оглушенія мало по малу переходитъ въ сонъ; но сонъ этотъ не естественный, а вызванный совершенно искусственно и близко подходящій ко сну отъ наркотическихъ средствъ».—Плоссъ сравниваетъ это искусственное усыпленіе съ засыпаніемъ, вызываемымъ гипнотизмомъ, будетъ ли то въ формѣ сосредоточенія мысли въ одномъ направленіи, счета до ста, непрерывнаго созерцанія свѣтящейся поверхности и т. п. Во всякомъ случаѣ при всѣхъ этихъ состояніяхъ происходитъ такое пониженіе мозговой дѣятельности, что наступаетъ состояніе оглушенія, похожее на сонъ, достигаемый опіемъ и другими наркотическими средствами. Это ежедневно повторяющееся оглушеніе, предшествуемое непродолжительнымъ головокруженіемъ, можетъ, конечно, повлечь за собою нѣкоторую опасность для нормальнаго развитія мозга.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, качаніе, вѣроятно, взято изъ подражанія природѣ и именно изъ того ранняго періода развитія дитяти, когда оно находится еще въ утробѣ матери и слегка колышется въ ней при движеніи послѣдней. Однако если бы это было и такъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что качанія утробной жизни отличаются необыкновенною мягкостью и ровностью, недопускающими, благодаря окружающей ребенка околоплодной жидкости, никакихъ рѣзкихъ сотрясеній, толчковъ и тѣмъ болѣе грубыхъ ушибовъ, тогда какъ при употребленіи обыкновеннаго качанія ребенокъ нерѣдко подвергается и вредно дѣйствующимъ на него грубымъ толчкамъ и почти всегда такимъ сильнымъ сотрясеніямъ, которыя можно сравнить развѣ только съ настоящей морской качкой, которую, какъ извѣстно, далеко не всегда выносятъ и взрослые, между тѣмъ какъ мозгъ дитяти несравненно нѣжнѣе и мягче взрослаго и потому всякое подобное сотрясеніе его должно отражаться на немъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на болѣе плотномъ мозгѣ взрослаго [1]). Приведемъ еще весьма рѣзкій примѣръ вреднаго вліянія сильной качки на мозгъ молодаго субъекта: въ XV вѣкѣ, въ одной изъ Швейцарскихъ школъ, на Рейсскомъ мосту, находился такъ называемый позорный или вертящійся шалашъ, т. е. вращающаяся на шестѣ клѣтка, куда сажали юныхъ школьниковъ за шалости и которую когда сторожъ приводилъ въ быстрое вращательное движеніе, то сидѣвшіе въ ней ученики лишались чувствъ. [2])—Вотъ до какой степени подавляющимъ образомъ на мозгъ можетъ дѣйствовать сильное качаніе.—Степень-же вреда отъ качанія, очевидно, можетъ измѣряться соотвѣтственною силою этого качанія.

---

[1]) Krause: Geschichte der Erziehung. S. 20.

[2]) Dr. L. Fürst: Das Kind und seine Pflege. 1876. S. 130.

[1]) По Плоссу, во всей Германіи существуетъ суевѣрное понятіе, что не слѣдуетъ качать колыбель, когда въ ней нѣтъ ребенка, потому что онъ отъ этого дѣлается безпокойнымъ. Стало быть безполезное качаніе колыбели получаетъ мистическое значеніе вреднаго. Качаніе пустой кровати считается вреднымъ также по понятіямъ Шотландскимъ, Китайскимъ, а по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, повсемѣстно въ Россіи, среди нѣкоторыхъ инородцевъ Кавказа и другихъ мѣстъ.

[2]) К. Шмидтъ. l. c. Т. II, стр. 302.

ГЛАВА XVI.

РУССКІЯ КОЛЫБЕЛИ.

Воззрѣнія русскихъ на колыбель.—Древнерусская колыбель.—Современныя колыбели въ формѣ пялецъ, деревянныхъ ящиковъ, коробовъ, корзинъ, корыта и т. п.—Колыбельныя подстилки и одѣяла ихъ.—Польза и вредъ его.—Приспособленія для качанія.—Грядки.—Полевыя колыбели.—Простонародныя воззрѣнія на качаніе.—Періодъ качанія.

«Безъ колыбели,—говоритъ русскій народъ,—не вырастить дѣтей». — Поэтому колыбель на Руси составляетъ необходимую принадлежность каждаго дома. Судя по той роли, какою пользуется колыбель въ современной Руси, можно думать не безъ права, что она считалась не менѣе важною принадлежностью дѣтскаго возраста уже давно у нашихъ предковъ. Относительно формы древнихъ русскихъ колыбелей, къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши не простираются далѣе XVI—XVII вѣковъ и не превышаютъ знанія лишь одной формы ихъ, именно — пялецъ, на которыхъ книзу слабо натянута какая нибудь плотная матерія, а сверху по угламъ прикрѣплены ремни, на которыхъ виситъ колыбель. По крайней мѣрѣ такой формы колыбель, единственная, извѣстная намъ изъ древности, изображена въ иллюстрированномъ и хранящемся въ библіотекѣ Троицы Лавры—жизнеописаніи Сергія Преподобнаго, жившаго въ XVI вѣкѣ. [1]) По изслѣдованіямъ Костомарова, [2])—дѣтскія колыбели у Великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя для того, чтобы дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. Такой-же формы колыбели дѣлались царевичамъ XVII столѣтія. [3]) Клали царевичей въ первый разъ въ эти колыбели съ особою молитвою, которая даже внесена въ старинные требники; при томъ до крещенія въ колыбель ихъ не клали. А вотъ и самое описаніе колыбелей того времени: «сдѣлана (въ 1635 году) царевичу Ивану Михайловичу колыбель; длина *деревьямъ* длиннымъ полтора аршина, ширина колыбели и съ *завои* аршинъ десять вершковъ; два уха у колыбели среднихъ атласныхъ золотыя вдвое по семи вершковъ, а сторонніе (уши) въ полусема вершка. Обшита колыбель атласомъ золотнымъ, по червчатой землѣ, опахала не велики, въ цвѣтахъ шелкъ лазоревъ, бѣлъ... у большихъ деревей по концамъ по яблоку съ обручики, а у меньшихъ деревей межъ ушей по четыре яблока. У деревей яблочка и уши обшиты камкою казылбашскою полосатою, въ полюсахъ травы золоты съ разными шелки... У колыбели-же въ длинныхъ деревьяхъ четыре кольца, да *пробой* и жалованы (петли) серебряны — золочены.» Подобныя колыбели обвивались также червчатымъ сафьяномъ. «Да въ ту-жъ колыбель скроена царевичу *перина* да *зголовье*; длина перины два аршина безъ двухъ вершковъ, ширина одинъ съ четвертью. Камки вышло, на *наволоку* на перину, кармазина червчатаго мелкотраваго шесть аршинъ, да полотна тверскаго тожъ; а взголовьи длина въ обдѣлѣ аршинъ полтретья вершка, ширина аршинъ безъ чети; камки вышло кармазину червчатаго мелкотраваго два аршина десять вершковъ, полотна троецкаго тожъ. Пуху *лебяжьяго* въ перину и въ взголовье двадцать гривенокъ». Наволочку на перину шили иногда изъ бархата. Иногда вмѣсто перины употребляли *бумажникъ* или *тюшакъ* бумажный, который набитъ былъ хлопчатою бумагою и наволочекъ тафтою, или другою шелковою матеріею. Одѣяла были теплыя и холодныя; теплыя шили изъ золотыхъ матерій и подбивали мѣхами бѣльими, лисьими, собольими, а иногда горностаевыми; холодныя дѣлались изъ такихъ же золотыхъ матерій, только

---

[1]) Житіе преподобнаго Богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 года. Въ литографіи Свято-Троицкія Сергіевы Лавры.

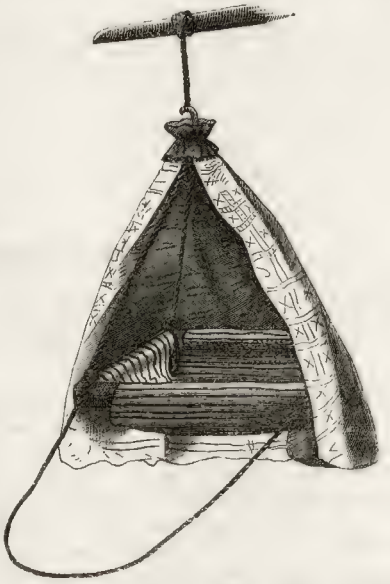
[2]) Костомаровъ: Очеркъ жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1860 г., стр. 54.

[3]) И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени.—Отечест. Записки 1854 г. № 6, стр. 54—56.

не подбивались мѣхомъ. — Въ колыбеляхъ дѣти спали лѣтъ до пяти, именно до тѣхъ поръ, пока царевичи переходили съ рукъ женскихъ (мамокъ) на попеченіе мужчинъ. [1]) Почти въ послѣдней четверти того-же столѣтія встрѣчаемъ описаніе *новой* колыбели, дѣлаемой къ Петрову дню, къ имянинамъ царевича Петра Алексѣевича, которому въ то время (1673 г.) исполнился уже годъ. Дѣлана она была изъ турскаго золотаго бархата «по червчатой землѣ репьи велики золоты да репейки серебряны не велики, въ обводѣ морхъ зелепъ», подбита она была хлопчатой бумагой, на тафтяной рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ червчатымъ, веницейскимъ; яблоки у пялецъ обшиты объярью по серебряной землѣ «травы золоты съ шелки разными». Въ то же время сдѣланы *пуховикъ* и *бумажникъ*, т. е. перина и тюфячекъ.—Для пуховика нижняя наволочка скроена изъ тверскаго полотна, лучшаго въ то время, а верхняя изъ желтой тафты, длиною въ два аршина. Пуху лебяжьяго, чистаго, бѣлаго пошло полпуда. Такой-же величины былъ скроенъ и бумажникъ покрытый червчатою тафтою; хлопчатой бумаги употреблено десять фунтовъ. Подушки или изголовья также были пуховыя, изъ лебяжьяго пуха, покрытыя тафтой. Колыбель и перина дѣлались каждый годъ, по мѣрѣ того, какъ подросталъ ребенокъ. [2])

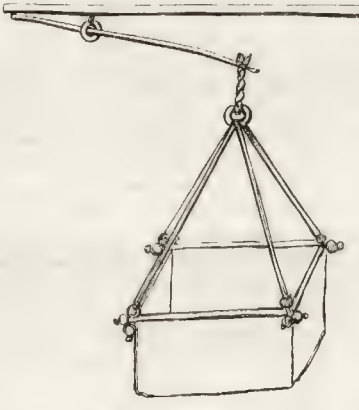
Описанныя колыбели носятъ на себѣ отпечатокъ царственной роскоши, которой безъ сомнѣнія могли слѣдовать лишь весьма немногіе, судя по той простотѣ, которая господствовала во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества; но съ другой стороны при большомъ сходствѣ обычаевъ всѣхъ слоевъ того времени, несомнѣнно, что подобной же формы колыбели употреблялись тогда и во всей Руси, начиная съ вельможи до бѣднаго крестьянина.

Та же форма колыбели наиболѣе распространена и въ современной Россіи. (Фиг. 67). Нѣтъ ни одной губерніи и уѣзда, гдѣ-бы она не употреблялась среди русскаго населенія, равно какъ нѣтъ ни одного мѣстечка, даже самаго отдаленнаго, но обитаемаго русскими (Кавказъ, Сибирь и пр.) хотя бы и въ самомъ незначительномъ количествѣ, гдѣ-бы эта колыбель не употреблялась, или по крайней мѣрѣ не была хорошо извѣстна. Слѣдуетъ однако прибавить, что самое большое распространеніе ея находится все-жъ таки въ средней полосѣ Россіи и устроивается она большею частью такимъ образомъ: она дѣлается изъ четырехъ брусьевъ, около вершка въ діаметрѣ каждый, и имѣетъ форму продолговатой рамки, длиною около 5-ти, шириною около 4-хъ четвертей, на которую снизу слабо натянуты, вродѣ неглубокаго мѣшка, рѣдина, тикъ,



Фиг. 67. Русская колыбель Московскаго района.

холстъ и т. п. Концы этой рамки обыкновенно выступаютъ въ видѣ обточенныхъ шаровъ и выкрашенныхъ почти всегда въ красный цвѣтъ. По угламъ рамы ввинчиваются желѣзныя кольца, къ



Фиг. 68. Зыбка Соликамскаго уѣзда Перм. губ.

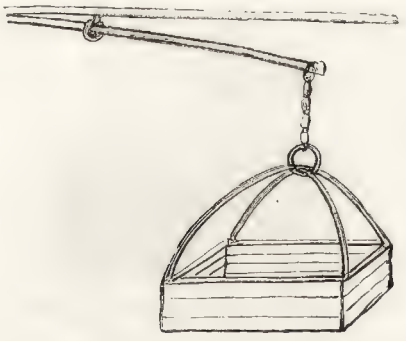
которымъ привязаны ремни или веревки, поднятыя кверху и сходящіяся приблизительно на высотѣ полутора аршина къ желѣзному крючку, при по-

[1]) Кроильная книга 7145 г., № 770 въ Арх. Ор. Пал. См. также у Забѣлина: домашній бытъ русскихъ царей. От. Зап. 1854 г., № 6.

[2]) Забѣлинъ: Опыты изученія русскихъ древностей и Исторіи. 1872 г. Ч. I, стр. 7.

мощи котораго колыбель подвѣшивается къ оцѣпу или очепу, называемому также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Бобруйскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, «лучкомъ».—Иногда-же, напримѣръ, въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по свидѣтельству врача Осиповича,—вмѣсто соединенія верхнихъ концевъ веревокъ или ремней у крюка, послѣдніе складываются вмѣстѣ, или перекрещиваются другъ черезъ друга, послѣ чего продѣваются въ большое желѣзное кольцо, гдѣ зашиваются сначала веревками или ремневыми же шнурками, а потомъ выводятся концами своими въ углахъ колыбели и прикрѣпляются здѣсь къ угламъ ея. (Фиг. 68). На этой колыбели всегда бываетъ занавѣсъ (пологъ), объ устройствѣ котораго, равно какъ о цѣли и значеніи его, мы скажемъ впослѣдствіи.

Какъ видоизмѣненіе описанной колыбели въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи, напримѣръ въ Валдайскомъ уѣздѣ,—по свидѣтельству врача С.,—въ Череповецкомъ уѣздѣ, — по свидѣтельству врача Семенова,—берется иногда просто *обручъ* и обтягивается внутри полотномъ такъ, чтобы онъ образовалъ въ серединѣ своей свободно висящій мѣшокъ. Въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Зыкова,—бѣдные люди берутъ иногда для колыбели также толстую лубочную рамку овальной формы и связываютъ ее крѣпко на крѣпко веревками.



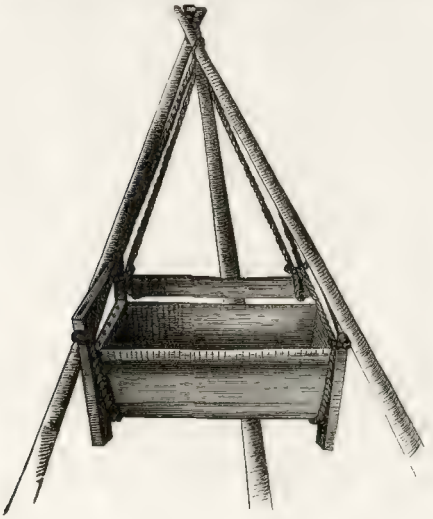
Фиг. 69. Колыбель Соликамскаго уѣзда Перм. губ.

Второй видъ колыбели, наиболѣе распространенный на Руси, есть такъ называемая *зыбка*, устроиваемая въ формѣ корзинъ, коробовъ, деревянныхъ ящиковъ, корытъ и т. п. Формы и устройства этихъ зыбокъ крайне разнообразны по мѣстностямъ. Такъ въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по свидѣтельству врача Осиповича, у бѣдныхъ крестьянъ употребляются коробы четыреугольной формы: изъ лубка, досокъ, или плетушки изъ прутьевъ. (Фиг. 69). Къ угламъ этихъ коробовъ укрѣпляются 4 конца двухъ обручей, которыхъ дуги, перекрещенныя посрединѣ, вдѣваются въ деревянное кольце. Такія-же колыбели намъ лично пришлось видѣть въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи и здѣсь-же пришлось наблюдать на практикѣ пользу обручей, употребляемыхъ для нихъ вмѣсто веревокъ и ремней, а именно; во время полевыхъ работъ такую зыбку мать легко устанавливаетъ въ любомъ мѣстѣ на землѣ и, накрывши сверху пологомъ, довольно удобно можетъ защитить ребенка отъ палящихъ лучей солнца, вѣтра, мелкаго дождя и т п. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи для колыбели обыкновенно берется деревянный ящикъ, сдѣланный изъ тонкихъ досокъ, сухаго сосноваго дерева, имѣющій видъ усѣченной четырехугольной пирамиды, основаніемъ обращенной вверхъ. Меньшая поверхность, параллельная основанію, служитъ дномъ, на которое кладется постель. Длина колыбели 1 аршинъ 3 вершка, ширина $^3/_4$ аршина, вышина тоже $^3/_4$ аршина. Иногда стѣнки ея въ головахъ дѣлаются выше, чѣмъ въ серединѣ, и по краямъ соединяются между собою желѣзомъ или вдавливаются одна въ другую какъ въ ящикахъ. Поперегъ надъ колыбелью устраивается деревянная дуга изъ половинки обруча (лучекъ), за которую колыбель привѣшивается къ шесту, а сверху покрывается ситцевымъ пологомъ.

Деревянные ящики для колыбелей употребляются также въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Архангельской губерніи, какъ-то: въ Пинежскомъ, Мезенскомъ, Онежскомъ, Шенкурскомъ и другихъ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ Полоцкомъ уѣздѣ Витебской губерніи, въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, въ Землѣ Войска-Донскаго, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской и Полтавской губерній, у казаковъ Таманскаго полуострова и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ форма ящиковъ, употребляемыхъ для колыбелей, близко напоминаетъ собою ясли. Образцемъ такого рода колыбелей можетъ служить, напримѣръ, колыбель Каширскаго уѣзда Тульской губерніи, доставленная на Московскую антропологическую выставку г-жей Хрущевой. (Фиг. 70). Она сколочена изъ досокъ, сцѣпленныхъ по угламъ какъ-бы столбиками; ко дну она уже, къ краямъ шире, у изголовья шире, къ ногамъ опять уже. Угловые столбики, въ которые вставлены дощечки, книзу заканчиваются коротенькими ножками, какъ у яслей, а вверху въ нихъ вбиты кольца, къ которымъ прикрѣплены веревки, сходящіяся приблизительно на высотѣ аршина къ деревянному крюку, за который колыбель привѣшивается къ кольцу, вбитому въ потолокъ, причемъ качаніе производится изъ стороны въ сторону горизонтально. На ножки колыбель ставится тогда, когда лѣтомъ во

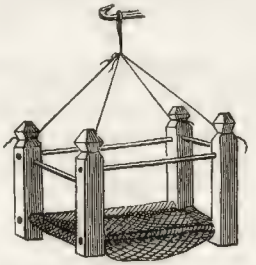
время работъ мать беретъ свое дитя вмѣстѣ съ этой колыбелью въ поле, гдѣ подъ сѣнію дерева или копны колыбель обыкновенно устанавливается на ножки. Иногда-же такая колыбель подвѣшивается на треножникъ, устраиваемый изъ кольевъ связанныхъ вверху, какъ показано на рисункѣ. Колы-



Фиг. 70. Колыбель въ формѣ яслей Каширскаго уѣзда Тульской губерніи.

бели въ формѣ яслей употребляются также, по свидѣтельству священника Свѣтлова, въ Олонецкой губерніи, по свидѣтельству священника Кордатова, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, той-же губерніи; по свидѣтельству врача Алексѣева въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи; по свидѣтельству врача Клаусъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ той-же губерніи; по свидѣтельству врача Ляйманъ, въ Ровенскомъ уѣздѣ и именно Полѣсьи—Волынской губерніи; по свидѣтельству Священника Богомолова, въ Шадринскомъ, Оханскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Модель очень оригинальной колыбели, напоминающей собою ясли, только безъ боковыхъ стѣнокъ и съ холщевымъ дномъ, прислалъ для нашей коллекціи предметовъ воспитанія Г. Гасабовъ изъ Пермской губерніи. Модель этой колыбели хорошо передаетъ фиг. 71.

Колыбели, устраиваемыя на подобіе *коробовъ*, обыкновенно дѣлаются изъ луба и дѣлаются различно, смотря по мѣстностямъ. Нѣсколько типовъ подобнаго рода колыбелей представлены были на Московскую антропологическую выставку. Изъ нихъ упомянемъ прежде всего о колыбели, доставленной изъ Костромской губерніи, какъ наиболѣе распространенной въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. (Фиг. 72). Она состоитъ изъ лубянаго короба, оваль-



Фиг. 71. Колыбель въ формѣ яслей Пермской губерніи.

ной формы, длиной около 6, шириной около 3 четвертей. Дно ея переплетается пеньковыми или мочальными веревками, а иногда состоитъ изъ сплошнаго холста. Въ изголовьи и ногахъ колыбели придѣланы обручи, на которые сверху надѣ-

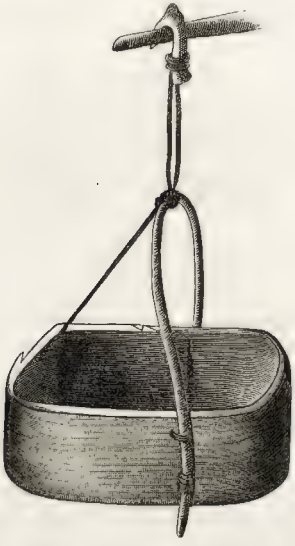
Фиг. 72. Колыбель Костром. губ. безъ полога.

вается въ родѣ юбки пологъ, безъ всякаго боковаго разрѣза и оставляющій небольшое свободное отверстіе только на верху, какъ въ маленькой юртѣ номадовъ. (Фиг. 73). За эти же обручи съ помощью веревокъ колыбель привѣшивается къ оцѣпу, отъ котораго въ свою очередь протягивается книзу веревка для качанія ногою. Подобнаго рода колыбели употребляются въ Суздальскомъ и Меленскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, во многихъ уѣздахъ Новгородской, въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи и т. д.

Нѣкоторую разновидность отъ описанной выше представляетъ колыбель Щигровскаго уѣзда Кур-

ской губерніи (Фиг. 74), имѣвшая мѣсто также на

Фиг. 73. Колыбель Костромской губ. съ пологомъ.



Фиг. 74. Колыбель Щигров. уѣзда Курской губ.

Московской антропологической выставкѣ. Она представляетъ собою лубочный коробъ, болѣе широкій въ сторонѣ плечь и съуженный въ ногахъ. Дно переплетается веревкой или ремешками и затѣмъ выстилается соломой. На $^2/_3$ этой колыбели перекинутъ съ одной стороны на другую обручъ. Въ срединѣ этого обруча къ самой возвышенной его точкѣ и на срединѣ нижняго конца колыбели привязывается по веревкѣ или по ремню, которые сводятся вмѣстѣ, прикрѣпляясь къ деревянному или желѣзному крюку. Повѣшанная на этотъ крюкъ колыбель представляется висящею на двухъ только ремняхъ или веревкахъ. Когда мать идетъ на работу, она снимаетъ эту колыбель съ кольца или оцѣпа, закидываетъ верхнимъ крючкомъ ея за нижній край нижняго конца, черезъ что образуется такъ называемая поцѣпка, которую мать накиды-

Фиг. 75. Колыбель Вятской губ. и уѣзда.

ваетъ себѣ на плечо и такимъ образомъ несетъ съ собой ребенка въ колыбели. Совершенно такого-же рода колыбели употребляются въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, какъ мнѣ лично пришлось видѣть ее и гдѣ она на базарѣ продается вся готовая по 20 к. за штуку; въ Василь-Сурскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, во многихъ уѣздахъ (Вятскомъ, фиг. 75. Сарапульскомъ, Уржумскомъ, Нолинскомъ, Малмыжскомъ и другихъ) Вятской губерніи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Куржумскомъ и другихъ) Пермской губерніи и проч.

Плетушки и корзины, употребляемыя для колыбелей, бываютъ самаго разнообразнаго устройства. Такъ, напримѣръ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Смоленскаго,—плетушка для этой цѣли дѣлается съ за-

кругленными концами и посредствомъ двухъ деревянныхъ дугъ и веревокъ привѣшивается къ очепу. Въ Тверской губерніи плетушка дѣлается продолговатая изъ дранья. Въ Рязанской губерніи она дѣлается изъ прутьевъ ивняка, въ Волынской губерніи изъ прутьевъ вербы (ракиты) и т. д. Колыбели въ формѣ корзинокъ и плетушекъ употребляются также во многихъ мѣстностяхъ Архангельской, Новгородской, Нижегородской, Владимірской и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ другихъ губерній.

Кое-гдѣ, преимущественно-же въ сѣверныхъ губерніяхъ, берутъ иногда для колыбели просто лукошко. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи,—по свидѣтельству Г. Бетлинга,—лукошко, сдѣланное изъ луба и глубокое, употребляется для колыбели только первыя шесть недѣль по рожденіи ребенка; потомъ перекладываютъ его въ люльку, сдѣланную изъ деревянной рамки.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для колыбелей употребляютъ *корыта*. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: священникъ Кордатовъ по Нижегородскому уѣзду той же губерніи, врачъ Алексѣевъ — по нѣкоторымъ мѣстностямъ Вологодской губерніи, врачъ Б. по Бѣлозерскому уѣзду Новгородской губерніи. Впрочемъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи корыта употребляются для колыбелей только въ видѣ исключенія; но въ губерніяхъ южныхъ, напримѣръ Волынской, Полтавской и другихъ, они подъ названіемъ почвъ распространены почти такъ же часто, какъ и употребляемые въ той мѣстности разнаго рода короба, плетушки, деревянные ящики и т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для колыбелей употребляютъ ящики, утверждаемые на полукруглыхъ подножкахъ такъ, чтобы сдѣлать качаніе возможнымъ въ ту или другую сторону. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ: врачъ Модестовъ изъ Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи, врачъ Гулль изъ Пинежскаго уѣзда Архангельской губерніи, гдѣ такого рода колыбели называются даже особымъ именемъ «шатулки».—Такого рода колыбели ни въ какомъ случаѣ однако нельзя назвать національными, такъ какъ онѣ встрѣчаются лишъ въ видѣ исключенія и при томъ въ такихъ мѣстностяхъ, по сосѣдству съ которыми живутъ инородцы, употребляющіе дѣйствительно такого рода колыбели. Такъ напримѣръ, близъ указанныхъ мѣстностей живутъ финскія племена, а у Финновъ и Нѣмцевъ издавна уже употребляются именно такого рода колыбели. Далѣе подобныя колыбели встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Волынской губерній, гдѣ населеніе сильно перемѣшано съ Польскимъ и Еврейскимъ элементами, въ средѣ которыхъ также развито употребленіе качающихся на полозьяхъ изъ стороны въ сторону колыбелей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Архангельской губерніи* (Холмогоры, Кемь и др.) *подстилкой* въ колыбеляхъ служитъ: оленья шерсть, тюфяки изъ нея, обрѣзки оленьихъ шкурокъ и т. п. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи,—по свидѣтельству врача Смоленскаго,—подстилка состоитъ изъ сѣна, соломы, стараго тряпья, грязнаго бѣлья; все это перемѣняется и моется рѣдко и предрасполагаетъ къ накожнымъ болѣзнямъ. Въ другихъ уѣздахъ той же губерніи кромѣ того употребляются для подстилокъ домашнія кошмы, войлочки, одѣяльца ватныя или просто изъ хлопокъ, старая изношенная одежда и тому подобныя лохмотья родителей.—Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, — по свидѣтельству врача Ордина,—въ зыбку въ замѣнъ постели кладется обыкновенно солома, которая сверху покрывается холстомъ; подъ голову ребенка кладутъ подушку, набитую перьями; одѣяломъ ребенку служитъ что либо изъ старой одежды и пр. Въ *Кирилловскомъ* уѣздѣ Новгородской губерніи,—по свидѣтельству врача Т.,—и въ Старо-Русскомъ уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Б., — подстилка въ большинствѣ случаевъ соломенная, прикрытая старыми тряпками.—Въ *Боровичскомъ* уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Романова,—для подстилки употребляются преимущественно старыя тряпки или мѣшки, набитые сѣномъ. Въ *Мележенскомъ* уѣздѣ Владимірской губерніи, — по свидѣтельству врача Якубовскаго,—для подстилки обыкновенно употребляется старая грязная одежда, поверхъ которой у иныхъ кладется перина или подушка. Все это моется весьма рѣдко и поэтому воздухъ, окружающій ребенка, зачастую испорченъ до крайности.—Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Коссака,—въ зыбку кладутъ сѣно, солому, которыя покрываютъ старымъ ваточнымъ тряпьемъ или рядовиной, подъ голову помѣщаютъ небольшую подушку, набитую также сѣномъ, соломой или хлопками, рѣдко перомъ. Подстилка и тряпье моются и мѣняются довольно рѣдко, въ особенности зимой, почему не удивительно, если, при существующемъ уже въ избѣ испорченномъ воздухѣ, открывши пологъ люльки обдаетъ аммоніакально-гнилостнымъ запахомъ. Подобное содержаніе люлекъ необыкновенно вредно дѣйствуетъ на дыхательные органы дѣтей, почему между ними встрѣчаются хилыя, блѣдныя, анемичныя и даже отекшія, съ хроническими болѣзнями легкихъ.—Въ Бобруйскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи,—по свидѣтельству В. И. Колюбакина, — въ люльку кладутъ вмѣсто тюфяка дерюжку. Это толстая ткань, нити которой почти въ палецъ толщиной, свернутыя изъ конопляныхъ, а иногда изъ шерстяныхъ, хлопковъ. Въ голову ребенку кладется подушка изъ перьевъ, одѣяломъ

ему служитъ такая же дерюжка.—Въ *Владиміръ-Волынскомъ* уѣздѣ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Піотровскаго, — на подстилку обыкновенно употребляютъ сѣно или солому, каковую не очень часто перемѣняютъ, лишь бы только мокрую подстилку немного пересушить или перемѣшать—и часто случалось видѣть, что одна и та же подстилка не перемѣняется около трехъ мѣсяцевъ, а только перебираютъ ее.—Въ *Житомірскомъ* уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Лисицина, подстилкою въ колыбеляхъ служатъ сѣно, солома, тряпки и пр., которыя такъ рѣдко перемѣняются, что иногда тамъ заводятся черви. Въ *Сарапульскомъ* уѣздѣ Вятской губерніи,—по свидѣтельству Шитова,—кромѣ соломы и пеленокъ для подстилокъ употребляютъ еще иногда древесныя гнилушки, а по свидѣтельству Красильникова, въ томъ же уѣздѣ и съ тою же цѣлью употребляются иногда березовые листья. Въ *Малмыжскомъ* уѣздѣ Вятской губерніи,—по свидѣтельству Вычужина и Кашина,—подстилкой въ колыбеляхъ служитъ солома озимовая или яровая, на которую настилаются еще разныя негодныя къ употребленію тряпки, но которыя считаются за пеленки. Эти тряпки мѣняются весьма рѣдко, особенно въ лѣтнее, рабочее время, отчего въ нихъ не рѣдко заводятся насѣкомыя, именно черви, которые, ползая подъ заднями частями ребенка, производятъ у него зудъ, а быть можетъ и кусаютъ его, причемъ ребенокъ, несмотря на непріятное ощущеніе, производимое ими, долженъ выносить еще ѣдкую гниль своей постели и зловоніе, производимое ею особенно сильно и быстро развивающееся въ гнойное время лѣта. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подстилочныя тряпки мѣняются, онѣ большею частью не промываются, а намоченныя мочей просушиваются на печи и потомъ снова идутъ къ своему назначенію. Если ребенокъ сильно плачетъ отъ указанныхъ непріятностей, то нянюшки и бабушки, объясняя этотъ плачъ потребностью въ пищѣ, стараются до нельзя накармливать его молокомъ, кашей, жевкой и т. п., или убаюкиваютъ его такой сильной качкой, какую только позволяетъ гибкость оцѣпа, такъ что отъ чрезмѣрнаго качанія ребенокъ какъ бы замираетъ въ страхѣ и такимъ образомъ погружается въ сонъ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству г. Харлова,—для подстилки въ колыбели преимущественно употребляется ржаная солома, поверхъ которой накладываются негодные къ употребленію – поношенный дубасъ (одежда, носимая женщинами подъ верхнимъ платьемъ), или такая же мужская рубаха. Соломенная подстилка въ сущности вещь хорошая и сподручная крестьянамъ; но, благодаря неряшеству матерей, она рѣдко мѣняется, что не можетъ не вліять дурно на здоровье дѣтей. Если же вмѣсто соломы подкладываютъ въ колыбель перяную подушку, что бываетъ лишь въ зажиточныхъ домахъ, то ребенку грозитъ уже сущая бѣда, потому что такая подушка, будучи единственной, не только никогда не мѣняется, но и просушивается-то чуть ли не изъ года въ годъ.

Постель имѣетъ въ гигіеническомъ отношеніи такое-же громадное значеніе, какъ одежда, жилище и т. д. Для дѣтей-же она имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ для взрослыхъ, потому что дитя проводитъ въ постели большую часть своей жизни. Петенкофферъ совершенно справедливо называетъ постель ночною одеждою, ибо какъ та, такъ и другая имѣютъ одно и то же назначеніе. Въ этихъ видахъ постель должна удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, безъ чего она можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такъ отъ постели требуется извѣстная степень проходимости для воздуха, теплопроводимости, гигроскопичности и упругости. Нѣсколько лѣтъ назадъ д-ръ Ф. Николаевъ [1]) занялся опредѣленіемъ этихъ свойствъ по отношенію къ соломѣ, волосу, сѣну, пуху, полотну, употребляемыми въ Россіи для постелей, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Коэффиціентъ

Проводимости воздуха.	Теплопроводимости.	Замедленія воздуш. токовъ.
Пуха . . . 40,0	6,70	14,0
Волоса . . 1,07	2,72	1,8
Сѣна . . . 1,20	2,83	—
Соломы. . 1,0	2,52	1,6
Полотна. . 1,0	1	1,3

Изъ этихъ изслѣдованій позволительно вывести такое заключеніе, что постели изъ соломы и пуха не удовлетворяютъ требуемымъ условіямъ и должны быть замѣнены волосомъ или сѣномъ. Солома не представляетъ почти никакого препятствія для воздушныхъ токовъ, слѣдовательно вещество это рѣшительно не удовлетворяетъ условіямъ хорошей постели, потому что человѣкъ, лежа на ней, испытываетъ почти то-же, что если-бы онъ окруженъ былъ свободнымъ воздухомъ. Пухъ, наоборотъ, почти не проницаемъ для воздуха и содѣйствуетъ одностороннему и притомъ весьма сильному нагрѣванію. Кромѣ того отъ постели требуется извѣстная доля упругости, которая лучше всего можетъ быть достигнута опять-таки употребленіемъ матеріала для этого изъ волоса и сѣна; наоборотъ черезъ чуръ жесткія подстилки, употребляемыя иногда для русскихъ дѣтей, очевидно, совсѣмъ не годятся для очень еще нѣжнаго тѣла ихъ. Сопоставляя приведенныя научныя данныя по отношенію къ условіямъ хорошей постели, легко понять

[1]) Д-ръ Ф. Николаевъ: Изслѣдованіе веществъ, употребляемыхъ для постелей. (Военно-медицинскій журналъ. Февраль 1874 г.).

и всѣ тѣ невыгоды, которыя представляетъ постель русскаго ребенка, описанная выше со всею подробностью.

При описаніи русской колыбели нельзя не обратить вниманіе еще на одну особенность ея,—именно *пологъ*. Онъ дѣлается большею частью изъ плотнаго и темнаго ситца, иногда-же изъ холста, или другой какой либо самодѣльной ткани, крашенины, набойки и т. п. Вышина пологa, какъ и вышина веревокъ колыбели до крюка, приблизительно около аршина, а иногда нѣсколько болѣе. Онъ устроивается или въ видѣ занавѣса, плотно закрываемаго полами въ сторону; или онъ имѣетъ видъ чехла, надѣваемаго на колыбель сверху и на глухо закрытаго, или-же сверху этого чехла дѣлается отверстіе въ родѣ отдушины, какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и что видно на рисункѣ одной изъ колыбелей, описанныхъ выше. Подъ тѣмъ пологомъ, который имѣетъ отверстіе сверху, конечно дышется ребенку несравненно легче, чѣмъ подъ пологомъ, который плотно закрывается со всѣхъ сторонъ. Пологъ устраивается съ тою цѣлью, чтобы во первыхъ съ помощью его сдѣлать потемнѣе въ колыбели, отъ чего, полагаютъ, ребенокъ, лучше спитъ, хотя въ сущности получается результатъ какъ разъ обратный; во вторыхъ, чтобы защитить ребенка въ лѣтнее время отъ мухъ, комаровъ и т. п., въ третьихъ, чтобы по возможности защитить ребенка отъ любопытствующихъ посѣтителей, боясь ихъ «глаза».—Посмотримъ теперь на значеніе пологa съ гигіенической и антропологической точекъ зрѣнія. Врачи уже давно пришли къ тому убѣжденію, что пологъ вещь крайне вредная для здоровья и именно тѣмъ, что, во первыхъ, воздухъ подъ нимъ сильно застаивается, скоро лишается кислорода дыханіемъ и значительно пропитывается угольной кислотой, амміакомъ и другими разлагающимися веществами, получая такимъ образомъ какъ-бы свойства гнющаго понтійскаго болота. [1]) Это-же подтверждаютъ единогласно и всѣ бытописатели, давшіе намъ свѣдѣнія о колыбеляхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. «Я видѣлъ,—говоритъ протоіерей Гиляровскій, [2]) — что дѣти въ богатыхъ семьяхъ въ самые сильные жары содержались въ люлькахъ на пуховыхъ перинахъ, подъ пологомъ и теплымъ одѣяломъ, гдѣ грудь ничего не могла уже вдохнуть, кромѣ самыхъ тяжелыхъ собственныхъ испареній». Во вторыхъ пологъ осуждается врачами потому, что воздухъ подъ нимъ большею частью излишне нагрѣвается теплотой того-же ребенка, отъ чего у послѣдняго сначала ускоряются дыханіе и кровообращеніе, затѣмъ вслѣдствіе малаго потребленія кислорода развивается малокровіе, уменьшается аппетитъ, падаетъ общее питаніе, усиливается кожное испареніе, т. е. потъ, который въ свою очередь ослабляетъ энергію мускуловъ, отъ чего человѣкъ дѣлается физически вялѣе и болѣе склоненъ къ простуднымъ и катаральнымъ формамъ болѣзней и т. п. – Въ третьихъ лишеніе свѣта,—явленіе обычное подъ толстыми пологами, уменьшаетъ обмѣнъ веществъ въ тканяхъ организма, уменьшаетъ выдѣленіе углекислоты и потребленіе кислорода и въ концѣ концевъ неизбѣжно ведетъ къ тому или другому патологическому состоянію организма, выражающемуся, напримѣръ, въ формѣ англійской болѣзни, золотухи, цинги и т. п.—Результаты такого воспитанія дѣтскаго поколѣнія, безъ сомнѣнія, столько-же важно знать для гигіениста, сколько и для антрополога, изучающаго племенныя особенности организма человѣческаго во всѣхъ періодахъ его жизни.

Далѣе русскія колыбели въ громадномъ большинствѣ случаевъ, если не сказать почти всегда и вездѣ безъ исключенія, устраиваются такъ, что онѣ приводятся въ качательное движеніе съ помощью того или другаго приспособленія. Чаще всего съ цѣлью качанія, колыбель вѣшается на очепъ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тверской, Владимірской, Вятской и другихъ губерній—оцѣпомъ, а въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи еще «лучкомъ».—Этотъ очепъ есть ни что иное, какъ гнущійся шестъ или гибкая жердь,—длиной около $1^1/_2$—2 сажень, толщиною въ одномъ концѣ въ вершокъ, въ другомъ нѣсколько толще, приготовляемый, напримѣръ въ Новгородской губерніи, большею частью изъ рябины, въ Тверской, Вятской изъ березы, въ иныхъ мѣстахъ изъ ели, или какого либо другаго легко гнущагося дерева. Онъ подвѣшивается къ потолку, продѣваясь сквозь большое желѣзное кольцо, ввернутое въ матицу (толстая перекладина посрединѣ потолка) съ помощью пробоя съ нарѣзкой, или-же безъ кольца подвѣшивается на веревкѣ, продѣтой чрезъ потолочину, брусъ палатей и т. д., и продѣвается такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ его, болѣе твердый, упирался въ потолокъ, а другой, болѣе гибкій, держалъ на себѣ подвязанную къ нему колыбель. Благодаря такому прикрѣпленію очепа, колыбель можетъ качаться на немъ сверху впизъ. Для этого къ гибкому концу его обыкновенно привязывается веревка, посредствомъ которой очепъ легко можетъ быть приведенъ въ вертикальное движеніе и разъ приведенный въ таковое можетъ качаться довольно долго и такимъ образомъ убаюкивать ребенка. Привязанная для означенной цѣли къ очепу веревка большею частью имѣетъ довольно значительную длину, спускаясь почти до пола и заканчиваясь на нижнемъ концѣ своемъ петлей, въ которую нянька или мать, сидя возлѣ и обыкновенно работая что нибудь руками, вставляютъ

[1]) Д-ръ Виберъ: о вредномъ дѣйствіи пологовъ (Военно-Медицинскій журналъ. 1878 г. Ч. CXXI, смѣсь, стр. 125).

[2]) Гиляровскій l. c.

ногу и, нагибая и поднимая послѣднюю, производятъ качательное движеніе. Иногда-же веревка или ремень привязываются къ концамъ самой колыбели, отъ которой они спускаются внизъ почти до пола, образуя въ срединѣ такъ называемую поцѣпку, на которую мать или нянька ставятъ свою ногу и производятъ качаніе въ вертикальномъ-же направленіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской, Нижегородской (св. Кордатовъ), Пермской (врачъ Дудзинскій) и другихъ губерній для качанія колыбели сверху внизъ кромѣ очепа употребляется еще стальная, устроенная въ формѣ винта, пружина, которая зацѣпляется однимъ концомъ за крюкъ, ввинченный въ потолокъ, а къ другому концу ея привязываются собранныя вмѣстѣ веревки или ремни, прицѣпленные къ колыбели. Эти пружины, впрочемъ, употребляются преимущественно въ городахъ, а въ деревняхъ лишь очень немногими и притомъ зажиточными крестьянами, такъ какъ для бѣдняковъ онѣ относительно дороги, ибо продаются, напримѣръ въ Нижнемъ-Новгородѣ, отъ 80-ти коп. сер. до 1 р. 30 к. за штуку.

Устройство описанныхъ приспособленій не мѣшаетъ однако качать колыбели и въ другихъ направленіяхъ, напримѣръ съ бока на бокъ, отъ головы къ ногамъ и наоборотъ, что очень часто дѣйствительно и дѣлается, особенно къ концу укачиванія, когда ребенокъ видимо засыпаетъ. Иногда же, когда качаніе поручается малолѣтнимъ нянькамъ, дѣтямъ лѣтъ 5—8, они ради шалости или же для того, чтобы произвести возможно быстрое усыпленіе ребенка, закручиваютъ веревки, на которыхъ повѣшана колыбель, нѣсколько разъ вокругъ продольной оси и затѣмъ, когда пускаютъ ее, то она долго вертится по этой оси то въ ту, то въ другую сторону.

Въ *Сергачскомъ* уѣздѣ Нижегородской губерніи,— по свидѣтельству священника Владимірскаго,—вмѣсто очепа для качающихся колыбелей употребляется такъ-называемая «грядка» (фиг. 76). Это ничто

Фиг. 76. Грядка.

иное какъ шестъ, протянутый вдоль избы съ передней полки на палати, на который надѣвается желѣзное кольцо, чаще всего втулка или обѣчка со ступицы тележнаго колеса, и къ нему прицѣпляется крючкомъ зыбка, качающаяся горизонтально какъ маятникъ. Эту грядку нѣкоторые рѣшительно предпочитаютъ очепу, по удобству передвиганія по ней колыбелей, равно какъ и потому, что на ней можно повѣсить сразу двѣ, три колыбели, тогда какъ на очепѣ болѣе одной нельзя повѣсить. Въ избахъ, гдѣ употребляются эти грядки, сплошь и рядомъ приходится видѣть, что утромъ, напримѣръ, шестъ лежитъ у правой стѣны,—отъ образовъ до палатей; столъ съ остатками ужина или съ разсѣянными хлѣбами, для удобства стряпухи, отодвинутъ къ печи; около него группируются ребята, кошки, куры, лежатъ дрова, стоятъ ведра, а передній уголъ пустъ; подлѣ образовъ бабушка подвѣшиваетъ на шестъ зыбку и чрезъ этотъ-же шестъ сучитъ нитки. Въ полдень для обѣда впереди ставится столъ, а зыбка на своемъ кольцѣ по шесту отодвигается на задній планъ, гдѣ подъ палатями, лежа на лавкѣ, бабушка, качая люльку, убаюкиваетъ младенца и себя, и послѣднее — скорѣе. Вечеромъ у образовъ стелется на полу дѣтямъ постель, либо дѣдъ ковыряетъ лапти, горитъ свѣтецъ или сальная свѣча; шестъ съ зыбкой передвигается влѣво, въ свободный теперь стряпучій уголъ до самаго чулана, гдѣ мать, сидя за требнемъ, можетъ качать ребенка или у стамика печки

въ заднемъ концѣ шеста, или впереди подъ среднимъ окномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ колыбели привязываются не къ очепу или грядкѣ, а къ крюку, вбитому въ потолокъ, причемъ, очевидно, качаніе возможно или въ горизонтальномъ направленіи, или вокругъ вертикальной оси, какъ изложено выше. Такой способъ привѣшиванія колыбелей распространенъ преимущественно въ безлѣсныхъ южныхъ губерніяхъ Россіи: Тульской, Волынской, Полтавской и другихъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во время полевыхъ работъ крестьянки, отправляясь съ дѣтьми въ поле, вышаютъ колыбели, какъ мы уже видѣли это частью по Тульской губерніи, на нарочно приспособленныхъ для этого трехъ кольяхъ, которые въ такомъ случаѣ большею частью покрываютъ толстыми, холщевыми простынями (на подобіе палатокъ) для защиты дѣтей отъ вѣтра и солнца, а въ то же время пространство между кольями на столько широко, что между ними можно отчасти качать колыбель изъ стороны въ сторону. Такого рода колыбели, кромѣ Тульской губерніи, встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, напримѣръ Смоленской и Могилевской губерніяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напримѣръ въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ Кобеланскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и отчасти въ центральныхъ губерніяхъ, напримѣръ въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Въ Гадячскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи,—по свидѣтельству Г. К.,—во время рабочей поры, въ жнитво, простолюдины привѣшиваютъ колыбели въ полѣ на рогаткахъ или козлахъ, образуя сверху въ родѣ шатра изъ холста для защиты отъ солнечныхъ лучей. Казаки Таманскаго полуострова,—по свидѣтельству учителя Кононенко, — во время полевыхъ работъ обыкновенныя колыбели свои въ формѣ небольшихъ ящиковъ привязываютъ около возовъ на поднятыхъ оглобляхъ.

На качанье въ Россіи смотрятъ съ одной стороны какъ на средство усыпляющее, съ другой какъ на средство успокоивающее дѣтей. Поэтому дѣтей на Руси качаютъ всегда, когда только они не спятъ или кричатъ. Поэтому-же крикуновъ и плаксъ качаютъ много, смирныхъ же мало. Засыпающаго ребенка,—по свидѣтельству Н. П. Ермолова, землевладѣльца Нижегородской губерніи, — качаютъ тихо, рукой, продольнымъ движеніемъ отъ головы къ ногамъ; сильно разревѣвшагося отуманиваютъ бойкимъ и частымъ качаніемъ. Въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Жоховскаго, — качаютъ ребенка тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ безпокойнѣе. Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи — иногда закачиваютъ ребенка такъ, что онъ впадаетъ въ безпамятство, а иногда даже усердіе нянекъ, особенно дѣтей лѣтъ 5—8, простирается до того, что младенецъ вылетаетъ изъ люльки на полъ. То-же подтверждаетъ г. Ермоловъ по Арзамазскому уѣзду Нижегородской губерніи. Затѣмъ при качаніи сплошь и рядомъ ребенокъ подпрыгиваетъ въ люлькѣ вершка на 2—3, что иногда просто забавляетъ малолѣтнихъ нянекъ; иногда-же онѣ дѣлаютъ это съ досады, что ихъ заставляютъ закачивать своихъ меньшихъ сестеръ и братій, тогда какъ имъ хочется гулять. «А какъ часто гвоздь или кольцо,—говоритъ докторъ Волкенштейнъ [1]), — на которомъ укрѣплена оглобля (очепъ), вырывается изъ потолка и дитя съ крикомъ падаетъ на полъ!... Ужасная картина для понимающаго дѣло человѣка, — обыкновенная для привычнаго!... Цивилизованное земство (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) нашло неудобнымъ и отсталымъ употреблять оглобли какъ эластическія пружины и замѣнило ихъ спиральными пружинами изъ стальныхъ проволокъ. Ребенокъ качается въ люлькѣ съ быстротою молніи и пискомъ пружины, которая если лопнетъ, то виноватъ кузнецъ, сковавшій ее изъ дурной стали»....

Во Владиміръ-Волынскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Піотровскаго,—качаніе колыбели производится всегда усердно и шибко и чѣмъ ребенокъ въ колыбели сильнѣе плачетъ, тѣмъ шибче качаютъ и громче убаюкиваютъ. Не рѣдко во время такихъ качаній у дѣтей сильнымъ сотрясеніемъ вызывается рвота, которая снимается съ пеленокъ и процессъ качанія усерднѣе усиливается и продолжается до тѣхъ поръ, пока ослабленный рвотою ребенокъ и ошеломленный сотрясеніемъ качанія не покорится сну.

Въ *Чердынскомъ* уѣздѣ Пермской губерніи, — по свидѣтельству г. Харлова, — если ребенокъ спокоенъ и не хнычетъ, его покачиваютъ легонько; если-же онъ реветъ и притомъ долго, его зыбаютъ изо всей мочи, что называется до одури.

Періодъ качанія въ колыбеляхъ для дѣтей обыкновенно продолжается отъ 1—2 и болѣе лѣтъ. Въ Череповскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, — по свидѣтельству врача Швецова, — всѣхъ дѣтей качаютъ въ колыбеляхъ до 1—2 лѣтняго возраста. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, — по свидѣтельству Вычужина и Кашина,—качаютъ дѣтей отъ 1 до 2, а иногда даже и трехъ лѣтъ, такъ что въ подобныхъ случаяхъ ребенокъ совершенно самостоятельно играетъ въ своей колыбели, заглядываетъ изъ любопытства подъ колыбель, особенно если тамъ сидитъ кошка или что-нибудь подобное, причемъ не рѣдко падаетъ изъ колыбели и конечно получаетъ ушибы. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, — по свидѣтельству врача Г.,—до года ребенокъ находится въ колыбели почти постоянно; съ года до двухъ онъ только спитъ въ ней; съ 2-хъ до 7-ми спитъ на полу, притомъ мальчикъ съ отцомъ, а дѣвочка съ матерью.

[1]) Волкенштейнъ: У колыбели. 1876 г., стр. 149.

ГЛАВА XVII.

КОЛЫБЕЛИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

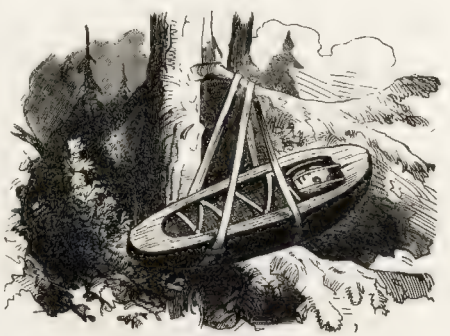
Колыбели Зырянъ, Финновъ, Эстовъ, Лопарей, Поляковъ, Литовцевъ, Евреевъ, Черемисовъ, Башкиръ.—Кавказскія колыбели; разнообразіе ихъ и оригинальность устройства.—Колыбели Ногаевъ, Сартовъ, Киргизовъ, Калмыковъ, Якутовъ, Бурятъ, Тунгусовъ, Ламутовъ, Сайотовъ, Остяковъ, Вогулъ, Манагръ, Гольдовъ, Самоѣдовъ, Коряковъ, Камчадаловъ, Курильцевъ.

Зыряне Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—употребляютъ колыбели въ формѣ четырех-угольныхъ деревянныхъ ящиковъ, немного съуженныхъ ко дну и вообще похожихъ на колыбели, употребляемыя русскими сѣвернаго края, особенно Архангельской губерніи, какъ описано выше. Колыбели эти на веревкахъ подвѣшиваются также для качанья къ длинному, гнущемуся березовому шесту и называются «зыбками». Эти колыбели,—говоритъ Туръ, —вѣроятно заимствованы Зырянами у Русскихъ, такъ какъ и самое слово «зыбка» не зырянскаго происхожденія.

Финская колыбель, модель которой между прочимъ доставлена была на Московскую антропологическую выставку губернаторомъ Улеаборгской губерніи г. Нюбергъ, представляетъ собою, по примѣру нѣмецкихъ колыбелей, продолговатый деревянный ящикъ, поставленный на полозья, придѣланные внизу его въ поперечномъ направленіи и позволяющіе качать его съ бока на бокъ. Иногда полозья помѣщаются продольно и въ такомъ случаѣ качаніе колыбели производится отъ головы къ ногамъ и обратно. Для подстилки въ такихъ колыбеляхъ,—по свидѣтельству доктора Пальмберъ,—употребляется солома, сверху которой кладется простыня, а иногда овчина; одѣяло состоитъ изъ куска шерстяной матеріи, овчины или бумажной матеріи на подкладкѣ, состоящей изъ хлопка или пакли.

Кромѣ этой колыбели, — по свидѣтельству д-ра Пальмберъ, — въ лѣтнее время, когда матери отправляются въ поле на работы, во всей Финляндіи употребляется особаго рода колыбель, состоящая изъ куска грубаго холста размѣромъ около одного аршина въ квадратѣ; къ каждому изъ 4-хъ угловъ его пришиваются тесьмы, которыми кусокъ холста привязывается къ воткнутому въ землю шесту.

Въ журналѣ «Семья и Школа», [1]) описывается еще третья форма Финляндской колыбели, имѣющая видъ небольшаго выдолбленнаго корыта. Когда ребенокъ укладывается въ эту колыбель, то сверху онъ зашнуровывается и именно такимъ образомъ, что въ пробитыя у верхнихъ краевъ корыта ушки продѣвается тесьма и затѣмъ ребенокъ упаковывается какъ куколка въ коконѣ. Такую колыбель



Фиг. 77.

вмѣстѣ съ ребенкомъ мать носитъ съ собою иногда во время работы, вѣшаетъ ее на ближайшемъ сучкѣ и предоставляетъ вѣтру укачивать ея малютку. Такая-же форма колыбели изображена на рисункѣ въ книгѣ доктора Волкенштейна [2]). (Фиг. 77). Г. Нюбергъ говоритъ однако, что форма такихъ колыбелей употребляется развѣ лишь у кочующихъ въ Финляндіи Лопарей, а у коренныхъ

[1]) Семья и Школа. № III. Мартъ 1878 г., стр. 125.
[2]) Волкенштейнъ: У колыбели. 1876 г., стр. 150.

Финновъ употребляется только описанная имъ выше колыбель. У Плосса эта форма колыбели признается за древнелапландскую и это мнѣніе, повидимому, справедливѣе, такъ какъ она представляетъ собою корытообразно выдолбленный деревянный обрубокъ, весьма близко напоминающій современную Лапландскую колыбель, какъ увидимъ ниже [1]).

У *Эстовъ*,—по свидѣтельству д-ра Крейцвальда,—колыбели бываютъ двухъ родовъ: 1) стоячая колыбель (Rumpelwiege), состоящая изъ продолговакаго четырех-угольнаго ящика, прикрѣпленнаго къ двумъ ножкамъ, имѣющимъ форму первой четверти луны. Нижняя часть ножекъ похожа на подставку качающейся дѣтской лошадки и двигается также, какъ она, изъ стороны въ сторону. При качаньи колыбель, ударяясь о полъ, даетъ сильные толчки ребенку и оправдываетъ поговорку: «das Kind ermüden», т. е. утомить ребенка. 2) Качающаяся колыбель (Die Schaukel und Wippwiege) состоитъ изъ легкаго деревяннаго станка или корзины, къ которой прикрѣпляются четыре веревки, концы которыхъ, собранные вмѣстѣ, привязываются къ вершинѣ эластической жерди, другой конецъ которой прикрѣпляется къ потолку. Такого рода колыбели, привѣшанныя къ сучьямъ деревьевъ или къ другому какому подходящему предмету, встрѣчаются лѣтомъ во множествѣ на поляхъ или на лугахъ, причемъ фартуки матерей служатъ вмѣсто занавѣсовъ. На старшихъ дѣтяхъ лежитъ обязанность качать эти колыбели; качальщиковъ изъ царства животныхъ ex officio здѣсь не полагается, случается однако иногда, что домашняя собака, сжалившись надъ кричащимъ ребенкомъ, по собственному побужденію приметъ на себя роль няньки и укачиваетъ малютку. Сѣно или мягкая мякина употребляются вмѣсто подстилки въ колыбели.—Описывая послѣдній видъ колыбелей, г. Іорданъ кромѣ того говоритъ, что иногда такого рода колыбели привѣшиваютъ къ бревну потолка и тогда качаніе производится горизонтальное. Для подстилки въ описанныя колыбели употребляются тряпки или сѣно.

Лапландская (Лопарская) колыбель представляетъ собою маленькій, узенькій, длинный гробикъ, выдолбленный изъ дерева, съ тонкими стѣнками, очень легкій и потому удобный для переносокъ. Стѣнки этого гробика внутри и снаружи обтянуты выдѣланной, мягкой оленьей кожей. Эта колыбелька въ плечахъ нѣсколько шире, въ ногахъ уже. Въ головномъ концѣ она имѣетъ возвышеніе въ родѣ навѣса или кибиточки; къ бокамъ ея пришиты во всю длину колыбели и около четверти шириной лоскуты той же оленьей кожи, предназначенные для закрытія ими ребенка сверху. На дно колыбели кладется мягкій, сухой мохъ, хорошо вбирающій въ себя всякую нечистоту. Мохъ этотъ перемѣняется каждый день по нѣскольку разъ. На мохъ кладется подушечка въ изголовьи, набитая оленьей шерстью, а въ остальныхъ мѣстахъ настилаются клочки шкурокъ молодыхъ оленей, на которыя уже кладется ребенокъ ни во что не завернутый и сверху еще закрытый клочками оленьихъ шкурокъ. Затѣмъ ребенокъ прикрывается какой либо тряпкой, еще разъ закрывается упомянутой выше, пришитой къ бокамъ колыбели, кожей и наконецъ укрѣпляется ремешками, пришитыми также къ краямъ колыбели и сходящимися въ поперечномъ направленіи. Кромѣ того къ колыбели пришиваются веревки подлиннѣе, въ направленіи отъ головы къ ногамъ, за которыя колыбель привѣшивается къ чему нибудь повыше, напримѣръ за жердь въ хижинѣ, за сукъ въ полѣ, на шею матери во время путешествій, къ рогамъ, хомуту и сѣдламъ животныхъ во время перекочевокъ. Къ этимъ-же ремнямъ или веревкамъ кромѣ того привѣшиваются разныя побрякушки, кольца и мелкія игрушки, издающія звукъ и бряцаніе при движеніи колыбели. На этиже ремни или веревки накидывается сверху какая либо покрышка для защиты ребенка отъ рѣзкаго вліянія солнца, непогоды, насѣкомыхъ и т. п.

Фиг. 78. Лопарская колыбель раскрытая.

Исторически интересенъ фактъ, что Лапландцы многія столѣтія сохранили одну и ту же форму колыбели. Joh. Scheffer, первый описатель Лапландскихъ нравовъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи,

[1]) Globus. 1863. № 4, S. 70.

появившемся въ 1675 году, стр. 241, изображаетъ матерей съ такими колыбелями, сдѣланными просто изъ дерева. На Московскую антропологическую выставку въ 1879 году доставлены были двѣ Лапландскія колыбели съ полнымъ приборомъ для пеленанія и одна изъ нихъ доставлена была непосредственно однимъ изъ русскихъ путешественниковъ А. И. Кельсіевымъ, изучавшимъ нравы и обычаи Лопарей на мѣстѣ, и лично давшимъ намъ объясненія относительно употребленія этой колыбели. Изъ двухъ, приложенныхъ къ нашему описанію, рисунковъ, одинъ даетъ понятіе о Лопарской колыбели открытой (фиг. 78), а другой,—когда въ ней лежитъ запеленатый описаннымъ образомъ ребенокъ (фиг. 79).

Фиг. 79. Лопарская колыбель съ запеленатымъ ребенкомъ.

Поляки Сувалкскаго уѣзда, той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Ибянскаго, — употребляютъ колыбели двоякаго рода: висячія и стоячія. Висячія имѣютъ форму плетушекъ, корзинъ, коробовъ, привѣшиваются къ жерди или потолку, какъ у русскихъ, и также качаются. Стоячія колыбели состоятъ изъ деревяннаго ящика, поставленнаго на двухъ полулунной формы ножкахъ, причемъ качаніе происходитъ изъ стороны въ сторону. Для подстилки употребляютъ сѣно, солому, перяныя подушки. Поляки Радомскаго уѣзда Варшавской губерніи,— по свидѣтельству г. Сахарова,—также употребляютъ колыбели двоякаго рода, описанныя выше, висячія и стоячія. Иногда-же мать во время полевыхъ работъ укладываетъ ребенка въ простыню, привязанную къ горизонтальной палкѣ, лежащей на двухъ козлахъ. Если на полѣ есть дѣти, то они качаютъ ребенка и присматриваютъ за нимъ. Если дѣтей нѣтъ, то ребенокъ спитъ и безъ присмотра. Бывали однако случаи, что ребенокъ посильнѣе поворачивался на животъ и, не имѣя потомъ силы лечь навзничъ, задыхался.

У *Литовцевъ* Владиславскаго уѣзда Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству врача Петровскаго, колыбель обыкновенно имѣетъ видъ корзины, длиною $1^1/_2-2$ аршина, шириною $^3/_4$—1 аршинъ, глубиною $^1/_2$ аршина. Форма ея овальная. Она вѣшается на веревкахъ или за гибкую жердь, прикрѣпленную къ потолку или прямо за матицу. Соотвѣтственно этому и качаніе бываетъ горизонтальное или вертикальное. Чтобы ребенокъ не упалъ при качаніи, между обоими боковыми краями корзины укрѣпляются веревки, которыя и при-

Фиг. 80. Коробокъ и подушка приготовленные на рубахѣ, для пеленанія по черемисски.

держиваютъ ребенка плотно въ постели. Подстилкой въ Литовскихъ колыбеляхъ Волковышскаго уѣзда Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству врача Лялевича, — служитъ солома, сухіе листья растеній, напримѣръ папоротникъ, мохъ и т. п.

У *Евреевъ* западнаго края, — по свидѣтельству многихъ свѣдѣній, преобладаютъ стоячія и качающіяся на полозьяхъ колыбели, хотя иногда употребляются и висячія колыбели.

У *Черемисъ* Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи употребляютъ колыбели двоякаго рода: однѣ совершенно такія же, какъ у ближайшихъ сосѣдей ихъ русскихъ, въ которыя они укладываютъ дѣтей своихъ дома; — другія, такъ называемыя полевыя и, очевидно, древняго черемисскаго происхожденія.

Устройство послѣднихъ довольно сложное. Самую внутреннюю часть этихъ колыбелей составляетъ продолговатый, неглубокій коробокъ, показанный на фигурѣ 80 и сдѣланный изъ бересты такъ, что ребенокъ можетъ быть положенъ въ немъ только своимъ туловищемъ съ вытянутыми конечностями, а голова его остается внѣ этого короба, для чего въ послѣднемъ на уровнѣ шеи ребенка сдѣлана вырѣзка, въ мѣстѣ же соприкосновенія ногъ съ коробомъ береста загнута и плотно сшита лыкомъ для упора ногъ. Въ этотъ коробъ сначала кладется мохъ, стелется тряпка и на нее укладывается ребенокъ. Затѣмъ мать разстилаетъ свою рубаху, кладетъ около ворота ея маленькую подушечку, какъ показано на приложенномъ рисункѣ, приставляетъ къ послѣдней описанный коробъ такъ, чтобы на подушечку пришлась головка ребенка, и все это вмѣстѣ завертываетъ въ свою рубаху, запеленывая ее сверху крестъ на крестъ веревкой. Запеленатаго такимъ образомъ ребенка мать кладетъ потомъ въ собственно колыбель, устроенную такимъ образомъ: въ основаніе ея берется доска, выгнутая желобомъ (фиг. 81), длиной немного болѣе роста ребенка, шириной вершковъ 5, толщиной около $^1/_4$ вершка. Положенный въ эту колыбель, запеленатый по вышеописанному ребенокъ пристегивается къ ней сверху въ двухъ или трехъ мѣстахъ, а именно: въ изголовьи съ подушкой, на высотѣ плечъ и ногъ кожанными лоскутами или веревками, такъ чтобы, при помощи ихъ, ребенокъ могъ лежать въ своей колыбели плотно и неподвижно. Кромѣ того къ бокамъ колыбели придѣлываются ремни или веревки такой длины, чтобы за нихъ можно было надѣть колыбель на шею, на то, или другое плечо, или повѣсить на сукъ дерева во время полевыхъ работъ, откуда и названіе полевой колыбели.

Изъ *Красноуфимскаго* уѣзда Пермской губерніи, учителемъ Манохинымъ присланы были на Московскую антропологическую выставку еще два образца Черемисскихъ колыбелей при слѣдующемъ описаніи:

а) *Лепшь* устраивается изъ луба, въ видѣ продолговатаго короба, такимъ образомъ, что головной конецъ ея дѣлается тупымъ, а нижній круглымъ. Эта колыбель употребляется для самыхъ маленькихъ дѣтей до 6-тимѣсячнаго возраста. Предъ укладываніемъ дитяти сначала стелятъ на дно солому, толченое гнилье березоваго дерева и т. п. Затѣмъ кладутъ какія либо подстилки изъ тряпокъ, подушку, а на послѣднія ребенка, завернутаго въ пеленки, сверхъ которыхъ накидывается для тепла овечья шкура, какая либо одежда и все это укрѣпляется перепускаемыми съ одного края на другой веревками. (Фиг. 82).

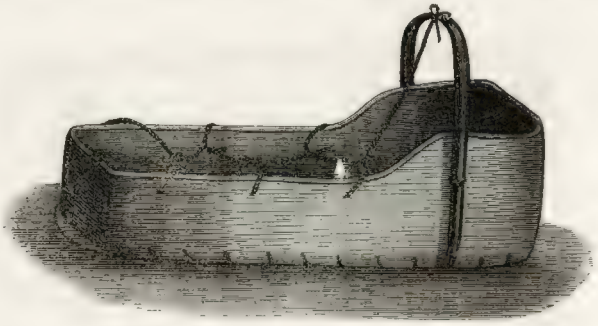
б) *Шипка* устройствомъ похожа на «Лепшь», но больше послѣдней и назначается для дѣтей старше 6-ти мѣсяцевъ. Ребенокъ въ ней уже не припеленывается, а остается свободно прикрытымъ. Качаніе производится посредствомъ шеста, привѣшиваемаго къ потолку и къ которому въ свою очередь привѣшивается колыбель.

Башкирскія колыбели. Русскій путешественникъ прошлаго столѣтія докторъ Лепехинъ [1]) видѣлъ у Башкиръ колыбели такого рода: «для младенцевъ дѣлаются у нихъ простыя и со образомъ ихъ житья сходственныя люльки, укрѣпляя оную по краямъ таловымъ прутьемъ. Снаружи и внутри въ головашкахъ, гдѣ младенцевой груди быть надлежитъ, съ обѣихъ сторонъ продѣваются внутри по двѣ петли. Въ ногахъ подобныя же двѣ петли продѣваютъ еще. Сими петлями прикрѣпляютъ грудь и ноги младенца, чтобы изъ люльки не могъ выпасть. За таловину, прикрѣпленную къ боку, утверждаютъ ремень, или покромь, которую надѣваютъ черезъ плечо. Такимъ образомъ Башкирка, ѣдучи верхомъ, спокойно можетъ вести и кормить грудью своего младенца, да и младенецъ, будучи привязанъ, изъ люльки вывалиться не можетъ, хотя бы лошадь споткнулася, или другой бы какой случился толчекъ.» Рисунокъ описанной колыбели приложенъ къ сочиненію Лепехина, откуда, для сравненія съ современными башкирскими, заимствованъ и нами (фиг. 83). На Московскую антропологическую выставку 1879-го года секретаремъ Уфимскаго Статистическаго комитета, Н. А. Гурвичемъ, обязательно доставлены были три образца

Фиг. 81 Открытая Черемисская полевая колыбель.

[1]) Дневныя записки путешествія доктора и академіи наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ россійскаго государства. С. П. 1772 г. Ч. II. стр. 154.

современныхъ башкирскихъ колыбелей, представляющихъ собою вѣрный образецъ теперешнихъ обиходныхъ колыбелей башкирскихъ, но изъ нихъ только одна, по словамъ г. Гурвича, отчасти напоминаетъ собою историческую колыбель Лепехина, о которой теперь только живо воспоминаніе, но она уже отжила свой вѣкъ и сослужила свою службу въ тогдашнее кочевое время башкиръ. Времена мѣняются и башкиры почти всѣ, по крайней мѣрѣ въ Уфимской губерніи, сдѣлались уже осѣдлыми обывателями и если они не доросли еще до полнаго земледѣльческаго быта, то все-таки успѣли уже далеко отойти отъ періода состоянія кочевыхъ почти номадовъ, въ какомъ они были во времена Лепехина. Теперь башкирамъ разъѣзжать по степи не зачѣмъ, да и негдѣ: нѣтъ почти и степей та-



Фиг. 82. Черемисская Лешь.

Фиг. 83. Башкирская колыбель прошлаго столѣтія

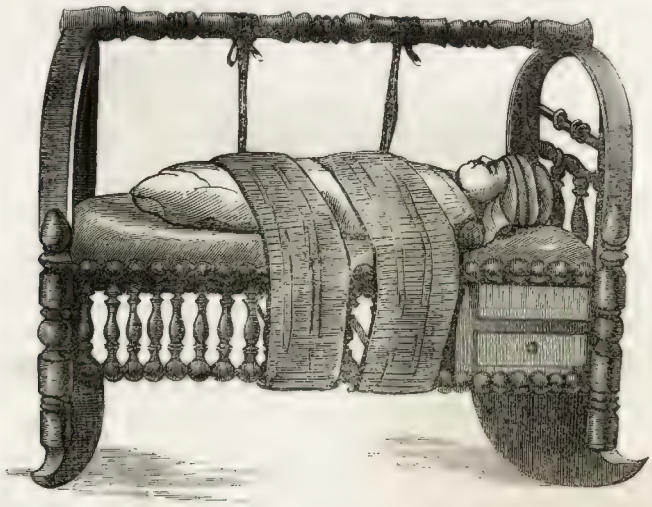
Фиг. 84. Башкирскій Джингильчикъ.

кихъ безпредѣльно привольныхъ, а если нѣкоторые башкиры еще по традиціонному влеченію забавляются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ на quasi кочевкахъ, то эти послѣднія столько же похожи на историческія бытовыя кочевки, сколько, напримѣръ, нѣкоторыя петербургскія удушливыя пародіи на дачи похожи на историческія привольныя дачи, въ которыхъ благодушествовали бояре и вельможи. Относительно современной Башкирской колыбели, напоминающей собою историческую, г. Гурвичъ сообщилъ намъ слѣдующее описаніе: современная Башкирская колыбель, *Джингильчикъ* (фиг. 84), напоминаетъ собою русскую колыбель на пяльцахъ; но она имѣетъ прорѣзи у изголовья, посрединѣ и въ ногахъ. Это не безъ цѣли и этимъ она напоминаетъ кочевую колыбель Лепехина, такъ какъ въ случаѣ надобности черезъ нихъ привязывается къ зыбкѣ (петли Лепехина) и такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, ребенокъ можетъ быть перенесенъ и перевезенъ.

Образцы двухъ другихъ Башкирскихъ колыбелей относятся къ переноснымъ, а потому и описаніе ихъ мы оставляемъ до слѣдующей главы.

Изъ Качинской волости, Златоустовскаго уѣзда, Уфимской губерніи, неизвѣстнымъ лицомъ доставлена была еще башкирская колыбель, представляющая собою незначительный варіантъ такъ часто употребляемыхъ на Руси *колыбелей плетутекъ*. Всѣ же вмѣстѣ современныя башкирскія колыбели несомнѣнно указываютъ на то, что башкиры вмѣстѣ съ культомъ русскихъ вообще усердно заимствуютъ у нихъ колыбели и такимъ образомъ быстро поднимаются въ ассимиляціи имъ до мелочей.

Грузинская колыбель (фиг. 85) представляетъ собою наиболѣе типичную форму всѣхъ кавказскихъ и вообще восточныхъ колыбелей, а потому въ нижеслѣдующемъ описаніи мы главнымъ образомъ будемъ имѣть въ виду ее, упомянувъ объ особен-



Фиг. 85. Грузинская колыбель съ запеленатымъ въ ней ребенкомъ и деформирующей повязкой на головѣ.

Фиг. 86. Кавказская колыбель съ пологомъ.

ностяхъ другихъ, сходныхъ съ нею, только въ нѣсколькихъ словахъ. Колыбель эта въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, – по свидѣтельству врача Чичіани, – носитъ названіе «*Аквина*»; въ Сватеніи, – по свидѣтельству графа Розмордюка, — она называется «*Чэнъ*»; въ Кизлярѣ Терской области,— по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха,—у Армянъ, Грузинъ и Татаръ называется «*Ороръ*», что по армянски означаетъ качалку. Она дѣлается приблизительно въ аршинъ длины и поларшина ширины и вышины, всегда довольно изящной работы, точеная и раскрашенная, такъ какъ она остается въ семьѣ на многіе десятки лѣтъ. Она похожа на маленькую кроватку съ низенькими бортами. Вмѣ-

сто ножекъ у нея придѣланы полукруглыя дощечки, на которыхъ она качается изъ стороны въ сторону при малѣйшемъ прикосновеніи. Но такъ какъ подобная колыбель при частомъ качаніи постепенно отодвигается отъ мѣста своего; то въ Шеруро-Далагезскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Оганисьянцъ,—съ нѣкотораго времени придумано особое приспособленіе, такъ называемые *колоши*, состоящіе изъ двухъ деревянныхъ желобковъ, въ которыхъ помѣщаются ножки колыбели. Въ изголовьи и ногахъ этой колыбели устроиваются двѣ дуги вершковъ 9-ти, высшія точки которыхъ соединяются между собою продольной не толстой перекладиной, круглой или точеной. Цѣль этой перекладины та, чтобы, вопервыхъ, за нее можно было удобно качать колыбель, хотя, правда, ее съ не меньшимъ удобствомъ качаютъ и ногой; во вто-

Фиг. 87. Кормленіе въ Грузинской колыбели.

рыхъ та, чтобы за нее можно было свободно брать колыбель и при надобности переносить съ мѣста на мѣсто; въ третьихъ, чтобы черезъ нее можно было свободно покрывать ребенка сверху пологомъ (фиг. 86); въ четвертыхъ чтобы она могла служить упоромъ матери при кормленіи ребенка, обыкновенно не вынимаемаго изъ колыбели на это время (фиг. 87) и наконецъ въ пятыхъ, чтобы можно было привѣшивать на нее разныя игрушки и погремушки, часто даже заговоренныя *«отъ глаза»*, каковы, напримѣръ, легко передвигаемыя по перекладинѣ деревянныя кольца, янтарные и гишеровые шарики, бусы, маленькія раковинки, камушки, стеклышки, бараньи подколѣнныя косточки (альчикъ—по армянски), монеты, амулеты и т. п. Когда ребенокъ не спитъ,—забавляется ими, перебрасывая ихъ своими ручонками; когда же засыпаетъ и его качаютъ, то погремушки, часто очень красивыя, производятъ маленькое бряцаніе, которое, вмѣстѣ съ монотоннымъ убаюкиваніемъ матери, производитъ усыпительное дѣйствіе на ребенка. Въ изголовьи подъ колыбелью придѣланъ выдвижной ящикъ, куда кладутъ заготовленныя пеленки, тряпочки и прочую мелочь. На днѣ колыбели, состоящемъ обыкновенно изъ дощечекъ, озернаго камыша или просто какого либо переплета изъ шнурковъ, веревокъ и т. п., въ разстояніи $^1/_3$ отъ ножнаго конца прорѣзано круглое отверстіе, за края котораго держится глиняный цилиндрическій горшечекъ или жестянка, назначенныя для принятія мочи и испражненій, какъ увидимъ это яснѣе тотчасъ же. Колыбели *карачаевцевъ* (фиг. 88),—по свидѣтельству Алейникова,—отличаются отъ Грузинскихъ только тѣмъ, что въ изголовьяхъ и ногахъ не имѣютъ возвышающихся дугъ съ продольной перекладиной, а наоборотъ углы ихъ прямо заканчиваются довольно высокими стойками, укрѣпленными на полозьяхъ.

Постельныя принадлежности расположены въ этой колыбели въ слѣдующемъ порядкѣ, считая снизу вверхъ:

1) *Тюфячекъ*, по армянски *порпъ*, обыкновенно съ отверстіемъ, соотвѣтствующимъ упомянутому выше отверстію въ днѣ колыбели. Тюфячекъ этотъ большею частью бываетъ очень пушистый, набитый шерстью, а у бѣдныхъ соломой. У Горцевъ Шапсугскаго и Бондуховскаго племени Екатеринодарскаго уѣзда Кубанской Области,—по свидѣтельству Гг. Косоланъ и Шевченко,—тюфячекъ набивается шелухою (мякиною), оставшеюся отъ обработки проса въ пшено, у нѣкоторыхъ же, особенно Евреевъ, иногда пухомъ. Въ Козахскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Оганисьянцъ,—тюфячекъ иногда набивается древесными опилками. Въ Джеводѣ,—по свидѣтельству Кистенева, иногда вмѣсто тюфячковъ употребляютъ баранью шкуру, но такъ чтобы отверстіе въ днѣ оставалось открытымъ. Въ Шарапанскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству врача Зерно,—вмѣсто тюфячка кладутъ сѣно или чалу (кукурузную солому). У *Карачаевцевъ*,—по свидѣтельству Алейникова,—подстилка въ колыбеляхъ бываетъ сообразно времени года: въ болѣе холодное время сначала стелятъ солому, затѣмъ тонкую полостенку, а сверхъ овечью шерсть, покрытую двумя пеленками; дитя же окутывается сверху еще такою же шерстью, а болѣе состоятельные такимъ же теплымъ одѣяльцемъ и все это сверху привязывается сафьянными мягкими бинтами по грузински. Въ болѣе теплое время въ этой укупоркѣ дѣлаютъ то измѣненіе, что подосланную и положенную сверху шерсть или одѣяльце замѣняютъ болѣе легкимъ тряпьемъ. Въ *Сватеніи*,—по свидѣтельству К.,—дѣти укладываются въ постель всегда голыми, подославъ сначала сѣно, а потомъ войлокъ, на столько длинный, чтобы онъ въ то же время могъ служить и одѣяломъ. Въ нѣкоторыхъ же обществахъ (Ушкульскомъ, Му-

лахскомъ, Мужальскомъ)не употребляютъ даже и войлока, а прямо голыхъ дѣтей завертываютъ въ сѣно.

2) *Простынка*, если есть, разстилается сверхъ тюфячка или онъ остается непокрытымъ.

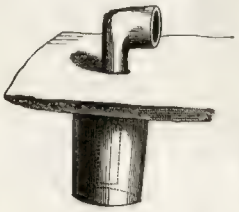
3) Двѣ *подстилки*, изъ которыхъ одну кладутъ подъ плечи ребенка и ею завертываютъ эти плечи, грудь, животъ и верхнія конечности, вытянутыя по швамъ, а подъ заднія части кладутъ другую маленькую подстилку, которою отдѣльно завертываютъ послѣднія съ ногами. Длина каждой изъ этихъ подстилокъ по аршину, ширина по четверти или даже нѣсколько болѣе. Первая подстилка называется по армянски, *тата-саванъ* т. е. ручной саванъ, вторая *татеришоръ* т. е. ножное покрывало.

4) *Подушечки*, набиваемыя такимъ же матеріаломъ, какъ и матрасецъ. Обыкновенно ихъ бываетъ двѣ, три, но ни одной изъ нихъ не употребляется подъ голову. Одна подушечка кладется подъ плечики и называется подплечникомъ. Цѣль ея та, чтобы приподнять грудь и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать вытяженію шеи, такъ какъ короткость шеи считается у Грузинъ и Армянъ недостаткомъ. Вторая подушечка кладется на животъ, третья на ноги; иногда же обѣ послѣднія замѣняются одною.

Фиг. 88. Карагаевская колыбель.

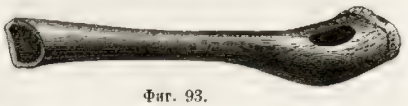
Фиг. 91.

Фиг. 89.



Фиг. 94.

Фиг. 90.



Фиг. 93.

Фиг. 92.

Фиг. 87—88. Деревянныя мочеводныя трубки мужскія. Фиг. 89—90. Деревянныя мочеводныя трубки женскія. Фиг. 91. Мочеводная трубка изъ бараньей кости. Фиг. 92. Мочеводная трубка, приложенная къ горшечку, собирающему мочу.

Цѣль ихъ та, чтобы при помощи мягкости ихъ лучше предохранить ребенка отъ давленія свивальниками, употребляемыми при грузинскомъ пеленаніи.

5) *Мочеводныя трубки* (фиг. 89—94) для проведенія мочи въ упомянутый выше горшечекъ. Трубки эти по грузински называются «*ширбаки*» или «*тибаки*», по армянски «*люликъ*»,—«*пукъ*»,—по татарски «*шибекъ*» или «*чибебекъ*». — Трубки эти дѣлаются большею частью деревянныя, длиной 5—6 вершковъ, имѣютъ различную форму, смотря по полу дѣтей и именно приспособительно къ формѣ наружныхъ половыхъ частей ихъ. Эти трубки имѣютъ видъ полаго цилиндра, нижній конецъ котораго, опускающійся въ горшечекъ, совершенно прямой, а верхній, прикладываемый къ половымъ частямъ ребенка, крючкообразно загнутъ или вѣрнѣе согнутъ подъ прямымъ угломъ на полвершка длины и затѣмъ расширенъ въ видѣ трубки, изъ которой курятъ, и притомъ въ трубкахъ назначаемыхъ для мальчиковъ это расширеніе дѣлается круглымъ, а для дѣвочекъ овальнымъ, или продолговатымъ (Фиг. 91 и 92). Края

отверстія и весь верхъ трубки обыкновенно до половины облиты воскомъ, чтобы она не гнила, а затѣмъ для предохраненія отъ тренія и другихъ поврежденій половыхъ и бедренныхъ частей ребенка кромѣ того обертываютъ ее старою мягкою вѣтошью, ватою и т. п. Когда ребенокъ уложенъ въ постель, эти трубки широкими концами своими накладываются на половыя части дѣтей и при томъ такъ, чтобы весь членикъ мальчика входилъ въ загнутый конецъ ея, а у дѣвочекъ большія губы входили бы въ самое отверстіе плотно приставленной къ нимъ трубки. Моча стекаетъ по этимъ трубкамъ, не намачивая постели и ребенокъ дѣйствительно долгое время можетъ оставаться въ ней совершенно сухимъ; но за то,—по свидѣтельству врача Елагина изъ Рачинскаго уѣзда Кутаисской губерніи, – вслѣдствіе описаннаго вставленія дѣтороднаго члена въ мочепріемникъ происходитъ иногда воспаленіе головки его. Въ Грозненскомъ округѣ Терской области,—по свидѣтельству М.,—для той же цѣли употребляется бедренная овечья кость, сверху просверленная, верхній конецъ которой приходится у половыхъ органовъ для воспріятія мочи. Такія же кости для проведенія мочи,—по свидѣтельству Шмыткина, употребляютъ горцы-Кабардинцы. Въ Кизлярѣ Терской области – по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха, — у Армянъ, Грузинъ и Татаръ трубочки эти дѣлаются или изъ дерева, или же чубукъ дѣлается изъ камышанки, а трубку слѣпляютъ изъ воска. У Карагаевцевъ мочевыя трубки дѣлаются изъ березовой коры, воловьяго рога и берцевой бараньей кости. Въ Шарапанскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству врача Зерна,—сосудъ для мочи не привѣшивается, а просто ставится подъ колыбель. У Грековъ на Цалкѣ, — по свидѣтельству священника Попандопуло,—мочепріемники составляютъ роскошь, а потому у простаго народа они встрѣчаются рѣдко и замѣняются тѣмъ, что подъ заднія части ребенка на тряпку насыпаютъ сухой, нагрѣтой земли, которая и воспринимаетъ въ себя нечистоты дитяти. Тамъ, гдѣ употребляютъ описанныя трубки, большею частью вынимаютъ и чистятъ ихъ одинъ, два раза въ день.

Когда упомянутыя принадлежности дѣтской постели готовы, ребенка укладываютъ на нихъ лицомъ вверхъ, въ уровень съ краями колыбели, вытягиваютъ ему ручки, ножки, накладываютъ на него описанныя выше подушки и приступаютъ къ спеціальному пеленанію по Грузински, или иначе сказать, къ особому способу накладыванія 6) *свивальниковъ*, называемыхъ по грузински «Артахи»,—по армянски «капанъ» (повязка). Свивальниковъ этихъ два, изъ коихъ одинъ накладывается на туловище и верхнія конечности. Длина каждаго свивальника $1^1/_2$—2 аршина, ширина—ладонь,—3—4 вершка. Однимъ концомъ свивальники прикрѣпляются или вѣрнѣе надѣваются на петляхъ на особую нетолстую палочку, находящуюся и укрѣпленную немного ниже верхняго праваго края колыбели. Придѣлка этой палочки къ колыбели имѣетъ то назначеніе, чтобы бинты, прикрѣпленные къ ней, вездѣ были равномѣрно натянуты. Если палочку съ обоихъ концовъ бинтовъ выдернуть, то эти же бинты можно употреблять для пеленанія внѣ колыбели, что бываетъ въ первые три дня по рожденіи. Пеленаніе, или правильнѣе сказать, привязываніе ребенка къ колыбели начинается съ того, что съ правой стороны на лѣвую свободнымъ концомъ груднаго свивальника охватываютъ сверху плечи и грудную клѣтку ребенка, обводятъ его винтообразно по дну колыбели и доходятъ до верхней поперечины, къ которой свивальникъ, обыкновенно заканчивающійся шнуромъ или ремнемъ, и привязывается, притомъ такъ, чтобы эти шнуры и ремни можно было развязать тотчасъ же по желанію. Затѣмъ такимъ же порядкомъ обводится чрезъ ребенка и колыбель второй свивальникъ—ножной и такимъ же образомъ прикрѣпляютъ его. Свивальники эти дѣлаются иногда шелковые, иногда ситцевые, иногда на подкладкѣ, иногда сафьянные (въ Западномъ Дагестанѣ), иногда вмѣсто нихъ употребляютъ длинныя полотенца (Ментовъ), — иногда плотныя кромки, иногда шерстяныя тесемки въ вершокъ ширины (Маремоновъ) и т. п.—Привязываютъ ребенка къ колыбели описанными свивальниками весьма туго и на много часовъ. Въ Кизлярѣ, напримѣръ,—по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха,—развязываютъ ребенка изъ колыбели только два раза въ сутки: рано утромъ и иногда вечеромъ для перемѣны подъ нимъ запачканныхъ пеленокъ. Цѣль такого привязыванія будто та, чтобы ребенокъ не выпадалъ изъ колыбели при усиленномъ качаніи ея.

Упакованнаго такимъ образомъ ребенка покрываютъ теплымъ ваточнымъ 7) *одѣяломъ*, а лицо покрываютъ косынкой или платкомъ.

Наконецъ всю колыбель покрываютъ 8) *пологомъ* (по армянски «ороропацканъ» или «зецалъ», т. е. колыбельное покрывало), который дѣлается изъ ситца, кисеи, шелковой матеріи, ковровъ лѣтнихъ, зимнихъ или чего попало.

Не столько полезное, сколько вредное вліяніе описанной колыбели на формы, развитіе тѣла и здоровье дѣтяти несомнѣнно. Такъ мы уже видѣли выше, что ребенокъ, плотно привязанный къ ней, не можетъ лежать иначе, какъ на спинѣ, причемъ затылокъ его, испытывая постоянное давленіе, можетъ иногда сильно приплющиваться. Вмѣстѣ съ этимъ стараются уложить ребенка такъ, чтобы голова его была ниже плечъ для того, чтобы у ребенка получилась длинная шея, такъ какъ короткая шея у армянъ и грузинъ считается недо-

статкомъ. Припомнимъ здѣсь прежде всего интересныя наблюденія, упомянутыя выше, George Sattin'a [1]) надъ многими индійскими племенами Америки, укладывающими дѣтей своихъ въ постели на спинѣ съ нѣсколько приподнятой головой, при чемъ подбородокъ ребенка плотно прижимается къ верхней челюсти, вслѣдствіе чего дитя съ ранняго возраста пріучается держать свой ротъ закрытымъ и такимъ образомъ предохранять себя отъ множества болѣзней, сопряженныхъ съ непріятной привычкой держать ротъ открытымъ, какъ это, наоборотъ, нерѣдко приходится видѣть у многихъ европейцевъ, благодаря беззаботности ихъ относительно устраненія этой привычки у дѣтей своихъ съ ранняго возраста. Согласно съ этими наблюденіями, способы укладыванія дѣтей въ колыбели по Армянски и Грузински, очевидно, даютъ полную возможность для развитія упоминаемой привычки у дѣтей ихъ держать ротъ открытымъ, что, по нашему наблюденію, дѣйствительно часто и приходится видѣть, по крайней мѣрѣ среди Армянъ и Грузинъ, встрѣчающихся въ Москвѣ. Что касается основной цѣли Армянъ и Грузинъ относительно полученія у дѣтей длинной шеи съ помощью практикуемаго у нихъ укладыванія дѣтей въ постели, то трудно сказать, на сколько именно послѣдняя цѣль достигается; вѣрно-же то, что вслѣдствіе такого пеленанія и укладыванія дѣтей не рѣдко бываютъ случаи удушенія ихъ. Верхній бинтъ, которымъ ребенокъ припеленывается къ колыбели, на уровнѣ плечъ, лежитъ не далѣе какъ на разстояніи двухъ вершковъ отъ шейки. Здоровый ребенокъ, просыпаясь днемъ или чаще всего ночью, начинаетъ рученками копошиться и такимъ образомъ привязанный бинтъ сбиваетъ къ шейкѣ и производитъ удушеніе. Это-же удушеніе въ описанной колыбели производится иногда и на другой ладъ, а именно: сонная мать, вставая ночью кормить ребенка, садится около колыбели и, всунувъ ребенку грудь въ ротъ, сама, нагнувшись надъ колыбелью, засыпаетъ и такимъ образомъ своею-же грудью производитъ удушеніе. Кромѣ того, стягивая обыкновенно очень сильно и на долго свивальниками грудь ребенка, мѣшаютъ развитію послѣдней, отъ чего, по замѣчанію нѣкоторыхъ, у туземцевъ Кавказа часто наблюдается плоская, длинная грудь съ расположеніемъ къ чахоткѣ. Далѣе такое пеленаніе гораздо болѣе, чѣмъ при способѣ русскаго пеленанія, мѣшаетъ свободному развитію организма вообще, особенно-же развитію органовъ живота, важныхъ для правильнаго пищеванія; такое пеленаніе мѣшаетъ развитію таза, особенно важному для дѣвочекъ; при небрежномъ пеленаніи оно содѣйствуетъ развитію косолапости внутрь или кнаружи, наконецъ содѣйствуетъ разнымъ видамъ неправильности кровообращенія. Далѣе при рѣдкихъ перемѣнахъ мать не можетъ достовѣрно узнать, что безпокоитъ ребенка, а между тѣмъ его утомляетъ и однобразіе положенія и неподвижность, развиваются боли отъ постояннаго давленія на нижнія части, а отъ неопрятности развиваются обопрѣлости и ссадины кожи.—Пологъ на кавказской колыбели имѣлъ-бы нѣкоторый смыслъ, при разумномъ употребленіи, въ видахъ защиты лѣтомъ отъ крайне назойливыхъ въ томъ краю насѣкомыхъ, а въ сырое время—осенью, и холодное—зимой, особенно по ночамъ, въ жилищахъ, часто совсѣмъ не протапливаемыхъ, отъ рѣзкой сырости и чувствительной стужи. Но за то при употребленіи для этого описанныхъ выше плотныхъ ковровъ и подобныхъ имъ покрышекъ, притомъ оставляющихъ слишкомъ малое пространство для воздуха вокругъ ребенка, и еще болѣе, когда вмѣсто жилья дѣти содержатся въ конюшнѣ,—какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Греческій священникъ Попандопуло въ Цалкѣ,—иногда подъ этими пологами развивается такая нестерпимая вонь и духота, что ребенокъ обыкновенно не можетъ выносить ее долго, а по свидѣтельству Г. Ейвазова изъ Эривани, – онъ дѣлается крайне безпокоенъ, часто просыпается, много плачетъ, худо беретъ грудь и т. п. —Мать, теряясь въ догадкахъ относительно причины этого безпокойства, послѣ долгаго качанья наконецъ сама раздражается, злится, сильно трясетъ колыбель и даже бьетъ ребенка. Если это не помогаетъ, она пугаетъ дитя или ударами по дугѣ колыбели, или своимъ крикомъ, или-же именами почныхъ звѣрей, чѣмъ и влагаетъ еще съ колыбельнаго періода въ душу дитяти чувство страха. Но все это не помогаетъ остановить плачъ ребенка. Тогда мать вынимаетъ его изъ колыбели и беретъ на руки. Ребенокъ, освободившись отъ мучительнаго положенія, моментально успокоивается, становится веселымъ, махаетъ рученками. Оставивши его нѣкоторое время на рукахъ и все таки не понявши въ чемъ дѣло, мать опять кладетъ ребенка въ несносную колыбель, снова начинается та-же раздирающая сцена мученій ребенка и такъ далѣе безъ конца. Вслѣдствіе такого содержанія дѣтей въ Кавказскихъ колыбеляхъ, они, по свидѣтельству священника Попандопуло,—бываютъ весьма хилы, безжизненны, безъ всякой живой краски.

Качаніе [1]) въ кавказскихъ колыбеляхъ приноситъ также не мало вреда. У Грековъ на *Цалкѣ*,—по свидѣтельству священника Попандопуло,—качаніе бываетъ такъ сильно, что при этомъ иногда падаетъ на полъ самая колыбель. Въ Горійскомъ уѣз-

[1]) G. Sattin, Geschlossener Mund erhält gesund. 1870.

[1]) *Джарцы* Аварскаго племени Закатальскаго округа, по свидѣтельству Млокосѣвича, – при качаньи обыкновенно приговариваютъ: „Ля и ля илляля, ля и ля илляля“ и т. д.

дѣ,—по свидѣтельству врача Скокова, — качаніе колыбели производится до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не заснетъ; если-же ребенокъ проснется ночью, или-же начинаетъ плакать, уложенный въ постель днемъ, то опять начинаютъ его качать и тогда качаніе это продолжается 2—3 и болѣе часа.

Почти на всемъ Кавказѣ только что описанная колыбель составляетъ существенную необходимость въ дѣлѣ первоначальнаго физическаго воспитанія дѣтей. Однако случается, что въ полѣ на кочевкѣ или въ отдаленномъ отъ дома мѣстѣ, а равно и у недостаточныхъ родителей, онѣ замѣняются особаго рода висячею колыбелью, похожею на гамакъ. Такого рода колыбель употребляется, напримѣръ, у Армянъ, Татаръ и Куртинъ,—по свидѣтельству Оганисьянцъ, [1]) въ Шеруро-Далагезскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи и носитъ здѣсь по армянски названіе *«тчочъ»*, означающее колебаніе маятника. (Фиг. 95). Она устаивается здѣсь изъ двухъ параллельно протянутыхъ веревокъ, привязанныхъ къ двумъ, довольно близко стоящимъ другъ противъ друга столбамъ, деревьямъ и т. п. Затѣмъ, взявъ небольшое одѣяло, пологъ или-же кусокъ холста, или-же наконецъ широкое платье, заворачиваютъ внутрь оба его противоположные края чрезъ веревку соотвѣтствующей стороны, отъ чего получается неглубокій желобъ, длиною отъ одного до полутора аршина, въ которомъ укладывается ребенокъ. Можно иногда, по желанію, подложить подъ ребенка въ тчочѣ тюфячекъ, подъ голову подушечку, а сверху накрыть одѣяльцемъ и т. п. Тчочъ тоже качается въ обѣ стороны. Дабы этотъ

Фиг. 95. Тчочъ.

желобъ не приплюснулся, у каждаго конца его съ внутренней стороны кладутъ поперекъ по одной палочкѣ въ поларшина длины. Тчочь—самая простая, легко осуществимая и даже удобная колыбель для дѣтей не только внѣ дома, но и въ самомъ домѣ. Удобствомъ его часто пользуются при болѣзненномъ состояніи ребенка, который менѣе безпокоится въ тчочѣ, чѣмъ въ деревянной колыбели, производящей при всякомъ качаніи толчки и стукъ на неровномъ полу. Въ татарскомъ населеніи того-же уѣзда обычай не допускаетъ употребленія деревянной колыбели, которая замѣняется вышеописаннымъ тчочемъ, называемымъ по татарски *«нанни»*, въ которомъ укладывается ребенокъ днемъ, а ночью непремѣнно переходитъ онъ въ общую постель съ матерью. Тотъ-же самый тчочъ или нанни употребляется изрѣдка и у Куртинъ, обыкновенно-же у нихъ мать укладываетъ на ночь, завернутаго въ пеленкахъ ребенка возлѣ себя въ общей постели, а днемъ большею частью привязывавши фартукомъ къ спинѣ своей, гдѣ ребенокъ то забавляется, то спитъ;—мать при этомъ продолжаетъ отправлять свою домашнюю работу.

Объ употребленіи такой же колыбели у татаръ Эчміадзинскаго уѣзда Эриванской губерніи свидѣтельствуетъ Марія О. [1]). Объ употребленіи такой-же колыбели, подъ названіемъ *«ландикъ»* у армянъ, татаръ, куртинъ и цыганъ Эриванской губерніи свидѣтельствуетъ Золинскій. Ландикъ употребляется еще въ родѣ удлиненной чашки вѣсовъ и на четырехъ веревкахъ привязывается къ потолку. Подъ ребенка въ такую колыбель насыпаютъ сухой глины. Въ Джевадѣ, — по свидѣтельству Кистенева, — бѣдные люди, неимѣющіе колыбелей, подвѣшиваютъ къ потолку въ домѣ, а лѣтомъ въ тѣни на открытомъ воздухѣ, кусокъ плотной шерстяной ткани за четыре конца веревками, причемъ образуется нѣчто въ родѣ гамака. Такую-же колы-

[1]) Кавказъ 1879 г. № 55.

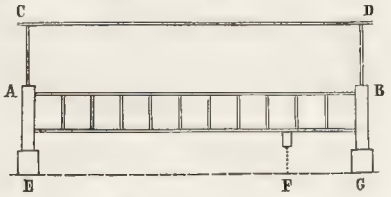
[1]) Кавказъ, 1879 г. № 294.

бель,—по свидѣтельству Бахташова,— употребляютъ горцы Даргинскаго округа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго Дагестана, когда жены ихъ отправляются на работу, въ садъ или поле, при чемъ, чтобы не отвлекаться отъ занятія своего, онѣ прикрѣпляютъ къ деревьямъ веревки и устраиваютъ, такъ сказать, походную люльку, въ которой кладутъ ребенка и завязываютъ веревками. Объ употребленіи такой-же колыбели у мусульманъ Карабага (Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи) свидѣтельствуетъ Сашабекъ-Мирзоевъ [1]), причемъ послѣдній прибавляетъ, что мусульманскія матери, чтобы не быть принужденными при качаніи этихъ колыбелей постоянно находиться около нихъ и отвлекаться отъ работы, привязываютъ къ нимъ длинную веревку во всю комнату и такимъ образомъ матери могутъ, сидя въ противоположной отъ колыбели сторонѣ комнаты, качать своихъ дѣтей посредствомъ этой веревки: стоитъ только разъ сильно дернуть за

Фиг. 96. Способъ пеленанія въ тючѣ.

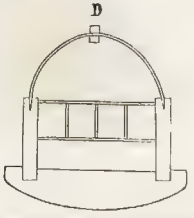
эту веревку, чтобы колыбель качалась цѣлыхъ пять минутъ. При употребленіи этихъ колыбелей ребенка пеленаютъ такъ, какъ вообще пеленаютъ русскихъ дѣтей, съ тою разницею, что здѣсь пеленки замѣняются старымъ тряпьемъ и кускомъ стараго войлока, чтобы моча не просачивалась, такъ какъ ребенка распеленываютъ два раза въ сутки. Свивальникъ замѣняется шерстяною бичевкою.

Совершенно по типу грузинской качалки, описанной выше, устраиваются колыбели: *Ногайскія*, *Трухмянскія*, *Сартскія*, цыганскія племени *Люли* и вообще *Туркестанскія*, *Персидскія* и т. д. Колыбели или ихъ модели также имѣли мѣсто на Московской антропологической выставкѣ, но почти всѣ онѣ доставлены были безъ описанія. Описаніе приложено было только при Ногайской колыбели г. Бентовскимъ, изъ котораго видно, что ни въ устройствѣ ея, ни въ пеленаніи дѣтей по Ногайски нѣтъ существенной разницы противъ пріемовъ грузинскихъ въ этомъ отношеніи. Наоборотъ сходство во всемъ при содержаніи ребенка въ колыбели до такой степени велико, что Ногайцы, по примѣру Грузинъ, также не кладутъ подъ голову ребенка подушки, иначе будто бы шея дитяти дѣлается короткою и т. д. (Фиг. 97 и 98).



Фиг. 97. Чертежъ Ногайской колыбели съ бока.

Киргизская колыбель подъ названіемъ «*бесык*» (въ Семипалатинской области) сохраняетъ вообще типъ восточныхъ колыбелей; но въ устройствѣ своемъ нѣсколько разнится отъ колыбелей кавказскихъ. Она дѣлается такимъ образомъ: изъ тальника, березы или ветлы выгибаются двѣ дуги, толщиною въ полдюйма каждая, устанавливаются одна противъ другой на разстояніи 1—$^3/_4$ аршина, а именно: одна въ изголовьяхъ, другая въ ногахъ. Эти



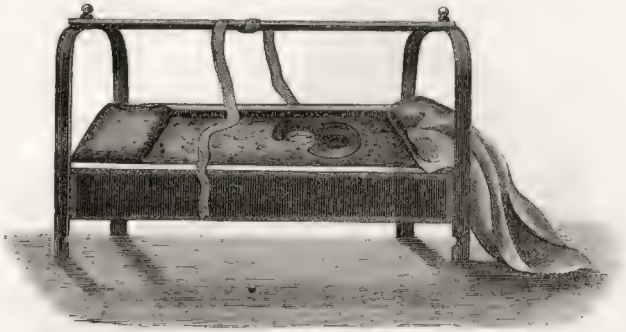
Фиг. 98. Чертежъ Ногайской колыбели съ концовъ.

дуги связываются рамой изъ прутьевъ, составляющей остовъ дна, ниже которой справа и слѣва дѣлаются еще по пруту или бруску для связи дугъ и большей устойчивости колыбели. По бокамъ рамы устраиваются еще невысокія закраины. Дуги сверху кромѣ того соединяютъ прутомъ для полога. Въ такомъ видѣ колыбель представляется маленькой кроваткой на ножкахъ. Вся вышина ея не болѣе $^1/_2$—$^3/_4$ аршина, а ножки не выше двухъ—трехъ вершковъ. Для укачиванія ребенка переваливаютъ всю колыбель съ одной ножки на другую. Дно колыбели затягивается кошмой или переплетается веревкою изъ шерсти (арканъ); иногда же оно дѣлается изъ тонкихъ дощечекъ. Оно имѣетъ почти посрединѣ отверстіе, въ которое вставляется мочевая трубка. Подстилками служитъ войлокъ, овчина, баранья шерсть (джагаба), коротенькія перины и пр., но подъ непремѣннымъ условіемъ,

[1]) Кавказъ 1879 г. № 42.

чтобы онѣ занимали лишь пространство отъ головной части колыбели до упомянутаго выше отверстія дна колыбели, остальная часть которой подъ ногами ребенка наполняется разнымъ хламомъ, негоднымъ тряпьемъ и большею частью весьма грязнымъ. Лѣтомъ иногда случается видѣть въ такихъ колыбеляхъ сухую траву. Все это иногда прикрывается кускомъ бумажной ткани. Ребенка кладутъ на спинку въ вытянутомъ положеніи, завернутаго въ тряпицы и притомъ такъ, чтобы половые органы его приходились въ уровень съ упомянутымъ выше отверстіемъ дна. Тогда берутъ трубчатую кость барана, дѣлаютъ съ боку одного конца отверстіе, въ которое вкладываютъ половой органъ, а другой конецъ ея проводятъ чрезъ отверстіе дна наружу, подъ которымъ привѣшивается деревянная или каменная посудина для воспріятія нечистотъ и обыкновенно наполняемая золой или известью, смѣняемыми нѣсколько разъ въ день. По нѣкоторымъ извѣстіямъ для дѣвочекъ кость срѣзывается конусообразно и вкадывается въ половые органы (?). Уложивъ малютку въ колыбель, начинаютъ его пеленать, что производится такимъ образомъ: въ боковыхъ стѣнкахъ колыбели находится по три отверстія съ каждой стороны; въ эти отверстія продѣвается свивальникъ, имѣющій форму широкой тесьмы, сшиваемой изъ кошмы или толстой льняной ткани, и такимъ образомъ привязываютъ ребенка. Въ болѣе плоскихъ колыбеляхъ отверстій въ стѣнкахъ не существуетъ и тогда пеленаніе происходитъ поверхъ и кругомъ всей рамы. Но въ томъ и другомъ случаѣ конецъ свивальника по принятому обыкновенію повязывается на верхній прутъ, соединяющій дуги. Затѣмъ покрываютъ ребенка одѣяломъ изъ бараньей шерсти, а сверху поперечнаго прута закрываютъ еще какимъ-либо покрываломъ, или даже въ зимнее время особымъ для этой цѣли дѣлаемымъ чехломъ съ отверстіемъ съ лѣвой стороны надъ головой ребенка какъ для воздуха, такъ и для кормленія грудью дитяти.

Такимъ образомъ мать кормитъ своего ребенка не вынимая его изъ этой колыбели; при надобности она носитъ ее съ собою всюду, какъ мы носимъ корзинку, держа за прутъ для полога, какъ за ручку. Иногда же она подвѣшиваетъ ее къ деревянной рѣшеткѣ, составляющей боковую основу юрты. На лошади мать совершенно удобно ставитъ колыбель передъ собой. Вслѣдствіе этого удобства носить ее киргизки чрезвычайно рѣдко берутъ малютку на руки. Въ этой колыбели держатъ дѣтей 5—6 мѣсяцевъ, пока они въ состояніи будутъ свободно сидѣть. Достать колыбель у киргизъ почти невозможно; колыбель умершаго ребенка ставится на его могилу и кража таковой равносильна нарушенію святыни; колыбель здороваго ребенка сохраняется и передается послѣдующимъ дѣтямъ матери или ея родственникамъ въ виду существующихъ у киргизъ понятій объ обязанности сохранять колыбель здороваго ребенка для другихъ дѣтей.



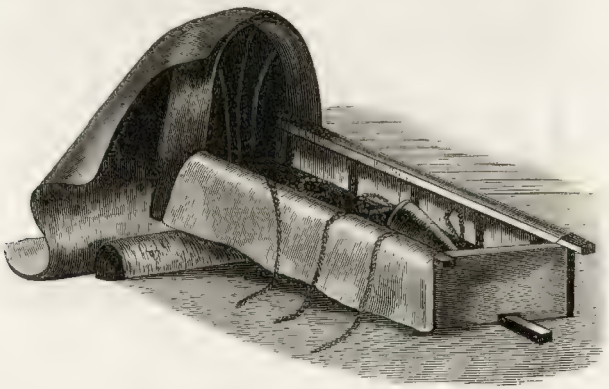
Фиг. 99. Киргизская колыбель.

Калмыцкая колыбель (фиг. 100—101) представляетъ собою громаднѣйшій интересъ особенно по отношенію къ фабрикаціи погъ дѣтей съ ранняго возраста. Древнѣйшее описаніе этой колыбели мы имѣемъ у *Лепехина* [1]), но болѣе подробно описалъ ее въ позднѣйшее время *П. Небольсинъ* [2]). По свидѣтельству послѣдняго автора, Калмыки кладутъ новорожденнаго сначала въ лубокъ, чтобы можно было осторожно держать его на рукахъ, потомъ (чрезъ день—два), давая въ первый разъ грудь матери, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ луба перелагаютъ его въ зыбку «*юлге*». Послѣдняя не высока и не широка, дѣлается она изъ двухъ деревянныхъ рамокъ, скрѣпленныхъ между собою деревянными распорками и съ выходящими концами въ нижнемъ основаніи ногъ; этими-то концами зыбка и упирается въ полъ, когдаее прислоняютъ къ стѣнкѣ. Рамки обтягиваются какой нибудь матеріей, осо-

[1]) Дневныя записки и пр. Лепехина. 1771 г. ч. 1, стр. 229.

[2]) *Очерки быта Калмыковъ*. П. Небольсина, стр. 106—12.

бенно синей панкой. Въ дощечкѣ, поставленной въ ногахъ, дѣлается круглое отверстіе и въ него вставляютъ деревянный приборъ, по наружному виду имѣющій нѣкоторое сходство съ туфлей безъ задка. Снарядъ этотъ называется «цорго». Онъ состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: нижней дощечки, съ желобами по краямъ, называемой *«тавыкъ»*, и верхней выпуклой, внутри пустой, деревянной коробки, съ одного конца раструбомъ, а съ другаго конца съуживающейся и называющейся «цорго» въ тѣсномъ смыслѣ. Это послѣднее цорго вставляется въ тавыкъ и вмѣстѣ съ нижнею его половиною составляетъ неправильную трубку: родъ выдолбленнаго внутри, деревяннаго колодочнаго носка. Оставшаяся свободною верхняя часть тавыка представляетъ гладенькій четырехугольникъ. Въ этомъ видѣ все цорго и вставляется въ зыбку, поверхъ маленькаго тюфячка, такимъ образомъ, что болѣе широкая часть остается внутри зыбки, а узкій конецъ коробки, чрезъ отверстіе въ ногахъ зыбки, выходитъ немного наружу. На четырехугольную дощечку тавыка накладываютъ конскихъ волосъ изъ мягкихъ гривокъ молоденькихъ жеребятъ. Ребенка, безъ всякой одежды, кладутъ въ зыбку такимъ образомъ, чтобы онъ, опираясь головой въ миніатюрную подушку, лежалъ на тюфячкѣ только спинкой и сейчасъ же подъ нимъ начинается дощечка съ конскими волосами, а затѣмъ и желобъ коробки. Такимъ образомъ зыбка всегда чиста, гривки подкладываютъ новенькія и ребенка не безпокоитъ ничего, ни даже сырость, которая сквозь трубку коробки вся стекаетъ прочь. Коробка эта приходится совершенно между ногъ ребенка; онѣ обнимаютъ цорго, почти скрещиваются на немъ и отъ неправильнаго положенія постоянно все болѣе и болѣе выгибаются. Вотъ причина, почему Калмыки всегда кривоноги и почему они такъ крѣпко сидятъ на сѣдлѣ, даже и сильно пьяные. Зыбка виситъ обыкновенно на упинахъ изъ изголовья супружескаго ложа близъ большаго

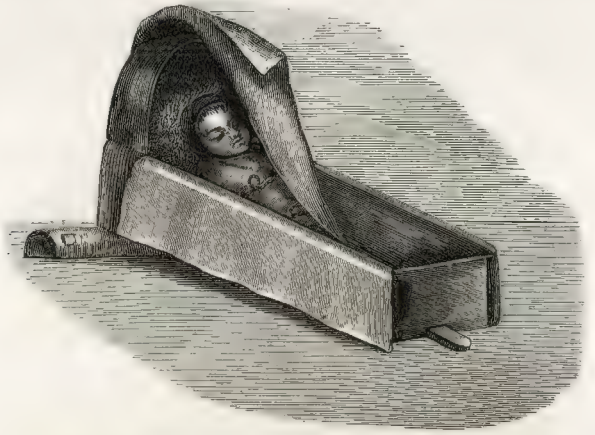


Фиг. 100. Калмыцкая колыбель открытая.

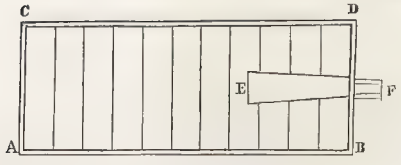
барана и, на привѣскѣ, качается изъ стороны въ сторону. Мать беретъ зыбку на колѣни и укачиваетъ въ ней ребенка на рукахъ. Во время перекочевья, зыбку, въ корзинѣ, вьючатъ на верблюда, отличающагося неравномѣрностью движеній; отъ этихъ движеній дѣтскія игрушки болтаются во всѣ стороны; ребенокъ слѣдитъ за ними, зорко на нихъ смотритъ и дѣйствительно изощряетъ зрѣніе, но вмѣстѣ съ мѣткостью взора онъ пріобрѣтаетъ и косолапость и узковатость глазъ.—Съ праваго бока зыбки придѣлываются холстинныя петли, а съ лѣваго холстинныя тесьмы; ихъ бываетъ по три со стороны; этими тесьмами и пеленаютъ ребенка,или вѣрнѣе сказать, укрѣпляютъ его положеніе, завязываютъ его въ зыбкѣ у груди, живота и ногъ.

На Московскую антропологическую выставку изъ Ставропольской губерніи г. Бентовскимъ доставлена была современная калмыцкая колыбель при слѣдующемъ описаніи: «колыбель или люлька, по калмыцки *«юлыс»*, имѣетъ продолговатую четырехугольную форму. Ея остовъ похожъ на неглубокій ящикъ. Видъ и основаніе люльки показаны на (фиг. 102 и 103). Такая люлька вокругъ буквъ *A*, *B*. *C* и *D* обшивается войлокомъ, а у людей богатыхъ — сукномъ. Въ *основаніи A* и *C* укрѣпляется дуга, обшитая тоже войлокомъ, отъ которой войлокъ или сукно, опускаясь свободно внизъ, накрываетъ всю люльку по линіи *G* и *D* и тѣмъ защищаетъ ребенка отъ вѣтра, а отчасти и холода. Все это просто и незатѣйливо; но въ калмыцкой люлькѣ есть одно довольно замысловатое и практичное приспособленіе для того, чтобы моча въ люлькѣ не задерживалась, а стекала наружу. Приспособленіе

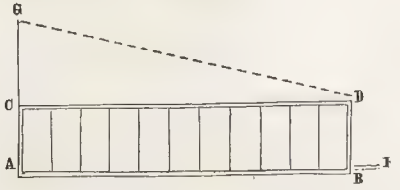
это заключается въ особенномъ снарядѣ «цорго», на который чертежъ указываетъ буквами *E* и *F*. Онъ прикрѣпленъ ко дну люльки и конецъ его пропущенъ наружу. Дно этого снаряда, по калмыцки «*тавыкъ*», имѣетъ желобокъ, по которому стекаетъ моча. Та часть цорго, что въ срединѣ люльки, имѣя отверстіе со стороны *E*, сверху дугообразна, обтянута войлокомъ или же сукномъ. На дно люльки кладутъ тюфячекъ набитый шерстью, или же войлочекъ сшитый въ нѣсколько листовъ, на которомъ уже укладываютъ ребенка, заверну-таго въ пеленки и молодыя овчинки, такъ чтобы ребенокъ охватывалъ ногами цорго и мочился прямо въ отверстіе *E*. При такой предосторожности ребенокъ въ люлькѣ лежитъ всегда сухой, потому что моча стекаетъ по желобку снаряда. Въ гигіеническомъ отношеніи, при условіяхъ кочевой жизни, особенно зимою, когда ребенка, для соблюденія чистоты невозможно часто раскрывать, «цорго» — снарядъ незамѣнимый [1]). Но съ другой стороны онъ несомнѣнно способствуетъ образованію кривизны ногъ.—Калмыцкая колыбель устроена такъ,



Фиг. 101 Калмыцкая колыбель съ уложеннымъ ребенкомъ.



Фиг. 102. Чертежъ калмыцкой колыбели съ бока.



Фиг. 103. Чертежъ калмыцкой колыбели въ основаніи.

что ее нельзя качать; однако же лѣтомъ, когда миріады блохъ начнутъ уже сильно безпокоить ребенка, для него устраиваютъ гамакъ на кибиточной рѣшеткѣ, посредствомъ аркана—веревки, скрученной изъ рунной шерсти и конскаго волоса, и качаютъ. Нельзя сказать, чтобы ребенку въ гамакѣ было удобнѣе и спокойнѣе; правда блохи его не такъ безпокоятъ, но ему тамъ далеко жарче, такъ какъ внизу, со стороны вѣтра всегда бываетъ прохладнѣе, если приподнять кошму».

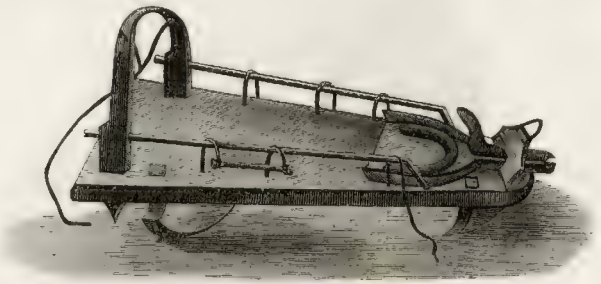
Калмыцкія колыбели въ Томской губерніи, — по свидѣтельству князя Кострова,—имѣютъ видъ коробки, длиною не болѣе аршина и шириною $^1/_2$ аршина, вышиною отъ 6 до 8 вершковъ, стоятъ обыкновенно на землѣ въ юртахъ, качанія вовсе нѣтъ, а для усыпленія ребенка мать треплетъ слегка по немъ рукой. Постель въ калмыцкихъ колыбеляхъ исключительно составляютъ кожи съ шерстью. При перекочевкахъ и даже при проѣздахъ въ гости мать, садясь верхомъ на лошадь, перевѣшиваетъ колыбель чрезъ плечо и такимъ образомъ путешествуетъ.

Якутская колыбель (фиг. 104—106) имѣетъ большое сходство съ калмыцкой. Она устраивается, — по свидѣтельству г. Айгустова, секретаря Якутскаго статистическаго комитета, — изъ дерева въ формѣ ящика, длиною около одного аршина, ши-

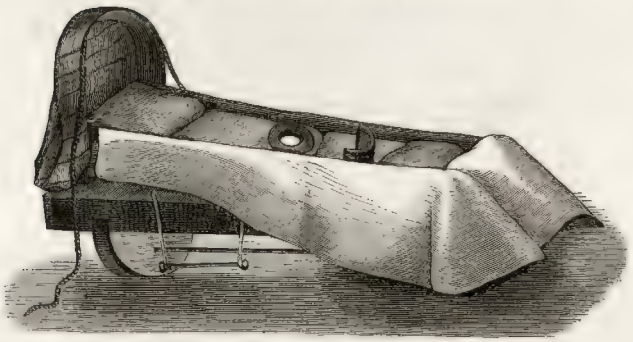
[1]) Пусть читатель сравнитъ здѣсь взглядъ, высказанный нами выше насчетъ вреда мочевыхъ трубокъ, на основаніи данныхъ кавказскихъ бытописателей.

риною около семи вершковъ и столько же вышиною. Иногда же всю сущность колыбели составляетъ доска, качающаяся на лыжахъ и съ боковъ огороженная только продольными перильцами, какъ это можно было видѣть, напримѣръ, на Якутской колыбели, присланной на Московскую антропологическую выставку. Сверху надъ головой устраивается полуобручъ изъ тонкаго изогнутаго прута, на который надѣвается чехолъ изъ кожи, ситца или другой какой либо матеріи. На дно колыбели кладутъ лотокъ, или деревянный желобъ для спуска къ низу мочи и испражненій ребенка, что въ свою очередь совершенно позволяетъ дѣлать нѣсколько наклонное положеніе колыбели, сквозь ножную стѣнку которой этотъ желобъ и проходитъ. Поверхъ этого лотка между ногъ ребенка укладывается особый аппаратъ, слегка продолбленный посрединѣ и изогнутый подъ угломъ. Цѣль этого аппарата—лучшее проведеніе мочи по желобу, а также—до нѣкоторой степени—изгибаніе ногъ по примѣру калмыцкой колыбели. Края желоба въ томъ мѣстѣ, гдѣ они прилегаютъ къ самому тѣлу младенца, обтягиваются корой березы.

Для подстилки кладутъ въ колыбель сѣно, потомъ конскую кожу, а подъ голову младенца заячью шкуру. Сверху младенецъ прикрывается заячьею же шкурою и затѣмъ крѣпко связывается 3 или 4 ремнями, прикрѣпленными къ краямъ колыбели. Качаніе ея производится руками, посредствомъ изогнутаго прута, прикрѣпленнаго къ колыбели въ изголовьи ребенка.



Фиг. 104. Остовъ Якутской колыбели.

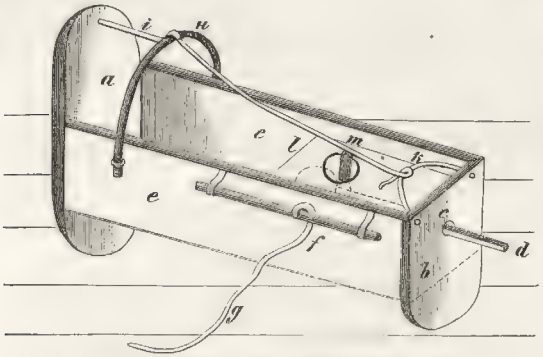


Фиг. 105. Якутская колыбель передъ пеленаніемъ.

Весьма близкое сходство съ описанной колыбелью представляетъ *колыбель Бурятъ*—Иркутской губерніи, называемая ими «*углей*» (фиг. 107 и 108). По свидѣтельству доктора Эліашевича, она представляетъ родъ продолговатаго, сверху открытаго ящика изъ тонкихъ дощечекъ или такого же лубянаго короба. Ящикъ этотъ (длиною 1 аршинъ, шириною 6—8 вершковъ) однако же не вполнѣ правильно четырехугольной формы, а именно: головная его стѣнка отклонена назадъ и нѣсколько шире ножной, отъ чего и весь ящикъ въ нижнемъ его концѣ выглядитъ уже. Глубина колыбели 3—4 вершка и часто въ головномъ концѣ чуть-чуть больше, чѣмъ въ нижнемъ. Затѣмъ будучи сходны въ общемъ, по особенностямъ частностей бурятскія колыбели бываютъ двухъ видовъ. Въ однѣхъ (Балачимскія, Верхоленскія и Идинскія) доски, составляющія головную и наружную стѣнки ящика, пропущены на вершокъ и два ниже дна и на столько же выше стоятъ надъ боковыми его стѣнками, причемъ углы ихъ округлены и тѣмъ, со стороны дна, дана возможность качанія колыбели; между приподнимающимися концами этихъ поперечныхъ

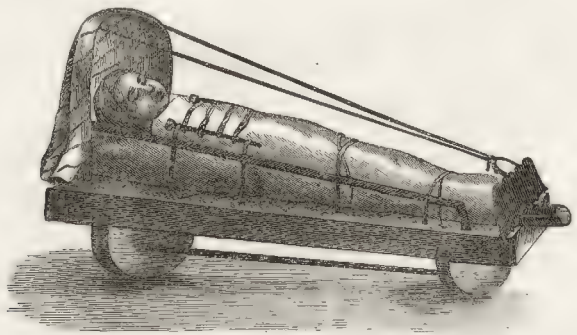
досокъ натянута тесьма или ремень, который служитъ для поддержанія покрывала. Въ другихъ (Кудинскаго Вѣдомства) приспособленіе для качанія устроено изъ двухъ небольшихъ, расположенныхъ поперечно, обручей, которые приколочены концами къ угламъ колыбели, причемъ дуги ихъ обращены выпуклостями внизъ, а обручъ, прикрѣпленный надъ изголовьемъ, вмѣстѣ съ натянутымъ отъ него ремнемъ, служитъ для поддержанія покрывала. Въ устройствѣ бурятскихъ колыбелей обращаетъ на себя особенное вниманіе приспособленіе для удаленія изъ нихъ мочи.

Такъ Балагинскіе, Верхоленскіе, Идинскіе и пр. буряты въ нижней части ножной стѣнки колыбели дѣлаютъ круглое отверстіе, чрезъ которое просовываютъ внутрь колыбели опрокинутый желобокъ, доходящій внутреннимъ концемъ до такъ называемаго *чопа* (смотри ниже). Такой желобокъ опирается краями на положенную на дно колыбели дощечку съ выдолбленнымъ въ ней блюдцеобразнымъ углубленіемъ для воспринятія экскрементовъ. Занимая всю нижнюю половину дна колыбели, дощечка можетъ быть свободно вынута, очищена или замѣнена другой.—Это послѣднее отдѣ-



a) Головная сторона. b) Сторона у ногъ. c) Отверстіе желоба для стока нечистотъ. d) Желобъ съ блюдцемъ для пріема нечистотъ. e) Боковыя доски колыбели. f) Брусочки или валики, служащіе для равномѣрнаго удержанія произвольныхъ движеній ребенка. g) Ремни, которыми перевязываютъ или зашнуровываютъ ребенка. h) Дуга, поддерживающая ремень i, связываемый у ногъ съ петлею k, чтобы въ случаѣ надобности закрыть ребенка отъ свѣта накидываемымъ покрываломъ, которое не могло-бы касаться его и не мѣшало-бы ему дышать. l) Доска съ отверстіемъ накладываемая сверхъ желобка надъ блюдцемъ. m) Чопъ, ставляемый между ногъ ребенку.

Фиг. 107. Остовъ Бурятской колыбели сбоку.

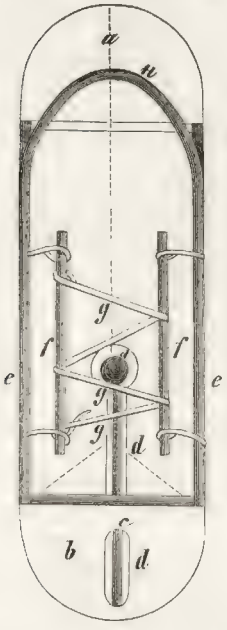


Фиг. 108 Якутская колыбель съ запеленатымъ ребенкомъ.

леніе колыбели закрывается такою же, какъ сказанная дощечка, крышкой, которая, будучи опущена въ глубь колыбели, лежитъ на желобкѣ, а въ соотвѣтственномъ мѣстѣ имѣетъ отверстіе для прохожденія экскрементовъ и чопа.—Въ бурятскихъ колыбеляхъ, сверхъ описаннаго мы видимъ поразительно чудовищное приспособленіе, такъ называемый *чопъ*, яко бы для того устроиваемое, чтобы у бурятъ въ пахахъ не прѣло, а кто говоритъ для того, чтобы они не сползали внизъ и не поворачивались-бы самопроизвольно съ боку на бокъ.

Чопъ есть круглая коротенькая палка, толщиною въ вершокъ, которая плотно укрѣпляется къ дну колыбели съ тѣмъ расчетомъ, чтобы она пришлась въ шагу, между ногъ положеннаго ребенка. Этой палкѣ, вмѣстѣ съ пеленаніемъ, многіе справедливо приписываютъ причину кривоногости бурятъ, замѣчаемой у обоихъ половъ. Нѣкоторые смотрятъ на эту физическую особенность взрослыхъ какъ на послѣдствіе постоянной верховой ѣзды, но, повидимому, здѣсь существенную роль слѣдуетъ приписать только вышеописанной причи-

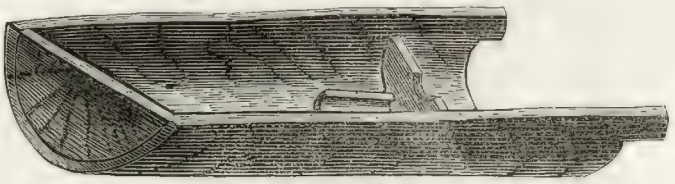
нѣ, ибо такое искривленіе замѣчается не только у взрослыхъ, но и у дѣтей, никогда не сидящихъ на лошади. Приспособленіемъ для пеленанія служатъ прикрѣпленныя короткими ремешками къ боковымъ стѣнкамъ колыбели двѣ круглыя палочки, длиною въ $1^1/_2$ аршина, расположенныя ближе къ ножному ея концу. Къ одной изъ этихъ палочекъ привязанъ однимъ концемъ ремень длиною въ $1^1/_2$—2 аршина. Пеленаніе состоитъ въ томъ, что завернутаго съ ногъ до головы въ шкурки ребенка укладываютъ въ колыбель и прижимаютъ сказанными двумя палочками, посредствомъ сближенія ихъ между собою винтовымъ переплетомъ сказаннаго ремня.



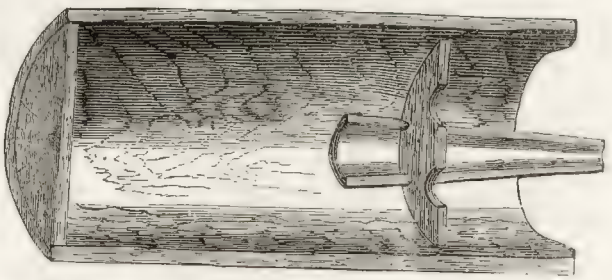
Фиг. 106. Остовъ Бурятской колыбели въ основаніи.

Постелькой для ребенка служитъ толстый тюфячекъ, набитый верблюжьей или ямачьей (козьей) шерстью, или войлокъ, съ дырой, соотвѣтственной чопу, подложенный на подосланное на дно колыбели сухое сѣно. Иногда сверхъ сѣна бываетъ положена простая и также съ дырой овчина или козулья шкура. Подъ голову кладутъ маленькую подушечку. Подъ спинку и ягодицы ребенка часто подкладываютъ мягко выдѣланную пластинку жеребячьей кожи, которую мѣняютъ по мѣрѣ надобности.

Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ осѣдлые (обрусѣвшіе) буряты живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русски-



Фиг. 109. Неподвижная люлька Алтайцевъ.



Фиг. 110. Неподвижная люлька Алтайцевъ съ приспособленіемъ для ногъ.

Фиг. 111. Остовъ висячей зыбки Алтайцевъ.

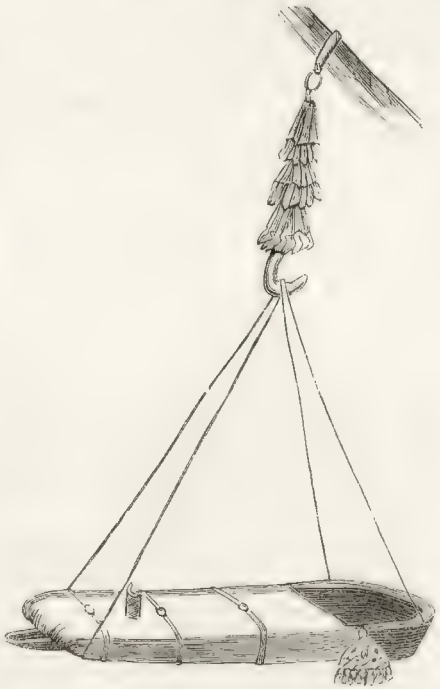
ми, нѣкоторые изъ нихъ пользуются, какъ колыбелью, зыбкой русскаго образца, съ очепомъ, но при этомъ пеленаніе производится все таки по своему, посредствомъ палочекъ и ремешковъ. Заботливость о физическомъ воспитаніи дѣтей у бурятъ проявляется такимъ образомъ въ высшей степени своеобразныхъ приспособленіяхъ и пріемахъ. Не менѣе своеобразны у нихъ орудія, такъ сказать, динамическаго воспитанія; они безъ сомнѣнія носятъ отпечатокъ ихъ вѣрованій, но въ то же время вполнѣ аналогичны съ подобными же орудіями у другихъ рассъ и вѣроисповѣданій. Такъ, Буряты шаманствующіе часто привѣшиваютъ къ изголовью колыбели голову, когти и крылья филина, съ какими нибудь шаманскими амулетами, въ родѣ зашаманенныхъ (заговоренныхъ) лоскутовъ и ленточекъ, колокольчиковъ, молотковъ и т. п. Подъ подушкой кладутъ волоса, состригаемые съ головы ребенка въ промежуткѣ времени, пока онъ не оставилъ колыбельную жизнь. Вмѣстѣ съ волосами тутъ же кладутъ и зашаманенные камни.

Совершенно въ томъ же родѣ употребляются колыбели *инородцами* Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Вотъ подробная выписка о нихъ

со словъ Петрова, секретаря Енисейскаго Статистическаго комитета: «у здѣшнихъ инородцевъ бываютъ колыбели въ формѣ коробовъ или корытъ и въ видѣ яслей съ деревяннымъ дномъ, засланнымъ овчинными шкурами и козьей шерстью, на которыя кладутъ ребенка. Первая колыбель дѣлается глубиною вершковъ до 6-ти, съ возвышеніемъ въ изголовьи, а вторая имѣетъ на днѣ доски длиною въ одинъ аршинъ и шириною въ головахъ 7 и въ ногахъ 6 вершковъ; въ головахъ поставлена дуга вышиною въ поларшина; отъ нея къ ногамъ идутъ по обѣ стороны бруски, концы которыхъ вдалбливаюся въ дугу, а у ногъ въ доску, въ головахъ выше, а въ ногахъ ниже; въ ногахъ поставлена поперечная дощечка, привязанная ко дну колыбели ремнями, внизу которой вырѣзана дыра, въ которую вложенъ желобъ, служащій для стока мочи ребенка; желобъ этотъ къ одному концу шире, такъ что нижняя часть ребенка свободно на немъ помѣщается между ногъ его, на нижнемъ желобѣ ставится другой кривой желобъ, служащій для препровожденія мочи по нижнему желобку; для того чтобы ребенокъ не оставался въ мокротѣ, подкладывается подъ нижнюю часть его хомутинка. Колыбель наполняется разными шубными лоскутьями и тряпочками, которыя служатъ постелью и одѣяломъ; у нѣкоторыхъ же инородцевъ подстилаютъ шерстяные войлочки и увязываютъ ихъ сверху ремнями. Колыбель ставятъ на полъ на соединенныя вмѣстѣ брусками двѣ дощечки овальныя, одну подъ голову, другую подъ ноги, и качаютъ съ бока на бокъ.

Алтайцы, получившіе отъ русскихъ различныя названія: черневыхъ татаръ, телеутовъ и т. д., въ сущности же принадлежащіе къ племенамъ между собою родственнымъ и преимущественно происходящимъ отъ элемента тюркскаго, по свидѣтельству Н. М. Ядринцева, [1]) любезно позволившаго мнѣ воспользоваться для своей книги рисунками колыбелей, снятыхъ имъ съ натуры у названныхъ инородцевъ,—употребляютъ нѣсколько видовъ колыбелей. Тѣ изъ нихъ, которые носятъ названіе собственно черневыхъ татаръ, употребляютъ иногда висячія колыбели на рамкѣ съ мѣшкомъ, похожія на русскія люльки, остальные же Алтайцы употребляютъ или неподвижныя колыбели съ желобомъ для спусканія нечистотъ и съ приспособленіями для исправленія ногъ, какъ показано на фигур. 109—111, или же употребляютъ висячія колыбели съ таковыми же приспособленіями, какъ у предыдущихъ, съ боку которыхъ кромѣ того привѣшиваются еще игрушки (фиг. 112). Благодаря пользованію такими колыбелями въ дѣтствѣ, по свидѣтельству Н. М. Ядринцева, ноги взрослыхъ Алтайцевъ и Черневыхъ татаръ не сходятся у колѣнъ на 12—14 мил., у пкръ на 20—24 мил., между голенями 40—44 мил.

Колыбель у *Тунгусовъ*, по описанію Кривошапкина [1]), устраивается такъ: сколачивается изъ деревянныхъ досокъ родъ гробика, вверху съ трехъ сторонъ продѣвается радвуга (родъ замши), обведенная спереди обручемъ и унизанная бисеромъ и другими украшеніями. Самый ящикъ снаружи обитъ



Фиг. 112. Висячая колыбель Алтайцевъ съ приспособленіями для пеленанія и привѣшенными игрушками.

оленьей кожей, шерстью вверхъ, и очевидно не можетъ украшаться бисерной вышивкой; крышку замѣняютъ два лоскута радвуги, прикрѣпленныхъ съ двухъ боковъ и стягивающихся между собою ремнями; подъ головой ребенка, съ цѣлью защиты отъ простуды, лежитъ кусокъ зайчины. Чистота въ зыбкѣ соблюдается съ помощью насыпки мелкихъ таловыхъ гнилушекъ, отличающихся мягкостью и хорошо впивающихъ всякую сырость; у съуженнаго бока зыбки, т. е. гдѣ ноги, придѣлы-

[1]) П. М. Ядринцевъ: результатъ путешествія на Алтай въ 1878 и 1880 гг. (Рефератъ въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Московскаго Общества любителей Естествознанія 1 февраля 1882 г.)

[1]) Кривошапкинъ, Енисейскій округъ. 1865 года, ч. 2, стр. 37—38.

вается колъ, вставляемый въ землю и вверху за обручекъ превязываемый къ жерди, на которой и качается зыбка. Мать Тунгуска обыкновенно шьетъ передъ этой люлькой и поталкиваетъ ее рукой. При этомъ ребенокъ остается головой въ ту сторону, гдѣ разведенъ огонь. Видно, плохо имъ извѣстно гиппократовское правило: держать голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ.

По отношенію къ способу успокоенія плачущихъ дѣтей въ колыбели Миддендорфъ [1]) свидѣтельствуетъ слѣдующій крайне странный фактъ: мнѣ пришлось видѣть, говоритъ онъ, какъ Тунгузскій мальчикъ предъ цѣлымъ обществомъ успокоивалъ плакавшаго въ люлькѣ брата своего на манеръ иныхъ негодныхъ кормилецъ и нянекъ, [2]) обстоятельство, заставляющее физіолога сильно призадуматься, такъ какъ при всемъ томъ мнѣ не рѣдко встрѣчались между Тунгусами престарѣлые отцы грудныхъ дѣтей. Какая вмѣстѣ съ тѣмъ условность приличій!

Маакъ [3]) видѣлъ колыбель у Тунгусовъ совершенно сходную съ Манягрской, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже.

Колыбель Тунгусовъ, живущихъ въ Иркутской губерніи, называемая *«омко»*, по свидѣтельству д-ра Эліашевича, имѣетъ видъ продолговатаго, нѣсколько сплюснутаго съ боковъ лубянаго ящика, только у зажиточныхъ обшитаго снаружи оленьей шкурой (ножками). Дно ея совершенно плоское, а надъ изголовьемъ высится, сдѣланная изъ того же матеріала крышка, поставленная къ колыбели подъ тупымъ угломъ, градусовъ отъ 100 до 135. Величина колыбели отъ 4 до 6 четвертей длиною, а шириною 5—6 вершковъ и почти такой же высоты въ боковыхъ стѣнкахъ. Вообще колыбель отличается легкостью, простотою и цѣлесообразностью устройства. По внутренней сторонѣ ея боковыхъ стѣнокъ, на вершокъ отъ свободнаго края, на каждой прикрѣплено по пяти широкихъ ременныхъ петель, которыя служатъ для зашнурованія ребенка. Постелькой въ такой колыбели служатъ насыпанныя на дно ея толстымъ слоемъ сосновыя гнилушки, а сверхъ ихъ мягкія шкурки, въ которыя ребенокъ завернутъ съ головы до ногъ. Оленья шкура, служащая одѣяломъ поверхъ шнуровки, есть продолженіе наружной обшивки омко и откидывается въ правую сторону, какъ крышка. Во время стоянки Тунгусовъ въ чумахъ (родъ берестянаго или радвужнаго шалаша), колыбель ремнями привѣшивается къ жердямъ, на которыя кладется оболочка чума. Существуетъ повѣрье, что колыбель, по минованіи надобности, отдавать кому либо другому не только грѣшно, но въ большинствѣ случаевъ влечетъ къ худымъ послѣдствіямъ.

На Московскую антропологическую выставку доставлена была модель колыбели, употребляемой *Тунгусами* и *Ламутами* (фиг. 113—114), которая, по приложенному описанію г. Айгустовымъ, секретаремъ Якутскаго Статистическаго Комитета, имѣетъ форму отчасти напоминающую собою возокъ и состоитъ, во первыхъ, изъ основы, которая дѣлается двояко: или съ цѣльными боками, выгнутыми изъ тонкой дощечки, или изъ рамъ выгнутыхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ томъ и другомъ случаѣ колыбель обтягивается лѣтомъ выдѣланной голой оленьей кожей, называемой радвугой, а зимой мохнатой выдѣланной шкурой каменнаго барана, которую туземцы считаютъ теплѣе всѣхъ другихъ мѣховъ. Въ юртѣ колыбель вѣшается на ремнѣ, продѣтомъ въ петлю, находящуюся внутри колыбели, въ томъ именно мѣстѣ, куда приходятся ноги младенца. Такъ какъ колыбель эта очень легка, то каждый разъ, когда нужно, мать снимаетъ съ петли колыбель и вмѣстѣ съ нею прикладываетъ ребенка къ груди. Противъ лица ребенка для воздуха сдѣлано отверстіе, снабженное клапаномъ изъ кожи же. Клапанъ этотъ устроенъ такъ, что, смотря по желанію матери, можетъ пропускать много или мало воздуха. Въ Тунгузской юртѣ, гдѣ ночью бываетъ очень холодно, откидная передняя часть колыбели поднимается и закрывается, причемъ дуга этой части свободно и плотно заходитъ на дугу изголовья. При перевозкѣ на верховыхъ оленяхъ петля продѣвается въ петлю и привѣшивается къ сѣдлу оленя. Длина колыбели около аршина, шириною 8 и 9 вершковъ, а вышина у изголовья немного меньше аршина.

Колыбель, употребляемая *инородцами Нарымскаго*

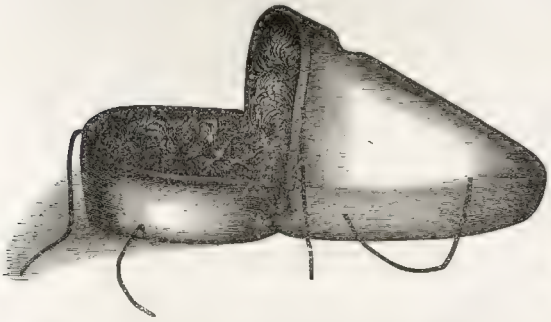
---

[1]) Миддендорфъ, ibid. Ч. II. стр. 652.

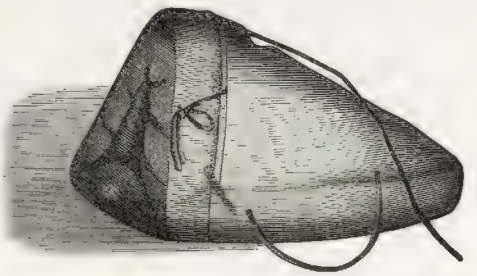
[2]) О таковыхъ же нянькахъ, между прочимъ, упоминаютъ: Jonhson, Лондонскій педіатръ (Journal. f. Kinderkrank. 1860. Heft. 11 и 12), американскій Проф. Jacobi, Eisenschitz изъ Вѣны (Jahrbuch f. Kinderheilkunde, B. X. A. S. 422) и друг. Къ прискорбію, мнѣ съ своей стороны также приходилось не разъ убѣждаться въ существованіи такого же постыднаго обычая и среди нѣкоторыхъ русскихъ нянекъ. Нѣчто подобное, но совершенно съ другою цѣлью, по свидѣтельству Сашабекъ Мирзова (Кавказъ 1879 г. № 42), производится у мусульманъ Карабага-Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи. Въ промежутокъ времени отъ распеленанія ребенка до новаго пеленанія, въ первые три мѣсяца жизни ребенка, мусульманская мать, играя членомъ новорожденнаго сына, старается по легоньку открыть головку его члена и развернуть назадъ покрывающую его кожицу. Подобное поведеніе мусульманскихъ матерей объясняется религіею ихъ; мусульманскимъ дѣтямъ мужскаго пола совершается обрѣзаніе. При совершеніи этого религіознаго акта, головка члена должна быть предварительно отдѣлена отъ кожицы. Такъ какъ это раскрытіе при самомъ совершеніи обрѣзанія сопряжено съ лишними страданіями для ребенка, то мать, чтобы облегчить эти страданія, старается въ первые мѣсяцы жизни ребенка подготовить его къ этой операціи. Слѣдствіемъ изложеннаго является постоянная эрекція у грудныхъ дѣтей и ненормальная развитость членовъ ихъ.

[3]) Маакъ: Путешествіе на Амуръ. 1859 г. стр. 143.

края (Сайотами) [1]) (фиг. 115), доставлена была на Московскую антропологическую выставку княземъ Костровымъ при слѣдующемъ описаніи: она дѣлается изъ берестяной коры въ длину около аршина и болѣе, а въ поперечникѣ по верхнимъ краямъ отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ вершковъ; въ верхней головной части она имѣетъ дугообразный прутъ въ радіусѣ около четверти, съ укрѣпленными къ верхней и конечной ножной частямъ тонкими бичевками, располагающими дугообразный прутъ въ вертикальномъ направленіи относительно дна колыбели. На днѣ въ ножномъ отдѣленіи находится березовая кора пол-аршина длиною, на которую насыпается труха изъ гнилаго тростника и затѣмъ застилается общая подстилка, на которую въ верхней головной части колыбели кладется подушка изъ утинаго пуха и затѣмъ укладывается спеленатый ребенокъ. Какъ подстилка, такъ и тростниковая труха перемѣняются по мѣрѣ надобности и послѣдняя служитъ, по убѣжденію инородцевъ, къ предупрежденію прѣлости частей тѣла ребенка. Колыбель эта закрывается въ родѣ полога ситцевою или холщевою покрышкою. Послѣ шестинедѣльнаго возраста ребенка колыбель подвѣшиваютъ на же-



Фиг. 113. Тунгузская и Ламутская колыбель открытая.



Фиг. 114. Тунгузская и Ламутская колыбель закрытая.

Фиг. 115. Сайотская колыбель.

лѣзный крючекъ съ приводомъ ремня, или-же на прикрѣпленные къ потолку оленьи рога, а также вѣшается на очепъ (рычагъ вдѣваемый въ кольцо); въ первомъ случаѣ колыбель качается въ сторону, а въ послѣднемъ книзу. Колыбель эта единственно употребляется въ юртахъ.

Второй видъ колыбелей, употребляемыхъ тѣми-же инородцами, — по описанію князя Кострова, — дѣлается изъ березоваго дерева для ребенка отъ трехъ—шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и употребляется точно такъ-же, какъ и первая; она исключительно служитъ во время нахожденія родителей ребенка на промыслахъ; имѣетъ въ головной части отлогую спинку, служащую опорой сидѣнья ребенка. Этого рода колыбель, при переходахъ на промыслахъ, ставится на нарты (родъ саней); на мѣстѣ-же промысловъ вѣшается на дерево, а въ предупрежденіе, чтобы ребенокъ изъ нея не могъ выпасть, по краямъ продѣты бичевки, которыя, по соединеніи ихъ, образуютъ какъ-бы сѣтку. Колыбель эта въ лѣтнее время покрывается легкимъ положкомъ, а зимою окутывается въ звѣриныя шкуры, исключительно заячьи. Она имѣетъ большое сходство съ одной изъ Остяцкихъ колыбелей, къ описанію которыхъ мы сейчасъ перейдемъ.

Наиболѣе древнее описаніе Остяцкой колыбели мы встрѣчаемъ у Палласа, [1]) который, изобразивъ весьма рельефно зимовье Остяковъ, приведенное

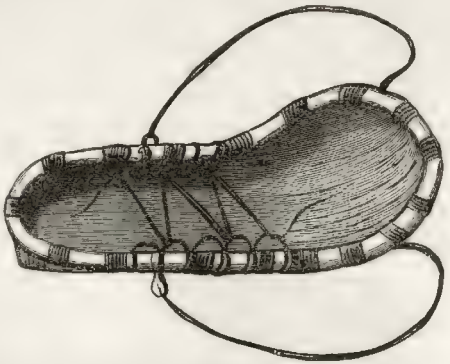
[1]) Малобѣльскими Тунгусами, по свидѣтельству г. Ларіонова.

[1]) Палласъ: путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Ч. III. Переводъ Зуева. С. П. 1788 г. стр. 56.

нами выше, продолжаетъ: «въ такихъ юртахъ или зимовьяхъ живутъ многія семьи вмѣстѣ и потому внутренность оныхъ раздѣлена по стѣнѣ на столько конурокъ, сколько семей находится... Матери сидятъ въ такой норѣ, а передъ норою виситъ люлька съ ребенкомъ, которую они дѣлаютъ изъ бересты и наполняютъ внутрь мелкотолченымъ гнилымъ деревомъ или для мягкости и дна подстилки, чтобы испускаемую мокроту въ себя вбирала, сверху-же покрываютъ ребятъ шубнымъ лоскутомъ, къ краямъ люльки пришитымъ.»

Кривошапкинъ 1) объ Остяцкихъ колыбеляхъ говоритъ такъ: «видѣнныя мною зыбки имѣли форму гробиковъ или висѣли на веревкѣ такъ, что голова была выше ногъ; ребенокъ былъ одѣтъ заячьей шкуркой, а подъ нимъ слой древесныхъ опилокъ, отлично всасывающихъ всякую нечистоту и часто смѣняемыхъ».

На Московскую антропологическую выставку доставлено было изъ Тобольской губерніи нѣсколько образцовъ и моделей Остяцкихъ колыбелей. Изъ приложенныхъ краткихъ свѣдѣній о нихъ видно, что въ настоящее время Березовскими Остяками Тобольской губерніи употребляются три вида колыбелей, нѣсколько разнящихся между собою въ устройствѣ изголовья. Всѣ онѣ дѣлаются изъ бересты, т. е. березовой коры, а не изъ какихъ либо другихъ матеріаловъ, дѣлаются весьма тщательно и аккуратно женщинами, сшиваются оленьими жилами, украшаются большею частью довольно оригинально узорами изъ той-же бересты, раскрашиваются красками или имѣютъ видъ натуральной бересты; онѣ чрезвычайно легки и имѣютъ форму продолговатыхъ неглубокихъ коробковъ съ плосскимъ дномъ, похожихъ на маленькія лодочки или вѣрнѣе русскіе совки въ длину ребенка. При укладываніи дѣтей въ колыбели наблюдается такой порядокъ: новорожденныхъ (фиг. 116) и дѣтей до 4-хъ мѣсяцевъ (фиг. 117) кладутъ въ колыбель почти совершенно плоскую, съ сдва подымающимися бортами и низенькимъ изголовьемъ; съ четырех-мѣсячнаго возраста, особенно если дѣти здоровы, укладываютъ въ подобныя-же колыбели, но уже съ бортами нѣсколько повыше, а главное къ такой колыбели придѣлываютъ уже нѣсколько выше изголовье, имѣющее видъ какъ бы покатой спинки кресла. (Фиг. 118). Цѣль устройства этого изголовья та, чтобы въ подобной колыбели ребенокъ могъ пріучаться сидѣть, такъ какъ къ этому времени Остяки считаютъ спинку ребенка уже довольно окрѣпшею и самаго ребенка способнымъ по временамъ оставаться въ полулежачемъ положеніи. На ночь однако въ этомъ возрастѣ Остячки укладываютъ дѣтей своихъ опять въ колыбельки почти безъ изголовья, такъ какъ въ нихъ удобнѣе и ребенку спать и матери кормить ночью своего дитя, не вынимая его по обыкновенію изъ колыбели. Примѣрно съ полугодоваго возраста для ребенка



Фиг. 116. Остяцкая колыбель для новорожденныхъ.

устроиваютъ колыбели болѣе глубокія, съ дномъ болѣе устойчивымъ и со спинкой въ изголовьи довольно крутой и высокой. Въ этой колыбели ребенокъ остается уже подолгу въ сидячемъ положеніи и эта-то колыбель особенно приспособлена для

Фиг. 117. Остяцкая колыбель для четырехмѣсячныхъ.

ношенія ея на спинѣ матери, какъ увидимъ ниже. Подстилкою въ описанныхъ колыбеляхъ служитъ мелкоискрошенный сухой и гнилой тальникъ, покрываемый сверху оленьей шерстью. Шерсть эту, когда ребенокъ обмочится, сушатъ и снова кладутъ ее и дѣлаютъ это до тѣхъ поръ, пока она окажется негодною къ употребленію, а потомъ замѣняютъ новою. Дитя съ самаго ранняго возраста, одѣтое какъ и взрослые въ особой формы сорочку изъ

1) Кривошапкинъ: Енисейскій Округъ. 1865 г. Ч. II, стр. 139—40.

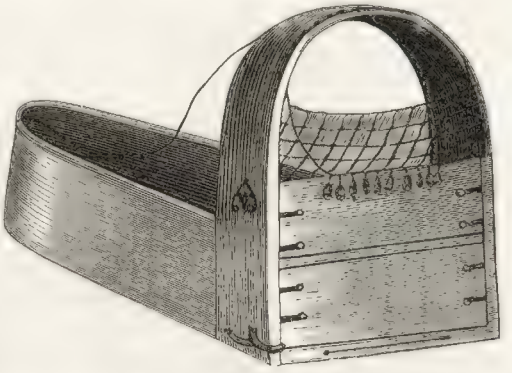
оленьей кожи, называемую ягушкою или малицею, кладется или сажается въ колыбель и привязывается къ ней слѣдующимъ образомъ: съ внутренней стороны колыбели, по обоимъ бокамъ ея стѣнокъ, пришиты петлицы (у богатыхъ мѣдныя кольца), сквозь которыя продѣваются слабо ремни и концы прикрѣпляются (исключительно) красными шерстяными плетеными шнурками въ видѣ шва, помощью котораго и удерживается почти неподвижно дитя. У колыбели съ высокимъ изголовьемъ, кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ ея продѣты два длинныхъ, крѣпкихъ ремня изъ оленьей или лосиной кожи, концы которыхъ привязаны къ краямъ ножнаго конца колыбели. Они продѣты сквозь двѣ петлицы, находящіяся сзади стѣнки колыбели, и служатъ частью для носки, частью для подвѣшиванія ея съ ребенкомъ. Мать надѣваетъ эту колыбель за описанные ремни, какъ ранецъ, за плечи и стѣнка колыбели плотно прилегаетъ къ спинѣ

Фиг. 118. Остяцкая колыбель для начинающихъ сидѣть.

ея. Помощью этихъ-же спинныхъ ремней колыбель съ ребенкомъ привѣшивается на деревянный крюкъ въ чумахъ или въ лѣсу и полѣ на сошкахъ, составленныхъ наскоро изъ трехъ палокъ, когда, напримѣръ, мать занята какой либо работой. На этихъ ремняхъ колыбель виситъ такъ, что голова ребенка находится выше ногъ. Для качанія въ висячемъ положеніи колыбели, къ нижнему ея концу прикрѣпляется мѣдная цѣпочка, иногда замѣняемая веревкой. У колыбели съ небольшимъ изголовьемъ большихъ ремней не бываетъ и потому она на крюкъ не прицѣпляется. Если у нея и есть ремни по бокамъ, то они лишь небольшіе и назначаются для обвязыванія кругомъ ребенка въ колыбели, на манеръ шва черезъ край.

Вогулы Тобольской и Пермской губерній употребляютъ колыбели совершенно такія же, какъ и Остяки. На Московской антропологической выставкѣ были двѣ такія колыбели, одна доставленная изъ Березова, а другая привезенная самими Вогулами, прибывшими на выставку изъ Пермской губерніи. Изъ личныхъ разспросовъ послѣднихъ оказалось, что у нихъ однако въ большемъ употребленіи колыбель, которую Остяки берутъ для дѣтей четырехмѣсячнаго возраста. Способъ пеленанія и качанія тотъ же, какъ и у Остяковъ.

Манягрскую колыбель (фиг. 119) Маакъ [1]) описываетъ такъ: «почти въ каждой юртѣ Манягръ можно найти люльку; она бываетъ привѣшана веревками къ особенной жерди, прикрѣпленной къ остову юрты, такъ что ее на этой жерди можно удобно качать. Самая люлька состоитъ изъ двухъ изогнутыхъ дугою дощечекъ въ нѣсколько дюймовъ шириною; обѣ дощечки соединены концами такъ, что



Фиг. 119. Манягрская колыбель.

могутъ одна на другой двигаться. Къ этимъ доскамъ по краямъ люльки прикрѣплены ремни, укорачивая и отпуская которые можно по произволу сдвигать или раздвигать концы люльки; дно люльки дѣлается большею частью изъ кожи, которая пришивается ремнями къ нижнимъ краямъ обѣихъ досокъ. Вслѣдствіе подвижности досокъ люлькѣ можно давать разныя формы, приноравливаясь къ различнымъ положеніямъ дитяти, и потому дитя одинаково удобно можетъ и лежать и сидѣть въ ней. Тотъ конецъ люльки, въ которомъ помѣщается голова дитяти, бываетъ обыкновенно обвѣшанъ различными мелкими предметами, преимущественно амулетами и т. п.

По свидѣтельству Маака, [2]) колыбели у видѣнныхъ имъ *Тунгусовъ* сходны также съ Манягрскими.

---

[1]) Маакъ. Путешествіе по Амуру. 1859 г. стр. 70.
[2]) Маакъ. ibid, стр. 143.

«Въ юртѣ Тунгусовъ, говоритъ онъ,—вообще схожей съ Манягрской, висѣла люлька на веревкѣ съ деревянными крючьями на концахъ, которые зацѣплялись за двѣ веревки, привязанныя одна въ ногахъ, а другая въ головахъ люльки, состоявшей также, какъ и манягрскія, изъ двухъ половинокъ. По краямъ ея были привѣшаны китайскія монеты и въ ней лежалъ крѣпко спеленатый и перевитый ремнями ребенокъ, который, несмотря на всѣ старанія матери, не унимался и горько плакалъ».

Гольдская колыбель (фиг. 120),—по свидѣтельству Маака [1],—имѣетъ видъ челнока, зашнуровываемаго поверхъ укладываемаго въ ней ребенка.

Корнелій де-Бруинъ [2], извѣстный путешественникъ начала прошлаго столѣтія, наблюдавшій въ то время бытъ Архангельскихъ *Самоѣдовъ*, описываетъ видѣнную имъ у нихъ колыбель такъ: «въ одной изъ палатокъ я видѣлъ ребенка восьми недѣль, лежавшаго въ люлькѣ или ясляхъ изъ желтаго дерева, похожую очень на крышку съ коро-

Фиг. 120. Гольдская колыбель.

ба. Эта люлька у изголовья снабжена полуобручемъ, идущимъ надъ головой ребенка, и висѣла на двухъ веревкахъ, привязанныхъ къ жерди. Она завѣшана была кругомъ сѣрымъ сукномъ въ видѣ полога съ отверстіемъ на верху и распахивалась съ боку для того, чтобы можно было класть въ люльку и брать изъ нея ребенка, который былъ спеленатъ въ такое же сѣрое сукно, обмотанное въ трехъ мѣстахъ веревкою, чрезъ грудь, средину и ножки дитяти, оставляя голову и часть шеи открытыми».

Съ этимъ описаніемъ довольно близко сходится описаніе современной самоѣдской колыбели, доставленной на Московскую антропологическую выставку изъ Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи врачемъ Парфентьевымъ. (Фиг. 121). Вотъ это описаніе: «дѣтей Самоѣды кладутъ въ сдѣланную изъ дерева зыбку, или *Патанъ*, которая въ головахъ и бокахъ имѣетъ ширину больше, чѣмъ въ ногахъ, у которыхъ она постепенно съуживается (края ея очень низкіе—$1\frac{1}{2}$—2 вершка). Дно этой зыбки посыпается березовыми гнилушками, называемыми *посова*. Когда же Самоѣды живутъ лѣтомъ въ тундрѣ, то, по неимѣнію гнилушекъ, кладутъ сушеный мохъ, называемый *нярцу*; на мохъ кладутъ оленью шерсть и на нее ребенка, а подъ голову маленькую подушку изъ оленьей же шерсти, крытую ситцемъ; затѣмъ ребенка одѣваютъ оленьимъ одѣяломъ изъ молодыхъ телятъ. Края зыбки обиты холстомъ, концы котораго съ боковъ накладываются на одѣяло; все это укрѣпляется тремя ремнями, которые стягиваются кольцами въ родѣ пряжекъ у чемодана. При переѣздѣ зимою на всю зыбку надѣваютъ особо сдѣланную оленину въ видѣ мѣшка. Свободный край мѣшка—верхній—прикрѣпляется къ дугѣ, сдѣланной надъ зыбкой, такъ что ребенокъ можетъ дышать чистымъ воздухомъ и вмѣстѣ съ симъ предохраняется отъ холода и простуды. Въ лѣтнее время сверхъ упомянутой дуги или обруча накидывается платокъ для защищенія ребенка отъ свѣта и насѣкомыхъ, напримѣръ комаровъ, мухъ и т. п. Зыбки въ чу-

Фиг. 121. Самоѣдская колыбель.

махъ вѣсятся на двухъ веревкахъ и дѣтей въ нихъ качаютъ съ одного бока на другой». Бывшіе на Московской антропологической выставкѣ Самоѣды, между прочимъ, привозили съ собой и колыбель, которая совершенно сходится съ только что описанной формой. Мы нѣсколько разъ были свидѣтелями того, какъ Самоѣдка мать укладывала въ эту колыбель свою $1\frac{1}{2}$ годовую дѣвочку. При этомъ болѣе всего поражало насъ то, что въ дѣтскую колыбель мать укладывала и запеленывала дѣвочку, уже порядочно бѣгавшую. Когда приходило время сна послѣдней, мать обыкновенно ставила колыбель среди чума, привезеннаго въ Москву съ собой изъ Архангельской губерніи, и ласково и шутя приглашала въ нее ложиться свою дочку. Дѣвочка, играя и смѣясь, не разъ прибѣгала къ своей постелькѣ и убѣгала отъ нея, потѣшаясь вмѣстѣ съ тѣмъ надъ своей матерью. Мать терпѣливо давала наиграться ребенку на ночь, затѣмъ ловила ее, укладывала въ колыбель и связывала описаннымъ выше образомъ. Ребенокъ никогда при

[1] Маакъ, ibid. Т. 2. № 6 атласъ.

[2] Корнилій де-Бруина: путешествіе чрезъ Московію. Переводъ Барсова, стр. 11—12.

этомъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ присутствіи, не проронилъ ни одной слезы, а наоборотъ всегда весело пеленался и обыкновенно скоро послѣ того засыпалъ, какъ будто послѣ пріема опія, тогда какъ старшіе тутъ же продолжали еще иногда довольно громко разговаривать и даже шумѣть, особенно когда бывали пьяны. По словамъ Самоѣдовъ, такое пеленаніе продолжается у нихъ обыкновенно до двухъ лѣтъ и прямо въ тѣхъ видахъ, чтобы ребенку теплѣе было спать. Изъ Тобольской губерніи доставлена была на Московскую антропологическую выставку Самоѣдская колыбель, также совершенно похожая своей формой на только что описанную.

Колыбель *Карагассовъ* и особенно положеніе въ ней ребенка весьма курьезно и остроумно описываетъ И. Поповъ, какъ это увидимъ ниже, въ главѣ объ участіи животныхъ въ воспитаніи дѣтей человѣка.

Киряки,—по свидѣтельству Лессепса [1]),—дѣлаютъ колыбели на подобіе ниши или корзинки, согнутой кверху, въ которой младенецъ сидитъ или лежитъ. По свидѣтельству Крашенинникова [2]),—они колыбелей и пеленокъ не знаютъ, а во время кочевья возятъ ихъ за плечами и за пазухой.

У *Камчадаловъ*,—по свидѣтельству Крашенинникова [3]),—колыбели есть, токмо рѣдко, однако не для качанья, ибо они дѣтей не качаютъ, но вмѣсто кровати дѣтской; дѣлаются коробками изъ досокъ, у которыхъ бываетъ посединѣ желобокъ, которымъ моча сбѣгаетъ.

Воспитаніе дѣтей у *Курильцевъ* отъ Камчадаловъ по свидѣтельству Крашенинникова, не разнится.

[1]) Лессепсово путешествіе по Камчаткѣ. Переводъ съ французскаго. 1801 г. Ч. II. стр. 165.

[2]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки Академика *Крашенинникова* 1819 г. Т. II. стр. 224.

[3]) Крашенинниковъ, ibidem, стр. 174.

ГЛАВА XVIII.

СПОСОБЫ УКЛАДЫВАНІЯ ДѢТЕЙ ВЪ ПОСТЕЛИ, СПОСОБЫ НОШЕНІЯ И ПЕРЕДВИЖЕНІЯ ИХЪ.

Разнообразіе способовъ укладыванія дѣтей.—Значеніе этихъ способовъ.—Зависимость ихъ отъ климата и образа жизни даннаго народа.—Нормальный способъ укладыванія.—Ношеніе дѣтей на рукахъ, спинѣ, шеѣ, въ мѣшкахъ, платкахъ, сѣтяхъ кожахъ и другихъ приспособленіяхъ.—Ношеніе въ корзинахъ, прикрѣпленныхъ ко лбу.—Способы: Китайскій, Негритянскій, Готтентотскій и др.—Своеобразныя колыбели для ношенія дѣтей у разныхъ американскихъ Индійцевъ.—Кукляны Эскимосскія, Камчадальскія; киримоны японскіе.—Ношеніе верхомъ на бедрѣ, верхомъ на плечахъ и пр.—Способы ношенія дѣтей у древнихъ народовъ. —Передвиженіе дѣтей въ путешествіяхъ у нѣкоторыхъ дикихъ и полудикихъ народовъ.

А. Укладываніе.

Въ этомъ способѣ ухода за дѣтьми мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ чрезвычайное разнообразіе и переходы отъ самой примитивной формы постели до щеголеватой и роскошной кровати, начиная съ укладыванія дѣтей на голой землѣ, травѣ или сѣнѣ, мохѣ и рогожѣ до обыкновеннаго тюфяка, мягкой и пуховой постели. Во многихъ случаяхъ тотъ или другой способъ укладыванія дѣтей указываетъ только на извѣстный характеръ отношеній даннаго народа къ своему потомству, обусловливаемый ихъ національными и религіозными воззрѣніями, заботливостью, вниманіемъ или равнодушіемъ родителей къ дѣтямъ; въ другихъ случаяхъ они указываютъ на извѣстную степень довольства народа или отдѣльныхъ его личностей. Практикуемые такимъ образомъ способы укладыванія дѣтей въ иныхъ случаяхъ представляютъ собою только интересъ для этнографовъ, въ иныхъ же они представляютъ большое значеніе для антропологовъ и гигіенистовъ, потому что замѣтнымъ образомъ отражаются на физическомъ развитіи дѣтскаго организма, передаваемомъ ему на всю жизнь. Мы видѣли выше, что Везалій еще въ 16 стол. связывалъ нѣкоторыя формы головы со способами укладыванія дѣтей въ постели, а именно брахицефалическую форму головы Нѣмцевъ съ укладываніемъ дѣтей въ первые дни жизни на спину и длинноголовость Бельгійцевъ съ укладываніемъ ихъ въ раннемъ возрастѣ на бочекъ. Георгъ Сатинъ, много жившій среди Индійцевъ Сѣверной Америки, присмотрѣвшійся къ способу укладыванія ихъ дѣтей въ колыбели, какъ объ этомъ упомянуто выше при описаніи колыбелей, и сравнившій эти способы съ практикуемыми всюду въ Европѣ, а за тѣмъ подмѣтивши тотъ фактъ, что среди упомянутыхъ Индійцевъ совсѣмъ нѣтъ людей, ходящихъ и спящихъ съ открытымъ ртомъ, между тѣмъ какъ во всей Европѣ и другихъ странахъ ихъ массы, прямо ставитъ не безъ основанія эту разницу въ способахъ держанія рта съ описываемыми имъ спобо-

бами укладыванія дѣтей у Индійцевъ Сѣверной Америки и въ Европѣ. При описаніи кавказскихъ колыбелей мы имѣли случай упомянуть объ обычаяхъ Армянъ, Грузинъ, Куртинъ и нѣкоторыхъ другихъ Кавказскихъ народовъ, стремящихся, въ противуположность Сѣверо-Американскимъ Индійцамъ, укладывать дѣтей своихъ въ постели такъ, чтобы голова была ниже плечъ для того, чтобы у ребенка получалась длинная шея, такъ-какъ короткая у означенныхъ народовъ считается недостаткомъ. При этомъ описаніи мы замѣтили, что, согласно теоріи Саттина, такой способъ укладыванія дѣтей въ колыбели даетъ полную возможность для развитія у нихъ впослѣдствіи дурной привычки держать ротъ открытымъ и что дѣйствительно мы имѣемъ полную возможность подтвердить, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ надъ Армянами и Грузинами, встрѣчавшимися намъ въ Москвѣ. Врачи нашего времени безпрестанно указываютъ на неблагопріятныя послѣдствія отъ неправильнаги укладыванія дѣтей въ постели, влекущія за собою различныя неправильности въ развитіи организма, а за тѣмъ и болѣзни, сопровождающія человѣка иногда на всю жизнь. Упомянемъ здѣсь, напр., о различныхъ искривленіяхъ спины, груди и т. д. Въ главѣ о вліяніи постели на деформацію черепа, равно какъ при описаніи колыбелей, употребляемыхъ среди кореннаго русскаго населенія и русскихъ инородцевъ, мы съ своей стороны могли привести также не малое количество аналогичныхъ фактовъ, доказывающихъ, полагаемъ, несомнѣннымъ образомъ вліяніе нѣкоторыхъ изъ способовъ укладыванія дѣтей въ постели на тѣ или другія формы головы и остальныя части тѣла. Приводимые ниже примѣры, безъ сомнѣнія, могутъ убѣдить насъ въ этомъ также не мало. [1] По свидѣтельству путешественниковъ, на *Сандвичевыхъ Островахъ* матери подолгу оставляютъ дѣтей своихъ лежать ни во что не завернутыми на рогожкахъ. То же самое существовало у вымершаго теперь племени *Гуанховъ*, первобытнаго населенія Канарскихъ острововъ. То же самое и теперь еще наблюдается у Негровъ *Гвинеи, Арабовъ* и т. д. Въ бывшемъ царствѣ *Инковъ*, въ Перу, также не дозволялось носить дѣтей на рукахъ изъ боязни изнѣжить ихъ, но ребенка сажали въ углубленіе, сдѣланное въ землѣ, или клали въ колыбель; мать же никогда не носила его на рукахъ, если бы даже онъ былъ наслѣднымъ принцемъ. У древнихъ *Китайцевъ* до трехъ дней не брали дѣтей на руки и только на четвертый день отваживались на это, но здѣсь обычай этотъ, повидимому, мотивировался одной лишь предосторожностью. Изъ этой же предосторожности древнегреческій философъ и педагогъ, Платонъ, совѣтовалъ воспитывать ребенка такъ, чтобы пока онъ нѣженъ, какъ воскъ, пеленать его въ продолженіе 2 лѣтъ и носить на рукахъ до 3 хъ лѣтъ. [1]—Дикія, *племена Азіатской Турціи*, по Ераму, искупавъ новорожденнаго въ рѣкѣ, обертываютъ его въ кусокъ холста или грубой шерстяной матеріи и относятъ его въ свою пещеру, гдѣ мать еще до разрѣшенія отъ бремени выкапываетъ въ землѣ небольшое углубленіе или ямку, достаточно объемистую для помѣщенія въ ней ребенка Дно углубленія усыпаютъ мелко просѣянной землей и кладутъ на послѣднюю малютку, котораго за исключеніемъ головы засыпаютъ всего такой же просѣянной землей. Это углубленіе увеличиваютъ по мѣрѣ роста ребенка, на котораго впослѣдствіи надѣваютъ уже родъ рубашки. Того же способа содержанія дѣтей въ ямѣ, усыпанной мелкимъ пескомъ, придерживаются жители *Китайскаго Туркестана*. «Въ *Сѣверной* части *Америки*,—говоритъ Бюффонъ,[2])—насыпаютъ въ исподъ колыбелей большое количество древесной червяточины, на которую кладутся младенцы и покрываются какимъ-нибудь мѣхомъ. Увѣряютъ, что постель такого рода столь же покойна и мягка, какъ и перяная; однако обычай сей введенъ у нихъ не для нѣженья младенцевъ, но единственно, чтобъ ихъ держать въ чистотѣ и суши: и въ самомъ дѣлѣ порохъ сей вытягиваетъ въ себя всю мокроту. Въ *Виргиніи* привязываютъ младенцевъ на устланную хлопчатою бумагою доску, которая непроверчена дырами для стеканія мокроты, хотя обыкновенная въ сихъ мѣстахъ стужа, казалось бы и препятствовать сему обыкновенію, которое однако вообще по всему востоку употребительно». При описаніи колыбелей различныхъ русскихъ инородцевъ, особенно живущихъ на востокѣ, мы видѣли, что многіе изъ нихъ также, по примѣру только что упомянутыхъ народовъ, или подстилаютъ на дно дешевыхъ колыбелокъ древесныя гнилушки для воспринятія мочи и испражненій, или употребляютъ съ тою-же цѣлью своеобразныя трубки и горшечки, придѣлываемыя ко дну колыбелокъ. Но что замѣчательно: ту же идею дикарей относительно постоянной сухости дѣтскаго ложа въ настоящее время начинаютъ проводить въ жизнь, только конечно въ нѣсколько обработанномъ видѣ, и современные цивилизованные народы. Здѣсь мы имѣемъ въ виду, напр., упомянуть о публикуемыхъ для продажи въ нѣкоторыхъ американскихъ резиновыхъ магазинахъ—гуттаперчевыхъ дѣтскихъ подстилкахъ (матрасахъ), состоящихъ изъ длинной подушки, наполненной теплой водой и снабженной многими сквозными отверстіями для пропусканія сквозь нихъ мочи и испражненій.

---

[1]) Примѣры эти, приведенные безъ цитатъ, заимствованы нами у Плосса изъ упомянутыхъ выше его сочиненій.

[1]) К. Шмидтъ. l. c. T. I. стр. 293.

[2]) Бюффонъ. Естеств. Исторія. Т. IV, стр. 32.

На разницу въ способахъ укладыванія иногда имѣютъ большое вліяніе также климатическія условія. Напримѣръ, обычай *негровъ Гвинеи* и *Индійцевъ Декана* избирать голую землю для устройства *ложа* своимъ дѣтямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ климатическимъ условіямъ. Въ холодной *Исландіи* хотя также оставляютъ дѣтей лежать и ползать на землѣ, но тутъ, съ первыхъ же недѣль жизни ребенка, надѣваютъ на него уже штаны и камзолъ. *Кафры* приготовляютъ мягкую постель для своихъ дѣтей изъ травы; живущее въ восточной Африкѣ племя *Вакамба* приготовляетъ постель для дѣтей изъ листьевъ. *Австралійскія Негритянки* для предохраненія отъ холода и непогоды укладываютъ своего ребенка въ маленькую земляную ямку, а сверху покрываютъ его теплой золой. Нѣкоторые народы теплыхъ странъ, несмотря однако на благопріятныя условія своего климата, очень тепло укутываютъ своихъ дѣтей. Такъ поступаютъ, напр., Готтентотки, завертывающія своихъ дѣтей на ночь въ мѣхъ, въ которомъ онѣ носили ихъ днемъ, и затѣмъ кладутъ въ теплую выгребную золу. При этомъ, очевидно, принимается во вниманіе ночное охлажденіе воздуха.

Индійцы Антильскихъ острововъ, лежащихъ въ тропической Западной Индіи, кладутъ своихъ дѣтей въ теплую, изъ хлопка сдѣланную постель, при чемъ, конечно, имѣется въ виду предохранить нѣжный организмъ ребенка отъ различныхъ перемѣнъ погоды, нерѣдко наступающихъ тамъ, особенно ночью.

Въ иныхъ случаяхъ на способы укладыванія дѣтей въ постели имѣютъ вліяніе прямо обычаи и обстановка домашняго хозяйства. Такъ, напр., *древніе Индійцы*, во времени *Susrutas'a*, укладывали дѣтей въ кровати, которыя покрывались мягкими подушками и одѣялами; *Греки* и *Римляне* употребляли для дѣтей своихъ мягкую, но не слишкомъ теплую постель. Употребленіе дѣтскихъ кроватокъ, или похожихъ на нихъ колыбелей, какъ это уже мы видѣли выше, издавна было распространено также во всей Европѣ, Азіи и другихъ странахъ. Наоборотъ *Японцы* о постеляхъ не имѣютъ никакого понятія и спятъ на землѣ, покрытой рогожей, вмѣсто же подушки употребляютъ маленькую деревянную скамейку. Въ томъ же родѣ они устраиваютъ постели и для своихъ дѣтей. Эме Гюмберъ описываетъ японскія постели такимъ образомъ: дома дѣтей (въ Японіи) можно оставлять однихъ, безъ всякаго опасенія позволять имъ кататься, сколько душѣ угодно, на циновкахъ, ползать на четверенькахъ, пробовать вставать на ноги, именно потому, что нѣтъ никакой мебели, о которую они могли бы ушибаться, и ничего такого, чтобы они могли столкнуть или разбить, такъ какъ всю и всякую мебель въ японскихъ домахъ замѣняютъ собою циновки, разстилаемыя во всю ширину пола и служащія имъ вмѣсто матрацевъ, постелей, скатертей, ковровъ и т. п. Спитъ японецъ, завернувшись въ широкій халатъ, голый и прикрывшись большимъ ватнымъ одѣяломъ [1]).

Относительно правильнаго устройства дѣтской постели и нормальнаго укладыванія въ нихъ дѣтей современная наука даетъ намъ такіе совѣты: всякая гигіенически устроенная постель должна содѣйствовать прежде всего хорошему, покойному сну, умѣренному согрѣванію тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимой, умѣренной перспираціи кожи. Чтобы содѣйствовать этимъ главнѣйшимъ требованіямъ правильно устроенной постели, необходимо позаботиться о томъ, чтобы она была чиста и свободна отъ какихъ бы то ни было запаховъ. Отсюда понятно, какъ неразумно поступаютъ тѣ матери, которыя имѣютъ обыкновеніе класть дѣтей своихъ въ одну постель съ собой. Въ первое время послѣ родовъ, пока еще отдѣляются послѣродовыя очищенія ихъ, онѣ сами поневолѣ нечисты, а вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ чистъ и окружающій ихъ воздухъ, которымъ тѣмъ не менѣе приходится поневолѣ дышать ребенку, положенному возлѣ матери. Далѣе, вблизи матери ребенокъ всегда излишне согрѣвается, потѣетъ, получаетъ большее расположеніе къ простуднымъ и сыпнымъ болѣзнямъ, легко наживаетъ золотуху, англійскую болѣзнь и вообще слабое тѣлосложеніе. Наконецъ, какую массу случаевъ въ каждой странѣ ежегодно представляютъ такъ называемыя «засыпанія» или «задавленія» дѣтей во время сна въ постеляхъ матерями, кормилицами, нянь-ками [2]) и т. п. Такимъ образомъ очевидно, что для каждаго дитяти слѣдуетъ устраивать особую постель. Постель эта для новорожденнаго ребенка можетъ быть устроена въ неглубокой, продолговатой корзинкѣ, поставленной на прочныхъ ножкахъ и которую въ случаѣ надобности можно было бы безъ труда переносить съ мѣста на мѣсто или же прямо помѣстить въ небольшую желѣзную кроватку съ плетеными бортами. Когда ребенокъ подрастетъ до такой степени, что будетъ въ состояніи приподниматься на ножки, тогда слѣдуетъ сдѣлать ему кроватку нѣсколько иначе, а именно: борта ея слѣдуетъ устроить изъ ряда стоящихъ въ извѣстномъ разстояніи палочекъ (въ желѣзной кроваткѣ—желѣзныхъ), вышиною въ ростъ ребенка; борта эти кромѣ того должны откладываться и при томъ такъ, чтобы иногда можно было раздѣлить ихъ на два яруса и въ такомъ случаѣ иногда можно было бы опускать только одну верхнюю половину, а иногда обѣ вмѣстѣ, смотря по надобности.—Самая постелька въ корзинкѣ и кроваткѣ должна быть устрое-

---

[1]) Эме Гюмберъ: Живописная Японія. 1870 г. стр. 36—39.
[2]) J. Uffelmann. l. c. S. 300.

на въ формѣ матраца изъ конской гривы, или морской травы. Изъ такого же матеріала должна быть устроена и подушка. Всякій другой матеріалъ, какъ это было разсмотрено нами выше въ главѣ о колыбеляхъ, не годится для устройства дѣтскихъ постелекъ. На такой постелькѣ новорожденный ребенокъ долженъ быть положенъ горизонтально на спинѣ съ едва поднятой головкой на подушкѣ; въ болѣе старшихъ возрастахъ слѣдуетъ давать дѣтямъ попеременное положеніе то на одномъ, то на другомъ боку. Сверху тѣльце ребенка должно быть достаточно прикрыто фланелькой въ одинъ или нѣсколько разъ, смотря по погодѣ и временамъ года.

В. Способы ношенія и передвиженія дѣтей.

Дитя является на свѣтъ совершенно безпомощнымъ существомъ: оно не можетъ двинуться безъ посторонней помощи, а между тѣмъ съ первыхъ же дней жизни является множество поводовъ для передвиженія его съ мѣста на мѣсто, напр. при смѣнѣ пеленокъ, постельки, при перемѣнѣ воздуха въ дѣтской, во время купанья, прогулокъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ первое время жизни, во всей Европѣ обыкновенно переносятъ дитя съ мѣста на мѣсто въ лежачемъ положеніи, спеленатымъ въ свивальники, на особомъ тюфячкѣ или подушкѣ; но какъ только ребенокъ получаетъ возможность держаться въ вертикальномъ положеніи, то обыкновенно начинаютъ держать и носить его въ этомъ положеніи, къ сожалѣнію, иногда очень подолгу и при томъ почти всегда на лѣвой рукѣ. Въ послѣднемъ случаѣ ребенокъ, не выдерживая продолжительнаго напряженія своихъ слабыхъ мускуловъ, скоро и невольно начинаетъ гнуться, а результатомъ такого ранняго и неумѣреннаго ношенія дѣтей нерѣдко являются искривленія шеи, позвоночника, груди, таза, ногъ и т. д. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ вредныхъ послѣдствій неправильнаго ношенія дѣтей на рукахъ, врачи уже издавна совѣтуютъ: 1) въ продолженіе не только первыхъ дней, недѣль, но даже и первыхъ трехъ—четырехъ мѣсяцевъ жизни, какъ можно менѣе носить дѣтей на рукахъ въ только что указанномъ положеніи; 2) болѣе продолжительное ношеніе дѣтей дозволяется уже тогда, когда ребенокъ вполнѣ свободно можетъ держать себя въ вертикальномъ положеніи, т. е. приблизительно по истеченіи 5 мѣсяцевъ; 3) во всякомъ случаѣ при ношеніи слѣдуетъ непремѣнно перемѣнять руки, чтобы избѣжать продолжительнаго нагибанія въ одну сторону. Относительно ношенія дѣтей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи слѣдуетъ отмѣтить ту особенность, что тамъ нерѣдко няньки носятъ хорошо укутаннаго ребенка, какъ какой нибудь свертокъ, на лѣвой рукѣ, личикомъ обращеннаго въ сторону, но не къ себѣ, какъ это дѣлаютъ почти во всей остальной Европѣ.

Кромѣ ношенія на рукахъ у многихъ народовъ существуютъ и нѣкоторые другіе способы ношенія дѣтей.

Прежде всего мы упомянемъ здѣсь о тѣхъ народахъ, у которыхъ дѣтямъ не даютъ лежать, но постоянно носятъ ихъ, и сначала назовемъ Австралійцевъ. У Индійцевъ Warrau въ Британской Гвіанѣ, покуда дитя не въ состояніи бѣгать, оно составляетъ какъ бы нераздѣльную часть тѣла матери: куда бы она ни шла, она на спинѣ или на рукахъ всюду таскаетъ его съ собою. О женщинахъ Исландіи Гренландка куда бы ни шла и гдѣ бы ни сидѣла, всюду таскаетъ съ собой дитя, укутанное въ мѣхъ. Обычаи эти безъ сомнѣнія болѣе всего обусловливаются родомъ жизни народа и невозможностью оставить дитя на чьи либо постороннія руки; но, можетъ быть, этому много помогаетъ также и прирожденная нѣжность матерей, сильнѣе проявляющаяся у тѣхъ или другихъ народовъ. У тѣхъ народовъ, которые всѣ тяжелыя работы возлагаютъ на женщинъ, послѣднія для того, чтобы имѣть руки свободными, сажаютъ дѣтей своихъ прямо себѣ на шею или спину. Способа ношенія прямо на шеѣ придерживаются, напримѣръ, нѣкоторые обитатели южной Австраліи, племя Гиваро, живущее по Амазонкѣ въ южной Америкѣ и др. Туземцы Новой Голландіи сначала носятъ дѣтей своихъ въ кускѣ мягкой древесной коры; но какъ только ребенокъ достаточно окрѣпнетъ, мать сажаетъ его верхомъ себѣ на шею, гдѣ маленькій наѣздникъ, чтобы не упасть, цѣпляется за ея волосы. Такой же способъ ношенія дѣтей практикуется у Ботокудовъ. У Индійцевъ Калифорніи съ первыхъ дней жизни ребенокъ не имѣетъ другаго ложа, какъ жесткую землю, или еще болѣе твердую скорлупу черепахи, въ которой мать таскаетъ его ничѣмъ не покрытаго повсюду съ собой. Но, чтобы онъ не мѣшалъ ей во время работы, она поручаетъ его какой нибудь старухѣ, которая нерѣдко оставляетъ несчастное маленькое существо лежать по 10-ти часовъ сряду, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Когда же ребенку минетъ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда мать сажаетъ его голаго къ себѣ на шею верхомъ, такъ что малютка научается наѣздничеству гораздо прежде, чѣмъ становится на ноги. У нѣкорыхъ племенъ Сѣверной Америки Индіанки носятъ ребенка на спинѣ, крѣпко держа одной рукой объ руки его черезъ плечо, а другой рукой поддерживая его сзади.

Въ *Африкѣ* уже издавна встрѣчается способъ ношенія дѣтей на плечѣ матери. Это показываютъ намъ, напр., нѣкоторыя изображенія женщинъ, сохранившіяся на Египетскихъ барельефахъ, гдѣ

однѣ изъ нихъ представлены несущими дѣтей своихъ на плечѣ, другія на рукѣ, третьи – въ юбкѣ спереди или сзади. Въ современномъ Египтѣ также встрѣчается способъ ношенія дѣтей на плечѣ матери, [1]) особенно у Феллаховъ (фиг. 122) [2]) Подобный-же способъ ношенія дѣтей встрѣчается у Ментовъ на восточномъ берегу Африки.

Въ *Азіи* способъ ношенія дѣтей верхомъ на плечѣ матери существовалъ еще у древнихъ Индійцевъ, а также у древнихъ Ассирійцевъ, какъ по крайней мѣрѣ доказываютъ это нѣкоторые барельефы, сохранившіеся съ того времени. Теперь способъ ношенія дѣтей на плечѣ матери изъ азіатскихъ народовъ встрѣчается въ малой Азіи, около Дамаска, у оленьихъ Чукчей [2]) и т. д. (фиг. 123).

Фиг. 122. Способъ ношенія дѣтей у Феллаховъ.

Практическія основанія иногда заставляютъ женщинъ предпочитать тотъ или другой способъ ношенія дѣтей въ зависимости отъ разнообразія обстоятельствъ и работъ, производимыхъ матерями. Такъ, напр., *Черемиски* Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, занятыя большую часть года работами въ лѣсахъ, ихъ окружающихъ и въ которые онѣ иногда волей-неволей должны уходить съ своими грудными дѣтьми на далекое разстояніе отъ жилищъ, чтобы съ большимъ удобствомъ и безопасностью пронести ребенка по дремучему лѣсу, обыкновенно укладываютъ его для этого въ такъ называемую полевую колыбель, описанную подробно выше, затѣмъ вѣшаютъ эту колыбель себѣ на шею, спускаютъ ее впередъ до груди, или живота и, придерживая обѣими руками, такимъ образомъ проносятъ ребенка по всему лѣсу (фиг. 124). Достигнувъ мѣста своего назначенія, мать снимаетъ съ себя колыбель и вѣшаетъ ее на любой сукъ дерева, гдѣ она уже качается сама, колеблемая вѣтромъ. Въ этой-же колыбели Черемисы—отцы, за дальностью разстоянія отъ приходскихъ церквей и невозможностью добыть священника къ себѣ, чтобы дать новорожденному имя, или совершить надъ нимъ таинство крещенія, обыкновенно, перекинувши колыбель черезъ плечо, носятъ или возятъ своихъ новорожденныхъ, иногда даже верхомъ и притомъ верстъ за 20—30, къ приходскому священнику для совершенія надъ новорожденнымъ необходимыхъ таинствъ или обрядовъ. Въ подобныхъ же условіяхъ находятся *Остяки*, живущіе преимущественно въ лѣсахъ Тобольской губерніи и имѣющіе для переноски новорожденныхъ

Фиг. 123. Способъ ношенія дѣтей у оленьихъ Чукчей.

[1]) Illustrirte Welt. 1878. S. 44.

[2]) L'illustration, journal universel. 1846, № 194.

[3]) Путешествіе капитана Биллинга на Чукотскую землю. С.-П. 1811 г., стр. 67.

дѣтей совершенно плоскія колыбели, которыя мать обыкновенно вѣшаетъ себѣ черезъ шею на грудь или животъ, какъ показываетъ фиг. 125; а если ребенокъ въ состояніи сидѣть, то носитъ его уже въ нѣсколько измѣненной колыбели на спинѣ, какъ показываетъ фиг. 126. Жены Лопарей (фиг. 127—129), Вогуловъ и Самоѣдовъ, по свидѣтельству путешественниковъ и мѣстныхъ бытописателей, [1]

Фиг. 124. Черемисска съ колыбелью на рукахъ.

также всюду таскаютъ дѣтей своихъ на спинѣ въ лѣсъ и въ поле на работы, не смотря на сырость и холодъ, въ особыхъ корзинахъ или колыбеляхъ, описаніе которыхъ приведено выше, и въ этихъ-же корзинахъ подвѣшиваютъ ихъ къ чему либо наружѣ и въ своихъ жилищахъ. [2]) У мусульманъ Карабага Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизавет-

[1]) Вѣлявскій: Поѣздка къ Ледовитому морю. 1833 г., стр. 422. Голодниковъ, Петржекевичъ и др.

[2]) L'univers illustré. 1867, p. 516.

польской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ-Мирзоева, [1])—если ребенокъ не спитъ и не лежитъ спокойно въ колыбели, то мать, чтобы унять его крикъ, привязываетъ его, спеленатаго большимъ платкомъ, къ своей спинѣ и такимъ образомъ, имѣя свободныя руки, продолжаетъ свою работу; такимъ же образомъ она поступаетъ каждый разъ, когда ей приходится отлучаться изъ дома.

Бѣлорусскія крестьянки въ лѣтнюю пору слишкомъ много времени проводятъ внѣ дома за полевыми работами. При этомъ мать иногда рѣшительно не имѣетъ кого либо, чтобы отдать ребенка на попеченіе, а потому всюду таскаетъ его съ собою, укрепивши колыбель на спинѣ, какъ показываетъ фиг. 130, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть руки свободными для работы. Упомянутая колыбель имѣетъ ту особенность, что представляетъ форму продол-

Фиг. 125. Остячка съ колыбелью на рукахъ.

говатую съ выемкой посрединѣ, соотвѣтственно прикосновенію къ спинѣ; веревки для нея употребляются возможно помягче, чтобы не скоро намозоливать собою плечи матери—работницы.

Обычай Малайскихъ женщинъ носить дѣтей своихъ больше на правой сторонѣ спины, въ мѣшкообразной пустотѣ платка, завязывающагося спереди, обусловливается тѣмъ, что женщины при ношеніи дѣтей должны заниматься работами, требующими полной свободы рукъ. Живописецъ Гильдебрандтъ видѣлъ въ Сіамѣ, какъ женщина гребла весломъ, сидя въ лодкѣ на корточкахъ, а сзади привязанный къ ней ребенокъ цѣплялся за ея спину. Для облегченія труда при ношеніи дѣтей у нѣкоторыхъ народовъ существуютъ своеобразные

[1]) Кавказъ 1879 г. № 42.

пріемы, правда, иногда весьма не сложные, но все таки отчасти достигающіе цѣли. Для примѣра стоитъ взглянуть только на многочисленныя южноамериканскія племена. Виллисъ видѣлъ у одного изъ этихъ племенъ Гуаяяра, въ провинціи Марангасъ на рѣкѣ Пандарѣ, матерей, носящихъ своихъ грудныхъ дѣтей въ платкахъ или широкихъ по-

Фиг. 126. Остячка съ колыбелью за спиной.

лосахъ, накинутыхъ на нихъ въ видѣ шарфа; въ такомъ положеніи онѣ кормятъ своихъ дѣтей во всякое время, даже и тогда, когда сами занимаются своими работами. Въ Парагваѣ женщины Ленгуа и Тоба (по Demersay) обертываютъ верхнюю часть тѣла циновкой, сажаютъ въ нее сзади ребенка, котораго поддерживаютъ одной рукой, такъ что вся тяжесть его тѣла преимущественно ложится на переднюю сторону груди. О такомъ-же обычаѣ Ин-

діанокъ, живущихъ при рѣкѣ Поранѣ, Доминго Патино говоритъ такъ: «женщина носитъ здѣсь дитя, завернутое въ «chirípa», сзади, чтобы не быть стѣсненной въ движеніи рукъ. Для дѣтей, начинающихъ имѣть уже нѣкоторую тяжесть, «chirípa» подвязывается сдѣланной изъ той-же матеріи широкой полосой, которая, охватывая плечи матери, даетъ точку опоры тяжести ребенка». Chirípa носятъ тамъ

Фиг. 127. Лопарка.

всѣ Индійцы, обертывая ею нижнюю часть своего тѣла; она дѣлается изъ куска грубо сотканой матеріи. Сепойи, живущіе на Андаманскихъ островахъ, въ Остъ-Индскихъ водахъ, носятъ дѣтей на спинѣ въ *сѣти*, сдѣланной изъ лыка. На сѣверныхъ Гибридахъ женщины также носятъ дѣтей на спинѣ въ красиво сплетенныхъ перевязкахъ;—этотъ обы-

Фиг. 128. Лопарка.

чай существуетъ и на южныхъ Гибридахъ, Новой Каледоніи и Новой Гвинеи. Въ Экваторіальной Африкѣ у Паугиновъ или Фанвъ матери носятъ своихъ дѣтей въ перевязяхъ, украшенныхъ раковинами. Патагонки, напротивъ, носятъ дѣтей на спинѣ. Въ Сѣверной Америкѣ у Сгіh-Индійцевъ,— по свидѣтельству Франклина, — мать сажаетъ ребенка въ кошель, который вѣшаетъ себѣ на плечо при странствованіи; зимой-же, подославъ подъ ребенка мохъ, она привѣшиваетъ его въ этомъ кошелѣ въ хижинѣ. Древніе Перуанцы, судя по оставшимся изображеніямъ ихъ, также имѣли обыкновеніе носить дѣтей своихъ на спинѣ въ приспособленныхъ для этого кускахъ матерій. Внутри Австраліи женщины носятъ дѣтей вмѣстѣ съ другими вещами на спинѣ въ особой накидкѣ, состоящей изъ мѣха кэнгуру и перепоясанной ремнемъ черезъ грудь. [1])

Фиг. 129. Лопарка.

У нѣкоторыхъ племенъ Бразильскихъ Индійцевъ,—по свидѣтельству принца Max von Neuwied'a и другихъ,—женщины носятъ дѣтей своихъ также въ мѣшкахъ, набитыхъ мхомъ, но которые укрѣплены особыми повязками на лбу. Такой-же способъ ношенія дѣтей употребляется Ботокудами и Мексиканцами.

Живописецъ Charlon видѣлъ въ Квито (въ Средней Америкѣ) женщинъ съ торчащими у нихъ на спинѣ ребятами между двумя огромными кувшинами для воды, которые висѣли у нихъ на ремняхъ, надѣтыхъ чрезъ лобъ и грудь. Въ той же Квито, близъ Чимборазо, обычай ношенія дѣтей на спинѣ въ кор-

[1]) А. Ф. Швейгеръ-Лерхенфельдъ: Женщина, ея жизнь и пр. у всѣхъ народовъ земнаго шара. Перев. съ нѣмец. 1882 г. стр. 312.

зинахъ, укрѣпленныхъ посредствомъ ремня на лбу, описалъ въ своемъ путешествіе д'Орбиньи [1]). (Фиг. 131). Подобный же обычай ношенія дѣтей въ корзинахъ на спинѣ, укрѣпленныхъ кромѣ того особой повязкой на лбу, существуетъ въ Калифорніи, какъ объ этомъ, напримѣръ, даетъ понятіе изображеніе Калифорнской Индіанки, промывающей золото и въ то же время имѣющей на спинѣ корзину съ ребенкомъ, укрѣпленную только что описаннымъ образомъ. [1]) (Фиг. 132).

На островѣ Сахалинѣ (фиг. 133) также существуетъ обычай носить дѣтей на спинѣ въ осо-

Фиг. 130. Бѣлорусска съ колыбелью за спиной во время работы.

Фиг. 131. Индіанка изъ Квито.

Фиг. 132. Индіанка изъ Калифорніи при промывкѣ золота.

быхъ, широкихъ повязкахъ, укрѣпленныхъ потомъ вокругъ лба [2]) Подобный же способъ ношенія дѣтей въ широкихъ повязкахъ, укрѣпленныхъ на лбу, существуетъ въ Гималаѣ. [2])—У Дю Шалью находимъ изображеніе (фиг. 134) Мбондембогской женщины

[1]) Живописное путешествіе въ Южную и Сѣверную Америку, д'Орбиньи 1839. Т. I. стр. 111.

[2]) Атласъ къ путешествію вокругъ свѣта капитана Крузенштерна. 1813 г. картина № LXXX.

[1]) Zimmermann, Californien und das Goldfieber. 1863.

[2]) А. Ф. Швейгеръ-Лерхенфельдъ, l. c. стр. 136.

Негритянскаго племени въ Африкѣ, изъ котораго видно, что женщины здѣсь носятъ тяжести и дѣтей въ тяжелыхъ и грубыхъ корзинахъ, лежащихъ на спинѣ, но также прикрѣпленныхъ и ко лбу, причемъ для избѣжанія тренія онѣ прикрѣплены къ

Фиг. 133. Способъ ношенія дѣтей на о. Сахалинѣ.

спинѣ волокнами мягкой коры въ три или четыре дюйма шириною. [1]) Подобный же способъ ношенія дѣтей встрѣчался сто лѣтъ тому назадъ среди эѳіопскихъ женщинъ Нубіи. [2]) (Фиг. 135).

Фиг. 134. Мбондемогская женщина негритянскаго племени въ Африкѣ.

При только что описанномъ способѣ ношенія дѣтей вся тяжесть ребенка ложится на крѣпкіе мускулы затылка; но при другихъ обычаяхъ ношенія эта тяжесть ложится на спину. Такъ носятъ, напр., своихъ дѣтей Остячки и Бѣлорусски въ описан-

Фиг. 135. Женщина изъ Нубіи.

ныхъ выше колыбеляхъ. Цыгане Тобольской губерніи, по свидѣтельству г. Голодникова,—во время

Фиг. 136. Цыганка.

перекочевокъ носятъ дѣтей своихъ въ небольшихъ обыкновенныхъ холщевыхъ мѣшкахъ, или положкахъ, укрѣпляя ихъ лямками на спинѣ и груди, при чемъ голова ребенка остается совершенно свободной и открытой. Такимъ же образомъ цыгане пе-

[1]) Всемірный путешественникъ 1871 г. Путешествіе во внутреннюю Африку Дю-Шалью. стр. 120.

[2]) Der Bazar. 1862. № 12.

рекочевываютъ всюду и въ остальной Европѣ [1]), какъ показываетъ фиг. 136. — Этотъ цыганскій способъ ношеній дѣтей встрѣчается, впрочемъ, иногда и у коренныхъ европейскихъ народовъ, напр. въ окрестностяхъ Вѣны и Берлина, какъ то показываютъ описанія и рисунки, помѣщаемыя въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ журналахъ, особенно нѣмецкихъ. Сербская поселянка, держа въ одной рукѣ колыбель съ ребенкомъ, а въ другой пищу для мужа, работающаго далеко, въ то же время несетъ другаго ребенка въ шерстяномъ мѣшкѣ на спинѣ (Dr. Valenta) (фиг. 137) Малгашскія женщины на Мадагаскарѣ носятъ широкія опояски, въ родѣ ко-

Фиг. 137. Сербка.

ротенькихъ юбокъ, доходящихъ до колѣнъ. Этими поясами мать привязываетъ дѣтей къ себѣ на спину такъ, что малютки обхватываютъ своими ноженками корпусъ матери. Не смотря на то, что, сидя въ такомъ положеніи, ребенокъ свѣшивается изъ пояса до половины туловища, онъ все таки, по словамъ Беніовскаго, какъ обезьяна крѣпко цѣпляется за мать. Подобный же способъ ношенія существуетъ у Бразильскихъ Негритянокъ. [2]) Жены рыболововъ, плавающія въ лодкахъ по рѣкамъ Китая, чтобы тяжесть ребенка не очень мѣшала имъ управлять лодкой, привязываютъ своихъ дѣтей помощью ремня, ихъ опоясывающаго, тоже себѣ на спину. Вообще весьма распространенный способъ ношенія дѣтей на спинѣ въ Китаѣ, очень практиченъ. Ребенка сажаютъ въ четырехугольный кусокъ твердой матеріи, снабжаютъ его по угламъ завязками, пропускаютъ ихъ себѣ надъ бедрами и чрезъ плечи и связываютъ ихъ на груди. Изображеніе такого способа ношеніе дѣтей въ Китаѣ (фиг. 138) между прочимъ находимъ на одной изъ картинъ, приложенныхъ къ сочиненію д-ра Пясецкаго, путешествовавшаго въ Китаѣ [1]). Такой способъ ношенія дѣтей не мѣшаетъ матерямъ работать. У другихъ народовъ, напримѣръ жителей Новой Гренады, женщина окутывается въ плащеобразное одѣяніе, въ которомъ носитъ ребенка на спинѣ; она крѣпко придерживаетъ эту мантилью спереди, а сзади выглядываетъ изъ нея только одна головка малютки. Такой способъ ношенія дѣтей на спинѣ

Фиг. 138. Способъ ношенія дѣтей въ Китаѣ.

въ надѣтомъ такимъ образомъ платкѣ, или въ мѣховомъ плащѣ, или въ какой либо другой просторной одеждѣ, встрѣчается также у многихъ народовъ Африки. Вообще этотъ обычай встрѣчается у Негровъ Конго въ Западной Африкѣ, у Готтентотовъ—Гонаковъ, Васарамовъ, Аговъ и Абиссинцевъ въ восточной Африкѣ, также какъ почти и у всѣхъ племенъ центральной Африки.

Однако есть различіе въ способѣ употребленія платка: его надѣваютъ или на плечи, или подъ мышки. Существуетъ племя Пепогоанъ на островѣ Формоза, гдѣ матери носятъ своихъ дѣтей подъ правой рукой въ платкѣ, перекинутомъ черезъ лѣвое плечо [2]). Наоборотъ у большинства Африкан-

[1]) Нива. 1877. № 15.

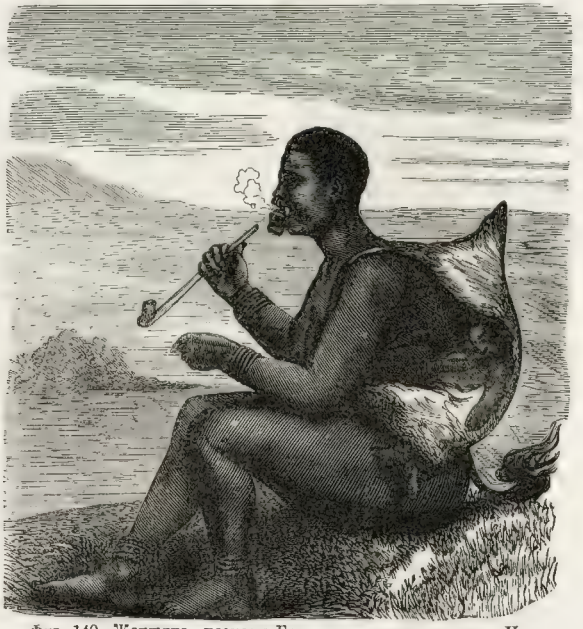
[2]) Гельвальдъ. Земля и ея народы. Всемірн. Путешественникъ 1877 г. декабрь, стр. 541.

[1]) Пясецкій: путешествіе въ Китаѣ. 1880 г. Т. I, стр.

[2]) Томсонъ. Путешествіе въ Китай, Всемірный путешественникъ 1877 г. Мартъ, стр. 81.

скихъ народовъ носятъ дѣтей въ платкахъ на спинѣ, прикрѣпленныхъ спереди на груди. Къ путешествію Беккера по Африкѣ приложенъ рисунокъ невольницы съ Бѣлаго Нила (фиг. 139), у которой ребенокъ привязанъ въ простынѣ даже ниже крестца—[1]). Фонъ Декенъ говоритъ, что женщины Негритянскихъ племенъ въ Занзибарѣ обыкновенно завертываются въ куски бѣлой бумажной матеріи, идущей отъ груди ниже колѣнъ, а за спину въ мѣшки, образующіеся отъ такого способа одѣянія, сажаютъ своихъ дѣтей [2]). Подобные же способы ношенія дѣтей существуютъ въ Западномъ Суданѣ [3]), у Ашантіевъ, [4]) Кабиловъ [5]), у Бечуанъ, у *Ama-Xosa* въ южной Африкѣ, у Кифанджи неподалеку отъ восточнаго берега Африки, у полуцивилизованнаго Кафрскаго племени Ama-Fingu, Ovambo или Ovaherero въ южной Африкѣ, у многихъ австрійскихъ племенъ и т. д. Жены Кафровъ работаютъ также съ дѣтьми, привязанными на спинѣ, въ шкурѣ антилопы мѣхомъ внутрь, довольно широкой и достаточно длинной, такъ что изъ этой шкуры торчитъ только одна головка ребенка; подобный же способъ ношенія дѣтей замѣчается у женщинъ весьма дикаго племени Бонго изъ странъ верхняго Нила (фиг. 140), которыя для того, чтобы имѣть свободными руки для куренія трубки и т. п., носятъ своихъ дѣтей на спинѣ въ простой, сырой, звѣриной шкурѣ. [1]) Подобный же способъ ношенія дѣтей замѣчается у Бечуанъ, мѣховой плащъ которыхъ называется «кароесъ», у Амакіоза въ южной Африкѣ и др.

Фиг. 139. Невольница съ Бѣлаго Нила.



Фиг. 140. Женщина племени Бонго изъ странъ верхняго Нила.

У Гонаковъ (Готтентотовъ) какъ только ребенокъ родится, его тотчасъ же сажаютъ на спину матери. Съ этого времени онъ уже не покидаетъ своего мѣста до тѣхъ поръ, пока не выростетъ на столько, что уже самъ въ состояніи держаться на ногахъ. Le Vaillant такъ описываетъ этотъ способъ ношенія дѣтей: мать привязываетъ свою дорогую ношу на спину чѣмъ-то въ родѣ фартука, который придерживаетъ ребенка близко къ ея тѣлу; другой такой же, снабженный ремнями фартукъ, подложенный подъ задъ ребенка, удерживаетъ его и не даетъ ему сползать внизъ. Оба фартука дѣлаются изъ звѣриныхъ шкуръ и похожи на ягдташи нашихъ

---

[1]) Беккеръ. Открытіе устьевъ Нила. Перев. 1868 г.

[2]) Фонъ Декенъ. Путешествіе по восточной Африкѣ. 1870 г.

[3]) Западный Суданъ. Путешествіе капитана Мажа. 1872 г. стр. 217.

[4]) R. Beyon (L'univers illustré. 1874. № 994, p. 229. Illustrirte Welt. 1874. S. 325.

[5]) Гельвальдъ. Т. II. стр. 29.

[1]) Гельвальдъ. Земля и люди. Т. II. стр. 137.

европейскихъ охотниковъ. Готтентоты украшаютъ ихъ иногда бусами. Кромѣ этихъ фартуковъ для дѣтей нѣтъ никакихъ другихъ пеленокъ. Ни во время работы, ни во время пляски ребенка никогда не вынимаютъ изъ его помѣщенія.

Жены Нама (Готтентотовъ) носятъ дѣтей на спинѣ въ ягнячьей овчинѣ, которую обыкновенно мягко обдѣлываютъ съ помощью жира, а при закалываніи ягненка не отрубаютъ кожу ногъ, но употребляютъ ее вмѣсто завязокъ, а именно: кожею заднихъ ногъ животнаго обертываютъ низъ живота ребенка, потомъ, на поддерживаемаго кѣмъ нибудь подъ спинку малютку, мать натягиваетъ всю шкуру и кладетъ кожу одной изъ переднихъ ногъ ягненка на правое плечо, а другую пропускаетъ подъ лѣвую мышку и завязываетъ ихъ вмѣстѣ на груди. Такая постель служитъ колыбелью въ первые мѣсяцы ребенка. Даже и тогда, когда ребенокъ, заявляя о своемъ голодѣ, громко кричитъ, мать не беретъ его со спины на руку, но просовываетъ подъ руку или перебрасываетъ ему чрезъ плечо свою, болѣе рукавообразную, чѣмъ полукруглую грудь. Этотъ весьма распространенный способъ кормленія грудью ребенка, находящагося на спинѣ матери, называется «aba», а ягнячья шкура, на которой лежитъ ребенокъ,—«aba-khob».—Можно подумать, что завязанные ремни на груди матери приносятъ ей вредъ вслѣдствіе тяжести ребенка; но надо принять во вниманіе то, что ребенокъ лежитъ здѣсь, такъ сказать, на жировой подушкѣ, задней части матери (называемой aredi), на долю которой и выпадаетъ большая часть тяжести дитяти. Объемистыя части ягодицъ составляютъ особенность расы Готтентотскихъ и Бушменскихъ женщинъ; на эту выдающуюся часть своего тѣла мать ставитъ своего ребенка на ножки, когда онъ уже въ состояніи держаться на нихъ, причемъ онъ упирается ручонками о ея плечи. Le Vaillant представилъ изображеніе женщины Husswanna со стоящимъ на ней такимъ образомъ ребенкомъ.

Въ Абиссиніи дѣтей носятъ на спинѣ, привязанныхъ къ ней обрѣзками кожи, которыми мать обвертываетъ себѣ грудь и станъ. Rohlfs сообщаетъ, что въ Марокко дѣти почти до двухлѣтняго возраста воспитываются на спинѣ матери. Жены кочующихъ племенъ Марокко, за исключеніемъ того времени, когда кормятъ ребенка, носятъ своихъ дѣтей цѣлый день на спинѣ въ положеніи наѣздника, въ складкѣ Haiks'a (большой платокъ). Въ Марокко у Берберовъ [1]) маленькія дѣти остаются въ теченіе двухъ лѣтъ на спинѣ своихъ матерей, которыя около двухъ лѣтъ кормятъ ихъ грудью. (Фиг. 141). Въ Сенегамбіи [2]) матери всегда носятъ своихъ дѣтей на себѣ, держа ихъ за спиною такъ, что ребенокъ обхватываетъ мать ножками за бедра, причемъ видна только голова ребенка, между тѣмъ какъ тѣло его совершенно закрыто полотномъ, концы котораго завязываются спереди. Самыя маленькія дѣти, т. е. грудныя, подвязываются подобнымъ же образомъ къ груди, такъ что ребенокъ можетъ сосать ad libitum.

Въ Дарфурѣ, странѣ Нила, мать, по словамъ Гартмана, носитъ ребенка въ ToÞ на спинѣ; такой способъ ношенія дѣтей называется Qôqô. Въ Южной Африкѣ у Макалаковъ, когда женщина спустя 4—5 дней по разрѣшеніи на столько оправляется, что можетъ приняться за обычныя занятія, тогда ей привязываютъ новорожденнаго на спину, уложивъ его въ мѣхъ въ полусидячемъ, въ полулежачемъ положеніи; ножки же и ручки его торчатъ изъ отверстій.

У Индійцевъ Сѣверной Америки (фиг. 142) въ большинствѣ случаевъ спина матери служитъ мѣстопребываніемъ дитяти. Они употребляютъ при этомъ, смотря по свойственнымъ племени обычаямъ, мѣшокъ или кошель, но чаще всего ребенка зашнуровываютъ болѣе или менѣе туго въ какую нибудь мягко устланную обертку, которая служитъ ему и зыбкой; въ ней же, при помощи помочей, мать носитъ его на спинѣ. Такой способъ ношенія дѣтей путешественники встрѣчаютъ, напр., у Индіанокъ въ Новадѣ. Обертка, въ которой уложено здѣсь дитя, крѣпко связана спереди и снабжена отъ непогодъ навѣсомъ изъ древесной коры надъ головой ребенка.

Нѣкоторыя Индійскія племена замѣняютъ мѣшокъ, кошель, куски кожи или мѣха, доской, къ которой крѣпко пришнуровываютъ младенца. Такъ носятъ своихъ дѣтей Ирокезы. Такъ-же носятъ дѣтей своихъ Индіанки племени плоскоголовыхъ изъ Британской Колумбіи [1]) (фиг. 143). Доска эта, снятая съ ребенкомъ со спины матери, служитъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелью. Кромѣ того у многихъ племенъ она снабжена, какъ это уже показано выше, аппаратомъ для сплющиванія головы дѣтей. Колыбели племени Сіу [2]) (фиг. 144) устроиваются такимъ образомъ: длинная прямая доска, внизу для ногъ снабженная полукруглой маленькой дощечкой; затѣмъ всей колыбели дается видъ узкаго короба, въ который сажается завернутый ребенокъ показаннымъ образомъ. Въ теченіе семи мѣсяцевъ нѣжная мать украшаетъ этотъ переносный домикъ своего ребенка перьями, раковинами, свиными щетинами, зубами животныхъ, которые въ то же время служатъ для забавы. Послѣ семи мѣсяцевъ мать носитъ свое дитя уже въ платкѣ на спинѣ.

[1]) Гельвальдъ: Земля и ея народы. Живописная Африка. С. II. 1877 г. стр. 20.

[2]) Гельвальдъ: ibid., стр. 64.

[1]) Гельвальдъ: Живописная Америка. Т. I. стр. 228.

[2]) Der Bazar. 1862. № 12.

Но если ребенокъ умретъ до семи мѣсяцевъ, то огорченная мать носитъ пустую колыбель еще годъ, старательно украшая ее перьями. Различными способами, но всегда хорошо завернутыхъ дѣтей своихъ носятъ матери у Docotahs, Pawnies, у кочующаго народа Nascopies или береговые Индійцы на лѣвомъ берегу низовья рѣки Лоренцъ и въ Лабрадорѣ; затѣмъ Колоши на западномъ морскомъ берегу Америки, у Перуанцевъ и Патагонцевъ; у всѣхъ ихъ дѣти воспитываются на спинахъ матерей. При этомъ надо обратить вниманіе еще на ту характеристическую особенность, что въ противуположность другимъ племенамъ, нѣкоторыя Индіанки сѣверной Америки носятъ своихъ дѣтей въ такомъ положеніи, при которомъ спинка ребенка касается спины матери.

Мать Эскимоска носитъ своего ребенка на спинѣ, тщательно укутаннаго въ шубу и мѣха (въ Лабрадорѣ и Гренландіи). Притомъ иногда она носитъ его въ сумкѣ, которая, какъ капишонъ у капуциновъ, виситъ мѣшкомъ у ней на затылкѣ, иногда же сажаетъ его въ висящій сбоку бедра большой теплый сапогъ (фиг. 145), а чтобы онъ не съежывался, особенно во время дальнихъ путешествій, то

Фиг. 141. Берберка изъ Африки.

Фиг. 142. Индіанка Сѣв. Америки.

его обшиваютъ китовымъ усомъ. Въ Камчаткѣ также матери носятъ дѣтей завернутыхъ въ мѣха на спинѣ, а по свидѣтельству Крашенинникова, [1]) матери носятъ здѣсь дѣтей своихъ за плечами въ такъ называемыхъ кукоянахъ (родъ мѣховаго капишона), которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ себѣ за плечами и при безпокойствѣ дѣтей закачиваютъ ихъ, пока заснутъ. Такимъ же образомъ матери ходятъ съ дѣтьми своими въ дорогу и на работу. Прилагаемый рисунокъ (фиг. 146) изображаетъ Камчадалку съ двумя дѣтьми: одинъ грудной за воротомъ; другой побольше, въ характеристической одеждѣ изъ шкуръ. [1]) Въ Японіи (фиг. 147) также употребителенъ подобный способъ ношенія дѣтей на спинѣ. Въ Японіи,—говоритъ ЭмеГюмберъ, [2]) народный обычай требуетъ, чтобы мать не воспитывала ребенка въ нѣгѣ: его нужно закалить противъ атмосферическаго вліянія, вынося каждый

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки Академика Крашенинникова. 1819 г. Т. II. стр. 172.

[1]) Описавіе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. 1777 г. изд. Миллера.

[2]) Живописная Японія. Эме Гюмбера. 1870 г. стр. 39.

день на воздухъ и даже на полуденное солнце совершенно голаго и съ бритой головой. Чтобы по

Фиг. 143. Индіанка племени плоскоголовыхъ изъ Британской Колумбіи.

возможности пронести его дальше безъ утомленія, мать кладетъ его за спину и придерживаетъ между

Фиг. 144. Индіанка Сіу.

рубашкой и воротникомъ своего киримона (родъ открытаго спальнаго халата, подпоясываемаго въ таліи), какъ какой нибудь узелъ съ вещами. Нерѣдко видишь, какъ женщина занимается полевою работою, между тѣмъ какъ маленькая головка покачивается у нея между плечами. Когда ребенокъ подрастетъ, тогда кромѣ матери уже служанка, а иногда и отецъ носятъ его на рукахъ.

Фиг. 145. Эскимоска съ ребенкомъ въ сапогѣ.

У Негритянокъ въ Аккрѣ, на западномъ берегу Африки, по свидѣтельству D. A. Buchholz'a,—въ способѣ ношенія дѣтей есть особенность, напо-

Фиг. 146. Камчадалка.

минающая до нѣкоторой степени еще не такъ давно господствовавшую между нашими дамами моду дѣлать у платьевъ сзади множество оттопыренныхъ буфъ и состоящая въ томъ, что сзади подъ одежду подвязывается родъ подушки, на которую

сажаютъ ребенка; завернутый такимъ образомъ ребенокъ и торчащій изъ своего ложа одной головкой, представляетъ иногда презабавный видъ. У племени Китисъ, т. е. туземцевъ Adaël въ экваторіальной Африкѣ, на западъ отъ Бѣлаго Нила, матери носятъ дѣтей на спинѣ въ лодкообразно вырѣзанной кожѣ, концы которой связываются вмѣстѣ, а для защиты ребенка отъ дождя и солнца онѣ надѣваютъ себѣ на плечи родъ кожанной пелерины, которая служитъ ребенку вмѣсто ширмы отъ солнца и вмѣсто желоба отъ дождя.

Многіе народы Африки въ тѣхъ видахъ, чтобы держать ребенка постоянно передъ глазами и скорѣе прикладывать его къ груди, предпочитаютъ

Фиг. 147. Японка.

держать его не на спинѣ, а верхомъ на бедрѣ. Такъ, напримѣръ, Кафрскія женщины выростающаго изъ сумки (кафрской зыбки) ребенка носятъ на бедрѣ (фиг. 148). Женщины Ніамъ-Ніамъ, въ центральной Африкѣ, носятъ дѣтей привязанныхъ на бедрѣ поясомъ, Такъ же поступаютъ женщины въ Суданѣ, у которыхъ одна ножка ребенка виситъ на животѣ, а другая на спинѣ матери. Къ западу отъ Африки, на Канарскихъ островахъ, мать носитъ ребенка на лѣвомъ бедрѣ, какъ и въ Суданѣ, причемъ мать поддерживаетъ его одною рукою.— Этотъ же обычай существуетъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ у туземцевъ острова Каены, въ Остъ-Индіи, Бенгаліи, Деканѣ, на островѣ Явѣ, въ Полинезіи, внутри Филиппинскихъ острововъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Америки, именно области Даріи. У Аннамитовъ въ Кохинхинѣ,—по свидѣтельству д-ра Мориса, [1]) матери носятъ дѣтей своихъ тоже не на рукахъ, какъ у насъ, или въ мѣшкѣ привязанномъ за спиной, какъ у нѣкоторыхъ Африканскихъ племенъ, но посадивъ верхомъ на бедро и поддерживая одной рукой.

Если мы сравнимъ обычаи Негровъ съ обычаями Австралійцевъ по отношенію къ уходу за дѣтьми, то найдемъ здѣсь небольшое отличіе между ними. Женщины Порта Линкольна, въ Южной Австраліи, носятъ дѣтей на спинѣ въ одѣялѣ изъ opossum'a, концы котораго мать ребенка крѣпко связываетъ у себя на груди; сѣть или рогожа, которыми она всегда себя обвиваетъ для всевозможныхъ ношей, не допускаютъ ребенка сползти внизъ. Иныя племена для ношенія дѣтей употребляютъ рогожу, другія же сажаютъ ихъ на плечо. Туземки Новой Голландіи носятъ маленькихъ дѣтей въ мягкой древесной корѣ. Когда же ребенокъ дѣлается

Фиг. 148. Кафрская женщина съ ребенкомъ на бедрѣ.

крѣпче, тогда мать сажаетъ его верхомъ себѣ на плечи, спустивъ его ножки по сторонамъ своей шеи; въ такомъ положеніи онъ цѣпляется за ея волосы, чтобы не упасть.

Въ Путешествіи Араго [2]) есть рисунокъ женщины Перонскаго полуострова Новой Голландіи. По описанію Араго, природа представляетъ здѣсь необъятную пустыню и скудость средствъ къ жизни. Поэтому всѣ обитатели имѣютъ видъ крайне истощенный: плечи у нихъ узкія, грудь впалая, животъ неимовѣрно большой, руки и ноги исхудалыя, а ступня и кость громаднаго размѣра. Такой же видъ имѣетъ и женщина, несущая за спиной похожаго на себя ребенка. Маори въ Новой Зеландіи [3]) носятъ дѣтей или за воротомъ или вер-

[1]) Д-ръ Морисъ. Всемірный Путешественникъ. Май 1876 г. Изъ путешествія въ Кохинхину.

[2]) Араго. Путешествіе вокругъ свѣта. Рус. перев. 1844 г. Т. I. стр. 139.

[3]) Кристманъ и Оберландеръ. Новая Зеландія. 1872 г. стр. 94.

хомъ на шеѣ, какъ показано на фиг. 149. Папуаска мать,—по свидѣтельству путешественниковъ, кромѣ обычной своей одежды, состоящей изъ двухъ кусковъ шкуры кэнгуру, носитъ еще широкій мѣшокъ на спинѣ, куда она кладетъ малютку и разныя мелкія вещи, во время перекочевыванія и вообще при переходѣ съ одного мѣста на другое. [1]) Характеренъ обычай жителей Вандименовой Земли и въ центральной Австраліи, гдѣ матери всюду носятъ дѣтей, сидящихъ верхомъ на ихъ плечахъ.— Этотъ обычай уже рѣже встрѣчается на островахъ Тихаго Океана, можетъ быть вслѣдствіи того, что здѣсь менѣе возможны далекія странствованія, чѣмъ въ степяхъ Австраліи. Туземки острововъ Фиджи носятъ дѣтей, привязывая ихъ на спину такъ, что для работы имѣютъ руки свободными. На Каролинскихъ островахъ женщины носятъ очень маленькихъ дѣтей у груди; тѣхъ же, которыя побольше,

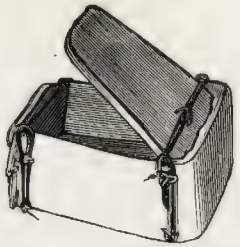
Фиг. 149. Переселяющіеся Маори изъ Новой Зеландіи.

мать или отецъ сажаютъ себѣ на бедро. На островѣ Ваникори (въ Южномъ Океанѣ) ребенокъ просто торчитъ у матери на спинѣ.

Свойства и родъ занятій народа и особенно женщинъ опредѣляютъ иногда, какъ мы уже не разъ видѣли выше, и способы ношенія дѣтей ихъ. Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, представляютъ намъ любопытный образецъ Бедуинки, живущія между Адамъ и Макалла на сѣверномъ горномъ склонѣ въ Аравіи. Тутъ въ маленькой деревушкѣ A. von Wrede видѣлъ какъ женщины, выгоняя скотину на пастбище, несли своихъ дѣтей въ корзинахъ, формы четвертушки разрѣзаннаго на 4 части шара, покрытыхъ кожей и имѣющихъ отверстіе со стороны обращенной къ тѣлу. Эти корзины служатъ имъ какъ для ношенія въ нихъ своихъ голыхъ дѣтей, такъ и для новорожденныхъ ягнятъ и козлятъ, когда послѣдніе еще такъ слабы, что не могутъ бѣгать. На Московскую антропологическую выставку 1879 года секретаремъ Уфимскаго статистическаго комитета Н. А. Гурвичемъ доставлена была переносная колыбель *Башкирг*, подъ названіемъ «башикъ» (фиг. 150), совершенно похожая на корзину, сдѣланную изъ лубка съ придѣланнымъ къ ней обручемъ, на подобіе дуги, которая надѣвается черезъ плечо, или за которую колыбель привѣшивается къ дереву. Колыбель эта употребляется башкирами преимущественно въ лѣтнее, страдное время и притомъ большею частью для новорожденныхъ. Г. Гасабовъ доставилъ намъ

Фиг. 150. Башкирскій Башикъ.

изъ Пермской губерніи модель колыбели, сдѣланной также изъ луба и имѣющей форму ящика съ крышкой, какъ изображено на фиг. 151. Эту колыбель также можно подвѣшивать, по примѣру другихъ, придѣлавши къ ней веревки; но, очевидно, самое главное употребленіе ея для переноски очень маленькихъ дѣтей и преимущественно новорожденныхъ.



Фиг. 151. Колыбель Пермской губ.

Въ Шведской провинціи, Далекарліи, мать носитъ свое дитя сбоку, въ плетеной четыреугольной корзинѣ, похожей на тѣ, въ которыхъ наши хлѣбники разносятъ свои хлѣбы (Фиг. 152). Употребляемая вмѣсто колыбели, корзина эта можетъ быть легко повѣшана на крюкъ и качаться [1]).

[1]) Павловскій: Природа и люди. 1860 г. стр. 64.

[1]) Illustrirte Welt. 26 Jahrg. № 11.

Въ Тюрингіи (фиг. 153) мать иногда носитъ свое дитя въ той же корзинѣ на спинѣ, въ которой она носитъ и тяжелыя вещи [1]). Въ Римѣ (фиг. 154). иногда практикуется способъ ношенія дѣтей въ тѣхъ же корзинахъ, въ которыхъ женщины носятъ овощи для продажи на рынокъ на головѣ [2]). Подобный же способъ ношенія дѣтей на головѣ въ тѣхъ-же корзинахъ, въ которыхъ переносятъ тяжести, существуетъ между прочимъ у Негровъ центральной Африки въ Уффамби [3]). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы давно уже суще-

Фиг. 152. Женщина изъ Шведской провинціи Далекарліи.

ствуетъ обычай ношенія дѣтей на головѣ прямо въ колыбеляхъ, какъ на это указываютъ, напр. нѣкоторыя изображенія на Траяновой колоннѣ въ Римѣ, воздвигнутой въ память войны римскаго императора Траяна (100 лѣтъ по Р. Х.) съ различными варварскими народами (Гетами, Даками, Сарматами и др.), изображенія которыхъ, при различныхъ условіяхъ ихъ жизни, на этомъ памятникѣ представлены. [4]) (Фиг. 155). Иногда такой-же способъ ношенія дѣтей на головѣ въ колыбеляхъ встрѣчается и теперь у нѣкоторыхъ жителей Швейцарскихъ Альпъ.

Переноска дѣтей при дальнихъ путешествіяхъ у многихъ народовъ чрезвычайно оригинальна. Въ Персіи, по свидѣтельству Полака, — обыкновенно носятъ ребенка на рукахъ, но во время выѣздовъ мать иногда, садясь верхомъ на лошадь по мужски, держитъ при этомъ на сѣдлѣ предъ собою и малютку. Готтентотка, путешествующая большею частью верхомъ на быкѣ, постоянно имѣетъ своего ребенка въ мѣшкѣ на спинѣ. Индіанки, перекоче-

Фиг. 153. Женщина изъ Тюрингіи.

вывающія на лошади, привѣшиваютъ ребенка, уложеннаго въ коробкообразную обертку, на шею или на спину послѣдней. Кочующіе лопари,—по личному свидѣтельству ихъ во время Московской антропологической выставки 1879 г., — во время перекочевокъ привѣшиваютъ свои характерныя колыбели съ дѣтьми или къ рогамъ оленя, или съ боку его на перевѣсъ съ другими вещами по другому боку, или мать несетъ колыбель на спинѣ. Попеченію оленей во время перекочевокъ поручаютъ дѣтей своихъ также и Тунгусы [1]), о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Тунгусы Иркутской губерніи,—по свидѣтельству Эліашевича,—при перекачевкахъ, привѣшиваютъ дѣтскую колыбель къ

[1]) Allgemeine Familien Zeitung. 1874. № 6. S. 68.
[2]) Der Bazar. 1862. № 12.
[3]) Ploss. Das kleine Kind. S. 31.
[4]) В. Прохоровъ: Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. 1881 г.

[1]) Кривошапкинъ: Енисейскій Округъ. 1865. Ч. 2. стр. 38.

сѣдлу оленя, всегда съ правой стороны, — ногами къ головѣ оленя, а слѣва для равновѣсія съ нею, привѣшиваютъ турсукъ, называемый по-тунгузски «потокуй», въ который кладутъ провизію,

Фиг. 154. Въ Римѣ.

посуду, одежду и рухлядь. У волжскихъ Калмыковъ,— говоритъ Нефедьевъ [1]),—при перекочевкахъ ламы и владѣльческія дѣти для спокойствія ѣздятъ иногда въ собственныхъ экипажахъ (денгъ—тергинъ),

Фиг. 155. Снимокъ съ изображенія на Траяновой колоннѣ въ Римѣ.

состоящихъ изъ арбы, къ оглоблямъ коей, между заложеннымъ валомъ и колесами, привѣшивается на четырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлоками. Дѣти прочихъ калмыковъ качаются на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязанныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами, изъ коихъ видны однѣ головы (фиг. 156). Во время перекочевокъ Калмыковъ,—говоритъ Лепехинъ,—по бокамъ у верблюдовъ къ сѣдлу придѣлываютъ дѣтскія колыбели, на подобіе ящиковъ, которые наполняются пухомъ, и въ нихъ сажаютъ Калмычатъ которые оттолѣ какъ сурки изъ норы выглядываютъ [1]). О передвиженіи дѣтей во время перекочевокъ у Калмыковъ съ помощью верблюдовъ описаннымъ образомъ свидѣтельствуетъ также Небольсинъ [2]).

Фиг. 156. Верблюдъ въ Монголіи.

У Калмыковъ Томской губерніи,—по свидѣтельству князя Кострова, — при перекочевкахъ и даже при проѣздахъ въ гости мать, садясь верхомъ на лошадь, перевѣшиваетъ колыбель чрезъ плечо и такимъ образомъ путешествуетъ. Перекочевка обыкновенно совершается шагомъ и ребенокъ покойно ѣдетъ за спиной матери. Не то бываетъ при возвращеніи изъ гостей, когда мать, зачастую будучи на веселѣ, забываетъ о своемъ заплечномъ спутникѣ и спѣшитъ или въ другую юрту въ гости, или домой на рысяхъ и въ галопъ. Бываютъ случаи, что при такой ѣздѣ и мать и укупоренный въ колыбель ребенокъ вмѣстѣ слетаютъ съ лоша-

[1]) Нефедьевъ: Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ. 1834 года, стр. 114.

[1]) Лепехинъ: Дневныя записки пр. 1771 г. Т. I. стр. 487.
[2]) Небольсинъ: Очерки быта Калмыковъ.

ди.—По словамъ Мичи [1]),—передвиженіе дѣтей на верблюдахъ въ описанныхъ выше мѣшкахъ практикуется во всей Монголіи. У Киргизовъ Семипалатинской области [2]) для каждаго ребенка, способнаго хоть какъ-нибудь сидѣть на лошади и именно начиная съ 4-хъ—5-ти лѣтъ, устраивается на время перекочевокъ особое киргизское дѣтское сѣдло,—арчакъ,—съ очень высокими луками, каждая изъ нихъ раздвоена и на выступающихъ круглыя отверстія, въ которыя просовываютъ палочки, какъ въ нашихъ дѣтскихъ качеляхъ; вмѣсто стремянъ глубокіе и широкіе мѣшки, прикрѣпленные къ ленчикамъ; въ нихъ спускаютъ ножки малютки; палочки поддерживаютъ ребенка съ боковъ, высокія луки представляютъ опору спереди и сзади и такимъ образомъ онъ сидитъ совершенно безопасно и упасть можетъ развѣ съ лошадью. Н. А. Маевъ описываетъ дѣтское сѣдло Киргизовъ Большой Орды въ видѣ ящика, называемаго культурмачь или омачай и къ которому они начинаютъ пріучать ребенка, когда ему минетъ два или три года [1]). Карагассы, бродящіе по притокамъ Енисея, при переходахъ съ мѣста на мѣсто привѣшиваютъ колыбели своихъ дѣтей также къ сѣдламъ животныхъ [2]).

Буряты при перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто, изъ зимнихъ усуловъ въ лѣтніе и обратно,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—перевозятъ грудныхъ дѣтей на двухколесныхъ телѣгахъ, называемыхъ *арба*, держа колыбели въ рукахъ. Сайоты,—

Фиг. 157. Переселеніе съ дѣтьми на Кавказѣ.

по словамъ Ларіонова, — малабельскіе Тунгусы, живущіе въ Нарымскомъ краѣ,—по свидѣтельству князя Кострова, — при передвиженіяхъ ставятъ дѣтскую колыбель на нарты (родъ саней). Самоѣды при перекочевкахъ закутанную въ оленьи мѣха зимою дѣтскую колыбель также ставятъ на нарты и, придерживая ее руками, такимъ образомъ перевозятъ на оленяхъ.—Коряки,—по свидѣ-

---

[1]) Путешествіе по Амуру и Восточной Сибири, Мичи, перев. Ольхина. 1868 г. стр. 30.

[2]) Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области. II. стр. 59 (Русскій Вѣстникъ Т. 137. Сент. 1878 г.)

[1]) Н. А. Маевъ: Киргизы (Туркестанскія Вѣдомости 1871 года).

[2]) Этнографич. Сборникъ, издав. Импер. Русск. Геогр. Обществомъ. Вып. IV. С. П. 1858 г. стр. 8.

тельству Крашенинникова [1]),—во время кочевья возятъ дѣтей за плечами и за пазухой.—Куртины Шеруро - Далагезскаго уѣзда Эриванской губерніи [2]),—какъ вѣчно ведущее кочевую жизнь племя, при кочеваніи съ одного мѣста на другое, въ числѣ своего домашняго скарба, навьючиваютъ на лошадь или на быка и своихъ дѣтей (фиг. 157), помѣщая ихъ иногда попарно, т. е. по два въ каждой переметной сумѣ. Интересная картина представляется, когда на лошади верхомъ ѣдетъ куртинка и съ обоихъ боковъ ея торчатъ высунувшіяся изъ переметной сумы по двѣ дѣтскихъ головы. Перевозка дѣтей по такому способу до того обычная вещь у Куртинъ, что дѣвушкѣ при выходѣ за мужъ дается въ приданое переметная сума для перевозки будущаго поколѣнія. Иногда Куртинъ, по неимѣнію переметной сумы, долго не думая, сажаетъ своихъ дѣтей въ свои широкіе шаровары (брюки) съ подвязанными концами и, перекинувши ихъ на лошадь или быка, ѣдетъ преспокойно на кочевку.

Кавказскіе Карачаевцы, принадлежащіе также къ кочевникамъ, при своихъ переселеніяхъ,—по свидѣтельству Алейникова,—всегда привязываютъ колыбели съ малютками вмѣстѣ съ своимъ скарбомъ къ сѣдламъ лошадей и шнековъ (ословъ). Въ Грозненскомъ округѣ Терской области, — по свидѣтельству врача Ментова, — туземцы также не рѣдко приспособляютъ свои колыбели къ переноскѣ на спинѣ и вьюками на лошадяхъ и мулахъ.

Въ иныхъ-же случаяхъ на Кавказѣ колыбель съ ребенкомъ, туго къ ней припеленатымъ, привязываютъ къ арбѣ, какъ показываетъ фиг. 158, сдѣланная съ фотографическаго снимка, доставленнаго намъ г. Зейдлицемъ, и въ такомъ видѣ перевозится на большія разстоянія.

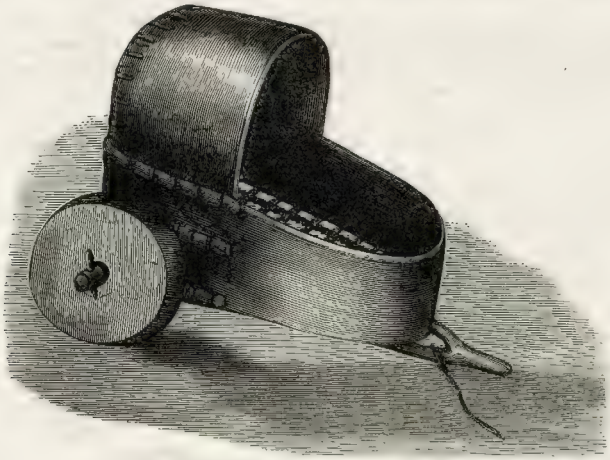
Фиг. 158. Кавказская арба съ колыбелью.

Для удовлетворенія ребенка въ перемѣнѣ воздуха, давно уже у разныхъ народовъ употребляются различныя повозочки, приспособленныя для катанія дѣтей. Съ этою цѣлью у богатыхъ классовъ Европы существуютъ элегантныя колясочки, а крестьяне возятъ дѣтей своихъ въ деревянныхъ ящикахъ и плетушкахъ, поставленныхъ на низенькихъ колесикахъ. Однако кромѣ этихъ примитивныхъ способовъ передвиженія дѣтей, встрѣчаются иногда въ низшихъ классахъ народа и довольно удобныя или приспособленныя къ извѣстной цѣли повозки. Такъ на Московскую антропологическую выставку 1879 г. Гурвичемъ изъ Уфы доставлена была перевозная колыбель Башкирская, называемая *Кюмэ* или *Кымэ*. Она устроена изъ луба, поэтому очень легка, снабжена кибиточкой для защиты ребенка отъ солнечныхъ лучей и дождя, поставлена на двухъ колесахъ и употребляется матерями при значительныхъ переходахъ въ отдаленныя урочища (фиг. 159). Изъ Корчевскаго уѣз-

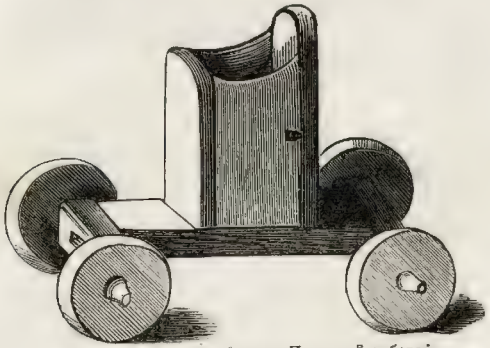
[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки. Академика Крашенинникова. 1819 г. Т. II. стр. 224.

[2]) Кавказъ 1879 г. № 55.

да Тверской губерніи, для нашей коллекціи предметовъ физическаго воспитанія дѣтей В. А. Чагинымъ доставленъ дѣтскій тарантасикъ, поставленный на двухъ дрожинахъ и четырехъ колесахъ, тщательно сплетенный изъ тонкой драни и потому очень легкій и также снабженный кибиточкой для защище-



Фиг. 159. Башкирская кюмэ или кэмэ.



Фиг. 160. Переносная сѣдунка Пермской губерніи.

нія головы ребенка отъ знойныхъ лучей солнца и дождя. Изъ Пермской губерніи г. Гасабовъ доставилъ намъ модель передвижной сѣдунки (фиг. 160), имѣющей форму довольно высокаго ящика со скамеечкой внутри для сидѣнья и прочно установленнаго на полкѣ, къ которой въ свою очередь придѣланы деревянныя колесики.

ГЛАВА XIX.

МАТЕРИНСКІЯ ПОТѢШКИ СЪ ДѢТЬМИ.

Происхожденіе ихъ.—Кудерцы.—Ручки.—Сова летитъ.—Лунь плыветъ.—Ладушки.—Сорока.—Дыбки.—Поп ляши.—Тяни холсты.—Потягунюшки.—Пѣстушки.—Тютюшки.—Значеніе этихъ потѣшекъ для физическаго развитія дѣтскаго организма.

Потѣхи матери съ дѣтьми начинаются еще съ колыбели, какъ только ребенокъ начнетъ различать свою «маму». Въ силу этой ранней взаимной любви матери и ребенка и произошли всѣ тѣ немалочисленныя наивныя потѣшки, которыя существуютъ у всѣхъ народовъ. Эти потѣшки имѣютъ нѣкоторый воспитательный смыслъ какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, напримѣръ для пріученія дитяти къ необходимому движенію, ловкости, смѣтливости и т. д. Вотъ нѣсколько материнскихъ потѣшекъ, записанныхъ г. Можаровскимъ среди крестьянскаго населенія Казанской губерніи. [1])

1. *Кудерцы.* Мать говоритъ своему ребенку: «кудерцы, кудерцы!»—При этомъ заставляетъ ребенка вертѣть головой на обѣ стороны. Цѣль этой потѣшки заключается въ томъ, чтобы развить у ребенка шею и сдѣлать ее удобоподвижною во всѣ стороны. Эта потѣха называется кудерцами, потому что у кудрявенькихъ дѣтей развиваются при этомъ кудерки.

2. *Ручки.* Когда ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ, мать говоритъ ему: «ручки, ручки, дай ручки!»—Этими словами мать всегда зоветъ ребенка къ себѣ на руки, при чемъ понимающій уже ребенокъ подаетъ ей руки и мать беретъ его изъ люльки къ себѣ на руки.

3. *Сова летитъ.* Мать беретъ своего ребенка за руки и начинаетъ махать ими на подобіе того, какъ сова, когда летитъ, машетъ своими крыльями.

4. *Лунь плыветъ.* Мать беретъ руку дитяти и при словахъ, произносимыхъ плавно, на распѣвъ: «лунь плыветъ», водитъ ее взадъ и впередъ, т. е. къ себѣ и отъ себя. Лунь плыветъ! лунь плыветъ!—этимъ, вѣроятно, представляется плаваніе рыбы, такъ называемой линь или лень.

5. *Ладушки.* Самое названіе прибаутки «Ладушки» уже показываетъ, въ чемъ состоитъ эта потѣха, а именно: мать беретъ ладушки, т. е. ладонки ребенка въ свои руки и, разводя ихъ на извѣстное разстояніе, начинаетъ ихъ ударять одну о другую—просто сказать бить въ ладоши. При окончаніи прибаутки руки дитяти мать поднимаетъ на его голову.

6. *Сорока.* При этой прибауткѣ мать беретъ одну лѣвую руку ребенка и плюетъ на нее; затѣмъ она беретъ указательный палецъ правой руки ребенка и начинаетъ имъ кружить по ладони, разводя слюну, чѣмъ представляетъ, какъ сорока варила кашу. При четверократномъ повтореніи словъ: «этому дала» мать указываетъ дитяти на его большой, указательный, средній и безымянный пальцы и при выраженіи «а этому не дала» мать указываетъ на мизинецъ и грозитъ ему. Въ заключеніе прибаутки мать поднимаетъ ручонки ребенка на его голову, въ знакъ того, что будто сорока улетѣла.

7. *Дыбки.* Повторяя нѣсколько разъ это слово, мать учитъ ребенка стоять на ногахъ, при чемъ ставитъ его на что нибудь мягкое — хоть на войлокъ.

8. *Поп ляши.* Мать радуется, когда ея ребенокъ уже свободно начинаетъ владѣть своими ножками, и вотъ она этой потѣшкой заставляетъ его еще поплясать и ребенокъ прыгаетъ.

9. *Тяни холсты.* При этой прибауткѣ мать ставитъ ребенка къ себѣ на колѣна и, взявъ его за обѣ ручонки, качается вмѣстѣ съ нимъ подъ тактъ пѣсни.

10. *Потягунюшки.* Когда дитя просыпается и потягивается, мать, смотря на него и гладя рукой по брюшку его, говоритъ: «потягунюшки, поростунюшки». Продолжая прибаутку далѣе, она сообразно съ нею указываетъ дитяти на его ротъ, руки и ноги.

11. *Пѣстушки — тютюшки.* Мать пѣстуетъ ре-

[1]) А. Ѳ. Можаровскій: Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи въ ихъ потѣхахъ, острогахъ, стишкахъ и пѣсняхъ. (Труды этнографич. Отд. Общ. Любит. Естеств. и пр. Москва. 1877 г. Кн. IV, стр. 103—106).

бенка, припѣвая при этомъ особаго рода пѣсенки. Въ это время она подбрасываетъ его одною рукою вверхъ, а другою опять подхватываетъ. Потѣшка «пѣстушки», по всей вѣроятности, получила свое названіе отъ пѣста, которымъ толкутъ что нибудь въ ступѣ, вскидывая его вверхъ и опять опуская въ ступу.

Первоначальныя движенія дѣтяти, какъ извѣстно, состоятъ лишь изъ безпорядочныхъ движеній, которыя потомъ, благодаря природному развитію ребенка, мало по малу замѣняются схватываніемъ, обниманіемъ и т. п. На встрѣчу этому естественному развитію дитяти спѣшитъ и мать съ своими потѣшками, упражняя довольно рано и постепенно мускулы дитяти, направляя ихъ къ правильнымъ движеніямъ, пріучая выбирать одни изъ нихъ для движеній одного рода, другіе—для движеній другаго рода и кромѣ того соотвѣтственнымъ упражненіемъ содѣйствуя развитію въ каждомъ изъ этихъ мускуловъ большей силы и крѣпости, а во всемъ организмѣ большей устойчивости, ловкости, болѣе полезной и экономически затрачиваемой силы для тѣхъ или другихъ движеній.

Потѣшки: ручки, сова, лунь, ладушки и сорока служатъ для развитія у дитяти рукъ, кисти, ладонокъ и пальчиковъ, а потѣшки: дыбки и попляши —для развитія ногъ. Потѣшки же: тяни холсты, потягунюшки и пѣстушки служатъ для развитія и укрѣпленія всего дѣтскаго организма. — Такимъ образомъ всѣ эти потѣшки имѣютъ нѣкоторое гимнастическое значеніе для дѣтей и при осторожномъ пользованіи ими могутъ приносить свою долю пользы. Понятно однако, что безъ должной осторожности онѣ могутъ дѣйствовать и вредно, а всего вреднѣе можетъ дѣйствовать послѣдняя изъ потѣшекъ «пѣстушки» и именно въ томъ случаѣ, если ребенка слишкомъ высоко подкидываютъ на рукѣ, причемъ у него, какъ говорится, захватываетъ духъ, нарушается правильность дыханія, развивается болѣе или менѣе сильный застой крови въ легкихъ, затѣмъ головной мозгъ сотрясается и въ концѣ концовъ происходитъ такое же обмираніе или лучше сказать состояніе похожее на обморокъ, какъ и при сильной качкѣ, о чемъ мы уже говорили выше. Кромѣ того при этихъ пѣстушкахъ иногда сильно надавливается нѣжная грудка ребенка, что особенно вредно для него при продолжительныхъ пѣстушкахъ.

ОБЛИВАНЬЕ НА МОРОЗѢ ПОСЛѢ БАНИ.

ГЛАВА XX.

ПРІУЧЕНІЕ ДѢТЕЙ КЪ СИДѢНЬЮ И ПОЛЗАНЬЮ.

Первыя попытки ребенка къ вертикальному положенію туловища. — Обычай большинства народовъ и вспомогательные способы для пріученія дѣтей къ сидѣнью. — Дѣтскія стулья Сѣверо-Американцевъ, Южноцевъ, Китайцевъ. — Каталка Межисье. — Дѣтскія повозочки. — Пріученіе дѣтей къ сидѣнью въ Россіи. — Сѣдухи. — Пріученіе дѣтей къ ползанью. — Наблюденіе Левингстона. — Время и способы пріученія дѣтей къ ползанью въ Россіи.

Въ первое время своего существованія дитя обыкновенно находится въ самомъ безпомощномъ состояніи со стороны физическаго своего развитія, характеризующагося между прочимъ недостаточностью отправленій мускуловъ, несовершенствомъ координацій движеній и т. п. Поэтому новорожденный не въ состояніи ни держать прямо своей головы, ни принять сколько нибудь устойчивое положеніе туловища, ни управлять надлежащимъ образомъ своими конечностями. Мало по малу однако мускульныя движенія начинаютъ совершенствоваться, такъ что на второмъ или третьемъ мѣсяцѣ ребенокъ начинаетъ уже понемногу держать голову, а при ношеніи на рукахъ выносить положеніе, среднее между лежаньемъ и сидѣньемъ. Впрочемъ, по наблюденіямъ врачей, достаточно хорошо держать голову ребенокъ начинаетъ только на 4-мъ мѣсяцѣ, съ половины года онъ уже довольно долгое время можетъ выносить вертикальное положеніе туловища и только съ 8-го мѣсяца и даже нѣсколько позднѣе можетъ сидѣть совершенно свободно.

Переходя отъ этого обозрѣнія, такъ сказать, физіологическаго развитія первоначальныхъ физическихъ силъ ребенка къ обозрѣнію обычаевъ различныхъ народовъ пользоваться физическими силами ребенка, мы прежде всего замѣчаемъ, что въ большинствѣ случаевъ различные народы предоставляютъ это дѣло собственнымъ начинаніямъ дитяти, ни мало ненасилуя ихъ съ своей стороны и наоборотъ слѣдуя за ними своею помощью лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ ребенокъ уже самъ въ состояніи пользоваться ею, предварительно пробуя и упражняя свои мускулы на разные лады, хотя и совершенно машинально. Но этого нельзя сказать абсолютно обо всѣхъ народахъ. Наоборотъ у многихъ изъ нихъ являются желанія возможно скорѣе пройти всѣ упомянутые выше акты постепеннаго физическаго развитія ребенка и съ этою цѣлью они нерѣдко прибѣгаютъ къ различнымъ вспомогательнымъ способамъ для пріученія дѣтей къ означеннымъ актамъ.

Что касается сидѣнья, то многія матери торопятся пріучать къ нему дѣтей тѣмъ, что напр. рано, чуть-ли не съ первыхъ дней жизни, стараются усаживать ихъ на руки и чаще всего на одну руку, именно лѣвую, чѣмъ нерѣдко уже съ весьма ранняго возраста содѣйствуютъ развитію кривизны позвоночника, неправильному его росту, неправильному развитію грудной клѣтки и таза, что особенно важно для дѣвочекъ. Тѣмъ-же желаніемъ ускорить способность ребенка къ сидѣнью объясняется и то, что дѣтей иногда очень рано, съ 2-хъ, 3-хъ мѣсяцевъ, усаживаютъ между подушками, или другимъ подобнымъ хламомъ и такимъ образомъ опять-таки содѣйствуютъ преждевременному искривленію позвоночника, грудной клѣтки и таза. Кромѣ того нѣкоторые народы для той-же цѣли употребляютъ различные аппараты, въ которые помѣщаютъ дѣтей. Такъ въ Сѣверной Америкѣ пользуются для этой цѣли особаго рода дѣтскими стульями, не мало удивлявшими многихъ путешественниковъ. Въ такой стулъ усаживаютъ ребенка и долго держатъ его въ сидячемъ положеніи. Въ одномъ старинномъ путешествіи къ прибрежнымъ Индійцамъ Norfolksund'a, Queen-Charloten Eiland, Cooks-Fluss'a и т. д. Плоссъ нашелъ слѣдующія свѣдѣнія: «можно было-бы подумать, что эти народы предоставляютъ членамъ своихъ дѣтей полную свободу движеній, а они напротивъ, завернувъ ребенка въ мѣхъ, такъ крѣпко привязываютъ его къ стулу, сдѣланному изъ прикрѣпленныхъ другъ къ другу трехъ кусковъ древесной коры, что малютка ни однимъ движеніемъ не въ состояніи перемѣнить своего вынужденнаго положенія. Этотъ стулъ такъ устроенъ, что мать даже во время кормленія не вынимаетъ оттуда свое дитя». — Пу-

тешественникъ Вимперъ [1]) видѣлъ у Индійцевъ, живущихъ на рѣкѣ Юконѣ, близъ Гудзонова залива, особаго рода дѣтскія кресла (фиг. 161), которыя дѣлаются изъ березовой коры и потому такъ легки, что женщины совершенно свободно носятъ ихъ на головѣ вмѣстѣ съ дѣтьми. Сидѣнье кресла покрыто

Фиг. 161. Дѣтское кресло Юконцевъ.

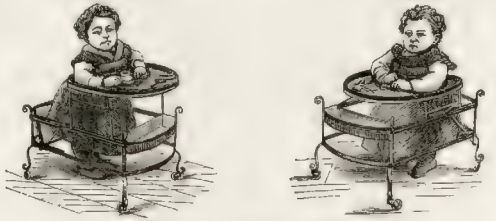
мохомъ и потому мягко, а впереди кресла между ногъ ребенка прилаживается деревянный обручекъ для того, чтобы придать ногамъ положеніе, наиболѣе желательное для Юконцевъ и конечно не безъ стремленія къ фабрикаціи ихъ во вкусѣ племени. Въ Китаѣ для пріученія дѣтей къ сидѣнью дѣлаютъ особаго рода маленькія креслица (фиг. 162), заго-

Фиг. 162. Дѣтское китайское кресло.

роженныя со всѣхъ сторонъ составными бамбуковыми полочками. Образецъ такого кресла доставленъ былъ на Московскую антропологическую выставку 1879 года г-жей Ивановой, много лѣтъ

[1]) Всемірный путешественникъ. 1871. Т. I. Путешествіе Вимпера, стр. 149.

жившей въ Китаѣ и по свидѣтельству которой таковыя кресла употребляются въ Китаѣ для пріученія дѣтей къ сидѣнью, стоянью и ходьбѣ. Начиная съ 4-хъ мѣсяцевъ малютку сажаютъ въ это кресло на прилаженную для сидѣнья дощечку и задвигаютъ спереди предъ грудкой другой доской, служащей въ такомъ случаѣ столомъ, на который ставятъ игрушки для развлеченія ребенка и кромѣ того вѣшаютъ еще игрушки на перекладинку, выдающуюся впереди подъ столикомъ. Когда ребенокъ нѣсколько подрастетъ, то доску, составляющую столъ, нѣсколько отодвигаютъ впередъ и укрѣпляютъ ее особымъ, служащимъ для этой цѣли, деревяннымъ винтомъ, при чемъ ребенокъ, потягиваясь за стоящими на столѣ и висящими на перекладинкѣ игрушками и, вмѣстѣ съ тѣмъ налегая грудкой на столикъ, толкаетъ предъ собою свое кресло и переступаетъ за нимъ самъ, пріучаясь такимъ образомъ постепенно къ стоянію и ходьбѣ. Этотъ китайскій аппаратъ, можетъ быть составилъ собою прототипъ современной каталки Межисье (фиг. 163 и 164),



Фиг. 163—164. Каталки. Межисье.

получившей одобреніе на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1878 года и бывшей между прочимъ на Московской антропологической выставкѣ 1879 года. Этотъ маленькій приборъ кромѣ того расчитанъ для пріученія дѣтей къ сидѣнью, стоянью и ходьбѣ. Приборъ имѣетъ длину 0^m55, ширину 0^m40, вѣсъ около 5-ти килограммъ. Онъ снабженъ зубчатой полоской для регулированія его по росту ребенка. Ребенокъ можетъ ходить въ этомъ аппаратѣ безъ большихъ усилій въ желаемомъ направленіи, но если при этомъ онъ утомится и сядетъ, то сейчасъ же очутится сидящимъ на скамеечкѣ, выдвигаемой въ такомъ случаѣ автоматической пружиной. Маленькій столикъ при аппаратѣ назначается для игрушекъ ребенка. До изобрѣтенія каталки Межисье громадное большинство достаточныхъ классовъ пользовалось, какъ впрочемъ оно и до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться, для пріученія дѣтей къ сидѣнью различнаго рода дѣтскими креслами. Такъ въ Голландіи еще въ XVII столѣтіи на одной изъ картинъ Metzu изображено подобное кресло, представленное на фиг. 165. Почти такой-же формы дѣтскія кресла практикуются въ Голландіи и до сихъ поръ. Однако наиболѣе распространено и принято въ на-

стоящее время, по крайней мѣрѣ среди образованнаго міра Европы, дѣтское кресло на высокихъ ножкахъ съ небольшимъ столикомъ впереди для разставленія игрушекъ и съ маленькой подставочкой для ногъ. Это кресло дѣйствительно можетъ удовлетворять главнѣйшимъ требованіямъ аппарата, назначаемаго для дѣтскаго сидѣнья, если при этомъ однако соблюдены слѣдующія условія: а) если сидѣнье устроено на столько высоко, чтобы кресло, подвинутое къ столу для взрослыхъ, позволяло ребенку видѣть послѣднихъ; б) если столикъ придѣланъ на такой высотѣ, что ребенку не нужно ни наклоняться надъ нимъ, слѣдовательно не нужно гнуть себѣ спину, ни придвигать игрушки слишкомъ близко къ глазамъ и вслѣдствіе того не развивать въ нихъ съ ранняго дѣтства близорукость; с) если ножки ребенка свободно покоятся на подставкѣ, а потому не отвисаютъ, не устаютъ и въ нихъ вслѣдствіе того не затрудняется кровообращеніе. — Въ

Фиг. 165. Дѣтское кресло въ Голландіи.

той-же Европѣ однако до сихъ поръ нерѣдко употребляется для сидѣнья дѣтей всѣмъ извѣстная дѣтская повозочка, состоящая изъ плетеной корзины, или устроенной на манеръ колясочки, поставленной прямо на четыре колеса, или предварительно поставленной на рессоры. Объ этой колясочкѣ слѣдуетъ однако замѣтить, что въ ней также, какъ и въ простой корзинѣ, при неправильномъ усаживаніи ребенка и продолжительномъ оставленіи его въ такомъ положеніи, легко можетъ развиться искривленіе костянаго скелета ребенка, какъ показываетъ приложенный рисунокъ (фиг. 166), а кромѣ того этотъ экипажикъ обыкновенно бываетъ очень трясокъ и потому при продолжительномъ и неосторожномъ катаніи въ немъ дѣтей, онъ легко можетъ содѣйствовать сотрясенію мозга и наконецъ, когда колеса этой повозочки не бываютъ обернуты какой либо толстой матеріей, она сильно вредитъ нѣжному слуху дѣтей, дѣйствуя на нихъ своимъ оглушительнымъ шумомъ, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени вызываетъ раздраженіе мозга.

Во всей Россіи первые 2—3 мѣсяца обыкновенно остерегаются давать ребенку сидячее положеніе, боясь повредить или, какъ иногда говорятъ, повихнуть спинку, т. е. позвоночный столбъ дитяти. Однако послѣ 6-ти недѣль, нося ребенка запеленатымъ на рукахъ, иногда даютъ ему въ этомъ запакованномъ видѣ полусидячее положеніе, и затѣмъ по временамъ даютъ ему такое-же положеніе безъ пеленокъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ укрѣпленія ребенка и развитія въ немъ способности къ самостоятельному сидѣнью мало по малу наконецъ пріучаютъ его къ этому акту, при чемъ самые способы пріученія нѣсколько разнятся по мѣстностямъ. Такъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, — по свидѣтельству врача Кановалова,—пріучаютъ ребенка къ формальному сидѣнью съ 4-хъ, 6-ти мѣсяцевъ, смотря по сложенію. Когда

Фиг. 166. Дѣтская повозочка.

ребенокъ держитъ спинку твердо, его обкладываютъ подушками, или чѣмъ нибудь мягкимъ; для предохраненія отъ паденія также сажаютъ въ ящикъ, внутри выложенный платьемъ, платками и пр.— Въ Пинежскомъ уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Гулль, — съ тѣми-же предосторожностями и пріемами пріучаютъ дѣтей къ сидѣнью на 20-ой недѣлѣ послѣ рожденія; въ Мезенскомъ уѣздѣ той-же губерніи, — по свидѣтельству врача Парфентьева,—около 4-хъ мѣсяцевъ; въ Шенкурскомъ уѣздѣ той-же губерніи,—по свидѣтельству врача Гриффина,—4-хъ, 5-ти мѣсяцевъ.

Въ большей части остальной Россіи для пріученія дѣтей къ сидѣнью употребляются какіе либо ящики, короба и лукошки, не всегда впрочемъ удобные для предназначаемой имъ цѣли и производящіе та-

кимъ образомъ не рѣдко въ нѣжныхъ костяхъ ребенка значительныя искривленія. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ приспособленіяхъ кромѣ того не всегда замѣтны бываютъ чистыя побужденія родителей, одушевленныхъ желаніемъ пріученія дѣтей только къ сидѣнью. Наоборотъ не рѣдко это дѣлается лишь для того, чтобы поскорѣе избавиться отъ лишняго ухода за ребенкомъ и чтобы послѣдній не мѣшалъ матери или нянькѣ работать и т. п.— Вотъ, напримѣръ, нѣсколько подтвержденій такого рода: въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—говоритъ врачъ Коссакъ,—матери, бабушки, сестры и т. п. стараются какъ можно раньше пріучать ребенка сидѣть, чтобы избавиться отъ няньчанья на рукахъ, такъ что 5-ти, 6-ти мѣсяцевъ дѣтей начинаютъ уже сажать, вслѣдствіе чего у нихъ не рѣдко позвоночный столбъ искривляется. Въ шесть мѣсяцевъ, — говоритъ протоіерей Гиляровскій, [1])—большинство дѣтей (Новгородской губерніи) начинаютъ *сидѣть*. Мать радуется, что сокращается наблюденіе за нимъ (вслѣдствіе чего во многихъ случаяхъ въ это время и вовсе отпускаются няньки, нанявшіяся для надзора за дитятей), она усаживаетъ младенца на полу, обкладывая его подушками или старою одеждою, окружаетъ побрякушками и занимается хозяйствомъ. Въ это время часто приходится ребенку сидѣть болѣе чѣмъ слѣдуетъ, при чемъ хребетъ его сильно выгибается, или спереди назадъ, или справа на лѣво, или-же наоборотъ. Въ Малороссіи [2]) едва дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ лукошко, въ которомъ и сидитъ, часто забытое совершенно, предоставляемое самому себѣ, играя съ котенкомъ или какимъ либо лоскуткомъ.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, — по свидѣтельству священника Кордатова, — для пріученія дѣтей къ самостоятельному сидѣнью во всякомъ семействѣ имѣются такъ называемыя сидѣлки, — это родъ стульчика, обнесеннаго балясинками съ трехъ сторонъ, а въ четвертую переднюю сторону продѣвается деревянная палка — запоръ, такъ что окутаннаго младенца, посадивъ въ эту сидѣлку, лишаютъ возможности свернуться на всѣ четыре стороны. Къ передней сторонѣ сидѣлки—запору, обыкновенно привязываютъ игрушки, колокольчики и побрякушки, чѣмъ достигается то, что ребенокъ сидя играетъ или слушаетъ пѣсню прялки своей матери.—Въ Вятской губерніи,—говоритъ священникъ Бѣлиновъ,—кажется, повсемѣстно, гдѣ только ребенокъ будетъ въ состояніи опираться на ножки, но еще не можетъ сидѣть безъ посторонней помощи, его сажаютъ въ «сѣдуху» (фиг. 167 и 168), дуплистый обрубокъ дерева, въ родѣ квашни съ толстыми стѣнками, безъ дна или съ днемъ и съ дощечкой внутри, по срединѣ (поперегъ) для си-

Фиг. 167. Сѣдуха въ разрѣзѣ.

дѣнья ребенку. Иногда случается, что въ сѣдуху сажаютъ уже двухнедѣльныхъ дѣтей, если они родились «здоровыя». Тогда сѣдуху покрываютъ кру-

Фиг. 168. Ребенокъ въ сѣдулкѣ.

гомъ тряпками и всовываютъ ребенка, причемъ онъ лежитъ наклонно впередъ. Эту сѣдуху, употребляемую также въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, подробнѣе описываютъ гг. Вычужанинъ и

[1]) Гиляровскій: Изслѣдованіе о рождаемости и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи, стр. 370.

[2]) Малороссія преимущественно изъ Полтавской губерніи. Этнографическій Сборникъ. Вып. III. С.-П. 1858 г., стр. 29.

Поповъ такимъ образомъ: приготовляется для нея изъ дерева выдѣланное дупло по росту ребенка, такъ чтобы верхніе края его подходили подъ самыя мышки ребенка и чтобы онъ, находясь въ дуплѣ, могъ складывать свои ученки свободно на краю дупла; дупло дѣлается въ ширину не болѣе вершковъ восьми или десяти въ діаметрѣ; посрединѣ вдѣлывается для сидѣнья дощечка, шириною въ $2^1/_2$ вершка и на той высотѣ, какъ приходится ребенку сидѣть и ножками опираться на самое дно дупла; когда ребенокъ усаживается въ него, то съ задней стороны кладется за спину подушечка для того, чтобы ребенокъ при вставаніи на ножки не могъ опрокинуться обратно и удариться о стѣнку дупла затылкомъ. Въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи,—по свидѣтельству Понцева,—когда дѣти достаточно привыкнутъ къ сидѣнью въ сѣдухѣ, что продолжается мѣсяцъ и болѣе, тогда уже сажаютъ ихъ свободно на полъ, гдѣ они скоро пріучаются къ ползанью, вставанію на ноги и ходьбѣ.—Описанныя сѣдухи,—по свидѣтельству многихъ доставленныхъ намъ свѣдѣній,—употребляются также для пріученія дѣтей къ сидѣнью почти во всѣхъ уѣздахъ Пермской губерніи, гдѣ онѣ кромѣ того носятъ мѣстами названіе дуплянокъ и стоялокъ, для каковой цѣли онѣ также служатъ. Для нашей коллекціи физическаго воспитанія дѣтей г. Гасабовъ доставилъ нѣсколько образцевъ стоялокъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи. Большинство изъ нихъ въ общемъ очень схоже съ только что описанными; разница состоитъ лишь въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ настолько узки, что въ нихъ можно только плотно воткнуть ребенка; другія пошире, такъ что ребенокъ во время сидѣнья можетъ отчасти опираться на ножки; иныя-же на столько широки, что ребенокъ по произволу можетъ то посидѣть, то постоять въ нихъ. Нѣкоторыя стоялки сдѣланы не изъ дупла, а изъ ящиковъ довольно высокихъ и также разныхъ размѣровъ, очевидно, смотря по возрасту ребенка, для котораго онѣ назначаются. Наконецъ есть стоялки и такія, которыя устроиваются на дрожинахъ или палкѣ съ колесами и слѣдовательно могутъ быть передвигаемы съ мѣста на мѣсто, какъ означено выше на фиг. 160.—Кромѣ Вятской и Пермской губерній такія-же сѣдухи, по доставленнымъ намъ свѣдѣніямъ, довольно распространены въ Тобольской губерніи. Китайскій цилиндръ, описанный ниже и употребляемый для пріученія дѣтей къ ходьбѣ, повидимому, имѣетъ большое сходство съ этой сѣдухой или стоялкой.

Зыряне Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—не пріучаютъ своихъ дѣтей ни сидѣть, ни ползать, ни ходить. Всѣ эти акты совершаются сами собой по мѣрѣ роста ребенка. Сидѣть дѣти выучиваются на 3-мъ, 4-мъ мѣсяцахъ по рожденіи. Въ томъ же смыслѣ даетъ свѣдѣнія о Зырянахъ Мезенскаго уѣзда врачъ Парфентьевъ.

Въ *Финляндіи*, — по свидѣтельству д-ра Пальмберъ,—дѣти начинаютъ сидѣть на 5-мъ, 6-мъ мѣсяцахъ отъ роду.

Эсты,—по свидѣтельству д-ра Крейцвальдта,—рано пріучаютъ дѣтей къ сидѣнью; ихъ носятъ и кладутъ на колѣна въ горизонтальномъ положеніи только первый мѣсяцъ; затѣмъ, держа ребенка на рукахъ или въ кровати и колыбели, даютъ ему почти постоянно сидячее положеніе; въ первомъ случаѣ поддерживая его своимъ корпусомъ и руками, въ двухъ послѣднихъ обкладывая его подушками; это дѣлается до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи сидѣть на полу.

Литовцы, Владиславскаго уѣзда Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Петровскаго, пріучаютъ ребенка къ сидѣнью на 4-мъ мѣсяцѣ.

Еврейскія дѣти той же мѣстности, по свидѣтельству того же референта и еще нѣкоторыхъ другихъ,—вообще слабѣе литовскихъ и физически развиваются позднѣе ихъ. Пріучаютъ къ сидѣнью ихъ обыкновенно на 5-мъ и 6-мъ мѣсяцахъ.

Поляки Сувалкскаго уѣзда, — по свидѣтельству врача Ибянскаго,—обыкновенно пріучаютъ къ сидѣнью на 4-мъ мѣсяцѣ;—по свидѣтельству другихъ референтовъ той же губерніи,—на 5-мъ и даже на 6-мъ мѣсяцахъ жизни.

Черемисы Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя Тебеняковской инородческой школы, А. Манохина, — пріучаютъ дѣтей къ сидѣнью въ особо приготовленныхъ изъ дупла сѣдулкахъ, называемыхъ по черемисски,—*рожонъ-шюкенъ*, въ которую сажаютъ дитя на пеленахъ и пріучаютъ сидѣть не ранѣе пятимѣсячнаго возраста. Образецъ такой сѣдулки доставленъ былъ г. Манохинымъ на Московскую антропологическую выставку 1879 г.—Она совершенно похожа на ту сѣдулку, которая уже была описана нами выше, съ тою лишь разницею, что скамеечка для сидѣнья внутри черемисской сѣдулки придѣлана не на $^1/_3$ вышины, а ровно по срединѣ ея.

Ботяки Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея М. Фармаковскаго,—начинаютъ пріучать дѣтей къ сидѣнью 4-хъ, 5-ти и 6-ти мѣсячнаго возраста. Для сидѣнья заготовляютъ ящикъ, вышиною немного менѣе роста сидячаго ребенка, такъ чтобы видна была одна голова и чтобы сидящій ребенокъ не могъ выпасть изъ ящика. Кромѣ ящика у нѣкоторыхъ употребляется съ тою же цѣлью, такъ называемое, дупло. Дупло—это круглый, выдолбленный изъ отрубка липы столбикъ, въ которомъ устроивается небольшая, на подобіе лавки, дощечка для сидѣнья. На эту дощечку, прикрытую иногда романьями (вѣроятно лохмотьями?), садятъ ребенка, свѣшивая его

ноги на дно дупла. Въ дуплѣ или ящикѣ, устроенномъ также съ лавкой, ребенокъ остается иногда на довольно продолжительное время, особенно если мать его занята хлопотами по хозяйству.

Вогулы, *Остяки* и *Самоѣды* Тобольской губерніи,—по свидѣтельству К. Голодникова, — привыкаютъ сидѣть еще въ колыбельной жизни, чему способствуетъ и самое устройство колыбелей ихъ, подробно описанное выше.

Буряты Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—чаще всего начинаютъ пріучать дѣтей къ сидѣнью съ 6-ти мѣсячнаго возраста, рѣдко раньше. Первоначальное пріученіе дѣлается почти ненамѣреннымъ и незамѣтнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, мать или нянька, занимаясь съ ребенкомъ, почти всегда сидитъ на полу, а потому въ большинствѣ случаевъ и ребенка усаживаетъ къ себѣ на колѣни или между ногъ, опирая его спинку на свою грудь или животъ и при этомъ поддерживая его съ боковъ руками или бедрами. Къ такому пріему матери или няньки побуждаются невольно и естественно, вслѣдствіе усталости рукъ, отъ держанія ребенка. Весьма немногіе однако же, изъ Балагинскихъ Бурятъ, въ дѣлѣ пріученія дѣтей къ сидѣнью, прибѣгаютъ къ вполнѣ расчитанному и систематически практичному пріему. Такъ, если ребенокъ обнаруживаетъ наклонность къ сидѣнью, его сначала сажаютъ въ какое нибудь неглубокое лукошко и, окутавъ мягкой одеждой до плечъ, оставляютъ такъ на первый разъ не долго, постепенно каждый разъ удлиняя время сидѣнья до тѣхъ поръ, пока онъ не пріучится сидѣть свободно. Въ послѣднемъ случаѣ ребенка сажаютъ на полу на подостланный войлокъ и обкладываютъ его шубами, подушками и т. п. — Если ко всему описанному прибавить то, что въ рабочую пору маленькія дѣти Бурятъ, едва начавшія сидѣть, оставляются матерями на полдня и больше безъ всякаго присмотра, безъ пищи, съ одною лишь обглоданною бараньею костью или коркою хлѣба въ рукахъ, то можно судить, какъ важно подъ часъ матери-буряткѣ освободиться по возможности отъ непосредственнаго ухода за ребенкомъ и пріучить его какъ можно раньше ко всякимъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ въ жизни.

Грузины и *Армяне* Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи (прежней Карталиніи),—по свидѣтельству врача Скокова,—пріучаютъ дѣтей сидѣть обыкновенно послѣ 7-ми мѣсяневъ, при чемъ мать подкладываетъ вокругъ его подушки, мутаки (цилиндрическія подушки) и пр.

Айсары Эриванскаго уѣзда, — по свидѣтельству П. Эйвазова,· пріучаютъ къ сидѣнью дѣвочекъ на 5-мъ, а мальчиковъ на 6-мъ мѣсяцѣ, причемъ сажаютъ ребенка въ корзинку и обкладываютъ его различными одеждами и тряпками.

Армяне, *Татары* и *Куртины* Шеруро-Далагезскаго уѣзда, Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [1]),—пріучаютъ дѣтей къ сидѣнью на 6-мъ мѣсяцѣ, обкладывая ихъ для этого одѣялами, или чѣмъ попало. У Куртинъ же кромѣ того, для болѣе удобнаго сидѣнья, помѣщаютъ ребенка въ вырытую въ землѣ неглубокую яму и затѣмъ уже обводятъ кольцомъ изъ одѣяла.

Когда ребенокъ научается сидѣть и въ этомъ положеніи развлекаться игрушками, то вслѣдъ затѣмъ обыкновенно скоро наступаетъ періодъ еще большаго развитія его въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, въ силу чего его вниманіе и любознательность начинаютъ привлекать близъ лежащіе предметы, къ которымъ онъ начинаетъ тянуться, чтобы захватить ихъ и благодаря этому стремленію мало по малу потомъ научается передвигаться съ мѣста на мѣсто съ помощью ползанія. Въ этихъ пріемахъ однако у дѣтей нѣкоторыхъ народовъ замѣчаются нѣкоторыя особенности.

«*Маніемскія* дѣти,—говоритъ Левингстонъ [2]),—ползаютъ не такъ, какъ европейскія, на колѣнахъ, а выставляютъ впередъ одну ногу и двигаются только однимъ колѣномъ. При ходьбѣ на четверенькахъ ребенокъ пользуется обыкновенно обѣими ножками и ручками, но никогда колѣнами. *Арабское* дитя точно также не ползетъ, а передвигается на обѣихъ ножкахъ». — Подобное же наблюденіе относительно арабскихъ дѣтей встрѣчаемъ у Бюффона [3]), который затѣмъ прибавляетъ, что «чрезъ это упражненіе они впослѣдствіи пріобрѣтаютъ способность бѣгать на четверенькахъ такъ же скоро, какъ и на ногахъ.

Въ Россіи повсемѣстно стараются пріучать дѣтей къ ползанію около 25-ти — 30-ти недѣль или 6-ти—7-ми мѣсяцевъ по рожденіи. Для этого кладутъ иногда ребенка на животъ или сажаютъ на ягодицы, предварительно подстилая подъ нихъ на полу войлокъ, или что либо мягкое изъ платья. Посторонняя помощь при началѣ ползанія обыкновенно ограничивается лишь понужденіемъ къ тому ребенка въ формѣ приманиванія къ себѣ со стороны матери, няньки и другихъ, находящихся отъ ребенка въ нѣсколькихъ шагахъ. Когда ребенокъ уже выучивается ползать, то народъ замѣчаетъ,—напримѣръ въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи,—по свидѣтельству врача Коновалова,—въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи,—по свидѣтельству Вычужанина, Кашина и другихъ,—что если ребенокъ начинаетъ скоро ползать на четверенькахъ (кукоркахъ,—по нарѣчію Елабужскаго уѣзда Вятской губерніи), то онъ рано выучится

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879 г., № 58.

[2]) Letzte Reise in Central Africa. Deutsch. S. 159.

[3]) Бюффонъ. Естественная Исторія. Перев. съ франц., 1792 г. Т. IV, стр. 31.

ходить, а именно на 9-мъ, 10-мъ мѣсяцахъ и не позднѣе года. Къ этому разряду въ самомъ дѣлѣ относятся дѣти съ хорошимъ физическимъ развитіемъ. Дѣти, начинающія ползать въ полусидячемъ положеніи, опираясь ручонками о полъ, по замѣчанію крестьянъ, научаются ходить обыкновенно чрезъ 12 — 14 мѣсяцевъ. Къ этому разряду относятся дѣти средняго сложенія. Если же ребенокъ ползаетъ на ягодицахъ (холочкахъ,—по нарѣчію Кунгурскаго уѣзда, Пермской губерніи),—при помощи лишь своихъ ногъ, расположенныхъ на полу горизонтально въ формѣ ухвата, сгибая одну послѣ другой попеременно и мало опираясь на руки, то на счетъ такихъ дѣтей замѣчаютъ, что они научаются вставать на ноги и ходить очень поздно, почему ихъ зовутъ «сѣдунами».—Къ этому разряду обыкновенно относятся дѣти слабосильныя.

Зыряне Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—не употребляютъ никакихъ способовъ для пріученія дѣтей къ ползанью, но дѣти обыкновенно сами научаются этому акту около 7-ми, 8-ми мѣсяцевъ, какъ о томъ же свидѣтельствуетъ и врачъ Парфентьевъ изъ Мезенскаго уѣзда.

Въ *Финляндіи*, — по свидѣтельству Нюбергъ и д-ра Пальмберъ, дѣти начинаютъ ползать съ 6-ти, 8-ми мѣсячнаго возраста. У *Эстовъ*,—по свидѣтельству Іордана,—на 9-мъ мѣсяцѣ.

У *Поляковъ* Сувалскаго уѣзда,—по свидѣтельству врача Ибянскаго, дѣти начинаютъ ползать 7-ми, 8-ми мѣсяцевъ.

Фиг. 169 Калмыцкій ребенокъ на веревкѣ.

У *Литовцевъ* Владиславскаго уѣзда, Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Петровскаго, — ползаніе начинается также на 7-мъ, 8-мъ мѣсяцахъ; а у *Евреевъ* той же мѣстности,—по свидѣтельству того же референта,—на 8-мъ, 9-мъ мѣсяцахъ.

У *Черемисъ* Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя Манохина,—дѣти начинаютъ ползать послѣ полугода: на брюхѣ, холкахъ или четырехъ костяхъ (можетъ быть четверенкахъ?).

У *Вотяковъ*, Глазговскаго уѣзда, Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея М. Фармаковскаго,—ползать дѣти научаются по достиженіи 8-ми или 9-ти мѣсячнаго возраста.

Начало ползанія *Бурятскихъ дѣтей*,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—нужно отнести къ началу 8-го, 9-го мѣсяца. Оно обыкновенно предпринимается самимъ ребенкомъ безъ всякаго къ тому понужденія или содѣйствія со стороны окружающихъ. Когда дѣти начинаютъ интересоваться внѣшними предметами, то непремѣнно стремятся къ самостоятельному движенію, коль скоро почувствуютъ себя свободными на полу. Потянется достать ручонками какой-либо предметъ, упадетъ на животъ и, чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть предмета, инстинктивно дѣлаетъ попытки къ ползанію.

Армяне, *Татары* и *Куртины* Шерура-Даралагезскаго уѣзда, Эриванской губерніи,—по свидѣтельству *Г. Оганисьянца* [1]),—пріучаютъ дѣтей къ ползанью на 7-мъ, 8-мъ мѣсяцахъ.

Для этого на нѣкоторомъ разстояніи отъ ребен-

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879 г. № 58.

ка, бросается какая нибудь блестящая вещица, къ которой, какъ къ приманкѣ, ребенокъ старается приблизиться посредствомъ ползанья; или же мать съ нѣкотораго разстоянья, приманиваетъ его къ себѣ и руками и словами. То же самое, почти безъ всякаго различія, практитуется для пріученія дѣтей къ ползанью и у другихъ народностей Кавказа, по свидѣтельству другихъ референтовъ.

Чувашки—матери, во время своихъ занятій, иногда имѣютъ обыкновеніе опоясывать ребенка веревкою, конецъ которой привязываютъ къ крюку такъ, чтобы ребенокъ имѣлъ возможность ползать кругомъ себя, не трогая тѣхъ предметовъ, которые могутъ причинить ему вредъ [1]).

[1]) Народы Россіи. Живописный альбомъ. 1877 г. стр. 321.

Въ семействахъ малолюдныхъ *Волжскихъ Калмыковъ*,—говоритъ Н. Нефедьевъ, — гдѣ некому присмотрѣть за дѣтьми, начинающими ползать, матери, отлучаясь отъ кибитокъ, опоясываютъ ихъ веревкою (фиг. 169), которую привязавъ однимъ концомъ къ утвержденному въ землю колу, даютъ возможность ползать на привязи по такому пространству, чтобы нельзя было попасть въ огонь или золу [1]).—Когда ребенокъ начинаетъ ползать у Камчадаловъ, то его также иногда привязываютъ на довольно длинной веревкѣ, но такъ, чтобы онъ не могъ подползти къ огню, который постоянно поддерживается на срединѣ кибитки [2]).

[1]) Нефедьевъ. ibid, стр. 189—191.
[2]) Ploss l. c. B. 1. S.

ГЛАВА XXI.

СТОЯНІЕ И ХОДЬБА.

Наступленіе времени для стоянья и ходьбы у дѣтей.—Приспособленія для пріученія къ этимъ актамъ въ Китаѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы.—Помочи.—Вліяніе на ростъ продолжительнаго стоянья.—Водильный нагрудникъ, ходячія и подходячія кресла, употреблявшіяся въ старину при воспитаніи русскихъ царевичей.—Способы пріученія дѣтей къ стоянью и ходьбѣ въ современной Россіи.—Стоюнки, ходульки, вліяніе ихъ на скелетъ дитяти.—Пріученіе дѣтей къ ходьбѣ у инородцевъ Россіи.—Дуплянки.—Туркестанскій станокъ.—Кавказскіе аппараты для ходьбы.

Когда мускулы ребенка достаточно окрѣпнутъ, съ помощью ползанья, вставанья на колѣна и передвиженія на нихъ, тогда ребенокъ, отыскавъ для своихъ рукъ какую либо точку опоры и приподнявшись на ноги, старается стоять нѣкоторое время неподвижно, затѣмъ нѣсколько двигаться и такимъ образомъ мало по малу научается прочно стоять и ходить (обыкновенно около годоваго возраста). Но въ видахъ наискорѣйшаго пріученія дѣтей къ этимъ актамъ, особенно въ такихъ семьяхъ, гдѣ дѣти составляютъ помѣху для работы, творческая сила нѣкоторыхъ народовъ изобрѣла для этого еще нѣкоторыя спеціальныя приспособленія. Такъ у Бюффона находимъ одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что древніе Перуанцы распеленатаго ребенка ставили въ выкопанную въ землѣ яму, уложенную пеленками, въ которую опускали ребенка по поясъ. Стоя въ этой ямкѣ, ребенокъ имѣлъ руки на свободѣ и могъ поворачивать голову и туловище во всѣ стороны, не рискуя упасть и такимъ образомъ повредить себѣ [1]). О дѣтяхъ древнихъ Римлянъ Соранъ говоритъ, что они большею частью имѣли кривыя ноги и что они учились ходить въ особыхъ корабахъ, снабженныхъ колесами [2])—Въ Китаѣ для пріученія дѣтей къ ходьбѣ употребляется особаго рода плетушка, изображенная на фигурѣ 170 [3]). Кромѣ того, тамъ же, какъ мы видѣли выше, для пріученія дѣтей къ сидѣнью, стоянью и ходьбѣ употребляется особый аппаратъ, имѣющій видъ передвижнаго кресла со столикомъ. Нѣчто подобное устроивается и въ современной Европѣ. По описанію Г-жи Водовозовой [4]), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи едва только дитя начинаетъ держаться на ногахъ, его привязываютъ тесьмой къ какой нибудь тяжелой мебели, чтобы онъ далеко не уползъ и въ то же время могъ хвататься ручонками за эту мебель и вставать безъ помощи матери. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ дитя ставятъ въ качалку: на ней найдете вы скамейку такого устройства, что ребенокъ можетъ совершать здѣсь различныя отправленія. Кругомъ она обнесена перилами и устроена такимъ образомъ, что, если ребенокъ сдѣлаетъ движеніе, она покачивается вверхъ и внизъ и такимъ образомъ нѣсколько передвигаетъ ребенка. Эта качалка двигается такъ же, какъ игрушечная лошадка. Она дѣйствительно такъ устроена, что ребенокъ не можетъ изъ нея выпасть; но разумѣется, и не можетъ удовлетворить различнымъ своимъ потребностямъ. Хотя ему оставляютъ здѣсь пищу, но не умѣя самъ ѣсть, онъ часто заброситъ эту пищу и потомъ все время сидитъ голодный!

На всемірной выставкѣ, бывшей въ шестидесятыхъ годахъ въ Парижѣ, устроена была колыбельня, въ которой въ числѣ принадлежностей для сбереженія приносимыхъ туда дѣтей между прочимъ красовался аппаратъ, составлявшій цѣлую школу для пріученія дѣтей къ ползанію, сидѣнью, стоянью и ходьбѣ. Въ срединѣ этого довольно обширнаго, но неподвижнаго аппарата устроена была площадка, въ которой можно было оставлять дѣтей для ползанія. Эта площадка окружена была перилами въ два круга, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Въ первомъ внутреннемъ кругѣ устроены были сидѣнья передъ столиками, на которыхъ разставлялась пища или игрушки для дѣтей, которыя въ состояніи были сидѣть. Во второмъ наружномъ кругѣ оставляли дѣтей, которыя желали пробовать и упражнять свои силы относительно стоянія, ходьбы на ногахъ, а также относительно пользованія своими руками. Идея и употребленіе этого аппа-

---

[1]) Бюффонъ, Естественная Исторія, Т. IV, стр. 31.

[2]) Haeser. I. c. S. 314.

[3]) Ploss. Das kleine Knd. 1881. S. 115.

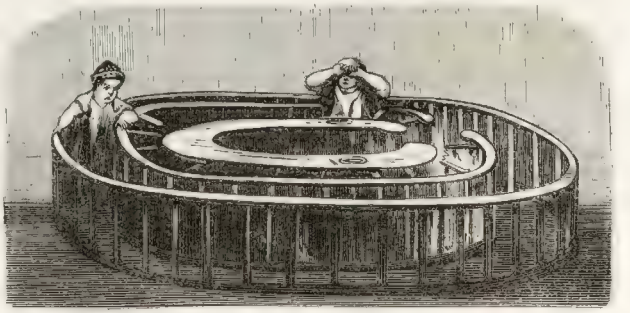
[4]) Е. Н. Водовозова. Жизнь Европейскихъ народовъ. 1877 г. Т. I., стр. 470.

рата лучше всего могутъ быть поняты изъ прилагаемой фигуры 171 [1]).

На послѣдней Парижской выставкѣ 1878 г., какъ мы уже видѣли, для упражненія въ сидѣньи, стояньи и ходьбѣ представлена была такъ называемая усовершенствованная каталка Межисье.

Въ Германіи,—по словамъ Плосса, съ давнихъ поръ служатъ для той же цѣли различныя корзинки и телѣжки, изображеніе которыхъ можно видѣть на картинкахъ средневѣковыхъ временъ и которыя до сихъ поръ можно найти также во многихъ дѣтскихъ у нѣмцевъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи [2]), а также въ Болгаріи, по словамъ туземцевъ, практикуются способы пріученія дѣтей къ стоянью и ходьбѣ посредствомъ особаго кольца, придѣлываемаго къ вертящемуся вокругъ своей оси и вертикально укрѣпленному къ дереву или шесту (фиг. 172). Въ другихъ мѣстностяхъ Европы для пріученія дѣтей къ стоянью служатъ кадушки и тому подобные предметы (фиг. 173), которые во время отсутствія родителей изъ дома, исполняютъ кромѣ того обязанности дешевой няньки. Но иногда ребенокъ безъ мѣры стоитъ въ этихъ аппаратахъ и сильно кривитъ себѣ ноги; иногда онъ перелѣзаетъ или даже перекувыркивается чрезъ бортъ ихъ; иногда случается ему свалить ихъ на бокъ и такимъ образомъ произвести себѣ не маловажныя поврежденія и тѣмъ не менѣе, всѣ эти кадочки и тому подобныя приспособленія для изложенныхъ цѣлей продолжаютъ существовать почти во всей Европѣ съ тѣми или другими варіаціями, исключая, можетъ быть, одной Англіи, гдѣ строго осуждается всякая помощь дѣтямъ въ этомъ случаѣ, какъ не только излишняя, но положительно вредная имъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ и не только для даннаго возраста, но и для слѣдующихъ періодовъ, пріучая дѣтей къ ложнымъ понятіямъ о своихъ силахъ. Изъ всѣхъ аппаратовъ и школъ, употребляемыхъ въ настоящее время для пріученія дѣтей къ ползанью, стоянью, ходьбѣ и другимъ первоначальнымъ движеніямъ, мнѣ извѣстенъ до сихъ поръ только одинъ аппаратъ, или вѣрнѣе сказать школа, которую дѣйствительно можно рекомендовать родителямъ безъ страха повредить дѣтямъ и наоборотъ даже съ нѣкоторою пользою для послѣднихъ въ видахъ пріученія ихъ къ только что упомянутымъ актамъ. Это именно квадратная загородка, сдѣланная изъ щитовъ, свнутри покрытыхъ мягкою обшивкою, вышиной до половины груди ребенка, а длиной по каждой сторонѣ—сажень. Эти щиты по угламъ укрѣпляются особенными крючками и стоятъ прочно. Въ срединѣ этой загородки стелется плотно коверъ или другая какая либо мягкая подстилка, на которую сажается ребенокъ и оставляется здѣсь для вполнѣ безопаснаго и самобытнаго упражненія въ ползаньи, стояньи, ходьбѣ и пр. На время сна, нездоровья и вообще отсутствія ребенка изъ этого аппарата, послѣдній раскладывается, стороны его складываются одна на другую кверху обшитой частью и такимъ образомъ образуется совершенно уютный и пристойный диванъ, занимающій при томъ очень немного мѣста въ любой дѣтской. Для пріученія къ ходьбѣ кромѣ того, почти во всей Европѣ, практикуется вожденіе ребенка за руку. Но такое придерживаніе ребенка въ теченіи продолжительнаго срока и особенно за одну ручку, во время первыхъ его попытокъ къ хожденію, при неустановившейся еще крѣпости организма, по наблюденіямъ врачей, весьма часто даетъ печальные результаты значительнаго искривленія позвоночника. Далѣе, въ видахъ ско-

Фиг. 170. Китайская корзинка для пріученія дѣтей къ ходьбѣ.



Фиг. 171. Школа для ползанія, сидѣнья, стоянья и ходьбы.

[1]) Die illustrirte Welt. 1867. S. 545—546.

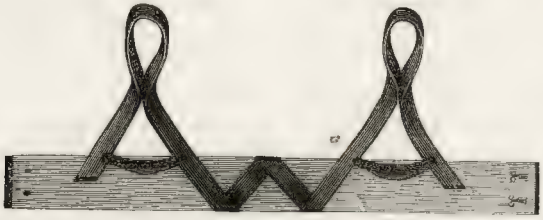
[2]) Der Bazar. 1862. № 12.

рѣйшаго пріученія дѣтей къ ходьбѣ почти во всей Европѣ употребляются, такъ называемыя, *помочи*, продѣваемыя подъ плечи и чрезъ грудь ребенка какъ напр., показываетъ (фиг. 174). Врачи давно уже осудили эти помочи, какъ сильно сдавливающія грудь и такимъ образомъ препятствующія свободному дыханію дитяти; а между тѣмъ творческая сила народовъ, какъ бы нарочно вопреки здравымъ положеніямъ науки, все болѣе и болѣе трудится надъ изобрѣтеніемъ разнообразныхъ улучшеній ихъ въ практическомъ отношеніи.

Помимо всего вреда, уже указаннаго выше, отъ

Фиг. 172. Способъ пріученія къ ходьбѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи и въ Болгаріи.

Фиг. 173. Пріученіе дѣтей къ стоянью по европейски.



Фиг. 174. Помочи для ходьбы.

употребленія тѣхъ или другихъ аппаратовъ для ускореннаго пріученія дѣтей къ стоянью и ходьбѣ, слѣдуетъ замѣтить еще то, что продолжительное стоянье вообще мѣшаетъ росту дѣтей, тогда какъ лежачее, напротивъ, содѣйствуетъ ему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда питаніе бываетъ разстроено бо-

лѣзанью. — Этимъ же между прочимъ объясняется быстрый ростъ дѣтей во время болѣзни. Отсюда же понятно и то, какъ мало практическаго расчета для тѣхъ родителей, которые хотятъ и могутъ позаботиться о лучшемъ ростѣ своихъ дѣтей, въ ихъ стремленіи какъ можно ранѣе пріучить своихъ дѣтей къ стоянью и ходьбѣ. Въ параллель къ этому не безъинтересно привести данныя, полученныя д-ромъ Робертсомъ по отношенію къ развитію тѣла въ связи съ нѣкоторыми соціальными условіями жизни. Изъ его изслѣдованій оказалось, что дѣти нерабочихъ классовъ ростутъ быстрѣе и больше, чѣмъ дѣти рабочихъ [1]). Главная причина въ этомъ фактѣ безъ сомнѣнія та, что дѣти нерабочихъ классовъ лучше питаются и пользуются лучшимъ уходомъ при своемъ физическомъ воспитаніи вообще; но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать также и того, что дѣти рабочаго класса въ то же время ранѣе пріучаются къ стоянью и ходьбѣ при чемъ развитіе роста, на основаніи сказаннаго выше, очевидно, также замедляется у нихъ.

Для предохраненія дѣтей отъ ушибовъ при паденіи во время ходьбы, говорятъ, въ средніе вѣка была въ большомъ употребленіи стеганая шапка; но уже дѣтскій врачъ Гелисъ, въ Вѣнѣ, указалъ на вредъ этого пащыря, потому что онъ слишкомъ горячитъ голову; онъ даже находитъ, что синякъ менѣе вреденъ, чѣмъ эта шапка.

Намъ неизвѣстно съ достовѣрностью, употреблялись ли въ старину на Руси между народомъ какіе либо особые пріемы для пріученія дѣтей къ стоянью; но мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о воспитаніи царевичей прежнихъ вѣковъ изъ которыхъ знаемъ, что въ царскомъ быту дѣти не рѣдко учились ходить посредствомъ *водильнаго нагрудника*. Вотъ его описаніе: «нагрудникъ водильный (царевича Ивана Михайловича 1635 г.)—тафта ала, длина аршинъ безъ полутретья вершка, ширина 4 вершка, водиламъ длина аршинъ съ вершкомъ, ширина водиламъ четыре же вершка; по сторонамъ петли, ширина петлямъ четыре вершка». Положенный на хлопчатой бумагѣ, онъ застегивался шестью золотыми пуговками [2]). Когда пріучался къ ходьбѣ царевичъ Петръ 1-й, то около полугода его жизни, 1672 г., сдѣланы были ему *ходячія* или *походячія* кресла на колесахъ, обитыя на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ [3]).—Весьма возможно, что подобныя же приспособленія, хотя отчасти, практиковались и между достаточными людьми того времени.

[1]) Военно-медицинскій Журналъ. 1877 г. Ноябрь. Смѣсь, стр. 100.

[2]) И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени. Отеч. Зап. 1854 г. № 6., стр. 56.

[3]) И. Е. Забѣлинъ: Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи 1872 г. Ч. 1, стр. 11.

Что касается способовъ пріученія дѣтей къ стоянью и ходьбѣ въ современной Россіи, то на основаніи большинства свѣдѣній, мы должны прежде всего сказать, что въ крестьянскомъ быту они весьма часто совсѣмъ отсутствуютъ и не потому, чтобы крестьяне понимали вредъ ихъ, а прямо потому, что иногда за горячей работой нѣкогда и подумать путемъ о ребенкѣ, почему онъ нерѣдко почти съ ранняго возраста предоставляется самому себѣ и родители уже только впослѣдствіи и не безъ удовольствія узнаютъ о вновь пріобрѣтенномъ навыкѣ своего ребенка къ стоянью или ходьбѣ. Иногда же впрочемъ съ этою цѣлью употребляются нѣкоторые пріемы, разнящіеся по мѣстностямъ. Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ,—когда ползующее дитя начинаетъ приподниматься отъ полу, его пріучаютъ ходить, держась за лавки, расположенныя кругомъ крестьянской избы, возлѣ стѣнъ. При этомъ случаѣ паденіе, ушибы дѣтей — явленія самыя обыкновенныя, но весьма большимъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ часто служитъ внушительный голосъ какого либо заботливаго педагога, въ родѣ матери или няньки: «плюнь тутъ, батюшка, плюнь родной!» Ребенокъ, совсѣмъ уже собравшійся ревѣть, плюнетъ на мѣсто своего паденія, топнетъ ноженкой и успокоится! Въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи,— по свидѣтельству Священника Колерова, — дѣти начинаютъ ходить около года, рѣдко 9—10 мѣсяцевъ, также рѣдко начинаютъ ходить и послѣ года. Когда ребенокъ первый разъ станетъ на свои хлибыя ножки, то всѣ, случившіеся въ избѣ, старъ и младъ, съ особеннымъ удовольствіемъ закричатъ «дыбокъ, дыбокъ! Который Кузькѣ годокъ!» Ребенокъ окураженъ, смѣется, старается передвинуть ножки, а если, потерявши равновѣсіе, и шлепнется, то старается не плакать, а вновь стать на ножки и т. д. Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи,—по свидѣтельству врача Гулль,—дѣти начинаютъ ходить съ 12-ти мѣсяцевъ, въ рѣдкихъ же случаяхъ съ 10-ти мѣсяцевъ;—въ Мезенскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача Гриффина, –дѣти начинаютъ ходить къ концу перваго и въ началѣ втораго года. Въ этотъ періодъ ребенка ставятъ здѣсь въ такъ называемую стоюнку (фиг. 175), т. е. родъ скамейки, съ придѣланными досками къ верхнимъ и нижнимъ концамъ четырехъ ножекъ. Въ средней части верхней доски имѣется отверстіе, соотвѣтствующее окружности туловища ребенка; вышина ея отъ нижней доски нѣсколько меньше длины тѣла ребенка отъ пятокъ до подмышекъ. Въ стоюнкѣ этой поставленнаго на ноги ребенка, мать оставляетъ если она отлучается на долгое время изъ дома или же занимается домашними работами; въ стоюнкѣ, въ ожиданіи матери онъ не рѣдко и засыпаетъ. Послѣд-

ствіемъ ранняго сидѣнья, ползанья и ходьбы бываетъ кривизна ногъ, отъ чего у большинства крестьянъ замѣчается неровная походка съ переваливаніемъ съ бока на бокъ (Новгородскій уѣздный врачъ Клаусъ). Пріученіе къ сидѣнью, ползанью и ходьбѣ большею частью совершается подъ присмотромъ няньки, которая въ бѣдномъ классѣ или болѣе взрослая дѣвочка, или бабушка, въ зажиточномъ домѣ наемная.—Въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Зыкова, — для пріученія къ ходьбѣ нѣкоторые употребляютъ такъ называемыя ходульки, состоящія изъ осьмиугольника безъ дна, съ широкимъ основаніемъ, которое снабжено по угламъ четырьмя подвижными во всѣ стороны колесиками, какъ у креселъ,—только деревянными. Въ горизонтальной

Фиг. 175. Стоюнка Арханг. губ.

крышкѣ этого осьмиугольника имѣется круглое отверстіе такой ширины, что ребенокъ можетъ въ немъ свободно поворачиваться грудью во всѣ стороны. Высота ходулекъ обыкновенно соотвѣтствуетъ длинѣ ребенка отъ пятокъ до груди. Въ круглое отверстіе крышки ходулекъ вставляютъ ребенка и манятъ его къ себѣ и въ то время, какъ онъ упершись ручками за края дѣлаетъ движеніе впередъ, ходульки посредствомъ колесъ двигаются по тому направленію, какое ребенокъ даетъ имъ и при этомъ ребенокъ переступаетъ.—Подобныя же ходульки въ большомъ употребленіи въ Московской, Тверской, Нижегородской, Вятской и другихъ губерніяхъ. (Фиг. 176). Въ Житомірскомъ уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Лисицына,—къ стоянью и ходьбѣ пріучаютъ по истеченіи года, ставя въ такъ называемыя стойки, которыя суть ни что иное, какъ стулъ безъ спинки съ дырою посрединѣ, величиною въ объемѣ тѣла ребенка. Въ эту стойку чрезъ дыру ставятъ дитя и онъ опираясь подъ мышками пріучается стоять и даже ходить, если къ ножкамъ стойки придѣланы малые кружечки, помощью которыхъ стойка, катаясь, принуждаетъ ребенка передвигать ножки и такимъ образомъ помогаетъ ему выучиваться ходить. Подобныя же стойки въ полномъ ходу во всей Полтавской губерніи. Положеніе въ такой стойкѣ,—замѣчаетъ врачъ Ляйманъ, Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи, — конечно неудобно и скоро наскучиваетъ дѣтямъ, но за то она замѣняетъ няньку. Въ Владимірѣ-Волынскомъ уѣздѣ, — по свидѣтельству врача Піотровскаго,—у людей достаточныхъ стоянки не всегда употребляются, а пріучаютъ дѣтей ходить на поясѣ, подложивъ широкій поясъ въ подъмышки, который обхватываетъ грудь спереди, придерживая концы пояса сзади въ рукахъ, заставляютъ дитя волочить ножками.—Въ Полоцкомъ уѣздѣ Витебской губерніи,—по свидѣтельству И. А. Покровскаго,—для пріученія къ стоянью и ходьбѣ устраиваютъ низенькій столъ или табуретъ, вырѣзаютъ въ верхней доскѣ его

Фиг. 176. Обыкновенныя ходульки.

круглое отверстіе и ставятъ или сажаютъ туда ребенка. Ребенокъ хватается ручонками за края отверстія и стоитъ, а со временемъ начинаетъ кружиться здѣсь. Пріучаютъ къ ходьбѣ также и около опрокинутаго лукошка.—Въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, — по свидѣтельству Г. Харлова,—предварительно предъ ходьбой, стараются ножки дитяти сдѣлать поустойчивѣе и для этого въ возрастѣ 7-ми 8-ми мѣсяцевъ ставятъ дѣтей въ такъ называемыя стоюнки, которыя устроиваются такимъ образомъ: это дуплистый, довольно тяжелый обрубокъ дерева, величиной отъ $2^1/_2$ до 3-хъ четвертей аршина, внутри котораго (обрубка) малютка свободно помѣщается въ стоячемъ положеніи, опираясь ручонками въ верхній край стоюнки, — для мягкости обкладываемыя большими холщевыми пеленками. На случай когда малютка, стоя въ стоюнкѣ, утомится, — въ одной изъ сто-

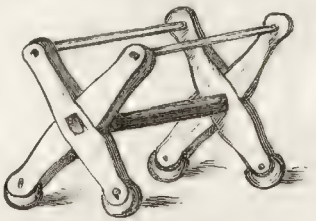
ронъ ея, вершковъ на 5 отъ основанія, вставляется горизонтально дощечка, шириной въ одну треть вмѣстимости стоюнки. При обезсиленіи ножекъ малютка, опускаясь на низъ, опирается на эту дощечку и садится. Когда же ножки его отдохнутъ при сидѣньи, онъ снова встаетъ, хватаясь ручонками за верхніе края стоюнки.—Такія стоюнки, конечно, мало соотвѣтствуютъ своему прямому назначенію и, можно сказать, составляютъ аппаратъ, совершенно излишній въ смыслѣ воспитательныхъ цѣлей, также какъ и описанная выше «сѣдулка», очевидно имѣющая много сходства въ своемъ устройствѣ съ стоюнкой и употребляемая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ и стоюнки, совершенно безъ различія для двухъ цѣлей: пріученія дѣтей къ сидѣнью и ходьбѣ. Священникъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губерніи, Ивановъ, свидѣтельствуетъ: стоянка имѣетъ два назначенія—для сидѣнья и первоначальнаго стоянья. Для сидѣнья, почти въ срединѣ дупла, устроиваютъ дощатую лавочку, занимающую половину діаметра, а для стоянки и спуска ногъ другую половину оставляютъ не задѣланною. Для тѣхъ же цѣлей и такого же устройства употребляются стоюнки,—по свидѣтельству А. П. Дзережинскаго,—во многихъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи. Здѣсь эти употребляются обыкновенно для дѣтей не старше года, иначе дѣти выдѣзаютъ изъ нея. Не достигая своей цѣли въ смыслѣ физическаго воспитанія, стоюнки эти тѣмъ не менѣе служатъ службу обременennымъ ребятами и особенно одинокимъ матерямъ въ другомъ отношеніи, а именно замѣняя имъ собою няньку. Поэтому, отправляясь на полевыя работы, иногда на долгій срокъ, мать ставитъ въ эту стоюнку ребенка и оставляетъ его одного дома. Въ цѣломъ селеніи иногда бываетъ только одинъ такой снарядъ, которымъ обыватели въ случаѣ нужды и снабжаютъ другъ друга, иногда даже соблюдая очередь. Оставленный въ этой стоюнкѣ на долгій срокъ ребенокъ, иногда наревѣвшись вдоволь, здѣсь же и засыпаетъ въ полусидячемъ, неловкомъ положеніи, въ мокротѣ, нечистотахъ и т. п.

Для нашей коллекціи предметовъ физическаго воспитанія дѣтей г. Гасабовъ доставилъ модель аппарата, употребляемаго для пріученія къ ходьбѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянами Пермской губерніи, изображенный на фиг. 177. Этотъ аппаратъ имѣетъ видъ двухъ козелъ, связанныхъ между собою посрединѣ прочной перекладиной, а вверху двумя тонкими палочками, за которыя хватается ребенокъ и напирая на аппаратъ, движущійся помощью устроиваемыхъ внизу деревянныхъ колесиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ передвигается и самъ съ одного мѣста на другое.

Въ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—пріучаютъ ребенка къ ходьбѣ, обыкновенно ставя его къ скамьѣ или стулу, около которыхъ онъ сначала съ посторонней помощью, а потомъ одинъ переступаетъ съ мѣста на мѣсто. Иные же употребляютъ конусообразной формы стульчики съ отверстіемъ въ верхней доскѣ. Ребенокъ, поставленный внутрь такого стула, двигая его, самъ переступаетъ ногами. Такое злоупотребленіе стоюнками, конечно, не можетъ обходиться безнаказанно и, разумѣется, должно вести за собою тѣ или другія искривленія позвоночника и ногъ и, безъ сомнѣнія, тѣмъ въ большой степени, чѣмъ моложе и слабѣе ребенокъ.

Дѣти *Зырянъ* Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—обыкновенно сами безъ всякой посторонней помощи выучиваются ходить къ концу года, о чемъ свидѣтельствуетъ также и врачъ Парфентьевъ изъ Мезенскаго уѣзда.

Въ *Финляндіи*,—по свидѣтельству О. Нюбергъ и д-ра Пальмберъ,—для пріученія дѣтей къ стоянію иногда употребляютъ особый стулъ или вѣрнѣе табуретъ на четырехъ ножкахъ съ дырой посрединѣ верхней доски, достаточной для того, чтобы въ нее



Фиг. 177. Ходулька Пермской губерніи.

можно было поставить ребенка до подмышечной области. Къ ходьбѣ дѣти пріучаются съ 10-ти, 12-ти лѣтняго возраста.

У *Эстовъ*,—по свидѣтельству д-ра Крейцвальдта,—какъ только ребенокъ начинаетъ подниматься на ноги, является вредная метода приспособленія къ стоянію въ своего рода пыточной скамьѣ, которая крѣпко поддерживаетъ ребенка и предохраняетъ его отъ паденія; затѣмъ при первыхъ попыткахъ малютки къ ходьбѣ водятъ его на помочахъ или за руку. Самый процессъ ходьбы,—по свидѣтельству Іордана,—начинается у нихъ обыкновенно по прошествіи года.

У *Польскихъ* дѣтей Сувалкскаго уѣзда,—по свидѣтельству врача Ибянскаго,—ходьба начинается обыкновенно около года.

У *Литовцевъ* Владиславскаго уѣзда, Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Петровскаго,—также на 11-мъ и 12-мъ мѣсяцахъ; у Евреевъ той же мѣстности,—по свидѣтельству того же референта, около года или въ началѣ втораго года. Для пріученія какъ къ этому акту, такъ равно и стоянію, ни у Поляковъ, ни у Литовцевъ, ни у Евреевъ

Западнаго края Россіи, по свидѣтельству референта, обыкновенно не употребляютъ никакихъ особыхъ пріемовъ и снарядовъ.

У *Черемисъ* Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя А. Манохина, дѣти начинаютъ ходить уже годовыя.

Дѣти *Вотяковъ* Глазговскаго уѣзда, Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея Фармаковскаго, начинаютъ ходить большею частью годовыя.

Во всѣхъ *Пермятскихъ* селеніяхъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству предсѣдателя управы К.,—пріучаютъ дѣтей ходить въ «дуплянкѣ», т. е. внутри выдолбленныхъ липовыхъ обрубкахъ, мѣрою немного выше груди ребенка. Дуплянка эта не имѣетъ дна, а потому ребенокъ, передвигая дуплянку впередъ, выучивается шагать и, придерживаясь за перекладину, идущую по срединѣ верхней части дуплянки, не падаетъ. Дуплянка внутри на столько свободна, что ребенокъ, уставши ходить, можетъ присѣсть въ ней. Главное же удобство дуплянки, съ точки зрѣнія матери—работницы то, что ребенокъ во время прогулки такимъ образомъ по избѣ не требуетъ никакого надзора со стороны матери или няньки, «вожатки», какъ ее здѣсь зовутъ и должность которой почти всегда исполняетъ старшая сестра (разумѣется, гдѣ она есть), хотя бы и сама была старше ребенка годами тремя или четырьмя не болѣе.

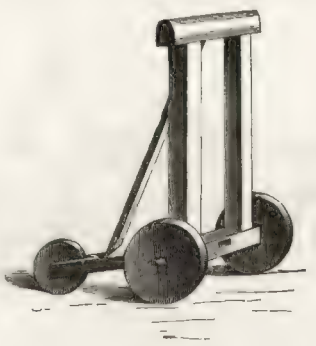
У *Остяковъ*, *Вогуловъ* и *Самоѣдовъ* Тобольской губерніи,—по свидѣтельству К. Голодникова,—дѣти начинаютъ ходить до или послѣ истеченія года отъ рожденія безъ всякой сторонней помощи. То же самое бытописатели свидѣтельствуютъ относительно *Киргизовъ* Семипалатинской области.

Дѣти *Бурятъ* Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича, — начинаютъ ходить по большей части около года. Къ ходьбѣ они ничѣмъ особенно не пріучаются. Ребенка берутъ за руки и, приподнявъ на столько, чтобы онъ стоялъ на своихъ ногахъ, переводятъ съ мѣста на мѣсто. Чрезъ это дитя укрѣпляется и, привыкая къ удерживанію баланса, постепенно начинаетъ ходить.

Въ *Туркестанѣ*,—по свидѣтельству Н. А. Маева, Сарты, составляющіе болѣе зажиточный классъ городскаго населенія, чтобы пріучить ребенка къ ходьбѣ, употребляютъ особый станокъ деревянный (фиг. 178). Легкая рама, величиною въ половину роста ребенка, прикрѣплена нѣсколько наклонно къ другой рамѣ, снабженной четырьмя колесиками, также деревянными. Чтобы наклонная рама крѣпче держалась и не отламывалась, она соединена поперечиною съ горизонтальной рамой. Ребенокъ, упираясь руками на горизонтальную верхнюю перекладину рамы и наклоняясь, вслѣдствіе положенія рамы, впередъ, толкаетъ впередъ и весь приборъ, который катится на колесикахъ. Подобные же станки, — по свидѣтельству І. Бентовскаго, — богатые *Калмыки* и *Ногайцы* Ставропольской губерніи употребляютъ для пріученія дѣтей своихъ къ ходьбѣ, хотя, правду сказать, кибитка для такихъ движеній крайне неудобна.

Караногайцы Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству Влескова, [1]) ходить пріучаютъ посредствомъ трехколесокъ, устроенныхъ въ видѣ треугольника изъ связанныхъ между собою досокъ, съ тремя внизу колесцами; при этомъ ребенка ставятъ въ средину треугольника, движущагося подъ напоромъ корпуса дитяти и понуждающаго такимъ образомъ самого ребенка дѣлать движенія.

На *Кавказѣ* въ Ахалцыхѣ и Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи (среди армянскаго населенія), по свидѣтельству врача В. Гамрекелова,—пріучаютъ дѣтей къ стоянію такимъ образомъ: устраиваютъ стоянку, состоящую изъ четырехъугольной



Фиг. 178 Туркестанскій станокъ для ходьбы.

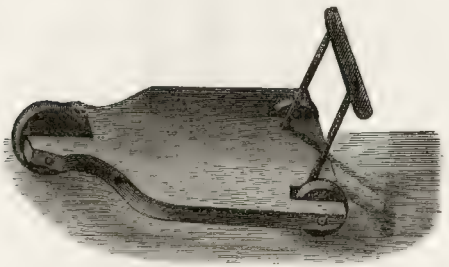
доски, по четыремъ угламъ которой прибиты четыре столбика, вышиною отъ ногъ ребенка до подмышки; сверху этихъ столбиковъ укрѣпляется доска, имѣющая по срединѣ отверстіе такой величины, чтобы ребенокъ могъ быть пропущенъ туда свободно. Пропустивши туда ребенка, становятъ его ногами на нижнюю доску, причемъ сверху онъ упирается руками о верхнюю доску. Такимъ образомъ ребенокъ привыкаетъ стоять. Такой же аппаратъ для пріученія дѣтей къ стоянью, по свидѣтельству священника г. Попандопуло,—употребляютъ *Греки* на Цаклѣ въ Тріалетскомъ приставствѣ, въ Тифлисской губерніи.

Грузины и *Армяне* Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи (прежней Карталиніи),—по свидѣтельству врача Скокова, — пріучаютъ дѣтей къ ходьбѣ съ помощью деревяннаго трехъугольника, снабжая его по угламъ небольшими колесами и соразмѣрно

[1]) Влесковъ: Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей у Караногайцевъ. Ставропольскія губернскія Вѣдомости, 1879 года. № 12.

квадратною рамою. Ребенокъ берется ручонками за раму трехъугольника, который отъ прикосновенія подается впередъ на колесахъ (придерживаемый въ первое время взрослыми) и малютка тоже невольно передвигаетъ ноги и дѣлаетъ шаги впередъ. Описанный аппаратъ, по словамъ О.,—называется здѣсь *«тчотчины»* (фиг. 180). Устройство его таково, что заставляетъ ребенка, учащагося съ помощью его ходить, слишкомъ выворачивать ноги пятками внутрь, а носками врознь. Многіе изъ туземцевъ имѣютъ такую походку, но неизвѣстно, что больше вліяетъ на это — тчотчина, или пеленаніе ребенка въ люлькѣ пятками вмѣстѣ. Многія матери, во избѣжаніе подобной походки, стараются пеленать такъ, чтобы носки ногъ ребенка соприкасались.

Такой же аппаратъ для пріученія дѣтей къ ходьбѣ,—по свидѣтельству Н. Стоянова,—употребляется въ Нухинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губер-



Фиг. 180. Тчотчины.

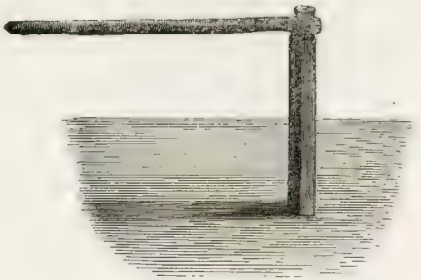
ніи, среди армянъ и татаръ и называется здѣсь «черранъ»;—по свидѣтельству П. Эйвазова, т кой же аппаратъ употребляется у *Алйсаровъ* Эриванскаго уѣзда, по свидѣтельству Оганисьянцъ,—у Армянъ Шеруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи, нося здѣсь армянское названіе *тчрелкъ* или *тчеръ*; [1]) въ западномъ Дагестанѣ, [2]) по свидѣтельству учителя Бодердовскаго аульнаго училища, С. Шмыткина, такой же аппаратъ употребляется у *Кобардинцевъ* Кубанской области; по свидѣтельству Зелинскаго у *Армянъ* Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи; по свидѣтельству врача Надеждина, — у *Кумыковъ*, *Чеченцевъ*, *Салотовцевъ* и *Ингайцевъ* Хасавъ-Юртовскаго Округа Терской области.

Въ *Ахалцыхскомъ* уѣздѣ Тифлисской губерніи,—по свидѣтельству врача Гамрекелова,—для пріученія дѣтей къ ходьбѣ устроиваютъ аппаратъ такого рода: на четырехъ колесахъ утверждается небольшая дощечка, на которой укрѣпляются два столбика, а на послѣднихъ перекладина. Ребенокъ упирается объ эту перекладину и при нѣкоторомъ усиліи съ его стороны колеса двигаются впередъ и ребенокъ слѣдуетъ за ними.

Армяне Лечхумскаго уѣзда Кутаисской губерніи, по свидѣтельству Родзевича, пріучаютъ дѣтей къ ходьбѣ посредствомъ особаго станка, называемаго

Фиг. 181. Очрочина.

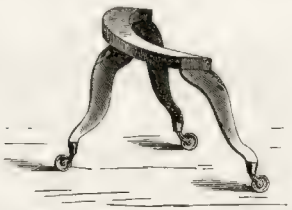
очрочина (фиг. 181). Устройство станка этого весьма не сложное. Онъ состоитъ изъ трехъугольной рамки, имѣющей вращательное движеніе вокругъ вбитаго въ землю кола. Ребенокъ, вставленный въ средину



Фиг. 182. Тчеръ.

этой рамки, опирается на нее ручками и, слѣдуя ея движенію, передвигаетъ ножки.

У *Армянъ* Казахскаго уѣзда Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [1]) для той же цѣли устроивается особаго рода «тчеръ».



Фиг. 183. Станокъ для ходьбы въ Кизлярѣ.

(фиг. 182) Это неподвижно воткнутый въ землю колъ въ полъаршина вышины, верхній заостренный конецъ котораго входитъ въ отверстіе, сдѣланное

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879 г. № 58.
[2]) Газета „Кавказъ“ 1879 г. № 49.

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879 г. № 58.

на одномъ концѣ другаго, горизонтально идущаго валька, длиною въ полъаршина, за который ухватившись, ребенокъ совершаетъ кругъ около вертикальной оси.

Въ *Кизлярѣ* Терской области, у проживающихъ тамъ Армянъ, Грузинъ и Татаръ,—по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха,—для пріученія дѣтей къ ходьбѣ устроиваютъ стойку, въ родѣ табурета (фиг. 183) съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, на четырехъ ножкахъ, снабженныхъ колесами. Эти снаряды дѣлаются доморощенными мастерами иногда и безъ колесъ, но за то попадаются въ настоящее время и болѣе изящной столярной работы.

ГЛАВА XXII.

ЗНАЧЕНІЕ ПИЩИ ДЛЯ ЖИВОТНАГО ОРГАНИЗМА.

Вліяніе пищи на животный организмъ.—Главные принципы лучшаго питанія человѣка.— Контрасты научныхъ знаній и народныхъ воззрѣній.

Изъ наблюденій естествоиспытателей, приводимыхъ между прочимъ въ большомъ количествѣ Дарвиномъ, мы знаемъ, что пища вообще имѣетъ громадное вліяніе на свойства организаціи животныхъ, увеличивая или уменьшая объемъ ихъ тѣла, измѣняя свойства внѣшнихъ и внутреннихъ органовъ ихъ, измѣняя цвѣтъ шерсти, пера, отражаясь частью даже на ихъ характерѣ и т. д. Посмотрите для примѣра на лошадей, пасущихся на обильныхъ, растительныхъ лугахъ; онѣ здѣсь получаютъ больше мяса и жира, но вмѣстѣ съ тѣмъ становятся менѣе способны къ продолжительнымъ движеніямъ. Мериносы, пасущіеся на сухихъ лугахъ, съ неособенно богатою растительностью, получаютъ болѣе тонкую, но болѣе короткую и легкую шерсть. Мериносы, переведенные изъ Рамбулье и Альфорта на влажные и сочные луга Голландіи, уже на второй годъ получили болѣе длинную, но за то болѣе толстую и менѣе эластическую шерсть и черезъ четыре года сильно увеличились въ своихъ размѣрахъ.—Зерноядныя птицы, долго кормимыя коноплей, темнѣютъ и получаютъ черноватый цвѣтъ пера.—Замѣчено, что цвѣтъ травяныхъ вшей измѣняется, смотря по тому, на какомъ растеніи онѣ живутъ и какимъ питаются. Гусеницы бабочекъ, живущія на различныхъ растеніяхъ, представляютъ различные оттѣнки цвѣтовъ.

Отъ пищи иногда зависитъ характеръ животнаго. Пѣтухи, которыхъ кормятъ мясомъ, становятся драчливѣе. Волченокъ, никогда не ѣвшій сыраго мяса, тотчасъ-же становится кровожаднымъ, какъ только случилось ему разорвать живое животное.

Лошадь, кормимая картофелемъ, дѣлается сонливою, малоподвижною и получаетъ энергію, какъ начнутъ ее кормить зерновымъ хлѣбомъ. И такъ несомнѣнно, что пища имѣетъ свойство улучшать или ухудшать и во всякомъ случаѣ измѣнять породу животныхъ.

Этотъ фактъ вліянія пищи, безспорно, можетъ быть цѣликомъ примѣнимъ и къ животному организму человѣка. Изъ наблюденій ученыхъ и путешественниковъ мы знаемъ, что въ зависимости отъ того или другаго способа питанія находится та или другая степень развитія мускульной и нервной системъ, а непосредственно отсюда большее или меньшее проявленіе физической силы, продолжительность этого проявленія и вообще выносливость [1]).—Сравнивая вліяніе растительной и животной пищи на организмъ человѣка, извѣстный преподаватель гигіены при Казанскомъ университетѣ, пр. Скворцевъ [2]) говоритъ: «растительная пища не вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ хорошаго питанія, что между прочимъ видно уже изъ самаго назначенія постовъ—ослабить тѣлесныя потребности человѣка въ пользу душевныхъ—и изъ того, что наибольшіе наши праздники въ то-же время дни перехода съ растительной пищи на смѣшанную, и это, безъ сомнѣнія, не мало дѣйствуетъ на праздничное настроеніе людей. Умиротворяющее нашу плоть вліяніе растительной пищи, прежде всего, слѣдуетъ приписать недостатку въ ней готоваго жира и обилію крахмалисто-сахаристыхъ веществъ. Хотя жиръ несомнѣнно можетъ образоваться и изъ бѣлковъ, но отсюда его добыть, конечно, труднѣе, чѣмъ когда онъ доставляется готовымъ. Притомъ такое образованіе жира изъ бѣлковъ можетъ происходить лишь въ ущербъ послѣднихъ, а это не мало значитъ въ виду малаго богатства ими растительныхъ

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Рус. пер. 1877 г. Т. I, стр. 50—51.

[2]) Пр. Скворцевъ. Общепонятная Гигіена. 1881 г., стр. 199—200.

продуктовъ. Наконецъ хотя крахмалисто сахаристыя вещества, въ качествѣ горючаго матеріала, и могутъ замѣнять жиръ, но не равными, а въ $1^3/_4$ раза большими количествами, что предполагаетъ и большую работу со стороны организма для ихъ усвоенія. Но этимъ еще не исчерпываются невыгодныя стороны исключительно растительной пищи; есть еще одна сторона, не менѣе важная. Извѣстно, что не все количество принимаемой нами пищи усвоется нашимъ тѣломъ. Величина такого усвоенія зависитъ отъ различныхъ условій: между прочимъ важную роль здѣсь играетъ и происхожденіе пищи. Пища растительная усвояется и труднѣе и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ пища животная. Такъ, напр., изъ мяса усвояется нами до 95% принятаго его количества, тогда какъ изъ чернаго хлѣба — едва 60%, много 70%. Такая меньшая усвояемость растительныхъ продуктовъ зависитъ не столько отъ какихъ либо особенныхъ качествъ собственно питательныхъ веществъ, сколько «отъ веществъ имъ сопутствующихъ».—Отъ того-то между прочимъ и у многихъ дикихъ народовъ и ихъ дѣтей, особенно питающихся растительной пищей, мы видимъ громадные животы при одновременно замѣчаемой вмѣстѣ съ тѣмъ общей слабости ихъ тѣлосложенія. Въ альбомѣ фотографій, собранныхъ мною для изученія нѣкоторыхъ антропологическихъ особенностей дѣтей разныхъ русскихъ инородцевъ, я имѣю нѣсколько снимковъ съ голыхъ дѣтей, изъ которыхъ, какъ наиболѣе доказательные въ только что сказанномъ отношеніи, прилагаю здѣсь два, а именно: одинъ, снятый въ Москвѣ, во время бывшей здѣсь въ 1879 г. антропологической выставки, съ дѣвочки Самоѣдки, $1^1/_2$ года (фиг. 184) и другой снимокъ съ дѣвочки Тунгузки, 4-хъ лѣтъ, обязательно доставленный мнѣ изъ Якутскаго статистическаго комитета. (Фиг. 185). Въ обоихъ случаяхъ отвислые животы, при очевидно слабомъ тѣлосложеніи и выраженномъ рахитизмѣ, даютъ себя замѣтить съ перваго-же взгляда. Такое-же понятіе даетъ о себѣ Бурятскій ребенокъ, изображенный выше на фиг. 23. По словамъ Варрена [1]), — въ Мадрасѣ и Калькутѣ почти у каждаго изъ дѣтей большое брюхо, что происходитъ отъ риса, которымъ они питаются. Описывая племя Ведда, Тентантъ упоминаетъ о вздутыхъ животахъ ихъ дѣтей. Гальтонъ говоритъ, что дѣти племени Дамара обладаютъ всѣ страшно вздутыми животами [2])—Подобныхъ примѣровъ не мало можно найти и у другихъ авторовъ и путешественниковъ. Относительно животной пищи современные гигіенисты высказываютъ убѣжденіе, что исключительное употребленіе ея также не удовлетворяетъ организма, какъ по составу (отсутствіе крахмалисто-сахаристыхъ веществъ), такъ и по излишне возбудительному дѣйствію ея и даже недостаточному разнообразію содержащихся въ ней вкусовыхъ веществъ; поэтому лучшею и наиболѣе разумною пищею считается смѣшанная, т. е. растительная вмѣстѣ съ животной.

Фиг. 184. Самоѣдская дѣвочка съ матерью.

При обсужденіи вопроса о вліяніи пищи на организмъ человѣка не слѣдуетъ забывать еще того обстоятельства, что пищеварительный аппаратъ, достаточный вмѣстимостью для цивилизованнаго человѣка, принимающаго пищу чрезъ короткіе и правильные промежутки времени, оказывается недостаточно объемистымъ для дикаря, трапезы котораго то скудныя, то изобильныя, слѣдуютъ другъ за другомъ самымъ неправильнымъ образомъ, завися вполнѣ отъ случайностей охоты и того сорта пищи, на которую наведетъ удача. Благодаря этимъ-то случайностямъ, влекущимъ за собой иногда продолжительный голодъ, а иногда огромную добычу, дикарь обыкновенно жадно набрасывается на вся-

[1]) Графъ Э. Варренъ. Англійская Индія. Рус. перев. 1845 г. стр. 70.

[2]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. 1877 г. Т. I, стр. 48.

кую попадающуюся ему на глаза пищу и пожираетъ ее массами, какъ-бы стараясь сдѣлать запасъ для будущаго. «Извѣстно, что Самоѣды, – говоритъ Н. Ю. Зографъ, [1]) имѣвшій случай изслѣдовать ихъ на мѣстѣ родины, — наѣдаются такъ сильно, что ихъ нерѣдко принуждены бываютъ катать по землѣ для лучшаго хода пищи по пищевымъ путямъ; животъ Самоѣда, только что пообѣдавшаго, по окружности своей увеличивается на цѣлые десятки сантиметровъ сравнительно съ животомъ голоднаго субъекта». Подобнымъ-же образомъ, разумѣется, наѣдаются и ихъ дѣти, отъ чего у нихъ также, какъ мы уже видѣли, замѣчаются большіе, вздутые животы. Гровъ описываетъ Камчадаловъ, какъ людей съ отвислымъ животомъ, съ тонкими, слабыми ногами и руками. О Бушменахъ Барро говоритъ, что у нихъ животы торчатъ чрезвычайно сильно. Швейфуртъ говоритъ объ огромномъ вздутомъ животѣ и коротких кривыхъ ногахъ племени Акка, равно какъ говоритъ, что дѣти африканскихъ арабовъ походятъ съ этой стороны на людей племени Акка [2]) и т. д.

Фиг. 185. Тунгузская дѣвочка.

Въ виду такого важнаго значенія пищи для экономіи организма человѣка современные гигіенисты старались опытами и изслѣдованіями опредѣлить, сколько и какіе именно роды пищи требуетъ организмъ при различныхъ условіяхъ для успѣшнаго своего существованія.

По опытамъ Фойта [1]) здоровый рабочій при умѣренномъ трудѣ нуждается ежедневно въ 118 грам. сухаго бѣлка и 328 грам. углерода, но такъ какъ послѣдняго въ даваемомъ бѣлкѣ заключается уже 63 грам., то нужно доставлять его въ видѣ жира и углеводовъ 265 грам. Эти вещества могутъ быть предоставляемы слѣдующею пищею: для доставленія 118 грам. бѣлка нужно сыра 262 грам., или гороха 520, или тощаго мяса 538, или пшеничной муки 796, или яицъ (18 штукъ) 905, или кукурузы 989, или чернаго хлѣба 1430, или риса 1868, или молока 2905, или картофеля 4595, или бѣлой капусты 7625, или рѣпы 8714 грам. Кромѣ того для доставленія 328 грам. углерода требуется: кукурузы 801 грам., или пшеничной муки 824, или рису 896, или гороха 919, или сыра 1160, или чернаго хлѣба 1346, или яицъ (43) 2231, или тощаго мяса 2620, или картофеля 3124, или молока 4652, или капусты 9318, или рѣпы 10650, или пива 13160 грам. Изъ этого сопоставленія видно, что каждое изъ приведенныхъ веществъ само по себѣ не можетъ регулярно покрывать потерю организма трудящагося работника. Такъ если-бы онъ хотѣлъ питаться однимъ мясомъ, то онъ потребовалъ-бы въ сутки 3158 грам., т. е. почти 7 фунтовъ. Вѣдникъ, который имѣетъ для своего пропитанія одинъ картофель, долженъ съѣсть болѣе 7000 грам., т. е. около 14 фунтовъ этого растенія. Но если составить пищу изъ мяса и картофеля, то потребуется того и другаго вмѣстѣ около 5 фунтовъ. Если для составленія пищи взять мясо и хлѣбъ, то для поддержанія лишь одного существованія средній взрослый человѣкъ долженъ съѣдать въ сутки до $1^1/_4$ ф. хлѣба и до одного фунта мяса, а при усиленной работѣ хлѣба должно быть до $2^1/_2$ ф., а мяса до $1^1/_2$ ф одновременно. Если сюда прибавить необходимое ежедневное количество воды до 6 фунтовъ въ сутки, то все количество пищи и питья, которымъ долженъ пользоваться человѣкъ, при обычномъ своемъ трудѣ, будетъ простираться до $^1/_{20}$ части его тѣла. Послѣ всего этого становится понятнымъ, почему Ирландскій работникъ, вообще истребляющій огромныя количества картофеля, тѣмъ не менѣе всегда чувствуетъ себя въ проголодь, такъ какъ для утоленія своего голода или, иначе говоря, для доставленія всѣхъ необходимыхъ частей организму въ картофелѣ, онъ долженъ бы былъ съѣдать такое количество его, какого не въ состояніи переварить ни одинъ человѣческій желудокъ, и вотъ почему онъ не можетъ идти даже и въ сравненіе съ англійскимъ рабочимъ, вообще считающимся лучшимъ изъ всѣхъ работниковъ материка, но за то съѣдающимъ ежедневно до $1^1/_2$ ф. мяса, достаточное количество хлѣба, масла, сыра

[1]) Н. Ю. Зографъ. Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ. (Извѣстія Императ. Общ. Любителей Естествознанія и пр. Т. XXXI. Прилож., стр. 63).

[2]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи, стр. 48.

[1]) Deutsche Viertheljahrschrift für öffentliche Hygiene. 1876. I

и т. п. Что мы сказали объ ирландскихъ работникахъ, то же цѣликомъ по сравненію съ англійскими рабочими можно сказать и о труженикахъ другихъ странъ, гдѣ послѣдніе выработываютъ необходимое количество силъ для своего труда изъ поѣдаемыхъ въ огромномъ количествѣ грибовъ, огурцевъ, капусты, картофеля, брюквы, плохо испеченнаго хлѣба и т. д.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ и указаній между прочимъ выясняется весьма важное значеніе пищи въ смыслѣ національнаго питанія вообще, а вопросъ о количествѣ и качествѣ ея невольно становится однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. На этомъ-же основаніи нѣкоторые писатели, достойные уваженія, обыкновенно не безъ права говорятъ, что главное условіе успѣха въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть хорошимъ животнымъ, а быть націей хорошихъ животныхъ есть первое условіе національнаго благоденствія. Не только исходъ войны часто зависитъ отъ тѣлесной силы и мужества солдатъ, но и въ торговлѣ состязанія отчасти опредѣляются физическою выносливостью производителей [1]).

Съ этой точки зрѣнія вопросъ о питаніи человѣка долженъ быть захваченъ еще глубже и именно съ болѣе ранняго періода развитія его, съ самаго дѣтства, когда первую пищу его можно разсматривать, какъ краеугольный камень, полагающій основаніе развитію и физическихъ и моральныхъ силъ будущихъ гражданъ и слѣдовательно уже изъ этого періода получающій громадное значеніе, какъ со стороны экономической, такъ и антропологической.

Прилагая изложенные принципы питанія къ наиболѣе цѣлесообразному питанію дѣтей и кромѣ того имѣя въ виду несомнѣнныя особенности ихъ организма, современная гигіена въ отношеніи питанія дѣтей предлагаетъ держаться слѣдующихъ главнѣйшихъ правилъ:

1) Чѣмъ болѣе сбереженъ трудъ пищеваренія, тѣмъ болѣе сохраняется силы, потребной для роста и дѣятельности. Поэтому разумно употребляемая пища для дѣтей должна составлять возможно достаточное количество питательныхъ веществъ при меньшей массѣ ея. Излишняя работа пищеваренія, будетъ ли она заключаться въ избыткѣ количества или излишнихъ примѣсяхъ, затрудняя самое пищевареніе и ослабляя остальныя функціи организма, особенно вредно вліяетъ на дѣтей, выражаясь въ нихъ слабой силой, малымъ ростомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

2) Наилучшее питаніе, въ смыслѣ болѣе успѣшнаго развитія физической силы и крѣпости, умственной энергіи и дѣятельности, а также развитія роста достигается преимущественно животной или смѣшанной пищей въ той или другой формѣ, смотря по возрасту; одна же растительная пища всегда влечетъ за собой въ той или другой степени ослабленіе физической и умственной силы.

3) Самою соотвѣтствующею и естественною пищею грудного ребенка наука признаетъ молоко матери, во первыхъ какъ заключающее въ себѣ всѣ необходимыя для питанія его вещества и при томъ въ формѣ наиболѣе удобоваримой; во вторыхъ, какъ такую пищу, которая по мѣрѣ развитія ребенка съ величайшею пользою для него измѣняется предусмотрительной природой, сообразно измѣняющимся вмѣстѣ съ тѣмъ условіямъ въ развитіи желудочно-кишечнаго канала и всей организаціи его. Поэтому материнское молоко рѣшительно благопріятствуетъ физическому развитію ребенка въ первое время его жизни и наоборотъ всякое искусственное кормленіе или раннее прикармливаніе дитяти, будетъ ли то коровьимъ молокомъ или другими суррогатами, задерживаетъ развитіе ребенка.

Докторъ Руссовъ изъ С.-Петербурга [1]), на основаніи довольно многочисленныхъ наблюденій относительно вліянія различныхъ способовъ кормленія на вѣсъ и ростъ дѣтей, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) Кормленію грудью въ продолженіе перваго года соотвѣтствуетъ наибольшій вѣсъ и длина дѣтей.

b) Дѣти, вскормленныя грудью съ прикармливаніемъ, значительно уступаютъ въ вѣсѣ дѣтей, вскормленныхъ одною грудью.

c) Разность между вѣсомъ дѣтей, вскормленныхъ грудью и смѣшанной пищей достигаетъ въ концѣ года 1450 граммъ, равняясь $^1/_4$ годоваго ребенка.

d) Длина дѣтей, воспитанныхъ одною грудью, превосходитъ длину дѣтей на смѣшанной пищѣ на 4 с. м. въ годъ.

e) Рано начатое, искусственное вскармливаніе мѣшаетъ ребенку развиваться даже въ сроки, когда прикармливаніе показуется.

f) Разность между дѣтьми при нормальномъ кормленіи грудью и искусственномъ достигаетъ въ концѣ года 3802 граммъ, или больше половины вѣса годоваго ребенка при искусственномъ кормленіи.

g) Развитіе или длина дѣтей искусственно вскормленныхъ меньше грудныхъ дѣтей на 10 с. м. въ г.

h) Дѣти, воспитанныя на первомъ году грудью, представляютъ и въ слѣдующіе годы большій ростъ.

Московскій врачъ, В. Н. Бензенгръ [2]), на осно-

[1]) Г. Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Русск. перев. 1877 г., стр. 278

[1]) А. Руссовъ: сравнительныя наблюденія надъ вліяніемъ кормленія грудью и искусственнаго кормленія на вѣсъ и ростъ дѣтей. Диссертація. 1879 г.

[2]) В. Н. Бензенгръ: о вліяніи питанія въ раннемъ возрастѣ на прорѣзываніе зубовъ у ребенка съ антропологической точки зрѣнія. (Приложеніе къ XXXI тому Извѣстій Импер. Общ. Любит. Естеств и пр. Антропологическая Выставка 1879 г.).

ваніи 6800 наблюденій, пришелъ къ тому заключенію, что способы кормленія оказываются не безъ вліянія на время прорѣзыванія зубовъ, а именно: при кормленіи ребенка грудью матери зубы появляются вообще нѣсколько раньше, чѣмъ при кормленіи кормилицей. При плохомъ же кормленіи (смѣшанномъ и искусственномъ), да еще у дѣтей, родившихся отъ слабыхъ и болѣзненныхъ родителей первый зубъ вырѣзывается въ большинствѣ на второмъ году. Не мало подобныхъ наблюденій заявлено и въ иностранной литературѣ.

4) Одною изъ важнѣйшихъ и болѣе частыхъ причинъ болѣзней и смертности дѣтей наука считаетъ преждевременное лишеніе ребенка груди матери. Статистика показываетъ, что даже при вскармливаніи кормилицами смертность дѣтей гораздо больше, чѣмъ при кормленіи материнскою грудью; при кормленіи же искусственномъ смертность еще выше, на что въ настоящее время скопилось въ наукѣ уже много неопровержимыхъ данныхъ.

5) Главнѣйшія частности при кормленіи грудныхъ дѣтей слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія: a) Кормленіе грудью матери или кормилицы должно продолжаться приблизительно около года b) Первую пищу, замѣняющую молоко, должно составлять молоко какого либо домашняго животнаго, напр. коровы, козы, кобылицы, ослицы, и т. д. c) Молоко слѣдуетъ давать сначала слегка разбавленнымъ водою и вскипяченнымъ, а потомъ, по мѣрѣ привыканія къ нему ребенка, цѣльнымъ и сырымъ. d) Лучше всего начать прикармливаніе молокомъ животныхъ послѣ прорѣзыванія первыхъ зубовъ, т. е. около 6 мѣсяцевъ послѣ рожденія. e) Молоко для прикармливанія сначала брать небольшими количествами, напр. около 3 столовыхъ ложекъ одинъ разъ въ день; чрезъ недѣлю давать два раза въ день по такому же количеству и т. д. f) Около 8 мѣсяцевъ можно давать жидкую кашку на молокѣ, бульонъ, по временамъ яйца, а около 10 мѣсяцевъ давать уже понемногу рубленое мясо. g) При кормленіи грудныхъ дѣтей не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ крахмалистая пища плохо измѣняется въ дѣтскомъ пищеварительномъ аппаратѣ, а потому дѣти, рано получающія хлѣбныя соски и кашу, легко получаютъ колики, поносы и другія разстройства пищеваренія и питанія.

Сопоставляя съ этими научными данными народныя воззрѣнія на питаніе человѣка съ дѣтства, вообще говоря, мы не только нигдѣ не встрѣчаемъ согласія между ними, но даже почти всегда и вездѣ находимъ громадное противорѣчіе. Какъ ни странно такое явленіе, тѣмъ не менѣе оно справедливо и вдобавокъ легко объяснимо,—а именно: раціональная діэтетика основывается на научныхъ данныхъ, а народъ всегда и вездѣ живетъ въ силу традиціонныхъ обычаевъ, привычекъ, слѣпыхъ побужденій, предразсудковъ и т. п., которые до такой степени срослаются съ народомъ, что потомъ крайне трудно сдѣлать что либо съ цѣлью разоблаченія ложныхъ воззрѣній народныхъ. Потрудитесь, напр., доказать городской щеголихѣ, увлеченной модой, вредъ ея тѣсной обуви, шнуровки, шляпки, едва покрывающей одну макушку, и вы тотчасъ же убѣдитесь, что это дѣло невозможное: мода и обычай вездѣ ставятся выше разума и науки. Вслѣдствіе подобныхъ же причинъ и гигіена вообще пока не только не признается, но она даже и не можетъ быть признана ни однимъ народомъ, живущимъ по заведеннымъ изстари порядкамъ, которые можетъ измѣнить отчасти развѣ только значительный подъемъ умственнаго развитія народнаго.

ГЛАВА XXIII.

КОРМЛЕНІЕ ДѢТЕЙ У ДРЕВНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДОВЪ *).

Обычай кормленія дѣтей въ древнемъ Китаѣ, Египтѣ, Индіи.—Выборъ кормилицы, изслѣдованіе ея молока и діэта въ древней Индіи.—Обычай кормленія въ древней Персіи, у Іудеевъ, въ древней Греціи.—Значеніе кормилицы въ древнегреческихъ семействахъ.—Обычая кормленія у древнихъ Перуанцевъ, мексиканскихъ Ацтековъ, древнихъ Германцевъ.—Оригинальный выборъ кормилицъ въ Японіи для новорожденнаго князя въ прошломъ столѣтіи.—Первоначальное продовольствіе дѣтей у разныхъ современныхъ народовъ.—Время перваго прикладыванія дѣтей къ соскамъ матери.—Передача ихъ для кормленія другимъ женщинамъ, бабушкамъ, рабынямъ и животнымъ.—Торговля женскимъ молокомъ въ Китаѣ и Персіи.—Заповѣди Магомета о кормленіи дѣтей грудью.—Искусственное кормленіе.—Время отнятія отъ груди и основанія для этого у разныхъ народовъ.

Любовь родителей къ дѣтямъ считается въ Китаѣ одною изъ высшихъ добродѣтелей, а потому матери тамъ уже съ давнихъ поръ имѣютъ обыкновеніе сами кормить своихъ грудныхъ дѣтей и только въ случаѣ крайней нужды передаютъ ихъ кормилицамъ. Когда ребенокъ подрастетъ, онъ уже питается почти всѣмъ безъ разбора, какъ и взрослый китаецъ.

Въ Египтѣ многочисленное населеніе считалось полезнымъ для государства, а потому, очевидно, дѣти должны были пользоваться горячею любовью родителей и матери должны были сами кормить грудью дѣтей своихъ до извѣстнаго возраста. О распространеніи этого обычая съ большою долею вѣроятія можно судить также по массѣ изображеній женщинъ, кормящихъ дѣтей и фигурирующихъ на барельефахъ стараго времени. Большое количество такихъ изображеній находится, напримѣръ, на стѣнахъ западнаго храма и, повидимому, относится главнымъ образомъ къ Изидѣ (богинѣ природы—производительницѣ) и сыну ея Гору (Horus), богу полезныхъ изобрѣтеній [1]).—Но иногда тамъ брали и кормилицъ, на что указываетъ между прочимъ исторія Моисея, взятаго изъ воды дочерью Фараона,—къ которой тотчасъ же явилась, слѣдовавшая за судьбою покинутаго младенца, сестра Моисея, съ предложеніемъ кормилицы, на принятіе которой царская дочь и согласилась. «Соблюди ми отроча сіе и воздай ми е; азъ же воздамъ ти мзду» [1])—сказала дочь Фараона сестрѣ Моисея. На передачу дѣтей кормилицамъ, а, можетъ быть, и вообще на раннее отнятіе ихъ отъ груди могъ располагать въ Египтѣ еще тотъ обычай, что, по свидѣтельству историковъ, женщины занимались въ Египтѣ рыночными и торговыми дѣлами, тогда какъ мужчинамъ поручалась работа въ домѣ и у ткацкаго станка. Когда дѣти подростали, они получали простую пищу, какъ, напримѣръ, выпеченную въ золѣ сердцевину папируса, корни и стебли съѣдобныхъ водяныхъ растеній, либо сырые, либо вареные и жареные [2]).

Въ древней Индіи, по Susrutas'у, вскорѣ послѣ рожденія давали дитяти сосать съ одного пальца порошокъ Cassiae Fistulae, смѣшанный съ медомъ чистымъ масломъ, сокомъ Panici dactyli и Siphonanthi indicae. Что же касается груднаго молока, то въ древней Индіи полагали, что оно не появляется у матери до 3—4 сутокъ, вслѣдствіе чего въ первый день предписывалось давать трижды подслащенное масло, смѣшанное съ Panico dactylo и освященное божественными гимнами; на 2—3 сутки масло приготовлялось съ Laksmaná. За тѣмъ давали еще негодное для сосанія молоко, смѣшанное съ медомъ и масломъ и столько, сколько можетъ быть вмѣщено въ пустую руку,—пить два раза. Только послѣ этого, по ученію Ayrvedas, у матери расширяются нервы, расположенные въ сердцѣ, и появ-

[1]) Description de l'Egypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Egypte pendant l'expedition de l'armée française. Seconde edition publiée par C. Z. F. Panckoucke. Paris. MDCCCXX. Tome pr. p. 83.

[1]) Исходъ. Гл. 11, ст. 7—9.

[2]) К. Шмидтъ. Исторія. Т. 1, стр 131.

*) Факты безъ цитатъ, относящіеся къ этой главѣ, заимствованы нами большею частью у Плосса.

ляется наконецъ молоко. На 10-ый день, по наре-ченіи имени, сопровождавшемся религіозной церемоніей, дитя передавалось кормилицѣ, предварительно тщательно осмотренной врачемъ. Обычай этотъ впрочемъ, вѣроятно, соблюдался также, какъ и у насъ, только въ богатыхъ семействахъ. При выборѣ кормилицы обращалось вниманіе на то, чтобы она была средняго роста и возраста, здорова, добронравна, не труслива, не похотлива, не худощава, не толста, имѣла въ обиліи молоко, чтобы у нея не было выдающихся губъ, выдающихся и торчащихъ кверху грудей, не было безобразій и тѣлесныхъ недостатковъ, чтобы она была ласкова съ ребенкомъ, знала много пѣсень, была кротка, не вульгарна, происходила отъ хорошей семьи и вообще обладала многими достоинствами для возращенія здороваго и крѣпкаго ребенка. Древне-индійскіе врачи полагали, что отъ кормилицы, имѣющей груди, торчащія кверху, ребенокъ можетъ сдѣлаться свирѣпымъ, а при выдающихся грудяхъ ребенокъ можетъ умереть (задохнуться) чрезъ закрытіе носовыхъ отверстій. При изслѣдованіи молока древне-индійскіе врачи обращали вниманіе на то, чтобы охлажденныя чистыя и нѣжныя капли его, какъ свѣтлыя раковины, опускаемыя въ воду, казались равномѣрнаго цвѣта, не давали мути и ниткообразныхъ клочковъ, не плавали сверху и не осидали на дно. Они запрещали также давать ребенку молоко женщины голодной, удрученной горемъ, непомѣрными трудами, имѣвшей тѣлесные недуги и болѣзни въ продолженіе беременности, очень изможженной или жирной и питающейся не соотвѣтствующей пищей. Древне-индійскіе врачи знали также, что отъ испорченнаго молока кормилицы происходили различныя болѣзни дитяти. Когда молоко матери или кормилицы признавалось хорошимъ, тогда врачъ въ благопріятный лунный день бралъ ребенка съ вымытой головой, одѣтаго въ чистое платье и съ поднятымъ вверхъ лицемъ. При этомъ онъ приказывалъ кормилицѣ сидѣть обращенной лицемъ на востокъ и старался выпустить нѣсколько капель молока изъ правой ея груди, предварительно обмытой, и произносилъ слѣдующій священный гимнъ: «да будутъ у тебя, о блаженная!—всегда въ грудяхъ четыре океана для здороваго питанія дитяти. Пусть оно, сосаніемъ молока, содержащаго божественную жидкость, достигнетъ у тебя, имѣющей прекрасное лице, долгаго вѣка, какъ боги, принимающіе амброзію!»—Чрезъ мѣсяцъ по рожденіи ребенокъ получалъ для сосанія родъ сладкаго тѣста, составленнаго изъ меда, молока, сахара и масла. На шестомъ мѣсяцѣ происходило отнятіе отъ груди, а ребенку давали молоко коровье и козье [1]).

[1]) Susrutas. Ayurvédas. T. II. Cap. X.

По свидѣтельству Дункера, [1]) у древне-буддійскихъ индійцевъ дѣти князей отдавались кормилицамъ, дѣти которыхъ въ свою очередь также пользовались иногда почетомъ.

Въ древней Персіи тотчасъ послѣ родовъ давали ребенку въ ротъ сокъ гаомы и послѣ того уже мать кормила его грудью [2]).

У древнихъ Іудеевъ мать обыкновенно сама кормила свое дитя грудью [3]). Только въ знатныхъ фамиліяхъ въ случаѣ смерти и тяжкой болѣзни матери допускалось пользованіе кормилицей. Самое кормленіе грудью большею частью продолжалось долѣе трехъ лѣтъ [4]). При отнятіи отъ груди приносилась торжественно жертва и отнимаемому въ первый разъ давалось молоко съ медомъ [5]).

Въ древней Греціи обыкновенно матери сами кормили своихъ дѣтей; но въ случаѣ собственной слабости и болѣзненности онѣ брали для этого кормилицъ, которыя въ такомъ случаѣ должны были отличаться здоровымъ тѣломъ, хорошимъ пониманіемъ, хорошею рѣчью, чистымъ выговоромъ, добродѣтельнымъ поведеніемъ, что все вмѣстѣ онѣ должны были передать ребенку при кормленіи [6]).

Въ цвѣтущую пору эллинизма, — говоритъ Шмидтъ [7]),—кормилицы въ Аѳинахъ были во всеобщемъ употребленіи. Такъ какъ свободнымъ гражданкамъ воспрещалось закономъ и считалось даже позорнымъ заниматься этимъ промысломъ, то въ кормилицы выбирали обыкновенно рабынь, которыя затѣмъ увольнялись и считались членами семьи. Знатные и богатые охотнѣе всего брали кормилицъ изъ Спарты, дабы доставить своимъ дѣтямъ здоровую и крѣпительную пищу. Когда кормилица покончивала свое дѣло, а оно длилось годъ и до полутора, то на ея мѣсто поступала нянька, воспитательница ребенка, обыкновенно женщина пожилыхъ лѣтъ. Она кормила дитя пищею, состоявшею изъ меда и тому подобныхъ легкихъ и сладкихъ яствъ. Спартанскія матери [8]) сначала сами кормили своихъ дѣтей; но послѣ персидскихъ войнъ въ болѣе знатныхъ домахъ встрѣчались также кормилицы и няньки (—наемныя женщины изъ сословія парiековъ),—отличавшіяся въ Спартѣ особеннымъ радѣньемъ и умѣньемъ и потому весьма цѣнимыя иноземцами (кормилица Алкивіада, Амикла

[1]) M. Dunker. Geschichte der Alterthums. 11. S. 23.

[2]) К. Шмидтъ. ibid. стр. 119.

[3]) Кн. Бытія. Гл. 21, ст. 7; первая книга Царствъ, Гл. 1. ст. 23 и пр.

[4]) Вторая книга Макавеевъ. Гл.7, ст. 27; К. Шмидтъ: исторія педагогики. 1877 г. Т. 1, стр. 485.

[5]) Kotelmann: die Geburtshülfe bei den alten Hebräern. Sarb. 1876. S. 46.

[6]) Neu-eröffnete Schatzkammer griechischer Antiquitäten von Melissantes. 1717. S. 402. § 7.

[7]) К. Шмидтъ. ibid. стр. 227.

[8]) К. Шмидтъ. ibid. стр. 188.

была изъ Лаконіи). Посторонняя женщина, разъ выкормившая ребенка въ древней Греціи, не покидала его уже потомъ никогда, даже послѣ его свадьбы. Наоборотъ съ этого времени она становилась близкимъ ему человѣкомъ, роднею и совѣтницей, а потому во всѣхъ древне-греческихъ трагедіяхъ княжна никогда не выходитъ на сцену театра безъ своей кормилицы.—Бывали однако случаи, что ребенокъ не могъ пользоваться ни грудью матери, ни грудью кормилицы; въ такомъ случаѣ ему давали молоко съ медомъ изъ особенной, маленькой, глиняной посудинки, или же чрезъ губку, которую онъ сосалъ [1]). Можетъ быть, къ отдѣлу греческихъ же аппаратовъ, принаровленныхъ для вскармливанія дѣтей, слѣдуетъ отнести и тѣ предметы, о которыхъ письменно сообщилъ намъ проф. Варшавскаго Университета Д. Я. Самоквасовъ: «въ моей коллекціи древностей, говоритъ онъ, — имѣются два терракотовыхъ сосуда, по всей вѣроятности, служившихъ въ древности питомниками для дѣтей, замѣнявшими собою рожки—питомники нашего времени. Сосуды эти имѣютъ видъ и величину большихъ рюмокъ, открытыхъ сверху, съ маленькою ручкою на одной сторонѣ и отверстіемъ на другой, открывающимся въ продолговатую, заостренную терракотовую сосульку имѣющую около вершка длины. (Фиг. 186 и 187). Оба сосуда куплены мною въ Керчи отъ мѣстнаго торговца древностями, еврея Бухзеля, а послѣднимъ пріобрѣтены отъ рабочихъ, производившихъ раскопки кургановъ на Таманскомъ полуостровѣ», составлявшемъ въ старину, какъ извѣстно, одну изъ греческихъ колоній.

Въ древнемъ Римѣ мать кормила дитя грудью сама, или также отдавала его кормилицѣ [2]) Относительно самаго способа этого кормленія мы отчасти можемъ составить себѣ понятіе по тѣмъ совѣтамъ, какіе давалъ въ этомъ отношеніи Соранъ [3]). По его мнѣнію въ первые два дня лучше недавать новорожденному никакой пищи, а ограничиться назначеніемъ одного масла, или съ примѣсью abrotani (благовоннаго, божьяго дерева), polentae (ячменной крупы) и т. п. Для этой же цѣли можетъ быть рекомендованъ умѣренно сваренный медъ. Только на третій день ребенокъ можетъ взять грудь, но опять таки не матери, а сначала другой женщины, потому что молоко первой часто не переносится, тяжело и творожисто. Если таковой женщины нѣтъ, то въ первые три дня слѣдуетъ давать ребенку только медъ съ козьимъ молокомъ. Передъ употребленіемъ груди матери сначала нужно дать ее от-

Фиг. 186

сосать другому ребенку, или предварительно выдоить ее. Соранъ рѣшительно возставалъ противъ воззрѣнія Демосѳена, совѣтывавшаго матери, наоборотъ, тотчасъ же кормить дитя своею грудью, какъ наиболѣе соотвѣтствующею пищею. Вотъ откуда

Фиг. 187.

можетъ быть взялся обычай, сохранившійся и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ (Франціи, Германіи, Россіи и др.), не давать первые два—три дня груди матери, а давать сахарную воду или манный сыропъ съ чаемъ изъ ромашки и т. п. съ цѣлью лучшаго выведенія первороднаго кала (meconii) и т. д. Въ свою очередь древнегреческіе и древнеримскіе врачи, можетъ быть, сами заимствовали этотъ обычай изъ глубокой старины, такъ какъ слѣды его въ той или

---

[1]) A. Forbiger. Hellas und Rom. B. 1. Leipzig. 1876. Kapit. 2. S. 41.

[2]) Шмидтъ. l. c. стр. 366.

[3]) Ueber die Pflege und Krankheiten der Kinder aus griechischen Quellen nach einer von der Breslauer medicinischen Facultät gekrönten Preisschrift, von Traugott *Kroner*, cand. med. (Jahrbuch f. Kinderheilkunde B. X. 3 — 4. Heft 1876. S. 351—352). Häsel. l. c. S. 311.

другой формѣ и до сихъ поръ приходится встрѣчать у многихъ народовъ Азіи, Африки и т. д.

При выборѣ кормилицы Соранъ совѣтуетъ держаться слѣдующихъ правилъ: она должна быть въ возрастѣ отъ 26 до 40 лѣтъ, нѣсколько разъ рожавшая и не менѣе 2—3 мѣсяцевъ имѣть отъ послѣднихъ родовъ. Слишкомъ полныя груди неудобны, потому что онѣ никогда не высасываются ребенкомъ, а потому часть молока въ нихъ портится. Слѣдуетъ обращать вниманіе на свойство сосковъ и достаточную величину ихъ каналовъ. Кормилицы должны быть умѣренны; имъ слѣдуетъ запрещать соитіе и вино. Молоко слѣдуетъ пробовать съ помощью капанія на ноготь, листъ лавроваго дерева, или съ помощью смѣшиванія его съ равнымъ количествомъ воды, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ хорошее молоко смѣшивается постепенно и равномѣрно, а плохое наоборотъ. Самое худшее въ молокѣ то, если оно при смѣшеніи съ водой образуетъ свертокъ. Самыя лучшія кормилицы тѣ, молоко которыхъ не измѣняется ни при какихъ обстоятельствахъ. Для поддержанія здоровья кормилицъ слѣдуетъ назначать имъ движенія, соотвѣтственное одѣваніе, умѣренныя работы и т. д. Приступать къ отученію отъ груди Соранъ совѣтовалъ не ранѣе 6 мѣсяцевъ. Одновременно съ грудью онъ совѣтовалъ тогда давать хлѣбный мякишъ, размоченный въ водѣ, молокѣ или медѣ, винѣ, супѣ изъ полбы, жидкую кашу и яйца въ смятку. Полное отнятіе отъ груди онъ совѣтовалъ не ранѣе $1^1/_2$ или 2 лѣтъ [1]).

У древнихъ *Перуанцевъ* [2]), въ царствѣ Инковъ мать всегда кормила дитя сама, причемъ какъ бы ложилась на него и производила это не чаще трехъ разъ въ день, а именно утромъ, днемъ и вечеромъ. Въ остальное время ребенокъ могъ кричать сколько ему угодно, не получая груди, пока наконецъ не привыкнетъ къ заведенному порядку. Основаніемъ этого обычая служило мнѣніе, что дитя при частомъ кормленіи становилось блѣднымъ, склоннымъ къ рвотѣ, а въ дальнѣйшемъ возрастѣ ненасытнымъ. Во весь періодъ кормленія мать воздерживалась отъ мужа, полагая, что чрезъ это портится молоко и ребенокъ дѣлается расположеннымъ къ чахоткѣ и къ болѣзнямъ. Какъ бы долго мать ни кормила дитя, до отнятія отъ груди ничего болѣе не давала ему ни ѣсть, ни пить, исходя изъ того мнѣнія, что всякая другая пища, перемѣшанная одновременно съ материнскимъ молокомъ, вредна для здоровья дитяти. Какъ только ребенокъ былъ въ состояніи держаться прямо, онъ долженъ былъ самъ брать грудь матери, лежа на колѣняхъ. Если онъ хотѣлъ взять другую грудь, то долженъ былъ сдѣлать это также безъ помощи матери. Періодъ кормленія продолжался у нихъ до двухъ лѣтъ [1]).

Женщины исчезнувшихъ Ацтековъ [2]) въ Мексикѣ также всегда кормили дѣтей своихъ сами. Исключеніе дѣлалось единственно при болѣзни, когда ребенокъ передавался кормилицѣ, выбиравшейся съ величайшею тщательностью.

Весьма оригинальный взглядъ на выборъ кормилицъ встрѣчаемъ въ прошломъ столѣтіи въ Японіи и именно при выборѣ кормилицы для новорожденнаго князя. [3]). Для этого собиралось сначала восемьдесять (80) наиприкраснѣйшихъ женщинъ изъ всего королевства, которыхъ представляли матери, женамъ и девяти наиближайшимъ сродницамъ монарха, угощали ихъ цѣлый день и давали почетные титулы, которые оставались потомъ при нихъ на всю жизнь. На другой день уменьшали число ихъ до половины, отпуская прочихъ съ богатыми дарами. На слѣдующій день возвышали титулы тѣмъ, которыя оставались, и изъ сорока выбирали десять, а изъ сихъ только трехъ, отсылая неимѣвшихъ счастія попасть въ число послѣднихъ съ дарами Его Величества. Наконецъ изъ трехъ выбиралась одна, которой со многими знаками чести давалось наименованіе *кормилицы князя*. Для посвященія вводили ее въ покой младенца, котораго держала на рукахъ одна изъ первыхъ придворныхъ госпожъ, кормившая его съ перваго часа рожденія. Тутъ вливали ему въ ротъ немного молока и отдавали на руки кормилицы.

Современники Бюффона, вѣроятно, болѣе всего Французы, въ концѣ прошлаго столѣтія тотчасъ послѣ рожденія для изгнанія первородной нечистоты изъ желудка и кишекъ давали сначала дитяти понемногу подслащеннаго сахаромъ виноградного вина и потомъ уже, спустя 10—12 часовъ, прикладывали его къ груди [4]). Затѣмъ въ Италіи, Голландіи, Турціи и на всемъ востокѣ, по свидѣтельству Бюффона, въ теченіи всего перваго года кромѣ груднаго молоко почти ничего другаго не давали. Молокомъ животныхъ пользовались только въ случаѣ недостатка молока у матери или кормилицы. Пріучая ребенка къ болѣе твердой пищѣ, матери въ простонародьѣ, во многихъ мѣстахъ, предварительно передъ кормленіемъ разжевывали пищу своимъ ртомъ. Этотъ обычай практиковался въ Италіи, Турціи, почти всей Азіи, въ Америкѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Канадѣ и другихъ мѣстахъ [5]).

---

[1]) Häser l. c. S. 312 и 314.

[2]) Baumgarten. Allgemeine Geschichte der ander und Völker von Amerika. 11, 214.

[1]) Ploss. B. II. S. 114.

[2]) Klemm Allgemeine Cucturgeschichte V. 36.

[3]) Всемірный Путешественникъ, изд. Аббата де-ла-Порта. Перев. съ французскаго. 1780 г. Т. 6, стр. 61.

[4]) Всеобщая и частная естественная исторія Графа де. Бюффона. Рус. пер. 1792 г. Ч. IV, стр. 29.

[5]) Ibid. стр. 35—37.

Древнія Германки,—по свидѣтельству Тацита [1]), кормили дѣтей своихъ сами. На этотъ обычай намекаютъ также нѣкоторыя изъ старыхъ нѣмецкихъ поговорокъ [2]).—Еще во времена Rösslin'a, извѣстнаго акушера, написавшаго по своей спеціальности книгу, въ 1512 г., матери въ Германіи имѣли обыкновеніе кормить дѣтей своихъ сами и только въ затруднительныхъ положеніяхъ брали кормилицъ. Но нельзя конечно отвергать и того, что съ одной стороны въ видахъ удобства жизни матерей богатыхъ, съ другой вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ соціальныхъ условій матерей бѣдныхъ, Германецъ, какъ и всякій другой Европеецъ, давно уже задумывался надъ изобрѣтеніемъ аппарата, который бы хотя отчасти замѣнялъ собою грудь матери и, вѣроятно, однимъ изъ таковыхъ аппаратовъ между прочимъ давно явился обыкновенный коровій рожекъ, доселѣ еще практикуемый въ такомъ большомъ количествѣ во многихъ мѣстностяхъ Европы. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что для означенной цѣли употреблялись въ Европѣ съ древнѣйшихъ временъ рожки и другаго рода, имѣвшіе форму огурца, бутылки и т. п., какъ объ этомъ даютъ понятіе нѣкоторые рисунки, сохранившіеся въ древнихъ книгахъ и особенно въ старинныхъ изданіяхъ библій.

Въ современной Германіи почти всюду сначала даютъ роженицѣ нѣсколько времени для отдыха, потомъ прикладываютъ къ ея груди новорожденнаго. Въ большей части мѣстностей акушерки даютъ ему спачала какой либо очистительный сокъ. Въ Кенигсбергѣ и Саксоніи есть обычай, при рожденіи ребенка ночью, прикладывать его къ груди матери только слѣдующимъ утромъ. Въ Ольденбургѣ не даютъ груди матери до крещенія, пробавляя въ это время новорожденнаго только сахарной водой. Въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ, напр. Auvergne, считаютъ молоко матери вреднымъ въ первые четыре дня по рожденіи и потому новорожденному въ это время никогда не даютъ груди, а даютъ или воду съ медомъ, или другіе сладкіе отвары [3]).

У многихъ современныхъ азіатскихъ племенъ въ теченіе первыхъ дней, изъ предразсудка, груди матери тоже не даютъ. Такъ у Персовъ по Polak'y [4]) въ первые два дня новорожденный не получаетъ никакой другой пищи, кромѣ небольшаго количества масла и только на третій день мать даетъ ему грудь, кормя его потомъ уже долго. Точно такъ-же поступаютъ нѣкоторые другіе персидскіе подданные, живущіе на берегу Каспійскаго моря, равно какъ Монголы, Киргизы и нѣкоторые другіе русскіе инородцы, живущіе въ Азіи, какъ увидимъ ниже. Въ южной Индіи до третьяго дня питаютъ дитя только варенымъ медомъ. Въ Японіи даютъ грудь въ теченіе первыхъ дней; но въ то же время съ цѣлью послабленія даютъ и ревень. Негры въ Ольдъ-Калабарѣ въ теченіе первыхъ 2—3 дней не даютъ новорожденнымъ груди. На Корабельныхъ островахъ (Schifferinseln) дѣти иногда до 3-хъ дней питаются сокомъ кокоса и сахарнаго тростника, пока жрица сдѣлаетъ и объявитъ молоко матери здоровымъ.

Наоборотъ у многихъ народовъ прикладываютъ дитя къ груди вскорѣ послѣ рожденія. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, во многихъ частяхъ Европы, Индіанки на Аляскѣ и др.

Жены сѣверо-американскихъ Ирокезовъ кормятъ дѣтей своихъ сами. Въ случаѣ смерти матери ребенокъ передается бабушкѣ, которая послѣ того начинаетъ кормить его своею грудью, хотя бы не рожала уже много лѣтъ [1]). Индіанки въ Канадѣ, равно какъ и другія многочисленныя племена Индійцевъ кормятъ дѣтей своихъ сами. Бразильскія Индіанки кормятъ дѣтей своихъ сами, но вмѣстѣ съ груднымъ молокомъ даютъ имъ еще жеванную муку. Жены Караибовъ кормятъ также, но какъ только дитя нѣсколько окрѣпнетъ, ему даютъ уже для ѣды патаны, бананы и другіе фрукты.—Индіанки въ Парагваѣ, въ случаѣ смерти матери, передаютъ дитя ея другой, имѣющей молоко и которая въ такихъ случаяхъ заботится о немъ, какъ о своемъ собственномъ. Матери въ Ялатѣ (Мексикѣ) кормятъ дѣтей также всегда сами.

---

[1]) Cornelii Taciti Lib. de moribus Germaniae: § 20. Русскій переводъ А. Клеванова. Сочиненія П. Корнелія Тацита. 1876 г. стр. 238.

[2]) Ploss. B. II. S. 107.

[3]) Hygiène et maladies des paysans. Par A. Layet. Paris. 1882. p. 392.

[4]) Polak. Persien etc. 1865. 1 B. 195 S.

[1]) Въ параллель къ этому обычаю приведемъ здѣсь оригинальный случай Д-ра Денна (The Richmond and Louisville Medical Journal, 1874. T. XVII, p. 741). Въ г. Клинтонѣ, въ Луизіанѣ, ему пришлось наблюдать появленіе молока въ грудяхъ 65-лѣтней старухи, когда она стала прикладывать къ нимъ своего осиротѣвшаго 2-мѣсячнаго внука, покупать для котораго коровье молоко она не имѣла средствъ. Ребенокъ оставался здоровымъ во все кормленіе до года. Не менѣе замѣчательный случай отдѣленія молока изъ грудей ссыльной женщины 39 лѣтъ и уже нерожавшей 14 лѣтъ,—сообщенъ д-ромъ Васильевымъ изъ г. Николаевска на р. Амурѣ (Архивъ Судеб. Медиц. 1871 г. Кн. 4). Упомянутая женщина, потерявъ надежду имѣть своихъ дѣтей, взяла къ себѣ на воспитаніе чужаго двухмѣсячнаго ребенка. Однажды, желая утѣшить его во время плача, она приложила его къ своей груди. Едва ребенокъ дотронулся до послѣдней, какъ кормившая почувствовала сильныя, колючія боли въ обѣихъ грудяхъ; чрезъ нѣсколько минутъ боли смѣнились чувствомъ полноты и теплоты въ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ грудныхъ сосковъ показалось нѣсколько капель молока. Новая мать попеременно стала давать своему питомцу сосать обѣ груди и молоко съ каждымъ часомъ стало отдѣляться все болѣе и болѣе. На пятый день у нея уже было такое большое количество молока, что ребенокъ не могъ даже высасывать его.

На Канарскихъ островахъ, въ случаѣ смерти матери во время родовъ, кормятъ ребенка молокомъ козы или овцы, подкладывая его къ соскамъ послѣднихъ.

Маори въ Новозеландіи кормятъ дѣтей сами. На Фиджевыхъ островахъ въ первые три дня мать не кормитъ свое дитя, но оно кормится или посторонею женщиною, или сокомъ сахарнаго тростника.

У Малайцевъ Архипелага Самоа первая пища дитяти до третьяго дня состоитъ изъ сока кокосоваго орѣха. Отнятіе отъ груди здѣсь происходитъ большею частью на четвертомъ мѣсяцѣ и служитъ причиною громадной смертности дѣтей. На Каролинскихъ островахъ при кормленіи грудью мать рано начинаетъ вливать въ ротъ ребенка воду, кокосовое молоко и давать другую пищу, предварительно пожевавши ее. На Мальдивскихъ островахъ мать кормитъ дитя собственнымъ молокомъ и сама королева не освобождается отъ этого обычая [1]); въ случаѣ смерти матери кормятъ ребенка рисомъ, кокосовымъ молокомъ и сахаромъ [2]). Монгкассары и Бужуа на Целебесѣ отнимаютъ дѣтей около года, боясь избаловать его излишнею нѣжностью. Берберы въ Марокко около двухъ лѣтъ кормятъ дѣтей грудью [3]). Въ южной Африкѣ прежде всего представляютъ интересъ въ отношеніи кормленія жены Готтентотовъ, славящіяся обиліемъ молока и длинными грудями, которыя онѣ перекидываютъ черезъ плечо за спину или закладываютъ подъ мышку для кормленія ребенка, стоящаго обыкновенно на спинѣ у матери, гдѣ ребенокъ прикрѣпленъ сзади ремнемъ или кожею и упирается въ выдающуюся часть матери, какъ въ спину турецкаго сѣдла [4]). Во время кормленія Готтентотка старается подкрѣплять себя усердымъ куреніемъ, а при безпокойствѣ ребенка даетъ иногда и ему поѣсть дорогой травы. Жены Кафровъ никогда не даютъ своихъ дѣтей кормить чужимъ женщинамъ. У Бечуановъ въ южной Африкѣ Левингстонъ видѣлъ, что во многихъ случаяхъ выкармливала своего внученка бабушка, непмѣвшая передъ этимъ дѣтей лѣтъ 15; иногда же дитя пользовалось грудью матери и бабушки совмѣстно. Макаляки въ Южной Африкѣ кормятъ дѣтей какъ птицы. Съ первыхъ же дней они прикармливаютъ его жидкимъ клейстеромъ изъ рисовой или просовой муки съ пальца, которымъ иногда проникаютъ въ зѣвъ за мягкое небо и закармливаютъ нерѣдко до колик и полнаго изнеможенія. При появленіи зубовъ кромѣ клейстера и груднаго молока матери кормятъ еще жуками, червями, саранчей, грибами и т. п.

У Негровъ Олдъ-Калабара послѣ перваго омовенія даютъ новорожденному выжатый сокъ плода изъ рода Amomum и затѣмъ нѣсколько тепловатой воды; въ слѣдующіе 2—3 дня груди еще не даютъ, но даютъ одну воду; потомъ воду даютъ въ обиліи и въ послѣдующее время для того, чтобы лучше слабило дитя и чтобы сдѣлать его, какъ они говорятъ, болѣе способнымъ къ воспринятію молока и тѣмъ ускорить ростъ ребенка.

У Арабовъ Сахары въ Алжиріи мать сама кормитъ дитя и кормитъ долго; но весьма часто вмѣстѣ съ тѣмъ кормитъ его также первая, лучшая служанка. Г-жа Эмма-фонъ Розе, путешествовавшая тамъ, знала одну старую, морщинистую негритянку, рабу Кайда фонъ-Бискара, родившую послѣдній разъ, больше чѣмъ 30 лѣтъ назадъ; она была кормилицей самого Кайда, а также и всѣхъ дѣтей его; она не переставала кормить и всегда имѣла въ обиліи молоко.

У Арабовъ въ Занзибарѣ вскорѣ послѣ рожденія даютъ ребенку немного коровьяго молока, смѣшаннаго съ *маньяно* (вещество, похожее на шафранъ), и затѣмъ прикладываютъ его къ груди матери. Только въ рѣдкихъ случаяхъ поручаютъ ребенка кормилицѣ, или кормятъ его коровьимъ молокомъ съ сахаромъ. Чрезъ годъ его начинаютъ отучать отъ груди пищею изъ варенаго риса, молока и сахара, а на третьемъ году ему даютъ безъ разбора обыкновенную пищу взрослыхъ [1]).

Въ Масайѣ, островѣ, лежащемъ по восточному берегу Африки на Красномъ морѣ мать, давши новорожденному масло, которое въ этихъ жаркихъ странахъ всегда бываетъ жидкимъ, прикладываетъ потомъ ребенка къ своей груди. Если ребенокъ не беретъ грудь, то его прикладываютъ къ груди другой женщины; но въ такомъ случаѣ мать теряетъ вниманіе своего мужа и случается часто такъ, что кормящая заступаетъ ея мѣсто (Brehm).

Въ Пекинѣ, по Morache, большею частію матери сами кормятъ своихъ дѣтей; но въ семействахъ богатыхъ кормятъ и кормилицы; искусственное кормленіе тамъ очень рѣдко. Выдаютъ за фактъ, что китаянки не только кормятъ своихъ дѣтей много лѣтъ, но также стараются держать себя въ состояніи постоянной молочности, чтобы отчасти восполнить своимъ молокомъ недостатокъ молока животныхъ и спросъ на него на рынкахъ. Китаецъ, имѣющій кромѣ законной жены еще 5—6 наложницъ, можетъ такимъ образомъ считать себя какъ бы владѣльцемъ фермы въ полномъ смыслѣ этого

---

[1]) Всемірный путешественникъ. Изд. Аббата де-ла-Порка. Перев. съ франц. 1780 г. Т. 3, стр. 298.

[2]) Bienzi Oceanien, Deutsch. 1. 245.

[3]) Гельвандъ. Земля и ея народы. Т. 11. Живописная Африка. С. П. 1877. стр. 20.

[4]) Le Vaillant Reise in der Innere v. Afrika. Frankf. a M. 2 Th. S. 39. Также: очерки перомъ и карандашомъ изъ кругосвѣтнаго путешествія Вышеславцева. 1857—60 г. стр. 74.

[1]) Фонъ-Декенъ: Путешествіе по Восточной Африкѣ. Рус. перев. 1870 г. стр. 107.

слова. Моряки, пристающіе къ китайскимъ гаванямъ и упивающіеся доставляемымъ имъ молокомъ, не безъ удивленія узнаютъ иногда надлежащій источникъ этого необыкновенно вкуснаго, китайскаго молока.

Въ Японіи также большею частью кормятъ сами матери и только въ рѣдкихъ случаяхъ кормилицы.

Въ Персіи почти всегда матери кормятъ дѣтей своихъ сами и только въ исключительныхъ случаяхъ передаютъ ихъ кормилицамъ, называемымъ Dajeh. Кормилицы предпочитаются деревенскія для этого, а также для питанія больныхъ и слабыхъ стариковъ. Иногда дѣтей, оставленныхъ матерями, кормятъ сосѣдки, имѣющія на рукахъ своихъ дѣтей. Объ искусственномъ кормленіи въ собственномъ смыслѣ этого слова здѣсь нѣтъ и помина. Въ случаѣ же затрудненія найти грудное молоко, развѣ только нѣсколько дней, кормятъ дѣтей коровьимъ или козьимъ молокомъ [1]). Наоборотъ въ Персидской провинціи, Гилянь, по Hänitzche, первые три дня послѣ рожденія совсѣмъ не даютъ ребенку груднаго молока, а лишь пробавляютъ его въ это время сахарной водой.

Какъ древніе Іудеи въ Палестинѣ только въ исключительныхъ случаяхъ брали кормилицъ, такъ и теперь въ Палестинѣ почти всѣ матери кормятъ дѣтей сами и только въ рѣдкихъ случаяхъ берутъ кормилицъ. Женщины тамъ вообще богаты молокомъ. Еврейскія дѣти въ Бафнѣ, Швабіи и Мюнхенѣ обыкновенно выкармливаются грудью, пользуются внимательнымъ уходомъ и отличаются наименьшею смертностью сравнительно съ окружающими ихъ населеніями—католическимъ и протестантскимъ. Но въ Богеміи и Австріи жены евреевъ или слишкомъ «благородны» для того, чтобы кормить грудью своихъ дѣтей, или принимаютъ—подобно парижанкамъ—слишкомъ дѣятельное участіе въ веденіи торговыхъ дѣлъ, почему не имѣютъ времени и охоты заниматься кормленіемъ, а между тѣмъ благодаря этому обстоятельству и смертность среди еврейскаго населенія очень велика [2]).

Въ Турціи богатые люди въ большихъ городахъ обыкновенно берутъ кормилицъ. Въ Мало-азіатской Турціи, наоборотъ, кормилицъ не знаютъ и въ случаѣ смерти матери кормятъ новорожденнаго козьимъ молокомъ (Sperling). Кормилицы пользуются въ Турціи почти такимъ же уваженіемъ, какъ и мать. Всѣмъ правовѣрнымъ Магометъ заповѣдалъ въ Коранѣ: «матери разведенныя откормятъ грудью своихъ дѣтей два полныхъ года, если отецъ пожелаетъ, чтобы время было полное. Если супруги по добровольному согласію предпочтутъ отнять ребенка (прежде времени) послѣ взаимнаго совѣта, это не положитъ никакого грѣха. Если вы предпочитаете отдать вашихъ дѣтей кормилицѣ, въ этомъ не будетъ никакого зла, только бы платили обѣщанное [1]). Этой заповѣди между прочимъ держатся и всѣ прочіе поклонники Ислама. Иныя Турчанки, въ видѣ роскоши, нанимаютъ кормилицъ только на ночь, а днемъ кормятъ сами, до двухъ лѣтъ, какъ того требуетъ коранъ.

Въ современной Греціи также, какъ и въ старину, очень распространенъ обычай между богатыми брать кормилицъ, такъ какъ дамы очень заботятся о красотѣ своей груди и сохраненіи здоровья. Кормилицы живутъ въ домѣ, дѣлаются какъ-бы членами семьи и называются «Парамана».

Въ Далмаціи всѣ матери, даже чахоточныя и больныя, стараются кормить дѣтей своихъ сами, исходя изъ того убѣжденія, что кормленіе избавляетъ мать отъ многихъ болѣзней. Но при появленіи менструацій и беременности онѣ считаютъ молоко свое испорченнымъ и ядовитымъ, и потому съ этого времени оставляютъ кормленіе тотчасъ-же. При малѣйшемъ крикѣ мать и кормилица пихаютъ ребенку въ ротъ грудь, полагая, что онъ кричитъ отъ голода.

Въ Болгаріи дѣти иногда до 5-ти лѣтъ не отнимаются отъ груди матери; но за то потомъ они предоставляются вполнѣ на волю Божію [2]).

Въ Сициліи женщины стараются кормить одной грудью, исходя изъ того убѣжденія, что молоко одной груди лучше, чѣмъ двухъ.

Нигдѣ въ свѣтѣ не распространенъ такъ сильно обычай кормленія дѣтей съ помощью кормилицъ, какъ въ Парижѣ и вообще во Франціи. Въ Парижѣ почти каждая мать отдаетъ свое дитя или кормилицѣ въ деревню, или беретъ таковую къ себѣ въ домъ. Подобный-же обычай существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. По свидѣтельству проф. Buckingham'а [3]) суета женщинъ тамъ полновластна, а потому въ высшихъ классахъ матери почти никогда сами не кормятъ своихъ дѣтей.

Наоборотъ въ Швеціи, — по сообщенію Berg'а почти всѣ матери, даже богатыхъ классовъ, кормятъ дѣтей сами и только при абсолютной невозможности берутъ кормилицъ. Кормленіе не рѣдко продолжается до 2—3-хъ лѣтъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ округахъ Ботническаго залива въ прошломъ столѣтіи вошло въ обычай давать дѣтямъ соску и тотчасъ-же смертность дѣтей, обыкновенно весьма малая въ Швеціи, значительно усилилась, такъ что для устраненія этого вреда понадобился коро-

---

[1]) Polak. l. c. T. 1. S. 195, T. II. S. 225.

[2]) Sacobi, die Pflege und Ernährung des Kindes. S. 318—319. (Handbuch der Kinderkrankheiten, herausg. von Dr. Gerhardt. B. I. 1877).

[1]) Коранъ. Переводъ Николаева. 1865 г. Гл. II. 223.

[2])Всемірный путешественникъ. 1876 г. Декабрь. Дунайская Болгарія. Каница, стр. 87.

[3]) Boston medic. journal. Sept. 1875.

левскій эдиктъ, обязывающій матерей кормить дѣтей своихъ собственнымъ молокомъ.

Таковыя-же свѣдѣнія имѣются изъ Норвегіи и Даніи. Въ Ирландіи, — по сообщенію д-ра Brnke, вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ экономическимъ и соціальнымъ, относительная смертность дѣтей весьма незначительна, такъ какъ искусственное кормленіе здѣсь почти совершенно не извѣстно.

Еще изъ прежнихъ источниковъ [1]) извѣстно, что въ Исландіи дѣтей отъ груди отнимали очень рано, замѣняя послѣднюю молокомъ животныхъ, даваемымъ изъ рожка. Этотъ обычай существуетъ въ Исландіи и теперь и сопровождается необыкновенно большою смертностью.

Въ Швейцаріи [2]) кромѣ груди употребляются для кормленія дѣтей еще особенныя бумажки съ наконечностями. Случается, что эти послѣднія приготовлены изъ олова, содержащаго свинецъ, который растворяется въ прокисломъ молокѣ. Случается, что молоко кипятятъ въ оловянныхъ или мѣдныхъ посудахъ, что также способствуетъ раздраженію желудка.

Въ современной Германіи не только богатыя дамы, но даже и жены рабочаго класса чрезвычайно часто лишаютъ ребенка своей груди. Мѣстности наиболѣе извѣстныя въ этомъ отношеніи: Саксонія, Баварія, Вюртембергъ и другія, отличающіяся особенно фабричною производительностью. Излагая причины дѣтской смертности въ Баваріи, д-ръ С. Majer [3]) говоритъ: «на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ великое преступленіе, заключающееся въ томъ, что матери не кормятъ своихъ дѣтей грудью. Въ городахъ собственно распространено искусственное кормленіе. Въ деревняхъ, правда, большинство дѣтей кормится материнскою грудью; но часто вмѣстѣ съ тѣмъ въ первые-же дни дается и кашка, приготовляемая большею частью съ утра на цѣлый день. Особенно сильно развито несоотвѣтствующее кормленіе дѣтей въ южныхъ провинціяхъ Баваріи, именно верхней Баваріи и Швабіи, гдѣ кормящая мать составляетъ исключеніе». Но за то ни въ одной изъ Германскихъ провинцій смертность не достигаетъ такой высокой цифры, какъ только-что упомянутыхъ, колеблясь въ нихъ между 41—42% всѣхъ живородящихся, тогда какъ въ остальныхъ провинціяхъ Баваріи смертность дѣтей колеблется между 25—36%. Болѣе подробно обычаи кормленія дѣтей въ Германіи изложены у Плосса.

Англичанки вообще имѣютъ обыкновеніе кормить дѣтей своихъ сами. Королева сама подаетъ имъ примѣръ. Оттого и англійское слово nurse не имѣетъ на англійскомъ языкѣ значенія слова кормилицы, оно означаетъ просто женщину, которая няньчаетъ ребенка. Вотъ отчего англійскія nurse дѣлятся на два совершенно отдѣльные класса: (dry nurses) въ буквальномъ переводѣ сухія няньки и (wet nurses) или сырыя, т. е. которыя кормятъ ребенка; но число послѣднихъ несравненно меньше, чѣмъ у насъ, и ихъ берутъ только въ крайнемъ случаѣ, когда мать не въ состояніи по болѣзни сама кормить ребенка. Но и тогда большая часть англичанъ предпочитаетъ выкормить своего ребенка рожкомъ, чѣмъ довѣрить его наемницѣ [1]).

Продолжительность кормленія.

Время отнятія отъ груди не опредѣляется строго наукою. Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ авторы совѣтуютъ приступать къ этому около года. Главными указаніями для отнятія, по ихъ мнѣнію, служатъ: съ одной стороны достаточное, физическое развитіе ребенка, съ другой—замѣтное уменьшеніе количества молока кормящей матери, и измѣненіе его качества, такъ какъ молоко при продолжительномъ кормленіи, напримѣръ послѣ 9 мѣсяцевъ, становится уже бѣднѣе твердыми веществами и слѣдовательно менѣе питательнымъ, а потому такого молока далеко не хватаетъ для удовлетворенія возрастающаго аппетита ребенка, и наоборотъ излишнее, продолжительное кормленіе такимъ молокомъ легко влечетъ за собою малокровіе и разныя другія разстройства питанія. Наиболѣе важными условіями при отнятіи отъ груди считаются: а) достаточное количество прорѣзавшихся зубовъ, приблизительно 8—12, что чаще всего наблюдается около года; б) хорошее состояніе здоровья; в) хорошее состояніе пищеварительнаго аппарата. Если-же физическое развитіе годоваго ребенка неудовлетворительно по тѣмъ или другимъ причинамъ, то кормленіе грудью матери или кормилицы считается иногда необходимымъ продолжать еще долѣе.

На практикѣ періодъ кормленія у различныхъ народовъ продолжается различно и мотивируется иногда нѣкоторыми довольно своеобразными соображеніями. Такъ у Макузовъ южной Америки,— по Martins'y, періодъ кормленія продолжается до тѣхъ поръ, пока это нравится ребенку. Но періодъ этотъ тянется различно. Такъ у Индійцевъ Майнасовъ онъ равняется ½—1 году, у Абипоневъ въ Па-

---

[1]) Всемірный путешественникъ Аббата де-ла Порта. Т. 7, стр. 138. Также: Obafsen und Porelsen, Reise I. 178. Inglinga etc.

[2]) А. Луканина: о причинахъ дѣтской смертности (Военно-Медиц. журн. Сент. 1877 г. стр. 50).

[3]) Journal f. Kinderkrankheiten. 1871. S. 153.

[1]) Альфонсъ Эскиросъ: Эмиль XIX вѣка. Перев. Цебриковой. 1874 г., стр. 23.

рагваѣ онъ продолжается до 3 лѣтъ, а у многихъ индійцевъ Бразиліи даже до 5 лѣтъ. Въ Патагоніи кормятъ дѣтей до 3 лѣтъ, въ Коріентѣ до 4 лѣтъ, желая избѣжать въ это время беременности.

Индіанки въ Британской Гвіанѣ, напримѣръ жены Араваковъ, кормятъ дѣтей по нѣскольку лѣтъ и именно пока родится еще слѣдующій ребенокъ, но и въ послѣднемъ случаѣ онѣ отдаютъ перваго на нѣкоторый срокъ для кормленія бабушкѣ, если таковая окажется. Appun часто видѣлъ дѣтей, стоящихъ возлѣ матери и бабушки, которыя объ держали про запасъ молоко на случай требованія ребенка. Мало того, эти женщины старались имѣть въ достаточномъ количествѣ молоко въ грудяхъ съ тою цѣлью, чтобы кромѣ дѣтей кормить имъ еще молодыхъ обезьянъ и другихъ молодыхъ животныхъ, даже дикихъ свинокъ—пекари. Sir Robert Schoneburgk разсказываетъ объ индійскихъ Варрау, живущихъ въ Британской Гвіанѣ, слѣдующее: «обыкновенно они кормятъ дѣтей до 3—4 лѣтъ, такъ что старшій часто стоитъ спокойно передъ матерью и сосетъ ея грудь, между тѣмъ какъ младшій, лежа на рукѣ матери, сосетъ ея другую грудь. Но еще забавнѣе то, что иногда здоровый дѣтина, залѣзшій на высочайшую вершину Carica Papaga и нагруженный плодами его, вдругъ спускается съ этого дерева и спѣшитъ къ матери, чтобы утолить свою жажду ея грудью. Но удивленіе наше еще больше возрастаетъ, если мы увидимъ вмѣстѣ съ нимъ еще четвероногихъ братьевъ и сестеръ его по молоку, которыхъ женщина кормитъ съ такою-же нѣжностью, какъ собственнаго своего сына». То же самое Schoneburgk нашелъ у Макузовъ, Аркуновъ и другихъ.

Сѣверо-Американскія индіанки стараются кормить долго, до 6—7 лѣтъ и обыкновенно кормятъ до 3 лѣтъ. Пенсильванскія индіанки кормятъ дѣтей, по Heckewelder'у, 2 иногда 4 года. Индіанки Орегона и Калифорніи часто кормятъ дѣтей до 5 лѣтъ, Индіанки Дакотага и Сіу—до 1—1½ года. По другимъ источникамъ кормленіе сѣверо-американскихъ индійцевъ продолжается до 4—5 лѣтъ, а въ иныхъ случаяхъ даже до 12 лѣтъ. Патеръ Lafitau видѣлъ дѣтей Ирокезцевъ 3—4 лѣтъ, которыя сосали грудь матери возлѣ новорожденной сестры своей. Тлинкеты или Тлинкиты на Аляскѣ, по Dall'ю,—первые 5—6 мѣсяцевъ всегда кормятъ грудью, около года отнимаютъ и пріучаютъ къ употребленію сала морскихъ животныхъ. Дикари въ Канадѣ, наоборотъ, кормятъ своихъ дѣтей 4—5, даже часто 6—7 лѣтъ.

Негры Африки, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, продолжаютъ кормленіе 3—4 года. Въ центральной Африкѣ, по Barth'у, средній срокъ кормленія можно принять до 2 лѣтъ. Негритянки Мандинго, по Mango Park'у, кормятъ до начала ходьбы и не рѣдко до 3 лѣтъ. Въ Ольдъ-Калябрѣ кормятъ около 2—3 лѣтъ. На берегу Сіера-Леоны негритянки кормятъ своего ребенка до начала ходьбы или до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи будетъ принести тыквенную посудину съ водой, что приблизительно случается около 2-хъ лѣтъ. Гвинейская негритянка кормитъ 3—4 года. Въ королевствѣ Лоанго кормленіе продолжается до 3-го года и на этотъ срокъ мать освобождается отъ работы и сожитія съ мужемъ.

Въ Южной Африкѣ у Микалиловъ матери кормятъ дѣтей своихъ грудью до 3-го года, у Марави 4—5 лѣтъ, у Готтентотовъ 1½—2 года, у Бассутовъ 3—4 года. Жены Вакимбю и Ваньятвецу въ Уньямыцѣ на озерѣ Vjjjj внутри восточной Африки кормятъ дѣтей своихъ до конца 2-го года; по Нилу, преимущественно въ мусульманскихъ странахъ, кормленіе продолжается около 2 лѣтъ; на Масайѣ, островѣ Краснаго моря, кормленіе продолжается среднимъ числомъ отъ ½—2 лѣтъ; у Египтянъ среднимъ числомъ 2 года. Въ сѣверной Африкѣ, напримѣръ въ Марокко, дѣти кормятся грудью по крайней мѣрѣ 2 года; у Кабиловъ 3—4 года, на Канарскихъ островахъ 2 часто даже 3 года.

Австралійскія негритянки въ Новой Каледоніи кормятъ дѣтей, по Knoblauch'у, 3 года, по Bourgarel'ю 3—5 лѣтъ, Victor von Roclos'у 4—5 лѣтъ. Въ Новозеландіи Маори кормятъ также весьма долго,—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, даже будто до 6 лѣтъ. На Фиджевыхъ островахъ, по Seeman'у считается хорошимъ тономъ кормить дѣтей грудью подолгу. На Каролинскихъ островахъ кормятъ дѣтей вообще долго, иногда даже до 10 лѣтъ. У Малайцевъ Архипелага Самоа кормленіе продолжается отъ 4 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. На островѣ Рукѣ, къ востоку отъ Новой Гвинеи, кормленіе продолжается свыше 2-хъ лѣтъ, на островѣ Самоа часто даже до 6-ти лѣтъ, причемъ мать не рѣдко кормитъ одновременно троихъ другъ за другомъ рождавшихся дѣтей. Въ Полинезіи, кромѣ того, распространенъ обычай кормить грудью молодыхъ животныхъ. Таковы обычаи, напримѣръ, на островахъ Тихаго Океана, именно островахъ Товарищества, въ Гавайѣ, въ Ново-Зеландіи и т. п. То же самое часто замѣчаютъ въ Австраліи, гдѣ кромѣ того кормленіе дѣтей продолжается 2—3 года, а по Eugène Delessert'у даже до 4—5 лѣтъ.

У народовъ дальняго сѣвера періодъ кормленія грудью продолжается довольно различно. Въ Гренландіи часто кормятъ 3—4 года. Эскимосы обыкновенно кормятъ 3 года. Они кормятъ также пережеванной пищей, при чемъ помѣщаютъ дѣтей за спиной такимъ образомъ, что ребенокъ можетъ достать ротъ матери, когда та повернетъ голову. [1]) По словамъ Emil Bessels'а, нѣкоторыя Эскимоски

[1]) У полюса, перев. съ франц., стр. 249.

кормятъ до 7-ми, даже до 14 — 15-ти лѣтъ. Такіе же обычаи существуютъ между номадами Азіи, напримѣръ Монголами, кормящими своихъ дѣтей грудью до 3 - 4-го года.—Женщины племени Орочей, родственнаго гольдамъ и мангукамъ, по свидѣтельству Мичи, кормятъ грудью дѣтей своихъ до трехъ и даже до четырехъ лѣтъ. [1])

Въ Китаѣ, по Scherzer'у, кормятъ дѣтей большею частью 2—3 года, даже 10 лѣтъ.

Въ Японіи обыкновенно кормятъ 3—5 лѣтъ, что нѣкоторые объясняютъ недостаткомъ тамъ, также какъ и въ Китаѣ, молока животныхъ.

Въ Сіамѣ кормятъ до 3-хъ лѣтъ, пока дѣти привыкнутъ къ рису и бананамъ.

Въ Остъ-Индіи, по Best'у (1788 г.), часто кормятъ 3—4 года. У Парсовъ, по Du Perron'у, мальчиковъ кормятъ 17, а дѣвочекъ 15 мѣсяцевъ. — Въ Персіи, по Polak'у, [2]) кормятъ 2 — 3 года. — По Hänitzche, въ Гилянѣ кормятъ только годъ.—Въ Дамаскѣ, въ Сиріи кормятъ 2—3 года и даже болѣе. Евреи въ Палестинѣ, по T. Tobler'у, и теперь, какъ въ древнія времена, продолжаютъ кормленіе 2—3 года.

Относительно періода кормленія грудью у современныхъ народовъ Европы мы имѣемъ только слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія: Сормани, проф. изъ Павіи, свидѣтельствуетъ, что во всей Италіи кормленіе грудью продолжается болѣе двухъ лѣтъ; но подъ конецъ оно становится вреднымъ какъ для матери, истощаемой продолжительнымъ кормленіемъ, такъ и для ребенка, получающаго подъ конецъ кормленія все менѣе и менѣе питательное молоко. [3]) Маріорани, проф. изъ Палермо, разсказываетъ, что въ Сициліи, гдѣ легко можно видѣть мать, кормящую грудью въ одно и тоже время своихъ двухъ дѣтей—послѣдняго и предпослѣдняго,—послѣдній большею частью бываетъ вялъ, слабъ и очень золотушенъ [4]). - Относительно продолжительности кормленія въ Германіи Плоссъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: Въ Франкенвальдѣ кормятъ долго; въ верхнемъ Пфальцѣ 1 - 2 года; чѣмъ бѣднѣе мать, тѣмъ дольше кормитъ свое дитя. По другимъ извѣстіямъ въ верхнемъ Пфальцѣ кормятъ около полугода. Въ Брауншвейгѣ (округъ Олтенштейнъ) практикуется двухгодовой срокъ и считается полезнымъ для ребенка и матери. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи, напримѣръ округѣ Кверфуртѣ, кормятъ $^3/_4$—1 годъ. Въ Саксоніи, въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, кормятъ даже на второмъ году; въ фабричныхъ-же мѣстностяхъ самое большее кормятъ ребенка въ теченіи первыхъ недѣль, затѣмъ передаютъ его сосѣдкѣ для искусственнаго вскармливанія и такимъ образомъ напередъ записываютъ его въ кандидаты на жертву смерти. Въ Эльзасѣ и окружности Страсбурга рѣдко вскармливаютъ искусственно, но за то тамъ нѣтъ обычая кормить и дольше 7—9 мѣсяцевъ. Самый способъ отнятія отъ груди у многихъ народовъ, въ томъ числѣ и въ современной Германіи, сопровождается массою предразсудковъ; у нѣкоторыхъ же, напримѣръ у Бончо въ Африкѣ, при этомъ грудь намазывается горькимъ сокомъ, послѣ чего ребенокъ уже болѣе не беретъ ее. Кромѣ того толченые листья извѣстныхъ каннаридовъ, смѣшанные съ водой и доведенные до консистенціи каши, служатъ у нихъ средствомъ для прекращенія молока.

Прикармливаніе.

Каждый народъ начинаетъ прикармливаніе своихъ дѣтей той пищей, которую онъ считаетъ наиболѣе лакомою и пріятною для себя. Разнообразіе первой пищи ребенка въ такомъ случаѣ очевидно зависитъ прямо отъ различія вкуса націи, который въ свою очередь опредѣляется частью климатическими, частью другими бытовыми условіями народа. Такъ Тлинкеты и Колоши послѣ 10 — 30 мѣсяцевъ пріучаютъ дѣтей къ употребленію въ пищу сала и мяса морскихъ животныхъ. Дѣти Эскимосовъ, по Kent Kane, еще не умѣютъ говорить, а между тѣмъ уже съ необыкновенною прожорливостью истребляютъ куски жира и мяса моржей. Въ Исландіи вообще рано отнимаютъ дѣтей отъ груди, иногда спустя даже нѣсколько дней послѣ рожденія и рано прикармливаютъ посторонней пищей, напримѣръ молокомъ животныхъ изъ рожка, мясными бульономъ и медомъ, прибавляя послѣдній для подслащенія пищи, назначаемой ребенку, и именно въ скандинавскихъ округахъ, въ которыхъ распространено разведеніе пчелъ; слабымъ же дѣтямъ кладутъ въ ротъ куски мяса для сосанія. Результатомъ такого кормленія, при недостаточномъ вообще уходѣ за дѣтьми, является смертность ихъ отъ тризма въ 80% до девятаго дня жизни.

На востокѣ вообще одновременно съ кормленіемъ грудью даютъ иногда масло, которое въ жаркихъ странахъ всегда бываетъ жидкимъ. Между прочимъ этотъ обычай существуетъ въ Мадрасѣ (Остъ-индіи) и Массайѣ. Въ дальнѣйшемъ возрастѣ дѣти въ Англійской Индіи,—по свидѣтельству графа Э. Варрепа, [1])—много употребляютъ риса, отъ чего почти у каждаго изъ нихъ большіе животы.—Не-

[1]) Мичи: Путешествіе по Амуру и восточной Сибири 1868 года стр. 349.

[2]) Polak l. c. T. I. S. 195.

[3]) A. Layet. l. c. 395.

[4]) Sulla mortalita dei bambini in Italia del. Pr. Sormani, in Giova, della Societa italiana d. igieno. Juillet. 1881 г.

[1]) Англійская Индія въ 1843 г., графа Эдуарда Варрена. 1845 г. Ч. 1, стр. 67.

избѣжнымъ рисомъ кормятъ дѣтей съ ранняго возраста также въ Японіи. Въ Персіи (Polak) кормленіе грудью продолжается вообще долго; слабыхъ же дѣтей и особенно бѣдныя матери кормятъ иногда даже до конца 3-го года. Объ искусственномъ вскармливаніи Персы не имѣютъ никакого понятія; но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко приходится видѣть, что при кормленіи грудью персидскій ребенокъ съѣдаетъ изрядный кусокъ дыни, а по второму году ѣстъ уже рисъ и т. п., почему въ періодъ отнятія отъ груди въ персидскихъ городахъ умираетъ по крайней мѣрѣ треть дѣтей отъ поноса. Въ Египтѣ дѣти вскармливаются въ гаремахъ и въ среднихъ классахъ питаются плохо, такъ что множество слабыхъ дѣтей умираетъ.

У Индійцевъ прикармливаніе начинается съ 6-ти мѣсяцевъ и сопровождается особой церемоніей, какъ и при назначеніи имени, причемъ первый разъ готовятъ рисъ молоко и сахаръ.

Яванцы пріучаютъ своихъ дѣтей съ самаго ранняго возраста ѣсть какъ можно больше, особенно рисъ и плоды пизанга. У Шангала на островѣ Цейлонѣ когда дѣтямъ первый разъ даютъ рисъ, въ это время устроиваютъ семейный праздникъ и кстати даютъ имя. На Тоби, островѣ Тихаго Океана, дѣти получаютъ такую же пищу, какъ и взрослые.

Черноногіе Индійцы Сѣверной Америки уже съ весьма ранняго возраста даютъ дѣтямъ жевать мясо, а по прорѣзаніи зубовъ даютъ его сосать еще болѣе.

По отношенію къ Европейскимъ государствамъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ южной Франціи даютъ новорожденному обваренный хлѣбъ со сливками. Къ тремъ мѣсяцамъ эту смѣсь дѣлаютъ для ребенка уже погуще. Вообще во всей Франціи прикармливаніе начинается очень рано и особенно во время полевыхъ работъ [1]).

[1]) A. Layet. l. c., p. 393.

Въ Германіи, по свидѣтельству Плосса, встрѣчается не мало особенностей между сѣверомъ и югомъ.

Такъ въ сѣверной Германіи, по словамъ Аммона [1]),—въ случаѣ невозможности матери самой кормить свое дитя, послѣднее передается кормилицѣ, между тѣмъ какъ въ южной Германіи въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ искусственному вскармливанію. Почти всюду въ средней Германіи въ простомъ классѣ на ряду съ грудью матери даютъ сначала кашу, большею частью безъ соли, или же даютъ супъ. Къ этой пищѣ обыкновенно прибѣгаютъ тогда, когда ребенокъ дѣлается безпокойнымъ. Соска также въ ходу въ Германіи, несмотря на всѣ старанія врачей уничтожить ее.

Въ Вюрцбургѣ почти въ каждомъ семействѣ господствуютъ такъ называемые «Buttersuppe» для дѣтей.—При отнятіи отъ груди обыкновенно не соблюдается никакой осторожности и постепенности пріученія сначала къ болѣе легкой пищѣ, такъ какъ у людей достаточныхъ это считается излишнимъ и только отнимающемъ время, а бѣдныхъ дорого стоющимъ. Наоборотъ въ прибавку къ материнскому кормленію полугодоваго ребенка прямо пріучаютъ къ пищѣ взрослыхъ.—Искусственное вскармливаніе новорожденныхъ почти всюду въ Германіи состоитъ въ употребленіи смѣси коровьяго молока съ водой, даваемаго изъ особеннаго приспособленнаго для этой цѣли стекляннаго аппарата. Впрочемъ, въ Страсбургѣ при отнятіи дѣтей отъ груди соблюдается больше осторожности. Первою пищею имъ служитъ тамъ молочный супъ съ мукой, рисовый наваръ и т. п. Затѣмъ переходятъ къ мясномъ супамъ и на второмъ году къ употребленію мяса.

Въ верхнемъ Пфальцѣ Баваріи кормящая мать уже трехмѣсячному ребенку не рѣдко даетъ пиво, а во многихъ провинціяхъ Франціи еще новорожденному даютъ вино.

[1]) v. Ammon, Die ersten Mutterpflichten. 19 Aufl. 1875. S. 126.

ГЛАВА XXIV.

КОРМЛЕНІЯ РУССКИХЪ ДѢТЕЙ.

Кормленіе грудныхъ дѣтей въ старину, въ XVI—XVII столѣтіяхъ и въ современной Россіи.—Значеніе распространеніе соски.—Время перваго приложенія ребенка къ груди.—Срокъ кормленія его.—Прикармливаніе посторонней пищей.—Сосульники.—Кормленіе рожкомъ и вредъ его.—Отнятіе отъ груди.—Заключеніе.

Въ стародавнія времена, судя по патріархальности тогдашнихъ нравовъ русскихъ людей вообще, надо полагать, что обычай кормленія грудныхъ дѣтей самими матерями былъ распространеннымъ; однако фактическое подтвержденіе этого обычая мы съ своей стороны могли встрѣтить только лишь въ сказаніи о житіи Преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца, жившаго въ XVI столѣтіи. [1])

Изъ этого житія намъ извѣстно, что въ раннемъ возрастѣ преподобнаго кормила мать собственной грудью, причемъ она соблюдала большое воздержаніе въ пищѣ и тщательно соблюдала посты. Въ дворцахъ царей и хоромахъ вельможъ, обыкновенно копирующихъ царскіе обычаи, однако уже издавна пользовались кормилицами. «А на воспитаніе царевича или царевны,—говоритъ Кошихинъ, [2]) современникъ царя Алексѣя Михайловича (XVII стол.),—выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ жену добрую и чистую и млекомъ сладостну и здоровую». —При этомъ выборѣ, впрочемъ, по изслѣдованіямъ И. Е. Забѣлина, [3])—соблюдалась величайшая осторожность и для него назначалось иногда болѣе десяти кормилицъ, имена которыхъ записывались въ особую роспись. Въ этой росписи означали мужа избираемой, ея лѣта, дѣтей ея, время когда разрѣшалась отъ бремени послѣднимъ ребенкомъ и потомъ имя и мѣстожительство ея духовника, который по священству обязанъ былъ засвидѣтельствовать особою сказкою о нравственной чистотѣ избираемой. Кормилицы, поступая во дворецъ, получали весь нарядъ до мельчайшихъ подробностей изъ царициной казны; жалованье имъ назначалось наравнѣ съ казначеями: по восьми рублей въ годъ и кромѣ того кормовыхъ (столовыхъ) по шести денегъ въ день. О преимуществахъ, которыми онѣ пользовались впослѣдствіи, когда оканчивалось кормленіе, Кошихинъ [1]) говоритъ слѣдующее: «и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитаніе годъ, а когда годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянскаго рода, мужа ея пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дастъ; а подъяческая или иного служиваго чину прибавятъ чести и дадутъ жалованья не мало, а посадскаго человѣка и такимъ потомужъ дано будетъ жалованье не малое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ по ихъ животъ.»—Въ богатыхъ и барскихъ семьяхъ XVI и XVII вѣка, по изслѣдованіямъ Костомарова, [2]) — кормилицы и няньки для дѣтей были большею частью изъ прислуги и пользовались передъ другими особеннымъ почетомъ; у простаго же народа нерѣдко дѣтей отнимали отъ груди послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубой пищей.

Въ современной Россіи кормленіе дѣтей въ раннемъ возрастѣ грудью матери продолжаетъ быть до сихъ поръ преобладающимъ. Однако есть нѣкоторая разница въ этомъ кормленіи между городскимъ и сельскимъ населеніями. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ, по свѣдѣніямъ собраннымъ докторомъ Руссовымъ [3]) въ амбулаторномъ отдѣленіи дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго, въ количествѣ 8000, за періодъ времени отъ 1873 до 1878 года включительно, двѣ трети дѣтей кормятся на первомъ году жизни грудью матери или кормилицы, съ прикармливаніемъ или безъ него, и одна треть кормится искусственно. Въ Москвѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ В. П.

---

[1]) Житіе преподобнаго и богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца 1853 г. Въ Литографіи Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. Листъ 18-й.

[2]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Григорія Кошихина. Изд. 2-е 1859 г., стр. 14.

[3]) И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ царей прежняго времени (Отеч. Запис. 1854 г. №6, стр. 47—82).

[1]) Кошихинъ, ibid, стр. 14.

[2]) Н. И. Костомаровъ: Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1860 г., стр. 113 и 331.

[2]) А. Руссовъ, l. c. Диссертація. 1879 г.

Бензенгромъ, [1]) при пріемѣ больныхъ дѣтей въ лечебницѣ Общества Русскихъ Врачей, въ періодъ 1869—1875 годовъ, изъ 6800 дѣтей всѣхъ сословій, оказалось кормленныхъ:

грудью матери	78,64%
кормилицей.	7,33 »
смѣшаннымъ способомъ	3,87 »
искусственнымъ.	10,16 »

Относительно кормленія дѣтей въ сельскомъ населеніи, громадно преобладающемъ у насъ въ Россіи, и именно составляющемъ около 0,9 общаго населенія, мнѣ удалось собрать около 800 свѣдѣній, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи изъ коихъ видно слѣдующее:

Тотчасъ послѣ рожденія почти всюду, во всемъ коренномъ русскомъ населеніи, дается новорожденному *соска*, т. е. тряпка съ завернутымъ въ ней жеванымъ хлѣбомъ, или тому подобными веществами. Соску эту даютъ ребенку или безъ строго опредѣленнаго срока, а лишь дождавшись, напримѣръ, появленія молока въ грудяхъ матери, или же даютъ съ извѣстнаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго времени. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается неприличнымъ давать грудь матери до омовенія ея, которое въ свою очередь производится или въ первый же день, причемъ въ тотъ же день даютъ грудь; или грудь даютъ только послѣ втораго омовенія на второй день, или даже послѣ третьяго омовенія на третій день. Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ грудь матери дается, говоря народнымъ языкомъ, послѣ первой, второй и даже третьей бани. Въ землѣ войска Донскаго, —по свидѣтельству учителя Антонова, — въ первые три дня матери не даютъ груди ребенку по той причинѣ, что будто молоко въ это время еще не отдѣляется, а для привлеченія его нужно повитухѣ «обмыть руки» [2]).

Но чтобы до этого времени ребенокъ «не голодовалъ», ему мажутъ губы медомъ, которыя онъ и сосетъ, или же даютъ жевку (соску) изъ хлѣба съ солью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи также не даютъ груди ребенку, ранѣе совершенія обычая «омовенія рукъ», производимаго большею частію на третій день до того же времени призываютъ другую женщину, что для призываемой, по мѣстному обычаю, считается въ видѣ обязанности. Если же въ околодкѣ не случится такой женщины, то уже черезъ 12 часовъ ребенокъ приносится къ груди матери, или же пока даютъ ему сахарную воду, или даютъ сосать такъ называемую «куклу», т. е. соску изъ бѣлаго хлѣба съ сладкой водой или молокомъ. Обычай, подобный обмыванію рукъ и извѣстный подъ именемъ «сливанія на руки»,—по свидѣтельству учителя народнаго училища, г. Кононенко,— существуетъ также у казаковъ Таманскаго полуострова, гдѣ первое кормленіе новорожденнаго начинается также по совершеніи упомянутаго сливанія, обыкновенно совершаемаго на третій день, а до того времени даютъ ребенку сиропъ изъ сахара, или меда или просто намазываютъ ему этимъ сиропомъ губы. [1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается неприличнымъ кормить ребенка грудью до молитвы, данной матери священникомъ. Наконецъ въ иныхъ мѣстностяхъ считается неприличнымъ давать ребенку грудь матери до крещенія, которое большею частью совершается на второй или третій день. Во многихъ изъ этихъ обычаевъ безъ сомнѣнія проглядываютъ отчасти греческія воззрѣнія относительно нечистоты роженицы и новорожденнаго, навязанныя когда-то русскому населенію и о чемъ мы уже имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ, но тѣмъ менѣе въ нихъ не мало отражается и чисто національныхъ понятій относительно первоначальныхъ пріемовъ питанія дѣтей, какъ увидимъ сейчасъ.

По понятіямъ русскихъ, чуть ли не каждый ребенокъ родится съ «грызью», или такъ называемой «нутряной грыжей» (коликами), которая сильно безпокоитъ дѣтей въ первое время по рожденіи, а потому съ перваго же начала необходимо изогнать ее. Лучшее средство для этого есть соска, особенно изъ чернаго хлѣба съ солью. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для той же цѣли даютъ ребенку тотчасъ по рожденіи соску изъ моркови, свеклы, яблока, кренделей, пряниковъ, грецкихъ и волоцкихъ орѣховъ, разжеваннаго толокна, т. е. овсяной муки и т. п. Иногда соски эти мочатъ въ молокѣ, постномъ маслѣ, сахарной и медовой водѣ и т. п. Иногда въ соску вкладываютъ губку, напитанную настоемъ ромашки, сокомъ бурака, сахарной и медовой водой и т. п. Въ нѣкоторыхъ

---

[1]) В. Н. Бензенгръ: О вліяніи питанія въ раннемъ возрастѣ etc. l. c.

[2]) Обычай „омовенія рукъ“ совершается такимъ образомъ: берутъ въ кувшинъ „непочатую“ воду, кладутъ туда горсть соли, столько же овса и хмѣлю. Подъ правую ногу родильницы кладутъ топоръ, а подъ лѣвую вѣникъ, который три раза присѣкаютъ тѣмъ топоромъ. Послѣ этого бабка омываетъ приготовленной водой руки, но такъ, чтобы струя шла къ локтю, подъ который подставляетъ она свободную (правую) руку, собираетъ стекающую воду и даетъ матери пить, что продолжается одновременно три раза. Вечеромъ этой водой немного пригрѣтой купаютъ дитя, чтобъ было чистое.

[1]) Самый обычай „сливанія на руки“ состоитъ въ слѣдующемъ: на третій день послѣ родовъ бабка беретъ чистой воды и три раза сливаетъ на руки родильницѣ, которая моетъ руки, умываетъ лицо и эту-же воду пьетъ для того, что будто, по мнѣнію бабокъ, отъ этой воды прибавляется кормъ въ грудяхъ родильницы.

мѣстностяхъ Пермской губерніи кромѣ того распространенъ обычай одновременно съ соской съ первыхъ же дней давать дѣтямъ сусло, брагу и квасъ, что особенно развито въ бѣдныхъ семьяхъ, неимѣющихъ коровъ и молока отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской и Витебской губерній для уничтоженія грыжи даютъ новорожденнымъ скоромное масло съ медомъ и т. д.

Какъ наука относится къ кормленію соской вообще и къ такому раннему кормленію ею въ особенности? По ученію науки, первою пищею ребенка должна служить грудь матери, къ соскамъ которой ребенокъ долженъ быть приложенъ первый разъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія. Это необходимо потому, чтобы съ одной стороны ребенокъ скорѣе началъ раздражать железу своимъ сосаніемъ и такимъ образомъ скорѣе вызвалъ большее отдѣленіе необходимаго для своего питанія матеріала, съ другой—чтобы достаточно питался молозивомъ — первоначальнымъ молокомъ, заключающимъ въ себѣ достаточное количество слабительныхъ веществъ, необходимыхъ для выведенія изъ своего кишечнаго канала первородныхъ нечистотъ (meconium). Что-же касается соски, состоящей изъ хлѣба, толокна, баранокъ, прянниковъ и другихъ крахмальныхъ веществъ, то для перевариванія ихъ необходимо не малое количество слюны, превращающей крахмалъ въ сахаръ, въ какомъ видѣ продукты измѣненія крахмала только и поступаютъ для питанія въ организмъ; но у новорожденнаго отдѣленіе слюны крайне мало, а измѣняющее свойство ея на крахмалъ крайне слабо и притомъ это свойство слюны по отношенію къ крахмалу тѣмъ слабѣе, чѣмъ моложе ребенокъ, и наоборотъ. Поэтому никакая пища крахмальная не можетъ считаться соотвѣтствующею раннему возрасту дитяти. Кромѣ того соска, особенно состоящая изъ бѣлаго хлѣба или сухарей и сахара, очень легко приходитъ въ броженіе при температурѣ дѣтскаго рта и, раздражая слизистую оболочку его, производитъ катаральное состояніе и молочницу его, что поддерживается въ свою очередь еще нечистымъ содержаніемъ рта. Всасываемая въ желудокъ такая пища раздражаетъ его, приводитъ его стѣнки въ воспалительное состояніе, затѣмъ развивается рвота и катарры кишекъ, вслѣдствіе чего дѣти худѣютъ, слабѣютъ и подъ конецъ умираютъ отъ истощенія. Что касается обычая давать дѣтямъ въ первое время послѣ рожденія сахарную воду и различные настои, то обычай этотъ опять таки заслуживаетъ полное порицаніе. Это значитъ, во первыхъ, пріучать ребенка пить безъ сосанія, чему онъ въ свою очередь, благодаря своей первородной слабости, очень радъ, но что вредно дѣйствуетъ на развитіе его сосательнаго аппарата; во вторыхъ это значитъ ни мало не заботиться о подкрѣпленіи его силъ послѣ той утраты ихъ, какую онъ понесъ въ періодъ родовъ; въ третьихъ это значитъ подвергать мать риску получить грудницу, чему не рѣдко даетъ поводъ излишнее скопленіе молозива въ млечныхъ каналахъ. Однако вредъ соски не ограничивается только что изложеннымъ, относящимся до ея содержимаго: она вредна также и съ внѣшней стороны, а именно тѣмъ, что почти всегда передъ вкладываніемъ ея ребенку въ ротъ, ухаживающія няньки кладутъ ее первоначально въ свой ротъ для смачиванія собственной слюной. Няньки же эти большею частью беззубыя старухи, страдающія нерѣдко сами цингой, иногда костоѣдой оставшихся зубовъ или прямо страдающія сифилисомъ и такимъ образомъ вмѣстѣ съ соской заражающія ротъ ребенка своей нечистой слюной, прививая ему различныя болѣзни, относительно чего бытописатели разныхъ мѣстностей Россіи представляютъ множество примѣровъ.

Послѣ первой соски, даваемой въ тотъ или другой срокъ, каждая мать въ русскомъ простонародьѣ старается по мѣрѣ силъ *сама кормить* свое дитя. Исключенія изъ этого дѣлаютъ лишь весьма рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ при тяжкой болѣзни матери, въ случаѣ смерти ея и т. п. Оставленнаго безъ груди матери ребенка все таки стараются кормить хотя первое время жизни близкія родственницы его, имѣющія на рукахъ собственныхъ грудныхъ дѣтей, и только при совершенно безвыходномъ положеніи съ первыхъ же дней подвергаютъ его искусственному кормленію.

Срокъ кормленію грудью въ большей части сѣверныхъ губерній (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Вятской и другихъ), равно какъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, продолжается обыкновенно подолгу, годъ и полтора, что въ послѣднемъ случаѣ ограничивается количествомъ шести постовъ. Въ седьмой же постъ отнятый отъ груди ребенокъ уже безусловно обрекается на постную и грубую пищу всякаго рода. Обычай долгаго кормленія въ означенныхъ мѣстностяхъ иногда мотивируется желаніемъ матери избѣжать скорой, повторной беременности, хотя, какъ извѣстно, продолжительность кормленія не избавляетъ отъ послѣдней; однако этимъ еще не все объясняется, такъ какъ случается,— говоритъ д-ръ Родаковъ изъ Вятки,—что женщинѣ остается одинъ, два мѣсяца до новыхъ родовъ, а она все таки кормитъ грудью двухлѣтняго ребенка. У казаковъ Таманскаго полуострова,—по свидѣтельству учителя г. Кононенко,— придерживаясь народнаго обычая, дитя отнимаютъ отъ груди въ тотъ самый день, въ который оно родилось и, разъ отнявши, уже не даютъ ему груди вновь ни подъ какимъ видомъ, исходя изъ того повѣрья, что такое дитя, пришедши въ возрастъ, будетъ чистое на глаза, т. е. никого не будетъ глазить.—Въ средней полосѣ Россіи, заклю-

чающей въ себѣ губерніи: Владимірскую, Московскую, Нижегородскую и другія смежныя, срокъ кормленія грудью продолжается гораздо короче, а именно всего три поста, т. е. не болѣе года. По истеченіи трехъ постовъ, въ Московской губерніи,— по свидѣтельству д-ра Пескова,—[1]) дитя переходитъ сразу на ту же пищу, что и родители, и нерѣдко принуждается со всею пелѣпою строгостью къ соблюденію постовъ, вслѣдствіе чего довольно часто встрѣчается, что дитя, которому еще не минуло года, уже лишается во время постовъ, единственныхъ въ крестьянскомъ быту питательныхъ и пригодныхъ ему веществъ, молока и яицъ, а ѣстъ вмѣсто того какую нибудь рѣдьку съ прокислымъ квасомъ, или испорченную селедку, или одинъ только картофель и пустые щи. Въ *Корчевскомъ* уѣздѣ Тверской губерніи,—по свидѣтельству священника Колерова,—младенецъ питается материнскимъ молокомъ, пока не исполнятся отъ рожденія его *три поста*. Въ счетъ постовъ идутъ только великій и успенскій. Такимъ образомъ въ счету трехъ приходятся либо два великихъ и одинъ успенскій, либо два успенскихъ и одинъ великій. Постъ идетъ въ счетъ, хотя бы младенецъ родился въ послѣдній день поста. Тутъ приходится вслѣдствіе этого или очень много, или очень мало. Всѣ младенцы по истеченіи трехъ постовъ отнимаются отъ грудей въ заговѣнье передъ четвертымъ постомъ, т. е. либо въ воскресенье передъ масляницей, либо 3 іюля. Напримѣръ: всѣ младенцы, родившіеся между Пасхой и 14 Августа 1881 года, будутъ отняты отъ груди въ воскресенье передъ масляницей 1883 года, ибо тутъ исполнятся два успенскихъ и одинъ великій постъ. Всѣ младенцы, родившіеся между 16 Августа 1880 г. и великой субботой 1881 года будутъ отняты отъ груди 31 Іюля 1882 года, потому что тутъ исполнятся два великихъ и одинъ успенскій постъ. Такимъ образомъ опредѣляется не продолженіе кормленія, а время прекращенія его. Въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству врача Осиповича,—во всемъ уѣздѣ распространено искусственное кормленіе дѣтей, а потому матери большею частью стараются отучить ихъ отъ груди на 4—5 и 6-мъ мѣсяцахъ. Въ Ирбитскомъ уѣздѣ той-же губерніи,— по свидѣтельству врача Черемшанскаго,—отнятіе отъ груди въ большинствѣ случаевъ бываетъ также около полугода, хотя нѣкоторыя матери кормятъ и болѣе года.

Прикармливаніе посторонней пищей почти повсемѣстно въ русскомъ населеніи начинается обыкновенно съ первыхъ же дней рожденія. Оно начинается съ того, что въ первое время, какъ мы видѣли уже выше, вмѣсто груди матери даютъ ребенку одну соску; затѣмъ при кормленіи грудью даютъ ее по временамъ и наконецъ большею частію съ 5—6 недѣльнаго возраста прикармливаніе становится уже постояннымъ и обязательнымъ для каждаго ребенка. Прикармливаніе это состоитъ сначала опять таки изъ соски, даваемой уже часто и систематически, жевки, коровьяго молока, къ которому кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой, Вятской и другихъ губерній прибавляютъ часть толокна, образуя такимъ образомъ болтушку, которую даютъ черезъ рожекъ; затѣмъ прикармливаніе состоитъ изъ кашъ—манной, гречневой пшенной, ячневой,—тюри или хлѣба и баранокъ, заливаемыхъ кипяченой водой съ небольшимъ количествомъ сахара и т. п. Во многихъ случаяхъ крестьянки прибѣгаютъ къ раннему прикармливанію въ томъ убѣжденіи, что молока ихъ слишкомъ недостаточно для шестинедѣльнаго ребенка, а поэтому онъ на одномъ грудномъ молокѣ всегда будетъ голоденъ. Противъ этого мнѣнія также трудно разубѣдить ихъ,—говоритъ д-ръ Радаковъ,—какъ и противъ того, что ихъ повитуха, желая ускорить роды различными насильственными дѣйствіями, только замедляетъ ихъ. Но безъ сомнѣнія къ этой мѣрѣ весьма часто вынуждаютъ ихъ и другія обстоятельства. Счастливъ тотъ ребенокъ,—говоритъ г. Красильниковъ изъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи,—который родится зимой; на долю его несравненно болѣе приходится кормленія грудью матери, чѣмъ на долю ребенка, родившагося въ страдное время. Послѣдній лакомится молокомъ своей матери въ тѣ дни, когда она не можетъ еще ходить на работу, а тамъ только утромъ и вечеромъ, да въ ночи онъ припадетъ къ груди матери, или же съ первыхъ дней и совсѣмъ переводится на постороннюю пищу. Оставленное дома со старушкою, или небольшими дѣтьми, волей—неволей, съ немалымъ плачемъ, оно привыкаетъ къ соскѣ и тепленькому коровьему молоку.—Но что такое соска, которой питаются наши крестьянскія дѣти въ страдное лѣт. нее время, объ этомъ даетъ между прочимъ ясное понятіе врачъ Д. Я. Діатроптовъ [1]) изъ Пензы: «разъ я смѣнялъ лошадей (въ деревнѣ),—говоритъ референтъ. Стояла жаркая погода. Народъ работалъ въ полѣ. Поносы (между дѣтьми въ то время) были часты и смертельны. Я взошелъ въ избу. Никого нѣтъ. Гдѣ-же хозяева?—спросилъ я.—Да, пошли мальчушку хоронить. Грудной былъ? — Сосунъ былъ. Чѣмъ хворалъ? —Да поносъ смылъ. — Въ избу вошла молодая женщина. На рукахъ лежалъ ребенокъ. Она подошла къ переднему углу

[1]) П. А. Песковъ: Описаніе Дурыкинской волости Московскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи. Стр. 131. (Сборникъ статист. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. стат. Т. 1, В. Ш. 1879 г.).

[1]) Д. Я. Діатроптовъ: Врачебная замѣтка. (Пензенскія Губернскія Вѣдомости. Часть Неоффиц. 1865 г. № 30).

достала изъ подъобразнаго кіота непокрытый горшокъ, съ отколотымъ краемъ, грязными пальцами достала изъ него каши, выдернула изъ за пояса тряпку, сдѣлала соску, всунула ее въ ротъ спящему ребенку и положила его въ зыбку.—Сама вышла въ сѣни. Я посмотрѣлъ кашу. Она оказалась полусваренной, окислой, съ примѣсью мелкихъ таракановъ... Вотъ гдѣ скрывается источникъ народнаго худосочія, сдѣлавшагося какъ бы наслѣдственнымъ нынѣ... подумалъ я—а вѣдь на рожкахъ, да на соскахъ выростаетъ у насъ большая часть государственнаго населенія»!

Относительно способовъ кормленія и прикармливанія грудныхъ дѣтей въ Новгородской губерніи Протоіерей Гиляровскій [1]) даетъ слѣдующіе замѣчательные факты: «Я видѣлъ,—говоритъ онъ,—что дѣти недостигшія года, на цѣлыя сутки оставались одни—одинешеньки, но чтобы не умерли съ голода, то къ рукамъ и ногамъ ихъ привязаны были соски.—Я приносилъ дѣтямъ иногда молоко: либо потому, что вся поденная пища ихъ съ утра съѣдена была другими животными, либо потому, что они сосали изъ рожка кисельки, квасъ и воду, въ которой растворенъ былъ творогъ весьма не свѣжій (особенно въ межумолочьяхъ и скотскихъ падежахъ). Я видѣлъ рожки и люльки, въ которыхъ копошились черви.—Я слышалъ, что беременныя матери продолжали питаніе дитяти грудью во время беременности, рождали другаго младенца и питали грудью обоихъ (старшаго и младшаго) до тѣхъ поръ, пока всѣ трое улеглись въ могилу. Я знаю, что матери кормятъ дѣтей всегда, когда они отъ какой либо причины раскричатся, несмотря на то, сыты ли они или голодны, и такимъ образомъ закармливаютъ ихъ до болѣзней».

Послѣ 20—30 недѣль, или спуста 5—8 мѣсяцевъ послѣ рожденія въ Архангельской губерніи,—по свидѣтельству врачей Коновалова и Скворцова,—даютъ дѣтямъ уже соленую треску и всякую другую пищу, употребляемую взрослыми. Въ Новгородскомъ уѣздѣ,—по свидѣтельству врача Клаусъ,—послѣ прорѣзыванія первыхъ зубовъ ребенку не отказываютъ ни въ чемъ и онъ начинаетъ ѣсть самыя неудобоваримыя вещества, какъ-то: капусту, морковь, огурцы и т. п.,на ряду, конечно, съ грудью матери. Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Коссакъ,—почти постоянно въ крестьянскомъ быту, за рѣдкими исключеніями, дѣтей 3—4-хъ мѣсяцевъ начинаютъ кормить кашей и картофелемъ; если есть молоко, то варятъ кашу на молокѣ, что однако бываетъ не болѣе 6-ти мѣсяцевъ въ году, такъ какъ остальное время крестьянская корова ходитъ безъ молока. Молоко и каша на молокѣ дается дѣтямъ только въ скоромные дни. въ постные же дни каша варится на водѣ. Въ общемъ выводѣ дѣти пользуются молокомъ только одну треть года. Фанатизмъ нѣкоторыхъ матерей доходитъ иногда до того, что онѣ въ великій постъ считаютъ грѣхомъ кормить дѣтей даже грудью. Подобное кормленіе дѣтей на первомъ году бываетъ постоянною причиною развитія катарра желудка и кишекъ, вслѣдствіе чего отъ поноса умираетъ на первомъ году не менѣе 30% дѣтей. У оставшихся въ живыхъ развивается золотуха во всѣхъ возможныхъ степеняхъ и видахъ, тѣмъ болѣе, что дѣтямъ (болѣе взрослымъ) во время постовъ и постныхъ дней вообще не даютъ ни молока, ни масла, ни яицъ, а говядину они видятъ едва ли не болѣе 3 или 4-хъ разъ въ годъ, въ большіе праздники; постныхъ же дней болѣе половины года.

Во всей остальной Россіи точно также, какъ только мало-мальски окрѣпнетъ ребенокъ, что обыкновенно бываетъ около 4—5—6 мѣсяцевъ, то начинаютъ давать ему всевозможную постороннюю пищу: различныя жевки, картофель, толстыя щи (изъ сѣрой кислой капусты),каши, яичницы, горошницы, горохъ, бобы, на югѣ печеную тыкву (кабакъ), фасоль, кислое молоко, простоквашу, сметану, сусло, квасъ, кулагу, брагу, грибы, ягоды, огурцы и т. п. Относительно кормленія дѣтей, только что отнятыхъ отъ груди, врачъ Бадиковъ въ докладѣ 3-го съѣзда Витскихъ земскихъ врачей заявилъ слѣдующее: «извѣстно, что дѣтямъ со времени отнятія отъ груди у крестьянъ по постнымъ днямъ молоко не полагается, а постныхъ дней насчитывается 250. Пища крестьянъ сѣверной и средней полосы Россіи въ высшей степени скудна: кислый квасъ и черный хлѣбъ; но и квасъ и ржаной хлѣбъ часто бываютъ неудовлетворительны до крайности; приварка у крестьянъ по большей части бываетъ: щи изъ квашеной, вонючей капусты, горохъ въ видѣ грязной бурды, затѣмъ тюря (кислый квасъ, въ которомъ накрошенъ ржаный хлѣбъ и лукъ) и, какъ пирожное, вареный картофель. Такая скудная и неудовлетворительная для дѣтскихъ желудковъ пища въ теченіи 250 дней въ году имѣетъ громадное вліяніе на питаніе дѣтей и на исходъ многихъ болѣзней».

Въ дополненіе къ изложенному прибавимъ нѣсколько словъ относительно непомѣрно долгаго употребленія сосокъ и рожковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ Меленскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Карташева,—къ соскѣ дѣти иногда привыкаютъ такъ, что ему самому приходилось видѣть ихъ, бѣгающихъ по улицамъ, причемъ изо рта ихъ виднѣлись куски

[1]) Изслѣдованіе о рождаемости и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи. Сочиненіе протоіерея Ѳ. В. Гиляровскаго, увѣнчанное Жуковскою премією и золотою медалью (Записки Имп. Рус Геогр. Общ. Т. I, 1866 г. Предисл., стр. XLIII—XLV).

полотна, называвшіеся сосками. Насколько развито ихъ употребленіе, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже ткутъ особо такъ называемые «сосульники». Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи,— по словамъ Красильникова, — дѣти такъ свыкаются съ соскою, что часто приходится видѣть трехлѣтнее дитя бѣгающимъ по улицѣ съ такою соскою во рту, привязанною черезъ шею на тонкій шнурокъ. Въ томъ-же уѣздѣ, — по свидѣтельству Слотина, — приходится иногда видѣть ребенка, неразстающагося съ этимъ инструментомъ даже до 5-ти лѣтняго возраста, т. е. того времени, когда онъ бываетъ въ состояніи ѣздить верхомъ на лошади. Этотъ же инструментъ, — по свидѣтельству д-ра Осиповича, — приходится нерѣдко видѣть во рту бѣгающихъ по улицамъ дѣтей въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи.— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто соски употребляютъ очень долго рожки, но, повидимому, соски все таки вездѣ употребляются болѣе длинный срокъ, чѣмъ рожекъ.

Кормленіе рожкомъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ для этой цѣли съ незапамятныхъ временъ въ русскомъ народѣ употребляется коровій рогъ, у котораго отпиленъ или просверленъ глухой, острый конецъ, сдѣлана на немъ зазубрина и привязанъ веревкой сосокъ коровьяго вымени. Въ этотъ рожокъ наливается молоко и дается для сосанія ребенку. Рожки эти давно уже осуждены врачами какъ самые негодные для кормленія, потому что, благодаря слоистому строенію, въ стѣнкахъ ихъ образуются щели, задерживающія остатки проникающаго туда и прокисающаго тамъ молока. Но тѣмъ не менѣе народъ всюду усердно держится ихъ частью по привычкѣ, частью по дешевизнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ Пермской, Вятской, Новгородской и другихъ губерній, рожки дѣлаются изъ жести; богатые же крестьяне, всюду въ Россіи, нерѣдко употребляютъ рожки серебряные, вызолоченые. Всѣ эти металлическіе рожки также не одобряются врачами, какъ неудобные для контролированія; тѣмъ не менѣе народъ пользуется ими до сихъ поръ все таки гораздо чаще, чѣмъ стеклянными рожками, наиболѣе подходящими для предназначенной имъ цѣли.

Къ рожку обыкновенно привязывается коровій сосокъ, который наиболѣе опрятными няньками моется одинъ или два раза въ день въ теплой водѣ; иногда же онъ моется очень рѣдко; иногда въ свободное время отъ сосанія, ради опрятности, онъ держится въ квасу, водѣ и т. п.; а иногда онъ не мѣняется до тѣхъ поръ, пока не испортится. Въ Пермской губерніи вмѣсто коровьяго соска нерѣдко дѣлается мѣшечекъ изъ кожи, который также привязываютъ къ рожку. Кое-гдѣ мѣстами употребляютъ еще соски изъ вулканизированнаго каучука. Эти соски легче держать въ опрятности и порядкѣ; но при неряшливости и они также могутъ вредно дѣйствовать заключающимися въ нихъ сѣрой и цинкомъ, растворяющимися въ кисломъ молокѣ. Такъ называемые выдѣланные коровьи соски, составляющіе не болѣе, какъ только верхній кожистый и притомъ высушенный слой коровьяго соска, безъ мякоти, къ сожалѣнію, употребляются лишь изрѣдка, хотя рекомендуются врачами, какъ наиболѣе удобные въ видахъ большей безопасности лучшаго содержанія ихъ въ опрятности.

Уже изъ только что сказаннаго конечно можно было убѣдиться, что рожекъ и сосокъ играютъ весьма важную роль въ питаніи русскаго ребенка; но изъ тотчасъ изложеннаго можно было также убѣдиться и въ полной непригодности употребляемыхъ крестьянами рожковъ и сосковъ. Чтобы однако еще яснѣе показать весь вредъ того способа кормленія рожками, котораго придерживаются наши крестьяне, приведемъ здѣсь весьма мѣткія замѣчанія объ этомъ д-ра Пескова, [1]) который въ своемъ описаніи Дурыкинской волости Московскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи говоритъ объ употребленіи въ ней коровьихъ рожковъ при кормленіи дѣтей слѣдующее: «этотъ отвратительный инструментъ только тогда и не бываетъ во рту ребенка, когда онъ самъ его выброситъ, или нечаянно выпадетъ у него, во время сна. Рогъ этотъ бываетъ иногда пустой, но чаще наполненный цѣльнымъ коровьимъ молокомъ, которое и сосетъ грудное дитя. Молоко, разумѣется, проходя чрезъ вонючій мертвый кусокъ, придѣланный къ рогу, естественно пропитывается всею, заключающеюся въ немъ гнилью и затѣмъ эта отрава идетъ въ желудокъ ребенка. Послѣ этого что же удивительнаго, если при такомъ, можно сказать, противуестественномъ питаніи, какому подвергаются грудныя крестьянскія дѣти, они, благодаря этимъ рожкамъ, получаютъ дифтеритъ въ видѣ кроваваго поноса и мрутъ какъ мухи. Этимъ, можетъ быть, объясняется и тотъ странный фактъ, что болѣе высокая смертность дѣтей бываетъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ больше коровъ. За вѣроятность этого говорятъ недавно опубликованныя изслѣдованія доктора Пауера, показавшія на коровье молоко какъ на причину распространенія дифтерита. Доказательства Пауера на столько убѣдительны и серьезны, что на вопросъ этотъ обратило вниманіе Лондонское паталогическое Общество и оно принимаетъ теперь съ этою цѣлью изслѣдованія въ громадныхъ размѣрахъ. Зараза, какъ

[1]) П. А. Песковъ, l. c., стр. 133.

предполагается, передается чрезъ молоко больныхъ коровъ. Но если отъ больныхъ коровъ даже молоко можетъ служить источникомъ заразы, то отрѣзанные отъ нихъ соски, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они употребляются, разумѣется еще болѣе. Между тѣмъ вещи эти покупаются крестьянами, обыкновенно въ Москвѣ, въ мясныхъ лавкахъ. Отъ какихъ коровъ они, одинъ Господь Богъ только вѣдаетъ. Мы не всегда можемъ поручиться даже за мясо, которое мы покупаемъ въ мясныхъ лавкахъ, что оно отъ здоровой скотины. Но за мясомъ существуетъ хотя какой нибудь, хоть жалкій, да все таки надзоръ, а за сосками развѣ кто смотритъ? И можно себѣ представить послѣ этого, какими сосками снабжаютъ наши добродѣтельные московскіе мясники Охотнаго ряда! Но торговля этимъ товаромъ производится и мѣстными мясниками въ деревняхъ, за которыми нѣтъ уже никакого надзора. Если при этомъ еще и чрезъ самое молоко, на мѣстѣ, распространяются дифтеритическія и тифозныя заразы, то, принимая во вниманіе все вышесказанное, для насъ должно быть ясно, отъ чего вообще такъ много умираетъ дѣтей въ первомъ возрастѣ и отъ чего смертность эта главнымъ образомъ должна обусловливаться страданіями пищеварительныхъ путей.»

Отнятіе отъ груди въ большинствѣ случаевъ производится на Руси постепенно. Для этого матери обыкновенно все рѣже и рѣже стараются давать свою грудь, а вмѣсто нея чаще начинаютъ давать сосокъ коровій и ребенокъ постепенно отвыкаетъ отъ груди. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ однако отнятіе это производится разомъ. Въ *Корчевскомъ* уѣздѣ Тверской губерніи,—по свидѣтельству священника Колерова,—передъ временемъ отнятія мать приноситъ своего младенца въ церковь, передъ обѣдней или во время обѣдни потѣшитъ его грудью, сколько младенцу хочется, потомъ подноситъ его къ святому причастію и затѣмъ уже не даетъ ему груди. Если ей очень жаль младенца, то она куда-нибудь уходитъ дня на три, сдавши младенца роднымъ или домашнимъ; но многія матери имѣютъ терпѣніе оставаться дома и выносятъ скорбь дитяти съ видимымъ спокойствіемъ. Въ Новгородской губерніи однако,—по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго [1]),—самый обыкновенный способъ отученія отъ груди таковъ, что мать уходитъ изъ дома недѣли на двѣ или мѣсяцъ, оставляетъ ребенка на попеченіе отца,—обыкновенно самой плохой нянькѣ,—и нянькѣ, какая бы она ни была. Когда мать возвращается домой, а ребенокъ вспомнитъ о груди, тогда мать даетъ ее намазанною разными маслами, кислотами и растворами; затѣмъ слѣдуетъ рядъ напугиваній. Въ другихъ мѣстностяхъ болѣе упорныхъ дѣтей стараются отвадить отъ груди, натирая сосокъ послѣдней полынью и другими горькими травами, а также: виномъ, горчицей, скипидаромъ, дегтемъ, сѣрой и т. п. Въ иныхъ случаяхъ мать натираетъ соски сажей и когда ребенокъ потребуетъ груди, то она, раскрывъ послѣднюю и указавъ на большое черное пятно, объяснитъ ему, что это «бука», причемъ, искрививъ лице, плюетъ на полъ. Ребенокъ, посмотрѣвъ внимательно на соски и лице матери, соглашается, что это дѣйствительно должно быть «бука», и невольнымъ образомъ отвращается отъ груди матери.

Резюмируя все изложенное относительно первой пищи русскаго ребенка, прежде всего нельзя не сказать того, что она съ самого начала далеко не отвѣчаетъ условіямъ правильнаго и хорошаго питанія. Несоотвѣтствіе это главнымъ образомъ выражается тѣмъ, что ребенка слишкомъ рано начинаютъ прикармливать совсѣмъ не свойственною его возрасту растительною пищею, даваемою сначала въ формѣ соски. Но тѣмъ не менѣе именно въ первую же пору своей жизни русскій ребенокъ все-таки гораздо счастливѣе своихъ сверстниковъ многихъ другихъ странъ Европы, потому что на первыхъ порахъ въ Россіи все-таки кормятъ дѣтей грудью матери несравненно болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы. Отъ того-то между прочимъ, при громадной смертности дѣтей въ Россіи вообще, доходящей мѣстами до 60% [1]), процентъ смертности въ первыя шесть недѣль въ Россіи меньше всей остальной Европы, а именно только 6,2% [2]); но начиная съ этого срока процентъ смертности начинаетъ увеличиваться [3]) и наконецъ быстро догоняетъ страны съ самой большой смертностію, къ концу перваго года подходя въ этомъ отношеніи къ нимъ.

[1]) Гиляровскій, l. c., стр. 376.

[1]) Гиляровскій (ibid.), разбирая смертность дѣтей города Боровичей за 20 лѣтъ, выводитъ ее равною 60,30%, т. е. изъ числа 12,161 младенца, родившихся съ 1-го Января 1836 г., умерло въ 20 лѣтъ 7,333, не достигнувъ 7-ми-лѣтняго возраста.

[2]) Руссовъ ibid. стр. 25.

[3]) Одинъ изъ санитарныхъ врачей Московскаго Земства, Е. А. Осиповъ въ своемъ рефератѣ, читанномъ на четвертомъ губернскомъ съѣздѣ врачей Московской губерніи относительно смертности означенной губерніи и располагая для своей работы круглымъ счетомъ до 675,000 умершихъ обоего пола всѣхъ возрастовъ, между прочимъ обратилъ вниманіе на максимумъ дѣтской лѣтней смертности, отъ іюня до сентября, при чемъ анализируя этотъ максимумъ по болѣе мелкимъ возрастнымъ группамъ, представилъ слѣдующія любопытныя величины смертности грудныхъ дѣтей въ процентахъ:

Возрасты:	*Города*:	*Селенія*:
Отъ рожденія до 3-хъ мѣс.	11,71%	13,94%
„ 3-хъ мѣс. до 6-ти мѣс.	16,77 „	13,70 „
„ 6-ти мѣс. до 1-го года.	15,48 „	11,00 „

(Протоколы засѣданій и труды четвертаго съѣзда врачей Московской губерніи. 1880 г. стр. 119).

ношеніи къ Вюртембергу и Баваріи [1]). Зная, что именно съ шестинедѣльнаго возраста прикармливаніе и искусственное кормленіе на Руси вступаетъ въ свои широкія права, а прикладываніе къ груди остается почти лишь для ночи, не трудно понять причины такой усиленной смертности. Кромѣ того мы видѣли, что раннее прикармливаніе и обильное кормленіе дѣтей преимущественно растительной пищей вредно дѣйствуетъ на общее ихъ развитіе, содѣйствуя между прочимъ уменьшенію роста и вѣса ихъ. Но какъ это жаль именно для русскаго ребенка, который, по изслѣдованіямъ д-ра Руссова, въ первые дни жизни представляетъ средній вѣсъ свой больше, чѣмъ вѣсъ ребенка французскаго и Вѣнскаго и имѣетъ длину въ первомъ году на 5 с. м. больше дѣтей французскихъ [2]). Какъ бы много выигралъ такой ребенокъ при дальнѣйшемъ своемъ развитіи и вѣсѣ, если бы онъ на первомъ году своей жизни по крайней мѣрѣ побольше, чѣмъ теперь, получалъ животной пищи, сначала въ формѣ молока и суповъ, а потомъ мяса, яицъ и т. п. На ряду съ этими сужденіями нельзя однако не замѣтить, что русскій ребенокъ потому много и питается растительной пищей, что онъ рано начинаетъ, наравнѣ съ взрослыми, раздѣлять общій столъ ихъ, состоящій преимущественно изъ растительной пищи. Выше мы уже имѣли случай отчасти упомянуть о пищѣ русскихъ крестьянъ, употребляемой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на основаніи показанія бы-

[1]) Для лучшаго разъясненія вопроса о смертности дѣтей въ разныхъ государствахъ Европы приведемъ здѣсь таблицу, составленную по даннымъ Майра, Маера, Янсона и др. Изъ 100 новорожденныхъ умерло въ первомъ году жизни:

въ Норвегіи	10,4
„ Ольденбургѣ . .	12,5
„ Даніи	14,4
„ Бельгіи	15,5
„ Испаніи.	18,6
„ Пруссіи.	20,4
„ Венгріи.	24,7
„ Саксоніи	26,3
„ Баваріи.	30,7
„ Шотландіи . . .	11,9
„ Швеціи	13,5
„ Англіи.	15,4
„ Франціи.	17,3
„ Нидерландахъ .	19,6
„ Италіи.	22,8
„ Австріи.	25,1
„ Россіи.	32,6
„ Вюртембергѣ . .	35,4

[2]) Руссовъ. l. c. стр. 54. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что д-ръ Руссовъ производилъ взвѣшиванія и измѣренія изслѣдованныхъ имъ дѣтей или лично самъ, или при помощи свѣдущей фельдшерицы въ своемъ присутствіи; поэтому данныя и выводы, представленныя имъ, заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Но при этомъ нельзя не пожалѣть о томъ, что въ массѣ случаевъ (8000), послужившихъ матеріаломъ для его изслѣдованія, не достаетъ новорожденныхъ, такъ какъ наблюденій свои онъ производилъ не въ Воспитательномъ Домѣ, а въ одной изъ С.-Петербургскихъ дѣтскихъ больницъ (Принца Ольденбургскаго), куда приносъ новорожденныхъ бываетъ относительно небольшой, и наоборотъ въ числѣ его наблюденій громадное количество (4100) соотвѣтствуетъ возрасту отъ 15 дней до года, 900 старше года, а 3000 совсѣмъ выброшены имъ изъ работы, какъ представлявшіе сомнѣніе относительно точности возраста. Данныя относительно взвѣшиваній и измѣреній новорожденныхъ въ Россіи до сихъ поръ представляютъ намъ только Воспитательные Дома—С.-Петербургскій и Московскій. Данныхъ этихъ по настоящее время скопилось уже не мало; но, къ сожалѣнію, всѣмъ извѣстная неаккуратность лицъ (акушерокъ, нянекъ и т. п.), завѣдывающихъ опредѣленіями означенныхъ величинъ въ названныхъ заведеніяхъ, не позволяетъ довѣрять большой точности ихъ, а потому и признать ихъ за величины установившіяся. Кромѣ того извѣстно, что въ Воспитательные Дома въ громадномъ большинствѣ случаевъ доставляютъ дѣтей незаконнорожденныхъ, слѣдовательно зачатыхъ и выношенныхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, притомъ дѣтей, происходящихъ отъ различныхъ національностей, а потому величины роста и вѣса такихъ дѣтей ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выразителями величинъ дѣтей національнаго русскаго племени. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ здѣсь данныя относительно роста и вѣса дѣтей, приносимыхъ въ С.-Петербургскій и Московскій Восп. Дома, сравнительно съ вѣсомъ и размѣрами новорожденныхъ другихъ государствъ, полагая, что эти данныя все-таки могутъ имѣть значеніе хотя приблизительныхъ величинъ. Изъ трехлѣтнихъ взвѣшиваній и измѣреній, произведенныхъ почти у 40.000 дѣтей, поступавшихъ въ Московскій Воспитательный Домъ (см. отчеты по грудными отдѣленіямъ, составленные д-ромъ Н. Ѳ. Милеромъ, за 1877, 1878 и 1879 годы), оказались приблизительно слѣдующія средніе величины:

Вѣса:	*Длины:*	*Окружности головы:*	*Окружности груди:*
3150 грм.	47,8 цм.	33,6 цм.	33,3 цм.
Соотвѣтствующія величины С.-Петерб. Восп. Дома таковы:			
3240 грм.	48,3 цм.	33,6 цм.	31.2 цм.
Соотвѣтствующія величины нѣмецкихъ новорожденныхъ таковы:			
3275 грм. (Мартинъ)	51,2 (Лихарчикъ въ Вѣнѣ)	34,7 (Лихарчикъ)	
3000—3450 грм. (Геккеръ)	49,8 (Риттеръ въ Прагѣ)	34,4 (Риттеръ)	31,9 (Риттеръ)

Соотвѣтствующія величины новорожденныхъ въ Бельгіи, по Кетле, которыя впрочемъ собраны не лично имъ самимъ, а съ помощью другихъ лицъ и потому конечно не могутъ похвалиться точностью,—таковы:

3200 грм.	50 цм.	—	—

Соотвѣтствующія величины новорожденныхъ во Франціи, по Бушо, лично собиравшему и разработавшему свой матеріалъ, таковы:

3250 грм.	—	—	—

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что вѣсъ русскихъ новорожденныхъ, особенно московскихъ, ниже вѣса новорожденныхъ другихъ странъ, особенно германскихъ; но здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, по крайней мѣрѣ относительно москов-

тописателей этихъ мѣстъ. Теперь-же мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о пищѣ русскихъ крестьянъ вообще и на основаніи массы другихъ бытописателей. Изъ этихъ свидѣтельствъ прежде всего мы узнаемъ, что повседневная пища великорусскихъ крестьянъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ изъ хлѣба и щей. Ржаной хлѣбъ большею частью бываетъ хорошъ; но при неурожаяхъ, которые здѣсь, особенно въ послѣднее время, далеко нерѣдки, этотъ хлѣбъ иногда смѣшивается съ отрубями, мякиной и даже древесной корой. На Московскую антропологическую выставку 1879 г. изъ разныхъ мѣстъ Россіи присланы были образцы хлѣбовъ, употребляющихся крестьянами въ будни, праздники и при безкормицѣ. Кто видѣлъ эти сорты хлѣбовъ, тотъ легко могъ убѣдиться, что среди нихъ крестьянамъ нашимъ между прочимъ немало достается и такихъ суррогатовъ хлѣба, за которыми рѣшительно нельзя признать ни малѣйшей питательности и удобоваримости. Щи у великороссовъ обыкновенно варятся изъ квашеной капусты безо всего, отъ чего они бываютъ большею частью жидки и невкусны. Въ скоромные дни къ нимъ прибавляютъ иногда масло, сметану, или просто молоко. Овощи, по причинѣ отсутствія хорошихъ огородовъ, великороссами употребляются вообще мало. Самые употребительные изъ нихъ однако: картофель, лукъ, рѣдька, иногда огурцы, свекла, брюква. Грибы также въ большомъ употребленіи. Изрѣдка употребляются: каша, горохъ, яичницы, молоко. Мясо употребляется крайне рѣдко,—почти только въ самые большіе праздники.

Національныя кушанья малороссовъ: борщъ, галушки, пампушки, вареники, сырники, сало и т. п. Столъ малоросса, очевидно, много разнообразнѣе и свѣжѣе великорусскаго. Говядины же однако и здѣсь ѣдятъ мало. Столъ Бѣлорусса въ высшей степени скуденъ: нерѣдко онъ круглый годъ ничего болѣе не знаетъ, кромѣ постныхъ щей, плохаго хлѣба, грибовъ и изрѣдка картофеля.

При этомъ обозрѣніи пищи русскаго человѣка вообще прежде всего и само-собой бросается въ глаза тотъ фактъ, что крестьяне на Руси вообще крайне мало питаются мясомъ. Въ то время какъ во Франціи, по Будену, на каждаго жителя, не исключая дѣтей, приходится 20 килогр. (около 49 фунт.), въ Баденѣ, по Мароде Жоннесу 58 ф., въ Парижѣ, по Блоку и Масси, отъ 60,9 до 78,8 килогр. (отъ 168 до 192 ф.), а въ Лондонѣ отъ 222 до 265 ф. на человѣка [1]),—наши крестьяне въ большинствѣ случаевъ съ дѣтства ѣдятъ мясо только по большимъ праздникамъ, расходуя его въ годъ, напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи, считая тутъ же и дѣтей, не болѣе 14—16 фунтовъ [2]), а для остальной пищи пользуясь исключительно растительными продуктами.

Къ такому распространенному употребленію растительной пищи на Руси, разумѣется, не можетъ располагать ни климатъ, такъ какъ только одни южане способны легко пробавляться исключительно растительной пищей, причемъ даже говорятъ, что животная пища имъ вредна, какъ слишкомъ горячительная, между тѣмъ какъ всѣ сѣверяне по климатическимъ условіямъ своимъ весьма нуждаются въ обиліи животной пищи.

Дѣло въ томъ, что пища, потребляемая человѣкомъ, обыкновенно производитъ два главныхъ дѣйствія, а именно: во-первыхъ снабжаетъ его животною теплотой и, во-вторыхъ, восполняетъ постоянно происходящую убыль въ тканяхъ. Достиженію первой цѣли содѣйствуетъ по преимуществу растительная, или, иначе говоря, безазотная пища, достиженію второй содѣйствуетъ животная, или иначе азотная пища. Въ первомъ случаѣ углеродъ безазотной пищи, соединяясь съ принимаемымъ нами кислородомъ, производитъ то внутренное сгораніе, отъ котораго возобновляется наша животная теплота. Во второмъ случаѣ животная или азотная пища, вслѣдствіе малаго сродства своего съ кислородомъ, будучи менѣе предохранена отъ сгоранія, сохраняется такимъ образомъ организмомъ болѣе для возстановленія тканей, утратѣ которыхъ постоянно подвергается человѣческій организмъ. Когда люди живутъ въ жаркой странѣ, то въ естественномъ состояніи своемъ они менѣе теряютъ теплоты, подвергаются меньшимъ напряженіямъ, а слѣдовательно и убыли въ тканяхъ и потому они вообще потребляютъ менѣе пищи. Въ холодныхъ же странахъ по причинамъ совершенно противуположнымъ и гдѣ кромѣ того вслѣдствіе

скихъ дѣтей, что средній возрастъ приноса ихъ былъ 5 и 6 дневный, слѣдовательно тотъ періодъ времени, когда первоначальный вѣсъ новорожденныхъ, начиная падать съ перваго до третьяго дня и лишь къ 10-му достигалъ снова первоначальнаго вѣса, обыкновенно представляетъ вѣсъ уменьшенный противъ первоначальнаго вѣса новорожденныхъ. Средняя длина новорожденныхъ и особенно московскихъ также меньше длины дѣтей другихъ государствъ, что, можетъ быть, стоитъ въ нѣкоторой связи съ меньшимъ ростомъ ихъ производителей, если впрочемъ на уменьшеніе роста не вліяла также неаккуратность измѣренія?! Но въ приведенныхъ измѣреніяхъ обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что величина окружности груди русскаго ребенка сравнительно съ периметромъ головы очень благопріятна, такъ какъ она больше средняго периметра груди дѣтей нѣкоторыхъ другихъ странъ, напр. въ Прагѣ, согласно даннымъ Риттера. Эти благопріятныя отношенія, касающіяся особенно дѣтей Московскаго Воспитательнаго Дома, можно сказать, приближаются къ тому идеалу, который находили Лихарчикъ и Риттеръ у дѣтей съ наилучшими условіями жизнеспособности.

[1]) Гигіена Эрисмана, стр. 313.

[2]) Грязновъ: опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта и медикотопографія Череповецкаго уѣзда. Диссертація. С.-П. 1880. стр. 142.

большой густоты воздуха вбираютъ въ себя съ каждымъ дыханіемъ большій объемъ кислорода, чѣмъ въ жаркомъ климатѣ, а холодъ ускоряетъ ихъ дыханіе, чѣмъ конечно усиливается процессъ соединенія кислорода съ углеродомъ,—въ такихъ странахъ, очевидно, люди вообще должны ѣсть болѣе, чѣмъ въ жаркихъ странахъ. Этотъ чисто научный выводъ въ самомъ дѣлѣ подтверждается и на опытѣ. Жители полярныхъ странъ, какъ извѣстно, потребляютъ громадное количество пищи. Но этого мало. Жизнь сѣвернаго человѣка, по самому существу своему, требуетъ больше напряженія и затраты силъ, производя тѣмъ самымъ большую убыль въ тканяхъ организма. Отсюда большая потребность въ пищѣ животной. Но добываніе такой пищи само по себѣ требуетъ большей затраты труда и вообще большаго напряженія, а потому снова является особая потребность для вознагражденія утраченнаго въ животной пищѣ, что въ свою очередь мы дѣйствительно и встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ сѣвера еще съ самаго младенческаго періода ихъ развитія. Къ особенно обильному употребленію растительной пищи на Руси не могутъ располагать также ни какія либо антропологическія, ни другія особенности нашего простолюдина, такъ какъ на это нельзя представить никакихъ научныхъ доказательствъ.

Отъ чего же однако это происходитъ? Остается искать отвѣта у историковъ и экономистовъ, которымъ и предоставимъ рѣшеніе этого вопроса. На основаніи же изложеннаго мы имѣемъ право только еще разъ повторить, что пища русскаго ребенка во всякомъ случаѣ далеко не отвѣчаетъ условіямъ правильнаго и хорошаго питанія его; а потому, очевидно, она мало обезпечиваетъ и тотъ первый успѣхъ въ жизни, который необходимъ для всеобщаго національнаго благоденствія въ главныхъ чертахъ.

ГЛАВА XXV.

КОРМЛЕНІЕ ДѢТЕЙ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Обычаи кормленія дѣтей у Зырянъ, Лопарей, Финновъ, Эстовъ, Летовъ, Литовцевъ, Поляковъ, Евреевъ, Черемисовъ, Вотяковъ, Пермяковъ, Татаръ, Грузинъ, Армянъ и другихъ племенъ Кавказскихъ.—Хамаръ-Банаутъ, пшатъ и другіе, суррогаты, употребляемые при кормленіи дѣтей на Кавказѣ.—Кормленіе дѣтей у Ногайцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ.—Сосаніе курдючнаго сала.—Кормленіе у Самоѣдовъ, сосаніе оленьяго мяса.—Кормленіе у Остяковъ, Бурятъ, (лушна), Тунгусовъ, (плевки слюны въ ротъ при кормленіи), Карагассовъ, Якутовъ, Ламутовъ, (каша изъ оленьей крови), Камчадаловъ, Колошей, Коряковъ.—Заключеніе о питаніи дѣтей вообще.

У Зырянъ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Туръ,—первородящія женщины, отдохнувъ немного послѣ родовъ, даютъ новорожденнымъ грудь, чтобы, какъ онѣ выражаются, «молоко не приливало къ грудямъ».—Многорожавшія даютъ грудь на вторыя или даже на третьи сутки послѣ родовъ, въ первое же время кормятъ его только при плачѣ и крикѣ жевкой, состоящей изъ простаго чернаго хлѣба съ примѣсью обыкновенной поваренной соли. Кормленіе грудью продолжается до трехмѣсячнаго возраста и дѣлается это съ цѣлью избѣжать частой беременности. Прикармливаніе посторонней пищей начинается чуть-ли не одновременно съ кормленіемъ грудью. Стоитъ только ребенку закричать, какъ во рту у него явится рожекъ съ обыкновеннымъ коровьимъ молокомъ или жевка, завернутая въ полотно. Съ 5-го же и 6-го мѣсяца даютъ ребенку щи, мясо и т. п. Мясо дается въ видѣ довольно большаго куска, чтобы ребенокъ не могъ его проглотить, а былъ бы въ состояніи только сосать. Благодаря неразборчивости въ пищѣ, которой кормятъ Зыряне своихъ дѣтей, эти послѣднія почти поголовно страдаютъ тимпанитомъ, сопряженнымъ съ запоромъ на низъ. Мнѣ приходилось видѣть годовалыхъ или даже младшаго возраста ребятъ съ такимъ большимъ и твердымъ животомъ, что они едва переводили дыханіе и съ трудомъ ворочались въ постелѣ.

У *Лопарей*, живущихъ въ Кемскомъ уѣздѣ,—по личному свидѣтельству бывшихъ на Московской антропологической выставкѣ 1879 г.,—вскорѣ по рожденіи мать сама кормитъ свое дитя; начиная съ полугода, она прикармливаетъ его оленьимъ молокомъ, имѣющимъ весьма густую консистенцію, и даетъ сосать оленье мясо. Кормленіе продолжается до года и болѣе.

У *Финновъ*,—по свидѣтельству д-ра Пальмбергъ,—вскорѣ послѣ рожденія кладется дитя къ груди матери; если у нея сначала не достаетъ молока, то чтобы успокоить младенца, кладутъ ему въ ротъ полотняную тряпку, обмоченную въ сахарной водѣ. Если нужна болѣе питательная пища, то даютъ кипяченое коровье молоко, смѣшанное съ та

кимъ же количествомъ кипяченой воды, или чай изъ ромашки (flores chamomillae vulgaris). Какъ скоро появились зубы у младенца, то начинаютъ давать ему яйца, говяжій супъ, потомъ молочную кашу изъ пшеничной муки, коровье молоко съ хлѣбомъ, а еще позднѣе просто домашнее кушанье, какъ-то: хлѣбъ съ масломъ, кашу и молоко, картофель, рыбу, мясо. Матери при томъ обыкновенно кормятъ дѣтей грудью до 2-хъ-лѣтняго возраста.

У *Эстовъ*,—по свидѣтельству д-ра Крейцвальда и P.Jordan'a, —вскорѣ по рожденіи прикладываютъ ребенка къ груди матери. Если у нея мало молока, то даютъ сахарную воду, чай изъ ромашки и жеванную хлѣбную соску. Если же мать изобилуетъ молокомъ, то ребенку кромѣ груди ничего не даютъ. Но вскорѣ, почти всегда на третьемъ мѣсяцѣ, начинаютъ пріучать его къ другой пищѣ, боясь, что впослѣдствіи онъ не научится этому искусству. Кормленіе грудью продолжается отъ 1 до 2-хъ лѣтъ и болѣе, чѣмъ думаютъ отчасти оказать благодѣяніе дитяти, отчасти же и въ предупрежденіе новой беременности матери. Въ случаѣ недостатка молока у матери, суррогатами его служатъ: коровье и козье молоко, Mehlpappe и высушенная, гречневая каша.

У *Латышей* или *Летовъ* Лифляндской губерніи,— по свидѣтельству д-ра Детерса,—чаще новорожденныя дѣти получаютъ грудь матери только послѣ трехъ дней, а до того кормятъ изъ соски, которую дѣлаютъ изъ жеваннаго хлѣба съ сахаромъ, завернутаго въ тряпку. То же дѣлаютъ съ дѣтьми матери, когда работаютъ внѣ дома и по причинѣ дурной погоды не могутъ брать дѣтей съ собою. Съ развивающимся образованіемъ мало по малу исчезаетъ употребленіе соски, а вмѣсто того начинаютъ теперь кормить дѣтей кофеемъ и чаемъ. Въ періодъ прикармливанія вмѣсто гречневой каши даютъ манную.

У *Литовцевъ* Владиславскаго уѣзда Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Петровскаго,— первые два дня не кормятъ грудью, но даютъ настой крѣпкой ромашки и соску изъ чернаго простаго хлѣба съ сахаромъ. На третій день даютъ грудь, на 3—4-мъ мѣсяцѣ даютъ булку, кашу, картофель. Грудью мать кормитъ обыкновенно болѣе года.

У *Поляковъ* Сувалкской губерніи,—по свидѣтельству врача Ибянскаго,—въ первые два дня обыкновенно даютъ ребенку нѣсколько тепловатой ромашки или сахарной воды. Затѣмъ прикладываютъ къ груди, которую онъ продолжаетъ сосать около года. На 4 или 5-мъ мѣсяцѣ обыкновенно начинаютъ давать ребенку понемногу хлѣба, картофеля; съ появленіемъ же зубовъ даютъ почти всякую пищу безъ исключенія. Отнимаютъ отъ груди, — по свидѣтельству Сеннійскаго уѣзднаго врача Восякъ,—по истеченіи перваго года жизни.

Евреи Владиславскаго уѣзда Сувалкской губерніи, — по свидѣтельству Петровскаго, первые два дня послѣ рожденія кормятъ дѣтей ромашкой и сахарной водой. На третій день даютъ сосать грудь. На 6-мъ или 7-мъ мѣсяцѣ начинаютъ прикармливать овсянкой, молокомъ, чаемъ, булкой. Кормятъ грудью болѣе года. Въ Августовскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача Варига, одни даютъ тотчасъ послѣ рожденія лѣтнюю воду съ сахаромъ или легкую настойку изъ ромашки; другіе даютъ манный сиропъ для очищенія желудка; спустя однѣ или двое сутокъ послѣ рожденія, родильницы начинаютъ кормить грудью. На третьемъ мѣсяцѣ даютъ ребенку мелкую крупу въ молокѣ, супъ, булку съ чаемъ и т. п. Отнимаютъ отъ груди различно: отъ 9 мѣсяцевъ до 1—2-хъ лѣтъ. У евреевъ западнаго края Россіи,—говоритъ А. Неводничанскій, [1])—новорожденному иногда двое или трое сутокъ не даютъ груди, а кормятъ соской изъ хлѣба, часто скисшею. Кормящія грудью матери часто бываютъ или слишкомъ молоды или худосочны, или истощены предыдущими родами. Питаніе дѣтей въ дальнѣйшихъ возрастахъ, по свидѣтельству того же референта, — вообще у евреевъ скудное главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка у нихъ мясной пищи, многіе роды которой, въ силу религіозныхъ правилъ, имъ вовсе недоступны, какъ-то: свинина, дичь, не зарѣзанная рѣзакомъ, рыбы, не имѣющія чешуи и т. п. Изъ четвероногихъ животныхъ евреи ѣдятъ только переднюю часть жвачущихъ животныхъ. Заднюю часть сказанныхъ животныхъ можно еврею ѣсть только тогда, если искусный и вельми ученый рѣзникъ съумѣетъ удалить какія-то жилы, но обыкновенные рѣзники этого сдѣлать не умѣютъ. Кому неизвѣстенъ важный догматъ у евреевъ—*трефъ* и *коширъ*, въ силу которыхъ, напр., говядину дѣлаютъ трефною, не говоря о болѣзняхъ, очень многія обстоятельства, напр., приращеніе легкихъ къ ребрамъ, слѣды бывшихъ переломовъ костей, какія ни есть опухоли, наросты, грыжи и т. п. у самой здоровой и жирной скотины, — или если ее рѣзакъ не зарѣжетъ въ опредѣленные три пріема. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить и то важное затрудненіе, что животное долженъ убить рѣзакъ, а потому бѣднякъ, живущій въ 40 или 50 верстахъ отъ города, долженъ за мясомъ обращаться къ рѣзаку въ городъ. Кромѣ того на коширную говядину наложена извѣстная пошлина. Въ силу всего сказаннаго говядина достается евреямъ дорого и трудно, а потому, за малымъ исключеніемъ, они употреб-

[1]) А. Неводничанскій: Очерки изъ жизни евреевъ. (Протоколъ очереднаго засѣданія Общ. Минскихъ врачей. 1869 г. № 31).

ляютъ ее рѣдко, а питаются большею частью растительной пищей, да мѣстной рыбой, ибо рыба не свѣжая, привозная, кромѣ сельдей, имъ не доступна. При кормленіи дѣтей молокомъ коровъ дѣло также не обходится безъ вреднаго вмѣшательства религіи: евреи иногда продаютъ хорошихъ коровъ за то, что онѣ родили близнятъ; молоко такихъ коровъ трефное и ихъ держать нельзя. Мудрено-ли, что при такомъ питаніи дѣти евреевъ почти всегда представляются слабыми, худосочными узкогрудыми, малокровными? и т. п.

У *Черемисъ* Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя инородческой школы, г. Манохина,—прикладываютъ ребенка къ груди матери послѣ первой бани. Если новорожденный не принимаетъ груди, то ему даютъ сначала немного нетопленнаго коровьяго масла. Посторонней пищей начинаютъ прикармливать не ранѣе трехмѣсячнаго возраста. Отнимаютъ отъ груди чрезъ 2—3 года, а иные по рожденіи слѣдующаго дитяти.

У *Вотяковъ* Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи,—по свидѣтельству протоіерея Фармаковскаго,—если мать, по рожденіи младенца не обладаетъ достаточнымъ количествомъ молока, потребнаго для кормленія новорожденнаго, то даютъ ему соску изъ жеваннаго чернаго хлѣба. Но неудовлетворительность этого способа питанія сознана и самими инородцами, а потому въ подобныхъ случаяхъ роженицы большею частью обращаются къ помощи постороннихъ женщинъ, питающихъ грудью своихъ дѣтей, покормить раза два, а иногда и болѣе покормить новорожденнаго. Впрочемъ чрезъ сутки послѣ родовъ нужда въ посторонней помощи устраняется и мать сама кормитъ младенца. Но, сохрани Богъ, если роженицу въ ея положеніи застигнетъ болѣзнь, тогда ребенокъ ея — неминуемая жертва смерти.—Коровьимъ молокомъ инородцы дѣтей своихъ въ первоначальномъ возрастѣ не кормятъ, или кормятъ весьма рѣдко: грудь матери — единственный источникъ питанія. Ею пользуются дѣти Вотяка большею частью до одного года; но нѣкоторыя заботливыя матери кормятъ до двухъ и даже до трехлѣтняго возраста.

У *Пермяковъ* Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству г. Карлова,—въ первоначальномъ питаніи дѣтей много общаго съ живущими въ перемежку съ ними русскими, а именно: если у матери долго не отдѣляется изъ груди молоко, то новорожденному даютъ соску изъ чернаго хлѣба, обмакивая его время отъ времени въ теплое коровье молоко, или же вливаютъ молоко въ ротикъ ложкой. Чаще всего даютъ грудь первый разъ на 2-й и 3-й день послѣ родовъ. Прикармливаніе начинается съ первыхъ же мѣсяцевъ и состоитъ большею частью изъ подогрѣтаго коровьяго молока. Къ концу перваго полугодія пріучаютъ къ пищѣ, какую употребляетъ семья. Отнимаютъ отъ груди около года.

У *Татаръ* Кунгурскаго уѣзда Пермской губерніи,—по свидѣтельству учителя школы г. Введенскаго,—послѣ рожденія даютъ дитяти въ первое время половину чайной ложки растопленнаго масла и разведеннаго меда, потомъ начинаютъ давать грудь, которою кормятъ спустя не долго послѣ рожденія. Посторонней пищей начинаютъ прикармливать чрезъ 3—5 и болѣе мѣсяцевъ, смотря по здоровью матери. Для сосанія жевка никогда не употребляется. Если у матери нѣтъ молока въ груди, то ребенка кормитъ посторонняя женщина. Отнимаютъ отъ груди чрезъ $1^1/_2$ года и даже позднѣе.

Крымскіе Татары, по свидѣтельству Г-жи Б.,—до семи мѣсяцевъ кормятъ исключительно грудью матери, послѣ того даютъ молоко съ сахаромъ; отнимаютъ отъ груди $1^1/_2$—2-хъ лѣтъ.

Татары Каркаролинскаго городскаго поселенія Семипалатинской области,—по свидѣтельству Г. Филиппова, — вскорѣ по рожденіи кладутъ въ ротъ ребенка небольшое количество коровьяго масла, а нѣкоторые мажутъ имъ только губы; послѣ того три дня даютъ соску, приготовленную изъ жеваннаго хлѣба, коровьяго масла и сахара. По истеченіи трехъ дней младенецъ кормится грудньмъ молокомъ матери, что продолжается до 1—2 лѣтъ. Прикармливаніе начинается по истеченіи 1-го 2-хъ мѣсяцевъ отъ рожденія и состоитъ изъ крошекъ бѣлаго хлѣба, размоченныхъ въ горячемъ молокѣ съ прибавленіемъ небольшаго количества сахара.

У *Грузинъ* и *Армянъ* Горійскаго уѣзда Тифлисской губерніи (прежней Карталиніи),—по свидѣтельству врача Скокова,—первое что ребенку даютъ сосать чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія,— это кусокъ бараньяго курдючнаго сала, затѣмъ соску изъ хлѣба и сахара, а чрезъ сутки или двое—даютъ грудь матери. Послѣ 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ начинаютъ давать ребенку ту самую пищу, которую получаютъ сами взрослые, какъ-то: хлѣбъ, супъ, лобія (бобы), фрукты и вино, а въ Осетіи даютъ ребенку понемногу арака (легкую водку) и богана (пиво). Отнимаютъ отъ груди обыкновенно по прошествіи 10-ти мѣсяцевъ, но иногда чрезъ годъ и даже чрезъ два.

Въ Сигнагскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача Сулханова, новорожденному даютъ сначала соску, состоящую также изъ курдючнаго сала или свѣжаго масла, завернутыхъ въ тряпку; на другой или третій день даютъ грудь матери; пріучаютъ къ посторонней пищѣ на 6-мъ—7-мъ мѣсяцѣ или раньше; кормятъ грудью до 3-хъ и болѣе лѣтъ. Въ Душетскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача Чичіани,—кормленіе пр о

должается также очень долго. Странно видѣть,— говоритъ онъ,—что иногда взрослый ребенокъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ бѣжитъ за матерью и проситъ покормить его грудью.—Въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ той же губерніи,—по свидѣтельству врача В. Гамрекелова, — первые часы по рожденіи дитя обыкновенно кормится свѣжимъ масломъ, завернутымъ въ кисею. Спустя 24 часа прикладываютъ его къ груди матери. Въ случаѣ недостатка материнскаго молока прибѣгаютъ къ молоку коровьему, козьему, овечьему, разбавляя его водой и прибавляя немного сахара. Прикармливаютъ посторонней пищей на 6-мъ, 7-мъ, 8-мъ мѣсяцахъ. Отнимаютъ отъ груди обыкновенно на 11-мъ мѣсяцѣ, иногда же, смотря по состоянію здоровья, около $1^1/_2$—2-хъ лѣтъ. Въ Легчумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству Г. Родзевича, [1]) —первые три дня мать не кормитъ сама, а поручаетъ новорожденнаго кормить грудью другой женщинѣ и только за неимѣніемъ таковой, по необходимости, прикладываетъ его къ своей груди. Спустя 6—7 мѣсяцевъ начинаютъ давать хлѣбъ, размоченный въ винѣ, а потомъ вскорѣ давать все то, что и сами ѣдятъ. Кормленіе грудью весьма продолжительно и длится иногда до 6-ти лѣтъ.—Въ Озургетскомъ уѣздѣ, той же губерніи,—по свидѣтельству врача Валесскаго,—кормленіе грудью матери начинается или съ перваго же дня, или, въ случаѣ недостатка у ней молока, съ 3-го дня; до того же времени кормитъ ребенка сосѣдка. Первую пищу дитяти составляетъ исключительно молоко матери,— никакого искусственнаго кормленія здѣсь не допускается; въ случаѣ невозможности матери кормить ребенка самой, даже бѣдныя отдаютъ дитя кормилицѣ. Кормленіе грудью продолжается обыкновенно до 2-хъ 3-хъ лѣтняго возраста и никакъ не менѣе $1^1/_2$ года. Самое кормленіе обыкновенно производится въ люлькѣ, когда ребенокъ уже запеленатъ. Процедура эта происходитъ такимъ образомъ, что мать или кормилица садится возлѣ люльки на низенькую скамейку и облокачивается одною рукою на верхнюю перекладину люльки и такимъ образомъ, нагибаясь надъ нею, даетъ грудь ребенку. Постороннюю пищу рѣдко употребляютъ до прорѣзыванія зубовъ; съ того же времени начинаютъ прикармливать преимущественно куринымъ мясомъ, хлѣбомъ, чаемъ; молока же, кромѣ женскаго, равно какъ приготовленныхъ на молокѣ кашекъ не употребляютъ изъ предуб̀ѣжденія, что таковая пища способствуетъ развитію глистовъ; скорѣе даютъ ребенку фрукты, кукурузный хлѣбъ, фасоль и т. п.—Въ Рачинскомъ уѣздѣ Кутаиской губерніи,— по свидѣтельству врача Елагина, — сначала кормитъ новорожденнаго посторонняя женщина, потомъ на третій день мать. По деревнямъ иногда больнымъ дѣтямъ прежде кормленія грудью даютъ желчь волчью или собачью, а иногда и медвѣжью. Приблизительно берется ея $^1/_4$ чайной ложки и она смѣшивается съ женскимъ молокомъ. Если молока у матери отдѣляется мало, то грудное молоко смѣшивается съ хлѣбомъ.—Такое кормленіе начинается, спустя три недѣли послѣ родовъ. Кормленіе продолжается у нѣкоторыхъ $1^1/_2$ года, у другихъ до 5-ти лѣтъ. Чрезъ полгода по рожденіи кромѣ молока кормленіе производится еще хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ виномъ. Въ томъ же уѣздѣ и у Осетинъ Кударскаго ущелія кормить ребенка грудью начинаютъ со втораго дня рожденія, а отнимаютъ отъ нея никакъ не раньше года, а иногда случается, что ребенокъ сосетъ грудь 2—3 года. При недостаткѣ молока матери берутъ кормилицу. Обычай брать кормилицъ здѣсь, какъ и въ Мингреліи, весьма распространенъ. Прикармливаніе начинается съ 6-го 7-го мѣсяцевъ и прямо той пищей, которая готовится для взрослыхъ.

Въ Мингреліи и Имеретіи, — по свидѣтельству графа Размордюка, — прикармливаніе начинается по достиженіи ребенкомъ годоваго возраста и состоитъ изъ разжеванной и вообще мягкой пищи, особенно же молочной. Отнимаютъ отъ груди чрезъ два года.

Въ вольной Сватеніи, — по свидѣтельству графа Размордюка,—сначала мать кормитъ сама грудью, чрезъ 20 — 25 дней она прикармливаетъ ребенка кашей, сваренною изъ сыворотки (?) съ примѣсью овсяной муки; отнимаютъ отъ груди на 3-мъ 4-мъ году. Въ Сватеніи же,—по свидѣтельству Кидіошвилана,—сама мать не кормитъ первые три дня, а дитя подкармливается другой женщиной. Мѣсяца чрезъ два даютъ дитяти коровье молоко и дѣлаютъ кашицу изъ пшеничной муки съ молокомъ, куда кладутъ также коровье масло и нѣсколько соли. Хлѣбомъ кормятъ чрезъ годъ. Отъ груди отнимаютъ 3-хъ 4-хъ лѣтъ.

У мусульманъ Карабага Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ Мирзоева [1]),—дѣтей начинаютъ кормить грудью въ самый день ихъ рожденія какъ скоро ребенокъ принимаетъ грудь. Никакіе суррогаты не употребляются; туземкамъ неизвѣстны даже соски и жевка и вообще искусственное кормленіе дѣтей. Кормленіе мальчиковъ производится обыкновенно долго—до 2-хъ, 3-хъ лѣтъ. Если въ это время мать успѣетъ народить еще дочь, то послѣднюю она кормитъ коровьимъ молокомъ, изрѣдка только давая ей грудь и разумѣется способствуя чрезъ это скорой ея смерти — мальчика же продолжаетъ кормить съ прежнимъ усердіемъ. Если

[1]) Кавказъ № 59, 1879 г.

[2])См. выше фиг. 87.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 42.

женщина рожаетъ двойню—мальчика и дѣвочку, то перваго она кормитъ грудью, а вторую свѣжимъ коровьимъ молокомъ, слегка обсыпаннымъ сахаромъ; подобная пища обыкновенно сводитъ въ могилу несчастную малютку на 15-мъ—20-мъ днѣ жизни.

Въ Нухинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству г. Стоянова,—питаніе дѣтей грудью начинается обыкновенно тотчасъ послѣ омовенія ребенка. Въ случаѣ же недостатка у матери молока, ему даютъ соску: изъ хлѣба съ теплымъ коровьимъ молокомъ или же изъ муки *пшата* (плоды дерева Elaeagnus hortensis L.), которая будто придаетъ ребенку полноту. При недостаткѣ молока у матери многіе состоятельные люди (городскіе беки) въ первомъ мѣсяцѣ даютъ въ пищу ребенку сбитый съ сахаромъ яичный желтокъ (гоголь—моголь). Кормленіе грудью продолжается отъ 1-го до 3-хъ и болѣе лѣтъ. Къ посторонней пищѣ пріучаютъ дѣтей на 7-мъ, 9-мъ мѣсяцахъ.

Въ Шушинскомъ уѣздѣ той же губерніи, — по свидѣтельству г-жи Б., кормленіе грудью матери начинается вскорѣ послѣ рожденія. Если у матери нѣтъ молока, то нѣсколько разъ кормитъ другая женщина, или же даютъ желтокъ яйца съ небольшимъ количествомъ масла и сахара. Считается полезнымъ давать сосать ребенку по временамъ коровье мясо. — Посторонней пищей прикармливаютъ отъ 3-хъ—6-ти мѣсяцевъ; отъ груди отнимаютъ 9-ти—18-ти мѣсяцевъ, но иногда 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ лѣтъ. Кормить грудью беременной женщинѣ считается вреднымъ и потому ребенка сейчасъ же отнимаютъ отъ груди, какъ только мать забеременѣетъ.

У *Айсаровъ*. Эриванскаго уѣзда и губерніи,—по свидѣтельству П. Ейвазова,—въ первое время по рожденіи сама мать, считая свое молоко негоднымъ и вреднымъ для слабаго желудка новорожденнаго, не даетъ ему своей груди, а передаетъ его для кормленія посторонней женщинѣ. Къ своей груди мать прикладываетъ ребенка на второй и даже на третій день. Предъ первымъ кормленіемъ собственною грудью, мать придавливаетъ указательнымъ пальцемъ, смазаннымъ сахарнымъ порошкомъ или медомъ, язычекъ, чтобы онъ хорошо привялъ эту грудь. Кормленіе грудью продолжается до второй беременности. Въ періодъ беременности ни въ какомъ случаѣ грудью дѣтей не кормятъ, такъ какъ считаютъ молоко въ это время испорченнымъ. Въ случаѣ отсутствія беременности Айсары кормятъ своихъ дѣтей грудью года два и даже три, особенно если дѣти нездоровы и неспособны къ принятію и перевариванію посторонней пищи. Если у матери нѣтъ молока, то она беретъ кормилицу или кормитъ дитя рожкомъ, обращеніе съ которымъ крайне небрежное. Такъ, вливаютъ въ него для кормленія молоко буйволовое (густое какъ сливки, чрезвычайно обильное жиромъ и казеиномъ и наоборотъ весьма бѣдное, сравнительно съ другими видами молока, водой), при томъ старое и потому самое жирное, никогда не разбавляя его ни одной каплей воды. Молоко это держатъ не всегда въ чистой безъ запаха и закиси посудѣ. Сосокъ на рожкѣ также держится весьма неопрятно. Результатомъ такого неряшества и недосмотра нерѣдко бываютъ разстройства пищеварительныхъ органовъ ребенка. Для прикармливанія мать приготовляетъ иногда для ребенка особое кушанье, состоящее изъ коровьяго масла, меда и муки плода, извѣстнаго здѣсь подъ названіемъ *пшати* (Elaeagnus hortensis). Къ посторонней пищѣ Айсарки пріучаютъ дѣтей своихъ на 6-мъ и 7-мъ мѣсяцахъ и то большею частью къ молочной и сочной пищѣ.

У *Армянъ* Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Зелинскаго [1]),—послѣ рожденія дитяти, ему даютъ ложечку материнской мочи, которая, будто-бы, очищаетъ его желудокъ. Мать начинаетъ кормить своего ребенка грудью только спустя три—четыре дня послѣ родовъ, а до этого времени кормитъ другая женщина. Если не находятъ таковой, то дѣлаютъ шарикъ изъ пережеваннаго хлѣба съ сахаромъ и, завязавъ его въ чистую тонкую тряпку, кладутъ въ ротъ ребенка, чтобы онъ сосалъ. Кромѣ материнскаго молока, дитя кормится пшатомъ (Zizyphus lappadocia), смѣшаннымъ съ сырыми сливками, а также коровьимъ молокомъ. Ослиное молоко дается въ случаѣ боли въ животѣ или задержанія мочи. Грудью кормятъ отъ 1 до 4 лѣтъ. Къ посторонней пищѣ пріучаютъ спустя 4—5 мѣсяцевъ; впрочемъ, это зависитъ отъ состоянія здоровья ребенка.

У *Армянъ* и *Татаръ*. Эчміадзинскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Маріи О [2])—грудью дѣти питаются не раньше, какъ на второй день рожденія. Если у матери нѣтъ молока, то въ пищу ребенку употребляютъ лепешки, называемыя туземцами *хомаръ-банаушъ*. Изъ чего составлены эти лепешки, никто не знаетъ, такъ какъ онѣ доставляются изъ Персіи. Ихъ мелко толкутъ, мѣшаютъ съ молокомъ, или же прямо съ водою и изъ этого дѣлаютъ соску, наложивъ смѣси этой въ тряпочку, которую и всовываютъ ребенку въ ротъ. Или же берутъ плоды дерева Elaeagnus hortensis, называемые здѣсь *пшатомъ*, снимаютъ верхнюю кожицу, мягкое мучнистое тѣсто отнимаютъ отъ косточки, смѣшиваютъ съ молокомъ и этимъ кормятъ ребенка. Посторонней пищей начинаютъ прикармливать на 7-мъ и 8-мъ мѣсяцахъ, но только для ребенка не варятъ ничего отдѣльно, а прямо пріучаютъ къ

---

[1]) l. c.

[2]) Кавказъ. 1879 г. № 294.

пищѣ, которою обыкновенно питаются взрослые. Я видѣла семимѣсячныхъ дѣтей, которыя съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ острые маринаты въ видѣ огурцовъ, мелкой дыни, перца и т. п., а также и соленую рыбу. Отъ груди отнимаютъ не раньше года, но часто очень кормятъ грудью два и три года.

У *Армянъ* Шеруро Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянца [1]),—первое кормленіе производится спустя 3—4 часа послѣ рожденія младенца. Когда же самъ ребенокъ не плачетъ, животъ, какъ признакъ сытости, выпученъ, то кормленіе откладывается на 10 и болѣе часовъ. Затѣмъ первый и слѣдующіе разы, въ теченіе 2-хъ—3-хъ дней кормитъ грудью другая женщина, имѣющая, какого бы ни было возраста, груднаго ребенка. Кормилица, прежде чѣмъ дать младенцу грудь, обмакиваетъ сперва своимъ молокомъ губы его. Мать же начинаетъ кормить на другой или на третій день, словомъ, когда прибудетъ у нея молоко.—Молочное кормленіе продолжается 3—4 мѣсяца, послѣ чего къ нему присоединяется всякая другая, болѣе или менѣе мягкая пища, употребляемая взрослыми. Иногда по недостатку молока у матери, ребенку дается въ промежуткахъ коровье молоко, съ прибавленіемъ къ нему немного сахара. Но въ такихъ случаяхъ большею частью кормятъ дѣтей густою смѣсью пшатовой муки съ коровьимъ молокомъ. Смѣсь эта приготовляется слѣдующимъ образомъ. Удаливъ съ пшата (ягоды дерева Elaeagnus hortensis) его мѣшкообразную кожицу и соскобливъ съ косточекъ его мякоть, состоящую только изъ одной муки, послѣднюю протираютъ между пальцами и просѣиваютъ сквозь сито или тонкую матерію, смѣшиваютъ до густой консистенціи съ свѣжимъ, немного подогрѣтымъ коровьимъ молокомъ, каковую смѣсь даютъ понемногу ѣсть ребенку или чайною ложечкою, или же на кончикѣ пальца.

У *Татаръ* первое кормленіе ребенка откладывается, какъ у Армянъ, съ утра на вечеръ того же дня или съ вечера на утро слѣдующаго дня. Если мать, первый разъ, по какому либо случаю, не можетъ кормить, а женщины другой нѣтъ, то даютъ ѣсть младенцу смѣсь коровьяго масла съ сахарнымъ порошкомъ. Всегда предъ первымъ кормленіемъ деревенская бабка указательнымъ пальцемъ правой руки, обмазаннымъ коровьимъ масломъ, приподнимаетъ язычекъ у младенца. Пшатовая каша, приготовленная по приведенному способу, употребляется и у татаръ. Какъ суррогатъ у нихъ даютъ также дѣтямъ лепешки, называемыя *хамра-банауша* [2]), о которыхъ была рѣчь выше. Онѣ имѣютъ свѣтло-коричневый цвѣтъ, круглую форму и діаметръ отъ одного до полутора вершка. Онѣ состоятъ изъ крахмала, сахара и фіалковаго настоя. Лепешки или даются въ руки ребенку для сосанья, или же принимаются въ формѣ кашицы, смѣшанной съ молокомъ. Отъ нея ребенокъ будто бы укрѣпляется и принимаетъ здоровый видъ.

Первое кормленіе младенца у *Куртинъ*,—по свидѣтельству Оганисьянцъ, — производится чужою женщиною, причемъ первый разъ выдавленное молоко дается въ наперстокъ, затѣмъ уже непосредственно грудью. Моментъ перваго кормленія совпадаетъ съ частымъ плачемъ ребенка. По отсутствію молока у матери или въ помощь ему дается коровье молоко съ примѣсью одного лишь сахара. Другихъ суррогатовъ нѣтъ у Куртинъ. У Татаръ и Куртинъ ребенокъ на шестомъ мѣсяцѣ уже начинаетъ участвовать въ принятіи всякой мягкой пищи, наравнѣ съ взрослыми. Отнятіе ребенка отъ груди у татаръ, армянъ и куртинъ,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ,—совершается на первомъ, второмъ, иногда на третьемъ году жизни ребенка. Дитя понемногу отучаютъ отъ пріема груди, обмазавъ послѣднюю коровьимъ навозомъ, грязью, черною смолою, или настоемъ горькихъ кореньевъ, или же наконецъ матери сами прячутъ свою грудь, зашивая края грудной части одежды своей.

Въ *Западномъ Дагестанѣ* [1]) въ теченіе трехъ дней послѣ родовъ новорожденный не пользуется молокомъ матери, а обыкновенно приготовляютъ суррогатъ изъ коровьяго масла и меда и понемногу кладутъ ребенку за губу, чѣмъ онъ и питается три дня. Если у родильницы окажется мало молока, или по слабости здоровья она не можетъ кормить ребенка, то его начинаютъ кормить коровьимъ молокомъ, подбитымъ немного мукою, которая варится съ молокомъ, а также приготовляютъ муку изъ льнянаго сѣмени съ медомъ и коровьимъ масломъ и даютъ это ребенку. Вообще же прикармливать дѣтей вышесказанною пищею начинаютъ на 6-мъ мѣсяцѣ и позже. Дѣтей отнимаютъ отъ груди немедленно послѣ вторичной беременности, а иначе кормятъ грудью года два, три; бываютъ же случаи кормленія дѣтей грудью и лѣтъ до пяти.

Въ Даргинскомъ Округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южнаго Дагестана, — по свидѣтельству М. Бахтамова, — первое молоко матери не считаютъ вреднымъ; наоборотъ, такое молоко считается здѣсь даже полезнымъ и какъ скоро ребенокъ начинаетъ принимать грудь, тотчасъ мать кормитъ его, а до появленія молока даетъ ему свѣжее коровье масло съ примѣсью меда. Когда мать садится у колыбели и начинаетъ кормить грудью ребенка, то она кормитъ попеременно, то съ правой, то съ лѣвой

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 58.

[2]) *Хамра*—по персидски — тѣсто, закваска. *Банаушъ* или *бануша*—фіалка. *Хамра—банауша*—фіалковое тѣсто.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 49.

стороны колыбели, но никогда съ одной, высказывая убѣжденіе, что у младенца шея и голова примутъ въ такомъ случаѣ безобразную форму. Если у матери нѣтъ молока, то въ пищу употребляютъ лепешки, сдѣланныя изъ свѣжаго масла, муки и примѣси меда; или употребляютъ сосокъ, сдѣланный изъ тонкой кожи, куда вливаютъ коровье молоко. Посторонней пищей кормятъ дѣтей на 7-мъ, 8-мъ и 10-мъ мѣсяцахъ и прикармливаютъ ребенка сначала кашкой, а потомъ пищей, которую употребляютъ сами. Кормленіе грудью продолжается отъ 1-го до 3-хъ лѣтняго возраста; но большая часть кормитъ дѣтей до новой беременности.

У *Кануччиновъ* Гунибскаго Округа Дагестанской Области,—по свидѣтельству Л. Млокосѣвича,—въ первый день по рожденіи ребенку ничего не даютъ ѣсть; на другой день приглашаютъ для кормленія его постороннюю женщину, которая кормитъ своего ребенка; на третій день мать встаетъ съ постели, купается, обмываетъ свою грудь и сама кормитъ ребенка. Если у матери нѣтъ молока, то ребенку даютъ коровье или козье топленое молоко, но не овечье. Кормленіе это производится чрезъ коровій рогъ съ коровьимъ соскомъ. Чрезъ пять мѣсяцевъ, когда ребенокъ можетъ уже сидѣть, даютъ ему хлѣбъ и сыръ. Держатъ ребенка у груди 1, 2, 3 и болѣе года, до слѣдующей беременности, при которой считаютъ кормленіе вреднымъ.

У *Джирцевъ* (Аварскаго племени) въ Закатальскомъ Округѣ Дагестанской Области, — по свидѣтельству Л. Млокосѣвича, — обыкновенно первые два дня ребенку ничего не даютъ ѣсть, но нѣкоторые даютъ ему свѣжее коровье масло, смѣшанное съ чистымъ медомъ изъ соска. Если нѣтъ коровьяго масла, то даютъ ему буйволиное. Съ третьяго дня мать начинаетъ кормить ребенка своею грудью; въ случаѣ-же недостатка собственнаго молока, даютъ ребенку свѣжее кипяченое, коровье молоко съ примѣсью къ нему немного сахара. Съ третьяго мѣсяца въ прибавку къ материнскому молоку даютъ ребенку коровье молоко, съ примѣсью небольшаго количества пшеничной муки. Но если у матери много молока, то до 6-ти 7-ми мѣсяцевъ посторонней пищи не даютъ, а послѣ того прямо переходятъ ко всякой пищѣ. Кормятъ до беременности 1, 2, 3 и болѣе года. Есть однако у туземцевъ поговорка, что если долго кормить ребенка, то онъ будетъ буянъ.

У *Армавирскихъ Армянъ* Кубанской Области,—по свидѣтельству Г. Ш—ль [1]), родившагося ребенка мать въ рѣдкихъ случаяхъ кормитъ сама въ первые 3—7 дней (это если и случается, то тамъ, гдѣ принимаетъ ребенка уѣздная акушерка, которая настаиваетъ на томъ, чтобы мать сама кормила), а то первая пришедшая женщина, будь она хотя старая, родившая ребенка годъ или два тому назадъ, кормитъ новорожденнаго своей грудью. Нерѣдки и такіе случаи: мать мужа или ея, старуха лѣтъ подъ 50, неимѣющая уже лѣтъ 10 дѣтей, желая избавить роженицу отъ безпокойства беретъ ребенка на ночь къ себѣ и даетъ свою грудь,—въ результатѣ является у нея молоко; и тогда она продолжаетъ кормить и днемъ своего внука или внучку. Кормленіе грудью продолжается всегда до слѣдующей беременности, не далѣе 5-ти 7-ми лѣтъ. Мнѣ показывали мальчика лѣтъ 6-ти 7-ми, который уже ходитъ въ училище и по приходѣ домой обѣдаетъ молокомъ матери. При такомъ кормленіи дѣтей посторонними женщинами въ первые дни, у самой роженицы накопляется довольно много молока, раздуваются груди и тутъ начинается лѣченіе, не рѣдко кончающееся растравленіемъ груди. Посторонней пищей начинаютъ кормить когда кто вздумаетъ и дается малюткѣ все то, что ѣдятъ взрослые. Сосокъ вовсе нѣтъ въ употребленіи.

У *Абазинцевъ* (горскаго племени), живущихъ въ Батлукпашинскомъ уѣздѣ Кубанской Области,—по свидѣтельству учителя Ѳ. Арканникова, — даютъ грудь матери новорожденному послѣ перваго омовенія и кормятъ до новой беременности, послѣ чего пріучаютъ его къ той пищѣ, какую ѣдятъ взрослые. Если у матери нѣтъ молока, то кормятъ изъ рожка (буйволоваго или коровьяго), привязывая къ нему козій сосокъ и вливая въ него коровье молоко съ сахаромъ.

У *Абазинцевъ*, *Кабардинцевъ* и *Ногайцевъ* Кубанской Области,—по свидѣтельству Фелицина, — грудью ребенокъ пользуется вскорѣ по рожденіи; отнимаютъ его отъ груди 1-го 2-хъ лѣтъ; постороннею пищей прикармливаютъ на седьмомъ мѣсяцѣ и съ этою цѣлью употребляютъ молоко и небольшое количество каши (пасты). Жевки не употребляютъ. Если мать не въ состояніи кормить ребенка сама, то отдаетъ его въ чужой домъ. Если этого нельзя сдѣлать, такъ какъ это сопряжено съ большими расходами, то кормятъ ребенка рожкомъ, къ узкому концу котораго прикрѣпляется овечій сосокъ и въ который вливается теплое молоко, смѣшанное съ сахаромъ или медомъ. У Горцевъ *Шапсугскаго* и *Бжедуховскаго* племенъ Екатеринодарскаго уѣзда Кубанской Области,—по свидѣтельству г. Косоланъ,—питаніе дѣтей грудью начинается тотчасъ же послѣ омовенія ребенка. Въ случаѣ же недостатка у матери молока, ему дѣлаютъ соску изъ пшена и муки, смѣшанной съ коровьимъ теплымъ молокомъ, къ которому прибавляютъ сахаръ. Чрезъ годъ ребенку даютъ хлѣбъ, чай съ молокомъ, наваръ изъ говядины или баранины. Кормленіе ребенка продолжается отъ 1-го года до 2-хъ, а иногда и до 5-ти лѣтъ.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 62.

У Черкесовъ—*Шапсуговъ* Кубанской Области,—по свидѣтельству учителя К. Шевченко,—грудью матери младенецъ начинаетъ кормиться со дня рожденія. Кормленіе это производится въ день три раза и менѣе и продолжается въ теченіи всего года, а иногда и больше. При кормленіи грудью на руки младенецъ не берется до того времени, пока не настанетъ пора прикармливать посторонней пищей, которая слѣдуетъ чрезъ три мѣсяца въ формѣ молочной и обыкновенной каши, молока, чаще всего буйволинаго, которое иногда варятъ съ мукой. Жевки и сосокъ не существуетъ.

У *Кабардинцевъ*,—по свидѣтельству С. Шмыткина,—послѣ рожденія ребенку чрезъ 6—7 часовъ даютъ грудь, не употребляя до этого и послѣ этого никакихъ суррогатовъ. Исключительно молокомъ матери ребенокъ питается 5—6 мѣсяцевъ, послѣ чего даютъ чай, коровье или козье молоко, медъ и воду. Отъ груди отнимаютъ 1-го, 2-хъ, 3-хъ и даже 4-хъ лѣтъ. Чѣмъ больше мать привязана къ ребенку, тѣмъ дольше его кормитъ.

У *Осетинъ* Терской Области,—по свидѣтельству г-жи Арчековой [1]), тотчасъ по рожденіи ребенка кормятъ грудью какой нибудь посторонней женщины, а не молокомъ матери, говоря, что молоко послѣдней еще не годится для ребенка. До 7-го 8-го мѣсяцевъ ребенокъ исключительно питается молокомъ матери. Послѣ 8-ми мѣсяцевъ ему самому предоставляется выборъ пищи. Впрочемъ молокомъ матери ребенокъ не перестаетъ кормиться еще до втораго и третьяго года и только на четвертомъ году его отнимаютъ отъ груди, намазывая послѣднюю горчицей или перцомъ.

По свидѣтельству г-жи Касабіевой [2]), у Осетинъ той же области кормленіе ребенка грудью матери начинается спустя три дня и даже недѣлю; причина такого замедленія происходитъ отъ того, что послѣ родовъ мать принимаетъ лѣкарства, которыя могутъ быть вредны для ребенка. Въ первые дни по рожденіи дитя питается грудью посторонней женщины, а не молокомъ коровы и другихъ животныхъ. Кормятъ дѣтей очень часто, какъ только онъ проснется или закричитъ, такъ что пища, не успѣвая такъ быстро перевариться, производитъ частыя рвоты. Кормленіе ребенка грудью у Осетинъ продолжается очень долго, до двухъ или трехъ лѣтъ; при этомъ съ седьмаго мѣсяца, иногда и раньше, даютъ имъ такую же пищу и напитки, какіе употребляютъ взрослые; на четвертомъ году ребенка отнимаютъ отъ груди, намазывая послѣднюю горчицей или перцемъ.

Въ *Кизлярѣ* Терской Области у проживающихъ тамъ Армянъ, Грузинъ и Татаръ, -по свидѣтельству врача Султанъ-Шаха,—въ первые три дня по рожденіи даютъ ребенку смѣсь изъ коровьяго молока и меда по равной части, а потомъ начинаютъ кормить грудью; если у матери молока достаточно, то въ продолженіи 5-ти 6-ти мѣсяцевъ ничего кромѣ груди не даютъ, въ противномъ случаѣ даютъ ребенку соску изъ жеванныхъ сухарей, баранокъ, завернутыхъ въ прозрачную матерію (марли). Въ то же время поятъ ребенка чаемъ съ молокомъ, кофеемъ, въ которые кладутъ очень мало сахара. Отнимаютъ отъ груди чрезъ 1—1½ 2 и даже 3 года. Спустя 6 мѣсяцевъ, кромѣ молока матери и коровьяго, пріучаютъ ребенка ко всякой пищѣ, употребляемой взрослыми. Такимъ образомъ дѣти еще въ весьма юномъ возрастѣ начинаютъ употреблять въ пищу всевозможныя пряности: перецъ, горчицу и т. п. въ весьма обильномъ количествѣ, вслѣдствіе чего случалось не разъ видѣть дѣтей 6-ти 7-ми лѣтъ съ весьма упорными катаррами желудка.

У *Ичкринцевъ*. (Чеченцевъ) Введенскаго Округа Терской Области, -по свидѣтельству врача Ш.,—начинаютъ кормить дѣтей грудью сейчасъ послѣ родовъ. Прикармливаніе производится кашицей изъ кукурузной и пшеничной муки съ молокомъ или масломъ. Часто даютъ сосать кусокъ бараньяго, курдючнаго сала, надвинутый на палку. Средняя продолжительность кормленія грудью дѣтей 2½ года, а иногда до 7-ми лѣтняго возраста

У *Чеченцевъ* Аргунскаго Округа Терской Области,—по свидѣтельству врача Е. Рудыковскаго,—грудь новорожденному дается въ первый день по рожденіи. Кормленіе грудью продолжается, если никакое обстоятельство не мѣшаетъ, болѣе года. Въ случаѣ недостатка молока у матери приглашается какая либо родственница или знакомая, но никакихъ суррогатовъ и искусственнаго кормленія Чеченцы не знаютъ. Отъ кормленія грудью переходятъ къ коровьему молоку и пищѣ взрослыхъ; мучныхъ кашекъ и суповъ для грудныхъ дѣтей также не варятъ.

У *Кумыковъ*, *Чеченцевъ*, *Салотавцевъ* и *Ногайцевъ* Хасавъ-Юртовскаго Округа Терской области,—по свидѣтельству врача Надежина,—до 40 дней по рожденный исключительно кормится молокомъ матери. Послѣ того, въ прибавокъ къ грудному кормленію, даютъ халву, которая приготовляется такъ: беруть двѣ части масла и одну часть меда, тщательно смѣшиваютъ ихъ и потомъ прибавляютъ къ этой смѣси поджаренную, пшеничную муку до извѣстной густоты смѣси. Иногда поятъ ребенка чаемъ съ сахаромъ и молокомъ, иногда цѣльнымъ сырымъ молокомъ. Продолжительность кормленія отъ 9 мѣсяцевъ до 1½ года.

У *Ногайцевъ*,—по свидѣтельству г. Георгіева, даютъ ребенку грудь тотчасъ послѣ омовенія, но

1) Терскія Вѣдомости. 1879 г. № 21.
2) Терскія Вѣдомости. 1879 г. № 21.

только не материнскую, а другой женщины, такъ какъ молоко въ материнской груди является на другой или на третій день послѣ родовъ, а затѣмъ уже мать продолжаетъ кормить новорожденнаго своею грудью. По истеченіи трехъ—четырехъ мѣсяцевъ, кромѣ груди начинаютъ давать жевку, состоящую изъ хлѣба съ сахаромъ, супъ, калмыцкій чай и молоко коровье и козье. Отъ груди отнимаютъ дитя уже въ то время, когда у него являются зубы, хотя и не всѣ сполна.

У *Караногайцевъ* Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству г. Влескова [1]),—мать кормитъ ребенка грудью до двухъ лѣтъ и болѣе, пріучая его съ четырехмѣсячнаго возраста къ другой пищѣ и начиная ее почти всегда съ бараньяго курдюка. Кормленіе ребенка грудью зачастую совершается не только во время вторичной беременности, но и послѣ родовъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ первый ребенокъ, если ему менѣе двухъ лѣтъ, предпочитается второму, на долю котораго, при худосочіи матери, выпадаетъ исключительно питаться курдючнымъ саломъ, что не рѣдко даетъ случаи голодной смерти крайне истощеннаго ребенка.

У Ногайцевъ, кочующихъ въ Ставропольской губерніи (джембулуковцевъ, едисанцевъ, едишкульцевъ, караногайцевъ и трухмянъ),—по свидѣтельству І. Бентовскаго,—тотчасъ по рожденіи даютъ прежде соску изъ сыраго, курдючьяго сала, а затѣмъ грудь, какъ только молоко у матери появится. Послѣ того мать, по своимъ соображеніямъ, раньше или позже начинаетъ подкармливать ребенка *саламатью* изъ пшеничной муки, подслащенной сахаромъ, а затѣмъ постепенно пріучаетъ къ той пищѣ, какую сами ѣдятъ. Мать кормитъ ребенка до новой беременности и, почувствовавъ себя въ такомъ положеніи, тотчасъ отнимаетъ. Въ противномъ случаѣ кормитъ ребенка до $1^1/_2$ года и не дольше 2-хъ лѣтъ.

У *Калмыковъ*, кочующихъ въ Ставропольской губерніи, по свидѣтельству І. Бентовскаго, — какъ только родится ребенокъ, ему прежде всего даютъ соску изъ курдючнаго сала (т. е. бараньяго хвоста) для того, что будто бы такое сало производитъ очищеніе желчи. Нѣкоторые же калмыки даютъ мальчикамъ соску изъ волчьяго сала въ томъ убѣжденіи, что оно сдѣлаетъ человѣка сильнымъ и храбрымъ. Съ другаго же дня матери начинаютъ кормить грудью и продолжаютъ отъ одного до полутора года, не болѣе, а спустя полгода, пріучаютъ дѣтей къ той пищѣ, какую сами ѣдятъ: кормятъ *шюлюномъ*, т. е. бульономъ изъ какого попало мяса (соль составляетъ единственную приправу ихъ бульона), *буданомъ* (кипятокъ, подправленный мукою и саломъ), калмыцкимъ чаемъ и, наконецъ, мясомъ, пріучая сначала къ обгладыванію костей. Слѣдуетъ замѣтить, что калмыки при своей трапезѣ не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ: первыя замѣняютъ деревянными точеными чашками, а вторыя—собственными пальцами и поэтому кормить грудныхъ дѣтей чаемъ или бульономъ изъ чашки не такъ удобно, какъ поить ихъ ложкою. Замѣчательно, что печеный хлѣбъ не составляетъ ежедневной пищи калмыковъ и если онъ является за ихъ столомъ, то какъ рѣдкій подарокъ русскаго знакомца. Поэтому съ самаго рожденія, за исключеніемъ кирпичнаго чая, пища калмыцкихъ дѣтей больше животная, чѣмъ растительная.

Волжскіе Калмыки, — по свидѣтельству Нефедьева [1]),—тотчасъ по рожденіи даютъ ребенку въ ротъ кусокъ свѣжаго сала. Грудью кормятъ до 2-хъ 3-хъ лѣтъ, когда они курятъ уже и табакъ. О питаніи дѣтей у Калмыковъ въ прошломъ столѣтіи сохранились въ сочиненіи Лепехина [2]) слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «соскомъ и рожкомъ кормить своихъ дѣтей они не знаютъ; но имъ служитъ вмѣсто сего или обостренный кусокъ бараньяго жира, или пузырь какой скотины, который они, перевязывая ниткою, дѣлаютъ на подобіе сосца. Въ отсутствіи покидаютъ ребятъ однихъ и пузырь, наливъ молокомъ, привѣшиваютъ надъ ртомъ у младенца, чѣмъ онъ самъ и насыщается».

У *Киргизовъ* Семипалатинской Области [3]) первые три дня послѣ родовъ мать не кормитъ сама ребенка, а его кормитъ которая нибудь изъ женщинъ аула, имѣющая груднаго ребенка.—У Киргизовъ Зайсанскаго приставства Семипалатинской Области,—по свидѣтельству г. Малевскаго,—первую пищу дѣтей составляетъ преимущественно молоко матери, которымъ кормятъ пока таковое не прекратится. Коровьимъ молокомъ варенымъ кормятъ чрезъ соску, которую вырѣзываютъ изъ кишки. Въ большемъ возрастѣ мать кормитъ жеваннымъ мясомъ или жеванными сырчиками. Отъ груди отнимаютъ безъ соображенія о возрастѣ, а когда молоко прекратится въ грудяхъ матери. Случается видѣть $2^1/_2$—3-хъ лѣтнихъ ребятъ, берущихъ грудь какъ лакомство, и 9-ти мѣсячнаго ребенка, отнятаго отъ груди.—Въ томъ же приставствѣ,—по свидѣтельству врача Рашевскаго,—всѣ киргизки, за исключеніемъ страдающихъ полнымъ отсутствіемъ молока, кормятъ дѣтей грудью, причемъ кромѣ груди съ первыхъ же недѣль даютъ дѣтямъ, если только позволяетъ желудокъ и аппетитъ послѣднихъ, коровье, овечье и козье молоко, а также различныя жевки, кумысъ же дается дѣтямъ только

[1]) Ставропольскія Губернскія Вѣдомости. 1879 г. № 12.

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ. С. П. 1834 г.

[2]) Лепехинъ І. с. Ч. 2, стр. 229.

[3]) Обычаи Киргизовъ Семипалатинской Области. VI. стр. 54—61; напечат. въ Русскомъ Вѣстникѣ. Т. 137. Сент. 1878 года.

въ болѣе позднемъ возрастѣ, къ концу года. Сосокъ и рожковъ г. Рашевскій не замѣчалъ, но ему приходилось видѣть во рту дѣтей въ первыя недѣли ихъ житья кусокъ курдючнаго, бараньяго сала, обрѣзаннаго въ видѣ соски. По объясненію Киргизъ, сало въ такомъ видѣ дается дѣтямъ въ первый же день по рожденіи съ цѣлью пріучить къ сосанію и поддержать силы до тѣхъ поръ, пока въ грудяхъ матери образуется въ достаточномъ количествѣ молоко; впослѣдствіи же сосанію бараньяго сала Киргизы приписываютъ усиленіе теплоты въ организмѣ ребенка и предохранительное дѣйствіе отъ кашля и поноса. Начиная кормленіе грудью въ первые дни послѣ рожденія, Киргизки обыкновенно продолжаютъ его очень долго—1½—2 года и даже есть поводъ думать, что оно продолжается до прекращенія выдѣленія въ грудяхъ молока.—Г. Рашевскому часто приходилось видѣть сосущими грудь матери трехлѣтнихъ дѣтей, которыя кромѣ того ѣли всякую другую пищу. Въ Семипалатинскомъ уѣздѣ—по свидѣтельству врача Тхраевича,—первый разъ грудь даютъ у Киргизовъ чрезъ часъ послѣ рожденія Затѣмъ кромѣ груди, вскорѣ послѣ рожденія, кормятъ дѣтей пшеничной мукой, замѣшанной жидковато на кипяткѣ и поджаренной съ жиромъ или масломъ (саламатъ), а также творогомъ, растертымъ съ молокомъ. Отнимаютъ отъ груди чрезъ годъ и позже.—У Киргизовъ *Каркаралинскаго* уѣзда Семипалатинской Области, по свидѣтельству г. Филиппова,—большею частью съ самаго дня рожденія матери питаютъ младенцевъ грудью; въ случаѣ же болѣзни, смерти или неимѣнія въ грудяхъ матери молока, даютъ соску въ слѣдующемъ видѣ: отрѣзаютъ отъ бараньей кишки небольшую часть, одинъ конецъ которой завязываютъ крѣпко ниткой или чѣмъ другимъ, наполняютъ таковую теплымъ варенымъ коровьимъ молокомъ и завязываютъ другой конецъ не туго, оставляя небольшое отверстіе, каковой конецъ и даютъ въ ротъ младенца. Нѣкоторые же изъ Киргизъ, за неимѣніемъ молока, даютъ младенцу сосать сало не совсѣмъ свареное. Питаніе младенца молокомъ или саломъ производится нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ постепенно пріучаютъ его къ хлѣбнымъ и мяснымъ жевкамъ, преимущественно же къ послѣднимъ. Въ лѣтнее время поятъ простоквашей, кумысомъ и затѣмъ по мѣрѣ возраста даютъ и другую пищу. Дѣти отъ груди отнимаются разно,—по истеченіи одного года и ранѣе. У Киргизовъ большой Орды,—по свидѣтельству Н. А. Маева, ½—мать должна кормить ребенка грудью сама и только при невозможности исполнить эту обязанность нанимаетъ кормилицу за условленные подарки. Кормилицу называютъ имчекъ-ене (мать по груди) или сутъ-ене (мать по молоку).

Дѣти *Самоѣдовъ* Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи,—по свидѣтельству врача Парфентьева,—вскорѣ послѣ рожденія питаются грудью матери; прикармливаніе начинается по истеченіи перваго года и именно жевкою изъ варенаго оленьяго мяса, а иногда даютъ мясо и безъ жевки для сосанія, чтобы ребенокъ не плакалъ. Отнимаютъ отъ груди съ двухлѣтняго возраста.

У *Самоѣдовъ* Березовскаго округа Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова,—въ первый же день по рожденіи даютъ ребенку грудь матери. Прикармливаніе состоитъ сначала изъ жеванной, вареной рыбы и оленьяго мяса; когда ребенокъ начинаетъ сидѣть и ходить, то въ это время кормятъ его хлѣбомъ; въ сыромъ видѣ мясо и рыбу начинаютъ давать на другой годъ послѣ рожденія. Болѣе здоровая пища для ребенка, по мнѣнію Самоѣдовъ, мясо и рыба, чѣмъ хлѣбъ или другое что. Грудью матери кормятъ по году, по два и болѣе, раньше мать отнимаетъ только при беременности или если ребенокъ самъ не станетъ сосать груди. Взрослые Самоѣды, по свидѣтельству д-ра Соколова, [1]) также употребляютъ очень мало хлѣба, но питаются рыбою и оленьимъ мясомъ. Время, въ которое убиваютъ оленя, для семейства Самоѣда (равно какъ и для Остяка) составляетъ какъ бы праздникъ. Когда колютъ оленя, то вытекающую изъ него кровь тотчасъ же пьютъ чашками. Потомъ по снятіи кожи и вскрытіи его, все семейство толпится около него съ ножами въ рукахъ и каждый съ жадностью вырѣзываетъ и ѣстъ теплое мясо, обмакивая кусокъ въ неостывшую еще кровь. Мясо глотаютъ они кусками, почти не жевавши. Дѣти, испачканныя въ крови, долго еще остаются на мѣстѣ глодать кости и играть ими.

Остяки Березовскаго округа Тобольской губерніи,—по свидѣтельству Голодникова,—съ первыхъ же дней послѣ рожденія ребенка кормятъ грудью матери; если же у матери не бываетъ молока, то кормитъ его другая женщина своею грудью. Спустя 5—6 мѣсяцевъ прикармливаютъ ребенка печенымъ хлѣбомъ, вареной рыбой, коровьимъ молокомъ, сырымъ же ничѣмъ дѣтей не кормятъ, потому что, по мнѣнію Остяковъ, ребенокъ отъ этого не растетъ скоро, равно какъ не даютъ ничего жирнаго (масла, сала и пр.), такъ какъ отъ этого въ животикѣ ребенка бываетъ боль; наконецъ, не даютъ также никогда ни жевокъ, ни сосокъ. Отнимаютъ отъ груди по истеченіи года, иногда раньше, а иногда чрезъ два, три года и позднѣе. Пища взрос-

[1]) Туркестанскія Вѣдомости 1871 года.

[1]) Соколовъ: о болѣзняхъ господствующихъ въ Березовскомъ краѣ между инородцами (Архивъ Судебн. Медиц. 1867 г. Кн. 2., стр. 10—11).

лыхъ Остяковъ, и конечно подрастающихъ дѣтей ихъ, по свидѣтельству д-ра Соколова,—по большей части рыба вареная, сырая, сушеная и мерзлая; оленье мясо вареное и сырое, а лѣтомъ перелетная птица. Хлѣба ѣдятъ мало; изъ муки они дѣлаютъ растворъ и пекутъ въ чувалахъ, въ золѣ, прѣсныя тонкія лепешки; варятъ *салмъ* — родъ жидкой похлебки изъ ржаной муки, которую заправляютъ рыбьимъ жиромъ. Лакомства у нихъ составляютъ: *варка*, т. е. рыбьи брюшки и кишки, уваренныя до густой консистенціи въ рыбьемъ жирѣ, *поземы*, т. е. хребты муксуновъ, лѣтомъ просушенные на солнцѣ, и *струганина*, т. е. нарѣзанная ломтиками мерзлая рыба.

У *Бурятъ*—шамановъ, населяющихъ всю восточную и значительную часть Иркутской губерніи, — по свидѣтельству д-ра Эліашевича, пищу новорожденнаго по большей части первые три дня составляетъ исключительно парное молоко коровье. Только у Верхоленскихъ и Кудинскихъ бурятъ матери, если въ состояніи, начинаютъ кормить грудью съ перваго же дня по рожденіи. Кормленіе коровьимъ молокомъ производится посредствомъ рожка, который устроивается изъ скотскаго рога съ привязанной къ нему изъ тряпки сосулькой или коровьей титькой. Иногда Балагинскіе Буряты для кормленія новорожденнаго въ первые три дня устроиваютъ такъ называемую *лупша*, т. е. берутъ кусокъ войлока, величиною въ мизинецъ и, помакивая его въ теплое, вареное молоко, даютъ сосать ребенку. Мать, начиная кормить грудью, однакоже не перестаетъ время отъ времени обращаться и къ рожку; но весьма часто, если она совершенно здорова и вполнѣ способна кормить грудью, то рожекъ служитъ только средствомъ, чтобы ребенокъ, оставленный на часъ, на два во время домашней работы, былъ чѣмъ нибудь занятъ и не плакалъ. Мать, которая носитъ дѣтей часто, кормитъ грудью по полугоду, иногда по 8-ми мѣсяцевъ; носящая же ихъ рѣдко,—по году и дольше. Но не одно молоко коровье и грудь матери служатъ пищею ребенку; еще онъ не началъ сидѣть, какъ уже даютъ ему понемногу жевку изъ хлѣба, теплый чай, овечье и козье молоко, а нѣсколько позже даютъ сосать кусочки вареннаго мяса или (Индинскіе Буряты) кусочки сыраго овечьяго курдюка. Нерѣдко во второмъ полугодіи даютъ ребенку мягкими кусочками изорванныя молочныя пѣнки и маленькіе кусучки разжеваннаго мяса.

У Бурятъ-буддистовъ или монголо-бурятъ, населяющихъ югъ Иркутской губерніи, т. е. мѣста пограничныя съ Китаемъ,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—способъ кормленія и качество пищи тѣ-же, что и у бурятъ-шаманствующихъ, съ тою лишь разницею, что послѣдніе рѣже употребляютъ конину. Пища и питье, даваемыя дѣтямъ со втораго полугодія, какъ водится, ничѣмъ не отличаются отъ пищи и питья взрослыхъ. Любимый напитокъ послѣднихъ затуранъ особеннымъ способомъ приготовляется изъ кирпичнаго чая, который варится въ котлѣ на таганѣ, съ молокомъ, гдѣ есть – съ солью и заправляется мукою или поджареннымъ толченымъ ячменемъ. Печеный хлѣбъ употребляется рѣдко и притомъ какъ лакомство. По свидѣтельству г. Ларіонова, Буряты приготовляютъ собственно не хлѣбъ, заквашенный и испеченный (по русски), а прѣсныя лепешки, т. е. смоченная мука мнется въ лепешку и тотчасъ же поджаривается на огнѣ или печется въ печи.

Бродячіе *Тунгусы*, населяющіе сѣверъ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—со втораго дня по рожденіи начинаютъ кормить ребенка соской, приготовленной изъ жеваннаго прѣснаго хлѣба, смѣшаннаго съ сахаромъ и завернутаго въ тоненькую рѣдкую холстину. По истеченіи трехъ или четырехъ сутокъ мать пріучаетъ его къ груди, не оставляя въ то же время и соски, а спустя еще нѣкоторое время къ рожку, въ который вливаютъ оленье молоко (густое какъ сливки) съ чаемъ. Въ этомъ же возрастѣ состоятельные начинаютъ кормить малютокъ жеванными пряниками, коврижкой и сухарями, а у кого имѣется даютъ скоромное масло. Затѣмъ къ концу года понемногу начинаютъ давать обыкновенную пищу взрослыхъ, т. е. оленье и птичье мясо, рыбу, прѣсный ячменный или ржаной и, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, гороховый или пшеничный хлѣбъ. Къ мясу пріучаютъ ребенка слѣдующимъ простымъ способомъ: проколотый деревянной спичкой кусокъ жареннаго или вареннаго мяса кладутъ лежащему на спинѣ ребенку въ ротъ такъ, что концы спички опираются о губы малютки, кусокъ мяса притомъ не можетъ весь провалиться въ ротъ и малютка, гарантированный отъ возможности подавиться, изсасываетъ его въ родѣ соски. При воспитаніи дѣтей, — говоритъ Миддендорфъ, [1]) можно замѣтить важное значеніе, какое Тунгусы придаютъ разрѣшающей и содѣйствующей пищеваренію силѣ слюны. Даже молоко сѣверныхъ оленей кипятилось, бралось матерью въ ротъ и выплевывалось ребенку. Впрочемъ, обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью года три сряду, такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще два старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, ни сколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ.

У *Карагассовъ*, бродящихъ по притокамъ Енисея, матери кормятъ дѣтей грудью до тѣхъ поръ, пока

---

[1]) Миддендорфъ: путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Ч. II. Отд. IV. С. II. 1878 г., стр. 717.

они сами собою, году на второмъ, бросаютъ грудь [1]) Лакомствомъ для Карагасскихъ дѣтей,—по свидѣтельству И. Попова, знатока жизни Карагассовъ,—служитъ «бурдукъ», приготовляемый изъ корнеплоднаго растенія «сараны». Карагассы выкапываютъ корнеплодъ сараны изъ земли, вымываютъ сушатъ его и получаютъ такимъ образомъ сладковатую на вкусъ муку.

Матери-*Якутки*,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича,—въ первое время кормятъ дѣтей грудью; въ случаѣ же невозможности, почему либо, пріучаютъ ихъ къ кормленію коровьимъ молокомъ, чрезъ рожекъ. Коровьимъ топленымъ молокомъ пользуются только, какъ лѣкарствомъ, употребляя его какъ слабительное. Въ то время, какъ молоко все таки служитъ до году главной пищей дѣтей, съ истеченіемъ трехъ мѣсяцевъ, ихъ мало-по-малу начинаютъ пріучать къ мясной пищѣ. А со втораго года они пріучаются ѣсть все, что ѣдятъ взрослые Якуты. По свидѣтельству г. Айгустова, — вскорѣ послѣ рожденія у Якутовъ кормятъ младенца творогомъ съ примѣсью чухонскаго масла; затѣмъ чрезъ два, или три дня кормятъ грудью матери, а также сырымъ и вареньмъ коровьимъ и кобыльимъ молокомъ. Спустя полгода и ранѣе начинаютъ прикармливать посторонней пищей, при чемъ мать предварительно жуетъ пищу и потомъ уже даетъ ее младенцу. Отнимаютъ отъ груди чрезъ $^1/_2$—1 и даже 2 года.

Кормленіе рожкомъ, — говоритъ верхоленскій врачъ Ф. Шперкъ [2]),—у Якутовъ предоставляется нянькѣ, которая по лѣности и совершенному непониманію важности подобнаго кормленія смотритъ за нимъ небрежно, рожекъ рѣдко промывается, молоко нерѣдко набирается первоначально въ ротъ нянькою, для согрѣванія послѣдняго и потомъ ртомъ вливается въ рожокъ. Подростающія дѣти питаются конечно наравнѣ съ взрослыми. Самая обыкновенная пища послѣднихъ есть родъ каши, приготовляемой слѣдующимъ образомъ: берутъ таръ пополамъ съ водой или молокомъ и кипятятъ, потомъ забалтываютъ мукой и опять кипятятъ до извѣстной густоты и эту кашу употребляютъ горячею въ пищу. Таръ приготовляется такъ: снятое ежедневно молоко кипятится и потомъ сливается въ полубочье, гдѣ закисаетъ; каждый день въ эту же посуду сливается новое количество снятаго и прокипяченнаго молока до тѣхъ поръ, пока посуда не наполнится; въ этомъ тарѣ можно увидѣть цѣлую коллекцію мухъ и вообще насѣкомыхъ въ него попадающихъ и остающихся тамъ; запахъ и вкусъ этого тара сильно кислый и острый. Мясо Якуты употребляютъ скотское и кобылье, большею частью вареное, но иногда и жареное на вертелѣ; Якуты не гнушаются употребленіемъ и падали. Иногда мясо употребляется сушеное, приготовляемое такимъ образомъ: нарѣзанное кусками мясо намачиваютъ въ молокѣ, вынувъ посыпаютъ солью и вывѣшиваютъ на воздухъ, на деревянныхъ спицахъ, на 4—5 мѣсяцевъ. Рыбу употребляютъ свѣжую, вареную и мерзлую съ солью.

У *Ламутовъ* и *Тунгусовъ* Якутской губерніи,—по свидѣтельству г. Айгустова,—вскорѣ послѣ рожденія даютъ младенцу мозгъ изъ оленьихъ ногъ, или растопленное коровье масло. Съ другаго дня по рожденіи дѣти питаются грудью матери. По достиженіи года начинаютъ прикармливать ребенка посторонней пищей, для чего по большей части даютъ кашу, приготовленную изъ оленьей крови [1]) Отнимаютъ отъ груди тогда, когда ребенокъ начнетъ правильно говорить, что бываетъ не ранѣе, какъ по достиженіи трехъ лѣтъ. Въ случаѣ обнаруженія беременности отнимаютъ и ранѣе.

На островахъ *Уналашкаго* отдѣла [2]) грудью начинаютъ кормить младенца не прежде, пока онъ выблюетъ изъ желудка нечистоту, которою онъ, по ихъ мнѣнію, питался въ утробѣ своей матери; а чтобы онъ извергнулъ изъ себя эту нечистоту, то бабки кладутъ ему палецъ въ ротъ. Оставшаяся же нечистота въ младенцѣ впослѣдствіи бываетъ причиною многихъ внутреннихъ болѣзней и такое дитя всегда будетъ слабо тѣлесными силами. Для сохраненія и поправленія здоровья какъ роженицы, такъ и новорожденнаго онѣ употребляютъ разные декокты, приготовляемые изъ травъ и кореньевъ имъ извѣстныхъ.

Колошанки [3]) грудью начинаютъ кормить дитя тоже не ранѣе того, какъ онъ выблюетъ изъ себя нечистоту, которая, по ихъ мнѣнію, если остается въ человѣкѣ, то бываетъ причиною многихъ болѣзней. И потому онѣ первое время мнутъ и жмутъ животъ младенца. Грудью кормятъ отъ 10 до 30 мѣсяцевъ; къ пищѣ начинаютъ пріучать не ранѣе года и первый кусокъ, который даютъ дитяти, есть истопленное сало какого нибудь морскаго животнаго (кромѣ кита). Колошанки [4]) грудью кормятъ дѣтей по три и по четыре года, тѣшатъ ихъ юколою и икрою, березовою и таловою коркою, а наипаче сладкою травою и часто случается, что дѣти приползаютъ къ собачьимъ корытамъ, остатками опаны (собачьей ѣды) забавляются.

---

[1]) Этнографич. Сборникъ, издав. Импер. Русск. Геогр. Общ. Вып. IV. С.-П. 1858 г.

[2]) Ф. Шперкъ: замѣтки объ Якутскѣ. (Протоколы засѣданій Общ. врачей Восточной Сибири въ г. Иркутскѣ, на 1864—65 г.).

[1]) Для параллели не мѣшаетъ припомнить здѣсь черную кровяную похлебку Спартанцевъ.

[2]) Веньяминовъ. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. 1840 г. Ч. 2, стр. 69.

[3]) Веньяминовъ. Ibid. Ч. 3, стр. 90.

[4]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Описаніе Камчатки. Акад. Крашенинникова. 1819. Т. II. стр. 175.

Коряки [1]) дѣтей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ, а послѣ пріучаютъ къ мясу. Кромѣ мяса и потроховъ оленя,—говоритъ Шперкъ, [2])—оленные коряки, живущіе въ прибрежьи Охотскаго моря, употребляютъ въ пищу еще содержимое желудка и тонкихъ кишекъ. Кушанье это называется *Маняла* и приготовляется такъ: сливаютъ содержимое желудка и тонкихъ кишекъ въ сосудъ и погружаютъ въ него пукъ сухой травы, которую потомъ выжимаютъ. —Это продолжается до тѣхъ поръ, пока извлекутся изъ жидкости всѣ непереваренныя желудкомъ волокны мха (единственной пищи оленя) и жидкость сдѣлается полупрозрачной; тогда ее кипятятъ, прибавляя иногда оленьяго или тюленьяго жиру. Маняла ѣдятъ такъ: кусокъ плотно слежавшагося снѣгу, или льда макаютъ быстро въ теплую еще маняла, чрезъ что, на поверхности снѣга, образуется слой застывшей сальной жидкости, которую сосутъ. Рыбу Коряки, по Шперку, употребляютъ:— свѣжую, сырую, соленую, приготовленную въ прокъ; вяленую юколу; струганину, т. е. мерзлую, сырую, которую потомъ стругаютъ тонкими стружками; *квашеную*, для чего въ землѣ вырываютъ яму, въ которую складываютъ рыбу, гдѣ она закисаетъ и получаетъ непріятный тухлый запахъ, столь нравящійся большинству здѣшнихъ жителей. Въ упомянутыхъ ямахъ рыба не гніетъ, но предается особаго рода броженію и если не обращать вниманія на ея противный запахъ, какъ вѣроятно, въ нѣкоторыхъ нашихъ гастрономическихъ сырахъ, то она переносится желудкомъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій; наконецъ рыба употребляется стертою въ порошокъ—*порса*.—Изъ грибовъ только мухоморы (agaricus muscarius) собираются и употребляются коряками какъ средство одуряющее; для произведенія надлежащаго дѣйствія достаточно трехъ штукъ.

Изъ разсмотренныхъ матеріаловъ относительно питанія дѣтей у разныхъ народовъ оказывается, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, если не сказать почти безъ исключенія, оно обыкновенно ведется крайне неправильно и несоотвѣтственно съ пищеварительными силами ребенка; а потому всюду между дѣтьми, особенно на первомъ году, замѣчается огромная смертность, и чаще отъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ. Все это зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: невѣжества и соціальныхъ условій жизни; невѣжества часто не избавлены бываютъ и достаточные классы, а потому безобразіе кормленія дѣтей на свой ладъ нерѣдко встрѣчается и между ними. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разумный врачъ долженъ указать людямъ ошибки ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что при существующихъ ненормальныхъ способахъ питанія, дѣти или на всю жизнь остаются хилыми и болѣзненными, или прямо умрутъ отъ ослабленнаго питанія тѣла. Такая проповѣдь врача обыкновенно очень хорошо дѣйствуетъ на богатый, но невѣжествующій классъ. Когда Ж. Ж. Руссо рѣзко указалъ на небрежность матери по отношенію къ кормленію собственнаго дитяти и на ряду съ тѣмъ живыми красками нарисовалъ счастіе кормящей матери въ своей «Новой Элоизѣ» и потомъ въ «Эмилѣ», то подъ вліяніемъ этой проповѣди многія женщины высшихъ классовъ Германіи и Франціи стали съ особеннымъ удовольствіемъ кормить своихъ дѣтей. И такъ противъ невѣжества, обладающаго хорошими матеріальными средствами, можно еще бороться и можно среди его кое что сдѣлать для блага дитяти. Но что дѣлать въ виду той нищеты, которая нерѣдко встрѣчается въ низшихъ классахъ и среди полудикихъ народовъ? Что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся лицемъ къ лицу съ абсолютнымъ недостаткомъ самаго необходимаго. Къ чему поведетъ совѣтъ ученаго доктора дать ребенку соотвѣтствующую или лучшую пищу, когда родители знаютъ это не хуже доктора, но въ то же время сами умираютъ медленною голодною смертью и, можетъ быть, съ нетерпѣніемъ ждутъ смерти горячо любимаго ребенка, зная, что только этимъ путемъ онъ избѣгнетъ той печальной судьбы, которая имъ самимъ пала на долю? Извѣстно, что въ большихъ городахъ Англіи многія семейства ежегодно погибаютъ отъ медленной смерти. Можно ли такимъ людямъ говорить объ улучшеніи питанія ихъ дѣтей? Здѣсь оканчивается дѣятельность врача и онъ долженъ уступить свое мѣсто дѣятелю общественному, свѣдующему въ области общественной экономіи.

[1]) Крашенинниковъ: Ibidem, стр. 224.

[2]) Э. Шперкъ. Географо-патологическіе очерки (Архивъ Судебн. Медиц. 1865 г. Кн. 1, стр. 61—62).

ГЛАВА XXVI.

ПРОИЗВОЛЬНЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ ТѢЛА ДѢТЬМИ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Мотивы для этихъ измѣненій.—Испещреніе.—Татуировка.—Измѣненія куафюры.—Выщипываніе волосъ на головѣ, бровей и т. д.—Продырявливаніе носовой перегородки и ноздрей.—Придавливаніе и вытягиваніе носа.—Продырявливаніе губъ, щекъ и ушей.—Игрушка за дѣтей у Колошей.—Отвислость ушей у нѣкоторыхъ Азіатовъ.—Окраска, выдергиваніе и подпиливаніе зубовъ.—Кастрація, обрѣзаніе и другія операціи на половыхъ органахъ.—Измѣненія скелета съ помощью механическихъ насилій.—Дамскій корсетъ.—Халыпкарцъ.—Исправленіе кривизны ногъ и намѣренное ихъ искривленіе.—Китайская ножка.—Ботинки съ высокими каблуками.—Отрѣзываніе мизинца.—Заключеніе.

Врачи и антропологи удивляются устройству человѣческаго организма, по его цѣлесообразности и тѣмъ приспособленіямъ, которыми онъ такъ богато одаренъ природой среди всего остальнаго царства животныхъ. Поэты и художники восторгаются красотой человѣческаго тѣла, изяществомъ его формъ и гармоніей развитія, если только въ послѣднемъ отношеніи не произошло какихъ-либо случайныхъ необычныхъ препятствій. Но по странной чертѣ, отличающей всю человѣческую природу, и какъбы въ укоръ творческой силѣ, изъ всего царства животныхъ именно только одинъ человѣкъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ менѣе всего доволенъ тѣмъ, что ему дано, и потому всегда и вездѣ неустанно стремится къ измѣненію своей наружности, смотря по господствующимъ вкусамъ и понятіямъ племени. Въ этихъ цѣляхъ онъ то испещряетъ свое тѣло самыми яркими и прихотливыми цвѣтами и узорами, то ему кажется, что даже и новорожденный является на свѣтъ Божій съ большими неправильностями, которыя поэтому надобно исправить, то онъ намѣренно фабрикуетъ и измѣняетъ почти всѣ части своего тѣла на самые разнообразные лады.

Наружную поверхность своего тѣла чаще всего человѣкъ испещряетъ красками, иногда весьма незатѣйливаго свойства, напримѣръ охрой, мѣломъ, извѣстью, углемъ, золой, сажей, цвѣтными глинами и т. п.; но все-жъ таки и въ этихъ колерахъ онъ чувствуетъ себя какъ-будто величественнѣе и красивѣе; а иногда этими цвѣтами онъ отличаетъ свой рангъ, радостное и скорбное событіе, войну, пляску, торжество, пиршество и т. д. Въ большинствѣ случаевъ эти испещренія красками производятся въ позднѣйшихъ возрастахъ; однако есть примѣры, гдѣ они настойчиво употребляются даже въ весьма раннемъ возрастѣ. Такъ исторически извѣстно, что въ Аѳинахъ мать чрезвычайно заботилась о красотѣ дочери и съ раннихъ лѣтъ съ этою цѣлью красила ей волоса и сюрмила брови [1]). У Арабовъ въ Занзибарѣ матери любятъ расписывать своимъ дѣтямъ глаза, лобъ и щеки чернымъ притираньемъ изъ сажи и масла и это притираніе, будучи употреблено въ излишнемъ количествѣ, ужасно уродуетъ ихъ. Можетъ быть, впрочемъ, эти полосы и линіи имѣютъ и другую, тайную цѣль, напр.—предохраненіе любимцевъ отъ дурнаго глаза и т. д. [2]).—По свидѣтельству г. Оганисьянцъ [3]),—обычай окрашиванія рѣсницъ и свободныхъ краевъ вѣкъ младенца въ черный цвѣтъ составляетъ постоянную принадлежность татарскаго населенія Шеруро Далагезскаго уѣзда, Эриванской губерніи. Окрашиваніе производится чрезъ каждые 2—3 дня, въ теченіе 40 дней со дня рожденія младенца, помощью желѣзной или стальной шпильки, которая обслюнивается и покрывается порошкомъ черной краски. Шпилька, пройдя по рѣсницамъ, оставляетъ въ нихъ и на свободныхъ краяхъ вѣкъ краску, называемую татарами *сюрьмою*, которая есть ни что иное, какъ копоть отъ горящаго фитиля въ клещевинномъ маслѣ, въ глиняной плошкѣ. Послѣдняя въ зажженномъ видѣ помѣщается въ небольшой ямѣ въ землѣ, покрывается сверху вычищенною желѣзною лопатою или мѣдною тарелкою, на поверхности которой и образуется упомянутая сюрьма. У состоятельныхъ людей клещевинное масло замѣняется гусинымъ или куринымъ жиромъ, а желѣзная лопатка или мѣдная посуда—

[1]) К. Шмидтъ. Т. I. стр. 234.

[2]) Фонъ-Декенъ: Путешествіе по восточной Африкѣ. Рус. пер. 1870 г. стр. 108.

[3]) Газета „Кавказъ“. 1879 г. № 54.

фарфоровою тарелкою. Цѣль окрашиванія состоитъ въ желаніи придать глазамъ ребенка красоту, здоровье и дальнозоркость. Однако оно, раздражая соединительную оболочку глазъ, производитъ катарральное воспаленіе—conjunctivitis, коему подвергнуто громадное большинство татарскихъ дѣтей.

Въ Тифлисѣ и Карталиніи, по свидѣтельству г-жи Н.,—если родится дѣвочка, то многіе румянятъ и бѣлятъ ее, думая, что впослѣдствіи она будетъ обладать хорошимъ цвѣтомъ лица. Подобный-же обычай встрѣчается мѣстами въ Россіи. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи,—по свидѣтельству врача Ордина,—новорожденной дѣвочкѣ послѣ перваго омовенія весьма часто намазываютъ лицо небольшимъ количествомъ обыкновенныхъ (свинцовыхъ) бѣлилъ. Эта мазь оставляется на лицѣ на сутки до слѣдующей бани. Цѣль намазыванія та, чтобы лицо дѣвочки впослѣдствіи было бѣлое.

Чтобы рѣже возобновлять стирающуюся краску, человѣкъ перешелъ къ глубокому введенію ея подъ кожу,—такъ называемой *татуировкѣ* [1]), производимой накладываніями иногда весьма прихотливыхъ рисунковъ и почти на всемъ тѣлѣ посредствомъ металлическихъ иглъ, заостренныхъ птичьихъ и рыбьихъ костей, раковинъ, колючихъ растеній и проч. Въ большинствѣ случаевъ это декоративное искусство прилагается въ позднѣйшихъ возрастахъ; но есть народы, у которыхъ она производится и въ раннемъ возрастѣ. По свидѣтельству Миклухи-Маклая, демонстрировавшаго свои рисунки въ Москвѣ осенью 1882 года, обычай татуированія весьма распространенъ какъ между папуасами берега Маклая, такъ и среди другихъ меланезійскихъ и полинезійскихъ племенъ, населяющихъ Новую Гвинею и прилегающія къ ней группы острововъ. Преобладающее значеніе имѣетъ этотъ обычай среди женщинъ, рѣже онъ встрѣчается между мужчинами; но за то приходится иногда видѣть дѣвочекъ лѣтъ пяти уже татуированныхъ. Для татуировки на берегѣ Маклая обыкновенно берутъ горящій уголекъ и кладутъ его на ту часть тѣла, на которой желаютъ воспроизвести знакъ; потомъ дуютъ на него до тѣхъ поръ, пока онъ не истлѣетъ; ощущаемая при этомъ боль очень значительна, тѣмъ не менѣе это ни мало не мѣшаетъ повторенію этой операціи много разъ. У Эскимосовъ мать татируетъ своимъ дочерямъ съ самаго ранняго возраста подбородокъ, щеки, руки, ноги изъ страха остаться имъ впослѣдствіи безъ мужа. Татуировка эта состоитъ въ томъ, что въ названныхъ мѣстахъ чрезъ кожу продѣваютъ нитку, намазанную сажей, отчего на кожѣ остаются черныя точки [1]).

Многіе Тунгусы,—по свидѣтельству Георги, [2])—по образцу американцевъ, гренландцевъ и другихъ, дѣлаютъ себѣ на лицѣ, щекахъ, лбу и подбородкѣ синеточечныя фигуры въ видѣ линій, дугъ и безформенныхъ рисунковъ. Татуировка эта производится родителями на своихъ 6 — 10-ти лѣтнихъ мальчикахъ и дѣвочкахъ тѣмъ, что чрезъ кожу продѣваютъ слюною смоченную и у котла копотью намаранную нитку. Вслѣдствіе этого шитья лицо воспаляется и синія точки остаются на всю жизнь. На московской антропологической выставкѣ 1879-го года была взрослая Вогулка, уроженка Пермской губерніи, у которой подобнымъ же образомъ сдѣланъ былъ небольшой величины, кругловатой формы, точками окрашенный въ синій цвѣтъ, на правой рукѣ, знакъ съ 8-ми лѣтняго возраста. Секретарь Статистическаго Пермскаго Комитета, г. Гасабовъ, свидѣтельствуетъ, что руки и ноги живущихъ въ означенной губерніи Вогуловъ, бываютъ красиво татуированы, что производится въ ихъ дѣтствѣ, посредствомъ накалыванія узоровъ иголкою и втиранія въ ранки пороха. [3])—Д-ръ Соколовъ свидѣтельствуетъ, что остячки также татуируютъ или испещряютъ себѣ руки, накалываютъ иголкою разныя фигуры птицъ, звѣрей и проч. и затираютъ сажей [4]).—Но такъ какъ въ образѣ жизни Остяковъ очень много сходнаго съ образомъ жизни различныхъ инородцевъ, живущихъ съ ними по сосѣдству, то, по примѣру Тунгусовъ и Вотяковъ, эта татуировка производится ими, вѣроятно, также съ дѣтскаго возраста.—У нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ въ Британской Гвіанѣ татуированіе производится также съ ранняго возраста. Бирманы у каждаго мальчика съ ранняго дѣтства татуируютъ всѣ части тѣла фигурами, изображающими тигровъ и другихъ дикихъ животныхъ. Кромѣ того голени они татуируютъ чернымъ цвѣтомъ, каковую операцію производятъ инструментомъ, состоящимъ изъ многихъ острыхъ, плотно стоящихъ другъ возлѣ друга острійковъ, намазанныхъ мазью, составляемой главнымъ образомъ изъ чернильныхъ орѣшковъ и втыкаемыхъ глубоко въ кожу. Эта операція вызываетъ такое сильное лихорадочное состояніе, что, по увѣренію туземцевъ, изъ 5-ти дѣтей, подвергаемыхъ ей, обыкновенно двое умираютъ [5]).

---

[1]) Слово, употреблявшееся туземцами Таити. Кукъ, который сообщаетъ мельчайшія подробности о способѣ, какимъ производилось татуированіе на этомъ островѣ, произноситъ это слово Tattowing. (First Voyage, t. II, стр. 191).

[1]) F. Müller, Allg Ethnogr. Wien 1878 S. 203.

[2]) Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reich. etc. 3-te Ausgabe. Samojedische, mandurische und östlische, sibirische Nationen. 1777. Seite 319. Tab. 59—60.

[3]) Гасабовъ: статистическо-этнографическій очеркъ Пермской губерніи.

[4]) Соколовъ: о болѣзняхъ, господствующихъ въ Березовскомъ краѣ между инородцами (Архивъ Судебн. Медиц. 1867. Кн. 2, стр. 9).

[5]) Ploss. B. 1. S. 294.

Нѣкоторыя племена Новой Голландіи, Африки и Южной Америки съ цѣлью произвести болѣе рѣзкіе рисунки, производятъ на своемъ тѣлѣ съ ранняго дѣтства глубокіе рубцы. Въ Меккѣ съ цѣлью затруднить похищеніе дѣтей всѣмъ новорожденнымъ дѣлаютъ три длинные надрѣза на щекахъ и вискахъ.[1]) — Уже исчезнувшіе съ лица земли Гунны, по свидѣтельству нѣкоторыхъ латинскихъ писателей, также имѣли обыкновеніе дѣлать глубокіе надрѣзы на щекахъ своихъ новорожденныхъ дѣтей. Но по свидѣтельству *Амміана Марцелина*, современству ника начала Гуннскаго движенія, они дѣлали эти надрѣзы глубоко желѣзомъ съ тою цѣлью, чтобы уничтожить растительность волосъ. По свидѣтель-*Горнанда*, какъ полагаютъ, готскаго епископа, жившаго спустя двѣсти лѣтъ послѣ А. Марцелина, они производили такія операціи надъ щеками своихъ новорожденныхъ съ тою цѣлью, чтобы дѣти прежде чѣмъ научиться сосать молоко матери, уже пуіучились къ перенесенію ранъ [2]).

Всего чаще и, повидимому, для самыхъ невозможныхъ украшеній избирается голова; а на головѣ—лицо, какъ часть тѣла, не закрытая одеждой; на лицѣ же носъ, какъ наиболѣе выдающаяся часть послѣдняго. Тѣ измѣненія, которымъ люди подвергаютъ свои головные волоса, въ большинствѣ случаевъ представляютъ интересъ лишь въ области исторіи культуры; но иногда они обращаютъ на себя вниманіе гигіениста и антрополога своими крайностями, безспорно вліяющими на здоровье и формы тѣла. Головные волоса, какъ извѣстно, служатъ для защиты благороднѣйшей части нашего тѣла—головы—отъ холода и жара, дождя и пыли, отъ ушибовъ и другихъ наружныхъ поврежденій. Поэтому понятно, что волоса требуютъ надлежащаго и заботливаго ухода за ними и, наоборотъ, всякое отступленіе отъ этого правила влечетъ за собою или болѣзни, или явленія, останавливающія на себѣ вниманіе антрополога со стороны коренныхъ измѣненій въ свойствахъ волосъ. Прежде всего скажемъ, что мода слишкомъ часто злоупотребляетъ волосами дѣтей. Въ силу этой моды люди то отводятъ ихъ отъ естественнаго направленія и примазываютъ слюною, воскомъ, помадою и такимъ образомъ, во первыхъ, задерживаютъ испарину головы, давая чрезъ то поводъ къ различнымъ сыпямъ; во вторыхъ, даютъ возможность скопляться на нихъ массѣ налегающей сыпи и въ третьихъ даютъ поводъ къ развитію значительнаго количества головныхъ насѣкомыхъ. То въ иныхъ случаяхъ, слѣдуя модѣ, заплетаютъ волосы въ косы (у дѣвочекъ), то натягиваютъ ихъ пучками на вискахъ и макушкѣ, то закручиваютъ ихъ въ папильотки, то дѣлаютъ проборъ съ одной стороны, то съ другой и почти во всѣхъ другихъ случаяхъ прически не обходятся безъ боли и мученій для ребенка. На московской антропологической выставкѣ 1879-го года мы имѣли возможность часто наблюдать прическу взрослой Вогулки—дѣвушки, состоящую въ слѣдующемъ: волосы туго затягивались назадъ и заплетались въ двѣ косы, причемъ вмѣсто косоплетки брался довольно толстый красный шнуръ, а именно толщиною почти въ мизинецъ; затѣмъ этимъ шнуромъ подхватывалась коса тотчасъ у затылка и плотно обвивалась имъ циркулярными ходами; далѣе за косоплетку косы, при окончаніи послѣдней, привязывалось что-нибудь, толщиною въ косу, и по этой привязкѣ упомянутый шнуръ также обводился циркулярно и плотно прилегающими другъ къ другу турами, такъ что вся коса имѣла видъ длиннаго жгута, толщиною пальца въ два, а длиною почти до пятокъ. Конецъ косы заканчивался какой-нибудь погремушкой. Такую прическу, по словамъ Вогулки, единоплеменницы ея начинаютъ дѣлать себѣ съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушки начинаютъ подростать, т. е. приблизительно съ 12 лѣтъ. (Фиг. 188). Подобную же прическу и, вѣроятно, также начиная почти съ дѣтства, по свидѣтельству д-ра Соколова, дѣлаютъ себѣ остячки. «Волосы (у Остячекъ),—говоритъ онъ, назади заплетаются въ двѣ косы и къ нимъ привязываются покромки изъ сукна, длиною до колѣнъ, съ нанизанными разными металлическими кружками, бляшками и побрякушками».[1])—Иногда даютъ волосамъ расти безпрепятственно, иногда же ихъ стригутъ и даже брѣютъ до самыхъ корней и въ такомъ видѣ выставляютъ дѣтскія головы лѣтомъ подъ солнечные лучи, зимою на холодъ, весной и осенью подъ дождь и снѣгъ; а иногда такую голову покрываютъ никогда не снимаемой шапочкой, подъ которой въ свою очередь прѣетъ кожа, развиваются сыпи, а можетъ быть страдаютъ и самыя кости.—Нѣкоторые древніе народы, напримѣръ Римляне, Китайцы и другіе, равно какъ многіе изъ современныхъ народовъ стригли и до сихъ поръ стригутъ или брѣютъ волосы на головѣ своихъ дѣтей съ тѣми или другими символическими цѣлями и съ соблюденіемъ различныхъ церемоній. Но въ Южной Америкѣ Спингсъ былъ свидѣтелемъ одного дикаго праздника, на которомъ Текунасы, индійское племя—вырывали новорожденному всѣ волосы на головѣ.[2]) По словамъ русскаго путешественника Микухи Маклая, [3]), у одного племени новогвинейскихъ

[1]) Ueber die willkürlichen Verunstaltungen des menschlichen Körpers. Vertrag von Prof. Rüdinger (aus Virchow Holzendorff Sammlung gemeinverständlicher Vorträge). Berlin. 1875.

[2]) Д. Иловайскій: Разысканія о началѣ Руси съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ. 1882 г. стр. 510, 512—513.

[1]) Соколовъ. l. c. стр. 9.

[2]) v. Spix und v. Martius Reise nach Brasilien. München. 1828. III. S. 1188.

[3]) Журналъ „Природа.“ 1876 г. К. 3-я, ст. Анучина, стр. 66.

Папуасовъ есть обыкновеніе при первомъ появленіи волосъ у дѣтей, когда они еще мягки и прямы, намазывать ихъ черной краской, а на 3-мъ—4-мъ году ихъ уже часто обрѣзываютъ и брѣютъ. Прежде для обрѣзанія волосъ употреблялся обыкновенно ножъ изъ бамбука, а для бритья острый кусокъ

Фиг. 188.

кремня, но вскорѣ послѣ пріѣзда Маклая туземцы узнали рѣжущее свойство стекла и съ тѣхъ поръ, если только представлялась возможность, стали брить волосы дѣтей уже стеклянными осколками. Чтобы предохранить головы дѣтей отъ паразитовъ,—они намазываютъ ихъ золой, смѣшанной съ водою, такъ что на головѣ образуется толстый слой коры и эта операція, т. е. сниманіе прежняго и намазываніе новаго слоя повторяется у нихъ весьма часто. У мальчиковъ до обряда обрѣзанія, т. е. до 13 — 14-ти лѣтъ, волоса носятъ короткими, послѣ же обрѣзанія на убранство волосъ обращаютъ большое вниманіе и ихъ начинаютъ отпускать, расчесывая по нѣсколько разъ въ день бамбуковымъ гребнемъ съ длинными зубьями и натирая кокосовымъ молокомъ и другими веществами.—У Кемерунъ Негровъ господствуетъ грубый обычай выриванія бровей у дѣтей и особенно у дѣвочекъ.[1])—Въ иныхъ же случаяхъ, наоборотъ, даютъ поводъ къ искаженію головы чрезмѣрно обременяющія послѣднюю прически, напримѣръ хоть въ формѣ тѣхъ же безобразно большихъ шиньоновъ, искусственныхъ косъ и т. п., надѣваемыхъ въ образованной Европѣ иногда даже очень юнымъ дѣвочкамъ.

У армянъ, куртинъ, татаръ на Кавказѣ первичные волосы на головѣ дѣтей обыкновенно считаются нечистыми и потому они сбриваются въ извѣстные сроки. У армянскаго населенія Козахскаго уѣзда Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Оганисьянцъ [1]),—время перваго бритья начинается для дѣвочки по истеченіи одного или двухъ лѣтъ, а для мальчиковъ пять лѣтъ. За тѣмъ, чтобы лучше и скорѣе росли волосы у дѣвочки, существуетъ обычай покрывать на одни сутки голову дѣвочки бараньимъ апрѣльскимъ и майскимъ жидкимъ испражненіемъ, т. е. когда бараны выходятъ на подножный кормъ.

Въ Шеруро-Далагезскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи,—по свидѣтельству того же референта [2])—въ первые дни при каждомъ купаньи новитуха старается вырывать пальцами волоски на лопаткахъ и между ними и протирать лопаточные мускулы, дабы впослѣдствіи не образовалось въ нихъ мышечной боли (колинджъ).

Что касается украшеній носа, то извѣстно, что многіе африканскіе, азіатскіе и американскіе дикари прокалываютъ себѣ для этого ноздри или носовую перегородку, въ которыя вставляютъ потомъ кольца, достигающія иногда, напримѣръ у аравитянокъ, толщины не менѣе гусинаго пера, а въ торжественныхъ случаяхъ украшаемыя кромѣ того подвѣсками изъ дорогихъ каменьевъ. Намъ неизвѣстно съ точностью всѣ ли упомянутые народы производятъ означенную операцію въ дѣтскомъ возрастѣ, безъ сомнѣнія, наиболѣе удобномъ для этого; но относительно нѣкоторыхъ это положительно доказано. Такъ, на югѣ Австраліи, по Eyre, на 14-й день по рожденіи прокалываютъ ноздри у ребенка [3]).—У другихъ племенъ Австраліи, по миновaнію мальчику 9-ти лѣтъ, надъ нимъ совершается операція прободѣнія носоваго хряща помощью заостренной спицы изъ дерева акаціи. Въ полученную такимъ образомъ дыру вставляютъ въ первое время стержень пера, а позже втыкаютъ деревянную палку или кость кэнгуру, часто до 6″ длиною и настолько толстую, что она почти замыкаетъ все носовое отверстіе. Понятно, что такое украшеніе не можетъ не затруднять дыханіе и дѣйствительно многіе путешественники замѣтили, что щеголи, имѣвшіе наиболѣе крупныя деревяшки въ носу, принуждены были постоянно имѣть ротъ открытымъ, чрезъ что ихъ выговоръ становился весьма невнятнымъ [4]). —На Соломоновыхъ островахъ

---

[1]) Ploss. B. 1. S. 261.

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879. № 54.

[2]) Газета „Кавказъ“ 1879. № 54.

[3]) Ploss. B. I. S. 269.

[4]) Журналъ „Природа“. 1876. Кн. 3, ст. Анучина, стр. 75.

(къ востоку отъ Новой Гвиніи) Beechey видѣлъ новорожденныхъ, украшенныхъ раковыми клешнями, продѣтыми чрезъ носовую перегородку.

Но иногда въ видахъ достиженія большей красоты, напоминающей не рѣдко большую типичность носа племени, производятъ значительную приплюснутость его въ раннемъ возрастѣ тѣми или другими механическими средствами. Обычай этотъ существуетъ на Таити, Целебесѣ, у Малайцевъ, многихъ негровъ Африки, Готтентотовъ, Бушменовъ, на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи, во всей Новой Каледоніи, на Филиппинскихъ островахъ, на островѣ Суматрѣ, у Маори въ Новозеландіи, у Бразильскихъ Индійцевъ и пр. [1]).

Говоря о воспитаніи дѣтей въ центральной Африкѣ, Левингстонъ прибавляетъ: «когда мать идетъ въ лѣсъ, чтобы набрать тамъ сухихъ дровъ, она несетъ грудного ребенка на спинѣ, плотно къ ней привязаннаго. Этимъ легко объясняется, отчего въ Африкѣ такъ много сплюснутыхъ носовъ» [2]). Римскій поэтъ, Аполинарій Сидоній, жившій во второй половинѣ пятаго столѣтія, въ своемъ панегирикѣ императору Антемію между прочимъ говоритъ слѣдующее объ обычаяхъ Гунновъ: «чтобы носъ у нихъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри (новорожденныхъ). Такимъ образомъ материнская любовь обезображиваетъ рожденныхъ для битвы, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире» [3]).

Другія племена считали въ свою очередь красивыми длинные носы и съ этою цѣлью производились нѣкотораго рода операціи оттягиванія носовъ по временамъ и въ Европѣ. Такъ, во Франціи въ XVI столѣтіи была мода на большіе орлиные носы [4]), вслѣдствіе чего бабки считали своимъ долгомъ вытягивать носы новорожденныхъ. Этотъ же обычай мѣстами держится и до сихъ поръ въ Европѣ и между прочимъ въ Россіи.

Губы и щеки нерѣдко дѣлаются также мѣстами украшеній дикарей, для чего они иногда втыкаютъ въ отверстія, сдѣланныя въ нихъ, перья, мелкія стрѣлы, иглы растеній и т. п. — Левингстонъ видѣлъ въ Африкѣ, что дѣвочкамъ Манганіевъ еще въ раннемъ возрастѣ прорѣзываютъ верхнюю губу поперечно и непосредственно подъ носовымъ хрящемъ и рана расширяется до тѣхъ поръ, пока въ нее можно вложить кольцо 3-хъ дюймовъ въ діаметрѣ [5]). Бразильскіе туземцы дѣлаютъ какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ на нижней губѣ три отверстія, въ которыя втыкаютъ блестящіе камни [1]). Парагвайцы, прорѣзая нижнюю губу своимъ дѣтямъ еще въ ихъ младенчествѣ [2]) постепенно расширяютъ это отверстіе до величины 2-хъ дюймовъ.

Въ 1681 году Дампиръ такъ описалъ обычай, который онъ нашелъ между жителями Хлѣбныхъ острововъ, противъ берега Москитовъ, въ центральной Америкѣ: «они имѣютъ обыкновеніе прорѣзывать у мальчиковъ младенцевъ отверстіе на губахъ возлѣ самаго подбородка и, чтобы не дать зарости этому отверстію, продѣваютъ деревянный болтъ и продѣлываютъ это до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не достигнетъ 14—15 лѣтъ. Съ этого возраста они уже носятъ въ отверстіи родъ бороды, выдѣланной изъ черепахи. Маленькую зарубку въ верхней части они продѣваютъ черезъ отверстіе, такъ что она задерживается между зубами и губой, а нижняя свѣшивается подъ подбородкомъ. Это украшеніе они обыкновенно носятъ во время дня а вынимаютъ, когда ложатся спать» [3]).

Путешественники разсказываютъ, что Китайцы чрезвычайно высоко цѣнятъ, особенно въ смыслѣ женской красоты, продолговатый и узкій разрѣзъ глазъ, поэтому матери учатъ дочерей своихъ съ малыхъ лѣтъ безпрестанно потягивать свои вѣки, дабы придать имъ желаемую форму [4]).

Продырявливаніе ушей распространено между самыми разнородными племенами. Цивилизованные народы и дикари въ этомъ отношеніи отличаются между собою развѣ только тѣмъ, что первые дѣлаютъ отверстія въ своихъ ушахъ небольшія для ношенія золотыхъ, серебряныхъ и другихъ украшеній, а послѣдніе увеличиваютъ эти отверстія до того, что въ нихъ можно просунуть кулакъ, а ушныя лопасти при этомъ спускаются до плечъ. Прокалываніе ушей въ дѣтскомъ возрастѣ, сопровождаемое иногда различными религіозными обрядами, производится у многихъ народовъ, напримѣръ у южно-американскихъ Индійцевъ, преимущественно Пампасъ-Индійцевъ въ Бразиліи и у Макузовъ въ Гвіанѣ, у Максуруковъ въ Южной Америкѣ, равно какъ у Сѣверо-американскихъ Индійцевъ, Докотасовъ и Сіу. Въ Азіи подобный обычай встрѣчается преимущественно въ южной Индіи и Персіи. Но у нѣкоторыхъ народовъ эта операція имѣетъ весьма серьезное значеніе. Такъ Ботокуды, живущіе въ Южной Америкѣ, какъ извѣстно получившіе свое названіе отъ деревянныхъ палочекъ «Botoques», что съ португальскаго значитъ «затычка у бочки», — еще въ раннемъ возрастѣ протыкаютъ своимъ дѣ-

---

1) Ploss B. I. S. 267—69.

2) Д. Левингстонъ; Послѣднее путешествіе по Африкѣ. Пер. съ Англ. 1876 г. стр. 76.

3) Oeuvres de C. Sollius Apolinaris Sidonius l. c. p. 28.

4) Журналъ „Природа". 1876 г. к. 3. ст. Анучина стр. 96.

5) Rüdinger l. c.

1) Rüdinger l. c.

2) Мода на уродованіе У. Г. Флоуеръ перев. съ Англійскаго 1883. стр. 11—12.

3) Естественная Исторія Бюффона. Рус. пер. 1810 г. Ч. V. стр. 84.

тямъ, помощію острой, деревянной спицы отверстія въ ушахъ и нижней губѣ и вставляютъ въ нихъ маленькіе деревянные кружечки, которые по мѣрѣ роста ребенка постепенно замѣняются болѣе крупными, такъ что наконецъ самыя отверстія достигаютъ величины двухъ дюймовъ и болѣе въ діаметрѣ. Подобный же обычай встрѣчается во внутренней Африкѣ у Бонго [1]).—По свидѣтельству Н. Веньяминова [2]),—у Колошей существуетъ также обычай прокалыванія ушей, сопровождаемый большимъ торжествомъ. Для этого обыкновенно устраивается особый праздникъ, называемый «*игрушка за дѣтей*», и для него почти всегда дѣлается новая барабора (хижина). Послѣ пѣсень и плясокъ приносятся подарки и въ то же время выводятъ изъ конуры дѣтей хозяина въ возможно лучшемъ нарядѣ, одного за другимъ, по старшинству и безъ разбора пола и ставятъ рядомъ по срединѣ бараборы. Потомъ у старшаго начинаютъ прокалывать которое нибудь ухо по одной дырочкѣ. Операція эта совершается всегда какою нибудь женщиною, знающею это дѣло и которая всегда назначается самимъ отцомъ и за то получаетъ большіе подарки. Самая же операція производится очень просто: берутъ иголку съ ниткою, продѣваютъ ухо и оставляютъ нитку въ немъ. Во время прокалыванія всѣ присутствующіе шипятъ, т. е. произносятъ звуки сссс до самаго окончанія операціи. По окончаніи прокалыванія слѣдуютъ подарки и угощенія. Колоши съ проколотыми ушами вообще называются *Аныати*, т. е. дворяне, которыхъ и потомки, хотя бы не имѣли состоянія получить таковыя отличія, пользуются почетомъ. Самое большое число дырочекъ въ ушахъ можетъ быть восемь, т. е. въ каждомъ ухѣ по четыре, по числу главныхъ костей ручныхъ и ножныхъ. Но чтобы получить полное число дырочекъ, надобно сдѣлать восемь «игрушекъ», что и для самаго богатѣйшаго изъ Колошъ почти невозможно, а потому нынѣ нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы въ состояніи былъ имѣть полное число дырочекъ, и даже мало такихъ, которые имѣютъ по двѣ и по три дырочки. На Ситхѣ почти у всякаго Колоша проколоты уши,—но это почти всѣ самозванцы. Впрочемъ есть обычай у многихъ и почти у всѣхъ Колошъ прокалывать уши дѣтямъ, но это прокалываніе или эти дырочки не даютъ права на дворянство. Среди Европейцевъ обычай ношенія серегъ до сихъ поръ еще сохранился даже въ самыхъ высшихъ слояхъ общества. Обычай этотъ, очевидно, есть остатокъ дикаго состоянія человѣка. Къ счастію, онъ почти уже совершенно оставленъ теперь здѣсь одною половиною человѣчества, но за то другою половиною пока усердно поддерживается и бѣдняжкамъ дѣвочкамъ эта безсмысленная и безобразная мода до сихъ поръ еще даетъ себя знать иногда весьма мучительно въ моменты протыканія мочекъ и образованія постояннаго отверстія въ нихъ для ношенія серегъ.

Нѣкоторые азіатскіе народы кромѣ того поражаютъ путешественниковъ своими сильно развитыми и совершенно отвислыми ушами [1]). Разсматривая альбомы Туркестанскаго отдѣла, находящіеся въ Московскомъ политехническомъ музеѣ, дѣйствительно можно убѣдиться въ томъ, что у Туркменъ очень сильно выдаются уши своею величиною и отвислостью, глядите-ли вы въ фасъ или въ профиль Туркмена. Для разъясненія этого факта я обратился къ редактору Туркестанскихъ Вѣдомостей, Н. А. Маеву, который въ своемъ отвѣтѣ обязательно сообщилъ мнѣ, что подобная форма ушей встрѣчается только у узбековъ Хивы и у Туркменъ. Тѣ и другіе носятъ тяжелыя овчинныя шапки, подставкой для которыхъ служатъ уши, а такъ какъ и ребятишки 5-ти, 6-ти лѣтъ носятъ такія-же шапки, то естественно, что верхняя часть уха наконецъ отгибается. По свидѣтельству Н. А. Маева, у лицъ высшаго сословія въ Бухарѣ, которыя съ малолѣтства носятъ чалму, уши тоже нѣсколько отклонены, хотя и не такъ, какъ въ Хивѣ. Это потому, что чалма тоже плотно навертывается на голову до самыхъ ушей. У горцевъ Шапсугскаго и Бжедуховскаго племенъ Екатеринодарскаго уѣзда Кубанской Области,—по свидѣтельству г. Косоланъ,—замѣчается также отвислость ушей вслѣдствіе неправильнаго ношенія папахи. Наоборотъ у Персовъ, по свидѣтельству Polak'a [2]), носящихъ свои бараньи шапки такъ, что онѣ захватываютъ и прикрываютъ собою большую часть ушной раковины, послѣднія представляются плоскими и плотно прилежащими къ вискамъ.

Дикари любятъ иногда измѣнять цвѣтъ своихъ зубовъ. Такъ, всѣ индусскія племена, сіамцы и феллахи въ Африкѣ—не терпятъ бѣлаго цвѣта зубовъ. Это кажется имъ унизительнымъ, потому что у звѣря также бѣлые зубы, и потому они красятъ себѣ зубы въ черный цвѣтъ съ 12-ти лѣтняго возраста [3]). Наоборотъ нѣкоторые инородцы Россіи издавна и съизмала употребляютъ смолу лиственницы для жеванія, ибо отъ этого бѣлѣютъ зубы и всякая нечистота во рту очищается. Такъ этотъ обычай еще въ прошломъ столѣтіи Лепехинъ наблюдалъ у Башкиръ и Вогудъ [4]); лѣтъ 20 назадъ д-ръ Кашинъ наблюдалъ его у жителей приуров-

[1]) Ploss. B. 1. S. 263—64.

[2]) И. Веніаминовъ: Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. 1840 г. ч. II. стр. 106—108.

[1]) Наши сосѣди въ средней Азіи. Изд. журн. „Всемірный Путешественникъ". 1873 г. стр. 36.

[2]) Polak: Persien etc. 1865, T. I, S. 142.

[3]) Rüdinger l. c.

[4]) Лепехинъ. Т. III, стр. 72.

ской мѣстности въ Сибири [1]), а князь Д. Б. Грузинскій лично сообщилъ мнѣ, что этотъ обычай еще и теперь существуетъ на Кавказѣ у многихъ племенъ, особенно Грузинъ и Армянъ.

У иныхъ народовъ есть обычай выдергивать дѣтямъ зубы. Такъ, выдергиваніе переднихъ верхнихъ зубовъ считается за признакъ красоты, напр. у Негровъ береговъ Сенегала, которые поэтому приступаютъ къ этой операціи еще въ раннемъ возрастѣ и при помощи различныхъ средствъ достигаютъ поразительныхъ результатовъ [2]). У нѣкоторыхъ дикарей Австраліи мальчики между 8-ью, 12-ью годами подвергаются операціи, называемой обыкновенно «чиринчери» и которая состоитъ въ вырываніи или въ выбиваніи двухъ верхнихъ переднихъ зубовъ (рѣзцовъ). Зубъ ущемляется между двумя деревянными спицами, вокругъ которыхъ обвязывается ремень, а къ ремню прикрѣпляется деревяшка; одинъ ловкій ударъ по послѣдней освобождаетъ зубъ изъ челюсти на столько, что онъ можетъ быть затѣмъ прямо вынутъ рукою. У другихъ племенъ зубъ освобождается изъ своей ячейки помощію острой раковины или кости и затѣмъ просто выбивается камнемъ [3]). Выбиваніе зуба при наступленіи половой зрѣлости встрѣчается также на островѣ Формоза [4]), на мысѣ Іоркъ [5]), у племени Гульбурнъ, на сѣверѣ отъ Мельбурна [6]). Новозеландцы торжественно празднуютъ объявленіе возмужалости, выдергивая у героя празднества одинъ зубъ. Въ провинціи Кордофанъ (въ восточной Африкѣ) существуетъ обычай выдергивать у 10-ти, 12-ти лѣтнихъ дѣтей четыре нижніе рѣзца [7]). Вслѣдствіе такого выдергиванія ячейки зубовъ со временемъ заростаютъ и въ подобномъ случаѣ, напримѣръ, горизонтальная вѣтвь нижней челюсти не можетъ слѣдовать въ своемъ развитіи за верхнею челюстью. Верхняя губа отъ этого не сходится съ нижнею и, превосходя ее въ развитіи, часто выдается за нее на подобіе хобота. Что касается самаго обычая вырыванія зуба, при достиженіи половой зрѣлости, то нѣкоторые думаютъ, что происхожденіемъ своимъ онъ, вѣроятно, обязанъ извѣстной ассоціаціи идей, которая весьма часто встрѣчается у первобытныхъ народовъ. Такъ какъ переходъ отъ дѣтскаго возраста къ отроческому знаменуется тѣмъ, что выпадаютъ молочные зубы, то для обозначенія перехода отъ отроческаго къ юношескому дикарями производится дѣйствіе, аналогичное съ выпаденіемъ зубовъ.

Кромѣ того есть не мало видовъ уродованія, стоящихъ въ весьма близкой связи съ различными религіозными и соціальными понятіями. Сюда, напримѣръ, слѣдуетъ отнести *кастрацію*. По Kolbe и Vaillant'у между нѣкоторыми племенами Готтентотовъ существуетъ обычай отрѣзыванія у мальчиковъ лѣваго яичка [1]). Въ Россіи существуетъ фанатическая секта скопцевъ, которая въ виду ложнаго ученія объ умерщвленіи плоти, совершаетъ полную кастрацію у мальчиковъ и нѣкоторыя безсмысленныя операціи на грудяхъ и половыхъ частяхъ дѣвочекъ [2]. Евнушество имѣетъ своею родиною Азію; оно есть продуктъ многоженства и грубаго деспотизма. Еще древніе Іудеи знали кастратовъ [3]). Древніе Римляне знали ихъ въ Азіи, гдѣ евнухи занимали высокія почетныя мѣста. По Диффенбаху у Туити на островѣ Хатамѣ яички мальчиковъ расплющиваются между двумя камнями [4]).

Другой видъ уродованія, связанный также съ религіозными понятіями и по первоначальному значенію своему составляющій знакъ отличія народовъ чистыхъ и правовѣрныхъ отъ нечистыхъ и невѣрныхъ,—есть *обрѣзаніе*. Оно, по Геродоту, съ незапамятныхъ временъ совершалось у Колхидцевъ, Египтянъ [5]), Эѳіоповъ. Вѣроятно отъ нихъ же потомъ перешло оно къ Іудеямъ. Оно существуетъ у Магометанъ, Негровъ западнаго берега Африки, Кафровъ, Дамарасовъ, Медегасовъ и нѣкоторыхъ Южныхъ Австралійцевъ.—Обрѣзаніе существовало у нѣкоторыхъ племенъ древнихъ Мексиканцевъ, Ацтековъ, Тотонаковъ, Мійевъ и другихъ [6]).—Въ настоящее время въ Америкѣ оно существуетъ у американскихъ Индійцевъ на островахъ Южнаго моря, особенно Таити, на Юкатанѣ, островѣ Казумелѣ, по бухтамъ Мексиканскаго моря, наконецъ Флоридѣ и пр.—У аравійскихъ бедуиновъ вмѣсто обрѣзанія существуетъ совершавшійся у нихъ еще во времена язычества отвратительный обычай, *салькъ*

[1]) П. П. Каширинъ: свѣдѣнія о распространеніи зоба и кретинизма въ предѣлахъ Россійской Имперіи. 1862 г., стр. 34.
[2]) Hamy. Revue d'Anthropologie. Январь 1879 г., стр. 22.
[3]) Журналъ „Природа". ibid., стр. 75. Klemm. I, S. 291. Bastiem Rechats. S. 389.
[4]) Ploss. II. S. 264.
[5]) Waitz-Gerland, VI. S. 787.
[6]) Waitz-Gerl. VI, p. 785.
[7]) Rüdinger l. c.

[1]) Ploss. B. I, S. 295.
[2]) Е. Пеликанъ: судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. С.-П. 1872 г.
[3]) Исаія. Гл. 56, ст. 3—6.
[4]) Ploss. B. 1. S. 295.
[5]) Относительно древнихъ Египтянъ фактъ обрѣзанія въ новѣйшее время несомнѣнно подтвержденъ также Вельккеромъ при изслѣдованіи имъ члена муміи, принадлежавшей, по показанію извѣстнаго египтолога Эберса, древнеегипетскому полководцу „Аменъ-Эмъ-Гебъ", жившему въ XVI столѣтіи до Р. Х. въ царствованіе Тотмеса III, т. е. когда между прочимъ еще не оставляли Египта и Евреи (Untersuchung der Phallus einer altägyptischen Mumie nebst Bemerkungen zur Frage nach alter und Ursprung der Beschneidung bei den Juden. Arch. 7. Anthropologie. 1877).
[6]) Ploss. B. 1. p. 295—297.

состоящій въ томъ, что срѣзываютъ всю кожу отъ пупка надъ половыми органами до ляшекъ [1]).

Есть народы, жены которыхъ въ длинѣ малыхъ половыхъ губъ и клитора видятъ препятствіе для сообщенія и оплодотворенія, а также нарушенія изящества и поэтому обрѣзываютъ эти части своимъ дочерямъ еще въ дѣтствѣ. Къ таковымъ народамъ принадлежатъ: Готтентоты, Бушмены, Бишуаны, Галласы, Аговсы, Гаффазы и Гангасы въ восточной Африкѣ; Миндинго—Негры въ западной Африкѣ и Малайцы Остъ-Индскаго архипелага. Въ противуположность этимъ народамъ есть другіе, достигающіе различными искусственными средствами удлиненія только что упомянутыхъ частей въ видахъ особой красоты. Таковы народы: Вагіа, живущіе въ юго-восточной Африкѣ на Ніасскомъ озерѣ (между тѣмъ какъ Шангала въ Гуаранѣ стараются вытягивать до пядени мужской членъ), обитатели Дагомея въ Африкѣ, Мандины Сѣверной Америки, Мепитары и Кречи-Индійцы [2]).

Есть на землѣ еще двѣ большія страны, густо населенныя, именно: Китай и Индія, въ которыхъ совсѣмъ неизвѣстна такъ называемая дѣвственная плева (hymen) и которая обыкновенно скоро по рожденіи разрушается нянъками, благодаря ихъ крайне тщательному и усердному вымыванію и очищенію половыхъ частей маленькихъ дѣвочекъ. Благодаря излишне усердному промыванію тѣхъ же частей, говорятъ, лишаются дѣвственной плевы въ весьма раннемъ возрастѣ дѣти нѣкоторыхъ Индійскихъ племенъ въ Бразиліи [3]).

Есть еще ужасный видъ кровавой операціи, совершаемый надъ женскими половыми частями и сильно распространенный въ разныхъ частяхъ свѣта; это именно вырѣзываніе или даже вырываніе клитора у маленькихъ дѣвочекъ.—Обычай этотъ ведется въ Аравіи, Египтѣ, Нубіи, Абиссиніи, Сенаарѣ, Суданѣ, у Галласовъ, Аговсовъ, Гаффатовъ, Гонгасовъ и другихъ народовъ восточной Африки, также въ западной Африкѣ у Сусовъ въ Бамбукѣ, у Мандинговъ въ области Сіерра Леона, въ Бенинѣ, въ Конго и Акра на золотомъ берегу, у Пепглеовъ, у негровъ въ Ольдъ-Калабарѣ и въ Лоандѣ; на востокѣ у племенъ Масаи и Вакуази; на югѣ у нѣкоторыхъ Бечуановъ; у Малайцевъ Остъ-Индскаго архипелага, именно на Явѣ; между индійцами въ Перу и нѣкоторыми другими. Операція эта, по мнѣнію однихъ, предпринимается съ цѣлью воспрепятствованія впослѣдствіи развитію половыхъ страстей у женщины; по мнѣнію другихъ, въ видахъ достиженія лучшей красоты съ устраненіемъ клитора; по мнѣнію третьихъ, для устраненія препятствій при соитіи; по мнѣнію четвертыхъ въ видахъ гигіеническихъ, для устраненія различныхъ болѣзней, возникающихъ въ жаркомъ климатѣ при недостаточной чистотѣ половыхъ частей [1]).

У нѣкоторыхъ народовъ обрѣзаніе малыхъ половыхъ губъ соединяется съ другими послѣдующими пріемами, имѣющими цѣлью съуженія входнаго половаго отверстія дѣвочекъ (circumcisio et infibulatio). Таковые народы: Бедчахи, Галласы, Сомалисы, жители Гаррара на Массавѣ и т. д. Операція эта, вѣроятно, извѣстна была еще древнимъ Арабамъ, такъ какъ о ней уже упоминаетъ древній арабскій врачъ Разесъ. Этотъ видъ уродованія находятъ также въ нижней Индіи и у Малайцевъ. Цѣль операціи—сохранить непорочность дѣвочки до брака, передъ которымъ дѣлается противуположная операція. Иногда эту операцію производитъ и въ позднѣйшихъ возрастахъ мужъ надъ своей женой на время своихъ отлучекъ въ дальнія путешествія и повторяетъ ихъ иногда даже не одинъ разъ. Ту же операцію производятъ иногда продавцы невольницъ, чтобы послѣднія не беременили; однако цѣль эта не всегда достигается [2]).

Въ своемъ стремленіи къ безконечнымъ измѣненіямъ тѣла, человѣкъ не ограничился измѣненіями только внѣшнихъ покрововъ, наоборотъ онъ нашелъ средства измѣнить формы даже костянаго скелета своего. О деформаціи череповъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ; теперь же скажемъ нѣсколько подробнѣе объ искусственныхъ измѣненіяхъ остальныхъ частей скелета.

При описаніи грузинской колыбели въ свое время мы видѣли, что мать старается уложить въ нее своего ребенка такъ, чтобы голова его была ниже плечъ для того, чтобы получилась длинная шея, такъ какъ короткая шея считается у Грузинъ недостаткомъ. Почему такое предпочтеніе дѣлаютъ въ Грузіи длинной шеи,—мудрено сказать. Во всякомъ случаѣ Грузинка, укладывая описаннымъ образомъ свое дитя въ постель, не догадывается, что шея заключаетъ въ себѣ важнѣйшіе для жизни органы, а именно: гортань, дыхательное горло, большіе кровеносные сосуды, нервные стволы, одну изъ важнѣйшихъ частей спиннаго мозга, и что механическія насилія на всѣ эти части могутъ повлечь за собою весьма серьезныя страданія. Кромѣ того мы видѣли выше, что такой способъ укладыванія въ постели можетъ вести къ весьма непріятной и вредной для здоровья привычкѣ держать ротъ открытымъ, что, кстати сказать, дѣйствительно очень нерѣдко и замѣчается среди представителей нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ, напр. Грузинъ, Армянъ и друг.

[1]) Мильчевскій: Основанія науки Антропологіи. 1868 г. стр. 214.

[2]) Ploss. B. 1. S. 300—302.

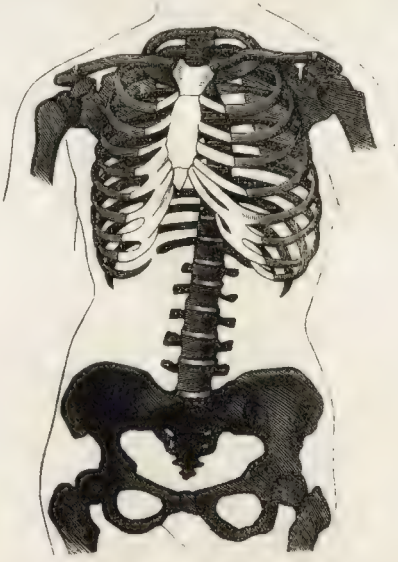
[3]) Ploss. ibid. S. 303—305.

[1]) Ploss. B. 1. S. 305—313.

[2]) Ploss. B. 1. S. 313—324.

Миссіонеръ Эндеманъ [1]) свидѣтельствуетъ, что Негры племени Сотто въ томъ случаѣ, если дитя не держитъ прямо затылка, повязываютъ ему въ нѣсколько разъ вокругъ шеи ремень, пока онъ не будетъ держать головы прямо. Въ Алжирѣ Негры Сахары запаковываютъ новорожденнаго въ постель и кромѣ того надѣваютъ на него особый поясъ для поддержанія спины. [2])

При укладываніи дѣтей въ колыбели восточнаго типа (Кавказскія, Персидскія, Ногайскія Татарскія, Сартскія и многія другія имъ подобныя) обыкновенно очень сильно и надолго стягивается грудь ребенка, еще мало развитая у новорожденнаго и быстро растущая при благопріятныхъ условіяхъ именно въ первые годы жизни дитяти. Отсюда понятно, какъ много мѣшаетъ развитію упомянутыя стягиванія и отъ чего у туземцевъ, какъ говорятъ, часто наблюдается плоская, длинная грудь, расположенная къ страданіямъ отъ чахотки. Изъ исторіи древней Греціи извѣстно, что Аѳиняне не любили у дѣвицъ ни высокихъ плечь, ни сильныхъ грудей и наоборотъ чрезвычайно заботились о стройномъ ростѣ дѣвушекъ, чего достигали посредствомъ шнуровки широкой лентой, а также посредствомъ скудной пищи. [3]) Для стягиванія груди, къ величайшему стыду современной цивилизаціи, и до сихъ поръ существуетъ почти во всей Европѣ, уже давно осужденный врачами, какъ вредный снарядъ, — *дамскій корсетъ*, въ который иногда начинаютъ зашнуровывать дѣвочекъ, особенно во Франціи, буквально съ пеленокъ. Говоря о корсетѣ, мы разумѣемъ здѣсь, впрочемъ, не тотъ легкій, свободный корсетъ, который, какъ лифъ, употребляется для пристегиванія къ нему нижняго платья и который въ сущности вреда не приноситъ; напротивъ, мы разумѣемъ здѣсь тотъ корсетъ, который употребляется намѣренно для стягиванія груди, чтобы впослѣдствіи, именно въ возмужаломъ возрастѣ, имѣть возможно тонкую талію, такъ нравящуюся нѣкоторымъ мужчинамъ, смотрящимъ въ свою очередь на женщину лишь съ гастрономической точки зрѣнія. Но посмотрите какую громадную жертву своимъ здоровьемъ приноситъ женщина этому неосмысленному вкусу мужчинъ. Къ извѣстной статьѣ Проффесора Рюдингера, [4]) разсматривающей искусственныя измѣненія чоловѣческаго тѣла приложены двѣ фигуры, изъ которыхъ одинъ изображаетъ нормальный грудной ящикъ въ тѣлѣ Венеры Медицейской (фиг. 189), признаваемый за античный идеалъ женской красоты. Рисунокъ показываетъ естественную, не искалеченную форму ящика, почти цилиндрическую и кеглеобразную. Ширина его почти одинакова какъ вверху такъ и внизу, или же слегка съуживается кверху. Грудные и брюшные органы могутъ лежать свободно въ этой клѣткѣ, безпрепятственно совершая свои отправленія. На другой (фиг. 190) представленъ грудной ящикъ женщины, снятый и измѣренный въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитымъ анатомомъ Земмерингомъ. При первомъ взглядѣ на этотъ рисунокъ видно, что грудной ящикъ имѣетъ здѣсь обратную форму противъ нормальной. Онъ значительно шире вверху, чѣмъ внизу, вслѣдствіе чего происходитъ крайнее стѣсненіе всѣхъ органовъ, лежащихъ въ его нижней части. Органы эти слѣдующіе: нижнія доли обоихъ легкихъ,



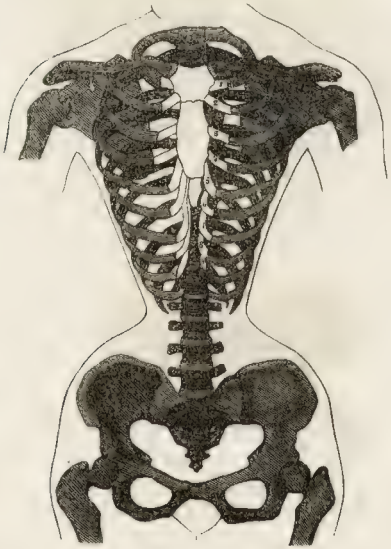
Фиг. 189. Скелетъ туловища Венеры Медицейской.

на которыя какъ разъ выпадаетъ самая главная роль дыхательнаго процесса; лежащій между легкими, центральный органъ кровообращенія, сердце съ его большими кровеносными сосудами, грудобрюшная преграда, или мускульная ткань, свободными сокращеніями своими, вмѣстѣ съ мускулами, заложенными между реберъ, обусловливающая тотъ же важный процессъ, который мы называемъ вдыханіемъ; въ томъ же пространствѣ подъ грудобрюшной преградой находятся вправо печень, влѣво селезенка, а между ними желудокъ, поджелудочная железа и кишки сзади почки. Все это существенно важные органы для благодентвія жизни и здоровья и, наоборотъ, съ нарушеніемъ или затрудненіемъ отправленій ихъ здоровье существенно страдаетъ, что дѣйствительно и происходитъ при томъ сжатіи груди, ко-

[1]) Ploss. B. 11 S. 22.
[2]) Ploss. B. 11. S. 19.
[3]) К. Шмидтъ. Т. стр. 228. и 234.
[4]) Rüdinger, ibid.

торому подвергается она подъ вліяніемъ корсета. Это нарушеніе можетъ быть неощутительнымъ ежедневно, но тѣмъ не менѣе оно не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Для стягиванія груди и живота на Кавказѣ существуетъ также особый корсетъ, называемый у горцевъ *халынкарцемъ* (фиг. 191) и описываемый г. Конуковымъ[1]) приблизительно такъ: «когда смотришь на туго стянутыя таліи нашихъ барынь и барышень, на таліи, которыя сравниваютъ съ таліей муравья или стрекозы; когда видишь молодыхъ, а нерѣдко и старыхъ, обладательницъ этихъ тонкихъ до безобразія талій, то удивляешься только извращенному вкусу особъ, признающихъ красоту и изящество въ подобномъ уродованіи природы. Но европейскій корсетъ ничто предъ безобразіемъ корсета горянокъ. Вотъ онѣ предстали предъ моимъ умственнымъ взоромъ худыя и блѣдныя дѣвушки, Осетинки и Кабардинки (особенно высшаго разряда узденки, княжны, уорки), зашитыя въ пресловутый халынкарцъ, который дѣлается изъ сафьяна такимъ образомъ, чтобы онъ вплотную захватывалъ какъ грудь, начиная съ ключицъ, такъ и животъ до самыхъ тазовыхъ костей. Корсетъ затягивается обыкновенно спереди шнурами, а въ нижней части шнуры эти оканчиваются мертвымъ узломъ. Для того, чтобы носительница корсета могла имѣть ровный, прямой станъ, спереди вдоль груди во всю длину корсета зашиваютъ двѣ пластинки изъ дерева, непозволяющія дѣвушкѣ



Фиг. 190. Скелетъ туловища женщины, носившей корсеты.

Фиг. 191. Халынкарцъ.

наклоняться и заставляющія ее сидѣть въ положеніи проглотившей аршинъ; таковыя пластинки нерѣдко пришиваются и вдоль спины. Дѣвушка, зашитая въ такіе адскіе корсеты съ 6-ти—7-ми лѣтняго возраста, должна не разставаться съ ними до самаго дня замужества. И спитъ она въ этомъ халынкарцѣ и бодрствуетъ. Грудь и животъ, сдавленные этими тисками, не развиваются, что конечно не остается безъ вреднаго вліянія на органы этихъ полостей». На московскую Антропологическую выставку 1879 г. доставлены были съ Кавказа два такихъ корсета, нѣсколько разнящихся въ своемъ устройствѣ. Одинъ изъ нихъ доставленъ былъ секретаремъ Терскаго областнаго Статистическаго Комитета, М. Благовѣщенскимъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ слѣдующую объяснительную записку къ нему: «корсетъ, носимый горскими дѣвушками, дѣлается обыкновенно изъ кожи или сафьяна и надѣвается онъ на голое тѣло, причемъ плотно шнуруется на груди. У богатыхъ туземокъ корсетъ отдѣлывается съ роскошью, обшивается золотою или серебряною тесьмою, или украшается вышивкою изъ шелка, золота и серебра. Дѣвушки начинаютъ носить корсетъ съ 10-ти или 11-ти лѣтъ и не снимаютъ его вплоть до самаго замужества, даже спятъ въ немъ. Перемѣняется онъ только тогда, когда совершенно износится. По мѣрѣ роста и развитія дѣвушки шнуровка корсета постепенно рас-

[1]) Газета „Кавказъ“ 1879 г. № 54.

пускается, но только очень немного, такъ чтобы грудь дѣвушки была постоянно стянута и чѣмъ туже, тѣмъ это считается лучше и красивѣе. Обычай носить такой корсетъ, существующій съ давнихъ поръ у мѣстныхъ горныхъ туземцевъ, возникъ, повидимому, отъ особаго взгляда туземцевъ на дѣвичью красоту и изъ цѣлей женскаго кокетства. Дѣвушки носятъ корсетъ главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможно тонкую талію и задержать развитіе грудей; такъ какъ полнота стана и большія груди считаются у туземцевъ весьма важнымъ недостаткомъ дѣвичьей красоты. При выходѣ дѣвушки замужъ, съ нея снимаетъ корсетъ въ первую брачную ночь самъ женихъ (въ видѣ особаго молодечества, иногда онъ сразу срѣзаетъ всю шнуровку корсета кинжаломъ) и обыкновенно прячетъ его подъ постелью, послѣ чего корсетъ поступаетъ въ собственность какой нибудь дѣвушки,—ближайшей родственницы жениха. Дѣвушка, получившая такой корсетъ по наслѣдству, или носитъ его сама, или сохраняетъ его у себя до тѣхъ поръ, пока онъ понадобится ей; вообще при этомъ строго наблюдается, чтобы корсетъ, снятый съ невѣсты, оставался въ семьѣ жениха и не переходилъ въ постороннія руки. Если дѣвушка почему либо не выйдетъ замужъ, то она продолжаетъ носить корсетъ до самой смерти, такъ какъ ношеніе корсета считается признакомъ дѣвственности и нравственной чистоты дѣвушки. Строгое соблюденіе этого обычая и особенно чрезмѣрное сдавливаніе стана корсетомъ, часто бываетъ причиною смерти горскихъ женщинъ при родахъ и источникомъ многихъ тяжкихъ и неизлѣчимыхъ болѣзней.—Обычай носить такіе корсеты существуетъ до сихъ поръ въ Осетіи, Кабардѣ и отчасти въ Чечнѣ. По преимуществу же онъ сохраняется въ горной Осетіи, Балкаріи, Горскихъ Обществахъ и вообще въ горныхъ и малодоступныхъ туземныхъ селеніяхъ. Что же касается до низменныхъ (плоскостныхъ) селеній, то въ нихъ, по мѣрѣ сближенія съ русскимъ населеніемъ, этотъ обычай постепенно исчезаетъ и мѣстности ближайшія къ русскимъ селеніямъ въ послѣдніе годы уже бросили совсѣмъ свои мѣстные корсеты и замѣнили ихъ общеевропейскими».

Стягивая талію, европейскій корсетъ имѣетъ въ то же время слѣдствіемъ болѣе рельефное выступаніе верхней части грудной клѣтки, и слѣдовательно у женщинъ выступаніе грудей. У нѣкоторыхъ же народовъ, наоборотъ, считается болѣе приличнымъ стѣснять развитіе грудей, сдавливать и сплющивать ихъ, напримѣръ, по свидѣтельству д-ра Аманда, въ Кохинхинѣ. Достиженіе той же цѣли, между прочимъ, имѣетъ въ виду и только что описанный кавказскій корсетъ. Нѣчто подобное замѣчено было когда-то и въ Европѣ. Такъ, по свидѣтельству Монтаня и другихъ путешественниковъ въ Испаніи, въ XVI и XVII столѣтіяхъ считалось модой у женщинъ имѣть какъ можно болѣе сухую грудь, вслѣдствіе чего дѣвицы имѣли обычай сдавливать себѣ какъ можно сильнѣе грудь, привязывая къ ней свинцовыя бляхи. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ Германіи, напримѣръ Бренгенцевальдѣ, еще и теперь плоская грудь считается украшеніемъ у дѣвушекъ; онѣ носятъ необыкновенно плотно обхватывающія станъ корсажи, а нѣкоторыя, какъ говорятъ, сдавливаютъ даже себѣ груди помощью деревянныхъ тарелкообразныхъ кружковъ [1]).

Кто видалъ Черемисянокъ, тотъ конечно не мало поражался чрезвычайно прямой, даже какъ бы гордой турнюрой ихъ. А происходитъ это, между прочимъ, отъ того, что,—по свидѣтельству г-жи Левашовой,—у нихъ существуетъ обычай привязывать косу дѣвочекъ съ самаго ранняго возраста за вплетенную косоплетку сзади къ поясу, въ какомъ положеніи дѣвочка и остается цѣлыми днями.

Просвѣщенный Европеецъ для той же цѣли придумалъ разнаго рода *спинодержатели*, устраиваемые въ формѣ эластическихъ помочей, прикрѣпляемыхъ у дѣвочекъ къ юбкамъ, а у мальчиковъ къ панталонамъ, или же устраиваемыхъ въ формѣ накладокъ на спину, въ толщѣ которыхъ зашиты пластинки китоваго уса, малогнущейся гуттаперчи, стали и т. д., а за плечи застегиваемыхъ съ помощію эластическихъ тесемокъ.

Многіе народы съ особенною заботливостью занимаются измѣненіемъ естественной формы ногъ. Говорятъ, что еще древніе Греки имѣли обыкновеніе иногда привязывать къ ногамъ дѣтей инструментъ, называвшійся superastrum, для предупрежденія кривизны ногъ [2]). Въ настоящее время, повидимому, вся Европа раздѣляетъ вкусъ древнихъ Грековъ по отношенію къ прямизнѣ ногъ и по мѣрѣ возможности старается достигнуть этого путемъ пеленанія дѣтей въ раннемъ возрастѣ. Тотъ же вкусъ несомнѣнно раздѣляютъ и нѣкоторые дикари. Вигумба и родственный имъ народъ Вакуази въ восточной Африкѣ увиваютъ голени дитяти снизу до колѣнъ особыми повязками до тѣхъ поръ, пока дитя можетъ стоять прямо. Этими увиваніями они расчитываютъ воспрепятствовать развитію икры, которая, по ихъ мнѣнію, мѣшаетъ быстротѣ и продолжительности бѣга, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, очевидно, они достигаютъ противуположнаго. Маори въ Новозеландіи ежедневно давятъ дѣтямъ своимъ на внутреннюю поверхность колѣнокъ книзу, чтобы сдѣлать ихъ болѣе гибкими. Австралійскіе дикари съ помощью особыхъ пріемовъ стара-

[1]) Журналъ „Природа“. Ст. Апучина. 1876 г. Кн. 3., стр. 106.

[2]) Neu-eröffnete Schatz-Kammer griechischer Antiquitäten von Melissantes. 1717. S. 339. § 4.

ются также содѣйствовать развитію прямоты ногъ и другихъ членовъ [1]).

Въ противуположность этому, на русской территоріи есть не мало инородцевъ, которые уважаютъ кривоногихъ и стараются непремѣнно добиться этой кривизны въ періодъ колыбельной жизни ребенка. У Калмыковъ, напримѣръ, для этой цѣли употребляется особая колыбель, имѣющая видъ ящика, наклонно поставленнаго отъ головы къ ногамъ. Внутри этой колыбели, и именно въ нижней части ея, находится довольно сложный приборъ, похожій на воронку, который кладутъ между ногъ ребенка и поверхъ его загибаютъ ноги, крѣпко припеленывая ихъ, такъ чтобы сдѣлать ихъ впослѣдствіи какъ можно кривѣе. Калмыки — народъ кочевой, большую часть жизни своей проводятъ на лошадяхъ и кривыя ноги нужны имъ для того, чтобы крѣпко сидѣть на лошадяхъ. И дѣйствительно по описанію путешественниковъ, Калмыки показываютъ чудеса на своихъ лошадяхъ; но за то, видя Калмыка, идущаго пѣшкомъ, говорятъ, не мудрено подумать, что онъ только учится ходить,—такъ не ловка его походка! — Съ цѣлью достигнуть большей кривизны Буряты [2]) вкладываютъ между ногъ дитяти скомканную кожу или тряпку, отъ чего ноги будущаго героя степей принимаютъ дугообразную форму, свойственную всѣмъ народамъ монгольскаго поколѣнія. Нѣкоторые Киргизы, — говоритъ Левшинъ [3]),—при пеленаніи кладутъ между колѣнами и ступнями дѣтей подушки для того, чтобы ноги ихъ сдѣлались нѣсколько выгнутыми и отъ того болѣе способными къ верховой ѣздѣ.

По понятію нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, условіе красоты ногъ заключается въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Для этого, напр., Мордовки съ малыхъ уже лѣтъ и особенно въ праздничные дни наматываютъ себѣ и своимъ дочкамъ по нѣскольку аршинъ льнянаго, хорошо выбѣленнаго холста и стараются, чтобы онъ лежалъ, какъ можно глаже, отъ чего ноги кажутся прямыми и толстыми какъ бревна. Сверхъ этихъ холщевыхъ онучь надѣваются прямые, съ маленькой головкой, лапти, которые прикрѣпляются къ ступнямъ ременными оборами, перевитыми крестообразно вокругъ ногъ. Такая, туго накладываемая обувь между тѣмъ, по свидѣтельству г. Майнова, изучавшаго этихъ инородцевъ въ антропологическомъ отношеніи, задерживаетъ развитіе ногъ и ноги Мордовокъ, по его наблюденію, отличаются дѣйствительно замѣчательною малостью. Повидимому такой же идеалъ красоты ногъ существуетъ и у Черемисокъ, которыя также туго по нѣскольку туровъ навиваютъ на свои ноги черныя суконки и затѣмъ крѣпко стягиваютъ ихъ веревочными оборами, идущими отъ лаптей, какъ это видно на фиг. 124.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, намѣренныхъ фабрикацій ногъ существуетъ еще масса другихъ условій при первоначальномъ воспитаніи дѣтей, нерѣдко содѣйствующихъ искривленію ногъ, таковы: ранняя ходьба, неумѣстныя помочи, ходульки, стоюнки, дуплянки и т. п., о чемъ подробнѣе сказано въ свое время.

Вслѣдствіе привычки сидѣть всегда поджавши ноги, — говоритъ Небольсинъ [1]), — ноги почти у всѣхъ Кундровскихъ татаръ — кривыя.

Въ Турціи, — по свидѣтельству Pellak'a [2]), — существуетъ обычай класть между ногъ ребенка свертокъ изъ холста, отъ чего впослѣдствіи развивается кривизна ногъ. Но у тѣхъ же турокъ, какъ и вообще у всѣхъ азіатскихъ народовъ, имѣющихъ обыкновеніе сидѣть подолгу, сжавши ноги, безъ сомнѣнія кривизна ногъ можетъ развиться также и вслѣдствіе лишь этого обыкновенія. Rohlfs сообщаетъ, что жены кочующихъ племенъ въ Марокко, за исключеніемъ того времени, когда кормятъ ребенка, носятъ своихъ дѣтей цѣлый день на спинѣ въ положеніи наѣздника въ складкѣ Haiks'a (большой платокъ), вслѣдствіе чего какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ образуются саблевидныя ноги [3]). Жители Огненной земли, населяющіе дикіе, чрезвычайно гористые, скалистые берега, представляющіе препятствіе для свободнаго движенія, принуждены проводить большую часть своей жизни въ хижинахъ или сидя въ лодкѣ, прямымъ слѣдствіемъ чего бываютъ искривленныя тонкія ноги [4]).

Китайскія женщины, особенно коренныя китаянки высшаго круга, нашли возможнымъ превзойти, кажется, всѣ существующія до сихъ поръ искаженія человѣческаго тѣла, подвергая самому страшному изуродованію свои ступни. Нога китаянки, желающей считаться красивою, по Тидеману [5]), не должна быть длиннѣе 3-хъ—4-хъ дюймовъ и для этого нѣжныя матери начинаютъ калѣчить своихъ дочерей съ самаго ихъ младенчества, пользуясь хрящеватымъ состояніемъ костей въ этомъ возрастѣ. Первое уродованіе производится еще повивальною бабкою въ первые дни жизни ребенка: ему

---

[1]) Ploss. B. I. S. 293.

[2]) Ив. Мевесъ: Три года въ Сибири. От. Зап. 1863 г. № 5—7, стр. 265.

[3]) А. Левшинъ: Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей. 1832 г. Ч. III, стр. 97.

[1]) Небольсинъ: инородцы Астраханской губерніи Кундровскіе татары.

[2]) Ploss. B. II. S. 23.

[3]) Ploss. B. II. S. 43.

[4]) Wilkes Naw. of the U. St. Expl. Exped. Philad. 1845. I, 14 Waitz. Anthropologie der Naturvölker Zweite Auflage. 1877. I Th. S. 64

[5]) Rüdinger. l. c.

крѣпко на крѣпко стягиваютъ ножки съ помощью дощечекъ и перевязокъ, благодаря которымъ нетолько затрудняется ростъ костей и мускуловъ, но и самая форма ноги совершенно обезображивается. При этой операціи всѣ пальцы, отъ втораго до пятаго включительно, сильно пригибаются къ подошвѣ; одинъ только большой палецъ сохраняетъ горизонтальное положеніе. Пеленаніе и стягиваніе ноги повторяется ежедневно и притомъ постоянно усиливаясь. Перевязки не снимаются никогда, ни днемъ, ни ночью, даже если нога горитъ и болитъ и ребенокъ становится безпокойнымъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой операціи получается не только несоразмѣрно малая нога, но и крайне изогнутая.—Походка китаянки при такихъ ногахъ,— говоритъ Тидеманъ, — становится колеблющейся. Желая идти, она вынуждена опираться на свои чубуки, стараясь въ то же время поддерживать свое равновѣсіе посредствомъ движенія рукъ. Скоро идущая китаянка похожа на курицу, бѣгущую съ распростертыми крыльями. Тѣ китайскія дамы, которыя не могутъ держать для себя особыхъ носильщиковъ, живутъ лишь въ нижнихъ этажахъ и никогда не выходятъ изъ дома [1]). Одинъ изъ членовъ русской экспедиціи, бывшей въ Китаѣ въ 1874 - 75 годахъ, докторъ П. Я. Пясецкій [2]) сообщаетъ слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія объ уродованіи ногъ китайскимъ дѣвочкамъ: «въ дѣтскомъ пріютѣ итальянскаго миссіонерства мнѣ удалось, говоритъ онъ, — близко ознакомиться съ способомъ уродованія ногъ китайскимъ дѣвочкамъ. Такъ какъ сестры миссіи не рѣшались идти противъ освященнаго вѣками и укоренившагося съ невѣроятной силой одного изъ нелѣпѣйшихъ обычаевъ— измѣнять форму ногъ, то всѣ воспитывающіяся у нихъ дѣвочки и дѣвушки безобразятъ ихъ по всѣмъ правиламъ искусства и моды. Спасибо имъ, что онѣ согласились показать мнѣ ихъ, ибо увидать разутыя ноги китаянки почти невозможно не только европейцу, но даже китайцу. Считается-ли это стыдомъ, кокетливость-ли женская мѣшаетъ этому, не знаю; но второе предположеніе весьма вѣроятно, потому что обнаженная изуродованная нога дѣйствительно возбуждаетъ только чувство отвращенія. Хотя мы сами не свободны отъ нѣкоторыхъ смѣшныхъ и вредныхъ законовъ моды, мы все-таки никогда не перестанемъ дивиться этому наиболѣе безумному обычаю, лишающему человѣка одного изъ лучшихъ наслажденій въ жизни – свободнаго и здороваго движенія. Въ исторіи Китая не сохранилось никакихъ положительныхъ указаній на то, что послужило основаніемъ этому непонятному обычаю. Говорятъ будто-бы у одной императрицы были уродливыя ноги отъ рожденія и ей мало по малу стали подражать сначала придворныя дамы, а потомъ это перешло въ общій обычай.... Подобные примѣры вѣрноподданничества въ исторіи бывали;—но есть и другое мнѣніе, которое, пожалуй, вѣроятнѣе, а именно, что ревнивые китайцы—мужья изобрѣли это какъ средство противъ побѣговъ женъ изъ дома. Но, говорю, исторія не сохранила никакихъ точныхъ данныхъ для объясненія этого обычая, такъ какъ происхожденіе его уходитъ въ очень отдаленную эпоху. Но какъ-бы это ни началось, а теперь сдѣлалось закономъ и непремѣннымъ условіемъ красоты женщины. О томъ, какъ это дѣлается и въ чемъ состоитъ самое уродованіе, мы имѣли не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія, а потому я остановлюсь на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе. Были сообщенія, даже въ печати и не очень давно, въ которыхъ говорилось, что въ Китаѣ ножки маленькихъ дѣвочекъ зашиваются въ крѣпкую кожу и остаются такъ до окончанія роста тѣла, отчего будто-бы онѣ сохраняли свои первоначальные размѣры; говорилось еще объ употребленіи деревянныхъ колодокъ и ломаніи ногъ; но ни то, ни другое, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось не вѣрно. Уродованіе ногъ достигается орудіемъ самымъ невиннымъ, — простымъ бинтомъ, какой употребляется у насъ въ хирургіи,—да еще нужно прибавить, китайскимъ терпѣніемъ, которое оказывается могущественнѣе всякой бычачьей кожи и деревянныхъ колодокъ въ дѣлѣ борьбы съ природой. Вотъ какъ это дѣлается: дѣвочкѣ лѣтъ съ шести, семи,— и обыкновенно по ея собственной просьбѣ, какъ у насъ на счетъ продѣванія серегъ въ уши, — начинаютъ ежедневно забинтовывать обѣ стопы, какъ показываетъ рисунокъ (Фиг. 192), и разъ начатое

Фиг. 192. Способъ увиванія ноги бинтомъ для уменьшенія ея по китайски (по Пясецкому.)

бинтованіе повторяется потомъ въ теченіе всей жизни, потому что съ прекращеніемъ его, какъ имѣются факты, природа беретъ свое и нога распрямляется. Увивая ногу бинтомъ, стараются мало по малу достигнуть того, чтобы четыре меньшихъ пальца ноги подогнуть постепенно подъ подошву. Это первая задача, а вторая заключается въ томъ, чтобы укоротить стопу, притягивая пятку къ пальцамъ. Полный успѣхъ наступаетъ лишь въ нѣсколько лѣтъ. И вотъ въ чемъ состоитъ этотъ ус-

[1]) Rüdinger. l. c.

[2]) П. Я. Пясецкій: Путешествіе по Китаю. 1880 г. Т. I. стр. 353—357.

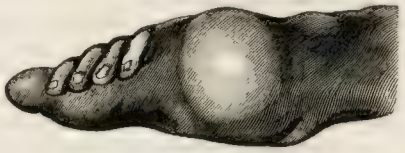
пѣхъ, этотъ идеалъ красоты, къ которому такъ страстно стремятся Еввины внучки китайской породы; во первыхъ нога дѣлается острою, потому что впередъ выдается только одинъ большой палецъ, да и онъ посредствомъ постояннаго дѣйствія бинта превращается изъ круглаго въ остроконечный; во-вторыхъ, подъемъ стопы гораздо круче; онъ изгибается впередъ горбомъ, а пятка притиснута къ пальцамъ иногда почти до полнаго соприкосновенія, причемъ на подошвѣ образуется глубокая поперечная складка. Не трудно себѣ представить, что ходить на такихъ ногахъ совсѣмъ не удобно, тѣмъ болѣе, что ихъ кромѣ того постоянно стягиваютъ бинтомъ, отчего кровообращенье дѣлается неправильнымъ и кожа часто изъязвляется. Но эта въ сущности пожизненная пытка переносится не только безропотно, но еще съ любовію, съ наслажденіемъ, съ гордостью. И чѣмъ богаче женщина, чѣмъ менѣе она обязана ходить по неволѣ, чѣмъ больше у нея досуга, тѣмъ болѣе она ухаживаетъ за своими ножками и добивается иногда такихъ блестящихъ результатовъ, что едва держится на своихъ, точно ампутированныхъ ногахъ, заслуживающихъ въ такомъ случаѣ почетный титулъ «золотыхъ лилій». Малость такихъ выхоженныхъ ножекъ, когда видишь ихъ въ ботинкахъ, дѣйствительно поразительна. Въ моей коллекціи китайскихъ вещей есть, напримѣръ, пара ботинокъ, длина которыхъ по подошвѣ равняется всего одному вершку съ четвертью, такъ что недовѣрчивый человѣкъ можетъ впасть въ сомнѣніе на счетъ того, неужели такія ботинки можетъ носить взрослая женщина (фиг. 193). Китаянки кромѣ

Фи. 194. Китайская ножка въ башмачкѣ (по Пясецкому).

уменьшенія ногъ обладаютъ еще особымъ искусствомъ обуваться; а именно, онѣ не вдѣваютъ въ ботинку всей стопы, а только переднюю часть, опирающуюся на внутренній сильно покатый кпереди каблукъ, пятка-же остается на вѣсу, тотчасъ за нимъ, и потомъ нога надъ ботинкой увивается лентой. Этимъ-то послѣднимъ актомъ и удается какъ можно лучше маскировать пятку, сильно притягивая ее впередъ.»

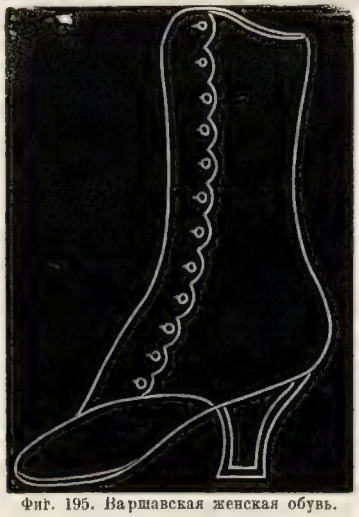
На Московскую Антропологическую выставку 1879-го года г-жей Родіоновой, долго жившей въ Китаѣ, доставлены были слѣпокъ съ китайской ножки (фиг. 194), ремень для стягиванія ея и башмачекъ, дѣланные въ Китаѣ. Первые два образца совершенно подходятъ къ описанію, представленному г. Пясецкимъ.

Всякое стѣсненіе свободы движеній въ ногѣ, дурно сшитая обувь, установка ноги на слишкомъ косой поверхности, при неимовѣрно высокихъ каблукахъ и т. п. затрудняютъ въ высшей степени



Фиг. 194. Китайская ножка.

нормальное отправленіе ногъ, не говоря уже о безобразіи ихъ формы. Но посмотрите, что мода творитъ съ ногами женщинъ въ Европѣ, начиная еще съ довольно ранняго возраста ихъ. Д-ръ Онимюсъ [1]) подвергъ изслѣдованію этотъ вопросъ—и вотъ его сужденія о немъ. Въ послѣднее время у женщинъ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе ботинки à la Louis XV, отличающіяся чрезвычайно высокими каблуками и кромѣ того тѣмъ, что каблукъ съуживается книзу и вмѣстѣ съ тѣмъ направляется впередъ (фиг. 195). Возобновленіе этой старинной



Фиг. 195. Варшавская женская обувь.

обуви нашло себѣ такъ много поклонницъ именно потому, что она придаетъ столь большую кривизну

[1]) L'union medicale. 1877., p. 244 и также Военно-медицинскій журналъ 1877 г. Августъ, смѣсь, стр. 150—152.

и въ то же время, вслѣдствіе большой близости нижней части каблука къ носку какъ бы уменьшаетъ размѣры стопы. Къ сожалѣнію въ данномъ случаѣ за нелѣпыя требованія кокетства приходится платиться цѣлымъ рядомъ серьезныхъ болѣзненныхъ явленій, которыя автору приходилось наблюдать очень часто и которыя онъ объясняетъ весьма раціонально. При нормальномъ наступаніи съ землей прежде всего соприкасается пятка и только подъ конецъ наступанія нога опирается на плюсну (metatarsus), затѣмъ когда нога приподымается, первой отходитъ пятка и потому тяжесть тѣла падаетъ на центръ стопы и пальцы. При стояніи тяжесть тѣла передается землѣ чрезъ переднюю часть стопы, но главнымъ образомъ чрезъ пятку, которая легко выноситъ эту тяжесть, если масса пяточной кости широко соприкасается съ землей. Совершенно иное бываетъ при употребленіи сказанныхъ ботинокъ: вслѣдствіе сильнаго наклона подошвы тяжесть тѣла падаетъ не на пятку, а далѣе впереди, на сводъ подошвы. Отъ этого-то самымъ постояннымъ явленіемъ у женщинъ, носящихъ подобныя ботинки, является сильная боль въ подошвѣ, впереди и книзу отъ наружной лодышки; болѣзненность этого мѣста, зависящая, повидимому, отъ воспаленія сочлененія пяточной кости съ кубовидной, бываетъ иногда до того велика, что больныя не переносятъ даже и легкаго давленія; нерѣдко кромѣ болѣзненности замѣчается тутъ и повышеніе температуры. Съуживаніе каблука книзу уменьшаетъ самую главную опору тѣла и дѣлаетъ его такимъ образомъ менѣе устойчивымъ. Высота же каблука вынуждаетъ держать стопу постоянно съ ненормально согнутымъ голеностопнымъ сочлененіемъ; въ то же время она не позволяетъ наступать сперва на пятку, а прямо на пятку и на плюсну; эта послѣдняя часть стопы подвергается такимъ образомъ излишнему давленію и въ свою очередь дѣлается сначала ненормально чувствительной, а потомъ и очень болѣзненной. Пальцы, въ нормальномъ состояніи расположенные какъ показано на фиг. 196, при давленіи на нихъ сверху, благодаря высокому каблуку, сгибаются и скручиваются, какъ показываютъ фиг. 197 и 198, а движенія ихъ становятся менѣе обширными и болѣзненными. Благодаря тѣмъ же, только что указаннымъ сведеніямъ, большой палецъ значительно уклоняется внутрь (фиг. 199) и вся стопа нѣсколько уплощается, такъ что широко соприкасается съ землей наружной частью своего свода. Разстройства не ограничиваются указанными мѣстами: болѣзненныя сведенія распространяются и на мышцы икры, которымъ приходится постоянно противодѣйствовать стремленію тѣла наклониться впередъ, — стремленію составляющему прямое послѣдствіе высокихъ каблуковъ. Иногда икряныя мышцы сверхъ того представляются очень чувствительными къ давленію; случается также, что больные испытываютъ въ нихъ стрѣляющія боли, до того сильныя, что принуждены лежать въ постели. Но болѣе всѣхъ мышцъ поражается длинная малоберцевая мышца (musculus peroneus longus): наиболѣе жестокія и постоянныя боли наблюдаются именно у прикрѣпленія сухожилія къ большому пальцу и за тѣмъ по его ходу въ подошвенномъ сводѣ; боли эти вмѣстѣ

Фиг. 196

Фиг. 197 и 198.

Фиг. 199.

съ тѣмъ остаются дольше всѣхъ остальныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзненность замѣчается и въ колѣнномъ суставѣ, а прямая передняя мышца и приводящія бедро часто тоже представляются въ состояніи сведенія. Мѣстными явленіями не исчерпывается вредное вліяніе обуви à la Louis XV; у больныхъ, расположенныхъ къ нервнымъ разстройствамъ, развиваются разнообразныя истерическія явленія; у другихъ вслѣдствіе наклоненія тѣла впередъ, заворотъ матки впередъ, боли въ нижней части живота и т. п. Для лѣченія конечно необходимо устранить прежде всего вредную обувь; но устраненіе это должно быть не разовое, а постепенное, такъ какъ стопа, привыкшая къ высокому каблуку, первое время чувствуетъ большое неудобство отъ ботинки безъ каблука. Затѣмъ для исправленія пріобрѣтеннаго недостатка требуются иногда и другіе, болѣе серьезныя мѣры. Вотъ какое искалѣченія ногъ и здоровья слѣдуетъ за неразумною модою людей.

Лѣтомъ 1876 г. въ Бернѣ была всеобщая выставка обуви, на которой между прочимъ занимали не малое мѣсто гипсовые слѣпки съ ногъ нормальныхъ и измѣненныхъ обувью. Въ совокупности всѣ эти слѣпки представляли собою весьма наглядную и поучительную картину различныхъ уклоненій ногъ отъ нормы, искривленій, захожденій пальцевъ другъ за друга, изуродованіе ногтей и т. п. Казалось бы такая выставка должна была въ будущемъ послужить серьезнымъ предостереженіемъ противъ произвольнаго самообезображиванія. Мало того, медицинская литература не перестаетъ до сихъ поръ время отъ времени предостерегать лю-

дей отъ вредной обуви, путемъ весьма обстоятельныхъ трактатовъ. [1]) Несмотря на все это, однако-же люди остаются рѣшительно неисправимыми въ своихъ вредныхъ привычкахъ и стремленіяхъ къ вреднѣйшей модѣ.

Если на нашихъ дамъ не дѣйствуютъ убѣжденія науки и разума, то, въ своихъ личныхъ интересахъ, онѣ хотя бы обратились къ изящнымъ образцамъ классической древности. Извѣстно, что древніе греки были весьма строгими цѣнителями физической красоты вообще и что стройную ногу съ высокимъ подъемомъ между прочимъ они ставили очень высоко. Такія ноги между прочимъ были у прославленной греческой красавицы — Аспазіи, а эта Аспазія, по обычаю женщинъ своего времени, носила обувь просторную, ни мало не стягивавшую ступни и нисколько не мѣшавшую свободному ея развитію

Подъ вліяніемъ обычаевъ и воззрѣній своего племени человѣкъ приходитъ иногда къ такимъ страннымъ и нелѣпымъ дѣйствіямъ, которыя даже трудно согласовать съ дѣйствіями разумнаго существа, таковы, напримѣръ, отнятіе двухъ верхнихъ суставовъ мизинца лѣвой руки у жителей Австраліи въ дѣтствѣ съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи удобнѣе можно было наматывать уду для рыбы вокругъ другихъ пальцевъ. [2]) Такого же обычая придерживаются, по Беллинггаузену, прородные жители Новой Голландіи. У нѣкоторыхъ, — говоритъ онъ, — отрѣзаны мизинцы на лѣвой рукѣ. Они разсказываютъ, что странному сему обыкновенію причиною мнѣніе, что мизинецъ мѣшаетъ наматывать рыбью уду и потому оный въ малолѣтствѣ отрѣзываютъ [1]).

Вѣнецъ созданія, — благороднѣйшій сынъ природы — человѣкъ, повидимому, только и долженъ стремиться къ благороднѣйшимъ же поступкамъ, но изъ ряда приведенныхъ фактовъ мы видѣли, къ какимъ безумнымъ дѣйствіямъ нерѣдко приводятъ его возрѣнія и обычаи, порожденные его же собственнымъ тщеславіемъ, кокетствомъ, модой и недосмысліемъ. Въ этихъ нелѣпыхъ поступкахъ повинны не только дикари и невѣжественныя племена, но и цивилизованные народы. Сколько ни ратовали противъ такихъ поступковъ человѣчества еще издавна міровые мыслители и врачи, сколько ни казнила эти обычаи сатира, но люди остались вѣрны своимъ вкусамъ и вопреки внушеніямъ здраваго смысла и науки продолжаютъ по прежнему со всею настойчивостью уродовать свое тѣло на разные лады, не щадя въ этихъ цѣляхъ даже нѣжнаго возраста дѣтей. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ и въ виду безнадежности исправленія ихъ, не позволительно ли будетъ приложить именно къ только что описаннымъ дѣйствіямъ человѣка слова Ж. Ж. Руссо: «все прекрасно выходитъ изъ рукъ Творца и все портится руками человѣка!»

[1]) См. напр. Paul Stareke: die Misstaltung der Füsse durch unzweckmässige Bekleidung. 1881. (Sammlung klinischer Vorträge von R. Volkmann № 194).

[2]) Burton. Nouv. ann. des voyages Mag. 1862. p. 195.

[1]) Беллинггаузенъ: путешествіе въ Южный Ледовитый Океанъ и плаваніе вокругъ свѣта въ продолженіе двукратныхъ изысканій въ 1819, 20 и 21 годахъ. С. П. Ч. I. стр. 290.

ГЛАВА XXVIII.

ИГРУШКИ, ИГРЫ И ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ.

Значеніе игрушекъ для дитяти.—Необходимость ихъ изобрѣтенія.—Повторяемость у разныхъ народовъ.—Игрушки крестьянскихъ дѣтей въ Россіи.—Значеніе игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья.—Игры въ древней Греціи, древнемъ Римѣ, въ Европѣ въ первыя времена христіанства и въ средніе вѣка.—Игры на Востокѣ, въ современной Европѣ и у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ.—Современныя русскія игры и забавы дѣтей.

Игрушки составляютъ собою объектъ, а игры и забавы методъ для нѣкоторыхъ занятій и физическихъ упражненій дѣтей, поэтому какъ тѣ, такъ и другія вполнѣ позволительно разсматривать одновременно, въ одной главѣ.

Какъ только ребенокъ начинаетъ различать окружающіе предметы, то съ этого времени обыкновенно начинаетъ по своему интересоваться ими, тянуться къ нимъ и развлекаться ими. Но чтобы это развлеченіе соединено было съ большимъ удобствомъ и удовольствіемъ, ребенку въ это время обыкновенно начинаютъ предлагать игрушки. Этими игрушками въ свою очередь ребенокъ забавляется подолгу и такимъ образомъ можетъ пріучиться къ спокойному и, если такъ можно выразиться, дѣловому препровожденію времени въ теченіе довольно продолжительнаго срока.

На дѣтскія игрушки издавна обращали серьезное вниманіе первокласные мыслители. Аристотель настаивалъ на томъ, что въ интересахъ воспитанія необходимо изобрѣтать для дѣтей игрушки; иначе дѣти, не имѣя чѣмъ играть, станутъ ломать въ домѣ дѣльныя вещи. Философъ Архитасъ сдѣлался знаменитъ между прочимъ тѣмъ, что изобрѣлъ для дѣтей гремушку. Лафатеръ придумалъ игру въ деревянные кирпичики для постройки.

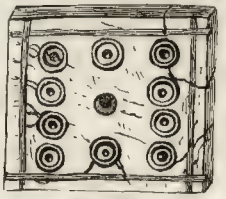
По мнѣнію Локка и Фребеля, излюбленныя игрушки дѣтей могутъ служить первой пробой для пытливости ума и склада характера, каковымъ указаніемъ можно руководиться даже при дальнѣйшемъ воспитаніи ихъ. Кромѣ того есть случаи, по которымъ можно заключить, что игрушка можетъ произвольно направить умъ дитяти въ ту или другую сторону, рано и часто служа ему сначала предметомъ забавы, и потомъ вселяя ему къ себѣ извѣстнаго рода пристрастіе, или даже только хорошо освоивая его съ собою. Таковы вообще всѣ игрушки, такъ называемыя символическія, подготовляющія дѣтей мало по малу къ ихъ будущимъ занятіямъ въ жизни и рано оставляющія слѣдъ на впечатлѣніи дитяти. Въ этомъ случаѣ игрушкѣ можно дать отчасти нѣкоторое педагогическое значеніе. Слѣдуя инстинктивно такому психологическому закону Индіецъ въ Южной Америкѣ (Guarani) и краснокожій въ Сѣверной Америкѣ (Sioux и Algonkin) рано знакомятъ своихъ сыновей съ орудіями охоты и войны, лукомъ и стрѣлами, вѣшая ихъ на колыбели, а дѣвочкѣ тѣ же родители дарятъ бездѣлушки другаго рода. Мальчикъ у Гвинейскихъ негровъ рано получаетъ въ подарокъ лукъ, а дѣвочка палочку для размѣшиванія пищи. Черногорецъ кладетъ въ колыбель возлѣ мальчика пистолетъ и ружье, возлѣ дѣвочки веретено [1]) и т. д. Евреи въ Россіи, по нашему личному наблюденію, считаютъ самой пріятной игрушкой для своихъ дѣтей кошелекъ съ деньгами, который поэтому суютъ имъ въ руки при каждомъ крикѣ и неудовольствіи. Больнаго еврейскаго ребенка чаще всего можно увидѣть въ постели съ кошелькомъ съ деньгами. Если ребенокъ закапризничаетъ и расплачется, суньте ему только монету въ кошелекъ и онъ тотчасъ же успокоится. Вотъ съ какого возраста у евреевъ развивается страсть къ деньгамъ.

Такъ какъ надъ изобрѣтеніемъ игрушекъ болѣе или менѣе трудились почти всѣ народы различныхъ странъ и временъ и такъ какъ съ другой стороны дѣтскія наклонности у всѣхъ народовъ почти одинаковыя, то немудрено поэтому, что одна и та же игрушка или подобная ей повторяется иногда у многихъ народовъ. Кукольныя колыбели,—говоритъ Плоссъ,—которыя мы имѣемъ обыкновеніе дарить нашимъ дѣтямъ, какъ нюрнбергскія бездѣлушки, точно также уже у древнихъ грековъ имѣли свое значеніе. Между достопримѣчательностями храма Юноны въ Олимпіи, Павзаній упоминаетъ о маленькой кроваткѣ, украшенной слоновой костью, которая будто бы была игрушкою Гипподамеіи. Греческія игрушки, въ родѣ шаровъ, колецъ, деревян-

[1]) Ploss. l. c. въ главѣ объ играхъ.

ныхъ коньковъ, различныхъ животныхъ, дѣлавшихся изъ дерева и глины, деревянныхъ палочекъ, служившихъ лошадкою для ѣзды, греческіе обручи и волчки, спускаемые веревкою и подгоняемые кнутомъ, существуютъ у многихъ народовъ и до сихъ поръ почти въ томъ же неизмѣнномъ видѣ. Дѣтскія куклы у грековъ имѣли точно также, какъ и у насъ теперь, окрашенныя деревяныя, восковыя или глиняныя лица; нерѣдко же онѣ дѣлались съ подвижными руками и ногами и т. д. Въ Римѣ любимыми игрушками для дѣтей были мячи и шары, весьма схожіе съ греческими. Гремушки, похожія на греческія, находятъ также въ нѣкоторыхъ гробницахъ первобытныхъ жителей Германіи: онѣ состоятъ изъ двухъ грушеобразныхъ глиняныхъ шаровъ, внутри пустыхъ и спаянныхъ вмѣстѣ, съ вдавленными кругообразными украшеніями и содержащія внутри камешки для постукиванія. Г. Байернъ при своихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ 1871—72 годахъ, на мѣстѣ Самтаврскаго кладбища, близъ селенія Мцхета на Кавказѣ, между прочимъ находилъ маленькія кубическія, иногда окрашенныя кости изъ стопныхъ суставовъ овцы, козы и т. д., употребляемыя и теперь грузинскими дѣтьми для игры въ кости (кочи) [1]).—При раскопкахъ могилъ въ Сарайской Ордѣ (городъ Царевъ на Ахмудѣ), относящихся къ 14-му вѣку,— по свидѣтельству знатока русскихъ древностей И. Е Забѣлина,— находимы были глиняныя свистульки, въ видѣ птичекъ, какія въ ходу у насъ и теперь, сдѣланныя изъ хорошей глины очень чисто. Профессоръ Варшавскаго Университета Д. Я. Самоквасовъ, раскопавшій громадное количество старинныхъ могилъ и кургановъ въ Россіи, сообщилъ мнѣ письменно слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія касательно найденныхъ имъ въ этихъ могилахъ игрушекъ.

I. Въ Черниговскихъ курганахъ «Черной могилѣ» и «Гульбищѣ,» раскопанныхъ мною въ 1872 и 1873 годахъ, — говоритъ г. Самоквасовъ,—между прочимъ найдены были: а) игральныя косточки, извѣстныя нынѣ въ русскомъ народѣ подъ именемъ *зерни* (Фиг. 200 и 201). Каждая косточка представляетъ собою шестигранную призму, въ вершокъ длины, на граняхъ которой вырѣзаны значки, въ видѣ маленькихъ кружковъ, въ количествѣ: на первой гранѣ 1, на второй 2 и т. д. до шести б) Игральныя косточки, извѣстныя подъ именемъ *шашекъ* (Фиг. 202, 203 и 204). Два вида этого назначенія косточекъ различаются формою вершины, высотою и величиною окружности основанія. Каждая кос. точка имѣетъ видъ выточеннаго, орнаментированнаго конуса съ вершиною въ шашкахъ перваго вида плоскимъ кружечкомъ, а въ шашкахъ втораго вида маленькимъ шарикомъ. в) Игральныя кости, представляющія собою естественныя бараньи косточки, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ *бабокъ* (Фиг. 205). г) *Бронзовая копія* игральныхъ *бараньихъ бабокъ* чрезвычайно искусно вылитая въ форму естественной бараньей косточки бабки. д) Вѣроятно, къ разряду игральныхъ костей принадлежатъ также четырехъугольныя и овальныя костяныя пластинки, съ различными знаками, въ видѣ кружковъ и бороздокъ по поверхности. е) Вѣроятно,



Фиг. 200.

Фиг. 201.

Фиг. 202.

Фиг. 203.

Фиг. 204.

Фиг. 205.

также для забавы служили разныя, узорчатыя кости, различной формы, въ видѣ рыбъ, перьевъ и пр. Одна изъ такихъ косточекъ имѣетъ видъ продолговатой, овальной пластинки, украшенной рѣзнымъ узоромъ на поверхности и оканчивающейся кверху лошадиною головою; другая изображаетъ узкую, продолговатую рыбу, въ родѣ щуки; третья имѣетъ видъ широкой рыбы, въ родѣ карася и пр. Форма, величина, устройство и содержаніе Черниговскихъ кургановъ, въ которыхъ найдены были поименованные предметы, подробно описаны въ моихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1876 г. въ Сборникѣ «Древняя и Новая Россія» №№ 3 и 4. Тамъ же изложены основанія, по которымъ сказанные курганы должно быть признаны могилами Славянорусскихъ Князей послѣдняго столѣтія язычества въ Россіи.

[1]) Докторъ Сцепура: по поводу раскопокъ г. Байерна (Протоколъ засѣданія Кавказ. Медиц. Общ. 1875 г., № 16).

II. Въ 1876 г. въ Кіевской Губерніи, въ Каневскомъ уѣздѣ, у с. Яблоновки раскопанъ мною курганъ, заключавшій въ себѣ рядомъ съ другими вещами много бараньихъ косточекъ—бабокъ, подобныхъ такимъ же косточкамъ, найденнымъ въ Черниговскомъ курганѣ, съ тою разницею, что въ Яблоновскомъ курганѣ многія косточки распилены на двѣ половинки и не были въ огнѣ. Яблоновскій курганъ по вещамъ, въ немъ найденнымъ, относится къ скиѳской эпохѣ, ко времени Р. Х. Раскопка эта описана въ моей статьѣ, напечатанной въ «Протоколахъ Московской Антропологической Выставки» подъ заглавіемъ: «искусственные памятники Малороссіи.»

III. Въ могилѣ Самтаврскаго кладбища подъ г. Мцхетомъ, раскопка которой начата была подъ моимъ наблюденіемъ въ присутствіи Тифлисскаго съѣзда археологовъ и докончена г. Байернома, встрѣчены были два взрослые человѣческихъ остова и одинъ дѣтскій. При послѣднемъ найдены были: маленькій глиняный горшочекъ, сердаликовое колечко, бронзовая сережка, бронзовая булавка, желѣзная фибула, осколокъ обсидіана и терракотовая игрушка. Игрушка эта изображаетъ маленькаго голубя въ пустой поверхности котораго помѣщенъ какой-то предметъ, производящій звукъ при сотрясеніи игрушки. (Фиг. 206). Самтаврское кладбище заключаетъ въ себѣ могилы очень длиннаго, почти тысячелѣтняго періода времени и трудно сказать: къ какой именно эпохѣ относится могила, заключавшая въ себѣ описанную игрушку; но во всякомъ случаѣ она не новѣе IV вѣка Христіанской эпохи.

IV. Наконецъ въ моей коллекціи имѣются и другіе предметы, значеніе которыхъ я не могу опредѣлить въ точности, но нѣкоторые изъ нихъ, въ формѣ различныхъ привѣсокъ и бляхъ, изображающіе различныхъ животныхъ и другіе предметы, могли служить какъ для орнаментировки костюма, такъ и для игры и забавы дѣтей».

Кое-гдѣ въ древнихъ языческихъ гробницахъ Европейцевъ находятъ дудки въ формѣ лошадокъ и т. д. Такимъ образомъ, кажется, дѣтскій инстинктъ выбираетъ для игры вездѣ одно и то же. Баронъ Rajacsich видѣлъ, напримѣръ, у южныхъ Славянъ, Кроатъ и Сирмирновъ тѣ же мачики и коньки для катанья на льду, что и у другихъ народовъ. Игрушечный товаръ Китайцевъ и Японцевъ во многихъ отношеніяхъ совершенно похожъ на нашъ, только нѣкоторыя игрушки у нихъ болѣе усовершенствованы, какъ напр. бумажные змѣи, кубари, волчки и т. д., потому что тамъ очень охотно забавляются ими и взрослые люди. Конекъ и маленькая вѣтреная мѣльница, укрѣпленная на одной полочкѣ и съ которой дѣти въ Европѣ, а также въ Японіи и Китаѣ бѣгаютъ противъ вѣтра, уже въ средніе вѣка находились въ рукахъ нашихъ дѣтей, какъ часто можно видѣть въ изображеніяхъ разныхъ картинокъ XVI столѣтія.

Современныя дѣтскія игрушки въ Европѣ составляютъ громадное разнообразіе; но среди этого разнообразія весьма характерную особенность, между прочимъ, играетъ то обстоятельство, что здѣсь съ каждымъ годомъ появляется все болѣе и болѣе каучуковыхъ игрушекъ. Въ 1877 г. вниманіе берлинской полиціи возбуждено было по отношенію къ этому предмету констатированіемъ нѣсколь-

Фиг. 206. Терракотовая игрушка изъ Самтаврскаго кладбища, изображающая голубя (по Самоквасову).

кихъ несчастныхъ случаевъ между дѣтьми, пользовавшимися ими, вслѣдствіе чего полиція поручила закупить въ мѣстныхъ игрушечныхъ лавкахъ животныхъ изъ каучука и подвергнуть ихъ химическому анализу. Во всѣхъ изслѣдованныхъ экземплярахъ найдены весьма значительныя количества окиси цинка (около 60%) въ золѣ, которая въ свою очередь составляла половину игрушки по вѣсу. Такъ какъ подобныя игрушки даются всего чаще маленькимъ дѣтямъ, которыя берутъ ихъ въ ротъ и жуютъ или сосутъ, то легко понять, какія опасныя послѣдствія могутъ быть вызваны употребленіемъ этихъ игрушекъ [1]). Еще вреднѣе эти игрушки дѣлаются въ томъ случаѣ, если онѣ подвергаются окраскѣ не безвредными красками. Такъ, напр., въ продажѣ въ большомъ ходу резиновые, пестроокрашенные мячи для дѣтей: изслѣдованіе показало, что красные рисунки этихъ мячей у иныхъ формъ дѣлались сурными красками, у другихъ киноварными; не говоря уже о несомнѣнно ядовитомъ сурикѣ, даже и киноварь, хотя сама по себѣ и безвредная, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ однако быть причиной отравленія.

Игрушечный аппаратъ, употребляемый дѣтьми простаго народа въ Россіи, вообще не многочисленъ. Изъ Зайковскаго волостнаго правленія, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи намъ сообщаютъ, напримѣръ, что здѣсь въ крестьянскомъ быту дѣтскихъ игрушекъ почти не существуетъ, а если изрѣдка онѣ и бываютъ, то развѣ вродѣ деревян-

[1]) Wiener medicinische Wochenschrift. 1877. S. 236.

ныхъ крашеныхъ яичекъ и хлебальныхъ ложекъ. Изъ другихъ мѣстъ намъ сообщаютъ, что какая-нибудь палочка, простая ложка, ножъ, гвоздь, камень, баночки и т. п. составляютъ все количество игрушекъ, съ которыми выростаетъ ребенокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, для ребенка дѣлаютъ домашнимъ образомъ или покупаютъ для него на рынкѣ погремушки, имѣющія видъ маленькихъ коробочекъ, деревянныхъ или берестяныхъ, иногда раскрашенныхъ, на палочкѣ и съ камушкомъ внутри. За этою первою и наиболѣе распространенною игрушкою, слѣдуютъ свистульки, сдѣланныя изъ красной или бѣлой глины и большею частью въ формѣ пѣтуха или утки. Затѣмъ мальчикамъ даютъ дудки, большею частью домашняго приготовленія, — изъ дерева, ягеля, стрѣлы лука и т. д.; дѣлаютъ колесики, иначе, два выпиленныхъ колеса на оси, къ которой придѣлана палочка для катанья; дѣлаютъ тележки, коньки или, иначе говоря, палку для катанья на ней верхомъ, а на переднемъ концѣ ея вырѣзана примитивнымъ образомъ головка, или передняя половина коня, или наконецъ насаженъ цѣлый деревянный, рѣзной, купленный конекъ; для дѣвочекъ—иногда покупаютъ деревянныя рѣзныя куклы, крашеныя или некрашеныя; для нихъ-же покупаютъ иногда деревянныхъ рѣзныхъ коровъ, овечекъ и т. п. Затѣмъ, когда мальчикъ подрастаетъ, дѣлаетъ самъ себѣ кубари, волчки, трещетки, цыкалки (трубка съ поршнемъ, въ которую набирается вода и выпрыскивается въ окружающіе предметы), фурчалки (для этого какая-нибудь кость просверливается въ двухъ, трехъ мѣстахъ, въ которыя продѣваются бичевки; послѣднія нѣсколько закручиваются и быстро растягиваются, при чемъ кость при вращеніи издаетъ звукъ, называемый фурчаньемъ), змѣи, лукъ, стрѣлы, хлопушки, иногда получаетъ въ подарокъ маленькую гармонію, полутора-копѣечныя гусли, бубенъ, увѣшиваетъ себя бубенцами и счастливый, и довольный играетъ съ своими сверстниками цѣлые дни на улицѣ. Дѣвочка, подростая, старается иногда сама устроить себѣ нѣсколько куколъ изъ какихъ-нибудь тряпокъ и лоскутковъ; но большею частью дѣвочки уже рано, съ 6,7,8-ми-лѣтняго возраста дѣлаются нянъками своихъ маленькихъ братій и сестеръ, и такимъ образомъ уже рано начинаютъ труженическую дѣловую жизнь.

Дѣтскія игры по характеру своему составляютъ одинъ изъ видовъ дѣятельности организма. Дѣятельность эта, впрочемъ, существенно отличается отъ серьезной работы. Каждая серьезная работа имѣетъ цѣлью удовлетвореніе какихъ-либо практическихъ задачъ жизни; между тѣмъ какъ игра не задается никакою предвзятою цѣлью; но по выраженію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ, трудившихся надъ опредѣленіемъ игры по существу, она сама по себѣ составляетъ и цѣль, и дѣйствіе, и наслажденіе. Поясникъ это примѣромъ. Передъ нами котенокъ, только что научившійся ходить; ему попался на глаза шарикъ, который котенокъ пытается передвинуть съ мѣста на мѣсто. Шарикъ двигается, а вмѣстѣ съ нимъ двигается и котенокъ. Это первая попытка къ игрѣ. Но вотъ котенокъ подросъ и шарикомъ играетъ уже безъ устали цѣлые часы. Въ этой безустанной игрѣ котенка съ движущимися предметами нѣкоторые видятъ первыя упражненія его, хотя и безсознательныя, къ ловлѣ мышей и строго отличаютъ эту дѣятельность отъ той, которою потомъ проникается взрослая кошка, дѣйствительно выступающая на ловлю мышей и уже, такъ сказать, задавшись опредѣленною цѣлью.

По изложенному такимъ образомъ понятію, игра есть дѣйствіе, совершающееся безъ предвзятой цѣли, въ силу однихъ только внутреннихъ физіологопсихическихъ потребностей и побужденій, при чемъ организмъ находитъ себѣ полное удовлетвореніе. Подъ это понятіе объ игрѣ мы теперь безъ труда можемъ подвести уже массу разнообразныхъ случаевъ. Такъ первая попытка ребенка къ движенію своими членами, первыя неумѣлыя и забавныя попытки его къ пользованію своими руками и ногами,—съ нашей точки зрѣнія должны быть разсматриваемы уже, какъ первыя попытки его къ играмъ. По мѣрѣ возрастанія ребенка примитивныя формы движеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и игръ его мало по малу разнообразятся и совершенствуются, достигая наконецъ довольно сильныхъ движеній, каковы: бѣганье, прыганье, танцы и т. д.; но если всмотрѣться въ существенную сторону и причину этихъ движеній, то мы скоро замѣтимъ, что они составляютъ результатъ опять-таки потребностей юнаго организма, живущаго сначала чисто животною жизнью, на первомъ планѣ которой стоитъ пластическая дѣятельность.

Отмѣтимъ далѣе тотъ фактъ, что чѣмъ юнѣе животный организмъ, тѣмъ рѣзче дѣйствія его носятъ на себѣ характеръ автоматическихъ, или рефлективныхъ движеній; наоборотъ, чѣмъ болѣе подрастаетъ животный организмъ, тѣмъ замѣтнѣе онъ стремится принять наиболѣе активное, или самостоятельное участіе во внѣшнемъ мірѣ. Отсюда становится понятнымъ явленіе слѣдующаго рода: въ то время, какъ въ самомъ раннемъ возрастѣ ребенокъ играетъ почти исключительно своими членами, руками и ногами, потомъ, по мѣрѣ развитія организма, у него является уже потребность, правда, сначала весьма темная, но впослѣдствіи все болѣе и болѣе сознательная для пользованія въ формѣ игры предметами изъ внѣшняго міра. Если полугодовому ребенку попадается подъ руку какой-нибудь лоскутокъ, особенно цвѣтной матеріи,

то онъ играетъ имъ уже съ удовольствіемъ; дадутъ-ли такому ребенку въ руки погремушку, мячъ и т. п., онъ играетъ ими также съ наслажденіемъ. Но чтобы развлеченіе внѣшними предметами соединено было для дѣтей съ большимъ удобствомъ, то для забавы ихъ придуманы разнообразныя игрушки, въ изобрѣтеніи которыхъ, какъ мы видѣли выше, принимали участіе многіе народы и даже иногда первоклассные мыслители.

Когда ребенокъ выучится пользоваться внѣшними предметами, то онъ мало по малу начинаетъ въ своихъ играхъ подражать уже другимъ. Такъ маленькаго ребенка поражаетъ крикъ птицы, лай собаки, мяуканье кошки и онъ играя старается подражать имъ. Посмотрите на подрастающаго, бѣгущаго мальчика, — рѣдко онъ бѣжитъ просто, но большею частью старается при этомъ подражать кому-либо изъ окружающихъ: отцу, брату, лошади и т. д. Гдѣ-нибудь въ углу вы видите дѣвочку съ куклами: она ихъ моетъ, чешетъ, кормитъ, поитъ, занимаетъ пріятными разговорами, — словомъ копируетъ въ игрѣ свою мать, сосѣдку, или другую женщину, которыхъ чаще видитъ передъ собою. Во Франціи есть дѣтская игра, прямо носящая названіе «*подражаніе — l'imitation*», состоящая въ томъ, что кто-нибудь побойче и комичнѣе бѣжитъ впередъ и дѣлаетъ всевозможныя смѣшныя тѣлодвиженія. Остальныя слѣдуютъ за нимъ вереницей и продѣлываютъ то же самое. При ловкомъ вожакѣ игра вызываетъ большое оживленіе и много смѣха. Въ Германіи есть игра подъ названіемъ «*комическій концертъ*», составляющій забаву большею частью подростковъ и состоящій въ томъ, что одинъ изъ нихъ поетъ, а остальныя акомпанируютъ, изображая изъ себя различные инструменты, напр., цитру, віолончель, скрипку, кларнетъ, фортепіано, и по возможности подражая звуками этимъ инструментамъ. Подражанія въ играхъ взрослымъ встрѣчаются также у дѣтей и некультурныхъ народовъ, какъ увидимъ ниже.

Ребенокъ, подражая другимъ въ играхъ и такимъ образомъ невольно научившись отъ нихъ тому или другому, теперь пробуетъ нѣсколько далѣе подвинуться на пути къ своему самообразованію и въ душѣ его возникаетъ потребность анализа. Сначала этотъ анализъ выражается весьма примитивно, а именно: ребенку, напр., нравится какая-нибудь игрушка; долго играя ею на разные лады, онъ наконецъ чувствуетъ неудержимое влеченіе познакомиться съ внутреннимъ ея устройствомъ, а чтобы достигнуть этого онъ рѣшается на жестокое дѣло— сломать эту игрушку. Послѣ того, ребенокъ долго смотритъ съ тяжелою грустью на разломанную игрушку, самъ хорошенько не понимая, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ; но тѣмъ не менѣе дѣло сдѣлано и теперь онъ снова пробуетъ возсоздать утраченную игрушку или даже устроить другую, можетъ быть, въ лучшемъ родѣ, при чемъ иногда является ему помощниками цѣлая коллегія подобныхъ ему любителей анализа и возстановителей разломаннаго и при томъ все это дѣлается въ формѣ игры.

Отъ анализа ребенокъ скоро переходитъ къ творчеству. Посмотрите на мальчика, ѣдущаго на палочкѣ верхомъ! Какія онъ выдѣлываетъ штуки! Начать съ того, что палку онъ воображаетъ лошадью, самъ себя какимъ-то необычайнымъ ѣздокомъ,—онъ бьетъ лошадь кнутомъ, лошадь ржетъ, бѣжитъ, прыгаетъ, галопируетъ, бьетъ копытомъ, стремится разбить всадника, но всадникъ удерживается, а необузданная лошадь примѣрно наказывается. Посмотрите на другія игры дѣтей. Всякая игра имѣетъ свои особенности и права, которымъ дѣти обыкновенно стараются подчиняться; но за всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной игры такой, въ которой бы дѣти не фантазировали по своему и при томъ каждый согласно съ своими душевными качествами. Попробуйте какую либо игру поставить въ строгія опредѣленныя рамки и вы тотчасъ же увидите, что дѣти теряютъ въ ней свою веселость, одушевленіе, она дѣлается имъ скучною, какъ обязательный урокъ, или педантическая гимнастика, которой живыя дѣти просто не выносятъ. Наоборотъ самая развеселая, самая оживленная игра та, въ которой дѣти возможно болѣе прикладываютъ своего воображенія, творчества и самодѣятельности. Въ такихъ-то играхъ дѣти бываютъ наиболѣе дѣятельными и участливыми субъектами и о такихъ-то играхъ опять можно сказать, что онѣ составляютъ собою результатъ внутренней дѣятельности дѣтскаго организма. Къ разряду творческихъ игръ принадлежатъ между прочимъ такъ называемыя *символическія* игры, а именно: игры въ звѣри, птицы, солдатики, разбойники и т. п.

На ряду съ играми, ведущими дѣтей къ саморазвитію, слѣдуетъ поставить также тѣ, которыя по характеру своему довольно близко стоятъ уже къ практическому опыту и житейскимъ потребностямъ. Сюда слѣдуетъ отнести прежде всего тѣ игры, съ помощью которыхъ дѣти научаются первому счету, первымъ правиламъ строенія, черченія, пѣнія, состязанія въ стойкости и т. д. Это именно тѣ игры, которыя еще со временъ Платона рекомендуются педагогамъ, какъ первыя пробы для обнаруженія природныхъ наклонностей, степени дарованій, пытливости ума и даже склада характера. Съ другой стороны это тѣ игры, которыми педагоги еще со временъ Аристотеля стараются пользоваться для того, чтобы съ помощью ихъ произвольно направлять умъ дитяти въ ту или другую сторону, рано вселяя въ его душу любовь къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ и такимъ обра-

зомъ мало по малу подготовляя его къ будущимъ занятіямъ въ жизни.

Къ разряду игръ, ведущихъ дѣтей къ саморазвитію, слѣдуетъ наконецъ отнести *общественныя* дѣтскія игры, составляющія собою наивысшій моментъ для окончательной подготовки дѣтей къ практической дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если общеніе съ себѣ подобными доставляетъ человѣку вообще плодотворный источникъ для нравственной пищи, серьезно оживляетъ умъ, облагораживаетъ и молодитъ его, то это общеніе составляетъ еще большую необходимость и потребность для ребенка. Среди своихъ товарищей онъ чувствуетъ себя какъ бы въ родственномъ, братскомъ кружкѣ. Вслѣдствіе общенія съ товарищами и соревнованія между ними у ребенка пробуждается и возгарается не мало новыхъ работъ для умственной жизни. Не даромъ же говорятъ, что жизнь возгарается отъ жизни, какъ пламя отъ пламени. Въ этой оживляющей школѣ у ребенка является наибольшая изобрѣтательность, остроуміе, рѣшительность, смѣлость; здѣсь слагаются у дѣтей впервые заботы объ общественныхъ интересахъ и уваженіе къ нимъ, завязывается дружба, симпатіи; здѣсь же вырабатываются и первыя понятія о необходимости строгой дисциплины въ каждомъ дѣлѣ и субординаціи условно поставленнымъ вожакамъ. Посмотрите, для примѣра, сколько требуется силъ душевныхъ и тѣлесныхъ для игры, извѣстной у насъ въ Россіи, подъ названіемъ «Лапта».—Начнемъ съ того, что при самомъ первомъ выборѣ вожаковъ со стороны дѣтей требуется не мало проницательности и осторожности, а за тѣмъ въ исполненіи самой игры, напоминающей собою какъ бы родъ войны, сколько требуется искусства, ловкости, проворности, находчивости и т. д. Эта игра между прочимъ въ большомъ почетѣ у Американцевъ, которые собираются для нея большими массами, напр., человѣкъ до трехъ сотъ, состоящихъ преимущественно изъ юношей; для игры иногда они занимаютъ цѣлое поле, на которомъ для бѣгущихъ устраиваются разнаго рода препятствія, а именно: канавы, заборы, барьеры изъ колючаго кустарника и т. д.

На основаніи сказаннаго до сихъ поръ относительно дѣтскихъ игръ, нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) игра не есть какая нибудь особая, спеціальная форма дѣятельности, которая при томъ можетъ быть допущена или не допущена, смотря по усмотрѣнію; наоборотъ она есть выраженіе потребности организма къ дѣятельности, обусловливаемой только степенью меньшаго развитія и зрѣлости тѣла и духа въ извѣстномъ возрастѣ. 2) Вызывая ребенка на разнообразныя движенія и напряженія духа и тѣла, разумѣется, посильныя, игра тѣмъ самымъ значительно содѣйствуетъ развитію и укрѣпленію физическихъ и духовныхъ силъ его, служа такимъ образомъ прекрасной подготовительной школой для практической, дѣловой жизни. 3) Играми можно пользоваться съ величайшимъ успѣхомъ, правильно и методически въ подготовкѣ для достиженія самыхъ разнообразныхъ задачъ. Такъ, знакомясь въ играхъ съ природой, ребенокъ невольно изучаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и различныя особенности ея, начиная съ минераловъ до животныхъ. Играя въ камешки, ребенокъ невольно изучаетъ свойства различныхъ породъ ихъ: мягкость, твердость, вѣсъ, форму, цвѣтъ и т. д. Играя въ палки, ребенокъ съ ранняго возраста знакомится съ различными свойствами различныхъ древесныхъ породъ. Въ играхъ ребенокъ узнаетъ массу названій и свойствъ животныхъ, встрѣчаясь съ которыми старается еще точнѣе изучать ихъ свойства сначала, конечно, для игры, а потомъ это можетъ частью пригодиться и въ остальной жизни. Путемъ игръ ребенокъ впервые научается опредѣлять *пространство*, пріучается къ *глазомѣру*, *соразмѣренію* своихъ силъ; путемъ игръ ребенокъ изощряетъ свои *чувства*, пріучается къ *объясненіямъ*, *правильности*, *образности*, *быстротѣ* рѣчи и т. д. Далѣе въ играхъ дѣти научаются сообразовать свое *поведеніе* съ поведеніемъ другихъ, что въ свою очередь весьма важно въ смыслѣ ранняго пониманія каждымъ своихъ общественныхъ отношеній къ другимъ, ребенокъ научается неуклонному чувству справедливости и точной и здравой оцѣнкѣ другихъ. Значеніе игръ въ *умственномъ* отношеніи основывается прежде всего на развитіи способности къ наблюденіямъ и быстротѣ соображеній, на развитіи памяти, логичности, находчивости, остроумія отвѣтовъ и т. д.

Не менѣе важно значеніе дѣтскихъ игръ прямо спеціально для здоровья. Задача медицинской науки состоитъ не въ томъ только, чтобы *исцѣлять болящихъ*, но и *предотвращать болѣзни*. Съ этою послѣднею цѣлью медицинская наука должна направлять съ дѣтства жизнь человѣка къ тѣмъ путямъ, на которыхъ организмъ каждой личности въ отдѣльности, равно какъ всего общества, пользовался бы наилучшимъ здоровьемъ. Для обезпеченія этого положенія первое, что нужно,—это крѣпость силъ и неуязвимость здоровья. Но какъ достигнуть этого? Путемъ постепеннаго укрѣпленія организма съ ранняго возраста, а одно изъ лучшихъ, вѣрнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ средствъ для этого въ раннемъ возрастѣ—дѣтскія игры. Мы видѣли выше, что ребенокъ охотно начинаетъ играть чуть-ли не со дня рожденія и что онъ любитъ, ищетъ игру не для пустаго препровожденія времени, а въ силу своихъ естественныхъ потребностей, при томъ, чѣмъ больше онъ подростаетъ, тѣмъ болѣе разнообразитъ свои игры, производя вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразныя

упражненія, соотвѣтствующія разнообразнымъ потребностямъ своего организма. Сколько же такимъ образомъ въ играхъ дается поводовъ для цѣлесообразнаго направленія ихъ въ пользу общаго развитія и здоровья дѣтей. Присоедините сюда еще то обстоятельство, что большинство игръ производится на чистомъ воздухѣ, гдѣ кровь, по выраженію нѣкоторыхъ гигіенистовъ, какъ золото въ горнилѣ, очищается усиленнымъ дыханіемъ, освобождаясь отъ накопившейся въ ней угольной кислоты и другихъ вредныхъ частей и такимъ образомъ содѣйствуя лучшему питанію организма. Наши крестьянскія дѣти, живущія, повидимому, вопреки требованіямъ гигіены, только тѣмъ и живы, только тѣмъ и поддерживаютъ свое завидное передъ городскими дѣтьми здоровье, что безпрестанно живутъ и играютъ на воздухѣ. Кромѣ того, играя на воздухѣ, дѣти съ раннихъ поръ пріучаются къ тому климату, въ которомъ суждено имъ жить, равно какъ ко всѣмъ перемѣнамъ этого климата, а усиленныя движенія на воздухѣ во время игръ наилучше защищаютъ ихъ отъ многихъ неблагопріятныхъ вліяній сколько нибудь неблагопріятнаго климата, чѣмъ чопорная прогулка. Къ сожалѣнію, въ городахъ ни семья, ни школа, ни общество не даютъ дѣтямъ въ этомъ отношеніи надлежащаго простора. Семья это дѣлаетъ частью изъ невѣжества, частью изъ личной трусливости относительно простуды и наконецъ частью изъ глупаго тщеславія модной, дѣтской одеждой, лишающей ребенка возможности поиграть свободно. Современная школа, вообще говоря, прямо противодѣйствуетъ дѣтскимъ играмъ и именно тѣмъ, что почти всецѣло отнимаетъ у ребенка время на школьныя занятія, не оставляя ему ни малѣйшаго досуга для игръ. Мальчикъ, прогуливающій много времени за играми, конечно поступаетъ неблагоразумно; но не хорошо поступаетъ и старый педагогъ, обременяющій изо дня въ день непосильной работой своего маленькаго ученика, не оставляя ему свободнаго времени для игры. Иногда усердный педагогъ дѣйствуетъ такъ съ добрымъ намѣреніемъ, зная, какъ много требуется въ настоящее время отъ человѣка, желающаго пользоваться успѣхомъ въ жизни; но безъ сомнѣнія и въ добрыхъ желаніяхъ слѣдуетъ соблюдать мѣру! Если вслѣдствіе большихъ досуговъ для игръ ребенокъ выучитъ однимъ вокабуломъ меньше, то лучше за это оставить его лишній день въ школѣ, чѣмъ лишать существенно необходимыхъ для школьниковъ движеній, зная, что за то впослѣдствіи изъ него выйдетъ здоровый, сильный, практическій и предпріимчивый человѣкъ! Общество наше совсѣмъ не цѣнитъ важности игръ для дѣтей, какъ это дѣлали, напр., древніе Греки, поощрявшіе ловкость и силу движеній въ играхъ одинаково, наряду съ наградами за искусство и ученые труды. Наше же общество, до сихъ поръ коснѣя въ своей средневѣковой рутинѣ, еще и не начинало серьезно предпринимать ничего такого, что бы напоминало собою общественныя игры для дѣтей и что, по заявленію врачей, значительно могло бы содѣйствовать развитію силъ и здоровья дѣтей. Скажемъ болѣе,—эти учрежденія особенно необходимы для насъ, русскихъ, когда мы начинаемъ вести культурную жизнь и особенно въ нашемъ климатѣ, когда нашимъ дѣтямъ волей—неволей приходится черезъ чуръ много времени оставаться въ четырехъ стѣнахъ,—дома или въ школѣ и дышать здѣсь весьма нечистымъ воздухомъ, особенно при нашей нелюбви къ вентиляціи и плохо сознаваемой важности ея для здоровья. Города и общества, движимые любовію къ своимъ дѣтямъ и желающіе гармоническаго развитія духа и тѣла ихъ, могли бы для дѣтскихъ игръ устроить приспособленія, напр., въ нѣкоторыхъ изъ своихъ площадей. Въ средней Европѣ до сихъ поръ еще очень мало заведеній въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ проэктируемъ, но Англія въ этомъ отношеніи ушла уже нѣсколько впередъ сравнительно съ другими государствами. Теперь въ Англіи уже нѣтъ города, въ которомъ бы не было площади, назначенной для общественныхъ игръ. Тамъ даже каждая деревенская школа, каждая сельская община имѣетъ свое особое мѣсто для игры въ крикетъ, свою площадь для игры въ мячъ; въ этихъ играхъ принимаютъ иногда участіе даже взрослые; поэтому и народонаселеніе Англіи вообще сильнѣе народонаселенія другихъ странъ, за исключеніемъ фабричныхъ округовъ, въ которыхъ народъ весь сплошь представляетъ грустную картину человѣческой природы.

Время игръ—это элементарный классъ жизни, а безпрестанная забота о развитіи дѣтей съ этого времени есть вопросъ жизни государствъ.

Послѣ такого разъясненія важности игръ въ дѣлѣ воспитанія и здоровья любопытно знать: какъ люди относились прежде и относятся теперь къ дѣтскимъ играмъ? О первобытныхъ народахъ въ этомъ отношеніи мы имѣемъ чрезвычайно мало свѣдѣній. Старинные лѣтописцы, увлекаясь болѣе политическимъ строемъ жизни взрослыхъ людей, описаніемъ ихъ войнъ и характеровъ предводителей, дѣтямъ обыкновенно удѣляли слишкомъ мало вниманія, а потому и объ играхъ ихъ оставили намъ крайне мало свѣдѣній. Впрочемъ, судя по тому, что мы видимъ теперь у народовъ примитивной культуры, мы должны допустить, что а) игры во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были непремѣнно; b) что многія изъ игръ представляли большую оригинальность, смотря по свойствамъ и образу жизни народа; с) что, однако, множество игръ у разныхъ народовъ представляли и большое сходство между собою. Изъ всѣхъ древнихъ народовъ наибольшимъ уваженіемъ дѣтскія игры пользовались въ древней Греціи, гдѣ онѣ стояли

на ряду съ гимнастическимъ, музыкальнымъ и изящнымъ образованіемъ и были плодомъ стремленія Грековъ къ прекрасному, такъ какъ здѣсь также требовалась изящная соразмѣрность, самообладаніе и ловкость тѣла, безъ чего у Грековъ не обходилось ни одно дѣло. Поэтому въ Греціи имѣлись даже особые дома для игръ, особенно для игры въ мячъ; особые законы и учителя для игръ, въ которыхъ нерѣдко принимали участіе очень почтенные люди. Агезилай, знаменитый царь Спартанцевъ, какъ разсказываетъ Плутархъ, ѣздилъ съ сыномъ своимъ верхомъ на палочкѣ и въ этомъ занятіи заставали его въ средѣ играющей молодежи. Сократъ также позволялъ себѣ подобнаго рода удовольствія, чѣмъ и возбуждалъ смѣхъ въ Алквіадѣ. — Грасбергеръ [1]) приводитъ еще слѣдующія игры греческой молодежи: 1) состязаніе въ стойкости. Одинъ изъ играющихъ перетягиваль къ себѣ другаго, и каждый изъ нихъ старался твердо устоять на своемъ мѣстѣ. 2) Состязаніе на цыпочкахъ. Становились на цыпочки, вытягивая руки высоко надъ головою и махая ими взадъ и впередъ. 3) Хожденіе на пяткахъ, извѣстное въ гимнастикѣ упражненіе. 4) Прыганіе. Производились всякаго рода упражненія, что и нынѣ еще въ большомъ ходу. Отличали между прочимъ, такъ называемое, скаканье по мѣху. «Играющій становился на мѣхъ, наполненный воздухомъ или даже виномъ и весь вымазанный масломъ или жиромъ, и смотря по своей ловкости старался устоять на одной ногѣ или даже прыгать и плясать на немъ. Многіе изъ окружающихъ, конечно, тщетно пытались удержаться и скользили, пока наконецъ одному изъ нихъ не удавалось устоять на скользкой поверхности; если мѣхъ былъ наполненъ виномъ, то оно доставалось побѣдителю въ награду». 5) Мѣдная муха. Одному изъ играющихъ завязывались глаза. Ничего не видя, онъ то и дѣло вертѣлся вокругъ, то и дѣло восклицая: «Я изловлю мѣдную муху».—Соучастники въ игрѣ отвѣчали: «лови, да не поймать тебѣ ее!» и всячески дразнили и теребили вертящагося, пока ему не удастся схватить кого-либо изъ играющихъ. Тогда пойманный въ свою очередь становился ловцомъ. 6) Погоня. Одинъ изъ играющихъ сидитъ, закрывъ глаза, среди товарищей. Когда послѣдніе вдругъ разсыплются, онъ пускается въ погоню за бѣгущими и старается отыскать, гдѣ они спрятались. А тѣмъ временемъ каждый изъ играющихъ старается завладѣть мѣстомъ, которое занималъ преслѣдующій. Этой игрѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ и теперь практикуемый во всей Европѣ—бѣгъ въ запуски. 7) Игра въ жмурки. Одинъ изъ товарищей съ завязанными глазами старается поймать бѣгущихъ и прячащихся товарищей, которые быстро отъ него увертываются. 8) Игра въ горшки. Одинъ изъ присутствующихъ, прозванный горшкомъ, садился среди толпы и его теребили до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось схватить другаго на свое мѣсто. Или одинъ изъ мальчиковъ, поддерживая лѣвою рукою горшокъ на своей головѣ, долженъ былъ на бѣгу ударомъ ноги сшибить другаго, который и замѣнялъ его. 9) И нынѣ еще всѣмъ извѣстная игра въ жгуты. 10) Игра въ царя. Одного изъ мальчиковъ по жребію назначали царемъ: въ этомъ качествѣ онъ властенъ былъ раздавать приказанія, задавать работу своимъ подданнымъ и солдатамъ и поддерживать порядокъ. 11) Игра въ колья. Колъ изъ твердаго дерева завостряли съ толстаго конца, потомъ вбивали его въ рыхлую землю и старались стоявшій колъ сбить другимъ такъ, чтобы послѣдній тутъ же сталъ на мѣсто перваго. 12) Игра въ черепки. Играющіе дѣлились чертой на двѣ половины. Потомъ одну сторону черепка или раковины покрывали смолою. Осмоленная сторона называлась ночною, а неосмоленная—денною. Стоявшіе по одну сторону разъединяющей черты назывались дѣтьми ночи, а по другую дѣтьми дня. По размѣщеніи играющихъ и осмолкѣ черепка, одна изъ сторонъ бросала послѣдній вверхъ. Упавъ на землю черепокъ своею поверхностью, обращенной къ свѣту, обозначалъ побѣдителей. Толпа послѣднихъ бросалась на противниковъ. Пойманный прозывался осломъ и садился на землю. 13) Рикошетъ. Въ Греціи мальчики, стоя на берегу рѣки, бросали камешки въ воду, заставляя ихъ рикошетомъ скакать по поверхности,—все тоже, что и у насъ нынѣ. 14) Подкидка. Старались къ стѣнѣ или къ дереву подбросить черепокъ такъ, чтобы онъ легъ въ предѣлахъ отведеннаго пространства. 15) Перелетка. «Въ лежащій на землѣ, прежде туда брошенный черепокъ, а не то въ монету старались попасть другимъ черепкомъ такъ, чтобы первый перевернулся при этомъ на другую сторону». 16) Метаніе въ запуски. Кружечки бросались такъ, чтобы они легли внутрь очерченнаго круга. 17) Метаніе въ ямки. Кубики, косточки, желуди и т. п. кидались въ приготовленную для того ямку. 18) Метаніе бобовъ. Сушеные бобы, гладкіе камешки и т. п. бросались между пальцами лѣвой руки и подбрасывались въ тактъ правою, или же быстро откидывались прочь. 19) Верченіе монеты. Монету ставили ребромъ и заставляли ее вертѣться подобно волчку, и потомъ старались, пока она вертится, пальцемъ вновь остановить ее на ребрѣ. 20) Игра съ пятью камешками. Вскидывали пять камешковъ или кубиковъ (остроголовъ) съ ладони и старались поймать ихъ обратною стороною кисти. (Та же игра въ камеш-

[1]) Dr Lorenz Grasberger, Erziehung und Unterricht in klassischen Altertum 18.4. Th. I.

ки и у нашихъ дѣтей). 21) Игра въ жука. Къ ниткѣ привязывали лѣснаго жука и влекли его такимъ образомъ по воздуху. 22) Кубари у греческой молодежи были уже въ большомъ ходу, какъ и теперь. То же можно сказать о слѣдующей игрѣ. 23) Гонка обручей, существующая и до сихъ поръ во всей Европѣ и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. 24) Игра въ мячъ. Ее въ богатырскую эпоху уже очень любили въ Греціи; и какъ въ Египтѣ, Римѣ, такъ и здѣсь ею занимались и старъ и младъ, такъ что игра эта составляла особый отдѣлъ школьной гимнастики. Самыя важныя игры въ мячъ были слѣдующія: а) Эпискиросъ (ἐπίσκυρος), эфебикé (ἐφηβική), эпикойносъ (ἐπίκοινος). Играющіе разбивались чертой на двѣ половины. Граничная черта состояла изъ камней, сложенныхъ въ рядъ или въ кучи, а на нихъ клали мячъ. Позади обѣихъ играющихъ партій съ каждой стороны проводилось еще по черѣ. Послѣднія находились другъ отъ друга на разстояніи, превышающемъ полетъ мячика. Одинъ изъ игроковъ, взявши мячикъ, старался закинуть его чрезъ головы противниковъ за черту позади ихъ; противники стараются поймать мячъ на лету и тѣмъ же порядкомъ закинуть его на другую сторону. Такимъ образомъ продолжали перебрасывать мячикъ взадъ и впередъ, пока одна изъ игравшихъ партій незагонила другую за заднюю черту. b) Файнинда (φαινίνδα). Дѣлали видъ будто хотятъ бросить мячикъ въ одного или другаго изъ играющихъ, потомъ вдругъ швыряли его совершенно въ неожиданномъ направленіи и такимъ образомъ обманывали товарищей. c) Апорраксисъ (απορραξις). Эластическій мячъ бросали на полъ, онъ отпрыгивалъ и по немъ вновь ударяли рукою. Тотъ, кто не прерывая дѣлалъ это долѣе всѣхъ, считался побѣдителемъ. А побѣжденный точно также, какъ и въ другихъ играхъ, назывался осломъ (ὄνος). d) Уранія (ὐρανιά). Перегнувшись назадъ бросали мячъ вверхъ. Каждый играющій старался вскинуть выше. e) Арпастонъ (ἁρπαστόν). Опять ловля мячика. Бросали мячъ вверхъ и каждый изъ играющихъ старался поймать его. Тотъ, кому, удалось это бросалъ его съизнова. Мячи были разныхъ величинъ и разнаго свойства. Помимо приведенныхъ здѣсь простыхъ игръ было еще много другихъ весьма искусныхъ, служившихъ настоящимъ народнымъ увеселеніемъ. 25) Водопроводная трубка. Въ воду опускалась трубочка. Потѣшались тѣмъ, что вода не входила въ нее, пока верхнее отверстіе заткнуто пальцемъ. Настоящими гимнастическими играми были: 26) Перетягиваніе. Играющіе разбивались на двѣ партіи. Каждый изъ мальчиковъ старался перетянуть на свою сторону противника. 27) Перетягиваніе канатомъ. Эта игра и нынѣ довольно извѣстна, а потому не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. 28) Взлезаніе по канату, занимающее и въ современной гимнастикѣ видную роль. 29) Ѣзда на закоркахъ. Сначала два мальчика бросали шариками или камнями въ межевой знакъ, стоящій въ нѣкоторомъ отдаленіи. Тотъ, кто его опрокидывалъ, былъ побѣдителемъ и переносился противникомъ до этого камня. Побѣдитель при томъ закрывалъ глаза противнику. 30) Прыганье на спину. Наша чехорда. 31) Угадай кто тебя ударилъ? Одинъ изъ играющихъ закрывалъ глаза рукою, побѣдитель ударялъ его по щекѣ и спрашивалъ какою рукою онъ ударилъ. 32) Щелчки по носу. Старались выдерживать такъ разныя движенія рукою или прикосновеніе къ носу, чтобы не моргнуть глазомъ. 33) Веревочная качель. Веревка прикрѣплялась по обоимъ концамъ, но не натягивалась туго и служила такимъ образомъ качелью. 34) Качельный снарядъ. Наши качели съ сидѣньемъ и доской. 35) Ходули. 36) Покажись милый Богъ солнца.[1]) Такъ хлопая въ ладоши, восклицали Эллинскіе мальчики, когда въ пасмурную погоду облака заволокутъ солнце. 37) Черепаха. Игра въ вопросы и отвѣты, переходящая въ хороводы или горѣлки. 38) Живѣй вы, маліады, живѣй реи, живѣй мелінки! Такими возгласами игравшія дѣвочки ободряли другъ друга, чтобы оживить игру и бѣготню. 39) Игра въ поцѣлуи. Дѣтей, которыхъ хотѣли цѣловать, брали за уши или, наоборотъ, давали имъ брать такъ же себя. 40) Игра въ ладоши. Извѣстная народная забава, которая и теперь еще въ ходу у мальчиковъ и дѣвочекъ. 41) Поискъ въ дрожжахъ. Игравшему завязывали на спинѣ руки и онъ долженъ былъ губами вытащить какую нибудь вещь изъ сосуда, наполненнаго дрожжами. 42) Ременный свертокъ. Два ремня искусно переплетались и колъ протыкался между ними такъ, что ихъ нельзя было распустить. 43) Четъ или нечетъ. Одинъ изъ играющихъ предлагаетъ противнику угадать, четное или нечетное число у него бобовъ, монетъ и т. п. въ рукѣ. Если тотъ угадалъ, то получаетъ содержимое, если же нѣтъ, то долженъ добавить одно очко, такъ чтобы вышло то, что онъ сказалъ. Помимо всѣхъ этихъ увеселеній въ нѣкоторыхъ древнихъ сочиненіяхъ упоминается еще о разныхъ играхъ, родъ и значеніе которыхъ съ достовѣрностью не изслѣдованы [2]).

Въ Римѣ одной изъ распространенныхъ игръ была игра въ мячъ, которыхъ было три рода. Маленькій настоящій игральный мячикъ, набитый перьями, назывался pilax. Его перебрасывали двое другъ другу, или по очередно, или одновременно, и потомъ ловили.

---

[1]) По русски: Солнышко, ядрышко, выглянь въ окошечко, твои дѣти плачутъ, на улицу хочутъ.

[2]) К. Шмидтъ: Исторія педагогики. Перев. Циммермана. Т. I, стр. 156—60. 1877.

Большій по объему, но вмѣстѣ и самый легкій, шаръ былъ follis. Это былъ изъ тонкой кожи мѣшокъ, или пузырь, надутый воздухомъ, напоминающій нашъ ножной мячикъ. Шаръ этотъ ударяли или кулакомъ, или рукой, иногда одѣтой въ перчатку. Игра эта, повидимому, была спокойная и свойственная почти исключительно старикамъ и дѣтямъ. Нѣкоторое время до нея охотникъ былъ императоръ Августъ. Далѣе слѣдовала игра въ шары, называемые paganica, которая, какъ кажется, составляла нѣчто среднее между обоими первыми и примѣнялась то въ одномъ, то въ другомъ случаѣ, хотя можно считать достовѣрнымъ, что всѣ эти игры безъ исключенія производились и одною цѣлою. Кромѣ того наиболѣе любимою и самою обыкновенною игрою былъ повидимому trigon, который состоялъ изъ трехъ игроковъ, образовавшихъ треугольникъ. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, въ чемъ состояла эта игра; извѣстно только, что искусные игроки бросали и ловили мячъ одною лишь лѣвою рукой. Кромѣ того была еще игра harpastum, причемъ одинъ или нѣсколько мячиковъ кидали между играющими и каждый изъ послѣднихъ старался завладѣть имъ. Иногда борьба завязывалась также изъ за нѣсколькихъ мячиковъ. По словамъ Атенея, эта игра была крайне бурная, почему, вѣроятно, Марціалъ и причисляетъ ее къ непристойнымъ. Затѣмъ къ числу игръ, а частью и тѣлесныхъ упражненій въ Римѣ принадлежали: бѣганье, прыганье и т. д. [1]).

Мы мало имѣемъ свѣдѣній объ играхъ дѣтей европейскихъ народовъ въ первые и средніе вѣка христіанства, встрѣченнаго, какъ извѣстно, слишкомъ сильнымъ аскетическимъ направленіемъ, которое, конечно, не могло поэтому поощрять и многихъ игръ дѣтей, видя въ нихъ лишь одно плотоугодіе и даже выплясываніе предъ діаволомъ. Впрочемъ, по свидѣтельству авторовъ, даже въ мрачную схоластико-духовную эпоху, среди жестокой школьной дисциплины перепадали иногда опредѣленные *дни веселья*, когда разрѣшались игры, напримѣръ, въ кости; бѣгъ къ предназначенной цѣли, борьба вдвоемъ съ намазанными руками; игра въ палки, при чемъ стоящіе съ противуположныхъ сторонъ мальчики, схватившись за палку, старались ее вырвать другъ у друга; мѣтить камнемъ другъ въ друга, одѣвшись въ панцыри. Для младшихъ дѣтей были: «гонка кубаря», «гонка обруча», «игра въ женихи и невѣсты», «прыганье» или плясанье на одной ногѣ, «кувырканье», «качанье», «щелканье пальцами» [2]) и пр.—Рыцари въ своемъ воспитаніи не упускали изъ вида тѣлесныхъ упражненій, считая результаты ихъ весьма важными для ратнаго дѣла, а потому сынъ рыцаря, еще отрокъ, играя, упражнялся въ бѣгѣ и прыганьи, стрѣляніи изъ лука и самострѣла, метаніи камнемъ, мечемъ и копьемъ и т. п.

Въ началѣ 14-го столѣтія практиковалась довольно веселая игра, которой, пожалуй, недурно было позабавиться при случаѣ и нашимъ дѣтямъ. Игра эта въ Германіи носила названіе Apfelhüpfen — подпрыгивать къ яблоку, и состояла въ слѣдующемъ: посреди комнаты или въ саду къ суку дерева наровнѣ съ макушками играющихъ привѣшивали яблоко, апельсинъ, грушу, или другой какой нибудь фруктъ. Играющіе, подпрыгивая къ нему, старались губами или зубами схватить его и когда кому нибудь изъ нихъ удавалось это исполнить, тотъ въ вознагражденіе получалъ этотъ фруктъ [1]).

Описывая современныя игры, Плоссъ [2]) говоритъ: у насъ и на Востокѣ мы видимъ, какъ малыя и большія дѣти играютъ въ разныя игры на дворахъ предъ домами и на открытыхъ мѣстахъ. При этихъ играхъ важное мѣсто занимаютъ ножныя косточки ягнятъ, величиною въ одинъ суставъ большаго пальца; ихъ называютъ *kaab* (игральная кость), а разнообразныя игры, въ которыхъ онѣ употребляются, называются «игры въ кости». Г. Петерманъ (Reisen in Orient) описалъ нѣсколько изъ нихъ. Одна называется: «*три шага*», другая «*крѣпостью*», третья «ударъ въ стѣнку», четвертая «Султанъ и Визирь».— Эти игры представляютъ уже тотъ интересъ, что онѣ до нѣкоторой степени напоминаютъ намъ своеобразныя игры въ кости Грековъ и Римлянъ и кромѣ того напоминаютъ нѣкоторыя игры нашихъ мальчиковъ. Подробное описаніе ихъ, конечно, могло бы представлять не малый этнографическій интересъ; но въ нашихъ цѣляхъ достаточно сказать, что всѣ онѣ, какъ и игры въ кости европейскихъ дѣтей, главнымъ образомъ расчитаны на мѣткость глаза и ловкость руки.—Игра въ кости (бабки) Н. Ю. Зографомъ замѣчена была также среди дѣтей Самоѣдовъ [3]),—а А. И. Кельсіевымъ у Лопарей [4]).

Очень поразительны иныя отношенія и сходства нѣкоторыхъ Германскихъ дѣтскихъ игръ съ тѣми играми, которыя въ употребленіи и до сихъ поръ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, по Kochholz'y, «*золотой и шилой мостъ*» встрѣчается и у Rabelais, который упоминаетъ въ Гаргантуа о соотвѣтствующей французской игрѣ «*au pont chevis*». Дѣтская игра въ Швейцаріи: «*Es chunnt entlet mit eim Pantoffel*» (идетъ господинъ съ туфлею) составляла до новѣйшаго времени въ цѣломъ народѣ на островахъ

---

[1]) К. Шмидтъ, l. c. Т. I, стр. 397—398. Уэлькенсъ. Древнеримская жизнь. Рус. пер. 1880 г., стр. 75—76.

[2]) К. Шмидтъ, l. c. Т. II. стр. 158—159.

[1]) H. Wagner, Illustrirtes Spielbuch für Knaben. 1878. S. 32.

[2]) Ploss. l. c. въ главѣ объ играхъ.

[3]) Н. Ю. Зографъ. Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ (Изв. Общ. Любит. Естествозн. Т. XXXI. Прилож. стр. 69).

[4]) Экспедиція въ Русскую Лапландію 1877 г. (Изв. Общ. Любит. Естеств. Т. XXXV. Ч. 1, в. 4, стр. 496).

Фарерскихъ (Faröern) нѣкоторую часть употребительнѣйшаго танца. У германскихъ, чешскихъ и мадьярскихъ племенъ встрѣчается игра для мальчиковъ, которая въ Саксонской землѣ называется «*Einmalab*», также «*Potschek*», а въ чешской Богеміи «*Spacek*»: короткій деревянный клинъ кладется на землю и палкою ударяютъ по его острому концу, такъ что онъ отлетаетъ широкою дугою; другой мальчикъ долженъ подхватить этотъ клинъ своею палкою; если же ему не удастся, то онъ беретъ клинъ и бросаетъ его противъ приподнятой палки перваго мальчика. Подобную игру мы встрѣчаемъ въ Венгріи, гдѣ деревянный клинъ называется *Gatschkai* (im temescher Banat), или *Piske* (въ верхней Венгріи) и Pige (по мадьярски). Подобная же игра существуетъ, какъ увидимъ ниже, въ Россіи, подъ названіемъ «Чижикъ», «Клепья» и т. д. Игры въ мячикъ (по романски—ballare—танцовать,—ballata—танцовальная пѣсня) имѣютъ также большое сходство въ разныхъ странахъ: катать шаръ на ровномъ мѣстѣ чрезъ желѣзное кольцо называлось «*Bugelschlagen*», по фламански «durch die Kloospforte», schlagen (бить) называлось *closen*, *cloten*, также *bollen* и *bogheten*; и въ сѣверной Германіи «*Kliese*» есть деревянный мячъ, который остается отъ святой недѣли и въ который играетъ цѣлое общество. *Tschangan* есть игра въ мячъ, очень распространенная у Персовъ, Арабовъ и Турокъ; оттуда привезли эту игру рыцари Германскаго Дома въ Іерусалимѣ и распространили ее по западнымъ странамъ; *Maille — Spiel* тоже самое. *Anschlagen* или *Blinzemaus* у Грековъ называется *Apudidrascinda*; по Бельгійски называется *schugt winekgen, schlug hoecxken*, по фландски *dnykerken*, по брабантски *coppen, comt ut den hoecken*.

Дѣтскія игры въ шары встрѣчаются также на островахъ Полинезіи [1]), въ Гренландіи у Эскимосскихъ дѣтей [2]) (фиг. 207) и т. д. Замѣчательно, что многія игры Японскихъ дѣтей совершенно тождественны съ нашими, при чемъ нельзя доказать заимствованія другъ отъ друга, за исключеніемъ игры «крылатый змѣй», безъ сомнѣнія завезенный къ намъ изъ дальняго востока. Въ Японіи извѣстно, какъ и у насъ, катаніе «обруча», «конекъ», «жмурки», игра «лисица и пѣтушекъ», «мячикъ», пусканіе волчка и т. д. Здѣсь существуетъ около 30 различныхъ видовъ волчка, при чемъ нѣкоторые сдѣланы очень искусно; они спускаются съ горы, танцуютъ на канатѣ, разлетаются въ куски, которые продолжаютъ вертѣться и т. п. Но любимѣйшимъ развлеченіемъ служитъ бумажный змѣй. Огромное животное изъ папки и блестокъ, съ длиннымъ бумажнымъ хвостомъ, забавляетъ Японскихъ малютокъ еще въ большей степени, чѣмъ нашихъ. Здѣсь змѣи скалятъ зубы или распускаютъ свои фантастическаго вида крылья и машутъ ими. Есть даже змѣи, которые, поднимаясь вверхъ, исполняютъ музыкальныя пьесы, но

Фиг. 207. Игра въ мячъ Эскимосскихъ дѣтей моржевыми ребрами.

зрители или скорѣе слушатели подобнаго чуда не приходятъ къ убѣжденію, что слышали музыку небесныхъ сферъ. Существуютъ очень хорошія изображенія этихъ забавъ и два рисунка мы прилагаемъ здѣсь въ видѣ удачныхъ копій (фиг. 208 и 209) [1]). Hooker въ Гималайскомъ журналѣ von Dubdi

Фиг. 208. Игра Японскихъ дѣтей волчками, обручами и т. п.

въ Сиккимѣ пишетъ: «мнѣ интересно было видѣть дитя, которое играло хлопушкою изъ бамбука, совершенно похожею на сдѣланную изъ гусинаго пера, которую каждое дитя у насъ знаетъ и изъ которой посредствомъ спуска, вдѣланнаго на верхнемъ концѣ, съ силою выбрасывается шарикъ. Легко можно подумать, что такое сходство игрушекъ въ различныхъ странахъ просто случайное, однако я этого не предполагаю» [2]).

---

1) Ploss. l. c.

2) H. Wagner. l. c. S. 96—98.

1) А. Ф. Швейгеръ-Лерхенфельдъ: Женщина, ея жизнь и проч. у всѣхъ народовъ земнаго шара. Перев. съ Нѣмецкаго. 1882 г. стр. 264, 265 и 275.

2) Ploss. l. c.

У дѣтей Австралійскихъ въ большомъ употребленіи игра съ веревочкой, нѣсколько сходная съ англійской Cat's — cradle [1]). Игра въ веревочку въ большомъ ходу также у Тунгусовъ. Производится она такъ: двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ то же время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Путешественники разсказываютъ, что Тунгусамъ извѣстна также шахматная игра, которую они любятъ, и въ Колымскомъ округѣ предаются ей со страстью [2]). Врангель, описывая забавы Чукчей, говоритъ, что онъ между прочимъ видѣлъ, какъ они бѣгали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, за

Фиг. 209. Игра Китайскихъ дѣтей обручами, змѣями и т. п.

мѣчательное зрѣлище, потому что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Несмотря на то, они бѣгали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши народные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ [3]). Само собой понятно, что дѣлаютъ въ этомъ родѣ взрослые, то повторяютъ и дѣти. Таджики Средней Азіи охотно играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ, въ шахматы и другія игры [4]). Лопари, живущіе въ окресностяхъ Колы, чрезвычайно любятъ игры на открытомъ воздухѣ. Играютъ всѣ, и большіе и малые, въ бабки, въ веревочку, въ городки, въ горѣлки и особенно въ мячъ [5]). Туземцы острова Фиджи большіе любители качаться и бросать въ цѣль фрукты и камни. Еще у нихъ въ употребленіи игра очень сходная съ кеглями [1]).

Весьма интересное замѣчаніе объ играхъ дѣтей сдѣлалъ Левингстонъ [2]) въ своемъ послѣднемъ путешествіи по Африкѣ:—«Игры дѣтей въ Африкѣ,—говоритъ онъ,—очень однообразны. Но для африканскихъ племенъ жизнь представляетъ тяжелый трудъ, а дѣти подражаютъ въ играхъ занятіямъ родителей. Они строятъ хижины, дѣлаютъ маленькіе огороды, луки, стрѣлы, щиты, копья и ружья; для послѣднихъ употребляютъ они тростникъ, къ которому прилаживаютъ курокъ; при выстрѣлѣ вмѣсто дыма вылетаетъ пепелъ. Иногда дѣлаютъ они также глиняныя двуствольныя ружья и, въ такихъ случаяхъ, дымъ замѣняется хлопкомъ. Они очень ловко убиваютъ саранчу своими игрушечными ружьями. Также дѣлаютъ они западни, въ которыя ловятъ маленькихъ птичекъ, какъ, напримѣръ, конопляновъ, которыхъ учатъ пѣть».—Въ путешествіи по Замбези Д. и Ч. Левингстоновъ [3]) находимъ слѣдующее мѣсто: «у дѣтей веселье было особенно въ прохладные вечера. Одна изъ ихъ игръ состоитъ въ томъ, что маленькую дѣвочку носятъ всѣ другія на плечахъ. Пока они съ ней обходятъ вокругъ, она сидитъ съ распростертыми руками, а всѣ прочія хлопаютъ въ ладоши. Предъ каждой хижиной они останавливаются и поютъ пріятныя пѣсни, причемъ нѣкоторыя выбиваютъ тактъ на своихъ маленькихъ передничкахъ изъ коровьей шкуры, другія между куплетами издаютъ странное жужжаніе. Кромѣ этой игры и скаканья черезъ веревочку, времяпрепровожденіе дѣвочекъ состоитъ въ подражаніи серьезнымъ работамъ ихъ матерей: онѣ строятъ маленькія хижины, изготовляютъ маленькіе кувшины, толкутъ зерна въ маленькихъ ступочкахъ или вскапываютъ и полютъ крохотные садочки. Мальчики играютъ копьями изъ камыша, съ насаженными на нихъ деревянными остріями и маленькими щитами, или лукомъ и стрѣлами, или проводятъ время въ томъ, что строятъ маленькіе скотные дворы или лѣпятъ изъ глины фигуры скота; они выказываютъ много остроты въ подражаніи разнымъ формамъ роговъ животныхъ. Иные, какъ говорятъ, занимаются и силками, но какъ скоро они въ состояніи стеречь козъ или телятъ, ихъ отсылаютъ въ поле».—Дѣти Эскимосовъ забавляются тѣмъ, что стрѣляютъ изъ маленькихъ луковъ въ цѣль и строятъ маленькія хижины изъ снѣга, которыя они освѣщаютъ кусочкомъ фитиля изъ горѣлки, выпрошеннымъ у

[1]) Леббокъ l. c., стр. 357.
[2]) Народы Россіи. Живописный Альбомъ. 1877 г., стр. 521.
[3]) Ibid. стр. 536.
[4]) Ibid. стр. 562.
[5]) А. И. Кельсіевъ: Экспедиція въ Русскую Лапландію 1877 г. Изв. Общ. Любит. Естеств. Т. XXXV. Ч. 1., в. 4, стр. 496).

[1]) Леббокъ l. c. стр. 367.
[2]) Послѣднее путешествіе Левингстона по Африкѣ, перев. съ англій., подъ редакціей М. Цебриковой. 1876 г., стр. 162.
[3]) Путешествіе по Замбези и пр. Давида Левингстона и Чарльза, Левингстона. Перев. съ англ. 1865 г. Т. I, стр. 308—309.

матери [1]) Миніатюрные бумеранги и копья принадлежатъ къ игрушкамъ австралійскихъ дѣтей и точно также, какъ отцы, поддерживаютъ древній обычай брать себѣ въ жены такихъ женщинъ, которыхъ они силою похищаютъ изъ другаго племени,—это *«игра похищенія невѣсты»* [2]). Такимъ образомъ дѣти дикарей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о существованіи въ цивилизованномъ мірѣ какихъ либо мыслителей, въ данномъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ исполняютъ ихъ совѣты и желанія. Такъ, Аристотель требовалъ, чтобы игры дѣтей были большею частью подражаніями тому, что впослѣдствіи будетъ производиться ими серьезно.—Локкъ желалъ, чтобы всѣ игры и развлеченія дѣтей имѣли цѣлью благія и полезныя привычки, потому что дѣти ко всему прилагаютъ привычки, какъ хорошія, такъ и дурныя. Тѣ же мысли высказываетъ и Фридрихъ Фребель. Тэйлоръ [3]) также высказываетъ ту мысль, что многія изъ дѣтскихъ игръ составляютъ лишь шуточныя подражанія серьезному жизненному дѣлу и во многихъ случаяхъ представляютъ намъ лишь раннія стороны развитія человѣчества. Ясный примѣръ могутъ представить лукъ и стрѣлы. Мы находимъ это древнее и широко распространенное орудіе и въ варварской и классической жизни и можемъ прослѣдить его до высокаго средневѣковаго уровня. Но въ настоящее время, когда мы смотримъ на собраніе стрѣлокъ, или когда проѣзжаемъ по деревнямъ въ ту пору года, когда у дѣтей всего больше въ ходу игрушечные луки и стрѣлы, мы видимъ, что то древнее оружіе, которое у древнихъ племенъ все еще занимаетъ свое смертоносное мѣсто на охотѣ и въ битвѣ, стало простымъ переживаніемъ въ видѣ игрушки. Арбалетъ, сравнительно позднѣйшее и мѣстное улучшеніе обыкновеннаго лука, еще болѣе исчезъ изъ практическаго употребленія, но, какъ игрушка, онъ удерживается во всей Европѣ, и повидимому, останется въ употребленіи. По древности и обширному распространенію, отъ дикихъ до классическихъ и средневѣковыхъ временъ, на ряду съ лукомъ и стрѣлами стоитъ праща. Но въ среднихъ вѣкахъ она выходитъ изъ употребленія, какъ практическое оружіе, и поэты XV столѣтія напрасно указываютъ искусство владѣть пращею, какъ одно изъ упражненій хорошаго солдата. Быть можетъ, возможно еще указать теперь примѣръ серьезнаго употребленія пращи въ предѣлахъ цивилизаціи, у пастуховъ Испанской Америки, которые кидаютъ пращу такъ искусно, что, говорятъ, могутъ захватить животное за любой изъ роговъ и повернуть его, какъ захотятъ. Но употребленіе этого грубаго древняго оружія преимущественно сохранилось въ играхъ мальчиковъ, которые снова являются здѣсь представителями отдаленной древней культуры. Не менѣе приведенныхъ игръ предъ нами воспроизводятъ древнія стадіи исторіи дѣтскихъ поколѣній человѣчества слѣдующія игры: подобно англійскимъ дѣтямъ, находящимъ удовольствіе въ томъ, чтобы подражать звукамъ животныхъ и проч., любимая игра Новозеландцевъ состоитъ въ подражаніи хоромъ шипѣнію пилы, стуку топора, шуму ружья и остальнымъ инструментамъ, которые производятъ особый шумъ.

Въ другихъ случаяхъ игры, существующія, повидимому, изъ глубокой древности, имѣютъ цѣлью научить людей считать по пальцамъ. Такъ еще у древнихъ Египтянъ была въ большомъ ходу игра, основанная на угадываніи количества пальцевъ. Подобная-же игра существуетъ въ Китаѣ подъ названіемъ Tsui-mai; она извѣстна была, какъ мы видѣли выше, у древнихъ Грековъ; въ древнемъ Римѣ она извѣстна была подъ названіемъ micare digitis; впослѣдствіи эта игра съ разными варіяціями распространилась во Франціи, Италіи, Германіи и всей остальной Европѣ; наконецъ эта игра извѣстна въ Новозеландіи и даже почти у всѣхъ современныхъ народовъ [1]). Но всѣ игры, подобныя упоминаемой, имѣютъ болѣе этнографическій характеръ и потому мы не входимъ здѣсь въ подробное разсмотрѣніе ихъ.

«Въ Германскихъ земляхъ, какъ доказано многими изслѣдованіями, — говоритъ Плоссъ, — сохранилось въ дѣтскихъ играхъ очень много остатковъ изъ древнихъ временъ. Своеобразные законы и правила формулы и рѣчи, поговорки и пѣсни, которыя еще и до сихъ поръ часто встрѣчаются при нашихъ дѣтскихъ играхъ, были, безъ сомнѣнія, уже за нѣсколько сотенъ лѣтъ въ употребленіи и въ устахъ дѣтей; чрезъ дѣтей же они постоянно снова дѣлаются свѣжими и молодѣютъ, потому что большія дѣти безпрерывно научаютъ меньшихъ своему образу *игры*, своимъ пѣснямъ и напѣвамъ».

Въ Германіи, напр., есть игра подъ названіемъ Die goldne Brücke — золотой мостъ, состоящая въ слѣдующемъ: два сильныхъ мальчика берутся за руки и, поднявъ ихъ высоко, изображаютъ мостъ. Они тихонько совѣщаются, какую хотятъ дать себѣ кличку. Одинъ, напр., избираетъ названіе—*золотаго моста*, другой—*гнилаго моста*, или одинъ называетъ себя *небомъ*, другой—*адомъ* и т. д. Остальные мальчики становятся другъ за другомъ и составляютъ такимъ образомъ длинную цѣпь. Такъ идутъ они къ мосту и просятъ пропуска. Мостъ отвѣчаетъ: «пролѣзайте, пролѣзайте, но послѣдній будетъ пойманъ». — Когда проходитъ послѣдній,

[1]) Klemm. Culturgeschiechte. II. S. 209.

[2]) Э. Б. Тэйлоръ. Первобытная культура. Перев. съ Англ. 1872 г., стр. 68.

[3]) Тэйлоръ l. c. стр. 67—69.

[1]) Тэйлоръ l. c. H. Wagner, l. c. S. 24.

мостъ опускаетъ на него руки и спрашиваетъ: «куда хочешъ ты попасть—на небо или въ адъ?— Выбравъ которое нибудь изъ двухъ названныхъ словъ, спрошенный становится позади названнаго имъ. Когда такимъ образомъ играющіе раздѣляются на двѣ группы и составятъ два длинныхъ ряда, мальчики крѣпко обхватываютъ другъ друга сзади за туловище, образуя непрерывную цѣпь, а тѣ, которые изображали мостъ, схвативъ вдвоемъ за руки передняго, стараются перетянуть всю эту партію къ себѣ, тогда какъ послѣдняя старается тянуть ее въ свою сторону. Выигрываетъ та группа, которой удается этого достигнуть. — Ученые утверждаютъ, что эта игра имѣетъ весьма древнее происхожденіе. Они думаютъ, что она изображаетъ поѣздъ душъ умершихъ людей, который идетъ, какъ то гласятъ сказанія язычниковъ, по дорогѣ къ обнесенному рѣшеткой царству мертвыхъ Halja— чрезъ мостъ смерти. На этомъ мосту сидитъ судящая Madhguldha и совѣтуется съ своимъ братомъ на счетъ вопросовъ, которые ей придется задавать, а чертъ затѣваетъ споръ и драку съ ангеломъ за обладаніе душъ. Такого рода играми занимались въ древней Германіи въ дохристіанскія времена, по окончаніи богослуженія по праздникамъ [1]).

Нѣкоторыя игры обязаны своимъ происхожденіемъ сочувственной встрѣчѣ дѣтей нѣкоторыхъ временъ года. Такъ, въ Германіи при появленіи весны дѣти отыскиваютъ фіалки, какъ это было еще и въ средніе вѣка, прикрѣпляютъ эту фіалку къ шесту и начинаютъ вокругъ послѣдняго танецъ, сопровождаемый пѣснями. Существуетъ и еще множество игръ, которыя во всякомъ случаѣ слѣдуетъ разсматривать, какъ миѳологическіе остатки, посвящавшіеся когда-то извѣстнымъ божествамъ. Такъ, напримѣръ, лѣтнее удовольствіе дѣвочекъ въ Германіи состоитъ въ хороводахъ или круговыхъ танцахъ, сопровождаемыхъ пѣснями. Можетъ быть, при извѣстныхъ праздничныхъ хороводахъ дѣвицы прежде держались за цѣпь или за гирлянду цвѣтовъ, въ каковомъ мнѣніи могутъ отчасти подкрѣплять насъ обычаи, существующіе и до сихъ поръ въ Швейцаріи, Гарцѣ, Италіи и т. д.

Во Франціи есть много игръ весьма веселыхъ, оживленныхъ и нерѣдко расчитанныхъ на довольно сильныя движенія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, пользующіяся тамъ наибольшею популярностію и сочувствіемъ [2]).

Бары (les barres). Играющіе раздѣляются здѣсь на два лагеря, какъ бы на войнѣ, изъ коихъ каждый во главѣ имѣетъ матку (chefs). Каждый лагерь въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга проводитъ черту (barres) по землѣ, вдоль которой становятся принадлежащіе къ данному лагерю. Одинъ изъ какой либо партіи выбѣгаетъ впередъ, въ открытое поле, и вызываетъ себѣ противника съ другой стороны. Соперники становятся другъ противъ друга, при чемъ вызывающій ударяетъ своего противника по рукѣ до трехъ разъ и за тѣмъ стремглавъ стремится къ своимъ, а противникъ старается догонять его и запятнать. На выручку первому является второй изъ его партіи и старается въ свою очередь запятнать или изловить противника второй партіи. На выручку послѣднему является защитникъ съ его стороны и т. д., пока наконецъ принимаютъ участіе въ свободномъ полѣ многіе. Пойманный, по условію игры, отводится въ плѣнъ противниковъ, изъ котораго можетъ освободиться только тѣмъ, что если къ плѣннику кто либо изъ его партіи подбѣжитъ такъ близко, что можетъ ударить его по рукѣ. Эта коренная французская игра встрѣчается, впрочемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями также въ Германіи (Chasseur oder Barlaufen—Охотникъ или бары, Das Mattmachen—игра въ матъ, [1]) въ Россіи, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, напр., Швейцаріи (Kriegsdingen—порядокъ войны) [2]) и т. д.

Перебѣжка—la passe. Посреди двора проводится черта. У противуположныхъ концовъ двора проводится также по чертѣ, изъ коихъ каждая означаетъ противуположные лагери. Каждый изъ играющихъ становится на чертѣ своего города, а выбранныхъ съ каждой стороны по одной маткѣ ставятъ на линіи посреди двора. Цѣль игры та, чтобы перебѣжать изъ одного лагеря въ другой чрезъ среднюю линію, на которой матки безъ разбора партій ловятъ бѣгущихъ. Пойманный отводится въ плѣнъ и считается выбывшимъ изъ игры, которая кончается только тогда, когда уже всѣ пойманы.— Сходныя съ этой игры встрѣчаются въ Германіи подъ названіемъ: Der Schwarze Mann —черный человѣкъ,—Bärenschlag— ударъ медвѣдя; въ Швейцаріи подъ названіемъ Gügen и т. д. [3]).

Мать-бережка—la mère garuche—выбирается по жребію и для нея устраивается особый лагерь. Остальные бѣгаютъ по двору. Мать — бережка выбѣгаетъ изъ своего лагеря и начинаетъ ловить себѣ дѣтей. Въ подробностяхъ эта игра имѣетъ много видоизмѣненій. Подобная этой игрѣ въ Германіи существуетъ подъ названіемъ Der lahme Fuchs— хромая лисица.

Къ играмъ ловленія во Франціи относятся также заброшенная куда либо кошка—le chat perché; отрѣзанная кошка—le chat coupé и т. д.

Медвѣди—lours. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи съ предводителемъ во главѣ у каждой. Одна

[1]) H. Wagner, l. c. S. 19.—20.
[2]) Jeux des adolescents par G. Beleze. Paris. 1856.
[1]) H. Wagner. Illustrirtes Spielbuch für Knaben. 1878. S. 8—9.
[2]) H. Wagner l. c. S. 7.
[3]) H. Wagner l. c. S. 6—7.

партія изображаетъ медвѣдей,—другая—прыгуновъ Для медвѣдей очерчивается небольшой кругъ, внутри котораго они становятся, слегка согнувши свои головы къ центру и обхватившись руками за шеи сосѣднихъ товарищей. Съ бока ихъ стоитъ отдѣльно предводитель. За этимъ кругомъ кнаружи, на разстояніи метра, чертится еще кругъ, за которымъ стоятъ прыгуны. Эти прыгуны стараются ловкимъ прыжкомъ попасть на подставленныя спины медвѣдей, гдѣ они безопасны отъ нападенія предводителя послѣднихъ; но если чей либо прыжекъ былъ невѣренъ и прыгавшій попалъ какъ либо между двумя кругами, тогда предводитель медвѣдей старается ловить его въ этомъ пространствѣ; въ случаѣ изловленія прыгуны становятся на мѣсто медвѣдей, а медвѣди занимаютъ мѣсто и роли прыгуновъ.

Въ Англіи вообще множество всякихъ игръ и между прочимъ не мало игръ, расчитанныхъ прямо на развитіе физической силы, ловкости, большой выдержанности, самостоятельности и опыта. Если во время игры, наприм., въ *крикетъ* или *крокетъ* кому либо изъ дѣтей въ Англіи брошеннымъ мячемъ, жесткимъ, какъ камень, оторветъ пальцъ, то родитель—англичанинъ не только ни мало не выкажетъ при этомъ нѣмецкой сантиментальности, но даже и не обратитъ на это большаго вниманія, твердо убѣжденный, что этотъ девятипалый малый, когда подростетъ, то все-таки уйдетъ гораздо далѣе, чѣмъ иной нѣмецъ со всѣми десятью пальцами. Англичане не находятъ также ничего необычайнаго въ томъ, что толпа мальчиковъ—подростковъ, преслѣдуя своихъ товарищей, изображающихъ лисицъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней не возвращается домой. Вотъ подробности этой чисто англійской игры, носящей названіе *Охота за лисицами*. По окончаніи ученья передъ разъѣздомъ на каникулярное время два лучшіе бѣгуна изъ всего учебнаго заведенія избираются въ лисицы, а остальные желающіе участвовать въ игрѣ, представляютъ гончихъ. Два мѣшка наполняются клочками рваной бумаги и предназначаются для бѣгуновъ. За тѣмъ назначаютъ мѣсто, гдѣ должны всѣ сойтись, для чего обыкновенно выбираютъ какую-нибудь ферму, лежащую верстъ за пять отъ учебнаго заведенія. Иногда о мѣстѣ сходбища не говорятъ гончимъ, а лисицы сообщаютъ только тремъ выборнымъ, которые заранѣе отправляются на ферму и заготовляютъ тамъ обѣдъ. Утромъ лисицы съ мѣшками на спинахъ выбѣгаютъ изъ училища за 10—15 минутъ ранѣе собакъ. Бѣгутъ они обыкновенно не по прямому направленію, а дѣлая различные изгибы и по пути своему по временамъ выбрасывая бумагу изъ мѣшковъ, по которой въ свою очередь гончія стараются догнать лисицъ. Перескочивъ на своемъ пути множество канавъ и заборовъ, ручьевъ и овраговъ и т. д., лисицы, наконецъ, съ пустыми мѣшками добираются до мѣста своего назначенія, гдѣ находятъ себѣ радушный пріемъ и хорошій обѣдъ, какъ испытанные, ловкіе бѣгуны, оправдавшіе выборъ своихъ товарищей. Къ нимъ понемногу сходятся и гончія и начинаются разсказы о различныхъ приключеніяхъ на пути, которые продолжаются до поздняго вечера [1]).

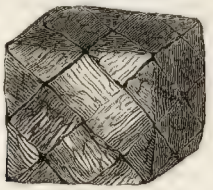
Въ Россіи существуетъ безконечное количество игръ, изъ которыхъ иныя напоминаютъ собою еще греческія, другія сходны съ современными европейскими и наконецъ многія можно назвать характерными, русскими. Съ древне-греческими играми имѣютъ сходство, напр., слѣдующія: 1) *Состязаніе въ стойкости* (борьба, перетягиваніе и т. п.). 2) Хожденіе на цыпочкахъ. 3) Хожденіе на пяткахъ. 4) Прыганье (чрезъ веревку, палку, канавку и другія препятствія). 5) Мѣдную муху напоминаетъ собою русская игра «грачи», какъ увидимъ ниже. 6) Погоню напоминаютъ: коршунъ, сѣрый волкъ, гуси-лебеди, волкъ и овцы и другія. 7) Жмурки въ Россіи представляютъ нѣсколько варіантовъ, напримѣръ: «простыя жмурки»—«жмурки съ голосомъ», «колокольчикъ», «Ванька и Фомка» и пр. 8) Горшки. 9) Жгуты, представляющіе въ Россіи нѣсколько видоизмѣненій: «простой жгутъ», «Лисица на одной ногѣ», «Медвѣдь съ вожакомъ», «Рыбки», «Насѣдки», «Столбы», «Ступы», «Черный клепъ» и другіе. 10) Игра въ цари—русская игра въ войну. 11) Рикошетъ черепками. 12) Метаніе въ ямки. 13) Верченіе монеты. 14) Игра въ камешки, имѣющая въ Россіи множество измѣненій, пріемовъ и условій, а потому и множество различныхъ названій, въ томъ числѣ, напримѣръ: пять просфоровъ, 4,—3,—2,—1 просфоръ, или одиночки, двойки, тройки и т. д. Одну изъ этихъ игръ мы опишемъ ниже. 15) Кубари и волчки. 16) Гонка обручей. 17) Мячъ (пятнашки, зѣваки и другіе). На всероссійской выставкѣ, бывшей въ Москвѣ лѣтомъ 1882 г., въ кустарномъ отдѣленіи Олонецкой губерніи, намъ удалось пріобрѣсти для своей коллекціи мячъ, употребляемый для игры крестьянскими дѣтьми означенной губерніи, сплетенный изъ лыка, внутри пустой и формы четырехъугольной, съ нѣсколько закругленными краями, какъ показываетъ фиг. 210. Лѣтомъ 1883 г., живя на дачѣ въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи, намъ удалось пріобрѣсти еще другой берестяный мячъ, совершенно круглый и внутри плотно набитый также берестяными лыками. Эти шары употребляются здѣсь какъ для дѣтскихъ игръ, такъ и въ хозяйствѣ для затыканія нѣкоторой посуды, напр. кувшиновъ, при чемъ шары эти предварительно обертываютъ тряпицей.

---

[1]) И. Я. Гердъ. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей. 1880 г., стр. 149—150.

18) Чехарда (обыкновенная чехарда и лягушки.) 19) Качели. 20) Ходули. 21) Горѣлки. 22) Игра въ ладоши (капустка). 23) Четъ или нечетъ и т. д.

Рядъ другихъ игръ имѣетъ сходство съ существующими у современныхъ народовъ; таковы, напримѣръ: 1) Чижикъ (Тверск. губ.), клепки, клепья (Тульской губерніи). 2) Игра въ куклы съ подражаніемъ дѣйствіямъ взрослыхъ. 3) Лукъ и стрѣлы. 4) Хлопушки изъ гусинаго пера. 5) Игра въ кости (бабки, шляки), имѣющая въ Россіи множество видоизмѣненій и соотвѣтственно этому названій, напримѣръ: каретка, плоцка безъ загонки, плоцка съ загонкой, гусекъ простой, гусекъ съ выставкомъ или штрафы, конъ за конъ, салки и т. д. 6) Змѣй. 7) Игра въ веревку («Кошка и мышка», «Утка и селезень», или просто «Уточки») въ Тульской губерніи и т. д.. 8) Хороводы, представляющіе много разнообразія. 9) Прятки (кулючки, выручки, палочки-выручалочки, палочки-стукалочки). 10) *Скаканіе* на одной ногѣ изъ фигуры въ фигуру (котлы, цари, классы, болото) и проч.



Фиг. 210. Берестяный мячъ Олонецкой губерніи.

Кромѣ того въ Россіи есть не мало игръ весьма характерныхъ, любимыхъ народомъ и почти или исключительно только здѣсь встрѣчающихся,—таковы:

1. *Масло, салки, лунки, уронъ*. На ровномъ мѣстѣ вырываютъ ямку, называемую иначе котломъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея кругомъ, по числу играющихъ, вырываютъ ямки поменьше—лунки (салки). Предъ началомъ игры всѣ становятся въ рядъ и каждый, поставивъ себѣ приготовленную для того нарочно палку на ногу, раскачиваетъ ее и бросаетъ, какъ можно дальше. Чья палка упадетъ ближе другихъ, тому водить. Затѣмъ всѣ, за исключеніемъ водящаго, занимаютъ палками каждый свою лунку. Употребляемыя при этомъ палки обыкновенно имѣютъ длину около аршина и оканчиваются крючкомъ—клюкой. Вожакъ старается своей клюкой загнать игорный шаръ (сучьку) въ среднюю ямку (котелъ), а остальные своими клюками стараются мѣшать ему въ этомъ и наоборотъ стараются отогнать шаръ какъ можно подальше отъ этой ямки и въ то же время каждый караулитъ свою лунку, держа въ ней свою клюку и такимъ образомъ не допуская ее занять вожаку. Если кто изъ играющихъ слишкомъ увлечется желаніемъ отбить шаръ у вожака, а послѣдній въ это время успѣетъ занять лунку концемъ своей клюки, то вожакомъ становится прозѣвавшій свою лунку. Игра оканчивается тогда, когда шаръ закатится въ среднюю ямку. Съ этою игрою имѣетъ нѣкоторое сходство шотландская игра, носящая названіе Golf или Golf—(морской заливъ или лиманъ), а также Шотландская Mail [1]).

2. *Городки, чушки, рюхи*. Для этой игры требуются: а) рюхи, или что тоже—чушки, которыя напиливаются изъ оглобли, толщиной вершка въ полтора, а длиной вершка въ три, и б) нѣсколько палокъ (шибокъ) толщиною каждая около двухъ вершковъ, а длиною около аршина. Затѣмъ на ровномъ мѣстѣ въ разстояніи, желаемомъ для играющихъ, чертятъ два четырехъугольника, называющихся городами. На передникъ чертахъ этихъ городовъ ставятся рюхи (чушки) самымъ разнообразнымъ способомъ: стоймя въ рядъ, попами, плашмя, въ видѣ колокольни и т. д. Когда рюхи поставлены на обоихъ городахъ, то игроки раздѣляются на партіи, изъ коихъ одна, по жребію, начинаетъ игру. При этомъ одинъ изъ игроковъ становится на заднюю черту своего города и бросаетъ палку въ рюхи противуположнаго города; за нимъ то же продолжаетъ другой, третій и т. д. Когда кто нибудь изъ нихъ вышибъ хотя одну рюху совсѣмъ изъ города, тогда остальные той же партіи, еще не бившіе, переходятъ уже на переднюю черту своего города и бьютъ оттуда. Когда всѣ палки первой партіи брошены, вторая партія вступаетъ въ свой городъ, собираетъ всѣ палки и точно такимъ же порядкомъ старается разбить городъ своихъ противниковъ. Если рюха не будетъ совершенно вышиблена изъ города, а остановится на чертѣ, то ее ставятъ попомъ. Какая изъ партій прежде вышибетъ всѣ рюхи изъ города, та считается выигравшею. Проигравшая партія обязана, во-первыхъ, на плечахъ перенести побѣдителей отъ одного города до другаго, во-вторыхъ, собрать всѣ рюхи и построить города.

3. *Свайка*. Для этой игры нужны: кольцо и свайка, имѣющая подобіе большаго гвоздя (фиг. 211). Играющіе становятся въ кругъ, бросаютъ на землю кольцо и поочередно начинаютъ бросать въ него свайку такъ, чтобы она пригвоздила его къ землѣ. Каждый играющій бьетъ до промаха. Тотъ изъ играющихъ, который въ свою очередь не сдѣлалъ ни одного удара, долженъ «служить», т. е. всѣмъ подавать свайки до тѣхъ поръ, пока вновь не дойдетъ до него очередь или пока кто нибудь изъ играющихъ послѣ него не смѣнитъ его. Тотъ, кто прежде другихъ сдѣлалъ условное число ударовъ, считается выигравшимъ, а кто меньше—проигравшимъ. Проигравшему выигравшій задаетъ «рѣдьку»,

[1]) H. Wagner. l. c. .. 91.

т. е. вбиваетъ свайку какъ можно глубже и заставляетъ его три раза вынимать свайку и подавать ему.

4. Въ Тульскомъ уѣздѣ существуетъ игра, похожая на только что описанную, подъ названіемъ *«Печенки»*,—и состоящая въ слѣдующемъ: на дерну каждый изъ играющихъ очерчиваетъ себѣ ножемъ грядку, т. е. прямоугольникъ приблизительно въ вершокъ въ поперечникѣ и вершковъ въ восемь въ длину. Грядки располагаются рядомъ и всѣ одинаковой величины. Очертившій себѣ грядку прежде другихъ беретъ ножъ за лезвіе и прицѣлившись въ свою грядку бросаетъ его съ высоты полуаршина такъ, чтобы онъ воткнулся въ гряду по возможности глубже. Затѣмъ, вынувши ножъ, онъ отмѣриваетъ отъ одного конца грядки къ другому столько, на сколько ножъ вонзился въ землю, и, глубоко вырѣзавъ отмѣренную часть грядки, откладываетъ кусокъ этотъ, называемый печенкой, въ сторону. Затѣмъ начинаетъ то же самое снова и продолжаетъ игру до тѣхъ поръ, пока вырѣжетъ всю свою грядку,

Фиг. 211. Свайка.

или же пока брошенный ножъ попадетъ въ чужую грядку, или вовсе не вонзится въ дернъ. Послѣ того беретъ ножъ сосѣдъ игравшаго по грядкѣ и то же самое продолжаетъ съ своею грядкою, пока не придется уступить игры слѣдующему и дожидаться новой очереди. Когда всѣ грядки, кромѣ одной, уже вырѣзаны, то ожидаютъ, какъ окончитъ свою игру отставшій. Если онъ удачно вырѣжетъ всю свою грядку, то игра начинается снова описаннымъ порядкомъ; если же промахнется, то спѣшитъ убѣжать отъ грядокъ, потому что отыгравшіеся, подобравъ всѣ печенки, бросаютъ ихъ ему въ спину. Игра начинается снова.

5. *Голуби.* Въ этой игрѣ одинъ изъ дѣтей изображаетъ голубя, другой голубку, остальныя—дѣтей ихъ. Голубь съ голубкой свиваютъ гнѣздо, живутъ дружно. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Затѣмъ голубь отлетаетъ на промыселъ, а голубка остается дома. Въ это время ястребъ—лице не смѣняемое до конца игры, или смѣняемое при каждой добычѣ,—старается переловить всѣхъ дѣтей голубковъ, известь мать—голубку и наконецъ разбить на лету отца—голубя. При каждой потерѣ голубка жалобно тоскуетъ о своихъ дѣтяхъ, а голубь уныло воркуетъ о расхищеніи своего семейства. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда.

6. *Безъ соли соль.* Садятся двое дѣтей—одинъ противъ другаго съ протянутыми ногами, закрытыми глазами и руками, сложенными на спинѣ. Въ это время другія дѣти приговоривая: — «безъ соли соль!»— стараются перепрыгнуть такъ быстро и незамѣтно чрезъ ноги сидящихъ, чтобы они не успѣли поймать ихъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ (И. Соколовъ) эта игра носитъ названіе «съ солью—безъ соли».

7. *Посидушки.* Двое садятся, какъ въ «безъ соли—соль». На носокъ ноги каждый становитъ мизинецъ соотвѣтствующей руки, вѣерообразно вытянувъ вверхъ остальные пальцы. Играющіе по одному перепрыгиваютъ чрезъ установленную такимъ образомъ преграду. Зацѣпившійся во время прыжка за пальцы смѣняетъ собою того изъ сидящихъ, за чьи пальцы онъ задѣлъ. Когда всѣ перепрыгнутъ удачно, то сидящіе измѣняютъ препятствіе. Каждый становитъ одну ногу пяткой на носокъ другой, а на носокъ верхней ноги устанавливаетъ съ растянутыми пальцами руки одну надъ другой и перепрыгиваніе начинается опять съ тѣми же условіями. Игра оканчивается, если всѣ въ этотъ разъ перепрыгнутъ удачно.

8. *Коршунъ*—это строгій взыскательный семьянинъ, отъ котораго тщательно скрываетъ недостатки своихъ дѣтей сердобольная мать—насѣдка. Коршунъ—почетная роль въ игрѣ и дается по выбору. Онъ сидитъ одинъ одинехонекъ вдали. Матка—насѣдка, имѣя сзади себя цѣлую вереницу дѣтей, ухватившихся одинъ за другимъ длиннымъ рядомъ, подходитъ къ коршуну и заводитъ съ нимъ рѣчи, непріятныя для коршуна. Раздосадованный коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насѣдка защищаетъ, дѣти увертываются. Если коршуну удается словить кого, онъ уноситъ его въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, коршунъ начинаетъ щипать насѣдку. Этимъ и кончается игра. Эта игра въ томъ же видѣ, какъ она здѣсь описана, встрѣчается въ Германіи подъ названіемъ: Greierspiel—игра въ коршуны, Fuchs und Henne—лисица и курица, Wolf und Schafe—волкъ и овцы и т. д. Въ Швейцаріи она извѣстна подъ названіемъ: Hunhlein braten—жарить цыплятъ [1]).

9. *Сѣрый волкъ.* Кто нибудь изъ дѣтей изображаетъ волка, остальныя—дѣтей его. Волкъ, поджавъ руками лицо, сидитъ сгорбившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣти щиплютъ передъ нимъ травку, приговаривая извѣстныя прибаутки. Затѣмъ они бросаютъ въ волка травку и бѣгутъ. Волкъ, разобиженный дѣтьми, бросается за ними. Пойманный играетъ вновь стараго волка и т. д. Очень сходныя съ этой игрой въ Германіи носятъ названіе: Böse Ding—злая

[1]) Wagner . c. 8. 14—15.

штука; Bär und Affen—медвѣдь и обезьяны. Древнегреческая игра въ горшокъ (Chytrinda) также весьма похожа на только что упомянутыя игры. По условію этой игры одинъ изъ мальчиковъ, изображавшій горшокъ, садился посреди площади. Остальные играющіе, бѣгая около него, дразнили, теребили и били его до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось, не сходя съ мѣста, схватить котораго нибудь изъ нихъ. Попавшійся въ свою очередь долженъ былъ изображать собою горшокъ [1]).

10. *Гуси—лебеди.* Одинъ изъ играющихъ изображаетъ волка, другой хозяина гусей, остальные—гусей. Для гусей назначается домъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него—пастбище. Когда гуси разбрелись по пастбищу, хозяинъ предостерегаетъ ихъ отъ волка, но гуси его не слушаютъ. Тогда изъ засады выбѣгаетъ волкъ, старается поймать кого либо изъ гусей, а гуси бѣгутъ домой. Пойманный отводится въ сторону, а игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ гуси будутъ изловлены.

11. *Волкъ и овцы*—совершенно аналогичная предыдущей игра съ тою лишь разницею, что гусей изображаютъ здѣсь овцы, а хозяина ихъ—пастухъ. Въ Германіи существуютъ также нѣкоторыя сходныя съ послѣдними двумя играми, напримѣръ: Bauer, treib die Schafe aus!—Мужикъ! выгони своихъ овецъ! Schafe aus, der Wolf ist da!—Овцы! бѣгите! волкъ здѣсь! Der Gänsedieb—воръ гусей [2]).

12. *Колдуны.* Мѣряясь на палкѣ, выбираютъ по жребію «Колдуна», которому очерчивается гдѣ нибудь «домъ». Остальные играющіе, также отмѣтивъ себѣ домъ, бѣгаютъ. Колдунъ ловитъ. Ловить играющихъ въ ихъ домѣ колдунъ не въ правѣ. Поэтому если кого онъ настигаетъ, то преслѣдуемый спасается въ домъ. Всякаго пойманнаго колдунъ становитъ въ свой домъ, изъ котораго пойманный убѣгать не долженъ. Бѣгающіе выручаютъ пойманныхъ. Для этого надо добѣжать въ домъ колдуна и дотронуться до пойманнаго. Каждый, такимъ образомъ, выручennый можетъ безпрепятственно отправиться въ свой домъ. Колдунъ не ловитъ его, пока тотъ не побываетъ въ своемъ домѣ. Когда колдунъ переловитъ всѣхъ, то водитъ пойманный прежде другихъ.

13. *Лѣнь.* Играющіе составляютъ хороводъ, въ средину котораго ставятъ *Лѣнь* и, ходя по солнцу, поютъ:

Сидѣла Лѣнь
Подъ коренемъ
Подъ березками.
Тепло-ли тебѣ, Лѣнь?
Холодно-ли тебѣ, Лѣнь?
Мнѣ день тепло,
А ночь холодно,
Пріодѣньте меня,
Пріукутайте меня
Съ молоденца вѣнокъ
Съ красной дѣвушки платокъ,
Съ молодца кушачекъ.

Хороводъ останавливается и одна изъ играющихъ спрашиваетъ: «Лѣнь! будешь жениться?»—Буду!—«Старую старуху возмешь за-мужъ?»—Нѣтъ! «Молодую молодку?»—Подумаю.—«Красную дѣвицу?»—Давай сюда!—Лѣнь выбираетъ себѣ изъ хоровода невѣсту и ставитъ рядомъ съ собою. Хороводъ снова кружится и поетъ то же самое, послѣ чего Лѣнь такимъ-же образомъ выбираетъ себѣ другую невѣсту и т. д., пока не переберетъ къ себѣ изъ хоровода всѣхъ (Тульск. губ.).

14. *Кандалы.* Играющіе становятся въ два ряда, каждый лицемъ къ противуположному ряду.—«Кандалъ!» кричитъ кто-нибудь изъ одного ряда.—Скованъ! отвѣчаютъ ему въ другомъ. «Раскуй!»—На кого? —«На друга твоего!» На какого?—«На Серегу!» (напр.).—Серегу, который уже спѣшитъ перебѣжать изъ своего ряда, сосѣди преслѣдуютъ кулаками въ другой, гдѣ онъ безпрепятственно становится вмѣстѣ съ другими. Потомъ изъ другаго ряда кричатъ: «кандалъ!» и повторяется то же самое. Вся игра здѣсь состоитъ въ обмѣнѣ рядовъ членами (Тульск. губ.).

15. *Монахи.* Играютъ зимой въ избѣ. На одной лавкѣ помѣщаются мальчики, на другой—дѣвочки. Монахъ обходитъ поочередно сидящихъ мальчиковъ и каждаго спрашиваетъ: «какая тебѣ люба?» Каждый сообщаетъ ему имя дѣвочки, которая ему люба. Если кто-нибудь назоветъ ему дѣвочку уже выбранную, то монахъ объявляетъ объ этомъ. За тѣмъ по очереди монахъ подводитъ всѣхъ дѣвочекъ сначала къ одному изъ сидящихъ, потомъ къ другому и т. д. Каждый разъ монахъ спрашиваетъ: «не эта-ли?» т. е. люба тебѣ. Когда онъ подведетъ къ сидящему выбранную тѣмъ дѣвочку, тотъ усаживаетъ ее рядомъ съ собою. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока монахъ размѣститъ всѣхъ дѣвочекъ (Тул. губ.).

16. *Рѣдьки.* Играющіе садятся вереницей на землю. Каждый по таліи обхватываетъ сидящаго передъ нимъ. Задній изъ сидящихъ называется Маткой, или Бабкой; остальные — рѣдьки. Одинъ — Ивашка Поповъ подходитъ къ Бабкѣ и послѣ нѣсколькихъ прелюдій спрашиваетъ: «не поспѣлали рѣдька?»—Нѣтъ! не поспѣла! — отвѣчаетъ Бабка,—приходи завтра! — Ивашка отходитъ въ сторону и чрезъ нѣсколько времени опять даетъ тотъ-же вопросъ. Теперь поспѣла,—отвѣчаетъ Бабка.—дергай самъ, какую хочешь! — Ивашка подходитъ къ передней рѣдькѣ и дергаетъ ее, т. е. старается

[1]) Wagner l. c. S. 14.
[2]) Wagner l. c. S. 11—12—13.

вытащить изъ объятій второй рѣдьки. Выдернувъ одну, Ивашка вмѣстѣ съ выдернутой рѣдькой принимается за другую, потомъ уже втроемъ за третью и т. д., пока не выдернетъ всѣхъ.

17. *Краски.* Одинъ — Ивашка Поповъ, другой — хозяинъ красокъ, остальные – краски, дающія себѣ разныя названія: красная, голубая, желтая и т. д. Всѣ краски сообщаютъ свои названія хозяину. Ивашка приходитъ къ хозяину и послѣ нѣсколькихъ прелюдій объявляетъ, что онъ пришелъ за красками. «Какую тебѣ надо?» спрашиваетъ хозяинъ.—Бѣлую (напр.). Если такой нѣтъ, то хозяинъ отвѣчаетъ, что такой нѣтъ. Ивашка отходитъ и чрезъ нѣсколько времени снова возвращается, спрашивая красокъ. — «Да какую тебѣ надо?»— Желтую!—«Такая есть».—Послѣ этого желтая выходитъ и становится около Ивашки. Такимъ-же образомъ Ивашка перебираетъ на свою сторону и всѣхъ остальныхъ красокъ. Игра оканчивается тѣмъ, что краски во главѣ съ Ивашкой преслѣдуютъ кулаками и щипками хозяина. Сходная съ этой игрой, въ Германіи существуетъ игра подъ названіемъ: Vogel, flieg aus!—Птица вылетай![1])

18. *Дѣти.* Играющіе попарно размѣщаются въ кружокъ. Каждую пару составляютъ мать и дитя. Мать стоитъ, а дитя возлѣ нея садится. Водящій, расхаживая внутри круга, подходитъ къ какой-нибудь матери съ предложеніемъ продать дитя. Непродажное!—объявляетъ мать и водящій отходитъ къ другой парѣ. «Продай дитя!» — Купи! — «Что возмешь?» — Рубль (напр.), да въ придачу шильце, мыльце, красное яичко. Мать и покупающій бросаются вонъ изъ круга и вокругъ послѣдняго бѣгутъ въ противуположныя стороны, какъ на бѣгахъ. Кто достигнетъ дитяти прежде, ударяетъ его слегка по головѣ со словомъ: «мое!» — Опоздавшій водитъ. Въ Германіи есть сходная съ этой игрой: Halloh! der Müller ist draussen! — Эй! Мельникъ на дворѣ [2]).

19. *Камешки.* Играющіе садятся въ кружокъ, площадь котораго называется долиной. Игра идетъ по солнцу. Каждый изъ играющихъ «сгоняетъ» нагнанные на него щелчки сосѣдомъ, сидящимъ съ правой стороны, и нагоняетъ въ свою очередь на сидящаго съ лѣвой стороны. Самая игра происходитъ такимъ образомъ: начинающій игру беретъ пять камешковъ, бросаетъ одинъ изъ нихъ вверхъ, а остальные четыре кладетъ на долину и спѣшитъ подхватить на лету брошенный камешекъ. Это называется сдѣлать четверняшки. Затѣмъ играющій беретъ четыре камешка, одинъ бросаетъ, а три кладетъ и схватываетъ летящій камешекъ,—это—тройняшки. Затѣмъ играющій такимъ-же образомъ продѣлываетъ двойняшки и одиначки, послѣ чего дѣлаетъ четверняшки, тройняшки, двойняшки и одиначки, уже поднимая камешки въ то время, какъ одинъ изъ нихъ брошенъ. Въ заключеніе играющій дѣлаетъ клюшки, т. е. кладетъ всѣ камешки на ладонь, подбрасываетъ ихъ вверхъ и подставляетъ тыльную сторону кисти такъ, чтобы всѣ камешки упали и остались на ней. Когда все это будетъ продѣлано удачно, то за сосѣдомъ, сидящимъ у игравшаго съ лѣвой стороны, считается пять щелчковъ и игравшій снова бросаетъ описаннымъ порядкомъ камешки, каждый разъ нагоняя на сосѣда по пяти щелчковъ и продолжаетъ игру до тѣхъ поръ, пока ошибется, т. е. не поймаетъ брошеннаго камешка, или-же, бросивъ его, соберетъ не столько лежащихъ камешковъ, сколько слѣдуетъ. Тогда камешки передаются лѣвому сосѣду и игравшій дожидается очереди, когда онъ начнетъ игру съ того, на чемъ остановился, т. е. съ двойняшекъ, тройняшекъ и т. д. Сосѣдъ игравшаго сначала сгоняетъ нагнанные на него щелчки; затѣмъ самъ нагоняетъ на своего лѣваго сосѣда и т. д. Если кто-нибудь, дѣлая клюшки, уронитъ камешки, то всѣ щелчки, раньше назначенные имъ на сосѣда, «пропадаютъ». Щелчки даются по рукѣ, когда игра совсѣмъ окончится.

20. *Пристѣнокъ.* Это одна изъ игръ въ бабки, о которыхъ мы упомянули выше, но которыхъ здѣсь не описываемъ въ подробности, по невозможности описать всего разнообразія ихъ въ краткомъ очеркѣ. Игру же въ «пристѣнокъ» описываемъ здѣсь главнымъ образомъ потому, что она имѣетъ связь съ однимъ народнымъ обычаемъ, первоначальный смыслъ котораго тѣмъ не менѣе въ настоящее время, кажется, трудно возстановить. — Въ эту игру обыкновенно играютъ только двое. Для этого выбирается гдѣ-нибудь сухое мѣсто около стѣны, воротъ, забора и т. д. Одинъ изъ играющихъ подходитъ къ стѣнѣ и на высотѣ аршина бросаетъ въ нее бабку, такъ чтобы она, отразившись, упала отъ нея въ нѣкоторомъ разстояніи. Другой такимъ же образомъ бросаетъ въ стѣнку свою бабку и притомъ старается ударъ этотъ произвести такъ, чтобы его бабка, отразившись отъ стѣнки, ударилась уже о лежащую, или по крайней мѣрѣ упала отъ нея не дальше пяди (пяды), т. е. разстоянія между концами указательнаго и большаго пальцевъ, когда они вытянуты по противуположнымъ направленіямъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вторая бабка считается выигравшею первую, а владѣтель ея получаетъ теперь право бросать ее первою. За нимъ бросаетъ бабку проигравшій, стараясь выполнить тѣ же условія. Когда брошенная бабка падаетъ отъ лежащей далѣе пяди, то бросается послѣдняя и т. д. Въ такомъ видѣ игра производится во всей средней полосѣ Россіи; но въ Тульскомъ уѣздѣ, по свидѣ-

[1]) H. Wagner l. c. S. 16.
[2]) H. Wagner l. c. S. 12.

тельству г. И. Соколова, въ эту игру играютъ исключительно на Вербное Воскресенье и при томъ не бабками, а особеннаго рода шариками, называемыми «катками», которые въ этотъ день нарочно пекутъ по всѣмъ деревнямъ изъ ржанаго тѣста въ дюймъ или полтора въ поперечникѣ.—Давно ли и вслѣдствіе какихъ причинъ возникъ въ Тульскомъ уѣздѣ такой обычай—мы съ своей стороны съ точностью сказать не можемъ.

21. *Палка—пъзда.* Играютъ двое. Кому водить—чикуются. Это значитъ: каждый подбрасываетъ палочку длиной въ четверть аршина и ударяетъ по ней снизу вверхъ возможно большее число разъ другой палочкой, длиной приблизительно аршина въ полтора. Водить тому, кто ударитъ меньшее число разъ. Если же оба ударяютъ одинаковое число разъ, то перечиковываются. За тѣмъ въ землю втыкается палка. Одинъ изъ играющихъ—не водящій—становится около нея и, подбросивъ лѣвою рукою въ воздухъ маленькую палочку, которою чиковались, на лету бьетъ по ней длинной палкой. Водящій поднимаетъ палочку, дѣлаетъ два шага по направленію къ воткнутой палкѣ и бросаетъ ее къ послѣдней. Ударившій измѣряетъ палкой, которою «билъ», разстояніе между упавшей палочкой и воткнутою. Число разъ, которое уложится палка—на этомъ разстояніи, считается нагнаннымъ на водящаго. За тѣмъ палочка поднимается и снова бросается. Водящій также снова поднимаетъ и бросаетъ ее по направленію къ воткнутой палкѣ. Опять измѣряется разстояніе и къ ранѣе нагнанному на водящаго числу прибавляется новое. Если водящій броситъ палочку такъ, что она упадетъ у самой воткнутой палки, то это выручаетъ его; водить идетъ уже стоявшій у палки. Выручившись, онъ сначала сгоняетъ съ себя всѣ нагнанныя палки, а затѣмъ уже въ свою очередь нагоняетъ на того. Если на водящаго будетъ нагнано двадцать палокъ, то игра прекращается. Нагнавшій двадцать палокъ въ послѣдній разъ бросаетъ палочку. Съ того мѣста, гдѣ упадетъ брошенная палочка, водящій долженъ нести на себѣ выигравшаго до воткнутой палки. (Тульск. губ.).

22. *Толчки.* Въ землю втыкается вертикально палка такой длины, что вершина ея приходится играющимъ приблизительно по вертлужную впадину. За тѣмъ играющіе по очереди съ разбѣга перепрыгиваютъ черезъ нее. Если всѣ перепрыгнутъ удачно, незацѣпившись за палку, то прыганье начинается снова въ томъ же порядкѣ. Но обыкновенно нѣкоторые изъ играющихъ задѣваютъ за палку. Тогда одного изъ неудачно перепрыгнувшихъ наклоняютъ Г—образно и поддерживаютъ. Приблизивъ къ нему задомъ неперепрыгнувшаго, такъ же изогнутаго, но обращеннаго ногами кверху, и раскачавъ его толкаютъ имъ перваго.—(Тульск. губ.).

23. *Дергачи.* Игроки сидятъ по мѣстамъ около стѣнъ. Водырь, по жребію, съ завязанными глазами ходитъ по комнатѣ. Забіяки начинаютъ сходить съ своихъ мѣстъ и дергать водыря за полы, который при этомъ долженъ угадать имя дергающаго. При отгадываніи нарушитель порядка дѣлается водыремъ.

Въ Германіи существуетъ также не мало игръ, основанныхъ на угадываніи и аналогичныхъ съ описанной, напр.: Bock, Bock, wie viel Hörner hab' ich? (Козелъ, козелъ! сколько у меня рогъ?), Jacob, wo bist du? (Яковъ! гдѣ ты?), Die blinde Jagd (слѣпая охота), Werwar's? oder die warme Hand. (Кто это? или горячая рука), Nasenzupfen (теребить за носъ), Brüderchen, wer klopft? (Братецъ, кто стучитъ?) [1]) и т. д.

Какъ варіанты дергачей, въ Россіи существуютъ еще слѣдующія игры:

24. *Кулешъ.* Ко вбитому въ землю колу привязываютъ веревкой аршина въ два—три длины водящаго съ завязанными или покрытыми картузомъ глазами. Остальные играющіе, отойдя нѣсколько въ сторону, бросаютъ въ кругъ, по которому водящій можетъ свободно ходить, свои картузы. Если водящій, найдя какой нибудь картузъ, узнаетъ, чей онъ, то хозяину картуза водить. Если же — нѣтъ, то поднимаетъ другой, третій и т. д., пока узнаетъ. (Тульск. губ.).

25. *Куриная слѣпота.* Одинъ изъ играющихъ нахлобучиваетъ себѣ на глаза картузъ и разставляетъ ноги. Остальные поочередно бросаютъ ему между ногъ спереди назадъ свои картузы. Когда всѣ картузы брошены, водящій, не открывая глазъ, ползкомъ отправляется отыскивать картузы. Найденному картузу водящій долженъ назвать хозяина. Если узнаетъ хозяина фуражки, то тотъ водитъ. Если же водящій ошибется, то ищетъ другую, третью и т. д., пока назоветъ безошибочно хозяина фуражки. Если же водящій ошибется на всѣхъ фуражкахъ, то послѣднія снова бросаются ему между ногъ.

26. *Слѣпая курица.* Одинъ изъ играющихъ, по жребію, получаетъ названіе *слѣпой курицы;* другой называется *чулокъ*, остальные даютъ себѣ названіе какой нибудь краски: красной, синей, зеленой и т. д. и на ухо сообщаютъ это названіе чулку. Всѣ краски становятся въ рядъ. Передъ ними становится чулокъ, который между собой и красками становитъ лицемъ къ краскамъ слѣпую курицу и закрываетъ ей глаза руками. Затѣмъ чулокъ называетъ какую нибудь краску, напр. желтую. Желтая выходитъ, подкрадывается къ слѣпой куриці и, давъ ей въ лобъ щелчокъ, становится также тихо опять на свое мѣсто. Чулокъ, перевернувъ вокругъ себя курицу, открываетъ ей глаза и спра-

[1]) H. Wagner l. c. S. 24—26.

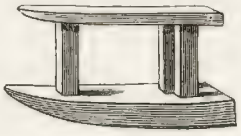
шиваетъ: кто ее щелкнулъ? Если курица узнаетъ, то щелкнувшій замѣняетъ ее, при чемъ краски уже перемѣняютъ свои названія и снова сообщаютъ ихъ чулку. Если же слѣпая курица ошибается, то продолжаетъ водить.

27. *Кули вѣшать*. Играютъ по четыре человѣка. Двое устанавливаются, прислонившись другъ къ другу, на колѣняхъ и на рукахъ, головами въ противуположныя стороны, такъ что спины ихъ представляютъ сплошную поверхность. Одинъ ложится поперекъ этой импровизированной платформы и, разставивъ ноги, поднимаетъ ихъ вверхъ. Другой, подойдя къ лежащему, наклоняется къ нему такъ, что головою приходится лежащему между поднятыхъ ногъ и оба обхватываютъ другъ друга по поясницѣ. Затѣмъ верхній выпрямляется и, поднявъ внизъ головою лежавшаго, перевертывается лицемъ въ противоположную сторону и опрокидывается на подставленныя спины, придавая такимъ образомъ поднятому положеніе, въ которомъ сначала находился самъ. Тотъ въ свою очередь поднимаетъ опустившаго его, также перевертывается и опрокидывается назадъ, становя поднятаго въ прежнее положеніе и т. д Если одинъ уронитъ другаго, то оба подставляютъ спины и вѣшать кули начинаютъ уже двое другихъ. (Тульск. губ).

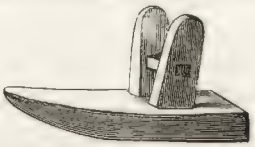
Изъ приведенныхъ для образца русскихъ игръ мы видѣли, что многія изъ нихъ разсчитаны на довольно сильныя физическія движенія; другія—на изощреніе внѣшнихъ чувствъ, быстроты и ловкости; наконецъ третьи,—повидимому, изобрѣтены лишь ради препровожденія времени «отъ нечего дѣлать», особенно въ длинные, скучные вечера зимніе. Описаніе многихъ народныхъ русскихъ игръ, между прочимъ, можно найти у Сахарова [1]), Снегирева [2]), Герда [3]) и др.

Къ числу русскихъ игръ слѣдуетъ отнести также нѣкоторыя забавы дѣтей, напр. *катанье* съ горъ и по льду въ зимнее время, на ногахъ, конькахъ, маленькихъ санкахъ, салазкахъ, льдинахъ и кобылахъ. Можетъ быть «кобыла», практикуемая въ Тверской, Тульской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ средней полосы Россіи, въ какихъ либо мѣстностяхъ носитъ другое названіе, поэтому мы вкороткѣ опишемъ ее здѣсь. Это—двѣ доски, соединенныя между собою четырьмя ножками (фиг. 212 и 213). Нижняя доска, называемая горбылемъ, спереди загибается полозообразно вверхъ и закругляется. Для катанья кобыла «подмораживается» такимъ образомъ: въ морозный день разводятъ хорошо передѣлавшійся (переварившійся) коровій пометъ въ теплой водѣ, такъ что образуется негустое тѣсто. Затѣмъ опрокидываютъ кобылу и покрываютъ поверхность горбыля слоемъ помета толщиною въ полдюйма и въ такомъ видѣ выставляютъ на морозъ. Когда пометъ замерзнетъ, то топоромъ или скобелью сглаживаютъ всѣ неровности и нѣсколько разъ поливаютъ водою, послѣ чего кобыла становится годною для катанья.

Иногда дѣти устроиваютъ *круговое катанье* на кобылѣ, салазкахъ и пр. посредствомъ колеса. Дѣлается это такъ: въ снѣгъ или ледъ на рѣкѣ, прудѣ и т. д. вбивается колъ и укрѣпляется посредствомъ подмораживанія поливаемой вокругъ его воды. Затѣмъ на колъ надѣвается телѣжное колесо,



Фиг. 212. Кобыла Тульской губерніи.



Фиг. 213. Скамья для катанья Пермской губерніи.

къ ободу котораго съ двухъ сторонъ придѣлываются два рычага: длинный и короткій. Къ свободному концу длиннаго рычага привязываютъ кобылу и пр., на которую садятся дѣти 2—3—4 человѣка, а другой рычагъ служитъ мѣстомъ приложенія силы для другихъ дѣтей, двигающихъ колесо вокругъ своей оси.

Катанье съ горъ и по льду, разумѣется, существуетъ вездѣ, гдѣ только есть горы и бываетъ по зимамъ ледъ; но въ описанномъ видѣ катанье существуетъ преимущественно въ Россіи; въ другихъ же мѣстностяхъ оно имѣетъ свой особенный характеръ. Лопари, напр., по свидѣтельству А. И. Кельсіева [1]), зимою по снѣгу искусно бѣгаютъ на лыжахъ съ горъ и на горы съ помощью двухъ длинныхъ палокъ въ рукахъ. На лыжахъ, говоритъ г. Кельсіевъ, Лопарь бѣжитъ такъ быстро, что догоняетъ любаго дикаго звѣря, или оленя. Лыжи въ немаломъ ходу также и въ Россіи, особенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ много охотятся по зимамъ на звѣрей и птицъ; но все-таки, очевидно, Лопари владѣютъ ими гораздо искуснѣе русскихъ, а потому упражненіе ими входитъ какъ

---

[1]) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. 1837 г. Ч. 2.

[2]) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники и пр. 1838 г. Вып. III.

[3]) И. Я. Гердъ. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ. 1880 г.

[1]) А. И. Кельсіевъ. Экспедиція въ Русскую Лапландію 1877 г., l. c.

бы въ обязательное обученіе съ дѣтства, между тѣмъ какъ въ Россіи приходится видѣть эту забаву среди дѣтей только изрѣдка.

Кулачные бои. Въ былыя времена эта забава практиковалась во многихъ городахъ русскихъ и нерѣдко въ весьма широкихъ размѣрахъ. Таковы бои, напр., по описаніямъ, бывали въ Новгородѣ, Твери, Тулѣ и т. д. По свидѣтельству г. Соколова, эта забава однако еще и по настоящее время практикуется на Святкахъ и Масляницѣ во многихъ селеніяхъ Богородицкаго и Епифанскаго уѣздовъ Тульской губерніи и еще не такъ давно процвѣтала въ самомъ городѣ Тулѣ подъ названіемъ «вытряхивать блины», такъ какъ дрались обыкновенно въ первые дни великаго поста. Бой начинается съ того, что въ извѣстные дни и въ извѣстныхъ мѣстахъ собирается масса народа, предварительно уже дѣлящаяся приблизительно на двѣ равныя стороны. Драку начинаютъ самые маленькіе мальчуганы. Это называется «дѣлать затравку». Мало по малу къ нимъ присоединяются подростки, потомъ выступаютъ взрослые и наконецъ все это превращается въ сплошную свалку, послѣ которой однимъ приходится слечь въ постель, другимъ вправлять нижнюю челюсть, а иные благополучно отдѣлываются лишь обильнымъ кровотеченіемъ изъ носа, или, по классическому выраженію бойцевъ, фонарями подъ глазами, т. е. чуть не сплошными синяками по физіономіи и т. д. Эта ужаснѣйшая драка тѣмъ не менѣе составляетъ забаву русскихъ людей, относящуюся къ разряду состязаній, а потому и не мѣшало упомянуть о ней въ ряду другихъ русскихъ забавъ.

Англичанамъ, не менѣе русскихъ, доставляютъ удовольствіе нѣкоторыя, въ сущности весьма дикія, состязанія, въ формѣ игръ и забавъ, напр., въ родѣ бокса, игры въ шары (Football) и т. п. Съ боксомъ, вѣроятно, многіе знакомы, а football мы вкоротцѣ опишемъ здѣсь. Задача игры состоитъ, чтобы прогнать ногою шаръ въ воротца противной стороны. При этомъ представьте себѣ тридцать здоровенныхъ молодцевъ, по пятнадцати на сторонѣ, кидающимися, какъ изступленные, толкающими другъ друга такъ, что бока трещатъ, нападающими другъ на друга, въ изорванной одеждѣ, съ синяками на тѣлѣ, съ всклокоченными волосами, съ исцарапанными лицами, выпачканными кровью и грязью, съ подбитыми глазами, сверкающими необыкновеннымъ азартомъ,—все это нипочемъ, лишь бы не быть побѣжденными. Сотни зрителей и зрительницъ окружаютъ мѣсто состязанія, аплодируютъ и ободряютъ игроковъ криками «браво». Въ этихъ дикихъ играхъ участвуютъ и учащееся юношество, и офицеры, и джентльмены,—словомъ вся молодежь Англіи, такъ какъ Football считается одною изъ любимѣйшихъ, національныхъ, атлетическихъ игръ или забавъ Англіи [1]).

[1]) Джонъ-Буль и его островъ („John Bull et son ile" par Max o'Rell). Русская Мысль. 1883 г. Книга XII, стр. 273.

ГЛАВА XXVIII.

ЛѢЧЕНІЕ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Суевѣріе и предразсудки. — Врачеваніе дѣтей у древнихъ Индусовъ, Персовъ, Иранцевъ. — Употребленіе опія, слабительныхъ и рвотныхъ въ дѣтской практикѣ на Востокѣ.—Народное пользованіе дѣтей въ Германіи, Англіи, Швейцаріи, Далмаціи и у нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ народовъ.—Народное лѣченіе дѣтскихъ болѣзней въ коренномъ населеніи Россіи и у русскихъ инородцевъ.—Оригинальное лѣченіе оспы и другихъ заразныхъ болѣзней у Калмыковъ, Киргизовъ и нѣкоторыхъ племенъ Кавказскихъ.—Наивная патологія и терапія дѣтскихъ болѣзней у Эстовъ.

Суевѣріе и предразсудки глубоко коренятся въ мало образованныхъ классахъ всѣхъ народовъ и обыкновенно сопровождаютъ ихъ отъ колыбели до могилы. Но послѣ нѣкоторыхъ полурелигіозныхъ обычаевъ, можетъ быть, ни въ одной области проявленія человѣческаго духа эти суевѣрія и предразсудки не играютъ такой громадной роли, какъ въ народной медицинѣ. Безъ научныхъ знаній и опыта недуги человѣческіе, естественно, кажутся простолюдину чѣмъ-то выходящимъ изъ ряда, непонятнымъ и изумляющимъ его. Въ борьбѣ съ ними онъ считаетъ наиболѣе надежнымъ также и защищаться средствами, менѣе всего поддающимися объясненію, и вотъ отсюда-то является у него особое довѣріе во время своихъ болѣзней къ менѣе всего понятному, напр., въ родѣ отчитываній нашептываній, заговоровъ, симпатій, пилигримствъ, исполненія почти неосуществимыхъ задачъ и т. п. Къ счастію, многія изъ этихъ средствъ довольно индифферентны по отношенію къ здоровью; но этого нельзя сказать о рядѣ другихъ средствъ, такъ какъ несомнѣнно, что многія изъ нихъ весьма вредны.

Дѣтскій организмъ, по своей нѣжности, слабости и непривычкѣ представлять надлежащія сопротивленія грубымъ внѣшнимъ вліяніямъ, вообще заболѣваетъ несравненно чаще взрослаго, а вмѣстѣ съ съ тѣмъ далеко не такъ легко отбивается отъ болѣзней, его посѣщающихъ, какъ организмъ взрослаго. Отсюда наиболѣе частое, если не сказать почти всюду поголовное, лѣченіе дѣтей въ простомъ народѣ, при здоровьи и болѣзняхъ ихъ и, разумѣется, всегда плодами доморощенной, знахарской медицины, какъ наиболѣе доступной народу.

Чрезвычайно интересно врачебное пользованіе дѣтей у древнихъ Индусовъ, [1]) которымъ оно строго предписывалось частью религіознымъ, частью врачебнымъ авторитетомъ. По законамъ Ману дитяти мужескаго пола тотчасъ послѣ рожденія при молитвахъ вливали въ ротъ медъ и очищенное коровье масло. По показанію древнѣйшихъ индійскихъ сочиненій врачебнаго искусства тотчасъ послѣ рожденія заставляли ребенка слизывать съ пальца порошокъ Cassiae fistulae съ медовымъ сокомъ, масло, Panicum dactylum и Siphonathus indica. Ребенка также обкуривали, обмывали члены его нѣкоторыми лѣкарственными веществами, посыпали на него Sesamum orientale, льняное сѣмя, горчицу и перецъ.

Въ настоящее время въ Южной Индіи новорожденному ребенку даютъ во время первыхъ трехъ дней (когда дитя вообще не получаетъ еще груди матери, но только медъ) пять капель эмульсіи Euphorbiae Tirucalli, когда замѣчаютъ, что наружные члены ребенка холодны. Когда же на третій день вытрутъ ребенка масломъ и выкупаютъ въ чесночномъ декоктѣ, то начинаютъ кормить его грудью и съ этихъ же поръ начинаютъ давать ему чрезъ каждые два дня перецъ въ касторовомъ маслѣ. Нѣкоторые же даютъ ol. ricini сначала утромъ и вечеромъ, потомъ по одному разу въ день и уже съ третьяго мѣсяца чрезъ день.

У Парсовъ въ Индіи выжимали новорожденному въ ротъ сокъ Haoma, прежде чѣмъ онъ получитъ молоко матери. Haoma уже у древнихъ Индусовъ была въ великомъ почетѣ. Выжатый сокъ растенія Soma (Asclepias acida) представлялъ именно у Иранцевъ и Индійцевъ уже въ очень древнія времена

[1]) Всѣ факты безъ цитатъ для этой главы съ небольшими сокращеніями заимствованы у Ploss'a. B. II. S. 161—172.

не только предметъ религіознаго жертвоприношенія, но даже духъ этого сока по сю и по ту сторону Инда почитался за могущественное божество подъ именемъ *Бога Маома*, какъ сказано въ священныхъ книгахъ Зендавесты. Напитокъ Soma также и Буддистами былъ приносимъ въ жертву голоднымъ и жаждущимъ богамъ вмѣстѣ съ молокомъ и очищеннымъ коровьимъ масломъ.

На Востокѣ весьма часто встрѣчается обычай усыплять дѣтей посредствомъ опія. Въ Прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи, равно какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Персіи, въ особенности въ провинціи Гиланъ, почти вошло во всеобщій обычай давать внутрь маленькимъ дѣтямъ обоего пола съ самаго дня ихъ рожденія аккуратно каждый вечеръ относительно большой пріемъ опія, чтобъ они спали, не обращая вниманія на то, безпокойны они или нѣтъ. — Въ случаѣ безпокойства, за незначительными исключеніями, пичкаютъ дѣтей отварами изъ маковыхъ головокъ, которыя въ такомъ случаѣ также какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Персіи замѣняютъ опій. Это отвратительное пользованіе дѣтей, по крайней мѣрѣ въ Гилянѣ, продолжается до 3-го или 4-го года, рѣдко больше. Грудныя дѣти въ Персіи также часто получаютъ «шербетъ хашъ хашъ» т. е. Syrupus diacodii для усыпленія.

На ряду съ этими наркотическими (ошеломляющими или успокоивающими) средствами слабительныя представляютъ также весьма важныя дѣтскія лѣкарства у всѣхъ народовъ. На Востокѣ, напримѣръ въ Персіи, въ первые два дня никакой другой пищи не даютъ кромѣ небольшаго количества свѣжаго коровьяго масла (Polak); въ Японіи новорожденный получаетъ въ продолженіе трехъ, четырехъ или по крайней мѣрѣ двухъ дней послѣ рожденія питье чрезвычайно сложной смѣси, къ которой, между прочимъ, примѣшаны: ревень, sectang, солодковый корень или сильно дѣйствующія слабительныя пилюли (v. Siebold); другіе писатели изъ Японіи сообщаютъ, что «первые три дня для послабленія пользуются тамъ ревенемъ». На Явѣ матери продѣлываютъ надъ своими дѣтьми чрезвычайно много нелѣпостей всякаго рода, уже въ первые дни ихъ жизни; напримѣръ, кладутъ грудному ребенку, спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія, кусочекъ Brambang (Charlotten Zwiebel) на голову и натираютъ его лобъ и виски корнемъ керри. Эти мнимыя укрѣпляющія средства ежедневно возобновляются до тѣхъ поръ, пока дитяти не минуло 3 или 4 года. Корень Керри и растертый Brambang, смѣшанные съ испанскимъ перцемъ, представляютъ на Явѣ необходимую приправу для ежедневно употребляемаго риса. Женщины на Явѣ имѣютъ также обыкновеніе очень часто давать своимъ грудными дѣтямъ, а также отъ одного до четырехлѣтняго возраста, рвотное, которое, дѣти только съ величайшимъ отвращеніемъ проглатываютъ. Julius Kögel видѣлъ, какъ матери мелко крошили нѣкоторыя травы, наливали на нихъ немного воды и потомъ выжимали ихъ между пальцами, отъ чего получалось рвотное зеленоватаго вида. Эту жидкость фильтруютъ чрезъ бѣлую бумажную вѣтошку и даютъ принимать дитяти, послѣ чего чрезъ 5 — 3 минутъ слѣдуетъ рвота. Если дитя у Аравитянъ въ Алжирѣ во время первыхъ мѣсяцевъ жизни не беретъ груди матери, то ему даютъ кусочекъ Asae foetidae, величиною съ пшеничное зерно. Но самое большое количество лѣкарствъ встрѣчается въ Китаѣ. — Не менѣе странные примѣры представляетъ народная медицина въ Европѣ. Это просто удивительно, — говоритъ Плоссъ, - что почти вездѣ, благодаря народнымъ предразсудкамъ, дитяти даютъ лѣкарства тогда, когда оно не больное, а между тѣмъ въ то время, когда оно серьезно хвораетъ, находятъ всѣ лѣкарства недостаточными и довѣряются или симпатическому лѣченію, или церковной силѣ путешествія къ святымъ мѣстамъ жертвованію въ пользу церкви, молитвамъ и служенію обѣдней. Вмѣсто многочисленныхъ фактовъ мы отмѣтимъ здѣсь только нѣкоторые примѣры изъ Германіи. Въ округѣ Шонгау, въ верхней Баваріи, существуетъ суевѣріе, что при заболѣваніи ребенка онъ можетъ выздоровѣть, если куда нибудь въ Швабіи отправиться на богомолье къ святымъ мѣстамъ. Тамъ въ церкви вѣшаютъ грязную рубашку маленькаго больнаго, приносятъ нѣкоторую жерву и законоучитель поставленное лице читаетъ обязательную молитву. Со дня отправленія на богомолье до девятаго дня нельзя ни мыть, ни купать ребенка, ни перемѣнять на немъ чистаго бѣлья и менѣе всего позволяется ему давать лѣкарства. Большею частью больное дитя,—по свидѣтельству д-ра Крюгера,—умираетъ еще до окончанія девятидневнаго, чудотворнаго лѣченія.—Въ Мюнхенѣ господствуетъ вѣра, что для тяжко больныхъ дѣтей необходимо взять за деньги въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, такъ называемые, «порошки, посвященные жизни и смерти» и такимъ образомъ рѣшеніе будущности дитяти предоставить волѣ Господа Бога.

Между народными лѣкарственными средствами, которыя играютъ важную роль у здоровыхъ дѣтей всѣхъ націй, успокоительныя лѣкарства въ разнообразнѣйшихъ формахъ въ видѣ сироповъ, чая, капель, порошковъ и пр. стоятъ на первомъ планѣ. Эти препараты дѣйствуютъ часто ужаснѣйшимъ образомъ, потому что заключаютъ въ себѣ, какъ главный лѣкарственный составъ сильныя наркотическія вещества, напр. опій или алкоголь. Дитя засыпаетъ какъ ошеломленное, а можетъ быть ботѣе и совсѣмъ не просыпается. Такимъ образомъ въ Вюртембергѣ (округъ Blaubeuren) употребляютъ для успокоенія и засыпанія дѣтей различные успокоитель-

ные сиропы, напримѣръ, такъ называемый, «успокоительный сиропъ», т. е. syrupus opiatus, далѣе Grimmerpulver съ опіемъ, именно «klapperlingsthee», т. е. маковыя головки и даже водку. Такимъ образомъ не мало дѣтей было принесено въ жертву изъ за собственнаго удобства самихъ родителей. Syrupus Diacodii въ большей части Австріи продается подъ именемъ «сиропа козлинаго рога» «Bockshörndlsaft» и содержитъ въ себѣ опіумъ. Этого количества опія совершенно достаточно для того, чтобы у нѣжныхъ дѣтей произвести сильный ошеломляющій сонъ, или даже причинить имъ смерть. — Въ 1863-мъ году въ Вѣнѣ быстро умерли четверо грудныхъ дѣтей отъ принятія этого сиропа, вслѣдствіе чего медицинская коллегія предложила Высшей Власти слѣдить построже за продажею этого опаснаго лѣкарства. Въ Мекленбургѣ нѣкоторыя матери, по L. Fromm'y (Шверинъ), усыпляютъ своихъ дѣтей посредствомъ отвара маковыхъ семянъ или декокта очень ядовитой бѣлены (Hyoscriamus niger). Изъ Тюрингена (Königsee многіе, такъ называемые, лаборанты ведутъ значительно распространенную торговлю ядовитыми «маслами и бальзамами», которые, вѣроятно, также содержатъ въ себѣ опій и даются дѣтямъ.

Если мы будемъ разсматривать наши отечественные германскіе обычаи,—говоритъ Плоссъ,—то мы должны для приблизительно вѣрнаго сравненія разбирать село за селомъ, ибо обычаи и нравы въ этомъ отношеніи, смотря по провинціямъ, совершенно различны. Мы можемъ выставить только нѣкоторыя мѣстности, какъ характеристическіе представители германской народной медицины. Между другими докторъ Флюгель заслуживаетъ особое вниманіе своими сообщеніями десятилѣтняго наблюденія въ Франконскомъ лѣсу. Когда здѣсь родится ребенокъ, то обыкновенно, подобно многимъ мѣстностямъ Германіи, тотчасъ приготовляютъ для него немного чая изъ ромашки или какъ питательное, или какъ успокоительное средство; вскорѣ послѣ того приносятъ изъ аптеки «сиропецъ» и это у заботливыхъ родителей повторяется такъ часто, какъ только думаютъ, что у ребенка что нибудь не въ порядкѣ.—Желтуху у новорожденныхъ принимаютъ за нѣчто естественное, ибо полагаютъ, что съ нею выходитъ наружу нѣчто вредное; если же при этомъ появляется воспаленіе глазъ, то полагаютъ, что желтуха бросилась въ глаза, причемъ прочищаютъ глаза материнскимъ молокомъ и даютъ слабительный сиропчикъ.—На счетъ молочницы также думаютъ, что она вреда не приноситъ, или что дѣти должны имѣть ее. Средствомъ противъ нея употребляютъ розовый медъ.—Почти при каждомъ недугѣ говорятъ: «это, конечно, зубки рѣжутся».—Если развитіе питанія и костей у ребенка приостанавливается, то полагаютъ, «что у него зубки рѣжутся чрезъ самые члены».—Больше всего боятся, чтобы къ этой болѣзни не присоединился «Flaschlich» дѣтская болѣзнь—колики (родимчикъ?), — спазматическая форма, которую также называютъ Fraisen (судороги). Какъ противъ труднаго прорѣзыванія зубовъ, такъ и противъ спазмовъ должны прежде всего помогать симпатическія средства и амулеты. Въ числѣ другихъ хорошихъ средствъ предлагаются: поскребки высохшаго кончика пуповины или монеты, подаренной кумомъ, и первыя испражненія дитяти, которыя отдѣлились еще прежде приложенія его къ груди.—Также очень часто употребляется желудокъ птицы глухаря. Противъ глистовъ, все равно, есть они или нѣтъ, даютъ противуглистныя средства. Очень важной дѣтской болѣзнью считается, такъ называемое, «приростаніе», подъ которымъ разумѣютъ воображаемое сростаніе нижнихъ частей реберъ съ позадилежащими внутренностями (кишками); единственное средство противъ этого составляетъ мазь противъ приростанія, извѣстная въ аптекахъ подъ именемъ тополевой мази (Ung. populi). Когда крикъ дитяти обозначаетъ боль живота, то находятъ у него, такъ называемое, выпаденіе (Ausbarzen), вывихъ, спаденіе пупка.—если при этомъ пупокъ сильно выдается впередъ, то противъ этого предлагаютъ завернуть въ тряпочку золотую монету и прикладывать къ пупку; если пупокъ глубоко вдавленъ, то берется рюмочка съ зажженною свѣчкою въ ней и прикладывается въ родѣ банки.

Народное пользованіе ребенка въ сѣверо-западной Германіи описываетъ д-ръ Goldschmidt. Тамъ мы находимъ въ комнатѣ роженицы зажиточныхъ людей всегда въ запасѣ нѣсколько склянокъ и коробочекъ съ порошками, укропную воду, ромашку, магнезію и бѣлый дѣтскій порошокъ. Какъ только бѣдный ребенокъ закричитъ, предполагаютъ у него страданіе отъ вѣтровъ и тотчасъ же даютъ ему принять одно изъ названныхъ средствъ. Почти ни одно дитя не остается совсѣмъ безъ лѣкарствъ, даже самая бѣдная мать добудетъ себѣ нѣсколько грошей на сиропы изъ манны и ревеня, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ въ запасѣ ромашку. Если означенныя средства не помогаютъ и дитя продолжаетъ кричать, тогда предполагаютъ въ немъ «приростаніе» (Anwassensin), и дитя отправляется къ старухѣ, которая славится тѣмъ, что умѣетъ хорошо править (Afsticken). Старуха начинаетъ свою операцію съ того, что обѣими руками, предварительно намазанными куринымъ жиромъ (Hühnerfloht), нѣжно третъ животъ дитяти съ одной стороны въ другую.

Въ Верхнемъ Пфальцѣ (въ Баваріи) въ большихъ городахъ акушерка даетъ ребенку, прежде чѣмъ приложить его къ груди матери, прочищающій сиропъ. Чтобы успокоить безпокойнаго ребенка, иногда не-

вѣжественныя матери и прислуга прибѣгали къ весьма вредной мѣрѣ—погружали крикуна въ водку. Родъ смерти дѣтей опредѣляется различно, а именно: если не задолго до смерти появлялись испражненія желтаго цвѣта, то это обозначаютъ «желтымъ омертвѣніемъ» (Gelber Brand); вѣрятъ также въ внезапныя апоплексіи у дѣтей; часто считаютъ причиною смерти спазмы, называемые здѣсь Unkraut (плевелами) и появляющіеся часто непосредственно передъ смертью; конечно всѣ эти болѣзни объясняются какъ появившіяся сами собой. Къ помощи врача для дѣтей въ верхнемъ Пфальцѣ никогда не прибѣгаютъ. Тамъ и сямъ акушерка даетъ сиропъ, дѣлаетъ компрессы или промывательныя и въ этомъ состоитъ все лѣченіе. Такъ какъ обыкновенно жители Баварскаго верхняго Пфальца представляютъ себѣ новорожденнаго нечистымъ по тѣлу и душѣ, то они и очищаютъ внутренняго человѣка сиропомъ изъ манны и ревеня. Въ Баварскомъ верхнемъ Пфальцѣ считаютъ необходимымъ отдѣленіе Meconii у новорожденнаго въ теченіе первыхъ же часовъ послѣ рожденія; но если этого не случилось, то считаютъ необходимымъ дать дитяти сиропецъ, а именно: syrupus Rhei и вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ путь для всѣхъ дальнѣйшихъ шарлатанственныхъ лѣченій. Утверждаютъ, что послѣ этого ребенокъ охотнѣе беретъ грудь.

Въ Швабіи дѣтскіе сиропы изъ манны также въ большомъ ходу.

Въ Кенигсбергѣ въ Пруссіи новорожденный тотчасъ получаетъ нѣсколько чайныхъ ложекъ Infusum Chamomillae, но слабительныхъ не даютъ.

Въ Саксоніи употребленіе Syrupi Rhei для произведенія перваго испражненія принадлежитъ къ старинамъ, закоренѣлымъ предразсудкамъ. Кромѣ того Arow-Root, рисовая мука, такъ называемый питательный чай, пшеничная мука, сухари, булки, хлѣбъ, яичный бѣлокъ, говяжій отваръ,— далѣе какъ лѣкарственныя вещества — укропъ, анисъ, тминъ и валеріана суть предметы, которые испытываютъ надъ ребенкомъ поперемѣнно и безъ разбора, а между тѣмъ даютъ ему также неизбѣжную соску. — Тутъ нечего удивляться, что многія дѣти послѣ такого обращенія умираютъ, напротивъ надо удивляться, что несмотря на такое обращеніе нѣкоторыя изъ нихъ остаются въ живыхъ.

Въ Англіи у народа больше всего распространено злоупотребленіе давать дѣтямъ усыпительные напитки съ опіемъ. Такимъ образомъ уже не мало дѣтей умерло отъ такъ называемыхъ «черныхъ капель» (Blackdrops). Въ фабричныхъ округахъ Англіи употребленіе опія весьма значительно; нѣкоторые дрогисты ежегодно продаютъ болѣе 200 фунтовъ. Ежедневное потребленіе опія было сравнительно вычислено въ одной провинціи и приходилось приблизительно по 100 гранъ на человѣка; одна обыкновенная лавка въ субботу вечеромъ снабжаетъ отъ 300—400 покупателей. Дѣтямъ даютъ опій въ формѣ «Godfrey's Cordial» (укрѣпленіе сердца Годфри), потому и случается, что мать обязанная идти на работу передаетъ своихъ дѣтей на попеченіе нянькѣ, которая уже даетъ дѣтямъ своего Годфри, вмѣсто назначеннаго матерью. Призванный на помощь врачъ находитъ тогда полдюжины дѣтей частью храпящихъ, частью съ искаженіемъ глазъ, блѣдныхъ, съ ввалившимися глазами и всѣхъ отравленными. По изслѣдованію въ Манчестерѣ оказалось, что пятнадцать продавцевъ еженедѣльно продавали шесть галлоновъ такихъ дѣтскихъ усыпительныхъ средствъ, которыя содержали въ себѣ много Laudanum (опія).—На одномъ митингѣ въ Эдинбургѣ было заявлено какъ фактъ, что количество опія, которое дѣти въ Англіи должны проглотить, просто изумительно и что, напримѣръ, одинъ дрогистъ въ Манчестерѣ продаетъ еженедѣльно не менѣе 20-ти галлоновъ микстуръ опія для употребленія маленькимъ дѣтямъ. И конечно, послѣ оживленной рѣчи оратора на митингѣ потребленіе галлоновъ удивительно быстро возросло. Godfrey's Cordial состоитъ изъ Theriae ven. и Rad. Zingib. spirit vini, Ol. sassafras и Tinct. thebaica съ водою и сиропомъ. Это есть самое любимѣйшее усыпительное питье въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ и Ливерпулѣ.

Въ деревняхъ Швейцаріи также распространенъ вредный обычай, въ силу котораго несозрѣлыя головки садоваго мака (Papaver Somniferum) кипятятъ въ водѣ, процѣживаютъ и даютъ маленькимъ дѣтямъ пить, чтобы они долго спали. Но кромѣ того въ Швейцаріи извѣстно народу огромное количество безсмысленныхъ домашнихъ средствъ противъ разнообразнѣйшихъ дѣтскихъ болѣзней. Объ этихъ средствахъ народъ частью узнаетъ, частью изучаетъ ихъ изъ старинныхъ Швейцарскихъ лѣчебниковъ (напримѣръ: Muralt, Hippokrat. helvet. Basel. 1692).— Тамъ говорится между прочимъ, «когда маленькія дѣти страдаютъ сильнымъ запоромъ, то дай имъ внутрь немного мышинаго кала съ молокомъ матери». —Нѣкоторыя средства можетъ быть получили свое начало въ очень древнія времена и принадлежатъ къ тѣмъ симпатическимъ лѣченіямъ, которыя произошли отъ миѳическихъ и мистическихъ обычаевъ. Такъ, напримѣръ, кладутъ подъ подушку дитяти, страждущаго безсонницей, яблоко сна (Schlafapfel), Spongia cynobasti, называемая «Rosmiers»; еще чаще для этого берутъ дерево омѣла (Baumwistel) и употребляютъ его какъ Schalldorn, называемое тогда Schlafkuntz; натираютъ также виски дитяти, которое не можетъ заснуть, отваромъ изъ корня Mandragora.—Противъ привидѣній и домовыхъ (Toggeli) кладутъ подъ порогъ дома и подъ колыбель Arum maculatum (Aronchrut); а если у дитяти испорченная кровь, то эту траву запекаютъ въ

пирогъ, называемый Aronctotsch. — Если у дитяти изнурительная чахотка («ettig» или «Schwindsucht», по французски l'etique), то содержатъ у себя крестовую птицу (Kreuzvogel) и даютъ ребенку пить изъ посуды птицы. Еще говорятъ, что 77 піоновыхъ зеренъ, надѣтыхъ кругомъ шеи дитяти, помогаютъ ему противъ «Freischlich, Kinderwehe, Kindergiehter».— Это «Freischlich» у Швейцарцевъ, вѣроятно, то-же самое вышеупомянутое «Flaschlich» во Франконскомъ лѣсу. А противъ «Kinderweh» кладутъ дитяти гвоздь отъ подошвы подъ подушку. — Къ числу симпатическихъ средствъ, употребляемыхъ въ Швейцаріи, принадлежатъ также: просовываніе дитяти, страдающаго грыжей, чрезъ расщепленное молодое дерево, которое послѣ должно опять срости;—заговоръ надъ обрѣзанными ногтями пальцевъ, которые при таинственномъ нашептываніи засовываютъ въ отверстіе, сдѣланное въ вѣткѣ дерева. Противъ матежей, веснушекъ дѣтей: отвариваютъ трехъ садовыхъ жабъ и этотъ отваръ употребляютъ для умыванья. Противъ перепончатой жабы отвариваютъ горсть домашнихъ кореньевъ вмѣстѣ съ шестью жабами и употребляютъ для полосканья горла. Дѣтямъ, у которыхъ не держится моча, даютъ два раза въ день на тощакъ питье изъ засушенныхъ рыбокъ, находившихся въ желудкѣ щуки. Слюна матери, еще ничего не съѣвшей, вылѣчиваетъ воспаленіе глазъ у ребенка. При кори слѣдуетъ мыть дѣтей гороховымъ отваромъ, тогда сыпь сглаживается и корь проходитъ. Противъ слабости мочеваго пузыря и чтобы дитя не такъ часто мочилось, оно получаетъ три красныхъ вши. Грыжу у дѣтей лѣчатъ такъ: въ маѣ мѣсяцѣ поймаютъ четырехъ кротовъ, желудки которыхъ отвариваютъ въ винѣ, потомъ въ видѣ сухихъ порошковъ даютъ принимать дитяти каждое утро. Послѣдніе три членика кончика заячьяго хвоста также обращаются въ порошокъ и помогаютъ отъ Freischlich (дѣтской боли). При трудномъ прорѣзываніи зубовъ набираютъ 20 мокрицъ (multipes) изъ домашняго погреба, толкутъ ихъ въ ступѣ и чрезъ тряпочку выжимаютъ ихъ сокъ, который смѣшиваютъ съ бульономъ и по чайной ложкѣ даютъ дитяти два разъ въ день, между 9-ю 10-ю часами утра и между 4-мъ 5-мъ часами дня. Если у дитяти красный порокъ («rother Schaden»), то даютъ ему пить отваръ всемірноспасительной травы (Agrimonium Cupatorium).

Въ Далмаціи жестоко обращаются съ дѣтьми акушерки, въ рукахъ которыхъ вообще находится вся дѣтская практика. Главныя средства ихъ составляютъ клистиры изъ различнѣйшихъ составовъ, противуглистныя снадобья, вытиранія теплымъ масломъ, перцемъ и виномъ, разнообразные отвары изъ травъ и обкладываніе всего живота пластырями, а также растравливаніе ногъ горчичниками. Первое главнѣйшее страданіе, которому подвергаются дѣти до седьмаго мѣсяца, есть, по мнѣнію акушерокъ, прорѣзаніе зубовъ, и такъ какъ при этомъ поносъ доставляетъ облегченіе, то необходимо, чтобы дитя слабило при помощи ol. ricini, слабительныхъ сосулекъ и клистировъ для скорѣйшаго прорѣзанія зубовъ. Второе мнимое страданіе дѣтей представляютъ глисты. Всякое безпокойство, всякая шалость, плачъ и вскрикиваніе по ночамъ, вздутіе нижней части живота и пр. считаются признаками глистовъ и акушерка вооружается противъ этой болѣзни сантониномъ, противуглистными конфектами, декоктомъ изъ гранатнаго корня, отваромъ Knofel'я, александрійскимъ листомъ и даже обкуриваніемъ задняго прохода. При кашлѣ и затруднительномъ дыханіи у дѣтей акушерка дѣйствуетъ противъ «крупа» клистирами, рвотными порошками, горячими припарками и втираніемъ горячаго свинаго сала. Каждое заболѣвшее дитя до опасности задушенія въ кроваткѣ закутывается въ теплыя одѣяла и должно потѣть въ нихъ въ продолженіе 40-ка сутокъ.

Задаваясь вопросомъ объ источникахъ употребленія народныхъ средствъ при лѣченіи дѣтскихъ болѣзней въ Германіи, Плоссъ говоритъ, что многія изъ нихъ можно найти въ старинныхъ акушерскихъ книгахъ, авторы которыхъ опять таки почерпали свѣдѣнія для своихъ сочиненій изъ скуднаго источника собранія старинныхъ рецептовъ, къ которымъ были присоединены также и предписанія, основанныя на суевѣріяхъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ-же круговоротѣ вращается доморощенная медицина и другихъ народовъ.

Народное лѣченіе дѣтскихъ болѣзней въ Россіи.

До времени учрежденія земствъ въ Россіи, вызванныхъ къ жизни въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, заботы о народномъ здравіи, можно сказать, были почти совсѣмъ пренебрежены. До этого времени врачи жили въ деревняхъ только какъ рѣдкія исключенія, а именно, по найму въ какихъ либо богатыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или-же кое-гдѣ сами жили помѣщиками; но низкій уровень развитія крестьянъ прежняго времени и особенно крѣпостныхъ крестьянъ, при высокомъ понятіи о баринѣ—докторѣ, мѣшали имъ пользоваться и этими весьма рѣдкими представителями научной медицины, разсѣянными среди огромнаго русскаго сельскаго населенія. Между тѣмъ крестьянская семья, какъ и семья любаго аристократа, не была изъята отъ болѣзней, въ содружествѣ съ которыми не хотѣлось жить также и обиженному судьбой крестьянину. При такой обстановкѣ знахарство, ведущее свое начало, собственно говоря, еще изъ глубокой древности и представляющее собою остатокъ большею частью языческихъ, медицинскихъ преданій и

вѣрованій старой Руси, не замедлило предложить свои услуги русскому мужику и такимъ образомъ доморощенная медицина успѣла занять и упрочить за собой весьма видное мѣсто въ обиходѣ его жизни. Въ свою очередь знахари и знахарки, ведя жизнь большею частью уединенную и отдѣльную, отличаясь молчаливостью и необщительностью, будучи окружены какою-то таинственностью и всѣми страшными аттрибутами своей профессіи, не рѣдко дѣйствительно вполнѣ достигали своей цѣли, а именно общаго почета, личной корысти и беззастѣнчиваго вмѣшательства въ недуги простодушной братіи, среди которой они жили. Рѣдко приходилось этимъ знахарямъ приносить дѣйствительную пользу; но тѣмъ не менѣе крестьяне терпѣли ихъ, какъ неизбѣжное зло, даже изъ опасенія, чтобы они не дѣлали имъ много лишняго вреда; въ случаѣ-же удачной помощи, слава о нихъ шла далеко и на исцѣленіе къ нимъ нерѣдко приходили и пріѣзжали массами за сотни верстъ. Но эти времена и обычаи, еще такъ свѣжіе въ памяти многихъ русскихъ, слава Богу, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе переходятъ въ область преданій. Въ настоящее время, благодаря усиліямъ земства, раціональная врачебная помощь народу мало по малу начинаетъ обезпечиваться и хотя о ней до сихъ поръ еще нельзя сказать, чтобы она была достаточна сравнительно съ дѣйствительными потребностями народа, тѣмъ не менѣе вліяніемъ этой помощи знахарство уже много ослаблено и русскій народъ все болѣе и болѣе освобождается отъ хитрыхъ паутовыхъ тенетъ его.

Собираніе обычаевъ самолѣченія крестьянъ и приложенія ихъ къ лѣченію дѣтскихъ болѣзней сначала не входило въ планъ нашего изслѣдованія; но въ ряду свѣдѣній, доставленныхъ по нашей программѣ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сообщены были свѣдѣнія, касающіяся также и врачебной помощи больнымъ дѣтямъ, практикуемыя въ народѣ. Когда скопилось не малое количество таковыхъ свѣдѣній, то, несмотря на всю неполноту и отрывочность ихъ, мы тѣмъ не менѣе сочли не лишнимъ дать мѣсто въ своемъ изслѣдованіи и тѣмъ изъ нихъ, которыя подходили къ нашимъ цѣлямъ, какъ имѣющимъ также нѣкоторое отношеніе къ физическому воспитанію дѣтей.

Въ числѣ дѣтскихъ болѣзней народъ признаетъ главнымъ образомъ слѣдующія: помятіе новорожденнаго при родахъ, обмираніе его при этомъ процессѣ, грызь, крикъ, безсонницу, залеганіе носа, кашель, приращеніе язычка, щетинку, прѣлость, голодуху, сухотку, худобище, сутецъ, собачью старость, золотуху, глазную боль, зубы, поносъ, запоръ, задержаніе и недержаніе мочи, родимчикъ, глисты, рожу, почесуху, дурную болѣзнь, оспу и нѣкоторыя другія.

При подозрѣніяхъ относительно *помятія* новорожденнаго во время родовъ повитуха обыкновенно старается исправить ихъ и съ этою цѣлью производитъ надъ ребенкомъ цѣлый рядъ экспериментовъ, подробно описанныхъ нами въ главѣ о ровненіи и правленіи тѣла дѣтей.

Относительно мѣръ, употребляемыхъ повитухами для приведенія въ чувство дѣтей, родившихся въ асфиксическомъ состояніи, называемомъ ими *обмираніемъ*, одурѣлостью и т. п., сказано было въ главѣ о рожденіи и первоначальной обстановкѣ новорожденнаго въ Россіи.

Грызь обыкновенно предполагается у каждаго маленькаго ребенка и тѣмъ болѣе новорожденнаго. Лучшимъ средствомъ противъ нея обыкновенно считается соска съ чернымъ хлѣбомъ и съ солью. Въ иныхъ же мѣстахъ, какъ сказано въ главѣ о кормленіи дѣтей, прибавляютъ къ соскѣ еще тертую морковь, свеклу, жеваный горохъ, конопляное сѣмя, орѣхи, яблоки и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской и Пермской губерній для уничтоженія грызи кромѣ того прибавляютъ къ соскѣ небольшое количество сѣры.—Въ Тульской губерніи, по словамъ д-ра Смидовича,[1])—чаще всего употребляютъ противъ грызи можжевеловыя капли,—а по свидѣтельству г. Соколова, когда рѣжутъ свиней, то берутъ желчь ихъ и мажутъ ею пупъ больнаго. Въ Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству учителя Милоцановича,—для уничтоженія грызи даютъ дѣтямъ еще растворъ царской водки (ac. nitric)—2—3 капли на рюмку воды. При выхожденіи пупочной грыжи кладутъ на пупокъ орѣховую скорлупу, зашитую въ тряпочку и припеленатую вокругъ живота особеннымъ бинтомъ. Если при этомъ пупокъ мокнетъ, то кладутъ на него изюменку. При подозрѣніи на грыжу у дѣтей болѣе старшаго возраста, бабки правятъ животъ, т. е. растираютъ и мнутъ его или накидываютъ на животъ горшокъ. Для послѣдней цѣли больному, лежащему на спинѣ, кладутъ на животъ гущи, т. е. тѣста изъ подъ квасу со дна кадки. (Тульск. губ.) Въ гущу погружаютъ одинъ конецъ льняной, или пеньковой пряди, а другой зажигаютъ и затѣмъ накидываютъ горшокъ, который въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ на подобіе большой сухой вантузы. Въ Тверской губерніи при болѣхъ живота горшки также накидываютъ весьма часто, но гущи при этомъ не употребляютъ, а зажженую паклю кладутъ прямо на голый животъ передъ накидываніемъ горшка. Въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ на Кавказѣ, напримѣръ въ Грозненскомъ Округѣ,—по свидѣтельству врача Ментова,—и въ Закубанскомъ уѣздѣ,—по свидѣтельству врача Новицкаго,—при предполагаемой внутряной грызи, а также вывихѣ

[1]) В. Смидовичъ: матеріалы для описанія г. Тулы. 1880 г., стр. 97.

спины и т. п. производятъ вытягиваніе, приподнятіе и встряхиваніе за ножки дитяти. Въ числѣ симпатическихъ средствъ, употребляемыхъ для лѣченія грызи дѣтей, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія. Въ прибольскихъ губерніяхъ и Сибири,—по свидѣтельству Кривошапкина, [1]) а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, при подозрѣніи на грызь ведутъ ребенка въ поле, раскалываютъ молодой дубокъ и ставъ женщина и мужчина съ разныхъ сторонъ протаскиваютъ до трехъ разъ ребенка въ щель. Затѣмъ дубокъ связываютъ и если онъ срастется, значитъ ребенокъ выздоровѣетъ. [2])—Еще грызь лѣчатъ тѣмъ, что бабка грызетъ пупокъ у ребенка зубами, и мать спрашиваетъ: «что, бабушка, грызешь?»—Грызь грызу!»—«Грызи хорошенько!»—Отвѣты и вопросы слѣдуютъ до трехъ разъ. Это дѣлаютъ при новолуніи [3]).

При дѣтскомъ *крикѣ*, не разбирая причины его происхожденія, обыкновенно качаютъ ребенка во всю мочь на рукахъ или въ колыбели до тѣхъ поръ, пока онъ не заснетъ, или же усердно парятъ его въ печи и въ банѣ, такъ что,—по свидѣтельству бытописателей,—чѣмъ больше ребенокъ плачетъ, тѣмъ больше и чаще подвергается онъ хлестанію вѣникомъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи,—по свидѣтельству врача Коссакъ,—распространенъ обычай крикливыхъ и безпокойныхъ дѣтей и даже новорожденныхъ возить отчитывать, иногда за 10 и болѣе верстъ и не взирая ни на какое время года. Вслѣдствіе такой поѣздки болѣзнь, конечно, чаще всего еще болѣе ухудшается и ребенокъ погибаетъ. Въ Веневскомъ уѣздѣ Тульской губерніи [4]) когда дитя безпокойно спитъ, или кричитъ по ночамъ, то обыкновенно женщины говорятъ, что оно испорчено и его необходимо выкурить. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣкоторое число маленькихъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ, вырванные изъ духовныхъ книгъ старые листы, да еще клочекъ мху изъ угла избы, все это кладутъ непремѣнно въ черепокъ, зажигаютъ, ставятъ испорченнаго ребенка надъ этимъ спасительнымъ приборомъ и держатъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не закашляетъ отъ удушливаго дыма тлѣющихъ цѣлительныхъ веществъ. Когда бѣдный ребенокъ, выбившись изъ силъ, давится и мечется во всѣ стороны отъ удушья, тогда только его, изнуреннаго, блѣднаго и трепещущаго, уложатъ спать. Въ Тульскомъ уѣздѣ,—по свидѣтельству г. Соколова,—крикливыхъ дѣтей «продаютъ». Для этой цѣли мать съ ребенкомъ становится въ избѣ у открытаго окна или двери, а съ улицы приходитъ кто-нибудь изъ своихъ домашнихъ и говоритъ: продай ребенка? Купи! отвѣчаетъ мать. Что возмешь? Яйце! (напр). Мать получаетъ яйцо, а покупатель обходитъ съ ребенкомъ три раза вокругъ двора и возвращается къ матери. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи,—по свидѣтельству врача Смоленскаго,—для безпокойныхъ дѣтей въ большомъ ходу употребленіе бобровой струи (tinct. Castorei), а у нѣкоторыхъ даже настой коробочекъ посѣвнаго мака, нерѣдко собираемаго для этой цѣли.

При *безсонницѣ* дѣтей всюду на Руси распространенъ обычай поить малютокъ отваромъ мака. Въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Л.,—при плохомъ снѣ иногда купаютъ дѣтей въ отварѣ маковыхъ головокъ, при чемъ, по содержанію опія въ послѣднихъ, такія ванны производятъ иногда сильно наркотизирующее, усыпляющее вліяніе почти на цѣлыя сутки. Въ иныхъ мѣстахъ съ тою-же цѣлью кладутъ головки мака подъ подушку ребенка, разумѣется, съ отрицательнымъ результатомъ.

При небрежномъ отношеніи въ деревняхъ къ новорожденнымъ, у послѣднихъ нерѣдко появляются мучительные *насморки*, обусловливающіе иногда полное залеганіе носа. Въ такихъ случаяхъ мать обыкновенно старается прочистить носъ ребенка впрыскиваніемъ въ него груднаго молока. Если это не помогаетъ, то бабка заключаетъ, что въ носъ «попалъ вѣтеръ», поэтому надо «прокурить баньку» и «попарить младенца», что конечно и дѣлается.

При *кашлѣ* лучшимъ средствомъ считается растопленное свѣчное сало, котораго даютъ внутрь по чайной ложкѣ и имъ-же мажутъ грудь и спину ребенка. Въ иныхъ случаяхъ даютъ дѣтямъ рѣдечный и морковный соки, чеснокъ, лукъ и поятъ настоемъ солодковаго корня.

Въ числѣ недостатковъ новорожденныхъ въ простонародьи очень часто подозрѣвается *приращеніе язычка*. Лучшею примѣтою такого приращенія служитъ щелканіе сосущаго ребенка. А такъ какъ при этомъ актѣ неизбѣжно всѣ дѣти болѣе или менѣе щелкаютъ, то упоминаемый недостатокъ въ большей или меньшей степени у каждаго ребенка и подозрѣвается. Но если ребенокъ очень щелкаетъ и при этомъ часто кричитъ, отчего бы то ни было, то въ понятіяхъ простонародья не остается болѣе никакого сомнѣнія на счетъ сильнаго приращенія, противъ котораго уже принимаются не менѣе энергичныя мѣры. Самымъ заурядным средствомъ противъ этого недостатка практикуется всюду на Руси обрываніе уздечки языка ногтемъ, вслѣдъ затѣмъ нерѣдко слѣдуютъ значительныя воспаленія и кровотеченія, стоющія многимъ дѣтямъ большихъ и серьезныхъ страданій.

[1]) Кривошапкинъ Сибирь. Енисейскій Округъ. Т. 11. стр. 2—3.

[2]) Сравни выше подобный обычай Швейцаріи.

[3]) Кривошапкинъ ibid. Подобный же обычай, по свидѣтельству г. Соколова, существуетъ въ Тульской губерніи.

[4]) Современныя Извѣстія. 1880 г. № 97.

Всюду среди крестьянскаго населенія на Руси, во внутреннихъ губерніяхъ, на Кавказѣ, въ Сибири и т. д. существуетъ повѣрье, что спустя нѣсколько дней послѣ рожденія заводятся на спинѣ и крестцѣ новорожденнаго, такъ-называемыя, *щетинки* или *кочерга*, по выраженію, употребляемому въ Пермской и Тобольской губерніяхъ, въ Семипалатинской Области и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Эти щетинки, по словамъ крестьянъ, представляютъ собою толстые, длинные и большею частью черные волосы, которые въ сущности есть ни что иное, какъ первородный пушекъ — lanugo и которые при неряшливости нѣкоторыхъ матерей дѣйствительно какъ-бы нѣсколько грубѣютъ, какъ иногда кажутся загрубѣлыми грязные волосы неряшливыхъ дѣтей. Эти щетинки, по мнѣнію крестьянъ, колютъ дѣтей и доводятъ ихъ до крика. Онѣ могутъ держаться у новорожденнаго до нѣсколькихъ недѣль. Для уничтоженія ихъ большею частью натираютъ ребенка дрожжами съ крупчаткою и моютъ теплою водою съ мыломъ, а потомъ парятъ въ банѣ. Такое лѣченіе производится каждый день, иногда до шести недѣль. Въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи,—по свидѣтельству г. Понповичъ, — для уничтоженія щетинокъ кладутъ въ ванну, приготовленную для мытья ребенка, золу изъ гречневой соломы въ холщевомъ мѣшкѣ и повторяютъ это до трехъ разъ. Въ Донской Области,—по свидѣтельству учителя Антипова,—появленіе щетинокъ связывается съ тѣми повѣрьями, что онѣ развиваются отъ тѣхъ животныхъ, которыя била мать во время беременности. Начало появленія щетинокъ обозначается тѣмъ, что дитя безъ видимой причины начинаетъ задирать голову назадъ. Пособить въ этомъ случаѣ, по мнѣнію матери, можетъ только одно купанье, производимое такимъ образомъ: въ корыто, въ которомъ думаютъ купать дитя, стелютъ пеленку (лоскутъ стараго бѣлья или-же платья), на которую чрезъ сито просѣваютъ древесную золу, подливаютъ сюда теплой воды и купаютъ въ ней дитя. Помывши ребенка и выпувши его изъ корыта, пеленку съ золою выжимаютъ, чтобы удалить воду, а оставшуюся золу завязываютъ въ узелъ и катаютъ имъ по спинѣ ребенка. Тогда, говорятъ, въ этомъ узлѣ кромѣ золы оказывается и шерсть того животнаго, которое било мать во время беременности и отчего дитя задирало голову назадъ. У Казаковъ Таманскаго полуострова,—по свидѣтельству учителя Кононенко, — также есть повѣрье, что иногда подъ кожей новорожденнаго растетъ шерсть, выступающая наружу и причиняющая боль, что дитя выражаетъ сильнымъ крикомъ и выгибаніемъ спины. По мнѣнію матерей и бабокъ, болѣзнь эта происходитъ отъ того, что мать, будучи въ беременномъ положеніи, когда-нибудь била кошку или собаку ногой по спинѣ. Для уничтоженія этой шерсти у казаковъ существуетъ два способа. По первому дѣтей купаютъ въ тепломъ настоѣ древесной золы. По второму, шерсть эту выкатываютъ шариками только-что испеченнаго хлѣба и именно такъ: изъ горячей мякушки хлѣба, вынутаго изъ печи первымъ, приготовляютъ три-девять, т. е. 27 небольшихъ шариковъ, катаютъ ими по позвоночному столбу и затѣмъ отдаютъ ихъ собакѣ или кошкѣ. Такъ продолжаютъ три раза при печеніи хлѣба. Катаніемъ по спинѣ ребенка мякиша горячаго ржанаго хлѣба лѣчатъ щетинку также въ Тульской губерніи,— по свидѣтельству д-ра Смидовича [1]).

Опрѣлости въ пахахъ, подмышкахъ и т. п. большею частью пересыпаются толчеными гнилушками стараго дерева. Это намъ лично приходилось видѣть не одинъ разъ на дѣтяхъ Московской губерніи. Въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, по свидѣтельству В. И. Колюбакина,—опрѣлости у дѣтей пересыпаются червоточиной изъ дерева, а ежели этого нѣтъ, то скоблятъ дубовый стволъ и этимъ пересыпаютъ больныя мѣста. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи,—по свидѣтельству Шишева,—при опрѣлостяхъ употребляютъ мелко истолченныя гнилушки дерева, просѣянныя сквозь сито, отъ чего, по увѣренію референта, прѣлость скоро прекращается. Въ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д ра Эліашевича,—опрѣлости также лѣчатся присыпкой мелкоистертой древесной гнилушки или картофельнымъ крахмаломъ. У черноморскихъ казаковъ, по свидѣтельству учителя Шевченко,—при перепрѣлости посыпаютъ порошкомъ, въ просторѣчьи называемомъ «материнкой.»—Это зелень въ родѣ маты, собираемая въ маѣ, а потомъ высушиваемая и приводимая въ порошокъ. Употребляютъ и хлопья (вату), но не признаютъ ее на столько полезной для той же цѣли.

Цвѣтъ — плѣснявка во рту и напулезная сыпь новорожденныхъ, являющіяся у послѣднихъ, какъ результатъ неряшливаго содержанія, обыкновенно не лѣчатся: «не замай цвѣтикъ, убѣждаютъ старухи повитухи, — самъ собой пройдетъ!» Въ этихъ же случаяхъ, изъ ложной предосторожности, прекращается мытье ребенка и, благодаря этимъ предубѣжденіямъ, много дѣтей погибаетъ отъ цвѣтика.

Всякая сыпь на тѣлѣ,—корки, язвы и т. п. слываетъ въ народѣ подъ именемъ *золотухи*. Сыпи у дѣтей, появляющіяся съ первыхъ дней жизни, встрѣчаются массами, такъ что можно думать, что дѣти безъ сыпей скорѣе принадлежатъ къ исключеніямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лѣчатся выжидательно, причемъ считается вреднымъ не только лѣченіе, но и

---

[1]) В. Смидовичъ: Матеріалы для описанія Тулы. 1880 годъ, стр. 98.

обмываніе. Въ другихъ случаяхъ наружныя болѣзни часто лѣчатся присыпками и примочками изъ сулемы, мышьяка, мѣдянки, мѣднаго купороса и т. п. Въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи славится, напр., при язвахъ мазь, называемая заживляющею и состоящая изъ мелкаго мѣла, свинцоваго сахара, камфоры и деревяннаго масла; составъ этотъ намазывается на рану или язву кисточкою и, говорятъ, приноситъ большую пользу [1]).

Въ иныхъ случаяхъ народъ полагаетъ, что собачій языкъ (лизанье) имѣетъ большое цѣлебное свойство: онъ затягиваетъ раны, заживляетъ накожные нарывы, прыщи и наросты, также высасываетъ дурную матерію. Въ этихъ соображеніяхъ язвенныя мѣста нерѣдко намазываютъ сметаной и заставляютъ собаку лизать ее. Затѣмъ иногда язвы и раны перевязываются листьями лопуха, подорожника и капусты; при такой повязкѣ, говоритъ д-ръ Грязновъ, [2]) я находилъ рану или язвы въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ при перевязкѣ изъ тряпокъ, обыкновенно весьма грязныхъ у крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при золотухѣ употребляютъ настой черной смородины (Ribes nigrum), одуванчикъ (Leontodon taraxacum), настой череды (Bidens tripartita), морковныя сѣмена (Semina dauci carotae), настой калины, черемухи и т. д. въ видѣ чая и наружныхъ обмываній больныхъ частей. Иногда голову золотушнаго ребенка обмазываютъ смѣсью зеленаго купороса со сметаной или смѣсью сѣры съ обыденнымъ масломъ; иногда, какъ наружное средство, употребляютъ сокъ чистотѣла, политань (ungu. mercuriale), морятъ ртуть въ сметанѣ или коровьемъ маслѣ, т. е. смѣшиваютъ ее со сметаной или коровьимъ масломъ и т. д.

Хроническія язвы лѣчатся ежедневнымъ обмываніемъ щелокомъ изъ золы и затѣмъ перевязкою изъ упомянутыхъ выше листьевъ или прикладываніемъ осиновой коры, спуска со смолой домашняго приготовленія и посыпаніемъ сахара—сатурна. Для размягченія нарыва прикладываютъ лепешки изъ меда и лука, жеваннаго хлѣба съ лукомъ, или заячьей шкурки (зайчатинки), размоченной въ тепломъ молокѣ.

Летучій огникъ (Eczema impetiginosum) засѣкаютъ искрами огня, высѣкаемыми огнивомъ о кремень, что, очевидно, равносильно прижиганію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ огникъ посыпаютъ золой. Острое и хроническое воспаленіе костей, ногтоѣда, костоѣда, хроническіе нарывы и т. п., извѣстные въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи подъ именемъ *камчука*, а въ великорусскихъ губерніяхъ подъ именемъ *волосатика*, лѣчатся большею частью припарками изъ хлѣбной гущи, къ которой иногда примѣшивается известь, мѣлъ, алебастръ, свинцовый сахаръ и т. п.; иногда же они лѣчатся сожиганіемъ надъ ними кудели, тонкой пряди изъ льна или поскони, что, очевидно, похоже на дѣйствіе нашихъ моксъ [1]).

Къ разряду золотухи большею частью относятъ также различныя дѣтскія *болѣзни глазъ*, отъ которыхъ кромѣ упомянутыхъ противузолотушныхъ средствъ считается весьма полезнымъ брызганіе въ глаза груднымъ молокомъ, помачиваніе водкой, обмываніе снаружи человѣческой мочей, особенно дѣтской, прикладываніе теплаго яичнаго бѣлка, примачиваніе растворомъ квасцовъ, крымзы, розовой водой и т. п. При появленіи бѣльма на глазахъ употребляется мѣстами или сокъ изъ распаренныхъ въ теплѣ навозныхъ червяковъ, или же вдувается два три раза въ день мелкій порошокъ изъ грифеля и сахара при помощи цѣвки или пера. Попавшія въ глазъ инородныя тѣла обыкновенно вылизываются языкомъ.

Задержаніе мочи у дѣтей, особенно у мальчиковъ, обыкновенно принимается, какъ несомнѣнный признакъ присутствія камня въ пузырѣ, и въ такихъ случаяхъ это болѣзненное состояніе лѣчится высасываніями посредствомъ рта, на что въ деревняхъ имѣются особыя спеціалистки-старухи [2]).

При недержаніи мочи даютъ пить розовую воду.

Сухотка. Подъ этимъ именемъ народъ разумѣетъ различныя степени похуданія тѣла. Самую легкую степень похуданія онъ называетъ *худобищемъ*, для поправленія отъ котораго въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству г. Андреева,—слабаго и похудалаго ребенка моютъ въ отварѣ особой, такъ называемой худобной травы. Въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Л., — слабыхъ дѣтей ради укрѣпленія моютъ въ отварѣ сѣнныхъ травъ. Въ Малороссіи,—по свидѣтельству Н. Г. Керцелли [3]),—слабаго ребенка купаютъ въ теплыхъ ваннахъ съ сухою травою молодой ржи, сорванной ранней весной, когда трава не пошла на колосъ. Это купанье, по увѣреніямъ, приноситъ скорую и вѣрную помощь. Въ Иркутской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Эліашевича, при общихъ признакахъ плохаго здоровья, особенно недостаточной упитанности, дѣлаютъ ванны (въ Тулунѣ) изъ вѣничныхъ сухихъ листьевъ, сѣнной трухи или изъ молодой таловой коры.

Высшія степени сухотки народъ обозначаетъ двумя названіями: «Сушецъ» или «сухая стѣнь» и «Собачья старость». Діагнозъ между этими двумя

---

[1]) П. Д. Любимовъ: медико-топографическое описаніе Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи (Чтеніе въ засѣданіи общ. рус. врач. въ С.-Петербургѣ 16-го марта 1859 г.).

[2]) Грязновъ l. c. стр. 189.

[1]) П. Д. Любимовъ l. c.

[2]) Грязновъ l. c., стр. 188.

[3]) Труды Этногр. Отд. Общ. любителей Естествознанія. 1874. стр. 26.

формами, въ Тульскомъ уѣздѣ,—по свидѣтельству г. Соколова, производится такимъ образомъ: въ чистомъ корытѣ для мытья на всѣ четыре угла кладется по кучкѣ печной золы. Послѣ этого въ корытѣ моютъ какую нибудь принадлежность дѣтскаго бѣлья, стараясь не подмочить и не смахнуть съ полей корыта золы. По окончаніи мытья, не выливая воды, смахиваютъ золу въ корыто сразу съ каждыхъ двухъ угловъ, лежащихъ на одной діагонали корыта. Затѣмъ воду процѣживаютъ сквозь тряпку и разсматриваютъ оставшуюся на тряпкѣ золу. Присутствіе въ послѣдней волоконъ, будь онѣ растительныя или животныя, есть признакъ того, что у больнаго собачья старость, а не сухая стѣнь. Если же въ золѣ не окажется волоконъ, то это значитъ, что больной одержимъ сухою стѣнью. Когда болѣзнь распознана, приступаютъ къ лѣченію. При собачьей старости поступаютъ такъ: взрослую собаку или щенка, по возможности, одной шерсти—сажаютъ около корыта съ теплой водой, а около собаки—голаго больнаго ребенка. Затѣмъ смачивая вѣникъ въ корытѣ, парятъ имъ попеременно то собаку, то ребенка, такъ что на каждые три удара по собакѣ, одинъ приходится по ребенку. Всего по ребенку дѣлаютъ три удара. Есть другой способъ лѣченія собачьей старости. Когда изъ печи вынуты только что испеченные хлѣбы, то разсматриваютъ, нѣтъ ли волоконъ въ слипушкахъ. Слипушкомъ называется сбоку ковриги отпечатокъ другой ковриги, происходящей отъ того, что хлѣбы въ печи слипаются. Слипушекъ, на которомъ будетъ отыскана шерстинка, отламываютъ отъ ковриги и скатываютъ въ шарикъ. Шарикъ этотъ катаютъ по спинѣ больнаго и затѣмъ отдаютъ съѣсть собакѣ, тоже по возможности одношерстной. Сухую стѣнь въ Тульскомъ уѣздѣ лѣчатъ тоже двумя способами, но уже болѣе симпатически. По первому способу снятую съ больнаго рубашку пропускаютъ сквозь расщелину расколотаго пня или дубка, на подобіе того, какъ это дѣлается при лѣченіи грызи въ Сибири, согласно изложенному выше описанію. По другому способу больнаго сначала обмѣриваютъ по всѣмъ направленіямъ и членамъ суровой ниткой. Обмѣривши какую нибудь часть, завязываютъ узелъ. Затѣмъ нитку кладутъ на сковороду съ горячими углями и дымомъ окуриваютъ больнаго.

Если ребенка одолѣваетъ *сушецъ* или собачья старость, то въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, особенно же Новгородской и Тверской,—въ такихъ случаяхъ практикуется способъ сажанія дѣтей въ печь на лопатѣ и лучше всего тогда, когда изъ печи только что вынуты хлѣбы, слѣдовательно при температурѣ очень высокой, такъ какъ для хлѣбовъ обыкновенно печь натапливается сильно и этотъ жаръ въ ней удерживается еще долго послѣ того, какъ хлѣбы уже вынуты. Способъ такого лѣченія въ простонародьи называется «перепеканіемъ дѣтей». Подобный же способъ существуетъ въ Сибири: «Если у ребенка сушецъ (т. е. ребенокъ худѣетъ),—говоритъ Кривошапкинъ [1]),—то въ жарко натопленную печь, въ которой только посадили хлѣбы, привязываютъ ребенка къ лопатѣ и держатъ его на ней нѣсколько мгновеній въ печи надъ хлѣбами. Потомъ скачиваютъ больнаго водой изъ той бутылки, которая ночевала въ тѣстѣ, изъ котораго наготовлены хлѣбы, слѣдовательно водой совершенно холодной».

Къ категоріи сухотки народъ причисляетъ также Англійскую болѣзнь. Въ Тульской губерніи слабаго ребенка, съ большимъ животомъ и запоздавшаго ходьбой, такъ называемаго сѣдуна, сажаютъ на пашнѣ, въ полѣ, или на огородѣ на землю и, обсыпая рожью, или коноплей, приговариваютъ: «Какъ сѣмя взойдетъ, такъ и NN пойдетъ!»

Въ Нижегородской губерніи,—по свѣдѣніямъ заимствованнымъ изъ Нижегородскаго Сборника,—малыхъ дѣтей, которыхъ одолѣваетъ *голодище*, или иначе, у которыхъ нѣтъ аппетита, кормятъ кусочками отъ сорока милостынь, взятыхъ тайкомъ у нищаго.

Дѣтскіе *поносы* большею частью ставятся въ связь съ прорѣзываніемъ зубовъ и потому въ большинствѣ случаевъ ихъ совсѣмъ не лѣчатъ, а дѣти отъ этого безданно безпошлинно массами умираютъ. Иногда причину поноса ставятъ въ связь будто съ подгибаніемъ косточки (копчиковой кости) внутрь и знахарки стараются настойчиво отгибать ее назадъ; но вмѣсто того, конечно, причиняютъ только новую боль и новый вредъ больному. Въ иныхъ же случаяхъ, впрочемъ, даютъ противъ поноса и нѣкоторыя внутреннія средства. Такъ, въ Вятской губерніи,—по свидѣтельству д-ра Рудакова, — отъ боли, сопровождающей разстройство желудочнаго кишечнаго канала, поятъ дѣтей съ ложечки водкой, изъ которой вслѣдствіе горѣнія улегучился весь спиртъ, или еще лучше краснымъ виномъ (кагоромъ), доставаемымъ отъ священника. Во многихъ мѣстностяхъ даютъ противъ поноса сухарную воду (изъ черныхъ сухарей), хлѣбный уголь, или вообще какой бы то ни было уголь; также чайный порошокъ въ количествѣ отъ $^1/_2$ до 1 чайной ложки на пріемъ нѣсколько разъ въ день; даютъ ѣсть горстями сухую гречневую крупу, муку; даютъ на стой сухой черники, чай изъ мяты — холодянки, прикладываютъ на животъ горячій овесъ въ мѣшкѣ, песокъ, золу и т. п. Въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи,—по свидѣтельству врача Л., — дѣлаютъ ванны съ прибавленіемъ мяты. Въ упорныхъ случаяхъ даютъ при поносахъ тертый кирпичъ въ порошкахъ съ водой.

[1]) Кривошапкинъ ibid.

При *запорахъ*, какъ и при грызи, даютъ соски съ различными начинками и кромѣ того деревянное масло, лучше всего купленное въ церкви. Въ болѣе затруднительныхъ случаяхъ сажаютъ на порогъ, въ теплую воду и парятъ въ банѣ.

Рожистое воспаленіе у крестьянъ лѣчится обкладываніемъ листьевъ подорожника (plantago major), посыпаніемъ мѣла и прикладываніемъ сверхъ него краснаго сукна.

Отъ чесотки (коросты, почесухи) въ Тульскомъ уѣздѣ пораженныя мѣста натираютъ курьяномъ, т. е. куринымъ пометомъ, смѣшаннымъ съ дегтемъ, или же натираютъ порошкомъ «травки» (Alchemilla vulgaris), смѣшаннымъ также съ дегтемъ. Въ другихъ мѣстахъ употребляютъ: чистотѣлъ, зеленый купоросъ съ коровьимъ масломъ, мазь изъ сѣры и мѣднаго купороса на свѣжемъ коровьемъ маслѣ, обмываніе въ баняхъ щелокомъ, приготовленнымъ изъ золы гречневой соломы, втираніе чистаго или смѣшаннаго съ мыломъ дегтя и т. п. Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи употребляютъ ртутную мазь и соль, распущенную въ водѣ и водкѣ.

Отъ *глистовъ* ѣдятъ пищу съ чеснокомъ, пьютъ коровье или какое либо постное масло, употребляютъ медъ съ горячею водою, хлѣбомъ, калачемъ и т. д.

Отъ *дурной болѣзни* (syphilis) употребляютъ въ народѣ для маленькихъ дѣтей исключительно окуриваніе киноварью и для дѣтей постарше винный растворъ сулемы и декоктъ дорогой травы (декоктъ сарсапарели).

Въ Новгородской губерніи, — по свидѣтельству протоіерея Гиляровскаго, [1])—есть между матерьми въ нѣкоторыхъ околодкахъ повѣрье: какъ скоро пришла въ селенье повальная болѣзнь (*оспа*, корь и т. п.), посылать къ первому паціенту гостинца отъ здоровыхъ дѣтей (пирогъ, оладьи и т. д.) съ тѣмъ, чтобы и онъ прислалъ каждому такой-же гостинецъ и въ немъ частицу оспенной или другой болѣзненной матеріи и эти гостинцы дѣти немедленно съѣдаютъ. Вообще же въ Новгородской губерніи стараются избѣгать прививанія оспы и рѣдко добровольно прививаютъ ее, считая это грѣхомъ.

Если дѣтей посѣщаетъ какая либо болѣзнь, въ опредѣленіи которой встрѣчается затрудненіе, то такихъ дѣтей обыкновенно лѣчатъ общераспространенными пріемами. Больныхъ младенцевъ, — говоритъ священникъ Осокинъ, [1]) — лѣчатъ баней и наговорами бабокъ, сорокообѣденнымъ ладономъ и золой изъ церковнаго кадила, которую достаютъ чрезъ сторожей церковныхъ. Золу изъ кадила размѣшиваютъ въ водѣ и когда вода устоится, сливаютъ ее въ стаканъ и этимъ щелокомъ съ ложки поятъ ребенка. Этотъ пріемъ, по ихъ мнѣнію, долженъ производить переломъ въ болѣзни младенца. Онъ или скоро выздоровѣетъ, если ему суждено выздоровѣть, или скоро умретъ, если ему суждено умереть. Въ той же губерніи,—по свидѣтельству д-ра Родакова,—водка, изъ которой вслѣдствіе горѣнія улетучивается весь спиртъ, считается особенно цѣлебнымъ почти противъ всѣхъ дѣтскихъ болѣзней; противъ нихъ почти также хорошо дѣйствуетъ вода, которой были обмыты образа или вода съ желѣзнаго ключа отъ замка.

Лѣченіе дѣтскихъ болѣзней у инородцевъ Россіи.

Если случится, что родившійся ребенокъ впадаетъ въ *безчувствіе*, то у *Айсаровъ* Эриванской губерніи, – по свидѣтельству П. Ейвазова, — сожигаютъ сѣру и подносятъ ее подъ носъ ребенка, стараясь такимъ образомъ привести его въ себя.

У Армянъ Нахичеванскаго уѣзда, — по свидѣтельству С. Зелинскаго, — для очищенія желудка ребенка отъ *зеленой жидкости* (вѣроятно шесопй?) даютъ ему пить материнскую мочу, имѣющую яко-бы слабительное свойство. Эта-же моча считается у нихъ хорошимъ средствомъ противъ *желтухи* новорожденнаго, а также противъ *жара* его съ примѣсью сока кураги.

Въ Гунибскомъ Округѣ, въ Дагестанѣ,—по свидѣтельству г. Млокосѣвича, — при такъ-называемомъ *цвѣтѣ* ротика дитяти обсыпаютъ его сжеными квасцами. Въ Закатальскомъ Округѣ, въ которомъ живутъ Джарцы Аварскаго племени, — по свидѣтельству г. Млокосѣвича,—въ случаѣ цвѣтенія ротика берутъ волосъ у такой женщины, которая вышла за-мужъ за брата покойнаго мужа и этимъ волосомъ обводятъ ротикъ ребенка. Ежели такой женщины нѣтъ, то берутъ для той-же цѣли волосъ у женщины, родившей близнецовъ.

Если ребенокъ не покоенъ, плохо спитъ или жалуется на боль живота, то въ Лечхумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи [1]) даютъ козью или волчью желчь, разведенную въ молокѣ матери. У мусульманъ Карабаго Шушинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Елизаветпольской губерніи,—по свидѣтельству Сашабекъ Мирзоева [2]), — для униманія крика дѣтей употребляютъ отваръ маковой скорлупы, къ которой прибавляется еще какая-то луковица, мѣстными жителями называемая *топалагъ*. Этотъ отваръ наши городскія мусульманки даютъ своимъ дѣтямъ, въ особенности дочерямъ, чтобы избавиться отъ крика послѣднихъ и свободно заняться дневною работою; часто-же вмѣсто этого отвара дается

[1]) Гиляровскій. l. c. Предисловіе.

[2]) Осокинъ: „Народный бытъ въ сѣверо-восточной Россіи“ помѣщ. въ Вятск. Губерн. Вѣдомостяхъ. 1857 г. № 12.

[1]) Кавказъ. 1879 г. № 59.

[2]) Кавказъ. 1879 г. № 42.

просто индійскій hachiche или thrieke, употребляемый взрослыми правовѣрными. Означенный отваръ маковой скорлупы называется *хошяръ* и вліяетъ слѣдующимъ образомъ на ребенка: онъ, засыпая, впадаетъ въ какое-то оцѣпенѣніе, глаза безсмысленно глядятъ и ребенокъ остается въ этомъ положеніи 6—7 часовъ послѣ каждаго пріема. Ребенокъ дѣлается худосочнымъ и желтѣетъ: какъ только вліяніе отвара перестаетъ дѣйствовать, ребенокъ, выходя изъ этого напряженнаго состоянія, начинаетъ безпокоиться и неистово кричать и потому мать спѣшитъ дать ему новый пріемъ. Обычай этотъ, по моему мнѣнію,—говоритъ Сашабекъ-Мирзоевъ,—возникъ изъ рабскаго положенія женщинъ на Востокѣ и деспотической власти главы семьи, вслѣдствіе которой сноха, не смѣя докучать слуху свекра — деспота семьи — крикомъ рожденной ею дочери, старается держать ее въ постоянномъ забытьи. Къ счастью этотъ обычай, повсемѣстный въ мусульманскихъ городахъ и употребляемый утонченными горожанками, не употребляется грубыми поселянками. Въ Эчміадзинскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, — по свидѣтельству Маріи О. [1]),—дѣтей, плохо спящихъ, обыкновенно на ночь поятъ отваромъ изъ шелухи мака. Часто молодая мать по неопытности даетъ такое количество отвара, что ребенокъ засыпаетъ совсѣмъ. Въ Даргинскомъ Округѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южнаго Дагестана,—по свидѣтельству М. Бахташева,—дѣтей плохо спящихъ поятъ отваромъ изъ толченой корки мака; но если ребенокъ чувствуетъ боль въ животѣ, то, обмакнувъ палецъ въ черную нефть, смазываютъ языкъ, чтобы ребенокъ проглотилъ нефть со слюною.

При опрѣлости въ Эчміадзинскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Маріи О. [2]),—смазываютъ больныя мѣста несоленымъ козьимъ саломъ. Осетины,—по свидѣтельству г-жи Касабіевой [3]),—при опрѣлостяхъ, особенно нижнихъ частей, посыпаютъ больныя мѣста сажей, которая (будто) хорошо помогаетъ въ этихъ случаяхъ. У Армянъ Шеруро Дагестанскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [4]),—послѣ каждаго купанья между складками кожи посыпается мелко толченая сухая глина per se или же съ примѣсью порошка жирной глины — гиль, употребляемой здѣсь въ общежитіи вмѣсто мыла. У татаръ для той-же цѣли употребляется сало, коровье масло, или тонкій порошокъ изъ жженаго кирпича, или изъ обожженой глинистой земли, взятой изъ камина или очага. У Куртинъ-же мать выдавливаетъ изъ своей груди молоко на краснѣющія части складокъ и затѣмъ обсыпаетъ порошкомъ обожженой глины. Въ Гунибскомъ Округѣ, въ Дагестанѣ,—по свидѣтельству г. Млокосѣвича,—опрѣвшія мѣста также обсыпаютъ бѣлою землею (глиною). Въ Закатальскомъ Округѣ, въ которомъ живутъ Джарцы Аварскаго племени, — по свидѣтельству г. Млокосѣвича,—опрѣвшія мѣста обсыпаютъ или толокномъ (ячменная мука), или червоточиною (древесною пылью отъ жуковъ, портящихъ деревья). У Черкесовъ Шапсуговъ Кубанской области,—по свидѣтельству К. Шевченко,— при запрѣваніи между членами также употребляется червоточина, какъ полезное средство. Въ Лечхумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи [1]), въ случаѣ появленія ссадинъ членовъ, присыпаютъ ранки или мелкоистолченнымъ сухимъ листомъ растенія, называемаго капари (Staphylea pinnata), или толченымъ листомъ анцли (Sambucus ebulus), или просто трухлымъ деревомъ.

У Калмыковъ, кочующихъ въ Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству І. Бентовскаго,—при опрѣлостяхъ засыпаютъ больныя мѣста превращенной въ порошокъ жженой глиной, которую для этого берутъ изъ подъ тагана или, лучше сказать, изъ-подъ золы, гдѣ по срединѣ кибитки почти постоянно держатъ огонь.—У Остяковъ и Самоѣдовъ Тобольской губерніи,—по свидѣтельству г. Голодникова,—если какая либо часть тѣла, напримѣръ пахи, шея и пазухи начинаютъ прѣть отъ мокроты, то части эти посыпаютъ гнилымъ деревомъ, которое толкутъ или растираютъ руками мелко въ родѣ порошка, а потомъ обтираютъ тряпкой и, если нужно, снова засыпаютъ тѣмъ же порошкомъ опрѣвшія мѣста до тѣхъ поръ, пока не будетъ на нихъ болѣе ни мокроты, ни красныхъ пятенъ. Кромѣ того опрѣвшія мѣста обтираютъ тряпкой, но водой не обмываютъ во избѣжаніе того, чтобы не было вреда для его тѣла.—Буряты,—по свидѣтельству д—ра Эліашевича,— опрѣлости присыпаютъ мельчайшимъ порошкомъ чистой сосновой коры, отнюдь не допуская къ нему смолы, обладающей, какъ извѣстно, ѣдкими свойствами. Иногда опрѣлости въ Балагинскомъ округѣ присыпаютъ мельчайшимъ порошкомъ корня растенія, называемаго Гишугэнэ [2]), растущаго на унавоженныхъ мѣстахъ зимовокъ Бурятъ. Иногда для устраненія опрѣлостей они кладутъ молочныя пѣнки и сметану въ складки и углубленія кожи дѣтей. Если на пупкѣ образуется ранка, или-же появится кровотеченіе, то въ Эчміадзинскомъ уѣздѣ Эриван-

---

1) Кавказъ. 1878 г. № 294.
2) Кавказъ. 1878 г. № 294.
3) Терскія Вѣдомости. 1879 г. № 21.
4) Кавказъ. 1879 г. № 54.

1) Кавказъ. 1879 г. № 59.
2) Гишугэнэ, повидимому, многолѣтнее растеніе, корень котораго употребляется Бурятами кромѣ того для заживленія ранъ, а стебель иногда употребляется ими въ пищу съ арсою, т. е. кислою гущею, получаемою послѣ выгона тарасуна—напитка изъ коровьяго молока въ родѣ кумыса.

ской губерніи,—по свидѣтельству Маріи О [1]),—берутъ чернильные орѣшки, толкутъ въ ступѣ и мѣшаютъ съ кунжутнымъ (Sesamum orientale) масломъ и прикладываютъ къ пупку, который отъ этого заживаетъ чрезвычайно скоро.—У Армянъ Шеруро-Далагезскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ [3]),—въ случаѣ красноты или язвочекъ на пупкѣ, обмазываютъ его предварительно льнянымъ масломъ и покрываютъ порошкомъ выжженныхъ шерстяныхъ, желтаго цвѣта нитокъ.—У татаръ того же края и для той же цѣли употребляется протертый въ маслѣ порошокъ выжженой шелковой матеріи. Кромѣ того татары и куртины, въ видахъ предупрежденія всякого воспаленія кладутъ на пупокъ и на подсыхающую пуповину *Куймахъ*, какъ средство размягчающее. Куймахъ состоитъ изъ пшеничной муки, жареной на коровьемъ маслѣ до густой консистенціи. Собственно говоря, онъ приготовляется, какъ кушанье для роженицы, но его же прикладываютъ каждый день и на подсыхающую пуповину, пока она еще не отпала.

Въ Тифлисѣ и Карталиніи,—по свидѣтельству г-жи Н.,—при ранкахъ пупка кладутъ на послѣдній жеванаго орѣха или же яичнаго желтка съ мукой.—Въ Легчумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи [3]), по отпаденіи пупка кладутъ на ранку или жеванный орѣхъ, или квасцы или присыпаютъ копотью [4]).—Калмыки, кочующіе въ Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству І. Бентовскаго,—по отпаденіи пуповины, для скорѣйшаго заживленія ея ранки, намазываютъ ее курдючьимъ саломъ или свѣжимъ масломъ, что случится подъ руками.

При опуханіи грудныхъ железъ у новорожденныхъ въ Тифлисѣ и Карталиніи,—по свидѣтельству г-жи Н.,—ихъ высасываютъ; если это не помогаетъ, то прикладываютъ какое либо мягчительное средство, напримѣръ печеный лукъ, перемятый съ курдючнымъ жиромъ или кислымъ тѣстомъ. То-же дѣлаютъ въ подобномъ случаѣ въ Легчумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи. [1])

Какъ слабительное для новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей на Кавказѣ часто употребляютъ сокъ кассіи (Cassia fistula), называемый *чуарг-чамбаръ*, привозимый изъ Персіи въ формѣ крупныхъ стручковъ. Сокъ разводится въ молокѣ и принимается для слабительнаго. [2])

Для предупрежденія дѣтскихъ судорогъ во всѣхъ слояхъ чистаго туземнаго населенія въ Шарапанскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи,—по свидѣтельству уѣзднаго врача Берна,—тотчасъ послѣ рожденія даютъ новорожденнымъ порошокъ краснобураго цвѣта, называемый саркмарцвилось-цамали.

При сыпяхъ и ранахъ, въ Нухинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи, — по свидѣтельству Стоянова, — употребляютъ кислоту, называемую сумах'омъ (ягоды куста Rhus Coriaria L.), порошокъ гнилаго дерева, жженый трутъ, сараганъ (листъ желтовника Rhus Cotinus L.) и проч. При паршахъ употребляется иногда доморощенными «гакимами» (лѣкарями)—меркурій. Караногайцы Ставропольской губерніи,—по свидѣтельству г. Влескаго, [3])—по истеченіи двухъ недѣль отъ рожденія, помывъ ребенка въ соленой водѣ, затѣмъ въ предупрежденіе кожи его отъ сыпей и вообще накожныхъ болѣзней держать его на гвоздичномъ парѣ, поджаривая для этого гвоздику и слегка опрыскивая ее водою.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Енисейской губерніи,—по свидѣтельству г. Петрова, — нѣкоторые кочующіе и осѣдлые инородцы, въ видахъ предохраненія младенца отъ золотухи, кладутъ на грудь, его кусокъ зажженнаго трута, величиною въ орѣхъ, и оставляютъ его до тѣхъ поръ, пока выгоритъ рана, примѣрно въ 20-ти копѣечную серебряную монету.

При болѣзняхъ глазъ Буряты,—по свидѣтельству д-ра Элiашевича,—покрываютъ эти глаза осторожно во время сна дѣтей молочными пѣнками, а при пробужденіи тотчасъ-же слизываютъ ихъ языкомъ, что, по замѣчанію Н. И. Кашина, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать здоровымъ, потому что у Бурятъ всѣ, не исключая и женщинъ, жуютъ и курятъ табакъ. Болѣзни глазъ у Арачонъ (тугутское племя, кочующее въ верховьяхъ рѣкъ, составляющихъ системы Витимскую и Нерчинскую)—по свидѣтельству врача Ангермана, [4])—весьма частое явленіе, зависящее отъ постояннаго дыма въ

---

[1]) Кавказъ 1878 г. № 294.

[2]) Кавказъ 1879 г. № 54.

[3]) Кавказъ. 1879 г. № 59.

[4]) Во многихъ мѣстностяхъ Кавказа пуповина служитъ для ребенка и лѣкарствомъ и оракуломъ для многихъ случаевъ въ жизни его собственной и его матери. Такъ у магометанъ Хасовъ Юртовскаго Округа,—по свидѣтельству окружнаго врача Надежина,—отпавшая часть пуповины, уже ссохшаяся, подвѣшивается къ колыбели и употребляется какъ лѣкарство въ подозрѣваемой боли живота ребенка во все время кормленія его грудью. Въ такомъ случаѣ мать, отдоивши свое молоко на блюдечко, нѣсколько секундъ третъ въ молокѣ ссохшуюся пуповину; потомъ молоко это дается ребенку, а пуповина опять до востребованія подвѣшивается къ колыбели.—Въ другихъ случаяхъ,—по свидѣтельству того же референта, — повитуха по цвѣтамъ узловатыхъ возвышеній на свѣжей еще пуповинѣ старается угадать: какой будетъ плодъ при слѣдующей беременности: мальчикъ или дѣвочка?—У армянъ Нахичеванскаго уѣзда,—по свидѣтельству Зелинскаго,—чтобы ребенокъ былъ впослѣдствіи пастухомъ, отрѣзанную часть пуповины кладутъ въ ротъ какого либо домашняго животнаго; а чтобы былъ священникомъ, то эту часть пупка зарываютъ въ церкви.

---

[1]) Кавказъ 1879 г. № 59.

[2]) Кавказъ 1879 г. № 42, а также Кавказъ 1878 г. № 294.

[3]) Ставропольскія Губернскія Вѣдомости 1879 г. № 12.

[4]) Медиц. Вѣстн. 1866 г. № 8.

юртахъ и отъ сильнаго отраженія солнечныхъ лучей отъ снѣга зимою. Шаманы (знахари, колдуны) въ этихъ случаяхъ иногда совѣтуютъ убить рябчика, взять у него крови изъ того или другаго мѣста по назначенію и помазать ею больные глаза; иногда шаманъ совѣтуетъ убить дятла, выдернуть у него языкъ и остріемъ его твердаго языка колоть кругомъ больнаго глаза; иногда ему придетъ фантазія перемѣнить мѣсто стоянки и т. д.

Если ребенокъ коситъ, то въ Тифлисѣ и Карталиніи,—по свидѣтельству г-жи Н.,—его опускаютъ головой внизъ въ глубокій ящикъ съ теплымъ хлѣбомъ и держатъ его на вѣсу нѣсколько минутъ, послѣ чего кладутъ въ постель и тепло укрываютъ ему лицо. Это повторяется нѣсколько разъ.

У татаръ Шеруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству Оганисьянцъ, [1]) —когда младенецъ плачетъ и шатаетъ голову, что указываетъ на возможность боли въ ушахъ, употребляются слѣдующія средства: положивъ порошокъ поваренной соли въ кусокъ хлопчатой бумаги и выдавивъ въ нее нѣсколько капель материнскаго молока, протираютъ ее между пальцами и выцѣживаютъ въ болящее ухо, придерживая при этомъ ушную раковину. Если отъ этого средства боль не утихаетъ, то при томъ-же способѣ употребляется вмѣсто соли табакъ. Иногда-же въ уши младенца вдувается табачный дымъ.

При образованіи на дѣтской головѣ отрубевидной сыпи,—по свидѣтельству г. Оганисьянцъ,—у Армянъ на Кавказѣ употребляется мазь изъ муравьиныхъ яичекъ, протертыхъ въ сокѣ подъ именемъ слезокъ изъ свѣжеотрѣзанныхъ побѣговъ виноградаго куста.

По свидѣтельству д-ра Пантюхина [2]), —въ Ріонской долинѣ на Кавказѣ, въ Мингреліи, Абхазіи и т. д. чрезвычайно распространена чесотка (scabies), противъ которой туземцы употребляютъ слѣдующія средства: въ Гуріи мазь изъ бараньяго сала съ терпентиномъ, дегтемъ, сѣрою; въ Самурзаканя и Абхазіи сало съ истертымъ въ порошокъ порохомъ и крѣпкій настой корня растенія Fitolaca decandra, которое растетъ преимущественно на болѣе сухихъ мѣстахъ Ріонской долины. Туземцы берутъ настой его при температурѣ 60° R., затѣмъ укутавшись одѣяломъ, такъ чтобы голова служила сводомъ палатки, ставятъ возлѣ себя котелъ съ настойкою и крѣпко натираютъ ею голое тѣло. При этомъ кожа сильно краснѣетъ, зудитъ и болитъ. Когда пацієнтъ, по его понятію, хорошо натерся, онъ ложится въ постель и укутывается, чѣмъ только можно. Зудъ, жженіе кожи и сильный потъ продолжаются часъ и болѣе и затѣмъ все лѣченіе оканчивается и чесотка, по словамъ туземцевъ, навѣрное излѣчивается. Однако этотъ корень, повидимому, дѣйствуетъ больше острыми своими началами, чѣмъ наркотическими.—Въ Абхазіи лѣчатъ также чесотку сѣрными минеральными водами, въ источникахъ, въ которыхъ туземцы сидятъ часъ и болѣе.

Изъ отраслей медицины, по свидѣтельству д-ра И. Пантюхина [1]),—у туземцевъ Кавказа заслуживаетъ особеннаго вниманія хирургія. По причинѣ многихъ войнъ, издревле на всемъ Кавказѣ образовалось особенное сословіе хирурговъ, которые безъ всякихъ познаній въ анатоміи, при посредствѣ тысячелѣтняго, передаваемаго отъ отца сыну, или ближайшему родственнику, опыта и большой личной практики, пріобрѣли значительныя практическія сноровки. Лучшіе изъ нихъ хорошо вправляютъ вывихи, удобно накладываютъ повязки, ловко вынимаютъ изъ ранъ инородныя тѣла и умѣютъ ухаживать за раной. *Пироговъ* въ отчетѣ о болѣзняхъ въ кавказской арміи (стр. 18) говоритъ, что туземцы вылѣчиваютъ такія раны, которыя не излѣчивались европейскими врачами. Эта рекомендація слишкомъ достаточна для того, чтобы обратить вниманіе на мѣстную хирургію. Конечно, въ примѣненіи своихъ, пріобрѣтенныхъ опытомъ, знаній туземные хирурги идутъ ощупью, но все-таки во многихъ случаяхъ приносятъ несомнѣнную пользу. Туземцы избѣгаютъ кровавыхъ и пластическихъ операцій и отнимаютъ пораженную часть только тогда, когда она пришла въ омертвеніе. Весьма замѣчательно сообщеніе *Реймардта* (Военн. мед. журн. 1834 г., ч. XXIV), что туземные, неизучавшіе анатоміи, хирурги, братья Ишвили въ Тифлисѣ, дѣлали операціи камнесѣченія. Для этого они отыскивали въ пузырѣ камень, проводили его въ промежность и разрѣзывали ее. Изъ инструментовъ кромѣ ножей въ видѣ скальпелей, горскіе хирурги употребляютъ мѣстнаго издѣлія зонды, крючки, пинцеты и щипцы для вынимания инородныхъ тѣлъ изъ ранъ.

Въ *Казикумухскомъ* Округѣ на Кавказѣ, по свидѣтельству д-ра Трипольскаго [2]), — народное знахарство посягаетъ иногда даже на весьма серьезныя операціи, какъ напр. *извлеченіе камня* изъ мочеваго пузыря. «Я неоднократно присутствовалъ,—говоритъ г. Трипольскій,—при операціи, производимой матерями своимъ дѣтямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда камень останавливался въ мочевомъ каналѣ. Его высасывали ртомъ и всегда почти съ успѣхомъ; иногда только теплыя ванны (Semiluvia) и средства мочегонныя способствовали, повидимому, успѣху этой операціи. — Туземные *такими* или ге-

[1]) Кавказъ 1879 г. № 54.

[2]) Пантюхинъ: болѣзни кожи отъ паразитовъ у Туземцевъ Ріонской долины (Протоколъ засѣданія Кавказскаго медицинскаго Общества 1865 г. № XI).

[1]) И. Пантюхинъ: медикогеографическій очеркъ бассейна рѣки Ріона (Медикотопографическій Сборникъ. 1871 г. Т. II).

[2]) Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 38.

кима [1]) вынимаютъ и большіе камни per anum, разрывая острымъ ногтемъ указательнаго пальца, или желѣзнымъ особеннаго рода крючкомъ, переднюю стѣнку прямой кишки и заднюю мочеваго пузыря. Мнѣ приходилось встрѣчать нѣсколько татарскихъ личностей, которыя въ дѣтствѣ или юношествѣ выдерживали эту операцію и живутъ цѣлые десятки лѣтъ, пользуясь относительно хорошимъ здоровьемъ». На ряду съ этими случаями г. Трипольскій приводитъ однако три исторіи болѣзни послѣ произведенныхъ описаннымъ образомъ операцій, изъ которыхъ въ одномъ случаѣ больной постоянно страдалъ упорнѣйшими запорами, вслѣдствіе съуженія recti отъ находившагося въ ней обширнаго рубца; въ другомъ случаѣ больной страдалъ, труднымъ мочеиспусканіемъ; а третій до смерти одержимъ былъ fistula vesicorectali.

Этіологію всевозможныхъ перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ, отъ которыхъ конечно не избавлены и дѣти, Аварцы въ Дагестанѣ, по свидѣтельству Трипольскаго [2]),—объясняютъ вліяніемъ солнечной теплоты, такъ, что чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе дѣйствуетъ она на человѣка, тѣмъ, по ихъ мнѣнію, лихорадка бываетъ сильнѣе и злокачественнѣе. Самый процессъ заболѣванія лихорадками рисуется въ воображеніи ихъ такъ: солнечный жаръ, обхвативъ сначала все тѣло человѣка снаружи или по поверхности, впослѣдствіи проникаетъ внутрь, сосредоточиваясь преимущественно въ желудкѣ [3]), и производя такимъ образомъ или солнечную лихорадку, *бакхулъ сыры*, или же солнечную болѣзнь, *бакхулъ унты*. Невѣжественные Аварцы рѣшительно не хотятъ понять того, что вмѣстѣ съ вліяніемъ жгучихъ солнечныхъ лучей, которымъ они нерѣдко подвергаются, живя на высокихъ плоскостяхъ, склонахъ и вершинахъ горъ, они въ то же время по неволѣ иногда должны спускаться въ сырыя ущелія, пить воду безъ разбора изъ перваго попавшагося ручья, иногда весьма грязнаго, а иногда и прямо изъ дождевой лужи, покрытой міріадами живыхъ и мертвыхъ насѣкомыхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе при появленіи какой бы то ни было лихорадки, занятые нелѣпою мыслію, что солнце засѣло въ желудкѣ, гакимы, а за ними и всѣ туземцы, прежде и болѣе всего хлопочутъ вытѣснить его оттуда, а потому рвотныя и слабительныя на первомъ планѣ у нихъ при лѣченіи лихорадокъ. Какъ рвотное, они принимаютъ крѣпкій молотый табакъ, пьютъ воду чрезъ закуренный ими чубукъ, глотаютъ паутину и всякую нечисть, способную возбудить рвоту. Чаще однако для этой цѣли служитъ у нихъ порошокъ изъ корня бѣлой чемерицы и синій камень. А для слабительнаго они употребляютъ большими количествами всякій топленый жиръ и преимущественно курдючій и коровье масло, крѣпкій растворъ мыла съ поваренною солью, а также гумигуттъ, добываемый, какъ и cuprum sulfuricum, изъ Персіи.

Лѣченіе лихорадокъ у Кирги зовъ, по свидѣтельству И. Лосева,—[1]) состоитъ въ томъ, что врачующій знахарь подкрадывается незамѣтно къ больному и изо всей силы ударяетъ его ременной нагайкой, съ цѣлью спугнуть шайтана, вошедшаго въ больнаго. Ударъ сопровождается дикимъ гиканьемъ.

Изъ отрывочныхъ записокъ путешественниковъ намъ извѣстно, что въ случаѣ появленія какой-либо эпидимической болѣзни между полудикими и кочующими племенами Россіи, послѣднія или съ тупымъ самоотверженіемъ ждутъ своей очереди зараженія и дальнѣйшей участи послѣ того, вымирая иногда на половину, какъ это, напримѣръ, случилось въ 1767 году въ Камчаткѣ,—по свидѣтельству Палласа; или же они впадаютъ въ панику, бросаютъ свое кочевье и бѣгутъ возможно дальше отъ мѣста заразы, какъ это дѣлаютъ, напр., *Гиляки*, разбѣгающіеся по тайгѣ отдѣльными семействами при появленіи среди нихъ тѣхъ или другихъ эпидемій. [2]) Упоминая о лѣченіи оспы у Калмыковъ, поражающей конечно болѣе всего дѣтей, путешественникъ конца прошлаго столѣтія, докторъ Лепехинъ, говоритъ слѣдующее: «въ сей болѣзни больному никакой не должно ожидать помощи ни отъ врачей, ни отъ ближнихъ своихъ; но его отвозятъ въ отдаленную степь и, закутавъ въ кибиткѣ, кладутъ все, что, по ихъ мнѣнію, больному нужно какъ-то: воду, молоко и вареное мясо; и тутъ его оставляютъ, откочевывая далѣе съ своимъ улусомъ. Счастливъ тотъ калмыкъ, который остается при какомъ нибудь распутищѣ, гдѣ проѣзжающіе люди могутъ ему иногда, какъ страждущему Лазарю, утолить жажду и голодъ. Рѣдко сыскиваются между калмыками такіе други, которые бы въ сей опасной и заразительной болѣзни похотѣли быть услужниками и если кто на такое дѣло согласится, то ничѣмъ болѣе не можетъ доказать своего дружества, какъ такимъ за больнымъ присмотромъ. Если больной умретъ отъ оспы, то никто не прикасается къ его пажити; но она вся исчезаетъ отъ времени съ умершимъ и съ кибиткою. Когда притакомъ страждущемъ былъ хожатый, то принужденъ былъ потомъ самъ шесть недѣль кочевать особенно отъ всѣхъ улусовъ. Такой же законъ наблюдать должны и выздоравливающіе отъ оспы».—[3]) Въ Московской Медицин-

1) Общетатарское названіе лѣкаря и знахаря.

2) Медиц. Вѣсти. 1866 г. № 44.

3) Нѣчто въ родѣ Архея древнихъ, съ тою только разницею, что тамъ онъ выгоняетъ изъ тѣла materiam peccantem, а здѣсь накликаетъ ее.

1) Москов. Медиц. Газеты 1874 г. № 28.

2) Н. Л. Зеландъ. Бытъ гиляковъ и болѣзни ихъ. Медиц. Вѣст. 1882 г. № 15 стр. 211.

3) Лепехинъ. l. c. Ч. 1, стр. 483.

ской Газетѣ въ № 28 за 1874-ый годъ перепечатана была изъ газеты «Голосъ» корреспонденція объ оспѣ въ Калмыцкой степи слѣдующаго содержанія: «оспа между калмыками въ степи,—говоритъ референтъ,—почти не прекращается, появляясь то въ одномъ улусѣ, то въ другомъ, иногда же во всѣхъ разомъ, какъ въ прошлую зиму. Ужасъ, какой наводитъ эта болѣзнь на полудикихъ кочевниковъ, поразителенъ. Она считается здѣсь проклятіемъ небесъ; пораженный ею обязанъ скрывать свое лицо отъ посторонннхъ взглядовъ въ кибитку; разговаривать объ этой болѣзни считается грѣхомъ и даже самое названіе ея (по калмыцки *цицикъ*) никогда не произносится. При появленіи оспы въ какой либо семьѣ, даже родственное чувство притупляется: иной, обѣзумѣвшій отъ страха, бросаетъ мать, жену, дѣтей со всею кибиткой на произволъ судьбы, а самъ укочевываетъ куда нибудь далѣе въ степь вмѣстѣ съ остальными однородцами. Всѣ вещи и самая кибитка послѣ умершихъ отъ оспы бросаются на произволъ судьбы и никакой наслѣдникъ, неимѣвшій еще на себѣ оспы, не возьметъ подобнаго наслѣдства. Зимой, заболѣвшему оспой калмыку почти нѣтъ спасенія, такъ какъ въ его жилищѣ, т. е. въ войлочной кибиткѣ, въ морозы, которые въ февралѣ нынѣшняго года доходили до 20-ти градусовъ, выздоравливаніе невозможно. Отъ того-то прошлую зиму цѣлыя семьи калмыковъ отъ 4-хъ—5-ти душъ вымирали въ продолженіе какихъ нибудь двухъ недѣль. Единственное лѣкарство, которымъ лѣчатъ калмыки заболѣвшихъ оспой—молоко, согрѣтое пополамъ съ водой. Есть еще одинъ способъ лѣченія, къ которому иногда прибѣгаютъ калмыки: когда здоровый калмыкъ, увидѣвъ нечаянно больнаго оспой, испугается, тогда родные и знакомые напаиваютъ такого субъекта мертвецки пьянымъ и потомъ начинаютъ бить его нагайками, чтобы выгнать изъ него болѣзнь».

Киргизы имѣютъ почти такой-же взглядъ на оспу, какъ и калмыки, такъ же относятся къ лѣченію ея и столько-же терпятъ отъ этого зла.—При всей стойкости и терпѣливости въ болѣзняхъ, — говоритъ И. Лосевъ,—[1]) есть только одно зло, котораго трепещатъ Киргизы и предъ которымъ, по ихъ мнѣнію, безполезны всѣ человѣческія усилія и даже знанія дингера (личность, пользующая по преимуществу травами и кореньями), баксы (личность, пользующая подобно шаманамъ заговорами, нашептываніями, изгнаніями злыхъ духовъ и т. п.) и другихъ мудрецовъ; зло это — оспа. Большаго несчастія—какъ заболѣть оспой — Киргизы не знаютъ. При первомъ появленіи этой болѣзни они бѣгутъ изъ своихъ ауловъ, оставляя заболѣвшихъ на произволъ судьбы. Безсильные противъ оспы, до очевидности даже для киргизовъ, ихъ врачи укрѣпили между своими паціентами мнѣніе, что это есть казнь Божія, съ которой и бороться нельзя, такъ какъ она посылается прямо въ наказаніе отъ Бога. Результатомъ этою ученія вышло то, что прививаніе предохранительной оспы между Киргизами еще болѣе затруднительно, чѣмъ у другихъ инородцевъ, гдѣ приходится побѣждать только трудности введенія этой предохранительной мѣры, зависящія отъ кочеваго племени быта. Между тѣмъ натуральная оспа чаще и чаще стала посѣщать нашу степь и нѣтъ счета погибающихъ отъ этого зла, которому наука и человѣколюбіе давно указали границы».

Съ такой же паникой,—по свидѣтельству д-ра Соколова,—[1]) относятся къ оспѣ Самоѣды. «Какъ скоро замѣтятъ они,—говоритъ референтъ,—у одного изъ семьи явные признаки оспы, то живущіе съ нимъ родные собираютъ свой чумъ и немедленно убѣгаютъ отъ этого мѣста подальше, оставляя больнаго безъ всякаго призрѣнія, на произволъ судьбы, и злополучный страдалецъ умираетъ въ жесточайшихъ мукахъ отъ болѣзни, голода и стужи». - Остяки,—говоритъ тотъ-же референтъ,—во время оспенной эпидеміи, обливаютъ больныхъ, лежащихъ въ лихорадочнымъ состояніи, по нѣсколько разъ въ день холодной водой и продолжаютъ эти обливанія до уменьшенія высыпанія. Отъ этого будто-бы оспа дѣйствительно бываетъ не сильная и нагноеніе неслишкомъ обильное.

По понятію *Армянъ* Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Зелинскаго, [2])—причиною оспы служитъ какая-то сила, которую народъ олицетворяетъ въ образѣ рябаго юноши, снабженнаго крыльями; онъ очень быстро переносится съ мѣста на мѣсто и на пути своемъ сѣетъ заразительныя сѣмена. Богъ не даетъ сѣятелю оспы лишнихъ сѣмянъ, почему оспа поражаетъ человѣка только одинъ разъ въ жизни; впрочемъ оспа такой цвѣтокъ (по армянски оспа—дзачикъ—цвѣтокъ), который сильно истощаетъ почву и слѣдовательно не можетъ выростать на той-же самой почвѣ два раза. Чтобы не умерли дѣти отъ оспы, надо стараться угодить этой страшной, но святой силѣ. Въ продолженіе всей болѣзни мать дитяти по утрамъ и вечерамъ должна класть по семи земныхъ поклоновъ, ежедневно печь левашъ (листовой хлѣбъ) и раздавать бѣднымъ, ставить свѣчи и проч.

По убѣжденію Мингрельцевъ, Гурійцевъ и Име-

[1]) Московская Медицинская Газета 1874 г. № 28.

[1]) Соколовъ: О болѣзняхъ, господствующихъ въ Березовскомъ краѣ между инородцами (Архивъ Судеб. Медиц. 1867 г. Кн. 2 ст. 13).

[2]) l. c.

ритинъ на Кавказѣ,— говоритъ д-ръ Пантюхинъ, [1]) —натуральная оспа (по имеритински и грузински куавили) есть человѣкъ, мужчина или женщина (по гурійски богине), одѣтый въ черное и красное платье, сидящій на прекрасной лошади и разъѣзжающій по деревнямъ. Когда случайно или нарочно кто нибудь сдѣлаетъ ему непріятное, то приходя къ сонному, онъ поражаетъ неосторожнаго оспою. Если нашлетъ оспу мужчина, она бываетъ сильная и заболѣвшій обыкновенно умираетъ; если нашлетъ—женщина, оспа бываетъ слаба. Госпожа оспа весьма подозрительна и придирается къ каждому случаю, чтобы поразить неправящагося ей. Такъ разъ, пришедши къ спавшему деревенскому жителю, она сказала: «у тебя въ саклѣ переваренная вода, ты хочешъ сварить меня, пусть-же у тебя будетъ оспа!»—Человѣкъ этотъ проснулся, пораженный оспою, въ жару, и самъ разсказывалъ роднымъ и сосѣдямъ эту исторію. Кто нѣсколько знаетъ народъ, тотъ не удивится, что всѣ повѣрили ему и съ тѣхъ поръ не только вареной воды во время оспы не держатъ въ домахъ, но и никогда не грѣютъ ее въ томъ домѣ, гдѣ лежитъ оспенный больной.—Пораженныхъ оспою не лѣчатъ, чтобы не прогнѣвить существа, посылающаго ее, но для умилостивленія *богине* возлѣ больнаго ставятъ цвѣты, духи, яйца, различныя вкусныя блюда, орѣховыя курительныя свѣчи и обращаются къ ней съ молитвами и обѣтами. Страхъ, внушаемый оспою, такъ великъ, что въ комнату, гдѣ лежитъ больной, никто не входитъ, пищу ставятъ на нѣсколько дней или перебрасываютъ ее, слегка отворяя дверь. Дома, гдѣ умирали больные отъ оспы, прежде обыкновенно сожигали, а теперь это дѣлается рѣже и въ нихъ только не живутъ нѣкоторое время. Предразсудки противъ оспопрививанія въ настоящее время слабѣютъ только въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ русскими поселеніями, но большинство все еще боится прививки коровьей оспы, чтобы не прогнѣвить богине.

Въ Дагестанѣ у Аварцевъ, по свидѣтельству Трипольскаго, [2]) — захворавшій оспою дѣлается также совершеннымъ отверженникомъ. Его посѣляютъ гдѣ либо въ отдаленной нежилой саклѣ и прекращаютъ, до выздоровленія или смерти, всякія сношенія съ нимъ, подавая только въ окошко ежедневную пищу и то съ большими предосторожностями, а говорятъ, бывало даже такъ, что все народонаселеніе оставляетъ на время деревню съ захворавшими въ ней.

Дизентерію въ Мингреліи и Имеретіи,—по словамъ д-ра Пантюхина, [1])—боятся почти столько-же, сколько и оспу и противъ зараженія ею принимаются тѣ-же предосторожности. Въ Грузіи,—по словамъ Рейнгардта, [2])—дизентерію лѣчатъ крѣпкою настойкою изъ ревеня, а въ упорныхъ случаяхъ подкуриваніемъ задняго прохода ol. Petrae.

Холера у *Армянъ* Нахичеванскаго уѣзда Эриванской губерніи,—по свидѣтельству г. Зелинскаго, [3]) —олицетворяется также, какъ и оспа, въ видѣ какого-то ангелоподобнаго существа, которое боится воды и черной собаки. При встрѣчѣ съ ними, холера обращается въ иголку и втыкается въ платье своей проводницы, принадлежащей впрочемъ къ числу простыхъ смертныхъ. Переходя изъ дома въ домъ съ своею проводницею, холера прочитываетъ лобныя надписи людей [4]) и тому, кому суждено умереть, наноситъ ударъ зеленымъ прутикомъ, отчего будто-бы на тѣлѣ больнаго показываются синяки. Получившій ударъ прутикомъ долженъ непремѣнно умереть, а если праведница — холера (или, какъ иногда ее называютъ, святая холера) только посѣтитъ домъ, но никому не нанесетъ удара, то изъ семьи кто-нибудь только заболѣетъ, но не умретъ.

Въ простудныхъ болѣзняхъ и горячкахъ [5]) Киргизы завертываютъ больнаго въ парную шкуру только что убитаго животнаго, бьютъ больнаго по тѣлу прутьями, быстро погружаютъ въ котелъ съ горячей водой, съ нѣкоторыми впрочемъ предосторожностями отъ ожоги, и поятъ въ обильномъ количествѣ наваромъ лошадинаго мяса.

Чрезвычайно наивную патологію и терапію нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзней мы встрѣчаемъ у Эстовъ. Если новорожденный играетъ языкомъ, то у него предполагаютъ «змѣиный порокъ», слѣдовательно надо его окуривать посредствомъ змѣиной шкуры; хватаетъ онъ часто ртомъ, то у него «волчій порокъ», отъ чего помогаетъ обкуриваніе волчьей шерстью; если дитя не развивается, то оно страдаетъ «собачьимъ порокомъ», потому и обкуриваютъ его собачьей шерстью, или катаютъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ валялась собака, но въ противуположномъ положеніи тѣла, или вѣшиваютъ его время отъ времени на ручныхъ вѣсахъ (безмѣнъ); если испражненія зелены, то пеленки необходимо подвергать дѣйствію утреннихъ солнечныхъ лучей [6]).

---

[1]) И. Пантюхинъ: О народной медицинѣ туземцевъ Ріонской долины (Медицинскій Сборникъ, издав. Кавказ. Медиц. Общ. 1869 г. № 6).

[2]) Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 13.

[1]) Пантюхинъ. Ibidem.

[2]) Воен. Медиц. Жур 1834 г., кн. XXIV, № 2.

[3]) l. c.

[4]) Подъ лобною надписью подразумѣваются швы, соединяющіе лобныя кости съ теменными. Этою надписью будтобы предначертана судьба человѣка. У армянъ она называется „лобное письмо", а у татаръ „письмо головы".

[5]) Московская Медицинская Газета 1874 г. № 28.

[6]) Krebel. Volksmedicin etc S. 24. Ploss. B. II. S. 166.

ГЛАВА XXIX.

Заботы о тѣлесномъ развитіи и укрѣпленіи дѣтей у разныхъ народовъ.

Предохраненіе новорожденнаго отъ колдовства.—Первыя стремленія къ положительному, физическому воспитанію дѣтей у разныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ.—Системы отчужденія воспитывающихся дѣтей отъ семьи и общества.—Методы воспитанія, согласные съ особенностями жизни дикарей и нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ.—Принципы воспитанія народовъ древней цивилизаціи.—Вліяніе христіанства.—Аскетизмъ первыхъ вѣковъ.—Времена крестовыхъ походовъ, рыцарство, возрожденіе, реформація.—Пріемы и способы современнаго воспитанія.—Заключеніе главы.

Каждый народъ въ средѣ человѣчества представляетъ собою своего рода особь, отличающуюся извѣстными воззрѣніями, нравами и обычаями, находящимися въ свою очередь въ зависимости отъ разныхъ бытовыхъ, климатическихъ, религіозныхъ и другихъ условій. Этотъ исключительный, нравственный отпечатокъ каждаго народа не менѣе рѣзко отражается и на отдѣльныхъ пріемахъ физическаго воспитанія каждаго изъ нихъ. «Первое отрицательное воспитаніе, какое дается дѣтямъ у народовъ въ дикомъ состояніи, — говоритъ К. Шмидтъ,[1])—состоитъ въ заботѣ родителей—предохранять новорожденныхъ отъ колдовства. Колдовство, это—первое чаяніе мощи и величіе духа въ борьбѣ съ природою, первая и потому еще грубая попытка человѣка вырваться изъ пассивнаго состоянія, на которое онъ обреченъ природою. Когда у *Абипоновъ* въ Южной Америкѣ мать послѣ родовъ покидаетъ ложе, то отецъ беретъ ребенка, постится и, закутавшись въ одѣяла, предохраняетъ себя и новорожденнаго отъ сквознаго вѣтра, но пуще всего отъ колдовства. Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ о подобномъ обычаѣ у древнихъ Испанцевъ.»—Другіе авторы упоминаютъ о существованіи такого же обычая у *Скиновъ*, *Кипрянъ*, *Иберійцевъ*, въ западной Африкѣ, у *Басковъ* и т. п.—Тайлоръ полагаетъ, что обычай этотъ основанъ на первобытномъ понятіи объ единствѣ отца и ребенка: отецъ дескать держитъ діэту для того, чтобы не разстроить желудка ребенка и не повредить ему. Иные же авторы утверждаютъ, что надлежащій смыслъ этого обычая у современныхъ дикарей, держащихся его, потерянъ [2]).

[1]) К. Шмидтъ. Исторія Педагогики, перев. Циммермана. 1877. Т. I. стр. 61.

[2]) Шашковъ: Историческія судьбы женщины. 1872 г., стр. 27.

Первыя стремленія къ положительному физическому воспитанію у дикихъ народовъ мы находимъ въ разнообразныхъ попыткахъ ихъ закаливанія тѣла и пріученія его къ перенесенію всякихъ болей. *Абипоны* стараются дѣтей своихъ съ молоду сдѣлать безчувственными, прокалывая и разрѣзывая имъ руки. У *Ирокезцевъ* мальчикамъ связываютъ руки и кладутъ промежъ нихъ раскаленный уголь, а потомъ всенародно хвалятъ того, кто долѣе всѣхъ вынесъ боли [1]). Но самое большое количество испытаній, соединенныхъ съ разнообразными болями, непріятными и тяжелыми ощущеніями, дѣти бываютъ вынуждены переносить въ видѣ экзамена зрѣлости въ извѣстномъ возрастѣ, чтобы воочію показать своимъ соплеменникамъ, что уже настала пора представить неопровержимыя доказательства того, что они также какъ и старшіе братья и сестры ихъ способны мужественно переносить всякія невзгоды житейскія, а въ случаѣ надобности быть терпѣливыми, выносливыми и безстрашными защитниками своего племени и своей родины.

У *Гуроновъ*, *Ирокезовъ* и *Алонкинскихъ* племенъ дѣти, при наступленіи половой зрѣлости, уходятъ на продолжительный срокъ въ лѣсъ; мальчики подъ надзоромъ старика, а дѣвушки подъ надзоромъ старухи и въ теченіи всего этого времени постятся и чернятъ себѣ лицо, верхнюю часть спины и грудь. У *Оджибѣевъ* мальчики, достигшіе половой зрѣлости, устраиваютъ себѣ весною мѣстопребываніе на высокомъ деревѣ и лежатъ тамъ, лишенные пищи, на моховой подстилкѣ до тѣхъ поръ, пока перестаютъ наконецъ ощущать мученія голода и жажды и душа такимъ образомъ становится совершенно свободной отъ гнета тѣлесной оболоч-

[1]) К. Шмидтъ l. c. стр. 62.

ки. Иначе говоря, проголодавшіеся юноши засыпаютъ, причемъ душа, по мнѣнію Оджибѣевъ, восходитъ тогда на небо и получаетъ откровенія относительно дальнѣйшей жизни. По пробужденіи дѣти принимаются въ число взрослыхъ.—Въ *Виргиніи*, подвергнувъ сначала дѣтей извѣстнаго возраста сѣченію и другимъ истязаніямъ, мать съ плачемъ готовитъ могилу и дѣтей одного за другимъ сбрасываютъ въ яму, какъ будто мертвыхъ. Въ теченіи девяти мѣсяцевъ послѣ этого обряда, дѣти должны были оставаться въ пустынномъ мѣстѣ и находиться внѣ сношенія съ жилыми мѣстностями. Единственной пищей служилъ имъ декоктъ изъ корней, который предназначенъ былъ произвести разстройство въ ихъ мозговой дѣятельности. Этотъ напитокъ давался имъ до того времени, когда можно было предположить, что они, благодаря ему, забыли всю свою прежнюю обстановку. Когда ихъ отводили на родину, они обязаны были сдѣлать видъ, что имъ все чуждо тамъ, что они ничего не вспоминаютъ [1]).

Въ *Съверной Каролинѣ* юношей и дѣвушекъ, по достиженіи половой зрѣлости, держали въ теченіе 5-ти, 6-ти недѣль запертыми въ темной хижинѣ и подвергали жестокому посту, будто бы съ цѣлью сдѣлать ихъ послушными и способными выносить страданія [2]). —У *Дакотовъ* и *Сіуксовъ* молодые люди, прежде чѣмъ вступать въ число взрослыхъ, должны подвергнуться различнымъ истязаніямъ, причемъ они во все время мученій не должны издавать ни одного вздоха. Одно изъ испытаній, которымъ ихъ подвергаютъ, заключается въ томъ, что «экзаменующагося» прикрѣпляютъ канатомъ, протянутымъ чрезъ кожу его къ столбу, около котораго онъ долженъ поворачиваться въ теченіи дня, сообразно движенію солнца по горизонту [3]). Въ *Калифорніи*, по достиженіи дѣтьми половой зрѣлости, ихъ отдавали на руки жрецу или колдуну, который заставлялъ ихъ выпить опьяняющій напитокъ, какъ въ Виргиніи. Несмотря на то, что дѣти приходили въ совершенное безпамятство, имъ не давали заснуть и безостановочно спрашивали: не видятъ ли они льва, медвѣдя, оленя, орла и т. д. Смотря по галлюцинаціи, фигуру животнаго выжигали на груди и рукахъ мальчика [4]). У Индійцевъ, жившихъ *на сѣверѣ отъ Мексики*, мальчикъ, при достиженіи половой зрѣлости, долженъ былъ заручиться свидѣтельствомъ нѣсколькихъ взрослыхъ, что онъ способенъ выносить страданія. Тогда предводитель приступалъ къ производству перваго опыта. Раздѣвши мальчика до нага, онъ дралъ его за волосы, бросалъ на землю, толкалъ и билъ кулаками. Это было первое испытаніе. Если у мальчика при этомъ вырвался малѣйшій вздохъ, его отвергали, ему отказывали въ пріемѣ въ число взрослыхъ. Если же онъ смѣялся, держалъ себя весело и бодро и готовъ былъ переносить дальнѣйшія страданья, его подвергали второму испытанію. Его били розгами, палками по всему тѣлу; причемъ несмотря на ручьи крови, текущіе изъ нанесенныхъ ранъ, онъ не смѣлъ жаловаться. По выдержаніи втораго испытанія, юношу подвергали наконецъ третьему и послѣднему. Его кололи, рубили и царапали высушенными для этой цѣли когтями хищныхъ птицъ, причемъ онъ опять таки, истекая кровью, не долженъ былъ морщиться и стонать, – иначе онъ объявлялся негоднымъ. По выдержаніи всѣхъ испытаній, предводитель вручалъ мальчику лукъ и стрѣлы, сопровождая это дѣйствіе увѣщаніемъ, чтобы онъ никогда не трусилъ, чтобы онъ считалъ только себя и свое племя за людей, а всѣ остальныя племена за звѣрей; чтобы онъ всегда готовъ былъ защищать себя и своихъ земляковъ отъ вражескихъ набѣговъ. Какъ только мальчикъ считался принятымъ, на него извѣстное время возлагали самыя тяжкія работы. Онъ исполнялъ обязанности развѣдчика, выслѣживалъ мѣстопребываніе враговъ, онъ долженъ былъ, въ самую страшную непогоду, денно и нощно стеречь скотъ, состоять на посылкахъ и т. д. [1] — У южно-американскихъ *Мапучесовъ*, при достиженіи мальчиками 8-ми, 9-ти лѣтняго возраста, по разсказу Спикса и фонъ Марціуса, собираютъ всѣхъ сосѣдей и устроиваютъ для нихъ пиршество. На руки мальчика накладываютъ рукава, наполненные большими, крѣпко кусающими муравьями. Рукава эти завязаны вверху и внизу. Когда мальчикъ отъ жгучей боли начинаетъ рыдать и кричать, бѣснующаяся толпа мужчинъ смыкается въ кругъ и пляшетъ около него съ крикомъ до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не падаетъ замертво на землю. Вспухшія верхнія конечности натираются по окончаніи операціи свѣжимъ сокомъ отъ мандіоноваго корня. Когда мальчикъ очнется, ему даютъ натянуть лукъ. Эти самыя испытанія повторяются обыкновенно до 14-ти лѣтняго возраста, когда юноша переноситъ боль, не обнаруживая при этомъ признаковъ страданія. Онъ считается тогда взрослымъ и имѣетъ право жениться.—Такимъ же жестокимъ истязаніямъ подвергаются у нихъ дѣвушки въ соотвѣтствующемъ возрастѣ [2]).—У южно-американскихъ *Макузисовъ*, живущихъ въ Британской Гвіанѣ, испытанія, которымъ подвергаются дѣвушки при наступленіи половой зрѣлости, состоятъ, по разсказу фонъ Марціуса, въ слѣ-

[1]) Bastian. Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. 1872 г. 394—401.
[2]) Waitz. III. S. 118
[3]) Bastian l. c. S. 345.
[4]) Bastian l. c. S. 398.

[1]) Klemm. II. S. 89—90. Bastian l. c. S. 395.
[2]) Klemm. I. S. 237.

дующемъ: дѣвушку обособляютъ отъ взрослыхъ сожителей той-же хижины. День она проводитъ на куполообразной вышкѣ хижины, а ночь при разведенномъ ею огнѣ. Послѣ семидневнаго поста, она имѣетъ право изготовить себѣ похлебку въ отведенномъ ей темномъ углѣ, послѣ чего жрецъ дѣлаетъ извѣстныя заклинанія и посуда, бывшая у ней въ употребленіи, разбивается. Дѣвушку затѣмъ купаютъ. По возвращеніи съ купанья, она должна провести ночь, стоя на скамейкѣ или на камнѣ, причемъ мать бьетъ ее тонкими прутьями и она не имѣетъ право кричать отъ боли, чтобы не разбудить спящихъ въ избѣ. Послѣ втораго по порядку періода менструаціи, такое бичеванье повторяется. Съ этого времени дѣвушка считается чистою и можетъ вступать въ брачное сожительство. [1]) У другаго южно-американскаго народа — *Ваупесовъ* (Waypes) дѣвушекъ, по свидѣтельству того-же путешественника, подвергаютъ подобному же испытанію. Имъ точно также отводятъ верхнюю часть хижины и подвергаютъ ихъ діэтѣ и бичеванію. Отъ каждаго чина семейства и сосѣда онѣ получаютъ по нѣскольку ударовъ по всему голому тѣлу, что влечетъ часто за собою обморокъ и даже смерть. Эта экзекуція повторяется четыре раза съ шестичасовыми промежутками. Въ теченіе всего времени производства истязаній родственники и сосѣди ѣдятъ и пируютъ, между тѣмъ какъ испытуемая имѣетъ право только облизывать орудіе бичеванія, погруженнаго предварительно въ миску съ пищей. Если дѣвушка успѣла вынести эти истязанія, она признается совершеннолѣтнею. [2])

Подобнаго рода истязанія, при наступленіи того или другаго періода физическаго развитія, у нѣкорыхъ американскихъ народовъ кромѣ того практикуются одновременно съ другими не менѣе жестокими истязаніями, налагаемыми обычаями, каковы, напримѣръ: татуированіе, обрѣзаніе, отрѣзываніе пальца и т. п. [3])

Наконецъ, не выходя еще изъ предѣловъ Америки, мы можемъ видѣть, какимъ видоизмѣненіямъ подвергаются описанныя истязанія на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры. Въ *древней Мексикѣ*, по словамъ Туркемоды, всѣ дѣти, достигшія 6-ти, 9-ти лѣтняго возраста, отдавались на воспитаніе въ школы, состоявшія при храмахъ. Питомцы этихъ школъ подвергались весьма строгой дисциплинѣ, не имѣли права отлучаться изъ храма, обязаны были поститься, молиться, привыкать къ тяжестямъ, работамъ и вообще жить аскетически. Такое же воспитаніе получали и дѣвушки, которыя въ свою очередь отдавались въ храмовыя, монастырскія школы. Кромѣ этихъ церковныхъ школъ, въ древней Мексикѣ были и военныя школы, гдѣ получали воспитаніе будущіе воины. Древній мексиканецъ могъ такимъ образомъ получить или ученое, или военное образованіе. Употребительными исправительными наказаніями за непослушаніе дѣтей въ Мексикѣ было: нанесеніе ударовъ по тѣлу колючими растеніями, царапаніе такими же колючими орудіями, подкуриваніе ѣдкими веществами и т. д. По достиженіи 16-ти лѣтняго возраста, юноши выпускались изъ школъ; дѣвушки предъ вступленіемъ въ замужество. [1])—Мы видимъ такимъ образомъ,— говоритъ Кулишеръ, [2]) въ статьѣ котораго между прочимъ приведено также нѣсколько только тѣ цитированныхъ фактовъ, — что существенные элементы тѣхъ испытаній, о которыхъ упомянуто выше, сохранились и въ мексиканской системѣ воспитанія, у населенія, стоявшаго на сравнительно высокой степени культуры. Удаленіе дѣтей изъ семей и общества, отчужденіе отъ интересовъ обыденной жизни, постъ, голодъ, физическія и нравственныя мученія и истязанія встрѣчаются одинаково какъ въ Мексикѣ, такъ и среди другихъ американскихъ племенъ, стоящихъ на низкой степени культуры. Разница лишь въ томъ, что во первыхъ, вмѣсто удаленія въ лѣсъ, въ Мексикѣ удаляли дѣтей извѣстнаго возраста въ монастырскія, храмовыя и другія закрытыя, внѣ міра сего находящіяся, заведенія, въ которыхъ иногда преобладалъ спеціально духовный, иногда же военный характеръ. Во вторыхъ, вмѣсто кратковременныхъ испытаній дѣтей извѣстнаго возраста, по мексиканской системѣ воспитанія срокъ испытаній дѣтей удлиняется, расширяется на значительное количество лѣтъ, распространяется на цѣлую полосу жизни каждаго подрастающаго субъекта, въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ, отъ 9-ти до 16-ти лѣтъ. Наконецъ, третье и послѣднее отличіе мексиканской системы испытанія отрочества и юношества заключается въ томъ, что нѣкоторые изъ указанныхъ выше экзаменовъ отступаютъ здѣсь на задній планъ, а другіе, наоборотъ, выдвигаются на первый. Такъ постъ и строгое изолированіе дѣтей отъ мірскаго общества стоитъ въ дѣлѣ мексиканскаго воспитанія на первомъ планѣ, тогда какъ физическія истязанія, опредѣляющія у иныхъ дикарей, достоинство юноши, превращались здѣсь въ «наказанія» за ослушаніе и т. п. Послѣ всего изложеннаго нельзя не согласиться съ г. Кулишеромъ, что тѣ измѣненія, какія произошли въ дѣлѣ обращенія съ дѣтьми на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры, совершаются повсюду и, между прочимъ у европейскихъ народовъ, на соотвѣтствующихъ ступеняхъ культуры, что

[1]) Bastian. l. c. S. 391. Ploss. II. S. 256—257.
[2]) Bastian. Rechtsverh. S. 392—393.
[3]) Ploss. B. I. S. 297, 298, 311, 313. B. II. S 259—264 etc.

[1]) Waitz. Anthropologie etc. IV. S. 134 — 135. Ploss. II. S. 211—270.
[2]) Кулишеръ: Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми. Журналъ „Слово“. 1878 г. Ноябрь.

такимъ образомъ ходъ развитія явленій въ разсматриваемой области жизни, одинъ и тотъ же у всѣхъ народовъ.

У африканскихъ народовъ, при наступленіи половой зрѣлости, молодежъ также подвергаютъ истязаніямъ, но уже по большей части имѣющимъ опредѣленный характеръ, а именно обрѣзанія, сопутствуемаго иногда, кромѣ того, еще нѣкоторыми другими физическими и моральными истязаніями, въ родѣ удаленія въ особую хижину, устроенную для этой цѣли въ уединенномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ у *Кафровъ*; [1]) въ родѣ предварительнаго сѣченія розгами въ теченіе извѣстнаго срока, какъ напримѣръ у *Негровъ въ Томбурѣ*; въ родѣ выпиванія чашки горькаго напитка—каапи и удаленія въ лѣсъ на цѣлый мѣсяцъ, по совершеніи обрѣзанія, какъ напримѣръ у *Паравильяновъ*, живущихъ въ Габутѣ; въ родѣ житья въ шатрахъ изъ древесныхъ листьевъ, въ лѣсу, до 7–8 дней послѣ обрѣзанія, какъ напримѣръ у *Негровъ при Ріо-Нунецъ* и т. п. [2]).

При достиженіи совершеннолѣтія знатными молодыми людьми у племени *Ваника* въ восточной Африкѣ соблюдается ужасный обычай, называемый *вагнаро*: всѣ юноши одного возраста съ ними совершенно голые отправляются въ лѣсъ и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ человѣка. Во время празднованія *вагнаро* опасно находиться по близости селенія, такъ какъ для возбужденныхъ молодыхъ людей все равно, надъ кѣмъ бы не выполнить обычай.—Въ извѣстныя времена года тамъ же юноши надрѣзываютъ себѣ груди ножемъ, чтобы, какъ они говорятъ, получить свѣжую кровь вмѣсто старой и сдѣлаться отъ этого сильными и храбрыми. [3]).

Въ *Австраліи* и *Полинезіи* совершаются надъ дѣтьми при наступленіи половой зрѣлости истязанія, сходныя съ описанными до сихъ поръ. Большею частью истязанія эти и здѣсь приняли форму обрѣзанія. Вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, или въ замѣнъ его, производится часто изувѣченіе другихъ частей дѣтскаго тѣла: выбиваютъ зубъ или отрѣзываютъ суставъ пальца.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Австраліи кромѣ того юноши, подвергаемые обрѣзанію, насильно отбираются у матерей, подвергаются сѣченію розгами и затѣмъ обрѣзываются. [4]) Эйеръ описываетъ операцію татуированія, или вѣрнѣе зарубанія кожи, у австралійскихъ дѣвушекъ при достиженіи ими совершеннолѣтія такимъ образомъ: дѣвушка становится на колѣни и кладетъ голову между колѣнъ старой, сильной женщины, а операторъ, который всегда долженъ быть мужчина, дѣлаетъ раковиной или кремнемъ глубокіе надрѣзы кожи на спинѣ, идущіе поперегъ отъ праваго бока къ лѣвому и достигающіе до самыхъ плечъ. Вся эта сцена до нельзя возмутительна; кровь, бѣжитъ ручьями на землю, а несчастная жертва издаетъ ужасные крики. Тѣмъ не менѣе дѣвушки добровольно подвергаютъ себя этому мученію, такъ какъ хорошо изрѣзанная вызываетъ большое удивленіе [1]).

У *Карагассовъ*, живущихъ въ Иркутской губерніи экзаменъ зрѣлости мальчика производится такимъ образомъ: «выходя изъ дѣтства,—говоритъ г. Поповъ,—мальчикъ принимается за домашнія работы; тутъ онъ является помощникомъ матери; а затѣмъ наступаетъ для него многотрудное время,—онъ пріучается къ звѣропромышленности. Мнѣ разсказывали такой случай: нѣсколько русскихъ охотниковъ — звѣропромышленниковъ, встрѣтились въ тайгѣ съ охотниками карагассами. Вниманіе русскихъ особенно привлекъ между инородцами карагассами мальчикъ, лѣтъ 14-ти, тощій, блѣдный, заплаканный. Русскіе спросили его о причинѣ слезъ, мальчикъ упрямо молчалъ, а старшіе отвѣтили, что онъ недавно упустилъ медвѣдя и, благодаря ему, они терпятъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ — потому и наказываютъ его голодомъ, не давая пищи до того времени, пока онъ не промыслитъ какую нибудь добычу, а слѣдовательно и пищу. «Да этакъ, вѣдь, онъ у васъ умретъ!» испуганно возразилъ одинъ изъ русскихъ охотниковъ.» — А можетъ! — холодно и равнодушно отвѣчали Карагассы.—Русскіе тайкомъ подѣлились съ мальчикомъ; но онъ, поѣвши, не сдѣлался веселѣе. На вопросъ о причинѣ такой печали мальчикъ, по прежнему, упорно молчалъ. Это было утромъ. — Въ тотъ же день онъ плясалъ и плакалъ радостными слезами на едва остывшемъ трупѣ убитаго имъ медвѣдя; прежней тоски и тѣни не осталось. Самолюбіе охотника было удовлетворено; онъ былъ неизмѣримо счастливъ, тѣмъ больше, что съ этого дня начинается его совершеннолѣтіе, онъ дѣлается полноправнымъ гражданиномъ своего карагасскаго мірка, женихомъ; въ этотъ день онъ переходитъ грань, отдѣляющую дѣтство отъ юношества,—тутъ онъ вступаетъ въ жизнь какъ самостоятельное лицо».—Подобный же обычай доказательства и признанія совершеннолѣтія, надо полагать, существуетъ и у *Лопарей*. По крайней мѣрѣ объ этомъ не безъ основанія можно судить изъ слѣдующихъ краткихъ словъ Пошмана вообще лаконически сдѣланнаго имъ опи-

---

[1]) Klemm III. S. 290 и 291.

[2]) Bastian l. c. S. 287—391.

[3]) Фонъ-Декенъ. Путешествіе по внутренней Африкѣ. Рус. Перев. 1870 г., стр. 241.

[4]) Waitz-Gerland. S. VI. 785.

[1]) Леббокъ l. c. стр. 357.

санія Архангельской губерніи: «никто изъ мужчинъ, —говоритъ онъ, [1])—(у Лопарей) не можетъ жениться, пока не убилъ еще дикаго оленя».

Подобно тому какъ въ древней Мексикѣ при воспитаніи дѣтей выработалась система отчужденія ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ семьи и общества, съ цѣлью дать имъ менѣе изнѣженное воспитаніе, у нѣкоторыхъ древнихъ и современныхъ народовъ Европы и Азіи существовали и теперь отчасти существуютъ съ подобною же цѣлью системы изолированія дѣтей отъ семьи на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Изъ древнихъ Европейскихъ народовъ этотъ обычай мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ *греческихъ*, ставившихъ общественное воспитаніе дѣломъ обязательнымъ для каждаго, и о чемъ подробнѣе мы скажемъ ниже. Затѣмъ у *древнихъ Германцевъ* знатные родители съ семилѣтняго возраста отдавали дѣтей своихъ на воспитаніе родственникамъ или друзьямъ: на сѣверѣ сыновей поручали обыкновенно братьямъ матерей ихъ. [2]) Отрока рыцаря съ семилѣтняго возраста также отдавали изъ родительскаго дома въ чужой королевскій дворъ или къ какому нибудь чужому рыцарю съ тѣмъ, чтобы онъ, большею частью вмѣстѣ съ другими отроками навыкалъ тамъ къ службѣ и дворянскому обращенію [3]) Сюда-же, конечно, слѣдуетъ отнести обычаи и нѣкоторыхъ современныхъ Европейскихъ народовъ, отдающихъ дѣтей своихъ на воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ. Изъ азіатскихъ народовъ этотъ обычай мы видимъ прежде всего въ *древней Персіи*, гдѣ до седьмаго года мальчики обыкновенно находились при женщинахъ: «шесть мѣсяцевъ,—гласитъ законъ, — надлежитъ беречь собакъ, а семь лѣтъ дѣтей». До семилѣтняго возраста запрещалось вовсе бить ребенка. Съ семи-же лѣтъ начиналось публичное воспитаніе, такъ какъ, по ученію Зенд-Авесты, всякая личность принадлежитъ государству и есть его достояніе, съ развитіемъ котораго возрастаетъ благосостояніе самаго государства [4]).— Обычай отчужденія дѣтей отъ семьи отчасти практикуется и въ современномъ намъ *Китаѣ*. Такъ какъ воспитаніе,—говоритъ К. Шмидтъ [5]),—вообще никогда не обходится безъ ослушанія и слѣдовательно безъ огорченія, то, щадя святость отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, считаютъ за лучшее нанимать воспитателя или съ другими родителями обмѣниваться дѣтьми для воспитанія, или-же наконецъ отдавать послѣднихъ въ школу.

У нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ, напр. *Чер-кесовъ* [1]) и *Абхазцевъ* [2]), еще недавно дѣти съ самаго ранняго возраста удалялись изъ семьи и отдавались на воспитаніе постороннему лицу. Обычай этотъ у Черкесовъ г. Данилевскій [3]) описываетъ такъ: «Кавказскіе горцы, какъ полудикіе азіатцы, имѣютъ образъ воспитанія дѣтей совершенно отличный отъ Европейскаго и даже отличный отъ воспитанія образованнѣйшихъ Азіатскихъ народовъ. Основываясь на обычаѣ, издревле существующемъ, всякая мать не должна воспитывать сама дѣтей своихъ, а отдавать ихъ другимъ, принимая, въ свою очередь, попеченіе о чужихъ дѣтяхъ. Спросите горца, для чего введенъ у нихъ такой обычай? Онъ съ какимъ-то самодовольствомъ, крутя усы, отвѣтитъ вамъ: «для того, чтобы не допустить юношѣ вкусить нѣгу, могущую произойти отъ природной родительской съ дѣтьми горячности!» Въ самомъ дѣлѣ, между горцами только дѣти простаго народа или бѣдныхъ жителей воспитываются въ родительскомъ домѣ и пріуготовляются болѣе къ сельскимъ работамъ, а не къ военному ремеслу, какъ дѣти знатнаго рода. И такъ на основаніи древняго обычая, часто дѣти важнѣйшихъ фамилій воспитываются между простолюдинами и гораздо болѣе бываютъ привязаны по чувствамъ сердца къ домамъ своихъ воспитателей, чѣмъ къ своимъ собственнымъ. Отъ сего-то, кажется, происходитъ, что горскіе народы Кавказа, разумѣется въ каждомъ племени особо, связаны между собою политическимъ родствомъ, которое удерживаетъ одинъ другаго отъ взаимныхъ обидъ и сближаетъ ихъ между собою для лучшаго сопротивленія внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ. По сей-же обычной причинѣ, прежде бывшіе крымскіе султаны всегда воспитывались у Черкесовъ и въ надеждѣ на дружескія, какъ-бы родственныя связи, при малѣйшемъ неудовольствіи на хана, находили убѣжище за Кубанью; равно князья большой Кабарды охотно отдаютъ дѣтей своихъ на воспитаніе узденямъ (родъ дворянъ малой Кабарды) для того, чтобы посредствомъ сихъ связей всегда имѣть удобные случаи—развлекать власть князей малой Кабарды и питать между ними внутреннія раздоры. Опишемъ подробнѣе явленія, сопровождающія закоренѣлый издревле между горцами обычай воспитанія дѣтей въ чужѣ. Часто случается, что младенецъ находится еще въ утробѣ матери, а множество желающихъ быть его воспитателями оспариваютъ другъ у друга таковое лестное право; особенно выгоды, отъ того пріобрѣтаемыя, побуждаютъ простолюдиновъ ревностно искать чести, принять въ нѣдра своего семейства для воспитанія

[1]) Пошманъ l. c., стр. 188.
[2]) К. Шмидтъ l. c. 1877 г. Т. II., стр. 123.
[3]) К. Шмидтъ l. c. Т. II. стр. 268.
[4]) К. Шмидтъ l. c. Т. I. стр. 119.
[5]) К. Шмидтъ l. c. стр. 81.

[1]) Народы Россіи. Живописный Альбомъ. 1877 г., стр. 361.
[2]) Народы Россіи l. c. стр. 373.
[3]) Данилевскій. Кавказъ и его горскіе жители. 1846 года, ср. 141—142

дѣтей княжескихъ и дворянскихъ. Разумѣется, что родители дитяти не вмѣшиваются въ упомянутые споры между претендентами воспитанія дѣтей, потому что это почитается предосудительнымъ. Между тѣмъ, претенденти сіи, разобравшись между собою, наконецъ назначаютъ изъ среды себя воспитателя или дядьку, который татарскимъ нарѣчіемъ называется у нихъ *Аталыкъ*. Тогда избранный въ дядьки или въ Аталыки ожидаетъ дня рожденія будущаго своего воспитанника съ великимъ нетерпѣніемъ: заблаговременно посылаетъ бабку въ домъ родителей младенца—ждать появленія онаго на свѣтъ и приготовляетъ пиршество. Получивъ извѣстіе о его рожденіи, онъ пируетъ съ своими родственниками и ближними нѣсколько дней, дня два или три, послѣ чего новорожденнаго переносятъ въ домъ будущаго Аталыка. Такимъ образомъ каждый Аталыкъ до совершеннолѣтія воспитанника своего получаетъ надъ нимъ право родительской власти, тѣмъ болѣе, что родители, однажды отдавъ на воспитаніе сына или дочь, почитаютъ великимъ стыдомъ справляться у воспитателя о состояніи оныхъ до совершеннолѣтія. Назначенный воспитателемъ тогда-же получаетъ подарокъ отъ отца или матери своего воспитанника и тогда оба дома чрезъ то сближаются родственниками. При томъ соблюдается правило, что пока не кончится воспитаніе отдаваемаго ребенка, родной отецъ рѣдко видается съ сыномъ или дочерью и даже стыдится ласкать ихъ или говорить съ ними при свидѣтеляхъ. Аталыкъ или воспитатель, принявъ младенца къ себѣ на воспитаніе, прилагаетъ всемѣрное стараніе доставить ему не только все необходимое, но даже излишнее, и часто разоряется, дѣлая для того издержки свыше своего состоянія въ надеждѣ, что послѣ совершеннолѣтія воспитанника связи дружества съ домомъ его родителей и обычные подарки вознаградятъ вдвое или втрое за прошлое. Воспитаніе дѣвушекъ отъ рожденія поручается также въ чужія руки. Новая мать содержитъ ее въ строгомъ повиновеніи».

Обычай отдавать дѣтей въ чужія семейства на воспитаніе во всѣхъ племенахъ Абхазскаго народа существовалъ главнымъ образомъ между князьями и дворянами, простой же народъ придерживался этого обычая только при возможности и средствахъ. Отданный на воспитаніе мальчикъ обыкновенно оставался въ чужомъ домѣ до 14-лѣтняго возраста и затѣмъ съ разными церемоніями возвращался въ домъ родительскій [1]). Подобный-же обычай существуетъ въ *Мингреліи* и *Гуріи*, гдѣ до сихъ поръ отдаютъ новорожденныхъ въ чужія семьи, безъ различія сословія, въ которыхъ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подарками къ родителямъ, которые вознаграждаютъ ихъ подарками вдвое и втрое большими [1]).

Подобно нѣкоторымъ Кавказцамъ, *Буряты* на Целебесѣ отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе постороннимъ лицамъ для того, чтобы они не изнѣжились. У горцевъ въ *Камбоджѣ* дѣти, въ свою очередь, весьма рано удаляются изъ родительскаго дома и получаютъ воспитаніе на манеръ существовавшаго въ Спартѣ [2]). Обычай удалять дѣтей изъ родительскаго дома и отдавать на воспитаніе постороннимъ лицамъ существуетъ также у *Монголобурятъ* Тункинскаго вѣдомства Иркутской губерніи,—по свидѣтельству г. Арендаренко, изъ усула Торскаго,—практикуется тогда, когда дѣти мрутъ у родителей. Желая затѣмъ сохранить вновь рождающихся, родители обыкновенно отдаютъ новорожденныхъ на воспитаніе, до году, шаману. Когда въ подобномъ случаѣ привезутъ ребенка въ домъ шамана, то послѣдній тотчасъ-же начинаетъ зашаманивать младенца и для этого вѣшаетъ надъ нимъ лукъ и стрѣлы, разное тряпье, составляющее значеніе шаманства, и кромѣ того неизбѣжнаго при такой церемоніи зайца. Шаманъ обыкновенно всегда пьяница и самодуръ и постояннымъ крикомъ своимъ часто запугиваетъ ребенка.—Цѣлыми днями шатаясь по юртамъ, онъ оставляетъ ребенка на попеченіе своей семьи, которая не особенно охотно печется о немъ,—отъ этого ребенокъ всегда голодаетъ, грязенъ и къ колыбели его нѣтъ возможности приступить безъ особаго отвращенія,—такъ дуренъ и видъ и воздухъ. Поэтому такія дѣти, если иногда и выносятъ эту адскую жизнь въ домѣ шамана, то все-же ихъ здоровье въ этотъ годъ разшатывается навсегда.

Умѣнье пропитывать себя, защитить отъ враговъ и храбрость при нападеніи ихъ считаются у дикихъ и полудикихъ народовъ самыми высшими добродѣтелями; поэтому и при воспитаніи дѣтей своихъ они стараются развить въ нихъ особенно эти свойства въ соединеніи съ ловкостью, умѣньемъ плавать, стрѣлять изъ лука, бѣгать, зорко смотрѣть вдаль и чутко слышать, чтобы еще издалека научиться выслѣживать своего врага и слышать малѣйшій звукъ при его приближеніи. Въ видахъ этой подготовки у разныхъ народовъ употребляются разные методы. Такъ,—по словамъ путешественниковъ, матери арабовъ оставляютъ дѣтей своихъ совершенно на произволъ судьбы, вслѣдствіе чего ихъ глаза, губы и носъ часто бываютъ въ ужасной степени искусаны мухами; находясь въ состояніи такой безпомощности, — говоритъ Бремъ,—они раньше начинаютъ пользоваться сво-

[1]) Народы Россіи. Живописный Альбомъ. 1877 г., стр 373.

[1]) Народы Россіи l. c., стр. 408.

[2]) Bastian, Geographische und Ethnologische Bilder. Iena, 1873. S. 121.

ими тѣлесными и умственными силами. Но что въ этомъ нельзя видѣть какую нибудь постоянную особенность расы, это видно изъ того, что такая-же ранняя тѣлесная и умственная зрѣлость замѣчается у бѣдныхъ креоловъ въ Вестъ-Индіи и у жителей Бразиліи [1]). У Бушменовъ дѣти до года уже бодро ходятъ, а немногимъ старше сами вырываютъ себѣ луковицы въ полѣ [2]). Готтентотскія дѣти рѣшительно брошены на произволъ судьбы: они какъ обезьяны, инстинктивно отыскиваютъ въ землѣ коренья и все что можно проглотить; рѣдко достается имъ что нибудь отъ стола родителей,— они буквально на подножномъ корму [3]). Когда дѣти дикарей начинаютъ подрастать, то родители начинаютъ заботиться о развитіи въ нихъ тѣхъ физическихъ качествъ, какія наиболѣе необходимы при образѣ ихъ жизни. Поэтому-то, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи родители рано научаютъ дѣтей своихъ управлять оружіемъ. Въ Новой Каледоніи мальчики постоянно пользуются этимъ обученіемъ публично, между тѣмъ какъ дѣвочки уже рано съ матерями обязаны работать на плантаціяхъ. На островахъ Фиджи мальчиковъ очень тщательно обучаютъ плаванію, ѣздѣ на лодкѣ и всѣмъ правиламъ сраженія. На островахъ Таити упражняютъ мальчиковъ въ управленіи оружіемъ и мореплаваніи. Ирокезцы въ свое время научали дѣтей своихъ употреблять оружіе (стрѣлять изъ продувнаго ствола); а по Ирвингу у Индійцевъ Черныхъ Вороновъ (Krähenindianer) заставляютъ дѣтей уже по третьему году постоянно ѣздить верхомъ [4])—Четырехлѣтнія дѣти Гуахасовъ въ южной Америкѣ уже искусные и смѣлые наѣздники [5]).—Въ Калифорніи, когда ребенку минетъ нѣсколько мѣсяцевъ, мать сажаетъ его голаго къ себѣ на шею верхомъ и такимъ образомъ малютка научается наѣздничеству гораздо прежде, чѣмъ онъ становится на ноги [6]).—Полудикіе дикари испанскаго происхожденія въ Южной Америкѣ съ осьмаго дня рожденія,—по словомъ Azara,—берутъ дитя на руку, садятся съ нимъ на лошадь и мчатся по полю до тѣхъ поръ, пока ребенокъ начнетъ плакать; тогда отвозятъ его къ матери, а на слѣдующіе дни это опять повторяется до тѣхъ поръ, пока ребенокъ будетъ въ состояніи одинъ сидѣть на лошади [7]). Кому неизвѣстны удаль, неустрашимость, отвага и ловкость черкесскихъ племенъ, его наѣздниковъ, на всемъ скаку продѣлывающихъ такія штуки, какимъ подчасъ позавидовалъ бы и самый искусный волтижеръ изъ цирка. Но чтобы быть лихимъ наѣздникомъ, владѣть ловко кинжаломъ, стрѣлять безъ промаха изъ винтовки и смотрѣть хладнокровно въ глаза смерти, для всего этого надо пройти школу съ дѣтства. Дикіе горцы такъ и поступаютъ; они съ самыхъ малыхъ лѣтъ пріучаютъ своихъ мальчиковъ къ жизни воина, къ стрѣльбѣ, къ долгимъ странствіямъ по горамъ, къ верховой ѣздѣ, или лучше сказать, къ скаканью на конѣ, сломя голову, однимъ словомъ ко всему тому, чѣмъ такъ гордится свободный сынъ горъ. На прилагаемой фигурѣ 214 изображена сценка изъ жизни дѣтей этого племени, дающая наглядное понятіе о томъ, какъ черкесенята пріучаются на свободѣ управлять оружіемъ и конемъ [1]).

Киргизскому ребенку въ 3—4—5 лѣтъ, какъ мы видѣли выше,—торжественно дарятъ лошадь, дѣтское сѣдло (арчанъ) и съ тѣхъ поръ при перекочевываніи онъ уже ѣдетъ на собственной лошади и отдѣльно [2]).—Нельзя не замѣтить здѣсь нѣкотораго сходства этого обычая съ обычаемъ торжественнаго сажанія дитяти на коня, когда-то существовавшимъ у насъ на Руси и составлявшимъ, можетъ быть, также остатокъ прежней кочевой жизни нашихъ родичей—Славянъ. Въ изслѣдованіяхъ И. Е Забѣлина находимъ, напримѣръ, слѣдующіе относящіеся сюда факты: въ 1192 г. «быша постригы у великаго князя Всеволода сыну его Георгеви (родился 1188 г.) въ градѣ Суздали; того же дня и *на конь его всади* и бысть радость велика во градѣ Суздали» [3]).—Гораздо позднѣе такой же обрядъ совершенъ былъ надъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ, сыномъ Іоанна III. Татищевъ въ своей исторіи говоритъ: «по прошествіи семи лѣтъ его на сѣдлѣ со стрѣлами подстригали и на конь посадили, при томъ же люди знатные, властные какъ при крещеніи, кумовья бывали [4])».—И какъ въ самомъ дѣлѣ дикарямъ и полудикимъ народамъ, подверженнымъ ежеминутнымъ превратностямъ судебъ, не заботиться о развитіи самостоятельности своихъ дѣтей съ возможно ранняго возраста. Сколько между ними бываетъ случаевъ похищенія дѣтей хищными звѣрями и враждебными племенами, а затѣмъ употребленія ихъ послѣдними для продажи въ рабство, какъ встрѣчается это, напримѣръ, въ Африкѣ по разсказамъ Левингстоновъ [5]). Сколько бываетъ слу-

---

1) Witz-Gerland. T. 1. S. 45.

2) Waitz-Gerland. T. 1. S. 100.

3) Вышеславцевъ: Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго путешествія 1857—60 г., стр. 74.

4) Ploss. B. II. S. 205—208.

5) Waitz-Gerland. T. 1. S. 100.

6) Ploss. B. II. S. 87.

7) Ploss. B. II. S. 3.

1) Новый русскій базаръ. (Иллюстрир. журналъ). 1881 г. № 40.

2) Русскій Вѣстникъ. 1878 г. Т. 137. Обычаи Киргизовъ и пр., стр. 59.

3) И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени (Отеч. Записки 1854 г. № 6, стр. 54).

4) Татищевъ: Исторія Россіи 111 прим., стр. 553.

5) Путешествіе по Замбези и пр. Давида и Чарльза Левингстоновъ, рус. переводъ 1865 г. Т. I, стр. 108; Т. II, стр. 253; также: послѣднее путешествіе Д. Левингстона по Африкѣ. 1876 г., рус. перев., стр. 130—131.

чаевъ преждевременной потери дѣтьми матерей своихъ, причемъ они оказываются совершенно безпомощными и поневолѣ обрекаются на голодную смерть, какъ находимъ примѣры этого опять таки, напримѣръ, у Давида Левингстона [1]). При описаніи жизни дѣтей нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, особенно Сибири и Кавказа, мы видѣли также, какъ часто они предоставляются на волю судебъ, голодуя иногда по нѣсколько дней какъ напримѣръ дѣти Тунгусовъ [2]), а потому поневолѣ научаясь, не смотря ни на какую погоду и въ возрастѣ гораздо болѣе раннемъ, чѣмъ у дѣтей цивилизованныхъ народовъ, къ самостоятельному промыслу себѣ пищи. Благодаря подобнымъ условіямъ жизни дикарей для насъ понятны также и другіе не менѣе поразительные факты, сообщаемые путешественниками, какъ, напримѣръ, то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще очень маленькія дѣти дикарей беззаботно играютъ на краю глубокой пропасти и прекрасно лазаютъ по деревьямъ, цѣпляясь за вѣтви ихъ, какъ обезьяны [1]); что, напримѣръ, на крайнемъ югѣ Огненной земли приходится видѣть, какъ женщины зимой нагія и съ дѣтьми на груди стоятъ по поясъ въ водѣ и занимаются отыскиваніемъ съѣдобныхъ моллюсковъ въ то время, какъ снѣгъ падаетъ хлопьями на нихъ и ихъ несчастныхъ малютокъ [2]); что въ Индійскомъ Мадрасѣ матери имѣютъ обыкновеніе сыпать ребенку въ глаза перецъ съ цѣлью очищенія зрѣнія [3]) и т. д.

Тѣлесная сила, ловкость бодрость, выносливость, вмѣстѣ съ остротой зрѣнія и слуха нужны также охотнику первобытныхъ лѣсовъ, бродящему безъ

Фиг. 214. Кавказскія дѣти на охотѣ.

устали по лѣсамъ съ цѣлью утолить свой голодъ добытой дичью, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы и самому не сдѣлаться добычею хищнаго звѣря. Образцы такихъ народовъ представляютъ намъ почти всѣ племена сѣверо-американскихъ Индійцевъ, которые босые и нагіе подъ сѣнью деревъ бродятъ по лѣсамъ съ малыхъ лѣтъ, подобно дикому звѣрю. Мы видѣли выше, что американскіе Индійцы еще съ колыбели осваиваютъ дѣтей своихъ съ оружіями охоты и войны, даря имъ вмѣсто игрушекъ маленькіе луки и стрѣлы. Затѣмъ мы видѣли, что высшую добродѣтель этихъ дикарей составляетъ рано выработанная способность подавлять ощущеніе физическихъ болей, голода и разныхъ другихъ физическихъ невзгодъ; поэтому не мудрено, что американскій Индіецъ въ самомъ дѣлѣ можетъ представлять иногда образцы изумительной выносливости, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ разные писатели. [4])—Что-же касается развитія внѣшнихъ чувствъ, то послѣднія они, конечно, опять таки путемъ упражненія съ малыхъ лѣтъ, по словамъ авторовъ, доводятъ нерѣдко до виртуозности. Такъ, напримѣръ, они иногда простымъ глазомъ видятъ то, что европейцу доступно только при помощи зрительной трубы, и различаютъ слѣды

[1]) Давидъ Левингстонъ: послѣднее путешествіе по Африкѣ. Рус. перев. 1876 г., стр. 59.

[2]) Маакъ: Путешествіе по Амуру, стр. 130.

[1]) Waitz-Gerland T. 1. S. 99.

[2]) Леббокъ l. c., стр. 433.

[3]) Ploss. B. II. S. 3.

[4]) Waitz-Gerland, T. 1. S. 133—137.

ногъ различныхъ животныхъ и людей среди множества другихъ; а Караибы и Перуанцы, равно какъ и нѣкоторыя другія племена американскихъ Индійцевъ, по запаху отличаютъ и отыскиваютъ бѣглыхъ негровъ и американцевъ, почему въ прежнее время въ сѣверной Америкѣ бѣлые часто употребляли плѣнныхъ Индійцевъ для отысканія непріятелей, какъ ищеекъ для отыскиванія дичи.— Азара указываетъ также на большую тонкость слуха у Чарруасовъ въ Америкѣ [1]).

Закаленность организма вмѣстѣ съ расторопностью и смѣтливостью нужна также рыболову, вступающему нерѣдко въ борьбу не съ однимъ только существомъ, но и съ бурною стихіей. Представителями такихъ народовъ могутъ служить, напримѣръ, Эскимосы, отличающіеся вообще благодушнымъ нравомъ, довольствующіеся немногимъ, питающіеся ягодами, морскими травами и кореньями, оленями, тюленями, птицей, рыбой, вмѣстѣ съ этимъ съ изумительнымъ искусствомъ приготовляющіе стрѣлы, лукъ, остроги, а на охотѣ и рыбной ловлѣ высказывающіе много мужества и изворотливости. —Объ Алеутахъ д-ръ Говорловый разсказываетъ слѣдующее: «взгляните на алеута въ байдарѣ, съ весломъ въ рукахъ: онъ ловокъ и силенъ; посмотрите на него на берегу: онъ немощенъ на своихъ тонкихъ, кривыхъ ногахъ, согнутыхъ въ колѣнахъ. Какъ обитатели безплодныхъ острововъ, Алеуты всѣ средства своего существованія получаютъ отъ моря; поэтому уже съ малолѣтства пріучаются къ ѣздѣ на байдарахъ. Эта ѣзда требуетъ дѣятельности верхней части тѣла, и потому мускулы рукъ и груди развиваются у нихъ сильно. При привычномъ упражненіи этихъ частей, Алеуты дѣлаются способными переносить напряженіе, недоступное сильному европейцу. Напримѣръ, при большихъ переѣздахъ они удобно переносятъ 12, 15 и 18 часовъ постоянной, усиленной гребли по волнамъ океана, не употребляя при этомъ никакой пищи, а только утоляя жажду водою. Нижняя-же часть туловища и ноги, остающіяся при байдарной ѣздѣ—главной дѣятельности алеута съ малолѣтства до старости—только пассивною подпораю, развиваются слабо; оттого алеутъ мало способенъ къ береговой работѣ, поднятію тяжестей, продолжительной ходьбѣ и пр. [2])—До какой степени рано развиваются физически дѣти нѣкоторыхъ народовъ, живущихъ по прибрежьямъ морей, озеръ и большихъ рѣкъ, мы находимъ у путешественниковъ примѣры такого рода: въ Нукагивѣ, напримѣръ, дитя не болѣе года уже одно плаваетъ въ водѣ, [3]) Полинезіецъ безопасно бросаетъ въ воду своего ребенка, еще не пробовшаго плавать; двухъ и трехъ-лѣтнія дѣти туземцевъ Питкаирна (метисы бѣлыхъ и таитянъ) проворно плаваютъ въ прибрежныхъ волнахъ; трехлѣтнія дѣти хоносовъ въ Южной Америкѣ сами бросаются въ воду, чтобы плавать,—дѣти Арабовъ въ Южной Месопотаміи уже въ 7-ми, 8 ми лѣтнемъ возрастѣ переплываютъ рѣку безъ посторонней помощи. [1]) Кромѣ того нѣкоторые путешественники разсказываютъ, что въ Полинезіи всѣ островитяне—дѣти и взрослые большую часть времени проводятъ въ водѣ и занимаются тамъ разными работами, точно земноводныя, которымъ такъ же хорошо жить въ водѣ, какъ на землѣ [2]).

Въ слѣдующемъ періодѣ развитія человѣчества — пастушеской жизни—особенно цѣнятся простота въ образѣ жизни, пищѣ, одеждѣ и т. п. Все это мы видимъ рѣзче всего, напримѣръ, въ пріемахъ воспитанія современныхъ намъ народовъ Монгольскаго племени, у древнихъ Мексиканцевъ, Перуанцевъ и т. д.

Но вотъ изъ дикихъ и полудикихъ формъ жизни человѣческой слагаются осѣдлыя общества, города, государства. Основными принципами въ каждомъ такомъ строѣ являются или семья, или каста, преобладаетъ характеръ національнаго воспитанія или принципъ индивидуальнаго развитія. Сообразно со всѣми этими особенностями народной жизни измѣняются и условія физическаго воспитанія.

Китаецъ—монголъ по происхожденію; какъ монголъ, онъ грубъ въ чувствахъ и потребностяхъ, но обладаетъ замѣчательнымъ терпѣніемъ и устойчивостью. У этого народа семья съ незапамятныхъ временъ стала святыней жизни, отлитой въ опредѣленную форму, въ которой жена строго подчинена мужу, дѣти родителямъ, сестры братьямъ и т. д. Мы видѣли выше, что въ силу своей власти родители здѣсь могутъ безнаказанно вытравливать плодъ свой, умерщвлять новорожденныхъ, кидать на большихъ дорогахъ и продавать ихъ; но за то, когда ребенокъ признанъ достойнымъ воспитанія, то въ этомъ случаѣ родители обязаны оказывать ему всякую нѣжность. «Родители,—поучаетъ одинъ изъ китайскихъ императоровъ,—должны быть внимательны къ малѣйшему крику ребенка, прислушиваться къ звукамъ его голоса, наблюдать за выраженіемъ и цвѣтомъ его лица, дабы тотчасъ удовлетворять его потребностямъ». Когда ребенокъ улыбнется, родители радуются, когда онъ заплачетъ, они горюютъ. Когда онъ начинаетъ ходить, то они слѣдятъ за малѣйшимъ его движеніемъ, ни на шагъ не отходя отъ него; когда онъ боленъ, то имъ самимъ не до покоя и не до ѣды. Они выкармливаютъ ребенка, обучаютъ его, пока не

[1]) Waitz-Gerland. T. 1. S. 153—157.
[2]) Медиц. Вѣстн. 1862 г. № 9.
[3]) Waitz-Gerland. T. 1. S. 45.

[1]) Waitz-Gerland. T. 1. S. 99—100.
[2]) Павловскій, l. c.

образуютъ изъ него человѣка. Когда начинаетъ подрастать дѣвочка, то ее пріучаютъ лишь къ обыкновеннымъ домашнимъ работамъ; начиная съ 10-ти лѣтъ, ее не пускаютъ изъ дома до замужества. Но когда достигнетъ 6-ти, 7-ми лѣтъ мальчикъ, то онъ начинаетъ посѣщать школу, въ которой, согласно предписанію Домостроя Кіа-Фаоціодань-Цзи, подчиняется онъ слѣдующимъ правиламъ: «дѣти съ разсвѣтомъ должны отправляться въ школу. Они должны поклониться сперва святому Конфуцію, а потомъ учителю. Если въ школѣ слишкомъ много учениковъ, то при уходѣ домой ихъ распускаютъ по разрядамъ, отправляя сперва тѣхъ, которые живутъ далѣе отъ школъ. Дорогой дѣти не смѣютъ играть. Пришедши домой, они прежде всего должны поклониться домашнимъ богамъ, потомъ предкамъ, а вслѣдъ за тѣмъ родителямъ». «Утромъ отъ трехъ до пяти часовъ ученикъ долженъ приняться за свой урокъ, ибо для чтенія утро гораздо лучше, нежели остальной день и вечеръ». «Ученикъ каждый вечеръ долженъ читать при свѣчкѣ, за исключеніемъ лѣтняго времени, когда бываетъ жара. При чтеніи умъ, зрѣніе и слухъ должны быть обращены на одинъ лишь предметъ. Читать надлежитъ мягкимъ голосомъ, чтобы не напрягать и не утруждать своихъ легкихъ». За письмомъ дѣти не должны марать себѣ пальцевъ и сидѣть прямо. Книгу должны они держать на три дюйма отъ груди. Ученики должны оказывать вѣжливость въ рѣчахъ и пріемахъ, соблюдать приличное положеніе на своихъ мѣстахъ, не класть ноги на ногу и не прислоняться ни вправо, ни влѣво. На улицѣ ученикъ не долженъ ни бросать, ни прыгать, ни скакать; онъ обязанъ шествовать съ надлежащею равномѣрностью. Лѣнивыхъ учениковъ сперва надлежитъ увѣщевать по нѣскольку разъ, потомъ они ставятся на колѣни на своемъ мѣстѣ, затѣмъ также у дверей и, наконецъ, если ничего не помогаетъ, то слѣдуетъ наказать ихъ тѣлесно, но только не тотчасъ послѣ ѣды. «Если занятія, которыя необходимо разнообразить для облегченія, утомили тебя, то слѣдуетъ привести въ движеніе тѣло и двигать плечами то вверхъ, то внизъ, то впередъ, чтобы вновь освѣжить жизненныя силы» [1]).

Міръ духовъ охватываетъ Индійца своею чудодѣйственною силою и выраженіемъ этихъ мечтаній въ строѣ государственной жизни его является раздѣленіе на касты, изъ которыхъ главною считается каста браминовъ, выражающая собою святость, предъ которою всѣ должны преклоняться, и въ тоже время жрецы являются единственными наставниками народа, хранителями религій, носителями искусства, наукъ и пр. Касты въ Индіи порождаютъ рознь отъ рожденія на всегда; отъ того дѣти разныхъ кастъ различно воспитываются. Во всякомъ случаѣ однако женскій полъ въ Индіи, вообще уже въ 7-ми или 8-ми лѣтнемъ возрастѣ посвященный браку, тѣмъ самымъ лишается образованія. Исключеніе составляютъ лишь танцовщицы и баядерки, употребляемыя для служенія въ храмахъ и въ качествѣ дѣвственницъ божіихъ обязанныя образовать свой умъ, тогда какъ домохозяйки должны образовать только свое сердце. Методъ обученія мальчиковъ вообще кроткій и только въ крайнемъ случаѣ строгій. Ману говоритъ: «ученику надлежитъ сообщать добрыя наставленія безъ непріятныхъ ощущеній и наставникъ, уважающій добродѣтель, долженъ прибѣгать къ сладкимъ, кроткимъ словамъ. Если ученикъ провинился, пусть учитель дастъ ему строгій выговоръ и пригрозитъ побоями въ случаѣ повторенія вины, а если проступокъ учиненъ въ холодную погоду, то учитель можетъ облить ученика холодною водой». Высшее и важнѣйшее ученіе браминовъ состоитъ въ чтеніи Ведъ. Преподаваніе ихъ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «опоясавъ своего воспитанника кушакомъ, достопочтенный учитель прежде всего долженъ наставить его въ омовеніяхъ, въ хорошихъ пріемахъ, въ обхожденіи съ святымъ огнемъ и въ священныхъ церемоніяхъ утреннихъ, полуденныхъ и вечернихъ. Принявшись за чтеніе Ведъ, ученикъ долженъ сперва омыться, обратившись лицомъ къ сѣверу. Затѣмъ онъ долженъ надѣть чистое исподнее платье, воздать предписанный поклонъ, стать въ надлежащее положеніе и затѣмъ уже приступить къ уроку [1]) и т. п.

Въ древней Персіи дитя родилось и воспитывалось для государства и потому здѣсь рядомъ съ моральнымъ воспитаніемъ впервые появляется и тѣлесное. Мы видѣли выше, что въ силу этого обычая до седьмаго года мальчикъ находился при женщинахъ, которыя обязаны были охранять его тѣло; съ семи же лѣтъ происходило отчужденіе его отъ семьи и начиналось уже публичное, собственно національное воспитаніе, которое въ отношеніи физическаго развитія представляло слѣдующія особенности: Во всѣхъ сколько-нибудь обширныхъ городахъ находились публичныя учебныя заведенія, гдѣ мальчики жили вмѣстѣ съ своими сверстниками, получали простое содержаніе и поучались между прочимъ стрѣльбѣ изъ лука, верховой ѣздѣ, метанію дротика и т. п. Пятнадцатый годъ считался порою вступленія въ юношескій возрастъ, причемъ съ разными церемоніями и омовеніями бычачьей мочей совершалось опоясываніе святымъ поясомъ (по современному обычаю онъ состоитъ изъ 72-хъ нитей верблюжьей и овечьей шерсти и не снимается ни днемъ, ни ночью, потому что

[1]) К. Шмидтъ. ibid., стр. 72—95.

[1]) К. Шмидтъ [illegible] с., стр. 96—112.

это—самое важное предохранительное средство отъ девы). Послѣ того окончательно принадлежа государству, юный Персъ обязанъ былъ готовиться къ охотѣ и войнѣ и для этого заняться высшими нравственными и тѣлесными упражненіями, относительно которыхъ Ксенофонтъ даетъ слѣдующее понятіе: «юноши спятъ возлѣ судебныхъ зданій, чтобы охранять городъ. Отправляясь на охоту, они берутъ съ собою только обѣдъ, немного посытнѣе, чѣмъ у мальчиковъ. На охотѣ они ѣдятъ только тогда, когда остановятся, подстерегая дичь, а не то вечеромъ; дня два они считаютъ потомъ за одинъ, потому что въ это время имъ пришлось поѣсть всего одинъ разъ. Всякая добыча идетъ въ надбавку къ пищѣ. А не то они должны довольствоваться однимъ крессомъ. Оставшіеся дома упражняются въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи дротикомъ. Сверхъ того устраиваются публичныя состязанія и назначаются призы» [1]).

Относительно первыхъ пріемовъ физическаго воспитанія въ Египтѣ, мы уже имѣли случай сообщить нѣкоторыя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія. Что же касается воспитанія школьнаго, то, собственно говоря, оно существовало только для жрецовъ и отчасти воиновъ, для которыхъ въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Геліополѣ устроены были учебныя заведенія, гдѣ наставниками состояли жрецы. Простой же людъ обучался житейскимъ дѣламъ у отцевъ и родственниковъ. Въ упомянутыхъ школахъ,—по свидѣтельству Діодора,—«не было въ обычаѣ учиться палестрѣ (разумѣя здѣсь конечно—гимнастику) и музыкѣ; тамъ даже были того мнѣнія, что первая опасна для молодежи, а послѣдняя не только безполезна, но даже вредна, потому что изнѣживаетъ характеръ мужчины.» Впрочемъ въ Хеммисѣ занимались гимнастикой, а музыку употребляли для религіозныхъ цѣлей. Поэтому тотъ же Діодоръ въ правѣ былъ сказать, что дѣти воиновъ пріучались отцами къ ратному дѣлу,» а Геродотъ повѣствуетъ, что въ городѣ Хеммисѣ, также какъ и въ Ѳивахъ находился храмъ Персея, основателя гимнастическихъ игръ: тамъ происходили гимнастическія состязанія съ назначеніемъ призовъ.—Отецъ Сезостриса воспитывалъ совмѣстно съ сыномъ своимъ всѣхъ сверстниковъ послѣдняго въ Египтѣ, предписалъ всѣмъ одинаковое воспитаніе и между прочимъ пріучалъ мальчиковъ къ постояннымъ напряженіямъ; никто изъ нихъ не смѣлъ принимать за ѣду, не пробѣжавъ предъ тѣмъ извѣстнаго числа стадій. Такимъ образомъ, возмужавъ всѣ, воспитанные вмѣстѣ съ Сезострисомъ, крѣпкіе тѣломъ, сильные духомъ, послѣ въ состояніи были совершать величайшіе подвиги [2]).

[1]) К. Шмидтъ. l. c. стр. 119—121.
[2]) К. Шмидтъ. l. c. стр. 130—133.

Идеалъ греческаго воспитанія — калокагафія, внѣшняя и внутренняя красота,—одинаково прельщалъ собою всѣхъ грековъ. Въ связи съ этимъ идеаломъ исторія представляетъ намъ древняго грека—высокаго роста, мощнаго, стройнаго. На круглой крѣпкой шеѣ его поднималась красиво очерченная голова съ темнорусыми волосами, высоко развитымъ лбомъ, доказывающимъ большую долю ума и характера; съ выразительными глазами, полными огня; своеобразнымъ профилемъ, въ которомъ лобъ и носъ составляли одну прямую линію; съ полными, красивыми губами; умѣренно развитымъ ртомъ и круглымъ, немного выдающимся впередъ, подбородкомъ. Грудь выпуклая, широкая; станъ гибкій подвижный; члены крѣпкіе; осанка гордая, благородная, свободная. Цвѣтъ кожи бѣлый, но лице съ темнымъ бронзовымъ загаромъ, обличавшимъ въ древнемъ Грекѣ большую любовь къ солнцу и воздуху.

Въ частности идеалъ грековъ нѣсколько разнился по періодамъ и племенамъ. Въ богатырскую эпоху центръ тяжести воспитательнаго вліянія находился вообще на сторонѣ тѣлеснаго ухода; въ періодъ возмужалаго состоянія Греціи обращалось столько же вниманія на физическое, сколько на интеллектуальное развитіе; въ періодъ же старческаго состоянія Греціи отъ того и другаго осталась только одна форма безъ содержанія и, наконецъ, все это исчезло въ культѣ другой, чуждой народности. Смотря по различію тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей племенъ, воспитательное направленіе измѣнялось въ Греціи такимъ образомъ.

Въ Спартѣ, гдѣ господствовали строгіе Ликурговскіе законы, изъ каждаго ребенка старались образовать прежде всего выносливаго солдата, и потому здѣсь уже съ ранняго возраста дѣтей старались изгонять все, что служило роскоши и нѣгѣ ихъ. Поэтому здѣсь новорожденнаго не пеленали, дабы не стѣснять его членовъ въ развитіи, а во время сна, уложа, ставили лампу, дабы съ молоду пріучить его къ свѣту; затѣмъ закаляли и предохраняли ребенка отъ болѣзни постами и одиночнымъ пребываніемъ въ темнотѣ. Криковъ по возможности не допускали, ибо Спартанецъ вообще не смѣлъ кричать [1]). До седьмаго года мальчики воспитывались подъ надзоромъ матерей, а съ этого возраста они подчинялись общественному воспитанію, которое начиналось съ того, что тотчасъ же при вступленіи въ школу ихъ коротко остригали, а за тѣмъ держали въ строгой дисциплинѣ, какъ молодыхъ солдатъ въ казармахъ. Постель ихъ состояла изъ сѣна и соломы безъ подстилокъ и одѣяла, а съ пятнадцатилѣтняго возраста изъ тростника, собираемаго ими на берегахъ Еврота безъ помощи

[1]) К. Шмидтъ l. c. S. 188.

ножа. Лѣтомъ и зимой они ходили съ непокрытой головой, босыми, легко одѣтыми и притомъ до 12-го года въ исподнемъ платьѣ и узкомъ шерстяномъ кафтанѣ; а въ юношескомъ возрастѣ даже безъ исподняго платья въ одномъ короткомъ плащѣ, служившемъ имъ одеждою лѣтомъ и зимою. Дабы на случай войны пріучить ихъ къ перенесенію голода, имъ отпускалась лишь скудная и тощая пища. Тому-же, чей аппетитъ ею не удовлетворялся, не возбранялось добывать ее путемъ воровства, которое даже какъ навыкъ къ военной хитрости допускалось; но за то въ случаѣ изобличенія неосторожный подвергался немилосердному голоданію и бичеванію. Послѣднее, впрочемъ, какъ средство закалять и пріучать къ болямъ, иногда практиковалось и прямо въ видѣ испытанія, а въ годичный праздникъ Артемиды Орѳіи молодыхъ людей бичевали до крови, не вызвавъ въ нихъ ни одного звука, даже еслибы пришлось умереть подъ ударами. [1]) Гимнастическія упражненія въ Спартѣ въ дѣлѣ образованія рѣшительно занимали первое мѣсто. Упражненія производились въ гимнастическихъ заведеніяхъ утромъ предъ завтракомъ и вечеромъ предъ ужиномъ, въ нагомъ видѣ, и главнѣйше состояли въ бѣгѣ, прыганьи, фехтованіи, верховой ѣздѣ, плаваньи, метаньи дисковъ, въ различныхъ упражненіяхъ съ мечемъ и щитомъ, въ охотѣ и т. д. У младшихъ мальчиковъ упражненія начинались съ бѣга и прыганья. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимались игрою въ мячъ и укрѣпленіемъ рукъ. Въ высшихъ классахъ главными упражненіями были уже боевыя эволюціи, борьба, метанье и т. д. Рядомъ съ гимнастическими упражненіями шли орхестическія: воинскія пляски въ одиночку и цѣлыми отрядами, хороводы, религіозные танцы и т. д. [2]) Воспитаніе спартанскихъ дѣвушекъ было также дѣломъ общественнымъ. Дабы женщинъ сдѣлать по возможности способными и пригодными родить отличныхъ дѣтей, что считалось самымъ важнымъ призваніемъ вольнорожденныхъ женъ, дѣвицамъ также предписывалось отъ правительства гимнастическій курсъ особаго рода, отдѣльный отъ мальчиковъ. Распредѣленныя по возрасту на разные классы, онѣ въ нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ учились бѣгать, бороться, привскакивать и ударять вверхъ пятками, прыгать, метать дискомъ и копьемъ. Онѣ также какъ и мальчики носили шерстяныя рубахи, только немного подлиннѣе; однако при упражненіяхъ рубахи были все таки съ разрѣзами на одномъ бедрѣ, почему поэтъ Ивинъ называетъ ихъ «бедроносками». [1])—Говорятъ, Спартанцы оставались довольны пріемами и результатами своего воспитанія, которое въ свою очередь не развивало въ нихъ ни мрачнаго, ни суроваго духа; но тѣмъ не менѣе въ концѣ концевъ все таки нельзя не согласиться съ Аристотелемъ, что такое воспитаніе, какъ онъ выразился, установлено было не для гражданъ, а лишь для солдатъ; да и въ случаѣ опасности, по мнѣнію древнихъ греческихъ философовъ, отечество должно опираться не на грубыя силы, а на благородство и возвышенность чувствъ своихъ гражданъ.

Въ Аѳинахъ первыя попеченія о новорожденномъ возлагались на мать, кормилицу и няньку. Когда оканчивалось кормленіе грудное, воспитательницею ребенка становилась нянька. Она выносила его на свѣжій воздухъ и съ нимъ на рукахъ сопровождала его мать въ гости и даже на празднества.

На седьмомъ году мѣсто няньки для мальчика занималъ педагогъ, вожатый отроковъ, избиравшійся обыкновенно изъ рабовъ, на обязанности котораго было бдительно наблюдать за поведеніемъ и поступками своего питомца и провожать его къ грамматику и педотрибу. Съ этого-же, приблизительно, времени начиналось тѣлесное развитіе отрока при посредствѣ гимнастическихъ упражненій въ палестрахъ, подъ руководствомъ педотриба, и въ исполненіи которыхъ соблюдался постепенный переходъ отъ легчайшаго къ болѣе трудному. Мальчики при этомъ распредѣлялись на два или три отдѣленія, управлявшіяся различнымъ образомъ и сходившіяся вмѣстѣ только въ праздники, особенно Гермесовы. Начинали, какъ кажется, съ веселыхъ игръ, а именно съ игры въ мячъ; плаванью также весьма рано обучали. Далѣе къ первымъ упражненіямъ относились: стояніе на цыпкахъ въ связи съ извѣстными быстро смѣнявшимися движеніями рукъ; прыганье на мѣстѣ, такъ чтобы пятками ударять въ задъ; висѣніе и влезаніе по канату; вытягиваніе рукъ съ сжатыми кулаками и подъемъ гирь безъ сгиба рукъ; простой бѣгъ; фехтованіе однѣми руками и т. д. Послѣ надлежащей подготовки принимались за болѣе трудныя упражненія; впослѣдствіи-же кулачный бой замѣнилъ собою метаніе копьемъ. Понкрацію (борьбу вмѣстѣ съ кулачнымъ боемъ) начинали не прежде десятилѣтняго возраста. Въ палестрахъ наблюдали за пристойнымъ поведеніемъ мальчиковъ и приэтомъ не жалѣли побоевъ. Послѣ упражненій въ палестрѣ слѣдовалъ утромъ завтракъ; подъ вечеръ палестра посѣщалась второй разъ и по закрытіи ея съ солнечнымъ закатомъ (а открыва-

[1]) К. Шмидтъ . с., стр. 189; Schöemann, Griechische Alterthumer. Berlin. 1861. S. 265—267. Эллада и Римъ. Я. Фальке. 1881 г., стр. 55—56.

[2]) К. Шмидтъ, l. c. S. 190. Магаффи. Древне-греческая жизнь. Рус. перев. 1879 г., стр. 84—85.

[1]) К. Шмидтъ l. c. S. 197. Я. Фальке, Эллада и Римъ, стр. 58.

лась она съ восходомъ солнца) подавался ужинъ. Эфебы (подростки) посѣщали уже не палестры, а гимназіи, гдѣ обучали ихъ гимнасты и другіе учителя подъ надзоромъ и при содѣйствіи гимназіарховъ, космановъ, сифронистовъ и гипософранистовъ. Здѣсь образованіе молодаго аѳинянина добивалось согласія изящества съ добромъ. Характеръ домашняго воспитанія въ Аѳинахъ былъ жесткій и суровый. Пока не покушаютъ родители, дѣти за столомъ не смѣли брать ни рѣдьки, ни аниса, ни сельдерея. Отрокамъ вообще запрещалось ѣсть рыбу и живность. Они должны были сидѣть за столомъ пристойно и не класть ноги на ногу.— Дѣвушки воспитывались въ Аѳинахъ въ тишинѣ и замкнутости домашняго очага. Покои ихъ находились въ задней части дома: дѣти и рабыни были единственнымъ ихъ обществомъ. Въ этой тиши мать обучала ихъ хорошимъ манерамъ, заботилась о стройномъ станѣ, для чего давала имъ поменьше ѣсть, и всячески заботилась о красотѣ, не пренебрегая даже крашеньемъ волосъ. Въ этой-же тиши мать обучала своихъ дочерей шить, прясть, ткать, вязать, отчасти читать, писать, пѣть, играть на цитрѣ и т. д. Изъ игръ допускались танцы, качели, мячикъ; но къ мѣстамъ упражненій и въ общественныя школы онѣ не допускались и вообще рѣдко показывались внѣ стѣнъ родительскаго дома, отчего аѳинянки были большею частью слабы и блѣдны лицемъ. Только въ публичныхъ праздникахъ дѣвушки участвовали въ хорахъ, танцахъ, совершали шествія, встрѣчались съ юношами и мужчинами. Одежда аѳинскихъ дѣвушекъ состояла изъ длиннаго, свободно опускавшагося, бѣлаго хитона, подвязаннаго поясомъ. Головы онѣ украшали вѣнками [1]).

Принципы физическаго воспитанія дѣтей въ Римѣ существенно разнились отъ греческаго въ слѣдующемъ пунктѣ. Тогда какъ Греки путемъ воспитанія главнымъ образомъ старались доставить будущимъ своимъ гражданамъ красоту формъ, грацію движеній и вообще стройность, римскіе пріемы физическаго воспитанія имѣли цѣлью приготовить преимущественно мужественныхъ, крѣпкихъ, выносливыхъ воиновъ.

Въ первые годы жизни тѣлесное развитіе ребенка шло подъ надзоромъ и руководствомъ внушающей благоговѣйное къ себѣ уваженіе матери. Затѣмъ римскій отрокъ долженъ былъ научиться управлять конемъ и колесницею, владѣть копьемъ на охотѣ и быть воиномъ. Мальчики у Римлянъ обыкновенно посылались въ школу, когда имъ было уже около 7 лѣтъ отъ роду. Ихъ сопровождали, если отцы того желали,—особаго рода рабы—sarii, которые несли за мальчикомъ его книги и таблицы для письма; иногда-же мальчики сами носили свои книги и въ такомъ случаѣ сопровождавшій ихъ рабъ назывался pedisequus. Самое обученіе въ школахъ долгое время ограничивалось ознакомленіемъ лишь съ самыми элементарными предметами, напр., обученіемъ читать, писать, ариѳметикѣ. Чтенію обучались школьники протяжнымъ, нѣвучимъ голосомъ, повторяя за своимъ учителемъ названія буквъ, потомъ слоги и наконецъ цѣлыя слова.

Что же касается гимнастики и палестрики, то въ Римѣ онѣ никогда не получали всеобщаго, народнаго значенія, чѣмъ односторонность римскаго воспитанія особенно и обозначается.—Между тѣмъ въ школѣ соблюдалась строгость, розги и палка господствовали надо всѣмъ. Плавтъ разсказываетъ, что если учащійся мальчикъ пропускалъ при чтеніи только одну букву, такъ ему расписывали тѣло уже до синихъ и багровыхъ полосъ. Врагъ школьныхъ учителей, поэтъ Марціалъ, жалуется на своего драчливаго сосѣда, упоминаетъ о «поскудныхъ прутьяхъ —этихъ скипетрахъ педагоговъ», а также говоритъ, какъ объ одномъ изъ величайшихъ неудобствъ городской жизни въ томъ отношеніи, что здѣсь еще до пѣнія пѣтуха воздухъ оглашается «поркою» мальчиковъ въ школахъ и ихъ отчаянными криками.—Орбилій пытался перенести въ школу варварскую дисциплину, съ которою познакомился бывши еще солдатомъ. Ученикъ его Горацій прозвалъ его за это «кнутобоемъ».—Знаменитый школьный преподаватель своего времени, *Квинтиліанъ* (около 70—90 л. до Р. Хр.) высказывалъ самый горячій и энергическій протестъ противъ обычая безчеловѣчно пороть школьниковъ,—каковое увѣщаніе гуманнаго римлянина едва-ли однако было успѣшно [1]).

Съ пришествіемъ Христа человѣчество вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія,—организмъ его достигаетъ того возраста, въ которомъ оно можетъ сознательно и зрѣло осуществить вѣчное евангеліе гуманности. Въ обществѣ, построенномъ на такомъ міровоззрѣніи, семья кладетъ починъ нравственному воспитанію и кладетъ сѣмена для дальнѣйшаго развитія христіанскихъ добродѣтелей,—въ числѣ которыхъ дѣти пріучались между прочимъ къ простотѣ, благонравію, твердости, самообладанію, цѣломудрію и т. д. Материнское чувство еще никогда не ощущалось такъ глубоко, задушевно и нѣжно, какъ въ христіанствѣ. Христіанская мать кормила дитя собственною грудью. Когда дѣти лишались матери, объ нихъ пеклась христіанская община или вообще церковь, представляющая со-

[1]) К. Шмидтъ. l. c., стр. 227—233. Я. Фальке, Эллада и Римъ, стр. 57.

[1]) К. Шмидтъ l. c., стр. 390. Уэлькенсъ. Древне-римская жизнь. Рус. перев. 1880 г., стр. 114—118.

бою лоно матери для всѣхъ вѣрующихъ, какъ чадъ Божіихъ.—Что-же касается физическаго воспитанія, то, къ сожалѣнію, христіанство не было здѣсь такъ плодотворно, какъ можно было бы ожидать отъ высокаго, истинно гуманнаго, основнаго характера его ученія. «Очень скоро къ такому первоначально чистому, идеальному міровоззрѣнію,—говоритъ Финкельнбургъ, [1]) – примѣшались тѣ мистическія смѣшенія понятій, которыя принесены были евреями изъ вавилонскаго плѣненія и впослѣдствіи распространились далѣе, въ Александріи, подъ вліяніемъ новоплатоническихъ мечтателей. Всей животной жизни, всей чувственной природѣ была объявлена война. Тѣло считалось враждебной темницей для духа; всѣ органическіе инстинкты и потребности должны были происходить отъ злаго духа. Разумное примѣненіе животныхъ и духовныхъ потребностей сдѣлалось такъ же невозможнымъ при воспитаніи, какъ и въ другихъ вопросахъ жизни, такъ какъ обѣ онѣ въ принципѣ являлись антогонизмами. Этотъ фанатическій спиритуализмъ, отъ тяжелаго господства котораго еще и до настоящаго времени не могутъ отдѣлаться наши учрежденія и въ особенности способъ воспитанія, прежде всего далеко отбросилъ назадъ естествознаніе и всякое наблюденіе надъ физическимъ развитіемъ человѣка. Въ противуположность доведенной Римлянами до роскоши заботѣ о тѣлѣ, теперь заслугою въ аскетическомъ мірѣ считалось пренебреженіе и дурное содержаніе человѣческаго тѣла, хотя самъ апостолъ Павелъ на него указывалъ съ честью, какъ на храмъ Святаго Духа.»—Развитію христіанско аскетическаго строя жизни въ первыя времена нашей эры главнымъ образомъ содѣйствовали первые же проповѣдники христіанскаго ученія, сильно вліявшіе своимъ энергическимъ и убѣдительнымъ словомъ на семью и школу и принадлежащіе, какъ извѣстно, преимущественно къ монашеству. Этими проповѣдниками для обученія истинамъ Священнаго Писанія сначала учреждены были при церквахъ такъ называемые катхуминаты, въ которые кромѣ взрослыхъ допускались и дѣти. Затѣмъ эти учрежденія мало по малу стали ютиться при монастыряхъ, въ которыхъ проповѣдь аскетизма стала слышаться чаще и настойчивѣе, а глубоко чтимые представители церкви, каковы напримѣръ І. Златоустъ, Василій Великій и другіе, стали ставить эти монастырскія школы чрезвычайно высоко сравнительно съ языческими, уподобляя, напримѣръ, жизнь въ монастыряхъ жизни небесъ, а обученіе въ школахъ языческихъ считая прямо вреднымъ, потому что въ погонѣ за низшимъ утрачивается здѣсь высшее. Но что такое, на самомъ дѣлѣ, была школа въ первыя времена христіанства, объ этомъ можетъ дать намъ понятіе, напримѣръ, описаніе ея Августиномъ [1]), жившимъ во второй половинѣ IV вѣка: «отрокомъ меня отдали въ школу,—говоритъ онъ,—чтобы обучить наукамъ, пользу которыхъ я несчастный и не постигалъ, подвергаясь однако побоямъ, когда бывалъ лѣнивъ. Это дѣлалось съ одобренія родителей; а многіе, избравшіе до насъ такой образъ жизни, пріуготовили намъ этотъ многотрудный путь; намъ пришлось идти по немъ съ мученіемъ и трудомъ, увеличеннымъ еще для чадъ Адама... Насъ забавляла игра и за это наказывали насъ люди, которые сами безпрепятственно дѣлали то же самое. Но забаву взрослыхъ называютъ дѣломъ, а если то же самое дѣлаютъ дѣти, то они наказываются первыми.»—При Августинѣ, однако, по крайней мѣрѣ еще нѣкоторыя школы культурныхъ народовъ того времени носили на себѣ, хотя отчасти, отпечатокъ прежняго греко-римскаго направленія. Затѣмъ, какъ извѣстно, скоро христіанская церковь изъ гонимой сама сдѣлалась гонительницей, преслѣдуя все, носящее отпечатокъ языческаго образованія.

На Востокѣ, уже въ первой половинѣ V столѣтія, было уничтожено всякое идолопоклонство тамошними Императорами; на западѣ же чего не удалось императорамъ, то довершало въ этомъ отношеніи переселеніе народовъ. Города, а вмѣстѣ съ ними и учебныя заведенія, обратились въ прахъ. Гордый Римъ опустѣлъ; театръ и большой циркъ покрылись щебнемъ, «обширныя бани развалились, а прекрасныя скамьи въ нихъ изъ свѣтлаго и темнаго камня, великолѣпныя ванны изъ порфира и алебастра употреблены были священниками на епископскія кресла и на купельни въ крещальняхъ; въ разукрашенныхъ палатахъ и тѣнистыхъ галлереяхъ проживали воры и убійцы, фальшивые монетчики и еретики.»—Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ по Р. Х., клирики, лишенные всякаго высшаго и глубокаго научнаго образованія, находившіе свою цѣль въ одномъ лишь монашествѣ и аскетической жизни, были единственными носителями и представителями просвѣщенія [2]).—Отсюда понятно, какія правила воспитанія преподавались въ семьѣ, начиная съ рожденія ребенка и заканчивая развитіе его въ школѣ.

Со времени Крестовыхъ походовъ рыцарство вноситъ въ жизнь новыя идеи и проводитъ ихъ въ практику. Примыкая основнымъ характеромъ своимъ къ христіанскому благочестію и потому ревностно принимая участіе въ освобожденіи гроба Господня изъ рукъ мусульманъ, рыцарство въ то-

[1]) Финкельнбургъ: рѣчь о вліяніи воспитанія на общественное здоровье. Русс. перев. въ Журналѣ „Здоровье“. 1875 г. Г. 1. № 17.

[1]) К. Шмидтъ. Т. II. стр. 55.
[2]) К. Шмидтъ. Т. II, стр. 64.

же время въ числѣ своихъ совершенствъ считало семь, такъ называемыхъ, пристрастей дворянства: верховую ѣзду, плаванье, стрѣльбу изъ лука, фехтованье, охоту, игру въ шахматы и стихотворство. Благодаря этому, гимнастика, бывшая въ духовно-схоластическомъ воспитаніи только отрицательнымъ, аскетическимъ, бичующимъ и умерщвляющимъ плоть воспитательнымъ средствомъ, теперь признана была въ ея истинномъ значеніи и стала служить большимъ подспорьемъ рыцарю на полѣ битвы, на турнирахъ и охотѣ.

Въ противуположность рыцарскому идеализму, съ теченіемъ времени выступило, вызванное также крестовыми походами, реалистическое направленіе средняго сословія или такъ называемаго мѣщанскаго,— городское общество. Оно опиралось на принципѣ труда, впервые взятаго въ всемірной исторіи изъ рукъ рабовъ и облагороженнаго какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи. Но воспитаніе мѣщанину сначала не счастливилось. Ѳома Платтеръ (мальчикъ-пастухъ, впослѣдствіи типографщикъ и директоръ школы въ Базелѣ, родившійся въ 1499 г.) въ своей автобіографіи даетъ такой наглядный очеркъ обычаевъ воспитанія своего времени. Такъ какъ при рожденіи его раздался благовѣстъ, то ему назначили быть священникомъ и послѣ того, какъ онъ до 10-ти лѣтъ пасъ козъ и коровъ, его передали пастору, который билъ его жестоко, часто бралъ за уши и поднималъ съ полу. Затѣмъ онъ, въ числѣ 8-ми или 9-ти учениковъ, по обыкновенію времени, странствовалъ по школамъ Германіи. Платтеръ былъ младшій изъ нихъ и когда ему не въ моготу было идти далѣе, то братъ его Павелъ шелъ въ слѣдъ за нимъ съ розгою или палочкой и похлыстывалъ его по голымъ ногамъ, такъ какъ на немъ не было штановъ, а башмаки были худые. По дорогѣ школьники не прочь были стащить что находилось безъ достаточной охраны, такъ какъ воровство ради насущнаго пропитанія поощрялось между ними, за что ихъ въ свою очередь называли стрѣлками;—вообще они безъ стѣсненія попрошайничали и тѣмъ существовали. Когда во время странствованія они не находили ночлега, то ночевали подъ открытымъ небомъ. Во многихъ спальняхъ и больничныхъ помѣщеніяхъ вакхантовъ, осѣдлыхъ учениковъ того времени,—было пропасть вшей, величиною чуть ли не съ конопляное сѣмечко. «Часто, особенно лѣтомъ,—разсказываетъ Платтеръ,—выходилъ я къ Одеру (въ Бреславѣ), стиралъ тамъ свою рубашку, вѣшалъ ее на сучокъ, сушилъ, а между тѣмъ обиралъ вшей съ кафтана, вырывалъ ямку, бросалъ туда кучу вшей, покрывалъ ихъ землей и ставилъ на это крестъ.» Странствуя одновременно съ комедіантами и скоморохами, учащаяся молодежь мало-по малу однако додумывалась до новыхъ идей, освоивалась съ ними, проникалась стремленіями къ новой жизни и въ концѣ концевъ положила начало тому великому движенію, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ Возрожденія и наиболѣе выдающимися двигателями котораго можно назвать Петрарка и друга его Боккачіо.—Петрарка между прочимъ сильно возставалъ противъ мрачныхъ аскетическихъ идеаловъ средневѣковой теологіи и съ большою настойчивостью и талантомъ выдвигалъ противъ нее полное жизни античное міросозерцаніе, котораго былъ глубокій знатокъ для своего времени. Въ періодъ реформаціи вопросъ о физическомъ воспитаніи подвинулся еще болѣе впередъ. Врагъ монашескаго умерщвленія плоти Лютеръ указываетъ на великое значеніе свободы движеній на воздухѣ, тѣлесныхъ упражненій, фехтованія, различныхъ игръ и т. д. Съ большею опредѣленностью и убѣжденіемъ впослѣдствіи высказываются въ пользу физическаго воспитанія дѣтей Іоаннъ Штурмъ, Рабеле, Монтень (XVI в.), Локкъ, Коменскій (XVII в.), Руссо (XVIII в.) и другіе.

Слѣдя за исторіею развитія новыхъ идей относительно воспитанія, особенно со временъ Возрожденія и Реформаціи, мы не можемъ не замѣтить какъ сначала не ясно и не полно онѣ высказывались, съ какимъ трудомъ проводились въ публику и какъ медленно и недостаточно широко въ ней распространялись. Тотъ мракъ, который удалось напустить на человѣчество съ перваго раза аскетическому монашеству, собственно говоря, не удалось разогнать людямъ науки и до сихъ поръ. Въ нашихъ пріемахъ воспитанія и особенно въ нашихъ школахъ и до сихъ поръ существуютъ способы обращенія съ дѣтьми, доставшіеся намъ по прямой линіи отъ среднихъ вѣковъ: безаппеляціонная дисциплина, аскетическая діэта и разныя лишенія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ; тѣлесныя наказанія, процвѣтающія во многихъ школахъ Европы, утомительно долгое ученіе безъ отдыха, безъ движенія, въ душныхъ классахъ, пренебреженіе гимнастикой и т. д.—все это составляетъ такой завѣтъ предковъ, противъ котораго мыслящая часть педагоговъ и врачей отчаянно борится до сихъ поръ, но къ сожалѣнію далеко не такъ успѣшно, какъ бы это было желательно.

Изъ всѣхъ золъ современнаго воспитанія, можетъ быть однако нѣтъ большаго, какъ чрезъ чуръ строгая дисциплина, тяготѣющая надъ ребенкомъ, какъ какая-то неодолимая стихія, подавляющая всѣ личныя чувства и качества его. Извѣстно, что ребенокъ, рождаясь на свѣтъ, представляетъ собою въ психическомъ отношеніи ни болѣе, ни менѣе, какъ чистое поле. Вся дальнѣйшая жизнь его протекаетъ въ упражненіи органовъ чувствъ, при помощи которыхъ онъ запасается различными впечатлѣніями,

затѣмъ вырабатываетъ изъ нихъ понятія, представленія и т. д. Но если такое естественное накопленіе ощущеній замедляется вслѣдствіи какихъ либо причинъ, напримѣръ, паталогическаго отсутствія органовъ чувствъ, или же вслѣдствіи недостатка необходимыхъ внѣшнихъ раздраженій, напримѣръ, благодаря подавляющей дисциплинѣ, то и выраженіе дѣтскихъ ощущеній обыкновенно носитъ на себѣ менѣе сознательный характеръ. Въ пользу этого особенно краснорѣчиво говорятъ печальные случаи насильственнаго засаживанія людей на долгій срокъ въ одиночныя тюрьмы и подвалы, при чемъ они представляютъ иногда весьма печальные образцы человѣческаго развитія,—а именно полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было человѣческихъ понятій. Что дѣлаетъ тюрьма въ большемъ размѣрѣ, то строгія школы дѣлаютъ въ меньшемъ, но, во всякомъ случаѣ, всегда болѣе или менѣе подавляя и притупляя однѣ изъ важнѣйшихъ функцій организма—функціи мозга и вообще нервной системы. Это впрочемъ и понятно: человѣкъ, по ученію Дарвина, представляетъ собою высокую степень цѣлесообразности, до которой дошелъ животный организмъ путемъ безконечныхъ измѣненій и совершенствованій, благодаря высокой способности человѣческаго организма къ безконечному совершенствованію. Такимъ образомъ человѣческій организмъ въ настоящее время представляетъ собою одну изъ станцій того пути, по которому идетъ развитіе всего животнаго царства и по которому развитіе это можетъ подвинуться еще безконечно далеко при благопріятствующихъ условіяхъ и, наоборотъ, отодвинуться далеко назадъ при противуположныхъ условіяхъ, въ числѣ которыхъ считаются вообще всѣ подавляющіе моменты, къ разряду которыхъ между прочимъ принадлежитъ и безапелляціонная, стихійная дисциплина весьма многихъ школъ нашего времени.

Далѣе, чтобы осязательнѣе показать какъ глубоко держится въ нашихъ воззрѣніяхъ еще до сихъ поръ аскетическое направленіе, сопровождающее между прочимъ воспитаніе нашихъ дѣтей, объяснимъ это нѣсколькими примѣрами.—Есть въ настоящее время модный принципъ воспитанія, извѣстный подъ громкимъ именемъ «закаливанія дѣтей».

Цѣль его та, чтобы изъ дѣтей, происшедшихъ отъ слабосильныхъ и изнѣженныхъ родителей нашего времени, создать богатырей, несокрушимыхъ ни суровыми стихіями, ни разными случайными, неблагопріятными условіями жизни. Выполненіе задачи, очевидно, разсчитано здѣсь на тѣ же безмѣрныя истязанія тѣла, что и при аскетическомъ воспитаніи, хотя и въ другой формѣ. На нѣкоторые виды этого закаливанія мы уже имѣли случай указывать прежде, говоря, напр., о крещеніи въ холодной водѣ, одѣваніи по англійскому способу и т. д. Тамъ же мы имѣли случай говорить, что по происхожденію своему этотъ способъ не только не новъ, но даже съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ многимъ дикарямъ. Мы говорили кромѣ того, что наука этого способа не признаетъ, а теперь прибавимъ еще то, что наука, даже и въ случаѣ нѣкоторой удачи его, не можетъ сочувствовать ему съ одной стороны прямо по непрактичности его, съ другой—по односторонности. Объяснимъ это примѣрами. Мы видѣли, выше, что нѣкоторыя восточныя племена до такой степени пріучаютъ свою голову къ теплой папахѣ, тюрбану, или бараньей шапкѣ, что впослѣдствіи стоитъ имъ лишь нѣсколько неосторожно обнажить свою голову при умѣренномъ холодѣ, чтобы получить головную боль, насморкъ, кашель и т. д., между тѣмъ какъ тѣ же субъекты, въ силу другой своей привычки—держать ноги въ прохладѣ—совершенно безнаказанно могутъ бродить по холоднымъ кампямъ и даже по снѣгу съ голыми ногами и въ короткихъ шароварахъ. Когда Персъ ложится спать,—говоритъ Polak,—то онъ тщательно закутываетъ свою голову въ одѣяло, безъ того уже прикрытую ночнымъ колпакомъ, между тѣмъ какъ ноги оставляетъ голыми. Для своего сидѣнья большинство восточныхъ народовъ никакихъ подставокъ, въ родѣ нашихъ стульевъ, не употребляетъ, а прямо садится на полу, или скрестивши ноги по турецки, или согнувши колѣна на подобіе верблюда, какъ Персы. Въ такомъ неловкомъ положеніи европейцу трудно остаться даже нѣсколько десятковъ минутъ, а жители востока безъ особеннаго затрудненія могутъ оставаться въ немъ баснословное количество времени. Такимъ образомъ при нѣкоторой настойчивости, очевидно, можно развить въ себѣ массу разнообразныхъ и оригинальныхъ привычекъ; но въ сущности эти привычки будутъ представлять собою только фокусъ—покусъ, ни мало не говорящій за существенную пользу и необходимость ихъ для жизни. Съ другой стороны можно указать рядъ такихъ привитыхъ уже привычекъ, которыя, доводя тѣло до крайней нечувствительности въ одномъ отношеніи, въ то же время неизбѣжно дѣлаютъ его крайне чувствительнымъ въ другомъ противуположномъ направленіи. Эскимосъ и Самоѣдъ, напримѣръ, до такой степени привыкаютъ къ холоду, что въ сильнѣйшіе морозы могутъ спать внѣ своихъ жилищъ на снѣгу, тогда какъ тепло нагрѣтая изба для нихъ—нестерпимая мука и гибель.—Африканскій негръ, наоборотъ, безъ труда переноситъ нестерпимый жаръ своихъ степей; но онъ совсѣмъ не можетъ переносить сѣвернаго климата. Отсюда понятно само собой, какъ неосновательно считать закаленными тѣхъ людей, которые односторонне пріучены къ перенесенію той или другой изъ крайнихъ степеней жара и холода. Отсюда же понятно, почему у людей, привыкшихъ перено-

сить большіе морозы, легко дѣлаются въ жаркое время солнечные удары, а у людей, привыкшихъ переносить сильные жары, зимой легко дѣлаются воспаленія легкихъ. Что же касается такого закаливанія, чтобы человѣка сдѣлать нечувствительнымъ ко всѣмъ внѣшнимъ перемѣнамъ, иначе говоря ко всѣмъ крайностямъ разныхъ воздушныхъ перемѣнъ, то, очевидно, достигнуть этого еще труднѣе и даже можно сказать невозможно тѣми путями, которыми обыкновенно стремятся достигнуть совершеннаго закаливанія.—Извѣстный русскій путешественникъ Н. Пржевальскій, говоря о выносливости Монголовъ, достигнутой путемъ постепеннаго закаливанія, представляетъ слѣдующее, достойное полнаго вниманія сужденіе свое по этому поводу: «одаренные отъ природы сильнымъ тѣлосложеніемъ и пріученные съ измальства ко всѣмъ невзгодамъ своей родины, монголы пользуются вообще отличнымъ здоровьемъ. Цѣлый мѣсяцъ съ ряду, безъ отдыха, идетъ монголъ въ самую глубокую зиму съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ чаемъ. День въ день стоятъ тридцатиградусные морозы, при постоянныхъ сѣверозападныхъ вѣтрахъ, еще болѣе увеличивающихъ стужу и дѣлающихъ ее нестерпимою. А между тѣмъ номадъ, слѣдуя изъ Калгана въ Кяхту, постоянно имѣетъ вѣтеръ навстрѣчу и по пятнадцати часовъ въ сутки сидитъ не слѣзая съ своего верблюда. Нужно быть дѣйствительно желѣзнымъ человѣкомъ, чтобы вынести такой переходъ; монголъ же дѣлаетъ въ продолженіе зимы взадъ и впередъ четыре конца, которые въ общей сложности составляютъ пять тысячъ верстъ. Но натолкните того же самаго монгола на другія, несравненно меньшія, но невѣдомыя для него трудности и посмотрите что будетъ. Этотъ человѣкъ съ здоровьемъ, закаленнымъ какъ желѣзо, не сможетъ пройти пѣшкомъ безъ крайняго истомленія двадцать, тридцать верстъ; перепочуя на сырой почвѣ, простудится какъ какой-нибудь избалованный баринъ (такъ какъ монголъ привыкъ только къ сухому климату своихъ степей); лишенный два - три дня кирпичнаго чая, онъ будетъ роптать во все горло на свою несчастную судьбу. — Дѣло пассивной привычки у монгола стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа не воскреснетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ. Нѣтъ, предъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невзгодамъ, и совершенно чуждый всякой активной энергіи».. [1]).

[1]) Н. Пржевальскій. Монгольскія и пр. 1875 г. Т. 1, стр. 42.

Англичане въ настоящее время придерживаются еще другаго метода закаливанія, состоящаго въ скудномъ питаніи дѣтей. Герберть Спенсеръ громко жалуется на своихъ, особенно богатыхъ, соплеменниковъ за сочувствіе этому методу. Этотъ обычай англичанъ Спенсеръ объясняетъ такимъ образомъ: «послѣ періода (предшествовавшихъ вѣковъ), отличавшагося безмѣрнымъ пьянствомъ и безмѣрною ѣдою, наступилъ періодъ сравнительнаго воздержанія, котораго крайнія формы протеста противъ распущенной жизни прошедшаго проявляются въ ученіяхъ о трезвости и употребленіи растительной пищи. Вмѣстѣ съ этою перемѣною въ діэтѣ взрослыхъ произошла подобная же перемѣна въ діэтѣ дѣтей. Въ прежнія времена люди думали, что чѣмъ больше можно заставить ребенка ѣсть, тѣмъ лучше, и даже теперь между фермерами и въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ традиціонныя понятія наиболѣе устойчивы, можно найти родителей, которые добиваются того, чтобы дѣти ихъ были толсты. А между образованными классами, въ которыхъ замѣтна реакція къ воздержанію, можно увидѣть рѣшительную склонность скорѣе къ слишкомъ малому питанію дѣтей, чѣмъ къ чрезмѣрному.» [1]) Вѣрно то, что какъ излишество, такъ и недостатокъ пищи вредны, но послѣднее несравненно вреднѣе перваго, почему и послѣдствія полноты, безспорно, легче поправить, чѣмъ послѣдствія истощенія. Въ виду всего этого Спенеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ дѣтской, какъ и въ государствѣ, много излишнихъ законовъ и одинъ изъ самыхъ вредныхъ есть (неосмысленное) ограниченіе количества пищи [2]) Такимъ образомъ современные способы закаливанія тѣла дѣтей, очевидно, есть вещь варварская, дикая, неодобряемая наукой и потому никуда не годная. Наоборотъ, наука говоритъ намъ, что дѣтскій организмъ правильнѣе развивается, лучше крѣпнетъ и дѣлается наиболѣе устойчивымъ или вѣрнѣе гибкимъ при встрѣчахъ съ разнообразными условіями, подготовляясь съ пеленокъ къ такимъ качествамъ своимъ путемъ воспитанія болѣе согласнаго съ разумомъ и природою человѣка. Если бы однако при всемъ томъ мѣры эти оказались не достаточными при какихъ либо исключительныхъ положеніяхъ, на столько враждебныхъ человѣку, что трудно было бы сопротивляться имъ, то на случай всѣхъ подобныхъ возможностей необходимо вооружить человѣка съ малыхъ лѣтъ надлежащими понятіями о силахъ и свойствахъ своей натуры, о поводахъ къ разнымъ встрѣчамъ ея и затѣмъ снабдить его во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимыми разумными свѣдѣніями относительно борьбы съ разнообразными крайностями.

[1]) Спенсеръ: Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. съ англ. 1877 г. стр. 282.

[2]) Спенсеръ. ibid., стр. 283.

Рождается вопросъ, какъ же этого достигнуть? По нашему мнѣнію прежде всего слѣдуетъ научить каждую мать разумному уходу за ребенкомъ съ малыхъ лѣтъ, причемъ должно растолковать ей понятнымъ и убѣдительнымъ языкомъ на счетъ важности и необходимости этого ухода; въ томъ же направленіи должна дѣйствовать на ребенка разумно поставленная школа и наконецъ все это должно завершиться разумнымъ самообразованіемъ. Входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ методовъ такого воспитанія не составляетъ нашей прямой цѣли; наоборотъ, это дѣло особыхъ спеціальныхъ трактатовъ, подробное изложеніе которыхъ здѣсь могло бы только безъ нужды отвлечь насъ отъ нашей главной задачи. Правда, во многихъ мѣстахъ своего труда, слѣдуя постановкѣ вопросовъ и указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на различные неприглядные факты воспитанія, мы имѣли случай также отчасти обсуждать ихъ критически съ одновременнымъ указаніемъ воззрѣній современной науки; но тѣмъ не менѣе болѣе подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ этихъ воззрѣній слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ исключительно медико-педагогическаго характера. Мы собирали матеріалы для книги, имѣющей цѣлію главнымъ образомъ показать: какъ и гдѣ дѣтей воспитываютъ, а не какъ слѣдуетъ ихъ воспитывать,—что составляетъ, очевидно, особую и весьма обширную задачу, которую въ свою очередь намѣчаемъ для своего труда только въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе и теперь оставляя за собой право съ нѣсколько большею подробностью высказываться лишь по вопросамъ, уже затронутымъ въ нашемъ изслѣдованіи, мы полагаемъ не лишнимъ подвергнуть здѣсь обсужденію лишь одинъ методъ воспитанія, стремящійся къ укрѣпленію организма,—методъ долгое время остававшійся какъ бы замерзшимъ, а теперь встающій снова изъ гроба послѣ продолжительной летаргіи и опять мало по малу вводимый въ жизнь,—мы разумѣемъ гимнастику. Въ новѣйшее время она снова заслужила вниманіе, достойное ея, современныхъ врачей и педагоговъ. На нее опять стали смотрѣть, согласно воззрѣніямъ грековъ, какъ на средство, способное значительно развить мускульную силу подрастающаго поколѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше сохранить ихъ здоровье посредствомъ тѣлесныхъ движеній. Въ Швеціи впервые стали пользоваться гимнастикой, какъ средствомъ противъ извѣстныхъ болѣзней, и направленіе ея въ этомъ отношеніи дало уже благіе результаты. Но кромѣ того замѣтили, что сама природа пользуется гимнастикой, какъ средствомъ для развитія и укрѣпленія весьма юныхъ, едва зародившихся организмовъ, которымъ поэтому не только не слѣдуетъ мѣшать, но наоборотъ должно содѣйствовать въ этомъ направленіи всѣми средствами, разумѣется въ предѣлахъ возможности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только наблюдать за развитіемъ ребенка шагъ за шагомъ и присмотрѣться къ различнымъ движеніямъ тѣла въ различныхъ періодахъ его дѣтства. Уже въ утробной жизни, по мѣрѣ того какъ плодъ получаетъ большую крѣпость костей и мускуловъ, онъ ознаменовываетъ себя болѣе или менѣе сильными движеніями. До сихъ поръ неизвѣстно, откуда являются толчки для этихъ движеній и какая цѣль ихъ. Надо полагать однако, что эти движенія не имѣютъ другой цѣли, какъ упражненіе мускуловъ и лучшее развитіе костной системы, а затѣмъ уже лучшее кровообращеніе. Правильныя движенія беременныхъ содѣйствуютъ лучшему кровообращенію дитяти и устраненію всего того, что противодѣйствуетъ развитію матки, а слѣдовательно мѣшаетъ и свободнымъ движеніямъ ребенка. При рожденіи первымъ знакомъ крѣпости ребенка служитъ громкій крикъ, который въ свою очередь можетъ быть лучшимъ ручательствомъ того, что съ помощью его дѣятельность легкихъ и сердца скорѣе приметъ надлежащую силу, а мускулы дыханія, грудобрюшная преграда, мускулы груди, шеи, лица примутъ лучшую дѣятельность. Этотъ крикъ и впослѣдствіи, именно въ первые дни жизни, составляетъ нѣкоторый видъ гимнастики, особенно для дѣтей, рожденныхъ съ узкой грудной клѣткой, но конечно въ предѣлахъ позволенныхъ. Барахтанье ребенка лучше всего содѣйствуетъ развитію мускуловъ, костей и ихъ придатковъ. Кромѣ того это не остается безъ вліянія на отправленія пищеваренія и кровообращенія. Что лучшая дѣятельность мускулатуры содѣйствуетъ лучшему пищеваренію, доказательствомъ служатъ тѣ тренія живота у дѣтей, которыя употребляются при вздутости и переполненіи послѣдняго,—тренія до тѣхъ поръ, пока ребенокъ достаточно покричитъ и побарахтается, послѣ чего обыкновенно слѣдуетъ испражненіе,—животъ дѣлается мягче и ребенокъ чувствуетъ себя лучше.—Около перваго прорѣзыванія зубовъ дѣти начинаютъ ходить, слѣдовательно къ этому времени нужно позаботиться о такой гимнастикѣ, которая вмѣстѣ съ хорошимъ пищевареніемъ и болѣе солидной пищей содѣйствовала бы лучшему развитію костной и мускульной системъ. Этой гимнастикѣ не будутъ удовлетворять ношеніе на рукахъ, шувыканье и качаніе, наоборотъ для этого необходимы самостоятельныя движенія. Лучшее средство для развитія этихъ движеній—съ возможно ранняго возраста оставлять ребенка одного лежать и потомъ мало-по малу двигаться по полу, какъ это дѣлается въ простонародьѣ,—кататься ползать, и т. п. Когда ребенокъ сталъ ходить, то, понятно, что гимнастика должна играть въ его воспитаніи еще большую роль. Тутъ мѣсто всякихъ непринужденныхъ дѣтскихъ движеній, бѣганья, игры и на-

конецъ, приблизительно съ семи лѣтъ, даже правильной, систематической гимнастики, имѣющей цѣлью подготовить мускулы и члены для болѣе напряженнаго физическаго труда и для борьбы съ разными препятствіями въ жизни, требующей иногда не малой крѣпости ихъ.—Кромѣ выносливости и крѣпости всего организма всякому современному ребенку необходимо еще, путемъ воспитанія, развить внѣшнія чувства. Мы видѣли до какой изумительной тонкости многіе дикари развиваютъ эти чувства. Современная цивилизація, благодаря съ одной стороны постоянной охранѣ человѣка отъ нападенія его враговъ и особенно такихъ злыхъ, какихъ онъ когда-то встрѣчалъ въ дикой жизни, съ другой стороны благодаря совершенно другому направленію воспитанія, чѣмъ у дикаря, безспорно значительно притупила эти чувства, какъ хлѣвъ притупляетъ, а иногда и совершенно заглушаетъ прежніе инстинкты прирученныхъ животныхъ. Но наша цивилизація не должна забывать того, что развитіе внѣшнихъ чувствъ до извѣстной степени необходимо человѣку и въ видахъ успѣховъ ея самой. Такъ, мы видимъ, напримѣръ, какъ наука старается усилить слабое дѣйствіе нашихъ органовъ различными вспомогательными орудіями: телескопомъ, микроскопомъ и т. д. Цѣль этихъ орудій та, чтобы глубже проникнуть во внѣшній міръ, полнѣе изучить его ради блага самого человѣка, а потому понятно, что чѣмъ совершеннѣе будутъ его органы, чѣмъ больше вообще физическихъ способностей будетъ вызвано къ жизни въ немъ путемъ правильнаго упражненія, тѣмъ больше выгодъ и для его цивилизаціи и его благосостоянія.—Вотъ какіе пріемы физическаго воспитанія дѣтей съ своей стороны, мы могли бы пока рекомендовать цивилизованнымъ родителямъ нашего времени, вмѣсто смѣшнаго и неимѣющаго даже смысла «закаливанія» ими дѣтей своихъ.

ГЛАВА XXX.

УЧАСТІЕ ЖИВОТНЫХЪ ВЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ЧЕЛОВѢКА.

Разсказы о вскармливаніи дѣтей козами.—Дѣти воспитанныя собаками, волками, медвѣдями, обезьянами и т. д.

Существуетъ не мало примѣровъ того, что домашнія животныя вскармливали иногда самостоятельно дѣтей человѣка. Такъ извѣстенъ и весьма вѣроятенъ разсказъ Геродота о царѣ Псаменитѣ, отдавшемъ двухъ новорожденныхъ на воспитаніе пастуху, у котораго они вскормлены были козами и отдѣлены были отъ всякаго человѣческаго общества съ цѣлью узнать: на какомъ языкѣ болѣе свойственномъ древнѣйшему народу, выросши, они произнесутъ первое слово? Во время готской войны, по словамъ Прокопіуса, [1]) въ Никенумъ былъ брошенъ своею матерью ребенокъ, который былъ сбереженъ и вскормленъ козою. За тѣмъ когда война прекратилась сосѣди этой женщины, возвратясь домой, нашли ея ребенка и назвали его Егистусъ, что значитъ коза. Прокопіусъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ этого ребенка и лишь только его начинали дразнить, а онъ кричалъ, коза, бывшая тутъ же поблизости, прибѣгала, становилась надъ нимъ и защищала его. Раутъ разсказываетъ, что на Мальтѣ и теперь еще нерѣдко имѣютъ обыкновеніе прикладывать дѣтей прямо къ соскамъ козы и послѣдняя успѣшно выкармливаетъ ихъ. Образецъ такого кормленія мы находимъ, напр., на одномъ рисункѣ, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Daheim» [1]), гдѣ уже не маленькій ребенокъ представленъ лежащимъ на спинѣ подъ козой и сосущимъ ее, а послѣдняя весьма ласково обернулась къ нему и, очевидно, смотритъ на сосаніе его, какъ на дѣло совершенно обычное. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказахъ о дикихъ и полудикихъ дѣтяхъ, вскормленныхъ такими кроткими и любящими человѣка животными, какъ козы.

Далѣе слѣдуетъ рядъ разсказовъ, свидѣтельствующихъ, что дѣти иногда вскормлены были суками. Геродотъ говоритъ, что Астіагъ велѣлъ бросить внука своего Кира на съѣденіе дикимъ животнымъ но, благодаря сердоболію исполнявшихъ порученіе, онъ былъ сбереженъ и вскормленъ сукою. По мнѣнію Геродота, этотъ разсказъ объясняется тѣмъ, что женщину, у которой воспитывался младенецъ Киръ, звали Σφαχώ, что значитъ по Мидійски—сука. Однако слѣдующій разсказъ, сообщаемый въ отчетѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, написанномъ къ столѣтнему юбилею его (1863 г., стр. 7.), дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ и только что приве-

[1]) De bello gothico. Lib. II, cap. 16.

[1]) Daheim. 1871, № 12.

денный якобы мнѣ Геродота. Въ упомянутомъ отчетѣ передается такой фактъ: «вдова одного лица, умершаго въ Сибири, отправилась въ Москву съ двумя дѣтьми сыномъ отрокомъ и съ грудною дочерью; при нихъ находилась оценившаяся дорогой собака. Къ несчастію, мать дорогой захворала и умерла, такъ что бѣдному мальчику поневолѣ пришлось заботиться не только о себѣ, но и о грудной сестрѣ своей. Тщетно отыскивая кормилицу, онъ припустилъ однажды къ соскамъ собаки плакавшую отъ голода малютку,—и былъ въ восторгѣ, что первая охотно это дозволила, а ребенокъ, насосавшись, успокоился и заснулъ. Повторивъ опытъ въ другой разъ, мальчикъ увидѣлъ, что онъ можетъ такимъ образомъ прокормить сестру всю дорогу—и отправился съ ней въ Москву, куда и прибылъ благополучно.—Такой случай не могъ не обратить на себя вниманія начальства — и дѣвочка была принята въ Воспитательный Домъ». На ряду, съ этимъ фактомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду то что, по разсказамъ, суки, лишившись своихъ дѣтенышей, иногда вскармливали зайчатъ и дѣтенышей выдры, а кошки кормили иногда щенятъ и даже дѣтенышей кроликовъ. [1]) Такимъ образомъ фактъ вскармливанія суками дѣтей человѣка въ иныхъ случаяхъ можно признать вполнѣ возможнымъ.

Старые и новые путешественники кромѣ того разсказываютъ, что собаки нерѣдко принимаютъ участіе, кромѣ непосредственнаго кормленія, еще и въ дальнѣйшемъ воспитаніи дѣтей. Такъ, референтъ всемірнаго путешествователя Аббата де ла Порта [2]) говоритъ, что у Лапландцевъ должность няньки иногда отправляетъ собака. Она садится на заднія лапы, ставитъ переднія на край колыбели и качаетъ ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ уснетъ, и опять начинаетъ то же дѣлать, какъ только тотъ заплачетъ. Г-нъ И. Поповъ, описывая, согласно моей программѣ, воспитаніе дитяти у Карагассовъ, живущихъ въ Иркутской губерніи, говоритъ, что по нерадѣнію родителей, здѣсь нерѣдко воспитаніемъ дѣтей ихъ занимаются прямо домашнія собаки. Карагасское дитя непремѣнно лежитъ въ углу юрты,—говоритъ г. Поповъ,—въ ящикѣ, обернутомъ въ берестяную кору. Ребенокъ кричитъ немилосердно, а мать какъ будто не слышитъ,—варитъ себѣ пищу, а нерѣдко лежитъ безчувственно пьяная, особенно послѣ суглана (сходки), или подвыпивши порядкомъ визжитъ вцѣпившись въ чьи либо волосы, испытывая такую-же операцію и съ роскошными прядями своихъ черныхъ, какъ смоль, волосъ, со стороны какой нибудь одичавшей тоже отъ вина подруги. Ребенокъ все еще кричитъ, но уже охрипшимъ, надорваннымъ голосомъ, крикомъ этимъ будитъ сладко спавшую у огня собаку,—она встаетъ и тихо идетъ въ уголъ, гдѣ лежитъ ребенокъ, заботливо наклоняется надъ нимъ, горячимъ языкомъ лижетъ изябшее лицо ребенка и согрѣваетъ его своимъ теплымъ дыханіемъ, пока онъ не успокоится. Въ темномъ, непривѣтливомъ углу тянется грустное воспитаніе карагасскаго ребенка, пока онъ не встанетъ на ноги, когда уже вполнѣ его руководителемъ, охранителемъ, дядькой и гувернеромъ является собака. Держась за нее, онъ выучивается ходить; благодаря ей, маленькій сынъ вымирающаго племени спасается часто отъ паденій, ушибовъ и другихъ бѣдъ и напастей ранняго, безпризорнаго дѣтства. Отъ этого собака въ Карагасской юртѣ пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства и можетъ смѣло сибаритничать у костра; она не чужая въ юртѣ своего хозяина, а вѣрный, надежный другъ и отчасти заботливая, добрая нянька. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ журналовъ [1]) изображена кухня Нидерландскаго крестьянина при такой обстановкѣ: хозяева ушли изъ дома, оставивъ своего малютку на попеченіе умной собаки, которая, услышавъ крикъ ребенка, начинаетъ его качать, какъ добрая нянька. (Фиг. 215). Докторъ Крейцвальдъ, между данными, собранными по моей программѣ, свидѣтельствуетъ, что въ Эстляндіи случается и теперь видѣть, что домашняя собака, сжалившись надъ кричащимъ ребенкомъ, по собственному побужденію, принимаетъ на себя роль няньки и укачиваетъ малютку.

И отчего-бы въ самомъ дѣлѣ собакѣ,—этому толковѣйшему животному и кромѣ того такъ страстно привязанному къ человѣку,—не перенять искусства няньчить его дѣтей, для чего въ большинствѣ случаевъ требуется такъ немного сметки. А между тѣмъ вѣдь эту-же собаку человѣкъ употребляетъ уже давно для разныхъ другихъ своихъ практическихъ цѣлей, не менѣе трудныхъ, чѣмъ обязанности няньки. Такъ Эскимосъ и многіе другіе сѣверные сибирскіе инородцы заставляютъ собаку возить сани, по запаху дыма отличать направленіе далекаго жилья и т. д. Европеецъ выучилъ собаку возить тѣлежку съ тяжестями и выдресировалъ ее на разные другіе лады. Сентъ-бернардская собака отыскиваетъ замерзшихъ въ горахъ, отогрѣваетъ ихъ собственной теплотой и приноситъ ихъ на себѣ въ сосѣдніе монастыри. Индѣецъ Чоносъ пріучилъ собаку къ ловлѣ рыбы [2]); пастушескія племена научили собакъ стеречь свои стада и т. д.

[1]) Д-ръ Айрлэндъ. Идіотизмъ и тупоуміе. Перев. съ англ. 1880 г. стр. 385.

[2]) Всемірный Путешествователь. Изд. Аббата де ла Порта. Перев. съ франц. 1780 г. Т. 7, стр. 49.

[1]) Allgemeine Familien Zeitung. 1874. № 10.

[2]) Дебокъ l. c., стр. 445.

Кромѣ козъ и собакъ къ соучастію въ воспитаніи дѣтей нѣкоторые народы, какъ мы уже частью видѣли выше, привлекаютъ также и другихъ прирученныхъ ими животныхъ, напримѣръ: Лопари, Тунгусы—оленей; Монголы, Калмыки—верблюдовъ; Куртяны, Карагаевцы на Кавказѣ—лошадей, ословъ, муловъ, быковъ; въ Индіи—слоновъ и т. д.

Приведемъ для образца нѣсколько подходящихъ сюда примѣровъ. Кочующіе Лопари, неходившіеся на Московской Антропологической Выставкѣ 1879 г., лично мнѣ говорили, что во время перекочевокъ они нерѣдко привѣшиваютъ свои маленькія колыбельки съ дѣтьми къ рогамъ оленей или съ боку ихъ на

Фиг. 215. Собака—нянька.

перевѣсъ съ другими вещами, и въ такомъ видѣ совершенно спокойно поручаютъ дѣтей своихъ попеченію этихъ смышленыхъ и привязанныхъ къ человѣку животныхъ. «Все хозяйство Тунгусовъ,—говоритъ Кривошапкинъ [1]), ввѣрено женщинѣ, но при перекочевкахъ малютки поручаются чуть-ли не болѣе оленямъ. Такъ олень везетъ ребенка на спинѣ, на перевѣсъ съ сумками, сдѣланными изъ оленьихъ камысовъ. При этомъ олень исправляетъ очень удовлетворительно и заботливо роль няньки, а именно онъ, возможно изгибаясь, бережется задѣть за дерево тѣмъ бокомъ, на которомъ виситъ ребенокъ; если ребенокъ заплачетъ въ то время, когда олень привязанъ къ дереву, то олень начинаетъ копытить той ногой, на сторонѣ которой виситъ ребенокъ, чѣмъ покачиваетъ и убаюкиваетъ его. А если Тунгузка позаботилась привязать къ тому-же боку вдѣтыя въ ремень, въ видѣ кисти, разныя косточки, то онѣ при сотрясеніи поколачиваются другъ о друга и развлекаютъ плаксу». Съ подобнымъ-же довѣріемъ, какъ мы уже частью видѣли выше, многіе народы употребляютъ и другихъ, прирученныхъ ими животныхъ для нѣкоторыхъ послугъ своему дѣтскому населенію. Но упоминая объ обычаяхъ полудикихъ народовъ относительно пользованія ими различными животными въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, не забудемъ, что въ томъ-же отношеніи иногда не пренебрегаютъ пользоваться дѣтьми и въ Европѣ. Такъ, напр., на прекрасной картинѣ Офтердингера, взятой, очевидно, изъ европейской жизни, мы видимъ осла, съ боку котораго въ корзинѣ помѣщенъ безспорно европейскій ребенокъ, а осла этого за поводъ узды держитъ зубами сидящая противъ него умная, породистая, европейская собака [1]).

О случаяхъ воспитанія дѣтей человѣка дикими животными упоминается уже въ нѣкоторыхъ старинныхъ легендахъ. Кому неизвѣстенъ, напримѣръ, разсказъ о Ромулѣ и Ремѣ, вскормленныхъ волчицею. Въ новѣйшее время нѣкоторыми писателями сообщаются также случаи вскармливанія и дальнѣйшаго воспитанія дѣтей волками. Въ сочиненіи генерала Слимана объ Аудѣ (въ Индіи) приведена цѣлая коллекція мальчиковъ, найденныхъ въ лѣсу, въ обществѣ волковъ, которые, должно быть, вскармливали и охраняли ихъ [2]). Разсказы о воспитаніи дѣтей этими животными касаются почти исключительно Индіи, гдѣ, какъ извѣстно, дѣтоубійство, бросаніе дѣтей на большихъ дорогахъ, въ рѣкахъ и лѣсахъ развито въ высшей степени. Объ этихъ-то несчастныхъ дѣтяхъ авторы и говорятъ, что они, попадая на глаза волковъ, обыкновенно тотчасъ-же дѣлаются жертвою ихъ пожиранія. Что-же касается вскармливанія этихъ дѣтей волками, то д-ръ Айрлэндъ, подвергая эти случаи критикѣ, не высказывается безусловно въ пользу такой возможности; тѣмъ не менѣе однако-же не считаетъ себя въ правѣ абсолютно и отвергать существующія свидѣтельскія показанія, особенно при слѣдующемъ толкованіи: волчица, лишившаяся своихъ дѣтенышей, можетъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, перенести свою материнскую нѣжность на человѣческаго ребенка, если предположить, что ея материнскій инстинктъ находится еще въ возбужденномъ состояніи. Это, конечно, должно быть рѣдкимъ, но возможнымъ исключеніемъ въ громадной массѣ такихъ случаевъ, гдѣ дѣти пожираются волками [3]). Число случаевъ, разбираемыхъ съ наибольшею строгостью д-ромъ Айрлэндомъ, доходитъ только до семи. Изъ нихъ въ одномъ—мальчикъ былъ выгнанъ изъ волчьей ямы охотниками, выкуривавшими волковъ изъ нея; въ другомъ—всадникомъ, какъ

[1]) Кривошапкинъ. Енисейскій Округъ. 1865 г. Ч. 2, стр. 38.

[1]) Die illustrirte Welt. 1867. S. 217.
[2]) Д-ръ Айрлэндъ l. c., стр. 388.
[3]) Д-ръ Айрлэндъ l. c., стр. 398.

онъ скрылся въ волчьей ямѣ, при помощи нѣкоторыхъ поселянъ; въ третьемъ—мальчикъ былъ встрѣченъ вмѣстѣ съ двумя волченками двумя туземными солдатами, охотившимися за кабанами; въ четвертомъ—пастухъ увидѣлъ мальчика, бѣжавшаго на четверенкахъ рядомъ съ волкомъ; въ пятомъ—всадникъ вмѣстѣ съ однимъ человѣкомъ увидѣли мальчика, пившаго воду съ двумя волченками. Подробности того, какъ были найдены остальные два мальчика, не сообщаются [1]). Повидимому, всѣ эти мальчики были идіоты. Предметъ этотъ, однако, кажется д-ру Айрлэнду не законченнымъ и, наоборотъ, требующимъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Мистеръ Бернетъ Тайлоръ въ своей работѣ подъ заглавіемъ: «дикіе люди и дѣти — звѣри» между прочимъ изъ «Исторіи Польши» Бернарда Коннора приводитъ письмо датскаго посланника, monsieur de Cleverskerk, который въ бытность свою въ Варшавѣ въ 1661 г. видѣлъ въ монастырѣ мальчика, найденнаго, по разсказамъ, въ медвѣжьей берлогѣ и который представлялъ собою видъ идіота полу-животнаго, подбѣгавшаго на четверенкахъ къ предлагаемой ему пищѣ. Объ этомъ же мальчикѣ упоминаетъ и Бюффонъ въ своей Естественной Исторіи [1]).—Возможность вскормленія мальчика медвѣдемъ, говоритъ д-ръ Айрлэндъ,—повидимому болѣе вѣроятна, чѣмъ вскормленіе волкомъ. Медвѣдь значительно менѣе кровожаденъ и питается не исключительно животною пищею. Въ «Путешествіяхъ по Сибири» М-ра Аткинсона разсказывается о двухъ дѣтяхъ, четырехъ и шести лѣтъ отъ роду, которыхъ мать застала играющими съ сибирскимъ медвѣдемъ: одинъ изъ нихъ кормилъ его плодами, а другой сидѣлъ на немъ верхомъ. Какъ только медвѣдь увидѣлъ, что мать этихъ дѣтей бѣжала къ нимъ, онъ спокойно удалился.

Наконецъ извѣстенъ разсказъ одного миссіонера относительно похищенія Каффрскаго дитяти обезьянами и совмѣстнаго сожительства съ послѣдними на самыхъ мирныхъ отношеніяхъ [2]).

Всѣ эти разсказы относительно вскормленія, обереганія и воспитанія дѣтей животными, особенно дикими, очевидно, имѣютъ громадное значеніе какъ въ изученіи нѣкоторыхъ старинныхъ легендъ, такъ не менѣе того и въ антропологическомъ отношеніи, особенно при тщательной провѣркѣ ихъ и сравнительномъ изученіи вліянія различныхъ способовъ воспитанія дѣтей.

[1]) Д-ръ Айрлэндъ, l. c. стр. 401.

[1]) Естественная Исторія Бюффона. Рус. пер. 1810 г. Ч. V, стр. 181.

[2]) Д-ръ Айрлэндъ, l. c., стр. 403—405

ГЛАВА XXXI.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢТЕЙ ВЪ РОССІИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО.

Краткое повтореніе существенныхъ фактовъ, изложенныхъ выше, и дополненія къ нимъ.—Привольная жизнь русскихъ дѣтей на лонѣ природы.—Слѣдствія этой жизни.—Параллель физической выносливости древнихъ Славянъ, великоруссовъ XVI—XVII столѣтій и современныхъ русскихъ крестьянъ.—Заключеніе главы.

Физическое воспитаніе крестьянскаго ребенка составляло главнѣйшій предметъ нашего изслѣдованія. Сводя теперь итоги этого изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ еще разъ въ сжатомъ очеркѣ возобновить въ памяти читателя всю существенную часть относящагося сюда дѣла и затѣмъ, дополнивши ее еще нѣсколькими другими чертами, невошедшими по какимъ-либо соображеніямъ въ изложенную выше работу,—показать далѣе, къ какому же наконецъ результату приводитъ эта сущность воспитанія, практикуемая въ нашемъ крестьянствѣ, какъ логическое послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя крестьянскій ребенокъ испытываетъ на себѣ съ дѣтства до полнаго своего развитія.

Вся забота нашего крестьянина о дѣтяхъ въ раннемъ возрастѣ, кажется, яснѣе всего выражается въ его поговоркѣ «живъ, такъ и не тронь живетъ; а умеръ, такъ Богъ прибралъ — святая душенька будетъ!» Это положеніе какъ нельзя лучше подтверждается и всѣми тѣми пріемами, которымъ подвергается крестьянскій ребенокъ въ физическомъ воспитаніи своемъ съ ранняго дѣтства. Для доказательства этого положенія припомнимъ здѣсь сначала ту среду, въ которой происходитъ первое явленіе крестьянскаго ребенка на свѣтъ, и первое мѣсто его воспитанія, а именно: изба, баня, хлѣвъ и пр.—Вспомнимъ о тѣхъ истязаніяхъ, которымъ новорожденный подвергается въ рукахъ невѣжественной повитухи, желающей, по слабости, свойственной всѣмъ людямъ, щегольнуть своимъ мастерствомъ, предъ своими простодушными односельчанами и задающей при этомъ ничѣмъ не повинному младенцу самыя разнообразныя выправки руками и выпарки вѣникомъ. Какъ ни тяжело такое положеніе крестьянскаго ребенка въ первые дни его существованія, тѣмъ не менѣе оно все таки еще довольно сносно сравнительно съ послѣдующимъ временемъ его развитія, особенно же начиная со второй недѣли его жизни. Въ первые дни послѣ рожденія почти всѣ заботы матери посвящены ему, онъ сытъ, получаетъ болѣе или менѣе надлежащую пищу; ему тепло, потому что онъ постоянно у груди матери; на немъ сосредоточено вниманіе всѣхъ окружающихъ—и онъ безопасенъ. Отъ того-то, по изслѣдованіямъ д-ра Снегирева [1]), и смертность между крестьянскими дѣтьми въ первые дни ихъ жизни относительно ничтожна. Такъ, изъ 100 родившихся въ Ставропольской губерніи 90,8 переживаютъ первые три дня и изъ 100 умершихъ въ теченіе перваго года въ это время умираетъ всего 2,2. Но вотъ проходятъ эти первые дни, мать снова погружается въ домашнія заботы и труды; ребенку посвящается время урывками, самый уходъ совершается какъ-то на обумъ и результатомъ всего этого является значительно повышенная смертность, а именно: въ то время какъ смертность въ первые три дня равнялась 8%, на второй недѣлѣ она достигаетъ уже 31% и т. д. Присмотритесь теперь къ дальнѣйшимъ подробностямъ воспитанія нашихъ крестьянскихъ дѣтей.—Чистаго воздуха и свободы движеній не лишенъ даже животный дѣтеныш; но подойдите къ колыбели крестьянскаго ребенка въ деревнѣ и васъ обдастъ какою-то смердящею гнилью, какимъ-то промзглымъ воздухомъ, которымъ дышетъ ребенокъ волей или неволей, изо дня въ день, цѣлые годы.—Посмотрите на его тѣсныя пеленки, подъ которыя «перста не подпустишь», и поймите, возможно ли, въ такихъ тискахъ, правильное и мощное развитіе тѣла дитяти. Вспомните о безмѣрномъ качаніи ребенка до обморока, до одурѣнія! Припомните его увѣчья отъ паденія изъ колыбелей. Вспомните о первой пищѣ русскаго ребенка,—этой классической соскѣ, какъ бы приросшей ко рту его. «Съ каши да хлѣбушка крѣпче спится!»—говоритъ народъ и неустанно суетъ ребенку въ ротъ соску, хлопоча о томъ, чтобы «хлѣбъ скорѣе и лучше привился къ сердцу!»—Вспомните,

[1]) В. Снегиревъ: взглядъ на условія смертности въ Россіи дѣтей на первомъ году жизни (Архивъ судебн. медиц. 1867 г. Кн. 3., стр. 105—107).

какъ вообще мало животной пищи достается крестьянскому ребенку и, наоборотъ, какъ сильно преобладаетъ въ его столѣ съ ранняго возраста растительная пища.—Вспомните о той поспѣшности, съ которой стараются нести или везти ребенка, особенно зимой, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ въ церковь для крещенія и причастія, а также для отчитыванія и заговариванія въ случаѣ недуговъ, особенно грыжи и родимчиковъ, къ какому нибудь знахарю и т. д. — Вспомните, что въ крестьянствѣ шьется болѣе или менѣе соотвѣтствующая одежда главнымъ образомъ взрослымъ, а маленькія дѣти большею частью, кутаясь въ старье и тряпье, остающееся послѣ взрослыхъ, даже и въ «лютую зиму», тянутъ привычную свою пѣсенку: «холодно, родименькій, холодно!»—Вспомните о лѣченіи дѣтей всякой ерундой и вамъ станетъ ясно, что въ нашемъ крестьянствѣ слишкомъ мало прилагается старанія по отношенію къ физическому воспитанію дѣтей; что здѣсь слишкомъ беззастѣнчиво пользуются на практикѣ нижегородской поговоркой «вода отмоетъ, хлѣбъ откормитъ и будетъ дѣвка, кесь (т. е. какъ есть) мытая рѣпа!» Правда, изслѣдованія показали намъ, что вездѣ во всѣхъ странахъ свѣта и у всѣхъ народовъ въ воспитаніи дѣтей съ первыхъ же дней жизни совершается масса преступленій противъ природы и является рядъ безконечныхъ поводовъ къ болѣзнямъ ихъ и смертности;—въ этихъ грустныхъ фактахъ, конечно, можно находить до нѣкоторой степени оправданіе повсемѣстному невѣжественному взгляду на физическое воспитаніе дѣтей, но тѣмъ не менѣе въ сущности эти факты нисколько не умаляютъ дѣйствительной грѣховности въ воспитаніи дѣтей нашихъ крестьянъ.

Выше мы сказали, что самое тяжелое время въ жизни крестьянскаго ребенка — первый годъ его жизни, а именно тотъ годъ, когда онъ хотя и окруженъ заботами своей матери, обыкновенно нѣжно его любящей, добродушной и сострадательной до самоотверженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта добродѣтельная, воспитанная по слову Христову, мать не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о надлежащемъ уходѣ за ребенкомъ, переполнена всевозможными нелѣпыми предразсудками, а когда хочетъ дѣйствовать согласно своему разумѣнію, то большею частью дѣйствуетъ на «обумъ», на «удачу», на «авось». Подъ вліяніемъ этихъ неосмысленныхъ отношеній къ ребенку, послѣднему въ теченіе перваго года обыкновенно и представляется одно изъ двухъ: или умереть прежде времени, или болѣть все время, пока онъ пользуется только что описаннымъ уходомъ. Ребенокъ то и другое неизбѣжно и совершаетъ. Мы знаемъ, что смертность дѣтей въ Россіи до перваго года, мѣстами равняется 40% [1]), а мѣстами 60% (Гиляровскій).—Но и тѣ дѣти, которыя остаются живыми, въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляютъ собою весьма болѣзненный видъ, хилыхъ, слабыхъ дѣтей, покрытыхъ золотушными сыпями и нерѣдко страдающихъ англійской болѣзнью, хотя тѣ-же дѣти,—по свидѣтельству многихъ авторовъ,—родятся, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, съ хорошимъ, если не сказать даже завиднымъ, здоровьемъ для новорожденныхъ.— Зная всѣ, только что перечисленные, грѣхи крестьянскаго воспитанія, какъ досадно становится сопоставлять съ ними простые обычаи какихъ либо полудикихъ Персовъ, случайно попавшихъ по нѣкоторымъ вопросамъ воспитанія въ тактъ съ основными правилами гигіены и получающихъ отъ того громадныя выгоды при первоначальномъ воспитаніи своихъ дѣтей. По свидѣтельству Polak'a [2]), матери въ Персіи усердно и подолгу кормятъ своихъ дѣтей и почти никогда не имѣютъ обыкновенія разставаться съ ними. Если мать дома, то дитя помѣщается недалеко отъ нея на чистомъ воздухѣ, на дворѣ, или на крышѣ дома. Если мать выходитъ изъ дома,—то она тащитъ его на рукахъ; если же ей приходится ѣхать верхомъ, то она держитъ своего ребенка передъ собою на сѣдлѣ. Это приволье ребенка возлѣ матери на воздухѣ даетъ прекраснѣйшіе результаты: дѣти всегда упитаны, имѣютъ здоровый цвѣтъ лица и бросающуюся въ глаза дѣтскую красоту. Бѣда этимъ дѣтямъ приходитъ только тогда, когда они отнимаются отъ груди матери и вообще начинаютъ пользоваться меньшимъ ея попеченіемъ. Въ этотъ періодъ умираютъ они массами отъ остраго катарра желудка, кишечнаго канала и отъ другихъ болѣзней. Нашъ же крестьянскій ребенокъ, наоборотъ, какъ на бѣду, именно тогда-то и крѣпнетъ и розовѣетъ, когда получаетъ возможность освободиться отъ крайне неразумныхъ попеченій своей матери.

Вотъ въ концѣ года онъ выползъ на своихъ «холочкахъ» или вышелъ на своихъ слабенькихъ ножкахъ изъ родительскаго дома, скрылся съ глазъ матери, очутился самостоятельнымъ человѣкомъ на лонѣ природы и сразу во всемъ перемѣнился. Правда, въ первое время такой ранней самостоятельной жизни дѣти нерѣдко получаютъ много непріятностей, происходящихъ отъ разнообразныхъ толчковъ, ушибовъ, паденій, поврежденій и т. п.; но тѣмъ не менѣе выдержавшій всѣ эти испытанія организмъ силою своей жизненности мало по малу пріучается наконецъ побѣждать встрѣчающіяся неблагопріятныя случайности и затѣмъ

[1]) Въ Дурыкинской волости Московскаго уѣзда, по словамъ д-ра Пескова, она доходитъ до 46%, а во всемъ Москов. уѣздѣ съ небольшимъ до 39%.

[2]) Polak. Persien. I. c. T. I. S. 196.

получаетъ дѣйствительно замѣчательную выдержанность и стойкость.

Дополнимъ только что сказанное въ общихъ словахъ нѣсколькими картинками: въ холодное, осеннее утро ребенокъ выползъ изъ избы и, сидя въ грязи на улицѣ, неистово кричитъ; мать видитъ ребенка, но она занята суетами по хозяйству и вся забота ея въ данномъ случаѣ ограничивается лишь тѣмъ, что, проходя мимо, она утретъ ему своими пальцами повисшія черезъ ротъ «вожжи», сунетъ ему въ открытый ротъ кусокъ хлѣба и пойдетъ дальше. Если ребенокъ не угомонился, то побранивши его, какъ слѣдуетъ, она возьметъ его съ собой въ избу и посадитъ на горячую печь, гдѣ онъ того и гляди, что обожжется, но ребенокъ уже слишкомъ утомился отъ крика и потому скоро заснулъ на краю ея богатырскимъ сномъ. Возьмемъ другую серію случаевъ: на дворѣ стоитъ теплое весеннее время; возлѣ крестьянской избы навалена куча навоза; на вершину этой груды шалуны-мальчуганы посадили годоваго ребенка, а сами удрали въ поле за пестами; ребенокъ сидитъ сначала какъ вкопаный, а потомъ съ наслажденіемъ начинаетъ играть тѣми предметами, какіе попадутъ ему подъ руку, или переползаетъ тихонько къ другому мѣсту, чѣмъ-либо привлекающему его дѣтское вниманіе. Взгляните не много подальше по улицѣ,—тамъ вы увидите другаго ребенка, не много постарше, также оставленнаго на произволъ судьбы своими невнимательными, малолѣтними нянь-ками; но этому ребенку уже около двухъ лѣтъ, онъ уже въ состояніи одинъ ходить и поболѣе соображать, чѣмъ годовой ребенокъ, и вотъ благодаря своему большему развитію онъ уже самъ придумалъ себѣ занятіе, а именно: помѣстившись среди улицы и подражая старшимъ дѣтямъ, онъ съ увлеченіемъ дѣлаетъ изъ дорожной пыли разныя горки и валики, огороды, гумно, садъ, собираетъ щепочки, соломенки, птичья перья, камешки и т. д. Посмотрите дальше по улицѣ, тамъ вы увидите русскаго молодца еще постарше, а именно лѣтъ 3—4-хъ. По примѣру старшихъ дѣтей, онъ уже пробуетъ всякій найденный имъ предметъ бросать подальше и повыше, особенно камешки, осколки битой глиняной посуды и при этомъ то любуясь самымъ полетомъ ихъ, то стараясь попасть въ цѣль и т. д. Вотъ серія еще другихъ картинокъ: наступила въ деревнѣ страдная пора: всѣ взрослые съ утра до вечера за работой въ полѣ; дома остаются только старъ, да малъ, и вотъ вы видите, какъ у воротъ избы, въ холодкѣ на землѣ спитъ старуха-бабушка съ своимъ внучкомъ; далѣе вы видите, какъ самъ крошка, только что научившійся сидѣть, изогнувшись пополамъ въ маленькой тѣлежкѣ, плачетъ во всю мочь, а двое другихъ дѣтей, годами двумя постарше, чтобы утѣшить плаксу, изо всей силы дудятъ ему въ самыя уши изъ своихъ самодѣльныхъ дудокъ. Вотъ далѣе около прудика сидитъ группа дѣтей—составляющихъ собою цѣлый питомникъ: одна малютка притащила изъ дома горшокъ кашки и кормитъ ею едва умѣющаго разѣвать ротъ ребенка; другая, добывши холодной воды изъ ближайшаго родника, поитъ ею всю потную и раскраснѣвшуюся отъ жары свою маленькую сестренку; третья раздѣла шестинедѣльнаго ребенка и хочетъ покупать его на песочкѣ вмѣстѣ съ собою. Въ концѣ деревни вы видите совсѣмъ покинутаго малыша своей нянькой-ребенкомъ. Сначала онъ тихо и молча гложетъ сунутую ему въ ротъ корку хлѣба; но вотъ мимо его пробѣгаютъ овцы, лошади, коровы, которыя сильно пугаютъ его и частію вредятъ ему; проходитъ мимо собака, которая, унюхавши съѣдобное, пробуетъ отнять его у ребенка, предварительно, разумѣется, напугавши его; проходитъ мимо пѣтухъ, поклюетъ хлѣбную корку, да кстати наровитъ долбнуть и ребенка; подойдетъ свинья, слышитъ нюхомъ около ребенка что-то, толкнетъ его своимъ грязнымъ рыломъ, опрокинетъ на бокъ да съѣвши что-то, кстати примется иногда глодать и самаго ребенка. Въ Малороссіи, по свидѣтельству учителя народнаго училища Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи В. П. Савильскаго, относительно корнаухихъ даже сложилась такого рода поговорка: «корна-уха!—не ма уха!—гдижъ дила? Звинья зъила.» Правда, няньки-дѣти существуютъ и въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы, чему современныя лѣтописи представляютъ не мало весьма грустныхъ примѣровъ, [1]) доходящихъ иногда до съѣданія малолѣтнихъ свиньями, кошками, крысами и т. п. [2]); но сравнивая эти образцы съ нашими національными, мы полагаемъ, что нашимъ крестьянскимъ дѣтямъ при воспитаніи несравненно тяжелѣе достаются няньки-дѣти, чѣмъ таковыя же дѣтямъ остальной Европы. Описывая уходъ за дѣтьми крестьянскихъ нянекъ-дѣтей, священникъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губ. Колеровъ не безъ права замѣчаетъ: «дѣти растутъ и развиваются у насъ потому только, что не умираютъ! Никому до нихъ нѣтъ дѣла! Ребенка кормятъ только тогда, когда онъ реветъ отъ голода, да и то, пожалуй, не всегда; ребенка одѣваютъ только тогда, когда онъ кричитъ отъ холода, да и то опять-таки, пожалуй, не всегда; ребенка укладываютъ спать только тогда, когда нянькамъ самимъ спать хочется, да и то, смотря по нянькѣ, то укладываютъ его черезъ-чуръ часто, то черезъ-чуръ рѣдко!

Но вотъ крестьянскому ребенку минуло 4—5 лѣтъ

[1]) См., напр.: Ueber Land und Meer. Allgemeine Illustrirte Zeitung. 1878. S. 149. 817. ibid. 1879. S. 559. ibid. 1880. S. 241, 712. Gartenlaube. 1878. S. 833. etc.

[2]) A. Layet. l. c. p. 402.

и онъ дѣлается полнымъ властелиномъ своего времени, своихъ затѣй и фантазій, вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ улицы, полей, луговъ и лѣсовъ; цѣлые дни играетъ и поетъ въ нихъ вмѣстѣ съ сосѣдними ребятишками и рѣшительно отдается во власть матушки природы, какъ истое дитя ея, которое она съ своей стороны всячески поитъ и кормитъ, ублажаетъ, утѣшаетъ и спать укладываетъ. И за всѣ эти блага какъ крестьянскому ребенку не любить природу, не отдаться вполнѣ въ ея власть?—Лишь начнетъ весной таять снѣгъ, говорятъ бытописатели жизни крестьянскихъ дѣтей въ Россіи,—на улицахъ образуется уже масса лужъ и ручейковъ, на которыхъ дѣти начинаютъ пускать кораблики, строить запруды, мельницы и вообще упражняться самобытнымъ умомъ своимъ по части гидравлики. За тѣмъ едва успѣетъ стаять снѣгъ, дѣти бѣгутъ уже въ лѣсъ за вешней клюквой; едва появится первая трава, они бѣгутъ на поля, гдѣ для нихъ уже готовы, такъ называемые несточки, плоды новаго лѣта, которые кажутся гораздо пріятнѣе на вкусъ той пищи, которую они обыкновенно получаютъ дома, и во всякомъ случаѣ пріятнѣе уже потому, что они составляютъ нѣкоторое разнообразіе при скудной и однообразной пищѣ домашней, особенно весной. Набравши несточковъ полны пазухи и предварительно отодравъ другъ друга за уши, съ приговоромъ: «стара брюшинка, нова новинка», дѣти начинаютъ *молоть* или ѣсть первый разъ эти несточки до обжорства. Разумѣется, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ нерѣдко являются у нихъ разстройства желудка; но имъ не привыкать—стать къ этому дѣлу, да они уже и сами на столько опытны, что знаютъ какъ справляться съ этимъ недугомъ: «полежалъ животомъ на печкѣ и все пройдетъ!»—Вслѣдъ за несточками выростаетъ дикуша и козлецъ; затѣмъ, когда сбудетъ полая вода, въ лугахъ появляется безчисленное множество дикаго луку, а въ лѣсахъ—лужевника и щавеля. Всю эту зелень и сырость дѣти опять таки собираютъ и ѣдятъ какъ какое нибудь дорогое лакомство, особенно благодаря своему неразборчивому, неприхотливому и не избалованному вкусу. Конечно отъ такой ѣды и особенно при неумѣренности, да подъ вліяніемъ наступающихъ жаровъ, нерѣдко происходятъ опять разстройства желудочно-кишечнаго канала, доходящія иногда до дизентеріи; но замѣчательно, что бываетъ это совсѣмъ не такъ часто, какъ бы слѣдовало ожидать; а инымъ, напротивъ, все это нерѣдко идетъ лишь въ тукъ и на здоровье, благодаря конечно постояннымъ движеніямъ дѣтей на воздухѣ, подкрѣпляющимъ ихъ силы, освѣжающимъ ихъ кровь и дающимъ возможность выработываться изъ этой обильной и здоровой крови такой массѣ хорошихъ пищеварительныхъ соковъ, въ которыхъ переваривается даже и весьма грубая пища, и о такихъ-то людяхъ впослѣдствіи обыкновенно говорятъ: «что ѣсть, то больше хочется; а съѣстъ долото, такъ и то въ животѣ изноетъ!» Послѣ травы природа угощаетъ дѣтей свѣжими ягодами и другими лѣсными, огородными и полевыми овощами и плодами: болиголовомъ, земляникой, малиной, смородиной, черемухой, брусникой, орѣхами, яблоками, макомъ, подсолнечниками, рѣпой, брюквой, морковью, стручками, бобами, огурцами, грибами и пр. Нужно посмотрѣть въ это время на крестьянскихъ дѣтей: каждый изъ нихъ ходитъ съ раздутымъ животомъ, ни одинъ не знаетъ мѣры своему насыщенію и никто никогда не предупредитъ ихъ объ опасности этого насыщенія, особенно сырыми и неспѣлыми ягодами, плодами и овощами. Взрослые крестьяне сами не имѣютъ понятія объ этихъ опасностяхъ и еще менѣе знаютъ они о различіи между дѣтскимъ желудкомъ и желудкомъ взрослаго. Поэтому-то дѣтскому желудку съ раннихъ поръ задаются обыкновенно весьма трудныя задачи для разрѣшенія и притомъ совершенно самостоятельнаго, такъ что въ затруднительныхъ случаяхъ онъ самъ себя и лѣчитъ, а иногда приглашаетъ на совѣтъ своихъ мудрыхъ сверстниковъ, а иногда, конечно, и печально кончаетъ съ своею неразрѣшимой задачей.

Мать природа поитъ крестьянскихъ дѣтей, за исключеніемъ лишь рѣдкихъ случаевъ, чистою какъ кристалъ и холодною ключевою водицей, которая для ихъ здоровья полезнѣе всякаго хорошаго вина. Вспотѣютъ ребятишки, играючи цѣлый день на солнцѣ, и вдругъ всѣ побѣгутъ въ перегонки къ какому нибудь студеному ключу или колодцу пить. Нужды нѣтъ, что заболитъ отъ этого горло, или завертитъ около пупа. Вѣдь зимой тоже возятся дѣти въ снѣгу или на льду, тоже заболитъ горло, а придетъ бабушка повитуха, попаритъ вѣникомъ въ печкѣ или банѣ и вся простуда выйдетъ наружу, потомъ. А если смерть приключится, такъ отъ воли Божіей не убережешься, —умираютъ и береженые,—это уже попущеніе Божіе! Вотъ изъ какой школы вырабатывается *ultra*-философское воззрѣніе русскаго человѣка на свою жизнь и выражающееся между прочимъ въ краткой его фразѣ: «жизнь—копѣйка»!

Мать природа купаетъ и моетъ крестьянскихъ дѣтей въ своихъ чистыхъ, прозрачныхъ водахъ. Дѣти такъ любятъ купаться въ рѣчкахъ, особенно въ жаркое время, что почти цѣлые дни проводятъ только въ этомъ удовольствіи. Поплаваютъ, побарахтаются они въ водѣ и выскочатъ на берегъ поваляться въ песку, поваляются и опять, какъ рыбки, нырнутъ въ воду.

Мать природа устроиваетъ дѣтямъ забавы. Пройдетъ сильный дождь и дѣти, приподнявъ рубашенки, шлепаютъ по лужамъ, пропускаютъ ручьи, стро-

ятъ мельницы и т. д.—Выпадетъ снѣжокъ—опять новая забава—игра въ снѣжки. Потрещитъ дня три морозъ, ребятамъ готово уже первое удовольствіе—кататься по замерзшей рѣчкѣ на ногахъ. Обледенѣютъ горы и ребята, кто на салазкахъ, кто на чункахъ, кто на скамейкѣ, кто на корытѣ, кто на лубкѣ или на соломѣ, кто на ледышкѣ или просто на своей шубѣ выходятъ кататься.

Сравните эту жизнь съ жизнью ребенка дома: вотъ закатилось солнце, темно стало на улицѣ и несчастные малютки лѣниво пробираются домой, точно въ темницу. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ лучше темницы крестьянская изба для дѣтей особенно въ длинный зимній вечеръ? На полу они лишніе для взрослыхъ, мѣшаютъ имъ и потому ихъ обыкновенно загоняютъ на печь или на полати, гдѣ жара едва выносимая, духота невообразимая, воздухъ такой густой и тяжелый, что, по народному выраженію, хоть топоромъ руби его. Что хорошаго въ такой жизни? На силу ребенокъ дождется утра и какъ только выглянетъ послѣднее, сейчасъ же на дворъ, несмотря ни на какую погоду, въ прорванныхъ сапогахъ, въ дырявой шубенкѣ, въ развеселое общество своихъ сверстниковъ, гдѣ дѣтскія шутки—прибаутки и всевозможныя игры, расчитанныя на пріятное препровожденіе времени, соотвѣтственно потребностямъ дѣтскаго организма, не переводятся. Вотъ въ какой натуральной школѣ слагается добродушный и общительный характеръ нашего крестьянина, нелишенный наблюдательности и остроты его умъ,—а также крѣпнетъ его здоровье, такъ что изъ слабыхъ и хилыхъ сосунковъ въ теченіе отроческаго періода, на лонѣ матери природы,—они превращаются чуть ли не въ сказочныхъ богатырей, мало чѣмъ уязвимыхъ!

Говоря о жизни крестьянскихъ дѣтей въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, д-ръ Лайманъ свидѣтельствуетъ: «дѣти крестьянъ, играя цѣлый почти годъ на свободѣ и свѣжемъ воздухѣ и солнцѣ, скоро крѣпнутъ и развиваются правильно въ дюжихъ мальчиковъ и крѣпкихъ парней». Противупоставляя такому воспитанію русскихъ крестьянскихъ дѣтей воспитаніе Еврейскихъ дѣтей того же уѣзда, д-ръ Лайманъ прибавляетъ: «Еврейскія же дѣти съ четырехлѣтняго почти возраста проводятъ дни въ тѣсныхъ, лишенныхъ свѣжаго воздуха избахъ своихъ бельферовъ (учителей) и школьниковъ, куда ихъ носятъ и посылаютъ для того только, чтобы не были дома. Съ ранняго дѣтства лишаютъ ихъ свободы, солнца и воздуха и заставляютъ зубрить талмуды. Такая школа, гдѣ помѣщается 10 и 12 мальчиковъ, имѣетъ едва 25 квадратныхъ аршинъ поверхности и содержитъ 80—90 кубическихъ аршинъ воздуха, мало освѣжаемаго. Если къ тому прибавимъ весьма скудную, по качеству, пищу и плохую одежду, то не удивительно, что дѣти эти всегда блѣдны, малы ростомъ и хилыя, и свѣжести и здоровья въ нихъ встрѣтить трудно. Впослѣдствіи болѣе сидячій образъ жизни, совсѣмъ лишенный физическихъ упражненій на свѣжемъ воздухѣ, дѣлаетъ изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ плохо сложенныхъ и чахоточныхъ людей».

Изложеннымъ выше образомъ крестьянскія дѣти живутъ и развиваются приблизительно до 7—8 лѣтняго возраста. Съ этого же времени мальчика отецъ беретъ съ собою уже въ поле, особенно весной и лѣтомъ, пріучая его къ бороньбѣ, къ возкѣ сѣна, сноповъ хлѣба и т. д.; дочку же мать беретъ подъ свой ближайшій надзоръ, пріучая ее помогать въ женскихъ работахъ, въ уходѣ за дѣтьми, ношенію пищи въ поле и т. д. Какъ отрадно видѣть дѣтей этого возраста, говорятъ нѣкоторые бытописатели, счастливо миновавшихъ такъ много опасностей, окружавшихъ ихъ въ нѣжные годы, а теперь хорошо окрѣпшихъ и развившихся и такъ легко усваивающихъ себѣ весь кругъ занятій и умѣній, которыми владѣютъ окружающіе ихъ взрослые люди. Дѣтскія работы въ этомъ возрастѣ большею частью бываютъ легкія, но одно не ладно, что при нихъ иногда даютъ дѣтямъ слишкомъ мало отдыха; напр., во время бороньбы въ Ирбитскомъ уѣздѣ Пермской губерніи,—по свидѣтельству сельскаго учителя А. Фадѣева,—мальчику лѣтъ 8-ми даютъ спать не больше 7—8 часовъ въ сутки. «Будятъ здѣсь такого ребенка на работу, продолжаетъ г. Фадѣевъ,—съ восходомъ солнца и отправляютъ въ поле. Ѣздитъ онъ по бороньбѣ верхомъ на лошади, а самъ дремлетъ и качается;—всячески старается развлечь себя отъ сна: и пѣсенки попоетъ, и руками помашетъ, и вѣки слюною смажетъ, но ничего не помогаетъ, а наоборотъ все больше и больше дремлется! Вдругъ онъ покачнулся и упалъ съ лошади; лошадь въ испугѣ бросилась въ сторону и чуть не зашибла его бороной; но вотъ опять все справилось, молодой земледѣлецъ остановилъ лошадь и опять взлѣзъ на нее! Одна бѣда—видѣлъ батька, какъ свалился съ лошади сынишка, стало быть,—быть битому,—«не дремли за работой»! Бываетъ и такое горе у малолѣтнихъ крестьянскихъ работниковъ: посадятъ, напр., лошадей караулить, чтобы далеко не уходили отъ мѣста работы; а лѣтнее солнышко такъ распаритъ ребенка гдѣ нибудь на копнѣ сѣна, что онъ невольно заснетъ, а коварныя лошади между тѣмъ забѣгутъ въ хлѣбъ;—ну, разумѣется, отъ батьки опять потасовка,—«за чѣмъ прокараулилъ». И не мало такихъ побоевъ достается деревенскимъ дѣтямъ отъ строптивыхъ родителей во время ихъ первоначальнаго, «мужицкаго» ученья. Наука эта, очевидно, не всегда легко достается крестьянскому мальчику; но худо то, что, вошедши во вкусъ ея и выросши самъ, этотъ сынишка въ свою очередь начнетъ такъ же «учить»

своего сынишку и такъ безъ конца! Лѣтъ 12—13 мальчикъ уже ѣздитъ съ отцемъ и зимой за сѣномъ въ стога, или въ лѣсъ по дрова, а лѣтъ 15—16 ѣздитъ по тѣмъ же дѣламъ на работы одинъ. Много слезъ прольетъ ребенокъ, пока проходитъ всю эту деревенскую, суровую, практическую школу; много разъ обидитъ его и трескучій морозъ, и жгучіе лучи солнца, и отецъ и лошади; много разъ онъ не доѣстъ, не доспитъ, но за то, когда пройдетъ онъ свою тяжелую школу, для него почти уже не остается никакихъ трудностей житейскихъ»!

Мы прослѣдили школу физическаго воспитанія крестьянскаго ребенка; школа эта, безспорно, не только не изыскана, но наоборотъ—этой школы не въ состояніи перенести ни одно слабое и слишкомъ нѣжное существо. Въ этой школѣ хотя и нѣтъ совѣта родовыхъ старшинъ, рѣшающихъ по обычаю Спартанцевъ въ общественной палатѣ вопросы на счетъ дарованія младенцамъ жизни или бросанія ихъ въ пропасть; въ этой школѣ не имѣютъ понятія объ ученіи Аристотеля, требовавшаго, чтобы не возрасталъ ни одинъ ребенокъ, страдающій природнымъ недостаткомъ; тѣмъ не менѣе въ этой натуральной школѣ могутъ выростать, какъ и у древнихъ Спартанцевъ, лишь только дѣйствительно весьма крѣпкіе отъ природы организмы. Когда же эти счастливыя особи кромѣ того пройдутъ ту суровую школу, которая встрѣчаетъ ихъ съ первыхъ дней жизни и затѣмъ сопровождаетъ все отрочество, то къ юности изъ нихъ вырабатываются уже въ самомъ дѣлѣ желѣзные люди, для которыхъ никакія невзгоды нипочемъ, и они преспокойно могутъ работать, жить и спать въ большомъ жару и сильномъ холодѣ, сырости, навозѣ и т. д.,—а посмотришь на нихъ—всѣ они какъ кровь съ молокомъ.

Въ этихъ закаленныхъ натурахъ, конечно, нельзя не узнать потомковъ тѣхъ древнихъ Славянъ, по поводу физическаго сложенія которыхъ Н. М. Карамзинъ [1]) говоритъ слѣдующее: «климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится,—слабѣетъ въ нѣгѣ и праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою, любитъ дѣятельность привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе Славяне по описанію современныхъ историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостью всходили на крутизны; спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись въ многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ.—Сіе изображеніе Славянъ и Антовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ».

Чрезъ тысячу лѣтъ потомковъ этихъ славянъ, именно великоруссовъ XVI—XVII столѣтій въ отношеніи физическаго развитія, по историческимъ памятникамъ, Н. И. Костомаровъ [1]) описываетъ такъ: «въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатской изнѣженностью и византійской разслабленностью. Когда знатный человѣкъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ, во время частыхъ неурожаевъ, ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвицы не занимались даже хозяйствомъ и осужденныя на бездѣйствіе только для того, чтобы убить томительную скуку своихъ горницъ и повалушъ, брались за вышиванье убрусовъ и церковныхъ облаченій, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужей. Съ одной стороны достоинствомъ всякаго богатаго человѣка поставлялась недѣятельность, изнѣженность, неподвижность; (русскія женщины нерѣдко пили даже особаго рода водку, чтобы растолстѣть),—съ другой стороны русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостью, твердостью, равнодушіемъ ко всѣмъ лишеніямъ удобствъ въ жизни, тяжелыми для европейца, умѣренно трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ привольнымъ и разсчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства пріучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ груди послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятишки бѣгали въ одинѣхъ рубашкахъ безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу, въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ вовсе не

[1]) Н. М. Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. Изд. пятое. 1842 г. Кн. 1, Т. 1., стр. 33.

[1]) Н. И. Костомаровъ: Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ, Гл. II.

зналъ, что такое постель; посты пріучали народъ къ грубой и простой пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительность, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жаждѣ. Подвиги служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVI вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые края со скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги; истративъ ихъ, принуждены были по нѣскольку мѣсяцевъ питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противуположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура у тѣхъ и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простаку поблагопріятствуетъ счастіе, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость и обрюзглость богатаго или знатнаго лица; за то знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкается съ суровой жизнью и трудами. — При способности и готовности переносить труды и лишенія, русскій народъ, хотя и не отличался долговѣчностью, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ».

Сравнивая времена прошедшія съ текущими, воспитательные пріемы прошлаго съ настоящими, равно какъ результаты того и другаго, по отношенію къ физическому развитію нашего крестьянина нельзя не замѣтить большаго сходства между сравниваемыми періодами и явленіями. Грубоспартанское воспитаніе господствуетъ въ Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ до сихъ поръ, почти со временъ номадствующаго славянства. Благодаря этой системѣ воспитанія, вѣками созданной и до сихъ поръ поддерживаемой обстоятельствами жизни нашего крестьянина, мы видимъ въ немъ и теперь удивительную выносливость по отношенію къ внѣшнимъ неблагопріятнымъ условіямъ, его удивительную приспособляемость, терпѣніе и покорность судьбѣ при разныхъ перемѣнчивыхъ, невыгодныхъ и тяжелыхъ для него положеніяхъ, словомъ ту замѣчательную закаленность организма, которая всегда отличала кореннаго русскаго человѣка и давала право на признаніе его здоровья— желѣзнымъ. Извѣстный русскій публицистъ и врачъ В. Португаловъ, участвовавшій въ 1869 г. при рекрутскомъ наборѣ въ г. Красноуфимскѣ Пермской губ. и встрѣтившійся тамъ поневолѣ лицемъ къ лицу съ физическимъ развитіемъ молодыхъ людей разныхъ племенъ, населяющихъ эту губернію, не могъ удержаться отъ восторга при осмотрѣ русскихъ рекрутъ, выразившагося въ слѣдующихъ словахъ: «большинство русскихъ рекрутъ представляло собою чистый славянскій типъ; тѣло у нихъ бѣлое, чистое, гладкое, мускулятура иногда вполнѣ развита, формы красивыя, осанка стройная, части тѣла пропорціональны. Я просто любовался нѣкоторыми юношами, до того они были красивы, стройны и привлекательны. Свѣжіе крестьянскіе юноши своею молодостью, красотой формъ, безхитростнымъ выраженіемъ лица, основательнымъ развитіемъ мускуловъ и силой тѣла и движеній обнаруживали всю мощь русскаго народа, инертнаго, терпѣливаго, покорнаго, спокойнаго, но далеко не безчувственнаго. [1])

Казалось бы, чего лучше? Но, мы знаемъ, что еще въ старину Аѳиняне считали Спартанское воспитаніе установленнымъ не для гражданъ, а лишь для солдатъ и потому признавали его односторонним, между тѣмъ какъ сами они достигали не меньшей закаленности здоровья своихъ гражданъ, употребляя для этого болѣе сообразныя съ натурой человѣка мѣры воспитанія и кромѣ того не забывая при этомъ гармоническаго развитія тѣла съ духомъ. Но если quasi спартанскому воспитанію сопутствуютъ еще различныя традиціонныя суевѣрія, безсмысленные предразсудки и дѣйствія на «авось» и «не бось», то безъ сомнѣнія все это можетъ не иначе, какъ крайне пагубно отражаться на весьма многихъ сторонахъ жизни человѣческой. Такъ мы знаемъ, что благодаря пріемамъ крестьянскаго воспитанія громадное количество дѣтей умираетъ еще въ раннемъ возрастѣ, а затѣмъ не мало похищается ихъ смертью благодаря тому образу жизни, который они ведутъ при болѣе позднемъ своемъ развитіи. Въ отчетѣ Медицинскаго Департамента за 1876 годъ находимъ, напр., слѣдующіе факты: изъ 1,400,000 мальчиковъ, увидѣвшихъ свѣтъ въ 1855 г., черезъ 20 лѣтъ, къ призыву для военной службы въ 1876 г. оказалось живыми 610,000 или 43,5%. При осмотрѣ врачами 280,000 молодыхъ людей, родившихся въ 1855 г., оказалось 50,000 страждущихъ разными недугами, изъ коихъ 9% падаетъ на врожденные недостатки; около 70% на недуги, происшедшіе отъ дурнаго ухода въ дѣтствѣ, дурныхъ гигіеническихъ условій вообще и недостаточнаго лѣченія; остальные 21% падаютъ на послѣдствія трудной физической работы, сифилисъ, каменную болѣзнь и т. д. Подобные же факты находимъ въ отчетѣ Медицинскаго Департамента за 1878 г. Изъ 1.533,408 мальчиковъ, родившихся въ

1) В. Португаловъ: рекрутскій наборъ въ Красноуфимскѣ въ 1869 г. (Архивъ Судебн. Медиц. 1870 г. Кн. 1.)

1857 году, чрезъ 20 лѣтъ, къ призыву для военной службы въ 1877 г. оказалось живыми 755,922. Изъ нихъ осмотрѣно врачами 265,750 и найдено 58,423 или 21,9% страдающихъ разными недугами и болѣзнями, приблизительно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ показано это за 1876 г. Подобные же факты находимъ въ отчетѣ того-же департамента за 1879 г. а именно: изъ 1,568,315 мальчиковъ, родившихся въ 1858 году, чрезъ 20 лѣтъ, къ 1879 г. осталось въ живыхъ 750,622. Изъ нихъ осмотрѣно врачами въ присутствіяхъ по воинской повинности въ губерніяхъ 272,974 и найдено между ними 58,824 или 21,3% страдающихъ разными недугами и болѣзнями, въ этіологическомъ отношеніи совершенно сходными съ означенными выше.

Спросимъ себя теперь, во первыхъ: выгодно ли Россіи терять только что показанную массу дѣтей и отроковъ съ ея политико-экономической точки зрѣнія? Если бы эта смертность замѣчалась въ государствѣ, переполненномъ густотою населенія, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, откуда избыточествующее населеніе массами эмигрируетъ и колонизируется въ другихъ болѣе обильныхъ землею странахъ, то о массѣ смертей, можетъ быть, пришлось бы пожалѣть только съ христіанской точки зрѣнія. Наоборотъ, когда такая масса дѣтей и подростковъ ежегодно убываетъ въ странѣ, обильной землями и, можетъ быть, страдающей болѣе всего отъ недостатка досужихъ рукъ, то указанная выше убыль населенія, конечно, представляется весьма невыгодною съ общегосударственной точки зрѣнія.

Спросимъ себя, во вторыхъ: выгодно ли Россіи, при весьма ощутительномъ недостаткѣ ея въ свободныхъ рабочихъ силахъ, имѣть на своихъ плечахъ такую массу калѣкъ и хроническихъ больныхъ, какъ показано выше? Очевидно нѣтъ, и нѣтъ тѣмъ болѣе, что Россія несравненно бѣднѣе многихъ другихъ государствъ Европы по отношенію къ количеству своихъ силъ вообще какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ.

Въ виду всего этого особенно намъ русскимъ не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что для болѣе успѣшнаго населенія какой бы то ни было страны и вмѣстѣ съ тѣмъ сопутствующаго благосостоянія его существенно необходимо поднятіе до извѣстной степени культуры народа. Эта культура сама собой устранитъ главныя препятствія къ успѣшности населенія, воспитанія и надлежащаго развитія его какъ въ физическомъ, такъ и моральномъ отношеніяхъ; эта культура научитъ человѣка пріобрѣтать средства для своего существованія болѣе легкимъ, удобнымъ путемъ, съ большимъ сбереженіемъ своихъ силъ, а затѣмъ и въ большемъ количествѣ, что, улучшая вообще бытъ человѣка, можетъ открыть ему возможность обращать болѣе вниманія и на воспитаніе юнаго своего поколѣнія, удѣлять болѣе средствъ на это и вообще вести его болѣе правильнымъ образомъ, сообразнымъ съ натурой человѣка.

ГЛАВА XXXII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Всеобщее пренебреженіе физическимъ воспитаніемъ дѣтей.—Наибольшій вредъ такого воспитанія для дикарей и наименьшій для цивилизованныхъ народовъ. — Фактическія разъясненія только что сказаннаго.—Злѣйшіе враги современной цивилизаціи.—Переходное состояніе послѣдней.—Спасительный выходъ изъ этого положенія.—Скромная роль современной науки.

Мы познакомились съ пріемами физическаго воспитанія дѣтей у разныхъ народовъ, разныхъ странъ и различныхъ степеней умственнаго развитія. При этомъ знакомствѣ прежде всего мы могли вынести то убѣжденіе, что на дѣтей всюду слишкомъ мало обращается вниманія, хотя тѣмъ не менѣе, казалось бы, всѣмъ должно быть извѣстно, что изъ дѣтей выростаютъ отроки, разцвѣтаютъ юноши, крѣпнутъ мужи, которые потомъ всѣ въ совокупности составляютъ народъ или племя, принадлежность къ которымъ считается иногда большою честью, и что физическое развитіе каждой отдѣльной личности много зависитъ между прочимъ отъ успѣховъ развитія ея въ раннемъ возрастѣ. Между тѣмъ изъ приведенныхъ выше фактовъ мы могли убѣдиться только въ томъ, что дѣти до сихъ поръ почти нигдѣ не пользуются сколько нибудь нормальными, или, вѣрнѣе сказать, разумными условіями своего органическаго развитія и существованія. Наоборотъ всюду и вездѣ и почти безпрерывно на нихъ дѣйствуетъ рядъ вредныхъ вліяній грубой эмпиріи, дикорастущей гигіены и тому подобныхъ случайностей, сопричастныхъ образу жизни ихъ родителей и племени. Само собой разумѣется, что грубость понятій и бѣдность жизни болѣе всего свойственны полудикимъ и кочевымъ народамъ; поэтому-то между ними и замѣчается болѣе всего дурныхъ послѣдствій отъ разныхъ недостатковъ физическаго воспитанія дѣтей. Всѣ эти вліянія, преходящія или постоянныя, конечно болѣе или менѣе дѣйствуютъ на организмъ ребенка и въ одномъ случаѣ создаютъ особыя свойства его, которыя потомъ, укрѣпляясь вѣками, становятся родовыми и типичными, представляя въ свою очередь отличительныя особенности того или другаго народа и племени, или же подъ вліяніемъ этихъ условій они рано исчезаютъ въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ жизнь и право на нее во всемъ человѣчествѣ становятся, можно сказать, главнымъ образомъ удѣломъ сильныхъ и богато одаренныхъ здоровьемъ лицъ отъ природы, участь же слабыхъ безпощадно рѣшается очень рано. При такихъ условіяхъ человѣческой жизни конечно, само собой понятно, что дѣти тѣмъ въ большемъ количествѣ стираются съ лица земли, чѣмъ хуже условія существованія ихъ племени и чѣмъ невѣжественнѣе ихъ родители, что на самомъ дѣлѣ дѣйствительно и подтверждается наблюденіями всѣхъ временъ и странъ свѣта. Наоборотъ, какъ ни много гибнетъ дѣтей въ странахъ болѣе цивилизованныхъ и какъ много ни страдаютъ они въ физическомъ развитіи своемъ, благодаря бѣдности и невѣжеству своихъ родителей, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не сказать и того, что эти дѣти съ самаго ранняго обозначенія своего существованія пользуются здѣсь сравнительно болѣе заботливымъ и болѣе разумнымъ уходомъ, чѣмъ въ странахъ дикихъ, а потому и для жизни сохраняется здѣсь болѣе человѣческихъ единицъ, которыя въ свою очередь, благодаря развитію націи, вооружены большими орудіями для борьбы за существованіе и слѣдовательно большимъ количествомъ шансовъ на лучшее здоровье и болѣе продолжительную жизнь. Не станемъ умалчивать однакожъ, что при всемъ благодѣтельномъ вліяніи современной культуры на здоровье человѣка теперешнее развитіе ея едва ли можно считать даже сколько нибудь подходящимъ къ идеалу совершенства. При такой культурѣ и до сихъ поръ умираетъ въ Европѣ дѣтей моложе одного года, по Ваппеусу и Эстерлену, около одной пятой, а въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы даже больше одной трети, напр. въ Вюртемберѣ 360 изъ 1000 родившихся живыми. Чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ смертность между ними больше. Такъ въ Баваріи въ теченіе перваго мѣсяца изъ всѣхъ родившихся живыми умираетъ почти 14%, въ теченіе двухъ слѣдующихъ 7%, въ теченіе трехъ слѣдующихъ 5,4% въ послѣдующихъ 6 мѣсяцахъ 5,7 %. По роду болѣзней, въ теченіе перваго года жизни умираютъ: отъ разстройствъ органовъ пищеваренія и питанія вообще отъ 4-хъ до 70-ти и болѣе процентовъ, отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ, по Warrenigapp'y, 13,30%, по Kohler'y для Тюбингена 25,4; по Alois

Greigel'ю для Вюрцбурга 17,7%; отъ болѣзней нервной системы 21,7% [1]) и т. д. Наименьшею смертностію дѣтей на всемъ земномъ шарѣ съ давнихъ поръ отличаются Швеція и Норвегія, благодаря главнымъ образомъ распространенному обычаю между матерями всѣхъ сословій безъ различія кормить собственнымъ молокомъ грудныхъ дѣтей своихъ; но и здѣсь, напр. въ 1867 г. умерло дѣтей на первомъ году жизни 13,53 %. [2]) По статистическимъ даннымъ Англіи и Валлиса, извѣстныхъ наиболѣе совершенными санитарными законами, въ 1873 г. изъ 492,520 всѣхъ умершихъ было смертныхъ случаевъ между грудными дѣтьми 123.768 или 25% — отношеніе еще довольно благопріятное по сравненію съ смертностью грудныхъ дѣтей въ другихъ странахъ, какъ это мы видѣли не разъ выше. Въ теченіе того-же отчетнаго года въ Англіи и Валлисѣ на 1000 мальчиковъ моложе 5 лѣтъ умерло 66,5, на 1000 дѣвочекъ моложе 5 лѣтъ умерло 56,5. [3]) По другимъ отчетамъ той же страны изъ милліона дѣтей умираетъ здѣсь въ первыя пять лѣтъ существованія болѣе одной четверти, а именно: 260,000 дѣтей, изъ которыхъ 80,000 становятся жертвами страданія мозга и легкихъ, 22,000 погибаютъ отъ болѣзней желудка и дизентеріи, 17 похищаются скарлатиною, 14 крупомъ и 11,000 корью. [4]) Такое громадное количество смертей, разумѣется, прежде всего стоитъ въ тѣсной связи съ слабостью дѣтскаго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, конечно, не признать значительнаго вліянія на эту смертность и прилагаемаго къ нимъ попеченія и воспитанія въ теченіе перваго возраста. Въ основаніи всей этой смертности, какъ мы уже не разъ видѣли, главнымъ образомъ лежатъ: несоотвѣтствіе пищи, одежды, воздуха, ухода и другихъ причинъ, дѣйствующихъ ослабляющимъ образомъ на кровотвореніе и питаніе молодаго организма; кореннымъ же результатомъ такихъ условій является вопервыхъ значительное уменьшеніе численности народа, а во вторыхъ, по выраженію Alois Greigel'я, «идеальная народная единица стаціонарно страдаетъ въ своемъ уподобленіи, питаніи, образованіи соковъ, въ своей воспроизводительной способности и въ своемъ ростѣ.» [5])

Но если таковы условія для физическаго развитія дѣтей, какъ будущихъ членовъ общества въ странахъ, облагороженныхъ цивилизаціей и, благодаря ей, болѣе обезпеченныхъ для жизни, то какихъ же результатовъ физическаго развитія дѣтей ждать отъ некультурныхъ народовъ, у которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются самые серьезные недостатки въ матеріальномъ обезпеченіи и въ то же время у нихъ такъ мало средствъ для борьбы съ ними. Гербертъ Спенсеръ, разсматривая факты, касающіеся роста первобытныхъ племенъ, во всей ихъ совокупности и независимо отъ отдѣльныхъ частностей, не безъ основанія приходитъ къ тому заключенію, что существуетъ нѣкоторое среднее отношеніе между состояніемъ варварства и низкаго роста и что низшія расы, благодаря именно соціальнымъ недостаткамъ ихъ жизни, вообще не достигаютъ роста цивилизованнымъ странъ Европы. Переходя отъ роста къ тѣлосложенію, Г. Спенсеръ проводитъ массу фактовъ въ пользу того мнѣнія, что люди низшихъ типовъ вообще не отличаются хорошимъ тѣлосложеніемъ и что весьма многіе изъ нихъ имѣютъ тонкія и слабыя, маленькія и кривыя ноги, а руки относительно длинныя, какъ у обезьянъ. По отношенію къ другимъ структурнымъ особенностямъ первобытнаго человѣка Г. Спенсеръ обращаетъ вниманіе на значительные размѣры челюстей и зубовъ, на большое развитіе живота и заключающихся въ нихъ органовъ пищеваренія, благодаря употребленію грубой, недостаточно удобоваримой пищи и притомъ въ неумѣренномъ количествѣ. Наконецъ у того же Г. Спенсера находимъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что нецивилизованный человѣкъ вообще менѣе силенъ, чѣмъ цивилизованный, поясняя это, конечно, относительно плохимъ питаніемъ тѣла послѣдняго [1]). Не смотря на это, — намъ однако все-таки говорятъ, что дикари отличаются необыкновенною выносливостью ко всякаго рода лишеніямъ, съ успѣхомъ противустоятъ всякимъ перемѣнамъ погодъ и что среди ихъ встрѣчаются люди замѣчательной крѣпости и долговѣчности. Но по справедливому замѣчанію Greigel'я, это именно тѣ гордые дубы, высоко поднимающіе свои вѣтви надъ мелкимъ кустарникомъ, которые уцѣлѣли, благодаря совершенно случайной, особой, прирожденной имъ крѣпости. А между тѣмъ сколько на памяти этихъ же дубовъ едва распустилось и загибло другихъ деревцевъ! И вотъ такимъ-то образомъ иногда, повидимому, среди хорошо развитаго племени какихъ либо дикарей мы тѣмъ не менѣе замѣчаемъ систематическое, прогрессивное вырожденіе и вымираніе ихъ. Иногда же, кромѣ того, среди цѣлаго племени не видимъ ни одного сильнаго и здороваго представителя. — Ринггеръ, напримѣръ, упоминаетъ о Пайагуасахъ въ Парагваѣ, число которыхъ уменьшилось до 200 вслѣдствіе оспы, пьянства и

[1]) Alois Greigel. Руководство къ общественной гигіенѣ. Русс. перев. 1878 г. стр. 40.

[2]) Beriecht über die Leistungen auf dem Gebiete der Pediatrik S. 60 — 61 Oesterreichisch'es Jahrbuch für Paediatrik. 1876 J. B. II.

[3]) Beriecht über die Leistungen etc. S. 2. (Oester. Jahrb. 78 P. 1876 J. B. 1).

[4]) Московс. Вѣдомости 1877 г. № 219.

[5]) Alois Greigel. ibid., стр. 42.

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Русск. перев. 1877 г. Т. I. Ч. I., стр. 42—56.

искусственнаго выкидыванія. [1])—По Базелеру, одно изъ туземныхъ племенъ Австраліи изъ 300 человѣкъ въ теченіи шести лѣтъ уменьшилось до 4-хъ человѣкъ. [2])—Во время перваго посѣщенія Кука Новозеландіи, по примѣрному вычисленію, всѣ племена Маори вмѣстѣ составляли около полумилліона человѣкъ. Въ 1842 г. число ихъ уменьшилось примѣрно до 106,000 человѣкъ, а въ настоящее время ихъ можно считать даже не болѣе 40,000.[3])—Прогрессивное вымираніе довольно точно и опредѣленно доказано для Полинезіи, Таити, Сандвичевыхъ острововъ [4]) и т. д. Понятно, что вымираніе народа нельзя объяснить его силой и здоровьемъ, а наоборотъ этому печальному обстоятельству, очевидно, должны были предшествовать какія либо невыгодныя условія для существованія, напримѣръ, болѣзни и голодухи съ ранняго возраста, междоусобныя войны, развратъ, каннибализмъ и т. д., что на опытѣ дѣйствительно и замѣчается у всѣхъ вымирающихъ племенъ. Въ своемъ антропологическомъ этюдѣ о Самоѣдахъ Архангельской губерніи Н. Ю. Зографъ говоритъ слѣдующее: «Самоѣды, какъ извѣстно, сильно уменьшаются въ числѣ. Это обстоятельство побудило меня, насколько было возможно, собрать свѣдѣнія о количествѣ рождающихся дѣтей (объ умирающихъ собрать свѣдѣнія невозможно) и о болѣзняхъ, которымъ подвержены Самоѣды. Между измѣренными мною субъектами было 18 женатыхъ мужчинъ и 10 замужнихъ женщинъ. На 28 человѣкъ пришлось всего въ живыхъ 25 человѣкъ дѣтей, между тѣмъ какъ число дѣтей вмѣстѣ съ умершими должно было достигать цифры 47. Смертность, очевидно, очень сильна между дѣтьми. Цифра 47 человѣкъ дѣтей приходится на 19 браковъ, причемъ родители были отъ 20 до 30 лѣтъ. Изъ числа дѣтей, оставшихся въ живыхъ, 18 человѣкъ было мальчиковъ и только 7 дѣвочекъ, — фактъ также весьма краснорѣчивый; извѣстно, что вымирающіе виды, а слѣдовательно и народъ, имѣютъ болѣе мужскихъ, нежели женскихъ рожденій. Совершенно бездѣтныхъ браковъ изъ числа 19 было 6; эта цифра также довольно крупная; такой недостатокъ дѣтей вызванъ, вѣроятно, страшнымъ ослабленіемъ организма отъ самаго неумѣреннаго пьянства, которому Самоѣды предаются съ дѣтскаго возраста. Быть можетъ ранній возрастъ вступленія въ бракъ мужчинъ вліяетъ на бездѣтность... Обыкновенно мальчика 16-ти, 17-ти, лѣтъ совершенно еще не развитаго женятъ на 13-ти 14-ти лѣтней дѣвочкѣ». — Изъ болѣзней, господствующихъ между Самоѣдами, г. Зографомъ замѣчены особенно: катарры легкихъ, глазныя болѣзни сифилисъ [1]) и другія. На сѣверѣ Сибири живетъ другое инородческое племя, подвластное Россіи—Якуты. Въ числѣ 80,000 они разселены по громаднымъ пространствамъ обоихъ береговъ Лены и живутъ подъ вліяніемъ самыхъ ужасныхъ условій полярной природы. Такая обстановка жизни Якута, очевидно, не только не можетъ содѣйствовать успѣхамъ физическаго воспитанія его дѣтей, но наоборотъ должна всѣми средствами содѣйствовать убыли его населенія. Не въ лучшемъ положеніи находятся и другіе инородцы сѣверной Сибири, а потому, конечно, нечего удивляться, что, напримѣръ, Остяковъ и теперь считается не болѣе 25,000 [2]), а другихъ еще менѣе, и что племена эти быстро идутъ къ своему исчезновенію. О Тунгузахъ д-ръ Шперкъ,[3]) пробывшій много лѣтъ въ Сибири, говоритъ слѣдующее: «подвергаясь вѣчно самымъ рѣзкимъ перемѣнамъ погоды и температуры и всевозможнымъ лишеніямъ, Тунгузы рѣдко доживаютъ до глубокой старости; число ихъ не только не увеличивается, но понемногу уменьшается;» особенно жалко положеніе младенцевъ, обреченныхъ расти среди холода».

Гербертъ Спенсеръ, затрогивая вопросъ о выносливости первобытныхъ людей и приводя въ этомъ отношеніи не мало примѣровъ, сводитъ наконецъ свои факты къ слѣдующимъ разсужденіямъ: «ведетъ ли эта выгода,—говоритъ онъ, къ какимъ либо потерямъ въ какихъ-нибудь другихъ направленіяхъ, или нѣтъ, относительно этого мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ показаній. Извѣстно, что наиболѣе крѣпкія и выносливыя породы домашнихъ животныхъ бываютъ менѣе ростомъ, чѣмъ породы менѣе выносливыя; а потому весьма возможно, что организація, приспособленная къ чрезвычайнымъ испытаніямъ, пріобрѣтаетъ свое приспособленіе или насчетъ роста, или насчетъ энергіи. И дѣйствительно въ высшей степени вѣроятно, что эта физіологическая выгода покупается цѣною нѣкоторой физіологической невыгоды—невыгоды, которой высшія расы избѣгли только вслѣдствіе того, что ихъ искусства дѣлаютъ ихъ способными отклонять отъ себя эти чрезвычайныя испытанія. Если же это такъ, то эта приспособленность къ первобытнымъ условіямъ должна была порождать нѣкоторое лиш-

---

[1]) Waitz-Gerland. I. c. T. 1. S. 171.

[2]) Waitz-Gerand. T. 1. S. 182.

[3]) Кристманъ и Оберландеръ: Новая Зеландія и пр. перев. Чистяковой. 1872 г. стр. 154.

[4]) Waitz-Gerland. T. 1. S. 175—177.

[1]) Н. Ю. Зографъ: Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ (Извѣстія Имп. Общ. Любит. Естеств. и пр. Антропологическая выставка. 1879 г. Т. II. стр. 401—404.

[2]) Проф. А. П. Богдановъ: Пятое продолженіе Каталога, Краніологическаго собранія. Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естествозн. и проч. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II, стр. 402—408.

[3]) Францъ Шперкъ: Описаніе Верхоленскаго Округа Иркут. губ. (Архивъ Судебн. Медиц. 1866 г. Кн. 2, стр. 19).

нее препятствіе къ установленію болѣе высокихъ условій развитія [1]).

Благодаря улучшеннымъ условіямъ своего быта и особенно благодаря успѣхамъ гигіены, цивилизованные народы отличаются вообще большею продолжительностью жизни. Такъ, напримѣръ,— средняя продолжительность жизни во Франціи, равнявшаяся 29-ти въ концѣ прошлаго вѣка и 39-ти годамъ въ періодъ отъ 1817—1831, возросла до 40-ка лѣтъ въ періодъ отъ 1840 до 1859 [2]). По изслѣдованіямъ Эстерлена, [3])—въ 16 столѣтіи въ Женевѣ въ первый годъ жизни умирало дѣтей больше, чѣмъ теперь, при улучшеніи соціальной обстановки жителей, въ первыя десять лѣтъ включительно и въ то время какъ въ 16 столѣтіи едва $^1/_3$ живущихъ достигала 40 лѣтняго возраста, теперь достигаетъ его болѣе половины. Мало того, теперь больше людей доживаютъ тамъ до 70 лѣтъ, чѣмъ сколько ихъ прежде доживало до 40 лѣтъ. Англійскія оффиціальныя статистическія свѣдѣнія о состояніи общественнаго здоровья представляютъ намъ весьма любопытные факты слѣдующаго рода: въ Лондонѣ въ 9-ти лѣтніе сроки (съ 1681—1690, 1746—1755, 1846—1855 гг.) умирало въ 17-мъ столѣтіи на 100 человѣкъ въ годъ: 42, въ 18-мъ столѣтіи 36, въ 19-мъ столѣтіи 25. При томъ должно замѣтить, что населеніе между тѣмъ увеличилось съ 530,000 до 2.300,000 и, слѣдовательно, условія для здоровья чрезъ то нисколько не улучшились. [4]) Подобныя-же свѣдѣнія относительно уменьшенія дѣтской смертности, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, находимъ и въ другихъ странахъ. [5]) Изъ ряда другихъ наблюденій мы знаемъ, что даже въ наше время, такъ сказать, у насъ на глазахъ, смертность какого-бы то ни было края находится въ прямомъ отношеніи къ невѣжеству и суевѣрію и недостаточной свободѣ его, такъ что, слѣдовательно, степень образованія, соціальная и духовная свобода народа могутъ служить намъ довольно вѣрными указателями состоянія здоровья его, что, напр., съ очевидностью доказываютъ цифры, представленныя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія Англійскому Парламенту Комитетомъ Британской Королевы. Вотъ эти цифры:

Въ Англіи ежегодно умираетъ изъ 1,000 чел. . 22
» Франціи » » » » » . 24
Въ Пруссіи ежегодно умираетъ изъ 1,000 чел. 27
» Австріи » » » » » 30
» Россіи » » » » » 36 [1]).

Приведенныя цифры, сколько намъ извѣстно, мало измѣнились въ сущности и до сихъ поръ; но за то съ тѣхъ поръ мало измѣнились и соціальныя условія быта народовъ упомянутыхъ государствъ. Рядомъ съ этими данными мы находимъ другіе факты, доказывающіе, что успѣхи цивилизаціи замѣтно совершенствуютъ физическую сторону человѣка. Регоп, первый изслѣдовавшій динамометромъ физическую силу у разныхъ представителей цивилизаціи, нашелъ, что сила дикихъ обитателей Ванъ-Дименовой земли выражается 50°, Французовъ 69° и Англичанъ 71°. Такія-же относительныя цифры получаются по величинѣ роста [2]).

Къ сожалѣнію у современныхъ культурныхъ народовъ есть свои злѣйшіе враги, почти или совсѣмъ неизвѣстные дикарямъ. Сюда прежде всего слѣдуетъ причислить: пьянство, сифилисъ, чахотку, прямо или косвенно подтачивающія молодое поколѣніе, рожденное отъ зараженныхъ этими грѣхами родителей. Но не въ примѣръ губительнѣе этихъ такъ сказать телесныхъ враговъ еще другіе враги— душевные, свойственные исключительно культурнымъ народамъ. Враги эти прежде всего проявляютъ себя въ формѣ необузданнаго тщеславія, разыгрывающагося на разные лады, и затѣмъ въ формѣ самыхъ алчныхъ погоней за наживой весьма разнообразныхъ оттѣнковъ. Подъ вліяніемъ этой неосмысленной суеты сколько родителей разстраиваетъ свое здоровье еще прежде вступленія въ бракъ; сколько ихъ истощаетъ силы потомъ въ неустанномъ стремленіи доставить своему семейству возможно широкія средства существованія; наконецъ сколько истрачивается этихъ силъ на увеличеніе уже существующаго громаднаго богатства, капитала, производительности и т. п., повидиму, лишь прямо изъ одной любви къ искусству. Такіе неусыпные хлопотуны, работники, дѣятели на разныхъ поприщахъ въ самомъ дѣлѣ иногда достигаютъ очень виднаго положенія въ жизни, славы, почестей, титуловъ, завиднаго богатства и т. д. Но при всемъ этомъ посмотрите, какъ часто они совсѣмъ не въ состояніи пользоваться своими пріобрѣтеніями, потому что успѣли глубоко испортить свое здоровье. И какъ часто отъ такихъ родителей происходятъ весьма хилыя, мало способныя къ жизни дѣти, рожденныя, какъ оказывается, не на радость ни себѣ, ни родителямъ! Этими словами мы однако не хотимъ ставить для кого-нибудь идеаломъ ничего недѣланіе, которое ослабляя тѣло

---

[1]) Гербертъ Сенсеръ. Основанія Соціологіи. Русск. перев. 1877 г. Т. 1. стр. 53.

[2]) Топинаръ. Антропологія. Перев: Мечникова. 1879 года, стр. 353.

[3]) Oesterlen. Medicinische Statistik. S. 108.

[4]) Рѣчь Проф. Петтенкофера на XLI съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей во Франкфуртѣ на Майнѣ Wiener. Med. Presse. 29 Semp. 1867. № 39).

[5]) Pfeiffer l. c. S. 572. Wolff. Untersuchungen über Kindersterblichkeit. Erfurt. 1874. Monot, De la mortalité excessive des enfans. Paris. 1874.

[1]) Фонъ-Гюббенетъ: рѣчь въ засѣданіи Общ. Кіевскихъ врачей 28 октября 1862 г.

[2]) Рѣчь о здоровьи д-ра Ричардсона на съѣздѣ любителей соціальныхъ наукъ въ Brighton'ѣ (Русс. перев. въ Судебн. Медиц. 1875. № 29).

виновника, въ то же время содѣйствуетъ преемственной передачи этой слабости и потомству. Наоборотъ, каждому человѣку, желающему сохранить съ пользой свое и своихъ дѣтей здоровье, мы желали-бы поставить идеаломъ именно трудовую жизнь, но только правильную и разумную, которая безспорно дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ на физическую сторону организма, въ то же время доставляя человѣку высокое наслажденіе сознавать всю пользу и выгоды исполняемаго имъ дѣла.

Кромѣ того у очень знатныхъ родителей иногда совсѣмъ не хватаетъ ни времени, ни охоты лично принять участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей, а наоборотъ сплошь и рядомъ приходится довѣрять здоровье и жизнь ихъ постороннимъ лицамъ, большею частью мало заинтересованныхъ судьбою подростающихъ и ввѣренныхъ ихъ надзору дѣтей и въ концѣ концевъ выходитъ то, что дѣти даже очень богатыхъ и образованныхъ людей слишкомъ мало пользуются надлежащимъ уходомъ при своемъ воспитаніи и конечно въ ущербъ развитію своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Видя массы такимъ образомъ воспитываемыхъ дѣтей, не приходятъ-ли каждому изъ насъ на умъ сами собой сопоставленія такого рода, что даже у весьма достаточныхъ и культурныхъ людей дѣти, сплошь и рядомъ, растутъ какъ капуста въ огородѣ плохаго хозяина, или выращиваются какъ плохія растенія при уходѣ безтолковаго и нерадиваго садовника. Но еще поразительнѣе то, что между упоминаемыми культурными родителями иные считаются даже хорошими, заботливыми сельскими хозяевами, имѣющими извѣстность по части выращиванія скота, напримѣръ, лошадей, быковъ, свиней, собакъ, куръ и т. п. Охоты и знанія ихъ не хватаетъ только по отношенію воспитанія собственныхъ дѣтей. Всѣмъ этимъ современнымъ культурнымъ родителямъ какъ бы хорошо было почаще припоминать себѣ прекрасный примѣръ, данный въ поученіе потомству Корнеліей, матерью Гракховъ. По смерти своего мужа, она отказалась отъ всѣхъ предложеній знатныхъ Римлянъ, даже Египетскаго царя Птоломея, и съ самоотверженною материнскою любовью и мудростью посвятила себя воспитанію своихъ 12-ти дѣтей. Когда гордая и суетная пріятельница показала ей однажды свои драгоцѣнности, а потомъ просила и ее показать свои алмазы, то Корнелія, подозвавъ возвратившихся изъ школы дѣтей своихъ, сказала: «вотъ мои алмазы, вотъ мои сокровища!» Въ параллель къ этому примѣру приведемъ слова Лютера: «еслибъ молодая женщина стала расхаживать въ нарядѣ французской королевы, то это всѣмъ казалось бы чуднымъ и великолѣпнымъ дѣломъ, и всѣ смотрѣли бы на нее, разиня ротъ. Но когда женщина добронравно воспитываетъ дѣтей, то противъ такой красы всякіе жемчуги, бархатъ и золотая парча не что иное, какъ вѣтхій изодранный, заплатанный плащъ нищаго.» — Когда читаешъ у Плутарха, — говоритъ не безъ юмора Ж. Ж. Руссо [1]), — что ценсоръ Катонъ, съ такою славою управлявшій Римомъ, самъ воспитывалъ своего сына съ колыбели и постоянно присутствовалъ, когда кормилица, т. е. мать обмывала ребенка; когда читаешь у Сватенія, что Августъ, владѣтель вселенной, самъ училъ своихъ внуковъ писать, плавать сообщалъ имъ элементарныя научныя свѣденія и безпрерывно былъ съ ними, то невольно смѣешся надъ этими наивными чудаками. Надо полагать, что они занимались этимъ вздоромъ только потому, что были слишкомъ ограничены для занятій великими дѣлами великихъ людей нашего времени». — Въ самомъ дѣлѣ пока гордость родителей не будетъ искать своего удовлетворенія въ разумномъ воспитаніи своихъ дѣтей и пока родители сами не будутъ чувствовать наслажденія въ удачѣ развитія физическихъ и нравственныхъ силъ этихъ дѣтей, до тѣхъ поръ дѣйствительно нельзя расчитывать, чтобы и физическое воспитаніе дѣтей ихъ давало сколько нибудь удовлетворительные результы, возможные и при положеніи современной культуры. Во всякомъ случаѣ однако оцѣнивая результаты физическаго воспитанія въ связи съ современной цивилизаціей и видя съ одной стороны почти абсолютное пренебреженіе имъ со стороны родителей, а съ другой почти абсолютное отсутствіе сколько нибудь правильнаго пониманія его со стороны наемныхъ воспитателей, не будемъ удивляться, что до сихъ поръ преслѣдующія и заѣдающія ребенка отъ зачатія до полнаго его развитія недосмысліе и невѣжество мѣшаютъ ему здоровымъ родиться, крѣпкимъ расти и избѣгать преждевременной смерти. Такое положеніе съ общечеловѣческой точки зрѣнія, очевидно, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать отраднымъ, а потому и по отношенію къ современной цивилизаціи не слѣдуетъ ли поставить вопроса: не въ мечтаніяхъ ли еще обрѣтается ея идеалъ, цѣль котораго — всеобщее благо, вытекающее изъ справедливаго и разумнаго устройства человѣческихъ обществъ съ одной стороны и успѣшнаго противодѣйствія всѣмъ моментамъ, вредно вліяющимъ на развитіе человѣка — съ другой стороны? Не мудрствуя лукаво, отвѣтъ конечно долженъ быть не иной, какъ утвердительный. Этой цивилизаціи въ самомъ дѣлѣ не достаетъ еще ни ширины, ни глубины развитія, ни правильнаго пониманія ея во многихъ отношеніяхъ. Обсуждая результаты физическаго воспитанія дѣтей современныхъ культурныхъ людей, Спенсеръ [2]) говоритъ:

[1]) Ж. Ж. Руссо. Эмиль или воспитаніе. Рус. пер. Изданіе Тиблена. С. П. 1866 г. стр. 14.

[2]) Спенсеръ Воспитаніе Ас. стр. 3[1]—12.

«не мало людей утверждаютъ, что между образованными классами болѣе молодые и приближающіеся къ зрѣлому возрасту не обладаютъ ни такимъ хорошимъ ростомъ, ни такою крѣпостью, какъ ихъ отцы.—Услышавъ это утвержденіе въ первый разъ, мы готовы были причислить его къ многимъ проявленіямъ стараго стремленія превозносить прошедшее въ ущербъ настоящему. Вспомнивъ тотъ фактъ, что люди настоящаго времени, судя по старинными военнымъ доспѣхамъ, оказываются большаго роста, чѣмъ древніе, и что таблицы смертности доказываютъ не уменьшеніе, а скорѣе возрастаніе продолжительности жизни, мы обратили мало вниманія на вѣрованіе, которое, повидимому, ни на чемъ не основывалось. Подробное наблюденіе однако поколебало наше мнѣніе. Исключивъ изъ сравненія рабочіе классы, мы замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ дѣти не достигаютъ роста родителей. Степень плотности, принимая во вниманіе возрастъ, оказывается на столько же уступающею. Медики говорятъ, что теперь люди почти не могутъ выносить такой потери крови, какъ прежде. Преждевременная плѣшивость въ настоящее время явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ въ прежнее время. А раннее выпаденіе зубовъ встрѣчается въ настоящемъ поколѣніи поразительно часто. Въ общемъ итогѣ силы—контрастъ столь же рѣзокъ. Люди прошлыхъ поколѣній, которые вели разгульную жизнь, были выносливѣе настоящаго поколѣнія, отличающагося умѣренностью. Наши недавніе предки, несмотря на то, что они не въ мѣру пили, вели неправильную жизнь, не обращали вниманія на свѣжесть воздуха, мало заботились объ опрятности, даже въ старости могли безъ вреда выносить продолжительныя занятія, о чемъ свидѣтельствуютъ лѣтописи присутственныхъ и судебныхъ мѣстъ. Мы же, которые болѣе думаемъ о своемъ тѣлесномъ благосостояніи, умѣренно ѣдимъ и не пьемъ чрезмѣрно, заботимся объ очищеніи воздуха, употребляемъ частыя омовенія, дѣлаемъ ежегодныя экскурсіи и пользуемся большими медицинскими свѣдѣніями, — мы постоянно обезсиливаемъ отъ труда. Обращая значительное вниманіе на законы здоровья, мы оказываемся слабѣе нашихъ предковъ, которые во многихъ отношеніяхъ пренебрегали этими законами. А судя по наружности и частымъ болѣзнямъ подростающаго поколѣнія, оно, какъ кажется, будетъ даже менѣе здорово, чѣмъ мы. Что же это означаетъ? Не то ли, что прежнее объѣданіе, какъ взрослыхъ такъ и дѣтей, было менѣе вредно, чѣмъ недоѣданіе, на которое мы обращали вниманіе читателей, какъ на столь распространенное въ наше время? Не то ли, что недостаточное одѣяніе, поощряемое обольстительною теоріею пріученія къ суровому климату, заслуживаетъ порицанія? Не то ли, что причиною этого большее или меньшее препятствіе юношескимъ играмъ ради ложной утонченности? Изъ нашихъ разсужденій можно вывести, что, вѣроятно, каждая изъ этихъ причинъ принимала извѣстное участіе въ порожденіи зла. — Кромѣ того тутъ дѣйствуетъ еще одно разрушительное вліяніе, можетъ быть болѣе сильное, чѣмъ другія: мы говоримъ о чрезмѣрномъ умственномъ напряженіи.» —Много истины сказано въ этихъ словахъ Спенсера, хотя и не безусловной. Слова этого авторитетнаго писателя мы привели главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы показать, къ какимъ заключеніямъ относительно результатовъ воспитанія приходятъ иногда лучшіе умы нашего времени и къ какимъ заключеніямъ даютъ имъ иногда поводъ наблюденія надъ жизнью современныхъ культурныхъ народовъ. Но выше мы познакомились съ воззрѣніями на тотъ же предметъ другихъ авторовъ, съ одной стороны удачно сравнивающихъ полудикихъ богатырей съ сохранившимися случайно дубами среди мелкой поросли, съ другой стороны на цифрахъ смертности послѣдовательно доказывающихъ благотворное вліяніе на жизнь человѣка развивающейся цивилизаціи, несмотря на всѣ ея недостатки и т. п. Такимъ образомъ условія, въ которыя поставленъ современный культурный ребенокъ, во всякомъ случаѣ много лучше условій жизни дикаря, въ которой, наоборотъ, на каждомъ шагу такъ много всякихъ вліяній, чрезвычайно губительно и разрушительно дѣйствующихъ на дѣтскій организмъ. Но съ другой стороны и современная цивилизація, заявляющая себя описаннымъ выше образомъ, очевидно, заключаетъ въ себѣ множество моментовъ, подавляющихъ развитіе жизни человѣческой, и потому, конечно, не можетъ представлять собою желаемаго совершенства вполнѣ достигнутаго идеала? Наоборотъ, согласно съ мнѣніемъ лучшихъ умовъ нашего времени, ее можно назвать пока лишь только переходнымъ фазисомъ развитія, ожидающимъ еще очень многаго пополненія на дальнѣйшемъ пути своего совершенствованія.

Послѣ всего этого позволительно спросить: гдѣ же якорь нашего спасенія, гдѣ-же выходъ изъ того безотраднаго положенія, въ которое поставленъ современный человѣкъ, начиная съ перваго обозначенія своего существованія и до могилы? Изъ всего изложеннаго нами мы не могли не замѣтить, что всѣ погрѣшности до грубѣйшихъ ошибокъ въ нашей жизни зависятъ прежде всего отъ прямаго непониманія того, что нужно для нашего истиннаго блага, и за тѣмъ отъ дурно направленныхъ стремленій нашихъ къ этому благу. Еще Иппократъ сказалъ: «болѣзни не нападаютъ на насъ неожиданно съ неба, но составляютъ результатъ нашихъ ежедневныхъ грѣховъ относительно сбереженія здо-

ровья, и когда этихъ грѣховъ накопится ужъ слишкомъ много, то болѣзни вспыхиваютъ какъ будто разомъ». Въ новѣйшее время, въ подобномъ-же родѣ однажды прекрасно выразился лордъ Дерби: «люди не имѣютъ почти никакаго понятія, до какой степени ихъ здоровье зависитъ отъ нихъ самихъ, и не хотятъ понять, что девятью-десятыхъ ихъ болѣзней они обязаны самимъ себѣ» [1]).

Спасительный выходъ изъ этого положенія одинъ—это свѣтъ науки, свѣтъ знанія и просвѣщенія, широко и хорошо примѣненный! Одна наука въ состояніи побороться съ массою предразсудковъ, заѣдающихъ человѣка,—одна она въ состояніи развить лучшее пониманіе имъ всего окружающаго, указать на выгоды и невыгоды существованія его при тѣхъ или другихъ условіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ накопленія умственнаго богатства, дать средство все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ рабской зависимости отъ природы и все вѣрнѣе и прочнѣе обезпечивать себѣ защиту отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій ея и наоборотъ съ помощью накопленнаго умственнаго богатства возможно лучше осуществить все желаемое для блага человѣка. При свѣтѣ этихъ знаній и вообще при высокомъ развитіи человѣческаго общества, безъ сомнѣнія, въ немъ не замедлятъ возникнуть тотчасъ-же лучшія формы общежитія, мышленія и чувствованія. Въ домашнемъ быту тогда скоро, навсегда, и самъ собой исчезнетъ дикій произволъ мужчины надъ рабою женщиною, равно какъ исчезнетъ вообще тиранія главы семьи надъ остальными членами ея. Наоборотъ вмѣсто эгоистическаго проявленія въ семьѣ и обществѣ какой-бы то ни было грубой силы, неминуемо возникнутъ такія отношенія, при которыхъ воля старшаго будетъ сообразоваться съ благомъ меньшей братіи. Въ этомъ прекрасномъ будущемъ изъ дѣтской образованныхъ людей навсегда исчезнутъ неопытность, традиція и личный произволъ матерей, равно какъ невѣжество и предразсудки нянекъ; дѣтская не будетъ тогда представлять собою школы, въ которой воспитываются уродливыя понятія и обычаи; жизнь ребенка не будетъ ставиться ни во что, или даже размѣниваться на билетъ воспитательнаго дома и вообще дѣти не будутъ тогда умирать ни отъ голода, ни отъ плохаго ухода, потому только, что родители ихъ сами голодны и сами вполнѣ несвѣдущи въ воспитаніи дѣтей. Наоборотъ развитіе матерей будетъ тогда стоять высоко, разумныя школы рано станутъ приходить имъ на помощь, благотворительныя общества и учрежденія будутъ давать имъ всѣ средства для разумнаго воспитанія и для облегченія судьбы бѣдныхъ и безпомощныхъ дѣтей, при чемъ родители не приминутъ съ своей стороны окружить дѣтей своихъ также самыми нѣжными и разумными попеченіями, успѣшные результаты которыхъ въ свою очередь будутъ служить имъ лучшимъ награжденіемъ. Выдвинется тогда впередъ со значительной силой и врачебная наука съ великой задачей своей—non solum curare, sed etiam educare (не только лѣчить, но и воспитывать), потому что, по выраженію древнихъ, non est vivere, sed valere vita (жизнь состоитъ не въ томъ, чтобы только жить, но жить здоровой жизнью). Во имя этихъ высокочеловѣчныхъ принциповъ представители врачебной науки будутъ стремиться тогда не только уменьшать посредствомъ аптечныхъ лекарствъ тѣлесные и духовные недуги человѣчества, но какъ представители соціально-врачебной науки и истинной гуманности, они со всей энергіей позаботятся о возможно вѣрнѣйшемъ предотвращеніи этихъ недуговъ съ ранняго дѣтства человѣка, а затѣмъ и впослѣдствіи не перестанутъ безъ устали направлять развитіе культуры по естественнымъ путямъ ея, указывая на истинное назначеніе и положеніе человѣка среди природы, смѣло изобличая, какъ преступленія противъ этой природы, излишнюю изнѣженность, чувственность и всякія низшія страсти, а въ томъ числѣ властолюбіе, эгоизмъ и другія мрачныя стороны теперешней культурной жизни, мѣшающія въ настоящее время здоровому развитію нарождающагося человѣческаго населенія. Практическіе государственные люди, педагоги и учителя, въ основаніе своей дѣятельности положатъ тогда изученіе человѣческой природы и поставятъ своею цѣлью выработать изъ нея все то, что можно изъ нея выработать по одаренности ея къ развитію творческими силами. Тогда поистинѣ можно сказать, что благосостояніе культурныхъ народовъ будетъ въ наилучшемъ положеніи.

Высказанныя мысли, конечно, многимъ покажутся черезъ-чуръ идеальными. Этого и нельзя отвергать для настоящаго времени; но съ другой стороны зачѣмъ-же лишать себя благородныхъ идеаловъ въ то время, когда на осуществленіе ихъ хоть въ отдаленномъ будущемъ есть нѣкоторая надежда. Указывая на значеніе науки, Леббокъ [1]) говоритъ: «Знаніе можетъ многое сдѣлать на пользу человѣка и теперь; но никакого нѣтъ сомнѣнія, что оно еще далеко не достигло своего возможнаго развитія. Дѣйствительно, можно согласиться съ великимъ Ньютономъ, что мы были до сихъ поръ какъ дѣти, играющія на берегу моря, и занимались только тѣмъ, что поднимали тамъ и сямъ какой нибудь гладкій камешекъ или красивую раковинку, между тѣмъ какъ цѣлый великій океанъ истины лежитъ еще передъ нами неизслѣдованнымъ. По мѣрѣ

[1]) Niemeyer, Die Sonntagsruhe etc.

[1]) Леббокъ. Доисторическія времена и пр., стр. 480.

того какъ мы будемъ совершенствоваться въ этой наукѣ, будемъ освобождаться вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своего невѣжества и заблужденій, и найдемъ возможность надлежащимъ образомъ позаботиться о благѣ всего человѣчества, тогда конечно можно будетъ предсказывать и болѣе счастливое будущее человѣка, о которомъ до сихъ поръ едва осмѣливается даже и мечтать самое смѣлое воображеніе поэта. Даже еще въ наше время мы можемъ надѣяться быть свидѣтелями нѣкоторыхъ улучшеній,— но не своекорыстный умъ найдетъ себѣ высочайшее удовольствіе въ томъ убѣжденіи, что если не мы, то наши потомки поймутъ многія вещи, сокрытыя отъ насъ теперь; постигнутъ лучше прекрасный міръ, въ которомъ мы живемъ; избѣгнутъ многихъ страданій, которымъ мы подвержены; насладятся многими радостями, которыхъ мы еще не достойны и избѣгнутъ многихъ искушеній, которыя мы оплакиваемъ, но противустоять которымъ мы не въ состояніи».

Пока однако мы будемъ ожидать благихъ плодовъ отъ высокоразвитой науки и идеальнаго, всюду разлитаго просвѣщенія, къ величайшему сожалѣнію, нужда и бѣдность безъ сомнѣнія еще долго будутъ продолжать устраивать для человѣка свою собственную гигіену, свою своеобразную обстановку его жизни, исправить которую пока невозможно никакой современной наукой, потому что у послѣдней съ одной стороны не хватитъ силъ побороть надлежащимъ образомъ господствующіе и сильно въѣвшіеся въ человѣчество предразсудки, а съ другой дать этому человѣчеству столько матеріальныхъ средствъ, чтобы можно было побороться съ дѣйствительною нуждою его и бѣдностью. Въ самомъ дѣлѣ не дика-ли будетъ проповѣдь, напр., современнаго гигіениста, имѣющаго передъ собою тѣсную, дымную съ ледяными окнами юрту, обитатели которой едва имѣютъ чѣмъ прикрыть свою наготу, тогда какъ самъ этотъ гигіенистъ, разсказывающій, какъ хорошо, пріятно и здорово жить въ свѣтлой, теплой комнатѣ и одѣваться въ чистую, сообразную съ временемъ года одежду, не въ состояніи лично превратить эту проповѣдь въ реальное осуществленіе? Не будетъ-ли подобная проповѣдь звучать при указанныхъ условіяхъ насмѣшкой науки надъ невѣжествомъ, сытаго надъ голоднымъ, богатаго надъ бѣднымъ? Что-же однако пока дѣлать на этомъ распутіи, въ этомъ пріятномъ ожиданіи всякихъ земныхъ благъ отъ широко развитаго свѣта науки? Пока, мы полагаемъ,—обязанность современной науки могла и должна-бы состоять въ томъ, чтобы на ряду съ различными изысканіями къ благоустройству человѣческаго общества не пренебрегать между прочимъ собираніемъ такихъ скромныхъ данныхъ, которыя, напр., положены въ основаніе при нашемъ изслѣдованіи, и, какъ и въ нашемъ частномъ случаѣ, успѣть показать значеніе ихъ въ современномъ политико-экономическомъ, гигіеническомъ и антропологическомъ отношеніяхъ, возбуждать интересъ къ изученію ихъ, наглядно доказывая, что онѣ тѣсно связаны съ успѣхами нашего благосостоянія, нашего труда, культуры и нашей конкурренціи съ другими народами, потому что можетъ-же представиться и въ теперешнее время серьезная надобность испытанія нашихъ физическихъ и нравственныхъ силъ съ силами другихъ народовъ, причемъ конечно побѣдителями окажутся тѣ, чьи силы лучше сбережены, правильнѣе воспитывались и укрѣплялись. Наконецъ такого рода данныя могутъ оказать немалую и своевременную услугу филантропіи и администраціи. Такимъ образомъ наука путемъ скромнаго изученія жизни человѣка съ пеленокъ, выигрывая много сама по себѣ, въ то же время можетъ громадно помочь еще и на пути современнаго его развитія. А въ этомъ-то безъ сомнѣнія и состоитъ конечная цѣль всякой науки, поставленной на практическую ногу.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Попытки къ собиранію данныхъ для предлежащаго труда.—Помощь Комитета Антропологической выставки.—Моя программа.—Искаженія свѣдѣній о Россіи иностранцами.—Необходимость возстановленія истины путемъ собиранія точныхъ свѣдѣній отъ туземцевъ.—Особенная важность собиранія свѣдѣній объ инородцахъ.—Характеръ моихъ изслѣдованій.—Параллель обычаевъ физическаго воспитанія дѣтей въ Россіи и другихъ странахъ.—Недостатки моего труда.—Благодарность лицамъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ осуществленію моей работы . . . . . 1—5

Глава I. Заботы объ охранѣ и развитіи плода.

Передача особенностей вида потомству.—Интересъ этого вопроса.—Наблюденія изъ царства животныхъ.—Пангенезисъ Дарвина.—Приложеніе его въ практикѣ.—Положительныя знанія науки касательно законовъ наслѣдственности.—Отношенія мужчины и женщины въ дикомъ состояніи.—Рабство женщины въ бракѣ.—Кровосмѣсительные, ранніе и поздніе браки.—Жена, какъ собственность мужа.—Сожиганіе вдовъ.—Многоженство и наложничество.—Гинеикократія.—Поліандрія.—Слѣдствія изложеннаго.—Воззрѣнія на бракъ въ гражданскомъ быту у древнихъ народовъ.—Вліяніе христіанства.—Аскетизмъ первыхъ временъ христіанства.—Реформація.—Соціальный бытъ современныхъ народовъ.—Японскій поясъ для беременныхъ.—Отношенія къ женщинѣ древнихъ Славянъ.—Домострой.—Терема.—Русское законодательство относительно браковъ.—Отношеніе къ беременной въ старину и теперь въ Россіи.—Отношеніе къ беременной у инородцевъ Россіи.—Заключеніе главы . . . . . 6—25

Глава II. Плодоизгнаніе и дѣтоубійство.

Связь съ предыдущей главой.—Мотивы, поощряющіе плодоизгнаніе.—Произволъ дикаря въ первобытной семьѣ.—Суевѣрный страхъ къ уродамъ.—Нужда и тяжелое нравственное положеніе родителей, какъ причины дѣтоубійства.—Религія, законы и обычаи, дозволяющіе дѣтоубійство.—Принципъ дѣтоубійства въ Греціи, Римѣ и у древнихъ европейскихъ народовъ.—Христіанское милосердіе къ дѣтямъ.—Запрещеніе дѣтоубійства Магометомъ.—Факты дѣтоубійства въ наше время . . . . . 26—36

Глава III. Рожденіе и первая обстановка новорожденнаго.

Современная гигіена по отношенію къ родамъ.—Способы рожденія у нѣкоторыхъ дикихъ и полудикихъ народовъ.—Воззрѣнія на роженицу у нѣкоторыхъ древнихъ и современныхъ народовъ.—Вѣроятное объясненіе народныхъ понятій о нечистотѣ роженицы и новорожденнаго.—Участіе при родахъ повивальныхъ бабокъ.—Положеніе новорожденнаго.—Способы рожденія у русскихъ женщинъ.—Пріемы для ускоренія родовъ.—Роль бани при родахъ и послѣ нихъ.—Обычаи рожденія и отношенія къ новорожденному у различныхъ русскихъ инородцевъ.—Зависимость рожденія отъ окружающихъ условій . . . . . 37—55

Глава IV. Уходъ за пупкомъ.

Значеніе пуповины въ утробной жизни ребенка.—Отпаденіе ея.—Научныя основанія для перевязки и дальнѣйшаго ухода за пупкомъ.—Распространенность обычая перевязывать пуповину изъ глубокой древности до нашихъ дней.—Исключенія изъ этого правила.—Недостатокъ защиты пупка новорожденныхъ у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ.—Обычаи ухода за пупкомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи . . . . . 56—58

Глава V. Помѣщеніе дитяти въ семьѣ родителей.

Требованія современной гигіены.—Помѣщеніе дѣтей у большинства современныхъ культурныхъ людей различныхъ состояній и положеній.—Жилища и помѣщенія дѣтей у разныхъ дикихъ и полудикихъ народовъ.—Заключеніе главы . . . . . 59—70

Глава VI. Уходъ за кожей дѣтей у нѣкоторыхъ народовъ.

Физіологическое значеніе кожи.—Особенности ея племенныя и въ зависимости отъ образа жизни: цвѣтъ, запахъ и прочее.—Примѣры выносливости кожи нѣкоторыхъ номадовъ.—Параллельные примѣры изъ царства животныхъ.—Недостатокъ антропологическихъ наблюденій относительно особенностей кожи.—Разнообразіе способовъ въ

Стр.

уходѣ за кожей дѣтей.—Пренебреженіе внѣшнею чистотою тѣла.—Вытираніе и обертываніе тѣла дѣтей разными веществами.—Обсыпаніе изсушающими порошками.—Способы: Готтентотскій и Бурятскій.—Натираніе тѣла жирными веществами.—Посыпаніе и натираніе новорожденнаго солью.—Карбованіе. 70-78

Глава VII. Омовеніе дитяти.

Обычай омовенія дѣтей у большинства народовъ.—Необходимая осторожность при этомъ.—Омовеніе дѣтей у древнихъ и современныхъ европейскихъ народовъ.—Обычай омовенія дѣтей въ коренномъ русскомъ населеніи.—Пользованіе русскими банями въ старину и настоящее время.—Русскія печи.—Различные способы омовенія по мѣстностямъ.—Главнѣйшіе выводы изъ приведенныхъ свѣдѣній.—Обычаи омовенія дѣтей у инородцевъ Россіи.—Обычаи омовенія дѣтей у нѣкоторыхъ дикихъ иноземныхъ племенъ. . . . . 79—95

Глава VIII. Купанье и крещенье новорожденныхъ въ холодной водѣ.

Историческія и этнографическія данныя.—Закаливаніе тѣла дѣтей съ помощью холодной воды по совѣтамъ Локка, Ж. Ж. Руссо и др.—Обычаи крещенія дѣтей въ Римско-Католической и Грекo-Россійской Церквахъ.—Обычай сходный съ крещеніемъ въ Тибетѣ.—Научное объясненіе вреднаго вліянія холодной воды на новорожденныхъ. 96—102

Глава IX. Одежда.

Значеніе одежды вообще и въ частности для дѣтей. — Особенности дѣтской кожи и дѣтскаго организма.—Цѣлесообразность и удобство одежды.—Одежда дѣтей у древнихъ и современныхъ европейскихъ народовъ.—Вліяніе моды и предразсудковъ на одежду.—Одежда дѣтей нѣкоторыхъ дикихъ иноземныхъ племенъ 103-107

Глава X. Одежда русскихъ дѣтей.

Древне-русская одежда.—Одежда русскихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Одежда крестьянскихъ дѣтей въ современной Россіи.—Различіе ея по мѣстностямъ.—Выводы изъ приведенныхъ свѣдѣній.—Одежда дѣтей русскихъ инородцевъ.—Общее заключеніе объ одеждѣ дѣтей на основаніи приведенныхъ свѣдѣній. . . . . 108—132

Глава XI. Пеленаніе.

Цѣль пеленанія.—Древность этого обычая.—Пеленаніе у современныхъ народовъ.—Особенности пеленанія въ коренномъ русскомъ населеніи и у русскихъ инородцевъ. 132 139

Глава XII. Ровняніе и правленіе тѣла дитяти.

Древность обычая.—Примѣненіе его у современныхъ народовъ.—Практика его въ предѣлахъ Россіи среди кореннаго населенія и у русскихъ инородцевъ, особенно племенъ Кавказскихъ.—Вліяніе этого обычая на здоровье и формы тѣла дѣтей. . . . . 140—147

Глава XIII. Искусственное измѣненіе формы черепа.

Давность обычая.—Макрокефалы древнихъ.—Раскопки старинныхъ могилъ въ Европѣ и Америкѣ.—Деформація череповъ у современныхъ народовъ.—Пріемы для этого.—Слѣдствія.—Деформація череповъ въ предѣлахъ Россіи, особенно на Кавказѣ и частію въ Польшѣ, Бѣлоруссіи и Лапландіи 148-157

Глава XIV. Вліяніе укладыванія въ постели на деформацію затылка.

Обычаи укладыванія дѣтей въ постели у Ѳракійцевъ и Македонянъ, Нѣмцевъ и Бельгійцевъ XVI столѣтія и современныхъ азіатскихъ народовъ.—Формы затылка по даннымъ, собраннымъ въ краніологическомъ отдѣленіи Московскаго Университета.—Караимскіе дѣтскіе черепа.—Способы укладыванія дѣтей въ постели у современныхъ европейскихъ народовъ.—Формы затылка русскихъ череповъ, добытыхъ изъ кургановъ и могилъ VIII—XVIII столѣтій.—Формы затылка, пріобрѣтаемыя путемъ физіологическимъ, патологическимъ и подъ вліяніемъ расовыхъ наклонностей.—Выводы . . . . . 158—166

Глава XV. Колыбели разныхъ народовъ.

Понятіе о колыбеляхъ.—Народы неупотребляющіе ихъ.—Прототипы колыбелей.—Преобладаніе той или другой формы у разныхъ народовъ.—Своеобразныя формы колыбелей американскихъ индійцевъ.—Колыбели древнихъ Грековъ, Римлянъ, древнихъ и современныхъ Германцевъ.—Вредъ укачиванія.—Ухищренія нашего времени въ этомъ направленіи.—Дѣтскія кроватки во Франціи и Англіи . . . . . 167—174

Глава XVI. Русскія колыбели.

Воззрѣнія русскихъ на колыбель.—Древне-русская колыбель.—Современныя колыбели въ формѣ плящъ, деревянныхъ ящиковъ, коробовъ, корзинъ, корытъ и т. п.—Колыбельныя подстилки и оцѣнка ихъ.—Пологъ и вредъ его.—Приспособленія для качанія.—Грядки.—Полевыя колыбели.—Простонародныя воззрѣнія на качаніе.—Періодъ качанія. . . . . 175—184

Стр.

Глава XVII. Колыбели русскихъ инородцевъ.

Колыбели Зырянъ, Финновъ, Эстовъ, Лопарей, Поляковъ, Литовцевъ, Евреевъ, Черемисъ, Башкиръ.—Кавказскія колыбели, разнообразіе ихъ и оригинальность устройства.—Колыбели Ногаевъ, Сартовъ, Киргизовъ, Калмыковъ, Якутовъ, Бурятъ, Тунгусовъ, Ламутовъ, Сайотовъ, Остяковъ, Вогуловъ, Манягръ, Гольдовъ, Самоѣдовъ, Коряковъ, Камчадаловъ, Курильцевъ . . . . . 185—209

Глава XVIII. Способы укладыванія дѣтей въ постели, способы ношенія и передвиженія ихъ.

Разнообразіе способовъ укладыванія дѣтей.—Значеніе этихъ способовъ.—Зависимость ихъ отъ климата и образа жизни даннаго народа.—Нормальный способъ укладыванія.—Ношеніе дѣтей на рукахъ, спинѣ, шеѣ, въ мѣшкахъ, платкахъ, сѣтяхъ, кожахъ и другихъ приспособленіяхъ.—Ношеніе въ корзинахъ, прикрѣпленныхъ ко лбу.—Способы: Китайскій, Негритянскій, Готтентотскій и др.—Своеобразныя колыбели для ношенія дѣтей у разныхъ Американскихъ Индійцевъ.—Кукляны Эскимосскія, Камчадальскія, киримоны Японскіе.—Ношеніе верхомъ на бедрѣ,—верхомъ на плечахъ и пр. Способы ношенія дѣтей у древнихъ народовъ.—Передвиженіе дѣтей въ путешествіяхъ у нѣкоторыхъ дикихъ и полудикихъ народовъ . . . . . 209—230

Глава XIX. Материнскія потѣшки съ дѣтьми.

Происхожденіе ихъ.—Кудерцы.—Ручки.—Сова летитъ.—Лунь плыветъ.—Ладушки.—Сорока.—Дибки.—Поляши.—Тяни холсты.—Потягунюшки.—Пѣстушки.—Тютюшки.—Значеніе этихъ потѣшекъ для физическаго развитія дѣтскаго организма. . . . . 231—232

Глава XX. Пріученіе дѣтей къ сидѣнью и ползанью.

Первыя попытки ребенка къ вертикальному положенію туловища.—Обычай большинства народовъ и вспомогательные способы для пріученія дѣтей къ сидѣнью.—Дѣтскіе стулья Сѣвероамериканцевъ, Юконцевъ, Китайцевъ.—Каталка Межисье.—Дѣтскія повозочки.—Пріученіе дѣтей къ сидѣнью въ Россіи.—Сѣдухи.—Пріученіе дѣтей къ ползанью.—Наблюденіе Левингстона.—Время и способы пріученія дѣтей къ ползанью въ Россіи. . . . . 233—240

Глава XXI. Стояніе и ходьба.

Наступленіе времени для стоянія и ходьбы у дѣтей.—Приспособленія для пріученія къ этимъ актамъ въ Китаѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы.—Помочи.—Вліяніе на ростъ продолжительнаго стоянія.—Водильный нагрудникъ, ходячія и подходячія кресла, употреблявшіяся въ старину при воспитаніи русскихъ царевичей.—Способы пріученія дѣтей къ стоянію и ходьбѣ въ современной Россіи.—Стоюнки, ходульки; вліяніе ихъ на скелетъ дитяти.—Пріученіе дѣтей къ ходьбѣ у инородцевъ Россіи.—Дуплянки.—Туркестанскій станокъ.—Кавказскіе аппараты для ходьбы. . . . . 241—249

Глава XXII. Значеніе пищи для животнаго организма.

Вліяніе пищи на животный организмъ.—Главные принципы лучшаго питанія человѣка.—Контрасты научныхъ знаній и народныхъ воззрѣній . . . . . 249—253

Глава XXIII. Кормленіе дѣтей у древнихъ и современныхъ народовъ.

Обычаи кормленія дѣтей въ древнемъ Китаѣ, Египтѣ, Индіи.—Выборъ кормилицы, изслѣдованіе ея молока и діэта въ древней Индіи.—Обычаи кормленія въ древней Персіи, у Іудеевъ, въ древней Греціи.—Значеніе кормилицы въ древне-греческихъ семействахъ.—Обычаи кормленія у древнихъ Перуанцевъ, мексиканскихъ Ацтековъ, древнихъ Германцевъ.—Оригинальный выборъ кормилицы въ Японіи для новорожденнаго князя въ прошломъ столѣтіи.—Первоначальное продовольствіе дѣтей у разныхъ современныхъ народовъ.—Время перваго прикладыванія дѣтей къ соскамъ матери.—Передача ихъ для кормленія другимъ женщинамъ, бабушкамъ, рабынямъ и животнымъ.—Торговля женскимъ молокомъ въ Китаѣ и Персіи.—Заповѣди Магомета о кормленіи дѣтей грудью.—Искусственное кормленіе.—Время отнятія отъ груди и основанія для этого у разныхъ народовъ. . . . . 254—264

Глава XXIV. Кормленіе русскихъ дѣтей.

Кормленіе грудныхъ дѣтей въ старину, въ XVI—XVII столѣтіяхъ, и въ современной Россіи.—Значеніе и распространеніе соски.—Время перваго приложенія ребенка къ груди.—Срокъ кормленія ею.—Прикармливаніе посторонней пищей.—Сосульники.—Кормленіе рожкомъ и вредъ его.—Отнятіе отъ груди.—Заключеніе главы. . . . 265—274

Глава XXV. Кормленіе дѣтей русскихъ инородцевъ.

Обычаи кормленія дѣтей у Зырянъ, Лопарей, Финовъ, Эстовъ, Летовъ, Литовцевъ, Поляковъ, Евреевъ, Черемисъ, Вотяковъ, Пермяковъ, Татаръ, Грузинъ, Армянъ и другихъ племенъ Кавказскихъ.—Хамаръ-банаушъ, шпатъ и другіе суррогаты, употребляемые при кормленіи дѣтей на Кавказѣ.—Кормленіе дѣтей у Ногайцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ.—Сосаніе курдючнаго сала.—Кормленіе у Самоѣдовъ; сосаніе оленьяго мяса.—Кормленіе у Остяковъ, Бурятъ (лупша), Тунгусовъ (плевки слюны въ ротъ при кормленіи), Карагассовъ, Якутовъ, Ламутовъ (каша изъ оленьей крови), Камчадаловъ, Колошей, Коряковъ.—Заключеніе о питаніи дѣтей вообще. . . . . 274—286

Глава XXVI. Произвольныя измѣненія тѣла дѣтей у разныхъ народовъ.

Мотивы для этихъ измѣненій.—Испещренія.—Татуировка.—Измѣненія куафюры.—Выщипываніе волосъ на головѣ, бровей и т. д. Продыравливаніе носовой перегородки и ноздрей.—Придавливаніе и вытягиваніе носа.—Продыравливаніе губъ, щекъ и ушей.—Игрушка за дѣтей у Колошей.—Отвислость ушей у нѣкоторыхъ Азіатовъ.—Окраска, выдергиваніе и подпиливаніе зубовъ.—Кастрація, обрѣзаніе и другія операціи на половыхъ органахъ.—Измѣненія скелета съ помощью механическихъ насилій.—Дамскій корсетъ.—Халыкарцъ.—Исправленіе кривизны ногъ и намѣренное ихъ искривленіе.—Китайская ножка.—Ботинки съ высокими каблуками.—Отрѣзываніе мизинца.—Заключеніе . . . . . 287—302

Глава XXVII. Игрушки, игры и забавы дѣтей.

Значеніе игрушекъ для дитяти.—Необходимость ихъ изобрѣтенія.—Повторяемость у разныхъ народовъ.—Игрушки крестьянскихъ дѣтей въ Россіи.—Значеніе игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья.—Игры въ древней Греціи, въ древнемъ Римѣ, въ Европѣ въ первыя времена Христіанства и въ средніе вѣка. Игры на Востокѣ, въ современной Европѣ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.—Современныя русскія игры и забавы дѣтей . . . . . 303—324

Глава XXVIII. Лѣченіе дѣтскихъ болѣзней у разныхъ народовъ.

Суевѣріе и предразсудки.—Врачеваніе дѣтей у древнихъ Индусовъ, Персовъ, Иранцевъ.—Употребленіе опія, слабительныхъ и рвотныхъ въ дѣтской практикѣ на Востокѣ.—Народное пользованіе дѣтей въ Германіи, Англіи, Швейцаріи, Далмаціи и у нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ народовъ.—Народное лѣченіе дѣтскихъ болѣзней въ коренномъ населеніи Россіи и у русскихъ инородцевъ.—Оригинальное лѣченіе оспы и другихъ заразныхъ болѣзней у Калмыковъ, Киргизовъ и нѣкоторыхъ племенъ Кавказскихъ.—Наивная патологія и терапія дѣтскихъ болѣзней у Эстовъ. . . . . 325—341

Глава XXIX. Заботы о тѣлесномъ развитіи и укрѣпленіи дѣтей у разныхъ народовъ.

Предохраненіе новорожденнаго отъ колдовства.—Первыя стремленія къ положительному, физическому воспитанію дѣтей у разныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ.—Система отчужденія воспитывающихся дѣтей отъ семьи и общества.—Методы воспитанія, согласныя съ особенностями жизни дикарей и нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ.—Принципы воспитанія народовъ древней цивилизаціи.—Вліяніе христіанства.—Аскетизмъ первыхъ вѣковъ.—Времена крестовыхъ походовъ, рыцарство, возрожденіе, реформація.—Пріемы и способы современнаго воспитанія.—Заключеніе главы. . . . . 342—360

Глава XXX. Участіе животныхъ въ воспитаніи дѣтей человѣка.

Разсказы о вскармливаніи дѣтей козами.—Дѣти, воспитанныя собаками, волками, медвѣдями, обезьянами и т. д. 360—363

Глава XXXI. Физическое воспитаніе крестьянскихъ дѣтей въ Россіи и результаты его.

Краткое повтореніе существенныхъ фактовъ, изложенныхъ выше, и дополненія къ нимъ.—Привольная жизнь русскихъ дѣтей на лонѣ природы.—Слѣдствія этой жизни.—Параллель физической выносливости древнихъ Славянъ, великоруссовъ XVI—XVII столѣтій и современныхъ русскихъ крестьянъ.—Заключеніе главы . . . . . 364—371

Глава XXXII. Заключеніе.

Всеобщее пренебреженіе физическимъ воспитаніемъ дѣтей.—Наибольшій вредъ такого воспитанія для дикарей и наименьшій для цивилизованныхъ народовъ.—Фактическія разъясненія только что сказаннаго.—Злѣйшіе враги современной цивилизаціи.—Переходное состояніе послѣдней.—Спасительный выходъ изъ этого положенія.—Скромная роль современной науки. . . . . 372—379

2007042242